

6137-2/16,
0-45

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДА

6-32-20
0-25

ОСНОВЫ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XIX
ВЕКА

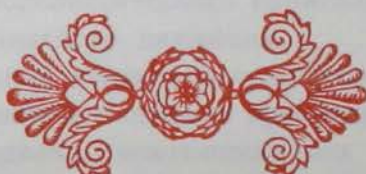

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА

ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XIX
ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 5 7

ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЕДИЦИНА

ТОМ ВТОРОЙ

РЕДАКЦИЯ:

В. М. КОЧАКОВ (отв. редактор),

С. С. ВОЛК, Н. В. КИРЯКОВ, Ш. М. ЛЕВИН

МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй том «Очерков истории Ленинграда» посвящен развитию города в период домонополистического капитализма, в период разночинно-демократического освободительного движения.

Начало капиталистической общественно-экономической формации в России с полным основанием связывается с отменой крепостного права. Освещение капиталистического периода, однако, невозможно без рассмотрения ближайшей предистории крестьянской реформы 1861 г. Последнее особенно важно потому, что примерно с середины 50-х годов происходит назревание революционной ситуации, достигшей в 1861 г. своего кульминационного пункта; вторая половина 50-х годов вместе с тем является временем оформления революционно-демократического лагеря в России и окончательного перехода от дворянского к разночинскому этапу в русском революционном движении.

Конечной хронологической гранью принята для настоящего тома середина 90-х годов, когда вполне завершается разночинский этап освободительного движения и определяется переход к следующему, высшему этапу — пролетарскому. К 90-м годам примерно относится складывание предпосылок для перехода от домонополистического к монополистическому капитализму в России.

Весь материал второго тома «Очерков истории Ленинграда» сгруппирован в пять разделов.

Первый раздел посвящен краткой характеристике условий перехода от крепостничества к капитализму, а также общественному движению и основным идейным течениям времени кануна крестьянской реформы.

Во втором разделе освещаются развитие капиталистической промышленности в Петербурге, рост торговли, транспорта, кредита; здесь же дана характеристика состава населения пореформенного Петербурга, причем особо выделен важный вопрос о формировании, положении, условиях быта столичного пролетариата.

В третьем разделе показана роль Петербурга в качестве важнейшего центра общественно-политической борьбы и революционного движения как в 60—70-х годах (период деятельности революционных просветителей, затем революционных народников, первые шаги революционного рабочего движения), так и в 80-х и начале 90-х годов (начальный этап русского марксизма).

Раздел четвертый показывает Петербург как крупнейший — мирового значения — центр развития культуры. Отдельные главы посвящены литературной, театральной, музыкальной, художественной жизни города, а также вопросам научной жизни, школы и просвещения.

Последний, пятый раздел книги посвящен городскому управлению и городскому хозяйству, строительству и архитектуре города.

История Ленинграда на всем ее протяжении составляет, разумеется, органическую составную часть истории нашей родины в целом. Изучение истории пореформенного Петербурга, являющейся предметом настоящего тома, немыслимо в отрыве от общей истории России. Та или иная доля общерусского исторического материала является неизбежной в нашем издании. Соблюдение необходимой пропорции между общим и специально петербургским материалом (составляющим главную тему издания) было одной из существенных забот авторского коллектива.

Научно-техническая подготовка тома выполнена сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР Т. М. Новожиловой, З. Н. Савельевой и З. А. Хрицевой. Указатели составлены И. В. Валкиной, А. Р. Дзенискевичем, Ю. А. Лимоновым.

В подборе иллюстративного материала участвовали В. К. Макаров и Е. М. Тепер.

КАНУН РЕФОРМЫ

Первый раздел посвящен краткой характеристике условий перехода от крепостничества к капитализму, а также общественному движению и основным идейным течениям времени кануна крестьянской реформы.

Во втором разделе освещаются развитие капиталистической промышленности в Петербурге, рост торговли, транспорта, кредита; здесь же дана характеристика состава населения пореформенного Петербурга, причем особо выделен важный вопрос о формировании, положении, условиях быта столичного пролетариата.

В третьем разделе показана роль Петербурга в качестве важнейшего центра общественно-политической борьбы и революционного движения как в 60—70-х годах (период деятельности революционных просветителей, затем революционных народников, первые шаги революционного рабочего движения), так и в 80-х и начале 90-х годов (начальный этап русского марксизма).

Раздел четвертый показывает Петербург как крупнейший — мирового значения — центр развития культуры. Отдельные главы посвящены литературной, театральной, музыкальной, художественной жизни города, а также вопросам научной жизни, школы и просвещения.

Последний, пятый раздел книги посвящен городскому управлению и городскому хозяйству, строительству и архитектуре города.

История Ленинграда на всем ее протяжении составляет, разумеется, органическую составную часть истории нашей родины в целом. Изучение истории пореформенного Петербурга, являющейся предметом настоящего тома, немыслимо в отрыве от общей истории России. Та или иная доля общерусского исторического материала является неизбежной в нашем издании. Соблюдение необходимой пропорции между общим и специально петербургским материалом (составляющим главную тему издания) было одной из существенных забот авторского коллектива.

Научно-техническая подготовка тома выполнена сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР Т. М. Новожиловой, З. Н. Савельевой и З. А. Хрящевой. Указатели составлены И. В. Валкиной, А. Р. Дзенискевичем, Ю. А. Лимоновым.

В подборе иллюстративного материала участвовали В. К. Макаров и Е. М. Тепер.

КАНУН РЕФОРМЫ

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Second paragraph of faint, illegible text.

Third paragraph of faint, illegible text.

REVUE DE LA BIBLIOTHÈQUE

Text block following the section header, containing faint, illegible content.

Text block following the section header, containing faint, illegible content.

Text block following the section header, containing faint, illegible content.

Text block following the section header, containing faint, illegible content.

Text block following the section header, containing faint, illegible content.

Text block following the section header, containing faint, illegible content.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Тринадцатого августа семнадцатого года, то есть в тринадцатом году восьмидесяти шестого, открывается новый этап в истории России. Наступление этого этапа связано с теми переменами, которые внесла в жизнь страны отмена крепостного права. Характеризуя крестьянскую реформу 1861 г., В. И. Ленин указывал, что она знаменовала собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи.

Основной причиной, которая заставила самодержавно-помещичье правительство отменить крепостное право и открыть тем самым дорогу для развития в стране буржуазных отношений, была сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма.

Разложение крепостного хозяйства в предреформенной России, а вместе с тем и формирование капиталистического уклада, — что является лишь оборотной стороной того же процесса, — происходило под влиянием все усиливавшегося развития товарного производства и товарно-денежных отношений, под влиянием роста внутреннего и внешнего рынков.

Процесс формирования капиталистического уклада и связанного с этим разложения феодализма имел в разных странах свои особенности, происходил в разное время и не с одинаковой степенью интенсивности, но существование этого процесса было всюду одинаково и состояло в превращении простого товарного производства в капиталистическое, при котором на рынок поступает как товар не только продукт труда, но и рабочая сила. В России, которая значительно отста-

вала в своем экономическом развитии от ряда крупнейших стран Европы, процесс перехода от простого товарного производства к капиталистическому начал проявляться лишь во второй половине XVIII и особенно в первой половине XIX в. Завершился же он лишь после реформы 1861 г.

На протяжении первой половины XIX в. в связи со значительным расширением внутреннего рынка происходил усиленный процесс разложения крепостного хозяйства. Рост спроса на сельскохозяйственные продукты, связанный с ростом промышленности и неземледельческого населения внутри страны, а также с расширением внешней торговли, приводил к интенсивному развитию товарного производства в земледелии. С другой стороны, повышался спрос помещиков на промышленные изделия. Уже в первые десятилетия XIX в. натуральное в своей основе крепостное помещичье хозяйство, приспособляясь к новым рыночным условиям, все более втягивалось в товарно-денежные отношения, все чаще выступало на рынке в качестве продавца и покупателя. В. И. Ленин указывал, что «производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима».¹

Приспособление помещичьего хозяйства к новым экономическим условиям происходило на основе уже сложившихся форм организации производства, на основе старых форм эксплуатации крестьянства. Попытки организации сельского хозяйства на новых, «рациональных» основаниях, предпринимавшиеся некоторой частью помещиков с целью повышения доходности своих имений, терпели крах, так как наличие дарового подневольного труда, отсутствие у помещиков необходимых капиталов и навыков препятствовали введению усовершенствованных сельскохозяйственных машин и передовой агротехники. Стремясь увеличить товарность своих хозяйств, помещики шли по линии максимального усиления эксплуатации крепостных крестьян, достигавшегося путем увеличения барщины и оброка. Однако увеличение барщины и оброка неизбежно вело к деградации и разложению крепостного сельского хозяйства.

Чрезмерное усиление барщинной эксплуатации, при неизбежном сохранении низкой рутинной техники, вело к истощению земель, отведенных под барскую запашку, и разоряло крестьянское хозяйство. Крестьяне, лишившиеся средств производства и необходимого минимума земли, становились неспособными к отбыванию барщинных повинностей и переводились либо в «затяглые» (т. е. освобождались от тягла, от обязанности работать на барщине), либо на месячину. Этим самым подрывались самые основы барщинного хозяйства, так как при этой системе эксплуатации крепостной крестьянин обязательно должен быть наделен землей и средствами производства. Крепостное барщинное хозяйство вследствие массового разорения крестьян зашло в середине XIX в. в тупик.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 158.

Не менее ярко разложение феодально-крепостнической системы сказывалось и в оброчном хозяйстве. При оброчной системе эксплуатации, так же как и при барщинной, помещик стремился отнять от крестьянского хозяйства не только прибавочный продукт, но и значительную долю необходимого продукта, оставляя для крестьян лишь голодный прожиточный минимум. Постоянное возрастание оброка, так же как и увеличение барщины, приводило к разорению крестьян, к упадку их и без того незначительного земледельческого хозяйства и к систематическому росту недоимок, вследствие чего доходы помещиков неизбежно сокращались. С другой стороны, помещик, переводя своих крестьян на оброк, являвшийся главным источником его дохода, был мало заинтересован в поднятии производительности своего хозяйства, которое быстро деградировало либо ликвидировалось вовсе.

Таким образом, в течение первой половины XIX в. сельское хозяйство, покоившееся на крепостнической основе, оказалось неспособным к какому-либо прогрессивному развитию. Больше того, усиление крепостнической эксплуатации крестьян неизбежно вело к упадку не только крестьянского, но и помещичьего хозяйства. Об этом свидетельствует тот факт, что к середине 50-х годов большинство помещичьих имений центральной России было заложено. По отдельным губерниям количество заложённых имений достигало в 1856 г. 80—90%.¹

Господство крепостнических отношений сковывало развитие производительных сил сельского хозяйства. Производительность крепостного земледелия с характерным для него низким уровнем агротехники на протяжении всей первой половины XIX в. была почти неизменной, остановившись на крайне низкой урожайности сам 3,5 (около 30—35 пудов на десятину).² Часто повторялись сильные и повсеместные неурожаи, как это было в 1820—1821, 1832—1834, 1839, 1843—1845 и 1850—1851 гг., когда голод охватил десятки губерний.

В недрах крепостничества в первой половине XIX в. (и даже раньше) происходило складывание новых, капиталистических форм хозяйства, за счет роста которых и осуществлялся в основном экономический прогресс. В земледелии развитие буржуазных отношений было крайне затруднено, и здесь хозяйства капиталистического типа получили до реформы сколько-нибудь значительное распространение лишь на юге России, где было мало крепостного населения и где близость к черноморским портам облегчала сбыт сельскохозяйственных продуктов. В центральных губерниях России, а также и в ряде других районов развитие буржуазных отношений в сельском хозяйстве выразилось в расслоении крестьянства, в выделении из основной массы обнищавших крестьян известного числа богатеев, заводивших более или менее крупные земледельческие хозяйства, в кото-

¹ Банковские долги и положение губерний в 1856 г. Журнал Мин. внутр. дел, 1860, № 2, стр. 233.

² П. И. Ляцкий. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1950, стр. 517.

рых применялся наемный труд беднейших крестьян, а иногда и крепостной труд. Развитие капитализма в сельском хозяйстве выражалось также во все углублявшейся специализации сельскохозяйственных районов, в росте производства технических культур и т. п.

Гораздо более интенсивно складывание буржуазных отношений происходило в области обрабатывающей промышленности, которая в течение первой половины XIX в., в отличие от земледелия, достигла заметных успехов. В 1804 г. в России насчитывалось около 1200 сравнительно крупных промышленных предприятий (мануфактур) с числом рабочих около 225 тыс. человек. К концу 50-х годов в России было уже 2818 мануфактур и фабрик, на которых было занято 859 950 рабочих.¹

Развитие промышленности происходило почти исключительно на основе применения вольнонаемного труда. В 1804 г. в крупной промышленности наблюдалось еще значительное преобладание крепостного труда, который составлял 72,5%. К концу дореформенного периода, в 1860 г., из 859 950 рабочих, занятых в промышленности, вольнонаемные составляли 528 650 человек, или 61,4%.²

Наиболее успешно в первой половине XIX в. развивалась молодая хлопчатобумажная промышленность, к 30-м годам вышедшая по числу занятых в ней рабочих на первое место. Численность рабочих в хлопчатобумажной промышленности увеличилась с 1804 по 1860 г. с 8 тыс. до 152 тыс. человек, т. е. возросла в 19 раз.³ Основанные почти целиком на вольнонаемном труде и работавшие на массовый внутренний рынок, хлопчатобумажные мануфактуры раньше других стали применять машины, перерастая тем самым в капиталистические фабрики.

Наряду с широким применением в промышленности вольнонаемного труда и в связи с этим происходит все более широкое применение в различных отраслях производства машин. Следует, однако, учитывать, что к концу дореформенного периода процесс складывания крупного машинизированного производства только еще начинался. В обрабатывающей промышленности господствовало мелкое кустарное производство, не говоря уже о сельском хозяйстве.

Крупное промышленное производство в основном было сосредоточено в нескольких центрах. На первом месте по количеству фабрик и заводов и по числу занятых на них рабочих стояла Московская губ., за нею шла Владимирская, затем Петербургская и др. Старым центром крепостнической металлургической промышленности был Урал. По темпам промышленного развития Петербургская губ. в первой половине XIX в. опережала Московскую и Владимирскую.

¹ М. Злотников. От мануфактуры к фабрике. Вопросы истории, 1946, № 11—12, стр. 36—37, 39.

² Там же, стр. 39.

³ П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. Госполитиздат, 1950, стр. 31.

Петербург уже в первой половине XIX в. являлся одним из главных промышленных центров страны. В начале XIX в. в нем насчитывалось свыше 100 (110—115) мануфактур. На протяжении первой половины XIX в. число крупных предприятий столицы значительно увеличилось. Господствующей отраслью промышленности Петербурга являлась текстильная и прежде всего хлопчатобумажная промышленность. Особенного развития к концу дореформенного периода достигло бумагопрядильное производство, которое по степени концентрации рабочей силы и по насыщенности механическими двигателями занимало первое место. Значительных успехов в первой половине XIX в. добилась металлообрабатывающая промышленность, начавшая особенно быстро развиваться в 40—50-х годах. Широкое развитие получили также отрасли легкой промышленности, как сахарное, кожевенное, табачное производства и т. д. В организации крупной промышленности столицы сохранялись еще сильные пережитки крепостнических отношений, хотя подавляющее число фабрик, за исключением казенных предприятий, применяло вольнонаемный труд. В наиболее чистом виде капиталистические отношения выступали на крупных фабриках, особенно на больших бумагопрядильных предприятиях, создававшихся главным образом в 40—50-х годах. Наряду с промышленностью фабрично-заводского типа в Петербурге существовало громадное количество мелких ремесленных предприятий. Число ремесленников значительно превосходило число фабрично-заводских рабочих.

Господство в стране феодально-крепостнических отношений крайне тормозило развитие промышленности. Тем не менее новые экономические процессы были так сильны, что с неизбежностью пробивались сквозь толщу крепостнических отношений. В частности, это нашло свое выражение в значительном повышении процента городского населения, в быстром росте промышленного населения, проживавшего в деревнях, в выделении из старых феодальных сословий (крестьянства, мещанства и т. д.) новых классов капиталистического общества. Например, только за период с 1812 до 1851 г. процент городского населения в стране вырос с 4,4 до 7,8, т. е. примерно в $1\frac{3}{4}$ раза. Значительный рост городского населения свидетельствовал о все углубляющемся общественном разделении труда в стране. Самым крупным городским центром в России являлся Петербург.

С ростом городского и вообще промышленного населения, со все углубляющимся общественным разделением труда связано было значительное развитие в первой половине XIX в. внутренней торговли. Неуклонно возрастал спрос на внутреннем рынке на сельскохозяйственное сырье для промышленности, на хлеб и другие продукты питания. В то же время возрастал спрос на промышленные изделия со стороны городского и земледельческого населения. Хозяйственная специализация районов, наметившаяся еще раньше, в первой половине XIX в. обозначалась все более отчетливо. Печерноземные центральные и северные губернии специализировались преимущественно на производстве промышленных товаров, тогда как в центральных черноземных, южных и западных губерниях разви-

валось главным образом земледелие и скотоводство. Между промышленным севером и сельскохозяйственным югом велась оживленная торговля.

Внешняя торговля играла меньшую роль по сравнению с внутренней, составляя в первой четверти XIX в. немногим более 20% общего торгового оборота России. Однако на протяжении первой половины XIX в. внешнеторговые обороты России неуклонно увеличивались, играя важную роль в хозяйственном развитии страны. Общий оборот внешней торговли России с 1801 по 1860 г. вырос почти в 3 1/2 раза.¹ В этот период наиболее развитые в промышленном отношении страны Западной Европы становятся крупными потребителями русского хлеба и сельскохозяйственного сырья. За отсталой Россией, все более втягивавшейся в систему мирового рынка, закрепились роль экспортера сельскохозяйственных товаров.

Рост внутреннего и внешнего товарооборота ускорялся начавшимся со второй четверти XIX в. развитием парового транспорта, водного и железнодорожного. К 1861 г. в России было введено в эксплуатацию 1500 верст железнодорожных путей, на главнейших реках было организовано пароходное сообщение. Одновременно проводилось строительство новых каналов. Все это способствовало втягиванию в рыночный оборот отсталых районов страны и ускорило разрушение натуральнохозяйственной основы феодально-крепостного строя.

Но господство крепостнических отношений замедляло рост городского населения, развитие рыночных связей, строительство усовершенствованных путей сообщения. Удельный вес городского населения в России, даже в середине XIX в., был крайне невелик, составляя, как указано, в 1851 г. 7,8%, тогда как, например, в Англии в это время в городах жило 50% населения. По количеству железнодорожных путей Россия также чрезвычайно отстала от Англии, Германии и Франции. Англия, например, к 1860 г. имела 15 тыс. верст железнодорожных путей, Германия — 10 тыс. верст и т. д.²

Таким образом, господство на протяжении первой половины XIX в. феодально-крепостнических отношений являлось преградой для того быстрого развития производительных сил, которое было характерно для ряда крупнейших стран Европы в эпоху поднимающегося капитализма. Весь ход экономического развития толкал к необходимости ликвидации крепостного права, которое, задерживая промышленный прогресс России и ведя ко все большему отставанию ее от капиталистически развитых стран Западной Европы, подрывало вместе с тем самые основы существования государства.

Непосредственным толчком, который заставил самодержавное правительство поставить вопрос о необходимости ликвидации крепостного права, послужили неудачная для паризма Крымская война и вызванное ею резкое обострение классовой борьбы в стране.

¹ П. А. Хромов, ук. соч., стр. 94.

² П. И. Ляшенко, ук. соч., стр. 485.

Крымская война обнаружила всю несостоятельность крепостнического режима, упорно охранявшегося царизмом с помощью военно-полицейских мероприятий. К столкновению с хорошо вооруженными буржуазными армиями Россия оказалась неподготовленной и в экономическом, и в военном отношении.

Поражение царизма в Крымской войне явилось ярким свидетельством краха всей системы крепостничества. Это стало ясно даже для значительной части господствующего помещичьего класса. «Царизм, — писал Энгельс, — потерял жалкое крушение... Он скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление».¹ Крымская война, показавшая, по словам Ленина, «гнилость и бессилие крепостной России»² и вызвавшая подъем крестьянского движения, окончательно вынудила царское правительство встать на путь отмены крепостного права.

С середины 50-х годов наблюдается заметный перелом в развитии торговой и промышленной деятельности. Новые капиталистические формы хозяйства, развитие которых сдерживалось 30-летней крепостнической диктатурой правительства Николая I, после неудачной Крымской войны получили как бы некоторые права гражданства. Сами правящие круги, исходя хотя бы из внешнеполитических соображений, не могли не осознать необходимости перевооружения армии и флота, скорейшего создания разветвленной сети железных дорог и, следовательно, развития промышленности. Оживление торгово-промышленной деятельности во второй половине 50-х годов, подготовленное всем ходом предшествующего экономического развития, выразилось в резком увеличении внешнеторговых оборотов, в усиленном ввозе машинного оборудования для промышленности, в интенсивном, преимущественно промышленном и транспортном учреждении. Если за период с 1799 по 1855 г. было основано всего 33 акционерных компании, то в 1856 г. их было основано 6, в 1857 г. — 14, в 1858 г. — 39, в 1859 г. — 20, а всего за 1856—1859 гг. — 79.³ Капитал компаний, созданных только за два года (1857—1858), составлял 358 115 тыс. руб. Главная масса этих капиталов направлялась на железнодорожное строительство, на втором месте по количеству вложенных капиталов стояла торговля, затем шла текстильная промышленность, судоходство и т. д.⁴

Правда, уже в 1859 г. учрежденчество вследствие разразившегося кризиса несколько снижается, в 1860 г. оно сокращается еще более. Бодрый, оптимистический тон либеральной экономической печати сменяется унынием. В одном из обозрений, помещенных в «Вестнике промышленности» в начале 1860 г., говорилось: «Скучно начинать наши обозрения постоянно одним и тем же: у нас все

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. XVI, ч. 2, стр. 29.

² В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 17, стр. 95.

³ Указатель экономический, 1860, вып. 4, № 160, стр. 61.

⁴ Отечественные записки, 1859, № 1, стр. 231.

продолжается безденежье, торговля идет плохо, фабрики работают тихо, и то все более в надежде на будущие блага, и то потому, что нет возможности закрыть их зимой, когда рабочие законтрактованы до поздней весны.¹ Наступивший период обозреватель характеризовал как время «всеобщего денежного и торгового застоя».

Несмотря на колебания конъюнктуры, новые явления в экономической жизни России, произошедшие во второй половине 50-х годов, с полной очевидностью свидетельствовали о быстром втягивании России на путь капитализма, что с еще большей силой ставило вопрос о необходимости отмены крепостного права.

Обострение кризиса феодальной системы хозяйства накануне реформы нашло свое выражение в резком ухудшении положения угнетенных классов и в усилении крестьянских волнений.

Крепостническая эксплуатация, которая непрерывно возрастала на протяжении предшествующих десятилетий в связи с разложением крепостного хозяйства, в 50-х годах достигла чудовищных размеров. В связи с мероприятиями правительства по подготовке крестьянской реформы помещики, стремясь сохранить за собой максимум земли, широко практикуют массовый сгон крестьян с отведенных им земель, переселяя их на неудобные, зачастую отдаленные земли или продавая их без земли другим помещикам. Наряду с этим резко увеличиваются оброк и разного рода натуральные повинности, лежащие на крестьянах. Помещики, по выражению одного из губернаторов, смотрели на крепостное право «как на последний срок, данный им для бесчеловечного вымогательства из крестьян», и доводили последних до полного разорения и нищеты. Значительную роль в обострении нужды и бедствий крестьянства сыграла Крымская война, вырвавшая из деревни большое количество взрослого мужского населения и приведшая к возрастанию налогового бремени.

Все это привело к крайнему обострению противоречий отживающего крепостного строя и к резкому усилению крестьянского движения. Крымская война положила начало общественному оживлению, перешедшему к концу 50-х годов в революционную ситуацию. Если за предшествующее десятилетие в среднем на каждый год приходилось около 35 крестьянских волнений, то за последние 6 лет существования крепостного права (1855—1860) было зарегистрировано 474 волнения, т. е. в среднем 79 в год.²

Еще в ходе войны, в 1854 и 1855 гг., в ряде губерний произошли крупные волнения крестьянства в связи с набором ополченцев. Участием в войне крестьяне рассчитывали купить себе свободу и массами шли записываться в ополчение. Эти

¹ Обзорные промышленности и торговли в России. Вестник промышленности, 1860, № 2, отд. 1, стр. 97.

² И. Игнатович. Помещики крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 331—332.

Н. Г. Чернышевский, Фотография. 1859 г.

движения были подавлены с помощью военной силы. В 1856 г. произошло массовое движение крестьянства в южных, главным образом в Екатеринославской и Херсонской, губерниях. Крестьяне целыми селениями свивались с места и большими толпами направлялись в Крым, ожидая, на основании слухов, найти там волю. Это движение правительству удалось ликвидировать лишь к концу 1856 г., стянув крупные военные силы.

Крестьянское движение во время Крымской войны произвело на правительство большое впечатление и заставило его поторопиться с проведением реформы. В конце 1857 г. правительство окончательно решило приступить к отмене крепостного права, что нашло свое выражение в известных царских рескриптах и в образовании губернских дворянских комитетов для разработки проектов «освобождения» крепостных крестьян. Вопреки утверждениям либерально-буржуазных историков, эти правительственные акты не приостановили крестьянского движения. Напротив, годы непосредственной подготовки отмены крепостного права были ознаменованы обострением классовой борьбы и в городе и в самой деревне.

Видное место в развитии массового народного движения в дореформенной России наряду с волнениями помещичьих, государственных и удельных крестьян занимали волнения рабочих. Правда, и по форме и по своему содержанию волнения рабочих были близки к волнениям крестьян. Они носили еще характер стихийных и разрозненных выступлений, направленных в основном против крепостнической эксплуатации и крепостнических порядков на предприятиях. Такой характер рабочих выступлений был обусловлен общими особенностями эпохи. Энгельс отмечал, что в периоды, когда капиталистическое производство, а следовательно, и буржуазные противоречия развиты слабо, пролетариат еще не выделяется из общей массы трудящейся бедноты и не способен к самостоятельному политическому действию.¹

Однако, несмотря на это, волнения рабочих крепостного периода нельзя рассматривать только как одно из проявлений крестьянской борьбы. В выступлениях рабочих наряду с общими чертами, объединявшими их с крестьянским движением, содержались и специфические черты рабочей освободительной борьбы, которые существовали пока в зародышевом состоянии, но от десятилетия к десятилетию проявлялись все яснее. Борьба рабочих, как правило, отличалась большей, по сравнению с крестьянством, стойкостью и сплоченностью. В связи с развитием капитализма росли противоречия между рабочими и буржуазией, что выражалось в росте выступлений рабочих с экономическими требованиями (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, ликвидация незаконных штрафов и вычетов и т. п.), определявшимися специфическими условиями труда в промышленности. В ряде случаев рабочие применяли такую специфически пролетарскую форму борьбы, как забастовка.

¹ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1952 г.

Все сказанное с несомненностью свидетельствует, что уже в крепостной России начался процесс формирования промышленного пролетариата и создавались условия для развития его самостоятельной классовой борьбы в дальнейшем.

На протяжении всей первой половины XIX в. происходили волнения посессионных рабочих. Крупные волнения последних имели место на горных заводах Урала, а также на предприятиях металлообрабатывающей, полотняной, суконной, писчебумажной и стеклянной промышленности, разбросанных в различных губерниях центральной России. Особенно массовый характер волнения посессионных рабочих приобрели в 30—50-х годах XIX в. в связи с общим кризисом посессионной мануфактуры.

Частыми явлениями в первой половине XIX в. были также волнения крепостных рабочих на вотчинных мануфактурах, крепостных и вольнонаемных рабочих на золотых приисках Сибири и Урала, вызывавшиеся невыносимо тяжелыми условиями труда. В 40—50-х годах отмечены многочисленные волнения вольнонаемных рабочих, занятых на строительствах железных дорог (Московско-Петербургской, Петербургско-Варшавской, Волжско-Донской), каналов и т. п.

Волнения рабочих происходили и в Петербурге, являвшемся одним из крупнейших промышленных центров страны.¹

Сравнительно крупной забастовкой рабочих в предреформенном Петербурге была забастовка на бумагопрядильной фабрике барона Штиглица в январе—феврале 1850 г. В ней участвовало около 700 рабочих, которые, несмотря на репрессии, соглашались приступить к работе лишь при условии повышения заработной платы, отмены штрафов и освобождения арестованных еще в начале забастовки товарищей. Забастовка продолжалась более двух недель и была подавлена. «Зачинщики» были наказаны розгами в присутствии других рабочих и высланы по месту своего рождения под строгий надзор полиции.

Принимавшие все более массовый характер волнения крепостных и вольнонаемных рабочих в последние годы перед реформой стали уже заметным фактором в народной борьбе против существующего строя и, усиливая страх господствующих классов перед нарастающей угрозой революции, способствовали ускорению ликвидации крепостного права.

* * *

Отмена крепостного права готовилась и проводилась в сложной исторической обстановке, в условиях резкого обострения классовой борьбы, большого общественного возбуждения. В. И. Ленин определил внутреннее положение России в период крестьянской реформы как революционную ситуацию.

¹ Ряд таких волнений описан в первом томе «Очерков истории Ленинграда».

Ленин указывал три главных признака, обыкновенно характерные для революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению».¹

Для возникновения из революционной ситуации революции к указанным объективным условиям, по учению Ленина, должно присоединиться субъективное: способность революционного класса путем сильных массовых действий сломить или хотя бы надломить старое правительство. Этого условия не было налицо в России 50—60-х годов, когда дело ограничилось (поскольку идет речь о массовом движении) раздробленными и стихийными крестьянскими «бунтами», сравнительно легко подавлявшимися.

Революционная ситуация не привела тогда в России к революции. Тем не менее она имела огромное значение. Россия действительно переживала более или менее «бурные» времена. Выяснилось со всей определенностью нежелание «низов» жить по-старому; выяснилась и невозможность для «верхов» сохранить в прежнем виде свое господство. В условиях кризиса, в обстановке обострения нужды и бедствий трудящихся масс активность их значительно повысилась. И если все-таки само крестьянство, угнетенное и забитое, оказалось пока способным только на раздробленные восстания или «бунты», не освещенные, как отмечал потом Ленин, политическим сознанием, то стоявшие на стороне крестьянства революционеры, во главе с Чернышевским, уже смело выступили с идеей к р е с т ь я н с к о й р е в о л ю ц и и, с идеей борьбы масс за свержение всех старых властей.

Революционная ситуация обнажила социально-экономические и политические позиции важнейших общественных, классовых сил в стране.

Революционная ситуация вынудила царизм и помещиков пойти на уступки. Она создала уже не обрывавшуюся в дальнейшем традицию революционной борьбы. В годы революционной ситуации были сделаны серьезные попытки сплочения, организации революционных элементов, сформулированы важнейшие основы политической платформы русской демократии, служившие знаменем ее борьбы на протяжении десятилетий.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 189—190.

Начало революционной ситуации датируется примерно 1859 годом. Но назревание ее началось раньше. Ее истоки связаны с обстоятельствами и исходом Крымской войны.

Банкротство, обнаруженное царско-крепостническим режимом в ходе войны, послужило толчком к широкому общественному возбуждению. Для революционной деятельности демократических кругов, с одной стороны, для пропаганды дворянско-буржуазных либералов — с другой, возникли неизмеримо большие возможности, чем до войны. Правящий лагерь на некоторое время был в большей или меньшей мере деморализован, растерянность чувствовалась в кругах самого правительства и в рядах его литературных и иных агентов. «С каждым залпом в Крыму громовое эхо потрясало Петербург; стены Зимнего дворца расседались, — писал впоследствии Герцен в «Колоколе». — Все стали догадываться, что только обшивка была гранитная, а внутри щебень».¹

Геройская оборона Севастополя вселяла чувство гордости в сердца русских людей. Но тем сильнее были негодование и ропот, вызванные вопиющей неподготовленностью николаевской монархии, отсталостью, злоупотреблениями и бюрократизмом. Слишком ясна была неразрывная связь между военным поражением и всеми изъями крепостного строя. Пораженная война, царская монархия безусловно вынуждена была к некоторому ступлению и внутри. Смерть Николая I (в феврале 1855 г.) как бы подводила итог прошедшему и облегчала царизму попытку частичной «перестройки».

Правда, центральный вопрос — крестьянский — не был немедленно поставлен правительством на очередь, а когда властью предприняты были первые, еще крайне робкие шаги в этом направлении, она вначале старалась обставить их строгой канцелярской тайной. По некоторым другим вопросам внутренней политики вскоре после смерти Николая, олицетворявшего самую крайнюю степень реакции и мракобесия, была продемонстрирована его преемником Александром II неизбежная в создавшихся условиях, вполне вынужденная готовность к некоторым уступкам взволнованному общественному мнению.

При Николае I, особенно в последнее семилетие его царствования (со времени революции 1848 г.), жесточайшим преследованиям подвергались печать и ее передовые деятели, университеты и т. д. Теперь постепенно условия цензуры были несколько смягчены; с университетов сняты некоторые ограничения (прежде всего отменен установленный в 1849 г. максимальный контингент в 300 человек «свокоштных» студентов для каждого университета). По окончании войны было облегчено культурное общение с Западом. В 1856 г. была осуществлена неполная амнистия по политическим делам, коснувшаяся декабристов и части петрашевцев.

Это была, по меткому определению некоторых современников, «оттепель» после суровой николаевской зимы. При этом все правительственные «послаб-

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XVI, Изд., 1920, стр. 189.

ления и «облегчения» носили крайне ограниченный характер. Власть не проявляла в их применении ни последовательности, ни искренности, то и дело обращаясь к грубым репрессиям, к прежним методам чистой «николаевщины». Уже и для первых лет царствования Александра II по существу вполне справедлива характеристика, данная Лениным всему периоду реформ: «...правительство... свое высшее назначение видело в том, чтобы ...отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок».¹

Конечно, между Россией официальной, возглавляемой царским правительством, и Россией передовой, демократической, народной была целая пропасть. Вторая, подлинная Россия не хотела и не могла мириться с тем, что предлагала царская власть. Эта передовая Россия и создала тот могучий идейный, общественный подъем, которым славен период так называемых 60-х годов.

Идейным представителем народной Руси, передовым борцом за интересы угнетенной крестьянской массы выступает на этом историческом переломе разночинец.

В. И. Ленин в работе «Из прошлого рабочей печати в России», написанной в 1914 г., указывает три главных этапа, которые прошло освободительное движение в России: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 г.; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 г.; 3) пролетарский, с 1895 г. Ленин называет В. Г. Белинского предшественником еще при крепостном праве «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении». Разночинец Ленин характеризует как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству».² К разночинцам относились также молодые выходцы из среды низшего духовенства и из разоренных, фактически терявших прежнюю классовую принадлежность слоев самого дворянства.

По своему материальному и общественному положению, по своему духовному, культурному складу, по своим чувствам и настроениям новый интеллигентный слой разночинцев стоял гораздо ближе к народу, нежели интеллигентные дворяне. «В дворянском сословии, хотя бы то и в людях с высшим университетским образованием, далеко не бьется так живо пульс крови народной, далеко не горяча так симпатия к простому, рабочему народу, далеко не средно так чутко и понимание интересов и потребностей рабочего народа, как все это присуще, кровно и средно сердцу... научно-рабочих выходцев из простого народа», — писал в 60-х годах талантливый историк и публицист А. П. Щапов,³ сам бывший типичнейшим представителем разночинства.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 27.

² Там же, т. 20, стр. 223.

³ А. Щапов. Исторические условия интеллигентного развития в России. Сочинения, т. II, СПб., 1906, стр. 557.

В годы, предшествовавшие падению крепостного права, и в пору осуществления крестьянской реформы разночинцы появляются на исторической сцене как сравнительно широкая прослойка, накладывающая свой яркий и резкий отпечаток на всю политическую и культурную жизнь. Они видят в себе силу, призванную к защите интересов крестьянства, из их рядов выходят самые энергичные и неуклонные борцы против крепостничества и самодержавия.

На протяжении нескольких десятилетий, ознаменованных гегемонией демократов-разночинцев в русском освободительном движении, Петербург являлся главным центром революционно-демократической борьбы. Сюда стремилась передовая молодежь со всех концов необъятной родины в поисках знания, серьезной работы, революционного общественного дела. Тяга демократической интеллигенции в Петербург существовала и до описываемого нами времени. В особенности тяготение к Петербургу усилилось, по авторитетному свидетельству публициста-демократа Н. В. Шелгунова, в начале 50-х годов — «точно люди чувствовали», по его словам, «что они там повадятся». ¹ Исключительно красноречива и во многом типична запись из дневника учащегося-провинциала в автобиографическом рассказе писателя-разночинца Николая Успенского «Брусиллов», напечатанном в 1860 г. в «Современнике» (запись относится к середине 50-х годов): «Петербург! Петербург! Сколько ты вдыхаешь в мою душу жизни, святых надежд... Ты кажешься мне великим сокровищем... Без тебя здесь глушат молодость. В доказательство, как я тяготею к тебе, я иду к тебе пешком... Да я ли один? Мысль о тебе озаряет много сердец...» ²

Среди множества передовых представителей разночинства, связавших в 50—60-х годах свою жизнь и деятельность с Петербургом, особенно выделяются имена Чернышевского и Добролюбова.

8 августа 1853 г. приехал в Петербург Николай Александрович Добролюбов (1836—1861), учившийся до этого времени в Нижегородской духовной семинарии. В том же месяце 17-летний Добролюбов был принят в число студентов филологического отделения Историко-филологического факультета Главного педагогического института, который он окончил через четыре года, в 1857 г. Добролюбов сложился в эти годы как замечательный мыслитель, критик, публицист, которому суждено было стать, — рядом с Чернышевским, во многом являвшимся его прямым учителем, — одним из величайших вдохновителей и вождей русского революционно-демократического движения 50—60-х годов.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) появился, не впервые уже, в Петербурге 13 мая 1853 г. Он перебрался сюда из Саратова. Выходец, как и Добролюбов, из среды провинциального русского духовенства, Н. Г. Чернышевский еще в 1846 г., 16-летним юношей, оставил Саратовскую духовную семинарию

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 63.

² Н. Успенский. Брусиллов. Современник, 1860, т. 83, № 10, стр. 566.

и поступил в Петербургский университет, где окончил курс в 1850 г. Так же, как через несколько лет для Добролюбова, для Чернышевского годы студенчества в Петербурге явились решающим периодом в формировании его мировоззрения. После двухлетнего учительства в Саратовской гимназии Чернышевский прибыл снова в Петербург окончательно сформировавшимся деятелем, во всех отношениях подготовленным к будущей своей многосторонней литературной и общественной работе, поставившей его с середины 50-х годов во главе революционной русской мысли, русского освободительного движения.

Чернышевский по приезде в Петербург стал сотрудником столичных журналов — сначала (и лишь ненадолго) «Отечественных записок» Краевского, затем «Современника» Некрасова, в котором он очень быстро выдвинулся и в дальнейшем занял место признанного идейного руководителя издания.¹

Открытая, публичная деятельность более молодого Добролюбова началась несколькими годами позже. Но уже в свои студенческие годы, во время Крымской войны, Добролюбов выступает и как автор рукописных политических стихотворений, и как редактор и основной сотрудник рукописной студенческой политической газеты («Слухи»), и как руководящий участник кружка студентов-демократов, учащихся Главного педагогического института.

Ранние юношеские бесцензурные произведения Добролюбова представляют высокий интерес для восстановления не только его личных взглядов, но — в большей или меньшей мере — и для установления общественно-политических позиций всего круга лучшей демократической молодежи Петербурга к концу царствования Николая I и в последние год-полтора Крымской войны.

В течение первого года своего пребывания в столице сам Добролюбов жил еще во многом традиционными для взрастившей его провинциальной среды представлениями и настроениями. Это сказывалось, в частности, на его отношении к текущим событиям. Но в напряженной атмосфере 1854 г. идейное развитие Добролюбова совершалось с поразительной быстротой. Уже с конца 1854 г. мы видим Добролюбова в центре упомянутого студенческого демократического кружка в Главном педагогическом институте, занятого вопросами идейного самообразования и самовоспитания. Для этих целей служили изучение прогрессивной литературы на русском и иностранных языках, постоянные товарищеские встречи и собеседования. Позднее, в конце 1855 г., Добролюбов о себе и своих ближайших товарищах писал в дневнике: «Мы затрагиваем великие вопросы, и наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим мы трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо».²

¹ В 1853—1854 гг. Чернышевский жил на набережной р. Ждановки, позднее в течение пяти лет в доме № 13 по Поварскому переулку; в 1860—1861 гг. — на 2-й линии (угол Большого проспекта, д. 15) Васильевского Острова.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, 1939, стр. 396.

Политические настроения молодого патриота-демократа ярко выразились уже в двух его стихотворениях конца 1854 и начала 1855 г., из которых одно, получившее сразу известность среди петербургской интеллигенции, было вызвано 50-летним юбилеем реакционного литератора Греча, а другое — убийством помещика и крупного чиновника Оленина его дворовыми людьми, случившимся в Петербурге 25 декабря 1854 г.

Стихи против Греча были острым памфлетом на всю реакционную печать, которой Добролюбов противопоставлял свободолобивую, прогрессивную литературную традицию Белинского, Пушкина и Гоголя. Вся петербургская демократическая интеллигенция несомненно говорила устами молодого Добролюбова, когда он «спраздник Греча», санкционированный царем Николаем, объявлял униженьем для Руси, подчеркивая, что «не всем довольно слов тирана» для признания за Гречем каких бы то ни было заслуг.¹

В «Думе при гробе Оленина» Добролюбов приветствовал расправу крепостных над злодеем-помещиком, видя в ней обнадеживающий факт:

Перед гробницею позорной
Стою и с радостным челом,
Предидя новый, благотворный
В судьбе России перелом.

Рисуя бесчинства крепостников, Добролюбов защищал человеческие права крестьян и призывал к восстанию против помещичьей и царской власти:

Вставай же, Русь, на подвиг славы, —
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...²

Весьма понятны живой интерес и глубокое сочувствие, с какими Добролюбов и его окружение встретили весть об упорных волнениях крестьян в Киевской губ. весной 1855 г., проникнутых духом протеста и возмущения против крепостничества и стремлением к немедленному избавлению от помещичьего гнета. В стихах, помещенных в упомянутом студенческом рукописном листке «Слухи» (он выпускался с сентября 1855 г.), Добролюбов по поводу киевских событий писал о своей любимой Руси:

Броней истины, щитом любви одета,
Мечом свободы руку ополчая,
Она пойдет на внутренних врагов
И отомстит им горько за рабов!..³

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, 1939, стр. 214.

² Там же, стр. 217, 226.

³ Там же, стр. 231.

В ряде стихов и в других материалах того же студенческого листка «Слухи» Добролюбов высказал свое отношение к Крымской войне. Подлинный патриот, он отказывался от всякой солидарности с либерально-патриотическими «рифмачами», воскурившими «земному богу фимнаме», и гордо провозглашал: «Русь за царя я не предаю».¹ Он осуждал ту войну, в которой бесцельно губятся массы народа; вместе с тем он с удовлетворением отмечал, что Крымская война объективно принесла пользу России обличением внутреннего зла. «Несчастья внешние, — разъяснялось в «Слухах», — заставляют нас обращать на себя внимание и стараться понять, что в нас худо и негодно».² Добролюбов выступает перед нами как один из сторонников тех патриотически-пораженческих взглядов, которые в период Крымской войны в петербургском и вообще в русском обществе, среди людей, враждебных полицейско-крепостническому николаевскому режиму, имели распространение.

Пораженческую позицию, подсказывавшуюся чувством революционного патриотизма, занимал во время Крымской войны и Чернышевский. Восхищаясь, как и Добролюбов, как и все передовые люди России, беспримерным мужеством русских солдат и моряков, Чернышевский одновременно считал, что ослабление и поражение николаевской монархии, весь строй и политика которой были глубоко враждебны интересам русского народа, облегчат борьбу против царизма, против крепостников.

Подробное разъяснение своих воззрений на природу и значение Крымской войны Чернышевский дал в последующее время, уже по окончании самой войны, во время которой, по цензурным обстоятельствам, он не имел возможности открыто высказываться в легальной журналистике по жгучим вопросам чисто политической текущей жизни. Годы Крымской войны отмечены рядом ярких и боевых выступлений Чернышевского в печати по вопросам философии, эстетики, литературы. Эти вопросы, в той постановке, какую они получали у великого русского революционера-просветителя Чернышевского, имели огромную общественную, политическую значимость. Выступая с гениальными трудами философско-эстетического и литературно-критического содержания, демократически и материалистически направленными (во главе этих трудов, появившихся в годы Крымской войны, следует поставить его диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности»), Чернышевский начал в Петербурге свою гигантскую работу по идеологическому обоснованию платформы русской передовой демократии и по мобилизации вокруг этой платформы лучших сил разночинной интеллигенции. В отклике, какой первые крупные выступления Чернышевского встретили в наиболее прогрессивных и патриотических кругах общества, нельзя не видеть, конечно, одного из самых симптоматичных проявлений общественного подъема, начавшегося под непосредственным воздействием событий Крымской войны.

¹ Там же.

² Там же, т. IV, 1937, стр. 437.

* * *

В условиях некоторого (конечно, очень относительного) ослабления правительственного гнета в середине 50-х годов, которое вынуждалось угрожающими симптомами народного возмущения и быстрым ростом политического недовольства в разнообразных общественных кругах, общественная мысль и общественное движение получили более широкие возможности для своего проявления.

Особо важным органом выражения общественной мысли была журналистика.

В 1854—1855 гг. политическая критика находила себе выражение в значительной мере в рукописных публицистических памфлетах, отчасти и в политических стихотворениях разных авторов, получивших широкое распространение также в рукописях. В идейном отношении вся эта рукописная литература была неоднородной, отражая различие и борьбу течений в стране. Демократы, либералы разных оттенков, разочарованные ходом войны славянофилы обращались к оружию рукописной политической литературы для пропаганды своих взглядов. «Статьи всякого содержания ходят из рук в руки, переписываются в значительном количестве экземпляров, перевозятся и пересылаются из столиц в провинции и из провинций в столицы», — отмечалось в «Записке о письменной литературе», опубликованной несколько позднее (в 1856 г.) в герценовских «Голосах из России».¹ Москва и Петербург были центрами, где создавались произведения рукописной литературы и где они прежде всего расходились.

Когда ослабленное поражениями в войне, дискредитированное в глазах широкого общественного мнения правительство при новом царе Александре II слегка должно было отпустить вожжи, стала и легальная печатная литература приходить в себя от оцепенения, вызванного неистовствами николаевской цензуры. Журналы фактически, если не по закону, отвоевывали себе некоторые, пусть ограниченные, возможности говорить о насущных вопросах дня.

В дневниках и переписке современников можно встретить выражения радости и прямо удивления по поводу того, как «преобразились» журналы в Петербурге в течение второй половины 50-х годов. Известная мемуаристка Штакеншнейдер записывала однажды (в сентябре 1856 г.): «Бенедиктов и Полонский (популярные поэты, — *Ред.*) в два вечера, проведенные с нами, прочитали нам четыре статьи, до того непохожие на все, что выходило из чистилища цензуры в прошедшем году, что не верилось, что читают с печатного».²

Во главе петербургской журналистики находился «Современник». Основанный еще Пушкиным, «Современник» пережил длинную и довольно сложную историю. С 1847 г. из рук П. А. Плетнева он перешел к Некрасову и Панаеву.

¹ Голоса из России, ч. I. Лондон, 1856, стр. 38—39.

² Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записка (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 131.

Дом на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы, в котором помещалась редакция «Современника». Акварель Ф. Ф. Ваганца. 1860 г.

В 1847—1848 гг. идейным вдохновителем журнала являлся В. Г. Белинский. В «Современнике» появились последние произведения Белинского — такие, как «Взгляд на русскую литературу 1846 г.», «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», ставшие, вместе с «Письмом к Гоголю», как бы литературно-политическим завещанием бессмертного критика-демократа.

В конце 40-х и начале 50-х годов под ударами перешедшей в самое бешеное наступление реакции, сковавшей литературу и журналистику, поневоле должен был потускветь и «Современник», остававшийся, впрочем, и в эти годы лучшим из журналов. В эту пору Н. А. Некрасов, великий поэт-демократ, ученик и друг Белинского, редактор «Современника», не мог воспрепятствовать временному усилению либерального крыла среди сотрудников «Современника».

Поворот от реакции к общественному подъему в середине 50-х годов благотворным образом сказался на работе «Современника». Журнал снова ожил и стал наполнять свои страницы материалами, как текущими, так и историческими или историко-литературными, будившими сознание передовых элементов общества, широко распространявшими в Петербурге и по всей стране боевые демократические идеи.

Когда В. И. Ленин напоминал о могучей проповеди Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров,

он имел в виду выступление Чернышевского в «Современнике» в 50-х и начале 60-х годов.

Привлечение Некрасовым к работе в «Современнике» Чернышевского, а потом Добролюбова, предоставление Чернышевскому и Добролюбову руководящего места в деятельности журнала, самоотверженная борьба за Чернышевского и Добролюбова, которую он вел с либералами, взбунтовавшимися против нового, боевого, революционно-демократического направления «Современника» (эта борьба привела к разрыву с либералами и их отколу от «Современника»), — все это составляет огромную историческую заслугу Некрасова.

Впоследствии, незадолго до своей смерти, Чернышевский писал о Некрасове: «Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал». Говоря о себе, что он хорошо служил своей родине, великий революционный патриот Чернышевский подчеркивал, что именно Некрасову он «обязан честью быть предметом любви многочисленной и лучшей части образованного русского общества».¹

Уже первые статьи и рецензии Чернышевского в «Современнике» в 1854 и 1855 гг., посвященные литературным проблемам, обратили на себя всеобщее внимание. С декабря 1855 г. Чернышевский начал печатать в «Современнике» свои «Очерки гоголевского периода русской литературы», где, анализируя и оценивая литературное и политическое наследие периода 40-х годов, он устанавливал преемственную связь нового поколения демократических деятелей с заветами Белинского, утверждал живую революционную традицию, идущую от Белинского, от Герцена.

Чем дальше, тем более укреплялось в «Современнике» влияние Чернышевского, затем (с 1857 г.) и Добролюбова, горячо поддерживаемых Некрасовым. Произведения Чернышевского и Добролюбова, а также самого Некрасова становятся определяющими для всего направления «Современника».

Петербургский «Современник» в пору руководящего участия в нем Чернышевского и Добролюбова являлся основным легальным органом русской революционной демократии, оказавшим безмерно большое воздействие на формирование взглядов демократической русской молодежи и передового русского общества в целом, органом, вокруг которого происходило собиранье сил демократического движения.

«Современник», возглавляемый Чернышевским, Добролюбовым и Некрасовым, отстаивал интересы и права поработенной крестьянской массы. Он неустанно воевал против злейших врагов русского народа — самодержавного правительства и помещиков-крепостников, он обличал либералов, искавших компромисса с царем и крепостниками за счет народа. «Современник» боролся против неосновательных надежд, возлагаемых на якобы «кроткого» и «либерального» царя, на

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XV, 1950, стр. 793.

*В редакции журнала «Современник». Рисунок В. Ю. Иван.
Музей истории Ленинграда.*

«благоразумие» дворянства, и, преодолевая цензурные рогатки, призывал демократическую интеллигенцию к сближению с народом для революционной борьбы против царизма и крепостничества. «Современник» вскрывал также эксплуататорскую, враждебную трудящимся сущность буржуазных порядков, господствующих в капиталистических странах Запада. Он пропагандировал идеи утопического социализма (русского крестьянского утопического социализма), неразрывно связанные в то же время с революционным демократизмом. Именно эта связь с революционным демократизмом, стремление опереться на самодеятельность масс народа, убеждение в неизбежности и спасительности народной революции отличали утопический социализм вождей «Современника» Чернышевского и Добролюбова от теорий знаменитых западноевропейских социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, а тем более — их эмигрантов.

«Современник» Чернышевского—Добролюбова—Некрасова был органом передовой теоретической мысли. Он боролся против идеализма, мистики, религии, против антинаучных, отсталых понятий в естествознании, философии, общественных науках. Чернышевский и Добролюбов стояли на позициях цельного философского материализма, хотя в социологии, несмотря на гениальные материалистические догадки, они еще не могли освободиться от влияния идеалистических концепций. Они разработали демократическую и материалистическую эстетическую теорию, высоко поднимавшую значение литературы и искусства как

средства познания действительности и ее преобразования в интересах трудящегося человечества.¹

Известно, что Ленин считал славных корифеев русской революционной мысли XIX в. во главе с Чернышевским предшественниками русской социал-демократии.

В период, когда во главе «Современника» стояли уже не только Чернышевский и Некрасов, но и Добролюбов, т. е. с 1857 г., редакция этого журнала находилась при квартире Некрасова в доме Краевского на Литейном проспекте (на углу Бассейной, пыльной улицы Некрасова).² Здесь редакция «Современника» оставалась до самого закрытия журнала правительством в 1866 г., а позднее, с 1868 г., тут же помещалась редакция следующего некрасовского журнала — «Отечественные записки».

«Современник» был самым важным, но не единственным демократическим журналом в Петербурге в 50-х и 60-х годах. В 1860 г. в руки литератора Г. Е. Благосветлова перешла редакция основанного в предыдущем году журнала «Русское слово», который стал пользоваться значительной популярностью в демократических кругах, особенно возросшей после 1862—1863 гг., когда «Русское слово» по влиянию соперничало даже с «Современником», к тому времени уже лишившимся и Добролюбова и Чернышевского (в «Русском слове» главной литературной силой был Д. И. Писарев).

Крупную общественную роль играл сатирический еженедельник «Искра», основанный в 1859 г. поэтом-демократом В. С. Курочкиным (совместно с художником-карикатуристом Н. А. Степановым) и примыкавший к «Современнику» по своему направлению.

Конечно, не только демократическая печать воспользовалась новыми возможностями, открывшимися в области литературной пропаганды с середины и второй половины 50-х годов. Если между 1855 и 1859 гг. число периодических изданий по всей России возросло со 139 до 220,³ то в значительной своей части это увеличение падает на счет и казенной и либеральной печати.

С 1856 г. в Москве стал выходить «Русский вестник» М. Н. Каткова — на первых порах влиятельное издание русских либералов, позднее сделавшееся органом открытой, воинствующей реакции. С того же 1856 г., также в Москве, начал выходить журнал славянофилов «Русская беседа».⁴ Оба эти издания, особенно

¹ Подробнее вопрос о теоретических взглядах Чернышевского и Добролюбова освещается в главах, посвященных культурной жизни Петербурга.

² В том же доме Краевского рядом с некрасовской квартирой одно время (1858—1859) жил Н. А. Добролюбов.

³ Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. СПб., 1903, стр. 21.

⁴ Славянофилы — помещичье-дворянская группировка, которая, при явно реакционных основах своего общего теоретического мировоззрения, признавала необходимость некоторых реформ, в частности отмены крепостного права, и в пору подготовки реформы 1861 г. довольно

первое, имели в дворянско-буржуазных кругах Петербурга своих единомышленников, поставивших им и читателей и сотрудников. В самом Петербурге продолжали выходить ранее основанные «Отечественные записки» — до перехода к Некрасову в 1868 г. бледно-либеральный журнал, «Библиотека для чтения» — журнал либерально-консервативный, возглавляемый порвавшим с «Современником» критиком А. В. Дружининым и постепенно правевшим беллетристом и драматургом А. Ф. Писемским, и другие периодические органы.

Своеобразным явлением в области печати было оживление и расширение специальных изданий. Это оживление вначале коснулось не только частных или общественных, но даже некоторых официальных органов.

В середине 50-х годов заметный общественный интерес на время приобрел орган Морского ведомства — «Морской сборник» (во главе ведомства стоял заигрывающий тогда с либералами брат царя великий князь Константин Романов).

Именно в петербургском «Морском сборнике» появилась в 1856 г. работа гениального русского хирурга и выдающегося педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», давшая толчок возникновению широкого прогрессивного общественно-педагогического движения 50—60-х годов.

В 1858 г. был основан в Петербурге «Военный сборник» — как издание штаба отдельного гвардейского корпуса. Главным редактором был приглашен Н. Г. Чернышевский; одним из редакторов был профессор Академии Генерального штаба капитан Н. Н. Обручев, в те времена весьма близкий к Чернышевскому. В течение первого года «Военный сборник», руководимый Чернышевским, занял видное

близко подошла в отдельных пунктах к политической позиции умеренного буржуазного либерализма. В дальнейшем славянофилы все более правели, и в конце концов часть из них пришла к почти полному слиянию с крайне правыми элементами (вроде известного реакционера-мракобеса Каткова).

Титульный лист журнала «Современник». 1860 г.

место среди передовой печати и привлек широкие симпатии в прогрессивных военных кругах России. Его подписка вначале превысила даже подписку «Современника». Борьба журнала против злоупотреблений в армии, настойчивая защита им прав и достоинства русского солдата, весь его обличительный тон возбудили злобу среди реакционеров. Чернышевский был поставлен в необходимость расстаться с «Военным сборником», превращенным после того в ординарное казенное издание, от которого отвернулись лучшие элементы военной среды.¹

Все же недолгая работа Чернышевского в «Военном сборнике» послужила расширению его связей и упрочению его известности и авторитета среди прогрессивной части офицерства. После крымского поражения, в обстановке назревания и развертывания революционной ситуации, эта часть была далеко не ничтожна: в революционном движении периода 60-х годов участие передовых офицеров было очень заметным, и многие из них были идейно воспитаны Чернышевским.

Большую и важную роль в общественно-политической жизни Петербурга, наряду с местной прессой, с выходившими в самой столице «Современником» и несколькими родственными ему изданиями («Искрой», «Русским словом» и т. д.), играла вольная русская печать, созданная за рубежом А. И. Герценом (к нему с 1856 г. присоединился в этой работе его друг и соратник Н. П. Огарев).

Лучший представитель первого, дворянского поколения русских революционеров, Герцен принимал выдающееся участие в революционной борьбе 50—60-х годов, когда происходила уже смена дворянского этапа разночинским в русском освободительном движении.

Герцену принадлежит почетное место в идейной подготовке нового этапа; он всей своей деятельностью помог пробуждению разночинцев. Герцен обнаружил в сложной политической обстановке 50-х годов некоторые колебания либерального характера, за которые его законно критиковали Чернышевский и Добролюбов, являвшиеся гораздо более последовательными революционерами-демократами. Но нельзя не подчеркнуть, — на это указывал В. И. Ленин, — что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом демократ в нем брал верх. Великой заслугой Герцена было создание им вольной русской прессы за границей. «Полярная звезда», основанная Герценом в 1855 г., подняла традицию декабристов. Герценовский «Колокол», выходивший в течение 1857—1867 гг., «ветал горой за освобождение крестьян».²

Деятельность Герцена и его сподвижника Огарева по изданию революционной печати встречала живейший отклик в передовом Петербурге.

Когда Герцен только что приступил в Лондоне к изданию «Полярной звезды», ему с берегов Невы написал один из доброжелателей: «Ваша „Полярная звезда“

¹ Н. М а к е е в. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». М., 1950.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 18, стр. 12.

оказалась на петербургском горизонте... Если бы вы видели, с каким энтузиазмом читают ее, переписывают статьи, пересказывают их содержание, повторяют самые выражения ваши, это доставило бы вам не одну сладкую минуту в печальном изгнании, вдали от любимой нашей России. Все благородные сердца молодого поколения, жадно чувствующие потребность свободного слова, вам сочувствуют.¹

Представление о том, с какой действительно, жадностью набрасывались в Петербурге лучшие люди молодого поколения на герценовские издания, могут дать письма и дневники Добролюбова. В январе 1857 г. Добролюбов записал в дневнике, что получил у знакомых студентов Петербургского университета книжку «Полярной звезды». В течение целой ночи не прерывал чтения ее Добролюбов. «Закрывши книгу, не скоро еще заснул я, — сообщает Добролюбов. — Много тяжелых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове».² В одном из писем Добролюбова за вторую половину 1856 г. находится известие о том, что он доставил книгу Герцена Чернышевскому (личные отношения между Добролюбовым и Чернышевским завязались незадолго до того). По свидетельству Добролюбова, Чернышевский отзывался ему о Герцене, что это «человек весьма замечательный, — независимо от того, что мы его любим за идеи его».³

Популярность Герцена в среде петербургского прогрессивного общества, петербургской демократической молодежи значительно возросла после основания им и Огаревым в 1857 г. «Колокола». Несмотря на свой нелегальный характер и на трудности доставки, «Колокол» имел в Петербурге значительное распространение. Журнал располагал в столице своими корреспондентами, как системати-

Первая страница журнала «Колокол» со стихотворением Н. А. Некрасова «У парадного крыльца» («Размышления у парадного подъезда»), 1860 г.

¹ Полярная звезда на 1856, издаваемая Искандером. Книжка вторая. Изд. 2-е, Лондон, 1858, стр. 252.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 451—452.

³ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. I, М., 1890, стр. 319. Чернышевский тут отметил наличие и разногласий с Герценом.

ческими и постоянными, так и случайными; они снабжали его весьма ценными материалами, помогавшими ему в деле обличения царизма и крепостничества. «Письма» из Петербурга печатались в «Колоколе» с первых же его номеров. Находились в столице смельчаки, которые, пренебрегая опасностью, публично проагандировали герценовские издания. В 1857 г. «отставной надворный советник» Мухин в одном из петербургских трактиров открыто читал окружающим «Колокол» Герцена. Он был за это сослан на север.¹ Сослан был также заведующий частной библиотекой Крылова (бывшей Смирдина и Крашевникова) Лаврецов, который, собрав (по словам М. И. Михайлова, с большим трудом) некоторые издания Герцена, выдавал их для чтения.²

Конечно, если Герцен и его «Колокол» имели в Петербурге множество друзей и своего рода «активе», то были в столице у «Колокола» также многочисленные и влиятельные враги и недоброжелатели — среди консервативных, реакционных элементов. Один из самых реакционных сановников, министр юстиции граф В. Н. Панин (потом возглавлявший, после смерти Якова Ростовцева, Редакционные комиссии по крестьянскому делу) в 1857 г. высказывал чиновникам III отделения свои опасения, «чтобы книги, издаваемые Герценом, не проникли в низшие слои народа». Встревоженному воображению крепостника представлялось, что «этих книг в одном Петербурге распространено тысяч до ста». Он настаивал на усилении мероприятий против проникновения изданий Герцена,³ хотя правительство и без того направляло в эту сторону всевозможные усилия.

Известный реакционер князь Мещерский, учившийся в 50-х годах в аристократическом училище правоведения, в своих позднейших записках с озлоблением вспоминал о том времени: «Явился новый страх — Герцен... В иных сферах и кружках Герцена боялись более, чем правительства». Мещерский вынужден свидетельствовать об огромном авторитете Герцена. «Едва мы выходили из училища, то начинали, — пишет он, — слышать разговоры о Герцене; в военно-учебных заведениях... Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню, при встрече с юнкерами-сверстниками, разговоры о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов. Действие герценовских проповедей в военно-учебных заведениях, высших и специальных, не замедлило проявиться; явился новый в них дух... заключающийся в отрешении от николаевщины, в порицании его *военищины*».⁴

¹ Л. Ильинский. Герцен и III отделение. Голос минувшего, 1918, № 7—9, стр. 97; ср.: Е. А. Штакеншнейдер, ук. соч., стр. 172.

² М. И. Михайлов. Записки. Пгр., 1922, стр. 19; Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. I, стр. 489 и др. В. Я. Лаврецова анали Чернышевский и Добролюбов, помогавшие ему во время ссылки (в Вятке) и после освобождения от нее.

³ Гр. В. Н. Панин о Герцене. Голос минувшего, 1913, № 5, стр. 236—237.

⁴ Кн. В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. I (1850—1865 гг.). СПб., 1897, стр. 67—71.

Факт огромного воздействия свободолюбивой пропаганды Герцена здесь констатирован, хотя и алобным недругом, правильно; при этом нельзя, понятно, забывать, что в распространении прогрессивных идей среди военной и гражданской молодежи сказалось влияние не одного Герцена, не только «Полярной звезды» и «Колокола», но в не меньшей мере Чернышевского и его круга.

* * *

Значительное оживление печати и количественный ее рост были одним из существенных показателей общественного подъема в Петербурге. Другим важным проявлением этого подъема было обновление университетской жизни.

В разночинно-демократический период русского революционного движения студенческая молодежь занимала видное место в общественной борьбе. Демократически настроенные представители студенческой среды составляли очень высокий процент участников подпольных революционных организаций. Вместе с тем коллективные открытые выступления и протесты студентов, так называемые студенческие «беспорядки», имели значение не только частное, академическое, но сплошь и рядом перерастали в события серьезного общеполитического значения. Недаром долгое время в глазах обывательской публики понятия «студент» и «революционер» сливались воедино. Любопытно, что даже рабочих-революционеров, появившихся в более или менее значительном числе с 70-х годов, в окружающей среде сразу окрестили, как об этом свидетельствует Г. В. Плеханов, именем «студентов».¹

Прогрессивные элементы петербургского студенчества шли в авангарде всего русского демократического студенчества; а внутри петербургского студенчества одну из ведущих ролей всегда играли студенты Петербургского университета.

Новый тип студента-общественника, студента-революционера стал выработываться с середины 50-х годов XIX в. — с началом общественного подъема, с массовым проникновением разночинцев в ряды интеллигенции.

В среде самих петербургских студентов в то время получило распространение сознание ответственности роли, выпадающей на долю университета и студенчества. Характерны в этом отношении некоторые страницы «Летописи внутренней жизни Петербургского университета», опубликованной в конце 1857 г. в «Сборнике», изданном студентами университета. Отмечая, что Россия переживает «замечательную эпоху», «эпоху нравственного обновления», что «после войны все как бы очнулось от продолжительной дремоты», студенты — авторы «Летописи» заявляли: «До сих пор развитие нашего общества вернее всего определялось на молодом поколении... В настоящее... время мы поступим, как нам кажется,

¹ Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, б. г., стр. 195.

совершенно справедливо, если примем за норму развития русского общества степень развития университетского юношества». ¹

Надо оговориться, что оживление и обновление студенческой и вообще университетской жизни в Петербурге происходило с некоторой постепенностью. В первую очередь оно явно сказалось в количественном росте студенческих кадров, который стал возможным ввиду отмены в 1855 г. контингента, установленного для университетов Николаем I в конце 40-х годов. Увеличиваясь неуклонно из года в год, число студентов с 1855 по 1859 г. выросло с 400 почти до 1000 человек.

Внутренний уклад университетской жизни и настроение студенчества стали заметно меняться к 1857 г. и еще резче в 1858—1859 гг. Видный в свое время литератор А. М. Скабичевский (участник «Отечественных записок» Некрасова), ² поступивший в Петербургский университет в 1856 г., сообщает в своих воспоминаниях, что в первый год его пребывания в университете «николаевский режим чувствовался еще во многом». ³ Поступивший в университет в том же году Д. И. Писарев подчеркнуто разграничивает студентов 1856—1857 и 1858—1859 гг. В своей известной статье «Наша университетская наука», относящейся к 1863 г., Писарев указывает, что молодежь «очень сильно изменилась в последние три-четыре года». «Поступая в университет, — пишет Писарев, — мы были робки, склонны к благоговению, расположены смотреть на лекции и слова профессоров, как на пицу духовную и как на манну небесную. Новые студенты, напротив того, были смелы и развязны и оперялись чрезвычайно быстро, так что через какие-нибудь два месяца после поступления они оказывались хозяевами университета и сами поднимали в студенческих кружках дельные вопросы и серьезные споры. Они затевали концерты в пользу бедных студентов, они приглашали профессоров читать публичные лекции для той же благотворительной цели, они устроили студенческую библиотеку». ⁴

В словах Писарева зарегистрированы лишь некоторые из форм студенческой самостоятельности. Особое значение имели студенческие сходки, ставшие после 1857 г. обычным явлением университетской действительности. Поводами для явочной легализации сходок послужили создание в 1857 г. «Кассы для вспоможения бедным студентам» и появление в том же году уже упомянутого «Сборника» студентов. «Учреждения эти, — как указывала впоследствии официальная записка «О беспорядках в С.-Петербургском университете», — необходимо требовали, чтобы студенты между собою совещались, и из этих совещаний образовались сходки студентов в аудиториях и залах университета». ⁵

¹ Сборник, издаваемый студентами имп. Петербургского университета, вып. 1. СПб., 1857, стр. 377—379.

² Впоследствии он был близок к либеральному народничеству.

³ А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 74.

⁴ Д. И. Писарев, Сочинения, т. III, изд. 5-е, 1912, стр. 57.

⁵ Колокол, лист 121, от 1 февраля 1862 г., стр. 1007.

Студенческие сходки происходили не только в помещении университета. В 1857 г. новым попечителем Петербургского учебного округа Щербатовым, сменившим мранкобеса Мусина-Пушкина,¹ были разрешены студенческие факультетские сходки в залах разных петербургских гимназий. Филологи, например, собирались в пятой гимназии у Аларчина моста. Хотя официальной целью этих сходок было обсуждение статей, предназначенных для студенческого «Сборника», на них в действительности, как вспоминают современники, велись непрерывные разговоры и споры общего характера, происходили чтения новых номеров герценовского «Колокола» и различных, не допущенных цензурой стихотворений и статей.

В те же годы появился институт студенческих старост. На одной из сходок в особенно обширной XI университетской аудитории единение студентов, по несколько фигуральному описанию Скабичевского, «вылилось в призыв к организации в некую республику в недрах университета». «Каждый факультет избрал своих старост, которые и составляли правительство республики». Они заведовали кассою и прочими делами студенческими, были судьями при различных столкновениях студентов между собою или с начальством. Они были и депутатами от университета, когда дело касалось каких-нибудь переговоров с начальством.²

Допуская студенческие «вольности», точнее — мирясь с ними, начальство, с одной стороны, просто уступало напору общественной волны, а с другой — старалось таким образом удерживать брожение среди молодежи в известных «академических» рамках. «Исключительно полицейский характер» прежних университетских учреждений, по позднейшему признанию профессора К. Д. Кавелина, «не мог более обеспечивать тишины и порядка». При всем том «вольности» не оформлялись какими-либо новыми твердыми правилами, новым уставом. Как потом жаловался тот же Кавелин, «новые понятия и требования вторгались постепенно в старые формы и разрушали их, а на место их ничего нового поставлено не было».³ Отвоєванные студентами права оставались непрочными, неустойчивыми, и довольно скоро начались со стороны властей покушения на них, а дальше и целый поход, послуживший непосредственным поводом к знаменитым студенческим волнениям 1861 г.

Волнения имели место в Петербургском университете и до 1861 г., но по масштабам и значению они не могут быть сравниваемы с движением этого года.

¹ Этот, по оценке современников, «намеренно-грубый и наглый гаситель просвещения» (Русская старина, 1891, № 1, стр. 130) при Николае I около десяти лет терроризировал студенчество и профессию Петербургского университета.

² А. М. Скабичевский, ук. соч., стр. 97.

³ К. Д. Кавелин, Собрание сочинений, т. II, 1898, стр. 1191—1192. К. Д. Кавелин, юрист, историк и публицист, в 50—60-х годах (да и позднее) являлся одной из самых видных фигур петербургской буржуазно-либеральной общественности. В. И. Ленин неоднократно упоминает о нем в своих трудах, рассматривая Кавелина и Чернышевского как представителей двух противоположных тенденций в русском общественном движении — либерально-буржуазной (либерально-монархической) и революционно-демократической.

Во второй половине 50-х годов студенческие волнения в Петербурге вызывались отдельными, частными столкновениями с полицией. Такие столкновения произошли, например, в сентябре и декабре 1858 г. В одном случае — оскорбление, нанесенное обер-полицеймейстером (будущим шефом жандармов) графом П. А. Шуваловым студенту Рашевскому, в другом — избивание полицейскими и солдатами группы студентов, желавших во время пожара оказать помощь пострадавшим, послужили поводами к шумным сходкам, причем попечителю (новому уже попечителю — И. Д. Делянову) предъявлялись требования защитить студентов от «дерзких выходов» полиции.¹

Профессор Никитенко, автор известного дневника, по взглядам сторонник, как он сам подчеркивает, «постепенного», а не «сломя голову» прогресса, с сокрушением писал в сентябре 1858 г.: «Студенты бурлят». Никитенко жалел о том, что в обществе столкновение студентов с властями «производит много шума»: «Это... все больше и больше отвлекает их от науки, которая должна одна всевластно царствовать в стенах университета».²

Однако ни правительству, ни профессорам типа Никитенко не удавалось оторвать студентов от общественной жизни, заглушить в них политические интересы и стремления. Напротив, заинтересованность лучшей части студенчества в общих делах страны и ее политическая активность с течением времени усиливались и нарастали.

Студенчество, конечно, не отличалось единством взглядов и настроений. Плоть от плоти общества, оно отражало интересы и направления, существовавшие в самом обществе, с той разницей, что общественные настроения тут выражались резче, острее и соотношение сил между различными направлениями было гораздо благоприятнее для демократических элементов. Студенчество, указывал Ленин в начале 1900-х годов, является самой отзывчивой частью интеллигенции... Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе.³

Современники делили студенческую среду Петербурга описываемого времени на три «партии» — на правых, центр и левых, из которых в студенческом движении фактически участвовали умеренный центр и в особенности левые. По тем же отзывам, умеренные желали «мирно и спокойно» пользоваться достигнутыми «вольностями», «избегать шума» и «относиться к начальству не с настойчивыми требо-

¹ К истории Петербургского университета. (На бумагах Л. Н. Модзалевского). *Голос минувшего*, 1917, № 1, стр. 162—170.

² А. В. Н и к и т е н к о. *Моя повесть о самом себе. (Записки и дневник)*, т. I. СПб., 1905, стр. 527.

³ В. И. Л е н и н, *Сочинения*, т. 7, стр. 30.

ваниями, а с почтительными просьбами». Левые являлись сторонниками «радикальных требований», были склонны к «крутым мерам» и демонстрациям.¹ Можно добавить, что левые, т. е. демократы, в отличие от умеренных, или либералов, гораздо яснее и определеннее связывали университетские дела с общеполитическими и чем дальше, тем больше приучались подчинять первые вторым.

Роль университета в общественном движении прежде всего определялась студенчеством, передовыми и демократическими его кругами. Во второй половине 50-х годов общественное оживление, впрочем, до известной степени коснулось и жизни профессорской коллегии Петербургского университета. Левых, демократов-революционеров, в ней не было, но умеренный центр общества имел своих представителей. Для этого времени характерно появление группы «молодых» профессоров либерального направления, как юристы К. Д. Кавелин и В. Д. Спасович, историки М. М. Стасюлевич, затем Н. И. Костомаров и др. Они являлись как бы посредниками между университетом и либеральными элементами столичного общества.

С историей Петербургского университета 50-х годов связано одно особо знаменательное событие русской общественной и культурной жизни — диспут Н. Г. Чернышевского. Диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», уже упомянутая нами выше, была написана в Петербурге в 1853—1854 гг. Чернышевский ее защищал на степень магистра русской словесности 10 мая 1855 г., еще во время Крымской войны, через несколько месяцев после смерти Николая I. На диспуте в университете столкнулись два мировоззрения. Это было, с одной стороны, передовое демократическое и материалистическое мировоззрение Чернышевского, уже в этом раннем труде проявившего всю силу и глубину своей мысли, сумевшего органически связать задачи искусства с запросами живой жизни, с интересами борьбы за лучшее будущее трудовых масс, требовавшего от искусства правдивого отражения действительности, объяснения жизненных явлений и «приговора» над ними. С противоположной стороны выступило отсталое, реакционное воззрение эстетиков-идеалистов, представленных на диспуте прежде всего главным оппонентом Чернышевского профессором Никитенко. Смысл возражений Чернышевского противникам на самом диспуте передает его двоюродный брат А. Н. Пыпин. «В нашем обществе господствует рабское преклонение пред старыми, давно пережившими себя мнениями... Нас слишком пугает дух свободного исследования и свободной критики, которая по природе своей не знает преград для своего действия. Между тем в России свободная критика наталкивается на целый ряд предметов, которые она должна обходить молчанием... Только этим обстоятельством и можно объяснить, что в нашем образованном и ученом обществе держатся до сих пор устарелых и давно уже ставших ненаучными эстетических понятий... Наши понятия об идеальном значении искусства —

¹ А. М. Скабичевский, *ук. соч.*, стр. 101.

отжили, и их надо отбросить вместе со многими аналогичными идеями о других предметах».¹ Возражения Чернышевского, резко оттенявшие революционный философский дух самой его диссертации, вызвали неудовольствие у профессуры. Ректор университета П. А. Плетнев, в свое время находившийся в числе университетских преподавателей Чернышевского, заявил ему после диспута: «Не этому, помнится, я вас учил на своих лекциях».

По сочувствию собравшейся публики было на стороне Чернышевского. Н. В. Шелгунов, присутствовавший на диспуте, впоследствии рассказывал о нем: «Небольшая аудитория... была битком набита слушателями. Тут были и студенты, но, кажется, было больше посторонних, офицеров и статской молодежи. Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах». Современники восприняли мысли Чернышевского, по словам Шелгунова, как «целую проповедь гуманизма, целое откровение любви к человечеству, на служение которому призывалось искусство».²

Диспут Чернышевского, конечно, условно связан с деятельностью ученых Петербургского университета. Чернышевский, бывший воспитанник университета, не был в числе его преподавателей. Оттянув на несколько лет утверждение его в звании магистра, правительство заградяло Чернышевскому дорогу к профессоруре.

Среди университетских профессоров по общественным наукам Чернышевский в то время, к которому относится его диспут, не имел идейных единомышленников и последователей. Да и в дальнейшем сколько-нибудь последовательных учеников или сторонников тут у него не было — ученым-демократам доступ на гуманитарные университетские кафедры фактически был закрыт. Это вовсе не исключает влияния отдельных идей и положений Чернышевского на деятельность некоторых, относительно более прогрессивных университетских ученых. Решительным образом влияние Чернышевского, как и других великих русских мыслителей-демократов, сказалось на достижениях выдающихся русских естествоиспытателей, из которых не один работал в Петербургском университете. Нельзя упускать из виду также воздействие, оказанного всей пропагандой Чернышевского в целом на общий подъем научной деятельности русских университетов, в том числе Петербургского.

Среди передовой части студенчества Петербургского университета революционно-демократические идеи Чернышевского находили все больше страстных и непоколебимых поборников, и последующее студенческое движение тесно связано с вдохновляющим воздействием пропаганды Чернышевского, а на определенном этапе — с его прямым или косвенным руководством.

¹ Е. А. Ляцкий. Н. Г. Чернышевский и его диссертация об искусстве. *Голос минувшего*, 1916, № 1, стр. 27—28. Пыпин — ученый и журналист, историк литературы (впоследствии академик); был в последний период «Современника» одним из членов его редакции; позднее он являлся одним из ведущих работников либерального «Вестника Европы».

² Н. В. Шелгунов, *ук. соч.*, стр. 163, 166.

* * *

Во второй половине и особенно в конце 50-х годов общественно-политическая борьба была сосредоточена в первую очередь на вопросах, связанных с предстоящей отменой крепостного права.

Подготовленная всем ходом социально-экономического развития страны, отмена эта была непосредственно обусловлена поражением царизма в Крымской войне и подъемом крестьянского движения. На прямую связь планов отмены «сверху» крепостного права с ростом крестьянского недовольства, вызывавшим страх перед возможностью уничтожения крепостничества «снизу», указал, как известно, сам Александр II в своей речи к представителям дворян Московской губ. в конце марта 1856 г. (сразу же после подписания Парижского мира, которым закончилась Крымская война). Это было первое сколько-нибудь обязывающее выступление нового царя по крестьянскому вопросу. Как передает в своих воспоминаниях тогдашний товарищ министра внутренних дел Левшин, новость о московской речи царя «разнеслась по Петербургу с быстротою необыкновенною, хотя все передавали ее друг другу шепотом»¹ (речь отнюдь не предназначалась для опубликования). В дневнике Штакеншнейдер толки о московской речи Александра II отмечаются уже в апреле 1856 г.; слова «сверху» и «снизу», по ее утверждению, «ударили» в Петербурге «по всем головам».² Нельзя, однако, сомневаться в том, что восприняты они были очень по-разному. Людей демократического настроения отнюдь не могла пугать мысль о вмешательстве «снизу» в решение крестьянского вопроса — они в сущности мечтали о таком вмешательстве.

На протяжении всего 1856 г. (конечно, и позже) в столичных салонах велись нескончаемые разговоры о «крестьянском деле». В ходу было немало рукописных «записок» с различными предложениями его решения. Исходя от тех или иных представителей господствующего класса, они, разнясь в подробностях, заняты были особенно изысканием способов ограждения интересов помещиков и в то же время отражали заботу о предупреждении революционных волнений в народе, о предотвращении массового восстания крепостного крестьянства.

Для печати тема об отмене крепостного права продолжала оставаться запретной. Поэт князь П. А. Вяземский, назначенный при Александре II товарищем министра народного просвещения и занимавшийся делами печати и цензуры, указывал из Петербурга председателю Московского цензурного комитета, что вопрос о крепостном праве — один из «щекотливейших» государственных вопросов, которого касаться должно «с чрезвычайною предусмотрительностью и осто-

¹ Достопамятные минуты моей жизни. Записка А. И. Левшина. Русский архив, 1885, кн. II, вып. 8, стр. 476.

² Е. А. Штакеншнейдер, ук. соч., стр. 122.

рожностью»; возбуждение о нем в печати «частных суждений и прений» представитель правительства признавал и нежелательным и опасным.¹

Шли месяцы за месяцами, а никаких прямых решений, никаких даже публичных деклараций со стороны правительства все не было, несмотря на мартовскую московскую речь царя. Наблюдая издавна за ходом событий на родине, Герцен в октябре 1856 г. писал: «Все реформы до сих пор ограничиваются фразами и далее риторики не идут... Нет даже начала освобождения крестьян — этой первой азбуки гражданского развития. Зачем подымались ополченцы, зачем мужик нес свой груд, свою копейку, свою кровь». Герцен возмущался тем, что крестьянина-воина после войны царь возвращает «розгам господина и каторжной работе на барщине».²

Но сам «мужик» не молчал, он в разных концах страны проявлял свою волю к свободе.

Нетерпение народа, напряженное ожидание им свободы сказывалось в самом Петербурге. Здесь в составе населения имелся большой слой крепостных — множество крепостной прислуги, дворовых при барских домах и семьях, значительное число крестьян-отходников, фабричные рабочие из крепостных. На Охте проживало около 3500 поселян, прикрепленных к Адмиралтейству (еще с первой четверти XVIII века). В армии и флоте — в гарнизоне Петербурга и пригородов в частности — было много рабочих команд, которые никакой строевой службы не несли и являлись по существу крепостной рабочей силой. Низы из основного, постоянного столичного населения, тесно подчас связанного с деревней, тоже близко к сердцу принимали ее нужды, разделяли ее надежды и стремления. Многочисленные крестьянские ходоки, с разных концов страны тянувшиеся в столицу с жалобами на притеснения со стороны помещиков, доносили до низов столицы настроения закрепощенной деревни. Особенно много таких ходоков было из близлежащих районов, и иногда они приходили в Петербург целыми деревнями. Так, когда в 1860 г. лужский исправник решил усмирить волнующихся крестьян помещицы Мавриной, он их, по собственным его словам, «не нашел... ибо все они ушли в Петербург для подачи прошения».³ Народ в Петербурге чутко отзывался на каждое известие, имевшее отношение к вопросу о крепостном праве, о настоящем и будущем положении крестьянской массы.

Чаяние близких перемен, жажда скорейшего освобождения от крепостных пут выразились очень ярко и наглядно в событии, происшедшем в Петербурге зимой 1856/57 г.

¹ Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862, стр. 80.

² А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. VII, 1919, стр. 264.

³ Г. С. Койстивен. Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Петербургской губернии (рукопись диссертации, защищенной в Ленинградском Гос. университете им. А. А. Жданова).

Большой островский мест. Картина А. К. Борзова, 1882 г.

Осенью 1856 г. в Государственном Совете рассматривался возбужденный в Сенате вопрос о порядке совершения записей на увольнение помещиками крестьян в звание государственных. Было постановлено внести дополнения к соответствующим статьям свода законов, совершенно ничего не менявшие в юридическом положении крепостного крестьянства, имевшие исключительно делопроизводственное, канцелярское значение. Мнение Государственного Совета на этот счет, утвержденное царем, было 31 декабря 1856 г. опубликовано Сенатом. Указ поступил в продажу в Сенатскую лавку с заголовком: «По вопросу о порядке совершения записей на увольнение помещиками крестьян в звание государственных крестьян, водворенных на собственных землях».

Неожиданно по Петербургу провесся в связи с этим слух, что в Сенате продают указ о вольности крестьян.¹

Один из очевидцев, участник Крымской войны полковник Г. Д. Щербачев, житель Петербурга, услышав, что в Сенатской типографии можно якобы купить указ о воле, направился туда. «Я... увидал, — рассказывает Щербачев, — множество народа, стоявшего на Исаакиевской площади и сдерживаемого полицией; у входа же в типографию стояли городовые и пропускали в дверь по одному и по два человека».²

В анонимно изданных в 1860 г. в Берлине «Материалах для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян» (они были составлены оппозиционным сенатором Д. П. Хрущовым) сообщается, что указ перепродавали в мелочных лавках и цена за него доходила до трех рублей серебром. Множество экземпляров было послано из Петербурга крестьянами во внутренние губернии, и долго еще о нем толковали в деревнях. Многие дворовые в столице «положительно уверяли, что они сделались вольными, и о том объявляли своим господам». Министр юстиции Панин распорядился тогда, чтобы впредь никакие указы не продавались уже без особого на то разрешения. По его же распоряжению в губерниях отбирали у крестьян указ; в некоторых местах подвергали аресту крестьян, у которых его находили.³

В самом Петербурге около 150 человек, задержанных за «беспорядок», было предписано подвергнуть при полиции телесному наказанию.⁴

Впечатление, произведенное этой историей, не изгладилось еще и через ряд лет. В 1860 г. Добролюбов в статье, предназначенной для «Современника», писал: «Памятен... тот азарт, с которым народ в Петербурге бросился к Сенатской книж-

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, т. 1, 1855 до 1858. Берлин, 1860, стр. 119—120.

² Из воспоминаний Г. Д. Щербачева. Русский архив, 1891, кн. 1, вып. 1, стр. 45.

³ Материалы для истории упразднения крепостного состояния..., т. 1, стр. 120—121.

⁴ На заре крестьянской свободы. Русская старина, 1897, № 10, стр. 12.

ной лавке, когда... разнесся слух, что вышел и продается указ об освобождении крестьян.¹

Следует отметить, что поводами к волнениям в трудящейся массе Петербурга (и его окрестностей) служили не одни события, непосредственно связанные с крестьянским вопросом. Сосредоточенное в столице и ее пригородах фабрично-заводское население выходило из повиновения под влиянием тех или иных случаев исключительных прижимок и притеснений. Примерно через полгода после событий, вызванных сенатским указом, произошло первое из известных до сих пор выступлений рабочих («нижних чинов») Ижорского адмиралтейского железодельного, чугуноплитейного и меделитейного завода в Колпино. Около 400 нижних чинов 6-го рабочего экипажа, недовольные приказанием выйти на работу в воскресенье, 13 июля 1857 г. отправились с жалобой к экипажному командиру полковнику Ломену. В ходе расследования, произведенного затем комиссией военного суда, рабочие жаловались также на то, что им не выплачивают полностью заработанных денег, что им не выдают провианта в полном весе и т. д. В связи с волнением 13 июля было арестовано 24 рабочих. Трое мастеровых (К. Финогенов, П. Васильев, А. Иванов) были присуждены к наказанию шпицрутенами и к арестантским ротам. Мастеровой Николай Лищенко, подозревавшийся в том, что он был инициатором протеста, сошел с ума.²

Волнения, происходившие в 50-х годах в среде рабочих (наиболее часто имели тогда место волнения среди закрепощенных рабочих горнозаводской промышленности Урала), усиливали тревогу, испытываемую правящими верхами вследствие явного и резкого обострения недовольства в крестьянстве.³

Волнение в Петербурге по поводу распубликования указа 1856 г., выше описанное, почти совпало с первым более или менее практическим шагом правительства Александра II в направлении подготовки крестьянской реформы, но шагом, попрежнему еще совершенно негласным и достаточно перешительным.

3 января 1857 г. было собрано первое заседание Секретного комитета по крестьянскому делу (ранее, при Николае I, подобные секретные комитеты уже учреждались неоднократно, без всяких реальных результатов).

В высказываниях на заседании ясно проглядывал страх перед крестьянством: «Крестьяне, предугадывающие желание правительства освободить их, думают, что одни помещики препятствуют исполнению видов оного. Конечно, такое ожидание и самое волнение умов не ново... но (оно) тем не менее... существует и, при дальнейшем развитии, может иметь последствия более или менее вредные,

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1935, стр. 271. Кстати, цензура запретила и в 1860 г. печатание этих строк Добролюбова.

² С. Завьялов, История Ижорского завода, М., 1934, стр. 65—72.

³ Правительство, впрочем, рассматривало рабочие волнения в тесной связи с крестьянскими и пока не вело их самостоятельного учета.

даже опасные». Было намечено заняться выработкой начал, на которых можно будет приступить к «освобождению» крепостных крестьян, но «освобождению», как подчеркивалось, «постепенному, без крутых и резких переворотов».¹

Секретный комитет, состоявший в большинстве из самых закоренелых крепостников, долго топтался на месте. Фактически отмена крепостного права им отодвигалась на десятки лет, чуть ли даже не на полвека. «До сих пор только судили и думали почти без веры в успех», — свидетельствовал Дмитрий Милютин (будущий военный министр) в письме из Петербурга к князю Барятинскому (главнокомандующему на Кавказе) в ноябре 1857 г., извещая его, однако, о том, что только что, наконец, произошел некоторый сдвиг — Александр II подписал рескрипт Назимову.²

Рескриптом на имя виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора Назимова от 20 ноября 1857 г., предусматривавшим образование в трех северо-западных губерниях дворянских комитетов для выработки проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», действительно началась непосредственная, уже не останавливавшаяся подготовка крестьянской реформы.

В рескрипте царя и в сопровождавшем его дополнении министра внутренних дел Ланского указаны были те начала, из которых должны были исходить вновь образуемые дворянские комитеты. В них подчеркивалось сохранение за помещиками права собственности на всю землю; за оставляемые крестьянам лишь в пользование наделы они обязаны были платить помещикам оброк или отбывать барщину; одни «крестьянские усадьбы» (жилые и хозяйственные постройки с землей под ними) подлежали выкупу в собственность крестьян. Помещикам предоставлялась «вотчинная полиция» над сельскими крестьянскими обществами. Предусматривалось, что уничтожение крепостной зависимости крестьян должно быть совершено «не вдруг, а постепенное, и устанавливалось (сроком до 12 лет) «переходное» состояние.

За рескриптом Назимову последовал рескрипт на имя петербургского военного генерал-губернатора Игнатьева (5 декабря 1857 г.). Дворянство Петербургской губ. еще прежде, для предупреждения более далеко идущих, как оно опасалось, намерений правительства, занялось выработкой положений об управлении помещичьими имениями, направленных не к отмене крепостного права, а только к некоторой регламентации крестьянских повинностей и порядка управления крестьянами. Инициативу в данном вопросе проявили дворяне Либургского и Петергофского уездов. Истолковав формально представления дворянства Петербургской губ. как доказательство будто бы его «стремления к улучшению

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, т. I, Пгр., 1915, стр. 1—3.

² А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. Русский архив, 1889, кн. 1, вып. 2, стр. 318.

положения своих крестьян, правительство предложило ему приступить, через специальный губернский дворянский комитет, к составлению «проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян С.-Петербургской губернии» на началах, в общем соответствовавших принципам рескрипта Назимова. Петербургский губернский дворянский комитет занятия свои открыл первым в России, 14 января 1858 г.¹

Известно, что рассылка и опубликование рескриптов вызвали большое возбуждение как в обеих столицах, так и по всей стране. Эти акты царского правительства выводили крестьянский вопрос из узких рамок скрытого канцелярского обсуждения, придавали ему хотя бы отчасти открытую форму. Они были показателем того, что сама верховная власть не видит больше возможности и просто-напросто откладывать без конца решение (в том или ином виде) вопроса о крепостном праве.

Между тем, однако, по своему реальному содержанию провозглашенная рескриптами программа «освобождения» была ужасающе куцой, насквозь пронизанной антикрестьянским, помещичьим духом.

Некоторые даже весьма умеренные люди были сильно разочарованы.

Историк Н. И. Костомаров в январе 1858 г. писал, что он не разделяет «увлечения, которое овладело благородными сердцами, истомленными долгим ожиданием и потому довольными малым осуществлением давно желанного». «Ни то, ни се, — определил он смысл намечаемых перемен и сообщал: «Знаете ли, что говорят крестьяне? Это, батюшка, такая воля, что хуже неволя; это зеленая воля».²

Гораздо более левый автор острого памфлета, направленного против дворянской пропаганды (он был написан в 1858 г., а опубликован в печати лишь годом позже в герценовских «Голосах из России»), доказывал, что «двуличное, двусмысленное» рескриптов написать было нельзя. Все дело в том, писал этот автор, что «давно по Питеру и по России мужики начали толковать о беззаконности и мерзости крепостного быта. Толки эти превратились в ропот, — а от ропота до восстания, а от восстания до переворота — два шага». Поэтому дворянство перетрусило и вертится — «как бы грозу отклонить». «Рескриптов и дворянских комитетов тут совсем не нужно, — заявлялось в памфлете, — нужно мирское вече, народное собрание, на котором целую Россию представляли бы выборные люди всякого сословия».³

Народ с большой настороженностью воспринял весть о рескриптах и потом с тревожным нетерпением следил, насколько мог, за дальнейшим течением дела. Только что приводилось показание Костомарова о первой реакции среди крестьян

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, т. I, стр. 41—50; Материалы для истории упразднения крепостного состояния..., т. I, стр. 156—160, 312—313.

² Из переписки Н. И. Костомарова с В. И. Ламанским, Голос минувшего, 1917, № 1, стр. 264—265.

³ Голоса из России, кн. VI. Лондон, 1859, стр. 43, 45, 58.

на рескрипты (Костомаров наблюдал ее в Саратовской губ.). Н. А. Добролюбов свидетельствует, что первые слухи об освобождении были встречены крестьянами недоверчиво. «Но при своем недоверии и наружном равнодушии тот же крестьянин с любопытством расспрашивал о подробностях разных правительственных распоряжений, относящихся к делу освобождения. А потом, когда стало ясно, что с ним не шутят, вопрос об освобождении стал для крестьян наших решительно на первом плане, как самое важное и жизненное дело».¹

В настоящее время давно уже можно считать опровергнутым мнение, усиленно когда-то распространяемое буржуазной исторической наукой, о якобы совершенном «спокойствии» крестьянства в годы подготовки реформы 1861 г.

Волна крестьянского движения после опубликования рескриптов не только не упала, но поднялась выше прежнего. По приблизительным подсчетам, число крестьянских волнений за шестилетие с 1855 до начала 1861 г. превысило больше чем на треть количество волнений за целое десятилетие 1845—1854 гг. При этом внутри шестилетия большая часть волнений приходится на последние три предреформенные года — после издания рескриптов.

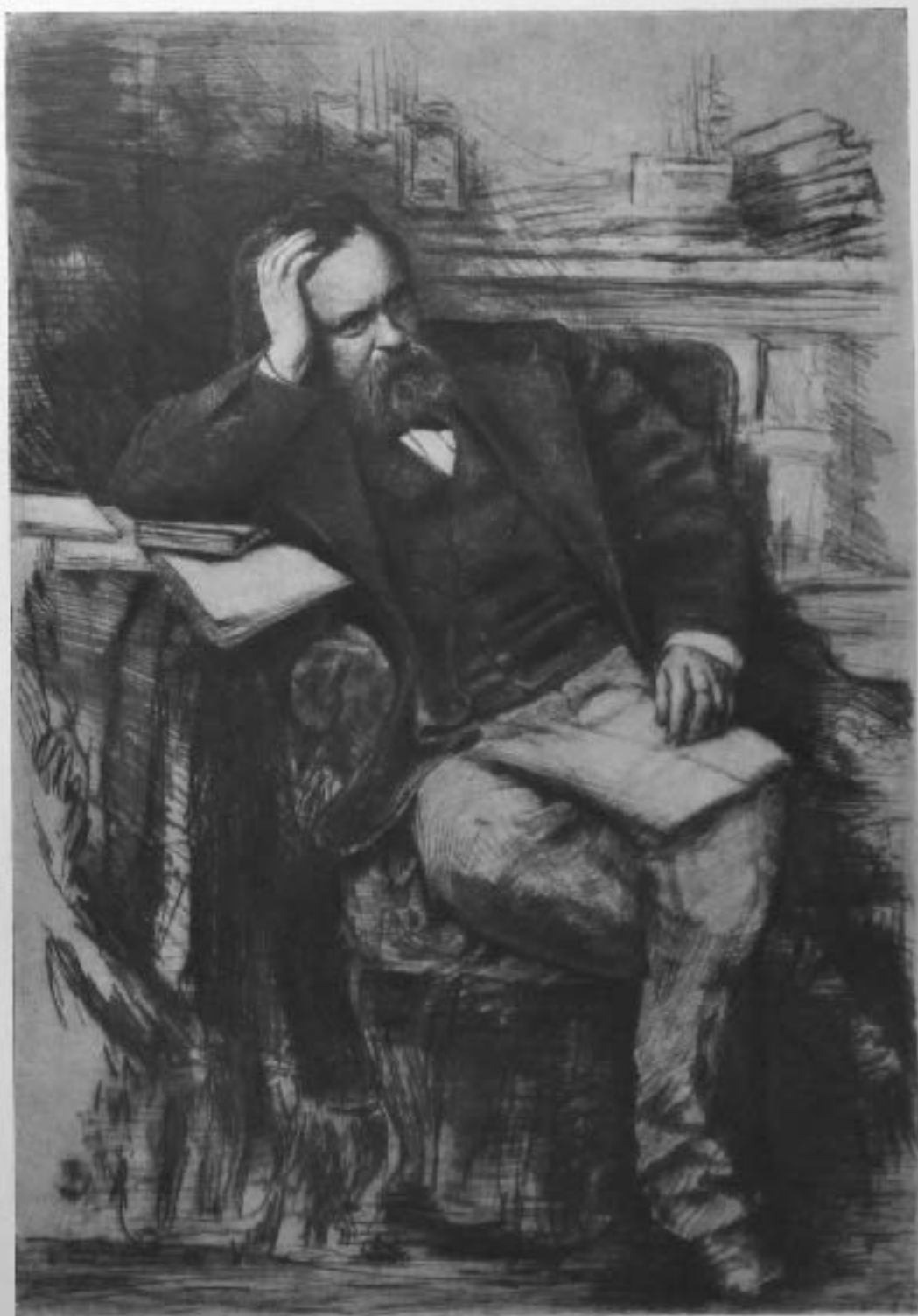
Петербургская губ. не принадлежала в пору подготовки реформы к самым важным очагам крестьянского движения. Однако и в ней правительством и вольной печатью был зарегистрирован на протяжении трех лет, отделяющих появление рескриптов от реформы 19 февраля, ряд крестьянских волнений (в частности, в Лужском уезде, где, по отзыву III отделения, «вообще замечался между крестьянами дух своеволия»). Крестьяне помещичьих имений то отказывались от навязываемого им переселения на неудобные земли, то, — «увлекаясь (как писал шеф жандармов) ложными слухами о свободе», — отказывались от повинностей в пользу владельцев.² Известен и факт «неповиновения» властям в казенных имениях со стороны выкупившихся на волю (из владения графа Нессельроде) крестьян — на почве их стремления сохранить независимое от казенной волости управление.³ Широкою огласку благодаря вмешательству герценовского «Колокола» получили волнения в имении помещицы Энгельгардт (в 1858 г.), где крестьяне, несмотря на жестокие наказания, отказывались уйти на непригодные для сельского хозяйства земли.⁴ Имели место расправы крестьян над особенно зверствовавшими поме-

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 271.

² Крестьянское движение 1827—1869. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. Вып. 1. М., 1931, стр. 114, 131, 140—141. Характерно заявление крестьян помещицы Карауловой (Новоладонский уезд), что они отказываются от переселения, так как все равно получают волю и право на полное владение всей помещичьей землей.

³ Там же, стр. 144.

⁴ В прошении на имя Александра II крестьяне жаловались, что помещица до манифеста «об отпущении» их на волю «сильно притесняет» их: «...выводит нас туда, где нет никакого клочка земли удобной для хлебопашества, кроме болота, на коем один мох тот плох» (Колокол, лист 25, от 1 октября 1858 г., стр. 207).

А. И. Герцен. Портрет маслом работы И. И. Ге, 1867 г.

Государственная Третьяковская галерея.

щиками. Среди крестьян, живших в столице, распространялись различные слухи в связи с рескриптами и начатой подготовкой реформы. Власти неоднократно обнаруживали людей, которые, по словам одного из отчетов III отделения, «входили в неуместные суждения и давали ложный толк настоящим событиям».¹ Подвергся, среди других, преследованию (в 1858 г.) дворовый помещика Бибикова Михайлов за чтение в одной из портерных лавок Петербурга записки, основанной на текстах св. писания, — «о равенстве людей перед богом, о тягостях зависимости крепостных людей от помещиков и о тех облегчениях, какие могут получить крестьяне по освобождению».²

Брожение, связанное с открытым приступом к реформе, сразу же затронуло и некоторые слои крепостных рабочих. Это выразилось, например, в самовольном уходе в конце декабря 1857 г. 331 рабочего (из числа помещичьих крестьян Псковской и Витебской губерний) со строительства Петербурго-Варшавской ж. д., уходе, вызванном убеждением, что они стали «вольными», что к 1 января в церк-вах будут читать манифест о свободе.³

Крестьянское движение росло в канун реформы из года в год. Крестьяне стремились получить в свое полное распоряжение всю землю помещиков или, в крайнем случае, весь тот надел, который находился в их пользовании при крепостном праве. Они не допускали, что обязаны за эту землю продолжением барщины или оброка.

Крестьянское движение не было организованным, не было настолько мощным, чтобы вырвать все дело «освобождения» из правительственных и помещичьих рук. Но оно оказало влияние на ход подготовки реформы не только в том смысле, что исключало возможность остановки, прекращения начатого дела (чего хотелось бы наиболее крайним крепостникам), а и в том отношении, что вынудило правящие верхи пересмотреть некоторые, особо нетерпимые в глазах крестьян черты намеченной в рескриптах программы. Правительство должно было стать на путь закрепления за крестьянами в собственность известной части полевой земли (правда, значительно меньших размеров и худшего качества против существующих наделов и за грабительский выкуп). Такой вынужденный поворот определился уже в 1858 г.

Приведенные данные, таким образом, отражают не только возбужденное состояние масс, но и растерянность и колебания правящих сфер в период подготовки крестьянской реформы. Растерянность, колебания, некоторые внутренние разногласия и раздоры характерны также для всей массы господствующего помещичьего класса, органом которого в конечном счете являлось само правительство во главе с первым помещиком Александром II.

¹ Крестьянское движение 1827—1863 годов, вып. 1, стр. 118.

² Там же.

³ Ушедшие рабочие были заняты на участке строительства в пределах Лужского уезда. См.: Рабочее движение в России в XIX веке, т. I, стр. 802—807.

Новая экономическая обстановка, порождаемая ростом капиталистических отношений в недрах феодально-крепостного строя, поражение царской монархии в Крымской войне и его политические и хозяйственные последствия, рост крестьянского недовольства и народных волнений приводили к кризису верхов как одному из признаков революционной ситуации.

Не было полного единства мнений в составе правительства. Возникли трения и «недоразумения» между правительством и различными кругами дворян-помещиков. Среди самих помещиков давали себя знать различия в интересах, например между помещиками черноземных губерний, дорожившими главным образом землей, и землевладельцами нечерноземных, преимущественно промышленных губерний, где преобладал оброк над барщиной и подчас ценилась помещиками не столько сама земля, сколько прикрепленные к ней крестьяне.

Петербург находился в фокусе всех столкновений на «верхах», которые многие современники привыкли рассматривать как борьбу между крепостниками и либералами.

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была, — указывает В. И. Ленин, — борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок». Характеризуя, в частности, позицию либералов, Ленин писал: «Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков... Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому „борьбой за реформы“, „борьбой за права“, т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией».¹

В течение 1857 г. в Петербурге еще действовал упоминавшийся Секретный комитет, переименованный затем в 1858 г. в Главный комитет по крестьянскому делу. В начале 1859 г. здесь были образованы так называемые Редакционные комиссии² во главе с одним из ведущих участников Секретного и Главного комитетов генерал-адъютантом Яковом Ростовцевым, ближайшими помощниками которого стали Николай Милютин и Я. А. Соловьев. В работе Редакционных комиссий рядом с правительственными чиновниками участвовали, по назначению правительства, некоторые помещики и в том числе два видных славянофила — Юрий Самарин и князь В. А. Черкасский. Все названные лица принадлежали к той группировке правительственных и общественных «верхов», которая отстаивала

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96—97.

² Им надлежало рассмотреть проекты губернских дворянских комитетов и подготовить Положения «о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Заседания комиссий проходили на Васильевском Острове, на Кадетской (нынешней Съездовской) линии, рядом со зданием Первого кадетского корпуса.

неизбежность и спасительность — для самого существующего порядка — более значительных «уступок» крестьянству; но и эта группировка была дворянско-помещичьей группировкой, не за страх, а за совесть стремившейся служить интересам господствующего класса.

В Петербургском губернском дворянском комитете только немногие члены, опасаясь «напряженных и неприязненных» отношений с крестьянами, склонялись в большей или меньшей степени к «либеральной» точке зрения. Большинство, во главе с председателем — губернским предводителем дворянства графом П. П. Шуваловым, занимало откровенно крепостническую позицию. В имениях Петербургской губ. преобладала оброчная система, главной основой крестьянского хозяйства были промыслы, связанные в первую очередь с обслуживанием разнообразных потребностей города. В связи с этим петербургские крепостники в своих проектах возражали против обязательного выкупа усадьбы, отстаивали «добровольность» перехода на выкуп. Предоставляя крестьянам усадьбу не в собственность, а лишь в пользование, они сохраняли фактически многочисленные крестьянские повинности. Соглашаясь предоставить крестьянам за крайне высокий выкуп полевые наделы, они оставляли за собой право выбирать лучшие земли — они готовы были, словом, продать крестьянам неудобные и негодные земли за большую цену. Они не дожидались проведения реформы и массами переселяли крестьян с их давно освоенных усадебных участков, лишая их садов и огородов. Крепостническая позиция Петербургского губернского комитета оказала немалое влияние на подготовку Положений 19 февраля 1861 г. Разоблачая реакционный характер проектов Петербургского губернского комитета, в частности его стремления наложить выкуп на дворовых людей (мужчин и женщин всех возрастов), «Колокол» писал: «Как тяжело русскому дворянину... расстаться с рабом. „Сладостная привычка сечь, и с тобой должен я расстаться!“ — восклицают русские Эгмонты». ¹

Председатель Петербургского губернского комитета П. П. Шувалов, состоя также членом Редакционных комиссий, совместно с князем Ф. И. Паскевичем составлял «оппозицию» ростовцевско-милютинской группировке. Шувалов и Паскевич выступали как представители достаточно влиятельных кругов столичной аристократии, с наибольшим остервенением защищавших устои крепостничества.

Одним из центров этого кружка в Петербурге был наряду с шуваловским домом дом Безобразовых, где собирались местные и приезжие сверхкрепостники, подвергавшие критике деятельность Редакционных комиссий, поскольку эти комиссии, исходя из общедворянских классовых интересов и озабоченные судьбой всей помещичьей монархии, не соглашались следовать целиком по пути, указываемому крайней крепостнической группировкой. В связи со съездом депутатов от большой группы губернских дворянских комитетов, вызывавшихся в августе

¹ Колокол, лист 35, от 1 февраля 1859 г., стр. 289—290.

1859 г. в Петербург для совещания с Редакционными комиссиями, у Безобразовых шла подготовка к подаче от имени дворянства адреса царю, в котором опорочивалась с точки зрения непримиримых крепостников работа комиссий и предлагалось созвать в столице всероссийское «Собрание дворянства», избранное от дворян по уездам и губерниям, с целью разрешения вопроса о крепостном праве. Инициаторы дела рассчитывали собрать под адресом по всей России до 10 тыс. подписей.¹

План не осуществился; лишь камергер Михаил Безобразов в октябре 1859 г. через шефа жандармов Долгорукова, одного из самых влиятельных покровителей крепостнического кружка, подал Александру II записку с требованием «обуздать» Редакционные комиссии, причем отстаивал положение о «собрании выборных» (конечно, дворянских выборных) как «природном элементе самодержавия», без которого оно (самодержавие) приобретает характер «своеволия».²

«Олигархические» притязания некоторых кругов высшего петербургского дворянства, нашедшие выражение в записке Безобразова (аналогичное течение существовало в 50—60-х годах в Москве), встретили со стороны Александра II отпор. Царь не желал поступаться ни на йоту самодержавной властью хотя бы и в пользу самых близких ему социальных элементов.

С пребыванием в Петербурге первой группы депутатов от губернских комитетов (август—октябрь 1859 г.) связано обострение трений в лагере господствующего класса. В 1858 г. Александр II обещал дворянству вызвать в подходящий момент представителей от губернских комитетов «для присутствия и общего обсуждения в Петербурге при рассмотрении Положений всех губерний в Главном комитете». Позже, однако, было решено свести функции депутатов исключительно к сообщению местных сведений и объяснений, касающихся частных применений выработанных в Петербурге оснований реформы и условиям каждого района. Депутаты узнали по прибытии в Петербург, что правительство не желает иметь с ними серьезного дела как с каким-либо целым, что от них не ждут никаких общих, коллективных представлений, что с ними стремятся развязаться как можно скорее и не желают допускать никаких их официальных совещаний между собой.

Спором между депутатами и Редакционными комиссиями необычайно были заинтересованы верхи столичного общества осенью 1859 г. В «Петербург» депутаты с ростовцевскою комиссиею режутся не на живот, а на смерть, — сообщал И. Аксаков Тургеневу в октябре 1859 г.³

Но следует иметь в виду, что между самими депутатами не было солидарности и согласованности в политических вопросах, и если что их объединило, то единственно недовольство тогдашними наметками Редакционных комиссий относи-

¹ Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 17, СПб., 1903, стр. 135.

² Русский архив, 1883, кн. III, вып. 12, стр. 604—615.

³ Н. Барсуков, ук. соч., стр. 130.

*Зимний переезд через Неву. Картина неизвестного художника.
Музей истории Ленинграда.*

тельно размеров крестьянских земельных наделов и повинностей за них. В октябре 1859 г. в письме из Петербурга к тому же И. С. Тургеневу либеральный литератор П. В. Апшенков указывал: «Замечательное явление в современной жизни представляет единодушный протест всего либерального и нелиберального класса землевладельцев против последнего положения Редакционной комиссии».¹ Характерно, в самом деле, что даже члены наиболее либерального кружка депутатов (тверской предводитель дворянства А. М. Унковский, два харьковских и два ярославских депутата) в поданном царю адресе утверждали, что якобы «помещики будут разорены» в связи с «увеличением надела крестьян землею и крайним понижением повинностей»,² хотя, как известно, в планах самих Редакционных комиссий забота о всемерном ограждении помещичьих интересов и привилегий принадлежала решающее место. Грубый и неприкрытый помещичий эгоизм должен был подрывать в глазах демократических кругов значение положительной части тре-

¹ Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина, вып. III, 1934, стр. 86.

² Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин, 1884, Приложение, стр. 185.

бований либеральной «пятерки», которые, впрочем, и сами по себе носили крайне умеренный, кудрый характер. Эта группа, помимо немедленного прекращения обязательных отношений крестьян к помещикам, но на условии выгодного для помещиков выкупа, желала образования на местах выборного всесословного «хозяйственно-распорядительного управления» (идея будущего земства), учреждения независимого от администрации гласного суда, предоставления обществу возможности «путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления». Александр II усмотрел в этом покорно-верноподданническом выступлении либералов «неуместные домогательства». Он выразил неодобрение и большинству депутатов, которые, по поднимая никаких общих вопросов, в отдельном адресе просили только разрешения представить соображения «на окончательные труды Редакционных комиссий» до поступления их на рассмотрение Главного комитета по крестьянскому делу.¹

Дворянские депутаты 1859 г. и стоявшая за ними привилегированная общественная среда, в частности и петербургская, недовольные теми или другими сторонами деятельности правительства и Редакционных комиссий, обвинили их в бюрократизме, в стремлении неограниченно командовать над дворянским обществом. По этому поводу герценовский «Колокол» тогда же писал: «Наше дворянство, оставаясь таким, как оно теперь, никогда не осилит язвы бюрократизма, потому что бюрократизм только его дополнение; одна нога дворянства помещичья, другая чиновничья, и обе равно давят народ».²

Отвергая со всей решительностью всякие просьбы и требования, которые хоть в самой минимальной степени могли клониться к умалению его всевластия, правительство зато весьма чутко реагировало на жалобы помещиков, касавшиеся экономических принципов крестьянской реформы. Время, отделяющее описываемые события от завершения реформы, было посвящено правительством пересмотру намечавшихся условий «освобождения» в сторону еще большего увеличения выгод помещиков, еще большего ограбления крепостного крестьянства. Сюда были направлены упорные усилия и нового руководителя Редакционных комиссий графа Виктора Панина, сменившего в феврале 1860 г. умершего Ростовцева, и Главного комитета по крестьянскому делу, занимавшегося реформой по окончании работ комиссий, и Государственного Совета, где дело получило окончательное (требовавшее еще только формального утверждения царя) разрешение.

Не только самодержавному правительству и его основной опоре — крепостникам-помещикам, но и умеренно-оппозиционным либералам противостояла революционная демократия во главе с Чернышевским и Добролюбовым, а также и с Герценом (при всех колебаниях последнего).

¹ Записки Александра Ивановича Кошелева, Приложение, стр. 183.

² Колокол, лист 64, от 1 марта 1860 г., стр. 536.

Герцен, действуя в эмиграции, располагая вольным печатным станком, не был связан никакими цензурными рамками. С первых изданий своей Вольной русской типографии он развернул знамя борьбы за освобождение крестьян с землей и на протяжении всех лет, протекших до обнародования реформы, а также после ее опубликования, упорно и настойчиво отстаивал против всех врагов интересы крестьянства. Вдохновенная проповедь Герцена достигала Петербурга, как и других умственных центров России, и оказывала огромное воздействие на передовых русских людей.

В самой России во главе борьбы за землю и волю для крестьян стоял «Современник». Тяжелые цензурные условия (некоторое смягчение цензуры с 1855 г. оставляло эти условия тяжелыми, особенно относительно освещения крестьянского вопроса) не останавливали Чернышевского. «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею о преобразовании сельских отношений», — писал Чернышевский в 1857 г.¹ Предметом, связанным с проблемой уничтожения крепостнических порядков, явилась в литературной борьбе того времени сельская община. Чернышевский ухватился тогда за этот вопрос, живо интересовавший его и как революционного демократа, и как социалиста-утописта, вопрос, позволявший в прикрытой форме агитировать за освобождение крестьян с землей. Так, уже в 1857 г. в «Современнике» появился ряд выдающихся работ Чернышевского на темы, связанные с судьбами русской крестьянской общины, в которых великий писатель-демократ, защищая принцип общинного землевладения, вместе с тем вел прежде всего борьбу за землю для крестьянина, за его полную свободу.

После сделанного царизмом в конце 1857 г. открытого, хотя и вынужденного, признания необходимости пересмотра крепостных отношений ему немислимо уже было держаться системы полного запрещения всяких печатных высказываний на эту тему. В январе 1858 г. прессе дозволено было касаться «эмансипационного» вопроса. Но и теперь она была поставлена в крайне узкие и тесные рамки. По особому повелению царя нельзя было печатать статей, где «будут разбирать, осуждать и критиковать распоряжения правительства», «рассуждений и толкований о главных началах, высочайшими рескриптами допущенных», и даже художественных произведений с описаниями, могущими «возбудить крестьян против помещиков». Требовалось обращать «особое внимание» на «дух и благонамеренность» сочинений, пропуская в печать в журналах именно статьи, «писанные в духе правительства». Еще через месяц было «настрожайше» запрещено печатать переносить крестьянский вопрос «на политическую почву».²

¹ И. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1949, стр. 348.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862, стр. 422—423, 426.

В этой обстановке поистине неимоверных трудностей Чернышевский с удвоенной энергией, используя любые возможности, отдался борьбе за дело русского трудящегося крестьянства.

Став на этот путь, «Современник» сразу испытал на себе тяжелую руку реакции. В начале 1858 г. Чернышевский в интересах проводимой «Современником» кампании решил опубликовать в очередной своей статье по крестьянскому вопросу, в сокращенном и несколько измененном виде, давно ходившую по рукам записку Кавелица об освобождении крестьян. Целесообразность этого тактического шага диктовалась тем обстоятельством, что в своем проекте Кавелиц, отражая в то время тенденции расположенной к наибольшим, сравнительно, уступкам части помещиков, допускал наделение крестьян землей в размере существовавших при крепостном праве наделов. Правительство, не стоявшее за сохранение существующих наделов, а в тот момент вообще еще не желавшее принять принцип закрепления земли за крестьянами в собственность, усмотрело в появлении статьи Чернышевского (в апрельской книжке «Современника» за 1858 г.) крамольное действие со стороны демократического журнала. Явились новые административные распоряжения, направленные к ограничению содержания выступлений печати, в том числе и особое «высочайшее» повеление не допускать статей об устройстве быта крестьян, в которых «будет излагаться мнение о принадлежащем, будто бы, им праве собственности на землю владельцев, которою они пользуются».¹ Предписывая впредь не пропускать сочинений, «кои могут волновать умы» крестьян и помещиков, правительство объявило по цензуре приказание царя, чтобы «в отдельных листках, продаваемых на улицах и перекрестках», совсем не было допускаемо никаких суждений и статей, «до крестьянского вопроса относящихся».²

Эти меры снова продемонстрировали всю шаткость и лицемерие правительственного «либерализма». Герцен в «Колоколе», приводя на основании писем из Петербурга многие подробности дела, указывал на «новую полосу реакции и невежественных гонений слова» и утверждал, что в некоторых отношениях здесь правительство Александра II превзошло Николая I и Дуббельта.³

Гонения и угрозы, однако, не остановили деятельности Чернышевского и его соратников, направленной на борьбу за интересы крестьянской массы, за ее подлинное раскрепощение, а вместе с тем за раскрепощение всей страны.

Чернышевский был горячим сторонником перехода в руки крестьянства всей земельной площади без выкупа, сторонником лозунга «земля и воля» в самом полном и широком его понимании. Конкретная обстановка современной классовой борьбы, реальное соотношение сил, грубейшее давление цензуры — не допускали прямого и полного раскрытия в легальной печати всех его стремлений.

¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре, стр. 427.

² Материалы для истории упразднения крепостного состояния..., т. I, стр. 245—248.

³ Колокол, лист 20, от 1 августа 1858 г., стр. 181—182.

Тем не менее Чернышевскому вполне удалось разоблачить грабительские планы помещиков. Он настойчиво отстаивал наибольшие размеры крестьянских наделов, доказывал обязательность не только безусловного сохранения уже существующих наделов, но и расширения их во всех необходимых случаях. Он вскрывал необоснованность помещичьих претензий на получение выкупа вообще и, при всех условиях, требовал самого максимального сокращения его размеров.

Чернышевский сознательно смотрел на себя как на представителя и защитника в литературе интересов крестьянской массы, лишенной права голоса при подготовке реформы. Начиная серию статей «Материалы для решения крестьянского вопроса», он указывал, что необходимо было бы «выслушать и мнения поселян», что сам он в своих работах намерен показать, «какое решение вопроса могло бы хотя до некоторой степени соответствовать идеям, с незапамятных времен существующим в поселянах».¹ Именно голос «поселян», всей угнетенной крестьянской массы громко звучал в статьях Чернышевского.

Веры в то, что помещичье государство и царская власть хотят и могут дать народу подлинное освобождение, Чернышевский не имел. В своих статьях он стремился разоблачить существо проводимой верхами политики, ее враждебность интересам народа и разъяснить хотя бы в завуалированной форме настоящие, революционные пути и средства разрешения жизненных проблем русского народа.

В. И. Ленин, исключительно высоко оценивающий всю деятельность Чернышевского, восторженно отзывался, в частности, о его работах, посвященных подготовке и проведению «крестьянской реформы». Он писал о глубоком и превосходном понимании Чернышевским современной ему действительности, понимании антагонистичности русских общественных классов. «Чернышевский понимал, — указывает Ленин, — что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов... и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов».²

* * *

По мере того как все яснее раскрывались планы и действия правительства и помещиков и крестьянское дело приближалось к своей окончательной развязке, росло и углублялось революционное возбуждение в лагере русской передовой демократии. Громче и настойчивее звучал голос тех, кто не возлагал надежд на

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. V, 1950, стр. 713.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 284.

реформы «сверху» и делал ставку на пробуждение активности народных масс, на народную революцию.

Ярким показателем настроений революционно-демократического круга является известное письмо «Русского человека», опубликованное за границей, в «Колоколе», в марте 1860 г. Автор беспощадно разоблачал как царскую власть, так и либералов, он указывал на то, что «крестьяне и либералы идут в разные стороны»; он предостерегал тех представителей интеллигенции, которые искренно желают добра народу, но, увлеченные в «водоворот умеренности», ждут всего от правительства, предостерегал, что либо Александр засадит их в крепость, либо проснувшийся народ их «подведет под один уровень с своими притеснителями». Он высмеивал неуместные и необоснованные надежды на царя: «Надежда в деле политики — золотая цепь, которую легко обратит в кандалы подающий ее». «Наше положение ужасно, невыносимо», — писал он, находя, что только «топора», т. е. крестьянское восстание, может вывести страну из тушина. Критикуя как друг самого Герцена за то, что и он поддерживал некоторые либеральные иллюзии, автор письма звал его переменить тон: «... пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь».¹ Письмо вышло из среды тех русских передовых людей, учителями и вождями которых были великие революционные демократы Чернышевский и Добролюбов, и весьма возможно, что оно писалось в Петербурге.²

В то самое время, когда печаталось письмо «Русского человека», Добролюбов разъяснил одному из сотрудников «Современника» (С. Славутинскому) позицию и задачи журнала. «Мы вот уж третий год, — писал Добролюбов в марте 1860 г., — на кожи лезем, чтоб не дать заснуть обществу... мы всеми способами смеемся... над бумажным ходом современного прогресса». Неужто можно верить, восклицал Добролюбов, будто «мужикам лучше жить будет, как только Редакционная комиссия кончит свои занятия». «У нас другая задача, другая идея. Мы знаем... что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни». Чтобы возбудить это воздействие, руководители «Современника», по словам Добролюбова, считали необходимым «вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает», стремились «колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху» до того, «чтобы противно стало читателю все это богатство грязи», чтобы он, наконец, пришел к выводу, что «жить в этом омуте» больше невозможно.³

Руководители «Современника», обличая существующее зло и притом не отдельные его проявления, но самые глубокие его основы и корни (это резко отли-

¹ Колокол, лист 64, от 1 марта 1860 г., стр. 533—535.

² Версия о принадлежности письма «Русского человека» самому Чернышевскому, до сих пор находящая сторонников, не может быть признана убедительной. Не приведено достаточно веских доводов в пользу авторства Добролюбова.

³ Добролюбов и Славутинский в их переписке. Сб. «Огни», кн. 1, Пгр., 1916, стр. 66—68.

чало их от всевозможных либеральных «обличителей»), указывали передовым кругам русского общества выход из положения, средства для ликвидации «мерзости» и «грязи» окружающей действительности. Они направляли внимание этих кругов в сторону народа, пропагандировали мысль о сближении передовой интеллигенции с народными массами для общей революционной борьбы.

В 1859 г. развернулось широкое крестьянское движение против питейных откупов, охватившее десятки губерний и принявшее во многих случаях очень бурные формы. Властям немалого труда стоило подавление этих волнений, за участие в которых были арестованы тысячи крестьян.

В сентябрьской книге «Современника» за 1859 г. появилась замечательная статья Н. А. Добролюбова (ее заглавие «Народное дело» под давлением цензуры пришлось заменить другим — «О распространении трезвости в России»). Посвященная массовому движению против откупов, статья Добролюбова имела целью поднять и упрочить в читателях веру в народ, в его революционные возможности и силы.

«Да, — писал Добролюбов, — в этом народе есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полупомешанком обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь дельное. Народные массы не умеют красно говорить; оттого они и не умеют, и не любят останавливаться на слове и услаждаться его звуком, исчезающим в пространстве. Слово их никогда не праздно». Те самые сотни тысяч крестьян, которые, «без всяких предварительных возбуждений и прокламаций», отказались от употребления вина, они, утверждал Добролюбов, «откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созреет в их душах». В сравнении с тем, что способен совершить сам народ, Добролюбову представлялись жалкими и мизерными, почти непристойными «все претензии на нововведения и реформы со стороны привилегированного общества.¹ Могучее «народное дело», революционное дело Добролюбов открыто, таким образом, противопоставлял в 1859 г. жалким потугам верхов на реформы.

В начале 1860 г. в своей знаменитой статье о романе Тургенева «Накануне» (название ее «Когда же придет настоящий день?» тоже не было пропущено цензурой) Добролюбов весьма прозрачно указывал на революционную борьбу как

¹ Современник, 1859, № 9, Современное обозрение, стр. 35—36 (ср.: Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 138—139). В своей статье Добролюбов отмечал, между прочим, некоторые проявления «трезвещного» движения, связанные с Петербургом: «Близ Петербурга дали зарок не пить водки крестьяне деревни Коломяги... и Новой деревни... В самом Петербурге дали зарок не пить вина плотничьи артели у одного подрядчика» (т. IV, стр. 131). Отчет III отделения за 1859 год, налагая ход трезвещного движения, в частности упоминает, что «еще в феврале месяце (1859 г.) возник в С.-Петербурге слух о намерении крестьян разбивать питейные дома» (Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. 1, стр. 135).

на единственное реальное средство преодолеть «мертвость и гнилость нашей жизни». Он выражал глубокое убеждение в том, что борьба против «врагов внутренних», т. е. против самодержавия и крепостничества, родит подлинных героев, что близко появление поколения революционных борцов в России, которые внесут в общественное дело «энергию, последовательность и гармонию сердца и мысли». Заключительные строки статьи, которые не могли по внешним условиям сразу появиться в печати, гласили: «...недолго нам ждать его (героя-революционера, русского Инсарова, — *Ред.*): за это ручается то лихорадочное мучительное нетерпение, с которым мы ожидаем его появления в жизни. Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он наконец, этот день!»¹

В том же направлении шла пропаганда Н. Г. Чернышевского. Он подчеркивал великую историческую роль народных масс, он смеялся над теми, кто, как либералы, страшатся «возбуждения антузиазма» в массе к происходящим движениям. Возлагая свои надежды на вовлечение широких трудовых масс в борьбу, Чернышевский писал: «Кто не хочет средств, тот должен отвергать и дело, которое не может обойтись без этих средств. Кто не хочет волновать народ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанные с возбуждением народных страстей, тот не должен и брать на себя ведение дела, поддержкою которого может служить только одушевление массы».²

Чернышевский порицал тех, кто полагается на официальные обещания сверху, он доказывал, что, когда государственные учреждения проникнуты «духом угнетения», они нуждаются в самом радикальном преобразовании, а не в реформах, задевающих лишь «второстепенные черты».

Разъясняя неразрывную связь, существующую между отдельными, бросающимися в глаза даже политически неискушенным и отсталым людям беспорядками и злоупотреблениями и общим строем русской государственной и общественной жизни, Чернышевский старался дать понять читателям, что коренное переустройство последней в сущности невозможно путем «реформе». «Быть может, подобная реформа, — писал Чернышевский о желаемых им переменах в русской жизни, — предполагает уничтожение отношений слишком сильных, не поддающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обыкновенного порядка, которым производится реформа».³

Первая из реформ, поставленных на очередь, подготовка которой близилась к концу, именно реформа крестьянская, в органе русских революционных демократов «Современнике» в течение последнего года перед ее опубликованием уже обходилась почти совершенным молчанием. Это была непрерывная политическая

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 239—240.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VI, 1949, стр. 418.

³ Там же, т. V, стр. 707.

демонстрация, целью которой как раз и было — помочь широкому кругу демократической интеллигенции понять ту истину, что настоящая ликвидация на Руси крепостничества явится результатом «важных исторических событий», выходящих из обычных рамок, т. е. революционного одушевления народных масс, победоносного крестьянского восстания.

Выступления Чернышевского и Добролюбова, в которых они разоблачали либеральные иллюзии и показывали пути борьбы, ведущие к истинному освобождению русского народа, являлись платформой, на которой вокруг них сплачивалась группа выдающихся, беззаветно преданных крестьянству литературно-общественных деятелей. Журналист и историк Г. З. Елисеев, философ и критик М. А. Антонович, поэт, переводчик и публицист М. И. Михайлов, ученый и публицист Н. В. Шелгунов, литератор, недавно отказавшийся по принципиальным мотивам от государственной службы, Н. А. Серно-Соловьевич и другие — все эти люди вносили свой ценный вклад в пропаганду «Современника», поддерживая и подкрепляя Чернышевского, Некрасова и Добролюбова.

В то время как теснее сплачивался и становился однороднее по своим политическим позициям круг «Современника», росла и аудитория демократического органа, ширились ряды интеллигенции, готовой идти за ним. Еще недавно, в 1856 г., Некрасов в письмах к Тургеневу выражал свою радость по поводу того, что из 3400 экземпляров «Современника» остается всего менее ста, что против предыдущего года прибыло 500 подписчиков.¹ Теперь, к 1859 г., число подписчиков выросло до 5500, а к 1860 г. — уже до 6600. В самом Петербурге в 1859 г. было 1274 подписчика на «Современник», а в 1860 г. — 1628 (в то же время в Москве — 482, Киеве — 65, Харькове — 85, Одессе — 114, Тифлисе — 52, Саратове — 52, Казани — 51 и т. д.; влияние органа Чернышевского охватывало всю Россию).²

Студенты-демократы, передовые литераторы, часть молодого офицерства — вот кто в Петербурге составляли в первую голову пока еще не слишком многочисленную, но крепкую своим демократическим и патриотическим энтузиазмом «армию» «Современника». Эта армия, группировавшаяся по кружкам, товарищеским объединениям, не довольствовалась уже одними кружковыми прениями и чтениями: она, чем ближе к 1861 г., тем настойчивее искала практического дела, стремилась приложить к жизни новые, передовые, демократические идеи.

Еще осенью 1859 г. Добролюбов писал одному из своих друзей: «Конечно, мы можем покамест действовать только словами; но ведь слово есть выражение той же мысли, из которой рождается и самое дело».³ Он в том же году высказывал убеждение в необходимости и возможности развивать в России «благодарную

¹ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. X, 1952, стр. 277—278.

² Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1860 г. по губерниям и городам. Современник, 1861, № 1, Современное обозрение, стр. 183—215.

³ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. I, стр. 535.

деятельность, достойную развитых и честных людей,¹ т. е. революционную деятельность. Добролюбов мечтал о сплочении людей, способных к революционному действию, искал сближения с теми представителями молодой интеллигенции, которые казались отвечающими необходимым для революционной деятельности требованиям. Известно, в частности, о дружеской близости Добролюбова с рядом передовых представителей военной интеллигенции. Вследствие тяжелой болезни Добролюбов был оторван от России с весны 1860 до середины 1861 г. Но в это время, как и раньше (до отъезда Добролюбова), центром притяжения для революционно настроенной интеллигенции столицы продолжал оставаться Чернышевский, у которого круг связей несомненно был еще обширнее, чем у Добролюбова. К описываемому времени кануна реформы, таким образом, относится зарождение тех революционных связей и отношений, которые затем, около зимы 1860/61 г. и весны 1861 г., получили дальнейшее развитие и упрочение и привели к первым действенным попыткам нелегальной революционной борьбы.²

Начиная с 1859—1860 гг. одной из популярных форм проявления общественной активности для прогрессивной интеллигенции Петербурга становится на несколько лет работа в воскресных школах. Движение воскресных школ — одно из своеобразных выражений общественного подъема на самом рубеже 50-х и 60-х годов XIX в. Культурническое по своим ближайшим, непосредственным целям, движение это увлекло очень различные круги, в том числе такие, которые стояли далеко от всякого радикализма и даже вообще от всякой политики. Но для многих оно имело главным образом общественно-политический, просветительно-политический смысл.

«Современник» в одной из первых своих книжек 1861 г. подчеркивал: «Мы смотрим на воскресные школы не только как на средство для распространения в народе грамотности, но как на первый шаг людей истинно-цивилизовавшихся сблизиться с народом, как на попытку оправдать в глазах народа науку и цивилизацию, униженные теми мнимыми цивилизаторами, которые отличались только фраками и своими перчатками».³

¹ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1881—1882 годах, т. 1, стр. 511.

² В оценке степени зрелости этого процесса до 1861 г. среди советских историков нет единого мнения. Часть исследователей (М. В. Нечкина и др.) отстаивает мнение, что Чернышевскому и Добролюбову еще в 1859 г. удалось положить начало революционной организации, что еще перед реформой в Петербурге существовал практический революционный центр, связанный с, очевидно, существовавшими революционными организациями на местах, действовавшими «по его указаниям» (см., например, «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 62, 70—71). Эта точка зрения встречает (обоснованные, на наш взгляд) возражения со стороны тех, кто считает, что до появления в 1861—1862 гг. тайного общества «Земля и воля» сколько-нибудь оформленной, сложившейся, общей подпольной организации с реальным центром, направляющим всю деятельность, связывающим работу на местах, не существовало.

³ Внутреннее обозрение. Современник, 1861, № 2, Современное обозрение, стр. 353.

Плод исключительно общественной инициативы, воскресные школы в глазах демократических кругов должны были послужить делу сближения передовой русской интеллигенции с народом, развитию и общей культуры, и политического сознания, политической культуры в трудящейся массе.¹

Уже пример воскресных школ показывает, насколько в условиях революционной ситуации конца 50-х и начала 60-х годов тесно переплетались задачи чисто культурные с общественными и политическими. То же следует повторить об иных формах и проявлениях культурной деятельности, которыми сравнительно с прежним временем был богат Петербург в канун реформы. Движимые не одной жаждой знания, но и общим политическим возбуждением, сотни и тысячи петербуржцев заполняли аудитории (например, «Пассаж»), где происходили литературные чтения, публичные лекции по философии, естественным наукам и т. д. Женщины интеллигентного круга не отставали в этом от мужчин. Описываемый период характеризуется необычайным повышением общественного самосознания русской и прежде всего петербургской женщины, стремящейся занять равное с мужчиной место и в трудовой деятельности, и на общественном поприще, и на ниве просвещения и науки.

Не только организация каждой бесплатной воскресной школы для городской бедноты, не только каждое выдающееся литературное или научное чтение приобретают общественное значение в предреформенном Петербурге, — такая же роль выпадает часто на долю и других событий культурной жизни, иногда радостных, иногда горестных для общества. Десятки тысяч людей в сентябре 1860 г. хоронят в Петербурге гениального русского актера А. Е. Мартынова. Громадное стечение

Т. Г. Шевченко, Автопортрет. Офорт, 1860 г.

¹ См. также о попытках революционной пропаганды среди учеников воскресных школ в главе пятой, посвященной общественному движению после реформы 19 февраля 1861 г.

народа, активность студенчества, роль печати, «по обольщению которой», по словам современника, «собрался этот народ»,¹ протесты против пошлостей полицейского вмешательства и невиданную в столице процессию — вся эта обстановка похорон свидетельствует о серьезном общественном смысле события, придает ему характер стихийной общественной демонстрации.

Общественный характер демонстрации не менее, а еще более ясен по отношению к похоронам Тараса Шевченко, жившего последние свои годы в Петербурге, где он был тесно связан с передовыми революционно-демократическими кругами с Чернышевским во главе. Шевченко скончался в Петербурге 26 февраля 1861 г. Русские, украинцы, поляки вместе хоронили через два дня великого украинского поэта-революционера. Н. И. Костомаров в своей «Автобиографии» указывает, что большинство окружавших гроб составляли русские (великоруссы), переживавшие такое же настроение, как если бы они провожали в могилу Пушкина.² Гроб Шевченко на руках несли до Смоленского кладбища студенты Петербургского университета.³

Красноречивая манифестация братства кровно связанных между собой славянских народов и вместе с тем демонстрация гневного протеста против преступлений самодержавия имеет место в Петербурге на другой день после похорон Шевченко. В память убитых царскими войсками в Варшаве польских демонстрантов в петербургском польском костеле св. Екатерины, на Невском проспекте, 1 марта 1861 г. отслужен Реквием, на котором вместе с поляками (студентами университета, учащимися военно-учебных заведений) присутствуют русские студенты и некоторые профессора университета. По окончании церковной службы студенты-поляки при участии русских поют национальный польский гимн. «Колокол» сообщал в подробностях о последующих событиях. Правительство, узнав о Реквиеме, арестовало студентов, заказывавших его. Была назначена комиссия, которая «выгородила из этого дела русских, а прижала поляков». Тогда русские студенты составили подписку: «Мы, нижеподписавшиеся, были 1 марта на Реквиеме в память убитых в Варшаве, участвовали в пении национального польского гимна и потому просим считать нас равно ответственными вместе с студентами из поляков». Подписалось около 300 человек. В итоге энергичных протестов русского студенчества Петербургского университета студенты-поляки затем были освобождены.⁴

¹ Из записки сенатора К. Н. Лебедева. Русский [архив, 1910, кн. III, вып. 10, стр. 570—571.

² Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922, стр. 278. См. также ниже, в главе восьмой, посвященной литературе.

³ Прах Шевченко потом был перевезен на Украину.

⁴ Колокол, лист 102, от 1 июля 1861 г., стр. 856—857. Петербург играл важную роль в польском национально-освободительном движении и в связанном с последним революционным движением в Литве и Белоруссии. В Петербургском университете, в средней и высшей военной

Можно к этим фактам добавить и другие, приходящиеся на то же время, на 1860 г. и начало 1861 г. В октябре 1860 г. происходили столкновения между молодыми офицерами-учащимися и начальством Николаевской инженерной академии в Петербурге. Подавляющее большинство обучающихся в академии офицеров заступилось за двоих товарищей, которым угрожало увольнение. 126 человек демонстративно подали рапорты об отчислении их из академии. Герцен писал: «... нашлось *сто двадцать шесть* офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения военного начальства, испортить свою карьеру, чем молчать перед пелешими поступками начальства. Только *одиннадцать* раскаялись». «Россия может радоваться и гордо смотреть на свою молодежь», — заявлял по этому поводу великий публицист в своем «Колоколе».¹

Еще через несколько месяцев, на годовичном акте в Петербургском университете 8 февраля 1861 г., тысячная студенческая аудитория устроила шумный протест в связи с тем, что по указанию министра просвещения (слухи были, что и III отделение) была отменена намеченная для чтения на этом акте речь профессора Костомарова, посвященная историческим трудам незадолго перед тем умершего Константина Аксакова. Акт в университете, «неожиданно окончившийся большой демонстрацией со стороны студентов» (так записывал в своем дневнике Никитенко), лишь раз свидетельствовал о напряженном настроении среди передовой интеллигенции столицы.

Нетрудно понять жалобу, вырвавшуюся в те именно недели у одного из православных иерархов (митрополита киевского). В Петербурге, писал он, «все что-то не то и не так, как было прежде: и смутно, и грустно, и опасно, и страшно».²

На страницы даже и вольной печати, в дневники и переписку современников не попали сведения о двух новых проявлениях рабочего движения в Петербурге 1859—1860 гг., данные о которых, однако, сохранили архивные документы правительственного характера. В 1859 г. на фабрике Максвелля, рабочие которой впоследствии висали не одну яркую страницу в историю пролетарской борьбы, произошли «беспорядки». Требуя увеличения заработной платы, 400 рабочих бросили работу, вышли «с шумом» на Шлиссельбургский тракт и увлекли («на-

инколе столицы (и прежде всего в трех военных академиях — Генерального штаба, Инженерной и Артиллерийской) обучалось немало поляков. Молодая офицерская и студенческая среда выделила ряд виднейших участников революционной борьбы в Польше, как и в Литве и Белоруссии. Со второй половины и особенно с конца 50-х годов действовала в Петербурге польская революционно-патриотическая военная группа во главе с Сигизмундом Сераковским (другом и последователем Чернышевского и Герцена, впоследствии, в 1863 г., поощренным за руководящее участие в восстании в Литве) и Ярославом Домбровским (арестованным в Польше до начала восстания 1863 г., будущим генералом Парижской Коммуны). По некоторым данным, с этим же кружком был связан учившийся в Петербургском университете Константин (Кастусь) Калиновский, потом руководитель народного движения в Белоруссии, также казненный в 1863 г.

¹ Колокол, лист 92, от 15 февраля 1861 г., стр. 769—770.

² Русский архив, 1892, кн. 1, вып. 2, стр. 207.

сильно вынудили» примкнуть, по уверению III отделения) остальных своих товарищей. «При содействии воинских чинов» восемь «зачинщиков» было взято под стражу, «прочие усмирены и обращены к работам». ¹ В январе 1860 г. вопрос об увеличении заработной платы был поставлен мастерами Александровского казенного механического завода (тоже хорошо известного потом в летописях петербургского рабочего движения). Мастерами было подано «прошение» главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий. ²

* * *

Возбужденное состояние интеллигенции имело, конечно, теснейшую связь с ростом крестьянского движения, приближением «крестьянской реформы», с ожиданиями нового, более решительного обострения общественной борьбы после ее опубликования.

Что скажет народ в ответ на реформу, никак не оправдывавшую по своему содержанию его чаяний, его надежд, — этот вопрос весьма тревожил власть имущих.

Последние стадии подготовки реформы были окутаны сугубой таинственностью. Людям даже высокого общественного положения трудно было подчас проникнуть в эти тайны. Например, известный писатель, а вместе с тем в описываемое время видный чиновник, князь Владимир Одоевский, отмечая в своем дисшике в начале февраля 1861 г. факт первых обсуждений в Государственном Совете крестьянского вопроса, жаловался: «Никаких сведений верных получить не мог... Мнение каждой стороны мне неизвестно — все толки противоречат, и ничего определенного пользы из них вывести». ³

Крайние крепостники до последнего почти момента не исключали возможности срыва дела. Еще в декабре 1860 г. шеф жандармов князь В. А. Долгоруков из Петербурга писал в Париж видному государственному деятелю царской России П. Д. Киселеву: «Здесь великий современный вопрос занимает всех. Ожидают решения его с беспокойством и с большим недоверием. Кризис, который нам предстоит, весьма серьезен. Вероятно, в первых месяцах наступающего года будет обнародована новая организация помещичьих имений... (Это между нами, потому что всякая великая реформа подчиняется обстоятельствам)». ⁴

На другом социальном полюсе, в низах столичного населения, также до конца не пропадали сомнения и недоверие. В «Материалах для истории упразднения крепостного состояния», составленных Д. П. Хрущовым, рассказано о том, как

¹ Крестьянское движение 1827—1860 годов, вып. 1, стр. 131—132.

² Рабочее движение в России в XIX веке, т. I, стр. 922.

³ Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1860 гг. Литературное наследство, т. 22—24, М., 1935, стр. 127.

⁴ А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. II, СПб., 1882, стр. 345.

один петербургский извозчик на вопрос ездока, скоро ли будет манифест об освобождении, отвечал: «Нет, должно быть не скоро, разве Гарибалдов не придет ли пособить». Автор «Материалов» добавляет, что народ «очень хорошо знал Гарибалди» по его портретам, вывешенным в магазинах на Невском проспекте.¹ «Если Гарибалка не придет, ничего не будет», — говорил в Петербурге другой крестьянин одному из товарищей Петра Кропоткина, толковавшему своему собеседнику из народа, что скоро «дадут волю». «Так думали многие», — утверждает Кропоткин.² Другими словами, в низах в столице в самый канун «освобождения» существовала явная неуверенность в том, что правительство «добровольно», без сильного давления со стороны тех или других энергичных борцов за народ, отменит крепостное право.

Неуверенность поддерживалась, между прочим, тем обстоятельством, что акт об отмене крепостного права не состоялся ни в один из тех сроков, которые народная молва сама назначала для него не раз еще до февраля—марта 1861 г. Известно, например, что в народе ждали манифеста 8 сентября 1859 г., в день совершеннолетия наследника престола. После того как день 8 сентября прошел, не оправдав ожиданий и слухов, Николай Серно-Соловьевич писал из Петербурга: «Крестьяне ждали свободы, мало того, они были убеждены, что получают ее; и лично говорил об этом человеками с десятью в разное время, и все дали положительный и совершенно сходный ответ». Серно-Соловьевич отмечал, что правительство, видимо, опасалось в Петербурге народного движения в этот день. Из каждого полка, по его словам, было отряжено по батальону солдат, которые ходили кучками между народом. Серно-Соловьевич говорит об «унынии» на другой день после празднества 8 сентября. «Я много говорил с крестьянами и заметил два оттенка: одни совершенно обезнадежены, другие ожесточены».³

В 1860 г. ждали манифеста и 1 октября (в праздник Покрова), и в дни рождения, затем — в следующий новый год.⁴

Окончательно потом стали приурочивать ожидание манифеста — и в «обществе», и в народе — к 19 февраля 1861 г., к очередной годовщине вступления Александра II на престол.

За два дня до этой даты появилось в печати объявление генерал-губернатора о том, что «19-го февраля никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет», но вслед за этим в «Северной пчеле» за 18 февраля была опубликована статья, приписывавшаяся самому министру внутренних

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния..., т. III, 1862, стр. 178.

² П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1924, стр. 108.

³ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, стр. 108. В записках другого современника, К. И. Лебедева, отмечалось, что опасались «манифестаций» и, как говорили, занимались «сборные пункты, где толпа могла бы действовать скопом» (Русский архив, 1900, кн. III, вып. 10, стр. 248).

⁴ Записки современника о 1861 г. Красный архив, 1926, т. III (16), стр. 124.

дел С. С. Ланскому, содержащая несколько глупое обещание, что «в предстоящие дни молитвы и поста свершится давно ожидаемое народное событие». ¹

«Все ожидали манифеста о свободе 19-го числа, — писал в своем дневнике того же 18 февраля Никитенко. — Потом начали ходить слухи, что он на время отлагается. В народе возбудилась мысль, что его обманывают... Опасаются тревог и вспышек». ² В тот же день великая княгиня Елена Павловна писала Николаю Милютину: «Как передают мои люди, если ничего не будет к 19-му февраля, чернь явится к Зимнему дворцу с требованием освобождения. Нужно бы несколько обратить внимание на эти толки: демонстрация была бы пагубна». ³

Страх правительства перед возможностью народных волнений в день 19 февраля побудил его принять ряд предупредительных полицейских мер. Такие же меры потом были в значительной части повторены 5 марта, когда действительно, наконец, состоялось объявление манифеста (он был подписан Александром II в самый день 19 февраля, но опубликованием отсрочен на целых две недели).

Подробное представление о мерах правительства, направленных на подавление возможных народных волнений в столице, дают ценные заметки одного из внимательных и осведомленных наблюдателей-петербуржцев — Эраста Перцова.

Накануне 19 февраля, по его сообщению, в каждый «съезжий дом» (полицейский участок) была секретно введена рота солдат с заряженными ружьями, под командой офицера, которому было приказано повиноваться полицейскому начальству и стрелять, в кого оно велит. Полиция созвала всех дворников и приказала следить, чтобы во дворах и на улицах не собиралось более трех человек, и подслушивать, не говорит ли кто об освобождении помещичьих крестьян. Всем дворникам было приказано караулить у ворот домов три ночи сряду. В сумерки военные патрули начали ходить по улицам в двойном и тройном числе против обыкновенного. Усиление ночных обходов особенно практиковалось в тех частях города, в которых проживало наибольшее число мастеровых и рабочих. Фабрикантов, имеющих промышленные предприятия и в городской черте, и в окрестностях Петербурга, полиция обязывала задать с вечера приходящим рабочим такие уроки, чтобы они не могли исполнить их ранее утра и утомлением были бы доведены до необходимости вовсе 19 февраля отдыхать, рабочих же, живущих на фабриках, предложено было не выпускать в течение всего этого дня (по утверждению Перцова, фабриканты, выслушивая предписания, тут же объявляли, что не в состоянии их исполнить без опасения вызвать со стороны рабочих рюнь и неповиновение).

С наступлением вечерней темноты во внутренних двориках Зимнего дворца были расставлены отряды солдат, а в близлежащем «экзерциргаузе» — собственный коновой царя, состоявший из горцев Кавказа. Вся эта стража, равно как и караулы

¹ Северная пчела, 1861, №№ 39 и 40, от 17 и 18 февраля.

² А. В. Никитенко, ук. соч., т. II, 1905, стр. 7.

³ Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ. Изд. 9-е, СПб., 1905, стр. 71.

во дворце и во всем городе, имела заряженные ружья и по 6 патронов на солдата.

В то же время в казармах пехотных и кавалерийских полков роздали солдатам боевые патроны, а в артиллерийских — зарядили пушки. Зарядили также пушки, давно уже скрытно поставленные внутри Адмиралтейства. В ночь с 18 февраля и во весь день 19-го никого не впускали в город из окрестных селений.¹

Сообщения Перцова подтверждаются в целом записями в памятной книжке Александра II и дневнике П. А. Валуева (будущего министра внутренних дел), а также документами, сохранившимися в Военно-историческом архиве. Все эти материалы свидетельствуют о широких мерах по предупреждению народных волнений, о мобилизации военных и полицейских сил для подавления «беспорядка», в частности о мероприятиях по охране Зимнего дворца; были даже заготовлены лошади для царя, очевидно — на случай необходимости спасения бегством.²

К числу правительственных «предосторожностей» следует отнести перенос в февральские дни 1861 г. масленичных балаганов с Адмиралтейской площади на Царицын луг (Марсово поле) — «подальше от дворца, из опасения народного восстания», как многозначительно комментирует П. А. Кропоткин.³

Тревога и страх охватили перед 19 февраля не только административные сферы, но и многие семьи столичных дворян-помещиков. Этот страх, по свидетельству сенатора К. Лебедева, доходил «до соглашений о соединении в этот день нескольких семейств вместе, до перемены замков и запоров и до заготовления оружия на случай нападения».⁴ Другой современник, Н. Фирсов, отмечает, что «чем выше был слой общества, тем страх ощущался сильнее». Он же передает, что принц П. Ольденбургский предлагал близким знакомым спрятать в подвалах его дворца — на Царицыном лугу — все драгоценности; принц говорил, что укреплял дворец изнутри, дабы в случае надобности здание могло противостоять волнениям.⁵ Страх верхов перед народом сказался и в той обстановке исключительной секретности, в какой происходило в Петербурге печатание манифеста и Положений 19 февраля. Все это совершалось, по словам современника, с необыкновенною таинственностью, как будто «какой-то мистический или кабалистический средневековый обряд». Тем не менее уже около 25 февраля начали ходить по рукам писанные копии с манифеста.⁶

¹ Записки современника о 1861 г., стр. 127—131.

² П. А. З а й о н ч к о в с к и й. Из истории обнародования Положений 19 февраля 1861 г. Исторические записки, т. 54, 1955, стр. 272—277; А. В. Ф е д о р о в. Из истории революционного движения в России в период проведения крестьянской реформы. Вестник Ленингр. ун-ва, 1952, № 5, стр. 54—57.

³ П. А. К р о п о т к и н, ук. соч., стр. 110.

⁴ Русский архив, 1911, кн. I, вып. 1, стр. 103.

⁵ Н. Н. Ф и р с о в (М. Р у с к и н). Силуэты шестидесятих годов. Исторический вестник, 1910, № 2, стр. 487, 488.

⁶ Красный архив, 1928, т. III (16), стр. 137, 139. Ср.: П. А. З а й о н ч к о в с к и й, ук. соч., стр. 276.

Обнародование манифеста состоялось, как упомянуто, 5 марта (в последний день масленицы). «В величайшем секрете, — как писал на другой день Тургеневу П. В. Анненков, — заготовили манифест и объявления по всем углам переулков, да вдруг, едва проснулся народ, отуманенный с вечера качелями и чайками, — ему и бухнули в церквах и с будок: вот-де ты вчера лег крепостным, а сегодня просыпаешься свободным гражданином». Свобода-то была, конечно, более чем условной и относительной, что понимал даже либерал Анненков, но это не мешало ему в том же письме признаваться в «умилительной» преданности к царю, никогда, по его заявлению, не бывшей столь сильной, как в этот день.¹

Как же встретил эту «свободу» народ в Петербурге? Встретил — без ожидавшихся многими волнений, но, с другой стороны, и без видимой радости, без каких-либо массовых выражений «восторга», и даже более того — с сомнениями, а то и с прямым разочарованием и недовольством. Тот же Анненков сообщал Тургеневу 6 марта: «День кончился... наиобыкновеннейшим образом, как будто народ не получал никакого сюрприза, а только должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком». Анненков прибавлял еще, что народ «смутился» от содержавшегося в манифесте «панегирика дворянству», «от двух лет переходного состояния» и «от усиленного вразумления, что земля не его, а делается его только выкупом и приобретением».²

А. В. Никитенко записал 5 марта в дневнике: «Мне захотелось выйти побродить по улицам и, так сказать, слиться с обновленным народом... В разных местах читали манифест... Один, читая объявление и дочитав до места, где говорится, что два года дворовые должны еще оставаться в повиновении у господ, с негодованием воскликнул: „Чорт дерн эту бумагу! Два года — как бы не так, стану я повиноваться!“ Другие молчали».³

Рядом с этими и аналогичными современными записями можно поставить много однородные свидетельства в позднейших воспоминаниях людей, переживших этот исторический момент. А. М. Скабичевский, нарочно присутствовавший на чтении манифеста и богослужении в одной из церквей, по окончании службы, пока расходился народ, «не только не заметил ни малейших восторгов и ликований, а, напротив того, поражен был полным равнодушием и безучастием к тому, что сейчас произошло: выходили из церкви, машинально крестясь, как всегда, и разговаривали о своих мелких будничных делишках, и никому, казалось, в голову не приходило, что — „порвалась цепь великая“...».⁴ Представитель иного общественного круга, офицер Гвардейского флотского экипажа Рембеллинский, также непосредственный свидетель событий 1861 г., утверждал

¹ Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. III, 1934, стр. 117.

² Там же, стр. 117—118.

³ А. В. Никитенко, ук. соч., т. II, стр. 9.

⁴ А. М. Скабичевский, ук. соч., стр. 142.

впоследствии, что «никаких проявлений народного восторга от вышедшей воли» он «не видал и не наблюдал» ни в Петербурге, ни в Москве, ни в деревнях, которые вскоре посетил. Было, по его словам, «какое-то притупленное выражение чего-то выжидательного: „что-то, мол, будет?“»,¹

Все это, тем не менее, не исключало отдельных выражений «верноподданнического» чувства, преимущественно свыше организованных, в самый день объявления «воли» и в ближайшие после того дни. 12 марта 1861 г. у Зимнего дворца была инсценирована благодарственная манифестация фабричных рабочих из бывших крепостных, с поднесением Александру II хлеба-соли. Инициативу этой манифестации Э. Перцов приписывает заводчикам Полетике и Семянникову. По словам этого автора, многие из крестьян-рабочих, участвовавших в ней, говорили ему: «Ум Полетки, деньги Семяникова, а мы так себе».²

Реформа 19 февраля, отрезавшая у крестьян значительную часть земли, наложившая на них тяжелое бремя грабительского выкупа, установившая «временно-обязанное» положение и т. д., оправдала худшие предсказания наиболее прозорливых представителей революционной демократии. Н. Г. Чернышевский в своих воспоминаниях о Н. А. Некрасове рассказывает: «В тот день, когда было обнародовано решение дела, я вхожу утром в спальную Некрасова... Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потушены в грудь. При моем входе он встрепетулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: „Так вот что такое эта «воля». Вот что такое она!“. Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: „А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это“. — „Нет, этого я не ожидал“, — отвечал он, и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения».³

Мартовская книга журнала Некрасова и Чернышевского «Современник», вышедшая в ближайшее после объявления «крестьянской реформы» время (она выпущена в свет 1 апреля 1861 г.), свое осуждающее отношение к реформе выразила тем, что в сущности обошла ее в своих статьях молчанием. «Внутреннее обозрение», написанное Г. З. Елисеевым, начиналось такими словами: «Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы, журнальцы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам свободе. Напрасно. Вы ошибетесь в наших ожиданиях. Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете».⁴ Зато редакция именно этот номер сочла подходящим для опубли-

¹ А. М. Рембеллиский. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского экипажа. Русский архив, 1910, кн. II, вып. 7, стр. 424.

² Красный архив, 1926, т. III (16), стр. 158.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. I, 1939, стр. 747.

⁴ Современник, 1861, № 3, Современ. обозрение, стр. 101—102.

ликования переведенных М. И. Михайловым из американского поэта Лонгфелло «Песен о неграх», содержавших пламенный протест против рабства. Последняя из песен — «Предостережение», напоминавшая о легендарном подвиге Самсона, оканчивалась стихами:

Самсон порабощенный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но — горе! если он
Поднимет руки в скорби неступленной —
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
Столпы и основания наших стен, —
И безобразной грудой рухнут своды
Над горделивой храминой свободы! ¹

Крепостнический характер реформы, реакция на нее крестьянства, ответившего массовыми волнениями по всей России, иногда принимавшими исключительно острый характер (события в Кандеевке, Бездвие), обусловили углубление внутреннего политического кризиса в стране. Мысль о всенародном крестьянском восстании казалась вполне реальной, политические обязанности, ложившиеся в связи с этим на передовую демократическую интеллигенцию, — высоко ответственными и неотложными. Те революционно-демократические круги, которые держали курс на народное восстание, должны были задумываться над тем, чтобы помочь организации восстания, дать ему правильные лозунги, надлежащую программу. В 1861, затем и в 1862—1863 гг. возникает целая серия революционных прокламаций, многие из которых прямо или косвенно связаны с вопросом о народной революции. Идет также процесс организационного оформления революционных сил.

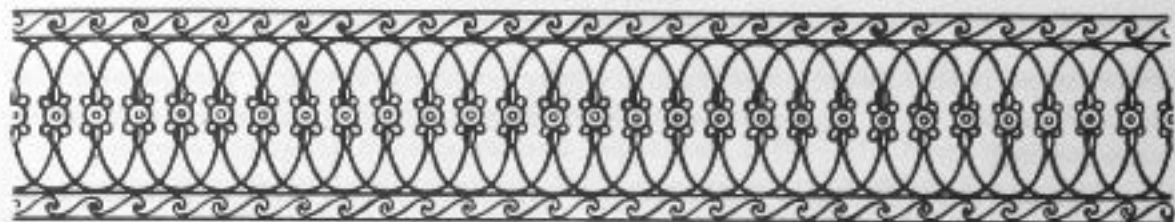
Первой из прокламаций, связанных с крестьянской реформой, была прокламация (оставшаяся, правда, неизданной) Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В ней с особой яркостью, в выражениях, не стесненных никакой цензурой, высказала свое отношение к акту 19 февраля 1861 г. лучшая, наиболее последовательная в своих демократических и революционных убеждениях часть петербургской интеллигенции. Эта часть интеллигенции беспощадно обличала грабительский характер реформы; она ясно видела и учила других видеть неразрывную связь помещичьих крепостнических интересов с интересами и политикой самодержавия; она звала к непримиримой революционной борьбе против царизма и крепостничества, звала к серьезной, организованной подготовке народного восстания для их уничтожения, свержения.

¹ М. Михайлов. Песни о неграх. (Из Лонгфелло). Современник, 1861, № 3, стр. 277—278.

ЭКОНОМИКА И НАСЕЛЕНИЕ
ПОРЕФОРМЕННОГО
ПЕТЕРБУРГА

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Смена в России феодально-крепостного строя буржуазным произошла не в результате буржуазной революции, как это было в ряде стран Западной Европы, а явилась следствием буржуазной реформы, проведенной самим самодержавно-помещичьим правительством. То обстоятельство, что дело преобразования взяли в свои руки сами помещики, самодержавное правительство, определило в значительной мере все последующее развитие России. Решительного уничтожения старого феодального базиса, старых феодальных производственных отношений не произошло. Сохранилось крупное помещичье землевладение, составлявшее основу феодализма, сохранилась и абсолютистская монархия, являвшаяся главным элементом политической надстройки феодального общества. Россия и после реформы 1861 г. была отсталой, преимущественно аграрной страной.

Но при всем том реформа 1861 г. по своему содержанию была реформой буржуазной. Отменив крепостное право, реформа устранила ряд важнейших препятствий, стоявших на пути развития капитализма, и расчистила почву для утверждения его в качестве господствующего способа производства. Поэтому она стала той гранью, которая отделяет в России эпоху феодализма от эпохи промышленного капитализма.

Возникновение основных элементов капиталистического производства относится еще к феодальной эпохе, но хозяйственная система капитализма начинается в России не ранее 60—70-х годов XIX в., когда, по словам Ленина, реформа «вы-

двинула на первое место не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы»,¹ т. е. превратила товарное производство в высшую его форму — капитализм.

Русские хозяйственные отношения во второй половине XIX в. Ленин рассматривал как смену крепостнических производственных отношений буржуазными.² Развитие капиталистических форм производства происходило как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве выражалось в росте частного землевладения, в переходе миллионов десятин дворянских земель в руки купцов, кулаков, которые вели свое хозяйство по-капиталистически. Перестраивалось на капиталистический лад и помещичье хозяйство. Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось усилением разделения труда, все возрастающим применением усовершенствованных орудий, более широким применением удобрений, улучшением севооборотов и т. д.

Развитие капитализма в деревне вело к разложению крестьянства, к расслоению его на сельскую буржуазию и деревенских пролетариев и полупролетариев. Широкие массы деревенской бедноты, жестоко эксплуатируемые помещиками и кулаками, в новых условиях быстро доходили до полной нищеты, теряли свою хозяйственную самостоятельность и сотнями тысяч ежегодно отправлялись в город на заработки. Этот сельский пролетариат, «класс наемных рабочих с наделом», как его называет В. И. Ленин,³ служил главным источником пополнения рабочей силы как для промышленности, так и для кулацкого и перестраивавшегося на капиталистический лад помещичьего хозяйства.

Однако в целом сельское хозяйство в России и после реформы характеризовалось крайней отсталостью, застойностью. В губерниях черноземного центра преобладали полукрепостнические отношения (отработки). Обработка земли в крестьянском хозяйстве производилась примитивными орудиями, без применения передовых методов агротехники, вследствие чего урожайность была низкой, земли быстро истощались. Еще ниже была урожайность помещичьих земель, обрабатываемых кабальными крестьянами.

Более интенсивно, чем в сельском хозяйстве, происходило после реформы развитие капитализма в промышленности. Феодално-крепостной строй задерживал развитие промышленности уже тем, что не создавал ни достаточного рынка наемных рабочих, ни широкого рынка сбыта. То и другое в значительной мере было создано реформой.

Реформа 1861 г. застала русскую промышленность на мануфактурной стадии развития. Промышленный переворот, переход от мануфактуры к фабрике, начав-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 473.

² Там же, т. 15, стр. 60, 122.

³ Там же, т. 3, стр. 145.

шийся в России в 30—40-х годах XIX в., до реформы особенно заметно проявился лишь в хлопчатобумажной промышленности.

Реформа ускорила промышленный переворот. В 60—80-х годах во всех отраслях промышленности растет число фабрик и заводов, в связи с механизацией основных производственных процессов увеличивается производительность труда. Все большее число рабочих отвлекалось от земледелия и от мелких промыслов к крупным промышленным предприятиям. С 1865 по 1890 г. число рабочих, занятых на крупных фабриках и заводах и на железных дорогах, возросло с 706 тыс. до 1 432 тыс. человек. Годовая выработка на одного рабочего по 34 производствам, о которых имеются сведения, возросла за это же время на 58,5%. Только за 16 лет, с середины 70-х годов до 1892 г., число паровых двигателей по количеству лошадиных сил увеличилось по всей России втрое.¹ К 80—90-м годам крупное механизированное производство занимает ведущее положение в главных отраслях промышленности, оттесняя на второстепенные позиции ручное мелкотоварное и мануфактурное производство.

На первом месте по размерам производства и после реформы попрежнему оставалась хлопчатобумажная промышленность, в которой в 60—80-х годах происходил усиленный процесс превращения мелкого товарного производства в капиталистическую мануфактуру и перерастания последней в фабрику. Процесс вытеснения домашнего ручного производства крупной машинной индустрией можно подтвердить следующими данными, приводимыми М. Туган-Барановским. Если в 1865 г. количество рабочих, занятых на хлопчатобумажных фабриках Европейской России, составляло 94,5 тыс. человек, а работающих на дому 66 тыс., то в 1879 г. соответственно — 163 тыс. и 50 тыс., а в 1894/95 г. — 242 тыс. и 20 тыс.²

Основными центрами хлопчатобумажной промышленности были Московская, Владимирская, Петербургская и Тверская губернии.

Еще более быстрыми темпами после реформы 1861 г. развивалась тяжелая индустрия, составлявшая основу капиталистического производства. Добыча угля с 1860 по 1890 г. увеличилась с 18 млн до 367 млн пудов, т. е. в 20 раз. Выплавка чугуна за это же время возросла почти втрое — с 20,5 млн пудов до 56,6 млн пудов, производство железа и стали — вчетверо (с 12,5 млн до 52 млн пудов). Особенно быстро развивалась металлургическая промышленность юга, которая к концу XIX в. оттесняет на второй план отсталую, скованную остатками крепостничества промышленность Урала. В начале XX в. молодая промышленность юга, развивавшаяся на капиталистических началах, производила больше половины всего металла в России.

В пореформенной России возникает ряд новых отраслей тяжелой индустрии, почти не развивавшихся в крепостническую эпоху. Такова нефтяная промышлен-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 436, 444.

² М. Туган-Барановский, Русская фабрика, 1938, стр. 370.

ность, которая дала в 1890 г. 243 млн пудов нефти вместо 557 тыс. пудов в 1865 г. В это же время начинает быстро развиваться машиностроительная промышленность, находявшаяся в дореформенной России в зародышевом состоянии. Число машиностроительных заводов в Европейской России возросло за период с 1860 по 1890 г. в три с половиной раза, число рабочих на них — более чем в 20 раз, а сумма производства — в 50 раз.

Мощным фактором развития всех отраслей промышленности, особенно тяжелой, лесной, строительной и т. д., явилось интенсивное железнодорожное строительство. Длина железнодорожной сети возросла с 1,5 тыс. км в начале 60-х годов до 33 тыс. км в 1895 г., а численность рабочих на железных дорогах увеличилась за период с 1865 по 1890 г. с 32 тыс. человек до 252 тыс. Развитие железнодорожного, а также речного и морского транспорта способствовало быстрому росту внутренней и внешней торговли.

Однако, несмотря на сравнительно быстрые темпы развития механизированной капиталистической промышленности в 60—80-х годах, абсолютные размеры промышленного производства были невелики. Россия и к концу периода промышленного капитализма сильно отставала по основным технико-экономическим показателям от передовых капиталистических стран Западной Европы и Америки. Достаточно сказать, что развитой машиностроительной промышленности в стране все-таки создано не было, и потребности в промышленном, транспортном и сельскохозяйственном оборудовании удовлетворялись в значительной мере за счет иностранного ввоза. В этом особенно тяжело сказалась зависимость России от иностранного капитала.

Основной причиной отсталости русской промышленности являлось сохранение диктатуры крепостников. Самодержавие всячески поддерживало и узаконяло полукрепостнические отношения в деревне, замедлявшие развитие внутреннего рынка. Крепостнические пережитки долго сохранялись и в самой промышленности.

Развитие капитализма в России в 60—80-х годах проявилось прежде всего в победе капиталистической фабрики над отсталой, основанной на ручном труде мануфактурой и мелким ремесленным производством. Однако наряду с этим шел и другой процесс — процесс развития мелких промыслов и роста на их основе децентрализованной капиталистической мануфактуры с ручной техникой и работой на дому. Этот процесс был одной из неизбежных и важных сторон общего процесса развития капитализма в экономически отсталой, аграрной России. «... разложение земледельческого крестьянства необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов. По мере упадка натурального хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности».¹

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 296.

То обстоятельство, что в России после реформы происходил не только процесс довольно быстрого развития машинизированной капиталистической промышленности и формирования кадров промышленного пролетариата, но получили широкое распространение мелкие формы производства при сохранении сильнейших пережитков крепостничества в экономике, имеет громадное значение для понимания социально-экономической жизни как страны в целом, так и ее столицы — Петербурга. Несмотря на то, что в Петербурге, являвшемся крупнейшим центром передовой капиталистической промышленности, мелкое производство было гораздо менее живучим, чем во всей России, однако и в нем ремесло играло большую роль, и в нем процент полупролетарского населения был очень велик.

Петербург и до реформы 1861 г. выступал как крупнейший промышленный центр. Переход к машинному производству весьма интенсивно происходил здесь уже в 30—40-х годах XIX в., особенно в хлопчатобумажной промышленности. После реформы развитие промышленности Петербурга значительно ускорилось. По подсчетам А. В. Погожева,¹ в С.-Петербургской губ. (в основном в самом Петербурге и его ближайших окрестностях) было основано следующее количество фабрично-заводских предприятий:

До 1861 г.	было основано 137 фабрично-заводских предприятий . . .	21,4%
За 1861—1870 гг.	» » 87 » » » . . .	10,4
» 1871—1880 »	» » 105 » » » . . .	16,3
» 1881—1890 »	» » 123 » » » . . .	19,2
» 1891—1900 »	» » 209 » » » . . .	32,5
» 1901—1902 »	» » 1 » » » . . .	0,2
Всего было основано 642 фабрично-заводских предприятия . . .		100%

Таким образом, почти $\frac{4}{5}$ всех фабрик и заводов, существовавших в Петербурге в начале XX в., было основано на протяжении четырех пореформенных десятилетий, тогда как за весь предшествовавший более чем полуторавековой период было основано немногим более $\frac{1}{5}$ общего числа предприятий. Более половины всех предприятий было основано в последние десятилетия XIX в., когда процесс перестройки важнейших отраслей петербургской (как и российской вообще) промышленности на основе создания крупного механизированного производства, интенсивно начавший проявляться лишь после крестьянской реформы, получил известное завершение.

На темы и характер развития петербургской промышленности, особенно ее важнейшей отрасли — тяжелой индустрии, помимо общих условий хозяйственного развития пореформенной России, связанных со складыванием и утвер-

¹ А. В. Погожева. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 75. Имеются в виду только сравнительно крупные предприятия.

ждением капиталистического способа производства, большое влияние оказывали и другие, специфические моменты. Как установил Ленин, в пореформенной России сложились три главных типа фабричных центров: 1) города, 2) фабричные села и 3) «кустарные» села.¹ Как отмечает далее Ленин, города, особенно столицы — Петербург и Москва с их пригородами, отличались наибольшей концентрацией и рабочих и заведений и играли как промышленные центры особо выдающуюся роль. Естественно, что черты отсталости, характерные для русского капитализма (преобладание мелких форм производства, застойная ручная техника, связь промышленных рабочих с землей и т. п.), в Петербурге, как передовом промышленном центре России, проявлялись сравнительно в меньшей степени, нежели в менее крупных городах или, скажем, в фабричных селах Московской, Владимирской или Костромской губерний. С другой стороны, многие наиболее яркие проявления прогресса капиталистической промышленности (преобладание в важнейших отраслях промышленности крупного механизированного производства, сравнительно высокий уровень техники и т. п.), наблюдавшиеся в Петербурге, не были столь характерными для русской промышленности в целом.

На характер и темпы промышленного развития Петербурга большое влияние оказало то обстоятельство, что Петербург был политическим и административным центром страны в течение последних полутора веков существования феодализма и всего периода капитализма. Развитие промышленности, происходившее еще в рамках феодальной эпохи, не могло не коснуться в сильнейшей степени и Петербурга, чему способствовали его положение как крупнейшего морского порта Российской империи и соответствующая политика правительства, поощрявшего развитие торговли и промышленности в столице. В пореформенную эпоху, когда промышленное развитие России значительно ускоряется, Петербург, где в значительной мере сосредоточивались русские и иностранные капиталы, притекавшие в Россию, быстро превращается в крупнейший центр передовой капиталистической промышленности. Наличие удобных путей сообщения (морских, речных, железнодорожных), связывавших Петербург как с внутренними губерниями России, так и с внешним рынком, облегчало ввоз сырья, топлива и оборудования для промышленности и вывоз готовой продукции. Большое значение для развития петербургской промышленности имела близость его к центральным и северным нечерноземным губерниям (Тверская, Ярославская и т. п.), являвшимся источником квалифицированной рабочей силы (кустари, отходники и т. д.). И в самом Петербурге, куда царское правительство начиная с основания города широко привлекало русских и иностранных мастеров самых разнообразных специальностей, ко времени реформы имелись многочисленные собственные кадры высококвалифицированных рабочих, которые, опираясь на передававшиеся из поколе-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 455—456.

Обуховский завод в 60-х гг. XIX в. Фотоархив.

ния в поколение производственные традиции, создали многим изделиям петербургской промышленности (различные приборы и аппараты, художественное литье, бумага, фарфор и т. д.) заслуженную славу еще в крепостническую эпоху. Одним из важнейших условий, способствовавших развитию петербургской промышленности (особенно машиностроительной), было также то, что Петербург являлся научным центром страны, в частности — центром передовой научно-технической мысли.

Исключительно большую роль в деле превращения Петербурга в крупнейший центр прежде всего тяжелой промышленности сыграла некрозительственная политика самодержавия. Самодержавное правительство, получившее серьезный урок в Крымской войне, содействовало созданию крупной механизированной промышленности, без которой невозможно было перевооружение армии, создание разветвленной сети железных дорог (необходимых не только для развития экономических связей, но и для военных перевозок), развитие пароходства (в частности, создание парового военного флота) и т. п.

Указанные обстоятельства определили в известной мере особенности отраслевой структуры петербургской промышленности и оказали серьезное влияние на темпы и характер ее развития во второй половине XIX в.¹

* * *

Достаточно ясное представление об общем процессе развития крупной промышленности пореформенного Петербурга можно получить на основании двух таблиц, приведенных на стр. 83 и 84.²

Приведенные данные показывают весьма значительный общий рост крупного промышленного производства в Петербурге: по семи важнейшим отраслям промышленности количество предприятий возросло с 1867 по 1894/95 г. в 2,7 раза.

¹ Под Петербургом мы разумеем не только строго город в тогдашнем полицейско-административном смысле, но и пригороды и ближайшие окрестности, в которых были расположены ряд крупнейших петербургских заводов (Путиловский, Ижорский, Обуховский, Сестрорецкий и др.) и которые составляют вместе с городом единый промышленный комплекс. Исходя из этих соображений мы и производили все подсчеты, приведенные ниже. Следует отметить, что остальная часть Петербургской губ. играла в промышленном отношении сравнительно небольшую роль, что позволяет в ряде случаев использовать для характеристики промышленного развития Петербурга данные по губернии.

² В силу особенностей промышленной статистики второй половины XIX в. (крайняя неполнота, отсутствие научных принципов группировки предприятий и т. п.) дать вполне точную картину развития какой-либо отрасли промышленности на основании имеющихся статистических изданий представляется делом крайне трудным. Лучшими являются три издания (1881, 1887, 1894 гг.) «Указатели фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского», составленного П. А. Орловым. Но данные указателя относятся к 1879, 1884 и 1890 гг., тогда как за первые два десятилетия после реформы надежных и точных, притом сопоставимых данных по всем производствам получить почти невозможно. Тем не менее в какой-то степени верную картину, более или менее правильно характеризующую эволюцию важнейших отраслей промышленности за первые десятилетия после реформы, можно составить, используя, наряду с «Указателем», отдельные статистические издания 60—70-х годов. К числу лучших из них относится, в частности, три выпуска «Статистического атласа главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России» (1868, 1870, 1872 гг.), составленного Д. А. Тимирязевым. Данными работы Д. А. Тимирязева, относящимися к 1867 г., наряду с «Указателем», мы в основном и пользовались для составления соответствующих таблиц и для получения важнейших цифровых показателей развития петербургской промышленности. Довольно полные данные, относящиеся к концу рассматриваемого периода (к 1894/95 г.), составлены на основании «Перечня фабрик и заводов», изданного в 1897 г. Правда, данные «Перечня» не всегда полностью сопоставимы с данными «Указателя», так же как данные этого последнего — с данными «Статистического атласа» Д. А. Тимирязева, хотя все эти издания составлены на основании материалов Департамента торговли и мануфактур. Группируя цифровой материал, мы исходили из указания В. И. Ленина, что «всякие сравнения данных нашей фабрично-заводской статистики за разное время и по разным губерниям должны считаться недостоверными, пока не доказано противное» (Сочинения, т. 3, стр. 423). В тех случаях, когда данные полностью не сопоставимы, в тексте или в примечаниях в дальнейшем делаются соответствующие оговорки.

Крупная промышленность Петербурга в 1867—1894/95 гг. (по 40 промышленных предприятий)¹

Страны промышленности	1867 г.			1879 г.			1894/95 г.		
	число пред-приятий	число рабочих	сумма произ-водства, в тыс. руб.	число пред-приятий	число рабочих	сумма произ-водства, в тыс. руб.	число пред-приятий	число рабочих	сумма произ-водства, в тыс. руб.
Текстильная	47	10615	16153	81	18727	34790	70	28637	52079
Бумажная	19	4995	1815	29	3102	4480	35	4347	9343
Химическая	8	323	712	14	457	1694	23	2059	5705
Жирная и восковая	3	514	2652	6	770	7914	8	577	4277
Кожевенная	10	634	2116	32	2620	14340	27	3476	8862
Силикатная	8	953	453	62	8984	2361	42	4262	1871
Металлообрабатываю-щая	36	19362	29021	93	27902	47826	148	39000 ²	63000 ²
Итого	131	24936	43922	317	62562	111000	353	77358	145137

¹ Таблица охватывает лишь 40 производств (7 важнейших отраслей промышленности из 10), так как по другим предприятиям отсутствуют данные за 1867 г. Она составлена на основании «Статистического атласа» Д. А. Тихомирова, 1-го издания «Указателя» П. А. Орлова и «Перечня». Взяты только предприятия действительно промышленного значения, т. е. с числом рабочих не менее 16.

² Данные по металлообрабатывающей промышленности за 1894/95 г. являются приблизительными и, очевидно, преуменьшенными. Они получены нами следующим образом. Поскольку в «Перечне» отсутствуют сталелитейные и рельсовые заводы (т. е. крупнейшие), а также и некоторые другие (например, Центральный оружейный завод), то мы данные «Перечня» дополнили данными «Указателя» за 1890 г., увеличив их, исходя из среднего прироста за первую половину 90-х годов по другим единичным предприятиям, по числу рабочих — на 40%, по сумме производства — на 50% (в абсолютных цифрах по работам — примерно на 5 тыс. человек, по сумме производства — примерно на 10 млн руб.). Действительный прирост был больше уже по одному тому, что не все предприятия, очевидно, нами учтены (взято только 8 крупнейших заводов).

Крупная промышленность Петербурга в 1879—1894/95 гг. (по всем производственным)

Отрасль промышленности	1879 г.			1886 г.			1890 г.			1894/95 г.		
	число пред-приятий	число рабо-чих	сумма про-изводства в тыс. руб.	число пред-приятий	число рабо-чих	сумма про-изводства в тыс. руб.	число пред-приятий	число рабо-чих	сумма про-изводства в тыс. руб.	число пред-приятий	число рабо-чих	сумма про-изводства в тыс. руб.
Текстильная	81	18727	34790	91	19072	53094	70	21982	46317	70	29637	52079
Бумажная	29	3102	4489	32	2851	6030	33	3662	6056	35	4347	6343
Деревообделочная	35	4859	2590	40	2216	2311	30	1857	1797	49	2232	4373
Химическая	14	457	1694	13	663	2263	16	1017	2536	23	2059	5705
Жирная и восковая	6	770	7914	6	804	6675	5	820	4923	8	577	4277
Кожевенная	32	2620	11346	32	3388	8327	23	2355	5593	27	3476	8882
Салитровая	62	8884	2361	49	3984	1524	50	4713	3788	42	4262	1871
Металлообрабатывающая	93	27902	47828	85	21036	32546	104	24595	39547	148	36000 ¹⁾	63000 ²⁾
Пищевая	58	11608	46839	61	13162	45346	56	12572	46529	64	14651	32983
Разные производства*	20	5484	16126	19	3749	9823	24	5490	15585	34	7370	16193
Итого	431	81513	164555	428	76353	148239	411	79363	172621	500	101611	198686

* Таблица составлена на основании трех изданий «Указателя» (данные за 1879, 1884 и 1890 гг.) и «Перечня» (данные за 1894/95 г.).

¹⁾ См. примечание 2-ое к предыдущей таблице.

²⁾ В группу так называемых разных производств включены производства производства, не имеющие признаков основных отраслей промышленности, а также ряд производств, по тем или иным причинам не попавших в состав основных отраслей. Эти производства следующие: резиновое, кожаное и асфальтовое, асбестовое, минеральных и смолочных масс, пороховое и шпательное, музыкальных инструментов, анализаторное, солесушильное и солесольное.

число рабочих — в 2,2 раза, а сумма производства — в 3,3 раза. Рост промышленного производства наблюдался во всех отраслях, однако развивались они неодинаково, неравномерно. Так, в ведущей отрасли петербургской промышленности, металлообрабатывающей, количество предприятий возросло в 4 раза, число рабочих — в 1,8 раза, а сумма производства — в 3,1 раза. Большой прирост количества заведений объясняется здесь быстрым охватом фабрично-заводским и мануфактурным производством многочисленных второстепенных видов металлопромышленности (количество заведений с числом рабочих от 16 до 99 возросло с 13 до 105, т. е. в 8 раз), тогда как в основных видах металлургического производства, где господствовала крупная промышленность, количество предприятий возросло всего с 23 до 43, т. е. менее чем вдвое. Рост крупных предприятий с числом рабочих свыше 100 определял развитие металлопромышленности (на них в середине 90-х годов сосредоточивалось $\frac{9}{10}$ рабочих и $\frac{14}{15}$ стоимости годового производства), хотя по численности сильно возрос удельный вес средних заведений (от 16 до 99 рабочих). Несмотря на то, что в целом по металлообрабатывающей промышленности произошло как бы разукрупнение предприятий (на самом деле — распространение капитализма «всперех», охват капиталистическими формами производства всех видов металлопромышленности), однако в основных видах металлического производства (рельсовое, сталелитейное, машиностроительное и пр.) наблюдалась иная картина: среднее число рабочих, приходящееся на одно предприятие, почти не изменилось, но средняя годовая производительность предприятий возросла с 900 тыс. руб. до 1,4 млн руб.

В другой важнейшей отрасли петербургской промышленности — текстильной — количество предприятий возросло в 1,5 раза, число рабочих — в 2,5 раза, а сумма производства — в 3,2 раза. Здесь наблюдалось значительное увеличение не только общего числа предприятий, но и укрупнение средних размеров производства в отраслях, раньше других целиком перестроившихся на капиталистических началах. Из других отраслей крупной промышленности, игравших неизмеримо меньшую роль, следует отметить химическую, которая по темпам развития обгоняла все другие: количество заведений возросло в 3 раза, число рабочих — в 6,5 раза, а сумма производства — в 8 раз. За ней следует кожевенная: количество предприятий возросло в 2,7 раза, число рабочих — в 5,8 раза, сумма производства — в 4,4 раза. В жировой и восковой промышленности количество предприятий возросло в 2,7 раза, число рабочих осталось почти неизменным, но сумма производства возросла в 1,6 раза. В силикатной промышленности количество предприятий возросло в 5,2 раза, число рабочих и сумма производства — в 4,5 раза. Значительный рост произошел и в пищевой промышленности,¹ производившей в 1867 г. продукции не менее чем на 15—16 млн руб. и насчитывавшей около 5 тыс.

¹ Точных данных о ней, как и о деревообделочной промышленности и так называемых «разных производствах», за 1867 г. у нас не имеется.

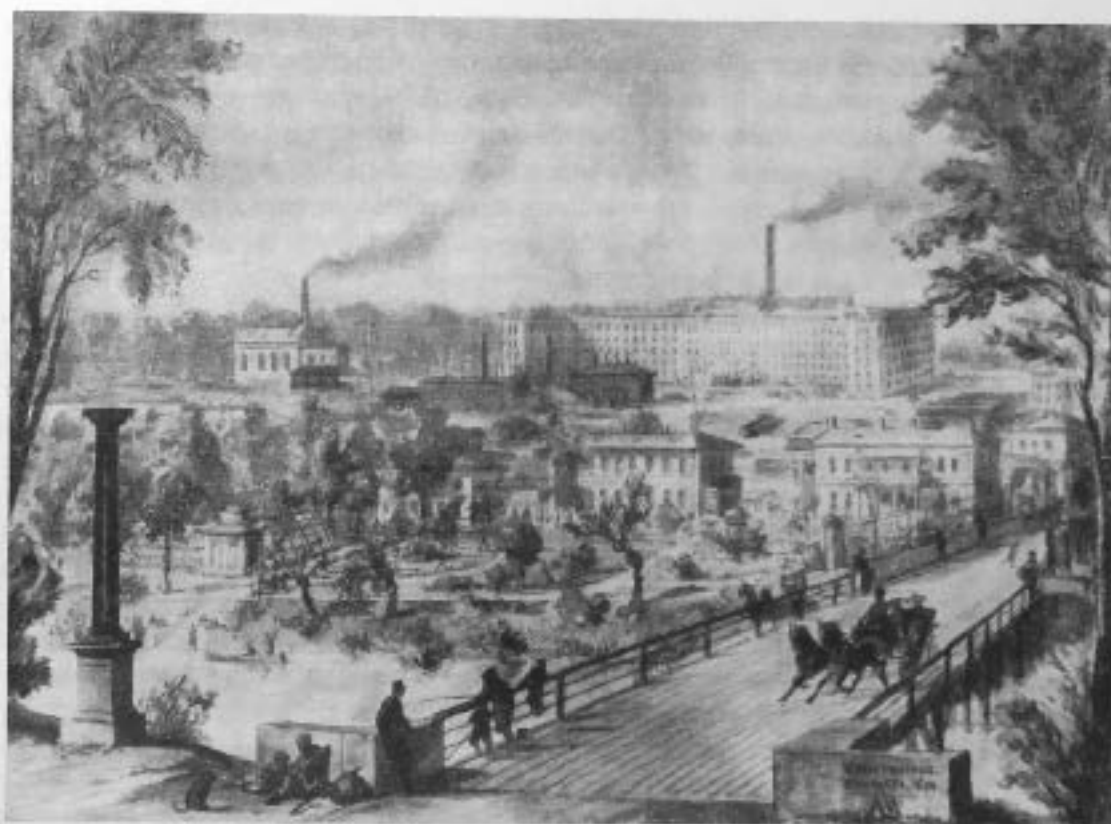
рабочих. Деревообделочная промышленность в 1867 г. насчитывала всего несколько более или менее крупных заведений с общим числом рабочих около 300 человек и с годовой производительностью около 200 тыс. руб., так что прирост здесь к середине 90-х годов был исключительно велик. Быстро развивались также и производства, составляющие группу так называемых «разных производств».

Наряду с общим развитием промышленности Петербурга во второй половине XIX в. почти во всех отраслях наблюдалось значительное увеличение производительности труда. В металлообрабатывающей промышленности средняя годовая выработка на одного рабочего возросла за период 1867—1894/95 г. с 1000 до 1700 руб., в текстильной — с 1600 до 2000 руб., в бумажной — с 900 до 2100 руб., в химической — с 2200 до 2700 руб., и т. д. Столь значительный рост производительности труда является ярким свидетельством успешного и весьма быстрого перехода большинства отраслей промышленности Петербурга от ручного мануфактурного производства к капиталистическому фабрично-заводскому производству, хотя в разных отраслях этот процесс сказывался не в одинаковой мере. Наиболее сильно он проявлялся в текстильной, в бумажной, в важнейших видах металлообрабатывающей промышленности, а также в ряде новых видов промышленного производства, тогда как некоторые другие отрасли базировались еще в основном на ручном труде.

Развитие капиталистического механизированного производства, в той или иной мере охватившего все важнейшие отрасли промышленности, привело к изменению отраслевой структуры крупной промышленности Петербурга.

В 60-х годах в крупной промышленности Петербурга наблюдалось громадное преобладание трех отраслей — металлообрабатывающей, текстильной и пищевой. В этих отраслях уже ко времени реформы важнейшие виды производства были представлены в основном крупными предприятиями. На долю металлообрабатывающей, текстильной и пищевой промышленности в 60-х годах приходилось около 90% всех занятых в крупной промышленности рабочих и около 85% всей производимой продукции, тогда как на долю остальных семи отраслей приходилось всего 10% рабочих и около 15% производимой продукции. В последующие же десятилетия в связи с быстрым распространением капиталистических форм промышленности в других отраслях доля указанных трех ведущих отраслей падает. К первой половине 90-х годов металлообрабатывающая, текстильная и пищевая отрасли промышленности хотя и сохранили попрежнему свое ведущее положение, но их удельный вес и по численности рабочих, и по количеству производимой продукции сократился до $\frac{3}{4}$.

Как свидетельствуют данные приведенных таблиц, охват фабрично-заводским производством всех важнейших отраслей промышленности сопровождался на протяжении первых двух пореформенных десятилетий известным уменьшением средних размеров предприятий. Так, если в 1867 г. на одно предприятие крупной промышленности приходилось в среднем (по семи отраслям) около 250 рабочих,

*Екатерингофская мануфактура. Рисунок. 1874 г.
Музей истории Ленинграда.*

то в 1879 г. — уже менее 200. Период 60—70-х годов характеризуется, следовательно, прежде всего как бы распространением капитализма «вширь», развитием капиталистических форм промышленности в подавляющем большинстве видов промышленного производства. Ожесточенная конкуренция, характерная для развитого капитализма, в этот период была еще слаба. Лишь в отношении немногих видов промышленного производства, правда важнейших (хлопчатобумажное, сталелитейное, машиностроительное, рельсовое, а также сахарное и некоторые другие), можно говорить, что и в этот период происходило развитие капитализма «вглубь» (особенно для 70-х годов).

В 80-х—в первой половине 90-х годов мы также видим одновременное проявление обоих процессов, но преобладающее значение приобретает второй. В этот период капиталистическая перестройка в ряде видов промышленного производства получает известное завершение, а конкурентная борьба, обострившаяся тяжелыми кризисами, ведет к вытеснению более слабых предприятий и к значительной концентрации производства. В некоторых отраслях при значительном увели-

чении числа рабочих и суммы производства количество предприятий не растет, а сокращается (текстильная, кожевенная, а также ряд видов производства пищевых продуктов, резиновое производство и т. д.). В результате средние размеры предприятий возросли. Если в 1879 г. на одно предприятие (по всем производствам) приходилось в среднем 190 рабочих, то в 1894/95 г. — уже 203. По некоторым отраслям этот рост был значительно больше, а в отдельных видах промышленного производства (резиновое, сахарное, стеариновое) сохранились единичные предприятия-гиганты.

Таким образом, промышленное развитие пореформенного Петербурга характеризуется невиданными при крепостничестве темпами, что было связано с быстрым охватом фабрично-заводским производством всех важнейших отраслей промышленности. Капиталистический прогресс в крупной промышленности выразался не только в увеличении количества предприятий и числа занятых на них рабочих, но и в укрупнении размеров производства в 80—90-х годах, в значительном росте производительности труда, что в общей сложности и обусловило громадное, более чем втрое, увеличение производительности крупной промышленности к середине 90-х годов. Существо процесса состояло в решительном переходе крупной промышленности Петербурга от мануфактуры к фабрике; в основе этого процесса лежал переход от ручного труда к машинному. Это был коренной переворот в промышленности, который привел во второй половине XIX в. к победе в основных ее отраслях крупного фабрично-заводского производства.

* * *

Об уровне развития техники в рассматриваемое время можно судить по применению паровых двигателей и по их мощности. Это дает известные основания судить и о степени механизации основных производственных процессов в разных отраслях промышленности.

Промышленный переворот, начавшийся еще в 30—40-х годах XIX в., привел уже ко времени реформы к перестройке некоторой части предприятий на основе машинной техники. В 1862 г. из 355 предприятий, отнесенных официальной статистикой к разряду фабрик и заводов и представивших соответствующие сведения,¹ паровые двигатели имелись уже на 103 предприятиях, т. е. почти на $\frac{1}{3}$ всех заведений. Общая мощность всех двигателей равнялась 3872 л. с., или в среднем 37,6 л. с. на одно предприятие из числа имеющих механические двигатели. Если брать все зарегистрированные в 1862 г. предприятия, то средняя мощность паровых машин на каждом из них составляла 10,3 л. с.² Для России того времени

¹ В действительности крупных предприятий (с числом рабочих не менее 16) в начале 60-х годов в Петербурге было значительно меньше (не более 200).

² Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г. СПб., 1863, стр. 54.

степень насыщенности петербургской промышленности механическими двигателями была весьма высока. Достаточно указать, что промышленность второго крупнейшего центра — Москвы — далеко отставала в этом отношении. Перед реформой (в 1853 г.) из 443 предприятий Москвы паровые двигатели имели только 31, т. е. около 7%. Общая мощность их составляла немногим более 700 л. с. Даже в 1879 г. степень оснащённости московской промышленности паровыми машинами была ниже, нежели петербургской в 1862 г.¹

На первом месте по насыщенности паровыми двигателями стояло в 1862 г. бумагопрядильное производство. Из 12 бумагопрядилен паровые машины были на 11. Общая их мощность составляла 1736 л. с., т. е. 157,8 л. с. на каждое предприятие, имеющее паровые двигатели. Другие виды хлопчатобумажного производства были оснащены паровыми двигателями ещё весьма слабо. Так, в ситцепечатном производстве средняя мощность паровых двигателей (из числа предприятий, имеющих их) составляла 33 л. с., в ватном — 22,5 л. с. и т. д. Слабо была затронута промышленным переворотом и металлообрабатывающая промышленность, в которой средняя мощность паровых машин составляла 33,5 л. с. на одно предприятие. Из других производств следует отметить резиновое, в котором средняя мощность паровых машин составляла 45 л. с. на одно предприятие, стеклянное — 49 л. с., красильное — 30 л. с., ткацкое — 28 л. с., и т. д. В большинстве остальных видов промышленного производства степень насыщенности механическими двигателями была крайне низка, а во многих производствах они вообще отсутствовали.

После реформы промышленный переворот происходит в разных отраслях промышленности и в различных группах производств внутри каждой отрасли далеко не одинаково интенсивно, вследствие чего даже к концу рассматриваемого периода в ряде производств механизация была сравнительно низкой.

Приводимая таблица свидетельствует, что после реформы 1861 г. механизация промышленного производства происходила неизмеримо быстрее, чем при крепостничестве. Уже к 1879 г. почти на половине крупных промышленных предприятий Петербурга имелись паровые машины. Если число предприятий с паровыми машинами (о которых имеются соответствующие сведения) возросло в 1,5 раза, то общая мощность паровых машин на них увеличилась с 3872 л. с. до 15 726 л. с., т. е. более чем в четыре раза. Только один прирост мощностей паровых двигателей за первые два десятилетия после реформы составляет цифру втрое большую, нежели мощность паровых машин, поступивших в петербургскую промышленность за весь предреформенный период.² В среднем в 1879 г. приходилось на

¹ Сведения о московской промышленности заимствованы нами в данном случае, а также и в большинстве других из главы А. С. Нифонтова «Промышленность капиталистической Москвы» в IV томе «Истории Москвы».

² Следует учесть, что первые паровые машины появились на предприятиях Петербурга ещё в конце XVIII в.

Ход механизации крупной промышленности Петербурга после реформы 1861 г.

Отрасли промышленности	1879 г.			1890 г.			1894/95 г.			общая их мощ- ность, в л. с.	
	число предприятий в паровых двигателях	в том числе с устан. паровых машин и их мощности	общее количество на них паровых ма- шин	число предприятий с паровыми двигателями	в том числе с устан. паровых машин и их мощности	общее количество на них паровых ма- шин	число предприятий с паровыми двигателями	в том числе с устан. паровых машин и их мощности	общее количество на них паровых ма- шин		
Текстильная	81	45	459	70	54	469	70	59	50	194	29009
Бумажная	29	16	28	33	24	66	35	31	31	116	6684
Деревообделочная	35	16	4	30	25	38	49	27	27	36	1994
Химическая	14	6	8	16	9	26	23	21	21	58	1040
Жирный и восковой	6	2	6	5	4	8	8	5	5	7	420
Коженная	32	11	11	23	15	21	27	16	16	28	871
Силикатная	62	8	7	50	16	25	42	11	11	13	229
Металлообрабатываю- щая	93	61	290	104	85	287	148	104	104	382	24021*
Пищевая	59	27	6	56	46	38	64	44	43	141	2803
Разные производства	20	5	16	24	20	19	34	16	15	43	3078
Итого	431	197	505	411	205	768	500	325	323	1018	68949

* Таблица составлена на основании 1-го и 3-го изданий «Указателя» (данные за 1879 и 1890 гг.) и «Перечня» (данные за 1894/95 г.).

Данные об общей мощности паровых машин в металлообрабатывающей промышленности за 1894/95 г. не являются точными. Они, на наш взгляд, сильно преуменьшены, так как отсутствующие за 1894/95 г. сведения о ряде крупнейших предприятий мы восстановили данными «Указателя» за 1890 г. Хотя эти последние нами несколько увеличены, но, учитывая, что в первой половине 90-х годов ряд крупнейших заводов был переоборудован, а некоторые вновь основанные заводы нами, очевидно, не учтены, общая мощность паровых машин в металлообрабатывающей промышленности для середины 90-х годов должна быть увеличена до 30—35 тыс. л. с. (из этого мы и исходим при анализе таблицы).

каждое предприятие, имеющее паровые двигатели, 103 л. с., т. е. почти втрое больше, чем в 1862 г. Если же брать все предприятия, то на каждое из них приходилось теперь в среднем не менее 40 л. с.,¹ т. е. в четыре раза больше, чем в 1862 г.

Как свидетельствуют данные 1879 г., к этому времени в ведущих отраслях петербургской промышленности переход от мануфактуры к фабрике в основном уже завершился. Однако в ряде других отраслей господствовало пока еще мануфактурное производство.

На первом месте по числу механизированных предприятий и по степени насыщенности механическими двигателями стояла металлообрабатывающая промышленность, но и в ней $\frac{1}{3}$ предприятий не имела паровых машин. На 57 металлообрабатывающих предприятий было 260 паровых двигателей общей мощностью в 8636 л. с., т. е. в среднем 151,5 л. с. на одно предприятие. Следует при этом, однако, учитывать, что предприятия, на которых осуществлялись важнейшие виды металлургического производства (сталелитейное, рельсовое, машиностроительное, чугунолитейное, проволочное и гвоздильное), все имели паровые двигатели. Главная масса паровых двигателей, притом наиболее высокой мощности, сосредотачивалась на рельсовых, сталелитейных и машиностроительных заводах, имевших, как правило, громадные размеры. Таких заводов (с числом рабочих свыше 100) было всего 23 (сведения имеются о 21), однако на них (на 21) находилось 214 паровых машин общей мощностью 7618 л. с., т. е. в среднем по 365 л. с. на каждое. Они и обуславливали высокий уровень механизации металлообрабатывающей промышленности в целом, хотя очевидно, что большинство других металлургических предприятий было механизировано слабо.

Такая же, примерно, картина, наблюдалась в 1879 г. в текстильной промышленности. Тогда как в хлопчатобумажных производствах все предприятия имели паровые двигатели, при этом высокой мощности (на 26 предприятиях было 132 паровых машины мощностью 4139 л. с.), — другие текстильные фабрики были механизированы слабо. Из 14 шерстяных фабрик паровые машины имели только 9 (12 паровых машин мощностью 412 л. с.), а из 41 кабатной, тесемочной, красильной и других фабрик — только 6 (15 паровых машин мощностью 299 л. с.). Если в целом по всей текстильной промышленности на каждое предприятие приходилось 60 л. с., то в хлопчатобумажных производствах средняя мощность паровых машин составляла 159 л. с., на шерстяных фабриках — только 29 л. с., а на прочих — 7 л. с.

Остальные отрасли промышленности, хотя и среди них имелись высокомеханизированные производства, в целом были оснащены механическими двигателями к концу 70-х годов еще очень слабо. Если на их долю приходилось почти $\frac{2}{3}$ общего числа предприятий и половина рабочих, то по мощности паровых машин их удель-

¹ Мы учитываем и те предприятия, на которых паровые двигатели были, но сведений о их мощности нет.

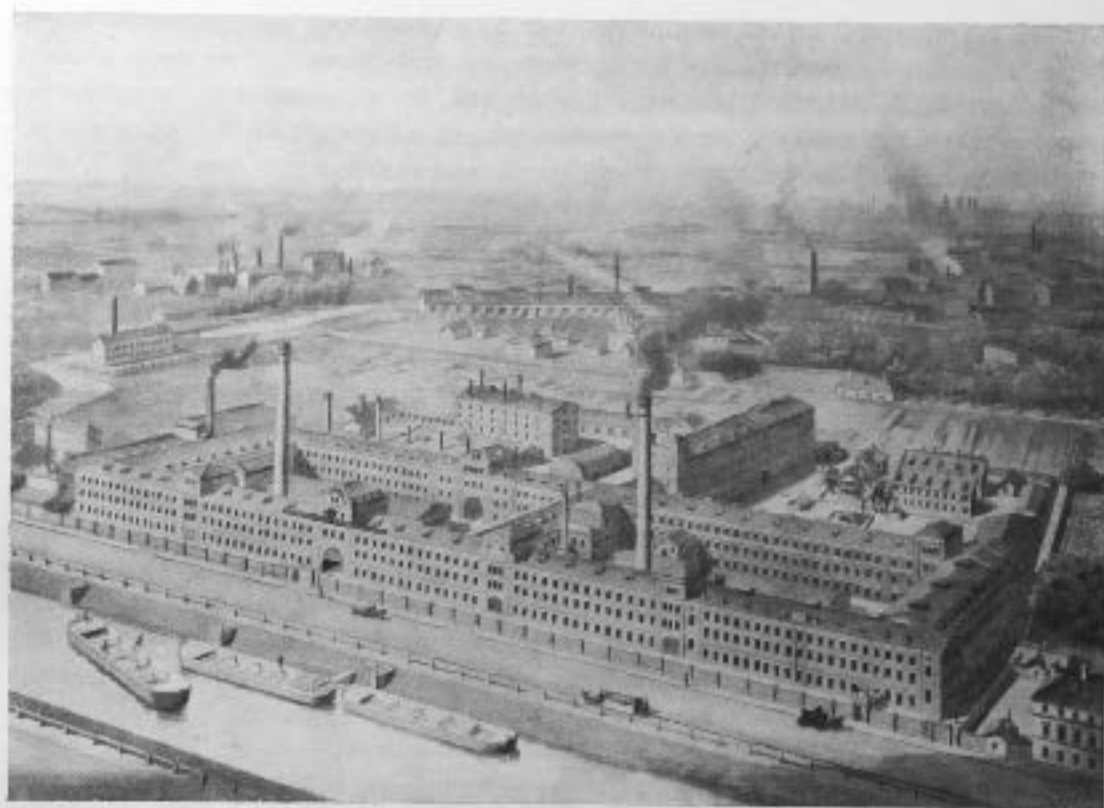
ный вес был крайне мал. На все 8 отраслей промышленности (259 предприятий), кроме металлообрабатывающей и текстильной, приходилось не многим более 100 механических двигателей общей мощностью не более 2,5 тыс. л. с., т. е. в среднем 9,6 л. с. на каждое промышленное заведение. При этом если в группе так называемых «разных производств» средняя мощность паровых двигателей на каждом предприятии составляла 36 л. с. (главным образом за счет резинового производства), в бумажной промышленности — 25 л. с., в жировой и восковой — 16 л. с., то в других отраслях она была совершенно ничтожна: в кожевенной — менее 10 л. с., в химической — 7,5 л. с., в силикатной — 2 л. с., в деревообделочной — 1,9 л. с., в пищевой — 1,5 л. с.

Таким образом, к концу 70-х годов промышленный переворот получил известное завершение лишь в некоторых видах промышленного производства, в первую очередь — в важнейших производствах металлообрабатывающей промышленности и в хлопчатобумажном производстве. Почти все остальные производства были далеки от завершения процесса перехода от мануфактуры к фабрике, а многие из них переживали лишь начальные стадии промышленного переворота. Основная масса продукции крупной промышленности Петербурга в 60—70-х годах, если исключить металлообрабатывающие и хлопчатобумажные предприятия, производилась на немеханизированных или слабо механизированных капиталистических мануфактурах. В этот период, как уже указывалось, в большинстве отраслей промышленности происходил как бы процесс распространения капитализма больше «вширь» (охват крупным мануфактурным производством всех видов промышленности), нежели «вглубь» (перерастание мануфактуры в фабрику).

К концу 80-х—середине 90-х годов картина существенным образом изменяется. В течение 15 лет, с 1879 по 1894/95 г., число предприятий увеличилось всего на 17%, число рабочих и ценность годового производства — примерно на 25%, в то же время количество заведений, оснащенных паровыми машинами, возросло на 65%, а общая мощность паровых машин — не менее чем в 4,5 раза. Прирост мощностей паровых машин за этот период выражался в громадной цифре — 54 тыс. л. с., более чем втрое превышающей мощность всех паровых машин в 1879 г.

По уровню механизации металлообрабатывающая и текстильная промышленность попрежнему играли ведущую роль, но по темпам развития этот процесс гораздо сильнее проявлялся в ряде других отраслей. Так, если в металлообрабатывающей промышленности общая мощность механических двигателей возросла примерно в 3 раза, в текстильной — в 6 раз, то в таких отраслях, как химическая, она возросла в 10 раз, в деревообделочной и пищевой — не менее чем в 10 раз, в бумажной — в 9 раз. В других отраслях темпы механизации были ниже, а в некоторых, как силикатная или жировая и восковая, весьма незначительны.

К концу 80-х годов крупное фабрично-заводское производство заняло почти во всех основных отраслях петербургской промышленности безраздельно господствующее положение. Достаточно указать, что почти на всех крупных предпри-

Российско-Американская резиновая мануфактура. С литографии 90-х годов XIX в.

тиях, имевших свыше 100 рабочих (а они давали чуть не $\frac{1}{10}$ всей промышленной продукции), кроме силикатных, к 1890—1895 гг. имелись паровые машины. Таких предприятий в 1894/95 г. было 156, т. е. менее $\frac{1}{8}$, однако на них сосредоточивалось $\frac{4}{5}$ (около 800) всех механических двигателей и 92% общей их мощности (64 223 л. с.). На каждое крупное предприятие приходилось в среднем 5 паровых машин общей мощностью в 412 л. с. Наиболее высоким уровнем механизации отличались крупные предприятия металлособрабатывающей и текстильной промышленности. Крупнейшие из них имели десятки паровых машин в сотни лошадиных сил каждая.

Подводя итоги, следует, однако, сказать, что даже в передовой петербургской промышленности сильно проявлялись черты отсталости российского капитализма. Заводское машиностроение в Петербурге было развито в крайне недостаточной степени. Оборудование для фабрик и заводов ввозилось по преимуществу из-за границы, что являлось одной из наиболее тяжелых форм зависимости промышленности Петербурга и всей страны от западноевропейского, прежде всего германского и английского капитализма. Несмотря на быстрое развитие в XIX в.

русской технической мысли, в ряде отраслей опережавшей западноевропейскую, общая социально-экономическая и политическая отсталость России мешала созданию собственной развитой машиностроительной промышленности, тормозя тем самым перестройку всей крупной промышленности и Петербурга и страны в целом на основе новейшей капиталистической машинной техники.

* * *

Перейдем к характеристике развития крупной промышленности Петербурга по ее отдельным отраслям, останавливаясь главным образом лишь на важнейших видах промышленного производства.

Ведущую роль в промышленном развитии Петербурга во второй половине XIX в., как уже отмечалось, играла металлообрабатывающая промышленность. В 60-х годах она занимала первое место и по числу предприятий, и по числу рабочих, и по сумме производства. Это вполне понятно. Хотя в целом капиталистическая индустриализация начинается с развития отраслей легкой, в частности хлопчатобумажной, промышленности, но Петербург эту стадию прошел уже в первой половине XIX в. В жизни страны, перестраивающейся на капиталистический лад, все большее значение приобретало теперь развитие тяжелой промышленности, сосредоточенной в некоторых промышленных центрах, крупнейшим из которых являлся Петербург.

В первые годы после реформы развитие петербургской промышленности шло замедленными темпами, что было связано прежде всего с общими условиями «освобождения». Это в сильной степени коснулось и металлообрабатывающей промышленности, развитие которой в первой половине 60-х годов шло крайне медленно. Однако уже в это время наблюдается весьма значительное преобладание металлообрабатывающей промышленности над хлопчатобумажной (не говоря о других).

Вот некоторые данные о развитии в 60-х годах металлообрабатывающей промышленности Петербургской губ., включающие, правда, значительное число мелких, ремесленного типа заведений. В 1863 г. в губернии насчитывалось 70 металлических предприятий с суммой производства 11,5 млн руб. (хлопчатобумажных соответственно — 20 предприятий с суммой производства 11 млн руб.).¹ В 1864 г. число металлических предприятий возросло до 77, число занятых на них рабочих равнялось 12 928 чел., а сумма производства — 15,5 млн руб. (хлопчатобумажных соответственно — 22 предприятия — 6585 рабочих — 12 145 тыс. руб.).² В 1867 г. металлических предприятий только в городе и его ближайших окрестностях было учтено 37 (мелкие не учитывались), число рабочих возросло

¹ Статистический вестник Российской империи. СПб., 1865, т. I, отд. II, стр. 57—58.

² Сведения о фабриках и заводах, действовавших в 1864 году. СПб., 1866, стр. 29—30.

Вид Невского проспекта в 60-е годы XIX в. Фотография.

до 19 977 человек, а сумма производства — до 20 млн руб. (тогда как хлопчатобумажное производство характеризовалось соответственно следующими данными: 21 предприятие — 7 534 рабочих — 12,5 млн руб.).¹ Таким образом, на протяжении 60-х годов металлообрабатывающая промышленность достигла значительных успехов, тогда как игравшее до реформы ведущую роль хлопчатобумажное производство топталось на месте, далеко отстав от металлообрабатывающего. Большую роль сыграло здесь сокращение ввоза американского хлопка, связанное с гражданской войной в США. В дальнейшем металлообрабатывающая промышленность Петербурга по всем показателям занимает ведущее место, хотя разрыв между ней и стоявшей на втором месте хлопчатобумажной промышленностью, также весьма быстро развивавшейся, в отдельные годы сокращался до минимума.

¹ Д. А. Т и м и р и з е в. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России, тав. I и III. СПб., 1869 и 1872.

Для характеристики развития металлургической промышленности Петербурга чрезвычайную важность представляет также вопрос о степени концентрации производства и рабочей силы, а также связанный с этим вопрос о степени механизации производства. В этом отношении металлургическая промышленность Петербурга значительно отставала от хлопчатобумажного, а также от табачного и резинového производства. Это объясняется тем, что во многих видах металлического производства, особенно тех из них, которые не были связаны с военными и железнодорожными заказами, господствовали преимущественно средние, а зачастую и мелкие предприятия, обслуживавшие главным образом различные бытовые нужды населения быстро растущего города, а частично и всей России. Капиталистическая конкуренция сказывалась здесь в относительно меньшей мере.

Из приведенных в таблице данных видно, что с 1867 по 1879 г. число крупных предприятий металлообрабатывающей промышленности возросло с 36 до 93, т. е. в 2,6 раза (мы исключаем в данном случае предприятия с числом рабочих

Развитие металлообрабатывающей промышленности Петербурга за 2 тис.

Группы предприятий по числу рабочих	1867 г.				1879 г.			
	число предприятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.	число предприятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.
	всего	из них с паровыми двигателями			всего	из них с паровыми двигателями		
Число рабочих менее 16 ¹	1		15	19	47	3	436	399
16—99 рабочих	13		573	565	55	24	2219	2633
100—499 »	12		2806	3250	22	21	3808	7290
500—999 »	4		2699	3602	8	8	5778	9825
1000 и более рабочих	7	Нет данных	13884	12604	8	8	16047	28088
Всего	37	—	19977	20040	140	64	28 288	48225

¹ Таблица составлена на основании «Статистического атласа» (данные за 1867 г.: слабо учтены мелкие предприятия, а также не учтено большинство железнодорожных мастерских), трех изданий «Указателя» (данные за 1879, 1884 и 1890 гг.) и «Перечня» (данные за 1894/95 г.): на них исключены типографии и прибавлены отсутствующие крупные рельсовые и сталелитейные заводы.

² Данные о мелких предприятиях (с числом рабочих менее 16, но с суммой годового производства не менее 2 тыс. руб.) включены в таблицы и используются нами в дальнейшем при характеристике развития каждой отдельной отрасли производства на том основании, что в Петербурге многие виды производства (в том числе и металлического) были в значительной мере представлены полумастерскими-полумануфактурами с числом рабочих 10—15 человек.

менее 16), число рабочих на них увеличилось в полтора раза, а сумма производства — почти в два с половиной раза. Почти все предприятия с числом рабочих от 100 и более уже в конце 70-х годов употребляли паровые двигатели, что явилось одной из важнейших причин увеличения производительности труда. В 80-х годах, в связи с кризисом и депрессией, наблюдается значительное сокращение и числа предприятий и общего объема производства, но в первой половине 90-х годов металлургическое производство снова начинает быстро развиваться и к середине 90-х годов его уровень был уже значительно выше, чем в 1879 г. С 1879 по 1894/95 г. число крупных предприятий возросло с 93 до 148 (на 59%), число рабочих — с 27 852 до 36 062 человек (на 32%), сумма производства — с 48 до 63 млн руб. (на 31%). За весь период 1867—1894/95 гг. число крупных предприятий возросло в 4 раза, число рабочих — на 80%, а сумма производства — более чем в 3 раза.

На первый взгляд может создаться представление, что не только в 60—70-х годах, но даже и в 80-х годах в петербургской металлообрабатывающей промыш-

1867—1894/95 гг. (изяты предприятия с суммой производства не менее руб.)¹

1884 г.				1890 г.				1894/95 г.			
число пред- приятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.	число пред- приятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.	число пред- приятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.
всего	из них с па- ровыми дви- гателями			всего	из них с па- ровыми дви- гателями			всего	из них с па- ровыми дви- гателями		
37	13	373	709	26	16	246	302	20	16	211	333
59	32	3481	4879	71	53	2887	3443	105	63	4017	4636
14	14	3094	7727	19	18	4199	6909	25	23	4245	6387
3	3	1729	2842	5	5	3107	9515	7	7	Около 4800	Около 14000
9	9	12741	17098	9	9	14402	19680	11	11	Около 23000	Около 38000
122	71	21409	33255	130	101	24841	39909	168	120	Около 36000	Около 63000 ²

и без их учета не получилось бы полной картины, отражающей состояние той или иной отрасли производства (тем более что в состав ремесленных заведений, рассматриваемых нами специально, указанные предприятия не входят). Данные о мелких предприятиях важны и в том отношении, что они наглядно показывают, что с развитием в основных отраслях промышленности крупного механизированного производства мелкие мастерские в большинстве своем гибнут. Но в некоторых видах промышленного производства, слабо затронутых механизацией, они весьма быстро развиваются и являются основными формами капиталистической промышленности. В то же время при общей характеристике развития петербургской крупной промышленности данные о мелких заведениях нами опускаются.

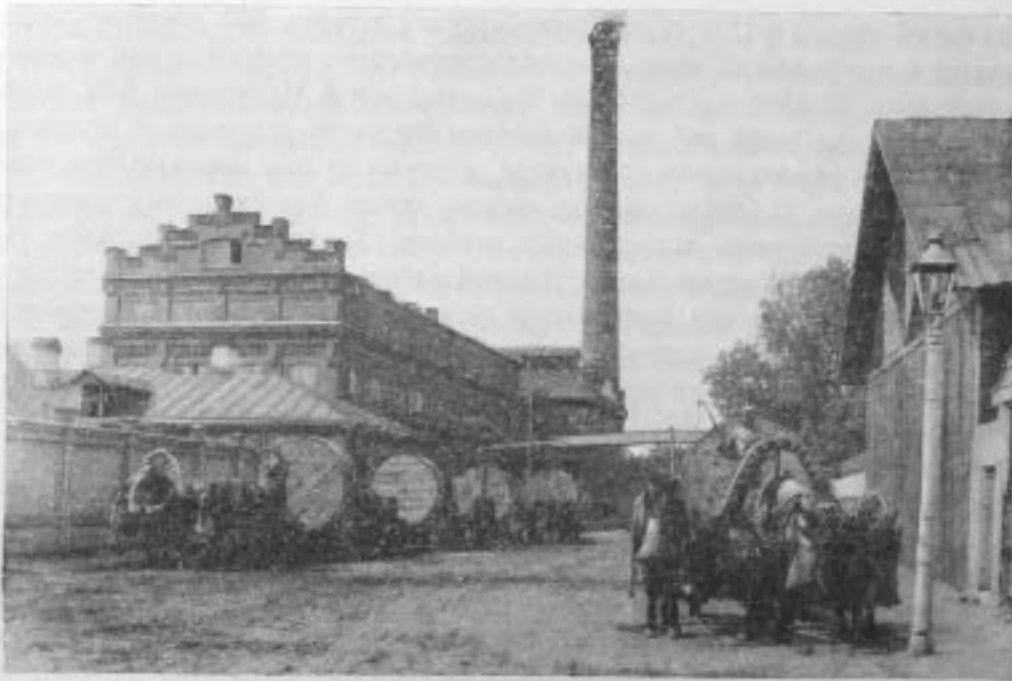
¹ См. примечание 2-е на стр. 83.

ленности степень концентрации производства не только не повышалась, но даже понижалась. На деле картина была иной. Количественный рост предприятий происходил главным образом за счет сравнительно мелких заведений с числом рабочих от 16 до 99. Число предприятий этой категории возросло более чем в 8 раз, тогда как во всех остальных группах (с числом рабочих от 100 и более) — всего с 23 до 43, т. е. менее чем в 2 раза. В то же время количество рабочих в первой группе производств увеличилось всего в 7 раз, а сумма производства — в 8,5 раза, т. е. здесь мы действительно наблюдаем некоторое уменьшение средних размеров производства и очень незначительный рост производительности труда. Однако по удельному весу в общем объеме металлургического производства роль сравнительно мелких заведений была незначительной.

Иная картина наблюдалась в других группах производств, особенно в 80-х — начале 90-х годов. За период с 1867 по 1879 г. количество предприятий с числом рабочих от 100 и выше возросло с 23 до 38 (на 65%), число рабочих на них — с 19 389 до 25 633 (на 32%), а сумма производства — с 19 456 до 45 193 тыс. руб. (на 132%). Очевидно, что в этой группе производств уже в первые два десятилетия после реформы наблюдался значительный рост производительности труда, за счет чего увеличился и средний объем производства (с 763 тыс. руб. до 1 189 тыс. руб.), хотя по числу рабочих произошло как бы некоторое разукрупнение предприятий и этой группы. В дальнейшем, однако, развитие крупнейших металлообрабатывающих предприятий характеризуется быстрой концентрацией не только производства, но и рабочей силы. За период с 1879 до 1894/95 г. число указанных предприятий возросло всего на 13% (с 38 до 43), число же рабочих — на 25% (с 25,6 до 32 тыс.), а сумма производства — на 29% (с 45 до 58 млн руб.).

На крупнейших предприятиях, которых в 1879 г. насчитывалось менее $\frac{1}{2}$, а в 1894/95 г. менее $\frac{1}{3}$ общего числа металлообрабатывающих заводов, сосредоточивалось в указанные годы $\frac{9}{10}$ всех рабочих-металлистов и производилось 92—94% всей продукции данной отрасли промышленности.

Таким образом, уровень концентрации петербургской металлообрабатывающей промышленности в период промышленного капитализма был весьма высок. Крупнейшие предприятия (с числом рабочих свыше 100 и особенно свыше 500) безраздельно господствовали. Последнее станет еще более понятным, если учесть, что почти все они приходились на важнейшие виды металлургической промышленности, производящей средства производства (рельсовые, сталелитейные, железо-прокатные и машиностроительные заводы). Что же касается других видов металлообрабатывающей промышленности, имевших второстепенное значение и производивших товары в основном для нужд петербургского населения, то в них господствовали сравнительно мелкие заведения (с числом рабочих в несколько десятков человек), число которых с развитием капитализма и ростом внутреннего рынка очень быстро увеличивалось. Это было вполне естественным явлением, поскольку капитализм в России был развит еще сравнительно слабо и передовые формы

Завод Сименс-Гальванск. Фотография начала XX в.

капиталистической промышленности распространялись прежде всего в важнейших видах производства. Тогда как в промышленности, производящей средства производства, происходил процесс перехода от мануфактуры к фабрике, в металлообрабатывающих предприятиях, производящих предметы массового потребления, в значительной мере шел еще процесс вытеснения мелких ремесленных заведений капиталистической мануфактурой. Рост количества предприятий с числом рабочих от 16 до 99 при одновременном уменьшении количества мастерских ремесленного и полуремесленного типа (с числом рабочих менее 16) свидетельствует именно об этом процессе. Сказанное, как мы увидим ниже, не исключает сравнительно быстрого абсолютного роста в ряде отраслей промышленности мелкого ремесленного производства.

Всего в Петербурге за рассматриваемый период возникло свыше 100 металлообрабатывающих предприятий. Некоторые из них превратились в крупные заводы, которым впоследствии принадлежала руководящая роль в металлообрабатывающей промышленности России. Наиболее крупными были следующие предприятия. В 1862 г. был основан Л. Нобелем на Выборгской стороне механический, чугуно-стале-меднолитейный и котельный завод. В 1868 г. на Выборгской стороне был основан машиностроительный завод «Феникс». В 70-х годах возникло три крупных завода: в 1873 г. на Васильевском Острове был открыт железопрокатный и проволоочный завод, в том же году в Нарвской части начал действовать вагоно-

строительный завод, в 1877 г. на Петербургской стороне был построен железо-прокатный и проволочный завод. Все эти предприятия принадлежали акционерным обществам. В 1863 г. Обуховым, Кудрявцевым и Путиловым был основан Обуховский завод. Завод работал по заказам Морского ведомства и производил стальные орудия самого крупного калибра, которые до того заказывались исключительно у Крушца. В 1881 г. на базе старого завода Розенкранца образовалось Общество меднопрокатных и трубчатых заводов. Трубопрокатный завод этого общества был расположен на Полустровской набережной (ныне завод «Красный Выборжец»). В том же году французское акционерное общество в Коломенской части Петербурга открыло крупный завод по постройке судовых котлов и машин. В 1887 г. на Петербургской стороне был открыт механический, чугуно-меднолитейный завод «Мангензипен и К^о».

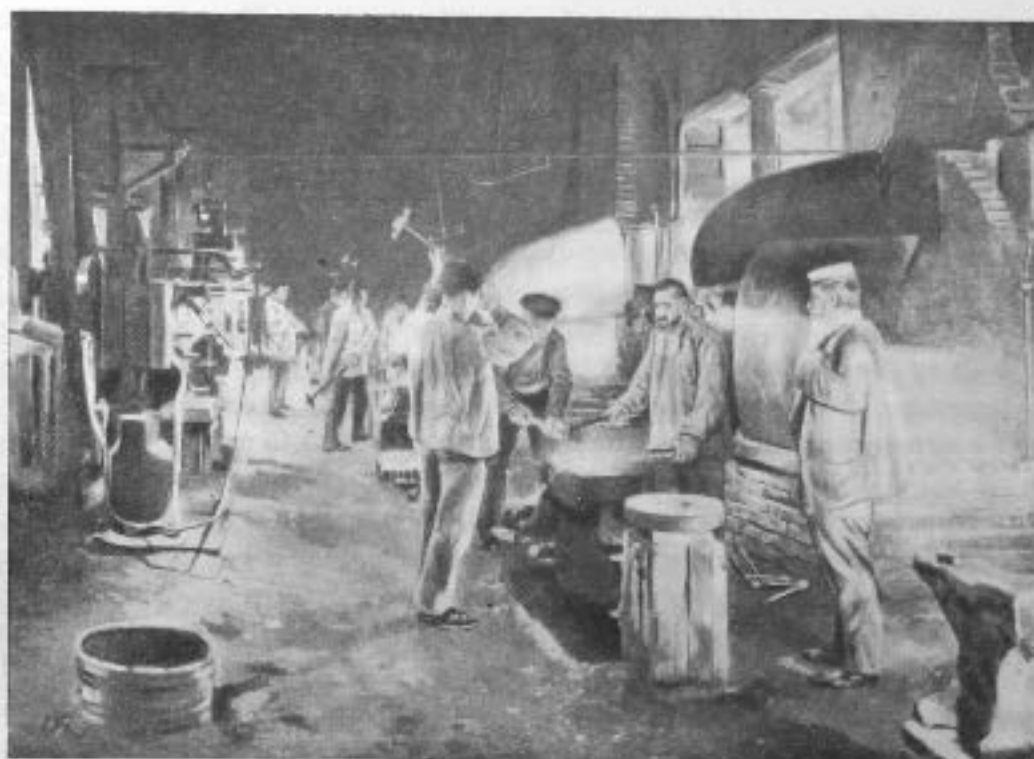
Рост металлообрабатывающей промышленности Петербурга шел, с одной стороны, за счет выполнения железнодорожных, а с другой — казенных военных заказов. Некоторые из этих заводов затем перешли в собственность казны. Развитие гигантов металлообрабатывающей промышленности Петербурга может быть показано на примерах некоторых из них. Небольшой чугунолитейный завод, основанный в 50-х годах англичанином Томсоном, был в 1857 г. куплен Семяниковым и Полетиной. Собственно было куплено место на Неве (по левой стороне Шлиссельбургского тракта), где стоял завод Томсона, так как новые владельцы подвергли купленное ими предприятие коренной реконструкции, по существу создали на его месте новый завод. Главным назначением нового завода являлось производство не чугуновых отливок, как это было на заводе Томсона, а постройка военных кораблей для Морского ведомства. Завою были построены прокатная, механическая, модельная мастерские, кузница и эллинг. Завод получил новое название: «Невский железоделательный, механический и корабельный завод». В 1863 г. здесь был заложен первый броненосец «Кремль», а в 1868 г. — еще два броненосца. Но затем правительственные заказы были приостановлены; начались финансовые затруднения. Выйти из них завод думал путем переключения на постройку паровозов. Первый паровоз был построен в 1869 г., но это не спасло завод, и в следующем, 1870 г. предприятие было преобразовано в акционерное общество (Русское общество механических и горных заводов). Было выпущено 25 тыс. акций по номинальной стоимости в 100 руб. за акцию, но вскоре выявилась необходимость удвоить акционерный капитал общества и, кроме того, выпустить облигационный заем на 3 млн руб. Этим путем заводу удалось выйти на время из финансовых затруднений. После некоторой заминки в производстве в годы кризиса, наступившего после грондерства 70-х годов, завод с 1876 г. развернул производство как паровозов, так и морских судов. Но деятельность завода держалась по преимуществу на правительственных заказах, и когда эти заказы с 1881 г. резко сократились, завод снова был поставлен перед угрозой закрытия. Он еще рассчитывал получить правительственный заказ на 116 паровозов и продолжал их производить. Но Комитет

министров в 1884 г. передал заказ Коломенскому заводу, и в январе 1884 г. Невский завод остановился. На путях стояло 244 готовых паровоза, не находивших покупателя. Было рассчитано 1800 рабочих. Через несколько месяцев завод возобновил деятельность только при 250 рабочих, затем их число было доведено до 400. Производили запасные части для железных дорог, снова стали строить мелкие суда. Но это не соответствовало производственным мощностям завода и, главное, совсем не обеспечивало финансовой устойчивости общества. В 1888 г. за неуплату процентов по облигационному займу общество было признано несостоятельным и завод продан с аукциона за сравнительно небольшую сумму в 691 тыс. руб. (нужно помнить, что стоимость инвентаря завода оценивалась в 1,5 млн руб.) инженеру Титову. По инициативе Титова в 1891 г. на базе завода было образовано новое акционерное общество «Московское товарищество Невского механического завода» с акционерным капиталом, состоящим из 300 паев по 5000 руб. пай.оборотные средства были приобретены путем выпуска нового облигационного займа в 750 тыс. руб. из 5% годовых. Вся эта финансовая операция могла быть проведена благодаря финансовой поддержке председателя правления Московско-Ярославской ж. д. Саввы Мамонтова. Через его посредство была проведена техническая реконструкция завода, в частности построено 12 новых мартенов, и размещены крупные заказы на железнодорожное оборудование. Этих заказов завод выполнил за 1891—1894 гг. более чем на пять миллионов рублей. С этим завод пришел к новому промышленному подъему 90-х годов.

Другой частный металлообрабатывающий завод — Путиловский — испытал аналогичную судьбу. Взятый в казну после того, как владелец завода — фирма «Дей и К^о» — обанкротился, завод был в 1868 г. продан инженеру П. И. Путилову, владевшему до того небольшим заводом «Аркадия». Путилов был известен правительственным кругам по войне 1853—1856 гг., когда им было изготовлено несколько паровых канонерских лодок, охранявших берега Финского залива. Завод был продан Путилову под условием поставки, причем срочной, рельсов для Николаевской ж. д. В конце 1867 г. движение на дороге грозило остановиться из-за преждевременного износа бельгийских и английских рельсов. Путилов предложил поставлять на завод железные рельсы, но со сварной стальной головкой. Образцы таких рельсов были изготовлены Путиловым еще на заводе «Аркадия» и показали исключительно высокие эксплуатационные качества: они не прогибались, как железные рельсы, и не были хрупкими, как стальные. В течение 18 дней Путилов пустил завод в эксплуатацию. Вербовщики вербовали рабочих в Тверской, Псковской, Владимирской и других губерниях. Искусных металлистов дала Путилову Тула. Нужны были новые цехи. Путилов строил их весьма упрощенными способами: на цементном фундаменте укрепляли из рельсов дугообразные каркасы, которые покрывались досками и толем. В таких мастерских была невыносимая жара летом и холод зимой, в них гуляли сквозные ветры, но они были дешевы и не требовали большого времени для возведения, а к этому и стре-

милей Путилов. Получив завод 12 января 1868 г., Путилов уже 30 января выдал первую партию рельсов. На производстве рельсов и выросла слава завода и одновременно богатство Путилова. В 1869 г. на Путиловском заводе уже работало 2 тыс. рабочих. В июне 1870 г. завод выдал четвертый миллион пудов рельсов. Завод процветал и продолжал расширяться. В 1870 г. число рабочих достигло 2,5 тыс. человек. П. И. Путилов был одним из самых видных представителей промышленной буржуазии эпохи поднимающегося капитализма. Он сам непосредственно вникал в процесс производства. Он неустанно находился на заводе, наблюдая за его работой и больше всего за рабочими, в стремлении использовать каждую минуту производственного времени. С рабочими, особенно со старыми мастерами, Путилов стремился поддерживать «патриархальные» отношения, которые прикрывали самую жестокую их эксплуатацию. Это был предприниматель-организатор, но организаторская деятельность его была подчинена одной цели — наживе. Рабочая сила была дешева, и доставать ее можно было в неограниченном количестве. Разоряющаяся деревня выбрасывала все новые и новые массы пролетаризирующегося крестьянства, которые за бесценок шли работать на фабрики и заводы. На этот неограниченный приток рабочих и рассчитывал Путилов. Недостаток квалифицированной рабочей силы его смущал мало: вчерашний крестьянин быстро осваивал новые для него профессии. Об этом сам Путилов не без хвастовства говорил на устроенном им обеде по случаю выпуска четвертого миллиона пудов рельсов: «Кликнули клич по губерниям — ехать свободному народу по железным дорогам и на почтовых. Через несколько дней приехало до тысячи пятисот человек; сделали расписание: кому быть вальцовщиком, кому пудлинговщиком, кому сварщиком, кому идти к молоту, кому к прессу, кому к ножницам. Через 18 дней началась прокатка рельсов по 5000 пудов в сутки».

Впоследствии Путилов открыл при заводе школу для детей и курсы для взрослых с целью подготовки квалифицированных мастеров. Но эти расходы с лихвой покрывались экономией на оборудовании. Завод был оборудован лишь самыми необходимыми механизмами; там, где можно было обойтись без них, Путилов предпочитал использовать живую рабочую силу. Вот почему многопудовые отливки на заводе передвигались вручную, не было даже валиков для их перекатки. В прокатчики зачислялись только силачи, которые одной рукой могли поднять пятипудовую гирию, но и эти люди быстро выдыхались на непосильной работе. Случаи увечий и повреждений были на заводе нередки. Иногда несчастные случаи заканчивались смертью, но, как правило, пособие семьям погибших на производстве рабочих не выдавалось. На всей организации заводского хозяйства лежала печать поспешности: строилось все так, чтобы стоило подешевле. Не только конструкции цехов, но и постройка заводского водопровода, внутризаводского транспорта велась так, что при дальнейшем расширении завода все это требовало перестройки. Но Путилов об этом заботился мало, ему было важно в кратчайший срок и с наибольшим барышом использовать многотысячные авансы, которые он полу-

*Кузнечный цех завода Л. Нобеля.
Музей истории Ленинграда.*

чал от казны. Во внешнем виде завода было еще много патриархального. На деревянной конторе была устроена вышка, с которой Путилов наблюдал за территорией завода; между цехами сохранялись остатки рощи. На территории завода, к заливу, была большая роща, в которой стояли дома высших служащих и дача управляющего заводом. Но процветание завода продолжалось недолго. Путилов начал строить широкие планы постройки морского канала, который бы соединил Кронштадтский порт с Петербургом. Путиловский завод работал на угле и в значительной мере на металле, привозимом из-за границы. Своей угольно-металлургической базы петербургская металлообрабатывающая промышленность не имела. Между тем привоз грузов из Англии до Кронштадта стоил дешевле, чем от Кронштадта до Петербурга. Путилову было важно добиться доставки необходимых для завода грузов без перегрузки их в Кронштадте. К прорытию морского канала, требовавшему многомиллионных затрат, Путилов приступил, даже не дождавшись правительственных гарантий. Деньги, получаемые за рельсы, авансы казны — все это Путилов затрачивал на постройку порта и соединительной с ним железнодорожной ветки. Финансовое положение завода пошатнулось, передки стали задержки в выдаче заработной платы рабочим. Путилов начал расплачиваться с ними долговыми расписками. Владельцы торговых предприятий скупали эти

расписки от рабочих со значительной скидкой их суммы. Крупное коммерческое предприятие Путилова по прорытию морского канала явно финансировалось за счет недоплаты рабочим. Но и это не спасло завод от финансовых трудностей. Путилов был вынужден превратить завод из единоличного предприятия в акционерное. В 1873 г. было создано Акционерное общество Путиловских заводов. Главным учредителем общества выступил берлинский Немецко-Русский торговый и промышленный банк, который взял на себя погашение долгов Путилова на общую сумму около 4 млн руб. Однако в связи с общеевропейским промышленным кризисом банк не мог выполнить своих обязательств, и привлечение иностранного капитала для финансирования одного из крупнейших русских заводов не спасло его от сокращения производства. Не помогла и попытка перейти на производство вагонов и паровозов: полученный от казны аванс также был истрачен на постройку порта. В 1875—1876 гг. пришлось значительно сократить производство, большое количество рабочих с завода было уволено. В 1880 г. умер Путилов, и дела завода приняли катастрофический характер. Кризис начала 80-х годов привел к тому, что к 1883 г. на дворе завода скопился огромный запас рельсов, достаточный для прокладки пути протяженностью в 3 тыс. км. На заводе были огромные долги. Долг Государственному банку составил 16 млн руб. В этих условиях акции Путиловского завода были проданы банком Синдикату Брянского и Варшавского сталелитейных заводов. Синдикат преследовал цель завоевать русский рельсовый рынок, на котором до того времени первенствующее место занимал Путиловский завод. Правление Синдиката ограничило производство рельсов на Путиловском заводе до суммы в 300 тыс. рублей в год, в то время как производственные возможности завода были значительно выше. Это задерживало развитие завода, но обеспечило Брянскому заводу завоевание рельсового рынка империи. И когда эта цель была достигнута, Синдикат продал акции Путиловского завода. Основная их масса перешла к председателю Международного банка Анциферову, тесно связанному с немецким капиталом. Намечившиеся в начале 90-х годов в области железнодорожного строительства возможности открывали новые перспективы перед заводом. Но оборудование завода было явно устаревшим. Конкурировать с быстро растущей южной металлургией, работавшей на местном топливе и сырье, Путиловский завод мог только при условии обновления основного капитала. Это понимал Анциферов, и, переводя завод на производство паровозов и вагонов, он предпринял его техническое перевооружение. Территория завода была расчищена от оставшейся на ней рощи, на освободившейся площади были построены новые кирпичные здания, в которых разместились заново оборудованные лафетно-сварочный, паровозомеханический, пушечный, прессовый и сборочный цехи. К началу нового промышленного подъема — к 1894 г. — завод настолько окреп технически и экономически, что снова мог вступить в борьбу за завоевание рельсового рынка страны.

Новой была судьба Балтийского завода. Балтийский завод был основан еще 1 мая 1856 г. компаньонами Карром и Манферсоном. Первоначально он существо-

вал как небольшой чугунолитейный, судостроительный и механический завод и строил небольшие пароходы, но вскоре перешел к постройке локомотивов и морских судов с механизмами для них. В 1873 г. завод был куплен английским акционерным обществом с правлением в Лондоне. Казенные долги завода были переведены на это общество. Несмотря на правительственные авансы, которые выдавались в размере половины стоимости заказа, английское акционерное общество оказалось несостоятельным и в 1877 г. было преобразовано в русское акционерное общество, акции которого в значительной своей части были сосредоточены в портфелях Морского министерства. Завод ликвидировал множественность производства и перешел почти исключительно на постройку военных морских судов. Английские мастера, которые занимали низшие технические должности на заводе, были с успехом заменены русскими. Однако над заводом продолжали тяготеть старые долги, и правление общества также вскоре оказалось несостоятельным. Тогда в 1884 г. была образована ликвидационная комиссия, в управление которой и перешел завод. В течение 1884—1894 гг. финансовое положение завода в значительной мере оживилось, самый завод подвергся технической реконструкции и расширению: были построены новые каменные чугунолитейная, механическая, прессовая и молотовая мастерские, в 1892 г. приступили к постройке грандиозного каменного эллинга, но закончен он был только в 1895 г.

Успешная производственная деятельность завода позволила ликвидационной комиссии в течение 10 лет погасить все частные долги, и с 1894 г. завод перешел в полную собственность казны, хотя и продолжал действовать на коммерческих началах, без субсидий от министерства.¹

Аналогичной была судьба и Обуховского завода, который в собственность казны перешел в 1885 г. Крупнейшие механические заводы Петербурга были связаны или с заказами казны, или с железнодорожным строительством. Зависимостью от казенных заказов и объясняется то обстоятельство, что ряд частных заводов к началу 90-х годов превратились в казенные заводы. Но эта зависимость от казны, т. е. в конечном счете от российского самодержавия, была значительно глубже; она проявлялась не только в переходе некоторых частных заводов в собственность дворянско-самодержавного государства. Огромное значение для усиления роли государства в развитии металлообрабатывающей промышленности Петербурга имели железнодорожные заказы, которые также в значительной степени были связаны с казной, особенно с начала 90-х годов, когда роль последней в области железнодорожного строительства стала непрерывно возрастать.

Кроме рельсового производства, в петербургской металлообрабатывающей промышленности большую роль играло производство паровозов. Паровозострое-

¹ Балтийский судостроительный и механический завод Морского министерства. СПб., 1903.

ние в России стало развиваться с 1869 г.; пионером в этой области явился Коломенский завод. В Петербурге паровозостроение получает широкое развитие с 70-х годов. Если в 1870 г. в Петербурге было построено только 4 паровоза (один на Невском заводе, один на Александровском и два в мастерских Варшавской ж. д.), что составляло 10,5% к производству во всей империи, то в 1875 г. было построено уже 90 паровозов (82 на Невском заводе и 8 на Александровском), или 49% к общеимперскому производству, а в 1880 г. — 130 паровозов (120 на Невском и 10 на Александровском), что составляло 52,6% общего числа произведенных в России паровозов. В дальнейшем удельный вес петербургской паровозостроительной промышленности стал падать. В 80-х годах заказы передавались по преимуществу Коломенскому заводу. Положение не изменилось с началом производства паровозов на Путиловском заводе. Все же роль Петербурга в области паровозостроения была велика и в 90-х годах, по главным образом в разработке новых, более совершенных типов паровозов. Наличие в Петербурге высококвалифицированных кадров и конструкторских сил позволило успешно разрешить эту задачу, однако серийное производство новых паровозов обычно передавалось правительством на южные заводы. Отсутствие собственной металлургической и угольной базы делало серийное производство паровозов в Петербурге маловыгодным. Производство вагонов также имело место в Петербурге. Некоторые заводы развернули выпуск деталей, необходимых для железных дорог: костылей, подкладок, болтов. На Путиловском заводе этим было занято 175 горнов. Производство деталей велось также на заводе Струка и на специально построенном для этой цели заводе Бабушкина. На большинстве заводов все эти предметы отковывались вручную. Только на немногих предприятиях была поставлена машинная выделка костылей.

Существенное место в металлообрабатывающей промышленности столицы, как приморского города, занимало паростроение. Петербург являлся в этой отрасли производства пионером: первый пароход в России был построен в столице в начале XIX в. В послереформенное время в столице паростроение было поставлено на трех заводах: на Невском, Балтийском и Нобеля. Кроме того, паровые машины для судов строились на заводах Ижорском, Кронштадтском, Берда и Кокорина. Но расширение производства судовых двигателей тормозилось их дороговизной: средняя стоимость заграничных паровых машин на одну индикаторную силу составляла 137,5 руб., в то время как на Ижорском заводе — 327 руб., на Кронштадтском — 205,2 руб., Балтийском — 148,9 руб., на заводе Кокорина — 190,1 руб., и только завод Берда успешно конкурировал с заграничными машинами — на нем стоимость одной индикаторной силы составляла 122,5 руб.

На некоторых заводах производились станки. Так, на Александровском заводе было поставлено производство льнопрядильных станков, на заводе Лесснера производились типографские машины, существовал также специально построенный для этой цели завод Гольдберга. На заводе Круга производились медные

Российская бумагопрядильная мануфактура на Обводном канале. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.

детали для машин, на заводе Розенкранца — медные топки для паровозов и медные трубы, на заводе Алексеева — медные краны. Но вообще заводское машиностроение было развито очень слабо; оборудование заводов, как правило, привозилось из-за границы, в этом отношении петербургская промышленность разделяла судьбу всей промышленности страны. Не развито в столице было и сельскохозяйственное машиностроение.

Все же, несмотря на общую слабую развитость до 90-х годов металлообрабатывающей промышленности Петербурга, ее удельный вес в области так называемого механического производства всей страны был весьма значительным. На долю Петербурга приходилось только 15,8% механических заводов страны, но на них было сосредоточено 39,9% занятых в этой отрасли рабочих, и продукция их составляла 50,4% по отношению к продукции всей страны.

Уже в 80-х годах Петербург выступал как передовой центр металлообрабатывающей промышленности. Металлисты столицы еще до промышленного подъема 90-х годов составляли наиболее передовой и квалифицированный отряд рабочих всей страны.

Близкая к металлообрабатывающей электротехническая промышленность находилась в зачаточном состоянии. До 1894 г. в Петербурге возникло только 4 предприятия этой отрасли производства. Среди них наиболее крупным был Электромеханический и телефонный завод, возникший в 1878 г.

Значительное развитие в 60—80-х годах XIX в. получила в Петербурге текстильная и прежде всего хлопчатобумажная промышленность, стоявшая по объему производства на втором месте, после металлообрабатывающей. В первой половине 60-х годов хлопчатобумажная промышленность в Петербурге, как и во всей России, переживала своеобразный кризис, связанный, как уже указано выше, с сокращением ввоза американского хлопка. Ввоз хлопка в Россию в 1862 г. упал по сравнению с 1861 г. в 3 раза. Однако начиная с середины 60-х годов хлопчатобумажная промышленность Петербурга, несмотря на периодические кризисы, быстро развивается.

Наглядное представление об уровне и темпах развития хлопчатобумажной промышленности Петербурга за период с конца 60-х до середины 90-х годов дает помещенная здесь таблица.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что в хлопчатобумажной промышленности Петербурга, в значительной мере перестроившейся на капиталистический лад еще до реформы 1861 г., в 60—80-х годах XIX в. господствовало крупное производство. Предприятия ремесленного типа не играли никакой роли уже в 60-х годах, а к началу 80-х годов они исчезли совсем. Совершенно ничтожную роль играли и предприятия средних размеров (16—99 рабочих). Объем производства предприятий среднекрупных размеров (с числом рабочих от 100 до 499) хотя и значительно вырос к 1879 г. (по числу рабочих на 50%, по сумме произ-

*Развитие хлопчатобумажной промышленности Петербурга
мессе 2*

Группы предприятий по числу рабочих	1867 г.				1879 г.			
	число предприятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.	число предприятий		число рабочих	сумма производства, в тыс. руб.
	всего	из них с паровыми двигателями			всего	из них с паровыми двигателями		
Число рабочих менее 16	2	Нет данных	18	16	1	—	7	2
16—99 рабочих	2		180	239	4	4	169	162
100—499 „	12		2384	4073	13	13	3598	10414
500—999 „	3		2456	3600	4	4	2877	6934
1000 и более рабочих	2		2505	4603	5	5	7174	10081
Всего	21		7543	12531	27	26	13825	27593

¹ Таблица составлена на основании данных «Статистического атласа», трех изданий

водства — в два с половиной раза), но это произошло не за счет роста числа заведений, а за счет концентрации рабочей силы и главным образом за счет роста производительности труда. Кризис 80-х годов привел к значительному сокращению числа предприятий данной группы и их удельного веса в общем объеме производства хлопчатобумажной промышленности. К середине 90-х годов число заведений данной группы по сравнению с 1867 г. сократилось на $\frac{1}{3}$, число рабочих почти на $\frac{1}{2}$, а сумма производства осталась почти неизменной. По удельному же весу в общем объеме производства положение среднескрупных предприятий изменилось следующим образом: в 60—70-х годах они давали более $\frac{1}{3}$ всей продукции, в 1884 г. — $\frac{1}{4}$, в 1890 г. — $\frac{1}{6}$, а в 1894/95 г. — менее $\frac{1}{8}$.

В то же время общее число предприятий хлопчатобумажной промышленности неуклонно росло. Еще быстрее росли число рабочих и сумма производимой продукции. Этот рост осуществлялся главным образом, а в 80-х—начале 90-х годов исключительно, за счет крупных и крупнейших предприятий, которые в годы кризисов особенно успешно вытесняли и поглощали более слабые заведения. За рассматриваемый период число хлопчатобумажных предприятий возросло на $\frac{1}{3}$, количество занятых в них рабочих — в 2,6 раза, а ценность произведенной продукции — в 3 с лишним раза. Это свидетельствует не только о значительных успехах хлопчатобумажного производства, но указывает также на растущую концентрацию его. Следует отметить, что уже в 70-х годах все хлопчатобумажные предприятия имели паровые двигатели.

В 60—80-х годах в Петербурге возникло не менее 16 крупных предприятий хлопчатобумажной промышленности. В 60-х годах возникли два предприятия со смешанным капиталом, принадлежавшие фирме Вороника, Лютца и Чешера.

с 1867—1894/95 гг. (здесь предприятия с суммой производства не тыс. руб.)¹

1884 г.				1890 г.				1894/95 г.			
число пред-приятий		число рабо-чих	сумма про-изводства, в тыс. руб.	число пред-приятий		число рабо-чих	сумма про-изводства, в тыс. руб.	число пред-приятий		число рабо-чих	сумма про-изводства, в тыс. руб.
всего	из них с паровыми двигателями			всего	из них с паровыми двигателями			всего	из них с паровыми двигателями		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	4	274	334	6	6	214	605	5	5	309	829
12	12	2512	6533	10	10	3383	8613	9	9	1605	4681
5	5	3367	8248	8	8	5452	13911	9	9	6539	14645
6	6	7689	11812	6	6	8193	16004	8	8	10843	19117
27	27	13822	26927	30	30	17242	39133	31	31	19347	39272

¹Указателя и «Перечня».

Одно из них было построено на Выборгской стороне, другое — на Петербургской. Тогда же было основано Товарищество Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, предприятие которого находилось в с. Смоленском. В 70-х годах возникло три новых предприятия этой отрасли промышленности: бумагопрядильная Екатеринбургской мануфактуры, находившаяся в дер. Волюнкиной, бумагопрядильная Кенига и Резвоостровская ткацкая мануфактура в Нарвской части.

Особенно быстрый рост хлопчатобумажных фабрик наблюдался в 80-х и начале 90-х годов (до 1894 г.). За это время в Петербурге возникло 9 новых предприятий. Это были бумагопрядильная Акционерного общества Гергарди, немецкая бумагокрутильная и лаковая мануфактура Гартлея, Выборгская бумагопрядильная фабрика Смалла, бумагопрядильная и ткацкая фабрика Общества Триумфальной мануфактуры, находившаяся в Петергофском участке города, Голодаевская паровая красильня в Александро-Невской части, ватная фабрика Аристова, находившаяся в Шлиссельбургской части, там же ватная фабрика Капитонова, Невская ниточная мануфактура в Рождественской части и Ниточная мануфактура, принадлежавшая Обществу Невской ниточной мануфактуры, в Выборгской части. Значительная часть этих новых хлопчатобумажных предприятий принадлежала иностранным подданным или товариществам с участием иностранного капитала. К началу 80-х годов бумагопрядильная промышленность Петербурга насчитывала 724 768 веретен, ее производительность составляла 890 тыс. пудов пряжи.

Значительно слабее было развито производство бумажных тканей. К началу 80-х годов в Петербурге имелось шесть бумаготкацких фабрик с 538 станками. Рабочих на этих фабриках было занято 1246, производительность составляла 205 тыс. кусков ткани на сумму около 2 млн руб. Следует отметить, что на петербургских фабриках производились высокосортные ткани: лучший миткаль, местик, тюль и т. п.

Хлопчатобумажная промышленность столицы работала почти исключительно на привозном, американском и в меньшей степени египетском, хлопке. По своему развитию она значительно уступала хлопчатобумажной промышленности центральных районов, хотя в техническом отношении превосходила ее. Степень концентрации производства особенно высока была в бумагопрядильной отрасли: в среднем на одну фабрику приходилось 60 359 веретен и 942 рабочих.

Такой же крупный, концентрированный характер имела ситценабивная промышленность Петербурга. Всего в столице в 1879 г. было 7 ситценабивных фабрик с числом рабочих 1677, т. е. 239 рабочих на одно предприятие, с суммой годового производства на 9 396 тыс. руб., или 342 тыс. руб. на одно предприятие. Что касается красильной промышленности, то она была представлена сравнительно мелкими предприятиями. Всего красильных фабрик в Петербурге было 16, с числом рабочих 213 и суммой производства 190 тыс. руб., т. е. на одно предприятие приходилось 13,3 рабочих и на 11,9 тыс. руб. продукции.

Нижне-Новгородская бумагопрядильная мануфактура. Фотография. Конец XIX в.

Шерстяная промышленность столицы значительно уступала хлопчатобумажной, хотя по темпам развития даже опережала ее. В 1867 г. она была представлена 12 заведениями, из которых 5 имели в среднем по 6—7 рабочих, а 4 — по 31 рабочему. Остальные 3 в среднем имели по 400 рабочих каждая. Всего на них было занято 1364 рабочих, производивших на 1 038 тыс. руб. продукции. К концу 70-х годов число предприятий шерстяной промышленности возросло до 23, из которых 17 были мелкими и средними заведениями, а 6 — крупными (в среднем 285 рабочих на каждое предприятие). Все крупные предприятия в 1879 г. были оснащены паровыми двигателями, тогда как из 17 мелких и средних паровые двигатели были только на трех. Число рабочих по сравнению с 1867 г. возросло в полтора раза (до 2177 чел.), а ценность производимой продукции — в три раза (до 3 196 тыс. руб.). Таким образом, на протяжении 70-х годов мы наблюдаем значительный общий рост шерстяной промышленности, выразившийся в росте числа предприятий, количества занятых на них рабочих и особенно стоимости производимой продукции. Последнее свидетельствовало о большом росте производительности труда, имевшем место исключительно на крупных предприятиях. Удельный вес мелких и средних предприятий в общем объеме производства уже в конце 70-х годов был ничтожен. Если в 1867 г. на их долю падало более $\frac{1}{4}$ производимой продукции, то в конце 70-х годов — немногим более $\frac{1}{10}$.

Однако процесс концентрации производства и рабочей силы в шерстяной промышленности к концу 70-х годов сказался еще слабо. Даже на крупных предприятиях теперь в среднем на каждом работало меньше рабочих, чем в конце 60-х годов.

В 80-х—начале 90-х годов картина в этом отношении существенно меняется. Число предприятий сильно сокращается, особенно за счет мелких и отчасти средних, общее количество рабочих остается почти неизменным (3200—3300 человек), объем же производимой продукции быстро растет. К середине 90-х годов общее количество заведений сокращается до 11, из которых было 5 средних и 6 крупных. Они производили продукции на 7 016 тыс. руб., т. е. почти в 7 раз больше, чем в 1867 г. В то же время общее количество рабочих за этот период возросло в полтора раза. За три пореформенных десятилетия шерстяная промышленность Петербурга, основанная до реформы в значительной мере на принудительном труде, превратилась в развитую отрасль крупного капиталистического производства с неизмеримо более высокой, чем при крепостничестве, производительностью труда и с высокой степенью концентрации производства.

Наибольшее развитие в шерстяной промышленности Петербурга получило суконноткацкое производство. В конце 70-х годов оно было представлено 4 фабриками, на которых работало 1366 рабочих, производивших продукции на 2 327 тыс. руб. Развитие суконного производства сопровождалось наиболее значительной концентрацией производства и ростом производительности труда.

Аналогичные явления, типичные для капиталистического воспроизводства, происходили и в шерстопрядильной промышленности, которая в количественном отношении была развита значительно слабее суконноткацкой промышленности. Это была по существу новая для Петербурга отрасль производства: все четыре фабрики по прядению шерсти возникли после реформы. К концу 70-х годов на них работало 488 рабочих, сумма производства составила 613 тыс. руб. За 80-е годы возникла только одна новая фабрика по обработке шерсти — предприятие Гиплера по производству искусственной шерсти и шерстопрядению. Наиболее крупным предприятием шерстообрабатывающей промышленности была фабрика шерстяных изделий Торнтонга, расположенная в с. Мало-Рыбацком, Шлиссельбургской части города. Основана она была в 1840 г. англичанином Торнтонгом, оборудована английскими машинами, технический персонал составляли английские мастера. Оборудование, поставленное на фабрике в 60-х годах, не менялось вплоть до 90-х годов XIX в.

Другие виды производства по обработке волокнистых веществ были развиты в Петербурге сравнительно слабо, хотя и в них происходили отмеченные выше процессы. Так, производство из льна, пеньки и джута было представлено в 1867 г. 4 волотняными фабриками, 1 льнопрядильней и 10 канатно-веревочными предприятиями. На пологняных фабриках было занято 466 рабочих, и их годовая продукция оценивалась в 286 тыс. руб. На канатно-веревочных предприятиях было за-

нято 685 рабочих, производивших продукции на 1 620 тыс. руб. в год. На льнопрядильной фабрике, имевшей 94 рабочих, производилось пряжи на 27 тыс. руб. К 1879 г. полотняных фабрик осталось только две (Охтенская по производству пряжи и тканей и Лебедева), число рабочих на них сократилось до 644, а годовая производительность увеличилась до 297 тыс. руб. В дальнейшем осталась одна только фабрика Лебедева, которая производила продукции в 1884 г. на 90 тыс. руб. (при 182 рабочих), в 1890 г. — на 381 тыс. руб. (при 556 рабочих), в 1894 г. — на 729 тыс. руб. (при 722 рабочих). Число полотняных фабрик сократилось в 4 раза, но годовое производство возросло при этом в 2,5 раза при увеличении количества рабочих всего на 50%. Процесс концентрации производства и роста производительности труда проявлялся здесь очень ярко. Число канатных и веревочных фабрик к 1873 г. возрастает до 11 (при очень незначительном увеличении общего объема производства), но к 1894 г. сокращается до 4 при одновременном уменьшении числа рабочих до 345 (т. е. вдвое) и годовой производительности до 1 268 тыс. руб. (т. е. почти на $\frac{1}{4}$).

Слабо была развита в Петербурге шелковая промышленность. В пореформенные годы число предприятий этой отрасли оставалось почти неизменным, однако общий объем производства несколько сократился. К началу 80-х годов в столице имелось только 9 шелковых фабрик. Большинство из них возникло еще в дореформенное время. После 1861 г. в Петербурге была построена только одна новая фабрика: в 1880 г. шелкоткацкая фабрика наследников Гольдарбейтера в Петербургской части города. В этой отрасли промышленности, как и в области хлопчатобумажной и льняной, Петербург решительно уступал Москве, где к концу 70-х годов было 98 шелкоткацких фабрик. Производство на шелковых фабриках Петербурга велось примитивно: только на одной фабрике был паровой двигатель на 30 л. с. Общее количество веретен составляло 720, ткацких станков — 265. Сумма производства всей шелковой промышленности Петербурга оценивалась в 308 140 руб., т. е. по объему производства это были предприятия среднего размера. Очевидно, по экономическому типу они больше напоминали мануфактуры, чем фабрики. Производство в значительной мере сохраняло ручной характер. Дело мало изменилось за 80-е годы и в начале 90-х годов. За это время возникло лишь одно промышленное предприятие — в 1893 г. была открыта парчевоткацкая фабрика Жевержеева в Московской части города.

Крупный удельный вес в производстве всей страны занимала резиновая промышленность Петербурга. В начале 60-х годов в столице было две фабрики по переработке каучука: фабрика Кириштина, основанная еще в 1832 г., и предприятие Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры, основанное в 1860 г. (в настоящее время фабрика «Красный Треугольник»). Всего в России в это время было пять предприятий резиновой промышленности. Кириштин не сумел поставить производство. Его фабрика вырабатывала гуттаперчевые подушки, матрацы, ножи с резиновыми ручками, которые не находили сбыта. В 1863 г.

Товарищество скупило фабрику Кирштена, а в 1880 г. в его собственность перешла и фабрика «Макинтош», открытая в столице в 1872 г. Товарищество стало единственным предприятием, производящим в Петербурге резиновую обувь. Развертыванию этого производства способствовала таможенная политика правительства: в 1857 г. на резиновую обувь была введена пошлина в 17 р. 60 к. с пуда. Несмотря на то, что по тарифу 1868 г. пошлина была понижена на 6 руб., все же она оставалась достаточно высокой, чтобы стимулировать развертывание резиновой промышленности в России.

В конце 70-х годов на двух резиновых фабриках Петербурга было занято 2252 рабочих и производилось изделий на 5 736 тыс. руб., в то время как на резиновой мануфактуре в Риге было занято только 85 рабочих, а московская мануфактура закрылась в 1878 г. В дальнейшем предприятие Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры, занявшее монопольное положение, очень быстро расширило производство. В 1894 г. по сравнению с 1879 г. число рабочих на нем возросло с 1950 человек до 4091 человека, а годовое производство — с 4 906 тыс. до 10 300 тыс. руб.

Крупную роль в производстве страны играла и кожевенная промышленность Петербурга. В середине и в конце 70-х годов в столице было 34 кожевенных завода, в то время как в Москве 14 заводов. Наиболее крупными кожевенными заводами столицы были завод Бруеницкая на Выборгской стороне с производством около 1 млн руб., предприятие Компании Владимирского кожевенного завода на Васильевском Острове с производительностью 1 175 тыс. руб. и завод Зверкова, расположенный там же, с производительностью около 200 тыс. руб. Сырье для кожевенной промышленности столицы поставляли боини: в Петербурге в 1880 г. было забито 575,7 тыс. голов крупного скота и 187,7 тыс. голов мелкого. Эта отрасль промышленности получила наибольшее развитие именно за годы, протекавшие после реформы, до 1894 г., когда в столице было открыто 15 заводов по переработке кожи. Наиболее крупным из них был основанный в 1882 г. завод Товарищества механического производства обуви в Нарвской части города (современный «Скороход»). Крупным кожевенным заводом был завод Парамонова, основанный в 1883 г.

Развитие кожевенной промышленности можно проиллюстрировать следующими цифрами. В 1867 г. в Петербурге насчитывалось 14 кожевенных предприятий, на которых было занято 654 рабочих и производилось продукции на 2 252 тыс. руб. в год. К концу 70-х годов число предприятий возросло до 34, рабочих — до 2333 человек, а годовая производительность превысила 11 млн руб. С конца 60-х до конца 70-х годов число предприятий увеличилось в два с половиной раза, количество рабочих — в три с половиной раза, а сумма годового производства — примерно в пять раз. Однако в 80-х годах кожевенное производство в связи с кризисом значительно сокращается и к середине 90-х годов по количеству производимой продукции еще не достигает уровня 1879 г. Следует отметить, что в кожевенной

промышленности, так же как и во многих других отраслях легкой промышленности, значительную роль играло мелкое и среднее производство, а также ремесло (подготовка и пошивка обуви и т. д.). Правда, удельный вес мелкого и среднего производства неуклонно падал. Ремесленные мастерские и основанные на ручном труде мануфактуры вытеснялись крупными механизированными капиталистическими предприятиями. Все крупные кожевенные предприятия, с числом рабочих свыше 100, в начале 80-х годов имели паровые двигатели. В то же время более половины средних предприятий, не говоря уже о мелких, даже в 1894/95 г. обходились без паровых машин.

Из других производств, связанных с переработкой животноводческого сырья, должны быть отмечены салотопные, стеариновые и мыловаренные заводы. Предприятий этого рода в столице в 1867 г. было 17, с 604 рабочими и с годовой производительностью 3 175 тыс. руб. Важнейшую роль среди них играли два стеариновых завода, имевших 497 рабочих и производивших продукции на 2 587 тыс. руб. Один из них принадлежал Компании Невского стеаринового завода, другой — купцу Геймбургеру. К концу 70-х годов число предприятий по обработке сала и воска сократилось до 15, но объем производства, в основном за счет указанных двух стеариновых заводов, сильно возрос, достигнув годовой производительности в 8 914 тыс. руб. (при 833 рабочих). Компания Невского стеаринового завода, устав которой был утвержден еще в 1851 г., с капиталом 450 тыс. руб., в конце 70-х годов приобрела предприятие Нильсена в Москве, и ее общее производство оценивалось в 6,7 млн руб. в год. Продукция заводов, принадлежавших Компании, потреблялась не только внутри страны, но и вывозилась в Англию, Германию, Америку и Австралию. Важное значение имели также мыловаренные заводы, число которых к концу 70-х годов по сравнению с 1867 г. уменьшилось с 13 до 8, но зато число рабочих на них увеличилось с 83 до 135, а годовая производительность — с 503 тыс. до 1 594 тыс. руб. В этой отрасли производства столица стояла на втором месте в стране, уступая Москве, заводы которой выпускали в год 518 тыс. пудов мыла. В Петербурге производились как простые сорта стирального мыла, так и дорогое туалетное мыло. Наиболее крупным мыловаренным заводом был завод Жукова, расположенный в Александро-Невской части города. В 80-х — в первой половине 90-х годов стеариновое и отчасти салотопное производство сильно сокращаются, что было связано с распространением керосинового и электрического освещения. Общий объем производства предприятий по обработке сала и воска снижается к середине 90-х годов почти до уровня конца 60-х годов.

Широкое развитие в пореформенное время (до 1894 г.) получила в Петербурге древесная, бумажная и полиграфическая промышленность. Если до 1861 г. в Петербурге было основано не менее 19 предприятий этих отраслей, то за время с 1861 по 1893 г. таких предприятий возникло не менее 67.

Наиболее крупными предприятиями по производству бумаги были: фабрика, основанная еще в 1856 г. купцом Заветным и англичанами Дж. Киннелем и Р. Кре-

гом (эта фабрика находилась на Шлиссельбургском тракте в 9 верстах от города); фабрика бр. Печаткиных с суммой производства 353 тыс. руб.; фабрика Роджерса с суммой производства 187 тыс. руб., и др. Было несколько крупных обойных фабрик (Укоинца, Камюзе, Смирнова и др.). В 80-х и начале 90-х годов в столице открылось еще несколько бумажных фабрик, из них крупными были Голодаевская писчебумажная фабрика Товарищества на бере Печаткина и писчебумажная фабрика, принадлежавшая акционерному обществу. Обе эти фабрики находились на Васильевском Острове. За период с 1867 до 1894 г. число предприятий по производству и обработке бумаги возросло с 23 до 40, число занятых на них рабочих — с 2031 до 4394, а годовое производство — с 1 830 тыс. до 9 448 тыс. руб. При значительном общем росте бумажного производства концентрация производства заметным образом не проявлялась. Рост производительности бумажной промышленности, как и многих других отраслей промышленности, был связан в первую очередь с развитием механизации производства. Если в 1879 г. паровые двигатели имели только 16 предприятий, то в 1894/95 г. — уже 33 предприятия.

Особенно широкое развитие получила в Петербурге полиграфическая промышленность. Из крупных типографий, открытых в пореформенное время, следует отметить типографию Стасюлевича на Васильевском Острове, типографию Суворина в Литейной части города, развернувшие широкую издательскую деятельность, и особенно типо-литографию А. Маркса в Нарвской части, издания которой стали одними из наиболее распространенных в стране. Продолжали функционировать открытые еще в дореформенное время типографии: Товарищества Вольф, акционерного общества Гутенберга в Казанской части города, Товарищества «Общественная польза», Академии Наук и ряд других ведомственных и частных типографий. Широкое развитие полиграфической промышленности в Петербурге создавало материальную базу для превращения города в крупный центр издательского дела. Полиграфическая база столицы обеспечивала издание в Петербурге как периодических изданий, так и художественной и научной литературы.

Быстро развивалась в пореформенном Петербурге химическая промышленность. Общее число предприятий с конца 60-х до середины 90-х годов увеличилось незначительно, но среди них за этот период неуклонно возрастала роль крупных предприятий, тогда как значение мелких падало. В данной отрасли промышленности, как и в других, происходил переход от мелкого полукустарного и мануфактурного производства, основывавшегося на ручном труде, к крупной механизированной капиталистической фабрике. Число рабочих в химической промышленности возросло за указанное время в 5 раз, а ценность годового производства — в 8 раз. Если в 1879 г. паровые машины были только на 9 предприятиях из 38, то в 1894/95 г. — на 39 предприятиях из 44.

Химическое производство в Петербурге было представлено предприятиями по выработке серной кислоты, квасцов, медного и железного купороса, искусной и муравьиной кислот, свинцовых белил, ультрамарина и некоторых других

продуктов. Химическая промышленность Петербурга стояла на одном из первых мест в стране, уступая лишь Москве. В Петербурге и его окрестностях в конце 70-х годов насчитывалось 14 химических заводов с годовой производительностью 1 694 тыс. руб. (в Москве 31 завод с годовой производительностью 1,9 млн руб.). Заводы Петербурга в среднем были крупнее московских. Если размеры производства на один завод в Москве составляли 63,2 тыс. руб., то на петербургских заводах — 121 тыс. руб. В Петербурге находился наиболее крупный в России завод по производству ультрамарина. По производству свинцовых белил Петербург уступал Ярославлю, но превосходил Москву (в Петербурге 3 завода с годовой производительностью 200 тыс. руб., в Москве 7 заводов с производительностью 110 тыс. руб., в Ярославле 7 заводов с производительностью 520 тыс. руб.). Особенно быстро росло производство серной кислоты. Это производство со времени Крымской войны и до 1880 г. выросло в Петербурге на 180%. Наиболее крупными химическими заводами в столице были Ультрамаринный завод Вега на правом берегу Невы, основанный в 1878 г., Нефтеперегонный завод «Ронс и К^о» на Петровском Острове, основанный в 1879 г., С.-Петербургское газовое общество для освещения Петербургской и Выборгской части на Петербургской стороне, основанное в 1876 г., и два завода, основанные в 1892 г.: Общество Невского химического завода и спичечная фабрика Забелиных — оба предприятия в Шлиссельбургском участке города.

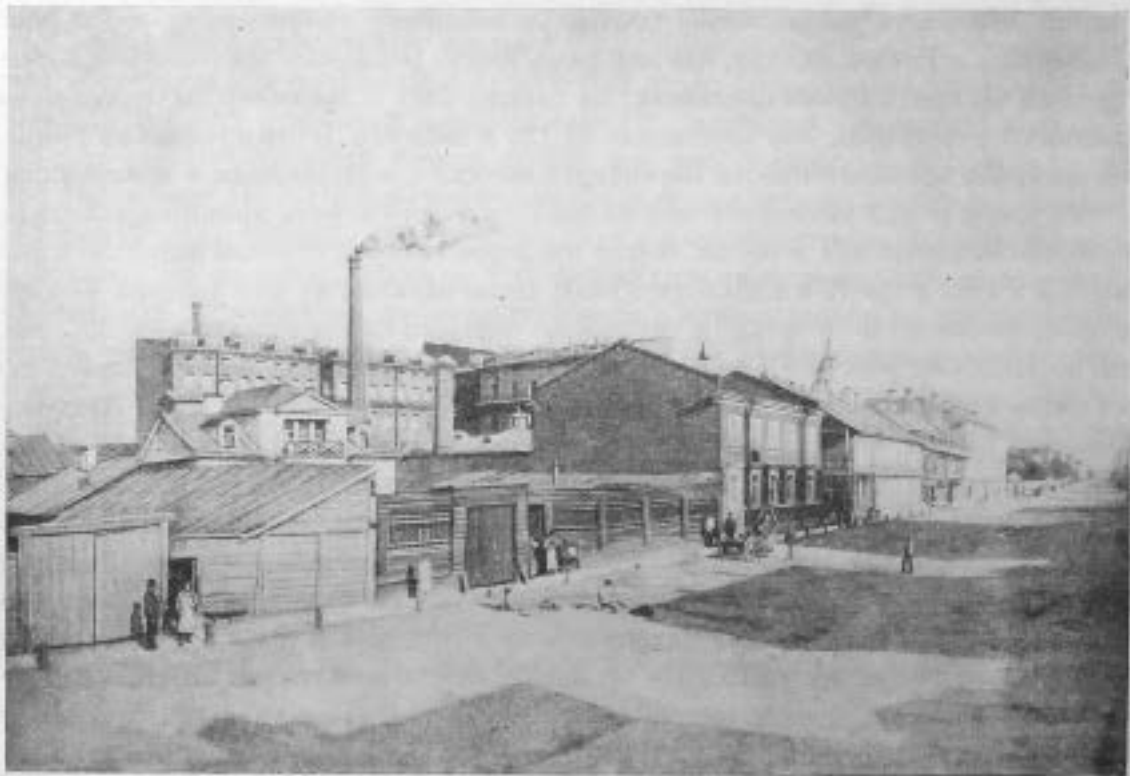
Из других химических заводов должны быть отмечены два охтенских завода взрывчатых веществ, оба казенные, основанные еще в дореформенное время, и два завода, принадлежавшие Русскому обществу для выделки и продажи пороха, основанные в 1884 г.: Шлиссельбургский и Селитренный, последний находился на Васильевском Острове. Крупным заводом было также предприятие Товарищества Тентелевского химического завода, основанное в 1875 г.

Следует также остановиться на пищевой промышленности Петербурга. В основном в области производства пищевых продуктов она была представлена мелкими, кустарного типа предприятиями. Всего за рассматриваемый период (т. е. с 1861 по 1893 г.) в Петербурге было открыто 33 предприятия данной отрасли. Наиболее крупными из них были табачная фабрика Богданова и К^о в Московской части города, открытая в 1864 г., Товарищество табачной фабрики Савтчи и Мангуби (фабрика открыта в 1869 г. в Рождественской части), фабрика Шапошниковой в Московской части, открытая в 1875 г., Шалшала в Рождественской части, открытая в 1873 г., табачная фабрика «Оттоман» в Московской части, открытая в 1882 г. Успешно продолжала развиваться табачная фабрика «Лаферма», на Васильевском Острове, открытая еще в 1852 г. В табачной промышленности концентрация процесса производства проявилась очень ярко. Наиболее крупные предприятия пищевой промышленности приходились именно на табачное производство. Количество табачных фабрик за рассматриваемый период в столице сократилось: в начале 60-х годов их было 29, а в 1894/95 г. 11. В то же время число

фабрик, имевших паровые двигатели, неуклонно росло. В 1879 г. их было всего 3, а в 1894/95 г. 10. Годовое производство табачных изделий возросло с 3 716 тыс. руб. в начале 60-х годов до 14 151 тыс. руб. в 1890 г., т. е. почти в 4 раза, при увеличении числа рабочих за это же время в 3,3 раза (с 2606 до 8593 человек). В табачной промышленности, которая по числу рабочих уступала лишь металлообрабатывающей и текстильной, с особенной яркостью проявляется процесс перерастания мануфактуры в капиталистическую фабрику.

Значительный прогресс наблюдался также в других отраслях пищевкусовой промышленности. Новой отраслью пищевой промышленности было консервное производство, отсутствовавшее в дореформенном Петербурге. В 1893 г. в столице функционировали 2 консервных завода с годовой выработкой 344 тыс. руб., на которых было занято 104 рабочих. Значительно расширили производство пиво-медоваренные заводы, а также кондитерские и макаронные фабрики. В начале 60-х годов в Петербурге было 16 пиво-медоваренных заводов с 1305 рабочими и с годовой производительностью 2 961 тыс. руб.; к середине 90-х годов число заводов сократилось до 7, а годовая производительность поднялась до 5 549 тыс. руб., т. е. почти вдвое, при увеличении числа рабочих всего на 30% (до 1753 человек). Паровые машины в 1894/95 г. были на всех предприятиях, за исключением двух мельчайших (с 12 рабочими и с годовым производством на сумму 27 тыс. руб.). Значительно расширилось водочное производство. Число водочных заводов к 1890 г. увеличилось по сравнению с началом 60-х годов с 11 до 14, годовая производительность — с 4 415 тыс. до 15 376 тыс. руб., т. е. в 3,5 раза, а количество рабочих — с 270 до 1315 человек, т. е. почти в 5 раз. В начале 90-х годов все водочные заводы имели паровые двигатели, тогда как в 1879 г. они отсутствовали на 70% заводов. По своим размерам они были значительно крупнее мелких, мануфактурного типа предприятий 60-х годов. Кондитерских и макаронных предприятий в столице в начале 60-х годов было только 5, но и те имели характер полукустарных заведений; на всех них было занято 57 рабочих, и годовая продукция их составляла 84 тыс. руб. В середине 90-х годов предприятий этой отрасли промышленности стало 25. На них было занято 1474 рабочих, производивших продукции на 3 218 тыс. руб. Таким образом, число рабочих выросло в 26 раз, а ценность продукции — почти в 40 раз.

Сахарная промышленность столицы во второй половине XIX в. переживала упадок. Если в 1862 г. в Петербурге было 5 сахарных заводов, то в 1867 г. — 4, в конце 70-х—первой половине 80-х годов — 3, в 1890 г. — 2, в 1894/95 г. — 1. Заметно сократились и общие размеры производства: в 1862 г. на сахарных заводах было занято 765 рабочих, а годовая продукция оценивалась в 8 772 тыс. руб.; к 1867 г. число рабочих сократилось на 100 человек, а производство — на 1 200 тыс. руб. В середине 90-х годов в этой отрасли промышленности было занято 500 рабочих, производивших на 4 442 руб. продукции. Упадок сахарной промышленности Петербурга был связан со все возрастающей конкуренцией южных сахар-

Фабрика роллей Беккера. Фотография конца XIX в.

ных заводов, в условиях которой могли отстоять свое существование только экономически наиболее мощные предприятия столицы, что и привело к невиданной концентрации производства.

Петербургская промышленность не могла работать на отечественном сырье ввиду отдаленности от свеклосеющих губерний и дороговизны перевозки свеклы; она работала на привозимом из-за границы полуфабрикате, который на петербургских заводах подвергался переработке. Между тем еще в 1863 г. на сахар были установлены высокие пошлины: на песок морем 3 руб. с пуда и по сухопутной границе 2 р. 50 к., на рафинад морем 4 р. 40 к. с пуда и по сухопутной границе — 4 руб. с пуда, в то время как на Киевском и Харьковском рынках песок стоил 3 руб. пуд и редко доходил до 6 руб. пуд. При таких условиях по мере развития южной сахарной промышленности сахарные заводы Петербурга неизбежно должны были приходить в упадок.

Не могло спасти петербургскую сахарную промышленность образование в 1887 г. синдиката сахарозаводчиков, сразу вызвавшее повышение цены на сахар на внутреннем рынке и позволившее расширить бросовый экспорт сахара за границу: в 90-х годах сахарный песок продавался на рынках Одессы по 4 р. 93 к. пуд, в то время как в Лондоне русский сахарный песок стоил 1 р. 50 к. пуд. Этот

демшинг мог иметь место только благодаря высокому таможенному обложению привозимого в Россию сахара, что как раз и имело решающее значение для петербургской сахарной промышленности: по тарифу 1891 г. на сахар была наложена пошлина 4 руб. с пуда, что составляло 81,1% к цене его. В этих условиях умпрание сахарной промышленности Петербурга являлось естественным и неизбежным.

Крупную роль в экономической жизни Петербурга играла промышленность по обработке минеральных веществ. Число предприятий этой отрасли возросло в столице с 9 в 1867 г. до 72 в 1890 г. (в 8 раз), число занятых на них рабочих — с 960 до 4942 человек (в 5 раз), а ценность годового производства — с 465 тыс. руб. до 3025 тыс. руб. (в 6,4 раза). Но уровень механизации на этих предприятиях был очень низок: лишь 40% заводов имели в 1890 г. паровые машины. Наиболее крупными из них были С.-Петербургское товарищество для производства глухозерского портландцемента, предприятие которого было расположено в Александро-Невской части города. В 1894 г. возникло Северное стеклопромышленное общество, предприятие которого находилось на Васильевском Острове. Развитие производства строительных материалов было связано с застройкой города. Но большинство этих предприятий находилось не в городе, а в уездах Петербургской губ. Из других отраслей этого вида промышленности необходимо отметить фарфоровые и фаянсовые заводы столицы. Среди них продолжали функционировать императорский фарфоровый завод (ныне завод им. Ломоносова), продукция которого пользовалась заслуженной мировой известностью, и завод Товарищества Корниловых, продукция которого, носившая массовый характер, была широко распространена по всей стране.

Широко была распространена в Петербурге промышленность по механической обработке дерева. Развитая сеть водных путей обеспечивала этой отрасли промышленности дешевую доставку местного сырья. За 1861—1893 гг. в столице было открыто 22 новых предприятия этой отрасли промышленности. Только за период с 1879 по 1894/95 г. годовая производительность деревообделочных предприятий возросла почти вдвое. Быстро росла и степень оснащенности заводов паровыми двигателями: в 1879 г. из 64 заводов паровые машины были только на 17, а в 1894/95 г. — на 34 из 61. Наиболее крупными из них были лесопильный завод Граана в Шлиссельбургской части города, лесопильный завод Русанова в том же участке и лесопильный завод Штудера в Александро-Невской части столицы. Помимо лесопильных заводов, возникло несколько крупных деревообделочных предприятий: в с. Смоленском столярно-плотничья фабрика бр. Алексеевых, Русско-Американская багетная и рамочная фабрика Гофмана на Петербургской стороне, столярно-строительная и паркетная фабрика Линдера на Васильевском Острове, мебельно-столярная фабрика Мельцера на Петербургской стороне, мебельно-паркетная фабрика Свицкого в Александро-Невской части города и ряд других.

Крупное производство проникло даже в такую, по преимуществу кустарную, отрасль промышленности, как ювелирное производство. В начале 80-х годов

в Петербурге имелось 11 крупных ювелирных предприятий, на которых было занято 350 рабочих и продукция которых составляла 1 млн руб. в год. Самым крупным и старинным предприятием из них был завод Сазикова, на котором числилось 145 рабочих и который производил в год золотой и серебряной посуды на 250 тыс. руб. и церковной утвари на 245 тыс. руб. Бронзовых фабрик в начале 80-х годов было 11. В Петербурге это производство и зародилось. Крупными были фабрики Шопена, с числом рабочих 150—250 и с производством на 200—300 тыс. руб., и Штанге, на которой работало 110 рабочих и продукция которой составляла 300 тыс. руб., а также две фабрики Кумберга с производством на 500 тыс. руб. и числом рабочих 270. Следует отметить, что все эти предприятия возникли еще в дореформенное время, лишь одна фабрика Кумберга была основана в 1866 г.

В Петербурге имелась и одна, причем единственная в стране, мельхиоровая фабрика, на ней работало 70 рабочих, и продукция ее оценивалась в 150 тыс. руб.

Характеристика развития промышленности пореформенного Петербурга была бы неполной, если бы мы не учли наряду с крупной промышленностью также и мелкого промышленного производства.

«Переход от мануфактуры к фабрике, — указывает В. И. Ленин, — знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера».¹ В целом в крупной промышленности России, по словам В. К. Яцунского, машинная техника оттеснила ручной труд на второстепенные позиции к началу 80-х годов XIX в. «Но наряду с крупной промышленностью, — как правильно подчеркивает далее В. К. Яцунский, — сохранялась занимавшая очень много рабочих рук мелкая. Сохранилась, особенно в глухих местах, домашняя промышленность, еще не отделившаяся от земледелия».²

В Петербурге, как передовом промышленном центре, картина была несколько иная. Решительный переход к машинной технике и оттеснение на второй план мануфактурного и ремесленного производства в важнейших отраслях промышленности относится ко второй половине 70-х годов. Мелкое производство в ряде отраслей уже в это время играло несущественную роль, а в некоторых производствах (хлопчатобумажное, сталелитейное, чугунолитейное, резиновое, сахарное и др.) отсутствовало вовсе. «Во всей России, — пишет В. И. Ленин, — мелкое производство в промышленности, конечно, гораздо более живуче, чем в Петербурге».³ Однако и здесь оно сохранилось в ряде отраслей промышленности и в период весьма развитых капиталистических отношений.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 397.

² В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России. Вопросы истории, 1952, № 12, стр. 62.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 441.

Сведения о мелком промышленном производстве в Петербурге во второй половине XIX в. крайне неполны. Получение более или менее надежных данных, которые указывали бы на роль и значение мелкого производства в различных отраслях промышленности, требует специального кропотливого исследования. Поэтому мы приведем лишь некоторые цифры, дающие общее представление о соотношении крупного и мелкого производства в петербургской промышленности.

По данным переписи 1864 г., в Петербурге насчитывалось около 75 тыс. ремесленников, из которых главную массу составляли рукодельницы (10 241), портные и портнихи (9583), сапожники и башмачники (7892), столяры (6226), плотники и пильщики (4081), слесари (2114), булочники и кондитеры (1806), кузнецы (1734), печники (1626) и т. д.¹ В крупной промышленности в это время насчитывалось не более 40 тыс. рабочих. Таким образом, число ремесленников в середине 60-х годов превышало число рабочих примерно в два раза.

Возраставшие вместе с ростом населения города и с развитием товарного обращения в стране в целом потребности на изделия ряда отраслей промышленности удовлетворялись еще в значительной мере за счет развития мелкого производства. Поэтому даже к концу рассматриваемого периода, когда крупная фабрично-заводская промышленность достигла больших успехов, удельный вес мелкого производства хотя и сильно снизился, но продолжал оставаться все же весьма высоким. Так, в середине 60-х годов в Петербурге насчитывалось около 200 крупных промышленных предприятий и 3258 ремесленных мастерских,² т. е. на одно крупное предприятие приходилось 16 мелких. Примерно такое же соотношение сохранилось и в 1894 г., когда на 500 крупных предприятий приходилось 8584 мелких.³

Однако сумма годового производства в крупной промышленности составляла около 200 млн руб., тогда как в мелкой — не более 110—120 млн руб., т. е. была меньше почти вдвое.

Наиболее быстрое развитие мелкого производства в Петербурге падает на период 60—70-х годов, когда в силу быстрого роста спроса на промышленные изделия при сравнительно слабом еще развитии фабрично-заводского производства условия для этого были весьма благоприятны. С конца 70-х—начала 80-х годов положение изменяется. Крупное фабрично-заводское производство занимает теперь ведущее положение и начинает оказывать во многих отраслях промышленности серьезное влияние на мелкую промышленность, замедляя темпы ее развития и оттесняя ее на второстепенные позиции. Этот процесс в значительной мере

¹ С.-Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы, т. III. Изд. Центр. статист. комитета, СПб., 1868, стр. 115.

² Виды внутренней торговли и промышленности в С.-Петербурге. СПб., 1868, стр. 1.

³ С.-Петербург. Путеводитель по столице с историко-статистическим очерком и описанием его достопримечательностей и учреждений. СПб., 1903, стр. 75.

был усилён тяжёлыми кризисами 80-х—начала 90-х годов, обострившими конкуренцию и способствовавшими поглощению мелкого производства крупным.

В текстильной промышленности ремесло в это время не играло почти никакой роли. Успешно вытеснялось оно и из ряда видов металлического производства, а также из пищевой, химической, бумажной и кожевенной промышленности. О. Д. Клячко, обследовавший в начале 80-х годов мелкие металлические мастерские Петербурга, указывает на упадок мелкого металлического производства. «Застой в торговле, недостаточный спрос явились здесь... роковой причиной».¹

Однако удельный вес мелкого производства во многих отраслях промышленности Петербурга был весьма высок даже и в середине 90-х годов. В ряде случаев производительность ремесленников превышала производительность крупной промышленности, что является ярким свидетельством отсталости капиталистического развития России. Так, изготовлением обуви и одежды занималось 2678 мастерских, производивших продукции не менее чем на 30 млн руб., т. е. во много раз больше, чем соответствующая отрасль крупной промышленности. В деревообделочной промышленности ремесленные мастерские производили продукции не менее чем на 8 млн руб., тогда как крупные предприятия — всего на 4 373 тыс. руб. Велика была роль мелкого производства в пищевой (не менее 23 млн руб.), металлообрабатывающей (не менее 16—17 млн руб.) и в ряде других отраслей промышленности. Можно сделать несомненный вывод, что мелкое ручное производство Петербурга даже в конце обозреваемого периода давало значительную, а в ряде случаев главную долю продукции в тех отраслях промышленности, которые обслуживали бытовые потребности населения города: производство одежды, обуви, металлических предметов домашнего обихода, многих пищевых продуктов и т. п.

Тем не менее в целом по промышленности Петербурга уже со второй половины 70-х годов крупное производство приобрело ведущую роль. Итоги промышленного развития пореформенного Петербурга были таковы, что мелкое производство, дававшее в начале пореформенного периода во многих отраслях главную массу промышленной продукции, в 80—90-х годах, несмотря на значительные успехи, было оттеснено на второй план. Темпы развития крупной промышленности намного превосходили темпы развития мелкой. Коренное изменение соотношения мелкой и крупной промышленности в пользу последней является одним из важнейших показателей решительной победы капиталистического способа производства, связанной со сравнительно быстрым переходом во всех основных отраслях промышленности от ручной техники к машинной. Решительная победа фабрично-заводского производства в основных отраслях промышленности и составляет главный итог промышленного развития пореформенного Петербурга.

¹ О. Д. К л я ч к о. Мелкие металлические мастерские в С.-Петербурге. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. XIV, СПб., 1885, стр. 139.

* * *

Промышленное значение Петербурга было исключительно велико. Еще в крепостную эпоху он выступал как важнейший центр передовой крупной промышленности в России. В капиталистическую эпоху значение столицы в промышленном развитии страны еще более возрастает. Об этом убедительно свидетельствуют следующие данные. В середине 60-х годов в Европейской России насчитывалось предприятий крупной промышленности, по подсчетам В. И. Ленина, максимум 2,5—3 тыс. с числом рабочих 509 тыс. человек. К 1890 г. число предприятий возросло более чем вдвое — до 6 тыс., а число рабочих увеличилось на 65% — до 840 тыс. человек.¹ В Петербурге в середине 60-х годов насчитывалось немногим более 200 крупных предприятий с числом рабочих около 40 тыс., к 1890 г. число предприятий возросло до 411, а число рабочих — до 80 тыс. человек. В результате по числу предприятий удельный вес петербургской промышленности почти не изменился: на долю Петербурга и в середине 60-х годов и в 1890 г. приходилось около 7% общего количества предприятий крупной промышленности. Но по количеству рабочих, что особенно важно, доля Петербурга возросла с 8 до 10%. Предприятия Петербурга были в среднем крупнее, чем по всей России; они были лучше оснащены технически, располагали более квалифицированными кадрами рабочих.

Ведущее положение Петербурга в промышленном развитии капиталистической России заключалось в том, что он являлся важнейшим центром отечественного машиностроения, выступая как главный центр технического прогресса, передовых методов производства.

Огромную роль сыграл Петербург в развитии русской технической мысли. Например, в области черной металлургии в Петербурге Обухов еще в 50-х годах создал образцы стали, превосходящие все известные в то время сорта. Пушка, отлитая из стали Обухова на основанном им заводе, выдержала без повреждения 4000 выстрелов. Сотрудник Обухова Чернов, приглашенный в 1866 г. на работу на Обуховский завод, впервые разработал научную теорию металлографии, позволившую положить в основу производства стали и прежде всего ее закалки не ремесленные навыки, а точный научный расчет. Разработанные в 60-х годах Н. Н. Бекетовым и усовершенствованные в 80-х годах Д. А. Певляковым и К. И. Бейером промышленные методы добычи алюминия (до того алюминий на Западе добывался в очень ограниченном количестве как драгоценный металл) были проверены на Тентелевском заводе в Петербурге и несколько позже в Елабуге. Огромное значение имели исследования петербургских ученых в области механики. В рассматриваемый период начал в Петербурге свою деятельность А. Н. Крылов, обогативший первоклассными открытиями многие отрасли прикладной механики

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 409, 436.

и прежде всего кораблестроение. Замечательной по своему новаторству была деятельность в Кронштадте самоучки технолога П. А. Титова. Титов не окончил даже начальной школы. Свою работу он начал на Кронштадтском заводе, затем поступил в корабельную мастерскую Невского судостроительного завода. Титов в процессе практической работы овладел сложным искусством кораблестроения. Он строил подводные лодки и другие корабли. В начале 90-х годов на конкурсе, объявленном Морским министерством на лучший проект броненосца, обе первые премии были присуждены Титову.

Выдающимися были открытия русских ученых и изобретателей в области только что зарождавшейся отрасли промышленности — электротехники. В 1873 г. впервые в мировой истории в Петербурге, на Песках, зажглась электрическая лампа накаливания Лодыгина.

Петербург явился родиной и электрической сварки металлов. Здесь около 1882 г. Н. П. Бенардосом был разработан способ электрической сварки металлов при помощи электрической дуги. В своей системе Бенардос применил угольный электрод. Через несколько лет другой русский новатор — Н. Г. Славянов — видоизменил способ Бенардоса, предложив применять электрод из того металла, который подвергался сварке.

Многие имена русских изобретателей были забыты. Их идеи часто не получали применения на русской почве, и конструкции, разработанные на основе этих идей, проникали в Россию в качестве иностранных «новинок».

Русские промышленные предприятия оборудовались заграничными станками. В России за все время ее капиталистического существования не была создана собственная развитая машиностроительная промышленность.

Причины такой технической отсталости русской промышленности прежде всего следует искать в общественно-экономической отсталости России.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРАНСПОРТ, ТОРГОВЛЯ, КРЕДИТ

Слабое развитие усовершенствованных путей сообщения являлось одним из важнейших препятствий для роста в предреформенной России промышленного производства, а также для расширения товарооборота и товарно-денежных отношений. В свое время профессор А. Чупров справедливо писал, что «Россия, вследствие обширности ее территории и отдаленности мест производства важнейших продуктов от мест их потребления и вывоза, едва ли не более нуждалась в улучшенных путях, нежели остальные европейские страны».¹ Развитие промышленности, а также внутреннего и внешнего рынков мешало, в частности, почти полное отсутствие до середины XIX в. рельсового транспорта.

Исключительно важное значение создание механизированных средств сообщения имело для развития экономики Петербурга, не имевшего своей сырьевой и топливной базы. В то же время Петербург, являвшийся до последней четверти XIX в. важнейшим портом страны, через который проходила громадная масса российского экспорта и импорта, и по этой причине нуждался в усовершенствованных путях сообщения, которые связывали бы его со страной. Важным фактором была, наконец, необходимость удовлетворения потребностей населения быстро растущего города в предметах питания и прежде всего в хлебе, привозившихся

¹ А. Чупров. Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношение к интересам страны. 1875, стр. 10.

из внутренних губерний России. При громадном росте населения города старинные способы подвозки гужом необходимых для города продуктов теперь были совершенно недостаточны.

Важнейшую роль в развитии внутренней торговли дореформенной России наряду с гужевым транспортом играли водные пути. Особенно это относится к Петербургу, который был связан с внутренними губерниями страны целой системой рек и каналов. Основная масса грузов доставлялась в Петербург водой: по Мариинской, Вышневолоцкой и Тихвинской системам и по р. Неве.

Внутренние водные пути продолжали играть чрезвычайно важную роль в хозяйственной жизни Петербурга и после реформы 1861 г. Наиболее крупную роль в экономической жизни города играла Мариинская система, соединявшая Петербург с Поволжьем. Протяженность этой системы составляла 1068 км. По ней и после реформы шла основная масса волжского хлеба, предназначенного для потребления города и для экспорта. Вышневолоцкая и Тихвинская системы в силу неблагоприятных судоходных условий (мелководье, устарелые и обветшалые шлюзы и пр.) во второй половине XIX в. утратили свое прежнее значение и служили для местных перевозок, главным образом для подвоза лесных материалов и дров к железнодорожным станциям.

Количество грузов (в песовом выражении), прибывавших в Петербург по внутренним водным путям сообщения, с развитием после реформы железнодорожного транспорта не только не уменьшалось, но, напротив, непрерывно росло. Сверху по Неве попрежнему прибывала главная масса товаров. Один из современников писал, что в 60-х годах «большая часть товаров для иностранного сбыта и почти все хлебные товары, лесные и вообще строительные, для довольствия столицы, доставляются водою».¹ Это подтверждается и статистическими данными. Во второй половине 60-х годов в Петербург в среднем прибывало ежегодно около 16 тыс. судов и около 8 тыс. плотов, привозивших в общей сложности около 105 млн пудов грузов. Ежегодный привоз по железным дорогам за эти годы составлял не более 80 млн пудов,² т. е. 43% общего привоза. В 70—80-х годах в связи с общим увеличением грузопотока, направлявшегося в Петербург, доля внутренних водных путей в петербургском привозе еще более возрастает. В 1877 г. общее количество товаров, подвезенных к Петербургу по Неве и по железным дорогам, составляло 280,7 млн пудов; из них на долю Невы приходилось 166,6 млн пудов, или 59,4%, а на долю железных дорог — 114,2 млн пудов, или 40,6%.³

Таким образом, за десятилетие, с конца 60-х до конца 70-х годов, подвоз товаров в Петербург по внутренним водным путям возрос более чем в $1\frac{1}{2}$ раза, а по

¹ В. М и х н е в и ч. Петербург весь на ладони. СПб., 1874, стр. 450.

² В. М и х н е в и ч, ук. соч., стр. 451—452.

³ Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 3. Сведения о движении товаров по железным и внутренним водным путям сообщения в 1876 г. и о прибытии товаров в С.-Петербург по р. Неве и железным дорогам в 1877 и 1878 гг. СПб., 1879, стр. 10—11.

удельному весу в общем привозе — примерно на 5%. Такая же картина наблюдалась и в 80-х годах. К 1890 г. привоз по Неве достиг 193 809 тыс. пудов¹ (т. е. почти удвоился по сравнению с концом 60-х годов) и составлял более $\frac{2}{3}$ всего привоза в Петербург по внутренним путям сообщения (271 млн пудов).²

Во второй половине XIX в., так же как и в первой, Петербург выступает как важнейший по грузообороту (главным образом по разгрузке) порт на внутренних водных путях России. В 70-х годах в Петербурге выгружалось более $\frac{1}{3}$ всех товаров, отправляемых по внутренним водным путям. Так, например, в 1876 г. объем перевозок по воде составлял 467 млн пудов, из которых в Петербурге выгружено 154,9 млн пудов.³ Через 20 лет, к 1897 г., привоз в Петербург по р. Неве возрос до 249,6 млн пудов, что в несколько раз превышало привоз в другие крупнейшие речные порты России. Стоявший на втором месте после Петербурга Нижний Новгород разгружал всего 70,6 млн пудов.⁴

Рост грузооборотов Петербургского речного порта во второй половине XIX в. связан с быстрым развитием речного судоходства в стране и, в частности, с развитием парового судоходства. Если в 1860 г. на внутренних водных путях Европейской России плавало всего 399 паровых судов, то к 1895 г. их число возросло до 2539.⁵ Первое место по числу паровых судов занимала Волга (в 1897 г. — 55% общего числа речных пароходов Европейской России). На втором месте стояла р. Нева. Число паровых судов, плававших в бассейне р. Невы с озерами, возросло за 1857—1879 гг. с 23 до 421 (14% общего числа речных паровых судов).⁶ Однако главная масса грузов перевозилась и во второй половине XIX в. на непаровых судах. Если в бассейне р. Невы с озерами в 1895 г. плавало 362 парохода грузоподъемностью всего 706 тыс. пуд.,⁷ то непаровых судов было в 20 раз больше — 7102 (на Волге — 7600); грузоподъемность последних составляла громадную цифру в 125425 тыс. пуд. (на Волге — 335 740 тыс. пуд.). На долю Невы с озерами в 1895 г. приходилось более $\frac{1}{3}$ непаровых речных судов Европейской России по количеству, а по тоннажу — $\frac{1}{4}$.⁸

Несмотря на исключительно важную роль внутренних водных путей для развития торговли Петербурга со страной, они не могли во второй половине XIX в. удовлетворить все возрастающих потребностей ввозной и особенно вывозной торговли столицы. Недостатки водных путей состояли в их чрезвычайной техни-

¹ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 12, СПб., 1894, стр. 305.

² В. И. Покровский. Статистический очерк С.-Петербурга. СПб., 1894, стр. 18.

³ Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 3, стр. 7—8.

⁴ Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России. СПб., 1900, стр. 155.

⁵ Там же, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 134.

⁷ Там же, стр. 139.

⁸ Там же, стр. 141.

Перевоз у Дворцового моста. Гравюра на дереве. 1879 г.

ческой запущенности, в крайней медлительности перевозок, носивших к тому же сезонный характер, в невозможности широко использовать их для вывоза во внутренние районы страны товаров, во все возрастающем количестве производившихся петербургской промышленностью и импортировавшихся из-за границы.

Вопрос о строительстве железных дорог, которые обеспечили бы быстрое и надежное сообщение между столицей и внутренними областями страны в течение круглого года, встал еще задолго до реформы 1861 г. Первая железная дорога, имевшая для Петербурга народнохозяйственное значение, была пущена в эксплуатацию в 1851 г. Она соединила почти по прямой линии столицу с народнохозяйственным центром страны — Москвой, которая в 60—70-х годах превратилась в центральный узел разветвленной сети российских железных дорог. В 1862 г. была пущена в эксплуатацию железнодорожная линия Петербург—Варшава. Во второй половине 60-х годов была осуществлена постройка Балтийской дороги, соединившей столицу с балтийскими портами (Ревелем и Балтийским портом). Тогда же была построена железная дорога Рыбинск—Бологое, давшая выход хлебным грузам, шедшим по Волге, на важнейшую для столицы железнодорожную магистраль — Николаевскую (ныне Октябрьскую) ж. д. Вместе с тем железнодорожные линии Рига—Двинск, Двинск—Либава, соединившие балтийские порты с важнейшими районами страны, отвлекли значительную долю экспортных грузов от Петербурга.

К началу 70-х годов Петербург превратился в один из крупнейших в стране железнодорожных узлов. Железные дороги связали его с хлебными и центральными промышленными губерниями страны и способствовали быстрому развитию петербургской промышленности, а также нарастанию товарооборота между Петербургом и внутренней Россией. По подсчетам И. С. Блиоха, в 1874 г. протяженность железных дорог в Петербургской губ. была почти такая же, как и в Московской (564 и 591 верста), однако по числу отправляемых и прибывавших грузов Петербургская губ. отставала от Московской в два с половиной раза (153,6 млн пудов и 413,4 млн пудов).¹

Насколько быстро возрастал после реформы 1861 г. грузооборот железных дорог, соединяющих Петербург с внутренней Россией, свидетельствуют следующие данные. В 1862 г. по Николаевской ж. д. прибыло в Петербург 11 120 тыс. пудов грузов, отправлено 7 254 тыс. пудов; по Варшавской ж. д. — соответственно 2 819 тыс. и 1 938 тыс. пудов. Общий грузооборот железных дорог составлял 23 131 тыс. пудов.²

В 1868 г. оборот Николаевской дороги составлял уже около 70 млн пудов, а Варшавской — около 13,5 млн пудов,³ т. е. возрос за 6 лет почти в 4 раза. В течение следующего десятилетия объем перевозок по петербургским железным дорогам продолжал неуклонно расти, при этом главным образом опять-таки за счет Николаевской ж. д. В 1877 г. в Петербург прибыло по железным дорогам 114,2 млн пудов грузов,⁴ что составляло, как уже указывалось, свыше 40% общего привоза, а в абсолютных цифрах в восемь с лишним раз превышало привоз по железным дорогам в начале 60-х годов. Участие каждой из железных дорог, а также р. Невы в подвозе товаров в Петербург представляется для 1877 г. в следующем виде:⁵

	Привезено товаров	
	млн пудов	и % к общему привозу
Р. Нева	166,8	59,4
Николаевская ж. д.	96,7	34,4
Варшавская ж. д.	8,4	3
Балтийская ж. д.	5,4	1,9
Финляндская ж. д.	3,7	1,3
Итого	280,8	100

¹ И. С. Блиох. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. СПб., 1878, стр. 90—91, таблица.

² Статистический вестник Российской империи. Изд. Центр. статист. комитета, СПб., 1866, стр. 140, 144.

³ В. Михневич, ук. соч., стр. 452.

⁴ Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 3, стр. 10—11.

⁵ Там же.

*Развитие железнодорожного узла в Петербурге. Схема,
Музей истории Ленинграда.*

Из приведенных данных видно, что важнейшую роль в подвозе для Петербурга необходимых товаров уже в 70-х годах XIX в. наряду с Невой играла Николаевская ж. д. Ее значение станет еще более очевидным, если мы обратимся к структуре ввоза.

По Неве в 70-х годах ввозились главным образом громоздкие и сравнительно недорогостоящие грузы, в первую очередь дрова, гранит, камень, плиты, кирпич и лесные строительные материалы. Из 166 млн пудов грузов, прибывших в 1877 г. по Неве, на эти грузы приходилось 126 млн пудов, т. е. более $\frac{3}{4}$. Хлеба по Неве в этом году было подвезено 30,2 млн пудов, т. е. менее $\frac{1}{5}$ (всего было подвезено около 105 млн пудов). На все остальные грузы падает лишь около 10 млн пудов.¹ По железным же дорогам, напротив, главную массу привоза составляли хлеб,

¹ Там же.

пищевые продукты разного рода, скот и сырье для промышленности. Из 114 млн пудов общего привоза по железным дорогам в 1877 г. на хлебные грузы приходилось 74,3 млн пудов (из них по Николаевскую ж. д. — 73,1 млн пудов). На железные дороги падал весь привоз сахара и сахарного песка, чая, соли, а также шерсти и кож. Почти все мясо и скот, а также холсты и полотна, пеньковая и льняная пряжа, канаты и веревки прибывали по Николаевской дороге. По железным дорогам, и прежде всего по Николаевской, прибыло в 1877 г. $\frac{3}{5}$ всего привоза льняного семени, $\frac{8}{10}$ привоза льна и пеньки, $\frac{3}{4}$ привоза спирта и хлебного вина, $\frac{4}{5}$ привоза рыбы и сельдей, $\frac{5}{7}$ привоза коровьего масла, а также почти 100% ввоза металлических изделий, рельсов, минеральных масел.¹ Дрова и строительные материалы, напротив, подвозились по железным дорогам лишь в незначительной части, распределяясь примерно поровну между всеми дорогами.

За 15 лет (с 1862 по 1877 г.) подвоз хлеба по железным дорогам увеличился примерно в 16 раз, скота — в 15 раз, соли — примерно в 60 раз, сахара — более чем в 5 раз, масла и скотского жира — не менее чем в 3 раза, рыбы — в 2,5 раза, металлических изделий — в 5 раз и т. п. Общий привоз по железным дорогам за это время увеличился с 13 939 тыс. до 114,2 млн пудов, т. е. в 9 раз.²

Как видно из приведенных данных, закуски Петербурга на внутреннем рынке на протяжении 60—70-х годов значительно выросли, при этом главным образом за счет покупки хлеба. Из 363 млн пудов хлеба, отправленных в 1874 г. всеми пристанями водных путей сообщения и станциями железных дорог, к Петербургу пришло 68 млн пудов, или 18,2%. Хлебные грузы составляли главную часть всех грузов, прибывавших в Петербург. В 1876 г. на их долю падало 35,4% всего привоза, в 1877 г. — 37,2%, в 1878 г. — 29,4%, в 1879 г. — 35,4%. Во второй половине 70-х годов Петербург получал $\frac{1}{2}$ всех грузов,³ отправляемых по внутренним путям сообщения страны.

На протяжении 80-х—начала 90-х годов объем и структура петербургского ввоза по сравнению с концом 70-х годов изменилась мало, в отдельные же годы наблюдалось даже сокращение ввоза и по Неве и по железным дорогам. Так, хлебных грузов за первое пятилетие 80-х годов ввозилось в среднем в год около 80 млн пудов,⁴ т. е. примерно столько же, сколько и во второй половине 70-х годов. За пятилетие же с 1888 по 1892 г. хлеба ввозилось уже только 64 млн пудов⁵ в среднем в год, т. е. имело место сокращение на 20%. Почти вдвое сократился за период с 1881 по 1890 г. подвоз гранита, камня, плиты и кирпича — с 61 млн

¹ Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 3, стр. 10—11.

² Данные за 1862 г. взяты из «Статистического вестника Российской империи» (стр. 140 и 144).

³ Николай-ов. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893, стр. 55—56.

⁴ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 5, СПб., 1886, стр. 92—93.

⁵ Там же, вып. 12, стр. 315.

до 32 млн пудов.¹ Подвоз некоторых других грузов в 80-е годы, напротив, вырос: дров — с 79 млн до 89 млн пудов, лесных строительных материалов — с 11 млн до 30 млн пудов, керосина и других нефтепродуктов — с 629 тыс. до 3 180 тыс. пудов,² и т. д. Увеличился за 80-е годы также подвоз коровьего масла, мяса, крупного и мелкого скота и некоторых других продуктов питания. В целом в 1890 г. ввоз в Петербург составлял около 271 млн пудов,³ т. е. почти столько же, сколько и во второй половине 70-х годов, при этом 193 809 тыс. пудов (более 70%) прибывало по Неве.⁴

На внутреннем рынке Петербург выступал главным образом как покупатель. Роль Петербурга как продавца была неизмеримо меньшей. Однако на протяжении второй половины XIX в. петербургский вывоз также значительно возрос, причем осуществлялся он почти целиком за счет железных дорог. За десятилетие с 1862 по 1872 г. вывоз товаров из Петербурга по железным дорогам увеличился с 9 млн⁵ до 22 млн пудов,⁶ т. е. в 2,5 раза. За последующие два десятилетия вывоз по железным дорогам возрос еще в два раза и составлял в 1892 г. около 45 млн пудов.⁷ Участие Невы в петербургском вывозе было ничтожно. На ее долю приходилось менее 1/10 вывозимых грузов. В 1872 г. по Неве во внутренние губернии было вывезено всего 1 805 тыс. пудов (из 24 млн пудов всего вывоза),⁸ в 1892 г. — 3 888 тыс. пудов (из 49 млн пудов всего вывоза).⁹ Главными статьями петербургского вывоза во внутреннюю Россию были изделия его тяжелой и легкой промышленности, а также товары, ввозившиеся из-за границы (каменный уголь, хлопок, машины, чай, дорогие сорта вин, колониальные товары и т. п.). В основном это были грузы, сравнительно ценные и удобные для транспортировки, поэтому отправлять их водой было невыгодно.

Подводя итоги, следует сказать, что капиталистический Петербург, наряду с Москвой, явился главным пунктом всего внутреннего товарооборота в стране. Как покупатель он значительно опережал Москву, как продавец — не уступал ей. Один из современников, характеризуя значение Петербурга на внутреннем рынке в начале 70-х годов, писал: «...Петербург является потребителем..., поглощающим громадную массу ценностей, а именно: до одной трети всего заграничного привоза по Европейской границе, до одной шестой всего количества товаров,

¹ Там же, вып. 5, стр. 104; вып. 12, стр. 260.

² Там же, вып. 1, СПб., 1882, стр. 184—189 (данные за 1881 г.); вып. 12, стр. 260 (данные за 1890 г.).

³ В. И. Покровский, ук. соч., стр. 18.

⁴ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 12, стр. 305.

⁵ Статистический вестник Российской империи, стр. 140, 144.

⁶ А. Ф. Елачич. Памятная книжка С.-Петербургской губернии. СПб., 1874, стр. 104, 108, 112.

⁷ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 12, стр. 305.

⁸ А. Ф. Елачич, ук. соч., стр. 122.

⁹ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 12, стр. 305.

привозимых по внутренним водам, и до одной четверти всей суммы мануфактурного производства в Европейской России.¹

Огромную роль в жизни Петербурга играл его порт, который связывал столицу не только с внешними рынками, но и с целым рядом внутренних областей империи: прибалтийскими районами и Финляндией. Но петербургский порт в пореформенный период переживал тяжелое время. В связи с вытеснением парусного флота паровым значительно возросли тоннаж и осадка морских судов. Между тем Нева в своем течении несет большое количество твердых осадков, которые при впадении реки в залив и при естественном падении течения осаждались в устье Невы и засорили вход в реку. Морские суда уже не могли теперь подходить к причалам старого Петербургского порта, расположенного на стрелке Васильевского Острова. Они приходили в Кронштадтский порт, там товары перегружались на ликтеры и уже на них доставлялись в столицу, где происходила вторичная перегрузка. Все это крайне удорожало как импорт, так и экспорт из Петербургского порта. Поэтому, естественно, и в правительственных и в торгово-промышленных кругах возникла мысль об углублении залива между столицей и Кронштадтом. Эта мысль стала осуществляться в начале 70-х годов, когда приступили к прорытию морского канала. Постройка морского канала была начата в 1872 г. Путиловым и закончена уже после его смерти, в 1883 г. Этот канал протяженностью 32 км и глубиной 22 фута подходил к Гутуевскому острову, где и было решено основать новый Петербургский порт. Место было выбрано мало удобное, затопляемое во время наводнений, но зато угольная гавань нового порта подходила непосредственно к Путиловскому заводу, чего и добивался Н. И. Путилов, вкладывавший миллионные средства в прорытие канала и в конце концов разорившийся на этом предприятии. Но причальная линия на Гутуевском острове и по морскому каналу первоначально была очень невелика — только 400 саженей. Сосредоточить импортные и экспортные операции в одном месте не представлялось никакой возможности. Портовое хозяйство было разбросано на большом пространстве. Хлебные баржи, приходившие в Петербург по Мариинской системе, располагались на плёсе Невы, выше и ниже Рожковой пристани. Хлебной пристанью была Калашниковская набережная. Расположенная там пристань со складами принадлежала Александро-Невской лавре. К портовому хозяйству принадлежали причальные линии на стрелке Васильевского Острова около Биржи и таможни. Причальные линии были расположены также у 12-й линии Васильевского Острова. Наконец, в систему Петербургского порта входили коммерческие гавани Кронштадта. С системой железных дорог порт связывала железнодорожная ветка. Разбросанность портовой территории вызывала лишние простои судов и требовала значительных перегрузочных работ. Движение грузов тем самым удорожалось и замедлялось. Так, привозимый из Англии уголь первоначально

¹ В. Михневич, ук. соч., стр. 453.

перегружался с морских судов у Гутуевского острова на лихтеры, которые его затем подвозили к Рожковой пристани, где его разгружали на причалы и уже отсюда развозили по заводам. Та же картина наблюдалась при движении хлебных грузов. Хлебные баржи долгое время простаивали у Калашниковской набережной, ожидая погрузки зерна на морские суда. Стоянка баржи в течение одного месяца считалась нормальной, и стоимость ее включалась в договора по перевозке зерна. Лишь сверх этого срока владелец зерна обязывался уплачивать владельцу судна по $\frac{1}{100}$ коп. с пуда в день. Набережная у Биржи на Васильевском Острове использовалась для разгрузки импортных товаров, требовавших досмотра таможен, а также для их хранения. Морские суда очень редко подходили к стрелке Васильевского Острова, поэтому подвоз товаров к таможене также требовал их дополнительной перегрузки. Причалы у 12-й линии использовались для погрузки зерна на морские суда, изредка здесь происходила выгрузка угля. Привозной бассейн у Гутуевского острова и причалы на расширенной части морского канала служили для выгрузки импортных товаров — хлопка, машин, металла и др. Незначительная протяженность причальных линий на Гутуевском острове, куда пристаивали морские суда, приводила к длительному их простоям. Не более 5 суток простаивало только 16,8% пароходов, от 6 до 10 дней стояло 37,5% судов, от 16 до 20 дней — 13% и от 21 до 25 дней 3,1%. Остальные суда простаивали более длительный срок.¹ Бывали случаи, что в ожидании выгрузки суда стояли в Петербургском порту до 45 дней. Средняя продолжительность стоянки судов в Петербурге определялась в 10 дней, в то время как в Одесском порту — 8 дней и в Риге — 7 дней. Складское хозяйство порта было оборудовано очень слабо. К концу XIX в. — до 1898 г. на Гутуевском острове имелось 5 железных пакгаузов, только что отстроено было 6 деревянных навесов, а для отпускных товаров имелось несколько деревянных навесов и для зерна пакгауз и элеватор. Много выгруженных товаров хранилось под открытым небом. Выгрузка и погрузка грузов производилась вручную, механических кранов почти не было. Слабое развитие складского хозяйства порта приводило к тому, что многие товары до их погрузки хранились в так называемых бунях: Гагаринском, Пецьковом, Сальном и Масляном. О том, какое отрицательное влияние имела на петербургскую внешнюю торговлю неразвитость складского хозяйства, как это тормозило развитие внешней торговли страны через Петербургский порт, могут дать представление следующие цифры. Важнейшим экспортным товаром страны являлся хлеб в зерне. Через Петербургский порт во второй половине XIX в. экспортировался хлеб из приволжских и прикамских губерний. Наиболее удобным способом доставки этого зерна к Петербургскому порту являлась внутренняя система водных путей. При доставке хлеба по Мариинской системе выигрывалось с пуда хлеба по сравнению с доставкой по железной

¹ В. И. Покровский. Значение С.-Петербурга во внешней торговле России. СПб., 1899, стр. 109.

дороге 2,5 коп., что составляло при провозе 50 млн пудов экономию около 1 млн руб. Но Мариинской системой можно было пользоваться только около 6 месяцев в году. Стоимость экспорта хлеба через Петербургский порт увеличивалась благодаря крупным накладным расходам при перегрузке хлеба. Эти накладные расходы на экспортный хлеб в Петербурге составляли 3 коп. с пуда. При пользовании же элеватором при хранении зерна в течение 40 дней расходы снижались до 1,54 коп. с пуда. Но элеватор, построенный при сооружении морского канала Максимо-вичем и Борейшой и составлявший их частную собственность, далеко не удовлетворял потребности порта.

Задерживало развитие Петербурга как важнейшего порта страны и то, что по природным условиям навигация в порту продолжалась в среднем 209 дней в году, в то время как навигация в Ревельском порту продолжалась 310 дней, в Риге — 313 дней и в Либаве круглый год.¹ Наконец, крайне неблагоприятное влияние на развитие внешней торговли через Петербургский порт оказала тарифная железнодорожная политика. Когда строилась Балтийская ж. д., предполагалось, что балтийские порты — Ревель, Рига, Либава — станут зимними портами Петербурга. Но получилось не так. Главное общество железных дорог в целях повышения курса акций Николаевской ж. д. установило для грузов, направлявшихся в Петербург, повышенный тариф, а для грузов, направлявшихся непосредственно в Москву из периферийных центров, — льготные тарифы. Той же политики придерживалось правление Рига-Динабургской (Двинской) дороги. В результате провоз грузов к Петербургу, так же как и в обратном направлении, стал более дорогим, чем к другим балтийским портам. Так, несмотря на большее расстояние, привоз по железной дороге грузов из прибалтийских портов в Москву обходился дешевле, чем из Петербурга. Исключение составлял лишь хлопок. Все эти неблагоприятные обстоятельства привели к тому, что значение Петербурга во внешней торговле страны во второй половине XIX в. падало, все большая и большая масса грузов стала отклоняться к другим прибалтийским портам.

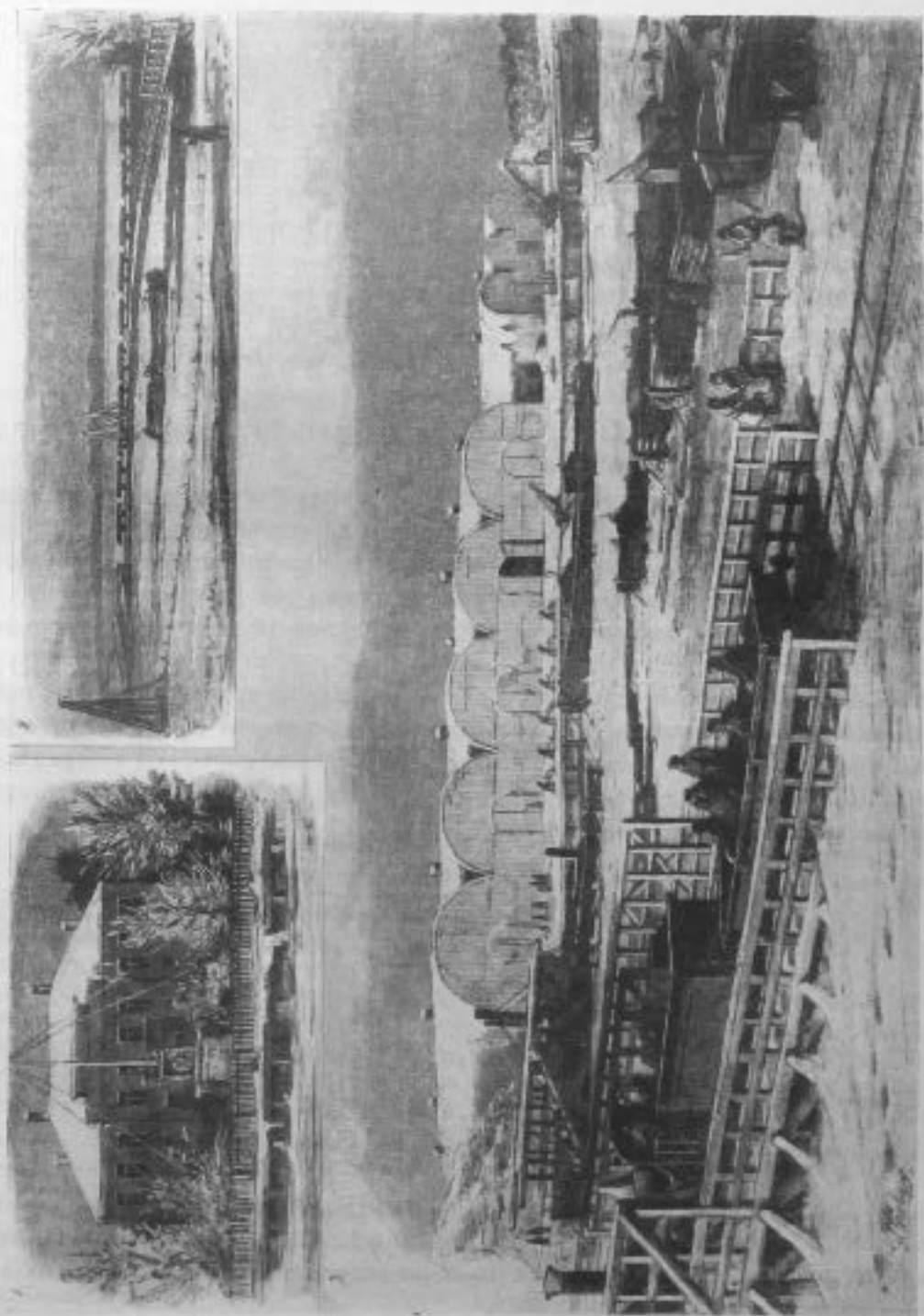
Однако влияние вышеуказанных неблагоприятных для внешней торговли Петербурга факторов в разные периоды сказывалось не в одинаковой мере. В первые десятилетия после Крымской войны и особенно после реформы 1861 г., когда обороты российской внешней торговли росли необычайно быстрыми темпами, весьма быстро развивалась и внешняя торговля Петербурга, хотя и гораздо медленнее, чем Россия в целом.

Соответствующие данные за 1856—1876 гг.² помещены в таблице на стр. 138.

Как видно из приведенных данных, обороты Петербургского порта возросли за 20 лет на 76%, однако внешнеторговые обороты всей России возросли за это же время втрое. Удельный вес Петербурга во внешней торговле России стал со-

¹ В. И. Покровский, ук. соч., стр. 96—97.

² Там же, стр. 71.

Патильковский порт, Грасиора на дереве. 1875 г.

	Центность, в млн кредитных рублей		
	вывоза	привоза	всего оборота
В 1856 г.			
Во всей России	157,4	122	279,4
В Петербурге	53,9	52,3	106,2
Процентное отношение торговли Петербурга к торговле России	34,2%	42,8%	38%
В 1876 г.			
Во всей России	388,7	467,3	856
В Петербурге	82,1	105,2	187,3
Процентное отношение торговли Петербурга к торговле России	21,1%	22,5%	21,9%

ставлял в 1876 г. только $\frac{1}{3}$ часть, тогда как двадцать лет назад он составлял $\frac{1}{2}$, а в 30-х годах — более половины.

Падение значения Петербурга во внешней торговле России, начавшееся еще с конца XVIII в., до 70-х годов XIX в. в основном обуславливалось быстрым ростом внешнеторговых связей через другие морские порты России. Когда же к 70-м годам XIX в. в России создается разветвленная сеть железных дорог, то Петербург тем более утрачивает свое исключительное положение во внешней торговле.

С 1876 г. до начала 90-х годов наблюдается падение не только удельного веса петербургского морского порта, но происходит также падение его оборотов в абсолютных цифрах. В то же время обороты других русских портов на Балтийском море на протяжении пореформенной эпохи растут очень быстро. Вот соответствующие данные по пятилетиям (в млн руб.):¹

	Вывоз		Привоз	
	из Петербурга и Кронштадта (морем)	из прочих русских портов Балтийского моря	в Петербурге и Кронштадт морем	во все прочие русские порты Балтийского моря
1863—1867 гг.	48,75	28,85	77,50	24,70
1868—1872 »	65,50	41,80	99,60	78,10
1873—1877 »	88,85	76,65	95,80	93,30
1878—1882 »	84,70	117,20	80,40	126,40
1883—1887 »	77,00	111,60	61,90	115,80
1888—1892 »	59,20	70,70	70,00	92,10

Как видно из приведенной таблицы, обороты Петербургского порта за 30 пореформенных лет почти не возросли (126,25 млн и 129,2 млн руб.), тогда как обороты других русских портов Балтийского моря возросли более чем втрое (с 53,55

¹ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 12, стр. 307.

млн до 162,8 млн руб.), Очень значительно за тот же период возросли обороты черноморских портов, что было связано с расширением экспорта хлеба из южных губерний. В середине 90-х годов $\frac{9}{10}$ всего вывоза хлеба из России шло морем, при этом 66% вывоза приходилось на семь следующих портов: Одессу, Николаев, Ростов, Петербург, Либану, Новороссийск и Таганрог. Особенно быстро развивались указанные пять южных портов, которые в среднем за 1871—1876 гг. отпускали 68 млн пудов четырех главных хлебов, а в 1891—1895 гг. — уже 206 млн пудов, т. е. втрое больше. Значение Петербурга в хлебном вывозе, напротив, сильно упало. Если во второй половине 70-х годов ежегодный средний вывоз хлеба из Петербурга за границу составлял почти 50 млн пудов, то в 1891—1895 гг. он упал до 20 млн пудов.¹

По общему количеству привозимых из-за границы товаров, а также по абсолютным размерам своих внешнеторговых оборотов Петербург в 90-х годах продолжал занимать первое место среди других портов России (как балтийских, так и черноморских), но удельный вес его во внешней торговле падал по всем линиям, а в вывозной торговле он с середины 80-х годов начал уступать Одессе и в абсолютных показателях. В системе балтийской торговли удельный вес петербургского порта составлял в 1861 г. 82,3%, в 1871 г. — 70,6%, в 1881 г. — 41,6%, затем произошло некоторое повышение удельного веса петербургского порта, отчасти связанное с прорывом морского канала: в 1891 г. обороты петербургского порта в балтийской торговле составляли 46,9%, а в 1896 г. — уже 50,2%.² Еще более заметно упал удельный вес Петербурга во внешнеторговом обороте страны в целом, о чем убедительно свидетельствуют нижеприводимые данные (в ассигнационных рублях).³

	Вывоз из Петербурга	В % ко всей России	Привоз в Пе- тербурге	В % ко всей России	Общий оборот Петербурга	В % ко всей России
1861—1865 гг.	45177	25,7	73275	45,8	118452	35,3
1866—1870 "	69657	23,8	103137	37,2	163794	30,8
1871—1875 "	74001	20,2	113364	25,8	187365	23,3
1876—1880 "	96597	18,5	93516	18,3	190113	18,3
1881—1885 "	93411	16,2	82631	15,8	176042	16
1886—1890 "	80263	12,1	76529	18,4	156792	14,5
1891—1895 "	62904	10,0	105394	23,5	168498	15,3
1897 г.	94770	13,1	118686	21,2	213456	16,6

¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского, т. I, СПб., 1902, стр. 10.

² В. И. Покровский, ук. соч., стр. 132, таблицы, но без указания соответствующих процентов.

³ Там же, стр. 126—127.

За тридцать пять лет, прошедших со времени реформы до середины 90-х годов, удельный вес Петербурга во внешней торговле России понизился более чем наполовину. Особенно значительным было падение роли Петербурга в экспортной торговле. Если в начале 60-х годов на Петербург приходилась $\frac{1}{4}$ всего русского экспорта, то к 1895 г. — только $\frac{1}{10}$. Другими словами, удельный вес Петербурга в экспортной торговле страны понизился в 2,5 раза. В импортной торговле удельный вес Петербурга за тот же период понизился с 45,8 до 22,5%, т. е. вдвое.

Таблица говорит не только о падении удельного веса Петербурга во внешней торговле страны, но и о временном уменьшении его внешнеторговых оборотов в абсолютном выражении. Понижение вывоза стало явственно обнаруживаться начиная с 1878 г. и продолжалось до 1894 г. Вывоз Петербурга за этот период упал со 134 млн руб. (в 1877 г.) до 58 млн руб., т. е. в 2,3 раза. Падение импортной торговли Петербурга обнаружилось несколько раньше, с 1874 г., и продолжалось до 1891 г. За этот период ввоз иностранных товаров в Петербург сократился со 121 млн руб. (в 1873 г.) до 73 млн руб., т. е. на 40%.¹ Поворот к лучшему для импортной торговли начался с 1892 г. и для экспортной с 1895 г. Этот перелом несомненно был обусловлен общим подъемом хозяйственной жизни страны. Депрессия начала 90-х годов была связана с обновлением основного капитала в промышленности. Крупные международные займы позволили царскому правительству оживить железнодорожное строительство. Это требовало усиления импорта из-за границы металла, а также железнодорожного и заводского оборудования и ряда других товаров. Усиление экспорта, в частности увеличение вывоза хлеба, в середине 90-х годов нельзя не поставить в связь с изжитием мирового аграрного кризиса. Важное значение для русской торговли хлебом имело также новое торговое соглашение с Германией, которым закончилась таможенная война 1893 г.

В числе важных причин, которые обусловили не только абсолютный рост внешнеторговых оборотов, но и новое повышение удельного веса столицы во внешней торговле России, следует указать на такие, как упорядочение железнодорожных тарифов, позволившее в определенной степени устранить те невыгодные условия, в которых оказался Петербург по сравнению с другими балтийскими портами (в связи с постройкой ряда железных дорог), усовершенствование самого порта (в частности, прорытие морского канала) и т. д. Не следует забывать также, что Петербург был крупнейшим городским и промышленным центром страны и основная масса ввозимых через его порт иностранных товаров потреблялась в самом Петербурге. Это при любых неблагоприятных условиях обеспечивало Петербургу высокий удельный вес в импортной торговле.

Существенные изменения во второй половине XIX в. претерпела также структура петербургского вывоза и ввоза.

¹ В. И. Покровский, *указ. соч.*, стр. 127, таблица.

В экспортной торговле Петербург выступал как крупнейший транзитный центр страны.

В составе петербургского экспорта его собственные товары играли ничтожную роль. Так, в 1869 г. из вывоза на сумму 62 млн руб. на долю собственно петербургских товаров приходилось около 1,5 млн руб. (канаты и веревки — 817 тыс. руб., стеарин и стеариновые свечи — 448 тыс. руб., кожи выделанные — 140 тыс. руб., металлические изделия — 95 тыс. руб., шерстяные изделия — 41 тыс. руб., сальные свечи и мыло — 5,5 тыс. руб).¹

На первом месте среди вывозимых из Петербурга за границу товаров стоял хлеб. Его вывозилось в 1861 г. примерно 10 млн пудов, в 1871 г. — 31 млн пудов, в 80-х, а также в середине 90-х годов — более 40 млн пудов ежегодно. В 60-х годах из хлебов главную роль играла рожь, в 70-х и первой половине 80-х годов — пшеница и овес, во второй половине 80-х и в первой половине 90-х годов — овес. В начале 90-х годов вывоз пшеницы почти прекратился, но с середины 90-х годов достиг опять заметных размеров. В 1896 г. пшеницы было вывезено немногим более 4 млн пудов, а в 1897 г. — около 10 млн пудов. Овса за эти годы соответственно вывозилось 22 млн и 17 млн пудов, а ржи — 14 млн и 14 млн пудов.² В 70—80-х годах пшеница, поступающая в Петербург из внутренней России, почти целиком вывозилась за границу, рожь, овес и крупы — более чем наполовину, мука же (ржаная и пшеничная), напротив, в основном потреблялась в самом Петербурге и ближайших окрестностях (вывозилось только 20% муки, главным образом в Финляндию, т. е., собственно, внутрь России).³

Вывоз льняного семени, достигавший в 70-х годах 6—7 млн пудов, сократился к середине 90-х годов до 3,5 млн пудов, но зато за это же время возрос отпуск жмыхов — с 0,5 млн до 3 млн пудов с лишним. Вывоз растительного масла увеличился за период 1861—1897 гг. с 42 тыс. до 126 тыс. пудов. Вывоз льна за это время также возрос — с 1297 тыс. до 1606 тыс. пудов, но по сравнению с 70-ми годами даже сократился.

Один из важнейших в первой половине XIX в. экспортных продуктов животноводства — сало — в конце XIX в. составлял лишь ничтожную долю вывоза. Если в 1861 г. его вывозилось 2 215 тыс. пудов, то в 80-х годах — десятки тысяч, а в 1897 г. — всего 5 тыс. пудов. Сокращение вывоза сала являлось следствием упадка животноводства, роста населения и развития производств по переработке животных жиров. Сало из продукта экспорта превратилось в предмет импорта и в большом количестве производилось в конце XIX в. из Австралии. Из других продуктов животноводства, составлявших важные статьи экспорта, следует от-

¹ В. Михневич, ук. соч., стр. 448.

² В. И. Покровский, ук. соч., стр. 140.

³ А. И. Белов. Историко-статистические очерки производства пищевых продуктов. СПб., 1890, стр. 48, таблица. См. также: Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 5, стр. 92—93.

метить кость, шерсть, яйца, вывоз которых значительно возрос к концу XIX в. В 1897 г. кости вывозилось более 1 млн пудов, яиц — 241 млн шт. (против 1,1 млн шт. в 1881 г.), шерсти — 280 тыс. пудов.

Вывоз железа, достигавший в конце XVIII в. более 2 млн пудов, к концу XIX в. почти прекращается: в 80—90-х годах вывозилось всего несколько десятков пудов. Зато с начала 80-х годов появляется новый важный продукт экспорта — нефть, до этого широко ввозившаяся из-за границы. В 1881 г. Петербург отправил за границу уже 418 тыс. пудов нефти, а в 1897 г. вывоз нефти составил почти 3 млн пудов. К числу таких же новых предметов экспорта принадлежат резиновые изделия, вывоз которых возрос с 1,9 тыс. пудов в 1871 г. до 85 тыс. пудов в 1897 г.

Значительно возрос во второй половине XIX в. вывоз лесных строительных материалов. В конце 80-х годов их вывозилось на 22—23 млн руб. (в 1871 г. — на 1 946 тыс. руб.), но в 90-х годах вывоз лесных материалов сокращается до 8—9 млн руб.

В большом количестве вывозившиеся из Петербурга в первой половине XIX в. поташ, полотно, холст, канаты, веревки и в 90-х годах составляют ничтожную долю экспорта.¹

Крупные изменения произошли и в импортной торговле Петербурга. Главнейшими статьями петербургского ввоза были топливо и сырье для промышленности, машины, а также продукты питания — вина, фрукты, кофе, рыба и т. п.

На первом месте среди ввозимых в Петербург товаров стояли каменный уголь и кокс, привоз которого увеличился за период 1871—1895 гг. с 36 млн до 82 млн пудов. Значительно возрос за этот же период привоз чугуна (с 2 310 тыс. до 5 497 тыс. пудов), стали (с 741 тыс. до 1 299 тыс. пудов), свинца (с 399 тыс. до 1 210 тыс. пудов). Ввоз железа в 80-х годах сильно упал, но в середине 90-х годов резко стал подниматься. Если в среднем за трехлетие 1885—1887 гг. железа ввозилось всего 639 тыс. пудов в год, то за трехлетие 1895—1897 гг. уже 2 598 тыс. пудов. То же самое следует сказать в отношении ввоза машин, сильно снизившегося в период кризиса 80-х годов. Если в 1871 г. машин и аппаратов было ввезено на 586 тыс. руб., то в первой половине 80-х годов их ввозилось ежегодно только на 150 тыс. руб. Однако через 10 лет, в 1895 г., ввоз машин поднялся до 1 180 тыс. руб., т. е. увеличился по сравнению с началом 70-х годов вдвое, а с серединой 80-х годов — в семь раз.

В рассматриваемый период сильно возрос также привоз сырья, необходимого для легкой промышленности. За 1871—1895 гг. привоз химических продуктов увеличился с 1 680 тыс. до 2 391 тыс. пудов, красок — с 983 тыс. до 1 566 тыс. пудов, дубильных веществ — с 43 тыс. до 229 тыс. пудов и т. д.

¹ В. И. Покровский, ук. соч., стр. 91—92, 140—143, таблицы.

Ввоз хлопка-сырца к середине 80-х годов сократился по сравнению с 1861 г. с 2190 тыс. до 400 тыс. пудов, однако в дальнейшем он снова начинает ввозиться во все возрастающем масштабе. В 1895 г. хлопка-сырца было привезено в Петербург 1 798 тыс. пудов.

Значительное сокращение ввоза иностранного хлопка по сравнению с 60-ми годами объяснялось тяжелым промышленным кризисом 80-х годов, а также появлением на русском рынке среднеазиатского хлопка.

Импорт в Петербург продуктов питания, напротив, не только не обнаруживает значительного прироста (кроме рыбы и сельдей), но по многим статьям даже сильно сокращается. Частично это было связано с повышением удельного веса других импортных центров, частично же со все большим притоком на петербургский рынок продукции стечественного производства. Так, за период 1871—1895 гг. привоз овощей и фруктов сократился с 561 тыс. до 195 тыс. пудов, апельсинов, лимонов и помаранцев — с 243 тыс. до 92 тыс. пудов, виноградных вин — с 385 тыс. до 350 тыс. пудов, кофе — с 260 тыс. до 165 тыс. пудов, поваренной соли — с 1 075 тыс. до 0,6 тыс. пудов, и т. д. Из продуктов питания значительно увеличился лишь привоз рыбы и сельдей: рыбы в 1871 г. было привезено всего 12 тыс. пудов, а в 1895 г. — 948 тыс. пудов; сельдей в 1883 г. было привезено 302 тыс. пудов, а в 1895 г. — 898 тыс. пудов.¹

Из приведенных данных видно, что расширение петербургского импорта шло целиком за счет увеличения ввоза топлива, сырья и оборудования для промышленности. Поскольку же основная масса импортируемых товаров потреблялась в самом Петербурге, то, следовательно, рост импорта был прямо и непосредственно связан с развитием петербургской обрабатывающей промышленности. Не случайно рост оборота внешней торговли Петербурга падает на 60—70-е годы, когда в стране происходило усиленное железнодорожное строительство и петербургская промышленность развивалась невиданно быстрыми темпами, и на середину 90-х годов — на период, когда в стране начался новый промышленный подъем.

Среди стран, с которыми у Петербурга были обширные торговые связи, на первом месте стояла Англия, затем шла Германия, Голландия, Соединенные Штаты Америки, Франция, Швеция, Дания и другие государства. Такое положение сохранилось до конца XIX в., хотя удельный вес Англии во внешней торговле значительно снизился, а удельный вес других государств, особенно Германии и Голландии, возрос.

К концу XIX в. Петербург, несмотря на падение его удельного веса во внешней торговле России, по своим внешнеторговым оборотам и по обширности и разнообразию своих международных торговых связей остается все же крупнейшим центром внешней торговли страны.

¹ Там же, стр. 93, 144—152, таблицы.

* * *

Местом заключения крупных оптовых сделок служила Петербургская биржа, открытая еще при Петре I, в 1703 г. До 1875 г. продолжало действовать положение о деятельности биржи, введенное в жизнь еще в 1832 г. По этому положению товарная и фондовая биржи не разграничивались (их разделение произошло только в 1890 г.). Посещение биржи было свободным для всех, но правом совершения сделок пользовался только определенный круг лиц: купцы русские и иностранные 1-й и 2-й гильдий, заводчики и фабриканты, иностранные гости, иногородние купцы только в течение 6 месяцев, крестьяне, торгующие по свидетельствам первых двух родов, т. е. приравненные к купцам 1-й и 2-й гильдий, крестьяне, покупающие товар от русских купцов первых двух гильдий или крестьян, торгующих по свидетельствам первых двух родов, биржевые маклеры. Право совершать сделки обязывало вносить ежегодные взносы, размеры которых определялись биржевым купечеством. Содержалась биржа за счет биржевого купечества, которое выбирало Биржевой комитет из трех купцов и трех маклеров. Закон допускал выборы в состав Биржевого комитета одного иностранного гостя и одного иногороднего купца. Правительство в лице Министерства финансов сохраняло за собой лишь право контроля за деятельностью биржи.

В 1875 г. были введены изменения в устав биржи, так называемые временные правила, по которым биржевое купечество избирало особых гласных в количестве 80 человек из состава купцов 1-й гильдии, перед которыми отчитывался Биржевой комитет. Состав комитета был доведен до 15 человек, и, что особенно существенно, он получил права юридического лица, т. е. мог теперь вступать в различные юридические сделки от имени биржевого купечества. Сделки совершались обычно через посредство маклеров, штат которых был установлен в 100 человек. Кроме того, имелись еще корабельные маклеры, на обязанности которых лежало совершение сделок на морские перевозки товаров. Маклеры определенного жалования не получали, а вознаграждением для них служили отчисления от суммы совершаемых сделок в определенном, установленном законом размере. Товарные сделки совершались по образцам или по стандартам, причем не только за наличные, но и срочные, т. е. с установлением времени раслаты за товар. Но сделки по ценным бумагам допускались только за наличные; срочные сделки в целях борьбы со спекуляцией законом запрещались. В условиях капиталистического развития это было явно архаическим ограничением, особенно в условиях грондерства 70-х годов, т. е. учредительской горячки, связанной с массовым выпуском акций железнодорожных и банковых акционерных обществ. Как известно, во время биржевой горячки конца 60-х и начала 70-х годов на долю промышленных акционерных обществ приходилось только 13% выпущенных акций. Само Министерство финансов в 1869 г. ставило перед Биржевым комитетом вопрос о целесообразности разрешения сделок с ценными бумагами на срок, но Биржевой комитет не согласился

с мнением Министерства. Однако биржевая спекуляция, выгоняемая в дверь, влетала в окно: в Петербурге образовалась нелегальная, так называемая Демутовская биржа — по названию отеля Демута, центра, где собирались спекулянты фондовыми ценностями. Здесь помимо Биржевого комитета котировались различные ценные бумаги, особенно же спекуляция шла выигрышными билетами и акциями Рыбинской ж. д. Цена выигрышных билетов была взвинчена до 185 руб. при номинале в 100 руб. Эта спекуляция пошла к краху в 1869 г., когда неожиданно для многих держателей цена билетов упала до 145 руб. Кризис разорил массу держателей билетов, «игравших» на повышение их курса. Разорились и многие спекулянты, но это не остановило дальнейших спекулятивных сделок. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1873 г., вначале мало отразился на деятельности Петербургской биржи — на ней тогда еще не обращались ценные иностранные бумаги. Но все же он задел и Россию, хотя и с некоторым запозданием. В 1875 г. на бирже началась паника в связи с несостоятельностью Московского ссудного коммерческого банка. Не успела эта паника улечься, как в 1876 г. фондовая биржа пережила новое потрясение: 5%-е бумаги упали в цене с $99\frac{3}{4}$ до 96 руб., выигрышный заем 1864 г. упал с 232 до 176—174 руб., акции Центрального банка русского поземельного кредита упали со 131 до 75 руб. Резкое падение курсов, которое захватило главным образом казенные ценные бумаги, было связано с обострением международной обстановки в 1876 г. Депрессия начала 90-х годов выразилась на бирже в вялом состоянии сделок с фондовыми ценностями. С 1895 г., в связи с новым промышленным подъемом, такое состояние сменилось волной бешеной спекуляции, повышением всех ценных бумаг. Это продолжалось до осени 1899 г.

Развитие крупного капиталистического производства, связанное с образованием в столице акционерных банков, с акционированием прежних единоличных предприятий, основание новых промышленных акционерных компаний, усиливающиеся связи с заграницей и появление на Петербургской фондовой бирже иностранных акций — все это требовало расширения и упорядочения деятельности биржи по сделкам с ценными бумагами. С 1889 г. была введена ежедневная котировка на бирже ценных бумаг, в 1895 г. разработаны правила о порядке и условиях допущения дивидендных и процентных бумаг к котировке на бирже. Но сделки на срок попрежнему оставались под законодательным запретом. Однако, несмотря на строгие кары как для маклеров, так и участников таких сделок, они фактически заключались.

Товарная биржа, имевшая дело не с фиктивными ценностями — фондами, а с реальными товарами, не переживала столь крупных потрясений, как фондовая биржа. Обороты товарной биржи росли. Не все оптовые сделки заключались на бирже, здесь обычно совершались лишь наиболее крупные сделки. Главный экспортный товар, хлеб, обращался также на своеобразной бирже — на Калашниковской набережной: сделки на него совершались в одном из трактиров. В 1892 г.

возник проект организовать особую хлебную биржу, но этот проект был осуществлен только в 1895 г., когда была открыта Калашниковская хлебная биржа.¹

* * *

Реформа 1861 г. способствовала не только сравнительно быстрому развитию промышленности Петербурга, росту его торговых оборотов со страной и иностранными государствами, но она привела также и к расширению внутреннего товарооборота столицы. Петербург, стягивавший к себе все большее количество пришлого торгово-промышленного населения, выступает во второй половине XIX в. как крупнейший в стране потребитель самых разнообразных товаров. Основная масса товаров, ввозившихся в Петербург из внутренней России и из-за границы, а также производившихся петербургской промышленностью, потреблялась в самой столице и в ее окрестностях. По подсчетам В. Михневича, в конце 60-х—начале 70-х годов на петербургском рынке обращалось товаров примерно на 300 млн руб. (на самом деле значительно больше; так, сюда не входит масса товаров, подвозившихся на лошадях, а также производившихся ремесленниками), из которых вывозилось внутрь России и за границу не более одной четверти.

На биржах заключались лишь крупные оптовые сделки на товары. Самое обращение товаров происходило за пределами биржи. В Петербурге существовало несколько центров оптовой торговли товарами. Розничный оборот осуществлялся главным образом через широкую сеть магазинов и лавок, а также на специальных рынках.

В 1866 г. в Петербурге насчитывалось, по сведениям торговой депутации, 11 977 торговых заведений, из которых 308 принадлежали к числу заведений оптовой торговли и 11 669 — к заведениям розничной торговли и мелочного торгова.² Заведения оптовой и розничной торговли были разбросаны по всем частям города, хотя и неравномерно. На первом месте по числу торговых заведений, исключая рынки, стояла Спасская часть: в ней было 37 заведений оптовой и 1531 заведение розничной торговли. В Московской части, занимавшей второе место, заведений оптовой и розничной торговли было соответственно 19 и 1253, в Литейной — 11 и 946, в Казанской — 12 и 837, в Васильевской — 34 и 745, и т. д. Меньше всего торговых заведений было в Петербургской (6 и 388), Нарвской (5 и 414), Выборгской (3 и 431) и Александро-Невской (12 и 428) частях.³

Большое количество заведений оптовой и розничной торговли находилось на рынках, которых в Петербурге в рассматриваемое время было около 20. В Спасской части находился построенный еще в XVIII в. Большой гостиный двор с его

¹ Сведения о бирже заимствованы главным образом из «Истории С.-Петербургской биржи» (СПб., 1903).

² Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге. СПб., 1868, стр. 4.

³ Там же, стр. 2.

многочисленными линиями и рядами (Суконная линия, Большая Суровская и Малая Суровская линии, Перинная линия, Зеркальная линия, Банковская линия), по одним названиям которых можно судить о широте и разнообразии его торговли, а также Александровский (Апраксин) и Марининский (Щукин) дворы и Никольский рынок. В Спасской же части, по Б. Садовой улице и Вознесенскому проспекту, в 1867 г. был построен Ново-Александровский рынок, во внутреннем дворе которого создавался самый популярный в столице толкучий рынок — знаменитая в дореволюционные годы «Александровка». Одним из центров рыночной торговли была Сенная площадь, где до середины 80-х годов торговля велась с возов и ларьков, а затем в специально построенных четырех железных навильонах. Таким образом, в Спасской части находилось 5 крупнейших рынков столицы, расположенных на очень небольшом расстоянии друг от друга вдоль Б. Садовой улицы (от Невского проспекта до Крюкова канала). В других частях города существовали следующие рынки: в Коломенской — Литовский рынок (у Литовского замка по Офицерской улице), в Московской — рынок на Семеновском плацу и Ямской (или Мясной) рынок (по Разъезжей улице), в Александро-Невской части — Старо-Александровский рынок, или Мытный двор (по Невскому проспекту), в Литейной — Пантелеймоновский рынок, в Васильевской — Андреевский рынок (по Большому проспекту, между 5-й и 6-й линиями) и в Петербургской — Сытный рынок (по Кронверкскому проспекту).¹

Столичные рынки были средоточием главным образом розничной и мелочной торговли, на долю которой приходилось 95,5% всего числа помещений, расположенных на рынках. Однако на некоторых рынках было довольно большое число заведений, занимавшихся только оптовой продажей. В Большом гостином дворе в 1866 г. таких заведений насчитывалось 55, на Александровском рынке — 10, на Мытном дворе — 8² и т. д. Большинство складов (и при этом крупнейших), производивших продажу товаров крупными партиями, было разбросано по различным частям города вне рынков.

Санитарное состояние большинства рынков было неудовлетворительным. В продуктовых рядах существовала зачастую страшная скученность: высокая плата за номер заставляла арендатора лавок сдавать от себя в наем «углы» мелким торговцам, в результате ряды торговали самым разнообразным товаром. Плохое керосиновое освещение, недостаток воды, неудовлетворительные стоки и т. п. — все это приводило к тому, что в лавках было темно и грязно. Грязь и отбросы скапливались и на территориях рынков. Такие рынки, как Сенной и Александровский, служили очагом различных инфекционных заболеваний. Некоторые рынки и торговые заведения, обслуживавшие население аристократических кварталов, содержались относительно чисто.

¹ Там же, стр. 4.

² Там же, стр. 6.

Оптовая продажа хлеба и муки в зерне производилась в основном на хлебной (Овсянниковской) бирже. Громадные склады, прежде всего импортных товаров, находились в биржевых пакгаузах и в старом гостинном дворе на Васильевском Острове. Такие же функции выполняли так называемые буяны на Б. Неве: Пеньковский, Сальный, Масляный и Сельдяной. Крупные рыбные склады находились на Никольском рынке. Одним из центров оптовой торговли мороженым мясом, рыбой и дичью были торговые помещения, построенные в 70-х годах домовладельцем Горсткимым близ Сенного рынка (отсюда и название улицы — Горсткина, сохранившееся до настоящего времени). Центром снабжения города парной говядиной служили городские скотобойни, располагавшиеся главным образом на Гутуевском острове.¹

Наиболее важной отраслью торговли в Петербурге была торговля продуктами питания. По числу торговых заведений эта отрасль торговли стояла на первом месте и вместе с ростом населения и развитием товарно-денежных отношений очень быстро росла. В 1866 г. всех заведений, торгующих продуктами питания, насчитывалось 3776,² в 1888 г. — около 5 200,³ а в 1894 г. — не менее 6 тыс.⁴ Оборот этих заведений составлял в 1894 г. не менее 100 млн руб.⁵

Розничная торговля мукой и зерном производилась в лабазах, мучных и хлебных лавках, каковых в 1869 г. насчитывалось, кроме рынков, 173, в 1888 г. — 264. Печеный хлеб и различные изделия из муки продавались почти во всех мелких лавках, а также в многочисленных булочных и кондитерских магазинах.⁶ Всего хлеба в Петербурге в 80-х—начале 90-х годов потреблялось около 18—20 млн пудов ежегодно, не считая овса.⁷

Помимо хлеба, Петербург потреблял большое количество мяса, поступавшего в разных видах со всех концов страны. В середине 60-х годов в Петербург продавалось на убой ежегодно около 110 тыс. голов крупного скота и около 115—120 тыс. голов мелкого скота. Это давало главную массу мяса, поступавшего на рынки (так называемую парную говядину, баранину и т. д.). Помимо этого, в Петербург, главным образом зимой, привозилось большое количество убойны — крупного и мелкого скота, а также дичи и домашней птицы. Общее количество мяса, потреблявшегося ежегодно в Петербурге и его пригородах в 60-х годах, составляло примерно около 4 млн пудов.⁸ В середине 80-х годов потреблялось мяса 5 млн

¹ В. М и х н е в и ч, ук. соч., стр. 459—461, 470.

² Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге, стр. 24, 39.

³ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 8, СПб., 1889, стр. 194.

⁴ В. И. П о к р о в с к и й. Статистический очерк С.-Петербурга, стр. 17.

⁵ Там же.

⁶ В. М и х н е в и ч, ук. соч., стр. 487.

⁷ А. И. Б е л о в. Историко-статистические очерки производства пищевых продуктов. СПб., 1890, стр. 48 (данные за 1881—1885 гг.); В. И. П о к р о в с к и й. Статистический очерк С.-Петербурга, стр. 20 (данные за 1888—1892 гг.).

⁸ В. М и х н е в и ч, ук. соч., стр. 468.

Гостинодворские сазенники. Гравюра. 1871 г.

пудов ежегодно, в конце 80-х годов — около 6 млн пудов,¹ а в середине 90-х годов — 6 $\frac{1}{3}$ млн пудов.² В середине 90-х годов в Петербурге ежегодно продавалось на убой более 190 тыс. голов крупного рогатого скота и около 145 тыс. мелкого. Кроме того, подвозилось говядины 1 $\frac{1}{3}$ млн пудов, солонины — 90 тыс. пудов, телятины 45 тыс. пудов, свинины — 390 тыс. пудов, баранины — 95 тыс. пудов, живности и дичи — 460 тыс. пудов.³

Внутренняя торговля Петербурга обслуживала не только население столицы и ее ближайших пригородов, но также гарнизон, флот, а отчасти и деревню.

Розничная продажа мяса велась на всех рынках и в многочисленных мясных лавках, разбросанных по всем частям города. «Само собой разумеется, — пишет

¹ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 8, стр. 187.

² В. И. Покровский, ук. соч., стр. 20.

³ Там же.

В. Михневич. — лучшая говядина продается в центральных частях, где народ зажиточнее, и, наоборот, в окраинах, населенных бедняками, — порадочной говядины найти трудно».¹ Центром сбыта мороженой говядины служила Сенная площадь. Здесь же сбывалась главная масса замороженной дичи и домашней птицы. Сенная площадь, смотря по сезонам, составляла в 70-х годах центр «зимой — рыбной, мясной и курятной торговли; осенью — овощной; летом — фруктовой и ягодной; весной — зеленой и цветочной».² В «куриятной линии» Щукина двора зимой происходила торговля прибывавшей из северных губерний битой дичью и домашней птицей, а летом — домашней птицей. Другими важными центрами мясной и вообще продуктовой торговли являлись Ямской (или Мясной), Крутой, Андреевский, Никольский и другие рынки с их многочисленными мясными, рыбными, овощными и тому подобными лавками.

Розничная торговля рыбой, овощами, фруктами и другими продуктами питания производилась также главным образом на многочисленных петербургских рынках. Наиболее крупным рынком рыбной торговли был Никольский, затем шли Старо-Александровский и Щукин, где имелись постоянные ряды рыбных лавок, а также Сенная площадь. Помимо этого, рыба продавалась: соленая — во всех фруктовых и овощных лавках, свежая — в некоторых мясных и зеленых лавках. Специально торговали рыбой «живорыбные» садки, расположенные по Фонтанке и по Б. Неве. В конце 60-х годов таких садков было 39. Хотя эти садки и назывались «живорыбными», но по осмотру их в 1867 г. специальной комиссией обнаружилось, что живая рыба имелась только в 6 садках, остальные торговали уснувшей рыбой, привозной мерзлой и рыбными продуктами.³ Большая часть потреблявшейся в Петербурге рыбы привозилась с Ладожского озера, Волхова (прославленные волховские сига), Белого моря, Волги и т. д. Сельдь привозилась главным образом из Астрахани и из-за границы. Лишь некоторые сорта дешевой мелкой рыбы (корюшка, ряпушка, салака) вылавливались в больших количествах в устье Невы и в Финском заливе и составляли один из важнейших предметов питания беднейших слоев населения столицы.

Рыбные товары, прибывавшие с Волги, Дона, Белого моря, Урала, сосредотачивались главным образом на Мытном дворе и на Калашниковской пристани, откуда раскупались оптом торговцами рыбных лавок. Сельди, прибывавшие из-за границы, поступали на так называемый Сельдяной буян — остров на взморье. Здесь сельдь сортировалась, оценивалась особыми браковщиками и затем оптом крупными партиями продавалась нескольким оптовикам-торговцам, через которых она затем поступала в розничную торговую сеть.

Специализированная овощная и фруктовая торговля имела место только на рынках, из которых наиболее богатыми были Сенной (овощи) и Щукин (фрукты).

¹ В. М и х н е в и ч, ук. соч., стр. 471.

² Там же, стр. 461.

³ Там же, стр. 471—472.

Многочисленные овощные, зеленные и фруктовые лавки находились также и на других рынках. Большое количество овощных и фруктовых лавок было расположено вне рынков, во всех концах города, однако они, почти все без исключения, торговали наряду с овощами и фруктами «разными соленьями, консервами, колониальными, рыбными, колбасными и кондитерскими товарами, а также чаем, кофе, сахаром, минеральными водами, нередко и виноградными винами (фруктовые лавки)».¹

Овощи и фрукты столица частично получала из садов и огородов, расположенных в окрестностях города, а также из многих других местностей России; лук, горошек, соленые овощи получались главным образом из Ярославской губ., фрукты доставлялись из подмосковных губерний и с юга России. Большое количество фруктов и частично овощей привозилось из-за границы.²

Наряду с рынками, торговавшими самыми разнообразными продуктами питания, и в какой-то мере специализированными магазинами, лавками, ларями (мясными, рыбными, овощными, фруктовыми, курятными, зеленными и пр.) в Петербурге были широко распространены так называемые мелочные лавки, торговавшие всевозможными товарами и рассчитанные в основном на беднейшие классы населения, проживавшие главным образом в окраинных частях. Таких мелочных лавок в 1866 г. насчитывалось 1206,³ в 1869 — 1266,⁴ а в 1888 — 1652.⁵ В этих мелочных лавках беднейший люд столицы мог найти все необходимое для удовлетворения его насущных потребностей — от черного хлеба до кондитерских изделий, от гончарной посуды до писчей бумаги и почтовых марок. Товары обычно были весьма невысокого качества, но зато отпускались в любых, даже самых микроскопических мерах («на копейку сахар», «на грошик сливок», «на грошик сухарей») и зачастую в кредит, «на книжку».⁶ Помещались эти лавки в центральных частях, как правило, в подвальных этажах больших домов, а на окраинах — в деревянных лачугах. Лавки были тесны, сыры, грязны. Вот описание мелочных лавок, данное врачами столичной медицинской полиции в 90-х годах: «Помимо хлеба различных сортов, приготовляемого в находящихся при них (т. е. лавках, — *Ред.*) пекарнях, в мелочных лавках имеются самые разнообразные предметы торговли, как то: макароны, вермишель, крупа, разные мясные и молочные продукты, копченые и соленые сельди, рыба, сахар, чай, кофе, варенье, фрукты, различные приправы, керосин, свечи, мыло, вакса, писчая бумага, перья, чернила, карандаши, почтовые и гербовые марки, посуда, швейные принадлежности и проч. ... Пол редко моется, а чтобы скрыть накопившуюся грязь, его посыпают опилками,

¹ Там же, стр. 473.

² Там же.

³ Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге, стр. 11.

⁴ В. М и х и е в и ч, ук. соч., стр. 477.

⁵ Статистический ежегодник С.-Петербурга, вып. 8, стр. 194.

⁶ В. М и х и е в и ч, ук. соч., стр. 477.

прилавки и полки покрыты пылью; так как кадки с капустой, грибами, сельдями, огурцами и т. д. всегда остаются открытыми, то в них нередко плавают мухи и разный сор. Приказчики и подручные мало заботятся о чистоте рук; весы и ножи, вследствие разнообразия отпускаемых продуктов, всегда грязны, точно так же как и оберточная бумага. Самый отпуск продуктов производится неряшливо, так напр. пироги и сельди отдаются в руки покупателей незавернутыми, а только вложенными в кусочек бумаги, и то бывшей в употреблении. Пироги с треской хранятся вместе с ватрушками и пирогами с брусничным вареньем, сообщая им свой специфический запах. Некоторые предметы приобретают запах керосина, вследствие того, что приказчики, после отпуска последнего, не моют рук. Хранение названных продуктов наряду с молочными также оказывает дурное влияние на последние.¹

Как и до реформы, в Петербурге широкое распространение имела уличная торговля вразнос. Ею занималось несколько десятков тысяч человек. Предметами этой торговли являлись главным образом съестные припасы. Разносчики торговали с тележек, с лотков и прямо с рук, остановившись где-нибудь на бойком перекрестке улиц, или ходили по дворам и улицам, зазывая покупателей своеобразными для каждого товара выкриками. Важнейшие категории уличных торговцев составляли: «саечники, производящие торговлю дешевыми закусками с ларей и лотков; пирожники; фруктошники — самые многочисленные, в особенности продавцы «пельсинов, лимонов хороших»; гусачники, продающие вразнос говядину, преимущественно «уважающие» домашних животных (отсюда называют их иногда «кошатниками»); селедочницы, продавщицы из ведерок «се-ли-о-до-ок», якобы «голландских»; ...мороженщики, у которых мороженое непременно всегда «хорошее»; продавцы «живой рыбы», не то сига копченых, не то «штокфиша», т. е. вымоченной трески, и т. д. Помимо этого, существовало много уличных торговцев газетами, спичками, писчей бумагой и конвертами, продавщиц ниток, кружев, чулок и т. п.²

Крупную роль в розничной торговле столицы продуктами питания играли также рестораны, трактиры, кухмистерские, съестные лавки и другие заведения, где продавалась готовая пища. Таких заведений в середине 60-х годов насчитывалось в Петербурге свыше 900, а именно: 529 трактиров, 160 постоянных дворов, 113 съестных лавок, 79 закусовых столов, 63 кухмистерских заведений.³ В 1894 г. ресторанов, отелей, буфетов, гостиниц насчитывалось уже 1618, а их годовой оборот составлял 16 888 тыс. руб.⁴ Лучшие рестораны, трактиры и гостиницы по-

¹ Город С.-Петербург с точки зрения санитарной полиции. При участии и под ред. И. Еремеева. СПб., 1897, стр. 139—140.

² В. М и х а е л ь ч, ук. соч., стр. 463—464.

³ Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге, стр. 39, 43—44, 46, 48.

⁴ В. И. П о к р о в с к и й. Статистический очерк С.-Петербурга, стр. 17.

мещались на Невском проспекте, Большой и Малой Морских улицах, а отчасти — на Литейном и Вознесенском проспектах, на Гороховой, Б. Садовой и Казанской улицах. Многие из этих ресторанов были отделаны с большой роскошью, обеды в них стоили весьма дорого. Они пользовались популярностью среди наиболее состоятельных слоев петербургского общества. Для средних слоев населения — мелкого чиновничества, торговцев средней руки, зажиточных ремесленников — существовали заведения попроще: второстепенные рестораны и трактиры, «славянские», «греческие», «немецкие» кухмистерские, столовые при меблированных комнатах, пивные (портерные), лавки с трактирными правами, чайные или кофейные при булочных, пекарнях, кондитерских. Для беднейших классов населения столицы предназначались самые убогие, располагавшиеся обычно в полутемных, грязных и сырых помещениях съестные лавки, постоянные двory, а также закусовые столы, устраивавшиеся на городских площадях и по улицам столицы. Особо следует выделить так называемый Обжорный ряд, который один из современников предлагал назвать «рядом для голодающих просторабочих».¹

Обжорный ряд сначала помещался на Сенной площади, у рынка, а затем в 80-х годах был перенесен к Никольскому рынку, где наряду с торговлей разнообразными съестными припасами существовала своеобразная биржа чернорабочих. «Здесь, — пишет современник, — ежедневно можно найти достаточное число: шильщиков, огородниц, плотников, штукатуров, кухарок, горничных, прачек и другой домашней прислуги, а также поденщиков и поденщиц, готовых на всякую работу... Более всего оживляется эта биржа весной и летом, в период огородных, садовых и всяких ремонтных работ в городе. Никольский рынок в среде чернорабочего люда пользуется огромной известностью. Большинство столичных кухарок и горничных, немалое число торговцев, приказчиков, сидельцев и всякого рода промышленников и рабочих, населяющих столицу, начали свою карьеру у Никольского рынка. Прежде был обычай, да и теперь он еще практикуется, что крестьяне к Николинскому дню (зимнему), не только из окрестных Петербургу, но и из отдаленных местностей — привозили сюда своих сыновей-подлетков, желая отдать их «в науку», т. е. привучить к какому-нибудь мастерству или торговле... И теперь, приезжая на последние гроши на машине в столицу, рабочий люд, преимущественно женщины, первым делом спрашивают у прохожих, где расположен и как пройти к нему — спасительный Никольский рынок».² Обжорный ряд бойко торговал главным образом летом, когда в Петербург прибывали десятки тысяч разных рабочих, с утра до вечера толпившихся на Никольском рынке. Для крестьян-отходников Обжорный ряд стал даже местом встречи. «Коли будешь в Питере, встретимся, бог даст, в Обжорном ряду», — наказывают крестьяне друг другу, покидая деревню.³

¹ А. И. Белов, ук. соч., стр. 90.

² В. Михневич, ук. соч., стр. 480.

³ А. Бахтияров. Брюхо Петербурга. СПб., 1888, стр. 207.

Обжорный ряд состоял из 12—15 деревянных засаленных столов, помещенных под большим, открытым с боков навесом. Число посетителей летом доходило до 5 тысяч человек и более ежедневно. Торговки продавали в Обжорном ряду следующие «блюда»: «рубец очищенный, вареный и свернутый выверток (руло), гусак (гребуха) в пирожках, щековина вареная (мясо, получаемое при вываривании бычьих голов, главным образом со щек, и имеющее, по словам Бахтиярова, вид и вкус мочала, — *Ред.*), кишки жирные с гречневой кашей (пачинкой), обмазываемые в жир, сычуг, горох с говядиной, легкое и селезенка, горло, пирожки с пачинкой из щековины, горох, яйца-присушка (тухлые, — *Ред.*), картошка вареная, гнилые фрукты: яблоки и апельсины».¹ Все эти кушанья сбывались в основном в горячем виде. Тут же на столах стояли огромные чугуны, обвернутые во избежание преждевременного охлаждения тряпками. «Разношерстная голытьба покупает незатейливые продукты на 2 и даже на 1 копейку и посыпает солью, которая при этом полагается даром».² Хлеба каждый посетитель покупал от 1/2 фунта до 2 фунтов, так что всего хлеба летом сбывалось от 50 до 80 пудов в день.

Значительное количество продуктов питания в виде холодных и горячих закусок доходило до населения Петербурга через широкую сеть питейных заведений, общее число которых в столице почти равнялось числу заведений, торгующих продуктами питания.

Центром торговли промышленными товарами был Большой гостиный двор, построенный в 1755—1785 гг. и до настоящего времени мало изменившийся по внешнему виду. По во внутренней отделке его во второй половине XIX в. произошли большие перемены: в 60—70-х годах в Гостином дворе появились богатые, роскошно отделанные магазины с зеркальными окнами, не уступавшие лучшим магазинам Невского проспекта. В состав Большого гостинного двора входили не только лавки и магазины, расположенные в основном корпусе, но также Малый гостиный двор, выходивший тремя рядами лавок на Думскую улицу, Чернышев переулочек и Екатерининский канал и являвшийся центром мебельной торговли столицы, Перинная линия, между Думской улицей и Гостиным двором, и Банковская линия, пролежавшая по Чернышеву переулочку от угла Садовой до Екатерининского канала.³ По наружным линиям Большого гостинного двора велась розничная торговля по преимуществу галантереей и мануфактурой. В большом количестве велась также торговля мехами и меховыми изделиями, ювелирными и различными металлическими изделиями, писчебумажными принадлежностями и пр. Внутренние помещения были заняты под оптовую торговлю. Лавки принадлежали собственникам из купцов. По основным линиям Большого гостинного двора — по Невскому проспекту и Б. Садовой улице — одна лавка оценивалась в 130 тыс.

¹ А. И. Белов, ук. соч., стр. 92.

² А. Бахтияров, ук. соч., стр. 208.

³ В. Михневич, ук. соч., стр. 244—245, 458—459.

руб., по остальным линиям — 65 тыс. руб. Далеко не все собственники лавок вели в них торговлю сами. Многие из них сдавали лавки в аренду, беря арендную плату от 3 до 6,5 тыс. руб. в год. Помимо кушцов, в Большом гостином дворе вели торговлю промышленные предприятия, имевшие здесь собственные лавки. Собственные магазины имели Нарвская мануфактура, Невская ниточная мануфактура, фабрика Торнтона, предприятия Саввы Морозова, Жирардовская мануфактура и др. Наиболее крупная торговля принадлежала фабрике Торнтона, которая владела четырьмя магазинами с оборотом 500 тыс. руб. Такие же обороты делали кушцы Шутов и Кольцов. Общий торговый оборот Большого гостиного двора в начале 90-х годов составлял 150 млн руб. в год.

Гостинный двор обслуживал громадный штат работников — от 4 до 5 тыс. человек. Торговля начиналась в 9 час. утра и продолжалась без перерыва до 10—10 $\frac{1}{2}$ час. вечера. Особенно оживленно она шла от 2 до 6 часов. Во многих магазинах еще и в 90-х годах торговали по старине, «запросом». Фиксированные цены были в розничной торговле новинкой.

Помимо Большого гостиного двора, розничная торговля промышленными товарами, так же как и продуктами питания, велась почти на всех рынках и в разнообразных торговых заведениях, разбросанных по всему городу. В Петербурге, пишет В. Михневич, «средняя улица и даже переулок не имеют торговых заведений; но, несмотря на такую разбросанность этого рода торговли, она также имеет свои центры, как в отношении преобладающей скученности заведений в известной местности, так и по роду товаров, а главное, по их достоинству. Дело в том, что самые богатые магазины, в особенности заграничными товарами и предметами роскоши, по части одежды, пищи, домашнего убранства и проч., находясь вне «дворов» и рынков, сосредоточены в двух-трех наиболее оживленных улицах. Улицы эти: Невский проспект от Адмиралтейской площади до Аничкова моста, Б. Морская и, в некоторой части, примыкающие к ним другие улицы и переулки, напр. Б. Конюшенная, М. Морская, Гороховая, Кирпичный пер. и Михайловская ул. Здесь, в этих улицах, соединено все блестящее, драгоценное и роскошное — все, чем только может пощеголять петербургская торговля и промышленность. Затем имеются еще и другие торговые центры. Напр., Б. Садовая почти сплошь занята питейно-трактирными заведениями, кожевными, бумажными, книжными и т. п. лавками. Вознесенский пр., Казанская и Гороховая ул. производят магазинами и лавками с товарами ремесленного производства: часовыми, шляпными, готового платья и белья, ламповыми, переплетными, колбасными, сапожными, щеточными и проч.»¹

Насколько быстро рос внутренний товарооборот столицы во второй половине XIX в., видно хотя бы из следующих данных. По переписи 1869 г. в Петербурге было учтено торговых заведений 7123, главную массу которых составляли заве-

¹ В. М и х н е в и ч, ук. соч., стр. 462.

дения по продаже пищи и табака (3285), заведения для «угощения и остановки» (2411), а также — по продаже одежды и тканей (537), изделий из металла (137) и пр.¹ В 1894 г., по исчислениям В. И. Покровского, в Петербурге было 21 308 торговых заведений, из которых 9316 мелких и 11 992 сравнительно крупных. Только в числе крупных заведений было 4651 по торговле жизненными припасами (с оборотом свыше 93 млн руб.), 1618 ресторанов, отелей, буфетов, гостиниц (с оборотом 16 888 тыс. руб.), 1513 по торговле тканями и одеждой (с оборотом свыше 83 млн руб.) и т. д.² Даже если указанные цифры не совсем сопоставимы, то и тогда на основании их можно судить о громадном росте внутреннего товарооборота Петербурга, составившего в 1894 г., учитывая банковские и биржевые операции, 1 785 млн руб.³

* * *

В заключение необходимо указать на развитие в пореформенном Петербурге, явившемся самым крупным денежным рынком страны, капиталистической кредитной системы.

До 60-х годов XIX в. капиталистической кредитной системы в России не существовало. Вплоть до отмены крепостного права все кредитное дело почти целиком сосредоточивалось в руках нескольких казенных банков и почти исключительно в Петербурге. Хотя накопление денежных капиталов банками происходило уже в значительных размерах, но использовались они не для кредитования торговли и промышленности, а для оказания помощи помещикам (выдача долгосрочных ссуд под населенные имения) и для собственных нужд государства. Система казенных кредитных учреждений, существовавших до конца 50-х годов, служила укреплению крепостнического хозяйства и крепостнического государства и в очень малой степени способствовала производительному использованию при-тенавших в казенные банки во все большем количестве (в виде вкладов) денежных средств. К концу 50-х годов общая сумма вкладов во всех государственных кредитных учреждениях достигла громадной по тому времени цифры в 1 276 млн руб., из которых лишь 20 млн руб. было использовано для кредитования промышленности и торговли. Все это являлось прямым следствием господства в стране крепостнических отношений, тормозивших развитие промышленности, торговля, усовершенствованного транспорта и препятствовавших тем самым созданию в стране денежного рынка.

Развитие капитализма в России требовало создания новой кредитной системы. В 1859 г. старые кредитные учреждения были ликвидированы, и вместо них в 1860 г.

¹ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. II. СПб., 1872. Отдел: Число промышленных заведений по отделам производства и продажи, стр. 120.

² В. И. Покровский. Статистический очерк С.-Петербурга, стр. 17.

³ Там же.

был учрежден в Петербурге Государственный банк. Как говорилось в § 1 устава, Государственный банк был организован «для оживления торговых оборотов и для упрочения денежной кредитной системы».¹ Банк получил право производить следующие коммерческие операции: учет векселей и других срочных бумаг, выдачу ссуд; кроме ипотечных, на срок до 6 месяцев, покупку и продажу золота, серебра и процентных бумаг, прием вкладов на хранение, на текущий счет и т. п. Наряду с этим на Государственный банк возлагались операции, связанные с ликвидацией старых кредитных учреждений и с покрытием текущих нужд казны.

На протяжении 60—80-х годов Государственный банк занимал господствующее положение в кредитной системе страны, создав широкую сеть провинциальных филиалов и притягивая, путем установления высокого процента, главную массу вкладов. Банк открыл свои операции в Петербурге и в 7 крупных городах (в Москве, Одессе, Риге, Киеве, Екатеринбурге, Харькове и, несколько позднее, в Ростове-на-Дону). В 1866 г. было уже 32 филиала, в 1881 г. — 55, а в начале 90-х годов — свыше 100.²

До конца 80-х годов сумма вкладов Государственного банка, как правило, превышала размеры вкладов, сосредоточивавшихся в акционерных банках. Значительная часть средств собиралась Государственным банком через его провинциальные учреждения и переводилась в Петербург, где использовалась главным образом для некоммерческих операций. Являясь формально коммерческим банком, Государственный банк, подчиненный непосредственно министру финансов, использовался правительством для финансирования казенных расходов и для прямой или косвенной поддержки помещичьего землевладения, что приводило к отвлечению ресурсов кредитной системы от финансирования хозяйства. Так, после русско-турецкой войны казна позаимствовала в Государственном банке 480 млн руб., задолженность Дворянского и Крестьянского банков в конце 80-х годов составляла 60—80 млн руб. ежегодно,³ затраты по ликвидации дореформенных кредитных учреждений составляли в 60—70-х годах в среднем в год свыше 100 млн руб.⁴ и т. п.

Общая сумма вкладов и текущих счетов по балансу Государственного банка и его контор изменялась следующим образом: на 1 января 1861 г. она составляла 62,3 млн руб., в 1866 г. — 212,3 млн руб., в 1871 г. — 228,1 млн руб., в 1876 г. — 310,7 млн руб., в 1881 г. — 313 млн руб., в 1886 г. — 391,9 млн руб., в 1891 г. — 437,2 млн руб.⁵ Как видно из приведенных данных, сумма вкладов и текущих счетов на протяжении 60—80-х годов возросла в семь раз. Особенно быстрый рост

¹ Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг. СПб., 6 г., стр. 1.

² А. Г у р ь е в. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904, стр. 54, 85.

³ И. Ф. Г и д и н. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр. 58.

⁴ Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг., стр. 105.

⁵ Там же, стр. 31.

вкладов наблюдался в первой половине 60-х годов, когда Государственный банк являлся единственным коммерческим банком в стране. За первое пятилетие существования банка сумма вкладов и текущих счетов возросла почти в три с половиной раза, тогда как в последующие пятилетия она увеличивалась не более чем на 20%. Начиная с середины 60-х годов значительная часть вкладов стала сосредоточиваться, как мы увидим ниже, в частных коммерческих банках. Тем не менее до конца 80-х годов сумма вкладов Государственного банка превышала размеры вкладных операций всех коммерческих банков вместе взятых.

Несмотря, однако, на свои большие финансовые возможности, Государственный банк сравнительно мало сделал для кредитования растущего капиталистического хозяйства. Учетно-ссудные операции Государственного банка значительно отставали от его вкладных операций и выражались в следующих суммах: 1861 г. — 45,8 млн руб., 1866 г. — 64,6 млн руб., 1871 г. — 91,2 млн руб., 1876 г. — 173,8 млн руб., 1881 г. — 225,6 млн руб., 1886 г. — 187,1 млн руб., 1891 г. — 193,8 млн руб.¹ Затраты по учетно-ссудным операциям возросли за тридцатилетие в 4 раза и в общем составляли менее половины сумм, поступивших во вклады и на текущие счета. Особенно неблагоприятным это соотношение было в 60-х—начале 70-х годов. В дальнейшем правительство принимает ряд мер для развития коммерческой деятельности банка (снабжение банка необходимыми оборотными средствами, возмещение средств, затраченных на нужды казны, облегчение условий получения кредита из банка для нужд промышленности и торговли), что приводит в 90-х годах, в годы промышленного подъема, к резкому увеличению его коммерческих операций. Если в 1891 г. учетно-ссудные операции Государственного банка выражались в сумме 193,8 млн руб., то в 1896 г. они составляли уже 406,4 млн руб.

Говоря о коммерческих операциях Государственного банка, следует указать, что в 60—80-х годах XIX в. банк кредитовал почти исключительно торговые предприятия. Вплоть до 1894 г. (т. е. до введения нового устава) банк имел право учитывать векселя только краткосрочные (до 6 месяцев) и только товарного происхождения. Ссуды промышленным предприятиям не допускались вовсе и лишь в исключительных случаях разрешались самим царем. Выдача промышленных ссуд началась только с 1 сентября 1894 г. К концу 1894 г. их было выдано на сумму 532 тыс. руб. (до этого — по особым разрешениям царя — всего на сумму 3,3 млн руб.).²

Государственный банк немало сделал для развития частных банков, в особенности их важнейшей разновидности — акционерных коммерческих банков, которые к началу 90-х годов выдвигаются на первое место в кредитной системе России.

¹ Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг., стр. 31.

² А. Гурьев, ук. соч., стр. 103.

Акционерные коммерческие банки играют решающую роль в организации коммерческого кредита при капитализме. До 60-х годов XIX в. правительство отрицательно относилось к их организации, однако после крестьянской реформы Министерство финансов начинает относиться к проектам создания акционерных коммерческих банков все более сочувственно. Первый акционерный коммерческий банк возник в Петербурге в 1864 г. при прямой поддержке и участии правительства.

Инициатором организации Петербургского частного коммерческого банка выступило биржевое купечество во главе с председателем Петербургского биржевого комитета Е. Е. Брандтом. Необходимость создания акционерного коммерческого банка учредители мотивировали потребностями развития петербургской торговли и, в частности, затруднениями, встречающимися при коммерческих расчетах Петербургской биржи с иностранными фирмами.¹ По проекту устава предполагалось, что основной капитал банка в 10 млн руб. будет получен путем распространения 40 тыс. акций 250-рублевого достоинства. На первое время предполагалось выпустить половину акций. Правительство не только утвердило устав, но и приобрело через Государственный банк 4 тыс. акций (на 1 млн руб.). Такое же количество акций было приобретено банкирскими домами в Берлине, Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Париже и Вене.² Реализация остальных 12 тыс. акций также прошла успешно, и 1 ноября 1864 г. банк приступил к производству операций. Членами правления на первые 5 лет были назначены учредители (Л. Гауф, Г. Елисеев, Р. Клеменц и др.). Директором банка до конца 80-х годов является Е. Е. Брандт.

В течение короткого времени Петербургский частный коммерческий банк превратился в один из крупнейших банков страны. Общие обороты банка уже в первом году (1864/65) составили 737 млн руб., а к 1869 г. поднялись до 1276 млн руб. В среднем за первые 8 лет общие обороты банка составили в год 939 млн руб.³

Уже в первые годы существования частного коммерческого банка в характере его деятельности сказываются черты, типичные для петербургских банков вообще: широкое участие в операциях с процентными бумагами и в курсовых операциях и сравнительно слабое участие в непосредственном кредитовании хозяйства. О характере и направлении деятельности частного коммерческого банка ярко свидетельствуют данные о его главнейших операциях (в млн руб.):⁴

¹ Петроградский частный коммерческий банк за пятидесятилетие его существования 1864—1914 гг. Пгр., 1914, стр. 2.

² Там же, стр. 4.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Н. С. П е т л и н. Опыт описания губерний и областей России в статистическом и экономическом отношении, в связи с деятельностью в них Государственного банка и частных кредитных учреждений, ч. II, СПб., 1893, стр. 438.

	1869 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1891 г.
Учет векселей	21,0	3,3	14,5	7,3	9,3
Ссуды под процентные бумаги	9,5	3,7	9,3	3,2	4,2
Ссуды по специальному счету	—	—	—	3,6	2,6
Курсовые операции	21,2	27,2	36,0	102,8	127,7
Покупка процентных бумаг	27,3	16,5	8,1	38,1	40,9

Несмотря на то, что кризис 1873 г. тяжело отразился на положении Петербургского частного коммерческого банка, он с помощью правительства вышел из затруднений и занял в дальнейшем видное место в кредитной системе, являясь одним из крупнейших банков столицы. Обороты банка, а также дивиденды особенно возрастают в 90-х годах (с 6—8% в 80-х годах до 12 и даже 14% в 90-х годах), причем в значительной мере повышение доходности приходится на долю портфеля процентных бумаг. Общие обороты, производимые банком по его портфелю процентных бумаг, в 80-х годах составляли в среднем в год около 34 млн руб., а в 90-х годах — 61 млн руб.¹ Движение портфеля процентных бумаг происходит почти вдвое быстрее — отсюда рост прибылей от курсовых разниц. Деятельность банка принимает более спекулятивный характер. Раньше $\frac{2}{3}$ дохода портфеля процентных бумаг составляли проценты по купонам от капитальных бумаг и только $\frac{1}{3}$ от разниц на курсах, теперь же почти $\frac{3}{4}$ доходности бумаг составляют курсовые разницы.² Объясняется это тем, что в период промышленного подъема банк, увлекаясь перспективой больших прибылей, начинает широко кредитовать вновь возникающие промышленные предприятия. За десятилетие с 1889 по 1898 г. доля приобретенных банком акций промышленных предприятий в составе портфеля возросла более чем в четыре раза, а в абсолютном выражении примерно в четыре с половиной раза (до 906 тыс. руб. в 1898 г.).

Петербургский частный коммерческий банк явился родоначальником всех акционерных банков в России. Его устав лег в основу всех других акционерных банков, которые в большом количестве возникают в России начиная с середины 60-х годов. За пятилетие с 1864 по 1868 г. в стране возникло 6 акционерных банков, в том числе в Москве (1866), в Харькове и Киеве (1867) и т. д. Особенно большой размах банковское учредительство приняло в 1869—1873 гг., когда за 4 года возникло 33 акционерных банка. Это была настоящая учредительская горячка. Объектом спекуляции являлись на этот раз не железнодорожные акции, как это было во второй половине 50-х годов, а акции вновь учреждаемых банков. В числе возникших в годы учредительской горячки банков были крупнейшие банки пар-

¹ Петроградский частный коммерческий банк за пятидесятилетие его существования 1864—1914 гг., стр. 79.

² Там же.

Петербургский монетный двор. Гравюра на дереве. 1875 г.

ской России, и прежде всего петербургские: Учетный и ссудный (1869), Международный коммерческий (1869), Волжско-Камский коммерческий (1870), Русский для внешней торговли (1871).

Основные ресурсы банковской системы в России в период промышленного капитализма составляли внутренние денежные накопления, которые аккумулировались банками посредством развития вкладных операций и операций текущих счетов. Почти все банки, за исключением окраинных (Кавказ, Польша) и банков центральной России (Москва, Нижний-Новгород, Кострома), а также Волжско-Камского коммерческого банка в Петербурге, учреждаются учредителями-профессионалами или же при их содействии. Всюду в числе учредителей фигурируют петербургские банкирские дома «Э. М. Мейер и К^о», «И. Е. Гинцбург», «Винкен и К^о», «Леон Розенталь», «В. Я. Обловский и К^о», а также торговые дома бр. Елисеевых и С. Гвайер.¹

В создании русских банков, и прежде всего петербургских, определенную роль играл также иностранный капитал (сначала немецкий, а затем французский).

¹ И. И. Левин. Акционерные коммерческие банки в России, т. I, Изд., 1917, стр. 183.

Так, в списке учредителей Петербургского международного коммерческого банка фигурируют: Disconto Gesellschaft (Берлин), а также ряд немецких банкирских домов. Петербургский учетный и ссудный банк также был основан при участии Disconto Gesellschaft. В формировании акционерного капитала Русского для внешней торговли банка большую роль сыграли Deutsche Bank и Wiener Bankverein, с помощью которых основной капитал этого банка к концу периода доминирующего капитализма был доведен до 20 млн руб., оставив далеко позади в этом отношении все прочие банки.¹ Позднее немецкий капитал был вытеснен французским, при участии которого был учрежден в 1889 г. Русский торгово-промышленный банк (во главе учредителей стоял дом Эфруси в Париже).² Однако роль иностранного капитала в формировании акционерных капиталов русских банков до эпохи империализма была сравнительно невелика (не более 10%).³ Банковская система страны базировалась преимущественно на внутреннем капиталонакоплении. Большую помощь частным банкам оказывал, как уже говорилось, Государственный банк, сосредоточивавший в своих кассах главную массу вкладов.

С самого начала организации русских банков установилась их тесная связь с правящей бюрократией. Особенно это было характерно для петербургских банков. Руководителями первых частных столичных банков выступали обычно, наряду с профессионалами-учредителями, представители высшей аристократии и крупные правительственные чиновники. Так, бывший министр внутренних дел Валуев был председателем правления Петербургского учетного и ссудного банка, директор департамента торговли и мануфактур А. И. Бутовский был первым председателем совета Волжско-Камского банка, крупный чиновник Е. И. Ламанский был одним из активнейших учредителей первых частных банков и являлся председателем совета Волжско-Камского банка (после Бутовского), а также председателем совета Русского для внешней торговли банка, членом правления Петербургского общества взаимного кредита и т. п.⁴

К середине 70-х годов кредитная система достигла, на первом этапе своего развития, высшей точки. Учредительская горячка сменилась в 1873 г. кризисом. Кризис 1873 г. и особенно русско-турецкая война 1877—1878 гг. резко затормозили развитие банковского дела в России. В том же направлении влияли на развитие банков и кризис и депрессия 80-х годов. Еще в 1872 г. правительство, защищая интересы крупного капитала и стремясь ослабить конкуренцию между банками (борьба за привлечение вкладов), приняло закон, препятствующий организации новых банков. В то же время, ограничивая возможности организации новых банков, правительство через Государственный банк усиленно поддерживало уже существующие банки, чем создавало для последних известное монопольное

¹ С. Р о и н. Иностраный капитал и русские банки. М., 1926, стр. 20—21.

² Там же, стр. 21.

³ Н. А. Х р о м о в. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, стр. 280.

⁴ И. И. Л е в и н, ук. соч., стр. 233.

положение. Этим объясняется сравнительно высокая степень концентрации банковского дела в России уже в период промышленного капитализма. С начала 80-х годов правительство вновь разрешает учреждение акционерных банков, особенно в столице. В результате к началу промышленного подъема в Петербурге было уже 10 акционерных банков (вместо 5 в 70-х годах), тогда как в Москве осталось только 4 (в 70-х годах было 5).

К концу 70-х годов в результате многочисленных банковских крахов и отлива вкладов ресурсы банков в целом сократились, однако петербургские банки пострадали меньше, нежели московские или провинциальные. Несмотря на неблагоприятные хозяйственные условия, ресурсы петербургских банков к началу 90-х годов все же превысили уровень 1875 г. на 80%, тогда как ресурсы провинциальных банков возросли за это время только на 23%, а московских — даже сократились.¹

К 1875 г. в стране уже достаточно ясно наметились два типа крупных банков — депозитные и деловые.² К первым относились Волжско-Камский банк в Петербурге (самый крупный в стране акционерный коммерческий банк) и московские банки, ко вторым — все петербургские банки, за исключением Волжско-Камского. У Волжско-Камского и Московского купеческого банков (крупнейший среди московских банков), как указывает И. Ф. Гиндин, вклады и текущие счета в 7—9 раз превышали собственные капиталы и составляли до 80% основных пассивов, а учет векселей в 3 раза превышал операции с ценными бумагами и составил около 60% основных активов. У петербургских банков (в 70-х годах их было, кроме Волжско-Камского, 4) вклады только в полтора раза превышали собственные капиталы и составляли всего около 50% основных пассивов, а учет векселей не достигал и 30% основных активов, значительно уступая операциям с ценными бумагами.³ В период промышленного капитализма преобладали банки депозитного типа, среди которых главную роль играл Волжско-Камский банк. Однако после 1875 г. соотношение все более изменяется в пользу петербургских деловых банков.

Особенности развития петербургских деловых банков мы могли проследить уже на примере Петербургского частного коммерческого банка. Еще более харак-

¹ И. Ф. Г и н д и н, ук. соч., стр. 72.

² Деловыми банками называются столичные банки, которые мало занимаются учетно-ссудными операциями и свои ресурсы направляют главным образом в учредительство и биржевые спекуляции. В составе пассивов деловых банков, в отличие от других коммерческих банков, главную роль играют собственные капиталы, а не вклады. В условиях экономической отсталости России петербургские деловые банки до промышленного подъема 90-х годов свои ресурсы направляли не на учредительство, а главным образом в биржевые спекуляции государственными и железнодорожными займами. У деловых банков не было развитой сети провинциальных филиалов. Для депозитных банков характерно широкое развитие среди активных операций учетных и ссудных и такое строение пассивов, когда собственные капиталы играют значительно меньшую роль, нежели вклады.

³ И. Ф. Г и н д и н, ук. соч., стр. 54.

терными в этом отношении являются три другие петербургские банка, более крупные — Учетный и ссудный, Международный и Русский для внешней торговли.

Характер и направление деятельности Учетного и ссудного банка определился с первых лет его существования. Об этом можно судить по следующим данным (в млн руб.):¹

	1870 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1891 г.
Учет векселей	24,8	6,5	15,2	8,9	8,8
Ссуды под процентные бумаги	18,9	15,9	66,6	91,1	64,1
Ссуды по специальному счету	5,7				
Курсовые операции	51,5	138,7	92,8	78,4	77,2
Покупка процентных бумаг	16,6	75,5	110,7	60,9	80,3

Приведенные данные свидетельствуют, что операции с курсом и с процентными бумагами составляли главные операции банка. Особенно сильный рост этих операций наблюдался в 70-х годах. В 80-х годах значительную роль стали играть также ссуды под процентные бумаги. Учет векселей, игравший заметную роль в начале 70-х годов, в дальнейшем падает до минимума. Средства банка состояли в основном из текущих счетов (остаток на 1892 г. 16 млн руб.) и сумм корреспондентов (остаток на 1892 г. 22 млн руб.). Вклады были развиты мало и составляли к 1892 г. остаток всего в 510 тыс. руб.²

Таков же был характер деятельности возникшего вместе с Учетным и ссудным Международного банка. Развитие оборотов главных операций банка выглядело так (в млн руб.):³

	1870 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1891 г.
Учет векселей	9,2	14,9	12,7	13,0	17,4
Ссуды под процентные бумаги	20,4	4,0	2,4	4,6	4,2
Ссуды по специальному счету	20,4	34,0	78,5	51,8	47,8
Курсовые операции	47,9	119,4	88,0	91,1	92,4
Покупка процентных бумаг	26,8	84,2	47,8	85,4	91,9

Развитие операций Международного банка, так же как и Учетного и ссудного, происходило, хотя и с колебаниями в 80-х годах, весьма интенсивно и опять-таки в основном за счет расширения операций с процентными бумагами и с курсом. В конце 80-х годов банк активно участвовал вместе с Учетным и ссудным и группой

¹ Н. С. Петляи, ук. соч., стр. 439.

² Там же, стр. 440.

³ Там же.

иностранных кредитных учреждений в кредитно-финансовых операциях правительства.

Деятельность Русского для внешней торговли банка носила весьма разнообразный характер, но главное направление ее также было вполне определенным: операции с процентными бумагами и курсами являлись для него главными. Вот соответствующие данные об оборотах банка по главным операциям (в млн руб.):¹

	1871/72 г.	1881 г.	1885 г.	1890 г.
Учет векселей	6,4	12,8	10,9	21,4
Ссуды на процентные бумаги	—	9,5	5,9	21,4
Ссуды по специальному счету	—	14,4	16,0	
Ссуды под товары	0,7	—	—	—
Курсовые операции	26,5	96,3	110,8	108,5
Покупка процентных бумаг	6,1	76,5	90,6	48,2

И у этого банка учет векселей, несмотря на то, что он вырос за 20 лет более чем втрое, играет ничтожную роль по сравнению с курсовыми операциями и операциями с ценными бумагами.

Все четыре рассмотренные петербургские банка — это типичные деловые банки, расширявшие свои активные операции почти исключительно за счет вложений в государственные и железнодорожные займы, в биржевую и валютную спекуляцию. Такой же характер носила деятельность других 5 акционерных петербургских банков, возникших в 80-х годах.

Деятельность вышеуказанных банков решительно отличается от деятельности Волжско-Камского банка, который, как уже отмечалось, по характеру своих операций был близок к московским банкам.

Волжско-Камский банк начал свои операции в Петербурге 5 июля 1870 г., а затем, по мере расширения своих средств, открыл конторы в Рыбнине, Нижнем Повгороде, Москве, Казани, Астрахани, Самаре, Саратове, Харькове, Киеве, Екатеринбурге и в других городах. К началу 80-х годов банк имел 18 филиалов. В противоположность другим петербургским банкам, Волжско-Камский банк пополнял свои ресурсы главным образом за счет привлечения вкладов. Кризис середины 70-х годов привел к значительному сокращению вкладов и активных операций банка. На помощь пришел Государственный банк, который снабдил Волжско-Камский банк необходимыми средствами для удовлетворения вкладчиков и обеспечил ему возможность дальнейшего расширения операций. Если в 1875 г. основные пассивы Волжско-Камского банка составляли 73,4 млн руб., а к 1880 г. они сократились до 49,7 млн руб., то к 1893 г. они снова поднялись до 106,4 млн руб.,² значительно превысив уровень 1875 г. В отличие от других петер-

¹ Н. С. Петлиа, ук. соч., стр. 442.

² И. Ф. Гидлиа, ук. соч., стр. 57.

бургских банков, которые расширяли свои ресурсы за счет увеличения собственных капиталов и иностранных вложений, Волжско-Камский банк, создавший широкую сеть провинциальных филиалов, расширял свои операции путем отвлечения клиентуры от городских общественных банков, которые в 80-х годах приходят в упадок.

Вклады и текущие счета Волжско-Камского банка превышали вклады и текущие счета всех остальных петербургских акционерных банков, а к началу 90-х годов также и московских. В 1875 г. они составляли у деловых петербургских банков 53,3 млн руб., у Волжско-Камского — 57,7 млн руб., у московских — 109,2 млн руб. К 1893 г. соотношение соответственно изменилось следующим образом: 56,2 — 73,7—68,1. В числе активных операций Волжско-Камского банка главную роль играл учет векселей, который был выше, чем у всех остальных петербургских акционерных банков. В 1875 г. учет векселей у Волжско-Камского банка составлял 46,3, а у всех остальных петербургских банков 27,8 млн руб., в 1881 г. — соответственно 31,6 и 18 млн руб., а в 1893 г. — 40,4 и 42,7 млн руб.¹ Некоторое снижение удельного веса Волжско-Камского банка в 1893 г. объясняется главным образом увеличением в 80-х годах числа деловых банков в Петербурге и более быстрым ростом их операций. «При медленном росте учета векселей и интенсивном увеличении операций с ценными бумагами и корреспондентских счетов в активе у всех акционерных банков все же полностью сохраняется к 1893 г. противоположная структура операций у Волжско-Камского банка с его 20 филиалами и московских банков с их 8 филиалами, с одной стороны, и 9 петербургских банков с их 10 филиалами — с другой. У первых учет векселей составлял в 1893 г. 40%, у вторых — менее 20% основных активов. У первых вклады в пять раз превышали собственные капиталы и достигали 70% основных активов. Основные пассивы петербургских банков к 1893 г. складывались из 66 млн руб. собственных капиталов, 36,2 млн руб. вкладов и 92,5 млн руб. корреспондентов — типичное соотношение ресурсов деловых банков периода их возникновения».²

Следует, однако, отметить, что удельный вес акционерных банков в кредитной системе в начале 80-х годов был весьма невелик: 33—35% в основных пассивах и активах кредитной системы. Удельный вес петербургских банков по отношению ко всем банкам составлял всего 25%. Зато к началу 80-х годов возросла роль Государственного банка, на долю которого падала почти треть основных пассивов кредитной системы, почти 30% вкладов и свыше $\frac{1}{4}$ учетно-ссудных операций.³

Хотя в целом рост кредитной системы за период 1881—1883 гг. был невелик, но за это время произошли большие качественные изменения. В 80-х годах мелкие банки (городские банки и общества взаимного кредита), игравшие до этого значительную роль, приходят в упадок. Государственный банк, как уже указывалось, в значительной мере свои средства использовал на нужды государства и

¹ Н. Ф. Г и д и н, ук. соч., стр. 72.

² Там же, стр. 54—55.

³ Там же, стр. 45.

На бирже 29 марта 1886 г. Граюра на дереве.

для поддержки дворянского землевладения. Это привело к тому, что к началу 90-х годов акционерные банки выдвинулись на первое место в кредитной системе: их удельный вес в пассивах кредитной системы достиг почти 50%, во вкладной — 42%.¹ Поскольку же среди акционерных банков наибольший рост приходился на петербургские деловые банки, то это привело к значительному повышению их удельного веса в активах и пассивах всех акционерных банков: с 25—28 до 33—35% (при одновременном снижении удельного веса Волжско-Камского и московских банков с 40—42 до 33—32%).²

Дальнейшая история русских банков, как справедливо отмечает И. Ф. Гиндин, это в значительной мере история превращения оторванных от провинции петербургских деловых банков в мощные банки универсального типа с разветвленной сетью филиалов.³

До промышленного подъема 90-х годов петербургские деловые банки принимали слабое участие в кредитовании промышленности и торговли, направляя

¹ Там же, стр. 47.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 53.

основные свои ресурсы на операции с процентными бумагами и с курсом. Однако это именно и определило их большую роль в годы промышленного подъема, когда их привычка к широким спекуляциям, тесная связь с центральной биржей страны и с иностранным капиталом позволили им принять самое активное участие в финансировании промышленности, в промышленном учредительстве невиданных до этого масштабов. Банки, выступая посредниками в выпуске акций вновь учреждаемых предприятий, не только получали учредительскую прибыль (т. е. разницу между курсовой и номинальной ценой акций), но и получали дополнительные возможности влиять на ход промышленного предприятия, а в случае оставления у себя определенного пакета акций становиться совладельцами данного предприятия. Помимо этого, банки могли влиять на все промышленные предприятия (не только акционерные) путем учетных операций.

В период промышленного подъема 90-х годов сложилась та тесная связь банков с промышленностью, которая в начале XX в. привела к сращиванию банковского капитала с промышленным и к образованию финансового капитала. Поскольку же петербургские банки были теснейшим образом связаны с иностранным капиталом, то усиление их влияния на развитие промышленности означало вместе с тем усиление экономической зависимости России от западноевропейских, прежде всего англо-французских капиталистов.

На протяжении всей второй половины XIX в. Петербург являлся денежным центром страны. Москва как денежный рынок стояла на втором месте по значению, но она далеко уступала Петербургу. По данным Министерства финансов, из общей суммы государственных и гарантированных правительством ценных бумаг, размещенных к 1895 г. внутри страны и находившихся в запасе или на хранении в банках, — 2 510 млн руб. — на Петербург приходилось 1 333 млн руб., на Москву — 424 млн руб., на всю провинцию — 753 млн руб.¹

Сеть кредитных учреждений Петербурга к концу периода домонополистического капитализма далеко не исчерпывалась Государственным банком и десятью акционерными коммерческими банками. Наряду с этим существовало значительное число других крупных и мелких кредитных учреждений, как государственных, так и частных.

В 1861 г. возникло Петербургское городское кредитное общество, выдававшее ссуды под залог городских недвижимостей. Оно являлось первым частным кредитным учреждением в стране и самым крупным среди подобного рода учреждений. Баланс годовых оборотов этого общества к концу первого десятилетия его деятельности составлял 83 млн руб., а к концу второго — поднялся до 227 млн руб.² В 80-х годах его операции значительно сократились.

¹ Заимствовано из параграфа о банках написанного И. Ф. Гидиным в IV томе «История Москвы».

² Краткий исторический очерк деятельности С.-Петербургского городского кредитного общества за 40 лет. СПб., 1902, стр. 10, 13.

В 1863 г. возникло первое в России Петербургское общество взаимного кредита. Внешним поводом для его возникновения послужили знаменитые майские пожары 1862 г., истребившие большое количество магазинов и складов с товарами в Апраксином и Щукином дворах. Общества взаимного кредита, в большом числе возникшие в различных городах страны после Петербургского, — это в подавляющем большинстве были мелкие банки, учреждавшиеся средней буржуазией и снабжавшие ее в кредит средствами. В организации Петербургского общества приняли участие русские и иностранные купцы, а также некоторые русские банкиры. Общество открыло свои действия 17 марта 1864 г. при 200 членах и с оборотным капиталом в 14 330 руб.¹, возросшим, однако, через десять лет до 5 млн руб.

Наряду с этим в Петербурге существовало несколько частных ипотечных банков, занимавшихся крупными земельными спекуляциями и способствовавших росту землевладения деревенской буржуазии. В 80-х годах в Петербурге были созданы два крупных государственных земельных банка — крестьянский и дворянский. Крестьянский поземельный банк возник в 1883 г. с целью выдачи ссуд крестьянам. Он сыграл крупную роль в деле роста земельной собственности деревенской буржуазии, а с другой стороны, помогал дворянству продать свою землю с максимальной выгодой. Государственный дворянский земельный банк был создан в 1885 г. «для выдачи ссуд потомственным дворянам под залог земельной собственности». Прямой задачей этого банка являлось всемерное поддержание помещичьего хозяйства, и, естественно, банк пользовался особым покровительством царского правительства.

Для мелкого кредита в Петербурге в начале 90-х годов существовали: Петербургский государственный ломбард, Частный ломбард с десятью отделениями, Общество для хранения и залога движимостей и 8 ссудных касс.² В 80—90-х годах, как указывает В. И. Ленин, особенно развились операции сберегательных касс. В 1880 г. насчитывалось 75 касс, а в 1897 г. — 4315. Вклады в них за это время возросли с 4,4 млн до 276,6 млн руб.³ Особенно возрос оборот столичных касс, вклады в которых уже в начале 70-х годов превышали 1 млн руб.⁴

Таким образом, в Петербурге, являвшемся самым крупным денежным рынком в стране, во второй половине XIX в. возникла высокоразвитая капиталистическая кредитная система, обслуживавшая интересы крупной русской буржуазии и поддерживавшего ее царского правительства.

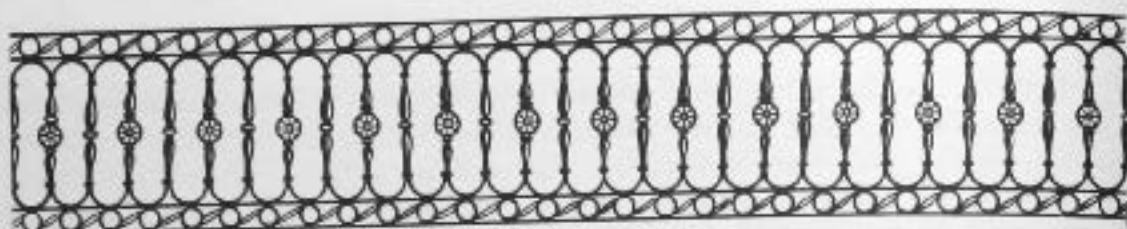

¹ В. И. Ленин, ук. соч., т. I, стр. 167—168; А. Гурьев, ук. соч., стр. 60.

² В. И. Покровский, Статистический очерк С.-Петербурга, стр. 17.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 488.

⁴ А. Ф. Елачич, ук. соч., стр. 143.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА. ПОЛОЖЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ

Во второй половине XIX в. Петербург был одним из крупнейших городов не только Российской империи, но и Европы. В 1858 г. в нем жило 496,6 тыс. человек. По количеству населения в Европе он занимал четвертое место, уступая только Лондону, Парижу и Константинополю.¹

К началу 60-х годов XIX в. территория города составляла 53,36 кв. км, из них на материк приходилось 45,49 кв. км и на водные пространства — 15% всей площади, или 7,86 кв. км.² По занимаемой площади Петербург уступал Москве, территория которой во второй половине XIX в. равнялась 63 кв. км (из них на водные пространства приходилось 5,3%). Границы столицы проходили на западе по побережью Финского залива, на севере по руслу Б. Невки, до высоты Новодеревенской и далее по Ланскому шоссе, на востоке по р. Чернявке до ее устья, затем по рекам Охте и М. Охте. С южной стороны границы города шли на небольшом протяжении по р. Монастырке или Черной, у Витебской (Царекосельской) ж. д., южнее татарского кладбища и далее по р. Таракаловке до ее устья.³

Земли, примыкавшие к Петербургу, делились на 4 участка: Лесной, Полюстровский, Шлиссельбургский и Петергофский, которые и получили название пригородных.

¹ Е. Карнович. С.-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860, стр. 18—19.

² С.-Петербург. Исследование по топографии и статистике столицы. Изд. Центр. статист. комитета. СПб., 1870.

³ Там же, стр. 124.

Протяженность города с севера на юг, от пересечения Ланского шоссе с Сампониевским проспектом (ныне пр. Ф. Энгельса) до конца татарского кладбища у Витебской (Царскосельской) ж. д. составляла 12,9 км; с запада на восток, от оконечности Галерной косы до городской черты на Б. Охте (церкви Дмитрия Салунского) — 12 км.¹

В административном отношении город делился на 12 частей: I, II, III и IV Адмиралтейские, Нарвскую, Московскую, Каретную, Рождественскую, Литейную, Васильевскую, Петербургскую и Выборгскую. В 1865 г. II Адмиралтейская часть была переименована в Казанскую, III Адмиралтейская — в Спасскую, IV Адмиралтейская — в Коломенскую и Каретная часть — в Александро-Невскую.²

Адмиралтейской называлась часть города, расположенная между Б. Невой и реками Мойкой и Фонтанкой, она занимала площадь 427,8 тыс. кв. сажен, или 2,34% городской площади.

К Адмиралтейской примыкала Казанская часть, наименьшая по занимаемой территории — 271,7 тыс. кв. сажен, или 1,42% всей городской площади. Границы Казанской части проходили по р. Мойке, Екатерининскому и Крюкову каналам.

Между реками Мойкой и Фонтанкой, каналами Крюковым и Екатерининским была расположена Спасская часть, территории которой составляла 486,9 тыс. кв. сажен, или 2,55% городской площади.

На юго-западе от Адмиралтейской, Казанской и Спасской частей была расположена Коломенская часть, границы которой проходили по рекам Б. Неве, Мойке, Крюкову каналу и р. Фонтанке. Общая площадь ее составляла 375,4 тыс. кв. сажен, или 1,96% территории города.

К югу от устья р. Фонтанки до Царскосельского проспекта (ныне Московского проспекта) обширную территорию, в 2 млн кв. сажен, или 10,81% площади города, занимала Нарвская часть. Северная ее граница проходила по р. Фонтанке, восточная — по Царскосельскому проспекту до пересечения с городской чертой на юге и далее по р. Таракановке до ее устья. Острова Гутуевский, Канонерский, Б. Резвый и М. Резвый, Лопманский и Вольный входили в состав Нарвской части.

На северо-восток от Нарвской была расположена Московская часть. Северо-западной ее границей являлась р. Фонтанка, на севере Невский проспект, восточной — Лиговская улица (Лиговский канал), Глазовская улица, на южной — Обводный канал, западной — Царскосельский проспект. Эта часть занимала площадь 682,6 тыс. кв. сажен, или 3,75% городских земель.

Одну пятую, или 20,3%, городской территории занимала Александро-Невская часть. Она примыкала к Московской с юго-восточной стороны. На западе разгра-

¹ С.-Петербург. Исследование по топографии и статистике столицы, стр. 123.

² С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, стр. 220.

значительной линией явились Царскосельский проспект, Обводный канал, Глазовская и Лиговская улицы, на севере — Невский и Шлиссельбургский проспекты, на востоке — р. Б. Нева, на юге — городская пограничная черта.

К северу от Александрo-Невской находилась Рождественская часть с общей площадью 989,9 тыс. кв. сажен, или 5,18% городской площади. Границами ее были на западе Лиговская, Парадная и Таврическая улицы, на севере и востоке р. Б. Нева и на юге Невский и Шлиссельбургский проспекты.

Часть города, расположенная между р. Фонтанкой, Невским проспектом, Лиговской, Парадной и Таврической улицами и Б. Невой, называлась Литейной. Площадь ее составляла 3,06% городской территории, или 585,8 тыс. кв. сажен.

Острова Васильевский, Голодай, Кашеварова, Жадимировский, Гонардуло относились к Васильевской части. Васильевская часть занимала 14% городской площади, или 2 673 тыс. кв. сажен. По своей территории она стояла на четвертом месте среди других частей города.

Острова Петербургский, Крестовский, Крепостной, Елагин составляли Петербургскую часть, с общей площадью 3 млн кв. сажен, или 16,24% городской территории. Границы этой части проходили по Б. Неве, М. Невке, Финскому заливу, В. Невке.

Северо-восточная часть города называлась Выборгской. На севере граница ее проходила по Ново-Деревянскому переулку, р. Черной, Ланскому шоссе, Садовой улице; на востоке — по городской черте, на юго-западе — по рекам Нева и Б. Невка. По своим размерам Выборгская часть уступала только Александрo-Невской. Она занимала 18,67% городской территории, или 3,5 млн кв. сажен.

В 60-х годах XIX в. под постройками было занято менее одной десятой части — 9,4% земель, принадлежавших городу. Дворы, улицы и площади составляли одну четверть 25,3% территории Петербурга. Остальные 65% городской площади были использованы под огороды — 23,7%, сады — 15,1%, выгоны — 13,8%. Одна десятая часть земли находилась в пустоши.

Наиболее плотно был застроен центр города. Так, в Казанской части под постройками было занято 28,79% всей территории. Остальные земельные угодья использовались под улицы, площади, дворы и сады. Аналогичное положение было и в Спасской части.

В Литейной и Московской частях также почти не было пустовавших земель. Здесь одна четверть их находилась под постройками (Литейная — 23,98%, Московская — 23,29%), остальная часть занималась дворами, улицами, площадями.

В Адмиралтейской части 18,99% земельных угодий было использовано под постройки, а остальные земли были заняты дворами, улицами, площадями и садами.

Иная картина наблюдалась в окраинных частях города: в Александрo-Невской под постройками находилось лишь 3,0% площади, в Петербургской — 3,67%,

Выборгской — 3,9%, Васильевской — 6,15%, Нарвской — 5,24%. В то же время под огородами, выгонами и пустошами было до 50% территории этих частей. Значительные площади были заняты водой. Например, в Васильевской части вода составляла 28,9% всей площади, Нарвской — 19,36%, Выборгской — 12,83%.¹

Краткий топографический обзор города в 60-е годы XIX в. дает основание сделать вывод, что наиболее застроенными частями Петербурга являлись Адмиралтейская, Казанская, Спасская, Коломенская, Литейная и Московская. На Васильевском Острове большинство построек было сосредоточено в его северо-восточной части, на Петроградской и Выборгской сторонах — в районах, прилегающих к Неве.

Территория Петербурга и деление города на части во второй половине XIX в. не изменились. Пригородные же участки — Лесной, Полостровский, Шлиссельбургский и Петергофский — 28 мая 1880 г. были подчинены в административном отношении Петербургскому градоначальству, без включения их в черту города.²

Население столицы, без пригородных участков, за последние сорок лет XIX в. увеличилось более чем в два раза, что видно из следующих данных:

	Рост населения					
	мужчины		женщины		общего пола	
	в абсолютных цифрах	в %	в абсолютных цифрах	в %	в абсолютных цифрах	в %
1858 г.	318336	64,2	176320	35,8	496656 *	100,0
1862 »	322730	60,5	209561	39,5	532297 *	107,0
1863 »	318060	59,3	221415	40,7	539475 *	110,5
1869 »	377380	56,7	289827	43,3	667207 *	130,1
1881 »	473229	54,6	388074	45,4	861303 ⁷	173,4
1890 »	512718	53,8	441682	46,2	954400 *	192,0
1900 »	680144	54,4	567978	45,6	1248122 *	251,0

Прирост петербургского населения во второй половине XIX в. происходил значительно быстрее, чем в дореформенное время.

¹ С.-Петербург. Исследования по топографии и статистике столицы, стр. 148.

² С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство, стр. 219.

³ Е. Карнович, ук. соч., стр. 18—19.

⁴ Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1863 г., ч. II, статистические и справочные сведения. СПб., 1863, стр. 20—21.

⁵ Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1864 г. СПб., 1864, стр. 212—225.

⁶ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1. СПб., 1872, стр. 1.

⁷ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г., т. I, ч. I. Население. СПб., 1883, стр. 236—237.

⁸ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., ч. I. Население, вып. 1. СПб., 1891, табл. 1, стр. 17.

⁹ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1. СПб., 1903, стр. 20—23.

За сто лет, с начала 60-х годов XVIII в. до начала 60-х годов XIX в., население Петербурга увеличилось примерно на 400 тыс. человек. Ежегодный прирост до реформы в среднем составлял, таким образом, 4 тыс. человек в год. Иная картина наблюдалась в пореформенное время. За период с 1862 по 1890 г. население столицы возросло более чем на 700 тыс. человек, т. е. увеличивалось в среднем в год на 19 тыс. человек. В последнее десятилетие XIX в. средний ежегодный прирост был еще более значителен.

Только за первые 7 лет после реформы (с 1862 по 1869 г.) население Петербурга увеличилось на 135 тыс. человек. Столь же быстрый рост населения наблюдается в 70-х годах: с 1869 по 1881 г. население Петербурга возросло на 194 тыс. человек. В 80-х годах в связи с промышленным кризисом темпы роста населения столицы сократились: с 1881 по 1890 г. прирост населения составил всего 93 тыс. человек. Однако за десятилетие с 1891 по 1900 г., характеризующееся бурным подъемом русской промышленности, население Петербурга возросло на 294 тыс. человек, т. е. среднегодовой прирост составил около 30 тыс. человек.

Еще более быстрыми темпами росло население четырех пригородных участков Петербурга. По переписи 1881 г. в пригородах было учтено 66 713 человек, а в 1900 г. — 191 491 человек. За 19 лет население пригородных участков увеличилось почти в 3 раза. «За какие-нибудь 5 лет на пустыре „Литературных мест“ возникло 17 городских улиц с многоэтажными домами и населением не менее 17—18 тысяч, с фабриками, заводами, мелкими ремесленными и торговыми заведениями, — писал участковый земский врач Амстердамский. — Среди огородов близ Путиловского завода за 10 лет выстроилось 12 новых улиц... население с нескольких тысяч возросло до 65 тыс.»¹ В Шлиссельбургском пригородном участке на протяжении 12 км вдоль Невы по обоим берегам в 1892 г. проживало около 44 тыс. человек, а к 1900 г. насчитывалось до 70 тыс. жителей.²

Население Петербурга с пригородами в 1881 г. составляло 928 016, а в 1900 г. — 1 439 613 человек. За 42 года население столицы (включая пригороды) выросло почти в три раза. Аналогичное явление наблюдаем и в других городах. Так, например, в Москве население с 1871 по 1896 г., за 25 лет, увеличилось на 174% и к 1896 г. достигло 1 037 тыс. человек, немногим уступая Петербургу.

Столь быстрый рост населения столицы невозможно объяснить естественным приростом. По данным за 1857 г., в Петербурге родилось 18 110 человек, а умерло 20 708 человек. Смертность превышала рождаемость на 2600 человек. Превышение смертности над рождаемостью наблюдалось до 1885 г., и только лишь с середины 80-х годов XIX в. рождаемость становится несколько больше смертности. Основ-

¹ Отчеты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1902 г. СПб., 1903, стр. 102.

² Д. П. Никольский. Шлиссельбургский пригородный участок в санитарном отношении. Восток общественной гигиены, 1901, август, стр. 1136.

вым источником бурного роста населения столицы был не естественный прирост, а приток из деревни за счет разорявшегося крестьянства. С развитием капитализма в сельском хозяйстве в пореформенный период, писал В. И. Ленин, «крестьянство с громадной быстротой раскалывается на незначительную по численности, но сильную по своему экономическому положению сельскую буржуазию и на сельский пролетариат».¹ Сельский пролетариат и явился источником пополнения населения промышленных центров, в том числе и Петербурга. Этот вывод подтверждают данные переписи 1900 г., по которой в городе и пригородах было учтено, как указывалось выше, 1 439 613 человек. Из них уроженцы Петербурга составляли 455 899 человек, т. е. менее 1/3, а родившиеся вне столицы — 983 714 человек. В Москве соотношение между поселившимися и коренными жителями было аналогичное. В 1882 г. родившиеся вне Москвы составляли 73,8%. По времени поселения родившиеся вне Петербурга распределяются так: в 1900 г. поселилось 156 617 человек; с 1896 по 1899 г. — 258 334 человека; с 1891 по 1895 г. — 157 567 человек; с 1886 по 1890 г. — 401 778 человек; с 1881 по 1885 г. — 78 477 человек; с 1876 по 1880 г. — 68 580 человек; с 1871 по 1875 г. — 43 636 человек; с 1866 по 1870 г. — 37 874 человека; с 1861 по 1865 г. — 19 181 человек. Ранее 1860 г. — 36 174 человека и неизвестно когда — 25 496 человек.²

Крестьянин-бедняк, задавленный нуждой, чтобы не умереть с голода, тянулся в город на заработки. В поисках куска хлеба сюда шли не только крестьяне из окрестных сел и деревень, но и из местностей, отделенных тысячами километров от Петербурга. По переписи 1900 г. среди жителей города было учтено 718 440 крестьян, которые пришли из 53 губерний. Среди них были сибиряки и белорусы, украинцы и ярославцы, тверичи и астраханцы. Первое место занимали поселенцы из Тверской губ. Их насчитывалось 116 385 человек. За ними следовали ярославцы — 83 535 человек, далее шли новгородцы — 50 787 человек, и лишь четвертое место занимали крестьяне Петербургской губ., которых насчитывалось 49 447 человек. Из Псковской, Владимирской, Костромской, Смоленской, Рязанской губерний, из каждой в отдельности, поселилось в столице от 20 до 40 тыс. человек.³

Население Петербурга во второй половине XIX в. пополнялось за счет притока не только крестьян, но также и мещан. В 1900 г. из 275 122 мещан, проживавших в городе и пригородах, родившихся в столице насчитывалось 144 040 человек. Остальные 131 тыс. человек пришли из городов и местечек Российской империи. Первое место занимали мещане Петербургской губ.; их было около 38 тыс. человек, т. е. более одной четверти мещан, родившихся вне Петербурга.⁴

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 266.

² С. Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 32—33.

³ Там же, стр. 169.

⁴ Там же, стр. 176—179.

Значительное количество — около 28 тыс. мещан — прибыло из Ярославской, Тверской, Новгородской и Псковской губерний. Уроженцы Петербургской, Ярославской, Тверской, Новгородской и Псковской губерний составляли более 50% мещан, родившихся вне Петербурга.

Крестьян и мещан, родившихся вне Петербурга, в 1900 г. насчитывалось 849 492 человека, или около 59% всех жителей города. Все они поселились в столице за последние 40 лет XIX в. Таким образом, рост населения Петербурга за рассматриваемый период времени происходил в основном за счет этих двух категорий населения.

Быстрый рост населения Петербурга во второй половине XIX в. сопровождался изменением распределения его по частям города. Особенно быстро заселились окраины и пригороды столицы. Если в центральных частях Петербурга — Адмиралтейской и Казанской — на протяжении 40 лет количество жителей оставалось почти стабильным, то в окраинных частях (Алекса́ндро-Невской, Выборгской, Петербургской) число жителей увеличилось в 3—5 раз. Еще быстрее росло население пригородных участков, увеличившееся только за последние два десятилетия XIX в. почти в три раза.

Исключительно быстрый рост населения окраин и пригородов Петербурга был связан с развитием капиталистической промышленности. Новые фабрики и заводы, в большом количестве появившиеся после реформы, строились главным образом на окраинах и в пригородах Петербурга. Здесь же, поближе к месту своей работы, селились и прибывавшие в столицу на заработки крестьяне и мещане. В результате окраины — Выборгская сторона, Алекса́ндро-Невская часть, Петербургская сторона — превратились во второй половине XIX в. в плотно населенные части города, с преимущественно рабочим населением. Пригородные участки, особенно Петергофский и Шлиссельбургский, также стали районами сосредоточения рабочих.

С общим ростом населения города во второй половине XIX в. изменился и его половой состав. Если в 1858 г. лица мужского пола составляли 64,4% жителей, а лица женского пола 35,6%,¹ то в 1900 г. доля мужчин снижается до 54,4%, а женщин возрастает до 45,6%.² Изменение соотношения между полами свидетельствует, что крестьянин теперь не на сезон приходил в город, а перебирался со всем своим семейством на постоянное место жительства и окончательно порывал связь с сельским хозяйством.

Была и другая причина, обусловившая более быстрый рост женского населения Петербурга, а именно — расширение сферы применения женского труда, связанное с развитием капиталистической промышленности; к 1900 г. соотношение между мужчинами и женщинами почти полностью уравнилось.

¹ Е. Карнович, *указ. соч.*, стр. 13.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. *Население*, вып. 1, стр. 44—45.

Поскольку обычным явлением становился переезд в город целыми семьями, постольку происходил абсолютный и относительный рост числа лиц, родившихся в Петербурге.

Данные переписей показывают, что удельный вес жителей, родившихся в Петербурге, за 80-е годы увеличился на 2,5%. За следующее десятилетие соотношение родившихся в Петербурге и вне его остается без изменений. Этот факт объясняется дальнейшим усиленным притоком населения из деревни в связи с промышленным подъемом в 90-х годах XIX в. Но все же удельный вес лиц мужского пола, родившихся вне Петербурга, за последние 19 лет XIX в. снизился на 2%.

Таким образом, во второй половине XIX в. вполне ясно определился процесс более интенсивного роста населения Петербурга за счет коренных жителей, удельный вес которых хотя и медленно, но с каждым десятилетием возрастал.

Однако, несмотря на рост коренного населения города во второй половине XIX в., все же основными жителями были лица, родившиеся вне Петербурга: в 1881 г. их насчитывалось 71%,¹ а в 1900 г. 68,5%.²

Тот факт, что рост населения Петербурга определялся в первую очередь потребностями развивающегося капиталистического производства, подтверждается также данными о возрастном составе жителей города. Главную массу населения Петербурга составляли лица в возрасте от 20 до 40 лет. В 1869 г. их было примерно 44%, в 1900 г. — 44,4%. За счет этих, наиболее здоровых и работоспособных людей и происходил главным образом рост петербургского населения. Дети и подростки до 15 лет, которые в силу естественной закономерности роста народонаселения должны были бы преобладать над остальными возрастными группами, составляли лишь немногим более 20%, т. е. вдвое меньше, чем лица в возрасте от 20 до 40 лет. Правда, удельный вес детей и подростков до 15 лет неуклонно возрастал: в 1869 г. они составляли 21,7%, в 1900 г. — уже 23,8%. Значительно возрос также удельный вес подростков в возрасте 16—20 лет: в 1869 г. они составляли 8,7%, а в 1900 г. — 12,2%. Зато удельный вес старших возрастов (от 40 лет и выше) значительно сократился. Если в 1869 г. они составляли 25,6%,³ то в 1900 г. — уже только 19,6%.⁴ Очевидно, что лица старших возрастов, в значительной степени утратившие свою трудоспособность, выбрасывались капиталистами на улицу и вынуждены были покидать город. Их легко было заменить молодыми и сильными рабочими, которых в избытке поставляла быстро разоряющаяся пореформенная деревня. Абсолютный и относительный рост количества детей и подростков в Петербурге свидетельствовал о том, что значительная часть крестьян и мещан порвала связь с сельским хозяйством и перевезла свои семейства в Петербург на постоянное жительство.

¹ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г., т. I, ч. I. Население, стр. 236—237.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 32—33.

³ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1, стр. 79.

⁴ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 20—23.

Если в 1863 г. женатых насчитывалось 104 тыс. человек, или 19,2% населения города,¹ то в 1900 г. их было уже 308 тыс. человек, или 21%.² Количество замужних за тот же период увеличилось более чем в три раза, с 68 тыс. до 209 тыс. человек. Доля замужних среди городских жителей возросла с 12,2% в 1863 г. до 14,1% в 1900 г. При этом следует отметить тот интересный факт, что количество женатых превышало количество замужних на одну треть. Если при этом учесть, что, вероятно, определенная часть замужних женщин жила вне своих семей, то можно сделать вывод, что доля мужчин, живших в Петербурге без семей, была все же весьма велика и в конце XIX в.

Рост капиталистической промышленности, связанный со все расширяющимся применением более дешевого труда детей и подростков, также способствовал усиленному притоку жителей в столицу за счет данных категорий.

Население Петербурга, как указывалось выше, росло главным образом за счет крестьян и мещан северо-западного района Европейской части Российской империи. Коренными поселенцами данной территории были люди русской национальности. Этот факт в значительной мере и определил национальный состав жителей города. Во второй половине XIX в. в столице было учтено население 37 национальностей, из них на долю русских в 1869 г. приходилось 78,6%,³ а в 1900 г. — 87,5%. Жители остальных 36 национальностей в 1900 г. составляли 12,5%.⁴

Приток в Петербург трудового населения, особенно усилившийся после реформы 1861 г. в связи с быстрым развитием капиталистических отношений в России и с превращением столицы дворянской империи в один из крупнейших центров капиталистической промышленности, существенно изменил социальную физиономию города. Это видно уже из тех перемен, которые произошли во второй половине XIX в. в сословном составе населения столицы. Исключительно быстро увеличилось количество крестьян и мещан. Что же касается лиц других сословий, то их доля с каждым годом уменьшалась. Выходцы из крестьян в начале 60-х годов XIX в. составили 35,8% всего населения города, т. е. более одной трети,⁵ а к 1900 г. количество их увеличилось почти в пять раз и достигло 908 786 человек, что составляло 63,1%, т. е. почти две трети населения Петербурга.⁶ Только за последнее десятилетие XIX в. население столицы за счет крестьян увеличилось на 264 тыс. человек. Крестьяне, как указывалось, были основным источником, из которого черпались кадры промышленных рабочих.

Был и второй источник пополнения трудовых слоев населения города — это мещане и цеховые. За последние 40 лет XIX в. количество их увеличилось более

¹ Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1864 г., стр. 293.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 20—23.

³ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1, стр. 74.

⁴ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 48—53.

⁵ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1, стр. 112—115.

⁶ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 44—45.

У Никольского рынка. Рабочие, осматривающие найма. Гравюра на дереве с рисунка А. Лебедева. 1876 г.

чем в три раза — с 89 589 в 1862 г. до 275 122 человек в 1900 г. Рост цеховых и мещан в Петербурге происходит не только абсолютно, но и относительно. Так, если в 1862 г. мещан и цеховых было в составе населения города 16,7%, то в 1900 г. 19%. Эти два сословия — крестьяне и мещане — составляли подавляющее количество жителей города. В 1862 г. их было 52,2%, а к 1900 г. 82,1%. Совершенно иное положение наблюдалось с другими сословиями. Если в 1862 г. дворян проживало в Петербурге 66 492 человека, или 13,4%, то к 1900 г. абсолютное число их достигло 111 486 человек. Однако удельный вес дворян среди жителей города снизился до 9%. И все же в Петербурге их было значительно больше, чем в Москве, где они составляли 7,4% населения. Купцов и членов их семейств в 1862 г. было учтено 18 753 человека, или 3,5% населения города, а в 1900 г. только 15 080 человек, или 1,4%. Надо полагать, что часть мелкого купечества разорилась, а некоторые вошли в сословную группу почетных граждан.

То же самое происходило и с иностранными подданными. Абсолютное количество их за 39 лет увеличилось с 17 тыс. до 22 тыс. человек. Но относительно их доля резко упала. В 1862 г. они составляли 3,2% жителей Петербурга, а в 1900 г. 1,7%.¹

¹ Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1863 г., ч. II, Приложение, табл. Л; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 1, стр. 44—45.

Приведенные статистические данные о составе населения Петербурга подтверждают уже ранее сделанный вывод, что рост жителей города происходил главным образом за счет разорившихся крестьян, которые к началу XX в. составили две трети жителей столицы; второе место занимали цеховые и мещане, их насчитывалось 19% населения Петербурга. Из среды остальных сословий следует отметить дворян как наиболее многочисленную группу населения; к 1900 г. они составляли около одной десятой части всех жителей столицы. На остальные сословия, вместе взятые, приходилось 5% населения.

Однако полной картины тех глубоких социальных изменений, которые произошли в Петербурге под влиянием складывания и развития в России капиталистических отношений, указанные изменения в сословном составе населения столицы не дают и не могут дать. Дело в том, что развивающийся капитализм, — а начало этого процесса в России относится еще ко второй половине XVIII в., — не только подрывал старую феодальную экономику, но он разрушал и сложившиеся на ее основе социальные отношения, разрушал самые сословные перегородки феодального общества.

Уже в начале рассматриваемого нами периода сословные группы были чрезвычайно неоднородны, включая в свой состав лиц, фактически находящихся на самых различных ступенях социальной лестницы.

Этот факт убедительно подтверждают итоги переписи 1869 г.

По переписи 1869 г. дворян потомственных и личных проживало в Петербурге 94 584 человека, из них 42 308 человек членов семейств. Чем же занимались 52 276 дворян, числившихся самостоятельными? Наиболее многочисленная группа из них — 11 978 человек — жила за счет своего недвижимого имущества, главным образом имений, разбросанных по территории Российской империи. Но далеко не для всех дворян доходы от недвижимого имущества являлись основными. Некоторые из них стали на путь предпринимательства. Так, в обрабатывающей промышленности было занято 1965 человек, из которых 162 человека были владельцами фабрик, заводов, мастерских, 605 человек работали инженерами, техниками, механиками, 788 человек рабочими, остальные были заняты в аппарате заводууправлений. Учителей и воспитателей из среды дворян насчитывалось 5427 человек; врачей, фельдшеров, медицинских сестер, сиделок — 1774 человека; ученых, литераторов, художников — 1875 человек; лиц, занятых на военной и морской службе, — 4939 человек; государственных чиновников всех ведомств — 9609 человек; прислуги домашней и личной — 1026 человек. Этот неполный перечень занятий лиц привилегированного сословия свидетельствует, что положение их было далеко не одинаково. Некоторые из дворян были крупнейшими землевладельцами и сановниками, другие заполняли ряды бюрократии и офицерства, третьи вступили на путь буржуазного предпринимательства, четвертые набрали сферой своей деятельности так называемые интеллигентные профессии и т. д.

Еще более неоднородными были другие сословия. Так, среди 12 440 самостоятельных почетных граждан и купечества¹ некоторые находились на придворной, дипломатической и военной службах (440 человек), другие занимались преподавательской и врачебной деятельностью (1006 человек), третьи — торговлей (4914 человек), четвертые — промышленностью; владельцев промышленных заведений насчитывалось среди них 713 человек. Около 800 человек из среды почетных граждан и купцов были наемными рабочими в обрабатывающей промышленности.

Неоднородно было и сословие крестьян. Некоторые из них нажились за счет ограбления трудовых слоев населения и превратились в капиталистов. 2756 человек, числившихся крестьянами, были владельцами промышленных, кустарных и торговых предприятий. Но абсолютное большинство — 57 493 крестьянина по паспорту — были рабочими обрабатывающей промышленности. Свыше 45 тыс. работали в качестве домашней прислуги. Отдельные лица из крестьян выбивались в среду интеллигенции. Так, из сословия крестьян 175 человек занимались литературой, наукой и искусством, 460 человек — врачебной деятельностью, 6 человек работали инженерами в промышленности, 2 человека — агрономами, 11 человек работали по судебной части и адвокатуре.

Мещане по своей классовой принадлежности были также далеко не однородны. Из 138 480 жителей, самостоятельных и членов их семейств, рабочих насчитывалось 20 061 человек, 25 605 человек работали в качестве личной и домовой прислуги, свыше 900 мещан были педагогами и воспитателями, 965 человек работали в области науки, литературы и искусства. Часть мещан — 3054 человека (3,6%) — превратилась в мелких предпринимателей, владельцев промышленных, торговых и кустарных предприятий. Свыше 2000 человек жили за счет недвижимого имущества и пенсий.²

Все эти факты дают основание утверждать, что к 60-м годам XIX в. процесс разложения сословных групп феодального общества, связанный со складыванием капиталистических отношений, зашел весьма далеко. Быстрое развитие капитализма во второй половине XIX в. вело к дальнейшему разрушению феодальных сословий и к замене их бессословными классами буржуазного общества. Хотя большинство дворян продолжало удерживать свое привилегированное положение и сохранило свои владения, значительная часть из них быстро разорилась. Абсолютное большинство крестьян, мещан и т. д. превратилось в бедняков и работало либо в промышленности в качестве рабочих, либо в качестве личной и домовой прислуги. Только незначительная часть жителей столицы указанных сословий превратилась в купцов, заводчиков и фабрикантов.

¹ Всего в городе насчитывалось 28 527 почетных граждан и купцов, из них членов семей 16 087 человек.

² С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 3. СПб., 1875. Приведенные сведения получены на основе обобщения материалов указанного издания в целом.

Формирование промышленного пролетариата было важнейшим явлением в исторической жизни России второй половины XIX в. Это был новый общественный класс, возникший и сложившийся после реформы 1861 г. Он рос численно, развивался, сплачивался, накапливал революционный опыт по мере развития и утверждения капиталистического способа производства и роста капиталистической эксплуатации. В его лице широкие массы трудящихся России приобретали надежного руководителя, способного привести и действительно приведшего их к победе над всеми и всяческими эксплуататорами. Передовым отрядом русского пролетариата являлся, естественно, пролетариат столицы Российской империи — Петербурга, превратившегося в XIX в. в крупнейший центр капиталистической промышленности.

Ни одна группа населения города во второй половине XIX в. так не выросла количественно, как группа рабочих. В начале 60-х годов, по далеко не точным данным, в обрабатывающей промышленности насчитывалось в городе (без пригородных участков) 21 443 рабочих (без членов семей), или 4% жителей.¹ К 1900 г. удельный вес пролетариата среди населения значительно повысился. Из 1 439 613 жителей, проживавших в городе и пригородах, в обрабатывающей промышленности было занято 325 тыс. человек, или 22,6% населения, а если учесть рабочих на транспорте и в торговле, то количество их в 1900 г. было более 442 тыс. человек, или 30,8% населения столицы.² Только на одном Путиловском заводе количество рабочих с 1856 по 1900 г. увеличилось в 25 раз. В 1857 г. на нем было занято от 400 до 650 рабочих, в 60-х годах от 900 до 1800 рабочих. В 80-е годы происходил дальнейший рост количества рабочих на заводе: в 1885 г. их насчитывалось 1933 человека, а в 1890 г. — 3250 человек. В последнее десятилетие XIX в. Путиловский завод превратился в завод-гигант, на котором было занято свыше 13 тыс. человек.³ За Нарвской заставой во второй половине XIX в. не только расширялись старые предприятия, но и с поразительной быстротой росли новые. На пустырях, выгонах и огородах появилось несколько десятков фабрик и заводов. В деревне Волынка задымили трубы судостроительного завода Пульмана, Екатеригофской мануфактуры, нескольких заводов Григорьева и Козлова, костеобжигательного завода и завода Батиньоль. На этих предприятиях было занято свыше 2 тыс. человек. В районе Болдыревского переулка выросли корпуса Триумфальной бумагопрядильни, фабрики искусственной шерсти Шукца, кожевенного завода Гюбнера, мыловаренного завода Архипова. В окрестностях Тенто-

¹ Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1863 г., ч. II, стр. 112—113, Приложение, табл. Д.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 2, СПб., 1903, стр. 2—31.

³ К столетию Путиловского завода, 1801—1901 гг. СПб., 1902, стр. 29.

левокой улицы были построены химический, цинковый, бронзоволитейный, стеариновый, чугунолитейный, железоделательный и другие заводы; на них работало несколько тысяч человек.

За Московской заставой к 900-м годам действовали механический завод Коппеля с 300 рабочими, болторезный и котельный бельгийские, два чугунолитейных, два механических, волосной, химический, мыловаренный, салотопный, два кожевенных, несколько кирпичных и другие заводы. Распирение старых и строительство новых заводов и фабрик за Нарвской и Московской заставами во второй половине XIX в. привлекли в эти районы десятки тысяч новых рабочих.

С ростом рабочих и членов их семейств удельный вес пролетарского населения в общей массе жителей города повышался.

Так, в 1881 г. в Петербурге и пригородных участках проживало 928 016 человек, из них рабочих и членов их семейств 35,5%, т. е. более одной трети. По переписи 1900 г. рабочих и членов их семейств было учтено 630 952 человека, или 43,8% всего населения столицы. Таким образом, рабочие были не только самой многочисленной, но и наиболее быстро растущей частью населения города. Если в 1881 г. рабочих в промышленности, на транспорте и в торговле насчитывалось 258 166 человек, то к 1900 г., как указывалось выше, 442 353 человека, за 19 лет количество их почти удвоилось.

Главная масса рабочих была занята в обрабатывающей промышленности. Если в начале 60-х годов XIX в. в промышленности города было занято свыше 20 тыс., а вместе с пригородами до 40 тыс. человек, то по переписи 1869 г. только в городе, без пригородных участков, насчитывалось 95 069 рабочих, занятых в крупной, средней и мелкой промышленности. Дальнейший рост рабочего класса столицы можно проследить по данным городских переписей за 1869, 1881, 1890, 1900 гг.

1869 г.	95069 ¹ рабочих	100%
1881 г.	156726 ² „	165
1890 г.	149727 ³ „	158
1900 г.	250118 ⁴ „	274

За последние три десятилетия количество рабочих в городе выросло почти в три раза.

Наиболее интенсивный рост пролетариата происходил в 70-е и 90-е годы XIX в. За 70-е годы армия рабочих выросла с 95 тыс. до 156,7 тыс. человек.

¹ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 3, стр. 90—130.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г., т. I, ч. II, СПб., 1884.

³ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., ч. I, Население, вып. 2, СПб., 1891, стр. 2—19.

⁴ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 2, стр. 2—21. В приведенных статистических данных за 1869, 1881, 1890 и 1900 гг. учтены рабочие всех предприятий обрабатывающей промышленности независимо от размера производства (крупное, мелкое или среднее).

В 80-е годы в связи с промышленным кризисом количество рабочих сократилось на 7 тыс. человек. В 90-е годы численность пролетариата столицы без учета пригородных участков выросла на 110 тыс. человек.

Приведенные данные о пролетариате столицы, однако, недостаточно точны, поскольку здесь не учтены рабочие пригородных участков. Исчерпывающие сведения о составе рабочих города и пригородных участков дают переписи 1881 и 1900 гг. По переписи 1881 г. было учтено в городе и пригородных участках 258,1 тыс. человек, из них в обрабатывающей промышленности было занято 180 352 человека, или 70%, а остальные 30% — на транспорте и в торговле. За последующие 19 лет конца XIX в. количество рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности независимо от размера производства, увеличилось на 80% и достигло 325 тыс. человек, в то время как на транспорте и в торговле произошел рост только на 50%, с 77 814 до 117 197 человек.

Особенно быстро росла группа рабочих-металлистов. Если в 1862 г. они составляли более 5 тыс. человек, а вместе с пригородными участками свыше 10 тыс., то в 1881 г. количество рабочих, занятых в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, достигло 31,4 тыс. человек, а в 1900 г. их уже насчитывалось 79,9 тыс., или 24,5% всех рабочих, занятых в промышленности.

Значительно возросло также количество рабочих, занятых в текстильной промышленности, хотя удельный вес их в связи с быстрым развитием металлургической и других отраслей промышленности неуклонно снижался. В 1862 г. текстильщики было около 7 тыс. человек. В 1881 г. количество их по сравнению с 1862 г. значительно увеличилось и достигло 18 030 человек, что составляло 10% общего количества рабочих. К 1900 г. удельный вес текстильщиков снизился до 9,1%, но абсолютно эта группа рабочих продолжала расти. К началу XX в. их было 29,7 тыс. человек.

Наиболее многочисленной группой рабочих во второй половине XIX в. были металлисты, составлявшие по переписи 1881 г. 17,5% рабочих обрабатывающей промышленности. На втором месте стояли обувщики и швейники — 16%. За ними следовали строители — 10,3%. Текстильщики с первого места, которое они занимали в 50-х годах XIX в., были оттеснены на четвертое место. Они составляли одну десятую часть общего количества рабочих. Значительная часть — 8,8% пролетариата — была занята в пищевой промышленности. Далее шли деревообделочники, полиграфисты и др.

За последние два десятилетия XIX в. происходит дальнейшее перераспределение рабочих по отраслям производства. Особенно быстро росла группа металлистов. С 1881 по 1900 г. она увеличилась более чем в 3 раза. За тот же период времени более чем в два раза выросло количество рабочих полиграфической, химической, промышленности по обработке жиров, масла и смолы.

Пролетариат столицы, как уже неоднократно указывалось ранее, пополнялся главным образом за счет быстро разорявшегося после реформы крестьянского

населения, в первую очередь — за счет крестьянства северо-западных губерний. Об этом убедительно свидетельствуют данные о составе рабочих по месту рождения, занятых в 1900—1902 гг. в петербургской хлопчатобумажной промышленности.¹

Губернии	Число рабочих	
	в абсолютных цифрах	в % к итогу
Тверская	2932	26,0
Псковская	1451	12,8
Петербургская	1338	11,8
Смоленская	1080	9,5
Витебская	979	8,7
Новгородская	655	5,8
Рязанская	548	4,9
Московская	436	3,8
Калужская	356	3,1
Ярославская	335	3,0
Тульская	258	2,3
Прочие губернии	938	8,3
Всего	11 295	100

Данная таблица показывает, что в одной из старейших отраслей промышленности столицы уроженцев Петербургской губ. насчитывалось только 11,8%, остальные рабочие пришли из других губерний, главным образом из губерний Северо-Западного края. Уроженцы северо-западных губерний составляли три четверти рабочих текстильной промышленности, около одной пятой их прибыло в столицу из центрального промышленного района, и только 8% падает на все остальные губернии. В других отраслях промышленности, получивших свое развитие в 70—90-х годах XIX в., подавляющее большинство пролетариев также рекрутировалось из деревни.

Этот вывод достаточно убедительно подтверждают и другие статистические данные. Одним из таких показателей являются сведения об условиях жизни женатых рабочих. По подсчетам Бернштейн-Когана,² в 1897 г. в Петербурге количество женатых рабочих, проживающих со своими семьями, колебалось по разным отраслям производства от 0,4 до 38,2%. Наиболее высокий процент женатых, живших с семьями, был среди рабочих-полиграфистов. Наиболее низ-

¹ А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, стр. 331.

² С. Бернштейн-Коган. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910, стр. 54.

кий процент женатых рабочих, проживавших с семьями, был в извозном промысле — 0,4%. В промышленности по обработке питательных продуктов 96% всех женатых рабочих жили вне семьи, а в винокуренной и пивоваренной — 93,8%. Отсюда следует, что у многих рабочих семьи находились за пределами Петербурга, на их родине.

С другой стороны, приведенные данные показывают, что около 40% всех женатых рабочих полиграфической промышленности и 30% металлистов со своими семьями окончательно обосновались в городе, дополнив армию потомственных пролетариев.

Один из современников, характеризует Петербург конца 50-х годов, еще имел определенные основания заявлять, что в нем «почти вовсе нет постоянного фабричного населения. Большинство петербургских фабричных является сюда на заработки из деревень».¹ В 70-х годах картина была уже другая. Сами столичные фабриканты сообщали в 1874 г., что в Петербурге «имеются рабочие, живущие десятки лет при фабриках; они выписали с родины жен и семьи и тяготеют к селам только тем, что числятся членами сельских обществ и платят лежащие на них, по раскладке общества, повинности; кроме того, оказывается, что при наших петербургских фабриках выросло и пошло по дороге отцов не одно поколение фабричных рабочих».²

Несомненно, что в последние десятилетия XIX в., особенно в 90-х годах, пополнение кадров постоянных рабочих столицы, окончательно оторвавшихся от деревни, происходило еще более интенсивно, нежели в 60—70-х годах.

Этот вывод подтверждают обследования санитарных врачей. Так, врач Никольский в начале 90-х годов в своем отчете пишет, что «за последнее время чаще приходится наблюдать, что рабочие, особенно семейные, навсегда почти остаются на фабрике. На некоторых фабриках есть немало семейств рабочих, которые на ней родились, выросли и сделались рабочими, сделались настоящим фабричным населением».³

В. И. Ленин пишет, что «именно крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отдаляя его окончательно от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни».⁴

Переселение рабочих со своими семьями из деревни в город и превращение их в потомственных пролетариев неизбежно вело к более быстрому росту среди рабочих самостоятельного населения — иждивенцев. Если в 1881 г. один иждив-

¹ Н. В о с к о б о й н и к о в. Несколько вопросов о положении рабочих, преимущественно на петербургских фабриках. Библиотека для чтения, 1862, № 5, стр. 94.

² Труды Комиссии по вопросу о работе малолетних. Приложение к Трудам Комиссии по техническому образованию. СПб., 1874, стр. 15.

³ Д. П. Н и к о л ь с к и й, ук. соч., стр. 1141.

⁴ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 3, стр. 475.

вевод приходился на трех самостоятельных рабочих, то к 1900 г. — уже только на двух.

Быстрый количественный рост женщин и детей увеличивал предложение на рынке труда более дешевой рабочей силы. Этим не замедлили воспользоваться фабриканты и заводчики, пытаясь в ряде отраслей производства заменить мужской труд более дешевым трудом женщин и детей. В результате этого происходил абсолютный рост количества рабочих-женщин. Если в 1881 г. женщин, занятых в производстве, насчитывалось 49,6 тыс., то в 1900 г. их было 73,7 тыс. человек.

Женщина-работница находила применение своего труда не во всех отраслях промышленности в одинаковой мере. Женщины были заняты главным образом в обрабатывающей промышленности, и крайне незначительное число их насчитывалось на транспорте и в торговле. Так, в 1881 г. из 49,6 тыс. женщин в промышленности работало 45,5 тыс., т. е. 92%, а в 1900 г. — 89%, остальные были заняты в торговле и на транспорте.

В 1881 г. в таких отраслях, как «содержание тела и одежды в чистоте», женщины составляли 84,5% всех рабочих, в производстве обуви и одежды — 47,5%, в текстильной промышленности — 40%, в пищевой — 31,6%, в кожевенной — 20,6%, на предприятиях по обработке жиров, масел, смолы — 16,0%. Совершенно иную картину применения женского труда наблюдаем в тяжелой промышленности. На заводах по обработке металла женщины насчитывалось только 0,2%, на машиностроительных заводах — 0,8%, в химической промышленности — 6,6%. Среди строительных рабочих женщины составляли 0,7%, среди деревообделочников — 1,6%, в полиграфической промышленности — 3,4%.

Во второй половине XIX в. почти во всех отраслях промышленности доля женского труда увеличилась. Так, в табачной промышленности в 1869 г. процент

Рабочий-грувчик. Фотография. 80-е годы XIX в.

женщины среди рабочих был 56,2%, а в 1900 г. — уже 85,6%. В резиновом производстве с 1881 по 1906 г. количество женщин-работниц по отношению к общей массе работающих увеличилось почти в два раза, с 46,1 до 85,6%, а производство белья и дамского платья почти безраздельно находилось в руках женщин. Рос удельный вес женского труда и в других отраслях промышленности, как, например, в бумагопрядильном и бумаготкацком, картонажном, позументном производствах и т. д. В картонажном производстве за последние 30 лет XIX в. количество рабочих увеличилось в 4 раза, а женщин-работниц — почти в 11 раз; в басонном и позументном производствах общий рост числа рабочих за тот же период времени составил 203,6%, а число женщин возросло почти в 11 раз. Количество сапожников и башмачников с 1869 по 1900 г. увеличилось на 172,5%, число женщин — примерно в три раза. Совершенно новым явлением было применение женского труда в металлообрабатывающей промышленности. До 1869 г. в производстве по обработке металла женский труд не применялся, а в 70—90-х годах и в этой отрасли, как и в некоторых других, появились женщины-работницы. За указанное время произошло лишь относительное сокращение количества женщин среди строительных рабочих, деревообделочников, в банно-прачечных и красильных предприятиях. Во всех остальных отраслях промышленности количество женщин-работниц увеличилось.

Расширение сферы применения женского труда в промышленности и повышение удельного веса женщин-работниц в отдельных отраслях хозяйства неизбежно вело к увеличению состава рабочего населения столицы и к расширению рынка рабочей силы.

Рассмотрим, что представлял собой пролетариат Петербурга по возрасту.

По данным переписи 1900 г., состав рабочих Петербурга в 1900 г. по полу и возрасту был следующий:

Возрастные группы	Мужчины		Женщины		Обоего пола	
	в абсолютных цифрах	в %	в абсолютных цифрах	в %	в абсолютных цифрах	в %
Моложе 16 лет	32512	8,8	7133	9,7	39645	9,0
16—20 лет	78315	21,2	15624	21,2	93939	21,2
21—40 „	203038	55,3	38446	52,2	241484	54,6
41—60 „	53862	13,7	11403	15,4	62265	14,1
Свыше 60 лет	3426	0,9	1036	1,4	4462	1,0
Неизвестно	476	0,1	82	0,1	558	0,1
Итого	368629	100	73724	100	442353	100

Из приведенной таблицы видно, что более трех четвертей рабочих обоего пола составляли лица в возрасте от 16 до 40 лет. Только на возраст от 16 до 20 лет при-

ходило 21,2% всех рабочих, т. е. на каждый год — 4,3%, а в возрасте от 20 до 40 лет на каждый год — 2,7%.

Рабочих свыше 40 лет насчитывалось незначительное количество — 15,1%. Этот факт свидетельствует о том, что рабочие, проработав на производстве до 40 лет, утрачивали свои физические силы и капиталисты выбрасывали их на улицу, заменяя более молодыми. Только лишь небольшой группе рабочих старших возрастов высокой квалификации удавалось удержаться на работе. В то время как удельный вес рабочих старших возрастов, занятых в обрабатывающей промышленности, сокращался, количество несовершеннолетних, в особенности подростков-девушек, увеличивалось. Если лица мужского пола до 16 лет составляли 8,8% всех рабочих мужчин, то подростки женского пола составляли 9,7% по отношению ко всем работницам.

Женщины-работницы старших возрастов относительно преобладали над мужчинами-рабочими в промышленности по обработке волокнистых веществ, животных продуктов, минеральных веществ, в винокуренной и пивоваренной, а также в банно-прачечных заведениях и в торговле, что подтверждают данные нижеприведенной таблицы, характеризующей распределение рабочих по полу, возрасту и отраслям производства (исчислено по переписи 1897 г.,¹ в %; см. таблицу на стр. 190).

В вышеуказанных отраслях хозяйства женщины старших возрастов являлись высококвалифицированными специалистами, которых трудно было заменить работницами более молодых возрастов, использовавшимися в основном на низкооплачиваемых подсобных работах.

С другой стороны, данные приведенной таблицы свидетельствуют, что нигде так широко не применялся труд подростков мужского пола, как в области торговли, где мальчики до 15 лет составляли 20% всех рабочих мужчин, занятых в торговле. Наибольшее количество подростков-девочек до 15 лет насчитывалось в производстве одежды. На их долю приходилось 27,1% всех работниц. В других отраслях производства, как, например, в промышленности по обработке дерева, дети и подростки составляли около 10% всех рабочих, а в полиграфической промышленности, на предприятиях по обработке животных продуктов и по «содержанию в чистоте одежды и тела» — одну тринадцатую часть рабочих мужского пола.

Не располагая исчерпывающими статистическими сведениями для того, чтобы проследить общую тенденцию применения детского труда в петербургской промышленности, ограничимся выборочными данными переписей 1869 и 1900 гг., которые все же дают возможность приблизительно проследить характер изменений в данной области за последние три десятилетия XIX в.

В 1900 г. количество подростков и детей, занятых в некоторых отраслях производства, как, например, в табачной, бумагопрядильной, ткацкой, ситцепечат-

¹ С. Берштейн-Коган, ук. соч., стр. 43.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Род занятий	Моложе 15 лет		15—19 лет		20—39 лет		40—59 лет		60 и более	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Обработка волокнистых веществ	1,6	2,7	19,9	18,7	60,9	61,4	16,5	15,8	0,9	1,2
Обработка животных продуктов	7,4	5,3	20,4	20,1	60,3	54,0	11,1	18,6	0,7	2,0
Обработка дерева	9,4	0,9	29,2	9,0	47,3	58,1	13,0	28,1	0,8	3,6
Обработка металла	2,2	0,9	17,0	10,2	63,3	72,1	16,3	15,5	1,0	1,0
Обработка минеральных веществ	2,4	1,2	16,4	20,7	66,9	45,1	13,2	29,2	0,9	3,6
Химическое производство	1,2	1,3	11,5	14,9	69,3	67,6	16,5	15,6	1,2	0,9
Винокурение и пивоизготовление	0,1	0,4	28,0	10,0	64,1	61,4	7,4	25,7	0,2	2,3
Обработка питательных продуктов	5,9	2,5	22,2	19,8	56,0	63,5	14,9	13,3	0,7	0,7
Табак и изделия из него	4,2	0,8	14,1	10,6	57,4	66,8	22,1	20,0	2,0	1,5
Полиграфическое производство	7,2	8,7	27,0	29,8	55,0	52,7	9,8	7,9	0,7	0,7
Изготовление одежды	18,9	27,1	31,4	42,0	42,1	26,3	6,9	3,9	0,6	0,6
Ремонтные и строительные рабочие	6,5	—	27,0	—	51,6	—	13,8	—	0,8	—
Извозный промысел	0,1	—	7,0	—	71,7	—	20,9	88,8	0,7	11,1
Торговля	20,1	5,4	38,3	14,5	35,5	57,8	7,3	18,4	0,5	3,6
Трактиры, гостиницы, меблированные дома	3,4	0,8	28,1	11,6	57,1	66,9	10,2	19,8	0,8	0,6
Торговля питейная	12,4	0,0	48,4	0,0	35,5	81,8	3,3	18,1	0,2	0,0
Заведения косметические, чистота одежды и тела	7,8	2,2	20,5	7,1	58,7	46,8	12,2	37,7	0,5	5,8

ной, красивой, в промышленности по обработке металла, а также в пекарнях и булочных, сократилось. Детский труд из вышеуказанных отраслей производства вытеснялся женским. Так, в табачной промышленности количество рабочих-подростков к 1900 г. по сравнению с 1869 г. уменьшилось с 408 до 270 человек (на 32,5%), снизилось и количество взрослых рабочих-мужчин с 1624 до 1019 человек (на 37%), в то время как общее количество рабочих, занятых в данной отрасли производства, увеличилось почти в два раза — с 3713 до 7095 человек. Женский труд оказался для табачных фабрикантов более выгодным, чем детский, и более дешевым, чем труд мужчин. Такое же явление наблюдалось в бумагопрядильной и ткацкой промышленности. В этих отраслях хозяйства количество рабочих обоего пола за 30 лет выросло в 2 раза, количество же работниц увеличилось почти в 4 раза, на 272,5%.

Сокращение числа детей и подростков, занятых в промышленности, было обусловлено промышленным кризисом 80-х годов и введением в 1882 г. закона о труде малолетних. Фабриканты в годы кризиса женщинам и мужчинам давали

почти ту же заработную плату, что и детям.¹ Кроме того, количество малолетних рабочих искусственно преуменьшалось путем широко распространенной среди капиталистов практики приписывания лет детям и подросткам.

Несмотря на снижение количества малолетних рабочих по промышленности в целом, в отдельных отраслях их число не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Примером может явиться полиграфическая промышленность, где количество детей-рабочих с 1869 по 1900 г. увеличилось в 4,5 раза, а общее количество рабочих в 3,5 раза. Аналогичное явление наблюдалось в производствах кузнецном, женского и мужского платья, головных уборов.

Следовательно, в отдельных отраслях производства, главным образом в легкой промышленности, как, например, хлопчатобумажной, табачной, резиновой, производствах мужского и дамского платья, шляпном и других, труд мужчин вытеснялся трудом женщин и детей.

Большое распространение женского и детского труда на петербургских фабриках, особенно на бумагопрядильных, отмечалось современниками уже в конце 50-х годов. На некоторых фабриках семилетние дети работали тогда «столько же часов, сколько и взрослые», а также наравне со взрослыми работали в ночное время, в наиболее вредных для здоровья цехах и т. д.²

«Усиленный труд малолетних ведет за собой такое изнурение, что через несколько лет, иногда еще в зрелом возрасте, рабочий не имеет сил работать как бы следовало или становится просто неспособным к работе».³ Говоря о вовлечении в производство женщин и подростков, В. И. Ленин отмечал, что «капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение» и что «по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр.»⁴

Между тем никаких законов, хотя бы формально ограничивающих безудержный произвол фабрикантов и жестокую эксплуатацию ими рабочих, в России до 80-х годов XIX в. не существовало. Только в 80-х годах самодержавное правительство, напуганное нарастающим революционным движением пролетариата, в ряду с репрессиями вынуждено было вступить на путь рабочего законодательства.

Однако законы 80-х годов не внесли каких-либо принципиальных изменений в положение рабочего класса, капиталисты обходили законодательство, а царские чиновники прикрывали произвол фабрикантов и заводчиков.

Материальное положение петербургского пролетариата попрежнему оставалось чрезвычайно тяжелым. Это вынуждены были признать даже царские жандармы.

¹ О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб., 1886, стр. 77.

² Н. Воскобойников, ук. соч., стр. 98—99.

³ Там же, стр. 102.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 480.

дармы. Один из них сообщал, что «в большинстве хозяин старается заплатить рабочему как можно менее и ни о чем больше не заботится».¹

Хотя заработная плата рабочих столицы и была выше, чем в других районах страны, все же она не обеспечивала сколько-нибудь удовлетворительного прожиточного минимума.

В семидесятые годы квалифицированные рабочие металлообрабатывающей промышленности Петербурга по данным петербургского земства, получали от 25 до 35 руб. в месяц, т. е. 300—420 руб. в год. Отдельным рабочим иногда удавалось заработать до 2 руб. в день. На данном уровне номинальная заработная плата металлистов удерживалась до начала 90-х годов. За годы промышленного подъема заработок рабочих-металлистов средней квалификации увеличился на 12% — с 1 р. 28 к. до 1 р. 50 к. в день, чернорабочих — с 64 до 72 коп. и рабочих высокой квалификации — с 1 р. 65 к. до 2 р. 08 к. К концу 90-х годов среднегодовая заработная плата металлистов достигла 407 р. 50 к. и была значительно выше заработной платы рабочих столицы, занятых в других отраслях промышленности. Наиболее низкий заработок (148 р. 27 к. в год) имели рабочие льняной, пеньковой и джутовой промышленности.

Такой разрыв в оплате металлистов и текстильщиков в значительной мере был связан с применением более дешевого женского и детского труда на предприятиях текстильной промышленности Петербурга.

Значительная часть рабочих получала заработную плату ниже средней. Так, по данным выборочного обследования врача Покровской, на Выборгской стороне, где по преимуществу жили металлисты, большая группа рабочих зарабатывала в месяц от 8 до 25 руб., т. е. от 96 до 300 руб. в год. Таких рабочих насчитывалось 44%. К этой группе относились молотобойцы с заработком от 16 р. 70 к. до 22 руб., ночегары от 22 до 25 руб., чернорабочие мужчины от 16 р. 40 к. до 25 руб., ученики от 8 р. 75 к. до 13 руб. в месяц. И только лишь 3,8% рабочих зарабатывало от 50 до 80 руб. в месяц. Это были главным образом механики и монтеры. Остальная часть рабочих имела ежемесячный заработок от 25 до 50 руб.² Так, слесарь зарабатывал от 29 до 48 руб., токарь — от 28 руб. до 48 р. 50 к., разметчик — 29 руб., шпательщик — от 25 до 50 руб., кузнец — от 29 до 48 руб., медник — от 29 до 50 руб., литейщик — от 36 до 60 руб., столяр — от 30 до 45 руб., клепающий и чеканщик — от 25 р. 50 к. до 32 руб., сверлильщик и строгальщик — от 24 р. 30 к. до 43 р. 50 к. в месяц.³ Рабочих указанных профессий металлообрабатывающей промышленности насчитывалось свыше 50%.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов, под ред. А. М. Павловой, т. II, ч. II. Госполитиздат, М., 1951, стр. 636.

² М. И. Покровская. Петербургские рабочие и их экономическое положение. Вестник Европы, 1899, № 3, стр. 324.

³ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих. СПб., 1896, стр. 170—171.

Р. Григорьев, исследуя экономическое положение рабочих Невского железодельного, кораблестроительного и паровозного завода за 1878—1881 гг., пришел к выводу, что $\frac{3}{4}$ рабочих средним числом зарабатывают от 60 до 80 коп. в день.¹ Еще меньше рабочие получали на руки, так как значительная часть заработной платы удерживалась в виде штрафов, вычетов за взятую в фабричной лавке провизию и т. д. Эти удержания составляли в среднем в 1878 г. 19,75%, в 1879 г. — 23%, в 1880 г. — 31%, в 1881 г. — 37,34%.² Свыше 6% рабочих вообще на руки ничего не получали, 30,8% получали на руки менее 10 руб., около 15% получали на руки от 10 до 15 руб.³

Таким образом, свыше половины рабочих получали на руки до 15 руб. в месяц, т. е. такое содержание, которое не обеспечивало прокормления не только семьи, но сплошь и рядом даже одного рабочего. При дороговизне продуктов питания и квартир в столице подавляющее число металлистов оказывались материально необеспеченными.

Заработная плата рабочих-металлистов Петербурга не имела существенных отклонений от заработка рабочих южного промышленного района. В Харьковской губ. слесарь зарабатывал 20—50 руб., модельщик 24—45 руб., токарь 26—60 руб., сверильщик 19—55 руб., чугунолитейщик 25—80 руб., кузнец 24—65 руб., ученик 3—10 руб. в месяц.⁴

Несколько ниже была заработная плата металлистов центрального промышленного района. Так, в Московской губ. слесарь зарабатывал от 26 руб. до 38 р.

Малар. Гравюра на дереве с рисунка В. М. Васнецова. 1876 г.

¹ Р. Григорьев. Статистическое исследование экономического положения рабочих на С.-Петербургских заводах. Вольное слово, 1882, № 40, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих, стр. 215.

20 к., токарь от 31 р. 20 к. до 41 р. 50 к., кузнец от 24 до 38 руб., литейщик от 30 до 33 руб. в месяц.¹

Еще хуже обстояло с оплатой труда рабочих-текстильщиков. Если в 70-е годы XIX в. рабочие текстильной промышленности зарабатывали от 17 до 20 руб.,² то к 90-м годам XIX в. существенных изменений не произошло. Средний заработок ткача составлял 18—20 руб. в месяц. Обычно ткачи работали на двух станках и только на фабрике Пала на трех станках. Наиболее высокооплачиваемыми в ткацком производстве были плихтовальщики и подмастерья. Зарботок первых колебался от 24 до 32 руб., вторых — от 25 до 40 руб. в месяц.

На четырех специализированных бумаготканых фабриках заработок ткача колебался от 12 до 25 руб., и только на фабрике «Гук и К^о» ткач зарабатывал от 25 до 35 руб., а плихтовальщик от 25 до 35 руб. в месяц.

Выше, чем у ткачей, был заработок у рабочих-прядильщиков. Средний уровень его колебался от 35 до 40 руб. в месяц. Но не на всех фабриках он был одинаков. Так, на Метрофаньевской и Ново-Самсоновской мануфактурах он снижался до 25—30 руб., а на Старо-Самсоновской составлял до 43 руб. Подмастерья зарабатывали от 20 до 40 руб. в месяц. Рабочие других специальностей на бумагопрядильных оплачивались ниже. Наиболее низкая заработная плата была у трепальщиков и сортировщиков: от 10 до 17 руб. На Спасской мануфактуре женщины-трепальщицы получали 10 руб., а мужчины 14 руб. На Петровской мануфактуре сортировщики получали: женщина 12, а мужчина 15 руб. в месяц; банкоброшницы от 12 до 18 руб., ватерщицы от 14 до 22 руб., чернорабочие от 15 до 20 руб. На специализированных бумагопрядильных заработок прядильщицы колебался от 24 (Триумфальная мануфактура, мануфактура Воронина) до 55 руб. («Невка», мануфактура Половцева и К^о).³

Зарботная плата рабочих-текстильщиков центрального промышленного района была ниже заработка рабочих той же профессии Петербурга. В Московской губ. прядильщик зарабатывал от 17 р. 50 к. (фабрика братьев Крестовниковых) до 24 р. 72 к. (фабрика Товарищества Раменской мануфактуры). В среднем прядильщик Московской губ. получал 20 р. 70 к., сортировщица 12 р. 40 к., трепальщик 12 р. 10 к., ставельщица 7 р. 80 к., ткач 14 р. 60 к., ткачиха 13 р. 90 к., плихтовальщица 19 р. 90 к., мотальщица 10 р. 50 к. Во Владимирской губ. зарплата была еще более низкой. Прядильщик получал от 12 руб. (Тезинская мануфактура) до 24 р. 48 к. (мануфактура Саввы Морозова), ткач от 6 р. 08 к. до 18 р. 56 к. (Собинская мануфактура), мотальщица от 4 руб. до 12 р. 72 к.⁴

¹ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих, стр. 103.

² Г. В. П л е х а н о в, Сочинения, т. I, стр. 37.

³ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих, стр. 218—219.

⁴ Там же.

Известны многочисленные факты совершенно ничтожной заработной платы рабочих. Например, на шелкоткацких фабриках Московской губ. для некоторых категорий рабочих в 70-х годах существовала плата 2 руб. — 2 р. 50 к. в месяц, на бумаготкацких фабриках той же губернии встречалась оплата 20, 12 и даже 10 руб. в год, ¹ т. е. менее 1 руб. в месяц. На табачной фабрике набойщики и резчики, для того чтобы заработать 5 руб. в неделю, должны были трудиться с 7 час. утра до 7—9 час. вечера; работницы на укладке папирос в десятки за 1000 штук получали 2 коп., в коробки по 25 шт. — 1 $\frac{1}{2}$ коп. Средний заработок папиросницы составлял 13 руб. в месяц. Самый высокий заработок женщины в Петербурге в середине 90-х годов был 18—25 руб. в месяц. Но таких «счастливиц» насчитывалось всего 23%. По всем отраслям промышленности средний заработок петербургской работницы составлял 14 руб. в месяц, ² т. е. оставался почти на уровне 70-х годов.

Но и эту, крайне незначительную заработную плату, не обеспечивающую рабочей семье прожиточного минимума, капиталисты всеми способами стремились снизить, преследуя одну цель — увеличить свои прибыли за счет рабочего класса. Они широко применяли штрафы, выплачивали часть заработка натурой, производили различные вычеты и использовали другие, самые разнообразные средства снижения реальной зарплаты рабочих. Так, в 70-х годах XIX в. на Новой бумагопрядильной фабрике из мизерной зарплаты рабочих (за пуд пряжи рабочий получал от 42 до 59 коп., за вытканый кусок миткаля в зависимости от ширины — от 40 до 66 коп.) высчитывали за поломку щетки 25 коп., иголки — 25 коп., вилки — 15 коп., за неявку на работу в течение одного дня высчитывали заработок двух дней. Штрафы взимались за дурное поведение, оскорбление служащих администрации и т. д. За воющую, не всегда кипяченую воду из Обводного канала брали по 1 коп. в день. ³ Аналогичные порядки существовали и на бумагопрядильной фабрике Кенига. «Если при расчете... рабочий позволит себе спросить, на каком основании сделан тот или другой вычет из следуемых ему денег, его штрафуют снова. Если хозяин не приезжал ко дню расчета и рабочие осведомлялись, когда же они получат „жалование“, они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечеткую машину, за местоимение „ты“, употребляемое в разговоре с мастером, и т. д., и т. д.» ⁴ Так было не только на фабриках Новой бумагопрядильной и Кенига, но и на других промышленных предприятиях столицы.

В одной из прокламаций, выпущенных в марте 1878 г. обществом «Земля и воля» в Петербурге, говорится: «Когда вы поступаете к хозяевам, они мало того, что выдумывают безобразные штрафы, мало того, что вычитают за каждую поломку

¹ П. А б р а м о в. Образование и обеспечение быта рабочих в России. Вестник Европы, 1879, № 1, стр. 323.

² М. И. П о к р о в с к а я. Петербургская работница. Мир божий, декабрь 1900 г., стр. 87.

³ Г. В. П л е х а н о в, Сочинения, т. III, стр. 424—426.

⁴ Там же, т. I, стр. 37—38.

в станке, они что дальше, то все меньше да меньше норовят платить и постоянно уменьшают заработную плату. „Пусти душу в ад — будешь богаты“». ¹

Даже в 1900 г. в отдельных отраслях промышленности выплата зарплаты в значительной мере производилась натурой. Так, рабочие шелковой промышленности почти одну десятую часть зарплаты получали натурой, 8,2% зарплаты выплачивалось натурой рабочим на предприятиях по обработке минеральных веществ, а в производстве питательных продуктов — 3,9%. Оплата части заработка рабочих недоброкачественными продуктами и по повышенным ценам вела к снижению и без того низкой реальной заработной платы. Некоторые капиталисты применяли систему наградных. Так, владелец механического завода Яковлев установил, что если за рабочим нет «провинности», то он получает сверх заработной платы наградные, но за любую провинность, например за «дерзость», эти наградные удерживаются. Это была одна из форм снижения оплаты, так как средние ее размеры определялись с учетом наградных.

Из своего скудного заработка рабочий должен был отдать за квартиру более 20%, а на остальную сумму необходимо было прокормиться, обути и одеться. Поскольку у рабочих легкой промышленности с 70-х годов XIX в. заработная плата оставалась почти стабильной, а цены на продукты первой необходимости росли, то реальная заработная плата не только не повышалась, но падала.

С 1890 по 1900 г. цены на хлебные продукты поднялись до 104%, на масло, сало, сыр и другие животные продукты — до 121,4%, на хлопчатобумажные и шерстяные ткани — до 119,3%, на керосин — до 113% и т. д. Не хватало денег на питание. Голод заставлял рабочих употреблять в пищу различные несъедобные отбросы. Врач, обследовавший в 1871 г. кожевенный завод купца Егорова, расположенный на Васильевском Острове (Кожевенная линия, 33), сообщал: «...отдельная артель рабочих... состоящая из 12 человек, употребляет в пищу обрубки кож, привозимых на завод для выделки. Найденный при осмотре не съеденный еще остаток приготовленного из них кушанья, весом около 2-х фунтов, представляет собой темную изжаренную массу, состоящую из сала, хрящей от ушей, отрезков кож с волосами, с значительной примесью сора и мочал. О степени гнилости и испорченности составных частей этого яства трудно судить, так как оно сильно прожарено. Присутствие сора и мочал объясняется тем, что сырые кожи валяются по земле и грязным полам, без всякой заботливости об опрятности. Употребление в пищу подобных обрешков не может не быть признано вредным для здоровья». ²

¹ Рабочее движение в России, т. II, ч. II, стр. 238.

² П. Н. Столянский. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704—1914 гг. Л., 1925, стр. 120—121.

Так обстояло с питанием рабочих в 70-х годах. Но не лучше питались пролетарии и в 90-е годы XIX в. В большинстве случаев рабочие ели лишь два раза в сутки. Многие рабочие вообще не имели возможности употреблять горячую пищу, питались всухомятку.¹ Работницы различных профессий при опросе рассказывали, что некоторые из них принимали пищу два раза в день, из них горячее один раз — во время обеденного перерыва дома или в дешевой кухмистерской. Но и на это полуголодное питание у них уходило 8 руб. в месяц. Одна из работниц заявляла, что она ест только всухомятку один раз в день, потому что большего не может себе позволить. Весь ее заработок составлял 8 руб., из которых она должна была платить 3 руб. за уголь. Вторая говорила, что она принимала пищу один раз в сутки, но только горячее, ее заработок, 45 коп. в день, не дает возможности расходовать большей суммы на питание.

«Не легко существовать при подобных условиях, — писала работница конфектной фабрики. — Нужен большой запас стойкости, чтобы, борясь с нуждой и работая по 12 часов в сутки, противостоять петербургским соблазнам и не пойти по пути порока, который оплачивается гораздо лучше».² Врач Покровская, которая проводила опрос работниц, вынуждена была сделать вывод, что женщины-работницы мясо видели редко, чаще всего их пищу составляли картофель и суп. При среднем заработке в 14 руб. трудно было ожидать чего-либо другого. Фабричной работнице приходилось владеть полуголодным существованием.³

Экономическое положение рабочих еще больше ухудшалось непосильными условиями труда. Продолжительность рабочего дня почти всецело определялась произволом фабрикантов и заводчиков. В 70-х годах XIX в. в текстильной промышленности рабочий день колебался от 13 $\frac{3}{4}$ до 15 час. Так, на Новой бумагопрядильной фабрике (на Обводном канале) рабочий день был установлен в 13 $\frac{3}{4}$ часа. Работа начиналась в 5 час. утра и продолжалась до 8 час. вечера, с перерывом на обед 1 ч. 15 м.⁴

На бумагопрядильной фабрике Кенига рабочий день продолжался 14 час. Работа, как и на Новой бумагопрядильной, начиналась в 5 час. утра и оканчивалась в 8 час. вечера. Перерыв на обед здесь был сокращен до 1 часа. На других промышленных предприятиях распорядок дня был приблизительно такой же, с той лишь разницей, что после окончания работы владельцы различных предприятий задерживали рабочих на сверхурочные работы на различное время.

В 80—90-х годах продолжительность рабочего дня не изменялась по сравнению с 70-ми годами. Так же как и в 70-х годах, рабочий продолжал работать до

¹ Д. П. Никольский, ук. соч., стр. 1157.

² М. И. Покровская, Петербургская работница, стр. 36.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 425.

15 1/2 час. в сутки. Общая продолжительность рабочего дня в Петербургской губ. при односменной работе представлена в следующей таблице: ¹

	1885 г.		1894—1895 гг.	
	число за- водов, в которых сведе- ния	общая продол- жительность рабочего вре- мени, в часах	число за- водов, в которых сведе- ния	общая продол- жительность рабочего вре- мени, в часах
Хлопчатобумажные мануфактуры	8	13 1/2—15	19	13 1/2—15 1/2
Красильные и ситцепечатные фабрики	1	13 1/2	7	13 1/2—15
Шелкообрабатывающие фабрики	2	13—15	7	14—15
Шерстяные мануфактуры	2	13 1/2—14	7	13—14 1/2
Чугунные, меднолитейные и машиностроитель- ные заводы	10	12 1/2—14	89	11 1/2—13 1/2
Трубопрокатные и проволочные заводы	—	—	2	12 1/2—13 1/2
Табачные фабрики	9	12—14	14	14
Конфетные и шоколадные фабрики	4	12—14	25	13—14
Кожевенные заводы	—	—	22	12 1/2—15
Резиновые мануфактуры	1	13	1	12
Фабрика роулей	1	13	7	12 1/2—13 1/2
Типографии и литографии	3	11—12	56	13—14
Химические заводы	3	12 1/2—14	17	13—14
Мыловаренные заводы	1	13	7	13 1/2—14 1/2
Водочные заводы	4	13—14	16	13 1/2—14 1/2
Фабрики бумаги	5	12—14	5	13—14
Все перечисленные производства	54	11—15	301	11 1/2—15 1/2

В последнее десятилетие XIX в., как показывают данные вышеприведенной таблицы, рабочий день не только не уменьшился, но даже увеличился. Если в 1885 г. продолжительность рабочего дня составляла 11—15 час., то в 1894—1895 гг. 11 1/2—15 1/2 час. Только в некоторых отраслях промышленности — резиновой, чугунолитейной и машиностроительной — время работы было сокращено. Продолжительность работы днем была установлена 11 1/2 час., а ночью 10 1/2 час., с перерывом на обед 1 1/2—2 часа. В результате общая продолжительность рабочего дня достигала 11 1/2—13 1/2 час. В шелкообрабатывающей, шерстяной и бумажной промышленности рабочий день сохранялся на прежнем уровне. В остальных одиннадцати отраслях промышленности рабочий день был удлинен от получаса до двух часов. В некоторых из них, как, например, в хлопчатобумажной, он достиг 15 1/2 часов.

Из 25 фабрик по обработке хлопка 19 работали только днем, на шести применялись ночные работы, из них на четырех работали в две смены. На фабриках,

¹ С. Берштейн-Коган, ук. соч., стр. 130. Таблица приводится с небольшими сокращениями.

Отдых рабочих. Гравюра на дереве с рисунка А. Лебедева. 70-е годы XIX в.

работавших днем, продолжительность рабочего времени была установлена в $12\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$ час., а на одной из них даже 14 час. При этом полагался перерыв на обед от одного до полутора часов. Таким образом, общая продолжительность рабочего дня колебалась от $13\frac{1}{2}$ до $15\frac{1}{2}$ час. На фабриках с двумя сменами работа разбивалась на два периода: мужчины от 11 до 15 час. и с 21 до 5 час. и женщины от 5 до 11 час. и от 15 до 21 часа. Продолжительность рабочей недели на петербургских хлопчатобумажных фабриках колебалась от 74 до 84 час. Таким образом, для рабочих-текстильщиков на отдельных фабриках для личных нужд, сна, отдыха, дороги на фабрику и обратно оставалось только лишь $8\frac{1}{2}$ час. в сутки.

В Московской губ. на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках общая продолжительность рабочего дня достигала $14\frac{1}{2}$ — $15\frac{1}{2}$ час. с обеденным перерывом $1\frac{1}{2}$ —2 часа. Но были в Московской губ. 3 бумаготкацкие фабрики, на которых продолжительность рабочего дня достигала 19 час. при двухчасовом перерыве на обед. Столь продолжительного рабочего дня ни на одной из фабрик Петербурга не было. Ночные работы в Московском промышленном районе применялись более широко: из 225 фабрик 43 работали в две смены.

От фабрикантов хлопчатобумажной промышленности Петербурга не отставали предприниматели и других отраслей. Так, в красильной и ситценабивной, льнопрядильной и джутовой промышленности продолжительность рабочей недели была установлена в 70—75 час., в шелкоткацкой — в 70—78 час., в конфетной и шоколадной — в 70—86 час., на кожевенных заводах — в 66—74 часа, в типо-

графиях и литографиях — в 66—72 часа, в электропромышленности — в 74—78 час., в водочной и химической — в 72—80 час., в мыловаренной — в 72—78 час. Приблизительно такая же продолжительность дня была у металлистов Харьковской и Московской губ. Так, рабочие заводов по обработке металла в Московской губ. работали от 11 до 11½ час., с перерывом на обед, который длился от 1½ до 2 час.

Низкий уровень заработной платы, отвратительное питание большинства рабочих, продолжительный рабочий день — все это дополнялось исключительно тяжелыми условиями труда на фабриках и заводах, на многих из которых отсутствовала элементарная техника безопасности и наблюдалось «повсеместное грубое нарушение основных санитарных требований и обязательных постановлений», как писал санитарный врач Амстердамский в своем отчете.¹ Фабрики и заводы открывались без предварительного осмотра санитарных врачей, а мелкие предприятия даже без разрешения последних. Рабочие текстильной промышленности вынуждены были работать при температуре выше 20°, при отсутствии вытяжной вентиляции и увлажнения чрезвычайно сухого воздуха. На химических, пряпочных заводах рабочие должны были трудиться в помещениях, воздух которых содержал большое количество едких газов.

Не лучше были условия труда и почти во всех других отраслях промышленности. Н. Воскобойников так характеризовал свои впечатления от посещения петербургских фабрик в конце 50-х годов: «Кому случалось бывать на петербургских фабриках, тот, вероятно, помнит, как спешил он выйти из иных мастерских. Духота жаркой и тесной комнаты, едкая пыль, поднимающаяся от хлопка, тесное размещение машин, между которыми трудно и опасно двигаться». ² «Мастерские имеют иногда устройство, заставляющее думать, что хозяева их совершенно забыли о том, что в этих мастерских будут работать люди». ³ Положение дел не изменилось к лучшему и в последующие десятилетия.

Освещение на фабриках и заводах было крайне недостаточным, стекла, загрязненные пылью и копотью, редко промывались и обтирались. Во многих мастерских днем невозможно было работать без освещения. При отсутствии электрического и газового освещения рабочие пользовались лампами-коптилками.

По меткому выражению врача Пескова (проведшего санитарное обследование московских хлопчатобумажных фабрик), «на иных фабриках пощадается не только человеческое право вообще, но даже просто право живого организма дышать воздухом и пользоваться светом». ⁴ На большинстве фабрик не было помещений для принятия пищи, рабочие вынуждены были принимать пищу тут же,

¹ Отчеты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1902 г., стр. 136.

² Библиотека для чтения, 1862, № 6, стр. 42.

³ Там же, № 5, стр. 88.

⁴ А. В. Пог о ж е в. Из жизни фабричного люда в столице. Русская мысль, 1885, № 5, стр. 10.

в мастерских, не имея возможности даже помыть руки из-за отсутствия воды и умывальников.¹ Рабочие не имели возможности разогреть принесенный с собой завтрак. Больше того, они лишены были возможности воспользоваться кншатком, который за Невской заставой имелся только на двух-трех фабриках. На всех остальных предприятиях данного участка для питья употреблялась некипяченая невовская вода.

Фабриканты, конечно, меньше всего заботились об охране труда и здоровья рабочих, так же как и об их просвещении. «Фабрики, — писал в начале 80-х годов видный демократический журналист С. С. Шашков, — не устраивают для рабочих ни школ, ни богаделен, ни больниц. Больные и калеки выбрасываются на улицу. Больницы если где и существуют, то стоят большей частью для показа, без врача, без фельдшера, без лекарств и без больных».² Тот же Шашков приводит следующий факт, свидетельствующий о невыносимо тяжелых условиях труда петербургских рабочих: «На одной из лучших писчебумажных фабрик Петербурга вертикальная труба, по которой бумажная масса проходит через все три этажа, чистится женщинами, которые, раздевшись донага, садятся в мешки и, опускаясь в них по трубе, своими плечами и боками обтирают ее от налиплившей массы. Все их тело покрыто осадками, сырьем, коростами. Самые способы работ во многих случаях угрожают жизни рабочего».³

Попытки санитарных врачей устранить нетерпимые недостатки на фабриках и заводах обычно наталкивались на сопротивление предпринимателей. Последние заявляли, что осуществление хотя бы некоторых элементарных санитарных меро-

Без работы. Рисунок Н. А. Ярошенко. 90-е годы XIX в.
Известный Государственный музей русского искусства.

¹ Д. П. Никольский, ук. соч., стр. 1156—1157.

² С. Шашков. Русские рабочие. Дело, 1881, № 6, стр. 240.

³ Там же, стр. 231.

приятный есть расход непроизводительный, в экономическом отношении обременительный для отечественной промышленности. «При этом, — как указывал врач Амстердамский, — делается ссылка на удивительно малую, якобы, заболеваемость рабочих и их долголетие и т. д.»¹ В таких условиях приходилось работать пролетариям Петербурга во второй половине XIX в.

Исключительно тяжелыми были жилищные условия рабочих. Большинство рабочих жило в фабричных казармах, подвалах и чердаках частновладельческих домов или же ютилось по углам у арендаторов квартир.

Наибольшее количество рабочих и их семей проживало в пригородных участках, главным образом в Петергофском, отличавшихся совершенной неблагоустроенностью. По свидетельству санитарного врача Амстердамского, Петергофский участок был превращен в «вакую-то сплошную помойную яму для столпем. Всякий, кому не лень, везет сюда не только помой, мусор, но даже из клозетных выгребов и невозбранно валит на пустырях и незастроенных еще участках».² Такую же неприглядную картину представлял и второй по количеству рабочего населения пригородный участок — Шлиссельбургский.

В пределах городской черты рабочие, как уже указывалось, жили главным образом в окраинных частях. Относительно приличные квартиры в центральной части города были недоступны для пролетариата, тем более что быстрый рост городского населения во второй половине XIX в. сопровождался непрерывным возрастанием квартирной платы. Например, если в 60-х годах в Спасской части квартиру из двух комнат можно было снять за 9—15 руб. в месяц, то в 90-х годах такая же квартира без дров, без удобств стоила 25—36 руб. в месяц, что равнялось полному месячному заработку квалифицированного рабочего. Та сравнительно небольшая часть рабочего населения, которая проживала в центральных районах города, ютилась главным образом по чердакам и подвалам, т. е. жила примерно в таких же условиях, что и рабочее население окраин или пригородов.

По описанию врача М. И. Покровской, в жилищах, в которых ютилась петербургская беднота в конце XIX в., «господствует темнота, мрак и их неизбежный спутник — грязь. Очень часто у квартиранта нет кухни, где он мог бы приготовить себе горячую пищу... Очень часто в его квартире нет прихожей, где он мог бы оставить грязь, приносимую им с улицы; нет водопровода, который необходим для поддержания чистоты; нет ватерклозета, составляющего необходимую принадлежность здорового жилища. Неудивительно поэтому, что в этих антигигиенических жилищах постоянно свирепствуют различные заразные болезни».³

¹ Отчеты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1902 г., стр. 144.

² Там же, стр. 145.

³ М. И. Покровская. Жилища петербургских рабочих. Вестник общественной гигиены, 1895, № 2, стр. 250.

Как бы ни были плохи комнаты или квартиры, в которых проживало пролетарское население столицы, однако и они были недоступны для подавляющего большинства рабочих. Рабочий, как правило, не мог даже мечтать об аренде отдельной комнаты или, тем более, квартиры. За одну комнату в 80-х годах XIX в. в Адмиралтейской части надо было платить от 130 до 300 руб. в год, в Казанской и Литейной — от 102 до 217 руб., в Спасской — от 90 до 266 руб. Немногом ниже были цены и в окраинных частях. В Нарвской части минимальная годовая оплата комнаты составляла от 65 до 144 руб., в Александро-Невской — от 62 до 150 руб. Так же было и в других частях города.¹ При таких условиях аренда комнаты поглотила бы от половины до полного годового заработка рабочего.

В качестве квартиросъемщиков выступали лишь отдельные рабочие, но и они в подавляющем большинстве использовали арендованные квартиры для сдачи жильцам. Вот как описывает жилищные условия пролетариата Шлиссельбургского пригородного участка в начале 60-х годов один из рабочих, учившихся в воскресной школе: «Квартирные хозяева вообще женаты. Сам хозяин работает, а жена на место кухарки. Они нанимают от домового хозяина квартиру не более 4 квадратных сажен, от 10 до 12 р. в месяц, со своими дровами и водой; дров выйдет... на 3 р., воды на 1 р., да на квас выйдет 6 р. 50 к. и на мыло 50 коп, что и составит его расходу, хозяину с прокормлением матки (кухарки), тоже полагая по 1 р. в месяц, 22 р. Поэтому он старается как можно более набрать к себе народу, а так как всякий фабричный, не желая от фабрики далеко ходить, то и жмется все ближе, и занимает поэтому у них за 1 р. в месяц место для ночлега, не более, да поставить под свою койку сундучишко кое с чем. Спят же на койке по-двое... И так на 4 квадратных саженях помещается человек 25, считая круглым числом, потому что зимой бывает более, а летом менее».² (Особенности подлинника сохранены. — *Ред.*)

Основная масса рабочих, не будучи в состоянии снять отдельной комнаты, снимала «углы» и жила в условиях невероятной скученности. В ряде случаев в однокомнатных квартирах помещалось до 100 и более жильцов. Угловые квартиры были рассеяны по всему городу, но наибольшее число их находилось в частях, граничащих с пригородными участками, а именно: в Василеостровской, Нарвской, Петербургской и Александро-Невской. Бытовые условия жильца, снимавшего угол, были кошмарны. Достаточно указать, что, например, в Петергофском пригородном участке в таких угловых квартирах на одну койку приходилось в среднем 2—3 жильца, а в семейных — даже 3—4 жильца.

Еще хуже в пригородных участках жили артельные рабочие — каменщики, плотники, маляры и т. д. Они обычно арендовали помещение человек на 40 и более в старых зданиях, иногда не пригодных для жилья, с щелями, дырами, через

¹ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г., т. II, ч. I, вып. 3, СПб., 1884.

² Б л а х и н. Жизнь фабричного рабочего. Библиотека для чтения, 1862, № 6, стр. 64.

Смертность населения Петербурга по данным 90-х годов XIX в. Схематический план города.¹

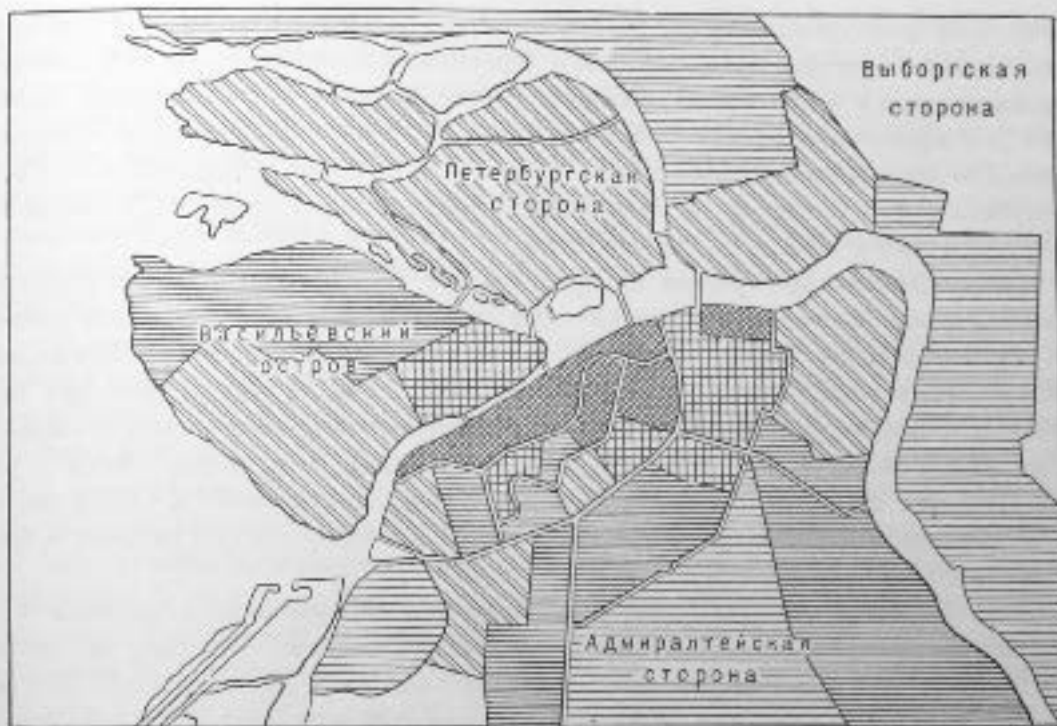
которые свободно проникал ветер и боковые дожди. Внутри в помещениях был толстый слой грязи, под нарами старое грязное платье, сапоги, лапти, онучи, валенки и т. п. Нары были сделаны на неоструганных, необитых, грязных и старых досок, без всяких перегородок. Подстилкой служило грязное носильное платье или, чаще всего, вдвое сложенная рогожка. По середине прохода или над нарами протягивалась веревка, на которой развешивалось для просушки платье, онучи, лапти и т. п., отчего воздух делался почти невозможным для дыхания. Отхожие места были грязны. В артельных помещениях обычно жили рабочие одного отдела, мастерской.²

Не лучше были жилищные условия в фабричных казармах. При Калиткином пивоваренном заводе, на котором работало до 700 человек, рабочие были размещены в трехэтажном доме, рассчитанном на 500 человек, по 60 человек в каждой спальне.³

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрова, т. 56, СПб., 1900, стр. 312.

² Д. П. Никольский, *ук. соч.*, стр. 1143.

³ П. И. Столянский, *ук. соч.*, стр. 36.

Указано количество квартир в год на жителя

	Свыше 100р		От 100 до 70р		От 70 до 40р		От 40 до 30р		Менее 30р
---	------------	---	---------------	---	--------------	---	--------------	---	-----------

Квартирная плата населения Петербурга по данным 90-х годов XIX в. Схематический план города.¹

На сахарном заводе Кенига, на Выборгской стороне, все рабочие жили в заводской казарме.

И за эту, так называемую квартиру в 0,5 кв. сажени, в 1896—1897 гг. рабочий должен был платить в городе в среднем 21% своего заработка. Чем ниже была заработная плата, тем больший процент ее отдавал рабочий за свое пристанище, в которое он являлся на несколько часов в сутки, чтобы переспать. По исследованиям санитарного врача Покровской, рабочие Выборгской стороны, получавшие зарплату менее 30 руб. в месяц, платили за квартиру 22,5% своего заработка. Съемщики одной кровати на двоих платили 4 р. 50 к. в месяц, а очень часто на одну кровать приходилось по три человека, и с каждого из них брали по 2 руб. в месяц.² Съемщик угла-каморки должен был платить от 6 до 12 руб. в месяц за то, что кровать его была отгорожена от остальных тонкой перегородкой, не

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона, т. 56, стр. 312.

² М. И. Покровская. Петербургские рабочие и их экономическое положение, стр. 329—334.

доходившей даже до потолка (на 1—1½ аршина). Когда же перегородка доходила до потолка, то каморка превращалась в деревянный ящик в 1½—2 куб. сажени, лишенный света и недоступный никакому обмену воздуха. В таком ящике обычно жила два взрослых человека.¹ Многие рабочие, не имея возможности снять для жилища не только каморку, но и койку, вынуждены были арендовать полкойки, в результате чего в городе на одну кровать приходилось в среднем 2,4 человека, а в пригородных участках — 2,8 человека.

Невероятно тяжелая работа на производстве, безобразные бытовые условия, систематическое недоедание рабочих — все это являлось благоприятной почвой для распространения среди трудовых слоев населения заразных заболеваний. За отсутствием элементарного учета невозможно привести исчерпывающих сведений о больных, но из отчетов санитарных врачей можно сделать вывод, что брюшной и сыпной тиф, натуральная оспа, детские заразные заболевания были в рабочих районах обычным явлением. При отсутствии сколько-нибудь удовлетворительной медицинской помощи эпидемии уносили в могилу тысячи рабочих и членов их семейств.²

Особенно плохо обстояло дело с медицинским обслуживанием рабочих пригородных участков. Существовавшие в пригородах земские больницы не оказывали медицинской помощи рабочим, поскольку они не платили земских сборов, а при фабриках и заводах амбулаторий и больниц почти не было. В Петергофском пригородном участке существовала только одна больница для рабочих при Путиловском заводе, и та до 1888 г. членов семей рабочих не обслуживала даже амбулаторным лечением. Штат больницы был крайне незначителен. В 1888 г. на 3000 рабочих завода администрация содержала 1 врача, 2 фельдшеров и 1 аптекаря.³ К 1897 г. количество рабочих на заводе увеличилось по сравнению с 80-ми годами в четыре раза, а медицинский персонал больницы, амбулатории и аптеки едва-едва в два раза. Но и такое положение санитарные врачи считали исключительным достижением.

При отсутствии бесплатной медицинской помощи рабочие вынуждены были обращаться в платные лечебницы, где только за один совет врача они платили 30—50 коп. «Но что всего замечательнее, — пишет Амстердамский, — довольно большие расходы на содержание такой обширной вольной медицины несет на себе не та богатая и зажиточная буржуазия, которой на Петергофском тракте очень мало, а широкий малообеспеченный класс, единственный ресурс которого — его здоровье и работа изо дня в день».⁴

¹ А. Н. Рубель. Жилища бедного населения г. С.-Петербурга. Вестник общественной гигиены, 1899, апрель, стр. 4.

² Отчеты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1902 г., стр. 39, 51—53; Вестник общественной гигиены, 1901, август, стр. 1168—1170.

³ К столетию Путиловского завода, 1801—1901 гг., стр. 115.

⁴ Отчеты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1902 г., стр. 131.

Буржуазии и чиновничье-бюрократический аппарат царской России очень мало проявляли заботы о здоровье рабочих. Они считали, что больных рабочих всегда можно заменить здоровыми пришельцами из деревни.

Значительно больше их беспокоили настроения рабочих. Для идеологической обработки капиталисты не скупались расходовать деньги на строительство церквей и содержание духовенства. Только рабочих Путиловского завода обслуживали 6 священнослужителей и 2 церкви, построенные за счет 1% отчислений из заработной платы рабочих. На каждые 2000 рабочих приходился один служитель культа, тогда как один врач — на 4000 рабочих.

Исключительное усердие господствующие классы проявляли в деле расширения торговли спиртными напитками в рабочих районах. Только в одном Шлиссельбургском пригородном участке было в 1892 г., по официальным данным, 69 точек, торгующих алкогольными напитками, на каждые 652 человека приходился один кабаk. Кроме того, существовало 17 столовых и чайных, открытых людьми «с весьма сомнительной нравственностью... которые отчасти и по взаимной конкуренции не только позволяют у себя распивать водку, но и сами ею угощают своих посетителей, благодаря чему с виду невинные заведения, пользующиеся даже симпатиями интеллигентного общества, являются в действительности притопами разврата, пьянства и разгула».¹ Следовательно, кабаков в Шлиссельбургском участке в 1892 г. было не 69, а 84. К 1900 г. их насчитывалось около 100. Так «заботились» самодержавие и капиталисты о пуждах рабочих, которых они стремились держать в грязи, темноте и невежестве, считая, что просвещение для широких кругов населения вредно.

Сеть начальных школ была чрезвычайно незначительна, а средние и высшие учебные заведения для трудовых слоев населения были почти закрыты. В результате такой политики царизма среди рабочих-мужчин Петербурга было грамотных 74,8%, а среди женщин — 40,8%.² Однако петербургский пролетариат по грамотности стоял выше, чем рабочий класс Российской империи в целом. В империи грамотных рабочих-мужчин было всего 59%, грамотных женщин-работниц 34,9%.

Но все же пролетариат столицы отставал от общего уровня грамотности населения города. Если в Петербурге количество грамотных мужчин достигало 80,4%, то рабочих — на 5,4% меньше. Общее количество грамотных женщин города достигало 58,7%, а женщин-работниц — на 17,9% меньше. Особенно велик был процент неграмотных среди рабочих винокуренной и пивоваренной промышленности, а также в промышленности по обработке животных продуктов. Наиболее высокий уровень грамотности был среди рабочих полиграфического производства и металлистов.

¹ Там же, стр. 43.

² С. Бернштейн-Коган, ук. соч., стр. 64.

Сложность производства в этих отраслях промышленности требовала от рабочего более высокого культурного уровня. Дальнейшее развитие этих отраслей промышленности, как отмечала научно-техническая комиссия общества горных инженеров в своем докладе съезду в 1903 г., упиралось в недостаток грамотных рабочих.

«Русская железная промышленность, — указывалось в докладе, — быстро развивавшаяся, встала разом лицом к лицу со всеми трудностями рабочего вопроса. Она должна была в сравнительно короткий срок собрать и подготовить нужное ей количество рабочих. Большинство этих рабочих приходилось вербовать из земледельческой среды, совершенно чуждой условиям промышленности. Низкий уровень образования народных масс в России крайне вредно отражается на вновь возникающей промышленности, нуждающейся в рабочих сравнительно развитых. Между тем большинство явившихся рабочих не обладало даже простой грамотностью.

«С развитием техники растет применение более сложных устройств, требующих для ухода за ними подготовленных, развитых рабочих, а вместе с тем растут и затруднения, испытываемые русской железной промышленностью от низкого культурного уровня».¹

С одной стороны, развитие капиталистической промышленности требовало грамотного рабочего, с другой стороны, самодержавие и капиталисты считали, что просвещение ведет к росту политического сознания рабочего класса. В стремлении выйти из этого противоречия в 1870 г. отдельные представители петербургской буржуазии считали необходимым провести следующие мероприятия: учредить при крупных фабриках и заводах технические школы для подготовки мастеров; просить земское и городское управления открыть воскресные и вечерние школы. Расходы же по содержанию школ и курсовой сети они предлагали переложить на плечи рабочих, для чего ввести обязательную плату за обучение со всех учащихся. Для того чтобы воспитать рабочих в духе полной покорности самодержавию и капиталистам, они предлагали ввести бесплатное преподавание «закона божьего и правил христианской нравственности, устройство несколько раз в год бесед о практической пользе, приносимой рабочим хорошим поведением, общение хозяина с рабочими использовать для усиления нравственного воспитания пролетариата».²

Однако все попытки господствующих классов предотвратить рост сознательности пролетариата были обречены на неудачу. Быстрое развитие капитализма в России во второй половине XIX в. неизбежно вело не только к возрастанию численности пролетариата, но и к превращению его в передовой, наиболее сознательный и сплоченный класс буржуазного общества.

¹ П. Н. Столпянский, ук. соч., стр. 142—143.

² Там же, стр. 138.

Швейные мастерские, служившие одновременно жилищем для швей. Фотография. Конец XIX в.

По мере обострения противоречий, свойственных капиталистическому способу производства, пролетариат все более глубоко сознавал невозможность найти выход из своего рабского, нищенского положения без ликвидации самой системы наемного рабства. Промышленный рабочий Петербурга второй половины XIX в. — это уже не тот темный, забитый, задавленный нуждой крестьянин, который, придя в город на заработки, мечтал о деревне, о возврате к своему хозяйству. Постреформенный рабочий был совершенно иной, он оторвался от сельского хозяйства и образовал особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы.¹ Наиболее передовые рабочие столицы уже в 70—80-х годах XIX в. выступают в роли руководителей и организаторов борьбы пролетариата столицы

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 2, стр. 84.

против эксплуататорского строя. Многие из этих рабочих связывались с революционными кружками интеллигенции, читали революционную подпольную литературу, заводили у себя библиотечки и пр. В 80—90-х годах XIX в. часть передовых рабочих Петербурга входила в первые марксистские кружки и организации, а в дальнейшем превратилась в крупных деятелей социал-демократического движения. Уже в рассматриваемое нами время пролетариат столицы поднимался как грозная сила на решительную борьбу против капиталистического и защищавшего их интересы самодержавно-помещичьего строя. Все попытки правительства и капиталистов предотвратить развитие в России революционного рабочего движения потерпели крах.

* * *

Одним из источников пополнения промышленного пролетариата являлись ремесленники и цеховые, которые, не выдержав конкуренции с капиталистической фабрикой, разорялись и шли работать по найму. Одновременно с этим происходил и другой процесс. С ростом населения города в тех отраслях, где продолжал господствовать ручной труд, количество ремесленников не только не уменьшалось, а увеличивалось, при этом многие из них попадали в зависимость от купца-скупщика, выполняя его заказы на дому.

По далеко не точным данным, ремесленников-одиночек, которые еще сохранили относительную самостоятельность, по переписи 1881 г. в городе и пригородах насчитывалось 24 100 человек, а в 1900 г. 48 023 человека; за двадцать лет конца XIX в. количество ремесленников-одиночек увеличилось в два раза. Но количественный рост их в различных отраслях хозяйства был далеко не равномерным. Если в области производства одежды и обуви, а также в области содержания в чистоте тела и одежды число ремесленников значительно увеличилось, то в таких отраслях производства, как химическое, полиграфическое и обработка ископаемых, их число уменьшилось, а в области прядения и ткачества удержалось на прежнем уровне. Так, в 1863 г. портных, сапожников, башмачников насчитывалось 11 652 человека, в 1881 г. их было 14 368, а в 1900 г. количество их достигло 17 512 человек. По сравнению с 1863 г. число их увеличилось на 51%. Ремесленников, занятых в области содержания в чистоте тела и одежды, в 1881 г. было 1276 человек, а в 1900 г. — 5778. За девятнадцать лет количество их увеличилось более чем в четыре с половиной раза. Аналогичное положение было в производстве и обработке жиров и масла, т. е. в таких отраслях промышленности, где продолжал господствовать ручной труд. В химическом производстве, напротив, за последние два десятилетия XIX в. ремесленники почти полностью исчезли; в области полиграфического производства количество их сократилось с 662 до 321 человека. Такое же положение наблюдалось с ремесленниками, занятыми обработкой ископаемых. В этих отраслях хозяйства ремесло поглощалось капиталистическими фабриками и заводами.

Во второй половине XIX в. произошли значительные изменения в группе ремесленников в половом отношении. Если в 1881 г. мужчины среди одиночек-ремесленников насчитывалось 57,2%, то к 1900 г. доля их снизилась до 43%. Этот процесс был обусловлен тем, что в рассматриваемый период наибольшего успеха достигли такие отрасли ремесленного производства, где главным образом применялся женский труд.

Экономическое положение данной группы населения было тяжелым. Условия труда регулировались физическими возможностями человека. По выборочному обследованию врача Покровской, портнихи-одиночки работали в среднем 11 час. в сутки, а перед праздниками до 4—5 час. утра. За этот изнурительный труд они получали от 8 до 25 руб. в месяц.¹ Средний заработок их был не более 15 руб. Но и этот заработок не являлся постоянным, потому что в праздничные дни и летние месяцы почти совершенно не было заказов. Поэтому свои доходы им приходилось распределять не только на время работы, но и на те месяцы, когда заказов не было. При заработке 150 руб. в год они должны были тратить на полугодовое питание 108 руб., на койку 36 руб., на все прочее — одежду, обувь и другие расходы — оставалось 6 руб. Приходилось экономить на всем и прежде всего «сокращать свои издержки на питание или, иными словами, — пишет Покровская, — подвергать себя хроническому голодашью».²

Условия портних-поденщиц были еще хуже. Они за 12-часовой рабочий день на хозяйских харчах получали 50—60 коп. Большинство портних-одиночек жило в общих комнатах, где они снимали обычно койку, за которую платили от 2 до 4 руб. в месяц.

Старший дворник. Гравюра на бересте с рисунка И. Пянова. 1872 г.

¹ М. И. Покровская. Петербургская работница, стр. 31.

² Там же, стр. 32.

Не лучше было положение ремесленников и других профессий. Постоянная нужда, полуголодное существование, тяжелый труд, отсутствие чистого и светлого угла для ночлега — таковы характерные черты жизни и быта ремесленника-одиночки.

* * *

Личная, домовая и учрежденческая прислуга составляла значительную часть населения Петербурга. Сколько было личной прислуги в 50-х годах XIX в., установить трудно, потому что население столицы состояло на $\frac{2}{3}$ из крепостных. Есть указание, что из 66 тыс. дворовых 15 тыс. жило при господах, а остальные проживали по паспортам. Но, кроме дворовых, в Петербурге насчитывалось 129 тыс. крестьян помещичьих, из которых, наверное, значительная часть обслуживала господское хозяйство в столице.

Впервые достаточно точные сведения о прислуге были собраны по переписи 1869 г.: было учтено прислуги 100 287 человек, что составляло 15% населения столицы. Из них свыше 78 тыс. являлись личной прислугой, остальные 22 тыс. работали прислугой при домах и учреждениях. Преобладающее количество прислуги вербовалось из женщин, которые составляли 60% состава данной группы населения. Мужчины были заняты главным образом в качестве прислуги учрежденческой и домовой. Из 40 тыс. прислуги мужского пола в личном услужении находилось 18 тыс. человек, а остальные были заняты в качестве дворников и сторожей при учреждениях.

По сословной принадлежности прислуга в основном делилась на три группы: крестьян 46%, мещан 25%, солдаток и отставных солдат 20%; на все остальные сословия — разночинцев, потомственных и личных дворян, почетных граждан и других — приходилось 9%. Крестьяне в личную и домовую прислугу вербовались главным образом из северо-западного края: из Тверской губ. насчитывалось 9 тыс. человек, Петербургской губ. — свыше 8 тыс., Новгородской — 7300, Ярославской — 4 тыс. и т. д.

Эта огромная армия личной и домовой прислуги в 50—60-х годах обслуживала главным образом чиновников бюрократического аппарата, фабрикантов и заводчиков, лиц духовного звания и буржуазную интеллигенцию.

Поскольку население города росло в основном за счет рабочего класса, который не имел личной прислуги, то и доля последней по отношению ко всему населению столицы с каждым десятилетием снижалась.

Если в 1869 г. личная, домовая и учрежденческая прислуга составляла 15% населения города, то к 1900 г. только 9,7%. Одновременно происходил в другой процесс, а именно вытеснение из данной сферы деятельности мужского труда жевским. Количество мужчин среди прислуги за последние 30 лет XIX в. сократилось в 2 раза, в то же время количество женщин почти в 2 раза увеличилось. В 1869 г. мужчины составляли 40% прислуги, а в 1900 г. только 15,2%.

Количество прислуги за период с 60-х годов до начала XX в. увеличилось на 40 тыс. человек. Этот рост произошел исключительно за счет личной прислуги. Кто же был нанимателем этой 100-тысячной армии, чье хозяйство она обслуживала? В 1881 г. чиновники бюрократического аппарата и буржуазная интеллигенция, которые составляли 28% населения города, сосредоточили 51% всей прислуги. Лица, занимавшие административные должности, на каждых трех человек имели одну прислугу, а чиновники судебного ведомства — на двух человек прислугу. Владельцы промышленных и торговых предприятий вместе со своими семьями составляли 10% населения, а имели 20% общего количества прислуги: в среднем на каждые 5 человек приходилась одна прислуга. Совершенно иную картину наблюдаем среди пролетарского населения. Рабочие столицы имели одну прислугу на 100 человек, в 50 раз меньше, чем чиновники судебного ведомства. К 1900 г. распределение домашней прислуги между различными социальными слоями столицы не претерпело существенных изменений. Как и в прошлое время, 35% населения столицы — буржуазия и чиновники бюрократического аппарата — сосредоточили у себя 93% прислуги.

Условия труда домашней прислуги никак не нормировались и всецело зависели от нанимателя.

Вознаграждение за труд принимало самые разнообразные формы. Некоторые работали за питание, квартиру и одежду. Другие получали денежное вознаграждение, но не имели бесплатного питания и одежды. Третьи получали квартиру, питание и минимальное денежное вознаграждение.

Жилищные условия прислуги были не менее разнообразны, как и вознаграждение за труд. Многие из них жили в кухнях, прихожих, дворничьих, сторожках,

Вокзальные пассажиры. Гравюра на дереве с рисунка А. Лебедева. 1875 г.

будках, коридорах и т. д., жили там, где их селил наниматель. Таковы были условия жизни и быта этой многочисленной группы населения, зависимой, как никакая другая, от своих нанимателей.

Расделение прислуги по районам города определялось тем, кого они обслуживали. Поскольку господствующие классы жили в центральных частях города, а прислуга в основном обслуживала их, то неизбежно они здесь и были сосредоточены. В 1890 г. личная прислуга в Адмиралтейской части составляла 18% населения, в Литейной — около 17%, в Казанской — 12%. В окраинных же частях города, по преимуществу рабочих, доля домашней прислуги среди общего количества населения была крайне незначительна: в Александро-Невской и Выборгской — около 4% жителей, в Нарвской — 5%, в пригородных участках, Петергофском и Шлиссельбургском, ее было немногим более 3%.

В силу своей исключительной зависимости от нанимателей, разнородности, полного бесправия, данная, хотя и многочисленная, группа населения города какой-либо серьезной роли в общественной жизни столицы не играла.

* * *

Быстрое развитие в России после реформы 1861 г. буржуазных отношений вызвало, как уже указывалось, ускоренное разрушение сословных феодальных группировок и привело к расколу общества на крупные группы лиц, занимавших различное место в процессе общественного производства. Существенные изменения претерпели не только основные классы — сословия феодального общества, но и другие общественные группы, не занимавшие самостоятельного положения в производстве материальных благ и не составлявшие особого класса. К числу таких общественных групп относится, в частности, интеллигенция, объединяющая различные, чрезвычайно неоднородные по своему имущественному положению и общественным настроениям категории людей умственного труда (ученые, инженеры, техники, литераторы, врачи, учителя, адвокаты, большая часть служащих различных учреждений и предприятий и т. д.) и играющая важную роль в экономической, политической и культурной жизни страны.

Утверждение в России в первые десятилетия после отмены крепостного права капиталистического способа производства означало вместе с тем быстрый рост численности интеллигенции, спрос на которую на протяжении второй половины XIX в. неуклонно возрастал в связи с развитием техники производства, ростом школы, печати и вообще с оживлением ряда областей культурной и общественной жизни. Изменился и состав интеллигенции. Если раньше интеллигенция была в основном дворянской, то после реформы 1861 г. ее ряды все шире начинают пополняться за счет выходцев из мещанства, купечества, крестьянства, мелкого духовенства, чиновничества. Дворянство утрачивает свое монопольное положение как в области культуры, так и в общественном движении. К тому же значительная

часть дворянства, входившего в состав пореформенной интеллигенции, по своему имущественному положению и по своим общественным настроениям мало чем отличалась от своих собратьев по профессии недворянского происхождения и, подобно Н. А. Серно-Соловьевичу, И. В. Шелгунову, И. А. Некрасову и другим, давно уже фактически порвала связь со своим классом.

С крупными экономическими и социальными сдвигами конца 50-х—начала 60-х годов В. И. Ленин связывает наступление нового, буржуазно-демократического, или разночинского, этапа в развитии русского революционно-освободительного движения. Поскольку же русская буржуазия с самого момента своего зарождения была тысячами нитей связана с самодержавием и никогда не составляла революционной силы, а самостоятельное пролетарское движение, освещенное политическим сознанием, проявляется в России только с конца XIX и начала XX в., то в качестве выразителей интересов широких народных масс (крестьянских в основном) в их борьбе против самодержавия в рассматриваемый нами период выступают передовые представители разночинной, буржуазно-демократической интеллигенции, главным образом из числа литераторов, студенческой молодежи, отчасти офицерства, чиновничества и т. д., пришедшие на смену дворянским революционерам.

«Падение крепостного права, — указывает В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности».¹

Неправильно было бы думать, как это делали некоторые народники, что русская разночинная интеллигенция была способна сама по себе свергнуть самодержавие и дать крестьянству землю и свободу. Однако определенная, наиболее передовая ее часть, беззаветно преданная интересам народа, сыграла громадную

Точильщик. Картина маслом работы А. Н. Морозова. 1872 г.

Государственный Русский музей.

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 20, стр. 224.

роль в деле выработки передового общественного сознания, в деле подготовки условий для победы народной революции. «Мы никогда не ждали и не ждем, — писал В. И. Ленин, — политических и социальных переворотов от „убеждения“ власть имущих или от перехода образованных людей на сторону „добродетели“. Мы всегда учили и учим, что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований». ¹ В то же время В. И. Ленин указывает, что интеллигенция в буржуазном обществе «способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства... способна, поэтому, при всей ее неустойчивости, к революционной борьбе с самодержавием, и при условии сближения с народом она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как раз то, чего им недостает: знание, программу, руководство, организацию». ²

В Петербурге интеллигенция составляла весьма значительную долю населения как до реформы 1861 г., так и после нее. Однако особенно возросло значение Петербурга как крупнейшего умственного центра России после Крымской войны, когда сюда потянулись за наукой, за просвещением, в поисках передовых общественных идеалов выходцы из самых различных слоев населения, пробившиеся с громадным трудом к образованию.

«Петербург, — писал видный демократический публицист Шелгунов, — уже и раньше обнаруживал магнитные свойства и тянул к себе тех, кто хотел думать и учиться. Тяготение началось еще во время Белинского, который из Москвы убежал в Петербург. Но особенно выросла притягательная сила Петербурга после Севастополя. Теперь потянулся в Петербург всякий живой человек... Где же, в самом деле, можно было учиться, и лучше думать, и лучше чувствовать, и лучше стремиться, как не в тогдашнем Петербурге. И вот из этих-то притянувшихся к Петербургу из разных концов России людей — из Саратова, из Нижнего, из Тулы, из Костромы, из Сибири — Петербург создал своих знаменитых публицистов, критиков, профессоров, ученых». ³

Интеллигенция уже в конце 60-х годов XIX в. составляла в Петербурге в количественном отношении значительную группу населения. Так, по данным переписи 1869 г., наукой, литературой, искусством занималось 5120 человек, педагогической деятельностью — 8989 человек, врачебной деятельностью — 4341 человек. ⁴ Важный отряд петербургской интеллигенции составляли студенты высших учебных заведений, которых в конце 60-х годов насчитывалось около 4,5 тыс.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 178.

² Там же, т. 9, стр. 191—192.

³ П. Шелгунов. Очерки русской жизни. СПб., 1895, стр. 551.

⁴ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 3. СПб., 1875, стр. 90—139.

На извозчике. Граюра на берегу с рисунка А. Лебедева. 1875 г.

человек.¹ Если к этому прибавить большое число офицерства, чиновничества, гражданской администрации, инженерно-технического персонала, а также служащих различных учреждений и предприятий, то доля интеллигенции в составе петербургского населения уже в этот период составит не менее 8—9%. По подсчетам известного статистика Ю. Янсона, лица «либеральных профессий» составляли в 1869 г. по отношению к самостоятельному мужскому населению Петербурга 22,1%, к женскому — 5%, а по отношению ко всему населению — более $\frac{1}{10}$.²

На протяжении второй половины XIX в. число петербуржцев, занятых различными видами интеллигентного труда, довольно быстро увеличивается как относительно, так и абсолютно. Количество студентов высших учебных заведений за последние три десятилетия XIX в. возросло почти в $2\frac{1}{2}$ раза и достигло к 1900 г. цифры в 10 291 человек.³ Только в одном университете число студентов за указанные годы выросло с 944 человек до 3910, т. е. в четыре раза. Число лиц, занимавшихся наукой, литературой и искусством, возросло с 5120 человек в 1869 г.

¹ Военно-статистический сборник, вып. IV, Россия. СПб. 1871.

² Ю. Я н с о н. Население Петербурга, его экономический и социальный состав по переписи 1869 г. Вестник Европы, 1875, № 10, стр. 617.

³ С.-Петербург. Путеводитель по столице. Издание С.-Петербургского городского общественного управления, 1903, стр. 68.

до 9047 человек в 1900 г., т. е. за 30 лет увеличилось на 70%. Вместе с членами семей лиц данной категории насчитывалось в 1900 г. более 17 тыс. человек — вдвое больше, чем в 1869 г. Число педагогов и воспитателей возросло за то же время с 8989 до 11 132 человек, т. е. на 24%. Вместе с членами семей в 1900 г. их насчитывалось 17 424 человека. Значительно увеличилось число лиц, занятых врачебной деятельностью: в 1869 г. их было 4341 человек, а в 1900 г. 8006 человек, т. е. на 107%. Вместе с членами семей лиц, занятых врачебной деятельностью, в 1900 г. насчитывалось 15 783 человека.¹

После судебной реформы видную роль в общественной жизни Петербурга играли адвокаты; некоторые из них неоднократно выступали защитниками в процессах участников революционного движения.

Не менее быстро росли и такие категории интеллигенции, как инженерно-технический состав, служащие предприятий и учреждений и т. д. В общей сложности лиц интеллигентных профессий, вместе с членами семей, насчитывалось в Петербурге в 1900 г. не менее 200 тыс. человек (около 16% всего населения города), вместо 70—80 тыс. в 1869 г. (около 11% всего населения города). Если же учитывать только самостоятельное население, то интеллигенция составляла в 1900 г. не менее 130—135 тыс. человек (около 11% всего населения) вместо 50—55 тыс. человек в 1869 г. (8—9% всего населения).

Таким образом, число лиц, занятых умственным трудом, выросло в Петербурге за последние 30 лет XIX в. в абсолютных цифрах не менее чем в $2\frac{1}{2}$ раза, при этом увеличение этой группы населения шло быстрее, чем росло население города в целом.

Материальное положение различных групп петербургской интеллигенции было далеко не одинаково. Некоторая, сравнительно небольшая часть интеллигенции (руководящий инженерный и административный состав предприятий, профессура, часть врачей и т. д.) получала весьма значительные доходы и по своему образу жизни и общественным настроениям зачастую смыкалась с господствующими классами. Однако не эта верхушка определяла общественную физиономию интеллигенции. Типичными представителями петербургской интеллигенции, составлявшими главную ее массу, были лица среднего достатка (большая часть врачей, инженерно-технического состава, учительства и т. п.), зарабатывавшие 100—200 руб. в месяц и занимавшие промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. Многочисленной была также низшая, наименее квалифицированная и чрезвычайно низко оплачиваемая часть разночинной интеллигенции (мелкие служащие, низший медицинский персонал, многие работники печати и т. п.). Уделом многих журналистов, писателей, художников был каторжный труд изо дня в день, дававший ничтожный заработок. Условия существования такой интеллигентской бедноты были зачастую не лучше, чем условия существования

¹ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 2, стр. 26—31.

рабочих. Например, писателей-разночинцев Шелгунов характеризует как таких людей, которым «прежде всего нечего есть».¹

Источником пополнения рядов петербургской разночинной интеллигенции служила вся страна. В ее ряды вливались представители всех социальных групп.

Из разночинной среды вышли крупнейшие революционеры, писатели, художники, ученые и т. д. С деятельностью представителей разночинной интеллигенции связан высокий подъем во второй половине XIX в. всех областей русской культуры, оказавшей огромное влияние на развитие культуры народов, населявших Россию, а также и на развитие мировой культуры. Деятельность ряда выдающихся мыслителей-разночинцев — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их последователей — сыграла определяющую роль в развитии революционно-демократического движения.

* * *

Среди населения Петербурга во второй половине XIX в. одной из наиболее значительных групп эксплуататорских классов являлась промышленная буржуазия. Исчерпывающие сведения о данной группе населения дает перепись 1869 г. По этой переписи в обрабатывающей промышленности насчитывалось 8732 владельца, из них 7675 мужчины и 1057 женщин. Самой многочисленной группой, 2806 человек, были хозяева мастерских по производству обуви и одежды. За ними следовали предприниматели по внутреннему устройству жилищ и изготовлению домашней утвари в количестве 1386 человек, у которых в производстве было занято 9567 человек; в среднем на каждого владельца приходилось 5 рабочих. Большая группа предпринимателей — 1075 человек — занималась строительством. У них по найму работало 11 382 человека; на каждого владельца в среднем приходилось по 10 человек. Текстильных фабрикантов и заводчиков по обработке металла насчитывалось значительно меньше, но на каждого из них рабочих приходилось больше. Так, в промышленности по обработке хлопка владельцев насчитывалось 321 человек, а рабочих на фабриках у них было занято 11 004 человека, т. е. на каждого владельца по 34 рабочих. Владельцев заводов по обработке металлов было 783 человека. У них в найме числилось 15 395 рабочих, в среднем на каждого предпринимателя приходилось по 20 человек.

Приведенные выше факты свидетельствуют о неоднородности буржуазии. Одни из буржуа являлись миллионерами, другие были владельцами кустарных мастерских. Многие из мелких предпринимателей в результате конкурентной борьбы разорились и сами превращались в пролетариев, другие обогащались и становились крупнейшими промышленными воротилами. Одним из наиболее ярких представителей последних был Путилов — владелец Путиловского завода. Он в начале 80-х годов получал чистой прибыли около 700 тыс. руб. ежегодно. В 90-е годы акционерный капитал Путиловского завода оценивался в 12 млн руб., на заводе было занято 13 тыс.

¹ Н. Ш е л г у н о в. Внутреннее обострение. Дело, 1875, № 9, стр. 135.

рабочих и служащих. Чистой прибылью владельцы этого завода получали 1 249 579 руб. ежегодно.¹ За Путиловым тянулись и другие предприниматели: Кудрявцев, Обухов, Торнтон, Розенкранц, Глезерман и т. д.

Определить, какую же часть жителей города составляла промышленная буржуазия в 50—60-х годах XIX в., невозможно за отсутствием учета членов их семейств. Но начиная с 80-х годов и до конца столетия эти изменения можно проследить. Так, в 1881 г. промышленная буржуазия составляла 5% городского населения, а в 1900 г. 6%. Число владельцев промышленных предприятий с 1881 по 1900 г. увеличилось на 71,0%, а число лиц, находившихся на их иждивении, более чем в два раза — на 109,6%. В 1881 г. на одного самостоятельного фабриканта и заводчика приходилось 2,3 человека членов семей, а в 1900 г. уже 3 человека.

Следует отметить и другой интересный факт, а именно рост предпринимателей-женщин. Среди данной группы женщины — владельцы промышленных предприятий в 1869 г. насчитывалось 12,1%, в 1881 г. их было 16,4%, в 1890 г. 18,0% и в 1900 г. 26,6%.

Группа владельцев производства одежды и обуви была самой многочисленной. В 1869 г. она составляла $\frac{1}{3}$ часть всех предпринимателей. В 1881 г. из 14 456 предпринимателей производством обуви и одежды занималось 3744 человека, или 25,4%, а в 1900 г. 8352 человека из 22 488, т. е. более одной трети всех владельцев.

На втором месте по численности стояли предприниматели, занимавшиеся строительными работами. Их было в 1881 г. 11,5% от количества всех владельцев, а в 1900 г. доля их снизилась до 9,9%. Хозяев, занятых обработкой дерева, в 1881 г. насчитывалось 1666 человек, или 11,6%, а в 1900 г. 1814 человек, или 7,3%. Несмотря на некоторый абсолютный рост, доля их снизилась к концу столетия.

Большую группу составляли владельцы металлообрабатывающих и машиностроительных заводов. В 1881 г. их насчитывалось 1782 человека, или 12%, а в 1900 г. 2091 человек, или 9% всех предпринимателей. Особенно быстро росла группа фабрикантов-текстильщиков, которых в 1881 г. было 166 человек, а в 1900 г. — 425. За 19 лет количество их увеличилось почти в три раза. Более чем в три раза за рассматриваемые годы увеличилось число предпринимателей в химической промышленности, почти в три раза — в промышленности по обработке жиров и т. д.

Из каких слоев населения выходили предприниматели? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к переписи 1869 г. По данной переписи, как указывалось выше, насчитывалось 8732 предпринимателя, которые по сословной принадлежности распределялись следующим образом. Наиболее многочисленную группу составляли мещане и цеховые — их насчитывалось 3054 человека, за ними следовали крестьяне — 2756 человек, далее иностранцы — 1081 человек, почетные граждане и купечество — 713 человек, финляндские уроженцы — 471 человек, лица из военных сословий — 471 человек, дворяне — 162 человека, разночинцы —

¹ К столетию Путиловского завода, 1801—1901 гг., стр. 25.

96 человек и 11 лиц духовного звания. Две трети предпринимателей вышло из среды мещан, из цеховых и крестьян, 8,1% — из почетных граждан, 12,4% — из иностранных подданных. На остальные сословия — дворян, духовенство, разночинцев, а также выходцев из военной среды — приходилось 12,3% предпринимателей. Таким образом, промышленная буржуазия формировалась из различных сословий. Теперь ее объединяли общие классовые интересы, гораздо более сильные, чем сословная принадлежность. Сословные перегородки, как феодальный пережиток, рушились, складывались новые классы буржуазного общества. Наиболее экономически мощные его представители в организации своего быта стали подражать столичной аристократии; они сомкнулись, срослись с чиновничье-бюрократическим аппаратом, оказывали влияние на отдельные органы власти. Самодержавное правительство теперь не могло пренебрегать этой экономически мощной силой при решении вопросов как внутренней, так и внешней политики.

Значительная часть буржуазии занималась торговлей. Число представителей торговой буржуазии после реформы 1861 г. возрастало чрезвычайно быстро. В течение первых двух пореформенных десятилетий (с 1862 по 1881 г.) численность торговой буржуазии вместе с членами семей увеличилась с 18 753¹ до 42 888 человек,² т. е. более чем на 130%. Особенно быстрый рост торговой буржуазии происходил в конце 60-х и в 70-х годах, когда за десятилетие с небольшим (с 1869 по 1881 г.) численность ее возросла почти вдвое — с 22 333³ до 42 888 человек.

В целом за весь период от крестьянской реформы до конца XIX в. рост численности торговой буржуазии выражается в следующих цифрах:⁴

	Самостоятельные			Несамостоятельные общего пола	Итого	В % к населению города
	мужчины	женщины	общего пола			
1862 г.	—	—	—	—	18753	3,5
1869 »	—	—	—	—	22333	3,4
1881 »	9829	4875	14704	28184	42888	5
1890 » ⁵	8914	6044	15008	27102	42110	4,3
1900 » ⁶	10449	6490	16939	30376	47315	3,8

¹ Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1863 г., ч. II. Приложение, табл. А.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года, т. I, ч. II, стр. 302—309.

³ С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 3, стр. 112—115.

⁴ В данной таблице приведены сведения о лицах, фактически занятых торговлей. Поскольку торговлей занимались не только лица, записанные в купеческое сословие, а также выходцы из крестьян, мещан и других сословий, то само собой разумеется, что данные таблицы на стр. 221 могут совпадать с данными на стр. 181, где приведены цифры, свидетельствующие о юридической принадлежности жителей города к сословию купечества.

⁵ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., ч. I. Население, вып. 2, стр. 12—13.

⁶ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. Население, вып. 2, стр. 14—21.

Как видно из приведенных данных, число представителей торговой буржуазии за первые два пореформенные десятилетия возрастало не только в абсолютных цифрах, но и по отношению ко всему населению города. Если в 1862 г. они составляли 3,5% населения, то к 1881 г. — 5%. За последние два десятилетия XIX в., несмотря на некоторый рост абсолютного числа лиц, занимающихся торговлей, их доля в общем количестве населения снижается до 3,8% в 1900 г. Эти данные свидетельствуют о том, что количественный рост торговой буржуазии отставал от общего роста населения города. Причиной этого являются качественные изменения в развитии российского капитализма, нашедшие яркое выражение уже в 80-х годах в концентрации и централизации торгового и промышленного капитала. Мелкие купцы разорялись, а крупные с каждым десятилетием все больше укрепляли свои позиции, сосредоточивая большие богатства в своих руках.

Рост концентрации торговли в Петербурге убедительно подтверждают следующие данные:

	Владельцам	Административная		Рабочие	
		абсолютное число	в среднем на одного хозяина	абсолютное число	в среднем на одного хозяина
1881 г.	14644	3714	0,4	53783	3,7
1900 »	19929	11830	0,7	68478	4,1

Рост численности рабочих и административного персонала свидетельствовал об увеличении среднего торгового оборота у каждого купца в отдельности. Но рабочие и лица административного персонала распределялись далеко не поровну между различными группами купечества. Некоторые из купцов имели десятки администраторов и сотни рабочих, другие не имели ни тех, ни других, и таких было большинство. Купцов-одиночек в 1881 г. насчитывалось 8624 человека, а в 1900 г. — 14146 человек. Эта группа представителей торгового мира была очень неустойчива и быстро количественно менялась с изменением рыночной конъюнктуры. Лишь некоторые из них выбивались в крупные торговые дельцы, большинство же разорялось.

Иное положение было у владельцев крупного капитала, которые более легко преодолевали неблагоприятную рыночную конъюнктуру, застой в торговле; больше того, они использовали эти трудности для своей дальнейшей наживы за счет более слабых своих конкурентов.

Этот вывод убедительно подтверждает следующая таблица:

	Количество купцов, имеющих административный персонал и рабочих	Количество административного персонала на одного купца	Количество рабочих на одного купца
1881 г.	6020	0,6	8,9
1900 »	2793	8,9	24,5

Питейный дом на Бассейной улице. Акварель Ф. Ф. Базанца. 60-е годы XIX в.

Количество купцов, имевших служащих и рабочих, за последние 13 лет XIX в. сильно сократилось, а количество самих служащих и рабочих у них значительно возросло. В результате, количество лиц, занятых в администрации, на одного купца за рассматриваемый период увеличилось в 15 раз, а рабочих — в 3 раза.

Ведущая роль крупного купечества в области торговли с каждым годом усиливалась. Крупные купцы строили роскошные магазины и особняки на центральных улицах города — в Адмиралтейской, Казанской, Литейной частях, оттесняя купеческую мелкоту на окраины.

В Спасской части, где были расположены Авракин и Большой гостиный дворы, во второй половине XIX в. жило более 15% всего купечества города. Примыкающая к Спасской части Московская была основным районом сосредоточения данной группы населения. Здесь в 1869 г. жила $\frac{1}{3}$ часть купечества столицы, а в 1900 г. — 18%. Как указывалось выше, если наиболее крупные представители торгового капитала, типа Елисеева, жили в аристократических частях города, то мелкие купцы, связанные с мелочной торговлей и трактирным промыслом, селились на рабочих окраинах. Принадлежавшие им столовые, кислешейные, квасные, кипяточные и другие заведения фактически являлись своеобразными трактирами.

Владельцев такого типа заведений было очень много. В среде торговцев лиц, занимавшихся трактирным промыслом, составляли в 1881 г. 39,8% всего количества,¹ а к 1890 г. их было уже 6241 человек, или 41,5% торговцев города. Все эти торговые заведения были расположены в районах сосредоточения рабочих. Об этом можно судить по расселению лиц, занятых указанным промыслом, поскольку в большинстве случаев они жили тут же, при своих заведениях. Так, в 1890 г. из указанного числа людей, занимавшихся трактирным промыслом, 1362 торговца жили в Московской части, 707 — в Спасской, 613 — Александро-Невской, 883 — на Васильевском Острове; в Нарвской части и на Выборгской стороне было более чем по 300 трактирщиков. В то же время в аристократической части города их насчитывались единицы.

Беднота рабочих окраин была в кабале у всех этих трактирщиков, лоточников, палаточников. В дни получек скудная зарплата рабочих текла в карманы торговцев. У заводов Петербурга в этот день возникали своеобразные базары. У Путиловского завода «базар-получка» занимал несколько кварталов — от Чугунного переулка до шлагбаума и дальше, а на пустырях Новопроложенной и Новоолевниковской улиц располагался в шумную толкучку. Сюда сносили всю базарную дешенку: грубое domestikовое белье, бумажные брюки, перелицованные костюмы с наскоро пришитыми пуговицами, пестрые кофты и юбки, фольговые зеркала, лубочные картины с изображением страшного суда, любые товары — от семейных комодов до игрушечного шара ребенку и соленого огурца на закуску отцу.²

Трактирщики выкатывали из подвалов бочки пива, выносили четвертные с водкой, на столах устанавливали тарелки с убогой закуской: хлебом, рублом, редькой, квашеной капустой, грибами. Все это было предназначено для того, чтобы спить и обобрать рабочий люд.

* * *

Как и прежде, Петербург во второй половине XIX в. был центром чиновничье-бюрократического и полицейского аппарата. В 1869 г. лиц, занятых в государственном аппарате и полиции, насчитывалось 27 198 человек, что, без учета членов их семейств, составляло ко всему населению города 4,1%. Только один бюрократический аппарат гражданского ведомства насчитывал 17 680 человек. Эта армия чиновников комплектовалась в основном из дворянства, которое составляло 54,8% всего бюрократического аппарата. Значительное количество, 8721 че-

¹ Из 14 704 купцов 5867 были содержателями трактиров.

² М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. ОГИЗ, М.—Л., 1941, стр. 47—48.

доек, или 32% служащих учреждений, были выходцами из военного сословия, 13,2% чиновников принадлежали к другим сословиям.¹ Из них разночинцев — 1409 человек, или 5,2%, мещан и цеховых 1081 человек — 3,8%, почетных граждан, купечества и духовенства 550 человек — 2,0%, крестьян 1,5% и иностранцев 0,7%. Но далеко не все лица в государственном аппарате играли одинаковую роль. В то время как дворяне и примыкавшие к ним сословия занимали важнейшие государственные должности, крестьяне, мещане, цеховые, разночинцы составляли чиновничью мелкоту, которая не определяла направления политики. Больше того, некоторые ведомства вообще были почти недоступны для податных сословий, как, например, судебное, укомплектованное на 84% дворянами, дипломатический корпус, полностью состоявший из дворян и иностранцев.

По мере того как росло городское население и обострялась классовая борьба в стране и столице, увеличивался и чиновничье-бюрократический аппарат. Так, число лиц, занятых в гражданской администрации, к 1881 г. достигло 14 447 человек, а с членами семейств — 35 тыс., т. е. по сравнению с 1869 г. увеличилось более чем на 20%. В 1900 г. количество чиновников в гражданском ведомстве достигло почти 20 тыс. человек, а с членами семейств — 50 тыс., т. е. на 62,5% больше, чем в соответствующих учреждениях в 1869 г.

Несмотря на то, что служащие чиновничье-бюрократического аппарата составляли сравнительно небольшой процент населения столицы, их роль в жизни Петербурга была исключительно велика. У них в руках находился аппарат государственной власти. Содержание чиновничье-бюрократического аппарата было одной из главных статей расходов государственного бюджета. Ассигнования на одно Министерство императорского двора с 2878 придворными служащими, десятками дворцов и особняков составляли в конце 60-х и начале 70-х годов свыше 11 млн руб., т. е. более 2% государственного бюджета. На содержание высших правительственных учреждений, Министерств юстиции и внутренних дел, духовного ведомства расходовалось около 11% государственного бюджета, что составляло 65 млн руб. Однако эти ассигнования, которые шли главным образом на оплату жалования, распределялись далеко не одинаково между чиновниками аппарата управления. Большинство из них имело годовые оклады до 1500 руб., и лишь меньшая часть получала десятки тысяч рублей. Даже при выходе в отставку за высшими чиновниками сохранялись оклады в виде пенсий. Так, в 1861 г. петербургский генерал-губернатор генерал-адъютант П. П. Игнатьев, выйдя в отставку, получил содержание 22 тыс. руб. серебром в год и 10 тыс. десятии землев в награду за верную службу. Помощник председателя Департамента уделов

¹ До военной реформы 60-х годов XIX в. многие солдаты и младшие чины после 20—25-летнего пребывания в армии выходили в отставку, потеряв всякую связь с сословной группой, к которой они ранее принадлежали, и учитывались как самостоятельная сословная группа. Они становились письмоводителями, экзекуторами, полицейскими и т. д. К началу XX в. эта сословная группа почти полностью исчезла.

граф Ю. И. Стенбок, заболев в 1861 г., получил 10 тыс. руб. серебром на излечение.¹ Среди высших чиновников такие факты были обычными для всей второй половины XIX в. Невероятно высокие оклады, пенсии, награды, пожалования ложились тяжелым бременем на плечи трудящихся.

Большинство чиновников жило в лучших районах города. Так, в 1890 г. в Адмиралтейской части служащие правительственных учреждений составляли около одной пятой населения, а если учесть личную и домовую прислугу, которая здесь в основном обслуживала чиновников, то вместе с ней они составляли около 50% всех жителей этой части. В Казанской и Литейной частях, по отдельным участкам, процент служащих ко всему их населению колебался от 10 до 19%, а вместе с домашней прислугой достигал 40%. Иное положение было в окраинных, рабочих районах. Здесь процент служащих в некоторых участках — втором Выборгском, третьем и втором Александро-Невском и некоторых других — снижался до 2—3% всего населения этих районов.² В своем большинстве здесь жили мелкие чиновники, не располагавшие крупными суммами денег для аренды роскошных квартир и найма личной прислуги.

Во второй половине XIX в. особенно сильно вырос полицейский аппарат, который далеко обогнал по численности гражданскую администрацию и превзошел по темпам роста общий рост населения города. По официальным данным, в 1881 г. один полицейский приходился на 531 жителя города, а в 1900 г. — уже на 298 человек. К концу века армия полицейских в Петербурге была доведена почти до 5 тыс. человек.

В пореформенные годы вырос удельный вес духовенства в населении столицы. В 1869 г. один служитель культа приходился на 413 жителей города, а в 1881 г. — уже на 371 жителя. К 1890 г. количество жителей, приходящееся на одно духовное лицо, понизилось до 283 человек. Правительство не скупилось на содержание духовного ведомства, ежегодно увеличивая ассигнования на него. С 1875 по 1892 г. государственный бюджет духовного ведомства вырос почти на 20% и достиг колоссальной суммы в 11 466 тыс. руб.

Так самодержавие путем усиления полицейского произвола и одурманивания сознания населения столицы священным писанием стремилось закрепить свое господство, заставить жившие в нужде и бесправии трудовые слои населения безропотно повиноваться буржуазно-помещичьей власти.

Но царское правительство не могло справиться только лишь этими средствами с поднимающимся на революционную борьбу рабочим классом; оно прибегало к вооруженной силе — армии, для чего с каждым десятилетием усиливался гарнизон Петербурга, предназначенный не столько для защиты империи от внешних

¹ А. П. Маркова - Виноградская. Петербург в конце 1861 г. Минувшие годы, кн. 10, 1908, стр. 54—56.

² С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., ч. IV, СПб., 1892, стр. 32—35.

Почлежский дом. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.

врагов, сколько для борьбы с революционно настроенными рабочими. За 37 лет конца XIX в. Петербургский городской гарнизон вырос на 62%: с 28 252 в 1863 г. до 45 936 солдат в 1900 г. Особенно увеличился он в 80—90-е годы XIX в.: с 33 тыс. в 1881 г. почти до 46 тыс. в 1900 г. — за 19 лет на 13 тыс. человек.

Рядовой состав гарнизона, в своем подавляющем большинстве крестьянский, был изолирован от городского населения. Воспитателями солдат являлись офицеры-дворяне и духовенство. Рукоприкладство, муштра, беспрерывные смотры, полнейшее политическое бесправие, отсутствие элементарных условий для отдыха, дурное казенное питание превращали солдатскую службу в каторгу. Самодержавие смотрело на казарму как на тюрьму, куда оно направляло вольнодумцев на исправление. Так, например, студенты Петербургского университета за участие в волнениях были наказаны отдачей в солдаты.

* * *

Таким образом, петербургское общество по своему составу во второй половине XIX в. резко делилось на две части: на массу трудящихся — рабочих и ре-

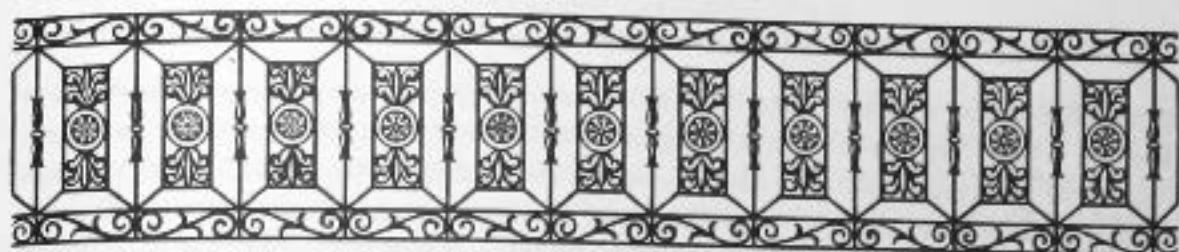
месленников, с одной стороны, и на незначительную группу эксплуататоров — фабрикантов и заводчиков, крупных купцов и высших сановников чиновничье-бюрократического аппарата, с другой.

Все углубляющийся на протяжении второй половины XIX в. раскол общества на два антагонистических лагеря неизбежно вел к обострению борьбы различных категорий трудящихся против существующих эксплуататорских порядков. Во главе этой борьбы трудящихся встает пролетариат, который уже на рубеже XX в. переходит от стихийной и разрозненной экономической борьбы против отдельных капиталистов к борьбе против всего существующего строя, основанного на эксплуатации человека человеком.

ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ В 60-х ГОДАХ

 В обстановке революционной ситуации, назревавшей со времени Крымской войны и определившейся достаточно явно на рубеже 50-х и 60-х годов, совершилась в 1861 г. отмена крепостного права. Реформа 1861 г. в конечном счете привела к известной разрядке внутреннего политического напряжения (конечно, только на время). Но это сказалось далеко не сразу. На первых порах, напротив, объявление реформы вызвало не смягчение, а обострение положения: именно в 1861 г. революционная ситуация достигла своего наиболее сильного и яркого выражения, своей кульминации.

Многообразны были признаки и конкретные проявления революционной ситуации в начале 60-х годов. Крестьянская масса, крайне разочарованная и недовольная характером реформы, находилась в возбужденном состоянии. По меткому определению Ленина, крестьян очень часто приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение» (19 февраля 1861 г.), обдиравшее их как лыку. По главным университетским центрам широко разлилось антиправительственное движение среди студенчества. Требования политических реформ раздавались в стране даже со стороны определенных элементов господствующего класса. Распространение по всей России герценовского «Колокола», революционная проповедь Чернышевского, умело преодолевавшего цензурные рогатки и препоны, появление и широкое распространение прокламаций, постепенное сплочение демократических, революционных сил для

активной борьбы против стоящего на страже интересов крепостников-помещиков царизма — все это были проявления и симптомы революционного напряжения. Последнее поддерживалось также рядом благоприятствующих обстоятельств международного характера — оживленном демократическом движении в Европе, подъемом национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Особое значение для общественного движения в России имело разворачивание национального и социального движения в братской Польше, поднимавшейся против царского гнета; надо заметить при этом, что польское движение в большой мере само являлось мощным отголоском и последствием пробуждения освободительных сил в России.

Перечисленные явления, характеризующие обстановку революционной ситуации в России начала 60-х годов, во многом были тесно связаны с общественной жизнью Петербурга, находили в ней ближайшее отражение.

Волнения крестьян, обманутых реформой 19 февраля, встречали горячий отклик у демократической интеллигенции Петербурга, мечтавшей о расширении и углублении крестьянского движения, стремившейся (в своей наиболее передовой и активной части) к превращению разрозненных и стихийных крестьянских бунтов во всенародное восстание. Из Петербурга раздавалась «могучая проповедь» (как ее оценивал Ленин) Н. Г. Чернышевского. Здесь, вдохновляемые и направляемые Чернышевским, молодые революционеры-шестидесятники закладывали основы первого серьезного объединения революционных сил. В Петербурге появились наиболее ранние из напечатанных в России прокламаций. Тут находился главный центр и источник распространения прокламационной литературы. Эмигрантский революционный центр, представленный Герценом и Огаревым (с их близкими помощниками), был самым непосредственным образом связан с революционным центром, складывавшимся и затем окончательно оформившимся в Петербурге. Петербургское демократическое студенчество проявило и наибольшее упорство в известном студенческом движении конца 1861 г. В передовых кругах столицы встречала живое сочувствие национально-освободительная борьба Польши и народов центральной и южной Европы. В Петербурге находился один из идейных и практических центров подготовки восстания 1863 г. в Польше, Литве и Белоруссии. Имел в виду деятельность польской революционной патристической организации в Петербурге по мобилизации офицеров и студентов для участия в восстании и по снабжению повстанцев оружием, некоторые представители правящего лагеря называли Петербург операционным базисом «мятежников».

В числе слагаемых революционной ситуации важнейшую роль играла массовая борьба крестьянства против крепостнического направления реформы, наибольшего размаха достигшая в 1861 г., когда волнения, по данным Министерства внутренних дел, охватили более двух тысяч селений, причем в большинстве этих селений для водворения «спокойствия» была использована военная сила. Особенно острый характер, как известно, волнения приняли в Казанской и Пензен-

ской губерниях. Процесс революционизирования передовых общественных кругов был усилен и ускорен расстрелом толпы крестьян (руководимой Антоном Петровым) в селе Бездна Казанской губ., расстрелами в селениях Кандеевка и Черногай Пензенской губ. и многими другими фактами зверского подавления крестьянских выступлений. Волнения в ответ на реформу происходили также в непосредственной близости к Петербургу, хотя в Петербургской губ. эти волнения не сопровождались ни разу такими серьезными столкновениями с властями, как в Казанской, Пензенской, Смоленской и некоторых других. Известны десятки случаев крестьянских волнений в 1861 г., в меньшей степени в 1862 г. в уездах Лужском, Петергофском, Ямбургском, Петербургском, Новоладожском, Шлиссельбургском.¹ Как и в других районах страны, волнения возникали на почве отказа крестьян от исполнения повинностей в пользу помещиков (от барщины, смешанных повинностей и т. д.), из-за недопущения продажи описываемого за недоимки по оброку крестьянского имущества. В Петербургской губ., как и повсеместно в России, распространялись слухи о предстоящем по истечении двух лет после 19 февраля объявлении «новой», «полной» воли. С этим отчасти было связано уклонение крестьян от подписания уставных грамот, отказы от исполнения повинностей по уже введенным в действие уставным грамотам. Насколько широко было распространено уклонение от подписи уставных грамот среди крестьян Петербургской губ., видно из официальных сводок министра внутренних дел. По данным на 1 января 1863 г., на 700 грамот (относившихся к населению в 35,3 тыс. душ), которые были крестьянами подписаны (сплошь и рядом под прямым давлением и нажимом властей), приходилось 377 грамот (число душ — 25,8 тыс.), введенных в действие без подписи крестьян.² Во многих случаях «неповиновения» крестьян в Петербургской губ. усмиряться военными командами.³ Так было, например, в двух имениях Кайдановой и Ольхина в районе Белоострова⁴ весной 1861 г., в имении помещика Тирана⁵ и смежных с ним в Лужском уезде — также весной 1861 г. (скуда было

¹ Согласно подсчетам исследовательницы крестьянской реформы в Петербургской губ. Кейстиной, учитывающей данные местных архивов, всего по губернии было с марта до конца 1861 г. 47 волнений, в 1862 г. — 25.

² Отношение числа душ, у которых грамоты были подписаны, к общему числу душ, у которых по 1 января 1863 г. введены были в действие грамоты, равнялось, таким образом, всего 57,59% (Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел... М.—Л., 1950, стр. 287).

³ По подсчетам Кейстиной, таких случаев в 1861 г. было 16, в 1862 г. — 6.

⁴ Белоостровские события послужили предметом двух корреспонденций в «Колоколе», данные которых расходятся в частности, но согласно устанавливают и факт упорного отказа крестьян (финнов) от несения барщины (они видели в сохранении барщины «заговор помещиков против свободы»), и факт присылки войск, а также сечения депутатов от крестьян, отправленных к царю (Колокол, лист 100, от 1 июня 1861 г., стр. 838; лист 105, от 15 августа 1861 г., стр. 883—884; ср. в издании «Отмена крепостного права», стр. 10, 13—14).

⁵ В имении Тирана в с. Плюсы, где крестьяне состояли на смешанной повинности, они объявили, что сверх 30-рублевого оброка никаких других повинностей не намерены отбывать;

введено несколько рот гвардейского Павловского полка), в имениях Скрипачева и Борцова в Шлиссельбургском уезде осенью того же года (введены четыре роты Отдельного гвардейского корпуса), в имении Саславина в Лужском уезде в середине 1862 г. и т. д. «Зачинщики», т. е. лица, заподозренные в том, что они являются инициаторами или руководителями крестьянских протестов, поддерживают дух сопротивления и пр., подвергались телесным наказаниям, аресту, заключению в «рабочем доме».¹ Больше чем когда-либо в Петербург в ближайшие после объявления реформы месяцы и годы прибывали, обходя бесчисленные препятствия со стороны власти, представители крестьянских обществ из различных местностей России для предъявления жалоб царю и его брату Константину. В большинстве случаев их хватала полиция и насильно возвращала на родину. Такие ходоки, а иногда и просто крестьяне, побывавшие в столице, являлись потом на местах распространителями благих вестей о предстоящих «льготах», убеждали не признавать уставных грамот. В качестве одного из многих примеров можно назвать случай с крестьянином Матвеевым, который в 1863 г. по возвращении на родину в Кадниковский уезд Вологодской губ. привез Положения 19 февраля в позолоченном переплете и вместе с товарищем своим Ивановым уверял односельцев, что книга заключает в себе правила, по которым крестьянам отдается земля на 12 верст в окружности от селений, что через три года будет прислан землемер, а до того времени уставные грамоты следует считать недействительными.²

Посылка ходоков, слухи о царских «милостях» и пр., свидетельствуя о крайней степени неудовлетворенности крестьянства, о поисках выхода из положения, об отказе помириться с совершенным над крестьянами насилием, с ограблением их реформой, в то же время являлись показателями политической несознательности крестьянских масс, господствующих еще среди них царистских иллюзий. В. И. Ленин, анализируя обстановку в период реформы 1861 г., содержание и результаты последней, отмечал, что крестьянство оказалось тогда способным лишь на раздробленные восстания, скорее даже «бунты», не освещенные политическим сознанием. Но были уже, по словам Ленина, и тогда в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства, понимавшие всю узость и убожество реформы, ее крепостнический характер. «Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский».³

Небольшой пока круг революционеров, группировавшихся в Петербурге около Чернышевского и «Современника», ни в какой мере не желал оставаться

на сходке крестьяне постановили наказывать «своим судом» тех из своей среды, кто согласится платить более 30 руб. или пойдет на господскую работу (Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. М.—Л., 1949, стр. 203).

¹ См. издания: Отмена крепостного права, стр. 27, 32, 45, 72, 76, 92, 174; Крестьянское движение в 1861 г., стр. 203—204, 293—294.

² Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. II. М.—Л., 1934, стр. 53.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96.

безучастным перед лицом возмутительного обмана народа царизмом и стихийного взрыва протеста в крестьянстве.

Приблизительно в то самое время, когда завершена была подготовка крестьянской реформы и начато ее проведение в жизнь, в этом кругу приступили к созданию подпольной агитационной литературы, обращенной к народным массам и интеллигенции. А. А. Слепцов, один из видных участников революционного движения начала 60-х годов в Петербурге, впоследствии вспоминал об этом моменте, что имелось в виду обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля, — к крестьянам, к солдатам, к молодежи.¹

Прокламацию к помещичьим крестьянам написал Н. Г. Чернышевский. Это и была та прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», о которой упоминалось в заключительных строках первой главы настоящей книги. Н. В. Шелгунов написал прокламацию «Русским солдатам от их доброжелателей поклон». Для печатания этих прокламаций петербургские деятели предполагали воспользоваться тайной типографией (первой в России), организованной в конце 1860 г. в Москве. К типографии был причастен начинающий литератор Всеволод Костомаров, которого известный поэт, бывший петрашевец, А. Н. Плещеев связал зимой 1860/61 г. с Чернышевским и его ближайшими друзьями. Через В. Костомарова, а затем студента Сороко была установлена связь петербуржцев с московской типографией. По техническим обстоятельствам, а также ввиду последовавшего вскоре же предательства В. Костомарова, ни одна из выше отмеченных двух первых прокламаций не увидела тогда света. Но они — в особенности прокламация Чернышевского «Барским крестьянам» — остались драгоценными памятниками боевой революционной мысли начала 60-х годов, ярко отразившими платформу передовой демократии, те идеи и планы, которыми она вдохновлялась в своей борьбе. В дальнейшем эти же идеи нашли выражение в ряде других листов, получивших более или менее широкое распространение.

Прокламация, написанная Чернышевским, разъясняла крестьянам, что царь «держит барскую сторону», а если «манифест да указы выпустил» относительно «воли», «так он только для обольщения сделал». Вскрывая грабительский характер реформы, в частности останавливаясь подробно на губительной роли для крестьянского хозяйства «отрезков» от крестьянской земли, Чернышевский писал: «Не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже помещной». Прокламация указывала крестьянам основные черты желательного демократического устройства:

¹ М. Л е м к е. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—Пг., 1923, стр. 318. Намечалось также издание обращение к раскольникам, которые в тот период многими рассматривались как потенциальная революционная сила. В дальнейшем, в 1862 г., за границей редакцией «Колокола» приступила к изданию специального прибавления «Общее дело», рассчитанного в первую очередь на раскольников.

«Чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было, и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было». Главное было выражено в начальных словах этой приуроченной к уровню народного понимания и грамотности формулы, выражавших требование такой государственной власти, которая бы целиком зависела от народа и выполняла его волю. Прокламация в другом месте прямо указывала, что народу лучше всего бывает, когда избирается на срок «народный староста» или, по-иностранному, «президент», т. е. в ней отдавалось предпочтение республиканской форме правления. Значительная часть прокламации была посвящена вопросу о тех средствах и путях, которыми может быть достигнута истинная воля. Автор отстаивал необходимость общего крестьянского восстания. Предостерегая против преждевременных и неорганизованных вспышек, Чернышевский призывал настойчиво и систематически готовиться к повсеместному выступлению и ждать от революционеров («доброжелателей» народа) сигнала для организованного действия. Единство крестьян, а также «сноровку» он считал необходимыми условиями успеха восстания и победы над врагами. Он звал поэтому помещичьих крестьян к стовору с другими разрядами крестьянства — с государственными и удельными крестьянами. Прокламация к «Барским крестьянам», кроме того, очень подчеркивала важность привлечения на сторону народа армии — как солдатской массы, так и лучших элементов командного состава («офицеров добрых»). Таким образом, в воззвании, написанном для «барских крестьян», Чернышевский и с ним самая последовательная и в революционном отношении зрелая часть русской демократии в момент реформы ясно определили и главные цели борьбы — решение подлинно в интересах народа аграрно-крестьянского вопроса, установление демократического государственного устройства, и основные ее средства — собиранье в единую революционную силу самых широких масс, организованная подготовка к всенародному восстанию для ниспровержения крепостников и самодержавной власти.¹

Придавал весьма важное значение революционизированию армии, Чернышевский и его сторонники сочли необходимым с самого начала прокламационной кампании обратиться также непосредственно к солдатской массе. Этой цели должно было служить воззвание, составленное Н. В. Шелгуновым, — «Русским солдатам от их доброжелателей». Шелгунов обличал царизм и объявленную им «волю». Основная мысль прокламации заключалась в призыве к солдатам понять справедливость требований крестьян, понять свои собственные интересы и перестать служить в руках самодержавия орудием для подавления народа.² И эта прокламация, по указанным обстоятельствам, не была напечатана, но осенью 1861 г. удалось выпустить в Петербурге в небольшом количестве экземпляров

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1950, стр. 517—524.

² Красный архив, т. III, 1923, стр. 235—239.

другое воззвание Шелгунова — отпечатанную вручную прокламацию «К солдатам». Если солдат поймет положение народа и свое собственное положение, он, писал Шелгунов, «не станет стрелять в народ, когда тот восстанет, чтобы облегчить свою горькую долю, а присоединится к нему». ¹ По словам исследователя М. К. Лемке, главная часть экземпляров прокламации Шелгунова «К солдатам» осталась в Петербурге для его гарнизона. ²

Весной или в начале лета 1861 г. тем же Н. В. Шелгуновым была написана пространная прокламация «К молодому поколению». На ней было обозначено: «Печатано без цензуры в С.-Петербурге в сентябре 1861 года». В действительности она была напечатана не позднее июля 1861 г., и не в Петербурге, а в Лондоне — у Герцена. В Лондон рукопись привез ближайший друг и единомышленник Шелгунова, поэт и публицист М. И. Михайлов; он же в середине июля тайно доставил отпечатанные прокламации из-за границы в Петербург. Распространение прокламации было задержано до сентября, до возвращения в столицу к началу нового учебного года студенческой молодежи.

Но еще до возвания «К молодому поколению» в Петербурге появились в обращении другие революционные прокламации; одна — местного происхождения (первый номер «Великорусса»), другая — эмигрантского (воззвание Н. П. Огарева из «Колокола» — «Что нужно народу?»).

На поставленный в заголовке своей статьи-возвания вопрос «Что нужно народу?» Огарев отвечал: «Очень просто, народу нужна земля да воля». обстоятельно обосновывая целую программу демократических требований, Огарев намечал и пути их осуществления. Он при этом писал: «Шуметь без толку и лезть под пулю в разбивку нечего; а надо молча собраться с силами, искать людей преданных..., чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно стоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную, да правду человеческую». ³ По некоторым сведениям, основатели тайного революционного общества «Земля и воля» рассматривали затем это воззвание Огарева (в нем было по содержанию немало общего с неизданным возванием Чернышевского) как основу своей платформы. ⁴

«Великорусс» стал выходить около конца июня 1861 г.; за первым номером, тогда опубликованным, последовал второй — в начале сентября и третий — в октябре. Первый номер по содержанию носил еще отчасти характер предуве-

¹ М. Л е м к е, ук. соч., стр. 150—151.

² Там же, стр. 151—152.

³ Отдельный листок «Что нужно народу? (Колокол, лист 102)», стр. 4 (виз: Колокол, л. 102, от 1 июля 1861 г., стр. 856).

⁴ А. И. Г е р ц е н, Полное собрание сочинений и писем, т. XI, 1919, стр. 136. Можно считать установленным, что в составлении возвания Огареву помогал находившийся тогда за границей видный деятель петербургского революционного подполья начала 60-х годов П. Н. Обручев (профессор военной статистики, впоследствии один из видных деятелей русской армии).

домления, подготовки общественного мнения; во втором номере была сформулирована программа «Великорусса», третий преимущественно касался вопросов тактики.

Тем не менее появление и первого листка «Великорусса» произвело большое впечатление и в столице, и на местах. Автор статьи «Ответ Великоруссу», напечатанной в «Колоколе» в сентябре 1861 г. (ее приписывают Н. А. Серно-Соловьевичу), писал: «Вольное печатное слово, сказанное в Петербурге, в главном центре тайных и явных полиций... — открытый вызов самодержавию в самом пекле его».¹

«Великорусс» имел в виду прежде всего использовать в целях развития антиправительственного движения недовольство и брожение в «обществе». «Надобно, — говорилось в первом листке «Великорусса», — образованным классам взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний». «Если, — предупреждали авторы «Великорусса», — образованные классы почтут себя бессильными... тогда патриоты будут принуждены призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы».

«Хорошее разрешение крепостного дела, освобождение Польши и конституция» — таковы были, по мнению «Великорусса», главнейшие условия «своднения законного порядка» в России. Для составления конституции «Великорусс» требовал созыва представителей от населения. Как условие правильного выбора представителей он выдвигал свободу печати, право «популярным людям» составить в каждой губернии распорядительный комитет с подчинением ему всех губернских властей.

В своем третьем номере, указывая на существование в среде «друзей свободы» двух течений — республиканского и более умеренного, считающего «сохранение династии» совместимым с конституционным правлением, намекая на

Н. В. Шелгунов. Фотография. 1852 г.

¹ Колокол, лист 107, от 15 сентября 1861 г., стр. 895.

свою солидарность с «передовой частью патриотов», принадлежащих к «республиканской партии», «Великорусс» призывал вместе с тем «передовых патриотов» «ограничиться на первое время» тем, чтобы помочь умеренной партии сделать опыт организации кампании по подаче конституционного адреса царю: «Время, употребленное на этот опыт, не будет потеряно для политического воспитания масс», — отмечал «Великорусс». На первый план при этом он выдвигал задачи пропаганды, а также организации и дисциплинирования движения.

Деятельность «Великорусса» обрывается осенью 1861 г. Когда в дальнейшем оформилось общество «Земля и воля», бывшие «великоруссы» заявили о своем присоединении к нему. Личный состав «Великорусса» остается до сих пор в точности неизвестным. Различные источники указывают на причастность к нему братьев Лугининых (из них Владимир Лугинин позднее приобрел известность в качестве выдающегося химика), доктора П. И. Бокова и др. Бывший гвардейский поручик (из воспитанников Академии Генерального штаба), сотрудник «Современника», связанный лично с Чернышевским и Добролюбовым, Владимир Обручев был арестован в октябре 1861 г. в Петербурге как активный распространитель листов «Великорусс» и затем осужден на каторгу по этому делу. До сих пор остается спорным в исторической литературе вопрос о причастности к «Великоруссу» Чернышевского. Но Чернышевский, во всяком случае, был осведомлен о делах «великоруссов» и положительно, в целом, оценивал значение их выступления.

Как уже упомянуто, в июле 1861 г. Михайловым была доставлена в Петербург отпечатанная у Герцена прокламация «К молодому поколению». Судя по воспоминаниям А. Слепцова, издание воззвания к молодежи входило в общий план прокламационной кампании, намеченный в кругу Чернышевского. Впрочем, по словам самого автора «К молодому поколению» — Н. В. Шелгунова, сначала «об этой прокламации никто не знал», кроме него, Шелгунова, и М. И. Михайлова.¹ Можно предположить, что решимость печатать воззвание без предварительного согласования его текста с Чернышевским (если это имело место) явилась у Шелгунова и Михайлова из-за некоторых особенностей его содержания — очень резко подчеркнутого, в духе идей Герцена, убеждения в совсем особых путях социально-экономического развития России. Вместе с тем вполне ясно, что в своей революционно-обличительной части, как и в существе своих программных требований воззвание «К молодому поколению» примыкало к основной, общей линии революционно-демократической мысли, главным выразителем которой тогда был именно Чернышевский.

Прокламация «К молодому поколению» писала о правительстве, что оно недостойно народа. «Нам не нужна власть, мешающая умственному, гражданскому и экономическому развитию страны». Прокламация обрушивалась и на

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 33.

дворян — помещиков: «...это — партия плантаторов... это помеха России на пути ее развития». «Если для осуществления наших стремлений... пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого». Правда, «общее неудовольствие могло бы еще быть успокоено». Но если верхи не уступят, — вспыхнет общее восстание.

«Мы хотим, — говорилось в прокламации, — чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало». «Мы хотим, чтобы все граждане России пользовались одинаковыми правами». «Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и действующая в интересах народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть... выборная и ограниченная».

Надежду России прокламация видела в «народной партии из молодого поколения всех сословий», во всех угнетенных, в миллионах «освобожденного» народа, в войске. Автор прокламации непосредственно обращался к молодежи: «Говорите чаще с народом и с солдатами, объясните ему все, чего мы хотим... Составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков способных и готовых на все». ¹ Мысль о народе, защите его интересов, о самом широком вовлечении его в борьбу за свои права была центральной и в этой прокламации, адресованной интеллигенции.

3—4 сентября 1861 г. прокламация «К молодому поколению» была распространена в Петербурге М. И. Михайловым при содействии Александра Серно-Соловьевича (младшего брата Николая Серно-Соловьевича) и студента Петербургского университета Евгения Михаэлиса. Экземпляры воззвания, как видно из доклада, представленного главному начальнику III отделения Долгорукову замещавшим его графом П. А. Шуваловым, были разосланы разным лицам и в казармы офицерам по городской почте, а также подброшены на лестницах и дворах домов. «Я поднял на ноги всю петербургскую полицию, — писал Шувалов, — лично указал все те способы, коими можно достигнуть желаемой цели — поимки распространителей». Шувалов был особенно озабочен тем, чтобы воззвание не дошло в Петербурге до солдат гвардии. ²

Предатель Всеволод Костомаров, которому сам Михайлов показывал прокламацию «К молодому поколению», пришел на помощь III отделению. Еще 1 сентября у Михайлова был обыск, но без результатов; 14 сентября, при повторном обыске, Михайлов был арестован. Он сначала отвергал обвинения, но вскоре, под давлением показаний В. Костомарова и для спасения своих политических друзей, принял всю «вину» по делу прокламаций на себя.

¹ Н. В. Шелгунов, ук. соч., стр. 287—302.

² Политические процессы 60-х годов. I. Подг. к печати В. П. Алексеевым под ред. Б. П. Козьмина. М. — Пгр., 1923, стр. 272—274.

Арест М. И. Михайлова произвел большое впечатление в Петербурге. «Это был, — пишет в своих воспоминаниях Шелгунов, — первый арест лица, уже имевшего известное общественное положение и популярное имя».¹ Более тридцати литераторов (среди них Добролюбов, Благосветлов, братья Курочкины, Лавров, Елисеев, Некрасов, Панаев и др.) подали протест министру народного просвещения, указывая, что литературная деятельность Михайлова «направлена была к самым благородным и высоким целям». Литераторы добивались освобождения Михайлова или по крайней мере допущения выбранного ими представителя к участию в следствии по его делу.² Однако протест не дал результатов. Александр II приказал предать Михайлова уголовному суду, возложив на министра юстиции «самоскорейшее производство дела, так как преступление выходит из обыкновенных».³ В немедленном суде над Михайловым правительство было заинтересовано и по другой причине. «Исход этот, — писал Шувалов, — весьма желателен в опровержение слуха, что Михайлов у нас отравлен».⁴

«У нас» — значило в тюрьме при III отделении, где Михайлов первое время содержался. В октябре он был переведен в Петропавловскую крепость. За несколько дней до перевода Михайлова в крепость сюда были заключены студенты Петербургского университета — участники осенних волнений. Узнав о том, что в крепости находится Михайлов, студенты обратились к нему со словами приветия.

Хорошо известен ответ М. И. Михайлова. Указывая на то, что «ступая сила албомы гонит его из «братского кружка» в снежные сугробы, в тьму и холод рудника», Михайлов писал:

Но и там, на зло гоневью,
 беру лучшую мою
 В молодое поколение
 Свято в сердце сохрани.
 В безстрадной мгле изгнания
 Твердо буду света ждать
 И в душе одно желанье,
 Как молитву, повторять:
 Будь борьба успешней ваша,
 Встреть в бою победа вас,
 И милуй нас эта чаша,
 Отравляющая нас!⁵

Судом сената Михайлов был приговорен к каторжной работе на 12½ лет. По резолюции царя срок каторги был определен в 6 лет. На 14 декабря 1861 г.

¹ Н. В. Шелгунов, ук. соч., стр. 137—138.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XI, стр. 263—264.

³ Политические процессы 60-х годов, стр. 284.

⁴ Там же.

⁵ М. И. Михайлов, Собрание сочинений, т. I, Чкалов, 1951, стр. 190.

была назначена так называемая «гражданская казнь» Михайлова. Опасаясь демонстрации, правительство объявило об этом лишь в самый день «гражданской казни», назначенной при этом рано утром; объявление появилось в очень мало распространенных «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции». «Казнь» происходила на Петербургской стороне, на Сытной площади. Секретная агентура успокаивала III отделение, что объявление приговора «окончено благополучно». Народу было мало — не более 200 человек (торговцев, проживающих вблизи рабочих). Читали не очень громко, так что большинство не могло даже узнать фамилии осужденного. Михайлов «был очень покоен». Его привезли в наемной карете под прикрытием трех взводов казаков; таким же образом увезли обратно в крепость рысью. Агентура не могла заметить, чтобы кто-либо успел приблизиться «с городской стороны». Уже после «гражданской казни» III отделение, однако, доносили: «Заметно было, что в эти последние два дня в публике почти только и разговаривали, что об объявлении Михайлову сентенции».¹

Спустя месяц Герцен напечатал в «Колоколе» статью «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге». «Утром четырнадцатого декабря (28-го) прочли перед Сытным рынком приговор *Михайлову*, — писал Герцен. — *Шесть лет каторжной работы* за то, что из груди, переполненной любви и негодования, вырвалась страстная речь». «Иди же с упованием, молодой страдалец, в могилу рудников; в подземной ночи их между ударами молота и скрипом тачки ты еще ближе услышишь стон народа русского, а иной раз долетят до тебя и голоса твоих друзей — их благословенье, их слезы, их любовь, их гордость тобою. А там... мало ли, что может быть в шесть лет».²

В те месяцы, когда столица была взволнована первыми прокламациями и судьбой Михайлова, а также борьбой студенчества, в Петербурге угасал великий русский мыслитель Добролюбов.

Еще в мае 1860 г. тяжелая болезнь заставила Добролюбова выехать за границу, где он пробыл больше года. В августе 1861 г. Добролюбов возвратился в Петербург. Оставаясь все время своего заграничного пребывания активнейшим сотрудником «Современника», он по приезде ушел с головой в редакционные дела журнала, которые в течение некоторого времени ему пришлось вести даже без Чернышевского.

Последняя, предсмертная болезнь Добролюбова началась в октябре. Он несколько недель пролежал в квартире Некрасова. Шелгунов, видевшийся у Некрасова с большим Добролюбовым, пишет: «Это был разгар дела Михайлова, общественного возбуждения, вызванного судом над ним и студенческими историями. Я торопливо передавал Добролюбову некоторые подробности этих дел... Его прекрасные, умные глаза горели, и в них светилась надежда и вера в то луч-

¹ А. Ш и л о в. Арест М. И. Михайлова и суд над ним. Русское прошлое, историческая сборника, 2, Пгр.—М., 1923, стр. 152.

² Колокол, лист 119—120, от 15 января 1862 г., стр. 1002.

шее будущее, на служение которому он отдал свои лучшие годы и свои лучшие силы.¹

В начале ноября, по желанию Добролюбова, его перенесли от Некрасова на его собственную квартиру. Это было очень близко от дома, где жил Некрасов, — в доме Юргенга по Литейному проспекту, № 34.² Здесь в ночь на 17 ноября 1861 г. Добролюбов скончался.

Добролюбова хоронили утром 20 ноября. Авдотья Панаева рассказывает в своих воспоминаниях: «Вся улица была запружена народом... Простой дубовый гроб, без венков и цветов понесли на руках, а парные дроги и две-три наемные кареты следовали за процессией.³ Агенты III отделения указывают среди присутствовавших на похоронах литераторов, офицеров, студентов, гимназистов и т. д.

На Волковом кладбище, где похоронен был Добролюбов (рядом с Белинским), говорились речи Некрасовым, Чернышевским, Н. Серго-Соловьевичем, Антоновичем и др. Друзья Добролюбова своими выступлениями хотели по возможности раскрыть его стремления и показать значение его деятельности, а также заклеймить условия тогдашней русской действительности, которые губительно сказались на Добролюбове и так рано свели его в могилу. По поводу речи Чернышевского двое из бывших на похоронах военных, согласно свидетельству агента III отделения, в разговоре между собой заметили: «Какие сильные слова: чего доброго его завтра или послезавтра арестуют».⁴ Никитенко в своем дневнике 22 ноября записал: «Чернышевский сказал на Волковом кладбище удивительную речь. Темой было, что Добролюбов умер жертвою цензуры... Он неоднократно возглашал к собравшейся толпе: „А мы что делаем? Ничего, ничего, только болтаем“».⁵

¹ Н. В. Шелгунов, ук. соч., стр. 137, 170.

² Квартира № 6.

³ Авдотья Панаева (Е. Я. Головачева), Воспоминания. Л., 1927, стр. 414—415.

⁴ Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения. Красный архив, 1926, т. I (14), стр. 92.

⁵ А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе, т. II. СПб., 1905, стр. 58.

М. И. Михайлов. Литография, 60-е годы XIX в.

На внешние обстоятельства, ускорившие смерть Добролюбова, Чернышевский прямо указывал и в своей некрологической статье о Добролюбове в «Современнике». Статья заканчивалась словами: «Ему было только 25 лет. Но уже четыре года он стоял во главе русской литературы. Для своей славы он сделал довольно. Для себя ему незачем было жить дольше. Людям такого аякала и таких стремлений жизнь не дает ничего, кроме жгучей скорби».¹ Из этой статьи Чернышевского цензурой были вычеркнуты замечательные слова, обращенные к русскому народу: «Но невознаградима его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сторел он. О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих».²

* * *

Не один раз уже, забегая вперед, упоминали мы о студенческих волнениях в Петербурге осенью 1861 г. Это было одно из самых громких проявлений общественного движения начала 60-х годов. Волнения студенчества держали Петербург в напряжении в течение нескольких месяцев. Они нашли живой отклик в других университетских центрах, и в первую очередь в Москве, где в ответ также прокатилась волна «беспорядков». Они заставили немало говорить о себе за рубежом. Впоследствии Энгельс напомнил в одной из своих речей, что в 1861 г. в России «вспыхнуло первое серьезное движение среди студентов, которое было тем опаснее, что народ был в сильном возбуждении вследствие освобождения крепостных крестьян».³

Насколько то обстоятельство, что студенческое движение происходило на фоне глубокого возбуждения в крестьянстве, усиливало впечатление от него, показывают свидетельства современников. Сенатор К. Н. Лебедев в конце 1861 г. писал: «Петербург чрезвычайно взволнован, и студенческая история, перешедшая частью и в народ, служит только предлогом возгласов, вызываемых беспокойными вестями из деревни».⁴

¹ Современник, 1861, № 11, стр. 5.

² Литературное наследство, т. 25—26, М., 1936, стр. 150—151.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 672. Студенческого движения 1861 г. в Петербургском университете касается попутно и известный документ I Интернационала — брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 595). «В 1861 г., — говорится здесь, — в ответ на фискальные меры, имевшие целью лишить немощную молодежь доступа к высшему образованию, и на дисциплинарные мероприятия, стремившиеся подчинить ее произволу полиции, студенты подготовили энергичный и единодушный протест, который с их собраний был перенесен на улицу и вылился во внушительные манифестации».

⁴ Русский архив, 1911, кн. 1, вып. 2, стр. 221.

Непосредственным поводом к студенческим волнениям 1861 г. послужили реакционные меры правительства против университетской молодежи, принятые в мае—июле 1861 г. и явившиеся в свою очередь одним из выражений поворота в сторону более реакционного курса, который намечился после обнаружения крестьянской реформы.

Проводником политики крутых мер в отношении университетов был адмирал граф Е. В. Путятин, в 1861 г. назначенный, по совету известного реакционера московского митрополита Филарета, министром просвещения. «Преступным и безобразным» назвал потом Герцен министерство Путятина.¹ Новые правила для студентов, утвержденные царем еще до Путятина, были после его назначения дополнительно ухудшены. Совершенно запрещались студенческие сходки. Заведование студенческими учреждениями — библиотекой, кассой и т. д. — изымалось из рук выборных представителей студенчества и передавалось назначенцам от управления университета.

Правила преследовали цель резко ограничить доступ в университеты демократическим элементам. Поэтому отменялись свидетельства о бедности, освобождавшие «недостаточных» студентов и вольнослушателей от платы за учение; только по два студента от каждой из губерний, входящей в состав учебного округа, могли теперь освобождаться от платы, т. е. по Петербургскому университету всего 12 человек (между тем, например, в 1859 г. из 1019 студентов могли внести плату лишь 360). Принимались меры для преграждения доступа (фактически с конца 50-х годов широко открытого) на университетские лекции посторонним лицам.

Могила В. Г. Великовского и Н. А. Добролюбова на Волковом кладбище. Литография В. Тимма, 1862 г.

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, 1920, стр. 24.

Реакция студенчества на новые правила должна была принять особо острую форму в напряженной обстановке второй половины 1861 г. Не только друзья прогрессивной молодежи, но и ее противники отдавали себе отчет в том, что студенческий протест против новых правил связан с общим подъемом освободительного движения в стране, с крестьянским движением, с прокламациями, с пропагандой «Колокола» и «Современника», непосредственно уделявшего большое внимание положению и задачам студенчества и в значительной степени идейно подготовившего студентов к борьбе.

В мемуарах современников имеются прямые указания на впечатление, произведенное среди студентов Петербургского университета, в частности, прокламацией «К молодому поколению».

В волнениях 1861 г. активно участвовали не только русские студенты, но также и учившиеся в Петербургском университете поляки, украинцы, грузины и представители молодой интеллигенции других народов России. Один из студентов-грузин Н. Я. Николадзе (впоследствии известный грузинский писатель и общественный деятель) сообщает о том, как в университетской шинельной в сентябре 1861 г. появилась прокламация «К молодому поколению». Это была, по словам Николадзе, «первая ласточка» начинавшегося студенческого движения. Один из студентов старшего курса снял со стены воззвание, объявив, что прочтет его в актовом зале. Выходившие из всех аудиторий студенты последовали за ним. «Став на стол, покрытый красным сукном с золотою бахромой, он с пафосом прочел громко всю огромную прокламацию. С замиранием сердца слушали мы чтеца». В студенческой среде, по свидетельству того же автора, не нашлось тогда ни одного голоса в защиту царя и правительства. «Все были в восторге, что обойдена цензура, что призыв к восстанию гуляет по белу-свету под самым носом у ненавистной власти».¹

В университете была вывешена в начале волнений и своя, студенческая прокламация, хотя не печатная, а рукописная. Она была потом опубликована в «Колоколе». Прокламация звала студентов к сплочению для активной борьбы: «Главное, бойтесь разногласия и не трусьте энергических мер... *Стрелять в нас не смеют* — из-за университета в Петербурге вспыхнет бунт. Уже теперь наши начальники твердят (покачивая головами): „*Столица не спокойна*“».²

Университетские лекции в 1861 г. начались 18 сентября. И с ними одновременно начались сходки и волнения. На очень многолюдной сходке 23 сентября (чтобы провести ее, студенты силой ворвались в закрытый от них актовый зал) студенты приняли решение не подчиняться новым правилам и не брать вновь вводимых матрикулов, в которых они были напечатаны.

¹ Н. Я. Николадзе. Воспоминания о шестидесятих годах. Каторга и ссылка, 1927, № 4 (33), стр. 36.

² Колокол, лист 116, от 15 декабря 1861 г., стр. 966—967.

Для руководства движением был создан нелегальный студенческий комитет. В числе его членов современники, причастные к событиям, называют уже упоминавшегося Евгения Михаэлиса, одного из лучших представителей демократической молодежи 60-х годов, Николая Утина, Михаила Покровского и др. Ряд членов студенческого комитета был тесно связан с Чернышевским и его кругом. Один из руководителей студенческого движения И. А. Пиотровский был постоянным сотрудником «Современника» (незадолго до волнений, в сентябрьской книге «Современника» за 1861 г. он опубликовал полемическую статью «Студенты пред судом „Светоча“», где защищались студенты от нападок враждебной прессы и критиковались косвенно новые правила).¹

На следующий день после сходки 23 сентября правительство постановило до распоряжения закрыть Петербургский университет. «Правительство — против просвещения и свободы», — писал в «Колоколе» Герцен по получении первого известия об этом и пророчил власти скорое падение.²

25 сентября состоялась внушительная демонстрация, какой Петербург еще не видел, — шествие тысячной толпы студентов, сопровождаемой и многими лицами со стороны, от закрытого университета, по Невскому проспекту, на Колокольную улицу, к дому попечителя генерала Филипсона.

Один из участников демонстрации описал ее тогда же в корреспонденции, опубликованной «Колоколом». По его словам, решено было идти тихо, по тротуарам. Путь лежал через Дворцовый мост и через Невский проспект от Адмиралтейства до Владимирской. «Дорогою, — пишет корреспондент, — к нам присоединилась еще значительная партия разных лиц, так что процессия тянулась на целую версту». Требования властей «разойтись» не были студентами выполнены. Явившегося Филипсона студенты окружили, и началось объяснение. Когда на Колокольной улице показались жандармы, студенты пришли в ярость; раздались крики «вон!», и вся толпа бросилась им навстречу. Жандармы усекали, но затем на Колокольной улице появились отряды жандармов, пеших пожарных с топорами, городских с револьверами и, наконец, часть стрелкового батальона. Повторились требования: «войско вон! полиция вон!».³ Студенты, наконец, направились обратно к университету, прежним маршрутом; Филипсон обязался продолжить там переговоры и должен был пойти вместе со студентами. В университете переговоры велись при посредничестве депутации от студентов и не привели к определенным результатам, так как обе стороны в главных пунктах стояли на своем. Но студенты добились, по меньшей мере, слова, что никто не будет арестован. Однако в ту же ночь были арестованы и депутаты, ведшие переговоры, и ряд других студентов (в том числе Утин, Михаэлис и др.).

¹ Современник, 1861, № 9, Современное обозрение, стр. 29—36.

² Колокол, лист 109, от 15 октября 1861 г., стр. 916.

³ Колокол, лист 112, от 15 ноября 1861 г., стр. 934—935.

Большая сходка, назначенная после того на 27 сентября около университета, грозила превратиться в серьезное столкновение. Для защиты молодежи готовились меры со стороны передовой части военной интеллигенции. Шелгунов рассказывает о решениях, принятых на очередном еженедельном собрании кружка, преимущественно из артиллеристов, у П. Л. Лаврова, тогда полковника, профессора Артиллерийской академии. Там было предложено, чтобы между собравшимися студентами было побольше офицеров — тогда и командиры войск, и солдаты будут себя сдерживать. План этот, по словам Шелгунова, был приведен в исполнение: утром 27-го «два артиллерийских офицера встали по обеим сторонам Литейного моста, у Литейной, и всех офицеров (академистов) и студентов-медиков, шедших в город, останавливали, объясняли им, что у университета будет сходка, что явится войско, что студентов нужно выручить, и направляли идущих назад, через мост, на Васильевский остров».¹

Сходка 27 сентября проходила главным образом в университетском дворе, где, по доведению попечителя Филипсона министру Путятину, собралось до 600 человек, из которых «по крайней мере четвертая часть была не студенты, а люди разных званий и сословий». Студенты требовали освобождения арестованных и выбрали, для предъявления своего требования, депутацию к министру. Военный генерал-губернатор Игнатьев, по словам Филипсона, решил «разогнать толпу силой или задержать более виновных». На месте событий находился батальон Финляндского полка. После ряда отдельных стычек толпа, под влиянием угрозы Игнатьева применить военную силу, разошлась.²

В последующие дни продолжались сходки, продолжались и аресты. В студенчестве, включавшем различные элементы, имевшем в своем составе наряду с «крайними» протестантами и умеренных, склонных идти на уступки и компромиссы, нашлось несколько сот человек, приславших ректору, после соответствующих объявлений в газетах, заявления о выдаче им матрикулов (объявления предупреждали не взявших матрикулов об увольнении и о передаче их документов в руки полиции). 11 октября власти попробовали открыть университет, но именно на другой день после того волнения достигли своего апогея.

В это утро, 12 октября, вокруг университета собралась большая толпа «матрикулистов» и «антиматрикулистов». Как пишет Шелгунов, «антиматрикулисты» не теряли надежды одержать верх — «и действительно, их энергия и возбуждение оказались настолько заразительными, что более слабые, уже заявившие готовность подчиниться новым правилам, ощутили прилив мужества, стали рвать матрикулы и перешли на сторону непокорных».³ В дело грубо вмешались поли-

¹ Н. В. Шелгунов, *указ. соч.*, стр. 129—130.

² С. Гессе и. *Петербургский университет осенью 1861 г.* Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 17.

³ Н. В. Шелгунов, *указ. соч.*, стр. 131.

дейские и военные власти. Особенно насильничали некоторые офицеры-преображенцы, явившиеся на усмирение с ротой Преображенского полка.

Сначала около 170 студентов было арестовано; когда их под конвоем выводили с университетского двора через малый выход (на Биржевую), из среды оставшихся еще на свободе студентов раздались требования — вести и их в Петропавловскую крепость. После происшедшего столкновения число арестованных, препровождаемых в крепость, увеличилось еще на 100 с лишним человек.

К 13 октября количество арестованных студентов и прочих лиц, по определению петербургского обер-полицеймейстера Паткули, составило 294 человека. Согласно отчету шефа жандармов за 1861 г., общая цифра арестованных по делу о студенческих волнениях в Петербурге достигла 334 человек. 240 студентов были вскоре переведены в Крошштадт, остальные оставались в Петропавловской крепости. Студенты находились в заключении до начала декабря.

4 декабря 1861 г. состоялось «высочайшее повеление» по делу арестованных за студенческие волнения в Петербурге: некоторые из них подвергались ссылке в отдаленные губернии, многие были исключены из университета и отданы на поруки родным; наиболее многочисленной группе предлагалось на выбор или принять матрикулы, или возвратиться на родину; отнесенные к этой группе петербуржцы, не принявшие матрикулов, отдавались в столице под надзор полиции.¹ Приступить к нормальным занятиям в университете не удалось и после приговора над студентами.² 20 декабря 1861 г. университет формально был закрыт впредь до издания нового университетского устава.

П. А. Лавров. Фотография, 70-е годы XIX в.

¹ Колокол, лист 119—120, от 15 января 1862 г., стр. 1003—1004.

² Незадолго до этого приговора профессор Н. И. Костомаров писал (20 ноября 1861 г.): «Из студентов, вступивших опять в университет после уличных демонстраций, только самая малая часть ходит на лекции; другие не только не желают сами посещать лекции, но еще и товарищей своих отгоняют, а от профессоров требуют прямо, чтобы не читали» (Е. Ф. Юнг е. Воспоминания, 1843—1860 гг. М., б. г., стр. 395).

Среди пострадавших по делу о студенческих волнениях было, при огромном большинстве университетских студентов, заметное число и не университетов, в том числе учащихся других учебных заведений. Фактически движение очень скоро переросло рамки чисто университетского. По справедливому замечанию Н. В. Шелгунова, воспитанники других заведений были живо заинтересованы университетским делом, считая себя солидарными с ним.¹ Это относится к воспитанникам и гражданских, и военных школ. Видное место тут принадлежит студентам Медико-хирургической академии. Сенатор Лебедев утверждает в своих записках, что во время шествия университетов к Филиппову к колонне демонстрантов «присоединились два курса медиков».² Филиппов в донесении Путятину о событиях 25 сентября передает, что один медик «много кричал» подле него «на том основании, что студенты академии и университета — братья».³ Со слов вице-президента Медико-хирургической академии Глебова Никитенко писал в своем дневнике 2 октября, что студенты-медики «внутренне заодно» с университетскими. У медиков намечалась 28 сентября «союзная сходка» (т. е. сходка солидарности) во дворе академии, но академический двор заперли, никого из посторонних не пропускали; принятыми администрацией мерами сходка была сорвана.⁴ Тот же Никитенко подчеркивает, что движению сочувствовали не только «решительно все» петербургские учебные заведения, но «и провинциальные».⁵ Серьезные волнения начались среди студентов Московского и Казанского университетов.

Университетские волнения, которые были следствием общего политического оживления и подъема в стране, со своей стороны немало способствовали поддержанию и временному обострению общественного возбуждения. Известный русский педагог Н. Ф. Буваков, находившийся в конце 1861 г. в Петербурге, свидетельствует в своих «Записках», что во время студенческого движения «ждали чего-то особенного, решительного, рокового». «Я был целиком охвачен этим общим настроением, — заявляет он. — Да я ли один? Люди солидные, пожилые, и те поювели и с верою смотрели как на начало новой жизни, много обещающее в будущем».⁶

¹ Н. В. Шелгунов, *уц. соч.*, стр. 129.

² *Русский архив*, 1911, кн. I, вып. 1, стр. 123—124.

³ Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 14.

⁴ А. В. Никитенко, *уц. соч.*, т. II, стр. 39.

⁵ Там же, стр. 38.

⁶ Записки Н. Ф. Бувакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб., 1909, стр. 49. Активный деятель освободительной борьбы 50—70-х годов М. Д. Муравский сообщал одному из товарищей из Оренбурга, где он находился в ссылке, в октябре 1861 г. о событиях в Петербурге, преувеличивая их масштабы, в соответствии, очевидно, с теми слухами, которые распространялись на местах. Муравский называл эти события «первым явлением драмы», «далеко ожидаемым настоящим делом». «Мне кажется, — заявлял автор интересного письма, — что это должно поднять все университеты, — они должны бы вступить за петербургский. Может быть, в Питер, воспользовавшись, пока железо горячо, приступит прямо и целю» (М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 297—298).

Как далеко заходили в своих планах некоторые из современников, видно из рассказа Л. Пантелеева о проекте, возникшем у двух сотрудников «Современника» — Г. З. Елисеева и М. А. Антоновича. В разгар студенческих волнений они явились к одному из руководителей движения М. П. Покровскому и предложили с 300 энергичными («на все готовыми») студентами захватить в Царском Селе наследника престола, после чего потребовать по телеграфу от Александра II, находившегося тогда в Крыму, немедленного обнародования конституции — под угрозой, что иначе ему придется проститься с сыном.¹

Студенты в тот момент пользовались вниманием и симпатией не только у самой передовой, последовательно демократической части интеллигенции, но и в широких кругах так называемого «образованного общества». Репрессии против студентов вызывали возмущение.

«Озлобление в публике сильное», — записывал в октябре 1861 г. в дневнике своем Владимир Одоевский и передавал при этом следующий факт: на юбилее полка, в котором обер-полицеймейстер Паткуль прежде был полковым командиром, офицеры при нем сделали складчину в пользу студентов, собрав до тысячи рублей, и настоящий полковой командир первый подал тому пример.²

Но было бы ошибкой переоценивать недовольство и оппозицию общества, если говорить о либеральных его слоях. Последние ограничивались разговорами или такими невинными «демонстрациями», как отказ дам танцевать с офицерами-преображенцами и т. п. Крайняя узость и ограниченность этой оппозиции сознавалась даже отдельными представителями этой же общественной среды. Над общественным «волнением» смеется Штакеншнейдер в своем дневнике. 4 ноября она писала: «Узнали, что арестованные студенты отведены в крепость, и некоторые лица из общества захотели заявить себя, заявить обществу, написали адрес государю и стали собирать подписи. Адрес этот проникал, размножался в копиях, но подписей? Пятьсот человек подписали. На четыреста тысяч жителей — пятьсот! Да как еще? подпишут сегодня, а завтра придут просить, нельзя ли вычеркнуть... Адрес оставалось смечать, так и сделали». Штакеншнейдер же передает, что в воскресенье 1 октября «должна была быть от общества демонстрация». «День был чудный, народу было множество, гуляли до четырех, кажется, часов, погуляли, разошлись по домам». В этой связи Штакеншнейдер говорила о наличии в студенческой истории наряду с «глубоко потрясающими» «пошло-возмутительных» сторон.³

¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 183, 581.

² Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1869 гг. Литературное наследство, т. 22—24, М., 1935, стр. 139.

³ Существует другая версия о неудавшейся демонстрации. По рассказу Пантелеева, П. Л. Давров однажды, осенью 1862 г., говорил ему: «Был день, который мог быть чреват последствиями, но он упустил; и разумею несостоявшуюся сходку (студенческую) у Казанского собора («в октябре 1861 г.); я тогда долго оставался вблизи Казанского собора; все было переполнено публикой, особенно много было офицеров; и видно было, что они собрались не только ради праздного любопытства» (Л. Ф. Пантелеев, ук. соч., стр. 311).

Отмечала Штаненштейдер и неустойчивость общественной оппозиции. 26 декабря она писала: «Общество, наговорившись о том, как девицы ходят в университет, и видев своими глазами, как студенты ходили в Колокольную, тоже приходит в свое нормальное положение; не грозит ни адресами, ни демонстрациями и не говорит почти ни о чем».¹

Слабость, неустойчивость, трусливый характер либеральной общественной оппозиции, готовность к измене отразились на позиции либеральных элементов петербургской профессуры. Известно, что либеральные профессора Петербургского университета если и уклонились от той роли, которую пыталось возложить на них правительство (оно требовало, чтобы раздача матрикулов была совершена самими профессорами в торжественной обстановке на факультетских заседаниях), то заботились лишь о том, — это подчеркивал в своей записке о «беспорядках» сам Кавелин, — чтобы сохранить «нравственное влияние» на студентов, сохранить в их глазах «какой-нибудь авторитет, столь необходимый в ближайшем будущем для восстановления в университете тишины и порядка».² Известно также, что профессора-либералы старались удерживать студентов от всякого активного сопротивления, за что, как указывает Паштолев, они «поплатились частью своей популярности».³ В критический момент волнений, когда те или другие студенты обращались к либеральным профессорам с вопросом, «брать матрикулы или не брать», последние, согласно воспоминаниям профессора-либерала В. Д. Спасовича, «советовали студентам подчиниться и просить о выдаче матрикул».⁴ Неудивительно, что руководитель либеральной профессорской группы Кавелин получал от студентов письма с горькими упреками и обвинениями. Выход из университета осенью 1861 г. К. Кавелина, В. Спасовича, М. Стасюлевича и др. — выход, к которому, как вспоминает Шелгунов, «очень сочувственно отнеслось общественное мнение»,⁵ — при описанных обстоятельствах немало теряет в своем значении.⁶

Коренным образом отлично было отношение к борьбе студенчества со стороны передовой демократии, со стороны вождей революционного движения.

И Чернышевский и Герцен всею душой сочувствовали этой борьбе, придавали ей серьезное политическое значение (у Герцена сказывалась иногда даже несколько преувеличенная оценка роли студенческого движения). Чернышевский,

¹ Е. А. Штаненштейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 299, 300, 306.

² Колокол, лист 119—120, от 15 января 1862 г., стр. 994.

³ Л. Ф. Паштолев, ук. соч., стр. 182.

⁴ В. Д. Спасович. Пятидесятiletие Петербургского университета. Сочинения, т. IV, СПб., 1891.

⁵ Последнее подтверждает Костомаров в цитированном выше письме: «...общественное мнение в пользу тех, которые покидают университет, и считает подлецами тех, которые в нем остаются» (Е. Ф. Юнге, ук. соч., стр. 395).

No. 110.

THE BELL. NOVEMBER 1, 1861.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

ПРИВАВОННЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOX VCCOVI

Видеть дается въ лѣтѣ къ Азракъ.
Данъ О лѣтѣ. Выданы въ Востокъ
Рутылъ Лаврентьевъ—5, Theobald Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 110.

1 Ноября 1861.

Р.Тробера & Со, въ лѣтѣ лѣтѣ,
60, Paternoster Row, в сѣ Тибетскій,
1, Mark Lane Street, (Opposite Street),
St. Paul's Church, London. Price six pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Востокъ и западъ—Восточные новости—Дороги Петербурга—Школьные статьи и письма въ

связи съ школами. Свѣтъ и анимированное искусство въ искусствѣ—Востокъ и Востокъ—Классы въ школахъ—

Востокъ въ лѣтѣ Москва—Востокъ и П. Огаревъ—Английскіе и Западъ—Исторія.

ИСПОЛНИТЬ ПРОСЫПАЕТСЯ!

Да, спящій "Свердловъ Болотъ," "Исполнить, царю послушный" просыпается и встает на гонимыхъ послушникомъ какъ во времена Гавриила Романовича Державина.

Добрымъ утѣра тебѣ—вѣра, вера! богатырской была злая сила—ну и проснись богатыремъ! Показывай во всю силу и таланты свои и таланты своихъ, утѣряй козловъ, да и чина — чтобы сплести всю эту славу свою, верность, и таланты,

сказать на правъ, сказать на лѣво, одну лѣвую и другую, другую лѣвую. Михаилъ Николаевичъ спрашиваетъ Николая Николаевича: любилъ Патука сказать? Николай Николаевичъ, вставая съ перемы окулаки, по общей любви къ наукамъ, говоритъ Николаю Николаевичу, что онъ не знаетъ любилъ Патука сказать, но что должно быть это колоссальное. Тогда (или тогда) говоритъ, а есть ли у насъ усмирить... Кто? Гдѣ историческая любовь?

На универсальныхъ лѣвахъ.

«Колоколъ от 1 ноября 1861 г. со статьей А. И. Герцена «Исполни просыпается!».

как уже отмечено, был непосредственно связан с руководителями волнений. Чернышевский и Герцен страстно защищали борющееся студенчество против нападков врагов, защищали его и от лицемерных или непоследовательных «друзей».

Вскоре после начала студенческих волнений Герцен выступил со своей знаменитой статьей «Исполни просыпается!». «Куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?..», — задавал вопрос Герцен в связи с закрытием Петербургского университета. И отвечал: «Со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот; это — вачальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. *В народ! к народу!* — вот ваше место, изгнанники науки, покажите... что из вас выйдут *не подьячие*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!». «Хвала вам! вы начинаете новую эпоху, — писал Герцен в заключение статьи, — вы поняли, что время шестанья, дальних намеков, запрещенных книг проходит... Хвала вам, меньшие братья, и наше дальнейшее благословение! О, если-б вы знали, как билось сердце, как слезы готовы были литься, когда мы читали *о студентском дне* в Петербурге!».¹

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XI, стр. 260, 261.

Выражая общее мнение передовой демократии, Герцен разъяснял, что университетская история — «не случайность», а естественный результат непримиримого противоречия, существующего во всех сферах русской жизни между казарменными порядками и стремлением страны к движению вперед. «Первое обнаружение подавлено, — указывал Герцен, — второе, третье, может, будут тоже подавлены, брожение скроется внутрь, но непременно обнаружится с большей силой».¹

Чернышевский указывал на связь университетского вопроса с общими политическими задачами демократии в статье «Опыты открытий и изобретений», опубликованной в «Свистке» при январской книжке «Современника» за 1862 г., статье, остро и едко обличавшей хулителей радикального студенчества из числа профессоров Московского (в особенности) и Петербургского университетов. Статья Чернышевского была проникнута в то же время горячей симпатией к волновавшимся студентам, доказывала закономерность и неизбежность их борьбы. «Из 1300 студентов адепта университета, — писал Чернышевский, — около 1000 человек — мученики своего стремления образоваться, стать порядочными людьми... Их считают людьми беспокойными и опасными. Разумеется, вещь невозможная, чтобы молодые люди были так осторожны в словах, как их мудрые порицатели... Запретите людям учиться долее 15-летнего или 12-летнего возраста; тогда у нас не будет беспокойной учащейся молодежи. Впрочем, этот... способ решения уничтожит только учащуюся беспокойную молодежь, а не уничтожит он беспокойную молодежь».² В знаменитых «Письмах без адреса» Чернышевский высоко оценивал значение «небывалого движения молодежи в самом Петербурге».³

И действительно, студенческое движение 1861 г., хотя оно и не оправдало чрезмерных надежд, которые на него некоторыми возлагались, и не произвело ничего «решительного, рокового» (говоря приведенными выше словами современника), да и не могло произвести, сыграло крупную политическую роль. Оно явилось своеобразным выражением того возбуждения, которое породил в среде демократической интеллигентной молодежи подъем массового крестьянского движения. Оно показало готовность более или менее широкого слоя интеллигенции к активному отпору реакционной политике царского правительства. Оно упрочило и расширило связь между передовыми студенческими кругами и руководящим авангардом революционной демократии, во главе которого стоял Чернышевский. Оно заложило крепкую основу традиции студенческого движения, столь характерной и существенной для всего разnochинского этапа революционной борьбы в России, далеко не утратившей значения даже и на следующем — пролетарском — этапе русского освободительного движения, хотя студенчество тогда стало уже играть гораздо более подчиненную роль.

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XI, стр. 346—349.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, 1954, стр. 67—68.

³ Там же, стр. 102. Ср. ниже о статье Чернышевского «Научились ли?».

Студенческие волнения имели, как уже отчасти отмечено выше, большое значение для усиления в среде демократической интеллигенции настроений активной борьбы, для расширения кадров революционных деятелей.

После освобождения участников волнений из Петропавловской и Кронштадтской крепостей среди студентов действовал в течение некоторого времени более или менее оформленный комитет, ближайшей задачей которого были сбор и распределение денежных средств, притекавших с разных сторон в пользу пострадавшей и нуждавшейся молодежи. Но этим функции комитета отнюдь не ограничивались; он являлся вообще полулегальным представительным органом университетской молодежи. С деятельностью комитета связана история «Вольного университета», о котором будет речь ниже. В работе комитета участвовали Н. Утин, В. Гогоберидзе, Е. Печаткин, Л. Пантелеев, П. Гайдебуров и др.¹

«Штаб-квартирой» студенчества после закрытия университета стали книжный магазин и библиотека для чтения на Невском проспекте в доме Петропавловской церкви, основанные зимою 1861—1862 гг. Николаем Серно-Соловьевичем (совместно с Александром Слепцовым). В это время уже шла подготовительная работа по организации тайного общества «Земли и воля», в центре которой стояли Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Слепцов, Николай Обручев и некоторые другие деятели. Не может быть сомнений в том, что вдохновителем их работы был Н. Г. Чернышевский, тесно связанный с организаторами общества, являвшийся для них (как и Герцен) учителем и вождем.

Книжный магазин, с читальней при нем, Н. Серно-Соловьевича являлся одним из открытых, легальных опорных пунктов землевольцев в самом начале их деятельности.

Примерно в то же время, когда состоялось открытие магазина и читальни Серно-Соловьевича, осуществлено было другое начинание идейно-общественного характера: возобновил свою деятельность, на совсем новых началах, фактически в качестве литературно-политического объединения, Шахматный клуб (или шахклуб, как его называли в публике). Открытие клуба состоялось в январе 1862 г.; клуб помещался на углу Мойки и Невского, у Полицейского моста. П. Л. Лавров и один из руководящих сотрудников «Современника» Г. З. Елисеев были старшинами клуба, в котором участвовали также из литераторов демократического направления Благосветлов, братья Курочкины, Некрасов, Помяловский, Н. Серно-Соловьевич и др. По утверждению секретной агентуры III отделения от января 1862 г., которому в данном отношении нет оснований не доверять, в шахклуб постоянно ездил Н. Г. Чернышевский.² «Чернышевский ораторствует иногда

¹ Л. Ф. Пантелеев, ук. соч., стр. 197.

² Красный архив, 1926, т. I (14), стр. 109.

в клубе, — доносила та же агентура в марте 1862 г.¹ Третье отделение пристально следило за деятельностью шах-клуба с первых дней ее возобновления, подозревая в ней «тайную цель», так как все члены принадлежали «к сословию литераторов и ученых».² Клубом широко пользовались как местом для встреч (иногда конспиративных), для несприужденного обсуждения текущих литературных и общественных событий; здесь одно время писатели собирались по вопросу о борьбе за свободу печати, здесь обсуждались (конечно, негласно) вопросы, связанные с агитацией за введение в России представительного образа правления. В июне 1862 г. Шахматный клуб был закрыт петербургскими властями под тем предлогом, что он служит источником распространения в публике «неосновательных суждений» о происходящих событиях.³

Для политических настроений зимы 1861/62 г. и весны 1862 г. представляет значительный интерес эпизод с изданием в Петербурге артельного журнала «Век». Он выходил недолго, с февраля по апрель 1862 г., под редакцией Г. З. Елисеева. Состав участников журнальной артели был разношерстным. Наряду с Елисеевым, Шелгуновым, Н. Серно-Соловьевичем и другими представителями разных оттенков демократической мысли здесь находились и заведомые либералы, как Уиковский, Головачев, Арсеньев, и люди более или менее беспартийного склада, тоже, впрочем, близкие к либералам, как драматурги братья Потехины, писатели-этнографы Афанасьев-Чужбинский и Максимов, привлеченные самой идеей артельного литературного предприятия. Симптоматичной история «Века» является благодаря тем планам, которые с ним связывала крайняя левая группа его участников. Об этих планах сообщает в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов. По его словам, во время одного из столкновений внутри коллектива журнала Н. А. Серно-Соловьевич открыто заявил, что ему и его единомышленникам нужен журнал на случай восстания. «Может быть, — оговаривается Шелгунов, — Соловьевич ответил и не этими словами, но смысл их был тот». Шелгунов дает и объяснение: «Мы серьезно считали себя „накануне“»,⁴ т. е. накануне революции. Левое крыло членов артели стремилось сделать журнал органом, обслуживающим нужды революционного движения, подполья⁵ (налаживаемого более или менее широкого объединения демократических сил, вылившегося в общество «Земля и воля»).

Со студенческими волнениями 1861 г. и их ближайшим последствием — закрытием Петербургского университета — прямо связана история публичных

¹ Красный архив, 1926, т. I (14), стр. 111.

² Там же, стр. 107.

³ Дополнительные фактические данные по истории Шахматного клуба содержатся в недавней статье Р. А. Таубина в «Исторических записках» (т. 39, 1952, стр. 86—95).

⁴ Н. В. Шелгунов, ук. соч., стр. 34.

⁵ В. Козьяки. Артельный журнал «Век». Сб. «Русская журналистика шестидесятых годов», М.—Л., 1930, стр. 23.

лекций или так называемого «Вольного университета», существовавшего с конца января до начала марта 1862 г. Инициатива организации публичных лекций, которые могли бы в той или иной мере заменить студентам закрытый университет и в то же время были бы широко доступны всем желающим, мужчинам и женщинам, — инициатива эта исходила от студенческого комитета, упомянутого уже нами раньше, и была охотно подхвачена рядом профессоров. Лекции читались в залах Городской думы и по соседству — в залах немецкого училища «св. Петра». В них участвовали главным образом профессора (включая ушедших добровольно в отставку) Петербургского университета, а также и некоторые ученые, не принадлежавшие тогда к составу университета. Среди лекторов находились И. Сеченов, Д. Менделеев, А. Бекетов, А. Фаминцын, Н. Костомаров, М. Стасюлевич, П. Павлов, В. Спасович и др. Не допущены были, под разными предлогами, к чтению лекций Н. Чернышевский, П. Лавров, А. Пышин; из-за ареста не мог приступить к лекциям В. Берви-Флеровский.

Лекции в «Вольном университете» начались 30 января, и более месяца они шли благополучно, при большом внимании и интересе не только студентов, но и различных кругов петербургского общества. Впрочем, со стороны наиболее реакционных элементов правящей среды «Вольный университет» с самого начала вызывал крайне недоброжелательное отношение. Министр государственных имуществ М. Н. Муравьев (палач польского народа Муравьев-вешатель) в марте 1862 г. писал своему помощнику А. А. Зеленому: «Публичные лекции в залах Городской думы нельзя считать полезными для удержания порядка и спокойствия в столице. Это новое официальное (т. е. законное, — *Ред.*) средоточие для соединения по первому призыву в Городскую думу неблагонамеренного профессора тысячи народа всех слоев для действия против правительства».¹

Кризис в жизни петербургского «Вольного университета» наступил в первых числах марта.

2 марта 1862 г. в большом зале в доме Руадзе (на Мойке, угол Киричного переулка), служившем для публичных собраний и вечеров, происходил литературный вечер Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд», основанный в Петербурге в 1859 г.). Незначительная часть доходов с вечера предназначалась в пользу сосланного на каторгу М. И. Михайлова.

На этом вечере перед огромной аудиторией (по сообщению писателя Мельникова-Печерского, до двух тысяч человек)² выступил с воспоминаниями о Добролюбову Н. Г. Чернышевский. На этом же вечере выступали П. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский (читавший из «Записок из мертвого дома»), В. С. Курочкин, с чтением известных стихов «Господин Искарियोу», которые были бурно одоб-

¹ Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому. Голос минувшего, 1914, № 11, стр. 230—231.

² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 19, СПб., 1905, стр. 105.

рены собравшимися. Но особенное возбуждение на этот раз вызвано было выступлением историка Платона Павлова, популярного не только своими научными трудами, но и по той роли, которую он, будучи профессором в Киеве, затем Петербурге, сыграл в создании первых воскресных школ. Павлов, напечатанный перед тем в академическом календаре на 1862 г. обратившую на себя внимание статью «Тысячелетие России», на вечере читал речь на ту же тему. В самом цензурном тексте речи П. В. Павлова содержались оппозиционные ноты. Тут говорилось об угнетении крестьянства, об особо «тягостном состоянии» России в XVIII—XIX вв., о том, что к началу царствования Александра II «чаща бедствий переполнилась». С одобрением отмечая начало «реформ», Павлов вместе с тем предостерегающе заявил, что «наши администраторы» ни под каким видом не должны «идти назад», ибо «каждый их попятный шаг есть новая ступень к общей гибели». «Образованным, достаточным классам» Павлов грозил «возможностью исторического переворота», если «в видах собственной пользы» они не постараются привести в равновесие свои интересы с интересами «низших разрядов общества».¹ Некоторыми особенностями формы своей речи профессор Павлов очень подчеркнул отдельные ее положения; к тому же, отвечая на вызовы слушателей (по словам присутствовавшего на вечере Шелгунова, во время речи Павлова «раздавались какие-то воли восторженного восторга, стучали стульями, каблуками»),² он, разумеется имея в виду при этом правительство, несколько раз повторил евангельский текст: «Именей уши слышати да слышите». За свое выступление Павлов через несколько дней был сослан под надзор полиции в глухой уездный город Костромской губ. — Ветлугу.

Расправа над Павловым вызвала возмущение среди передовой молодежи и вообще прогрессивной интеллигенции столицы. Большинство студенческого комитета, заведовавшего публичными лекциями, решило ответить демонстрацией в форме прекращения лекций. Среди профессоров, читавших в «Вольном университете», не оказалось единства. Некоторые из них, видимо, были солидарны с мнением студентов по существу, другие склонялись к такому же решению под влиянием настойчивых убеждений комитета, наконец, кое-кто (в частности, Костомаров) с самого начала высказывался за продолжение лекций. Как бы то ни было, вначале большинство профессоров приняло решение в пользу демонстративного прекращения лекций, но скоро среди них обнаружилось колебание, и вопрос был перерешен. Студенческий комитет, приготовившийся к осуществлению первого постановления профессоров, решил уже не отступать от него. Имеются прямые указания на то, что студенты действовали с одобрения Н. Г. Чернышевского.³

8 марта 1862 г. в Городской думе после очередной лекции Н. Костомарова от имени распорядителей было объявлено публично о прекращении дальнейших

¹ Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году, т. II. СПб., 1862, стр. 351—352.

² Н. В. Шелгунов, ук. соч., стр. 159.

³ Лавров о Чернышевском. Литературное наследство, т. 7—8, М., 1933, стр. 115.

чтений в связи с высылкой профессора П. Павлова. Заявление, сделанное вслед за этим Костомаровым, о том, что он прекратил бы свои чтения исключительно по желанию самих слушателей, вызвало бурный протест части присутствующих. Возбуждение усилилось после оскорбительных выражений, допущенных затем Костомаровым по адресу протестантов. По уверениям шефа жандармов Долго-рукова, «беспорядки в Городской думе 8 марта «могли бы иметь важные последствия», предупрежденные будто бы прибытием городского головы, который удалил из зала возбужденную толпу.¹

Известно, что Чернышевский ездил к Костомарову, бывшему некогда в дружеских с ним отношениях, чтобы убедить его отказаться от чтения лекций, но не имел в этом успеха. В письме к Чернышевскому Костомаров пытался оправдать свою позицию ссылкой на пользу, приносимую публичными лекциями.² Каков, однако, был в сложившихся условиях объективный политический смысл действий Костомарова, достаточно ясно видно из того сочувствия, какое они встретили в реакционных общественных и в правящих кругах. С большой похвалой о поступке Костомарова отозвался сам Александр II.

Не только в открыто реакционных, но и в различных либеральных и полулиберальных кружках историю в Городской думе стремились потом использовать в борьбе против демократической части петербургской общественности, против радикальных элементов студенческой молодежи. Теперь уже не было заметно в привилегированном «обществе» столь преобладающего сочувственного отношения к студенчеству, какое было характерно для осенних событий 1861 г. Наказки на студенчество раздавались и в печати. В защиту студентов смело, в резко боевом духе выступил Н. Г. Чернышевский. В письмах к профессору Петербургского университета Н. Е. Андреевскому Чернышевский указывал, что «действия большинства профессоров были пелены и что они клеветают на студентов собственно из досады на то, что осрамились».³ Чернышевский открыто отстаивал дело студенчества в печати; он посвятил защите петербургских студентов и обвинению их обвинителей известную статью в «Современнике» — «Научились ли?», имевшую важное революционизирующее значение для молодежи.

* * *

Высылка профессора П. В. Павлова послужила темой нелегальной печатной прокламация, появившейся в Петербурге 15 марта 1862 г.⁴ Выражая негодование лучшей части общества по поводу высылки Павлова, прокламация призывала

¹ Професс Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939, стр. 14.

² Там же, стр. 59—60.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1949, стр. 450.

⁴ Красный архив, 1926, т. 1 (14), стр. 113, 116.

к протесту: «Протестуйте, подавайте адрес, жертвуйте деньгами, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки».¹

После некоторого затишья (зимой 1861 г.) в издании прокламаций весна 1862 г. оказалась опять богата ими. Мартом 1862 г. была помечена прокламация, адресованная офицерам. Перепечатывая ее на своих столбцах, «Колокол» отмечал, что в день пасхи (8 апреля) экземпляры ее были разбросаны в приемной зале Зимнего дворца.² При новой перепечатке прокламации в самом Петербурге в мае того же года (в тайной «Карманной типографии» студента-революционера Петра Баллода) издатель указывал, что воззвание в первый день пасхи было роздано «в большом количестве» в дворцовой церкви «перед самым носом государя».³

Прокламация исходила из положения, что «жизнь России невозможна без коренных реформ». Программу этих реформ она формулировала в следующих пунктах: «...освободить крестьян с землей, выдав помещикам вознаграждение; освободить народ от чиновников, от плетей и розог; дать всем сословиям одинаковые права на развитие своего благосостояния; дать обществу свободу самому распоряжаться своими делами, устанавливать законы и налоги через своих выборных; не хватать никого без суда по-разбойничьи, устроить суд гласный и дать каждому право свободно высказывать свои мысли». Прокламация указывала, что правительство «первое стало прибегать к оружию, оно само начало революцию и разовьет ее дальнейшими своими действиями». Прокламация призвала офицерство определить свое место в борьбе, подумать о родине, о «бедном, угнетенном народе».⁴

С датами 15 марта и 15 апреля 1862 г. в Петербурге появились два литографированных листка «Русская правда», в значительной части посвященные вопросу о поддержке польского национально-освободительного движения. Обращаясь от имени передовых русских людей к полякам, авторы «Русской правды» писали: «Дайте нам вашу руку, потому что настал час, когда мы вместе станем под одним знаменем». «Русская правда» подчеркивала, что Александр II обманул возлагавшиеся на него надежды. «Реформы постепенные, — заявляла она, — приведут нас к одному из двух: или они останутся мертвою буквой, или их оживит революция».⁵

16 апреля 1862 г. секретная агентура III отделения донесла, что в шах-клубе ходит по рукам воззвание «Земская дума».⁶ Лозунг созыва земской думы из выборных от всех сословий с целью «изменить существующий порядок управления» был центральным в прокламации.⁷

¹ Вылое, 1907, № 4, стр. 21.

² Колокол, лист 133, от 15 мая 1862 г., стр. 1107.

³ М. Демке. Политические процессы в России 1860-х годов, стр. 550.

⁴ Колокол, лист 133, стр. 1080—1081.

⁵ М. Демке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 441—444.

⁶ Красный архив, 1926, т. I (14), стр. 118.

⁷ Колокол, лист 139, от 15 июля 1862 г., стр. 1153.

Прокламационная литература 1862 г. отразила борьбу вокруг имени Герцена, развернувшуюся тогда между лагерем реакции и передовой русской общественностью.

Еще в 1861 г. наемный «литератор» царского правительства, писавший под псевдонимом «Шедо-Ферроти» (барон Фиркс), выпустил в Берлине на французском языке брошюру против Герцена. В начале 1862 г. вышла, также в Берлине, вторая брошюра Шедо-Ферроти о Герцене (на русском и французском языках), содержащая перепечатку одной из статей Герцена в «Колоколе» с пространным, пасквильного характера комментарием, составленным подкупленным правительством автором брошюры. В течение года правительство издавало эту брошюру Шедо-Ферроти четыре раза. Как известно, до тех пор цензура не допускала в России никаких упоминаний имени великого изгнанника. В напряженной политической обстановке начала и середины 1862 г. правительство переменило тактику в этом вопросе. Стремясь любыми средствами уменьшить авторитет Герцена в русском обществе, оно теперь разрешило свободную продажу в Петербурге и Москве новой брошюры Шедо-Ферроти; несколько позднее оно позволило реакционным публицистам в самой России, в русских журналах поднять широкую кампанию лжи и клеветы против Герцена; главную роль в постыдной травле Герцена на страницах русской печати сыграл московский журналист Катков, повернувший, как указывает Ленин, в начале 60-х годов от либерализма «к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству».¹

В марте 1862 г. Герцен сообщал Тургеневу: «...они (т. е. власти, — *Ред.*) мне назло дозволили в Петербурге открытую продажу Шедо-Ферроти письма. Его раскупили в один день весь запас».² Интерес к брошюре Шедо-Ферроти среди прогрессивно настроенных петербуржцев объяснялся, конечно, не сочувствием к пасквилю, а тем, что брошюра как-никак касалась запретного и любимого имени. Сам Шедо-Ферроти, посетивший в мае 1862 г. Петербург, признавался впоследствии: «...многие в книжной же лавке вырывали мой текст».³

В кругах революционной молодежи сразу после появления в столице брошюры Шедо-Ферроти возникла мысль об отпоре ему. В уже упомянутой «Карманной типографии» П. Д. Баллода в марте 1862 г. была напечатана прокламация «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти» (в апреле — мае прокламация была отпечатана вторично). Автором прокламации был поднадзорный студент Петербургского университета Павел Мошкалов, участник волнений 1861 г. «Неужели вы думаете подобными мерами ослабить огромное влияние, производимое изданиями Герцена на общество?», — писал автор воззвания.⁴

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 18, стр. 250.

² А. И. Герцен, *Полное собрание сочинений и писем*, т. XV, стр. 78.

³ Там же, стр. 90.

⁴ М. Лемке, *Политические процессы в России 1860-х годов*, стр. 537—538.

Баллод намеревался выпустить и другую, более обстоятельную прокламацию в защиту Герцена, против правительства Александра II. Ее написал, уже в мае—июне 1862 г., Дмитрий Иванович Писарев, замечательный русский публицист и критик 60-х годов.

Уроженец Орловской губ., Писарев одиннадцати лет (зимой 1851/52 г.) прибыл в Петербург; по окончании третьей Петербургской гимназии (1856) Писарев поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета и окончил его через пять лет (1861). Рано обнаружив блестящие способности, Писарев уже в 1859 г. принял деятельное участие в специальном «журнале для взрослых девиц» «Рассвет». В конце 1860 г. Писарев вступает в круг сотрудников большого общественно-литературного журнала, редактируемого Г. Благосветловым, — «Русское слово». Именно Писареву в дальнейшем «Русское слово» прежде всего было обязано своим выдающимся успехом у демократического русского читателя, хотя журнал имел и других талантливых сотрудников, как Шелгунов, Варфоломей Зайцев, Н. В. Соколов, П. Н. Ткачев и т. д. Имя Писарева в публицистике 60-х годов должно быть поставлено непосредственно вслед за именами Чернышевского, Добролюбова и Герцена. Он уступал Чернышевскому в теоретической и политической последовательности, испытывал колебания, его идейный путь был извилистее, противоречивее;¹ при всем том заслуги Писарева в борьбе за передовую, демократическую культуру, за всестороннее раскрытие родины огромны и незабываемы.

Писарев был близким товарищем устроителя тайной типографии Баллода, и ему Баллод предложил написать разбор брошюры Шедо-Ферроти.

Разоблачая Шедо-Ферроти как адвоката и агента III отделения, разоблачая Александра II и его правительство, Писарев заявлял: «На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать». «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть, — заключал Писарев свое воззвание. — Их не спасут ни министры, подобные Валуеву,² ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться

¹ Глубочайшим образом преданный интересам трудящихся, сочувствуя идеалам социализма, будучи по общему складу ума и по темпераменту революционером, Писарев, однако, недооценивал порою определяющую историческую роль народных масс, преувеличивал значение интеллигенции, видел исключительно важный рычаг общественного преобразования в развитии и пропаганде естествознания; временный упадок веры в революционные пути связан был у Писарева с разочарованиями, вызванными поражением демократических сил в начале 60-х годов.

² П. А. Валуев — министр внутренних дел, сменивший после объявления реформы 19 февраля С. С. Лавского.

Д. И. Писарев, Гравюра с рисунка И. Крамсково. 60-е годы XIX в.

в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».¹

Баллод не успел напечатать прокламацию Писарева. Он был в июне 1862 г. арестован. Рукопись писаревской прокламации нашли у Баллода при обыске. 2 июля 1862 г. был арестован и Писарев,² который был посажен в Петропавловскую крепость. Дело Писарева, Баллода и других привлеченных вместе с ними лиц производилось в сенате; в 1864 г. Писарев был приговорен к заключению в крепости на 2 года и 8 месяцев. Он вышел из Петропавловской крепости только в конце 1866 г.³

* * *

Свое воззвание, приведшее его в казематы Петропавловской крепости, Писарев заканчивал в июне 1862 г., уже в обстановке бешеного натиска реакции на прогрессивные силы страны. В самом воззвании говорилось: «Воскресные школы закрыты, народные читальни закрыты, два журнала («Современник» и «Русское слово», — *Ред.*) закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею, Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами, как с непримиримыми врагами». «Оно не ошибается: примирения нет», — добавлял Писарев.

Этой дикой волне репрессий и террора непосредственно предшествовали некоторые события, на которых следует особо остановиться.

В мае 1862 г. приблизительно в одно время в Москве и в Петербурге появилась в значительном числе экземпляров пространная прокламация под названием «Молодая Россия». Издатели в тексте именовали ее даже журналом. Они утверждали, что говорят от имени «Центрального революционного комитета». Как теперь хорошо известно, главным автором «Молодой России» был студент Московского университета П. Г. Заичневский, один из руководителей московского революционного кружка, на рубеже 50-х и 60-х годов усиленно занимавшегося литографированием революционной литературы. Прокламация «Молодая Россия» была написана Заичневским, при помощи некоторых товарищей по кружку, в одном из московских арестных домов, где он находился в заключении. Кружок Заичневского имел связи с революционной молодежной средой в Петербурге; прокламация, издаваемая москвичами, была быстро доставлена в Петербург для распространения. В силу ряда особенностей своего содержания и тона она произвела исключительно сильное и притом в глазах многих неблагоприятное впечатление. «Она разрази-

¹ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов, стр. 539—547.

² Он жил в это время на Васильевском Острове, на 2-й линии.

³ Писарев после освобождения работал в новом журнале Благосветлова «Дело», потом в «Отечественных записках» Некрасова и Щедрина. Он умер, не достигнув и 28 лет, в июле 1868 г. Смерть и похороны Писарева явились поводом для политических выступлений демократических кругов Петербурга.

лась громом над столицею», — много лет спустя вспоминал Н. Я. Николадзе.¹

«Молодая Россия» находила, что «ни один из издаваемых журналов не выяснил обществу революционной программы; она критиковала и «Колокол», и «Великоруссе», а о прокламациях последнего времени отзывалась с пренебрежением, признавая в них «ни к чему не ведущее либеральничанье». Автор прокламации видел единственный выход из существующего положения в «кровавой и неумолимой революции», направленной против «императорской партии», в которую он включал, наряду с царем и правительством, помещиков, купцов, чиновников — «всех имущих». Он считал, что «революционная партия» должна захватить диктатуру, чтобы «в наивозможно скорейшем времени» ввести совершенно новые «основания экономического и общественного быта». Эти основания заключались в создании «республиканско-федеративного союза областей», состоящих из земледельческих общин, в предоставлении каждому жителю страны права на земельный надел в общине, в заведении общественных фабрик и лавок и т. д. В прокламации предлагалось (это дало особенно большую пищу толкам в публике) «уничтожение брака», «уничтожение семьи». Автор «Молодой России» надеялся на народ, особенно на старообрядцев, но не ждал от народа революционной инициативы, возлагая ее на войско и в особенности на «молодежь», в которой и видел «главную надежду». П. Г. Заичневский уже и тогда, очевидно, находился в той или иной степени под влиянием так называемых «якобинско-бланкистских» взглядов, которых он, как известно, последовательно держался во всей своей дальнейшей долголетней деятельности.

«Молодая Россия» предсказывала наступление в самом скором будущем решительного момента, когда революционеры двинутся на Зимний дворец — «истребить живущих там»; поскольку она предполагала, что «вся императорская партия» встанет за царя, она заранее изывала: «... тогда бей императорскую партию не жалея... бей на площадях... бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!». Она обещала истребить вообще всех, кто во время решительного столкновения не окажется вместе с восставшими. «Мы изучали историю Запада, — писал Заичневский, — и это изучение не прошло для нас даром... Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах!».²

По весьма различным, конечно, мотивам «Молодая Россия», однако, была отрицательно или критически встречена не только либеральными элементами, но и авторитетными демократическими кругами. Герцен в связи с впечатлением,

¹ Н. Николадзе. Воспоминания о шестидесятих годах. Каторга и ссылка, 1927, № 5 (34), стр. 37.

² М. Лемке. Политические процессы в России 1880-х годов, стр. 508—518.

произведенным «Молодой Россией» на либеральную публику, писал в «Колоколе»: «Мы прочли его (лист «Молодой России», — *Ред.*) раз, два, три раза... Со многим очень не согласны... но, по совести признаемся, не понимаем ни белой горячки правительства, ни хныканья добросовестных журналов, ни душесмятения платонических любовников прогресса... Маловерные, слабые люди! как мало надобно вашим женским первам, чтоб испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального».¹

Если в либеральных кругах, в широкой обывательской среде испугались угроз «Молодой России», испугались и всей в целом ее платформы, тем более что кое-кто здесь готов был видеть за нею большую и серьезную организацию, то большинство демократов прежде всего и главным образом признавало характер и тон выступления «Молодой России» не отвечающими обстановке, неуместными и потому способными сыграть на руку реакции.

Имеются сообщения современников о скептическом отношении к «Молодой России» со стороны Н. Г. Чернышевского. По одним данным, он направил в Москву для переговоров с издателями «Молодой России» А. А. Слепцова, чтобы убедить их выпуском нового листа сгладить впечатление от первой прокламации; по другим, Чернышевский будто бы сам предполагал выпустить воззвание, очевидно разъяснительного характера, адресованное непосредственно сторонникам «Молодой России». Расходясь в тех или иных вопросах с «Молодой Россией», не только Чернышевский, но и Герцен, с которым сама «Молодая Россия» довольно энергично полемизировала, тем не менее видели, разумеется, в ее издателях людей своего лагеря, товарищей по общей борьбе.

Прямых сторонников и последователей «Молодая Россия», несмотря на указанное выше отношение к ней части революционеров, все-таки в Петербурге безусловно имела. Об этом, например, рассказывает П. Д. Баллод. В начале июня 1862 г. он был приглашен к одному из своих товарищей, где встретил нескольких военных, заявивших ему, что образовавшаяся революционная группа офицеров желает содействовать комитету «Молодой России». Баллод из этого делает вывод, что «Молодая Россия» пришлась «по вкусу» военным кружкам.²

Экземпляры «Молодой России» проникли отчасти и в рабочую среду через некоторых деятелей петербургских воскресных школ.

Без сомнения, влияние прокламации «Молодая Россия» на последующие события было бы неизмеримо меньше, если бы оно не совпало (почти совпало) с грандиозными петербургскими пожарами в мае 1862 г.

Пожары начались 15—16 мая 1862 г. и продолжались более двух недель. 21 мая сгорело три улицы на Большой Охте, 22-го был большой пожар на Ямской улице, 23-го и 24-го пожары охватили Московскую, Каретную и 3-ю Адмирал-

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, стр. 312.

² П. Баллод. Заметка о деле Д. И. Писарева, Каторга и ссылка, 1924, № 3 (10), стр. 47.

тейскую часть, 23 мая сгорела вся солдатская слободка на Малой Охте. 28 мая произошел знаменитый «апраксинский» пожар (им было уничтожено несколько тысяч лавчонок Толкучего рынка). 30-го горел район Песков (Рождественская часть).

С первых почти пожаров пополнились по Петербургу провокационные, нагло-клеветнические слухи о причастности к ним революционной молодежи, студенчества, а также поляков. Уже 24 мая «просвещенный» Никитенко записывал в своем дневнике: «Некоторые полагают, что это имеет связь с известными прокламациями от имени юной России». Через несколько дней он же писал: «Город в очевидной опасности, особенно после известных последних прокламаций, которые были везде разбрасываемы — на улицах, на площадях, в домах, в казармах».¹

Нелепые обвинения, направленные против демократических кругов, активно поддерживались правительством. Правительственные агенты являлись одним из источников распространения провокационных слухов. «Полицейские и шпионы шовали в народе, толкуя о поджигателях и указывая на молодежь», — позднее писал один из корреспондентов «Колокола».² Впоследствии В. И. Ленин, на основании некоторых данных, приводимых в воспоминаниях Пантелеева, делал вывод: «...есть очень веское основание думать, что слухи о студентах-поджигателях распускала полиция».³

Крайне неблагоприятную роль играли некоторые органы печати (петербургская «Северная пчела», московский «Русский вестник» Каткова и т. д.), своими инсинуациями и грязными намеками поддерживавшие тревожное настроение и направлявшие подозрения читательской массы тоже в сторону передового студенчества и всего демократического лагеря. Прямо или косвенно пытались при этом возложить ответственность на Чернышевского.

В наиболее темной и отсталой части тогдашних низов петербургского населения, потрясенных пожарами, сбитых с толку велевыми слухами о поджигателях-«ингилистах», врагам всякого движения вперед удалось в этот момент посеять недоверие и недоброжелательство к демократической интеллигенции; впрочем, молва часто называла «поджигателями» не только студентов, но и помещиков.

На недели, ознаменованные пожарами, и ближайшие после них приходится заметный поворот в настроениях привилегированного петербургского общества. В начале июня 1862 г. профессор-публицист либерал М. М. Стасюлевич в частных письмах отмечал: «В обществе явилась ненависть ко всему либеральному; во многих газетах прямо требуют жестоких казней и преследований... В общественном мнении произошел крутой переворот: что недавно осуждалось, то одоб-

¹ А. В. Никитенко, ук. соч., т. II, стр. 83—84.

² Колокол, лист 172, от 1 ноября 1862 г., стр. 1416.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 27.

рется, и наоборот».¹ Тогда даже такие люди, как Стасюлевич, начали пугаться того, что либералы теряют почву в «обществе». Он жаловался, что, если «снизу» (т. е. со стороны демократии) их считают «ретроgrадами и почти что подлецами», то «сверху» на них смотрят «чуть не как на поджигателей»; ему казалось, что теперь «люди благоразумные» (т. е. либералы) «отойдут совершенно в сторону» и составят «партию воздержания».²

Нетрудно было, однако, понять, что паническая и предательская тактика самих либералов неизбежно ставила их в такое незавидное положение. Не кто иной, как Кавелин, один из главных идейных вождей либерализма, в июне 1862 г. говорил о «потрясающем действии» на него «петербургских событий»: «Неужели, — писал он тогда, — это называется прогресс, свобода?... Да такой прогресс заслуживает только карточь и виселицу».³ И даже спустя два месяца, когда уже не один из подавшихся в майские дни нелепой панике петербуржцев успел прийти в себя, тот же Кавелин продолжал бессмысленно твердить: «Что пожары в связи с прокламациями, — в этом нет теперь ни малейшего сомнения».⁴

Правительство было в высшей степени довольно теми политическими последствиями, какие имели майские петербургские пожары. В отчете Александру II за трехлетие 1861—1863 гг. министр внутренних дел Валуев писал о «чувстве самосохранения», возбужденном пожарами в имущих слоях. «Затихли», по уверению Валуева, похвалы молодежи, стала заметной «перемена направления» в некоторых литературных органах, появились «протесты» против деятельности «заграничных агитаторов» (Валуев имел в виду травлю Герцена и его друзей). Все, — писал министр, допуская тут, конечно, грубое искажение фактов, — «все почувствовали, что для спасения общества и государства пужны были энергические правительственные распоряжения».⁵

Нельзя думать, что петербургские пожары и совпадение их с появлением «Молодой России» сами по себе создали реакционный поворот в «обществе». Глубокие причины этого поворота коренились в классовых интересах дворянско-буржуазного общества, в его неизменном страхе перед народом, в его враждебности к революционерам и революционной борьбе, в его стремлении сохранить и помещичью собственность и монархическую власть. Но майские события дали известный толчок этому повороту, облегчили и ускорили его.

Правительство Александра II уже и до пожаров достаточно определено и явно встало на путь реакции. «... год жизни» резко направился в сторону

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. I. СПб., 1911, стр. 403, 404, 408.

² Там же, стр. 405.

³ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, стр. 202.

⁴ Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. Женева, 1892, стр. 82.

⁵ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, стр. 224—225.

реакции и независимо от пожаров», — писал впоследствии Ленин.¹ Паника и усиление ретроградных тенденций в части «общества» еще более развизывали правительству руки для его черных дел.

* * *

В своем, выше цитированном нами отчете министр внутренних дел Валуев с удовлетворением отмечал, что майские пожары послужили поводом «к принятию новых мер для ограждения общественной безопасности».² Одной из таких мер явилось закрытие воскресных школ, давно мозоливших глаза правительству. Непосредственным предлогом для этой меры послужило следствие, начатое формально в первых числах июня 1862 г., о революционной пропаганде в двух петербургских воскресных школах — Сампсониевской (на Выборгской стороне) и Введенской (на Петербургской стороне).³

Так называемое «дело воскресников» особенно интересно в том отношении, что представляет собой первый процесс о пропаганде среди петербургских рабочих. В качестве обвиняемых были привлечены в июне 1862 г. три студента Медико-хирургической академии — Василий Хохряков, Константин Крапивин, Петр Беневоленский, а также поручик 16-го стрелкового батальона (прикомандированный к Николаевской инженерной академии) Яков Ушаков. Было привлечено и шестеро молодых рабочих различных предприятий (фабрик Шау, Меняева, Тюлевого товарищества) — петербургский мещанин Михаил Митрофанов, крестьяне Михаил Федоров, Карп Андреев, Василий Трифонов, Егор Коченков, Иван Антонов. Следствием было установлено, что преподававшие в Сампсониевской школе Хохряков, Крапивин, учитель Введенской школы Беневоленский и близко знакомый с некоторыми из студентов офицер Ушаков занимались политической пропагандой на уроках и во время бесед с рабочими, посещавшими их неоднократно и на квартирах. В пропаганде затрагивались вопросы о несправедливости существующего общественного строя, о необходимости коренных демократических преобразований в государственном устройстве, о неудовлетворительном характере крестьянской реформы, о насильнической политике царизма в Польше, об обязанностях армии по отношению к освободительному движению.

В письме Валуева главному начальнику III отделения Долгорукову от 30 мая 1862 г., с которого и начались розыски по делу о пропаганде в воскресных школах, «положения», внушаемые слушателям, сформулированы были, на основании доклада двоих из учеников фабриканту, следующим образом: «Бога нет. Чело-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 27.

² А. И. Герцев, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, стр. 224.

³ Обе школы существовали с лета 1860 г. (первая — с июля, вторая — с августа этого года). См.: Современник, 1860, № 9, Современное обозрение, стр. 139.

век вовсе не имеет бессмертной души. Государи вообще и наша императорская фамилия в особенности бесполезны. Управление податями должно лежать на тех, кто их платит. Собственность должна быть общая».¹

Значительное место в пропаганде занимало чтение и объяснение нелегальной литературы: отдельных статей из «Колокола» Герцена, огаревских прокламаций «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?» и т. д. Много разговоров было, очевидно, вокруг «Молодой России», хотя на следствии привлеченные всячески отгораживались от основных ее тенденций. Я. А. Ушаков передал экземпляр «Молодой России» рабочему Андрееву, тот отдал ее Митрофанову, о котором другие рабочие говорили, что он был «ближе всех к Ушакову». Митрофанов читал «Молодую Россию» товарищам и «растолковывал ее содержание». Он же принес «Молодую Россию» студенту Краивину, который по его просьбе составил словарь встречающихся в прокламации иностранных слов (революция, конституция, деспотизм, кризис и т. д.). Рабочий, отставной военный писарь, Антонов переписывал «Молодую Россию» (на следствии он утверждал, что при этом якобы имел в виду представить ее «по начальству»).

Из числа привлеченных рабочих Карп Андреев в июле 1862 г. умер в больнице тюремного замка; в крепости сошел с ума и через два года умер студент Краивин. Хохряков был осужден на каторгу, Беневоленский — на поселение. Ушакова, как офицера, судили военным судом и приговорили к смертной казни, которая была заменена ему четырехлетней каторгой.² Рабочие частью были отданы под надзор полиции, частью приговорены к телесному наказанию.³

Заслуживает внимания то обстоятельство, что распорядителями Самсониевской школы являлись студент Медико-хирургической академии Сергей Рымаренко, активный деятель революционного движения на рубеже 50-х и 60-х годов, принимавший участие в создании «Земли и воли», и не раз упоминавшийся Слепцов.

Ниже, при дальнейшем изложении хода общественного движения 60-х годов в Петербурге, мы встретимся еще с некоторыми, более или менее отрывочными данными об общении представителей революционной интеллигенции с рабочими (конечно, пока с немногими рабочими), имевшем целью распространение как грамотности и элементарных знаний, так и социально-политического просвещения. Сама рабочая среда Петербурга в 60-х годах еще не выделила настоящих революционных деятелей — по крайней мере фактов такого рода пока не уста-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов, под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. I. Госполитиздат, М., 1950, стр. 586.

² Впоследствии он совершенно порвал с демократическим лагерем и, будучи в 1906 г. избран в Государственный Совет, примыкал уже там к правым.

³ М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 401—438; А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV, стр. 317—324; Дело Я. А. Ушакова. Былое, 1906, № 6, стр. 30—32; Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 586—599.

повлечено. Но нельзя сомневаться в том, что в известном, пусть узком, кругу рабочих столицы совершался уже процесс постепенного роста культуры и самосознания. Только в силу этого в самом же начале 70-х годов могла оказаться столь сравнительно благоприятная почва для революционной пропаганды Сердюкова, Снисгуба, Чарушина, Клеменда и других (см. следующую главу). В качестве примера самоподготовки передового рабочего можно указать на Марка Малиновского, который, еще юношей приехав в 1866 г. в Петербург, проявил сразу большую тягу к просвещению, усиленно читал книги по разным отраслям знания, причем доставал их в книжном магазине (с библиотекой для чтения) Черкесова, продолжавшего известное дело Н. Серно-Соловьевича.¹

Правящие круги, как известно, уже в те времена с опаской наблюдали за фабрично-заводскими рабочими, хотя и тешили себя иллюзиями относительно «отсутствия» в России пролетариата. Недаром была отвергнута в 1866 г. мысль об отправке группы русских рабочих на всемирную выставку в Париж, из опасения, что революционная эмиграция обретет в их лице «значительное число орудий» («большую часть, конечно, несоизнательных» — утешали себя власти), посредством которых она могла бы «действовать в множестве фабричных центров на самую развитую, но вместе с тем и самую впечатлительную, часть нашего народонаселения».²

Крупных проявлений массовой рабочей борьбы в Петербурге 60-х годов не известно. Но отдельные конфликты и волнения несомненно имели место. Из материалов судебного процесса по поводу знаменитой стачки на Невской бумагопрядильне 1870 г. известно, например, что и до названной забастовки рабочие неоднократно соглашались между собой просить об увеличении заработной платы и во всех этих случаях отправлялись для предъявления своих требований «все вместе». Одно из волнений на Невской бумагопрядильне относится, видимо, к первой половине 60-х годов (рабочие тогда жаловались на неправильные действия фабричной администрации военному генерал-губернатору Суворову).³

В 1867 г. происходили волнения рабочих Сестрорецкого оружейного завода под Петербургом, «освобождаемых» тогда от обязательного труда, — на почве невыдачи провианта и неправильного расчета заработной платы.⁴

Не говорим уже о мелких конфликтах и тяжбах, повседневно возникавших между отдельными рабочими или небольшими группами рабочих и нанимателями

¹ См. о судьбе М. П. Малиновского на стр. 329.

² Конфиденциальное письмо министра финансов М. Х. Рейтерна от 5 мая 1866 г. на имя герцога Н. М. Лейхтенбергского. Возникший в 1869 г. подобный же вопрос о поездке рабочих (тогда, в частности, из Польши) на международную выставку в Лондоне также был категорически решен в отрицательном смысле, но на основании сближения трудящихся России с рабочими других стран.

³ Показание свидетеля по делу о стачке 1870 г. Цыганова (Ведомости С.-Петербургской городской полиции, № 137, от 19 июня 1870 г.).

⁴ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 228—230.

и в описываемое время служивших очень часто предметом устного разбирательства в особой комиссии, учрежденной в 1858 г. (упраздненной в конце 1866 г. в связи с введением новых судебных учреждений).¹

* * *

Одновременно с закрытием в Петербурге и по всей России воскресных школ, а заодно народных читален в Петербурге был закрыт Шахматный клуб литераторов. Тогда же, в июне 1862 г., правительство приостановило на 8 месяцев лучшие демократические журналы — «Современник» и «Русское слово», нанеся этим тяжелый удар демократической литературе и журналистике, в том самом и всему демократическому движению.

Как раньше упомянуто, 2 июля был арестован самый выдающийся из деятелей «Русского слова» — Д. И. Писарев. Еще через пять дней правительство арестовало и заключило в Петропавловскую крепость, в Алексеевский равелин, вождя демократического лагеря Николая Гавриловича Чернышевского (Чернышевский жил перед арестом, начиная с мая 1861 г., недалеко от Владимирской церкви в доме Есауловой по Большой Московской улице). Тогда же был арестован друг Чернышевского и Герцена, выдающийся революционер начала 60-х годов Николай Серно-Соловьевич.

Арестом Чернышевского правительство осуществило гнусный план, вынашивавшийся уже довольно давно.

Еще 15 ноября 1861 г. агентурные сведения III отделения отметили, что «за Чернышевским учрежден самый бдительный надзор».² 23 ноября министр внутренних дел Валуев распорядился особым циркуляром о невыдаче Чернышевскому заграничного паспорта. Шеф жандармов Долгоруков в апреле 1862 г. представил Александру II доклад, в котором, доказывая «ншатность» политического положения в стране и «возрастающую с каждым днем смелость революционных происков», предлагал подготовить и провести ряд «чрезвычайных» полицейских мер, в том числе одновременный обыск в Петербурге у 50 заподозренных III отделением общественных деятелей, с принятием против них различного рода репрессий в зависимости от результатов обысков. Именно «литератор Чернышевский» возглавлял составленный в III отделении список, а вслед за ним в списке фигурировали Шелгунов, Елисеев, Благосветлов, Антонович и др.³ О Чернышевском в списке было сказано, что он подозревается в составлении

¹ По отчету о действиях Комиссии для разбора дел между рядовыми и рабочими с 31 июля 1858 г. по 31 июля 1861 г. в эту комиссию поступило 2738 дел или исков «от разного рода рабочих, отдельных лиц и артелей»; истцов по этим делам в общей сложности было до 16 тыс., ответчиков — до 3 тыс. (Время, СПб., 1881, т. VI, отд. IV, Смесь, стр. 5—7).

² Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения, стр. 88.

³ Процесс Н. Г. Чернышевского, стр. 12—39.

После ареста Серно-Соловьевича и Чернышевского Александр II писал своему брату великому князю Константину: «Найденные бумаги доказывают явное сношение их с Герценом и целый план революционной пропаганды по всей России... Есть надежда, что мы, наконец, попали на настоящий источник всего зла». «Либеральный» Константин Романов, находившийся в тот момент в Польше в качестве царского наместника, поспешно отвечал: «Как я рад известию об арестовании Серно-Соловьевича и, особенно, Чернышевского. Давно было пора с ними разделаться».¹

Но «юридических фактов» для того, чтобы «разделаться» с Чернышевским, все-таки попрежнему не хватало; их пришлось правительству Александра II искусственно фабриковать путем грубых подлогов и широкого использования провокации (как в деле Михайлова, снова был призван на помощь злостный предатель и провокатор Всеволод Костомаров).

«Дело» Чернышевского тянулось почти два года. Великий революционер держался с исключительной твердостью и стойкостью, не делая ни малейших уступок следователям, неуклонно отвергая все «обвинения».

В феврале 1864 г. Сенат вынес в окончательном виде приговор по делу Чернышевского. «За злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания к барским крестьянам и передачу оного для навешивания в видах распространения» Чернышевский был присужден к каторжным работам в рудниках на четырнадцать лет и к поселению после отбытия каторги в Сибири навсегда. В приговоре содержалась также прямая ссылка на легальную, подцензурную литературную деятельность Чернышевского, указывалось, что Чернышевский являлся «особенно вредным агитатором», имевшим «большое влияние» на молодежь, в которой он «разливал материалистические и крайних пределах и социалистические идеи».² В апреле 1864 г. Александр II утвердил сенатский приговор, уменьшив до семи лет срок каторжных работ; после преступного и разбойничьего приговора сената царю ничего не стоило, конечно, пойти на подобное «смягчение».³ «Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение», — писал о приговоре над Чернышевским Герцен в «Колоколе».⁴

Находясь в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, Чернышевский продолжал свои научные и литературные занятия. Из многих важных

¹ Переписка имп. Александра II с вел. князем Константином Николаевичем. Дела и дни, кн. I, СПб., 1920, стр. 141, 148.

² Професс Н. Г. Чернышевского, стр. 330.

³ К тому же Чернышевский по окончании срока каторги вообще не был выпущен на поселение и еще в течение многих лет содержался фактически в заключении — в далеком Вильямском остроге.

⁴ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XVII, 1922, стр. 260—261.

и ценных произведений, написанных Чернышевским в период крепостного заключения, наибольшее значение имеет его знаменитый роман «Что делать?», начатый им в декабре 1862 г. и законченный в апреле 1863 г. Роман удалось напечатать в третьем, четвертом и пятом номерах «Современника» за 1863 г. Он, как известно, произвел громаднейшее впечатление на современников, причем влияние его начало ярко сказываться сразу после его опубликования. Так, Е. Н. Водовозова, вспоминая петербургскую обстановку осени 1863 г., сообщает: «Кого только не приходилось посещать в это время, всюду шли толки о романе Чернышевского „Что делать?“... Его обсуждали не только в собраниях, специально для этого устраиваемых, но редкая вечеринка обходилась без споров и толков о тех или других вопросах, в нем затронутых».¹ Другой из современников, П. А. Кропоткин, категорически свидетельствует, что для русской молодежи роман Чернышевского (Кропоткин именуется его повестью) был «своего рода откровением». «Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя, — пишет Кропоткин, — не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского». Она сделалась «знаменем для русской молодежи».²

* * *

В то время, когда Чернышевский сидел в крепости, уцелевшие от арестов его друзья и ученики прилагали героические усилия в борьбе с реакцией и продолжали пропагандистско-агитационную и организационную работу, начатую еще тогда, когда Чернышевский находился на воле. Во главе этой работы стояло тайное революционное общество «Земли и воля».

В историю Петербурга «Земли и воля» входит двояко: с одной стороны, здесь находился центр этой наиболее крупной тайной революционной организации 60-х годов, стремившийся, по возможности, налаживать и направлять работу везде, где «Земли и воля» имела связи или более или менее оформленные отделения; с другой, Петербург именно являлся в первую очередь и непосредственным полем деятельности «Земли и воли», причем для руководства революционной работой в самой столице существовал и особый, местный комитет этой организации.

Начало формирования общества «Земли и воля», повидимому, относится ко второй половине 1861 г. Выше указывалось на некоторые легальные (по крайней мере по форме) общественные начинания, связанные с первыми, подготовительными шагами землевольцев. Но главная их деятельность носила нелегальный, подпольный характер. Судя по воспоминаниям одного из основных деятелей

¹ Е. Н. Водовозова. На заре жизни. Воспоминания. СПб., 1911, стр. 572.

² П. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907, стр. 306—307. Ср. о романе «Что делать?» на стр. 422—423.

«Земли и воли» 60-х годов А. А. Слепцова, известным до сих пор только в пересказе и цитациях историка М. К. Лемке, весной 1862 г. в центре будущего, еще не вполне оформленного общества стояли Николай и Александр Серно-Соловьевичи, сам Слепцов, Николай Обручев и известный поэт-сатирик, редактор «Искры» Василий Курочкин. После того как Николай Серно-Соловьевич был арестован, а Александр Серно-Соловьевич, находившийся в момент ареста брата за границей, вынужден был остаться в эмиграции, их места в центре общества, согласно тем же сведениям, были заняты Николаем Утиным и редактором «Русского слова» Григорием Благосветловым; в качестве заместителей (впоследствии сказали бы — кандидатов), по словам Слепцова, были избраны Николай Курочкин (брат Василия, врач, тоже один из главных сотрудников «Искры») и один из руководителей «Современника», не раз упоминавшийся Г. З. Елисеев. Землеволецкий центр в это время (в конце 1862 г.) стал называться Русским центральным народным комитетом.¹

«Земли и воля» имела самый крупный (после петербургского) отдел в Москве; кружки, или комитеты, «Земли и воли» имелись в Казани, Нижнем Новгороде, Твери и других городах.

К местному петербургскому комитету «Земли и воли» принадлежали Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, М. С. Гулевич, А. А. Жук и др. В работе петербургского комитета из членов центра, кроме Утина, непосредственно участвовал Слепцов (до своего отъезда в январе 1863 г. за границу). Из петербургской группы вышла первая землеволецкая прокламация (написанная Утиным) — «К образованным классам», датированная 30 августа 1862 г. Она была распространена в первой половине сентября в самом Петербурге и в Москве, а вскоре появилась и в провинции.²

Правительству «шора было бы понять, — указывалось в прокламации петербургских землевольцев, — что никакие угрозы не могут заставить людей отказаться от того, что составляет вопрос их жизни, и что каждое преступное действие его только усилит энергию людей, посвятивших жизнь свою великому делу освобождения». Прокламация обличала «нагубное легковерие» общества, пришедшего в смятение от появления листка «Молодой России», «случайно столкнувшегося» с петербургскими пожарами. Прокламация призывала общество опомниться: «Шоймите, что правительство... само ведет себя к бездне падения... Если вы будете на стороне правительства, то народ, грозное восстание которого близится, будет против вас».³ По словам участвовавшего в выпуске листка «К образованным классам» Пантелеева, молодежь в Петербурге все-таки находила его

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XVI, 1920, стр. 74, 76, 84, 85.

² Там же, т. XV, стр. 520.

³ Колокол, лист 148, от 22 октября 1862 г., стр. 1227.

бледным, а многие прямо заявляли, что нет смысла обращаться к обществу — следует говорить только с народом.¹

«Земля и воля» ставила себе целью возможно более широкую концентрацию антиправительственных сил в обеих столицах и провинции; вовлечению последней в движение придавалось некоторыми деятелями общества особенно большое значение. Учащаяся молодежь, передовые круги офицерства, прогрессивные литераторы, представители некоторых других интеллигентных профессий (например, педагоги) — вот те общественные элементы, на которые в первую голову опиралась «Земля и воля» в своей практической работе. Недовольство народных масс учитывалось как определяющий фактор будущего решительного подъема борьбы. Распространенное в то время убеждение, что весной 1863 г., когда закончится срок,

*Н. А. Сербо-Соловьевич. Фотография.
Около 1860 г.*

установленный для введения в действие Положений 19 февраля, поднимется мощная, еще небывалой силы волна народного возмущения, разделялось в кругу землевольцев. Сплочение сил преданной интересам народа интеллигенции, подготовка к этому желанному моменту представлялись им важнейшей задачей.

Прокламация-статья Н. П. Огарева «Что нужно народу?», появившаяся еще в середине 1861 г., служила, как утверждает в мемуарной литературе землевольцев, как бы исходной платформой будущей «Земли и воли». В феврале 1863 г. появился в Петербурге и Москве программного значения лист под названием «Свобода», составленный землевольцами в Петербурге. Подвергая резкой критике всю политику правительства, «Свобода» подчеркивала, что «императорское самодержавие» по существу своему неспособно удовлетворить потребности

¹ Л. Ф. Пантелеев, ук. соч., стр. 279.

России в «новой свободной жизни» и потому должно быть разрушено. Для людей, отдавшихся целиком служению делу народного освобождения, «исход один только — в неуклонной борьбе с врагом русского народа, с императорским правительством». Для этой борьбы, — как указывала «Свобода», — и составилось общество «Земля и воля». Революция в России неизбежна, писали землевольцы в «Свободе», она «неминуемо разразится в восстании ограбленного и подавленного народа», и она «может получить исполинские размеры кровавой драмы, если по крайней мере честное большинство из «образованных классов», став на сторону народа, «не обессилит тем самым окончательно правительства». Разрушение самодержавия и «торжество народных интересов» должны были, по мысли авторов «Свободы», привести прежде всего к созыву «Народного собрания» из выборных представителей народа для определения «нового общественного строя нашего свободного отечества».¹ «Свобода», видимо, была напечатана в подпольной землевольческой типографии, находившейся на Петербургской стороне и обслуживавшейся принадлежавшим к организации «Земля и воля» студенческим кружком Ф. С. Судакевича.

Вскоре после окончательного оформления «Земли и воли», в самом начале 1863 г., вспыхнуло польское восстание. Восстание это, а также дипломатические осложнения с некоторыми западными державами, вызванные им, дали второй, после летних событий 1862 г., толчок росту реакционных настроений и привилегированных слоев русского общества.

Демократическая русская общественность не только не поддавалась шовинистическо-реакционной волне, поднявшейся в 1863 г. в связи с восстанием в Польше, но, напротив, всеми силами боролась с нею и со своей стороны морально, а в лице революционной офицерской организации в Царстве Польском, связанной с «Землей и волей», и практически помогала восставшим против царского гнета полякам.²

Землевольческому центру в Петербурге принадлежало почетное место в этой борьбе. Накануне восстания, в конце 1862 г., в Петербурге шли переговоры между представителями польских революционеров и землевольцами о возможности совместных действий. Русские революционеры пока еще не в состоянии были обеспечить полякам серьезную и широкую боевую поддержку,³ и землевольцы высказывали поэтому пожелание об отсрочке самого восстания в Польше. Но они обещали действовать всеми доступными им средствами на русское общественное мнение в пользу национально-освободительной борьбы Польши, и это обещание

¹ Колокол, лист 164, от 1 июня 1863 г., стр. 1349—1350.

² Глава восставшей организации Андрей Потобин, погибший в борьбе с царскими войсками в Польше в 1863 г., был воспитанником Константиновского кадетского корпуса (позднее — Константиновское военное училище) в Петербурге.

³ Обсуждался, впрочем, вопрос о возможности организовать диверсию в России с целью воспрепятствовать посылке в Польшу свежих войск.

они полностью выполняли. Этой цели, между прочим, служил второй номер «Свободы», вынужденный петербургским центром «Земли и воли» по согласованию с редакцией «Колокола», особенно тесно тогда с «Землей и волей» связанной, и распространявшийся в июле 1863 г.

Широкий разлив реакционных настроений, неудачи польских повстанцев, новое усиление репрессий — все это, однако, очень неблагоприятно отражалось на деятельности «Земли и воли». С другой стороны, не оправдались ожидания крестьянского восстания, приурочивавшегося передовой интеллигенцией к 1863 г.

О серьезной практической деятельности «Земли и воли» в самом Петербурге летом 1863 г. не имеется сведений (кроме распространения «Свободы»). Комитет «Земли и воли» был в это время значительно ослаблен; не было ни Слесцова, ни Утица, которому пришлось в середине 1863 г. бежать за границу; вынужден был отстраниться от активной работы Николай Обручев.

Осенью 1863 г. в местной петербургской землевольческой группе встал вопрос о самоликвидации общества, решенный в этом смысле, хотя и с оговорками, что при первых благоприятных обстоятельствах работа будет возобновлена.

* * *

Прекращение деятельности «Земли и воли» как бы внешне символизирует окончание того периода «общественного возбуждения и революционного натиска» (Ленин), который падает на конец 50-х и начало 60-х годов.

«Реформа 61-го года, — пишет В. И. Ленин, — отерочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму».¹

Неорганизованность, полная незрелость в политическом отношении крестьянского движения, которое, достигнув наивысшего уровня в 1861 г., уже в 1862 и 1863 гг. пошло в той или иной мере на убыль, а после 1863 г. резко и стремительно упало; отсутствие у крестьянства такого союзника и руководителя, как рабочий класс (который тогда еще не сложился в политическую силу, способную возглавить борьбу всех трудящихся); отсутствие реальной организационной связи между демократической интеллигенцией и крестьянской массой; неустойчивость оппозиции в дворянском и буржуазном обществе, предательская политика либеральной оппозиции в отношении революционеров и революционного движения, ее готовность в критический момент фактически поддержать правительство — все это помогло царизму удержать свои основные позиции, отбить революционную волну, все это дало ему возможность после некоторой полосы вынужденных уступок перейти снова к откровенно реакционному курсу.

«Идеологом» перешедшей в наступление реакции выступал М. Катков со своими «Московскими ведомостями» и «Русским вестником». В Петербурге верхи

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 99.

привилегированного общества стремились не отставать от Каткова. Немалое количество прежде либеральничавших элементов дворянского общества переметнулось на сторону Каткова и катковцев, славило Муравьева-вешателя. Открыто солидаризировалась в тот момент с властью, с Катковым, с Муравьевым часть официальных, «признанных» либералов. Дело дошло до того, что под откровенным адресом Муравьеву, поданным ему в ноябре 1863 г., наряду с несколькими десятками представителей петербургского «высшего света» подписался «сам» К. Д. Кавелин, хотя даже петербургский генерал-губернатор Суворов отказался тогда присоединиться к этому приветствию «людоеду».

Герцел об этом времени говорил (в поговорном «Колоколе» 1864 г.) как о поре «общего оподлелия, измены вчерашних друзей, распутства мысли, бесстыдства слова»; он страстно негодовал «при виде целого общества, лобызającego руки палачам, целой литературы духовно-светских доносов».¹

Такой вид являла, как сказано, и весьма значительная часть петербургского привилегированного «общества».

Наступило время стужи,
Всюду грязная вода,
И сердца грязнее лужи,
И в журналах ерунда,—

писала «Искра» Курочкина в конце 1863 г.²

Но, конечно, не ко всем это относилось сердцам и также, разумеется, не ко всем журналам, не ко всей литературе. Немало было благородных сердец, возмущенных насильем, произволом реакции. Выше говорилось о деятельности «Земли и воли», захватывающей в 1862 и 1863 гг. Землеволюцы не были одиоки в своих чувствах и мыслях, они были выразителями настроений довольно широкого демократического круга в Петербурге. В середине 1863 г. Василий Боткин, один из видных либеральных деятелей «сороковых годов», теперь, в 60-х, все сильнее правевший, в письме к Тургеневу, где он восхвалял Каткова и радовался «великой перемене» в русском обществе (т. е. повороту к шовинизму и реакции), одновременно сожалел о «яде революционных учений», которым «заражена» преимущественно молодежь и особенно, как он подчеркивал, петербургская молодежь.³

Трудная, но почетная миссия выпала в тогдашней обстановке петербургской журналистике демократического лагеря — «Современнику», «Русскому слову», возобновившим свой выход в начале 1863 г., и сатирической «Искре».

¹ А. И. Герцел, Полное собрание сочинений и писем, т. XVII, 1922, стр. 3.

² Искра, 1863, № 41, стр. 591.

³ В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 175—178.

В деятельности «Современника» в 1863—1864 гг. исключительно важную роль сыграл великий русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Вместе с Некрасовым, Елисеевым, Антоновичем, Пыпиным он работал одним из редакторов «Современника». Лучшее ряда своих товарищей по журналу Салтыков понимал особенности сложившейся политической обстановки и задачи демократии в борьбе с реакцией. В блестящих сатирических очерках, в публицистических обзорах он обличал политику правительства и господствующих классов, клеймил предательство либералов, горячо защищал прогрессивную молодежь от сыпавшихся на нее обвинений и нападок. Салтыков выдвигал на первый план проблему народа, разъяснял его историческую роль, звал к сближению с массой, ориентировал на нее передовое общественное мнение.

Салтыков подчеркивал, что «уважение к народу (принимая это выражение в смысле массы) и служение его интересам представляют... один из тех богатых жизненных идеалов, которые могут наполнить собою все содержание человеческой мысли и деятельности». «Это истина, — писал он, — которую могут отрицать лишь очень ограниченные люди, не понимающие, что все общественные идеалы, как бы ни было велико их разнообразие, все-таки, в окончательном результате, сливаются и сосредоточиваются в одном великом понятии о народе, как о конечной цели всех стремлений и усилий».¹

Нельзя, однако, умолчать о том, что самый выдающийся из русских (и петербургских) журналов — «Современник» — в описываемые годы, после смерти Н. А. Добролюбова, после ареста, а затем и осуждения Н. Г. Чернышевского, уже не стоял на прежней высоте. В области философии в нем теперь наряду с защитой материализма (в работах М. А. Антоновича) пропагандировались позитивистские идеи, враждебные материализму. В области социально-политической более явственно обозначились тенденции узко народнического и, частью, прудонистского характера и т. д. Недостатки журнала, ставшие особенно заметными после выхода из редакции и временного отъезда в провинцию М. Е. Салтыкова-Щедрина, делали его более уязвимым для критики, которая шла отчасти из рядов, духовно более или менее близких. В тот период развернулась полемика между «Современником» и «Русским словом» (противники демократии злорадно окрестили ее «расколом в нигилистах»). «Русскому слову» теперь почти безраздельно отдавала свои симпатии часть прогрессивной молодежи. Между тем в самом «Русском слове» выпячивались по временам задачи нравственного воспитания личности и бытовые проблемы за счет вопросов общественно-политических; в обстановке резкого ослабления народного крестьянского движения чувствовались недостаток и упадок веры в решающую историческую роль масс, преувеличение значения интеллигенции, чрезмерная оценка роли пропаганды знаний,

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1941, стр. 359.

главным образом естественно-научных, в деле общественного обновления России и всего человечества — черты, отмеченные уже выше в связи с характеристикой Д. И. Писарева.

Все эти слабости петербургской демократической журналистики периода 1863—1866 гг. невозможно игнорировать. Но, с другой стороны, ни в коем случае нельзя не видеть и того весьма важного вклада, который она, несмотря на все ее недостатки, вносила в политическую и культурную жизнь столицы и всей страны. Недаром демократические журналы вызвали дикую злобу в лагере реакции, которая поспешила расправиться с ними при первом показавшемся удобным предлоге (выстрел Каракозова в 1866 г.).

* * *

В пору обозначившегося уже достаточно ясно упадка (временного упадка) освободительного движения, в 1864 г., произошло в Петербурге событие, доказывавшее, что все же движение это до конца не подавлено, да и ни в коем случае не может быть подавлено вполне.

19 мая 1864 г. совершена была так называемая гражданская казнь над Н. Г. Чернышевским. Дикий обряд происходил на Мытинской площади в Рождественской части («Пески»), где в настоящее время — сад им. Н. Г. Чернышевского на пересечении проспекта Бакунина и Херсонской улицы.

В жандармском донесении от того же дня говорилось: «Сегодня, в 9 часов утра, на Мытинской площади, произведено публичное объявление приговора государственному преступнику Чернышевскому. Вероятно, по случаю дурной погоды с утра, Чернышевский приведен был на лобное место не в восемь часов, как объявлено было в газетах, а в $\frac{3}{4}$ девятого часа». Публики собралось двести тысяч, из них «простого народа» — не более $\frac{1}{2}$, остальные — «чиновного сословия» (т. е. интеллигенция). Замечено было много жевщиц в черных платьях (в документе они названы были «нигилистками»). Донесение отмечало присутствие литераторов — Павла Якушкина, Пышина, Курочкина и др. Из офицеров, присутствовавших в публике, «большинство были армейские стрелки и академисты». Присутствовали воспитанники (немногие) училища правоведения, строительного училища, были студенты-технологи и т. д. «Студенты Медицинской академии присутствовали во множестве».

Очевидец, находившийся на площади, офицер из Академии генерального штаба Владимир Гейне описал в следующих словах происшедшее на площади. Высокий черный столб с цепями, эстрада, окруженная солдатами и жандармами, городские, поставленные друг возле друга, чтобы держать публику на достаточном расстоянии. Чтение приговора, продолжавшееся около четверти часа. Никто его не мог слышать. Сам Чернышевский, уже знавший его, менее кого-либо другого проявлял интерес к этому чтению. По окончании последнего палачи опустили

*Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского. Картина маслом работы Н. Г. Соловьева. 1939 г.
Музей Некрасова в Карабихе.*

Чернышевского на колени, сломали над его головой саблю и затем, поднявши его выше на несколько ступеней, взяли его руки в цепи, прикрепленные к столбу. В это время пошел очень сильный дождь. Заложивши руку в руку, Чернышевский спокойно ждал. В толпе было мертвое молчание. Однако именно во время чтения приговора Мария Михаэлис бросила Чернышевскому через толпу букет цветов, который, не долетев по назначению, упал к ногам полицейского офицера. Михаэлис была тут же задержана и отправлена к обер-полицеймейстеру (она поплатилась высылкой в деревню).

По окончании «казни», как вспоминал Гейнс, все ринулось к карете, увозившей Чернышевского, прорвали линию городовых, схвативших было друг друга за руки, и только усилиями конных жандармов толпа была отделена от кареты. Карета сначала пошла шагом; кучка людей догнала ее. «Нужен был, — по словам Гейнса, — какой-нибудь сигнал, чтобы совершилась овация. Этот сигнал подал один молодой офицер; снявши фуражку, он крикнул: „Прощай, Чернышевский!“; этот крик был немедленно поддержан другими и потом сменился еще более кожим словом: „До свидания“». Чернышевский, выглянув из окна

кареты, отвечал поклонами. Находившаяся сзади толпа ринулась также догонять карету, которая, однако, теперь быстро удалилась. Впрочем, бывшая вблизи кучка еще некоторое время бежала, еще продолжались крики и махание платками и фуражками.¹

Некоторые рассказывали, согласно свидетельству жандармского донесения, что при обратном следовании кареты с Чернышевским было брошено из публички еще несколько букетов.

Надо заметить, как сообщалось о том в большой корреспонденции о деле Чернышевского, напечатанной в «Колоколе», что утром 19 мая «на Мытнинской площади присутствовала по крайней мере одна треть всей петербургской полиции во всевозможных костюмах». «Этот полицейский маскарад был устроен для противодействия демонстрации, которой все ожидали», — объяснял корреспондент.²

Тот же автор статьи в «Колоколе» удостоверял, что сочувствие к судьбе Чернышевского «было в Петербурге всеобщее», хотя, по его словам, встречались, конечно, и личности (среди реакционных кругов, — *Ред.*), громко одобрявшие правительство.

Знаменательно то, что среди петербуржцев находились люди, далеко не удовлетворенные характером и масштабами демонстрации, сопровождавшей «гражданскую казнь» Чернышевского, недовольные слишком, как они находили, пассивным поведением присутствовавших, возмущенные, в частности, тем, что толпа на площади позволила полиции арестовать Марию Михаэлис.

* * *

Общественный подъем, начавшийся в 50-х годах, за несколько лет до крестьянской реформы, оборвался примерно в 1863 г. Царизм устоял и перешел в контрнаступление. Демократия временно оказалась ослабленной, в частности и в Петербурге. Когда в январе 1866 г. глава новой революционной группы, возникшей перед тем в Москве, Н. А. Ишутин приехал в Петербург для свидания с И. А. Худяковым, главным деятелем связанного с ишутинцами петербургского революционного кружка, то Худяков на вопрос — «существует ли кто-либо из молодежи в Петербурге, способных к пропаганде и организации», ответил, — так показывал потом Ишутин на следствии, — что «вся молодежь была долгое время под влиянием реакции, но что теперь, кажется, начинает понемногу пробуждаться».

Здесь надо разуместь не внутреннее деморализирующее влияние реакции (которое никак не могло охватить и не охватило «всю молодежь»), а главным

¹ Н. В. Рейгард. Н. Г. Чернышевский по воспоминаниям и рассказам разных лиц. Русская старина, 1906, № 2, стр. 460 и след.

² Колокол, лист 190, от 15 октября 1864 г., стр. 1560.

³ Понушевич Каракозова, т. I. М., 1928, стр. 302.

образом упадок политической революционной активности, дезорганизованность и т. д. Вместе с тем несомненно, что толчок, полученный передовой молодежью и всей прогрессивной общественностью в годы подъема, продолжал оказывать свое действие в различных направлениях и областях.

В годы упадка и резкого сокращения прямых политических проявлений борьбы продолжалось, однако, прогрессивное идейное движение в сфере культуры. Так, расширился круг демократов-разночинцев, действовавших в области литературы, и упрочивалось их влияние на ход литературного развития; в середине и второй половине 60-х годов работала в Петербурге возглавляемая И. Н. Крамским С.-Петербургская артель художников — предшественница (в известном смысле) Товарищества передвижных художественных выставок. В 60-х годах, тоже в Петербурге, развернулась деятельность композиторов «новой русской музыкальной школы» («могучей кучки»). Явственно обозначился подъем и расцвет русского естествознания.

Необходимо наряду с этим отметить борьбу за реализацию прогрессивных и демократических начал в сферах чисто бытовых, стремление разночинной молодежи к наибольшему согласованию в личной жизни теории, идей и практики, преследование всяких проявлений барства и тупейства, большое тяготение даже к физическому труду, движение в пользу освобождения женщины.

В значительной степени под воздействием романа Чернышевского «Что делать?», но также и непосредственно в силу складывавшихся новых бытовых условий в Петербурге одно время получили распространение так называемые «коммуны» — товарищеские общежития, преследовавшие не только материальные цели (упрощение и удешевление быта), но и идейные — самообразование и саморазвитие, подготовку почвы для создания производительных «ассоциаций». Такие «ассоциации» (швейные, переплетные и т. д.) тоже возникали под преобладающим влиянием «Что делать?».

Из ряда «коммун», возникших в Петербурге, особенно много разговоров возбудила слепцовская или знаменская «коммуна» (на Знаменской улице).

Душой ее был талантливый представитель демократической беллетристики 60-х годов Василий Слепцов. М. Горький писал о ней: «Он (Слепцов, — *Ред.*) устроил нечто вроде „коммун“ — общую квартиру для тружениц науки, пытался устроить для них переплетную и белошвейные мастерские, открыть контору для переписки деловых бумаг, организовал переводы с иностранных языков, устраивал публичные лекции, спектакли, литературные вечера в пользу своих „коммунистов“, делал все, что позволяли условия времени и стойкое сопротивление русского быта».¹

Бесспорно, что в Петербурге и после исчезновения «Земли и воли» существовали также отдельные кружки более определенного политического, революцион-

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 24, 1953, стр. 223.

ного характера. Об одном таком кружке рассказывает известный впоследствии революционер М. П. Сажин. В Петербурге в середине 60-х годов, по его словам, среди офицеров-артиллеристов и офицеров Генерального штаба образовался кружок чернышевцев, т. е. последователей Н. Г. Чернышевского. Сажин называет в качестве членов кружка ряд офицеров-артиллеристов (Богданова, братьев Черновых и др.) и офицера Генерального штаба Гейнса. К кружку прикинул и сам Сажин, тогда бывший студентом Технологического института.¹

Кружок занимался самообразованием и распространением запрещенных сочинений. Некоторые из членов кружка, в том числе Сажин, днем занимались в школе с подростками; по вечерам иногда приходили рабочие с какого-то завода, с которыми велись беседы («легальные, на житейские темы», — сообщает Сажин).²

Кружок И. А. Худякова, талантливого молодого ученого-фольклориста и популяризатора, типичнейшего разночинца, возник также в середине 60-х годов. Ишутин в своих показаниях, после ареста по делу о покушении Каракозова на Александра II, назвал Худякова «человеком петербургской социалистической партии».³ Связь Худякова и его товарищей с московским ишутинским кружком, к которому принадлежал Каракозов, относится к 1865—1866 гг. Герман Лопатин, революционный деятель 60—80-х годов, лично знавший Худякова, говорит о нем, что он «принадлежал и душой и телом московскому кружку заговорщиков и составлял центр петербургского отделения этого общества». «Компания, которой он был душой, — пишет тот же Лопатин о деятельности петербургского худяковского кружка, — постоянно обучала грамоте разных отставных солдат, мастеровых и т. п. людей. Понятно, что эти занятия грамотой, происходившие на частных квартирах, не ограничивались этой скромной целью, но переходили в беседы гораздо более поучительного свойства»,⁴ т. е. в революционную пропаганду. Сам Худяков много сил отдал и печатной пропаганде в народе, путем таких легальных, цензурных (однако частью подвергшихся преследованию и впоследствии уничтожавшихся властями) книжек, как «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», «Рассказы о старинных людях», «Древняя Русь», изданная несколько позже, в 1867 г., и т. д.

С петербургским худяковским кружком связаны планы освобождения Н. Серно-Соловьевича и Чернышевского.

Серно-Соловьевич, после ареста в 1862 г. проведенный три года в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, в 1865 г. был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь навсегда. Худяков посылал представителя своего кружка в Москву к ишутинцам для того, чтобы совместно обсудить вопрос об организации побега

¹ М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 25.

² Автобиография М. П. Сажина. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, вып. 7—8, стр. 390.

³ Покушение Каракозова, т. I, стр. 301.

⁴ Герман Александрович Лопатин. Подгот. к печати А. А. Шилов. Пгр., 1922, стр. 137.

Серно-Соловьевича из Сибири. План не был осуществлен; Серно-Соловьевич умер в Иркутске в начале 1866 г. (перед смертью он участвовал в попытке подготовить восстание ссыльных). Также не были доведены до конца приготовления к организации побега Чернышевского с каторги, очень занимавшие Худякова и его кружок в Петербурге и ишутинцев в Москве. «В предположении об освобождении Чернышевского он представляется главным деятелем», — говорилось о Худякове в обвинительном акте.¹

Для ишутинцев или их части характерны черты своеобразного «аполитизма». Ишутин прямо выражал страх перед конституцией, при которой, как ему казалось, народу будет еще «во сто крат хуже». Ишутинцы толковали о скорейшем «экономическом» перевороте, о «социальной» революции, плохо притом отдавая себе отчет в существовании социализма и социалистической революции. Субъективно признавая себя последователями Чернышевского, они в ряде вопросов, в том числе и в своей оценке политических преобразований, отходили от позиций Чернышевского. Ишутинское отношение к «политике» в какой-то мере предвосхищало установки будущих народников-бакунистов. Худяков в этом вопросе занимал иную позицию. «Худяков в разговорах со мной высказывал мысль, что социальному перевороту должен предшествовать политический», — показывал Каракозов следственной комиссии.² Сам Худяков в своих показаниях неоднократно выражал сочувствие политическим преобразованиям демократического характера, отстаивал необходимость созыва Земского собора на основе всеобщего избирательного права.

Д. В. Каракозов, приехавший в Петербург из Москвы с целью покушения на царя, не раз встречался с Худяковым, которого обвиняли потом в непосредственном пособничестве покушавшемуся. Катков в «Московских ведомостях» называл Худякова «искусителем», «главным зачинщиком». Но соответствующих улик не было, и Верховным уголовным судом Худяков был приговорен к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири. Худяков из ссылки не вернулся: он психически заболел и умер в 1876 г.

Перед покушением на Александра II Каракозов распространял в Петербурге рукописную прокламацию, адресованную «Друзьям рабочим». Он передавал ее и студентам.

Воззвание, автором которого Каракозов признал себя (что, впрочем, не говорит непременно в пользу его действительного авторства), наряду с правильной оценкой крестьянской реформы и существа царской политики («царь есть самый главный из помещиков, никогда он не потянет на мужицкую руку, потому — он самый сильный недруг простого народа»), содержало наивную, мелкобуржуазную характеристику оснований будущего социального строя и ложную оценку индивидуального террора, как якобы средства добыть «настоящую волю».³ Покушение

¹ Покушение Каракозова, т. I, стр. 37, 57.

² М. М. Клевенский. Н. А. Худяков, революционер и ученый. М., 1929, стр. 66.

³ Покушение Каракозова, т. I, стр. 293—294.

Каракозова, самое раннее из покушений революционеров на Александра II, явилось первым проявлением ошибочной, мешавшей развитию массовой революционной борьбы тактики, широко применявшейся впоследствии народолюбцами.

Покушение на Александра II (Каракозов стрелял в царя, но промахнулся) произошло в Петербурге 4 апреля 1866 г. у Летнего сада. Каракозов был задержан и через несколько месяцев казнен. К смертной казни, кроме Каракозова, был приговорен Ишутин. С ним Александр II повторил то, что Николай I позволил себе по отношению к петрашевцам: ему повешение было заменено бессрочной каторгой, но объявление об этом было сделано Ишутину только на Смоленском поле, когда все приготовления к казни были выполнены и он стоял на эшафоте в ожидании повешения.

Первое покушение на царя вызвало большое смутнение. Дворянские верхи, с одной стороны, более или менее широкая обывательская, мещанская среда, с другой, громко выражали свои монархические чувства.

М. Н. Муравьев был поставлен царем во главе следствия. Это была, по определению современников, «эпоха диктатуры в Петербурге Муравьева-вешателя». Лавров, современник описываемых событий, потом с отвращением вспоминал об этом времени «политической паники, охватившей наивных и трусливых русских либералов, когда в театре делали нелепые овации Комиссарову,¹ актеров, представлявших поляков в опере „Жизнь за царя“, заставляли, сняв каски, петь официальный гимн, когда подписывались бестолковые адреса, доносы сыпались как град, брат отрекался от брата, а кто хранил в шкатулке экземпляры „Молодой России“, „Великорусса“ или копии обширной рукописной литературы 50-х годов, торопился дрожащими от страха руками сжечь все это».²

Тогда разработана была целая обширная программа репрессий и реакционных мероприятий; были даже произведены перемены в составе правительства для устранения казавшихся слишком «слабыми» или недостаточно реакционными министров. Головин (он отвечал за школу, особенно высшую, которая была крайне заподозрена) сменил злейший вракобес Дмитрий Толстой, Долгорукова — его прежний начальник штаба Шувалов и т. д. Обрушились на литературу и передовых литераторов. «Современник» и «Русское слово» были окончательно закрыты. Множество журналистов и писателей подверглось аресту: Елисеев, братья Курочкины, Зайцев, Благовестлов, Минаев, В. Слепцов и др. Потом большинство выпустили, но тревоги весенних и летних месяцев 1866 г. долго не могли забыться.

После 4 апреля правительство решило воспретить все студенческие кружки и вообще «вредные ассоциации», существующие хотя бы для помощи нуждаю-

¹ Тому крестьянину-шапочнику, которому приписывали спасение царя.

² П. Л. Лавров. Герман Александрович Лопатин. Пгр., 1919, стр. 19.

щимся товарищам, и для лучшего выполнения этой меры установить «больше связи и взаимной поддержки между полицейским и университетским начальством». Помимо студенческих кружков, было решено запретить всякие вспомогательные кассы — приказчиков, типографчиков и пр. Поднято было преследование «наружных признаков» так называемых нигилистов, к каковым относили длинные волосы и синие очки у мужчин, короткие волосы — у женщин.

Начиналась полоса, которую сами современники назвали «белым террором».

Условия общественного движения, всех его форм, стали еще гораздо более затруднительными, неблагоприятными, по сравнению даже с периодом 1863—1866 гг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ НА РУБЕЖЕ 60—70-х И В 70-х ГОДАХ. БОРЬБА ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ В 70-х ГОДАХ

В конце 50-х и в особенности в самом начале 60-х годов освободительное движение в России находилось на крутом подъеме. Потом стал постепенно обозначаться спад общественной волны, и после 1863 г. поражение первого демократического патиска можно было считать совершившимся фактом. Еще через несколько лет, после событий 1866 г., торжество реакции должно было казаться особенно полным. Но на самом деле оно и теперь никак не могло стать прочным и окончательным. Причины, породившие освободительную борьбу, отнюдь не исчезли. Самодержавный режим тормозил развитие производительных сил, рост культуры. Бедствия народных масс обострились все более. Наряду с непримиримым антагонизмом между помещиками и крестьянами, который отнюдь не был снят или смягчен реформой 1861 г., проведенной крепостническим правительством, в процессе развития капитализма в России росли и углублялись противоречия между молодым рабочим классом и капиталистами. Правительственный гнет неизбежно порождал сопротивление передовых общественных сил. Демократическое движение только на время могло быть отброшено назад; оно непременно должно было, собравшись с силами, проявиться вновь.

Деятельность демократических элементов общества, ослабленная, но не приостанавливавшаяся даже в годы самого жестокого правительственного террора, проявлялась тогда особенно заметно в форме литературной борьбы. Закрытием в 1866 г. выходявших в Петербурге ежемесячных журналов «Современник» и «Рус-

ское слово» демократии был нанесен серьезный удар. Но группе деятелей «Русского слова», во главе с Г. Е. Благосветловым, уже в конце того же 1866 г. удалось организовать в Петербурге новый журнал «Дело», который издавался до начала 80-х годов (при участии Н. В. Шелгунова, П. Н. Ткачева и многих других представителей русской демократической журналистики). Позже, с начала 1868 г., удалось и бывшему редактору-издателю «Современника» Н. А. Некрасову создать свой новый орган; в его руки перешел журнал Краевского «Отечественные записки». Из бледного, умеренно либерального органа «Отечественные записки», во главе которых встали теперь Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев (вместе с ними видную роль в издании играли Г. И. Успенский и публицист-критик Н. К. Михайловский), превратились в яркий и живой демократический ежемесячник, к голосу которого на протяжении длительного времени, до конца его существования (1884), прислушивались широкие прогрессивные круги русских читателей.

Как с «Делом», так и — в значительно большей еще степени — с «Отечественными записками» связана во многом история так называемого народнического направления русской общественной мысли.

«Народничество» — писал впоследствии (1913 г.) В. И. Ленин, — очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действительного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов.¹

Герцен и Огарев, Чернышевский и Добролюбов заложили некоторые важные основы того общественно-политического мировоззрения, которое получило потом название народничества (в широком смысле этого слова). Но во вполне оформленном виде народническая система взглядов сложилась приблизительно на рубеже

Титульный лист журнала «Отечественные записки». 1868 г.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 490.

60-х и 70-х годов и затем в течение 70-х годов, причем в некоторых существенных пунктах (в философии, в вопросах социологии, также и в постановке отдельных проблем политического и экономического характера) воззрения народников 70-х годов отличались от взглядов названных мыслителей и деятелей 40—60-х годов, особенно Чернышевского и Добролюбова. Сравнивая, например, философские воззрения Чернышевского и известного народнического теоретика Михайловского, Ленин указывал: «В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России». В то время как Чернышевский до конца дней был материалистом, Михайловский, по словам Ленина, плелся за позитивистами.¹ Михайловский, Лавров, многие другие влиятельные народники очень преувеличивали роль прогрессивной («критически мыслящей») интеллигенции как двигателя общественного прогресса, не умели правильно понять решающую историческую роль народных масс, отступая и здесь — одни в большей, другие в меньшей степени — от теоретических позиций ряда своих предшественников, действовавших в 50—60-х годах. Это облегчало уклонение тех или иных народнических групп в заговорщичество и в терроризм, которые чужды были Герцену, Чернышевскому, Добролюбову. С другой стороны, шестидесятники и семидесятники имели важные общие черты. Те и другие были врагами царской монархии и отстаивали интересы крестьянства. Те и другие были представителями крестьянского утопического социализма, видевшими основную народную революционную силу в крестьянстве, верившими в сельскую общину как зародыш и базу социализма, рассчитывавшими на возможность особого, некапиталистического пути для России. Впрочем, нельзя упускать из виду того обстоятельства, что народники 70-х годов действовали уже в условиях более развитого капитализма, при значительно более заметном развитии рабочего класса и рабочего движения, и это объективно усугубляло ошибочность социально-экономического анализа и прогнозов, дававшихся народниками.

В. И. Ленин строго различал народников 70-х годов (тогда народничество переживало свою лучшую пору) и народников более поздних, особенно 90-х годов. Рассматривая социализм народничества на всех этапах его развития как мелкобуржуазный, вполне утопический, Ленин, однако, высоко оценивал — в противовес вырождающемуся, оппортунистическому легальному народничеству 90-х годов — боевой революционный демократизм народников-семидесятников, их смелую и самоотверженную борьбу против царизма и помещичьего землевладения.² Ленин рассматривал революционное народничество как буржуазно-демократическое дви-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 100—101.

² Конечно, и в 70-х годах народничество не было вполне единым. Не говоря уже о разных течениях и оттенках в самом революционном народничестве, уже и тогда наряду с боевыми демократами-народниками подвизались на общественной арене и, в частности, в литературе и журналистике сторонники чисто мирного, легального народничества. Но для 70-х годов характерна гегемония именно левого, революционного народничества.

жение, отражавшее ненависть крестьянской массы ко всем силам прошлого, их стремление к полному равенству в политике, к полному и решительному уничтожению всех остатков крепостничества. Революционерам 70-х гг. В. И. Ленин отводил место в ряду предшественников русской социал-демократии.

Общественное движение 70-х годов в Петербурге и во всей России связано с деятельностью революционных народников, но не исчерпывается последней.

Семидесятые годы характеризуются все более активной революционной борьбой передовых, сознательных рабочих, очень тесно связанной с народническим революционным движением, но в то же время проявлявшей уже тенденцию к самостоятельности, к преодолению (конечно, лишь в ограниченной степени) ошибочных народнических концепций. В 70-х годах происходит новое оживление крестьянского движения. К концу 70-х годов, ко времени второй революционной ситуации в России, относится и некоторый подъем либерального движения (земские выступления, усиление деятельности либеральной печати и т. д.).

При все возрастающем участии в революционной борьбе представителей формирующегося пролетариата России, в особенности русского пролетариата, преобладающую роль в революционном движении на всем протяжении 70-х годов продолжала играть демократическая интеллигенция: 70-е годы целиком еще относятся к разночинскому периоду русского освободительного движения.

Между широкой рабочей массой и русскими социалистами (в то время еще утопическими социалистами) не было в 70-е годы органической связи. Сближение русских социалистов (когда они стали на почву подлинного, научного социализма) с рабочими массами происходит в середине 90-х годов. Успехи рабочего движения в 70-х и тем более в 80-х годах являлись по существу предвестниками того решающего поворота в русском освободительном движении, который совершился в 90-х годах, когда оно вступило в свой завершающий — пролетарский — период и началось соединение социализма с массовым рабочим движением в России.

* * *

Несмотря на ненаучный, утопический характер социализма, который пропандировали деятели революционного движения 70-х годов, несмотря на слабость и неорганизованность массового рабочего движения в то время, в России тогда уже был очень заметен интерес к трудам Маркса и Энгельса. На русском языке издавались некоторые из их важнейших произведений, установилась непосредственная связь между основоположниками научного коммунизма и рядом русских деятелей. Маркс и Энгельс тем охотнее шли на установление таких связей, что всегда проявляли заинтересованность в русских делах и придавали огромное значение развитию русского освободительного движения. Они исключительно высоко оценивали научные и революционные заслуги вождей революционной демократии 50—60-х годов — Чернышевского и Добролюбова. Они с глубокой симпатией следили за борьбой поколения революционеров 70-х годов и, видя теоретические

ошибки и заблуждения народнических революционеров, прилагали усилия к тому, чтобы направить их деятельность на более правильный путь.

В установлении и утверждении связи между вождями международного пролетариата и Россией, в издании и распространении некоторых их сочинений большая роль принадлежала Петербургу.

Со второй половины 60-х годов в Петербурге существовал кружок интеллигенции, с которым были связаны известный в будущем революционер и друг Маркса Герман Лопатин,¹ экономист Н. Ф. Даниельсон (потом видный литератор народничества под псевдонимом «Николай-оп»), М. Ф. Негрескул, П. Н. Любавин и др.²

В конце 60-х годов в этом кругу переводился на русский язык труд Маркса «К критике политической экономии». Здесь же уже в 1868 г. возникла мысль о переводе незадолго перед этим выпущенного «Капитала» Маркса. В работах по переводу участвовал Лопатин (когда он после ссылки оказался уже за границей). В основном перевод, однако, был выполнен в Петербурге Даниельсоном. Перевод и издание затянулись на несколько лет. Первый том «Капитала» на русском языке вышел в Петербурге 15 марта 1872 г. Это был первый полный перевод книги Маркса на иностранный язык.

Хотя огромным большинством русских читателей теоретическое богатство гениального труда Маркса не могло еще быть тогда вполне правильно усвоено, хотя положения «Капитала» чаще всего воспринимались в то время сквозь призму народнических взглядов и настроений, издание «Капитала» в России было событием громадного идейного и политического значения.

Царское правительство, допустившее выход русского издания «Капитала», сперва пребывало в наивном убеждении, что книга не найдет сколько-нибудь значительного круга читателей, но вскоре убедилось во вздорности этого предположения и стало затем усиленно преследовать распространение «Капитала».

Надо заметить, что и до появления русского перевода «Капитала» труд Маркса уже изучался некоторыми передовыми русскими людьми, иногда, видимо, целыми кружками, в немецком подлиннике; мысли Маркса из «Капитала» пересказывались и цитировались в прогрессивных петербургских изданиях.

На рубеже 60-х и 70-х годов имя Маркса пользовалось уже в России большой известностью. Среди демократической молодежи насчитывалось немало людей, следивших за деятельностью Маркса с большим сочувствием, хотя это сочувствие

¹ В 1868 г. он был арестован и сослан.

² Негрескул (зять П. Лаврова) — революционный деятель в Петербурге, активно борющийся в конце 60-х годов с влиянием С. Нечаева, тем не менее привлеченный по делу нечаевцев и умерший до суда. Любавин — ученый-химик (одно время преподаватель Петербургского университета); находясь за границей, служил посредником в сношениях Маркса и других представителей западноевропейского рабочего движения с Петербургом, участвовал в снабжении петербуржцев марксистской литературой.

не обязательно означало действительное понимание сущности марксизма и тем более — готовность положить марксизм в основу анализа русских общественных отношений.

В конце 1870 г. Александр Слепов (в прошлом один из руководителей «Земли и воли») от имени редакции петербургского журнала «Знание» приглашал Маркса к сотрудничеству в этом органе, причем заявлял, что работники «Знания» горячо приветствуют взгляды, высказанные Марксом в книге «К критике политической экономии» и в первом томе «Капитала». Примерно через год, в октябре 1871 г., Марксу было направлено письмо от имени шести студентов-юристов Петербургского университета, причастных, судя по письму, к революционному движению среди студенчества. Они обращались к Марксу как руководителю Международного Товарищества рабочих (I Интернационала), проси «его (Интернационала, — *Ред.*) могучей поддержки во имя священного братства народов», «Давайте нам советы или, вернее, приказания, чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах Старого Общества», — просили авторы письма.¹

Как известно, в самом конце 60-х годов среди группы русских революционных эмигрантов в Женеве, возглавляемой бывшим видным участником «Земли и воли» петербургцем Н. И. Утиным,² возникла мысль об основании Русской секции Интернационала. Секция была утверждена Интернационалом в начале 1870 г.

Печатным органом этой группы был женевский журнал «Народное дело». «Народное дело» еще не являлось марксистским органом: в нем достаточно сильно

Титульный лист первого русского издания «Капитала» К. Маркса, Петербург, 1872 г.

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е, Госполитиздат, М., 1951, стр. 189—190, 193—194.

² Утин впоследствии отрекся от революции и вернулся, с разрешения царя, в Россию.

были выражены тенденции народнического характера.¹ Но вместе с тем «Народное дело», высказываясь против Бакунина и связанного с ним Нечаева, помогало Марксу в борьбе с Бакуниным и его сторонниками в I Интернационале. Журнал Русской секции искренно стремился содействовать установлению самых тесных связей и сотрудничества между русскими революционерами и пролетарским движением в Западной Европе. Сам Маркс, по просьбе организаторов Русской секции, взял на себя ее представительство в Генеральном совете Интернационала.

Русская секция не очень богата была реальными связями с революционным подпольем в самой России. Но некоторые связи у нее были и прежде всего в Петербурге. Известно, например,² что в 1870 г. в Петербург приезжали два представителя Русской секции; одним из них была журналистка, сотрудница петербургской прессы Е. Г. Бартечева. Велись, очевидно, переговоры со студенческой революционной группой, во главе которой стоял Марк Патаuson (эта группа, потом сильно разросшаяся, играла очень крупную роль в революционном движении Петербурга и всей страны).³ Доходило в Петербург и «Народное дело», как можно судить по воспоминаниям (впрочем, не отличающимся в этом пункте полной точностью) революционеров-народников Леонида Шишко и Сергея Синегуба. Любопытные сведения о распространении «Народного дела» в Петербурге содержатся также в воспоминаниях Иосифа Деникера (в конце 60-х и начале 70-х годов студента Петербургского технологического института, впоследствии крупного антрополога и натуралиста). Товарищ Деникера — технолог А. П. Петрицкий однажды (это происходило в самом начале 70-х годов) принес несколько номеров «Народного дела». Деникер собрал кружок студентов-земляков и читал им этот журнал. В одном из номеров много говорилось о Международном Товариществе рабочих. «Эта вещь, — пишет Деникер, — была для нас повинкой (хотя я лично еще раньше читал о ней в книге Бехера «Рабочий вопрос»), — помню, нас больше всего поразило письмо Маркса к «Русской секции» Интернационала, в котором он говорит, что такие люди, как Чернышевский и Флеровский, составляют славу и гордость России».⁴

¹ В вопросах о природе социально-экономических отношений в России, о положении и значении сельской общины, о роли крестьянства и т. д.

² Этому вопросу касается В. П. Козьмин в монографии (еще не опубликованной) о Русской секции.

³ Л. Э. Шишко, вступивший позднее в эту группу (она, без должных оснований, получила среди современников название «кружка чайковцев»), утверждает в одной из написанных им впоследствии историко-революционных работ, что группа в 1871 г. вступила в близкие сношения с Русской секцией Интернационала (Л. Э. Ш и ш к о. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920/1921, стр. 83).

⁴ Воспоминания И. Е. Д е н и к е р а. Каторга и ссылка, 1924, № 4(11), стр. 25—26. С именем Петрицкого распространение «Народного дела» связывается также в одном из архивных документов, опубликованных в статье: Р. Ш. Т а г и р о в. Русская секция Международного товарищества рабочих в России. Ученые записки Казанского Гос. педагог. инст., вып. VII, Казань, 1949, стр. 123.

* * *

Мы видели, что русская демократическая интеллигенция в 60-х и 70-х годах интересовалась Марксом не только как революционным мыслителем, автором гениальных теоретических трудов, но и как практическим революционным вождем, главой Интернационала. Внимание к деятельности Международного Товарищества рабочих особенно выросло в передовой России в связи с Парижской Коммуной.

Когда в марте 1871 г., во время франко-прусской войны, началось великое восстание пролетариата в Париже и возникла Парижская Коммуна, Петербург проявил к событиям живейший интерес, но, разумеется, реакция на них со стороны Петербурга официального и Петербурга демократического была диаметрально противоположной.

Правительство Александра II вместе с другими реакционными правительствами Европы и Соединенных Штатов Америки готово было оказать всемерную поддержку версальцам в подавлении парижских коммунаров. Французский поверенный в делах в Петербурге маркиз Габриак сообщал версальскому правительству, что Александр II и его государственный канцлер Горчаков понимают «необходимость прийти к нам на помощь для подавления мятежа, который посредством своих разветвлений угрожает всему европейскому обществу». Незадолго до полного разгрома Коммуны тот же Габриак уверял своего министра иностранных дел Фавра: «Мне не нужно вам говорить, с каким облегчением общественное мнение встретило здесь (в Петербурге, — *Ред.*) новость о вступлении наших войск в Париж».

Французский дипломат был прав относительно придворных кругов и эксплуататорской верхушки общества. Между тем, среди прогрессивных элементов отношение к Коммуне было совершенно противоположным. Славянофильствующий литератор Н. Страхов, сам враждебно настроенный к ней, признавал вместе с тем в письме к Ф. Достоевскому из Петербурга от 4 мая 1871 г.: «У нас по обычаю явилось много ярых приверженцев Коммуны».¹ Правильность этого свидетельства подтверждается многими данными.

В апреле и мае 1871 г. в Петербурге появилось четыре небольших подпольных «периодических листка» под заглавием «Виселица», посвященных большей частью Парижской Коммуне. Автором их признал себя потом бывший студент Технологического института Н. П. Гончаров, утверждавший, что ему удалось отпечатать всего до 20 экземпляров каждого из листов.

Эти воззвания достаточно слабы в теоретическом смысле, но все же безусловно интересны как непосредственный революционный отклик на Коммуну. «Мировая

¹ Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому. Сб. «Шестидесятые годы», М.—Л., 1940, стр. 273.

революция уже началась, — говорилось в первом листке. — Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира, — желанная, святая, побывает и в нашей мужицкой избе». «Надо желать, ждать, готовиться и помогать, чтобы революция прорвалась чрез парижские стены и лавой огненной заструилась по царствам, чтобы для нее готов был какой-нибудь прием», — писал автор в третьем листке. В четвертом и последнем листке предсказывалось, что Париж — «накануне страшного и окончательного своего падения». «Но не падет, не погибнет начатое им дело», — утверждал автор и призывал: «...откликнитесь, честные люди, откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело и героически поведут вперед».¹

Гончаров принадлежал к той части петербургской демократической молодежи, которая безоговорочно, без колебаний высказалась за Коммуны, хотя несомненно была еще очень далека от вполне правильного взгляда на ее содержание и значение. Из некоторых воспоминаний известно, что было немало путаницы в умах молодежи при начале парижских событий. Деникер указывает, что вначале сбитое с толку сообщением буржуазных газет большинство студенчества в Петербурге «не знало и не понимало хорошенько, в чем дело». «Но как бы то ни было, — пишет Деникер, — инстинктивно почти все были на стороне коммунаров — некоторые даже хотели ехать на помощь в Париж».²

Чем дальше, тем данные о парижских событиях становились полнее и правдивее и сочувствие к ней, особенно после зверской расправы над коммунарами, тверже и решительнее. В конечном итоге Парижская Коммуна явилась серьезным толчком в развитии русского революционного движения. П. Л. Лавров утверждал, что движение 70-х годов «было косвенно вызвано впечатлением, произведенным и на русские умы событиями Парижской Коммуны». Он свидетельствует, что «едва ли для какой-нибудь страны годы, прошедшие после Парижской Коммуны, имели столь важное значение, как для России».³ Сергей Кравчинский (Степняк) в своей «Подпольной России» подчеркивал, что «с Парижской Коммуной... русский социализм вступил в вопиющую фазис своего развития».⁴ В Петербурге, который возглавлял движение 70-х годов, толчок, данный Коммуной, чувствовался особенно сильно. Нельзя только забывать, что уроки Коммуны воспринимались тогдашним демократическим лагерем Петербурга и России под углом зрения народнических учений. Сочувствуя Коммуне, вдохновляясь ее примером, революционеры народнического поколения 70-х годов старались приспособить опыт, вынесенный из Ком-

¹ Литературное наследство, т. I, М., 1931, стр. 161—164 (публикация С. Н. Валса).

² Каторга и ссылка, 1924, № 4(11), стр. 35—36.

³ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. Изд. 2-е, Пгр., 1919, стр. 243, 247.

⁴ С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. Пгр., 1917, стр. 7.

муны, к потребностям и задачам своего, утопического крестьянского социализма. Коммуна дала толчок революционизированию широких кругов русской молодежи, но покамест в духе не марксистской, пролетарской, а мелкобуржуазной народнической революционности.

* * *

Парижская Коммуна оказала несомненное влияние и на пробуждение сознания русских рабочих, пока еще сравнительно узкого, передового их слоя.

Один из самых выдающихся петербургских рабочих-революционеров 70-х годов Алексей Петерсон в своей автобиографии, сообщая о том, что он на революционный путь вступил в конце 1871 г., поясняет: «Нас тогда возбуждала французская Коммуна». Петерсон делает и характерное добавление: «... да и так называлось уже рабочее движение в России».¹

Действительно, факты жизни говорили о том, что это движение — движение формирующегося русского пролетариата — зреет и начинает все больше проявлять себя.

Стачка на Невской бумагопрядильной фабрике, бывшей барона Штиглица (в Рождественской части, близ набережной Невы), в мае 1870 г., была характерным показателем этого «названия» рабочего движения.

Конечно, это был вовсе не первый случай стачечной борьбы в столице и ее районе. Отдельные примеры стачек отмечены уже и в первом томе «Очерков истории Ленинграда», и в предыдущих главах настоящего тома.

На самой фабрике Штиглица и до стачки 1870 г. несколько раз имели место рабочие волнения.²

Но именно стачка 1870 г. справедливо считается особо знаменательной вехой в летописях русского рабочего движения. Это значение ей придали и некоторые ее особенности, и то впечатление, какое она произвела.

Стачка началась 22 мая 1870 г., когда около 60 рабочих-прядильщиков заявили конторе требование об увеличении заработной платы и ввиду отказа конторы прекратили работу. На следующий день на работу не вышло 240 прядильщиков, в связи с чем остановилось все производство в одной части фабрики, где работало постоянно 800 человек.³ 27 мая петербургский обер-полицеймейстер Ф. Тренов в докладе царю сообщал, что «несмотря на все убеждения полиции и конторы, рабочие продолжают упорствовать в своем намерении», т. е. настаивают на своем

¹ Катгорга и ссылка, 1924, № 3(10), стр. 224.

² См. выше стр. 273.

³ Архив истории труда в России, кн. III, Изг., 1922, стр. 72; Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов, под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. I, Госполитиздат, М., 1950, стр. 238. Общее число рабочих на Невской бумагопрядильне для несколько более позднего времени определяется в справочном издании В. Михневича «Петербург весь на ладони» (СПб., 1874) в 2000 человек.

требовании. Трепов утешался тем, что «пока нет повода видеть в этом обстоятельстве какое-либо общее движение в рабочем населении». Тем не менее, писал он, «ввиду важности подобных случаев в промышленном отношении», исходя из стремления подавить проявление «самоуправных домогательств» со стороны рабочих в самом начале, он принял тотчас «самые настоятельные в сем отношении меры». Меры эти заключались на первый раз в передаче дела на срочное рассмотрение в суде. Трепов выражал надежду, что «впечатление, которое немедленное наказание виновных произведет на всю массу столичного рабочего населения, будет благодетельно». «Дай бог», — пометил тут Александр II на докладе Трепова.¹

Но ожидания царя и Трепова не оправдались. Окружной суд не имел возможности приговорить обвиняемых к большим срокам, ограничившись присуждением четырех рабочих, в которых власти признали «зачинщиков» (Владимиров, Петров, Потанов и Акулов),² к семидневному аресту при полиции и 52 человек — к трехдневному аресту. Вместе с тем благодаря открытому суду дело получило широкую огласку; о стачке появились ряд статей в петербургской и даже московской печати. Газеты указывали, что «дело об этом первом протесте в сфере нашего фабричного труда» вызвало «весьма много толков».

Правительство не захотело успокоиться на состоявшемся судебном решении, которое сам Александр II признал «весьма слабым». Оно решило бороться с возможным развитием стачечного движения суровыми административными преследованиями. Между Министерством внутренних дел и III отделением состоялось соглашение относительно издания специального циркуляра о борьбе со стачками, который и появился 6 июля с благословения самого царя. «Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения», по словам циркуляра, обратила на себя внимание царя, и он предписывал губернаторам и жандармским чинам на местах иметь «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением». Александр II и высшие административные власти требовали, чтобы при первом известии о стачке рабочих губернаторы, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно высылали так называемых «зачинщиков» в одну из отдаленных губерний.³ Четверо рабочих, признанных «зачинщиками» стачки на Невской бумагопрядильне, были высланы на родину.

Правительство в циркуляре от 6 июля выступало с нелепым утверждением, что стачки якобы вообще «чуждая русскому народу форма выражения неудовольствия», которую на русскую почву стремятся перенести «неблагонамеренные лич-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 238—239.

² Эти четверо были выбраны рабочими для объяснений с полицейскими властями, они же участвовали в подаче от имени рабочих прошения обер-полицеймейстеру (Ведомости С.-Петербургской полиции, № 136, от 18 июня 1870 г.).

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 242—243.

костью с целью «исоселить смуты и производить беспорядки и волнения». Ход развития стачечного движения уже в 70-х годах показал, вопреки надеждам правительства и консервативных элементов общества, что складывающийся русский рабочий класс вполне усваивает эту форму борьбы. За время с 1870 по 1880 г. учтено по России (без Финляндии и Польши) не менее 330 стачек и различного рода рабочих волнений. На Петербург с окрестностями из этого числа приходится около 90, т. е. более четвертой части. Характерной особенностью петербургского стачечного движения является, помимо относительно более высокого уровня организованности (несколько, конечно, можно вообще говорить об элементах организованности в массовом рабочем движении 70-х годов), численное преобладание стачек и волнений на предприятиях металлообрабатывающей промышленности. Если в целом по России до $\frac{1}{2}$ всех стачек и волнений приходилось в 70-х годах на рабочих-текстильщиков и лишь до $\frac{1}{5}$ на металлистов, то в Петербурге число выступлений металлистов примерно вдвое превысило тогда количество выступлений текстильщиков (более 45 раз выступали с 1870 по 1880 г. первые, несколько более 20 раз — вторые). Вместе с тем нельзя никак недооценивать значения движения среди текстильных рабочих Петербурга. Ряд массовых протестов текстильщиков (кроме выше описанной стачки 1870 г., особо должно отметить забастовки текстильщиков в 1878—1879 гг.) сыграл важную роль в развитии рабочего движения столицы и всей страны.¹

* * *

Движение разночинно-демократической интеллигенции пережило в 70-х годах несколько фазисов, особенно отчетливо заметных в Петербурге.

Как бы в преддверьи этого движения стоят студенческие волнения 1869 г., которые вместе с предшествовавшими им (зимой 1868/69 г.) многочисленными тайными сходками петербургских студентов являлись показателем начинавшегося оживления демократической борьбы. Касаясь волнений 1869 г., III отделение в годовом отчете царю констатировало факт «постоянно возрастающего брожения» среди студенчества, наличие «такого настроения умов», при котором требовался «только случай, чтобы дать повод к явным беспорядкам».²

Эти «явные беспорядки» вспыхнули в марте 1869 г. Сигналом к ним явилось столкновение между одним из студентов и администрацией Медико-хирургической

¹ На первые четыре года рассматриваемого десятилетия (1870—1873) приходится около 15 рабочих выступлений (стачек, волнений и т. д.) в Петербурге. 1874 год («в предыдущем году начался промышленный кризис») дает сразу большой количественный скачок — 11—12 выступлений; на уровне 8—10 выступлений в год держится движение в следующем трехлетии (1875—1877). Наибольшее количество стачек и других конфликтов относится к 1878—1879 гг., что отчасти связано с общим политическим возбуждением в стране (число стачек и волнений за эти два года близко к 30).

² Катанга и ссылка, 1924, № 3(10), стр. 107.

академии. Увольнение студента вызвало шумные сходки и протесты (с 6 марта), приведшие к временному закрытию Академии (14 марта) и к арестам активных участников движения.

На сходках в Медико-хирургической академии участвовали студенты и других учебных заведений. Закрытие академии послужило толчком к волнениям в Петербургском университете и Технологическом институте (18—20 марта). Открытые «беспорядки» в Земледельческом институте были с трудом предотвращены. По данным III отделения, за участие в студенческих волнениях, происходивших в Петербурге в марте 1869 г., было выслано из столицы около 70 студентов университета, Медико-хирургической академии, Технологического института.

Во время волнений распространялись среди студентов рукописные воззвания, рассылавшиеся и в провинцию.¹

21 марта 1869 г. в Петербурге, впервые после нескольких лет перерыва, снова появилась печатная прокламация — от имени студентов Медико-хирургической академии, университета, Технологического и Земледельческого институтов. Она была озаглавлена «К обществу». Формулируя требования студентов, прокламация заявляла: «Общество должно поддержать нас, потому что наше дело — его дело. Относясь равнодушно к нашему протесту, оно кует цепи рабства на собственную шею». Прокламация от имени студентов к обществу была написана публицистом и критиком П. Н. Ткачевым, потом в эмиграции издававшим журнал «Паботе» — орган одного из течений (так называемого бланкистского) в революционном народничестве.

С историей студенческих волнений 1869 г. связано также имя С. Г. Нечаева (учителя одного из приходских училищ и вольнослушателя университета), который вместе с группой единомышленников пытался овладеть студенческим движением и использовать его для осуществления своих планов — создания тайной всероссийской организации и подготовки в кратчайший срок (к весне 1870 г.) общего крестьянского восстания. Планы нечаевцев расценивались другими студенческими общественными деятелями как авантюристические. К тому же вызвали возмущение отталкивающие приемы «нечаевщины» (Нечаев, мало, в сущности, доверяя той общественной среде, в которой ему приходилось работать, и сталкиваясь с противодействием со стороны идейных противников, пытался основать организацию на началах безапелляционного командования, иезуитизма и мистификаторства).²

¹ С. Г. Святиков. Студенческое движение 1869 г. Исторический сборник (Наша страна), СПб., 1907, стр. 205.

² Нечаев и его соратники действовали как в Петербурге, так (несколько позже) и в Москве. В результате массовых арестов, сопровождавших разгром создаваемой нечаевцами организации и захвативших вместе с нечаевцами многих других революционно настроенных студентов, в 1871 г. в Петербурге проходил открытый судебный процесс, вызвавший множество откликов в печати и в публике и оказавший серьезное влияние на последующий ход революционного

Противники Нечаева в революционной среде, отвергая его курс на скорейшую подготовку восстания, а также его способы действия, настаивали на необходимости систематической, более или менее длительной пропагандистской и организационной революционной работы, в первую очередь среди интеллигенции, а в перспективе — среди народных масс. Они отстаивали вместе с тем принципы построения революционных групп и кружков (сознательная солидарность участников, полное взаимное доверие, равноправие и т. д.), которые резко отличались от практиковавшихся Нечаевым.

Из среды этих противников Нечаева и «нечаевщины» выделилась та группа народнических революционеров (ее основателями были Марк Натансон, а также Василий Александров, Анатолий Сердюков и др.), которая фактически стояла в центре пропагандистской и организационной работы в Петербурге, а отчасти и в некоторых других городах, между 1869 и 1874 гг.¹

В 1871 г. произошло значительное расширение группы, в первое время состоявшей из студентов Медико-хирургической академии и университета, за счет присоединения кружка женской молодежи (София Перовская, сестры Корвиловы и др.). Тогда же и позднее к группе примкнули универсальщик Дмитрий Клеменц (впоследствии видный этнограф), технологи Сергей Синегуб, Николай Чарушин, Феофан Лермонтов, Михаил Куприянов, бывшие артиллерийские офицеры, а теперь студенты Сергей Кравчинский (позднее известный писатель Степняк) и Леонид Шишко, ученый-географ, в прошлом также офицер, воспитанник Пажеского корпуса, Петр Кропоткин и др.²

До конца 1871 г. сферой деятельности группы являлась исключительно интеллигенция, в первую очередь студенчество. Одной из форм работы в среде интеллигенции было «книжное дело», т. е. закупка и распространение, а позднее и самостоятельное издательство литературы — научной, критической и частью художественной, которая считалась подходящей с точки зрения пропаганды и популяризации

движения 70-х годов. Выступления на процессе ряда обвиняемых, свидетелей из молодежи, представителей защиты помогли вскрыть порочные методы «нечаевщины», вызывавшие негодование в здоровой революционной среде; с другой стороны, вопреки всем усилиям обвинения, процесс выявил факт ширящегося распространения настроений протеста и борьбы среди демократической молодежи.

¹ Одним из участников группы был учившийся в Петербургском университете Н. В. Чайковский. Поскольку на Чайковском в значительной мере лежала в дальнейшем обязанность поддерживать сношения группы с окружающими интеллигентским «миром», в студенческой и лихой публике группе было присвоено наименование «кружка чайковцев», сохранившееся и в литературе. На деле Чайковский не был главой группы. (Впоследствии Чайковский, как известно, активно участвовал в борьбе против Советского государства в тесном сотрудничестве с иностранными интервентами).

² Некоторые из основателей группы выбыли из ее состава в первые же годы ее деятельности. В частности, сослан был, после ареста в конце 1871 г., Марк Натансон. В дальнейшем мы будем условно именовать эту группу группой Перовской, Чарушина, Кропоткина и др.

демократических идей, а также передовых идей в области естествознания. Распространяли из русских авторов Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Некрасова, Сеченова, Щапова, Лаврова, Флеровского и др.; из иностранных авторов — Дарвина, Бокля, Милля, Лассаля и т. д.

Когда появилось русское издание первого тома «Капитала» Маркса, то группа и его включила в число распространяемых ею книг.

В дальнейшем, продолжая свою работу среди интеллигенции, группа постепенно стала переходить к пропагандистской деятельности и в среде петербургских рабочих. Сначала это были единичные попытки (с конца 1871 г.), затем, в течение 1872 и особенно 1873 г., в эту работу втягивалось все больше членов группы. Отдельные члены группы приступали также к пропаганде в среде крестьян, для чего выезжали в разные губернии. Деревенская работа особенно привлекала и манила эту группу как представительницу народнического направления русской революционной мысли. Если группа, как целое, не успела превратить работу в крестьянстве в свое главное практическое дело, то это объясняется тем, что она была разгромлена правительством до начала широкого движения «в народ». Но она готовилась к этому этапу, и именно пропаганда среди рабочих должна была послужить делу этой подготовки: на деятельность в рабочей среде смотрели тогда в первую очередь как на выработку пропагандистов и организаторов революционной работы среди крестьянства.

Деятельность группы Перовской, Чарушина, Кропоткина и других относится к начальному этапу революционного движения 70-х годов. Это сказалось на некоторых чертах ее идеологии. Группа еще не вполне определилась среди различных, соперничавших между собой течений революционного народничества, которые и сами вполне сформировались и определенно выразились в печати не раньше 1873 г. Главными из этих течений были бакунизм («бунтарское» направление) и лавризм (направление чисто пропагандистское); третье течение — Ткачева, мечтавшее о заговоре революционного меньшинства для захвата власти, — имело в 70-х годах меньше последователей. Петербургская группа имела отношение к подготовке издания заграничного органа Лаврова и его сторонников — «Вперед!», но по выходе этого органа осталась недовольна некоторыми сторонами его платформы. Не присоединилась она целиком (во всяком случае, в полном составе) и к платформе бакунистов, особенно в ее более крайних выражениях — к так называемому «вспыльчивоускательству».

Пропагандистская деятельность группы Перовской, Чарушина, Кропоткина среди рабочих продолжалась до весны 1874 г. Но уже в конце предыдущего, 1873 г., начались аресты пропагандистов и рабочих. В марте 1874 г. последовал общий разгром организации и связанных с ней рабочих кружков. Большинство арестованных тогда пропагандистов, после нескольких лет заключения, судилось в конце 1877 и начале 1878 г. по «Большому процессу» (193-х). Н. А. Чарушин, С. С. Синегуб и другие были приговорены за свою пропагандистскую деятельность

к каторге. Некоторые из членов группы, однако, сумели спастись от арестов (Клеменц, Кравчинский и др.), а кое-кому из них удалось освободиться; были и оправданные. Многие из деятелей организации, таким образом, продолжали участвовать в революционной борьбе на следующих ее этапах — в пору «хождения в народ», в период «Земли и воли» и «Народной воли».

Меньшую роль, чем описанная выше организация, сыграл кружок долгушинцев, деятельность которого протекала сначала в Петербурге, затем в Москве.

Долгушинский кружок характерен главным образом как предшественник тех более нетерпеливых, более проникнутых «бунтарством» настроений, которые широко стали проявляться накануне «хождения в народ». Кружок долгушинцев возник в Петербурге осенью 1872 г. Бывший вольнослушатель Технологического института, привлекавшийся прежде по «вечасевскому» делу, А. В. Долгушин и молодой инженер Л. А. Дмоховский стояли во главе

этого кружка, к главным участникам которого, кроме того, принадлежали И. И. Папин, Н. А. Плотняков и др. Петербургский период был в недолгой жизни кружка скорее подготовительным. Впрочем, уже здесь велась небольшая пропаганда между рабочими, из которых двое — Ананий Васильев и Кирилл Курдаев, работавшие в мастерской, где заведующим был Долгушин, — тесно прижили к кружку и активно участвовали в его дальнейшей деятельности. В Петербурге же готовился долгушинцами тот литературный материал, который был пущен в обращение позже. Долгушинцы, так же, надо сказать, как и группа Перовской, Чарушина, Кропоткина и других, поддерживали связь с Берви-Флеровским, известным автором книги «Положение рабочего класса в России», в начале 70-х годов жившим недалеко от Петербурга, в Любани и в Новой Кирке Выборгской губ. Для долгушинцев Флеровский написал листовку «Как должно жить по закону

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧАГО КЛАССА

ВЪ РОССІИ.

НАПИСАНОЕ И ПРОСВЕЩАЮЩАЯ

В. ФЛЕРОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ М. Е. ПОЗНАКОВА.
1880.

Типичный лист книги В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». 1880 г.

природы и правды», проповедовавшую, по его собственному определению, «религию равенства».¹

В Долгушине, по свидетельству современников, «несомненно были признаки бакушинского взгляда на народное движение»,² Долгушинцы предлагали «начать прямо с бунта».

Кроме листовки-брошюры Флеровского, долгушинцами были выпущены две прокламации — «Русскому народу» и «К вам, интеллигентные люди», из которых первая была написана еще в Петербурге. Прокламация «Русскому народу» звала народ к восстанию; в листке, обращенном к интеллигенции, долгушинцы призвали ее идти «в народ».

Долгушинский кружок был разгромлен правительством осенью 1873 г. в Москве, куда свою работу он перенес в первой половине этого же года. В июле 1874 г. долгушинцев судили в Петербурге в Особом присутствии Сената; главные подсудимые были присуждены к каторге.

Примерно в то время, когда исчез с революционной сцены долгушинский кружок, в Петербурге появляется несколько чисто бунтарских по направлению кружков (Ф. Н. Лермонтова, С. Ф. Ковалика и др.). Число членов этих кружков было невелико; тем не менее, в обстановке сильного возбуждения, охватившего уже значительный слой петербургской учащейся молодежи к осени-зиме 1873 г., они получали немалое влияние.

Сходки в Петербурге в конце 1873 и начале 1874 г. стали массовым явлением. Семидесятник Антекман называет их «митингами молодежи того времени».³ На этих сходках — молодежных митингах — спорили, по словам Ковалика, по широкому кругу вопросов: о степени подготовленности интеллигенции для деятельности в народе, о форме этой деятельности, о значении агитации и прокламации, о преимуществах «легучей» пропаганды (перед «оседлой»), о степени революционности народа, о значении мелких «бунтов», о роли в народе женщины-пропагандисток и т. д.⁴ Все это было так или иначе связано с подготовляемым на весну-лето 1874 г. походом «в народ». Центром движения, по словам того же Ковалика, как и других современников, был Петербург; Москва, а также города провинции «получали толчок из Питера».⁵

Весной 1874 г. участники различных петербургских кружков и некоторая часть молодых интеллигентов, не состоявших даже в более или менее оформленных, связанных известным направлением кружках, разъехались из столицы в разные районы страны (главным образом в Поволжье и на Украину), где они, смешавшись

¹ Флеровский. Три политические системы. Лондон, 1897, стр. 300.

² Л. Э. Шишко, Собрание сочинений, т. IV, 1918, стр. 202.

³ О. В. Антекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Изд. 2-е, Пгр., 1924, стр. 128.

⁴ С. Ф. Ковалик. Революционное движение 70-х годов и процесс 193-х. М., 1928, стр. 114.

⁵ Там же, стр. 18.

с представителями московской и провинциальной демократической молодежи, старались войти в соприкосновение с крестьянством. Непосредственные цели этого «схождения в народ» определялись в зависимости от настроений и взглядов. Были сторонники «рекогносцировки», т. е. разведки народных настроений, ознакомления с условиями народного быта. Были сторонники пропаганды революционных идей, словесной или рассчитанной на распространение нелегальной и демократической легальной литературы. Были сторонники немедленных «бунтовских» попыток. С. М. Крачинский в позднейшем письме к Лаврову категорически уверял, будто бы «огромное большинство» уже с самого начала движения в народ «не верило в пропаганду, хотело непосредственного, решительного действия».

П. П. Ткачев. Фотография 1863 г.

Многие были настроены крайне оптимистически. «Откуда-то взялась уверенность, что через три года все уже будет изменено, и это не раз настойчиво утверждалось в спорах с несогласными», — сообщает М. Ф. Фроленко.¹

В ходе движения «в народ» определились некоторые центральные фигуры, в руках которых было сосредоточено относительно много связей, которые принимали на себя обслуживание нужд движения в разных местах (например, Сергей Ковалик и Порфирий Войнаральский). Но в целом движение не имело общей организации, было разъединено, распылено.

В Петербурге была сделана слабая попытка создать нечто вроде общего информационного центра. Была предпринята попытка и организации общей кассы. На конец 1874 г. проектировался съезд в Петербурге работавших летом в народе для обмена впечатлениями и опытом и для выработки, по возможности, общего плана дальнейшей деятельности.² Из этих попыток и планов ничего не вышло:

¹ М. Ф. Фроленко. Из далекого прошлого. Исторический сборник «О минувшем», СПб., 1909, стр. 241.

² С. Ф. Ковалик, ук. соч., стр. 128—129; Н. К. Вух. Воспоминания. М., 1928, стр. 58.

С. М. Степанов-Кравчинский. Фотография. 90-е годы XIX в.

функции центральной группы оказались, по характеристике одного из ее членов, «лишенными всякой низзенности». ¹ А съезд не мог состояться вследствие разгрома правительством всего похода народнической молодежи «в народ», разгрома, при котором из ее рядов были вырваны многие сотни деятелей.

«Хождение в народ» потерпело крушение не только из-за полицейских препятствий. Оно, помимо того, было обречено на неудачу из-за внутренней слабости, из-за своей утопичности, оторванности от реальных жизненных условий. «Вера в коммунистические инстинкты мужика, — указывает В. И. Ленин, — естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику в „ближний народ“». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика». ²

Быстрый разгром, незначительность непосредственных результатов движения привели к сомнениям в принятых способах и путях борьбы, даже временно к известному упадку духа в тех или иных кругах.

Движение разночинной интеллигенции в середине 70-х годов было, однако, уже значительно шире и прочнее, нежели лет восемь-десять тому назад. Несмотря на тяжелые репрессии и даже внутренние разочарования, революционные предприятия возобновлялись почти безостановочно.

Осенью и в начале зимы 1874 г. в Петербурге велась подготовка к созданию той революционной организации, которая стала известна под названием кружка мещичей или Всероссийской социально-революционной организации, членом которой впоследствии судились по крупному политическому процессу 50-ти. В числе ее основных учредителей находился петербургский студент-грузин И. С. Джаба-

¹ Н. К. Бух, *указ. соч.*, стр. 62.

² В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 1, стр. 259.

дари, учившийся в Медико-хирургической академии. «Мы решили, — пишет в своих воспоминаниях Джабадари о группе своих товарищегрузин, — работать в России рука об руку с русскими, глубоко убежденные, что если нам когда-нибудь суждено победить в России, тем самым мы победим и на Кавказе; завоевав свободу народу русскому, тем самым мы завоеваем ее и для народов Кавказа... Не сепаратизм, а совместная работа — вот был наш лозунг».¹ Организацию «москвичей» создали, в тесном между собой сотрудничестве, упомянутая группа революционеров-грузин, кружок русских женщин-студенток, учившихся ранее в Цюрихе, и ряд других революционеров, в том числе петербургских рабочих. Это были участники общезаятия (артели) рабочих, существовавшего к концу 1874 г. на Лиговке, недалеко от Воздвиженской церкви. Знаменитый Петр Алексеев, о котором

П. А. Кропоткин. Фотография. 1900-е годы.

будет еще речь ниже, а также рабочий-кузнец Василий Грязнов, соединившись с Джабадари и другими, переехали в ноябре 1874 г. из Петербурга в Москву, где вскоре при их ближайшем участии и была оформлена Всероссийская социальнореволюционная организация. С Петербургом ее деятельность после того не была связана, если не считать происходившего в Петербурге (в 1877 г.) судебного процесса ее участников, на котором произнес свою историческую речь Петр Алексеев.

В те же весенние месяцы 1875 г., когда группа Алексеева, Джабадари и их товарищей развертывала пропаганду среди московских рабочих, в Петербурге действовал кружок студентов и рабочих, взявший на себя организацию пропаганды на Выборгской стороне как среди рабочих, так и среди солдат. Душой этого кружка был окончивший Вологодскую духовную семинарию студент Петербургского университета В. М. Дьяков. Ближайшим сотрудником Дьякова явился его товарищ по семинарии и университету Алексей Сирыков. Распропагандировавшие рабочиетекстильщики Василий Герасимов и Диомид Александров, оба из петербургских

¹ И. С. Джабадари. Процесс 50-ти. Вызос, 1907, № 9, стр. 186.

мещан, питомцы Петербургского воспитательного дома, работавшие раньше на Крепгольмской мануфактуре близ Нарвы (здесь Герасимов в 1872 г. участвовал в знаменитой стачке), принимали активное участие в революционной деятельности Дьякова. Пропаганда велась среди рабочих фабрики Чешера и солдат гвардейского Московского полка. В своих воспоминаниях Герасимов впоследствии писал: «По совету Дьякова я оставил работу и все свое время посвятил на пропаганду между рабочими, среди которых у меня было обширное знакомство. Кроме того, я часто ходил в Московский полк... Дело наше шло успешно, но несколько промахов, сделанных некоторыми из нас, скоро погубили его. Среди нас оказались шпионы, которые доносили на нас правительству». ¹ Дниomid Александров, со своей стороны, вспоминает о пропаганде кружка среди солдат, о распространении среди них нелегальных брошюр, как «Хитрая механика» и другие: «Некоторые солдаты, читая эти книжки, плакали. Солдаты передавали, что в казармах находятся 60 пушек-рей, на которых мы можем рассчитывать как на своих людей. Конечно, тут много было фантазии, но нам хотелось верить, что это так и есть, и как-то в тесном кружке мы строили такой план восстания: 30 пушек поставим на Николаевском мосту, а 30 на Тучковом, и начнем обстреливать царский дворец... Конечно, все это дальше рассуждений и предположений не шло». ²

В апреле 1875 г. дьяковский кружок был разгромлен властями. В июле того же года Дьякова, Спрякова, Александрова, Герасимова и еще нескольких лиц судили в Петербурге в Особом присутствии Сената. Приговор подчеркнул «особенно важное значение» дела в том отношении, что «действия первых четырех подсудимых (выше названных, — *Ред.*) направлены были не только к возбуждению к бунту между фабричными рабочими, но и к поколебанию в нижних воинских чинах одного из гвардейских полков преданности их престолу и отечеству». Все четверо были приговорены к долголетней каторге. ³

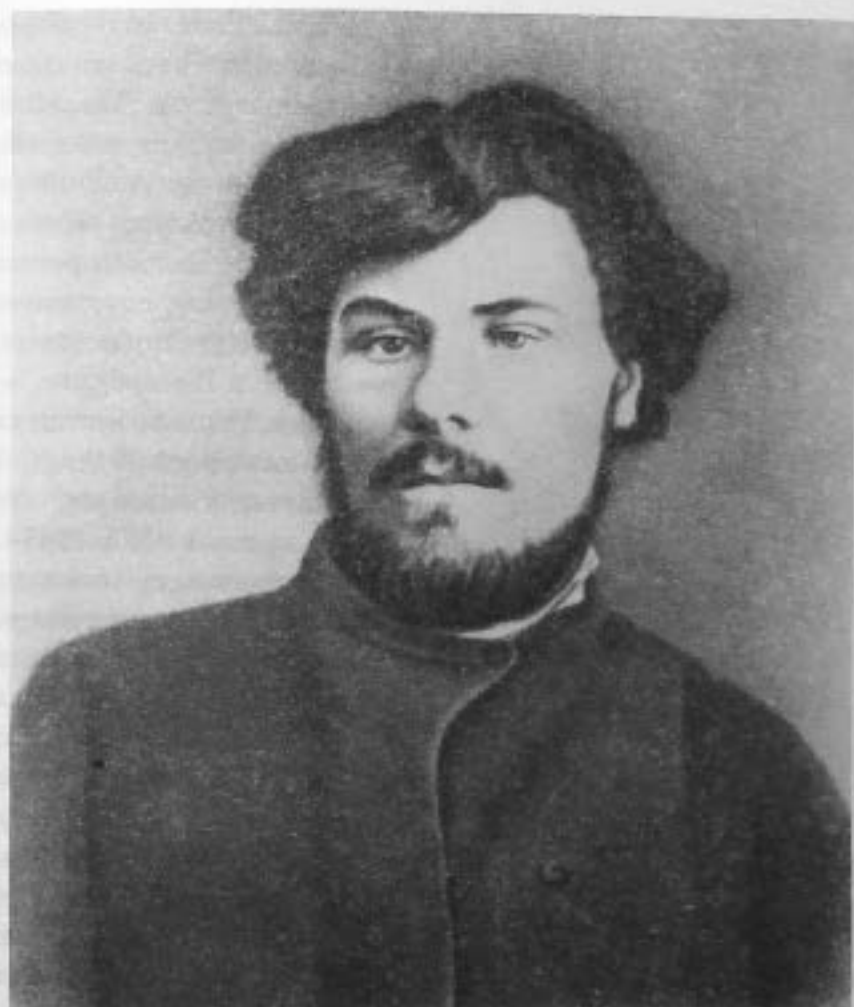
Период, последовавший за разгромом «хождения в народ», был ознаменован и обычными, в своем роде массовыми, студенческими «беспорядками». В октябре — ноябре 1874 г. в Медико-хирургической академии происходили волнения, поводом для которых явилось резкое недовольство действиями реакционно настроенного профессора Циона. Волнения тогда перекинулись также в Технологический и Горный институты, отразились и в университете. ⁴ Студенчество Технологического

¹ Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Записки рабочего-социалиста Василия Герасимова. М., 1923, стр. 36.

² Воспоминания Д. А. Александрова. Каторга и ссылка, 1926, № 4(25), стр. 130.

³ Государственные преступления в России в XIX веке. Под ред. В. Базилевского (Богучарского). Т. I, СПб., 1906, стр. 345.

⁴ Н. Н. Страхов в ноябре 1874 г. писал Льву Толстому: «Пожар распространился (из Медико-хирургической академии, — *Ред.*) по другим заведениям, и теперь много молодых людей исключены и рассыланы на места жительства». Автор письма уверил Толстого, что некоторые из пострадавших «очень довольны», считая, что интеллигенция требуется «в глухих местах» (Толстовский музей, т. II, СПб., 1914, стр. 54).

П. А. Алексеев. Фотография.

института в ноябре 1875 г. волновалось опять — из-за новых стеснительных порядков, вводимых директором И. А. Вышнеградским. Среди пострадавших за эти волнения находился студент-первокурсник Александр Михайлов, в дальнейшем один из крупнейших деятелей «Земли и воли», а потом «Народной воли». Осенью 1875 г. Михайлов только начинал свою революционную деятельность. Об этом времени он пишет в своих автобиографических записках: «Со страстью я отдался организации студенческих кружков саморазвития и помощи проагандистам. Усилиями нескольких человек, месяца через два после моего поступления в Технологический институт, составилась студенческий союз с кассой и федеративными кружками в Медицинской академии, в Павловском училище, в Университете и других учебных заведениях».¹

¹ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фиглер. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925, стр. 42—43.

А. Д. Михайлов. Фотография. 70-е годы XIX в.

К той же петербургской осени 1875 г. относится знакомство Г. В. Плеханова с А. Михайловым, обратившееся позднее в тесное товарищество по революционной работе. Георгий Валентинович Плеханов, окончивший в 1873 г. Воронежскую военную гимназию, поступивший в том же году в Константиновское военное училище в Петербурге, в 1874 г. перешел в Горный институт. В своем «Воспоминании об А. Д. Михайлове» Плеханов указывает, что затихшее после арестов 1873—1874 гг. уступило место новому оживлению молодежи, «на развалинах старых кружков вырастали новые организации». Знакомство Плеханова с Михайловым, по словам первого, состоялось «на одной из многочисленных тогда студенческих сходок, на которых обсуждались занимавшие молодые умы вопросы о „знании и революции“, „хождении в народ“, пропаганде, агитации и т. п.»¹

Одним из симптоматичных проявлений этого «нового оживления»

явилась демонстрация 30 марта 1876 г. на похоронах студента Медико-хирургической академии Павла Чернышева. Воспитанник Самарской гимназии, член революционного земляческого кружка самарцев, участник движения «в народ» 1874 г., студент П. Ф. Чернышев был тогда арестован в Самаре, долго сидел в Москве и в Петербурге, в доме предварительного заключения заболел чахоткой и освобожденный уже в безнадежном состоянии через две недели умер в академической клинике Вилье. По воспоминаниям одного из участников демонстрации М. М. Чернавского (осужденного вскоре по делу о другой, так называемой Казанской демонстрации), в похоронной процессии приняли участие студенты всех петербургских высших учебных заведений в числе «по меньшей мере 2—3 тысяч». В то время постоянный Литейный мост еще не был достроен. С Выборгской стороны шли кружным путем, через временный Воскресенский мост. Решено было непременно пройти мимо «предварилки». Здесь процессия остановилась, священника заставили отслужить пани-

¹ Г. В. Плеханов, *Сочинения*, т. I, стр. 153, 156.

хиду, после чего он потихоньку «сбежал», и дальше (по Литейному, Владимирскому и т. д.) процессия двигалась без священника.¹ На Волковом кладбище над могилой была произнесена революционная речь студентом (впоследствии видным общественным деятелем и врачом-психиатром) П. П. Викторовым.

Среди аналогичных демонстративных выступлений и протестов того времени чернышевская демонстрация особо выделялась по воздействию на современников. Аптекман еще в своих первых воспоминаниях, написанных в начале 80-х годов в якутской ссылке, утверждал, что по характеру ее «следовало бы скорее отнести к следующему периоду революционного движения», что «это была первая публичная демонстрация социалистов (и, пожалуй, всего общества, так как все ей сочувствовали) против правительственных безобразий».² По сообщению того же Аптекмана, в числе демонстрантов находились профессор, военные, адвокаты и т. д.³

О сильном впечатлении, произведенном чернышевской демонстрацией на «всю интеллигенцию», свидетельствует Плеханов: «... все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями», — пишет он.⁴ Известно, что она произвела впечатление и на передовых рабочих столицы. Любопытно, что через неделю после похорон Чернышева на могиле его были задержаны четверо рабочих василеостровского Патропного завода, явившихся на кладбище посмотреть, как содержится могила, и протестовавших против того, что полиция уничтожила надгробную надпись.⁵

Н. А. Морозов. Фотография. 1900-е годы.

¹ М. М. Чернавский. Демонстрации 6 декабря 1876 года. По воспоминаниям участника. Каторга и ссылка, 1926, № 7—8 (28—29), стр. 10—11.

² П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 215.

³ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов, стр. 185.

⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. III, стр. 148—149.

⁵ Э. А. Корольчук. Северный союз русских рабочих. Л., 1946, стр. 116.

Мысль о Казанской демонстрации (6 декабря 1876 г.), по сообщению Г. В. Плеханова, возникла впервые в связи с желанием петербургских рабочих-революционеров устроить, вслед за демонстрацией интеллигенции на похоронах Чернышева, новую, рабочую прежде всего, демонстрацию.

Мы до сих пор говорили в этой главе о таких проявлениях общественной жизни, которые прямо и непосредственно касались революционного движения, борьбы демократической интеллигенции и передовых рабочих с существовавшим в России порядком. С середины 1875 г. и в 1876 г., особенно во второй его половине, общественное мнение, притом более широкого круга, чем затронутый этим движением и этой борьбой, было сильно занято славянским вопросом. Он был поставлен восстанием в Герцеговине и Боснии против турецкого владычества, поддержанным затем вмешательством Сербии и Черногории, вступивших в середине 1876 г. в войну с Турцией. Национально-освободительное движение захватило и Болгарию.

Борьба славянских народов вызвала живое внимание и сочувствие в России, в частности в Москве и Петербурге. Движение поддержки славян не было, конечно, единым и однородным. В него включились такие элементы, для которых на первом плане находились великодержавные стремления царизма и которые пытались отвлечь внимание масс от внутренних дел, внутренней борьбы. Наряду с этим в некоторых кругах, в среде либеральной общественности, увидели в кампании помощи борющимся балканским славянам средство для оживления либерального движения в России, находившегося после событий конца 50-х и первой половины 60-х годов в состоянии явного упадка. Но в движении участвовали самостоятельно и действительно демократические круги, в том числе активные революционеры; в нем по-своему участвовала также и народная масса.

«Отечественные записки» — руководящий легальный демократический журнал — много сделали для поддержания в обществе интереса и сочувствия к борьбе балканских славян.

Демократический лагерь проявлял особое внимание к тому, что национально-освободительное движение трудящихся масс славянского населения одновременно в значительной мере являлось борьбой против феодального гнета, против турецких и отуречившихся помещиков. Выдвигалось также значение вызванного балканским кризисом общественного возбуждения для самого русского общества, которое было сдвинуто «с обыденной колеи».

Но к движению старались примазаться, пытались даже в нем задавать тон реакционные и националистические элементы: в Петербурге — газета «Новое время», в Москве — «Московские ведомости» Каткова и т. д.

Демократическая печать и общественное мнение озабоченно следили за реакционными извращениями дела, стремились разоблачать всякие попытки политических «спекуляций» в связи со славянским вопросом. Журнал «Отечественные записки» активно боролся за то, чтобы общественные начинания, связанные со

славянским делом, оставались именно на почве демократической и прогрессивной. Направленную роль в этом отношении играл в «Отечественных записках» М. Е. Салтыков-Щедрин.

Борьба славянских народов в 1875—1876 гг. вызвала, как известно, значительное добровольческое движение в России. Среди добровольцев были участники революционного движения, которые, с одной стороны, не хотели оставаться безучастными зрителями освободительной борьбы на Балканах, а с другой — наделись там научиться военной организации, приобрести боевую выучку и опытность.¹ Участие активных революционеров в добровольческом движении иногда стимулировалось также особенностями переходного периода, переживавшегося самим революционным народничеством. Революционер 70-х годов (впоследствии казненный) Александр Квятковский сообщает о своем приезде в конце 1875 г. в Петербург после неудачных попыток работы в народе. Тогда, указывает он, наступила «пора реакции» в пропагандистском движении. «Начавшееся и все более и более развивавшееся славянское движение явилось для очень многих выходом из тогдашнего тяжелого состояния. Осуществление тех идеалов, посетительницей которых была молодежь и которые потерпели в своем применении в России полную неудачу, казалось возможным в славянском движении если и не вполне, то хоть отчасти». ² Квятковский в волонтеры не пошел (он вскоре принял участие в организации «Земли и воли»), но ряд других революционеров отправился на Балканы. Среди петербуржцев, ездивших на Балканы, был замечательный русский писатель-демократ Глеб Успенский. Окончивший Петербургский университет, близкий к демократическим студенческим кругам, корреспондент одной из петербургских газет Алексей Ершечко был убит в одной из битв сербов с турками.

Молодой петербургский студент-горняк Всеволод Гаршин, будущий видный писатель, рвался на Балканы, но не смог отправиться туда, так как находился в призывном возрасте. В стихах, посвященных волонтерам, он в сентябре 1876 г. писал:

Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать,
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать.
И не чуждом солдат, коней, орудий,
Не знаем войны,
А тем, что в каждой честной русской груди
Завет родной страны!³

Переписка В. М. Гаршина свидетельствует о спорах среди демократической молодежи по поводу отношения к балканским событиям.⁴ Гаршин негодовал на

¹ Вперед!, 1876, № 44, стр. 664—666.

² Автобиографическое заявление А. А. Квятковского, Красный архив, 1926, т. I (14), стр. 162.

³ В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений, т. III, 1934, стр. 90—91.

⁴ Там же, стр. 93—94.

заграничный русский орган «Вперед!» и на позицию его сторонников в России, поскольку ими не одобрялось волонтерское движение, отвлекавшее, по их мнению, молодежь от пропаганды в народе, мешавшее делу подготовки «социальной революции». Та же переписка рассказывает о волнении среди петербургского студенчества в связи с адресом студентов Будапешта, занявших резко протурецкую позицию. Гаршин в начале ноября 1876 г. сообщал: «Москвичи ответили им и ответили как должно — выругали... Наши же студенты всех заведений написали объяснение, где порицание совершенно исчезает за длинным объяснением наших политических убеждений. Точно будто мы извиняемся... Я был возмущен, несколько других тоже. Я написал резкий протест против такого заявления (оно цокрыто подписями больше 1000). Сегодня будет чтение этого протеста... Мной руководило сильное чувство, и протест вышел очень силен».¹

Как видим, возбужденное состояние петербургской демократической интеллигенции поддерживалось не только обстоятельствами внутренней жизни, но и чрезвычайными событиями международного характера.

* * *

Петербургский передовой рабочий становится в революционном движении 70-х годов все более заметной фигурой.

Движение среди рабочих северной столицы тесно связано с движением революционной интеллигенции, но отчасти развивается и более или менее самостоятельно. Мы не имеем в этом случае в виду стихийной экономической борьбы рабочих, которая, как правило, протекала тогда помимо воздействия революционных организаций.

На протяжении 1872—1874 гг. ряд интеллигентов-пропагандистов вел работу среди рабочих некоторых петербургских фабрик и заводов. О целях этой деятельности мы уже упоминали. В первую очередь она должна была послужить ступенью к развертыванию революционной деятельности среди крестьянства, которое в соответствии с основными принципиальными взглядами народничества ошибочно оценивалось как самая главная революционная сила в России.

Состав рабочего населения Петербурга не отличался однородностью. Наиболее крупные отряды его составляли рабочие текстильных фабрик (фабричные) и рабочие металлообрабатывающих и машиностроительных заводов (заводские). Квалифицированные заводские рабочие-металлисты были уже настоящими городскими жителями, обычно порвавшими или почти порвавшими связь с деревней. У многих фабричных (так же, как и у рабочих-строителей, например) связь с деревней и даже прямо с сельским хозяйством была еще весьма крепка. По своему культурному уровню первые значительно превосходили вторых; были они и в материальном отношении обеспечены лучше.

¹ В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений, т. III, 1934, стр. 103—104.

Различие в положении и в значительной мере в психологии заводского и фабричного бросалось в глаза интеллигентным революционерам. Вследствие их общих народнических взглядов на социальные отношения России они, естественно, должны были особенно тяготеть к тем слоям рабочих, которые стояли ближе к крестьянству.

Пропаганда среди фабричных рабочих велась организацией Перовской, Чарушина, Кропоткина и других, начиная с 1872 г. и до разгрома организации весной 1874 г., главным образом на Выборгской стороне (фабрика Мальцева — позднее Сампсоньевская мануфактура, фабрика Чешера) и за Невской заставой (фабрики Максвеля, Торнтона), частью и в других районах города. Пропагандисты посещали артельные общежития рабочих, принимали последних и у себя. В нескольких случаях занимались специальные помещения, служившие центрами пропаганды. Так, зимой 1872/73 г. в Выборгском районе таким центром являлся дом Байкова на Сампсоньевском проспекте, где поселилась группа студентов и курсисток, которые и вели занятия с небольшими группами рабочих; наряду с этим устраивались одновременно чтения для всех посещавших дом Байкова рабочих (по истории народных восстаний в России, о рабочем движении на Западе). Руководителями работы в доме Байкова были Синегуб и Чарушин; в пропаганде участвовали также Клеменц, Кропоткин, Александра Корнилова и др. Во второй половине 1873 г. в том же доме революционеры поселили группу уже распропагандированных рабочих-текстильщиков.

За Невской заставой во второй половине 1873 г. пропагандой среди фабричных руководил С. С. Синегуб. Общую цифру рабочих, перебивавших в течение осенних месяцев 1873 г. у Синегуба (на Шлиссельбургском тракте, д. 33), один из рабочих, привлеченных по делу о пропаганде, определял потом человек в 60. В ноябре 1873 г. сам Синегуб, помогавшие ему интеллигенты и некоторые из рабочих были арестованы.¹

И в Выборгском, и в Невском районах в течение 1872—1873 гг. из среды фабричных усели выделиться некоторые убежденные революционеры, деятельность которых, однако, в большинстве случаев была быстро оборвана и пресечена жестокими репрессиями правительства.

Рабочий фабрики Мальцева Яков Иванов, который был много старше других (в начале 70-х годов ему было уже около тридцати лет), был затронут революционной пропагандой впервые в 60-х годах. По его словам, он вел знакомство с личностями, подобными Чарушину, с 1863 г. В период пропаганды Чарушина и других в Выборгском районе Иванов был одним из главных помощников у пропагандистов. После ареста в 1874 г. он пробыл в заключении почти два года. Рабочий (эстонец по происхождению) Вильгельм Прейсман также был одним из самых близких

¹ Ш. М. Л е н и н. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х годов. Каторга и ссылка, 1929, № 12(61), стр. 10—14.

к пропагандистам лиц. В 1872 г. он принимал участие в стачке на Кренгольмской мануфактуре, под Нарвой, и тогда в первый раз подвергся аресту.¹ В Петербурге Прейсман работал на фабрике Мальцева, а потом на Новой бумагопрядильне. За свое участие в пропаганде он, подобно Якову Иванову, понёс двухлетний заключение.

Рабочий с фабрики Мальцева, затем Чешера, Андрей Коробов, из крестьян Тверской губ., близкий к пропагандистам Выборгской стороны, находясь после ареста в больнице Петербургского тюремного замка, в октябре 1874 г. покончил с собой. Это — одна из первых жертв среди петербургских рабочих в их революционной борьбе против существующего строя. К тому же кругу распространённых фабричных рабочих Выборгской стороны принадлежал и Аким Стульцев. Он долго сидел в тюрьме за участие в пропаганде и был освобожден в 1876 г., после того как психически заболел. В 1879 г. Стульцев принимал участие в движении петербургских рабочих, связанном с забастовкой на двух текстильных предприятиях — Новой бумагопрядильне и фабрике Шау, вследствие чего он подвергся новым репрессиям.

Особенно выделяется среди революционеров-текстильщиков Выборгского района тех лет Григорий Федорович Крылов — «страстная и самоотверженная натура, рвавшаяся на подвиг», по характеристике соприкасавшихся с ним революционеров. В момент своего первого знакомства с пропагандистами он работал на фабрике Мальцева. Летом 1873 г. он оставил работу на фабрике и стал в качестве книгоноши ходить по рабочим окраинам Петербурга, распространяя литературу демократического направления. После провала Синегуба пропагандисты поспешно отправили Крылова на родину — в село Андреевское Тверского уезда, где он довольно широко вел пропаганду среди крестьян. В связи с разгромом петербургских рабочих кружков в марте 1874 г. был взят у себя на родине и Крылов, но по недостатку улик освобожден, после чего он вел пропаганду в разных местах России, находясь на положении нелегального. В конце августа 1874 г. Григорий Крылов был арестован на Волге; около двух лет провел он в тюрьмах и в 1876 г. умер в тюремной больнице в Москве.²

Среди фабричных рабочих Невской заставы начала 70-х годов наиболее заметными фигурами являются Степан Зарубаев и, особенно, Петр Алексеев. Степан

¹ Прейсман был одним из главных руководителей Кренгольмской стачки и пользовался среди рабочих большим влиянием; он избежал суда только благодаря тому, что во время открытых «беспорядков» 11—12 сентября 1872 г. находился под арестом (Кренгольмская стачка 1872 г. Сборник документов и материалов. Таллин, 1952, стр. 21, 25, 55, 56, 119—121). События на Кренгольмской мануфактуре оказали возбуждающее действие на рабочих Петербурга. Трепов докладывал 12 сентября 1872 г.: «О нарвских беспорядках и бесчиниях войск толпы ходят в столице, что весьма вредно действует на фабричных рабочих» (там же, стр. 33).

² Некролог Г. Ф. Крылова был помещен в заграничном журнале «Вперед!», № 43, от 3 (15) октября 1876 г.

Петрович Зарубаев, рабочий-ткач из тверских крестьян, в начале 70-х годов работал в Твери на фабрике Морозова, а потом на петербургских фабриках. В 1873 г. он связался с Синегубом и входил в небольшой кружок более сознательных рабочих, выделенный Синегубом из числа посещавших его текстилей. После ареста по делу Синегуба он просидел около года в тюрьме, а по освобождении направился в конце 1874 г. в Тверь, где вел пропаганду среди морозовских рабочих. Вследствие этого Зарубаев был вторично арестован и предан суду по делу о пропаганде в империи (процесс 193-х). На суде Зарубаев участвовал в протесте обвиняемых. Он был приговорен к девятилетней каторге, замененной ему ссылкой на жительство в Тобольскую губ.¹

Самым ярким представителем маленького круга революционеро-фабричных начала 70-х годов в Петербурге несомненно был Петр Алексеевич Алексеев, из крестьян деревни Новинской Сычевского уезда Смоленской губ. (родился в 1849 г., погиб в Якутии после каторги в 1891 г.). В. И. Ленин в «Что делать?» называет Петра Алексеева в ряду корифеев революционного движения 70-х годов, вместе с Мышкиным, Халтуриним и Желябовым, которым, как писал Ленин, были «доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова». Позже, в работе «Из прошлого рабочей печати в России», Ленин указывал, что «рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин и др.» занимают «виднейшее место» среди революционных деятелей эпохи 60-х и 70-х годов.²

¹ Сведения о фабричных рабочих, участниках революционной работы в Петербурге в начале 70-х годов, имеются в делах III отделения и Особого присутствия Сената (дело 193-х), а также в разных печатных источниках (в опубликованном обвинительном акте, в стенографическом отчете по делу 193-х, в различных мемуарах).

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 416; т. 20, стр. 224.

Речь Петра Алексеева в издании «Петербургской волынской типографии», 1878 г.

С. С. Синегуб в своих воспоминаниях¹ рассказывает о появлении у него на квартире осенью 1873 г. трех рабочих с суконной фабрики Торнтонна, уже вполне грамотных, но пожелавших учиться географии и геометрии. Среди этих троих находился Петр Алексеев и его товарищ, также видный в дальнейшем участник революционной борьбы Иван Тимофеевич Смирнов. Синегуб передал этих рабочих Софье Перовской, поселившейся тогда за Невской заставой рядом с ним также в целях пропаганды. После провала Синегуба Петр Алексеев был связан с кружком студентов Медико-хирургической академии (Василия Ивановского и др.), который самостоятельно занимался пропагандой среди торнтоновских рабочих. Современница (сестра Василия Ивановского) пишет об Алексееве той поры: «Крепкая широкая фигура... весь крупный, сильный богатырь русского эпоса». В нем, по ее словам, были настойчивость и умение напряженно работать, нестигаемость, «самостоятельное уворное приближение к свободно им принятой цели»; он был «душою рабочих». Алексеев был самым ревностным и способным из всех, посещавших устроенную кружком Ивановского нелегальную рабочую «школу». Он ходил к студентам в их «коммуну» на Петербургской стороне (на Монетной улице), где ночами просиживал над книгами по социально-политическим вопросам.² Весной 1874 г. он уходил на революционную работу в деревню, к концу того же года мы застаем его в уже упомянутой «воздвиженской» артели, которая некоторым образом была преимущественно связана с «Монетной коммуной». Как мы уже писали, Алексеев принял тогда деятельное участие в подготовке так называемой Всероссийской социально-революционной организации и перебрался с другими ее организаторами в Москву. Здесь в 1875 г. он был арестован; в 1877 г. его судили в Петербурге по известному делу 50-ти. Речь Петра Алексеева на суде произвела огромное впечатление на современников; она надолго стала одним из самых популярных документов агитационной революционной литературы; ею широко пользовались впоследствии в своей агитации и революционные социал-демократы. Ленин в программной статье первого номера «Искры» цитировал как «великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева» его слова, сказанные на суде: «...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!».³

¹ С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. Былое, 1906, № 9, стр. 109—110.

² Н. И(вановская). Письма Петра Алексеева из ссылки. Каторга и ссылка, 1924, № 5 (13), стр. 168.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 346. Наряду с приведенной редакцией заявления Алексеева, взятой из нелегально напечатанного тогда же (в 1877 г.) текста его речи, ныне известна другая (по записи, сделанной присутствовавшим в зале суда осведомителем III отделения): «Придет, может, время, когда русский мужик подымет свою жилистую трудовую руку, вооруженную солдатским штыком, и ценой крови своих деспотов добьется того, что он так долго и терпеливо ждал во имя справедливости» (Н. С. Каржанский. Московский trial Петр Алексеев. М., 1954, стр. 117).

Одновременно с пропагандой среди фабричных и выделением из их среды первых активных революционеров в Петербурге началась революционная работа среди заводских, давшая скоро еще более крупные результаты.

Сведения о первых шагах этой работы очень туманны и неопределенны. Один из обвиняемых по делу 193-х писал в своих показаниях: «Довольно еще невинные сношения демократов с рабочими; невинные лекции, на которых лекторы, что называется, из кожи лезли, чтобы доказать и уяснить рабочим, что земля кругла и вертится вокруг солнца, а солнце стоит на месте, тогда как это кажется обратным; рабочие тогда возились с учебниками, картами, глобусами... Эта эпоха занимает время конца 1871 года и начала 1872 года». ¹ С этим периодом работы связывается имя студента-технолога А. А. Лисовского, впоследствии эмигранта в Швейцарии.

К началу 1872 г. относятся чтения на квартире студента Корнеева по географии и древней истории, посещавшиеся немногими заводскими рабочими (менее десятка), среди которых находились Виктор Обнорский со своим товарищем Петром Кудровым-Кокушкиным, Алексей Козлов, Филипп Вангесов и др. Эти чтения их, видимо, не удовлетворяли; с ранней весны 1872 г. эти и ряд других рабочих стали постоянными посетителями квартиры двух студентов-медиков — Низовкина ² и Доводчикова — на Выборгской стороне, по Астраханской улице, д. 38, где затем в течение 1872—1873 гг. оказался один из главных центров революционной деятельности среди заводских. Здесь жили потом и некоторые из распространяемых рабочих, например Сергей Виноградов.

Постепенно сформировался круг более или менее передовых заводских рабочих, насчитывавший к концу 1873 г. человек до сорока, если не больше. Сюда входили рабочие Васильевского Острова (в основном открытого в 1869 г. Патронного завода, впоследствии переименованного в Трубочный), Выборгской стороны (с заводов Новый арсенал, Лесснера, Нобели), Невской заставы (главным образом бывшего Семяниковского завода — Невского механического и судостроительного). Имелись определенные связи и с Ижорским заводом в Колпино, через Алексея Петерсона, видного члена группы заводских рабочих Петербурга, колпинского уроженца.

В складывании кружка немалую роль сыграла нелегальная библиотека рабочих, начало которой было положено весной 1872 г. на Астраханской улице по инициативе революционера Анатолия Сердюкова, тогда и в дальнейшем поддерживавшего тесную связь с некоторыми из заводских. Для пополнения библиотеки рабочие с осени 1872 г. производили двухпроцентное отчисление со своего заработка. Библиотека пополнялась и за счет приношений со стороны интеллигенции. Летом 1873 г. библиотека рабочих разделена была на несколько частей по районам, для удобства читателей-рабочих. Это было связано вообще с приближением пропа-

¹ Ш. М. Л и н, ук. соч., стр. 17.

² После ареста стал предателем.

ганды к районам. В 1873 г., таким образом, наряду с Выборгским пропагандистским пунктом существовали такие же центры на Васильевском Острове (в квартире Обнорского и Кудрова на углу 8-й линии и Малого проспекта, потом в квартире Петерсона, Дмитрия Смирнова и Семена Волкова на 10-й линии) и за Невской заставой.¹

В пропагандистской деятельности среди заводских рабочих участвовали в разное время Кропоткин, Сердюков, Корнилова, Кравчинский, Клеменц. Отношения их с заводскими были более сложными, чем с фабричными. У заводских рано проявилась тенденция к известной самостоятельности, особенно усилившаяся в последние месяцы деятельности их кружка, когда, кстати, решением общей сходки 31 декабря 1873 г. на квартире Петерсона, Смирнова, Волкова была уже создана, наряду с библиотекой и библиотечной кассой, вторая касса — самопомощи или противодействия, для помощи пострадавшим по политическим делам или оставшимся без работы. Журнал «Вперед!» в начале 1875 г. рассказывал, основываясь на сообщениях двух петербургских заводских рабочих, уехавших в то время за границу (члены заводской группы Сергей Виноградов и Карл Иванайсен), что «оба учреждения» (библиотека и касса), «основанные пропагандистами из интеллигентной молодежи, последнее время находились совершенно в руках рабочих».² В позднейших воспоминаниях Шишко мы читаем: «Заводские рабочие... и тогда уже составили довольно хорошо организованную группу со своей собственной кассой и библиотекой, и притом державшуюся по отношению к революционерам из интеллигенции с гораздо большей независимостью, чем группа фабричных рабочих».³ В другой статье тот же Шишко отмечает: «Это была довольно большая и хорошо организованная группа, среди которой находились очень развитые рабочие (Обнорский, Лавров, Орлов). Заводские рабочие, т. е. рабочие механических заводов, слесари, токари по металлу, литейщики и пр., вообще стояли гораздо выше фабричных, и для них установились систематические лекции по политической экономии, истории, западно-европейскому революционному движению и т. д.»⁴

Известная независимость заводских выразилась не только в стремлении самостоятельно, в организационном смысле, вести свои дела, но до некоторой степени в инстинктивной неудовлетворенности той линией, которую проводили

¹ Летом 1873 г. удавалось собирать большие сходки рабочих около «Книжен» в районе Невской заставы. Жандармский офицер Новицкий, производивший потом дознание по делу о революционной пропаганде в Петербурге, в своих воспоминаниях уверяет, что собиравшиеся здесь «в толпы» рабочие «были сближены настолько между собой, что выражали открыто готовность идти на баррикады в столицу» (Генерал В. Д. Новицкий. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929, стр. 85—86).

² Вперед!, № 3, от 15 (27) февраля 1875 г., стр. 76.

³ Л. Э. Шишко. Собрание сочинений, т. IV, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 209.

революционеры-интеллигенты. У многих из этих рабочих не было ни влечения к анархическому бунтарству, ни той веры в легкую возможность поднять крестьянство под анархо-«социалистическими» лозунгами, которая все сильнее овладела многими революционерами-народниками из интеллигенции. В среде передовых заводских начинало с большей или меньшей силой проявляться классовое пролетарское чутье и чувство. Разумеется, было бы неосновательно приписывать инстинктивный протест или сомнения, прорывавшиеся временами у первых распространяемых заводских рабочих начала 70-х годов по отношению к призывам народнической революционной интеллигенции либо части ее, прямому влиянию марксизма, от которого они пока стояли еще достаточно далеко, несмотря и на то, что некоторые из них уже начали знакомиться с экономической теорией Маркса по первому тому «Капитала» (обычно в изложении пропагандистов), а к концу 1873 г. в рабочих кружках Петербурга появился изданный за границей русский перевод «Гражданской войны во Франции» Маркса.

Многочисленные аресты среди рабочих в марте 1874 г. сначала, по утверждению III отделения, очень напугали более широкую рабочую среду. В записке от 28 мая 1874 г., которая была доложена Александру II, III отделение сообщало о приеме, будто бы оказанном рабочему Нового арсенала Сергею Виноградову, когда он был выпущен из тюрьмы: «Сергей Виноградов, хотя и поступил после освобождения опять на прежнюю работу, но был так сурово принят сотоварищами своими, его так чуждаются, избегают всяких разговоров, боятся каких бы то ни было сношений с ним, — точно с чумным, — что он вынужден был совершенно уединяться и кроме рабочих часов остальное время проводил дома». III отделение внушало царю, что вообще рабочие теперь «редко собираются массами, редко вступают в оживленные споры», и то все больше о личных, хозяйственных или семейных делах, что они «избегают чем-либо навлечь на себя подозрение или неудовольствие правительства». Однако через несколько месяцев то же III отделение представило Александру II совсем иную картину настроений рабочих. Оно отмечало, что состояние паники, охватившее было рабочих после мартовских арестов, прошло; но появилось у рабочих «незамечавшееся прежде самостоятельное отношение их к заводской администрации, сознание своего достоинства и труда. Прежние подчас грубые отношения хозяина завода стали для рабочих невыносимы. Рабочие, видимо, сознали, что завод без рук немислим, что хотя они и кормятся им, но что вместе с тем и он без них ничто. Это сознание и породило в настоящее время тот дух единомыслия, который так часто стал проявляться между рабочими». III отделение указывало, что задержки в выдаче заработной платы, раньше обходившиеся «тихо», теперь вызывают шумные протесты и стачки. «Даже на заводах, где никогда, по положению их, не может быть недостатка денег для расчета»,

¹ Виноградова первоначально продержали под стражей недолго, но потом, в связи с его нелегальной поездкой за границу, он был снова арестован и судился по делу 193-х.

постоянно проявляется «оппозиционный дух рабочих». «Начинаются пререкания в виде неудовольствия на недостаточную заработную плату, на стеснительные условия заводской администрации», наконец, на «придирки старших мастеров». III отделение делало заключение, что «все это, вместе взятое, ясно указывает на влияние пропагандистов, успевших поселить в рабочей среде ненависть к хозяевам и убеждение в эксплуатации ими рабочей силы». Картина, нарисованная III отделением, показалась Александру II, для которого предназначалась записка, «весьма грустной».¹

Нет сомнения, что выводы III отделения основывались на впечатлении от ряда рабочих волнений, имевших в Петербурге место именно в 1874 г. Еще в феврале 1874 г. газета «Голос» отметила протест 2500 рабочих Семьянниковского завода, вышедших из здания завода вследствие отказа администрации выдать заработную плату в установленный день. Печать отмечала, что это — четвертый случай на заводе.² 10—13 мая того же года на том же заводе были новые волнения, вызванные возмущавшими рабочих действиями директора Ефимова. 11 мая на заводе появилось рукописное обращение к рабочим следующего содержания: «Господа рабочие, постарайтесь сего 11-го числа приступить к заводскому начальству и требовать, чтобы не вводили новые порядки, не ставили штрафов, и затем предадим своему суду». Ефимов приглашал несколько раз рабочих прислать выборных от цехов для объяснений, но рабочие, опасаясь преследований делегатов, уклонились от этого. В августе 1874 г. бросили работу, из-за задержки заработной платы, рабочие по очистке и углублению лигвских прудов; тогда же бастовали рабочие малярного цеха Семьянниковского завода. В конце 1874 г. были стачки и волнения на заводе Товарищества латунного производства, на ткацкой фабрике Шау, в мастерских Петербургской станции Варшавской ж. д.³

Большое впечатление произвел «бунт» на Семьянниковском заводе 10 апреля 1875 г.⁴ Это произошло в канун пасхи («страстной четверг»); волнение было снова вызвано невыдачей заработка. В нем участвовало около 2000—2500 рабочих. Один из участников в воспоминаниях, опубликованных впоследствии за границей Союзом русских социал-демократов, писал: «Стачка носила разрушительный характер: были поломаны станки, машины, выбиты стекла и рамы в конторе, а проходная конторка на новой половине завода даже разрушена совершенно, взорваны и облиты чернилами конторские книги, побиты некоторые нелюбимые рабочими служащие и т. п.; сам управляющий заводом, возвращавшийся из города, спасся только благодаря смелости кучера, который, рискуя утопить себя и

¹ Ш. М. Л е в и н, *ун. соч.*, стр. 26—27. Ср.: Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 478.

² По официальным данным, волнения рабочих Семьянниковского завода из-за невыплаты заработанных денег происходили еще в октябре 1871 г.

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. I, стр. 493—495, 616—618.¹

⁴ Там же, т. II, ч. II, Госполитиздат, М., 1950, стр. 62—65.

своего барина, проехал Неву по непрочному льду уже трогавшейся реки. «Как и все неорганизованные стачки, — пишет тот же старый рабочий, — стачка эта не принесла той пользы, которую могла бы принести, и вызвала только временную приостановку работ и высылку из Петербурга более энергичных рабочих, да, кроме того, вызванными для прекращения „бунта“ казаками было избито нагайками много рабочих, из коих некоторые проболели довольно продолжительное время».¹

Об этих волнениях на Семяниновском заводе много говорила легальная петербургская печать в связи с судебным процессом, возбужденным против четверых рабочих как «зачинщиков» (Лазарев, Тихонов, Васильев, Стольберг). Дело слушалось 13 мая 1875 г. в окружном суде.² Большая корреспонденция о волнениях появилась в заграничном «Вперед». Этот же семяниновский «бунт» вызвал появление первой связанной с петербургским рабочим движением печатной прокламации, под заглавием «Письмо к семяниновским рабочим». Она была отпечатана в типографии эмигрантской газеты «Работник» в Женеве и подписана: «Ваше благоприятель и товарищ Иван Селифантьев». Авторы прокламации, останавливаясь на условиях труда семяниновских рабочих и обличая действия заводской администрации, призывали к организованности и активной борьбе. «Поймите же, господа, что вы и заводское начальство — смертельные враги, — писали они. — Ваши выгоды противоположны — это ясно как день... Неужели кто-нибудь о вас подумает, когда вы сами не захотите помочь себе. Нет, господа, всякий свое дело обдольивает сам. Даром ничего не дается. Нужно сговориться хорошенько, нужно заранее готовиться на случай борьбы. Мало того, надо начальство помучивать, надобно самим заявлять свои требования».³

Из состава группы передовых заводских рабочих начала 70-х годов особенно выделяется по своим личным качествам и по той роли, которую он сыграл в рабочем движении этого десятилетия, Виктор Павлович Обнорский. Он родился в г. Грязовце Вологодской губ. в 1852 г., числился мещанином г. Кронштадта. Обнорский окончил вологодское уездное училище; в Петербурге работал слесарем на заводах Нобеля и Патронном.

Обнорский был одним из первых рабочих, связавшихся в самом начале 70-х годов с петербургскими интеллигентами-пропагандистами. Его квартира на Ва-

¹ За Невской заставой в 70-х и 80-х годах. Из воспоминаний старого рабочего. Женевы, 1900.

² Лазарев и Тихонов были оправданы; Васильев и Стольберг приговорены к трехмесячному аресту при полиции. Министр внутренних дел Тимашев нашел такое наказание «совершенно негодным для фабричного рабочего». Ссылаясь на опасение петербургского губернатора, чтобы «исходительность» суда «не навлекла за собой при первом удобном случае новые взрывы буйства (т. е. законного возмущения, — *Ред.*) среди 30 тысяч рабочих пригорода», Тимашев настоял на высылке нескольких человек, «которые явно выказали свое предное влияние на товарищей» (Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 66).

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 67—70.

Сильевском Острове была одним из центров революционной деятельности среди рабочих. Он был одним из тех, кто особенно хлопотал о развитии нелегальной библиотеки рабочих; некоторое время он состоял кассиром библиотечной кассы. Как личность, «выходящую из ряда обыкновенных по своему умственному развитию», Обнорского характеризуют показания привлеченных. По словам рабочего Д. Смирнова, он «казался исключительно начитанным из нашей братии рабочих». В августе 1873 г. Обнорский уехал из Петербурга, недолго работал в Одессе, где вел пропаганду и был близок с некоторыми рабочими, в дальнейшем игравшими видную роль в Южнороссийском союзе рабочих. Из Одессы Обнорский отправился за границу, куда потом ездил еще дважды. За границей он внимательно присматривался к движению западноевропейских рабочих, поддерживал тесные отношения с русской революционной эмиграцией. Обнорский был убежденным сторонником создания самостоятельной рабочей организации в России. Проживая в середине и в конце 70-х годов нелегально в Петербурге, В. П. Обнорский вместе с Халтуриним участвовал в создании Северного союза русских рабочих. Ему бесспорно принадлежала большая роль в определении идейных позиций Северного союза.

Не один Обнорский, но и некоторые другие члены заводской революционной группы начала 70-х годов принимали участие в дальнейшем развитии петербургского рабочего движения. Таковы токарь Патронного завода Алексей Николаевич Петерсон, слесари того же завода Семен Кузьмич Волков и Дмитрий Николаевич Смирнов, слесарь Патронного и Семяниковского заводов Игнатий Бачин, слесарь Патронного завода Карл Ивановичен, семяниковский рабочий-столяр Василий Мясников и др. Все они подвергались преследованиям за свою революционную деятельность. Иванайнен впоследствии погиб на кавказской каторге, Бачин — в якутской ссылке.

Некоторым из деятелей рабочего движения первой половины 70-х годов не пришлось уже участвовать в последующих его этапах, в ряде случаев потому, что им не удалось вырваться из рук правительства и царского суда. Так, например, заводской мелкий служащий (на Семяниковском заводе) Михаил Орлов, видный член группы заводских рабочих, будучи арестован в конце 1873 г., четыре года провел в заключении по делу 193-х, в тюрьме нажил тяжелую горловую чахотку, после суда был административно сослан. Сходной была судьба высокоразвитого рабочего-слесаря Семяниковского завода, петербургского мещанина Ивана Ильича Медведева, имевшего отношение к группе заводских. Медведев не чужд был заботам литературой и в 1872 г. издал в Петербурге небольшой «роман в стихах» обличительного жанра, против буржуа-толстосумов — «Греховодник». Арестованный при попытке бежать за границу (1875 г.), он три года сидел в тюрьме, был судим по процессу 193-х и вскоре же после суда умер в административной ссылке.

Нельзя не назвать одного из товарищей Медведева — семяниковского слесаря, из крестьян Ярославской губ., Марка Малиновского. Малиновский, видимо,

не входил в группу заводских, но он был связан с действовавшими за Невской заставой пропагандистами и сам вел революционную пропаганду среди рабочих. В ноябре 1873 г. Малиновский был арестован по доносу «верноподданного» темного рабочего Долгушева, сообщившего полиции, что Малиновский высказывался против религии и царя, говорил, что царя надо уничтожить и «избрать государя на голосах, как это делается в других образованных государствах». Следствие выяснило, что Малиновский учился у дьячка в селе; в 1866 г., приехав в Петербург, сразу же абонировался для чтения в известном книжном магазине Черкесова, «читал многое», позднее завязал знакомства со студентами. Он давал окружающим сочинения Лассала и народные брошюры Цебриковой, Голицынского и т. д. На допросах сам Малиновский не отрицал, что, по его убеждению, всякий народ в ходе своего развития «должен прийти к республиканскому образу правления». Малиновский был осужден на семь лет каторги и умер в 1876 г. в одном из каторжных централов Харьковской губ.¹

С. Н. Халтурин. Фотография. 70-е годы XIX в.

От удара, нанесенного правительством революционной пропаганде и организации среди рабочих Петербурга в 1874 г., движение передовых рабочих оправлялось постепенно. Помимо отдельных пропагандистских попыток, примером которых может служить отмеченная выше работа кружка Дьякова, мы видим, особенно к зиме 1875/76 г., организованные стремления возобновить и развить деятельность рабочей группы, сложившейся в начале 70-х годов и разгромленной весной 1874 г. В работе принимают участие некоторые из уцелевших или освобожденных после более или менее длительного заключения заводских рабочих, к которым присоединяются и новые деятели.

Среди этих новых людей на первое место следует поставить столяра Степана Николаевича Халтурина, одного из замечательнейших деятелей русского рево-

¹ А. Файштейн. Марк Малиновский. Рабочий-пропагандист начала 70-х годов. М., 1923.

люционного движения 70-х годов, героического борца за рабочее дело. Степан Халтурин родился в деревне Холевинской (Большие Журавли) Орловского уезда Вятской губ. в 1856 г., учился в орловском уездном училище, затем в вятском земском училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний, своеобразном и передовом для своего времени учебном заведении, находившемся у царских властей на очень плохом счету. Выйдя с третьего курса вятского училища, Халтурин примерно в конце 1875 г. появился в Петербурге, где сначала работал в мастерской учебных пособий Топорковых, некогда связанных с печавским делом, затем, в течение 1½ лет, на Александровском механическом заводе Главного общества российских железных дорог. В октябре 1877 г. Халтурин перешел на нелегальное положение, после чего работал на Сампсониевском вагоностроительном заводе и других предприятиях.

В течение 1876—1879 гг. Халтурин стоял в центре революционного движения передовых рабочих Петербурга. Современник Халтурина, известный революционер 70-х годов, писатель Степняк-Кравчинский в очерке о Халтурине, составленном после его гибели (Халтурин был казнен в 1882 г. в Одессе), указывает, что «каждым днем росла его роль в рабочем движении, в котором он постепенно занял «место главного организатора, лидера». Кравчинский называл в своей статье Халтурина «самым блестящим олицетворением «нового типа наших рабочих, которому принадлежит будущее». «Жгучесть его энергии, энтузиазма и оптимистической веры была, — по словам Кравчинского, — заразительна, непреодолима. Вечер, проведенный в обществе этого рабочего, прямо освежал душу». Тот же автор особенно подчеркивает кровную, органическую связь Халтурина с рабочим классом, его глубоко любовное и заботливое отношение к делам рабочей организации, «независимость и автономию» которой он «ревниво оберегал». ¹ Восторженную характеристику Халтурина оставил Плеханов, который также говорит о его «огромном влиянии», «своего рода диктатуре» среди рабочих, о его всецелой поглощенности «одним коренным вопросом о задачах и пуждах нарождавшегося рабочего движения». ² Высокая оценка, которую В. И. Ленин давал Халтурину как одному из корифеев движения 70-х годов, была уже отмечена выше.

В течение 1876 г. среди распропагандированных петербургских рабочих шла сравнительно интенсивная организационная работа, в которой, насколько можно судить по имеющимся отрывочным данным, участвовали и Халтурин, и Обворский, и Волков, и Д. Смирнов и др. По воспоминаниям Плеханова, который тогда уже поддерживал тесную связь с рабочими (одно время его комната на Кронверкском проспекте, нынешнем проспекте М. Горького, д. 67, кв. 8, служила даже для сходов руководящего ядра рабочих), к концу 1876 г. пропаганда между рабочими

¹ С. М. Степняк-Кравчинский, Собрание сочинений, ч. V, Эскизы и силуэты, 1919, стр. 83—100.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 134 и сл.

приняла довольно широкие размеры. Плеханов при этом указывает как на ряд районов самого Петербурга (работа, по его словам, велась в Галерной гавани, на Васильевском Острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами), так и на его окрестности (Колпино, Кронштадт и т. д.).¹

В. П. Обнорский. Фотография. Около 1880 г.

Этот же 1876 год был знаменательным в истории революционного движения столичной интеллигенции как год критического пересмотра платформы на основе печального опыта «схождения в народ», пересмотра частичного, не затронувшего коренных, принципиальных основ народнической веры, но приведшего к некоторым изменениям в постановке ближайших целей движения, в вопросах организации, приемов деятельности. «Бунтарское» большинство революционеров написало тогда на своем знамени — «народное движение» во имя осознанных в данное время самим народом требований. Оно полагало, что требования эти сводятся к переходу в руки крестьян всей земли, к освобождению и укреплению общины, которой должны были бы быть переданы после переворота «все общественные функции».

Выдвигались и защищались положения о необходимости прочной организации революционных сил, о переходе от «бродячей» пропаганды к оседлым «поселениям» в народе, об особом, решающем значении агитации, как словесной, так и — преимущественно — «путем дела» («бунтов», стачек). На базе новой платформы была создана во второй половине 1876 г. и новая организация, позднее получившая название «Земли и воли», отчасти в память одноименного общества начала 60-х годов, а главным образом ввиду того, что этот лозунг считали лучше всего резюмирующим желания и стремления самого народа, крестьянства. Марк Натансон, вернувшийся из ссылки, Александр Михайлов, Георгий Плеханов, Адриан Ми-

¹ Там же, стр. 148.

хайлов, Михаил Попов, Осип Антекмаи, Алексей Оболенев, Валериян Осипский, Дмитрий Лизогуб, Александр Квятковский, Ольга Шлейснер-Натапсон и другие составили ядро новой организации — «Земля и воля». Следует заметить, что внутри «Земли и воли» ряд ее членов (особенно Александр Михайлов, а также Оболенев, Ольга Шлейснер) энергично боролись против организационной расхлябанности, за тесную сплоченность революционных рядов, за дисциплину, строгое соблюдение правил конспирации и т. д. «Земля и воля» достигла в этом отношении значительных успехов, получивших впоследствии признание со стороны В. И. Ленина. В «Что делать?» Ленин писал о созданной землевольцами «превосходной организации», которая «нам всем должна бы была служить образцом»¹ (конечно, землевольческая организация, в отличие от позднейшей организации социал-демократов, не была еще связана с массами).

Как и их непосредственные предшественники по революционной борьбе, народники-землевольцы считали основной и решающей революционной силой в России крестьянство; на организацию «поселений» революционной интеллигенции в деревне они устремили главные свои усилия. Но они, конечно, не могли обойти и рабочих. «Заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих, заводских и фабричных» фигурировало в программе «Земли и воли»² как одна из практических задач (по существу подчиненная по отношению к работе среди крестьянства). Объясняя интерес землевольцев к рабочим, Плеханов впоследствии указывал: «...рабочими интересовались лишь в той мере, в какой считали их способными *поддержать* крестьянское восстание, которое, по мнению народников, должно было вспыхнуть вдали от промышленных центров, на окраинах, еще не позабывших крупных крестьянско-казацких бунтов и хранящих строго „народные идеалы“».³

Плеханов был одним из тех членов «Земли и воли», которым, между прочим, было поручено ведение «рабочего дела», т. е. сношения с рабочими-революционерами, агитация и пропаганда в рабочей среде. В своих воспоминаниях Плеханов рассказывает о формах отношений землевольцев с «ядром петербургской рабочей организации» второй половины 70-х годов. По его словам, на обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство местными рабочими кружками, возникавшими в той или другой части Петербурга. Интеллигенция не вмешивалась в дела этих местных кружков, ограничиваясь доставлением им книг, помощью при заведении тайных квартир для собраний и т. п. Впрочем, революционеры-интеллигенты являлись с целью пропаганды и на собрания местных рабочих кружков.⁴ Надо заметить, что в рабочие кружки наряду с бунтарями-землевольцами ходили также сохранившиеся лавристы.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 442.

² Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, стр. 57.

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 122.

⁴ Там же, стр. 147—148.

Передовой слой городского пролетариата, как указывает Плеханов, «и тогда уже был очень восприимчив к революционной пропаганде», вследствие чего «рабочее дело» росло и расширялось, поражал самих народников-землевольтцев «своей неожиданной успешностью». Г. В. Плеханов называет «первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом» известную демонстрацию 6 декабря 1876 г. у Казанского собора¹ (так называемая Казанская демонстрация).

В своем месте мы уже упоминали о том, что первая мысль относительно Казанской демонстрации возникла, согласно сообщению Плеханова, под впечатлением интеллигентской демонстрации на похоронах студента-революционера Павла Чернышева. Однако со времени чернышевской демонстрации до Казанской прошло восемь месяцев, заполненных незаметной со стороны организационной и пропагандистской деятельностью среди передовых рабочих, а также и подготовительными действиями к созданию «Земли и воли».

Вера Фигнер, одна из участниц Казанской демонстрации, говорит о ней как о демонстрации в ознаменование основания общества «Земля и воля».² «Она должна была, — по словам Фигнер, — сделать вызов правительству и среди всеобщего затишья своей дерзостью поразить противников и ободрить сторонников».³ Вместе с тем устроители демонстрации шли навстречу настроению рабочих. Неизвестный автор письма, адресованного в тюрьму одной из обвиняемых по делу 50-ти и написанного через несколько дней после демонстрации, сообщал: «В настоящее время на многих петербургских фабриках рабочие получают расчет, уходят, огорченные, по домам сотнями... Среди них нашлись люди, которые хотели дублячию заявить правительству свое негодование на существующий порядок и для этого затеяли собраться на площади перед Казанским собором, произнести речь и пройти со знаменем „Земля и воля“. Интеллигенция, соприкасающаяся с рабочими, известила свою братию о дне, когда предполагается демонстрация, уверяя, что рабочих будет 3000 человек. Разумеется, „нигилист“ хлынул. Рабочих в числе 3000 не явилось, пришло много-много человек 50; но речь была все-таки произнесена и знамя развевалось в воздухе».⁴

Цифра явившихся рабочих, указываемая в этом письме, сильно расходится с показанием Плеханова, в его позднейших воспоминаниях, что рабочих пришло

¹ Там же, стр. 122—123.

² Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, выд. 7—8, стб. 466.

³ В е р а Ф и г н е р, Полное собрание сочинений, т. I, 1932, стр. 106.

⁴ Первая рабочая демонстрация в России на Казанской площади в Петербурге. Составила Э. А. Корольчук. М.—Л., 1927, стр. 12. В 1876 г., до Казанской демонстрации, учтено не менее восьми конфликтов и выступлений на предприятиях Петербурга, в том числе волнения из-за ухудшившихся положение рабочих новых правил на Александровском заводе (в январе 1876 г.) и повторные волнения на Путиловском заводе (в марте, июне, октябре) из-за непомерных штрафов, задержек заработной платы и т. д.

200—250 человек. Но это число, очевидно, преувеличено, так как и по оценке Плеханова на площади революционная молодежь, вопреки первоначальным расчетам землевольцев, оказалась сравнительно с рабочими в большинстве, всех же участников демонстрации, судя по многим источникам, было несколько сот (до 400 приблизительно).

С речью на демонстрации выступил Плеханов, который вместе с М. Натансоном, Н. Хазовым и другими был и одним из ее главных организаторов.¹ Речь была посвящена тем русским людям, которые погибли или погибают в тюрьмах за то, что, пренебрегая личным благополучием, отдали себя борьбе за благо народа и родины. Плеханов говорил о Чернышевском, сосланном на каторгу вследствие того, что «волю, данную царем-освободителем, он называл обманом»; он напомнил о декабристах, петрашевцах, каракозовцах, нечаевцах, долгушинцах и «мучениках последних лет». По изложению петербургского корреспондента журнала Лаврова «Вперед!», оратор на Казанской демонстрации (т. е. Плеханов) закончил свою краткую речь словами: «Друзья! мы собрались, чтобы заявить здесь пред всем Петербургом, пред всей Россией вашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя! На нем написано — земля и воля крестьянину и рабочнику! Вот оно — да здравствует земля и воля!». ²

Чтобы сделать цель демонстрации более очевидной и доступной толпе, пишет участник демонстрации Александр Бибергаль, «было выкинуто красное знамя с белой надписью „Земля и воля“; но без древка оно плохо развевалось, и широкой публике надпись не была видна. Тогда молодой рабочий Потапов взял знамя в руки, после чего был поднят с ним высоко над головами». ³

Знаменосец, бывший торнтоновский рабочий Яков Семенович Потапов, несмотря на свой 16-летний возраст, уже имел революционный стаж. Джабадари помнит его (в конце 1874 г.) в Петербурге мальчиком в «воздвиженской» артели, из которой вышел ряд участников «Всероссийской социально-революционной организации». ⁴ В начале 1876 г. он был арестован в Киеве, привлечен к дознанию по делу этой организации (процесс 50-ти), выслан на поруки к отцу на родину — в Тверскую губ., но оттуда бежал, за несколько месяцев до Казанской демонстрации, в Петербург. На демонстрации он был выслежен сыщиками и арестован недалеко от Казанского собора на улице; знамя было найдено при нем.

¹ Перед Казанской демонстрацией Плеханов жил в доме № 35 по Фуригадтской улице (ныне улица П. Лаврова), занимая комнату в квартире отставного унтер-офицера Рыкулина. Отсюда он ушел в день демонстрации в 8 час. утра и больше, конечно, не возвращался, перейдя с этих пор на нелегальное положение (Красная летопись, 1926, № 6(21), стр. 166).

² Вперед!, 1876, № 48; или отдельный листок «Демонстрация на площади у Казанского собора».

³ А. Н. Бибергаль. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. Каторга и ссылка, 1926, № 7—8 (28—29), стр. 25.

⁴ Былое, 1907, № 9, стр. 189.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 1.

25 ОКТЯБРЯ 1878.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ 6 р.
 На полгода 3 р.
 На кварталъ 2 р.
 Подписчики платятъ
 впередъ бездоговора за
 одинъ Пет. Волг. Тел.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОЗРЕНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Подписка на жур-
 налъ, корреспонденція
 и статьи принимаются
 у лица, указаннаго
 въ объявленіи.

СОДЕРЖАНІЕ. **Отъ редакціи.** — **Земля и Воля!** — **Фельетонъ:** Письмо членовременнаго россиянина. — **У гроба.** Спикаторство. — **По поводу подвиготовъ прессы.** — **Корреспонденція.** — **Разныя известія.** — **Объявленія.**

Вотъ уже второй годъ, несмотря на всѣ гоненія, существуетъ внутри Россіи вольное, безцензурное слово. Этотъ рѣдкій заграничный гость нашелъ наконецъ и у насъ урюмый уголокъ, несмотря на то, что холера страны пригалаи и пригалаютъ всѣ старанія, чтобы вытнать его съ покоромъ вонъ.

Кромѣ листовокъ и брошюрокъ по поводу различныхъ событий русской жизни, вольные русскіе стани наша возможномъ предпринять и выполнить одно большое изданіе, на которое, по словамъ Петерса, знаменитаго пресабатая судави Особата Присутствія, не было средствъ у «Правдъ. Вѣстника». Мы говоримъ объ изданіи судебныхъ отчетовъ по прошлогонему процессу 103-хъ социалстовъ.

Такъ и продолженіе ея, выпало на долю русскихъ социалстовъ.

Если вообще все русское общество, анившее права слова по самымъ существеннымъ для него вопросамъ, справедливо негодуеть на своихъ угнетателей, то тѣмъ болѣе имѣеть право не звортаться съ подобнымъ положеніемъ на — социалсты-революционеры. Наша партія, лодя нашего образа мысли поставлена на аюма. Для насъ въ предѣлахъ имперіи не существуетъ права слова, ни устнаго, ни письменнаго, нетолько для защиты своихъ идей, но даже для личной защиты. Даже на право ругать социалстовъ и выдать изъ нихъ грязью, которого такъ ревностно добивалась известная часть нашей прессы, надобно было испрашивать всегда особое разрѣшеніе у придерживающихся властей.

Ругать — значитъ признавать существованіе, бо-

«Земля и воля», № 1, 1878 г. Первая страница.

Демонстрація на площади передъ соборомъ, в то время еще совершенно открытой (сквера тогда не было), была очень непродолжительной. По воспоминаніямъ участниковъ, полиція сперва растерялась, недоумевая и не понимая происходящаго, но вскоре догадалась в чемъ дело. На свистки стали сбегаться дворники. «Первое время, — пишетъ Бибергаль, — демонстранты еще отбивались и даже обратили в бегство часть полицейскихъ. Но когда явились целые отряды городовыхъ, а болѣшая часть демонстрантовъ успела уже скрыться, — полицейскіе стали хватать и бить не только примыхъ участниковъ демонстраціи, но и всехъ техъ, кто имъ казался подозрительнымъ». Всего было арестовано 20 мужчинъ и 11 женщинъ. По словамъ корреспондента «Впередъ!», арестуемые защищались отчаянно и женщины в этомъ не уступали мужчинамъ. Зверское избіеніе арестованныхъ продолжалось и в полиціи.

Уже 18 января (1877 г.) дело о демонстраціи началось слушаніемъ в Особомъ присутствіи Сената. 25 января былъ вынесенъ приговоръ. Пятеро обвиняемыхъ получили каторгу на 15 и 10 летъ, многие были присуждены к ссылке на поселеніе. Трое рабочихъ — Яковъ Потаповъ, Матвей Григорьевъ и Василий Тимофеевъ — были

приговорены к ссылке на пять лет в отдаленнейшие монастыри, «с поручением их там особому попечению монастырского начальства, для исправления их нравственности и утверждения их в правилах христианского и верноподданнического долга». Потапова держали до 1879 г. в Белавинской спасопреображенской пустыни вологодской епархии, но так как он не проявлял ни малейших признаков «исправления», то его перевели затем в Соловецкий монастырь. Здесь молодой петербургский рабочий продолжал борьбу против «начальства». Во время панихиды по Александре II, после 1 марта 1881 г., Потапов ударил соловецкого настоятеля архимандрита Мелетия («теперь я свободен, доволен, держите, сколько угодно», — объявил он при этом). В том же 1881 г. Потапова за это приговорили к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири, и он был отправлен в Якутскую обл.

Хотя из Казанской демонстрации и не вышло того внушительного рабочего выступления, о котором вначале мечтали как землевольцы, так и сами руководители рабочих кружков, хотя и оказалось на ней явное преобладание интеллигентской революционной молодежи, тем не менее присутствие рабочих, как подчеркивает, например, Михаил Чернавский (один из осужденных на каторгу за участие в демонстрации), «было очень заметно».¹

Именно заметным участием рабочих было особенно встревожено правительство, именно это участие ободрило, с другой стороны, тех представителей революционной среды, которые были организаторами демонстрации и затем защищали ее от нападков — после разгрома.

Такой защите была посвящена целая рукописная брошюра, возможно намечавшаяся к печати, но не напечатанная, — «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 г.». «Участие и известная инициатива в устройстве этого собрания со стороны рабочих не подлежат сомнению, — говорилось в этой брошюре, — хотя правительство усиленно старается скрыть эту сторону... Правительство и общество боятся признаться в появлении этого грозного призрака на политическом горизонте... Событие 6 декабря является результатом расширившейся пропаганды русских социалистов, результатом проникновения известных идей и стремлений в массу городских рабочих, на первый раз, конечно, в массу относительно небольшую, результатом охвата этой массы страстным порывом протеста против окружающих стеснений и проявления себя свободным человеком... Стремления рабочих не могут успокоиться, они могут только на время затануть для того, чтобы с большей силой, в более резкой форме выйти опять наружу!».²

Демонстрация на Казанской площади и процесс ее участников несомненно произвели большое впечатление на рабочих Петербурга и его окрестностей. По сведениям тайных полицейских агентов, значительная группа рабочих Ижор-

¹ М. М. Чернавский, ук. соч., стр. 16.

² Первая рабочая демонстрация в России, стр. 77—78.

ского завода в Колпинне¹ намеревалась явиться в столицу ко дню окончательного объявления приговора казанским демонстрантам. По слухам, передававшимся агентурой, колпинцы, совместно с некоторыми рабочими петербургских предприятий и студентами, намерены были «осыпать цветами осужденных и произвести уличный беспорядок». Власти были встревожены; приняты были меры к предотвращению каких-либо новых выступлений.²

В. И. Ленин впоследствии говорил о демонстрации 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге как о «первой социально-революционной демонстрации в России».³

К концу 70-х годов относится новый подъем русской общественной жизни и революционной борьбы, вторая со времени падения крепостного права революционная ситуация в России. Начало ее можно датировать примерно 1878 г.

Реформа 1861 г. не решила крестьянского вопроса в России. Реформа обрекла деревню на нищету и голодовки. Крестьянские протесты против обманной «воле» были жестоко подавлены царизмом. Крестьянское движение пошло на убыль, но не замерло и со временем снова стало подниматься. Усиление бедствий крестьянства, углубление противоречий между крестьянами и помещиками составили одну из основных причин нового революционного подъема в стране. Это было ясно даже некоторым, более дальновидным, представителям господствующего класса. А. И. Кошелев (публицист-славянофил) писал в те же годы, что главный вопрос, составляющий основу и подкладку всех других, есть, конечно, вопрос об *общем обеднении народа*.⁴

В социально-политическом кризисе конца 70-х годов сказывается, по сравнению с кризисом начала 60-х годов, важная новая черта. Наряду со столкновением интересов крестьян и помещиков теперь со значительной силой выражается уже противоречие интересов новых классов, классов буржуазного общества — рабочих и капиталистов. Обстановка промышленного кризиса и депрессии 1873—1877 гг. повлияла на обострение этого противоречия. Выше уже отмечено, что некоторые современники видели связь настроений, приведших рабочих на Казанскую демонстрацию, с вызванной кризисом безработицей. О ее размерах дают представление сообщения печати в начале 1877 г., согласно которым в Петербурге и его пригородах в результате закрытия фабрик и сокращения на них работ насчитывались десятки тысяч безработных.

¹ Адмиралтейские Ижорские заводы Морского ведомства, одно из старейших и крупнейших предприятий в районе столицы, насчитывали к середине 70-х годов более 1800 рабочих.

² Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 191.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 295. Заслуживают внимания сведения III отделения, относящиеся к ближайшему после Казанской демонстрации времени (к марту 1877 г.), о брожении среди безработных и намерениях устроить демонстрацию возле дворца.

⁴ Цит. по журналу «Слово» (1880, № 10, стр. 84).

Начавшаяся в апреле 1877 г. война России с Турцией дала, правда, толчок к оживлению промышленности, продолжавшемуся затем в течение нескольких лет. Но та же война, с другой стороны, очень содействовала резкому обнажению всех язв и пороков самодержавного режима, она весьма затруднила положение правительства и неизбежно должна была сыграть роль одного из крупнейших факторов нового обострения внутреннего политического кризиса.

Маркс еще за несколько месяцев до начала русско-турецкой войны писал, что, каков бы ни был ее конец, русский царь «подал сигнал к давно назревавшему потрясению в своем собственном государстве, — потрясению, которое в своем конечном результате покончит со всем теперешним *status quo* старой Европы». ¹ В сентябре 1877 г., оценивая политические последствия тех затруднений, которые испытывала на фронте царская армия, Маркс в письме к Зорге указывал, что удары нанесены и «командующей армией династии». Вывод, делавшийся Марксом, гласил: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции». ² Через полгода после этого, в марте 1878 г., когда сопротивление Турции было уже сломлено, когда Россия уже вышла победительницей, Энгельс в одной из своих статей писал: «...внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы». Энгельс находил, что русское правительство стоит лицом к лицу с неодолимым сопротивлением народа и что поэтому-то оно и решилось, в поисках спасения, на внешнюю войну. ³

Напряженность политической обстановки с особой силой чувствовалась в конце 70-х годов в таких важнейших центрах общественной жизни, как Петербург и Москва, Киев, Одесса, Харьков.

Революционное движение в Петербурге, несмотря на все меры противодействия и подавления, принимавшиеся царским правительством, продолжало расти и развертываться во второй половине 70-х годов.

Одним из многих симптомов подъема движения является в это время рост революционной печати. Нелегальное издательство из эмиграции переносится частью в Петербург. В 1877 г. землевольцам удалось поставить в столице типографию (она называлась, как некогда типография Герцена в Лондоне, Вольной русской типографией), которая в течение многих месяцев бесперебойно издавала революционные брошюры и прокламации. Позднее, в первые месяцы 1878 г., для издания нелегальной газеты «Начало» была создана Петербургская вольная типография, которая потом тоже перешла в руки землевольцев. Частое появление в столице нелегальных изданий, на месте же напечатанных, производило большое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 450.

² Там же, стр. 480.

³ Там же, т. XV, стр. 407, 409.

впечатление на публику. После убийства в августе 1878 г. шефа жандармов и главного начальника III отделения Мезенцова его преемник писал царю, что «более 1¹/₂ лет безуспешно производящиеся розыски подпольной типографии составляли предмет глубочайшего прискорбия покойного Мезенцова и его сотрудников».¹

Революционизирующее влияние на население оказывали крупные политические процессы, один за другим происходившие тогда в столице. За делом о демонстрации на Казанской площади последовал, в феврале—марте 1877 г., процесс 50-ти. Среди подсудимых был ряд рабочих (Алексеев, Агапов, Филат Егоров и др.), было много женщин — участниц пропаганды среди рабочих (Бардина, Лидия Фигнер, сестры Любатович, сестры Субботины и др.).

Великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин 15 марта 1877 г. писал по поводу процесса 50-ти П. Анненкову: «А у нас, между тем, политические процессы своим чередом идут. На-днях один кончился... каторгами и поселениями, только трое оправдано, да и тех сейчас же спровадили в места рождения... Говорят — были замечательные речи подсудимых. В особенности одного крестьянина Алексеева и... Бардиной».² Н. А. Некрасов послал осужденным по делу 50-ти тогда еще нигде не опубликованные (написанные как отклик на Парижскую Коммуну) глубоко революционные стихи «Смолкли честные, доблестно павшие...». Петр Алексеев получил это стихотворение, находясь после процесса в тюрьме в Петербурге.

В Особом присутствии Сената, после двух уже названных дел, слушалось в Петербурге в мае 1877 г. дело участников одесского Южнороссийского союза рабочих, во главе с Евгением Заславским, который был осужден на каторгу, но не мог быть отправлен из-за болезни и умер в Петербургском тюремном замке в июне 1878 г.

Самый значительный из политических процессов, слушавшихся в Петербурге, — процесс 193-х — происходил в особо напряженной атмосфере, зимой 1877/78 г.

«Народная воля», № 1, 1879 г. Передел страница.

¹ В. И. Богучарский. В 1878 году. Голос минувшего, 1917, № 7—8, стр. 151.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XIX, 1939, стр. 91.

Трудная внешняя война, возбужденное настроение общества, интеллигенции, рабочих помимо характера самого процесса поднимали его политическое значение, а между тем и сами по себе обстоятельства процесса были исключительными. Не кто иной, как Победоносцев, махровейший реакционер, жаловался в письме из Петербурга к наследнику престола, будущему царю Александру III, находившемуся тогда в армии: «В такую пору, — в пору напряженного до крайности народного чувства, такого волнения и раздражения в умах, — наше правительство придумало пустить в ход громадный политический процесс о революционной пропаганде... Обвиняемые все из всевозможных сословий. Их держат в тюремном заключении самым пеленым образом вот уже 4-й год, и в числе их много таких, которых, без сомнения, придется освободить по суду... Обвиняемые, свидетели, — все... постараются выказать себя и свое раздражение, адвокаты будут произносить речи, в обществе поднимутся толки».¹

Победоносцев боялся этого суда. За прекращение дела выступал великий князь Константин Романов. Но суд все-таки состоялся; он оправдал опасения, существовавшие среди верхов; этому немало способствовал произвол, воцарившийся с первых дней на самом суде в Особом присутствии Сената. Подсудимые увидели, что их лишают возможности вскрыть существо дела, выяснить свои цели, что суд фактически закрыт; они протестовали и отказывались один за другим от участия в комедии судебного разбирательства. Происходили бурные сцены. Напряжение достигло высшей степени во время речи Ипполита Мышкина.

Отчеты о заседаниях, нелегально печатавшиеся, имели широкое распространение среди молодежи, студенчества. В учебных заведениях проходили шумные сходки, на которых выступали ораторы-революционеры. Намечалось устройство демонстрации студентов, для чего было отпечатано и распространено обращение-протест к министру юстиции графу Палену, автором которого был Г. В. Плеханов. Эта демонстрация не состоялась. Но примерно в те же дни произошла другая демонстрация — не студенческая, а рабочая, при участии, впрочем, ряда интеллигентов из числа активных революционеров.

7 декабря 1877 г. на Патронном заводе (Васильевский Остров) произошел по вине администрации сильный взрыв, при котором погибло 9 рабочих и многие пострадали в той или иной степени. Согласно воспоминаниям рабочего-революционера В. С. Панкратова (впоследствии узника Шлиссельбургской крепости), уже при переносе пострадавших в Тучковскую больницу настроение было возбужденное, и Степан Халтурин, который при этом, по его (Панкратова) словам, присутствовал, произнес горячую речь.² Революционный кружок рабочих Патронного завода после взрыва срочно связался с землевольцами. Земледелец Михаил Попов

¹ Письма Победоносцева к Александру III, т. I. М., 1925, стр. 84—85.

² В. Панкратов. Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг. Былое, 1906, № 3, стр. 255—256.

вспоминает о появлении на одной из конспиративных квартир Халтурина и еще одного рабочего (сам Халтурин не работал на Патронном заводе). Рабочие указали на необходимость демонстрации. Похороны, состоявшиеся на Смоленском кладбище 9 декабря 1877 г., привлекли массу рабочих (в литературе фигурирует цифра до 2000 человек — рабочих Патронного и других заводов Васильевского Острова). На похороны-демонстрацию явилась также группа революционеров-интеллигентов, в составе которой находился Плеханов, Попов, Осинский и др. Один из рабочих выступил с речью, в которой начальство обвинялось в несчастье. Попытка полицейских арестовать оратора вызвала решительное сопротивление собравшихся рабочих; полиция была изогнана, а оратора спешно увели и спасли. (Оратором был, по словам старого рабочего-патронника Невлева, кладовщик инструментального отдела завода Феофанов). Плеханов сообщает: «Дружный отпор, данный полиции рабочими Патронного завода, ... доказывал, что даже незатронутые пропагандой рабочие вполне способны к решительному и единодушному действию и в подходящую минуту не испугаются союза... с революционерами».¹

В связи со взрывом на Патронном заводе Вольной русской типографией были напечатаны две прокламации — одна, написанная самими рабочими-кружковцами, другая, написанная, по некоторым данным, Г. В. Плехановым. Оба листка были обращены к рабочим Патронного завода, обличали начальство, призывали к единству, к борьбе.

Ровно через три недели после события на Смоленском кладбище Петербург стал свидетелем еще одной политической демонстрации — по случаю смерти великого народного поэта Н. А. Некрасова. Тяжелая болезнь Некрасова, начавшаяся в последние месяцы 1876 г., крайне беспокоила и тревожила передовые обществен-

С. И. Перовская. Фотография, 70-е годы.

¹ Г. В. Плеханов, *Сочинения*, т. III, стр. 159; *Красная летопись*, 1928, № 2 (26), стр. 203.

ные круги. По-своему «тревожилось» и правительство. Оно задолго до кончины поэта готовилось к предотвращению «предполагаемой антиправительственной демонстрации». Власти боролись против собирания подписей под адресами большому Некрасову. Градоначальник Трепов в письме к губернатору в июле 1877 г. указывал, что учащаяся молодежь неоднократно составляла на имя Некрасова сочувственные адреса, распространяя их и в среде рабочего населения столицы.¹ Трепов предупреждал губернатора, что «известные своею неблагонадежностью лица предполагали склонить рабочих в случае смерти Некрасова собраться на его похороны и, пользуясь большим стечением народа, устроить антиправительственную демонстрацию».

Поэт скончался в 1877 г., вечером 27 декабря, в своей квартире на углу Литейного и Бассейной улицы (нынешняя ул. Некрасова). Похороны состоялись 30 декабря на кладбище Новодевичьего монастыря.

Известный юрист и литератор А. Ф. Кони в своих воспоминаниях пишет: «Похороны были очень многолюдны и, сколько помнится, были вторыми неофициальными похоронами в Петербурге, в которых, — после торжественных похорон знаменитого артиста Мартынова 13 сентября 1860 года, — приняли участие с горячим порывом самые разнообразные круги общества». «Обстановка этих похорон и характер участия в них молодого поколения, — замечает А. Ф. Кони, — указывали, что ими выражается не только сочувствие к памяти покойного, но и подчеркивается живое и активное восприятие основного мотива его поэзии».²

Из надписей на венках печать отмечала такие, как: «Некрасову — студенты», «От русских женщин» и др. Был и венок с надписью — «От социалистов». По словам Плеханова, общество «Земля и воля» решило открыто явиться на похороны Некрасова в качестве революционной организации. Вокруг венка, как пишет Плеханов, тесным кольцом сомкнулись революционеры вместе с членами рабочих кружков, «уже весьма нередких тогда на разных петербургских фабриках и заводах».

На Новодевичьем кладбище над могилой Некрасова был произнесен ряд речей — писателем-народником П. Засодимским, Ф. Достоевским и др. Как известно и из «Дневника писателя» самого Достоевского, и из воспоминаний присутствовавшего на похоронах В. Короленко, Г. Плеханова и т. д., речь Достоевского вызвала протесты молодежи. Говорил, по поручению революционной организации, и Плеханов. «Я оттенял, — вспоминал он впоследствии, — революционное значение поэзии Некрасова. Я указывал на то, какими яркими красками изображал он бедственное положение угнетаемого правительством народа. Отметил я также и то, что Некрасов впервые в легальной русской печати воссел декабристов, этих пред-

¹ В. Б у х ш т а б. Правительственные заботы о похоронах Некрасова. Каторга и ссылка, 1933, № 2(99), стр. 146—147.

² А. Ф. К о н и. На жизненном пути, т. V. Л., 1929, стр. 17.

шественников революционного движения наших дней». Плеханов помнит, что после него несколько слов произнес один рабочий, но не помнит имени этого рабочего. Рабочий говорил о том, что не зарастет тропа к могиле великого народного заступника.¹

К той же бурной зиме 1877/78 г. относится покушение В. И. Засулич (впоследствии одной из первых русских социал-демократок, тогда народницы) на жизнь петербургского градоначальника Федора Трепова. Оно было произведено в январе 1878 г. в ответ на телесное наказание, которому подвергся в тюрьме по приказу Трепова осужденный по делу о Казанской демонстрации земледелец Боголюбов (Емельянов). Вера Засулич и тогда не была сторонницей «терроризма» как системы; этот ошибочный способ борьбы, тормозивший рост массового движения, получил распространение несколько позже. Впрочем, покушение Засулич, помимо ее воли, послужило толчком к развитию индивидуального террора.

Суд над Засулич, 31 марта 1878 г., имел крупное политическое значение.

А. Ф. Кони, председательствовавший тогда в Петербургском окружном суде, в своих воспоминаниях пишет: «Среднее общество Петербурга, из которого должны были выйти будущие судьи (присяжные, — *Ред.*) Засулич, было напряжено, расстроено и болезненно-восприимчиво» (в связи с событиями русско-турецкой войны).² На суде свидетелями защиты была раскрыта картина безобразного административного произвола над «политическими». Защитник Засулич П. Александров произнес яркую речь; председатель Кони, составлявший одно из редких исключений в тогдашней чиновно-судейской среде, вел процесс беспристрастно и корректно, отказавшись выполнить требование правительства об оказании давления на присяжных в пользу обвинения. Дело кончилось оправдательным вердиктом присяжных и освобождением Веры Засулич, которую потом не удалось уже арестовать, хотя распоряжение на этот счет последовало немедленно после суда.

Вокруг здания суда и дома предварительного заключения ожидала результатов процесса большая толпа, ответившая на приговор присяжных и освобождение Веры Засулич шумной демонстрацией, которую в правящих кругах готовы были расценивать как «настоящий мятеж». Участниками этой демонстрации были преимущественно студенты и вообще интеллигентская молодежь; впрочем, присутствовали, по отзывам очевидцев, «люди всех званий». Как сообщала печать, было также немало рабочих — со строявшегося тогда Литейного моста, вблизи которого находилось здание «судебных установлений».³

Той же весной 1878 г. общественное внимание было привлечено серьезной вспышкой рабочего стачечного движения. Как уже отмечалось, стачки и волнения

¹ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 642—645.

² А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич. М. — Л., 1933, стр. 80.

³ Ш. М. Левин. Две демонстрации. (Из истории революционной ситуации конца 70-х годов XIX в.). Исторические записки, т. 54, 1955, стр. 250—261.

рабочих в течение 70-х годов возникали в Петербурге неоднократно. Но февральско-мартовская стачка 1878 г. на Новой бумагопрядильне ¹ (по Обводному каналу) выдается из ряда других. Поводом к ней послужила сбавка, без всякого предупреждения, заработной платы. Временный градоначальник, сменивший Трепова, генерал Козлов в докладной записке III отделению на второй день забастовки (она началась 27 февраля) признавал, и помимо резкого снижения зарплаток, существенное ухудшение условий труда (вновь введенный вычет за кипятки, громадные штрафы за прогулы и за поломку инструментов и пр.), признавал также и грубое обращение с рабочими нового директора и мастеров, британских подданных, почти не говоривших по-русски.

На Новой бумагопрядильне существовал небольшой рабочий революционный кружок. Здесь, между прочим, работал тогда Петр Анисимович Моисеенко (впоследствии один из главных руководителей знаменитой Морозовской стачки), во второй половине 70-х годов живший в Петербурге. Он был связан с петербургскими рабочими кружками и участвовал уже в Казанской демонстрации 1876 г. Моисеенко явился одним из руководителей стачки на Новой бумагопрядильне в 1878 г. Согласно воспоминаниям самого Моисеенко, он и на фабрику поступил по поручению революционной организации в предвидении назревавших на ней волнений. ² Однако, по некоторым другим данным, ³ стачка возникла неожиданно для революционеров. Как бы то ни было, забастовка привлекла их внимание, а через них — и значительно более широких кругов петербургской интеллигенции.

Рабочие Новой бумагопрядильни требовали сокращения рабочего дня с 13¹/₂ до 11³/₄ час. при сохранении прежнего заработка, уничтожения штрафов за поломку механических инструментов и уменьшения штрафов за прогульные дни, отмены штрафов за так называемое «дурное поведение», прекращения взимания платы за кипятки и т. д. Первый этап стачки продолжался до 6 марта, после чего рабочие ввиду обещаний градоначальника вернулись на работу. Уступки оказались, по признанию даже самого генерала Козлова, просто ничтожными, и 15 марта стачка возобновилась. 16 марта около 200 рабочих собрались на Невском проспекте у Аничкова дворца — резиденции наследника престола — с целью подачи жалобы на хозяев. Текст ее был заготовлен землевольцами по просьбе рабочих. По словам Плеханова, «сближение с революционерами не мешало большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона». От революционеров рабочие и ждали, что они напишут «прошение». «Землевольцы заранее морщились при мысли о такого

¹ Число рабочих Новой бумагопрядильни справочник Михневича (изд. 1874 г.) определяет в 1150 человек. «Указатель фабрик и заводов» П. А. Орлова, в издании 1881 г., дает цифру 1598 рабочих.

² П. А. Моисеенко. Воспоминания. М., 1924, стр. 17. О том, что стачка была организована революционерами (землевольцами), говорит в своих воспоминаниях М. Р. Понов (Бюллетень, 1907, № 5, стр. 300—303).

³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 159.

рода поручении... Но делать было нечего. Веру в царя нужно было разрушать не словами, а опытом.¹ По воспоминаниям М. Р. Попова, Плеханов будто бы уже с первых моментов стачки предлагал сразу превратить ее «в уличную демонстрацию под предлогом подачи прошения наследнику».² Жалоба от имени рабочих наследнику, одобренная всеми стачечниками, оканчивалась словами: «Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и мы должны положиться на себя и на свои руки».³

Обращение рабочих к наследнику осталось без ответа. Между тем полицейские власти, с самого начала «блокировавшие» район стачки, начали применять всяческие меры насилия, чтобы сломить сопротивление рабочих. 21 марта 1878 г. забастовка была прекращена. В конце марта Плеханов писал (конечно, анонимно) в легальной петербургской газете «Новости»: «Рабочие опять вышли на работу. В сущности они ничего не добились, так как нельзя назвать серьезным результатом отмену сбора за кипяток, выдачу рабочих книжек, обещание вычислить отхожие места и провести на фабрику невскую воду». Впрочем, компания Новой бумагопрядильни еще сменила управляющего и главного мастера, как людей, вызывавших сильное раздражение среди рабочих.⁴

Забастовка повлекла за собой ряд жертв из интеллигенции и рабочих. В числе арестованных был и Моисеенко. 3 мая 1878 г. вместе с товарищем его выслали на родину в Смоленскую губ. Товарищи по фабрике, в числе 100—150 человек, явились на Николаевский вокзал проводить их и, по словам нелегальной газеты «Начало», «шанутствовали их своими пожеланиями».⁵

Стачка на Новой бумагопрядильне в конце февраля и в марте 1878 г., как впоследствии свидетельствовал Г. В. Плеханов, принесла большую пользу делу рабочего движения в Петербурге. По его словам, за ее ходом внимательно следили все петербургские рабочие; «многие очень „серые люди“, наверное, пришли к тем же выводам относительно царской власти, какие сделаны были ткачами и прядильщиками Обводного канала».⁶

1878 год и в дальнейшем сравнительно богат был рабочими выступлениями. В отдельных случаях они приводили к успешным результатам. Так, в сентябре этого года забастовки на табачных фабриках Мичря и Шашала вынудили хозяев отказаться от намерения понизить заработную плату. Эти две стачки получили

¹ Там же, стр. 163.

² М. Р. П о п о в. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов. Голос живущего, 1920—1921, стр. 75.

³ Г. В. П л е х а н о в, Сочинения, т. III, стр. 428.

⁴ Там же, стр. 423.

⁵ Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, б. г., стр. 65. Ср.: П. А. М о и с е е н к о, ук. соч., стр. 21—22.

⁶ Г. В. П л е х а н о в, Сочинения, т. III, стр. 171.

особое значение ввиду того, что работали на них сплошь женщины. В ноябре того же года стачка на бумагопрядильной мануфактуре Кенига привела к тому, что все 200 рабочих взяли расчет, так как Кениг не шел на уступки. В стачечной борьбе 1878 г. участвовали и некоторые группы металлистов. Так, в мае 1878 г. прошла забастовка на Александровском механическом заводе в знак протеста против новых правил, устанавливавших обязательность назначаемых администрацией сверхурочных (или в праздничные дни) работ.

Подъем стачечного движения, в связи с общим обострением политического положения, благоприятствовал росту организованности в передовой рабочей среде. Именно к концу 1878 г. оформляется и открыто выступает со своей самостоятельной программой революционная организация передовых петербургских рабочих — Северный союз русских рабочих, преимущественно состоявший из «заводских» (металлистов), но имевший в своем составе и «фабричных» (текстильщиков).

Программа Северного союза была напечатана в Петербургской вольной типографии отдельным листком с датой «12 января 1879 г.». Во вступительной части указывалось, что рабочие Петербурга на общем собрании 23 и 30 декабря 1878 г.¹ «пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы».

«Путем неутомимой и деятельной пропаганды Союз надеялся «достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах».

«Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как строя крайне несправедливого» провозглашалось в программе как конечная цель.

В программе Союза оттенялась мысль о общности интересов и задач русских и западноевропейских рабочих. «Наши западные братья, — заявлялось в ней, — уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним». В другом месте программы указывалось, что Союз тесно примыкает по своим задачам к «социально-демократической партии Запада».

Из этих заявлений программы нельзя делать вывода, что сами основатели и руководители Северного союза уже усвоили марксистские взгляды. Они

¹ Е. Серебряков, автор очерка о «Земле и воле» 70-х годов, напечатанного в 90-х годах в эмиграции и потом переизданного в России, на основании сообщения одного из товарищей, связанного в свое время с Халтуриним, указывает, что программа Северного союза «была составлена на целом ряде рабочих сходок, собиравшихся главным образом в одном из домов по 13-й линии Васильевского острова, воле Малого проспекта, в квартире одного приказчика краснорядца», причем на сходках «бывало человек по 20—30 наиболее интеллигентных рабочих» (Е. С е р е б р я к о в. Очерк по истории «Земли и воли». СПб., 1906, стр. 45).

освобождались — в большей или меньшей степени — от отдельных народнических взглядов, но влияние народничества сказывалось еще достаточно заметно на понимании ими общественных явлений (отчасти, например, природы классовых отношений в России, конкретных форм реализации конечных идеалов освободительного движения и т. д.).

В программе Северного союза обращает на себя особое внимание наличие целого раздела «непосредственных требований» из следующих пунктов: 1) свобода слова, печати, право собраний и сходок, 2) уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям, 3) уничтожение сословных прав и преимуществ, 4) обязательное и бесплатное обучение, 5) уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением, 6) право сельской общины на решение дел, касающихся ее, 7) уничтожение паспортной системы и свобода передвижения, 8) отмена косвенных налогов, 9) ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда и т. д.

Включение ряда политических требований, хотя и не обобщенных в лозунг демократического представительного правления, является показателем того, что создатели Северного союза русских рабочих сделали значительный шаг по пути преодоления некоторых народнических ошибок. Известно, что действовавшая рядом с Северным союзом самая влиятельная в то время народническая организация «Земля и воля», толкаемая постоянно изнутри на дорогу политической борьбы, теоретически продолжала от нее открепиваться и еще цеплялась за анархические догмы. Поэтому-то нелегальный журнал этой организации — «Земля и воля», выходявший в Петербурге (с осени 1878 г.), выступил с рядом критических замечаний по адресу программы Северного союза. Учитывая «движение петербургских рабочих, выразившееся в последнее время весьма недвусмысленно в многочисленных стачках», а также «общее критическое положение дел» в России, «Земля и воля» признавала своевременность выступления на общественную арену Северного союза. Но ей не нравилось то, что в ряде мест программы Союза сказывается близость к программе немецких социал-демократов, не нравилось, что «вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле».¹

Деятели Северного союза защищали свою программу на страницах «Земли и воли» же в очень яркой статье (письме в редакцию). «Мы сплываемся, — писали они, — организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, — и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, тре-

¹ Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 200—201.

буем отмены разных стеснительных „положений“ и „уложений“». «Нас можно было бы еще упрекать, — заявляли рабочие-передовики, — если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлишной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так как представление о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе — как-то не вяжется. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, ... мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы». Успеху же этой борьбы, как находили они, политическая свобода должна способствовать.¹ Впоследствии, в конце 90-х годов, В. И. Ленин указывал, что образовавшиеся в 70-х годах Южнороссийский союз рабочих и Северный союз русских рабочих «требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма».²

Последние месяцы 1878 г. и первые месяцы 1879 г., на которые приходится выработка программы Северного союза русских рабочих и его ближайшие шаги как оформленной организации, отмечены напряжением общественной борьбы, напоминающим по своей силе петербургскую обстановку предыдущей зимы (1877/78 г.).

Члены землевольческого центра не случайно в январе 1879 г. в письме к товарищам, работавшим в деревне, утверждали, что «обстоятельства сами по себе в настоящее время крайне благоприятны».³ Они при этом ссылались на настроения в «обществе», в студенчестве, в рабочей среде. Общество, как писали землевольцы в столице, «настроено крайне оппозиционно, в нем замечаются даже попытки к активной оппозиции». О студенческой молодежи в письме говорилось: «Вспомните, какого труда прежде стоило толкнуть ее на протест. Теперь ее иногда приходится сдерживать». Наконец, о рабочих было сказано: «Между ними идет сильное брожение. Они выступают на путь организации и действия; в их среде слышатся то крики против интеллигенции, то обращение к ней за помощью».

Сильный подъем студенческого движения наблюдался как раз незадолго до этого. Еще в конце августа шеф жандармов, докладывая царю, что «в городе спокойно», в то же время передавал о полученных сведениях, что «пропагандисты стараются возбудить брожение в умах молодежи и подбить студентов к демонстрациям». Шеф жандармов возлагал большие надежды на меры «предупреждения», направленные «преимущественно против подстрекателей», на усиление состава

¹ Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 257—258.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 237. Правда, некоторые видные представители революционной интеллигентской среды, связанные с «Землей и волей» и другими группами, во время выступления Северного союза, уже высказывались в пользу политической борьбы.

³ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 98.

полицейских, на почтовые разъезды казаков.¹ Особые опасения внушала Медико-хирургическая академия, насчитывавшая тогда более 1900 студентов. «Студенты сего заведения, — осенью 1878 г. писал шеф жандармов, — по большей части принадлежат к разряду пролетариев... имеют особый тип». Он считал их весьма восприимчивыми к пропаганде и предлагал Александру II для борьбы с революционным движением такую «радикальную» меру, как перемещение Медико-хирургической академии в другой город, где «студенты были бы разобщены от соприкосновения с злонамеренно возбуждающей их фалангой разного рода и вида социалистов» и удалены от «соблазна» столичной жизни.² Александр II должен был признать осуществление этого предложения «практически невозможным».³

Несмотря на всяческие ухищрения властей, предотвратить взрыв студенческих волнений в Медико-хирургической академии им не удалось. Волнения вспыхнули в конце ноября 1878 г. как проявление солидарности со студентами Харьковского ветеринарного института, подвергшимися преследованию за протест против одного из профессоров. На большой сходке медиков 28 ноября было решено подать петицию наследнику с рядом требований. Несмотря на последовавшие в ту же ночь аресты, на следующий день толпа студентов, преодолев полицейские преграды, перебралась с Выборгской стороны в центр города к Аничкову дворцу, где вручила градоначальнику Зурову свою петицию. 30 октября новую сходку во дворе академии окружили жандармы и конные городовые. Собравшиеся были избиты вагайками. Около 140 человек было арестовано и отправлено в казармы Московского полка.

На призыв харьковских студентов поддержать их, кроме петербургских медиков, в известной мере откликнулись и другие петербургские студенты, в первую очередь универсальны.

Нельзя не отметить участия передовых рабочих в движении студентов. Об этом свидетельствует письмо Степана Халтурина к неизвестному корреспонденту с живым описанием студенческих волнений в Петербурге. Письмо оканчивалось словами: «Мы совсем оконфузились... собрались было на демонстрацию, но студенты университета не пошли, убоялись войск и объявления с угрозами выдать Университет полиции».⁴

Волнениями были охвачены зимой 1878/79 г. и сами рабочие. Всего за 1879 г. установлено имеющимися данными до 15 конфликтов, в том числе восемь среди

¹ В. Я. Богучарский, ук. соч., стр. 148.

² Там же, стр. 159—160.

³ Интересно отметить, что из общего числа 342 воспитанников высших учебных заведений, привлеченных по всей России к дознаваниям о революционной пропаганде в 1873—1877 гг., Медико-хирургическая академия дала 80 человек (за те же годы Петербургский технологический институт дал 49 привлеченных, Петербургский университет — 39, Горный институт — 5, Земледельческий институт — 6, Михайловское артиллерийское училище — 19).

⁴ Вып. Историко-революционный сборник, № 5, декабрь 1903 г. (на обложке: январь 1904 г.), стр. 60.

металлистов и четыре среди текстильщиков.¹ 15 января 1879 г. началась вторая большая забастовка на Новой бумагопрядильне; сперва забастовали ткачи, потом присоединились и прядильщики. Ближайшим поводом явился расчет 44 рабочих как «буштовщиков»; но рабочие, кроме возвращения уволенных, предъявляли и другие требования — сокращение рабочего дня до 11 1/2 часов, повышение заработной платы, отмена штрафов, участие выборных от рабочих в приемке готовых изделий и т. д. Уже на другой день после начала стачки ткачей Новой бумагопрядильни к забастовке примкнули рабочие фабрики Шау за Нарвской заставой (на Петергофском шоссе), предъявившие свои требования. Выдающуюся роль в стачке на Новой бумагопрядильне и у Шау сыграл Петр Моисеенко, который после забастовки 1878 г. бежал с места высылки и нелегально вернулся в Петербург. С забастовщиками поддерживали тесную связь руководители Северного союза русских рабочих. В руководстве движением участвовали также представители революционной интеллигенции. Ряд прокламаций — от имени рабочих Новой бумагопрядильни, рабочих фабрики Шау, Центрального комитета Северного союза русских рабочих — был отпечатан в Петербургской польной типографии. В «Земле и воле» подробный отчет о событиях дал Плеханов.

Делались попытки втянуть в забастовку и другие текстильные предприятия — Максвеля (за Невской заставой), Мальцева и Чешера (на Выборгской стороне), Екатеринбургскую мануфактуру. Имеются даже сведения о намечавшейся посылке агитаторов на Кренгольмскую мануфактуру, под Нарвой. Вызвать стачки на указанных фабриках не удалось. Но солидарность рабочих проявилась в форме денежных сборов, о которых Плеханов писал: «Сборы... предполагалось делать на всех фабриках и заводах; в этом смысле были напечатаны воззвания ко всем петербургским рабочим. Надежда на их помощь не оказалась тщетною; сборы делались почти повсеместно, и возбуждение рабочих во время этих сборов было подчас так велико, что грозило перейти в забастовку».²

Административные власти, активно вмешавшиеся в конфликт с начала волнений, действовали еще более нагло и беспардонно, нежели во время февральско-мартовской стачки 1878 г. Рабочие (числом около 200) с бастующих фабрик, направлявшиеся 18 января к градоначальнику для предъявления своих требований, были атакованы жандармами (при проходе через двор мещанской гильдии — с Загородного на Фонтанку), причем многие были изувечены, многие арестованы. Десятки рабочих через несколько дней после возникновения забастовки по «высочайшему» повелению были сосланы на север (в Вологодскую губ.) или на роднику.

¹ Серьезное возбуждение с начала 1879 г. царило на Семляниковском заводе в связи с предупреждением о предстоящем с 1 марта снижении заработной платы. Готовилась забастовка, предотвращенная арестами лиц, заподозренных в революционных связях и деятельности, и командированием за Невскую заставу в конце февраля—начале марта батальона лейб-гвардии Павловского полка и казаков.

² Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 209—210.

Собрание руководителей стачки было захвачено полицией тоже 18 января. Здесь в руки властей попали Моисеевко, Яков Коняев, Лука Абраменков (еще в 1875 г. связанный с кружком Дьякова и в 1876 г. судившийся за распространение нелегальной литературы, впоследствии один из видных участников Морозовской стачки). Эти трое были сосланы в Восточную Сибирь.

Стачка у Шау, как объясняло воззвание от Северного союза, должна была прекратиться, потому что ансе рабочие были объявлены бунтовщиками и рассчитаны; 250 человек оказались совсем без работы, пищи и крова. Стачка на Новой бумагопрядильне продолжалась несколько дольше, но тоже была подавлена. Всего эта стачка держалась, по отчету «Земли и воли», девять дней.

Прокламация Северного союза, появившаяся уже ко времени ликвидации стачки, призывала рабочих: «Братья, боритесь и стойте за свое дело, насколько хватит ваших и наших сил... Знайте, что мы, рабочие Союза, готовы помочь вам всем, чем можем, и до последней крайности. Вы не одни — мы с вами и всегда за вас, а нас здесь теперь уже целые сотни».

О сотнях членов Союза (и близких к нему) руководители его говорят и в том своем письме в редакцию «Земли и воли», которое выше нами цитировалось. В этом письме, напечатанном в номере «Земли и воли», появившемся около середины апреля 1879 г., говорилось, что Союз «только в Питере» насчитывает около 200 членов, «не говоря о других 200 человек, на которых вполне можно положиться» и которые, «не сегодня, так завтра», сделаются его членами.

Видимо, именно тогда, в начале 1879 г., деятельность Северного союза достигла своего наибольшего развития. В дальнейшем она ослабела, а затем прекратилась как в результате репрессий, так и в связи с общим ходом революционного движения того времени, направившегося с весны и особенно с осени 1879 г. все более и более в сторону террористической борьбы с правительством.

Последним сравнительно крупным актом Северного союза, о котором дошли до нас сведения, является издание — в ограниченном числе экземпляров — единственного номера подпольного листка «Рабочая заря» в начале 1880 г. Листок состоял из одной лишь статьи, разъяснявшей рабочим причины их тяжелого экономического и правового положения и призывавшей к единству и сплоченности, к смелой и активной борьбе «с правительством и хозяевами, с нынешним обществом за свои права, за новую жизнь». При этом «Рабочая заря» указывала на пример трудящихся Англии, Франции, Америки, Германии: «...несмотря на все гонения, на все препятствия со стороны правительств, их союзы насчитывают миллионы членов; как мы, и они были слабы, пока были разобщены, но теперь они — грозная сила, они близки к победе». По делу об издании и распространении «Рабочей зари» рабочие-революционеры Игнатий Гусев, Александр Павлов и другие были сосланы.¹

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 272—278.

«Рабочая зоря» была первой попыткой издания рабочего органа в столице, попыткой, с технической стороны еще весьма несовершенной, но характерной тем, что она была предпринята самими рабочими. С конца того же 1880 г. народолюбцы и чернопередельцы приступили к изданию небольших нелегальных газет, рассчитанных на рабочих.

Увлечение индивидуальным террором становилось заметным уже в течение 1878 г. как в Петербурге, так и среди народников городов Украины. Не понимая законов исторического развития, подавленные трудностями, встреченными при попытках революционной деятельности в крестьянстве, все сильнее раздражаемые преследованиями со стороны правительства, многие народники охладевали к прежним задачам подготовки «народно-революционного» переворота и переходили на путь «единоборства» революционной интеллигенции с царизмом. Правда, происходило одновременно изживание, постепенное преодоление анархистских предубеждений, получала признание мысль о необходимости и законности политической борьбы, направленной к уничтожению самодержавного государственного строя. Но отрыв от масс, переход к террору, которым этот отрыв закреплялся и усугублялся, заранее обрекали, в сущности, на неуспех и поражение эту политическую борьбу, ибо только на путях широкого развития массового народного движения возможна была победа над самодержавием.

Весной 1879 г. в Петербурге внутри «Земли и воли» уже сформировалась — тайная для этого общества в целом — группа террористического направления, в составе Николая Морозова, Льва Тихомирова (впоследствии ренегат, активный монархист), Александра Квятковского, Степана Ширяева и др. Это было вскоре после неудачного покушения народника Александра Соловьева на жизнь царя. Вокруг этого покушения внутри «Земли и воли» возникли острые споры, выяснившие наличие двух течений — одного, во главе с Плехановым, отстаивавшего целиком прежнюю платформу народников-землеуольцев, и другого, горячо поддерживавшего инициативу Соловьева и в дальнейшем пошедшего дальше по этому же пути.

Из двух течений в рамках одной организации через несколько месяцев, в августе 1879 г., возникли две отдельные, соперничающие между собой организации (или партии) — «Черный передел», во главе с Плехановым, Стефановичем, Дейчем, Засулич, Аптекманом, и «Народная воля», во главе с Желябовым, Ал. Михайловым, Перовской и др.

Исполнительный комитет народолюбцев находился в Петербурге до 1881 г.; после 1 марта он переехал в Москву. Самая крупная чернопередельческая группа находилась в Петербурге на всем протяжении деятельности «Черного передела». В Петербурге выходили печатные органы народолюбцев — «Народная воля», «Листок Народной воли», «Рабочая газета». Чернопередельцы тоже первоначально устроили в Петербурге свою типографию для издания журнала «Черный передел», но когда она провалилась, еще до выхода первого номера, то чернопередельцы

перенесли печатание своих изданий («Черный передел» и рабочий листок «Зерно») в другое место. Провал чернопередельческой типографии сопровождался и общим сильным разгромом чернопередельцев в Петербурге, от которого им очень не легко было поправиться уже потому, что обстановка вынудила к бегству за границу таких лидеров «Черного передела», как Плеханов, Засулич, Дейч, Стефанович.

И народовольцы и чернопередельцы черпали свои силы прежде всего среди интеллигентной молодежи, в частности студенческой. Но первые находили в ней больше сочувствия.

Обе организации искали себе сочувствующих и среди петербургских рабочих; снять-таки народовольцы нашли их в большем числе. Им удалось завербовать ряд активных рабочих-революционеров, в том числе самого Степана Халтурина, переход которого к террору (он поступил осенью 1879 г. столяром в Зимний дворец с целью подготовки покушения на царя и в связи с этим вступил в сношения с народовольцами) явился серьезным уроном для рабочего движения в Петербурге.

Идя на пропаганду в рабочую среду, как чернопередельцы, так и народовольцы не понимали действительного значения пролетариата как класса, его решающей и ведущей роли в революционной борьбе. Народовольцы, мечтавшие о перевороте и даже о захвате власти в столице, ценили рабочих как вспомогательную ударную силу. Практически главная задача их деятельности в среде рабочих чаще всего тогда сводилась к вербовке отдельных рабочих для непосредственного участия или помощи в террористических действиях.

Народовольцы придавали огромное значение работе в армии. «Имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа», — говорили они.¹ Но и при таком взгляде они не возлагали «много надежд» на пропаганду среди народной части самой армии — среди ее солдатской массы, считая, что «гораздо удобнее воздействовать на офицерство». Заведению связей с офицерами, в частности в Петербурге и Кронштадте, они уделяли большое внимание; военно-офицерской организации, ими созданной, народовольцы отводили в своих заговорщических революционных планах почетное место.

Едва ли не львиную долю своих сил и средств народовольцы тратили на террор. При самом образовании «Народной воли» убийство Александра II было поставлено в центре ее ближайших, непосредственных практических задач.

Руководящими деятелями «Народной воли» являлись в Петербурге А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, А. А. Квятковский, Л. А. Тихомиров, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко и другие. Особенно крупную роль сыграл Желябов (1850—1881 гг.), с именем которого было тесно связано развитие всех отраслей народовольческой работы в столице. Андрей Иванович Желябов (крестьянин по происхождению) принимал на протяжении всех почти 70-х

¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 308.

годов (до «Народной воли») активное участие в революционной работе на Украине. Его неоднократно арестовывали, судили по делу 193-х, но должны были оправдать. В конце 70-х годов Желябов выступил горячим сторонником новой тактики (прямая политическая борьба против царской власти, террор). Он был вождем Исполнительного комитета «Народной воли»; им была организована рабочая народовольческая группа в Петербурге, военная организация партии (та и другая — в 1880 г.); он фактически руководил работой народовольцев среди петербургского студенчества. Желябов был одним из руководителей и непосредственных участников покушений «Народной воли» на жизнь царя.¹ Отвергая, как бесплодную, тактику террора, В. И. Ленин тем не менее высоко ценил Желябова, в котором он видел выдающегося политического деятеля, одного из великих буржуазных революционеров (Ленин называет Желябова в одном ряду с Робеспьером и Гарибальди).²

Царское правительство применяло в борьбе с народниками самые свирепые меры подавления. Оно подвергало репрессиям не только непосредственных участников народнических организаций, но и вообще самые широкие круги демократической общественности, массу студенчества, передовых рабочих, левую печать. Резким усилением правительственных репрессий сопровождалось уже убийство (Сергеем Кравчинским) шефа жандармов Мезенцова в августе 1878 г. Новая, еще более сильная волна преследований поднялась после покушения (в апреле 1879 г.) А. К. Соловьева на самого Александра II. Под знаком самых тяжелых репрессий прошел затем весь 1879 год. В последнем из очерков своего цикла «Круглый год», появившемся в декабрьской книге «Отечественных записок» за 1879 г., М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Год приходит к концу, страшный год, который неизгладимыми чертами врезался в сердце каждого русского. Даже в худшие эпохи ничего подобного этому несчастному году летописи русской жизни едва ли представляли».³

Пытаясь упрочить существующий порядок средствами «белого террора», правительство, конечно, не могло не задумываться над необходимостью дополнения их другими мерами, которые должны были бы, как оно надеялось, обеспечить ему поддержку тех или иных общественных элементов не из числа только сторонников крайней реакции.

Еще после дела Мезенцова появилось правительственное сообщение, призывавшее «общество» помочь в борьбе с революционерами. В конце 1878 г. сам царь повторил этот призыв в речи, сказанной в Москве. Но поскольку эти призывы не сопровождались хотя бы даже обещанием каких-либо уступок, отклик они встретили с точки зрения правительства недостаточный и малоудовлетворительный.

¹ Вместе с Софьей Перовской он потом руководил подготовкой покушения 1 марта и был казнен по делу первоапрельцев.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 416; т. 21, стр. 197.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XIII, 1936, стр. 302.

А. И. Желябов. Фотография, 70-е годы.

Многие земские и дворянские собрания ответили, правда, в пошлом верноподданническом тоне, но, во-первых, такие ответы, как правило, были прямо инспирированы представителями власти, а во-вторых, нашлись все же и некоторые земства (тверское, черниговское и др.), которые в своих ответах, не отвергая задачи борьбы со «злом» революционной агитации, с большей или меньшей ясностью отстаивали необходимость со стороны власти уступок конституционного или полуконституционного характера.

Разговоры об уступках велись в 1879 г. уже при самом дворе. Записи в дневнике одного из министров — П. А. Валуева — свидетельствуют о настроениях верхов в это время. В июне 1879 г. Валуев, побывав в Царском Селе, писал: «Видел их императорских величеств. Вокруг них все допрежнему, но они не преж-

ние. Оба оставили во мне тяжелое впечатление... Вокруг дворца на каждом шагу полицейские предосторожности... Чувствуется, что почва зыблется, здаешь угрожает падение; но обыватели как будто не замечают этого, а хозяева смутно чувствуют недоброе, но скрывают внутреннюю тревогу». ¹ Через несколько дней, при новом посещении Валуевым Царского Села, сам Александр II с ним «заговорил о конституционных толках». Валуев вытащил на свет проект преобразования Государственного Совета, с которым он выступал когда-то, в пору польского восстания 1863 г.

В течение нескольких месяцев на разных неофициальных секретных совещаниях обсуждалась целесообразность привлечения выборных от цензовых органов общественного самоуправления к чисто совещательному участию в законодательстве. К январю 1880 г. выяснилась переальность подобных планов. Царь боялся малейших шагов, которые могли хотя бы внешне напоминать о возможности ограничения его всевластия. Он прислушивался к голосу тех, которые советовали «ничего не делать», ибо «многого — нельзя», а «малое... не удовлетворить». ² 22 января 1880 г. тот же Валуев писал: «Судьбы сбываются. Быть может, для перехода к другому порядку мыслей и дел нужно, чтобы под нами почва более заколебалась». ³

5 февраля 1880 г. произошел взрыв в Зимнем дворце. Он был организован Халтуриним при деятельной помощи Исполнительного комитета «Народной воли». Царь уцелел.

После 5 февраля в Петербурге была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Главным начальником этой комиссии был назначен генерал-адъютант, член Государственного Совета граф М. Т. Лорис-Меликов, состоявший перед тем временным харьковским генерал-губернатором. Главному начальнику Верховной распорядительной комиссии, между прочим, были присвоены права «главноначальствующего в С.-Петербурге и его окрестностях», на него было возложено «прямое ведение и направление следственных дел по государственным преступлениям в С.-Петербургском военном округе» и т. д. Верховная распорядительная комиссия просуществовала до августа 1880 г., когда она была закрыта (с одновременным «упразднением» III отделения), но «диктатура» Лорис-Меликова сохранилась в явной форме — он был поставлен во главе Министерства внутренних дел.

Лорис-Меликов взял на себя задачу — наряду с подавлением революционного движения — помирить с правительством либерально-оппозиционные слои.

Революционный орган («Листок Народной воли») видел цель лорис-меликовской политики в том, чтобы «сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передуть всех врагов порознь». ⁴

¹ П. А. Валуев. Дневник. Пгр., 1919, стр. 38.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Литература партии «Народная воля», стр. 72.

С революционерами Лорис-Меликов продолжал расправляться самым жестоким образом. В этом отношении, как указывалось в нелегальной печати, граф допускал вещи, до того «неслыханные и невиданные». А одновременно он старался задобрить либералов кое-какими обещаниями и некоторыми послаблениями в отношении земства, печати, школы. Надо сказать, что даже и в обещаниях своих Лорис-Меликов был крайне скуп и осторожен. Собрав однажды (в сентябре 1880 г.) представителей печати, Лорис-Меликов потребовал, чтобы они «не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении»; все это Лорис назвал «мечтательными разглагольствованьями» и «иллюзиями».

В начале 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II свой окончательный план «умиротворения» страны, поражающий своей кудостью. Он предлагал учредить временные подготовительные комиссии, вроде редакционных комиссий, действовавших перед крестьянской реформой. Комиссии должны были разработать законопроекты о преобразовании губернского управления, о дополнении Положений 19 февраля, о пересмотре земского и городского положений и некоторые другие. Эти законопроекты он предлагал затем передать в «общую комиссию», с привлечением в ее состав земских и городских выборных. Лорис проектировал еще участие 10—15 земско-городских представителей в рассмотрении этих законопроектов Государственным Советом, но Александр II, одобрительно отнесшийся в общем к плану Лориса, последний пункт отверг.

В. И. Ленин впоследствии указывал, что осуществление проекта Лорис-Меликова при известных условиях могло бы стать шагом к конституции, но могло и не быть таковым. Все зависело, разъяснял Ленин, от того, что пересилит: давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие «очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непрелюбных сторонников самодержавия». Несомненным, как подчеркивал Ленин, являлся факт колебания царского правительства в этот период, в период революционной ситуации. «Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступку». При этом — что особенно важно — «и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов». ¹

Условий, которые могли бы заставить правительство перейти от колебаний к действительным конституционным уступкам, налицо не оказалось. Либералы — в Петербурге, а также в Москве и на местах — очень, было, приободрились при Лорис-Меликове. Оживились земские и даже дворянские собрания, громче заговорила либеральная печать, начали издаваться новые либеральные газеты (в Петербурге, например, «Порядок»). Но к настоящей борьбе либералы, как и прежде, оказались неспособными. Либеральное общество, указывает Ленин, ха-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 39.

рактируя этот период, еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство.

Революционеры, не связанные с широкими народными массами, ошибочно возлагавшие главные надежды на свои террористические действия, в свою очередь, оказались бессильны сломить правительство. После ряда неудач народных волецам удалось, наконец, 1 марта 1881 г. убить Александра II (в Петербурге на Екатерининском канале царь был смертельно ранен бомбой, брошенной бывшим студентом Технологического института Игнатием Гриневицким). Однако это вовсе не приблизило их к осуществлению поставленной цели — ликвидации самодержавия и установлению демократического образа правления.

После совсем недолгих уже колебаний в правящих сферах восторжествовала именно партия «непреклонных сторонников самодержавия», партия врагов всяких, хотя бы видимых уступок. «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прилива была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией».¹

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 41.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ В 80-х И НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ И ПЕРВЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Два раза в течение разночинского периода русского революционного движения страна стояла перед революционным взрывом. Но ни на рубеже 50-х и 60-х годов, ни на рубеже 70-х и 80-х годов революционная ситуация не перешла в революцию. Оба раза правительство, одержав временную победу над надвигающейся революцией, переходило к политике самой жестокой реакции. Однако реакция 80-х годов далеко превзошла в своих попытках возврата к прошлому все то, что было сделано реакцией 60-х и 70-х годов. В. И. Ленин назвал реакцию 80-х годов «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской». ¹

К началу 80-х годов обнаружились уже глубокие сдвиги в общественно-политических отношениях, обусловленные капиталистическим развитием страны. Характеризуя этот процесс, В. И. Ленин на последних страницах своего труда «Развитие капитализма в России» писал, что по сравнению с докапиталистическим периодом «развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым». В то же время развитие капитализма в России оказывалось медленным; причина этого заключалась в том, что «ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом». ²

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 267.

² Там же, т. 3, стр. 527.

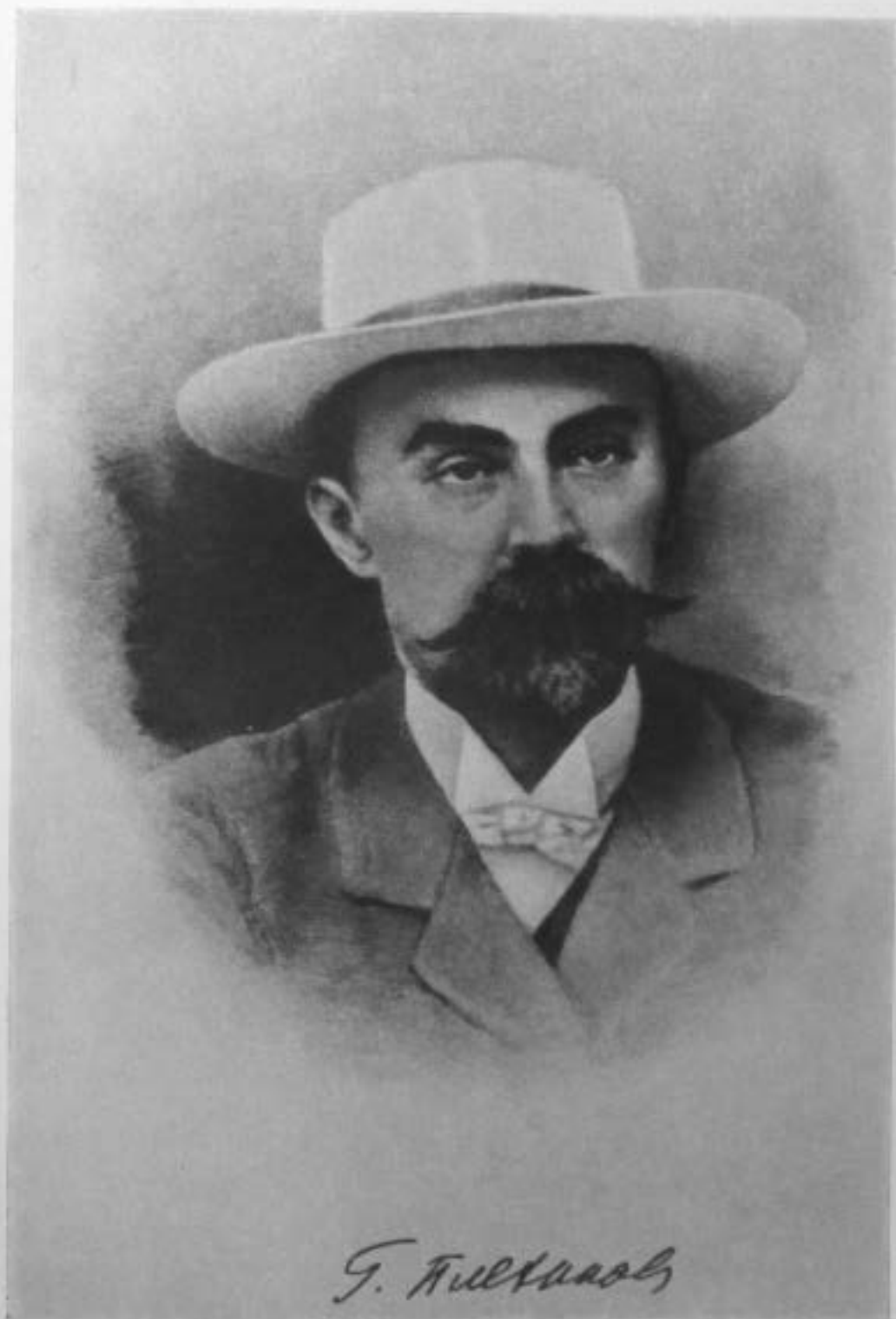
Основным из таких «пережитков старины, несовместимых с капитализмом», была помещичья собственность на землю, которую реформа 1861 г. оставила в неприкосновенности. Вместе с поземельной собственностью дворянство сохранило свое привилегированное положение первенствующего сословия в государстве. Однако процесс развития капитализма делал свое дело не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Дворянство быстро растратило полученные им за землю деньги, а затем задолженность стала бытовым явлением в дворянской среде. Земли дворян начинают все более часто уходить в руки купечества и деревенских кулаков.

Отбав революционный натиск, царизм в начале 80-х годов создал благоприятную обстановку для осуществления давних стремлений помещного дворянства — вернуть страну ко времени крепостных порядков. Дворянству, энергия действий которого усиливалась под давлением охватившего Россию аграрного кризиса, удалось достичь многого. Оно добилось облегчения своего экономического положения путем учреждения Крестьянского и особенно Дворянского банков. Оно добилось также принятия драконовых мер против возможного протеста, даже самого пассивного, со стороны сельскохозяйственных рабочих. Учреждение института земских начальников возвращало дворянству значительную судебную и административную власть над крестьянским обществом и над личностью крестьянина. Та часть дворянства, которая, считаясь с неизбежным ростом буржуазных отношений в стране, видела свое спасение от надвигающейся социальной катастрофы в некоторых уступках крестьянству, теперь совсем замолкла и в земстве и в печати. Все, что хоть в отдаленной степени напоминало «нарпивый либерализм» (выражение Александра III), подвергалось беспощадному гонению.

Репрессии против печати повели к закрытию «Отечественных записок». Та же судьба постигла радикальное «Дело», в котором участвовали, наряду со старым публицистом-шестидесятником Шелгуновым, некоторые из революционных эмигрантов, как, например, Степняк-Кравчинский. Низшая школа после учреждения церковно-приходских школ в значительной степени была отдана в ведение Синода, где всецело господствовал Победоносцев. Средняя школа была закрыта для «кухаркиных детей», т. е. для детей малосостоятельных людей. Высшая школа по новому уставу (1884 г.), была всецело подчинена произволу министра; студенты были превращены в «отдельных посетителей» университета, находявшихся под неусыпным надзором начальства.

Правительственная реакция повлияла на все стороны общественной жизни.

Для буржуазии не мог не быть тягостным гнет реакции, который грозил отнять у нее то немногое, что ей дали буржуазные реформы 60-х годов. Но либерализм русской буржуазии был весьма умеренным, податливым и трусливым по отношению и к правительству и к дворянству. Буржуазия еще в дореформенное время видела в самодержавии свою опору и своего покровителя. В. И. Ленин дал в 1894 г. очень яркую общую характеристику политического поведения русской буржуазии,

Г. В. Паскалов. Фотография, 80-е годы XIX в.

когда писал, что капитал «у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения». ¹ Так повела себя буржуазия и связанное с нею либеральное общество и в самом начале 80-х годов. Говоря о событиях, последовавших за 1 марта 1881 г., В. И. Ленин отмечал, что «либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами». ²

Буржуазия в свою очередь получила в эти годы немало подачек от правительства и в виде налоговой политики, всем бременем своим ложившейся на народные массы, и в виде усиленной покровительственной тарифной системы, и в виде всяческих ограничений тех скудных проблесков рабочего законодательства, которого правительство не могло не дать после Морозовской и других стачек 80-х годов.

В обстановке реакции значительная часть тогдашней молодежи отошла от революционного движения и поддалась настроениям уныния и неверия в возможность побороть реакцию путем какого-либо прямого против нее выступления. На этой почве имели успех такие течения, как, например, представленное издававшимся в Петербурге еженедельником «Неделя», или толстовство, для недолгого времени весьма влиятельное. «Неделя» провозглашала отказ от всякой политики. Она выступала против того, чтобы судить о явлениях общественной жизни, как она обычно выражалась, «с точки зрения идеалов гражданственности», т. е. с точки зрения какой-либо программы переустройства существующего общественно-политического строя. Вместо каких-либо, даже самых умеренных, политических действий, она проповедовала теорию «малых дел», мелкого культурничества, погрязнув в котором человек мог бы забыть о всех общих вопросах и о всякой революционной деятельности.

Толстовство оказалось в 80-х годах более влиятельным, чем течение «Недели». Религиозно-философские произведения Л. Н. Толстого в виде гектографированных и литографированных тетрадок распространялись, несмотря на наложенный на них цензурный запрет, сравнительно широко. Призыв Толстого к личному самосовершенствованию, которое должно было якобы разрешить все проблемы искоренения общественного зла, и толстовская теория непротивления злу насилем, особенно в условиях господства жесточайшей реакции, должны были вести и вели к полному отказу от какой бы то ни было политической деятельности, к отказу от всякой борьбы.

Как указывал В. И. Ленин, во взглядах Л. Н. Толстого имелась и критическая сторона. В них содержалась беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий. Однако последователи

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 273.

² Там же, т. 5, стр. 40.

Толстого, так называемые толстовцы, проходили тогда мимо этой стороны взглядов Толстого. Тем ярче сказывалась та отрицательная роль, которую в 80-х годах сыграло толстовство как течение в русской общественной жизни.

В 60-х и 70-х годах уже полностью сказались на крестьянстве последствия тех грабительских условий, которыми сопровождалась отмена крепостного права в России. Крестьянское малоземелье и безземелье (достаточно вспомнить четвертные наделы), тяжесть податей и платежей по выкупной операции вели неуклонно к полному разорению малоземельной части крестьянства, к расслоению деревни и образованию сельского пролетариата на одном полюсе и кулачества — на другом. Этот процесс обнищания деревни и классовой дифференциации крестьянства обнаружился с такой быстротой, что правительство в течение этих лет непрерывно было занято крестьянским вопросом в связи с непрекращающимися крестьянскими волнениями. Начало 80-х годов было ознаменовано несколькими мелкими подачками крестьянству: незначительным понижением выкупных платежей, прекращением временнообязанных отношений, учреждением Крестьянского банка. Но последнее пошло на пользу, помимо дворянства, пашедшего выгодного покупателя для своих обремененных долгами земель, только кулачеству. Неудивительно, что крестьянское движение в течение 80-х годов не только не утихло, но все возрастало. По свидетельству Департамента полиции, крестьянские волнения в 1881—1888 гг. «захватывают из года в год новые местности и более или менее упрочиваются в них». ¹ Однако все же волнения эти были не только разрознены, но и не достигали в своих единичных проявлениях такого размаха, который взволновал бы общество, и поэтому на широкие общественные круги воздействовали сравнительно мало.

Характеризуя создавшееся после 1 марта 1881 г. положение, В. И. Ленин писал, что революционеры исчерпали себя первым марта. После 1 марта явно обвужилось крушение надежд народолюбцев на свержение самодержавия методами заговора и террора.

Разложение народничества, начавшееся теперь, привело многих народников к полному отказу от революционной деятельности, от непримиримой позиции в отношении правительственной политики. Изменялась теперь и социальная основа идеологии и деятельности этих народников: ход капиталистического развития России все сильнее раскалывал крестьянство, и новые народники стали выразителями интересов выделявшегося из общей массы крестьянства кулачества. Это вырождение очень ярко характеризовал В. И. Ленин, определив позднее народничество как «пошлый мещанский радикализм», который удовлетворяется «кротко-либеральным штонаньем современных порядков». ²

Обстановка гнетущей реакции, господствовавшей в 80-х годах, имела также свою обратную сторону. В. И. Ленин писал об этом: «...мы, революционеры, далеки

¹ Красный архив, т. 89—90, 1938, стр. 218.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 239, 246.

от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов». Он пояснял эти слова положением, относящимся непосредственно к реакции 80-х годов и гласящим, что «именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания».¹

Развитие социал-демократической мысли в России неразрывно связано с ростом русского рабочего движения.

Рабочее движение начала 80-х годов является прямым продолжением, по формам своим, движения 70-х годов. Однако разразившийся в эти годы промышленный кризис оказал существенное влияние на характер этого движения. Несмотря на снижение числа стачек на протяжении 1880—1884 гг. по сравнению с 1878—1879 гг., среднегодовое число их было выше, чем для первой половины 70-х годов. В то же время перевес числа стачек в 1880—1884 гг. (их было 94) над числом волнений (51) означал возросшую сознательность и активность рабочего класса в эти годы.²

Промышленный кризис вызвал стремление капиталистов-предпринимателей возместить свои убытки за счет рабочих. Отсюда всякие усиленные виды прижима рабочих путем сокращения заработной платы, увеличения произвольных штрафов и т. п. В. И. Ленин по этому поводу писал, что «рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—1886 годах рабочие бунты».³ Особенно замечательной среди этих стачек была стачка на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова. В числе руководителей этой стачки было двое петербургских рабочих, участников петербургских стачек 70-х годов, — Петр Моисеенко и Лука Иванов (Абраменков). Морозовская стачка заставила правительство издать в следующем же году закон, устанавливающий правила наложения штрафов на рабочих. Влияние Морозовской стачки сказалось тотчас же на общем ходе развития рабочего движения в России. В дальнейшем на примере петербургских стачек мы сможем убедиться, что уже в 1886—1887 гг. и здесь сказались те же черты движения, которые характеризуют Морозовскую стачку. Рост рабочего движения имел первостепенное значение и в другом отношении: на почве этого роста возникают марксистские организации.

Первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда» организовал в 1883 г. Г. В. Плеханов. Главной задачей группы была борьба против народничества, которое тогда еще господствовало среди революционеров.

Группа «Освобождение труда» в лице Плеханова, явившегося выдающимся марксистом, вскрыла основные ошибки во взглядах народников. Плеханов доказал, что вопреки воззрениям народников Россия не только не может миновать

¹ Там же, т. 10, стр. 230.

² Предисловие А. М. Павловой к сборнику «Рабочее движение в России в XIX в.» (т. II, ч. 1, Госполитиздат, М., 1950, стр. 56).

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 22.

стадию капиталистического развития, но уже прочно пошла по этому пути, что в России уже налично рабочий класс, который неизбежно станет ведущей революционной силой, и что капиталистическое общество будет преобразовано в социалистическое через диктатуру пролетариата, а не через разлагаемую внутренними противоречиями крестьянскую общину. Плеханов разъяснил ошибочность идеалистической социологии народников и с большим блеском развивал основные положения материалистической теории Маркса—Энгельса, согласно которой общественное развитие определяется развитием производительных сил и создающихся на их основе производственных отношений, прогрессивное движение общества определяется не деятельностью «критически мыслящей» интеллигенции, а активной борьбой самих масс.

Работы Плеханова основательно подорвали влияние народничества, но Плеханов не сумел до конца его разгромить, что было сделано только десятилетие спустя В. И. Лениным. Критикуя народничество, Плеханов сам впадал в ошибки. Он не сумел с вполне последовательных марксистских позиций поставить вопрос о крестьянстве как союзнике пролетариата, временами допуская недооценку революционных возможностей крестьянства и, с другой стороны, возлагая необоснованные надежды на российскую либеральную буржуазию.

Почти одновременно с группой «Освобождение труда» в самой России стали возникать в отдельных городах не связанные один с другим марксистские кружки. Так, в Петербурге возникла группа, обыкновенно называемая по имени одного из ее основателей группой Благовова; так, возникли и в Москве марксистские кружки; в конце 80-х гг. возник в Казани кружок, руководимый Н. Федосеевым. Все эти и другие возникавшие в России кружки находились под идейным воздействием группы «Освобождение труда». Частью они разделяли с группой «Освобождение труда» ее ошибки, частью добавляли к последним еще немало и своих.

Ни группа «Освобождение труда», ни русские социал-демократические кружки не сумели осуществить соединение марксизма с рабочим движением. Эта задача была позднее решена В. И. Лениным.

* * *

Рабочее движение 80-х годов развивалось в условиях жестокого и длительного промышленного кризиса. Уже в 1880 г. обозначились его признаки; например, «Биржевой вестник» тогда писал, что «прекращением платежей и несостоятельностью на Петербургской бирже нет конца». Кризис, затронувший сперва заводы по обработке металла, шел все усиливаясь и в 1883 г. захватил все главные отрасли промышленности. Только в 1888 г. был достигнут прежний уровень производства.¹

¹ Л. Мендельсон. Экономические кризисы и циклы XIX века. Госполитиздат, 1949, стр. 594—595.

Фабриканты и заводчики стремились, конечно, переложить все тягости переживаемого ими кризиса на рабочих. Отсюда массовые увольнения рабочих, закрытие фабрик и заводов или уменьшение числа рабочих часов; отсюда же уменьшение заработной платы и прямое и скрытое, например путем увеличения требуемого количества выработки или путем систематических штрафов. Даже корреспондент либеральных «Русских ведомостей» вынужден был признать, что на Балтийском заводе не было расчетной недели, когда бы рабочие получали свой заработок сполна.¹ Эти и другие ухищрения предпринимателей с целью усиления эксплуатации рабочих приводили, по свидетельству такого полицейского зубра, каким был тогдашний петербургский градоначальник Грессер, к «конечному обнищанию» рабочих.²

Нелегальная народовольческая «Рабочая газета» сообщала в декабре 1880 г.: «...первым делом зайдешь на какой-нибудь завод либо фабрику, всюду только и слышишь, что рассчитывают»; она указывала, что завод Берда с 1500 рабочими совсем стал, что на Патронном заводе рассчитана была половина рабочих, на Путиловском и двух других — треть рабочих и т. д. В следующем номере, вышедшем в январе 1881 г., «Рабочая газета» писала, что «работы стало еще меньше, заработная плата еще хуже, чем в прежние месяцы», и далее перечислялся ряд фабрик и заводов, на которых положение рабочих ухудшилось, как, например, на Резвоостровской мануфактуре Вороница, которая была остановлена, на Митрофаньевской мануфактуре, где уменьшили рабочее время, оставив прежнюю почасную плату, на фабрике Растеряева, где половина рабочих была рассчитана, и т. д.³ Ряд аналогичных цифр приводила и тогдашняя либеральная печать, которая уже не могла скрывать тяжелых общественных последствий хозяйственного кризиса. Так, подсчитывали, что с конца 1880 г. и до лета 1881 г. было уже уволено 5440 рабочих (78 194—72 754) и ожидали увольнения еще 7 тыс. Положение отягчалось еще тем, что в это время в Петербург со всех концов России потянулись массы сельских рабочих, гонимые неурожаем и слухами о возможности найти заработок в столице.⁴ Один из тогдашних рабочих Семяниковского завода, В. С. Панкратов, так вспоминает об этом времени: «...бывало, в обеденные перерывы и утрами у ворот некоторых заводов скопилось так много ищущих места, что трудно было протиснуться к калитке. Картина безработицы была настолько тяжела, что делалась невыносимой и для тех рабочих, которые не были лишены работы».⁵

Политическая и экономическая обстановка, создавшаяся в Петербурге, вынудила правительство образовать в 1881 г. при петербургском градоначальстве

¹ С. Приклонский. Внутреннее обозрение. Русская мысль, 1882, № 4, стр. 144.

² Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1885 г. СПб., 1886, стр. 72.

³ Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 287, 293.

⁴ С. Приклонский. 1) Внутреннее обозрение. Русская мысль, 1882, № 5, стр. 73; 2) Хроника рабочего труда в России. Дело, 1883, № 1, стр. 54.

⁵ В. С. Панкратов. Воспоминания 1880—1884 гг. М., 1923, стр. 5.

одновременно два учреждения: Временную комиссию по фабрично-заводским делам и Фабрично-заводской отдел при канцелярии петербургского градоначальника. Особой задачей этого последнего учреждения именно и было следить «за уровнем настроений рабочих». Как пишет градоначальник, отдел «при появлении малейших признаков брожения» среди рабочих «тотчас же принимал самые энергичные меры». Меры эти нам хорошо известны. Это иногда уговоры и угрозы, а в других случаях аресты и высылки по этапу. Иногда на завод жаловал и сам градоначальник, как это произошло на Путиловском заводе в 1885 г., когда волнения были вызваны тем, что администрация завода вместо существовавшей помесячной и помесечной платы ввела задельную.¹

Первая из этих комиссий произвела обследование условий труда на петербургских фабриках и заводах. Сохранилась только небольшая часть материалов комиссии. Но и то, что сохранилось, достаточно ярко по своему ужасающему содержанию. Даже чиновники комиссии писали, что обнаруженные ими факты «поражают бесцеремонностью обращения с рабочими людьми». Для иллюстрации этих фактов стоит привести два примера. Один — это порядки на сахарном заводе Шухова. Там, по точным словам документа, «при разливания расплавленной массы сахара в формы заставляют рабочих бегать босиком по гладкому полу с ношею до трех пудов, состоящею из расплавленной жидкости весьма высокой температуры. Несмотря на привычку рабочие, понимая опасность такого беганья, перед началом каждого разлива, повторяющегося до 4 раз в день, творят молитву и крестное знамение». Второй пример — условия на Канатной фабрике. Здесь наматывалась пряжа на колеса; для приведения же в действие колес были устроены барабаны, в которые входили женщины и вертели их, по подлинным словам обследователя, «до головокружения». Никаких практических последствий вся деятельность комиссии не имела.²

На все эти тягости, притеснения и бедствия рабочие отвечали усилением борьбы.

В своем отчете царю за 1884 г. петербургский градоначальник признавал, что петербургские рабочие, «относясь совершенно равнодушно к кризисам промышленности, весьма неохотно подчинялись их последствиям». ³ В нашем распоряжении нет точной статистики забастовок, происходивших в эти годы в Петербурге. За некоторые годы эти цифры, несомненно весьма преуменьшенные, находим в только что упоминавшихся отчетах градоначальника царю. Так, за 1882 г. здесь отмечено 5 забастовок, за 1883 г. — 6 забастовок с 5643 участниками, за

¹ Всеводиавейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1885 г., стр. 73—74.

² Государственный Исторический архив Ленинградской области, ф. 338, Временной комиссии по фабрично-заводским делам при с.-петербургском оберполицеймейстере, № 172, По учреждению надзора за фабриками и заводами в С.-Петербурге и его пригородах.

³ Всеводиавейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1884 г. СПб., 1885, стр. 100.

1884 г. — 8 забастовок с 5798 участниками, за 1885 г. — 6 забастовок (в том числе путиловская забастовка с 2000 рабочими).¹ Однако эти цифры отнюдь не могут служить достаточным показателем настроений рабочих того времени. К сожалению, сохранившиеся материалы не дают возможности подставить под все эти цифры точные данные о каждой из происходивших забастовок. Нам известны, например, для 1882—1884 гг. забастовки или волнения на бумагопрядильне «Кноп и К^о», на Невской бумагопрядильне, на Гвоздильном и Обуховском сталелитейном заводах и на угольных судах. Для 1884 г. можно отметить стачки и волнения на Екатеринбургской бумагопрядильне, на кожевенном заводе Курикова и на ткацкой фабрике Пала.² О волнениях в 1885 г. на Путиловском заводе речь шла уже выше. Основная причина волнений и забастовок — штрафы (иногда составлявшие более пяти рублей в месяц) и — почти во всех перечисленных случаях — понижение заработной платы. В некоторых случаях, напротив, стачки возникали в связи с требованием повышения заработной платы (судовые рабочие).

Из фактов рабочего движения середины 80-х годов наиболее примечательны события на фабриках Пала и Максвеля, разыгравшиеся в ноябре 1886 г. и затем вновь, после перерыва, в августе 1887 г. Первая стачка, 28 ноября 1886 г., на фабрике Пала произошла из-за того, что, как писали 600 рабочих фабрики в своем заявлении на имя министра внутренних дел, Паль увеличил размер куска вырабатываемого миткала и в то же время уменьшил расценки на кусок. Это так сократило размер заработка рабочих, что теперь они могли выработать не более 50 коп. в день, в то время как до сих пор их дневной заработок составлял не менее 75 коп. Кроме того, рабочие отмечали, что их угнетают «частые штрафы», и в итоге месячный заработок рабочего не превышает 12 руб. Начавшись на фабрике Пала, забастовка распространилась и на Спасскую мануфактуру Максвеля (бывш. Губбарда). На фабрику была вызвана команда казаков. При попытке казаков проникнуть в рабочие казармы рабочие заняли лестницу и не пустили их, а из окон полетели на них поленья, горшки, кирпичи. 72 рабочих были арестованы и 21 рабочий, среди них одна ткачиха, высланы административно из Петербурга.³

И эта крупнейшая из тогдашних петербургских стачек, и все другие все еще проходят стихийно, без руководства со стороны какой-либо революционной организации. Есть в ней еще черты прежнего «бунта». Однако рабочие действуют уже в значительной мере сплоченно и солидарно.

Значение этого подъема рабочего движения было велико. Оно оказало влияние на возникновение и развитие первых марксистских организаций.

¹ Всеподданнейшие отчеты С.-Петерб. градоначальника за 1882—1885 гг. СПб., 1883—1886.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов, под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. II, Госполитиздат, М., 1950, стр. 668—675.

³ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов, под ред. А. М. Панкратовой, т. III, ч. I, Госполитиздат, М., 1952, стр. 434—456, 524—528; Красный архив, 1938, № 6, стр. 67—70.

* * *

Когда группа «Освобождение труда», состоявшая только из политических эмигрантов, начала свою деятельность, социал-демократического движения в самой России еще не было. Первым признаком возникновения в России социал-демократического движения явилось образование марксистских кружков и групп в разных городах. Одной из первых социал-демократических групп в России, как уже указывалось, была возникшая в Петербурге группа, основанная Д. Н. Благоевым, болгаряном, студентом Петербургского университета (впоследствии основатель болгарской революционной марксистской партии «тесных социалистов»). Год основания группы Благоева совпал с годом основания группы «Освобождение труда». Это было в 1883 г.

Первое организационное собрание группы, о котором Благоев рассказывает в своих воспоминаниях, было небольшим, здесь присутствовало около 10 человек. По изложению Благоева, он указал собравшимся на «несостоятельность народнических и народовольческих теорий» и «предложил присутствующим основать социал-демократическую группу, ставящую своей задачей пропаганду социализма и организацию рабочих Петербурга».¹

Так образовалась новая петербургская революционная группа, участники которой пришли к этому шагу, по их собственным признаниям, в результате изучения «Капитала» Маркса прежде всего.

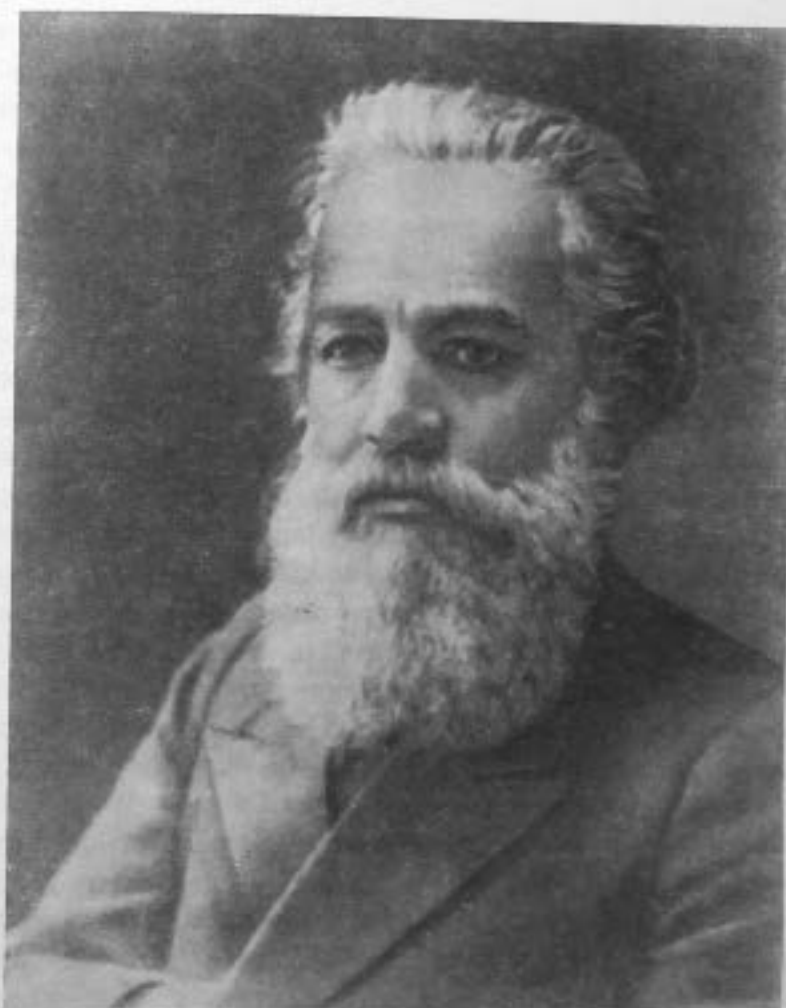
Новая петербургская группа, которая приняла имя социал-демократической, и на деле становилась все более и более социал-демократической. Важнейшая роль в очищении взглядов петербургских социал-демократов от немарксистских пережитков принадлежала группе «Освобождение труда».

Основным положением, которое оставалось неясным петербургским социал-демократам, было то, что народничество являлось тогда главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в России.

Для мемуаристов-благоевцев характерно, что никто из них впоследствии не считал свою группу чисто марксистской, но настоящему социал-демократической. Сам Благоев говорит о первоначальных взглядах группы, что «не может быть никакого сомнения, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались от современных социал-демократических взглядов и программ. Они представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом». Другой член группы, Харитонов, говорит о проекте программы, что «в основе ее оставались народнические предпосылки, что «социал-демократического в ней было мало».²

¹ Д. Благоев. Мои воспоминания. М., 1928, стр. 35—36.

² Отрывок из письма Д. Благоева в составленном А. И. Ульяновой-Елизаровой сборнике «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» (М., 1927, стр. 15); В. Г. Харитонов. Из воспоминаний участника группы Благоева. Пролетарская революция, 1928, № 8, стр. 156.

Д. Н. Бловое. Фотография начала XX в.

Действительно, новая социал-демократическая группа еще не видела того коренного различия, которое отделяет марксизм от народничества; запрашивая в письме (январь 1885 г.) группу «Освобождение труда» о причинах разрыва с «Народной волей», блговцы писали, что, как им кажется, «необходимо войти с ней (т. е. с «Народной волей») в какое-либо соглашение». ¹ Свой проект программы петербургские социал-демократы послали для отзыва не только группе «Освобождение труда», но и редакции «Вестника народной воли».

Перейдем к ознакомлению с сохранившимися программными документами «партии русских социал-демократов». Такими документами являются в особенности два номера «Рабочего» — как обозначено в подзаголовке, «газеты партии

¹ Блвое, 1918, № 13, стр. 50.

русских социал-демократов». Первый номер «Рабочего» не имеет даты, а по воспоминаниям издававшего его Харитонов, он вышел в январе 1885 г.; однако так как он содержит отчет по кассе рабочей группы за январь, то он мог выйти только в феврале. Второй номер датирован июлем 1885 г.

Хронологически первым документом группы является проект программы. Он выработывался в кружковых прениях 1884 г.; Благоев составил, по его словам, первоначальный набросок проекта. Заслуживает внимания одно место письма благоевцев, при котором они пересылали свой проект группе «Освобождение труда». Указав в начале своего письма, что группа работает «года уже два», благоевцы пишут, что «в настоящее время эта группа значительно изменила взгляд на революционную деятельность среди рабочих, и как результат этих перемен во взглядах группы, является посылаемый вам проект программы». «Познакомившись с программой группы „Освобождение труда“, — продолжают авторы письма, — мы пришли к заключению, что во взглядах группы „Освобождение труда“ очень много общего с нашими взглядами». Из этих мест письма можно заключить, что пересылаемый проект программы явился некоторым звеном в идейной эволюции группы и что он был составлен еще до ознакомления благоевцев с программой группы «Освобождение труда». Сами благоевцы в то же время не считали его завершенным, сообщая в том же письме, что «прежде окончательной формулировке программы они сочли нужным представить его на рассмотрение и провинции и заграницы».

Обращаясь к проекту и к статьям «Рабочего», можно без особого труда обнаружить немало немарксистских элементов во взглядах этой первой социал-демократической группы в Петербурге. Так, например, в вопросе о государстве петербургские социал-демократы то утверждали, как марксисты, что государство «всегда служило интересам отдельных классов», а то идеалистически считали, что государство «всегда является воплощением известного нравственного принципа», как, например, буржуазное государство «служит воплощением принципа индивидуализма». ¹ Мы найдем у них же взгляд, что «безземельный пролетариат» создан правительством. ² Остатки народнических взглядов сказывались у петербургских социал-демократов в склонности к смешению пролетариата и крестьянства в одном общем понятии «рабочего народа» или «трудового народа», причем, естественно, представление об определяющей роли пролетариата как единственного до конца последовательного революционного класса оказывалось недостаточно отчетливым и ясным. От народничества (особенно от Лаврова) шла крайне преувеличенная оценка роли знания, возведение его чуть ли не в основной двигатель исторического процесса. В первом проекте своей программы благоевцы отдавали дань ошибочным идеям Лассалля и лассальянцев о переходе к социализму через «производительные ассоциации» земледельческих и промышленных рабочих.

¹ Бюллет, 1918, № 13, стр. 21—23.

² Рабочий, Л., 1928, стр. 42.

Можно не останавливаться на других немарксистских элементах в мировоззрении «русских социал-демократов», как, например, на их взглядах на общину. Оценивая общее значение деятельности группы, надо отметить прежде всего, что «русские социал-демократы» были первой действовавшей в России революционной группой, которая все-таки провозгласила, пусть далеко не последовательно, первенствующую роль рабочего класса в революционном движении, как о том она писала в своем первом письме группе «Освобождение труда». Она была первой группой, которая противопоставляла свои взгляды, хотя опять-таки не вполне последовательно, всем народническим группировкам — как «Народной воле», так и «Черному переделу», к которому некоторые виднейшие члены группы «русских социал-демократов» ранее принадлежали (Харитонов, Благославов). Надо отметить также отказ «русских социал-демократов» от утопических планов непосредственного перехода к социалистическому строю и построение поэтому особой программы-минимум. Из тактических взглядов «русских социал-демократов» надо отметить их отрицательное отношение к индивидуальному террору, этому ошибочному и вредному для революции пути борьбы с царизмом.

«Русские социал-демократы» сознавали, что они еще не закончили выработки своего социал-демократического мировоззрения и что группа «Освобождение труда» является в этом отношении для них авторитетом. Начало 1885 г. заполнено их перепиской с группой «Освобождение труда». В первом письме бласовцев, с которым они послали группе «Освобождение труда» свой проект программы, содержится еще весьма осторожное и неуверенное обращение: «...если... группа Освобождение труда найдет, что программа русских социал-демократов действительно близка к ее собственной программе, тогда мы можем... обратиться к Вам за литературной помощью». ¹ Эта условность письма неудивительна; в тот момент петербургская группа была знакома только с программой группы «Освобождение труда» и, судя по письму, она не знала еще даже плехановской брошюры «Социализм и политическая борьба».

По второму письму петербуржцев, написанному двумя месяцами позднее, можно судить уже о некотором воздействии группы «Освобождение труда» на «русских социал-демократов». Итог этого воздействия, заставившего петербургских социал-демократов в значительной мере пересмотреть свои теоретические взгляды в сторону марксизма, сказался в заявлении их о том, что программа, выработанная петербуржцами, не будет напечатана «раньше выяснения спорных вопросов и полного соглашения» с группой «Освобождение труда», а также о том, что «можно наше (т. е. обеих групп) соглашение временное считать формально скрепленным». ²

О все более быстром и тесном сближении говорит дальнейшая переписка. Петербургская группа просит скорее прислать статьи для второго номера «Рабо-

¹ Былое, 1918, № 13, стр. 52.

² Катерга и ссылка, 1929, № 5, стр. 62—65.

чего» и передовицу о рабочем движении, просит побольше выслать «Наших разногласий» Плеханова, которые являются, по их словам, «сильным средством» и «ирочиченно тумана в головах». В свою очередь группа «Освобождение труда» в последнем известном нам письме от 12 апреля 1885 г. заверяет петербуржцев, что «отношения наши к „Рабочему“, как вообще к вашей группе, самые дружественные; можете рассчитывать во всем, где только мы можем быть вам полезны».¹

Литературно это идейное сближение отразилось в двух документах. Во-первых, в адресе по поводу годовщины Парижской коммуны, который петербургская группа направила «заграничным социал-демократам» через группу «Освобождение труда» и который последняя поместила в выходившем тогда в Цюрихе центральном органе немецкой социал-демократической партии «Социал-демократ», и, во-вторых, главным образом во втором номере «Рабочего», который вышел в свет в июле 1885 г.

В адресе заграничным социал-демократам, подписанном именем «Петербургской группы русских социал-демократов», группа упомянула об отличии «в известных пределах» своих ближайших задач от задач «заграничных товарищей» и в то же время о признании ею «принципов международной социал-демократии» своими принципами. Свое основное убеждение группа сводила к признанию необходимости «образования рабочей партии, которая была бы способна завоевать государственную власть», в чем она видела теперь единственный путь «к освобождению рабочего класса от политического и экономического гнета». Эта формулировка обозначала, что петербуржцы отошли от положений проекта программы, возлагающего надежды на установление социализма при помощи всеобщей подачи голосов.²

Второй номер «Рабочего» помимо внутреннего обозрения содержит три статьи, из которых только одна была местная, а две принадлежали членам группы «Освобождение труда». Заглавие петербургской статьи — «Знание и критика» — говорит само за себя: в ней развиваются уже отмеченные идеалистические взгляды о значении знания. Но зато статья «Современные задачи русских рабочих» (написанная в форме письма к петербургским рабочим кружкам) Г. В. Плеханова, подписанная им полной своей фамилией, имеет важное значение для характеристики сближения петербургской группы с группой «Освобождение труда» и тем самым крупного шага вперед петербургской группы на пути к преодолению имевшихся у нее немарксистских взглядов. Плеханов изложил в этой статье в весьма доступной, но и весьма категорической форме взгляды группы «Освобождение труда» на основные вопросы программы и тактики нарождающейся русской социал-демократии.

¹ Письма группы «Освобождение труда» и письма Петербургской группы (Центральный Государственный исторический архив в Москве, ф. Департамента полиции, Перлюстрированная переписка за 1885 г.).

² Адрес петербургской группы напечатан в обратном переводе с немецкого в «Каторге и ссылке» (1928, № 5, стр. 66—67); ср.: Былое, 1918, № 13, стр. 44.

Статья Плеханова содержала ряд важных марксистских положений. Постановка вопроса о сочетании экономической и политической борьбы, который так ошибочно решали народники и народолюбцы, разъяснение значения «стройной *слощенной* организации», а также значения завоевания политической свободы для создания «открытой рабочей социал-демократической партии» — все это помогало молодой петербургской группе в выработке правильной социал-демократической программы.

Мы найдем, впрочем, в этой статье Плеханова и слабые стороны. Давая ответ на вопрос о роли крестьянства, который занимал существенное место в проекте программы петербургской группы, Плеханов не учитывал здесь, что только в союзе с крестьянством пролетариат сможет одержать победу над царизмом. Точно так же мы найдем в этой статье и ошибочный взгляд на либеральную буржуазию как на силу, которая может оказать поддержку революции, хотя непрочную. Плеханов развивает мысль, что «придет время, когда сами высшие классы будут просить нашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу».¹

Изданием второго номера «Рабочего» литературная деятельность петербургской группы оборвалась.

Практическая революционная деятельность петербургских социал-демократов развертывалась прежде всего среди петербургских рабочих. В не раз уже цитированном январском письме 1885 г. группе «Освобождение труда» петербургские социал-демократы писали о том, что «главная деятельность этой группы — правда очень скромная и не заявлявшая о себе почти совсем в печати — заключается в занятиях с рабочими и образовании местных провинциальных групп». То же находим

¹ Рабочий, стр. 56, 65.

Титульный лист книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия».

и в воспоминаниях. Благоевец В. Кугушев пишет, что «основная задача группы была организация рабочих кружков и систематические занятия в них». Выдающуюся роль в деятельности группы среди рабочих играл Благоев. Кугушев называет его «самым усердным, аккуратным» и «успевавшим работником в кружках». Харитонов тоже указывает на Благоева как на лицо, которое ведало занятиями с рабочими. По словам самого Благоева, еще в 1884 г. группа «успела развить довольно широко свою пропаганду и агитацию» и «работа группы среди рабочих все более расширялась». Благоев упоминает о кружках на Васильевском Острове, Петербургской стороне, Кугушев пишет о своих занятиях в четырех кружках на Выборгской стороне и о том, что он знал о существовании еще 10 кружков; Харитонов дополняет эти данные указаниями на рабочие кружки за Невской и Московской заставами, а также в центре города (печатники). Как видим, размер занятий с рабочими был для того времени значителен и охватывал почти все рабочие районы тогдашнего Петербурга.¹

В рабочих кружках велись «довольно систематические занятия по выработанным программам». Кугушев излагает и содержание этих программ, обнимавших «циклы знаний от начатков природоведения, восходя до истории культуры, до политической экономии и основ марксизма». Это сообщение Кугушева подтверждает Харитонов.² И действительно, в квартире, которую занимал Харитонов и в которой помещалась типография «Рабочего», были обнаружены при обыске как части типографии «Рабочего», так и 9 экземпляров гектографированной программы, озаглавленной «Введение в историю и политическую экономию». Среди обстоятельных списков литературы к программе мы находим произведения Маркса и Энгельса («Коммунистический манифест», «Положение рабочего класса в Англии», «Наемный труд и капитал»).

В связи с этим нельзя оставить без внимания тех просьб относительно присылки литературы, которые петербургские социал-демократы направляют группе «Освобождение труда». Первое, что явствует из этих писем, — это полнейшее отсутствие литературы. Именно это, в частности, заставило еще неуверенных в отношении к ним группы «Освобождение труда» петербургских социал-демократов обратиться к ней с письмами, в которых они просят прислать не только марксистскую литературу, но и старые народнические издания, как «Вперед», и текущую народно-вольческую литературу. Все это характеризует то неизжитое народническое влияние, которое мы уже наблюдали в идеологии петербургских социал-демократов.

Какова же была литература, издаваемая самими петербургскими социал-демократами? Харитонов вспоминает о том, что они начали с гектографа и печатали на нем «довольно энергично», переиздавая «брошюры и статьи, на которые был

¹ Былов, 1918, № 13, стр. 48; В. Г. Харитонов, ук. соч., стр. 158, 185 (выдержки из письма В. А. Кугушева); Д. Благоев, ук. соч., стр. 39—90.

² В. Г. Харитонов, ук. соч., стр. 165—166.

спрос». Сам Харитонов вспомнил в числе изданий только народовольческую биографию Софьи Перовской; Кугушев вспомнил только об издании прокламации по поводу убийства Судейкина, в конце 1883 г., которая, по его словам, солидаризировалась с народовольческой. Но Благоев упоминает уже о действительно социал-демократической литературе — о «летучих листках с изложением основных социал-демократических принципов», которые стремились побудить студенчество к деятельности среди рабочих.

В 1884 г. группа приступила к организации собственной типографии. Первый опыт организации типографии, станок для которой был привезен В. Кугушевым из Вильно, кончился захватом типографских принадлежностей полицией при аресте хранившей их курсистки Д. Познер в 1884 г. Вторая типография, устроенная В. Г. Харитоновым на Ровшинской улице, д. 21, издала два номера «Рабочего» и была обнаружена полицией уже после ареста Харитонова, в феврале 1886 г. Изданные два номера «Рабочего» были предназначены в первую очередь именно для рабочих и в меньшей степени для интеллигентов. Не только название газеты, не только то, что Плеханов адресовал свою статью петербургским рабочим, но и весь доступный по своему изложению и пропагандистский по характеру материал «Рабочего» явно с первого взгляда обнаруживал, для кого он предназначен. По поздним воспоминаниям Благоева, «Рабочий» был издан в количестве 1000 экземпляров; однако сам печатавший «Рабочего» Харитонов определяет его тираж в 200—300 экземпляров.

Вот то немногое, что известно о пропагандистской литературе «русских социал-демократов».

Остается еще остановиться на составе и судьбе этой социал-демократической группы.

Дмитрий Благоев, основатель и деятельнейший организатор и пропагандист в ее составе, был арестован ранее других и вне связи с другими, в феврале 1885 г., и выслан в Болгарию. Вслед за этим первым ударом, не приостановившим расширяющейся деятельности группы, последовали новые: в январе 1886 г. был арестован Харитонов, а вскоре провалилась типография. Одно из руководящих мест в последующей деятельности группы занял Н. П. Андреев, но и он и П. П. Аршаулов, которому принадлежала видная роль в деле пропаганды среди рабочих, были арестованы в октябре 1886 г. Наконец, аресты в марте 1887 г. погубили самого деятельного из оставшихся членов группы, одного из авторов проекта программы — Латышева, а также сотоварищей Аршаулова по деятельности среди рабочих — Шатко и других. Эти последние аресты разрушили полностью группу, и деятельность ее в этот момент была завершена.

Историческое значение деятельности петербургской группы социал-демократов весьма значительно. Она первая внутри России провозгласила себя социал-демократической и первая поставила своей основной задачей деятельность среди рабочих. Петербургская группа социал-демократов не была еще связана практи-

чески с рабочим движением. Мы видели, что деятельность группы ограничилась только пропагандистской работой, и не могли отметить никакого участия группы в происходивших тогда, иногда довольно значительных, как, например, в конце 1886 г., волнениях рабочих. Деятельность группы социал-демократов — одно из характерных явлений «процесса утробного развития» российской социал-демократии.

Образование и деятельность петербургской группы социал-демократов (благоевцев) были наиболее ярким, но далеко не единственным показателем того, что марксизм уже начал в середине 80-х годов брать верх над разлагающимся народническим мировоззрением. В Москве в эти же годы образовались кружки, распространявшие произведения Маркса и Энгельса. В самом Петербурге издание марксистской литературы и организация пропагандистских кружков отнюдь не ограничивались тогда одной деятельностью петербургской группы социал-демократов. Среди появлявшейся тогда в Петербурге нелегальной литературы мы находим гектографированные местные издания и «Коммунистического манифеста», и «Научного социализма» Энгельса, и «Гражданской войны во Франции» Маркса. Все это было делом главным образом студентов и выходило в свет не в одном издании. В «Студенчестве» — органе Центрального университетского кружка Петербургского университета, выходившем в 1883 г. в гектографированном виде, тетрадками в несколько десятков страниц, — была напечатана в пятом номере программа германской социал-демократической партии. Особенный отклик вызвала смерть Маркса. Петербургские студенты-технологи послали просьбу возложить венок от их имени на могилу Маркса. А помимо того из апрельского (четвертого) номера того же «Студенчества» мы узнаем, что по разным учебным заведениям был устроен сбор денег на венок Марксу. Большую статью «На венок Марксу» «Студенчество» заканчивало словами: «Вечная память тебе, друг угнетаемых, собрат по духу и благородный учитель, вечная память Карлу Марксу».¹

Это распространение идей и произведений марксизма делает понятным зарождение, независимо один от другого, кружков, которые в меньшей или большей степени переходят на позиции марксизма. Так, к 1884 г. относится возникновение отдельных кружков военной молодежи в Павловском и Константиновском военных училищах, а также в Кронштадтском морском техническом училище. Одним из деятельных членов объединенной впоследствии организации был мичман Н. Н. Шелгунов (сын известного публициста-шестидесятника Н. В. Шелгунова). Под его, повидимому, влиянием были завезены связи военной молодежи с петербургской группой социал-демократов через посредство П. П. Шатько. Имеются сведения об общих собраниях военных с петербургскими социал-демократами в 1886 г., причем большинство военных высказалось тогда за социал-демократов. Однако сохранившаяся рукописная программа этой организации содержит весьма путаные

¹ На венок Марксу. Сообщ. О. П. Марковой. Каторга и ссылка, 1933, № 3, стр. 166, 172.

рассуждения, показывающие, что военная молодежь усвоила только некоторые обрывки марксистских взглядов.¹ Деятельность этой юношеской организации оборвалась слишком быстро, уже в конце 1886 г., и взгляды ее не получили окончательного развития.

В середине 80-х годов возникла еще одна социал-демократическая организация, которая тоже не была марксистски выдержанной.² Ее основателем и вдохновителем был П. В. Точиский.

Точиский еще на гимназической скамье в Екатеринбурге проникся противительственными настроениями. Уйдя из дому, он поступил чернорабочим на завод близ Нижнего Тагила, а затем изучал слесарное дело. Деятельность Точиского в Петербурге началась в 1885 г., вскоре после его переезда из Екатеринбурга в Петербург; к осени 1885 г. у него уже были связи с рабочими и начались разговоры о создании кружка, который и был образован в начале 1886 г. К осени 1886 г. относится организационное оформление кружка и принятие его устава. В феврале 1888 г. Точиский был выслан из Петербурга, и вслед за этим, в мае 1888 г., произошло изменение устава организации. Осенью 1888 г. аресты прекратили ее деятельность. Первоначальное название организации было — «Общество содействия поднятию умственного, материального и морального уровня рабочего класса в России», а впоследствии — «Товарищество с.-петербургских мастеровых».

Группа П. Точиского не занималась издательской деятельностью и даже не ставила себе этих задач. Неизвестен текст единственного, по видимому, программного ее документа — составленного самим Точиским в 1886 г. и затем переработанного уже без него в 1888 г. устава организации. Не сохранилось также актов дознания по делу Точиского ни в подлиннике, ни в копиях. Все это затрудняет характеристику этой организации.

Взгляды П. В. Точиского определились прежде всего на почве резко отрицательного отношения к народофильской теории и практике; относительно марксистской литературы, которая воздействовала на формирование взглядов Точиского, можно установить лишь, что помимо «Манифеста Коммунистической партии» Точиский познакомился также с «Нашими разногласиями» Плеханова вскоре после их выхода в свет.

Особенно отрицательным было в организации отношение к террору. А. Брейтфус, один из самых деятельных членов Товарищества, пишет об «абсолютно отрицательном отношении к нему Точиского, для которого «террор и вообще все потуги революционной интеллигенции — лишь покушение с негодными средствами». Одна из участниц организации (Е. Данилова) в своих показаниях по делу Точиского заявила, что считает террор «даже вредным». Отрицательное отноше-

¹ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в 1887 г., вып. XII, стр. 52 и сл.

² Новейшая работа о ней: Р. А. Казакевич. Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых. Исторические записки, т. 53, 1955, стр. 291—309.

ние к террору было обусловлено тем, что Точиский и его группа понимали значение рабочих масс. Как свидетельствует Брейтфус, по мнению Точиского, революция могла быть совершена только «в результате глубинного движения народных масс», а «в России может быть пригоден для революции только пролетариат», «единственно революционный класс».

Признавая, таким образом, целью своей деятельности революцию и признавая также революционную роль пролетариата, Точиский и другие члены Товарищества, однако, не усвоили марксистских взглядов на революционные задачи рабочего класса. В заметках сестры Точиского, Марии Точиской, мы находим следующую запись: «...у нас два врага: это правительство и капитал». Вопрос о необходимости и даже о неизбежности политической революции всплывает и в показаниях и воспоминаниях сотоварищей Точиского. Но увязать в одно борьбу против капитала и против правительства Точиский не сумел. Отсюда и идеологические, и организационные, и практические ошибки Товарищества мастеровых, которые привели Точиского к ограничению своей деятельности областью просветительства и вопросами экономической борьбы рабочих.

Точиский ставил себе задачей «выявить классовое сознание рабочих», обладающих им теперь только «в потенции». Однако, не усвоив марксистского понимания задач классовой борьбы пролетариата, Товарищество в не дошедшем до нас уставе говорило только об организации касс взаимопомощи, о стачках и протестах против действия заводууправлений, но даже не упоминало о политических задачах рабочего класса. И в изложении показаний членов организации мы находим те же мотивы экономической борьбы, как-то: вопросы об устройстве теперь стачек, а в будущем рабочих союзов, наподобие уже существующих в западных государствах.

Нельзя не поставить в связь с этими ошибочными взглядами Точиского и отношение его к интеллигенции. Для него вся интеллигенция была только «идеологом буржуазии», «случайным гостем» в революции «до первой конституции»; поэтому он сперва с осторожностью допускал интеллигенцию к своим «связям» с рабочими, а затем, незадолго до своей высылки из Петербурга, в феврале 1888 г., даже поставил вопрос об исключении интеллигенции из состава организации. Точиский считал возможным терпеть интеллигенцию лишь до тех пор, пока не будет создана своя, рабочая интеллигенция.

Организация Точиского состояла все-таки из интеллигентов и из нескольких рабочих. Это были «действительные» ее члены, уплачивавшие взносы по 50 коп. в месяц; кроме того, были члены-«соревнователи», платившие по 25 коп. в месяц. При организации была библиотека, состоявшая из двух частей — легальной, довольно значительной (около 700 книг), и нелегальной, с переплетной при ней мастерской. Кроме того, были две кассы: одна ссудо-вспомогательная и другая — помощи ссыльным и заключенным.

После сказанного выше не покажется удивительным, что Точиский был противником нелегальной литературы, видя в ней «больше вреда, чем пользы», и сове-

товал вместо нелегальной литературы приучать рабочих к «серьезному» чтению. Все же другие члены организации распространили нелегальную литературу. Деятельность членов организации сводилась именно к библиотечно-пропагандистской работе и состояла в доставке рабочим книг из библиотеки и в индивидуальных, повидимому, беседах с ними.

Задачей кассы взаимопомощи было служить стачечным фондом. Однако никаких ссуд с этой целью из кассы сделано не было, и деньги из нее ушли на нужды библиотеки. Касса помощи ссыльным и заключенным опять-таки не ставила перед собой задач общеполитических, а должна была ограничиться помощью рабочим, но в этих задач она не выполняла.

Самое трудное при изучении организации Точиского — выяснить тот состав рабочих, которые были охвачены деятельностью Товарищества с.-петербургских мастеровых. Вследствие того, что здесь не велось кружковой работы и все связи устанавливались от лица к лицу, аресты почти не захватили рабочих, а арестованные интеллигенты могли сохранить тайну своих сношений с рабочими. В свою очередь, немногие воспоминания могут воссоздать только тот круг рабочих, с которыми был связан данный мемуарист. Все же, главным образом по воспоминаниям Брейтфуса, можно установить ряд заводов и фабрик, куда проникли члены Товарищества. Так, у Товарищества были связи с рабочими за Невской заставой, на заводах Александровском, Балтийском, Берда, Обуховском, в Арсенале, на фабриках «Лаферма» и Варгунина.

Тотчас после высылки Точиского в Товариществе наступил кризис. Принятые в мае 1888 г. решения должны были повести к значительному изменению первоначального характера организации. Одно из этих решений сводилось к усиленному допуску интеллигенции в состав Товарищества, а второе — к обособлению кассы взаимопомощи, чем надеялись расширить круг втягиваемых в сферу воздействия организации рабочих. Оба мероприятия могли создать условия для дальнейшего развития Товарищества в сторону постановки более широких общественно-политических задач. Но, как и в других случаях, аресты повели к разгрому самой организации.

* * *

К концу 80-х годов уже явно обозначились признаки наступления нового подъема общественной жизни в России. Промышленный подъем, начавшийся в 1887 г., создал некоторые более благоприятные условия для борьбы рабочего класса. Происходит постепенно и общая смена прежнего упадочного настроения новыми настроениями, судить о которых можно по такому чуткому барометру, каким было в те годы студенчество.

Среди деятелей студенческих землячеств и кружков, которые объединяли наиболее передовую часть студенчества того времени, выделялся Александр Ильич Ульянов. Будучи студентом Петербургского университета, он чрезвычайно увле-

кался научной работой и являлся видным деятелем и секретарем существовавшего тогда открыто студенческого научно-литературного общества. А. И. Ульянов был также выдающимся деятелем революционного движения того времени. Все современники А. И. Ульянова отмечают нравственную высоту его личности и самоотверженную преданность делу революционной борьбы.

Открытым проявлением настроений революционной части студенчества являлась в 1886 г. так называемая Добролюбовская демонстрация. Одним из главных инициаторов и организаторов этой демонстрации был А. И. Ульянов. 17 ноября, в день двадцатипятилетия со дня смерти Н. А. Добролюбова, у Волкова кладбища собралось около полутора тысяч студентов с намерением отслужить панихиду на могиле Добролюбова. Полиция не допустила студентов на кладбище. Когда же они двинулись к Невскому проспекту, то были оцеплены казаками. После этих событий студентами была издана листовка, составленная А. И. Ульяновым. В ней он писал о наступлении того времени, когда «общество» наконец станет сознавать «необходимость выразить свою солидарность», когда «такие манифестации не будут делом одной только учащейся молодежи и такое грубо-деспотическое подавление их делается невозможным».¹

В 1887 г. волна значительных студенческих волнений, являвшихся протестом против условий, созданных в университетах реакционным уставом 1884 г., прокатилась по всей России. Ею были захвачены Московский, Харьковский, Одесский, Казанский и Петербургский университеты. Студентом первого курса в Казанском университете был в то время В. И. Ленин. Когда волнения докатились до Казани, они нашли здесь свое наиболее яркое выражение в студенческой сходке 4 декабря 1887 г. В. И. Ленин явился одним из деятельных участников этой сходки. В ночь на 5 декабря В. И. Ленин был арестован и затем выслан в деревню Кокушкино, где вслед за ним поселилась также вся семья Ульяновых.

В Петербурге серьезные волнения разыгрались в университете 9—11 декабря; по официальной оценке, они достигали весьма крупных размеров. Непрерывные сходки закончились арестами. Число арестованных студентов Петербургского университета было больше (74 человека), чем в каком-либо другом университете России. Такие выдающиеся профессора, как Д. И. Менделеев и А. Н. Бекетов, открыто, в присутствии самих студентов, выражали свое возмущение действиями полиции. Как и другие университеты, Петербургский университет был временно закрыт.

В Петербургском университете и до декабрьских волнений студенчество не оставалось равнодушным к политическим событиям дня. После ареста А. И. Ульянова и его товарищей по делу 1 марта 1887 г. (попытка устроить покушение на жизнь Александра III) «Союзом соединенного с.-петербургского студенчества» (так называл себя Союз землячества Петербургского университета) была выпущена

¹ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М., 1927, стр. 356—357.

листовка с протестом против верноподданнического адреса, который был направлен ректором от имени университета царю. В листовке студенты заявляли, что они не отступались и не отступятся от традиций, «освященных тысячами жертв», что они всегда будут стремиться «к воплощению правды в общественные формы», будут учиться у своих «товарищей по делу», «как надо любить и бороться».¹ Лишь вследствие арестов не увидели света две другие листовки того же Союза, явившиеся откликом на казнь А. И. Ульянова и его товарищей. В одной из них провозглашалась «борьба до тех пор, пока правительство не положит оружия, не выпустит из своих дряхлых рук непоносимую ему власть в руки самого народа».²

А. И. Ульянов. Фотография. 89-е годы XIX в.

В начале 1888 г. Министерство народного просвещения было настолько озабочено возможностью новых студенческих волнений, что отменило обычные ежегодные акты в ряде университетов, в том числе и в Петербургском. Когда вслед за тем последовало министерское предложение профессорам воздействовать «в добрую на студентов сторону», то профессора физико-математического факультета Петербургского университета во главе с деканом, не так давно умершим проф. С. П. Глазенапом (1837), отказались выполнять это предложение. А вскоре затем, 24 октября 1889 г., петербургское студенчество ознаменовало смерть Н. Г. Чернышевского панихидой во Владимирском соборе, явившейся политической демонстрацией, на которую собралось около 1500 человек.

Эти происходившие в общественной жизни сдвиги были в достаточной мере заметны. Один из последних демократических публицистов-шестидесятников, особенно тяжело переживавший общественную реакцию 80-х годов, Н. В. Шел-

¹ Там же, стр. 364—365.

² Красный архив, 1927, т. II(21), стр. 228.

гунов уже в самом начале 1890 г. писал в одном из очередных своих «Очерков русской жизни», что «несомненно, что и девяностые годы заключают в себе не один календарный смысл, — есть несомненные признаки, что в волшебном фонаре наших общественных течений уже началась смена картин». Год спустя, незадолго до своей смерти, в последнем из написанных им «Очерков», Шелгунов писал уже гораздо определеннее о восьмидесятниках: «...мы присутствуем при их отходной, и говорить о них еще едва ли придется». Шелгунов подметил новые явления в общественно-политической жизни страны и Петербурга. Восьмидесятники были, по определению Шелгунова, заняты самими собой, «думали из себя» и «остановились на идее общественного индифферентизма», — то, против чего Шелгунов вел с позиций демократа-шестидесятника такую напряженную борьбу в последние годы своей жизни. Новое положение Шелгунов характеризует тем, что теперь «молодежь будущего», как Шелгунов ее называет, начинает «с изучения тех общественных фактов, из которых, как логический вывод, должно последовать уже и само собою — что делать?». Известно, что больной и уже прикованный к кровати Шелгунов поддерживал действительные связи с окружающей общественной средой. Неудивительно, что он смог описать и те формы, в которые выливался этот новый общественный интерес молодежи. «Теперь в Петербурге, — писал Шелгунов, — очень распространяется самообразование и спокойное, серьезное научное изучение общественных вопросов. Изучение это кружковое». ¹ Шелгунов, как мы видели, подчеркивал, что это кружковое изучение общественных вопросов вело к вопросу — «что делать?», т. е. вело к вопросу о том, как изменить существующий политический порядок и существующий общественный строй.

* * *

Вторая половина 80-х и начало 90-х годов были временем появления нового типа рабочего, который прекрасно был охарактеризован В. И. Лениным в его статье «Понятное направление в русской социал-демократии», предназначенной в 1899 г. для первого номера предполагавшегося общепартийного органа — «Рабочей газеты». Ленин писал: «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на оупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и выработать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“». ²

Этот тип рабочего, который является общерусским типом того времени, весьма характерен для Петербурга. И на примере Петербурга мы можем видеть, какие

¹ Н. В. Шелгунов, Сочинения, изд. 3-е, т. III, стр. 903, 1093—1094.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 258.

разнообразные формы принимало страстное стремление рабочего к знанию и к социализму. Что рабочие действительно здесь хотели стать рабочими интеллигентами, на это находим прямые указания в их воспоминаниях. Так, А. Фишер «заветной мечтой» своею и своего товарища, тоже известного петербургского рабочего начала 90-х годов И. И. Кейзера, считает «стать интеллигентными рабочими».¹ Но дорога к этому была в то время терниста, и рабочие шли иногда самыми окольными путями.

Так, например, К. Норинский, один из таких передовых рабочих, поступил с этой целью в ремесленное училище при Балтийском заводе. Он отмечает в своих воспоминаниях, что из 40 учеников одного с ним класса 10 человек, т. е. целая четверть, впоследствии оказались участниками революционного движения.

Существенную роль в этом отношении сыграли вечерние классы школ Русского Технического общества и особенно важную роль — Смоленские воскресные школы. В. А. Шелгунов, в будущем один из выдающихся деятелей рабочего движения (см. о нем в III томе «Очерков истории Ленинграда»), попал в одну из худших школ, но и он держался того мнения, что как ни казенно было поставлено преподавание в школах за Нарвской заставой, все же дыхание рабочего революционного движения чувствовалось и там. В самую глухую пору, в середине 80-х годов именно здесь Шелгунов впервые встретил рабочего, оказавшегося революционером; это был Егор Афанасьевич Афанасьев (Климанов). Тут же Шелгунов получил первую нелегальную книжку, здесь же ученики устроили «нечто вроде демонстрации», отправившись на кладбище в день десятилетия смерти Некрасова.²

Из воспоминаний передовых рабочих 80-х и 90-х годов мы узнаем и о другой форме удовлетворения той же неистребимой тяги к знанию. Рабочие ищут ее уже не в школе, а в книгах. Для В. А. Шелгунова дорогое воспоминание о том, как «передовые рабочие шныряли по толкучкам, выскивали у старьевщиков книги и закупали их». «Буккинисты нас знали и пускали одних в верхние этажи», — пишет А. Фишер. «Книжки любил и покупал все», — читаем в воспоминаниях одной из виднейших участниц движения начала 90-х годов В. М. Карелиной. Один из рабочих-передовиков конца 80-х годов И. И. Тимофеев, к которому перешла библиотека кружка Точиского, собрал библиотеку около 1000 томов, одалживал книги своим товарищам, а также читал им книги; сам он ходил «вечно с книгами под мышкою».

Нет ничего удивительного в том, что такие рабочие не довольствовались одним личным самообразованием и одной областью знания, но старались, с одной стороны, распространять свои новые мысли, а с другой — искать путей для своего дальнейшего развития. Так рождался в те еще глухие времена своеобразный тип

¹ А. Фишер. В России и в Англии. М., 1922, стр. 20.

² В. А. Шелгунов. 1) Рабочие на пути к марксизму. Старый большевик, 1933, № 2(5), стр. 99; 2) Мои воспоминания о воскресных школах. Школа варселях, 1939, № 7, стр. 43.

рабочего пропагандиста-одиночки; так стали создаваться кружки рабочих. И то и другое имело исключительное значение в обстановке 80-х годов, когда приток интеллигенции в революционную и рабочую среду уменьшился и рабочие в значительной степени были предоставлены самим себе.

Во многих воспоминаниях и рабочих, как Норинского или Фишера, и тогдашних интеллигентов, как Ольминский, Голубев, Бартепов, всплывает красочная фигура одного из таких рабочих-пропагандистов, пожилого уже рабочего Балтийского завода Крутова. Крутов «был предан рабочему делу всею душою», по свидетельству В. С. Голубева. «Почти ежедневно его можно было встретить в „рабочем клубе“ ведущим диспут на любую тему... он готов был взять и расцеловать всякого, встретив в нем единомышленника или вообще человека, его понимающего», — вспоминает К. Норинский. Крутов говорил, например, В. В. Бартепову: «Я всегда просто целые ночи не сплю, но думаю, как изменить условия нашей жизни, и сколько подлости кругом видишь, просто страсть». Упомянувшийся выше книголюб И. И. Тимофеев, как указывает Норинский, «весь отдался пропаганде среди рабочих завода», вел с другими рабочими беседы «целыми часами». Таков был и ряд других рабочих, с которыми мы еще встретимся в дальнейшем изложении.¹

Самостоятельно появлялись и рабочие кружки. Некоторые из них возникали, как мы только что указывали, на почве жгучего стремления рабочих к знанию. Рабочие тогда не ждали, пока найдется для них руководитель, а сами, своими силами, пытались удовлетворить свои потребности. Так, кружок с участием А. Фишера действовал без руководства извне, и руководителем его, по существу, был один из выдающихся участников этого кружка И. И. Егоров.

Недостаток интеллигентных сил — характерное явление для конца 80-х годов, когда даже среди студенческой молодежи все еще распространены были разного рода упадочнические настроения. Именно такими настроениями можно объяснить то, что в момент гибели двух первых социал-демократических организаций не оказалось в наличии достаточных сил для создания какой-либо новой социал-демократической организации. Вместе с тем, однако, теперь оказывалось, что, несмотря на аресты и высылки, среди интеллигенции появляются отдельные лица, считающие себя приверженцами учения Маркса и социал-демократии и противниками народничества. Поэтому хотя и не появилось немедленно же новой социал-демократической организации, все же мы сталкиваемся с неведомыми даже подчас по имени социал-демократами, некими «студентами» и «интеллигентами», как подобных руководителей называли рабочие, которые искали, находили и вовлекали их в свой

¹ А. Фишер, *ун. соч.*, стр. 10; М. С. Александров (Ольминский). *Группа народников*. Былое, 1906, № 11, стр. 7, 12; В. С. Голубев. *Страницы из истории рабочего движения*. Былое, 1906, № 12, стр. 108; В. В. Бартепов. *Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х гг. Милушие годы*, 1908, № 10, стр. 192; Из воспоминаний рабочего К. М. Норинского. *Рабочее движение в России в XIX веке*, т. III, ч. II, Госполитиздат, М., 1952, стр. 96.

рабочие кружки. М. И. Бруснев, с именем которого будет связано создание новой социал-демократической организации, говорит об «отдельных лицах, едва ли связанных между собой какими-либо организационными нитями», которые вели пропаганду среди петербургских рабочих.¹

После жестоких репрессий, которые правительство обрушило на студенчество в связи с делом А. И. Ульянова, к концу 1888 г. в Петербурге тем не менее оказалась целая сеть студенческих кружков, в которых изучали «Капитал» Маркса. В 1889 г. в среде этих кружков прошла оживленная дискуссия. В итоге дискуссии большинство ее участников высказались за социал-демократов. Последние образовали «сообщество» с центром, состоящим главным образом из студентов-технологов. Наряду с этим, довольно большим по тем временам, «сообществом», имевшим главным образом в виду подготовку к пропаганде среди рабочих, на арене политической борьбы оказались два более узких, конспиративных кружка действующих пропагандистов: один — сплошь из студентов-технологов, другой — из универсантов и студентов других учебных заведений. Среди технологов отметим имена М. И. Бруснева, В. Ф. Цвинского и несколько позднее вошедшего в кружок Л. Б. Красина.

Нельзя, однако, не отметить, что при всем прилежном изучении Маркса в кружках этих отнюдь еще не были изжиты полностью немарксистские взгляды. Л. Б. Красин представляет характерный пример для этого времени. Он так изучил «Капитал», что мог написать: «...эту книгу местами знаю наизусть». Вместе с тем он в те годы признавался, что «закалки настоящей у нас не имеется и сейчас уже приходится иногда ловить себя на „барство“ и укорить в „буржуазности“». В своих позднейших воспоминаниях Л. Б. Красин писал про своих сотоварищей, что «конечно, о каком-либо стройном, законченном мировоззрении, которое в это

*М. И. Бруснев. Фотография.
Начало 90-х гг. XIX в.*

¹ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. Пролетарская революция, 1923, № 2(14), стр. 18.

время, несомненно, было у Г. В. Плеханова и его товарищей, тут еще нельзя было говорить».¹

Взгляды большинства участников тогдашних марксистских кружков были далеки еще от надлежащей чистоты с точки зрения правильного понимания и точного следования революционному учению Карла Маркса.

Обнаружившееся оживление в рабочей и студенческой среде повело к более быстрому развитию социал-демократического движения. М. И. Бруснев насчитывает для зимы 1889/90 г. уже около 20 кружков, где руководителями были студенты, и «целый ряд» связанных с этими высшими кружками кружков низшего типа, руководимых самими рабочими. Кружки были на Путиловском заводе, на Васильевском Острове, в Галерной гавани, за Невской заставой, на Выборгской и Петербургской сторонах и в других местах города. На этой почве должно было, естественно, произойти и произошло создание новой центральной социал-демократической организации в Петербурге. Вследствие сбивчивости показаний трудно в точности определить время ее возникновения. Повидимому, в начале 1890 г., наряду с происшедшим объединением студенческих кружков, произошло сходное же объединение рабочих кружков. В состав этого первого центрального рабочего кружка вошли наиболее выдающиеся из рабочих того времени: Федор Афанасьев, Егор Афанасьев (Климанов), Н. Д. Богданов, Г. А. Мефодиев, П. Еяграфов, а также путиловский рабочий В. В. Буянов.

По всем отзывам, наибольшим уважением и влиянием среди товарищей пользовался ткач Федор Афанасьевич Афанасьев. Ф. Афанасьева характеризуют как «человека редкой душевной красоты и глубокого убеждения»; товарищи относились к нему, как к «учителю жизни». Он привлекал всех к себе прежде всего своей беспримельной преданностью рабочему делу и своею неисчерпаемой энергией. «Кто его раз видел, тот убеждался, что видит настоящего защитника интересов трудящегося класса», — отзывается о нем К. Норинский. Мы еще встретимся в дальнейшем изложении с именем Ф. Афанасьева, когда придется говорить о самых ярких моментах в истории этого времени, о событиях, связанных с именем Н. В. Шелгунова и с празднованием первого мая. В 1891 г. Ф. Афанасьев уехал из Петербурга и вся дальнейшая неутомимая его деятельность протекала сперва в Москве, а потом главным образом в Иваново-Вознесенске, где рабочие прозвали его «отцом». Ф. Афанасьев был в эти годы большевиком. Он погиб во время рабочей демонстрации в Иваново-Вознесенске 22 октября 1905 г. «Имя Федора Афанасьева, — говорит о нем хорошо его знавший Л. Б. Красин, — принадлежало к числу тех имен, которые на вечные времена должны чтить рабочий класс России».²

Другой видной фигурой центрального рабочего кружка был Егор Афанасьевич Афанасьев (Климанов), кузнец Экспедиции заготовления государственных

¹ Л. Б. К р а с и н. Дела давно минувших дней. Пролетарская революция 1923. № 3 (15), стр. 9.

² Там же, ук. соч., стр. 11.

бумаг. Он выделялся как организатор и оратор, хотя большой начитанностью не отличался. Егор Афанасьев начал свою деятельность еще в организации Точинского, прошел длинный революционный путь и умер большевиком в 1918 г.

Весной 1890 г. — еще один показатель новых настроений — вспыхнули весьма значительные студенческие волнения, начавшиеся в Технологическом институте и университете, а потом перекинувшиеся и за пределы Петербурга — в Москву, Харьков и Новую Александрию, где находился Сельскохозяйственный институт. В университете студентами была передана Д. И. Менделееву «петиция», адресованная министру народного просвещения, в которой студенты требовали отмены всех реакционных мероприятий 80-х годов, возвращения к уставу 1863 г., университетской автономии, уничтожения полицейских функций инспекции, отмены введенных ограничений при приеме в университет, восстановления научно-литературного общества, закрытого после дела А. И. Ульянова, и т. д. Волнения в университете вышли за его стены. В течение четырех дней продолжались аресты. В Технологическом институте была арестована целиком студенческая сходка, на которую собралось 255 технологов из общего их числа 657. В университете было арестовано в здании 120 человек и на улице 131. Как обычно, вслед за тем (события разыгрались 14—19 марта) последовали исключения и высылки студентов.¹

Эти аресты повели к почти полному разгрому того студенческого центрального кружка, который руководил социал-демократической работой в Петербурге. Аресты среди рабочих были невелики, но существенным ударом был арест весьма деятельного члена рабочего кружка — В. В. Булнова.

Лишь осенью 1890 г. трем-четырем оставшимся не затронутыми арестами членам студенческого центрального кружка удалось вновь разыскать связи с сохранившимся и собиравшимся центральным рабочим кружком и упрочить организацию, которая получила в литературе общепринятое, хотя и неточное название

Ф. А. Афанасьев. Фотография, 90-е годы XIX в.

¹ А. Георгиевский. Краткой исторической очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890, стр. 272—274.

«брусневской». Возглавивший сеть рабочих кружков комитет состоял в основном из представителей рабочих (от районов), с участием одного лица из среды интеллигенции. Состав рабочих в новой организации оставался тем же, который нам уже знаком по рабочему центральному кружку.

Уже ранее, когда мы говорили о петербургской группе «русских социал-демократов», нам приходилось говорить о кружках в составе этой организации. Теперь мы снова убеждаемся, что именно кружки в те годы являлись единственной формой работы социал-демократов.

Чем была в те времена кружковая работа по своему содержанию, нам рассказывают прекрасные строки, написанные В. И. Лениным, заставшим в начале своей революционной деятельности социал-демократическое движение именно в этой стадии. В черновике своей статьи «Новые задачи и новые силы» (она относится к началу 1905 г.) В. И. Ленин писал: «В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу (почти) культурнической работы, припомните характер занятия с рабочими кружками первой половины 90-х гг.», и там же еще далее: «Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле». ¹

Эта общая ленинская характеристика вполне объясняет то, что мы находим в Петербурге. Так, характеризуя кружковую деятельность среди рабочих, М. С. Ольминский отмечает как ее особенность ее «педагогический характер». В. В. Бартенев называет собрания руководителей тогдашних кружков «своего рода педагогическим советом, так как главным образом приходилось обмениваться мыслями по вопросам, что и как читать рабочим».

Содержание пропагандистской работы разнообразилось, конечно, в зависимости от состава рабочих. В. И. Ленин отмечал, что «история рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих». ² Так было и в Петербурге. Легче было вести занятия с заводскими рабочими, труднее — с фабричными, и тут «специалистом» считался Л. Б. Красин, который умел говорить просто и ясно. Круг преподаваемых предметов или точнее — круг затрагиваемых в беседах тем был весьма широк. В. В. Святловский в кружке Егора Афанасьева слушал лекцию по химии, читаемую рабочим Алюшкевичем, а сам читал, между прочим, лекции и по геологии. Пропагандисты того времени полагали, по словам Л. Б. Красина, что необходимо прежде всего познакомить рабочих с основами естествознания, а уже дав рабочим знания в этой области, перейти к изучению общественных наук. ³ Норинский так и излагает ход занятий в его кружке: сначала космография и учение Дарвина, а потом Энгельс, «Капитал» Маркса, история революционной борьбы в России и на

¹ Ленинский сборник, V, стр. 108; В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 189, 190.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 257.

³ Л. Б. Красин, ук. соч., стр. 14.

Западе. Такой объем и порядок изложения сохранился до 1892 г. У М. И. Бруснева при его аресте полиция захватила программу для занятий с рабочими, первым разделом которой было «читать, писать и считать», а затем следовали естествознание и Дарвин, истории культуры, политическая экономия, история крестьян, рабочего класса и общественного движения на Западе и в России и, наконец, «полная, подробная и точно, определенно обоснованная программа минимума требований для данного времени». Однако главной задачей пропаганды, конечно, были именно последние вопросы общественно-революционного порядка.¹

М. И. Бруснев говорит: «... мы поставили себе главной целью выработать из участников наших рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов». Именно этот момент считали венцом деятельности кружка и сами рабочие. «Наше самообразование к этому времени почти уже закончилось; оно было определенно социал-демократическое», — таков итог, который подводит делу тогдашний деятельный кружковой рабочий А. Фишер.

Общий подъем настроений и сплочение отдельных кружков вели к начальным шагам по расширению деятельности социал-демократической организации за пределы одной лишь кружковой пропаганды. Самой примечательной была попытка организации принять участие в двух стачках, одна из которых произошла на фабрике Торнтонга, а другая — на судостроительном заводе в Новом Адмиралтействе. Стачки эти возникли сами собой, без какого-либо воздействия со стороны организации. К сожалению, у нас нет данных, которые освещали бы торнтонговскую стачку. Стачка в Новом Адмиралтействе, в которой приняло участие около 400 человек, возникла 21 января 1891 г. вследствие того, что вновь назначенный командир порта контр-адмирал Верховский уменьшил заработную плату и ввел систему самых разнообразных штрафов.

Уже во время торнтонговской стачки было выпущено воззвание к рабочим, которое написал В. С. Голубев. Во время стачки в порту деятельность организации приобрела более действенный и широкий характер. Были выпущены две листовки (по Брусневу — на гектографе, а по Святловскому — на пишущей машинке). Одна из них обращалась к рабочим и призывала, по официальному изложению ее содержания, «поддерживать друг друга при стачках, чтобы заставить начальство сделать требуемые уступки». Вторая листовка призывала «общество», по тому же изложению, «оказать нравственную и материальную поддержку пострадавшим рабочим». По листкам с печатью Временного рабочего комитета производились сборы денег, причем даже далекие казанские студенты прислали тогда 10 руб. Одним из последствий стачки явилось возникновение потребности в издании такой, хотя бы рукописной, газеты, задачей которой было бы сообщать сведения о рабочем движении на фабриках и заводах. Наиболее ценным в только двух, повидимому, появившихся ее номерах было то, что сведения о происходивших на пред-

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 131—132.

приятных столкновениях с мастерами, о стачках и т. п. сообщались самими рабочими.¹

Вскоре первое политическое выступление рабочих социал-демократов заставило уже громко заговорить об их появлении на общественной арене. Оно связано было с именем Н. В. Шелгунова, произведения которого и особенно его изложение книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» были известны кружковым рабочим. Совсем незадолго до смерти Н. В. Шелгунова рабочие узнали о тяжелой его болезни. Один из самых деятельных рабочих, Гавриил Мефодиев, настоял на посылке делегации к больному. Был составлен адрес, написанный несомненно самими рабочими и покрытый шестьдесятю шестью подписями. Само обращение, которым начинался этот адрес — «Дорогой учитель, Николай Васильевич» — уже определяло отношение рабочих к Шелгунову. В адресе рабочие «сердечно благодарили» Шелгунова за то, что, как они писали, он первый осознал «жалкое положение рабочих в России», за то, что из сочинений Шелгунова они поняли, что им «неоткуда ждать помощи в деле улучшения своего положения и достижения свободы». «Вы исполнили свое назначение, указали нам пути для борьбы», — писали далее рабочие и заканчивали адрес словами: «...может быть, не одним еще нам придется пасть жертвою любви к бедному пролетарию, но это не удержит нас от стремления достигнуть указанной вами цели».² Как передавали близкие Шелгунову лица, Шелгунов «до слез был растроган беседой с делегацией». О степени впечатления, оказанного на него этой делегацией и другой — студенческой делегацией, в состав которой входил Л. Б. Красин, можно судить по цитированному выше последнему «Очерку» Шелгунова, где им охарактеризованы новые явления пачала 90-х годов.

В составе делегации, преподносившей адрес, были Федор Афанасьев и Гавриил Мефодиев. На Мефодиева это посещение Шелгунова, «умирающего в убогой квартире где-то на втором дворе», произвело «потрясающее впечатление». Когда вскоре Шелгунов умер, то было решено всей организацией принять участие в его похоронах. Шелгунов умер 12 апреля 1891 г., и до дня похорон, состоявшихся 15 апреля, в понедельник, квартира его была заполнена не только студентами, курсистками и интеллигенцией, но и рабочими. Тот же Мефодиев попал на один из фотографических снимков квартиры в те дни и поплатился за это потом высылкой из Петербурга. Один из очевидцев, тогдашний студент-медик описал в своих воспоминаниях момент, когда рабочими на квартиру был принесен металлический вевок с темнозелеными дубовыми листьями (символ крепости рабочей руки) с надписью на красной ленте: «Николаю Васильевичу Шелгунову, указательно пути к свободе и братству от петербургских рабочих»: «На нас точно нахлынула волна живого моря, точно что-то сильное, сильное охватило наши души, веколыхнуло

¹ Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 51—52; М. И. Брускев, ук. соч., стр. 24; В. С. Голубев, ук. соч., стр. 117—118.

² Красный архив, т. VI, 1924, стр. 260—261.

в них мужество, энергию, жажду борьбы... Венок этот все осматривали по нескольку раз, читая и перечитывая надписи».

Похороны с самого начала ознаменовались инцидентом, вызванным полицией, которая явилась на похороны в большом количестве. Гроб с телом Шелгунова был взят на руки провожающими, и они хотели нести его так по улицам города до самого кладбища. Полиция потребовала установки гроба на катафалк, вступив в резкие пререкания с собравшимися. Уже в этом страхе полиция обнаружилась значительный политический смысл происходящих похорон. Действительно, они оказались неожиданной демонстрацией широких кругов демократического Петербурга. Громадная, в шесть-семь тысяч человек толпа провожающих, стройный хор из нескольких сот студентов и курсисток и, главное, длинное впереди гроба шествие с венками на руках. «Величественный вид имела эта демонстрация», — пишет один очевидец.

Участие рабочих в этой, как ее впоследствии назвали, шелгуновской демонстрации произвело наибольшее впечатление, хотя рабочих было менее, чем могло их быть, так как многим, особенно женщинам-ткачихам, не удалось уйти с работы. «Рабочих вперед» — явилось общим требованием среди провожающих, и шествие с венками, а вместе с тем и всю похоронную процессию-демонстрацию открывал венок рабочих. Его нес вместе с несколькими товарищами токарь Балтийского завода С. И. Футиков. Он был одним из наиболее уважаемых рабочих, «человек откровенный, прямой, решительный, чуждый условностей и компромисса с совестью», как отзывался о нем его товарищ К. Норинский. Футиков производил впечатление и внешним своим видом: своим атлетическим сложением, открытым лицом, широкой окладистой бородой. Речью же рабочего завершился ряд последних слов на могиле Шелгунова.¹

¹ Л. Б. Краси н, ук. соч., стр. 17—18; М. И. Брусн ев, ук. соч., стр. 26; М. А. Ле с и н д р о в (О ль м и н с к и й), ук. соч., стр. 11; А. Ф и ш е р, ук. соч., стр. 11; Е. В. Ге ш и н. Шелгуновская демонстрация. Минувшие годы, 1908, № 11, стр. 25 и сл.

Титульный лист шестого выпуска «Рабочей библиотеки», посвященного маске в Петербурге в 1891 г., с приложением адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову.

В одной из первомайских речей 1891 г. затем с удовлетворением отмечались последствия этих актов признательности рабочих по отношению к Шелгунову: «...мы попробовали подачею адреса ему и присутствием с венком на похоронах привлечь внимание общества к рабочему вопросу и, как слышно, успели в этом».

На следующий же день после похорон начались аресты. Студенческая часть организации оказалась разгромленной почти полностью. Потери рабочих были менее значительны. Кроме уже упомянутого Г. Мефодиева, пострадали еще двое рабочих.

Жизненность и активность социал-демократической организации сказались уже в том, что тотчас вслед за этим открытым выступлением рабочих было решено отпраздновать 1 мая (известно, что постановление о праздновании 1 мая было принято незадолго до того на состоявшемся в Париже международном социалистическом конгрессе 1889 г.).

Некоторый отклик 1 мая нашло себе в Петербурге уже в 1890 г. 11 мая 1890 г. петербургский градоначальник препроводил в Департамент полиции копию воззвания под заглавием: «К народу. 1 Мая», — которое распространялось, как он сообщал, «среди с.-петербургских фабричных рабочих». В этом воззвании, подписанном «Рабочий» и говорящем от имени неизвестной нам, но несомненно фиктивной «первой русской рабочей антиправительственной дружины», заявлялось, что «недалеко» то «время, когда русский народ проснется от векового сна, тряхнет русским могучим кулаком и сокрушит всю эту разбойничью банду, называемую наивными людьми правительством». Происхождение этого воззвания — загадка, осложненная тем, что подлинник его, если здесь нет ошибки, был будто отпечатан. Вероятнее всего, оно — дело какого-либо одиночки.

К 1 мая 1891 г. опять была выпущена в Петербурге какая-то листовка. Нам неизвестны, однако, ни ее подлинник, ни копия. Единственное о ней упоминание имеется в докладе Александру III по Департаменту полиции.

Празднование 1 мая 1891 г., первое в России (исключая Царство Польское), явилось ярким событием в жизни тогдашних кружков и передовых рабочих.

Первомайское собрание состоялось на взморье, у реки Екатерингофки; на нем присутствовало, по разным показаниям, 70—80, около 100 и даже около 200 рабочих; от интеллигенции были Бруснев и Цивинский. Речи здесь произносили Ф. Афанасьев, В. Прошин, Н. Богданов. Не все рабочие сумели попасть на это собрание. Для не попавших было устроено на квартире особое собрание, куда пришло 60—70 человек и где с речью выступил Н. Д. Богданов.

Все эти речи могут служить прекрасным образцом того, что из себя представлял кругозор тогдашнего передового рабочего социал-демократа, воспитанного в обстановке узкой кружковой пропаганды.

Наиболее характерна в этом отношении третья из речей (произнесенная, по указанию рабочего Н. Д. Богданова, им). Она — самая программная из всех четырех. В ней сперва указана общая задача движения — достижение «лучшего

*В. И. Ленин на государственном экзамене в Петербургском университете. Картина маслом
работы В. М. Оршникова, 1947 г.*

Ленинградский Государственный университет.

и справедливого социалистического строя». А затем следует основное положение всей речи, именно, что «для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем». Далее оратор подробно останавливается на том, какие политические права должны быть приобретены народом для того, чтобы был прекращен «дикий произвол царя». Здесь мы найдем «конституцию, основанную на общем и прямом избирательном праве», свободу слова и другие свободы, суд присяжных, реформу армии, бесплатное обучение. Однако вся эта программа никак не связана в речи с условиями рабочего движения и рабочего быта текущего времени. Все те «первые и главнейшие требования», о которых только что шла речь, должны быть предъявлены правительству «при первой возможности». Но когда и при каких обстоятельствах эта «первая возможность» появится и какие действия надо предпринять, чтобы эту «первую возможность» приблизить, — ответ на все эти вопросы сводится в речи в конечном счете только к той же кружковой деятельности.

Оратор понимает, что для того чтобы принудить правительство к уступкам, «необходимо прежде всего составить... организованную силу из рабочих». Однако для этого, в свою очередь, в настоящее время только и надо «как можно более стараться уместивно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и смелых». «Следовательно, — заключает оратор свою речь, — успех развития и организации зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии».

Этот кружковый кругозор характерен и для других первомайских речей. Во всех речах налицо политическая пота. «Но пока мы все еще бесправные рабы русского царя с пятном возложенного на нас позора. Так смеем же, товарищи, это рабское пятно позора!», — восклицает рабочий Прошин.

Совсем недавно произошли стачки у Торнтона и в порту, в которых некоторое участие приняли, как мы видели, и тогдашние кружки. Однако ни в одной из речей мы еще не найдем никаких суждений о том, как связать социал-демократическую пропаганду с рабочим движением; они оказываются совсем оторванными друг от друга. В то же время столь характерно для тогдашнего кружкового рабочего звучание в речах сознание своих обязанностей по отношению к рабочему делу. «К чести нашей я могу сказать, — говорил один из ораторов, — что мы действительно сознали свои обязанности и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих». Характерно и отношение к интеллигенции, которая все еще не изжила настроений 80-х годов. В двух речах мы слышим «сердечное спасибо» по адресу той «небольшой кучки людей», которая стремится «своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем», тогда как вся «иностранная молодежь не слышит народного стона и не видит народного горя — она и не думает о народе».

В. И. Ленин в написанной им в феврале 1905 г. незаконченной статье «Первые уроки» бросил «общий взгляд на новейшую историю нашего рабочего движения». В этом «общем взгляде» Ленин отметил последовательные даты выдающихся событий, характеризующих целые полосы в истории рабочего движения. Этими датами Ленин признает 1885, 1891, 1896 и другие позднейшие годы. 1885 год, год Морозовской стачки, выделен В. И. Лениным как год, когда произошли «широкие стачки с ничтожным участием совершенно единичных, не сплоченных никакой организацией, социалистов». О 1891 г. В. И. Ленин отмечает: «1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения». ¹ Это уже вторая полоса в истории рабочего движения. В одном отношении, как видим из замечаний В. И. Ленина, она все еще остается сходной с первой. И теперь, как и ранее, социал-демократия все еще остается без связи с рабочим движением, а рабочее движение протекает стихийно, без руководства со стороны социал-демократии. Но 1891 год был отмечен Лениным не только как год, типичный в только что указанном направлении. Он был для В. И. Ленина и исходным годом намечающегося крупного перевала в социал-демократическом движении.

В том же 1905 г., вскоре после того как была написана статья «Первые уроки», В. И. Ленин набросал план новой, впоследствии появившейся во «Вперед» уже упоминавшейся выше статьи — «Новые задачи и новые силы». В плане этом намечены три перехода в истории рабочего движения и социал-демократии. Первый из них так определен и охарактеризован Лениным: «1891—(1895). От кружков к экономической агитации. Не сразу. Косность. Непривычка. Новые задачи». ²

Действительно, 1891 год был годом, во многих отношениях всколыхнувшим всю Россию. Неурожай этого года повел к голоду, затронувшему несколько десятков миллионов крестьян. «Разорение громадного числа крестьянских хозяйств казалось всем таким абсурдом, таким невозможным прыжком в небытие, что необходимость самой широкой помощи, способной действительно „залечить раны“, сделалась почти общим лозунгом», — писал Ленин в «Заре» о голоде 1891/92 г. ³

Тогдашняя социал-демократия в лице Плеханова, особенно в его брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», раскрывала связь этого народного бедствия с существующим социальным и политическим строем. Передовая интеллигенция бросилась на помощь голодающим и, как пишет М. С. Ольминский, «многие вернулись из деревни с определенным революционным настроением». ⁴ Однако у нас почти нет данных для того, чтобы характеризовать впечатление, произведенное голодом на петербургских рабочих. Нам известно о ре-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 118.

² Ленинский сборник, V, стр. 103.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 254—255.

⁴ М. Александров. Группа народолюбцев. Былое, 1906, № 11, стр. 14.

нения рабочих Александровского механического завода отдавать в пользу голодающих часть своего обеденного хлеба. Сколько было других, таких же или иных, откликов — этого мы пока еще не знаем.

Голод обострил уже надвинувшийся на Россию новый промышленный кризис. На этот раз мы не можем отметить значительного, в связи с кризисом, подъема стачечного движения в Петербурге. Помимо указанных стачек у Торитова и в порту, 23 августа 1891 г. вспыхнули волнения на табачной фабрике Богданова. Поводом к ним были обычные для кризиса слухи о снижении заработной платы. Вылились же эти волнения в явления, характерные, говоря словами В. И. Ленина, для *первой*, начальной формы рабочего движения,¹ в обычное для того времени битье фабричных стекол, причем выбрасывались на окон табачные изделия. В 1892 г. требования увеличения заработной платы были предъявлены на Митрофаньевской мануфактуре, а также грузчиками Петербургской товарной станции. Дело на Митрофаньевской мануфактуре завершилось высылкой 12 рабочих. Полицейские давшие отмечали «возбуждение», вызванное высылками среди рабочих, и сборы в их пользу по печатным листкам.²

В то же время социал-демократическая работа ширится и приобретает более разнообразные формы. Почти все мемуаристы, и интеллигенты, как Бруснев, и рабочие, как Норинский или Фишер, дойдя до новостования о 1891 г., вспоминают о вечеринках как суррогате рабочего клуба. Здесь провозносились речи, как, например, на одной из вечеринок у Егора Афанасьева, многим особенно запомнившейся; здесь знакомились с новыми рабочими и привлекали их к кружковой деятельности; здесь же решались иногда и такие вопросы, как подписание адреса Шелгунову. В. М. Карелина так их и называет «вечеринками-собраниями»; по ее словам, они (и здесь идет опять-таки речь о 1891 г.) «бывали обыкновенно каждое воскресенье».

Первомайское празднество 1892 г. носило отчетливо политический характер. Ему предшествовали события в Лодзи, где забастовка, начавшаяся тотчас после 1 мая (т. е. после 19 апреля по старому стилю) 1892 г., ознаменовалась кровавыми столкновениями с полицией и войсками. Революционные связи с поляками были уже установлены: В. В. Святловский сообщает в воспоминаниях о своей поездке с этой целью в Варшаву весной 1892 г. Когда после майских событий из Польши приехал особый делегат, он увез с собой сохранившееся в копии «Открытое письмо к польским рабочим»: «Вы счастливее нас, — писали здесь петербургские рабочие, — вы вступили уже в открытую борьбу, мы только к ней готовимся, но скоро уже вслед за нашими братьями других стран вступим и мы в борьбу с общим нашим врагом: царем, барами, фабрикантами, попами».³

¹ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 2, стр. 97.

² Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 74, 200—201, 219—220.

³ Там же, стр. 131.

По сведениям петербургского охранного отделения, рабочие Пашин и Петр Евграфов, который после прошлогодних арестов занял видное положение в организации, способствовали устройству первомайского праздника и в целях сплочения кружков и для того, чтобы «выразить этим свое сочувствие польским рабочим».

Полиция была осведомлена, таким образом, о предстоящем праздновании уже тогда, когда только началась, как выражается официальный документ, «деятельная агитация для устройства (его) во что бы то ни стало». Первая попытка собраться была сделана 24 мая на Крестовском острове. Здесь собралось 100—200 рабочих, но полиция приняла свои меры, и явившийся лесник вынудил собравшихся разойтись. 28 июня состоялось второе собрание, довольно далеко, в Волково-Ямском лесу, отстоящем от Петербурга в 8 верстах. Здесь собралось тоже 100—200 человек, среди которых были рабочие Василеостровского, Выборгского, Нарвского, Невского и других районов города.

На собрании было произнесено 8 речей; сохранились тексты двух речей: одной — составленной рабочим Выборгского металлического завода Тумановым и произнесенной Иваном Егоровым, и второй — приготовленной, но не произнесенной Петром Евграфовым.

Основным мотивом первой речи был мотив политический. «Братья, мы теперь находимся под страшным гнетом нашего монархизма», — таково было начало речи Туманова, и кончалась она тем же — призывом создать сильную организацию и идти «к одной цели», а «цель наша — избавиться от несправедливого царского гнета». Речь Евграфова, в которой также имелись политические мотивы, может служить в то же время показателем того, что общие взгляды кружков, несмотря на несомненное обострение политических моментов, все еще оставались на прежнем уровне. Евграфов кончал свою речь, весьма одушевленную и даже красочную в своих политических характеристиках, знакомым уже нам кружковым призывом: «Давайте же учиться, чтобы всюду и везде до последней капли крови учить и организовывать наших темных братьев, чтобы самим быть в состоянии вести кружки на место интеллигентов, которых все меньше и меньше, чтобы освобождение народа было делом его самого. Так только, таким образом и может он освободиться».

Первомайское празднование повело за собой ряд арестов. Были арестованы рабочие Егор Афанасьев, В. Фокин и др.; из интеллигентов — В. Ф. Цивинский и др. Но теперь эти аресты уже не имели и не могли иметь того катастрофического значения, как ранее, — круг передовых рабочих теперь все расширялся и расширялся.

Вследствие поселемайских арестов 1892 г. из всей центральной группы интеллигентов, которая до этого руководила рабочими кружками, теперь остался на свободе один только студент-технолог С. И. Радченко. По воспоминаниям Г. Б. Красина, именно Радченко осенью 1892 г. явился инициатором создания новой группы. Установка Радченко, по словам Г. Б. Красина, состояла в том, чтобы при-

влекать в состав группы только тех, кого он считал «вполне последовательными марксистами и которые способны были бы вести борьбу с народниками и народо-довольцами. Так, С. И. Радченко привлек еще Г. М. Кржижановского, В. В. Старкова и других, составивших тот марксистский кружок, с которым затем вошел в ближайшие сношения В. И. Ленин.¹

Отмеченное в воспоминаниях Г. Б. Красна внимание С. И. Радченко к вопросу о борьбе с народо-довольством имело свои существенные основания.

Общее оживление политической жизни в начале 90-х годов повело к некоторому оживлению народо-довольства в Петербурге. М. С. Ольминский, впоследствии видный деятель большевизма, еще в 1884—1885 гг., будучи народо-довольцем, завязал отношения с петербургскими рабочими. При вторичном своем появлении в Петербурге он встретил некоторых своих старых знакомых, как Г. А. Мефодьева, возобновил свою работу среди рабочих и даже короткое время представлял интеллигенцию в центральном рабочем кружке. Но когда в конце 1891 г. из разрозненных одиночек образовалась группа народо-довольцев, уже в январе 1892 г. заявившая о своем существовании печатными изданиями, у социал-демократов должна была завязаться с ними борьба, как с открытыми противниками; она была тем настоятельнее, что народо-довольцы стремились привлечь на свою сторону рабочих. В этой борьбе рабочие приняли самое непосредственное участие. В. И. Ленин об этом свидетельствует в своей статье «Попытное направление в русской социал-демократии». Он пишет: «...передовые рабочие были социал-демократами; многие из них даже лично принимали участие в тех спорах между народо-довольцами и социал-демократами, которые характеризовали переход русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему.² Участница петербургских рабочих кружков В. М. Карелина вспоминает о «явной борьбе», которая началась в кружках против народо-довольцев в начале 1892 г. «Спорили обыкновенно интеллигенты, но принимали иногда участие в этих спорах и мы», — пишет она об отношении рабочих к этому вопросу.³ А. Фишер, рассказывая об одном из подобных собраний, говорит о том же: после докладов и обмена мнений спорящих стали высказываться рабочие, приглашенные из разных районов. Народо-довольцы терпели поражение и, по выражению рабочего К. Порянского, «тяготение переваливало на сторону социал-демократов».⁴ Однако нельзя не отметить не изжитых еще колебаний некоторых социал-демократических рабочих, которые полагали, что «с теоретической стороны... обе стороны могли и уступить». Это являлось последствием тех недостатков идейного воспитания рабочих, о которых уже шла речь.

¹ Г. Б. К р а с н ы й. Ст. Ив. Радченко. Старый большевик, 1933, т. 2, стр. 187—188.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 4, стр. 238.

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 101.

Петербургские социал-демократические рабочие кружки искали, в той или иной форме, связей с рабочими других фабрично-заводских центров. Известны отношения петербуржцев с зарождавшимся и развивавшимся социал-демократическим движением Москвы. Из Петербурга в Москву перебрался в 1891 г. для революционной деятельности среди московских рабочих Федор Афанасьев. Вслед за ним в Москве обосновался и до ареста в 1892 г. вел здесь социал-демократическую работу М. И. Бруснев. Петербургские социал-демократы сумели оказать воздействие на рост политической жизни и в провинции. Первым таким провинциальным центром оказалась Тула. Сюда были высланы в 1891—1892 гг. видные петербургские рабочие В. В. Буянов, Г. А. Мефодиев и др. Они принялись за организацию в Туле социал-демократических кружков, преуспевали в этом деле и поддерживали постоянную связь с Петербургом. В 1892 г. в Тулу приехал М. И. Бруснев. Когда полиция выслала из Тулы в Кострому Буянова, то Буянов и здесь повел революционную работу. Из Петербурга посылались делегаты в Тулу и в Кострому для установления личных связей и для пересылки литературы. В меньшем объеме была таким же образом налажена работа в Чернигове.

Мы подошли в своем изложении к поворотному рубежу в истории общественно-революционного движения в России. Это был переход от замкнутой кружковой пропаганды к широкой агитации в массах. Поворот этот неразрывно связан с началом деятельности В. И. Ленина в Петербурге. Первые шаги В. И. Ленина на революционном поприще оказались началом новой революционной эпохи в истории России и всего мира.

Полоса в истории революционно-общественного движения в Петербурге, которой мы теперь касались, это — последняя доленинская полоса. Далее, начиная с конца 1893 г. и вплоть до смерти Владимира Ильича Ленина, революционная история Петербурга будет неразрывно связана с ленинской деятельностью. Но и в этом доленинском периоде есть эпизод биографии Ленина, который неразрывно связан с Петербургом. Это — сдача Лениным государственных экзаменов и испытательной комиссии при Петербургском университете.

В. И. Ленин за участие в студенческих волнениях был исключен из Казанского университета в декабре 1887 г., пробыв там всего три с небольшим месяца. Все ходатайства, и самого Владимира Ильича и его матери, Марии Александровны Ульяновой, то о разрешении поступить обратно в Казанский университет, то о разрешении поступить в другой русский университет, то о разрешении уехать за границу, чтобы там получить высшее образование, то, наконец, о разрешении держать экстерном экзамены при каком-либо университете, в течение двух лет, в 1888—1889 гг., неизменно кончались неудачей. Министерство народного просвещения, при постоянных напоминаниях о том со стороны Департамента полиции, отказывало Владимиру Ильичу не только из-за его непосредственного и действительного участия в студенческих беспорядках, но и как брату казненного Александра Ильича. Наконец, последнее ходатайство матери Владимира Ильича в мае 1890 г. достигло

цели: ему была разрешена сдача экзаменов экстерном при одном из российских университетов.¹ Владимир Ильич выбрал Петербургский университет.

Годы, которые прошли с момента исключения В. И. Ленина из университета и до начала государственных экзаменов, были годами упорной его работы над изучением произведений Маркса и Энгельса. Уже в зиму 1888/89 г., которую В. И. Ленин провел в Казани, он приступил к изучению «Капитала» Маркса и участвовал в одном из казанских марксистских кружков.²

Весной 1889 г. В. И. Ленин переезжает из Казани в Аланьевку (хутор в Самарской губ.), а затем осенью 1889 г. — в Самару. В Аланьевке и Самаре Ленин продолжал глубокое изучение произведений Маркса и Энгельса. В. И. Ленин, не довольствуясь тем, что имелось тогда в русских переводах, изучал «Положение рабочего класса в Англии» и другие работы основоположников марксизма в подлинниках. Ленин перевел в те же годы на русский язык «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (этот ленинский перевод, к сожалению, не дошел до нас). В Самаре В. И. Ленин принялся за изучение русских общественных отношений и умственных течений. Став уже вполне убежденным сторонником марксизма, В. И. Ленин с первых же шагов своей самостоятельной работы обнаружил себя гениальным продолжателем дела Маркса—Энгельса, сумевшим творчески приложить их учение к новым условиям русской и мировой общественно-политической жизни. В Самаре В. И. Ленин положил прочное начало тем своим работам, которые нанесли сокрушительный удар народничеству, таким, как «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России». В кружковой жизни Самары работы В. И. Ленина выливались в форму рефератов. Один из таких рефератов В. И. Ленина, посвященный разбору книги В. Постникова о южнорусском хозяйстве, сохранился и теперь открывает собой его «Сочинения». В своем реферате В. И. Ленин впервые вскрыл основную методологическую ошибку земских статистиков, которые, оперируя средними цифрами, закрывали путь к изучению совершающегося в деревне разложения крестьянства. Доказав наличие расслоения крестьянства и образование в его среде на одном полюсе кулацкого меньшинства, на другом же — массы разоряющегося крестьянства, вынужденного добывать себе средства к жизни продажей своей рабочей силы, В. И. Ленин наносил сокрушающий удар народничеству, отрицавшему, что Россия идет по пути капиталистического развития. Реферат В. И. Ленина о книге Постникова заключал в себе положения, получившие свое развитие, как только что было указано, в позднейших его гениальных трудах.

Первый приезд В. И. Ленина в Петербург в сентябре 1890 г. был связан с наведением необходимых предварительных справок для будущей сдачи им

¹ Даты жизни и деятельности Ленина 1870—1924. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). М., 1931, стр. 10—14.

² А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1934, стр. 24.

экзаменов. Владимир Ильич пробыл здесь более месяца и уехал отсюда 24 октября.

Экзамены, которые В. И. Ленин должен был сдать в испытательной комиссии, были особенно трудны. Ведь ему предстояло сдать не только государственные экзамены, которые сдавали студенты, прослушавшие весь университетский курс, но и все то довольно значительное число экзаменов, которые обычный студент сдавал постепенно, в течение целых четырех лет. В. И. Ленин сдал эти экзамены в два приема. Первая часть была им сдана в течение 4—24 апреля 1891 г.; вторая — в течение 10 сентября—9 ноября 1891 г. Экзаменовали В. И. Ленина выдающиеся ученые того времени, такие, как историк русского права В. И. Сергеевич, один из лучших знатоков международного права Ф. Ф. Мартенс, криминалист И. Я. Фойницкий, цивилист Н. Л. Дювернуа, статистик Ю. Э. Янсон. В. И. Ленин по всем предметам, и на письменных и на устных испытаниях, получил высшую тогдашнюю оценку «весьма удовлетворительно» и был удостоен диплома первой степени.¹

Время пребывания в Петербурге было использовано Владимиром Ильичом не только для экзаменов. А. И. Елизарова сообщает, что «при поездках в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич видался там с некоторыми марксистами. Один из них, преподаватель Технологического института Явейн, давал Владимиру Ильичу для прочтения некоторую марксистскую литературу. Часть этой литературы... Ильич привозил с собою в Самару».²

Таким образом, уже в это свое первое пребывание в Петербурге, когда экзамен следовал за экзаменом, Владимир Ильич сумел найти время для дальнейших розысков предоставившей ему в Самаре марксистской литературы и для установления личных связей в центре тогдашней общественно-политической жизни.

Уехав после экзаменов в Самару, В. И. Ленин в 1893 г. пришел к решению, что именно в Петербурге откроется наиболее благоприятное поле для деятельности, направленной к осуществлению его гениальных революционных замыслов.

Первые связи В. И. Ленина с Петербургом относятся, как мы видели, к тому времени, когда уже был на исходе разночинский период русского революционного движения и почти назрел переход этого движения в последний, завершающий — пролетарский этап.

Несколько десятилетий, которые охватывает разночинский период, сыграли свою важную роль в истории революционной борьбы в Петербурге и во всей стране. Разночинский период начался в годы падения крепостного права. Крупнейшими фигурами разночинского этапа явились великие революционные демократы Чернышевский и Добролюбов. Под их влиянием, под влиянием деятельности Герцена происходило в Петербурге во второй половине 50-х и

¹ Даты жизни и деятельности Ленина 1870—1924, стр. 10—15.

² А. И. Ульянова-Елизарова, ук. соч., стр. 28.

в начале 60-х годов формирование кадров революционного движения, оформление еще сравнительно немногочисленных вначале революционных сил. После подавления правительством первого большого демократического патиска воздвиглась реакция, затянувшаяся на годы, но, конечно, неспособная уничтожить революционное движение, источники которого продолжали существовать и действовали с возрастающей силой. Постепенное оживление и развитие революционной борьбы начиная примерно с конца 60-х — первой половины 70-х годов имело ту особенность, что теперь движение протекало под знаменем вполне сформировавшихся народнических учений. Несмотря, однако, на отсталый, мелкобуржуазный характер народнического «социализма», движение разночинной интеллигенции 70-х и начала 80-х годов имело свое положительное историческое содержание, так как плеяда революционеров-семидесятников вела борьбу против самодержавия и помещичьего землевладения, объективно отражая в этой борьбе обостряющееся недовольство крестьянской массы, выраженная демократические чаяния последней. Для 70-х годов наряду с этим характерны первые заметные успехи рабочего движения; знаменательным событием явилось, в частности, образование в Петербурге во второй половине 70-х годов Северного союза русских рабочих.

80-е годы приносят с собой прогрессирующее разложение народничества, а с другой стороны — дальнейший рост рабочего движения и зарождение русской социал-демократии.

Следует еще раз напомнить, что 80-е годы в целом остаются в хронологических рамках разночинского периода русского революционного движения; все же, однако, тогда явственно уже замечаются элементы, подготовляющие переход к новому этапу, — этапу, когда руководящую и решающую роль в революционном движении будут играть пролетариат и его революционная марксистская партия.

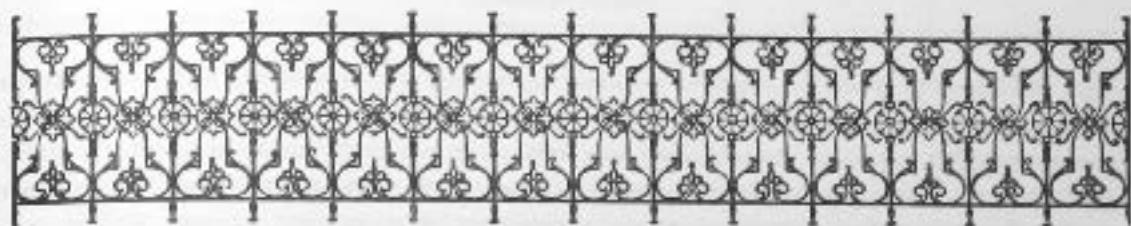

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

КНИЖНИ РАДОВИ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Широкое общественное движение, которым ознаменован период падения крепостного права в России, сказалось как в собственно политической, так и во всей культурной жизни страны. Освободительное движение 50—60-х годов сопровождалось выдающимся подъемом в области культуры — в литературе и искусстве, в науке и педагогике. Успехи, достигнутые тогда в разных сферах культурной деятельности, во многих отношениях получили затем свое дальнейшее развитие — несмотря на резкое осложнение внешних условий культурной жизни после начавшегося спада общественной волны, после выяснившейся неудачи первого демократического натиска. В целом вся эпоха второй половины XIX в. в России исключительно богата высокими достижениями в литературе, искусстве, науке, достижениями, которые, говоря словами Горького, обратили на Россию изумленное внимание всей Европы¹ и, можно смело добавить, всего мира.

Наиболее важными очагами культурной деятельности были, естественно, Петербург и Москва.

Столичное положение Петербурга создавало в нем более благоприятные условия для развития культуры. Здесь прежде всего был главный центр освободительного движения народов России, а освободительное движение всегда оказывало исключительное влияние на развитие культуры.

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 23, 1953, стр. 352.

В Петербурге было гораздо больше, чем в других городах, материальных и технических возможностей для культурного творчества — благодаря скоплению ряда ведущих ученых учреждений и учебных заведений, наличию многих крупных издательских предприятий, сосредоточению большого числа периодических изданий, благодаря существованию выдающихся театров, музеев, библиотек. В Петербурге было собрано множество творческих культурных сил — писателей, ученых, артистов, музыкантов и т. д.

Ввиду особенностей состава столичного населения (большой процент интеллигенции, в частности учащихся различного типа школ, значительно более высокий, сравнительно с другими местностями, уровень грамотности жителей, в том числе в трудящейся массе) в Петербурге было больше, чем где-либо в стране, потребителей культурных ценностей: читателей книг, журналов и газет, посетителей театров, концертов, выставок.

Более или менее широкое распространение промышленных предприятий создавало спрос на технические кадры, стимулировало развитие специальных отраслей науки, рост техники.

Все это вместе взятое создавало особое положение Петербургу в культурной жизни России, да и не одной России: Петербург был одним из главных культурных центров всей Европы, он являлся одной из культурных столиц мира.

Культура в классовом обществе не может быть единой. В. И. Ленин указывал на наличие при капитализме в каждой национальной культуре, с одной стороны, элементов демократической и социалистической культуры и, с другой — господствующей буржуазной культуры (а в большинстве случаев, как отмечал Ленин, еще черносотенной и клерикальной).¹

Наличие двух сталкивающихся между собой, враждебных друг другу культур — культуры передовых общественных сил, народной культуры и культуры «хозяев жизни», господствующих и реакционных сил — постоянно сказывалось в культурной жизни Петербурга во второй половине XIX в. Прогрессивным двигателем общества являлась, конечно, первая из этих культур. Именно ее представителями были созданы те замечательные культурные ценности, которые сохранили поныне свое значение для народов Советского Союза и всех других стран.

* * *

Неизмеримо велика культурно-историческая роль, выполненная русской литературой. Еще Н. Г. Чернышевский писал: «В нашем умственном движении играет она более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном движении своих народов, и на ней лежат более обязанности, нежели на какой бы то ни было другой литературе... Поэт и беллетрист не заменимы у нас никем. Кто, кроме поэта, говорил России о том, что слы-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 8.

шла она от Пушкина? Кто, кроме романиста, говорил России о том, что слышала она от Гоголя?»¹ Дело создания великой русской национальной литературы, столь во многом обязанное Пушкину и Гоголю, получило после них, в середине и второй половине XIX в., свое дальнейшее развитие.

В этот именно период преобладание образованной части дворянства в культурной жизни России сменяется преобладанием, с течением времени все более явным, так называемого разночинства.

Известное указание В. И. Ленина относительно смены — в середине XIX в. — дворянского этапа разночинским в освободительном движении России имеет самое прямое отношение и к развитию русской культуры, в первую очередь русской литературы, теснейшим образом всегда связанной с общественным движением. Недаром Ленин вспоминал о великом деятеле русской литературы В. Г. Белинском как о предшественнике (еще при крепостном праве) вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении.

Переход ведущей роли в культурном движении к разночинной интеллигенции, конечно, вовсе не означал немедленного и полного исчезновения в литературе писателей из дворянского, помещичьего класса. Как подчеркивает Ленин, дворяне (речь идет о наиболее передовых выходцах из дворянства) и в революционном движении разночинского периода, отходя на второй план, все же дают еще громадный процент участников.² То же можно повторить о литературе. В русской литературе не только 50—60-х, но и 70—80-х годов выступали многие видные писатели из дворянской среды. Это в значительной степени были представители периода 40-х годов, выдвинувшего целую плеяду замечательных писателей из образованной части русского привилегированного общества.

Однако, начиная примерно с середины 50-х годов, в литературе все более громко и влиятельно звучит голос именно демократического разночинства, на сторону которого целиком становится некоторые из бывших деятелей 40-х годов: с голосом разночинцев, выражавших интересы и чаяния широких народных масс, не могли не считаться также остальные деятели этого периода, хотя бы и не ставшие прямо в ряды демократического движения в литературе.

Приток разночинцев в литературу, тесное сближение (даже слияние) с разночинцами ряда лучших представителей старшего поколения литераторов во главе с Некрасовым, Салтыковым-Щедриным влекли за собой усиление и углубление освободительного, демократического характера литературы.

Эта демократически-освободительная направленность русской литературы, неразрывно связанная с патриотическим характером последней, составляла ее коренную, определяющую черту. Передовая русская литература видела свою

¹ И. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 303—304.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 225.

основную задачу в служении народу. Она была тысячами нитей связана с прогрессивной, демократической общественностью, с освободительной борьбой народа, сама входила крайне важным элементом в эту борьбу. Она отличалась глубочайшей правдивостью в изображении жизни и людей, важнейших противоречий действительности. Русская литература — едва ли не самая реалистическая литература в мире. Ее господствующим направлением был критический реализм. Беспощадное обличение общественного зла, угнетения масс, подавления человеческой личности передовые писатели и поэты ставили во главу угла своей деятельности. Разумеется, эта критика велась с точки зрения определенных положительных идеалов. Литература не только отрицала, но и утверждала. Разоблачая крепостничество, самодержавие, буржуазное хищничество, показывая ничтожество, алчность, тупоумие представителей реакции, угнетателей народа, литература выдвигала положительные цели борьбы, звала к их осуществлению, показывала людей борьбы, противопоставляла честные, трудовые, демократические силы «рыцарям» кнута и наживы.

В формировании и упрочении указанных свойств передовой русской литературы огромную роль сыграли революционно-демократическая критика и эстетика. Родовым началом этой критики был В. Г. Белинский. Начатое Белинским дело демократического и материалистического обоснования задач литературы и искусства было продолжено и развито Чернышевским и Добролюбовым. Большую прогрессивную роль сыграл также в этом отношении (несмотря на отдельные крупные ошибки) критик-публицист Писарев.

Н. Г. Чернышевский выдвинул и блестяще обосновал знаменитое положение материалистической, реалистической эстетики: «Прекрасное есть жизнь». «Прекрасно, — писал Чернышевский, — то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям, прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни».¹

Значение искусства и литературы Чернышевский видел прежде всего в воспроизведении интересных для человека явлений действительной жизни. Наряду с этим основной задачей искусства Чернышевский считал объяснение жизни и «приговор» над изображаемыми жизненными явлениями. Формулируя в наиболее общей форме назначение искусства, Чернышевский призывал его быть для человека учебником жизни.²

Подобно Чернышевскому, Добролюбов требовал от литературы, чтобы она была языком, очами и ушами общественного организма,³ чтобы она беззаветно служила делу народного развития, борьбе за освобождение и счастье народа.

Чернышевскому, Добролюбову и их соратникам на всем протяжении их деятельности приходилось энергично бороться с врагами передовой эстетики и

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, 1949, стр. 10.

² Там же, стр. 85—86, 90.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. IV, 1937, стр. 171.

реалистического искусства, с приверженцами антинародных учений «чистого искусства», «искусства для искусства», пытавшимися оторвать писателей и художников от живых интересов современности, от освободительных стремлений и задач. Демократическая критика проявляла неустанную заботу о правильном, здоровом развитии литературы и, преодолевая сопротивление реакционных и формалистических-эстетских элементов, помогая колеблющимся писателям изживать недостатки и ошибки, направляла творчество лучших деятелей русской литературы по пути критического реализма, демократического гуманизма, по пути честного и смелого служения родине и народу.

Передовая эстетическая и критическая мысль ориентировала свободолобивую, реалистическую литературу на правдивое, острое, глубокое освещение характерных, типических явлений действительности. Добролюбов обличал неправду «нелепых романов и мелодрам», заключающуюся в том, что «в них берутся случайные, ложные черты действительной жизни, не составляющие ее сущности, ее характерных особенностей».¹

Именно стремление и способность к раскрытию в ярких художественных образах сущности разнообразных и сложных жизненных явлений — социально-политических и психологических, бытовых и культурных — отличали передовую литературу и передовое искусство России, лучшие классические произведения русских писателей и художников. Типичные характеры в типичных обстоятельствах (употребляя известное выражение Энгельса) раскрывались перед читателем в произведениях Щедрина и Некрасова, Островского и Гончарова, Толстого и Тургенева, в «Что делать?» и «Прологе» Чернышевского.

¹ Там же, т. II, 1935, стр. 48.

Титульный лист первого издания книги Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». 1855 г.

Удельный вес Петербурга в литературной истории России был велик уже в крепостную эпоху, в XVIII и первой половине XIX в. Он возрос в период поворота русской истории от крепостничества к капитализму. Литература, относящаяся к разночинскому этапу и освободительной борьбе, была тесно связана с северной столицей России. Это отчетливо сознавалось современниками. Владимир Короленко, восемнадцатилетним юношей впервые прибывший в Петербург (в 1871 г.), впоследствии писал, характеризуя охватившее его тогда чувство: «Сердце у меня затрепетало от радости. Петербург! Здесь сосредоточено было все, что я считал лучшим в жизни, потому что отсюда исходила вся русская литература, настоящая родина моей души».¹

Роль Петербурга в литературной жизни России хорошо иллюстрируется его местом в развитии русской журналистики, поскольку именно журнал, а впоследствии отчасти и газета имели огромное значение в литературном движении.

Условия для деятельности печати были невероятно тяжелы. Цензурные рогатки и прямые полицейские и судебные преследования, направленные против всей мало-мальски прогрессивной прессы и против ее работников, стеснили и связывали ее, делали многие темы запретными и полузапретными, вынуждали к педомолвкам и «азоовому» языку. Неоднократно периодические издания насильственно приостанавливались, уничтожались, причем это, как правило, были самые лучшие, самые передовые издания. Тем не менее печать жила и боролась, играя незаменимую роль в политическом и культурном воспитании общества, во всем общественном движении. В конце 60-х годов министр внутренних дел в одной из своих записок царю не без горечи признавался, что прессу подавить нельзя, а если и можно, то ненадолго: «Она развилась и окрепла под влиянием данной среды и естественной силы вещей».²

В 1855 г. в Петербурге, не считая разнообразных листков объявлений и тому подобных чисто справочных изданий, выходило (на одном русском языке) 50 периодических органов, в том числе 42 журнала и 8 газет (некоторые из «газет» по своему типу тоже близко подходили к журналам). В течение ближайшего десятилетия цифра повременных изданий в столице удвоилась. К концу 80-х годов перечень периодических изданий, выходящих в Петербурге, насчитывал (опять-таки за вычетом листков объявлений и т. д.) более полутора десятка названий на русском языке и немногим менее двух десятков изданий на языках других народов России, а также иностранных языках.

В количественном отношении петербургская повременная печать на протяжении второй половины XIX в. составляла приблизительно от 40 до 25% всех

¹ В. Короленко, Полное собрание сочинений, т. II, История моего современника, ч. 2, 1922, стр. 40.

² В. Биляшток, Материалы по истории русской цензуры. Русская старина, 1897, № 5, стр. 348.

выходивших в России периодических изданий (процент все же постепенно убывал с ростом как московской, так и провинциальной печати); по числу печатных листов и по количеству экземпляров доля петербургской прессы в общероссийской была все время еще значительно выше.

Многие органы петербургской прессы, как и ведущие издания московской, имели безусловно значение не только местное, но и общероссийское.

Если взять, например, данные о распространении журнала Чернышевского и Некрасова «Современник» за 1859—1861 гг., то окажется, что в 1859 г. на 1274 подписчика журнала, живущих в самом Петербурге, было 4205 подписчиков в десятках губерний Российской империи; в 1860 г. на 1628 петербургских подписчиков — 4952 иногородних; в 1861 г. на 1681 столичного подписчика — 4967 иногородних.¹ В 1862 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» имела в Петербурге 3 тыс. подписчиков, а вне его — 5 тыс., журналы: «Отечественные записки» — 500 и 4 тыс., «Библиотека для чтения» — 1000 и 2500, «Время» — 650 и 3700.²

В 1868 г. 50 губерний Европейской России, а также Сибирь, Кавказ, Польша и Финляндия выписывали из Петербурга более 44 тыс. экземпляров ежедневных газет и 55 тыс. ежемесячных и еженедельных изданий. В самом Петербурге тогда же выписывалось до 25 тыс. экземпляров различных периодических изданий.³

Иллюстрируя факт общероссийского распространения столичной прессы, цифры подписки на петербургские периодические издания одновременно показывают, что культурный уровень петербургского населения был заметно выше среднего культурного уровня населения страны в целом (считая в том числе всю многомиллионную массу ее крестьянского населения). В Петербурге и Петербургской губ. один подписчик местных периодических изданий приходился на рубезке 60-х и 70-х годов на 38 жителей, а по всей остальной России один из 604 жителей подписывался на выходившие в северной столице издания повременной печати.⁴ Конечно, процент подписчиков на периодику по провинции несколько повышался за счет подписки на провинциальные и на ряд московских изданий, но расстояние между Петербургом и остальной Россией все-таки оставалось в указанном отношении достаточно большим.

Статистические данные о числе выходивших в Петербурге изданий, приведенные выше, охватывают органы самого разнообразного содержания и назначения: общественно-политические и литературные, научные, технические, художествен-

¹ Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 г. по губерниям и городам. Современник, 1862, № 2, Современное обозрение, стр. 185, 195 (И. Г. Чернышевский, Избр. соч., т. X, 1951, стр. 469, 477).

² О числе подписчиков на наши журналы и газеты. Книжный вестник, 1862, № 18, стр. 370.

³ Военно-статистический сборник, вып. IV, Россия, СПб., 1871, стр. 898.

⁴ Там же, стр. 898.

ные, педагогические, военные. Специально для художественной литературы и критики имели огромное значение большие ежемесячные, так называемые толстые, журналы одновременно общественно-политического и литературно-художественного содержания (тип их стал более или менее окончательно устанавливаться со времен «Отечественных записок» и «Современника» 40-х годов).

«Много условий, — свидетельствовал впоследствии В. Г. Короленко, — соединилось в русской жизни для того, чтобы выработать тот тип журнала, каким он сложился у нас... Русский ежемесячник — не просто сборник статей, не складочное место, иной раз совершенно противоположных мнений, не обзрение во французском смысле... Он стремится дать некоторое идейное целое, отражающее известную систему воззрений, единую и стройную».¹ Характеристика, даваемая в этих словах русскому ежемесячнику выдающимся деятелем литературы и журналистики, не может быть относима ко всем русским толстым журналам второй половины XIX в. Недаром в самой публицистике неоднократно раздавались жалобы на «хаотическое смешение принципов и направлений» в различных литературных органах,² жалобы, становившиеся особенно настойчивыми в реакционные периоды, в частности, например, в 80-е годы. Однако для наиболее серьезных и влиятельных изданий характеристика Короленко остается так или иначе в силе: они как бы заменяли общественно-политические центры, служили знаменем известных общественных и литературных направлений, в силу чего современники справедливо называли главные из русских журналов политическими учреждениями. Пусть в каждом журнале сотрудничали и люди, для него более или менее случайные, сторонние, все-таки редакции сплачивали вокруг себя прежде всего кружки литераторов, более или менее близких друг к другу, единомышленников, которые и придавали изданию его решающий цвет и тон. Это относится не только к публицистам и критикам (к ним, конечно, в первую очередь), но в значительной мере к писателям-беллетристам и поэтам. Литературная жизнь Петербурга, таким образом, тесно связана с деятельностью отдельных журнальных центров и кружков.

Наиболее выдержанным направлением в петербургской журналистике и литературе отличался «Современник», о котором не без основания даже еще в середине 60-х годов, в пору некоторого его упадка, говорилось, что «ни один журнал не проникнут до такой степени одним духом», ни у одного «помещаемые статьи не направлены, как у него, к одной определенной и строго сознанной цели».³

С «Современником» связаны имена Белинского и Герцена, Некрасова и Чернышевского, Добролюбова и Щедрина, Тургенева и Льва Толстого, Островского и Гончарова и многих других выдающихся деятелей русской литературы.

¹ Русское богатство, 1904, № 2, стр. V.

² См., например, статью М. Антоновича в «Современнике» 1864 г., № 1.

³ Обзорные журналы. Книжный вестник, 1865, № 10, стр. 203.

С 1847 г., когда начинается история некрасовского «Современника», именно Н. А. Некрасов играл центральную роль в определении чисто литературного лица журнала, играл эту роль и в качестве редактора, умевшего выбирать для журнала все лучшее, самое передовое в тогдашней художественной литературе, и в качестве поэта, стихи которого, замечательные по своей ярко художественной пародной форме и по насыщенности глубоко идейным, демократическим и революционным содержанием, блестяще выражали направление журнала и привлекали к нему внимание и любовь широкого читательского круга.

Как отмечено выше,¹ «Современник» переживал тяжелые времена в самом конце 40-х и в начале 50-х годов в связи с особенно резким обострением реакции и цензурного гнета, но при первых признаках общественного оживления вновь стал подниматься и журнал.

Поздней осенью 1853 г. произошло знакомство Н. Г. Чернышевского с Некрасовым, приведшее к быстрому и прочному идейному и личному сближению между ними.

Первые же критические выступления Чернышевского в самом журнале, а в особенности отдельно появившаяся в 1855 г. диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» вызвали враждебное отношение к нему со стороны литераторов либерально-дворянского круга, державшихся за те или иные дворянские привилегии в политике и общественной жизни и отстаивавших идеалистические и метафизические принципы в искусстве и философии. Призывам Чернышевского поставить искусство и литературу целиком и полностью на службу народу, на службу требованиям идущей вперед жизни противопоставлялись теории «чистого искусства», «искусства для искусства».

Вслед за Чернышевским в «Современник» пришел Н. А. Добролюбов, такой же, как и Чернышевский, революционный демократ, такой же боец за высокоидейное, всецело проникнутое интересами народа искусство.

Недовольство и вражда со стороны противников революционно-демократической политики, философия и эстетики обратились не только против Чернышевского, но и против Добролюбова; объектом их стал и сам Некрасов, поскольку он оказывал Чернышевскому и Добролюбову полную поддержку и твердо отклонял все попытки части старых друзей оторвать его от этих новых, молодых, подлинно боевых соратников.

Отход от «Современника» отдельных представителей либерально-дворянского крыла его сотрудников на почве углублявшегося идейного размежевания начался еще в середине 50-х годов. Первым порвал с «Современником» критик, переводчик и беллетрист А. В. Дружинин, одно время игравший в журнале заметную роль. Настроенный особо непримиримо по отношению к линии, проводившейся

¹ См. стр. 27 настоящего тома.

Чернышевским, Дружинин возглавил редакцию одного из конкурирующих с «Современником» изданий — журнала «Библиотека для чтения».

Критики В. П. Боткин и П. В. Анненков, в большей или меньшей степени разделявшие философско-эстетические позиции Дружинина, также примкнули постепенно к лагерю противников «Современника». Близкий друг обоих — И. С. Тургенев, один из идейных воспитанников Белинского, в собственном художественном творчестве выступавший как глубокий реалист, необычайно чуткий к запросам и интересам общественности, в своем отношении к Чернышевскому и «Современнику» занимал более колеблющуюся, подчас компромиссную позицию; но в конце концов и он порвал с «Современником» в 1860 г. Порвались надолго и личные отношения Тургенева с Некрасовым, в свое время очень тесные и дружеские.

Наиболее глубокая причина разрыва Тургенева с «Современником» — с Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым — несомненно заключалась в различии мировоззрений и настроений, с одной стороны, демократов и революционеров, а с другой — представителя (хотя бы даже и одного из самых лучших представителей) либерального общественного и культурного круга. В. И. Ленин отмечал, что Тургенева «тянуло к умеренной монархической и дворцовой конституции... ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского».¹

Отход ряда крупных писательских сил (кроме Тургенева, в «Современнике» перестали печататься Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович и др.) не охладил симпатий к журналу демократических читательских кругов. В начале 1862 г. Чернышевский дал характеристику «Современника» как журнала, «любимого публикой, не любимого большею частью литературных и журнальных кружков, не искавшего себе опоры ни в чем, кроме убеждений, которые признавал истинными и которым служить считал себя призванным».²

В 1861 г. «Современник» потерял своего гениального критика — Добролюбова (умер в ноябре 1861 г.). В июле 1862 г. арестован Чернышевский, а перед тем журнал был временно приостановлен правительством. Возобновившись с начала 1863 г., «Современник» продолжал выходить до 1865 г., когда он был окончательно закрыт властями. Главными сотрудниками художественного отдела «Современника» в этот, последний, период его существования были Некрасов, Щедрина, А. Н. Островский, Н. Г. Помпловский, Ф. М. Решетников, Глеб Успенский, В. А. Слепцов и др. В эти же годы был опубликован в журнале знаменитый роман Чернышевского «Что делать?» (1863).

С закрытием «Современника» самым значительным литературно-общественным журналом в России стал издававшийся в Петербурге журнал «Отечествен-

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 27, стр. 244.

² Н. Чернышевский. Некролог И. И. Панаева. Известия АН СССР, отделение литературы и языка, 1952, т. XI, вып. 4, стр. 364.

ные записки» — после перехода его с 1868 г. в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина (в редакцию входил также Г. З. Елисейев, а впоследствии и Н. К. Михайловский). Журнал издавался до 1884 г., когда был закрыт правительством. Из писателей и поэтов в «Отечественных записках» печатались Щедрин, Некрасов, Островский, Глеб Успенский, Ф. М. Решетников, А. Н. Плещеев, В. С. Курочкин, В. А. Слепцов, П. Н. Златовратский, В. М. Гаршин, Н. Е. Карошич-Петропавловский, С. Я. Надсон, Д. Н. Мамви-Сибиряк и др.

В истории петербургской демократической журналистики наряду с «Современником» и «Отечественными записками» наиболее крупное значение имело «Русское слово» Г. Е. Благоевтелова и его продолжение — журнал того же Благоевтелова «Дело». С «Русским словом» связана почти вся литературная деятельность блестящего критика и публициста, выдающегося философа-материалиста, талантливого ученого и популяризатора знания Д. И. Писарева, одного из крупнейших представителей демократического общественно-литературного движения 60-х годов. Видную роль в отделах «Русского слова», посвященных критике, публицистике, вопросам науки, играл также известный литератор демократического лагеря Н. В. Шелгунов (в начале 60-х годов сотрудничавший в «Современнике»). Литературно-художественный отдел «Русского слова» и «Дела» был значительно беднее беллетристики и поэзии «Современника» и «Отечественных записок». Тем не менее «Русское слово» и «Дело» сыграли свою серьезную роль в развитии демократической литературы (кроме имевшей очень большое значение критики Писарева, романы, повести, рассказы П. В. Федорова-Омулевского, А. К. Шеллера-Михайлова, К. М. Станюковича, А. П. Левитова и др.).

Из периодических органов либерального направления, выходивших в Петербурге, для литературной жизни наиболее заметное значение имели «Отечественные записки» еще до некрасовской редакции (здесь были впервые опубликованы «Обломов» Гончарова, «Тысяча душ» Писемского и др.), а позднее, со второй половины 60-х годов, «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича (например, «Обрыв» Гончарова, «Новь», «Вешние воды» и многое другое Тургенева, ряд произведений А. К. Толстого, циклы «Пестрые письма» и «Мелочи жизни», а также «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина, вынужденного печататься в «Вестнике Европы» после ликвидации «Отечественных записок»).

* * *

В 1838 г. приехал в Петербург, 17-летним юношей, Н. А. Некрасов. Уже в литературном движении 40-х годов имя Некрасова занимает видное место. Знакомство и дружба с Белинским имели огромное значение для формирования общественных и литературных взглядов молодого поэта. Прикнув к так называемой «натуральной школе» (реалистическое и демократическое направление в русской литературе 40-х годов, основоположником которого был Гоголь),

Некрасов стал одним из ее главных организаторов, а также горячим и деятельным защитником ее принципов в критике. Творчество самого Некрасова, уже примерно с середины 40-х годов, все больше привлекает общественное внимание. Такими стихотворениями Некрасова, как «В дороге», «Родина», «Еду ли ночью по улице темной», зачитывались в передовых кругах тогдашнего русского общества.

Глубокий, пламенный патриотизм, необъятно-безмерная (по собственному определению поэта) любовь к народу, ненависть к угнетателям и поработителям масс, скорбь о бедствиях и страданиях трудового крестьянства и городской бедноты, соединенная с верой в народные силы, в неизбежность политического пробуждения народа, с убежденностью в счастливом будущем народа, родины — вот что проникало собой все творчество великого поэта-демократа.

Дружба и тесное сотрудничество с Чернышевским и Добролюбовым в 50-х и начале 60-х годов способствовали упрочению и прояснению демократических и революционных убеждений Некрасова. Оба вождя революционно-демократического лагеря высоко ценили поэзию Некрасова, как и его деятельность организатора и руководителя русской передовой печати. В 1856 г. Чернышевский писал Некрасову: «...на Вас падает каждый порядочный человек у нас в России. Вы сделали много... но еще гораздо больше Вы сделаете».¹ Добролюбов называл Некрасова (в 1860 г.) «любимейшим русским поэтом, представителем добрых начал в нашей поэзии, единственным талантом, в котором теперь есть жизнь и сила».² Широко известна итоговая оценка Чернышевским дела жизни Некрасова (в письме из виллольской ссылки от 1877 г., накануне смерти поэта): «...его слава будет бессмертна, вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов».³

Творчество Некрасова 40-х и первой половины 50-х годов впервые представило перед читателем в собранном виде в 1856 г. Изданный тогда сборник Некрасова (он вышел в Москве) имел ошеломляющий успех. Цензор в секретном рапорте министру просвещения невольно признавал: «Книгу Некрасова видишь почти в каждом образованном семействе; все ее читают, все от нее в восторге, — все торопится приобрести ее».⁴ Конечно, это относилось к прогрессивным читателям.

Сборник 1856 г. открывался знаменитым стихотворением «Поэт и гражданин» — замечательным политическим и эстетическим манифестом революционной демократии. Всецело разделяя эстетические принципы Белинского и Чернышевского, Некрасов обращался к деятелям литературы и искусства со страстным призывом:

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1949, стр. 325, 329.

² Книга и революция, 1921, № 2, стр. 71—73.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XV, 1950, стр. 88.

⁴ Книга и революция, 1921, № 2, стр. 39.

Н. А. Некрасов. Литография В. Тилма. 1867 г.

Будь граждани! Слуша искусство,
 Для блага ближнего живи,
 Свой гений подчиняя чувству
 Всеобнимающей Любви;
 И если ты богат дарами,
 Их выставлять не хлопочи:
 В твоём труде заблещут сами
 Их животворные лучи.

Строки, призывающие к борьбе за дело народа, вдохновляли поколения революционных борцов:

Иди в огонь за честь отчизны,
 За убежденье, за любовь...
 Иди и гибни безупречно,
 Умрешь не даром: дело прочно,
 Когда под ним струится кровь...¹

Любовь русской демократии к своему гениальному поэту в дальнейшем все возрастала, популярность его становилась все более широкой, ибо с несравненной силой и глубиной он выражал «идейное и нравственное содержание» всей эпохи разночинца (по правильному замечанию Плеханова). Такие произведения Некрасова, как «Размышления у парадного подъезда» (1858),² «Коробейники» (1861), «Зеленый шум» (1862), «Орина, мать солдатская» (1863), «Мороз, Красный нос» (1863), «Железная дорога» (1864) и множество других, были близки своим реализмом, демократизмом, непревзойденной народностью («сознательной современной народностью», как определяла дружественная поэту критика) революционно-демократическим поколениям 60-х и 70-х годов. Огромное впечатление производили поэмы и стихи Некрасова, посвященные борцам за освобождение русского народа — декабристам («Дедушка», «Русские женщины»), Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому, Писареву. Писавшаяся Некрасовым в течение долгих лет (1863—1877) великая эпопея русской народной жизни «Кому на Руси жить хорошо», публиковавшаяся по частям, привлекала острое внимание читателей, будила любовь к народу, учила ненавидеть его врагов, звала к революционному действию.

Вся деятельность Некрасова связана с Петербургом, где он прожил около сорока лет (1838—1877), где написана большая часть его произведений, где он возглавлял лучшие журналы эпохи — «Современник» и «Отечественные за-

¹ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. II, 1948, стр. 11.

² «Размышления у парадного подъезда», с их страстным обличением преступно-равнодушного, издевательского отношения официального Петербурга к нуждам и страданиям «мужика», произвели огромное впечатление на издателей «Колокола» и были напечатаны в нем (в начале 1860 г.) со следующим примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить».

писки» — и находился в тесных отношениях со всей передовой общественностью, где он лично множество раз выступал с чтением своих сочинений перед публикой.

Некрасов близко связан с Петербургом и тем, что отразил во многих своих произведениях жизнь столицы, запечатлел в них ее внешний и, в особенности, внутренний облик. «Некрасов, — в свое время писал Валерий Брюсов, — заплатил щедрую дань городу, запечатлев в своих стихах образ современного ему Петербурга, зарисовав те типы и те сцены, которые видел ежедневно, — изобразив и его блеск и его мрак».¹ Следует отметить, что именно этот «мрак» изображен Некрасовым с особой полнотой. Проницательный наблюдатель общественных противоречий, глубокий критик и обличитель социального зла, Некрасов и в прозаических своих сочинениях (например, в раннем романе «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»), и в своей поэзии вскрыл резкий контраст между беспечальным существованием, богатством и всемогуществом петербургских «верхов» и бедствиями, нищетой, унижениями, которые испытывали «низы» столицы.

Еще в самом начале своей деятельности Некрасов произнес слова, звучащие и в дальнейшем как одна из главных мотивов его стихов, связанных с петербургской темой:

Столица наша чудная
Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.²

Однако Некрасов одновременно ценил и любил красоту Петербурга, он понимал его прогрессивную роль в общественной жизни страны, в освободительном движении народа.

В стихотворении «Несчастные» Некрасов писал, обращаясь к Петербургу:

Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теща буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!³

¹ Статья Брюсова опубликована в 1912 г. (в «Русских ведомостях» от 25 декабря). Цит. по кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и Петербург. Л., 1947, стр. 146.

² Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. I, 1948, стр. 175.

³ Там же, т. II, стр. 19.

Некрасов пользовался исключительным уважением в среде демократически и революционно настроенной молодежи Петербурга. Это уважение с новой, особой силой проявилось во время предсмертной болезни Некрасова. Одним из выражений любви к поэту явился адрес петербургского студенчества Некрасову. Отвечая на «Последние песни» поэта, опубликованные в январской книге «Отечественных записок» за 1877 г. и имея, в частности, в виду заявление Некрасова в одном из стихотворений, что «некому будет жалеть о нем, студенты писали: «Мы пожалеем тебя, любимый нами, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям. Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы в твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья».¹

Известно, что наиболее сознательные люди из народа уже и тогда знали о Некрасове, любили его поэзию. Среди этих людей были петербургские рабочие-революционеры, которые затем приняли участие в политической демонстрации на похоронах Некрасова.

Впоследствии большевистская партия учила рабочую массу любить и ценить имя и творчество поэта. Ленин подчеркивал, что все симпатии Некрасова были на стороне Чернышевского; он напоминал о том, что Некрасов (как и Салтыков) учил русское общество различать крепостников-помещиков, какой бы они ни прикрывались внешностью.²

Доктябрьская большевистская «Правда», широко популяризовавшая поэзию Некрасова, писала в 1912 г., в дни, когда Петербург и вся Россия отмечали 35-летие со дня смерти поэта: Некрасов «велик потому, что поэтическая душа его была неразлучна с народной думой, что скорбь его неотделима от великой народной скорби», что «он верил в великие силы, бродившие в темной массе народной, и только от пробуждения народного ждал поворота к новой, лучшей доле».³

¹ В. Е в г е н ь е в. Николай Алексеевич Некрасов, М., 1914, стр. 255—256. Подаренный Некрасовым студенческой депутации автограф стихотворения «Вам, мой дар ценившим и любившим» был вывешен в университетской библиотеке. Впоследствии, по поводу 25-летия со дня смерти Некрасова, этот эпизод затрагивался в ряде статей (Н. Михайловского, П. Якубовича-Мельшина и др.). См.: Литературный вестник, 1903, кн. I, стр. 114—117, а также: Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. II, стр. 738—739.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 18, стр. 287; ср. т. 13, стр. 40.

³ Доктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. М., 1937, стр. 120. Места, где жил Некрасов в Петербурге, подробно перечислены в статье С. А. Рейсера «Н. А. Некрасов в Петербурге» в первом «Некрасовском сборнике» Института русской литературы Академии Наук СССР (М.—Л., 1951, стр. 198—225). С 1857 г. и до своей смерти Некрасов жил в доме Краевского по Литейному проспекту, № 36. Здесь же помещались редакции некрасовских журналов «Современник» и «Отечественные записки». Ныне тут находится Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова.

Безмерно велика во всем русском литературном движении и в литературной жизни Петербурга роль М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В Петербург Салтыков попал в двенадцатилетнем возрасте — в 1838 г. он поступил в Царскосельский лицей. В 1844 г. он окончил лицей, незадолго перед тем переведенный из Царского Села в самый город (на Каменноостровский, ныне Кировский, проспект). Еще в годы учения в лицее Салтыков стал печататься (сначала как автор стихотворений). В 40-х годах Салтыков, подобно Некрасову, испытал на себе огромное влияние Белинского. В середине 40-х годов он имел близкую связь с Петрашевским и его товарищами. В «Отечественных записках» в 1847 г. появилось первое прозаическое произведение Салтыкова — повесть «Противоречия», в 1848 г. была напечатана вторая повесть — «Запутанное дело». Николай I нашел в ней «пагубное стремление» к распространению революционных идей, и Салтыков был немедленно сослан в Вятку, откуда он был освобожден лишь после смерти Николая. В январе 1856 г. Салтыков вернулся в Петербург, где и жил в дальнейшем (кроме нескольких лет своей службы в провинции в конце 50-х — начале 60-х и в середине 60-х годов).

Уже «Губернские очерки», печатавшиеся в Москве в 1856—1857 гг. (под псевдонимом «Н. Щедрина»), прославили имя Салтыкова. «В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя», — писал Чернышевский в конце 50-х годов.¹ В 1857 г. рассказ Щедрина впервые появился на страницах некрасовского «Современника». Через три года Щедрин становится постоянным сотрудником «Современника», а к концу 1862 г. он делается одним из соредкторов Некрасова по журналу (Чернышевского тогда уже не было на «свободе»). В трудные для демократии 1863—1864 гг. Щедрин очень много сделал своими художественными и публицистическими очерками в «Современнике» для разоблачения распоясавшейся реакции.

Значение Щедрина как выдающегося литературно-общественного деятеля революционно-демократического лагеря еще более возросло в период существования второго некрасовского журнала — «Отечественных записок». Салтыков-Щедрин, вместе с Некрасовым и Елисеевым, был одним из редакторов «Отечественных записок»; после смерти Некрасова он заменил его в качестве ответственного редактора журнала. В «Отечественных записках» Щедрин напечатал такие произведения, как «История одного города», «Господа ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Помпадуры и помпадурши», «Господа Головлевы», «За рубежом» и т. д. В замечательных по своей яркой, неповторимо самобытной художественной форме произведениях Щедрин с великой силой и страстью обрушивался на самодержавие, на пережитки крепостничества, на буржуазное хищничество, на предательство и трусость российского и европейского либерализма, отстаивая интересы горячо любимого народа, защищая истинно прогрессивные,

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, 1948, стр. 302.

демократические пути развития родины. Щедринские типы с непревзойденной рельефностью и глубиной отражали действительность, происходящие в ней изменения, и Горький был прав, говоря, что без помощи Щедрина нельзя понять историю России во второй половине XIX в.¹

Как и Некрасов, Салтыков-Щедрин немало жизненного материала почерпнул из петербургской действительности, которую неоднократно (начиная уже с ранней повести «Занутое дело») он делал объектом своего художественного изображения. Чаще всего он обращался к изображению — остро сатирическому, обличающему и уничтожающему — столичных правящих верхов или различных категорий дворянско-помещичьих и буржуазных дельцов, орудовавших в столице («Господа ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», пьеса «Тени» и т. д.). Но он останавливался и на тяжелой жизни трудовых низов Петербурга (например, в «Мелочах жизни»), касался тех или иных сторон жизни и деятельности петербургской интеллигенции.

Щедрин был учителем и воспитателем целого поколения писателей-демократов, которых он вдохновлял и наставлял не только своими произведениями, но и своей самоотверженной и неутомимой редакторской работой, своим непосредственным живым словом. Один из петербургских литераторов, работавших в «Отечественных записках», писал о Щедрине после смерти писателя: «Довольно сказать, что он принадлежит к числу тех редких писателей, которые говорят, как нишут, и когда вам приходилось его слушать, разговор его производил на вас буквально такое же впечатление, какое вы выносили из его произведений, с тою к тому же разницей, что в разговорной речи он не стеснялся никакими цензурными и иными условиями, и это был уже не эзоповский язык некоторых его сатир».² Другой из работников журнала вспоминает, что Салтыков-Щедрин очень любил общаться с сотрудниками «Отечественных записок», и чем многочисленнее бывали их собрания, тем он «становился довольнее и одушевленнее». По сообщению того же автора, Щедрина беспокоило, когда кто-нибудь из сотрудников переезжал куда-либо из Петербурга, хотя бы даже в предместья столицы: он находил, что «настоящий писатель должен жить в Петербурге», где особенно близко к сердцу принимаются происходящие события общественной жизни.³

Бесконечно преданный литературному делу, видя в нем незаменимое средство служения народу и острейшее оружие борьбы за его интересы и права, Щедрин стремился укрепить духовные нити, связывающие его с читательской массой. Он говорил: «Для писателя нет большей награды, как иметь публику, которая на-

¹ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 274.

² А. С. Кабицкий. Михаил Евграфович Салтыков. Некролог и несколько воспоминаний о нем. Пантеон литературы, 1889. Современная летопись, стр. 9—10.

³ С. Н. Кривенко. М. Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность. Изд. 3-е, Пгр., 1915, стр. 90—91.

столько ему верит, что даже от времени до времени удостоивает его непосредственным с собою общением. Я могу считать себя одним из таких счастливицев.¹

Закрытие царским правительством в 1884 г. «Отечественных записок» явилось для Салтыкова-Щедрина крайне тяжелым ударом. После этого он писал одному из своих близких знакомых: «Один ресурс у меня оставался — это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренно и горячо любил, с ним одним не стеснялся... Теперь у меня все это отняли. Можно ли представить себе что-нибудь более жестокое, унижительное, озорное?»²

Щедрин нашел пристанище в другом, чужом для него по общему политическому направлению петербургском журнале — в либеральном «Вестнике Европы» (здесь появилась в 1887—1889 гг. его «Пошехонская старина»), частью и в московском издании — газете «Русские ведомости». «...мое участие в „Вестнике Европы“, — заявлял Щедрин в начале своего в нем сотрудничества, — я считаю испосланною мне провидением карою. Нет ничего ужаснее, как чувствовать себя иностранцем в журнале, в котором участвуешь».³

Голос Щедрина в удушливой атмосфере реакции 80-х годов ободрял читателей, клеймил врагов народа и прогресса, звал к борьбе. Передовой читатель в Петербурге и по всей России чутко прислушивался к этому голосу. «Продолжайте служить нам руководителем на избранном Вами пути и верьте, что Ваше имя никогда не забудется и всегда будет дорого для русской молодежи», — обращались к Салтыкову-Щедрину в 1887 г. студенты Петербургского университета.⁴

Последние тринадцать лет своей жизни Салтыков-Щедрин занимал квартиру на Литейном проспекте, д. 62 (ныне № 60).⁵ Гениальный русский сатирик, один из величайших сатириков в мировой литературе скончался здесь 28 апреля 1889 г. Похороны Щедрина превратились в крупную общественную демонстрацию, в которой наряду с массой учащейся молодежи принимали активное участие передовые представители петербургских рабочих. Щедрин был похоронен на Волковом кладбище (рядом с могилой Тургенева).

Салтыков-Щедрин являлся одним из самых любимых писателей Ленина. Образы его служили Ленину в великом деле борьбы за демократию, за коммунизм. Указатель щедринских цитат, встречающихся у Ленина, составленный советскими литературоведами, включает до 300 номеров.

Утверждению в передовой русской литературе боевых принципов революционного демократизма в громадной степени послужил роман Н. Г. Чернышев-

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XIII, 1936, стр. 288.

² Там же, т. XX, 1937, стр. 50.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Литературное наследство, т. 13—14, М., 1934, стр. 422.

⁵ Раньше одно время он жил на Фурштатской улице (ныне улица Петра Лаврова), д. 33.

ского «Что делать?». Он был написан Чернышевским в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости в течение четырех месяцев — между началом декабря 1852 г. и началом апреля 1863 г. Появление романа в печати (в 3-й, 4-й и 5-й книгах «Современника» за 1863 г.) стало важным событием литературной и политической жизни. В романе были поставлены проблемы, волновавшие прогрессивные общественные круги и прежде всего разночинную молодежь. Он пропагандировал идеалы социализма и демократии, новые, основанные на свободе и труде, начала морали и быта, освобождение женщины. Роман, проникнутый верой в революцию, звал читателя готовиться к ней. «Из рассказов о новых людях» — гласил подзаголовок романа. Образы новых людей, поставленные в центре романа (его действие, как известно, разворачивается в Петербурге), сыграли большую общественно-пропагандистскую роль, служили примером ряду поколений демократических читателей. Роман имел большое революционизирующее влияние не только в России. Великий сын болгарского народа Георгий Димитров писал: «...ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое так сильно повлияло бы на мов революционное воспитание, как роман Чернышевского». Любимцем Димитрова (как и революционной молодежи в самой России) был в особенности Рахметов: «Я ставил себе целью быть твердым, выдержанным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса, — одним словом быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского».¹

Роман «Что делать?» любил и высоко ценил В. И. Ленин. По сообщению Н. К. Крупской, Ленин впервые читал его еще в гимназические времена. «Помню, — пишет Крупская, — как меня удивило, когда мы в Сибири стали говорить на эти темы, в каких деталях знал этот роман Чернышевского Ильич. С этого романа началось его увлечение Чернышевским».²

Кроме «Что делать?», Чернышевский работал в крепости и над другими художественными произведениями: повестью «Алферьев», романом «Повести в повести», «Мелкими рассказами».³ Они не могли быть опубликованы тогда, да и вообще при жизни автора, и стали достоянием читателей частью в период первой революции в России, а в полной мере лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Ряд художественных произведений написан был Чернышевским в Сибири. Среди них особенно выделяется замечательный роман «Пролог» — яркое и блестящее обличение крепостничества и либерализма; в незабываемых картинах и образах здесь воспроизведено русское общество в кауи

¹ Комсомольская правда от 30 мая 1935 г.

² Н. К р у п с к а я. Детство и ранняя юность Ильича. Большевик, 1938, № 13, стр. 69.

³ Действие «Алферьева» связано с Петербургом. Петербург, петербургская обстановка, люди Петербурга — постоянно мелькают также в неоконченном романе «Повести в повести», в «Мелких рассказах».

крестьянской реформы, дано изображение общественной борьбы в Петербурге второй половины 50-х годов.

Вокруг Чернышевского, Некрасова, Щедрина в Петербурге группировалась большая плеяда писателей и поэтов демократического направления, писателей-разночинцев.

Разночинно-демократическая литература посвятила себя изображению народной жизни и вместе с тем она освещала быт, настроения, борьбу самой разночинной интеллигенции.

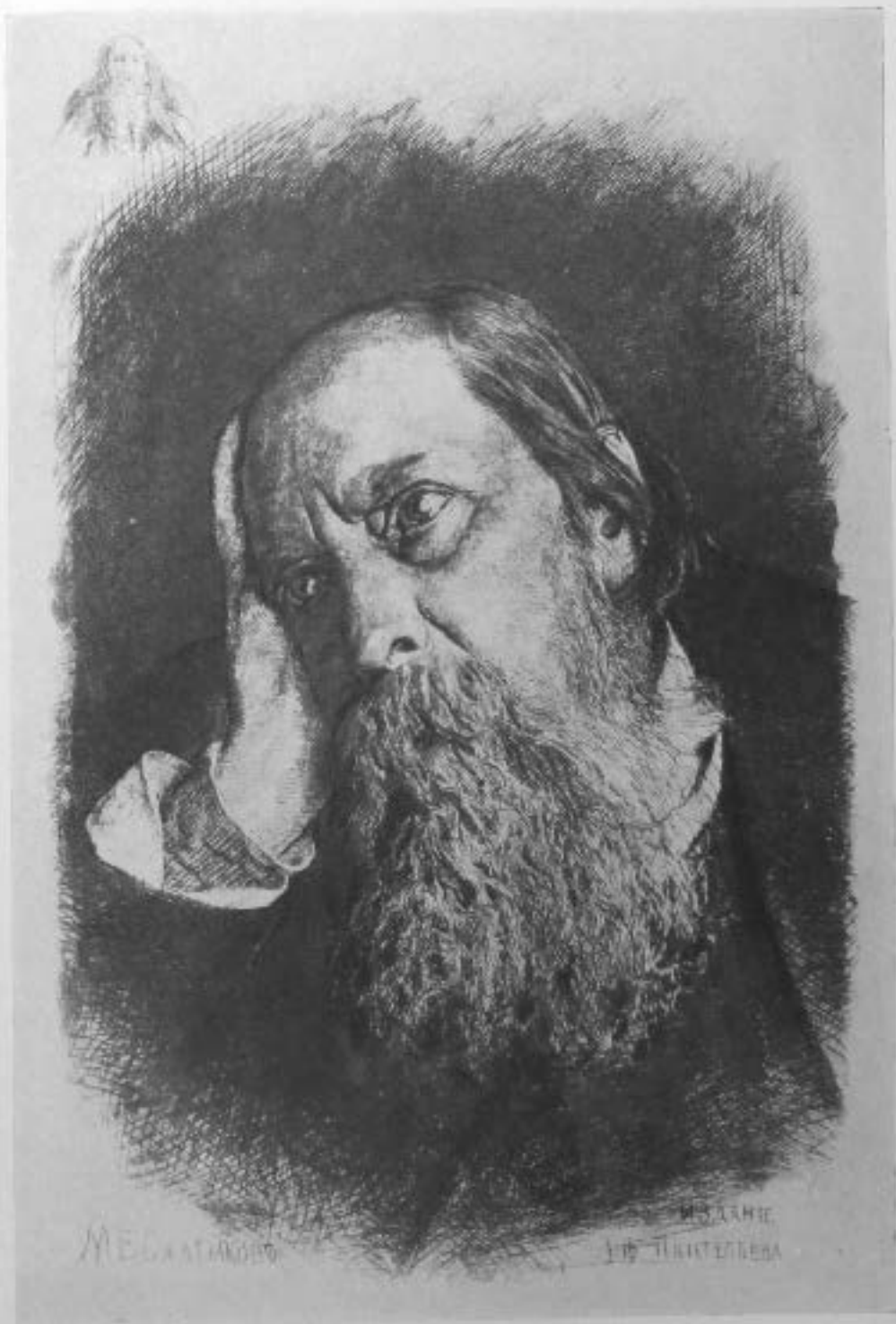
Николай Успенский был первым, кто в новом духе, с позиций, близких к требованиям, предъявляемым к литературе революционно-демократической критикой Чернышевского и Добролюбова, стал писать о крестьянской жизни. Горький назвал его родоначальником и зачинателем чисто «народолюбческой» литературы.¹ Сын бедного священника Тульской губ., Н. Успенский в 1856 г. прибыл в Петербург и стал студентом Медико-хирургической академии. В журнальчике «Сын отечества» он напечатал первые рассказы из «простонародного быта», а в 1858 г. он сделался близким сотрудником «Современника», выступая в нем со своими «Очерками народного быта». Когда Некрасов в 1861 г. выпустил в Петербурге эти очерки отдельным изданием, Чернышевский в известной статье «Не начало ли перемены?» горячо приветствовал молодого автора, который пишет о народе «правду без всяких прикрас». В появлении этой правды Чернышевский видел симптом перемены в обстоятельствах исторической жизни народа, ставящих перед ним, перед народом, задачу энергичной борьбы за изменение своей судьбы.²

Вслед за Н. Успенским выступили другие писатели-разночинцы: Н. В. Успенский был ближайшим предвестником целого литературного течения.

Одним из таких писателей был А. И. Левитов, автор талантливых, задушенных «Степных очерков», затем рассказов, очерков и повестей, объединенных в сборнике «Горе сёл, дорог и городов». Левитов вел скитальческую жизнь, не оседал нигде прочно, но значительная часть его жизненного и литературного пути связана с Петербургом. В середине 50-х годов Левитов недолго состоял студентом петербургской Медико-хирургической академии. Занятия были оборваны ссылкой на север. Левитов начал печататься в 1861 г. В 1864 г. он стал сотрудником «Современника». В конце 60-х и начале 70-х годов Левитов печатался в петербургских демократических журналах «Отечественные записки» и «Дело», а также в либеральном «Вестнике Европы». В иллюстрированном литературно-политическом еженедельнике «Сияние», выходившем в Петербурге в первой половине 70-х годов, Левитов одно время работал и редактором. Одной из основных тем, которым посвятил Левитов свое творчество, являлся быт городских низов,

¹ М. Горький, История русской литературы, стр. 219.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1950, стр. 855—889.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Офис В. В. Мама. 1889 г.

в особенности так называемого дьямшенпролетариата обеих столиц (Москвы — в большей степени, но также и Петербурга).

Умер Левитов в середине 70-х годов в Москве, в бедности и одиночестве. Судьба Левитова в этом отношении не была исключением. Как писал Горький, «отцветали, не успев расцвести», «Помяловские, Куцевские, Левитовы, Вороновы и много других этого рода»; история литераторов-разночинцев была, по справедливым словам Горького, мартирологом, перечнем мучеников.¹

Горький особенно высоко ценил из писателей-разночинцев Н. Г. Помяловского, допуская, что последний сильнее кого-либо из писателей повлиял на его отношение к жизни. «Он первый, — писал Горький, — решительно встал против старой, дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость „изучать всех участников жизни“ — нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих», он был — «талантливый и суровый реалист».²

Помяловский был коренным петербуржцем. Он родился на одной из столичных окраин, на Малой Охте, в семье дьякона кладбищенской церкви (быт Малой Охты впоследствии описан в рассказе Помяловского «Поречане», опубликованном уже после смерти писателя). В 1843—1851 гг. он учился в Александро-Невском духовном училище, а в 1851—1857 гг. — в духовной семинарии. Ужасающие условия и нравы Александро-Невского духовного училища были изображены Помяловским в наиболее популярном из его произведений — «Очерках бурсы».

Литературная деятельность Помяловского началась в 1858—1859 гг. В 1860 г. он вместе с товарищами-студентами преподавал в воскресной школе на Шлис-

Н. Г. Помяловский. Гравюра. 60-е годы XIX в.

¹ М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 518.

² Там же, стр. 511, 512.

сельбургском тракте; недолго состоял он учителем Смольного института, в который был приглашен К. Д. Ушинским. В 1861 г. в «Современнике» появились выдающиеся повести Помяловского, посвященные проблеме разночинца, — «Мещанское счастье» и «Молотов» (все действие «Молотова» разворачивается в Петербурге).

Сближение с «Современником» имело для Помяловского неоценимое значение. Он был лично связан с Чернышевским, которому однажды писал: «Я Вас уважаю, мало того, я Ваш воспитанник, — я, читая „Современник“, установил свое мирозерцание».¹ «Очерки бурсь» Помяловского печатались в 1862—1863 гг., большей частью также в «Современнике».²

Крупный интерес представляет замысел романа Помяловского «Брат и сестра», который не был закончен автором и дошел лишь в отрывках. Здесь Помяловский хотел дать широкую социальную картину жизни Петербурга — от аристократических верхов до столичного «дна». С подготовкой романа связано пристальное изучение писателем жизни трущоб Сенной площади. Помяловский вынашивал планы организации коллективного изучения и изображения жизни петербургской бедноты, причем предлагал взять на себя «всех петербургских нищих». «...буду изучать, — говорил он, — их быт, привычки, язык, побуждения к ремеслу и все это описывать в точных картинах».³ Яркий писатель-демократ, которого Чернышевский считал человеком гоголевской и лермонтовской силы, дожил едва до 28 лет: он умер 5 октября 1863 г. Один из присутствовавших на похоронах, известный петербургский педагог Виктор Острогорский, вспоминал потом, как в сырой осенний день, увязая в грязи, провожали писателя почти исключительно такие же немощные люди (по большей части молодежь), как и он сам.⁴ «Честный писатель! Ты писал немного, но писал правду, писал с сердечной болью о нашей узкой доле или Молотовых, или Череваниных, с сердечной болью о том, что под гнилыми общественными условиями мрут лучшие человеческие силы... Ты не искал идеалов в пошлости, а ярко представил нашим

¹ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, М.—Л., 1928, стр. 404.

² Начало «Очерков бурсь» появилось, правда, в журнале Достоевских «Время». Но уже в октябре 1862 г., после опубликования прогрозного объявления редакции «Времени», направленного против «Современника», Помяловский отказался от сотрудничества в журнале «Время», мотивируя это именно расхождением с его программой «по идее» (Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., 1923, стр. 94—95).

³ И. Ямпольский. Творчество Помяловского. Литературная учеба, 1938, № 12, стр. 95. Автор этой статьи с полным основанием противопоставляет творческим замыслам Помяловского, исходящим из серьезно и глубоко поставленных демократических идейно-художественных задач, печатавшийся в середине 60-х годов известный полубульварный роман Всеволода Крестовского (в дальнейшем одного из главных деятелей «антиингилистика», реакционной беллетристики) «Петербургские трущобы», хотя и не лишенный познавательного значения, но уводивший читателей от острой и продуманной постановки социальных проблем.

⁴ Русская мысль, 1888, кн. IX, отд. 2, стр. 29.

очам пошлость мещанского счастья», — такими словами провожали Помяловского в могилу друзья и единомышленники.

Ф. М. Решетников был несколькими годами моложе Помяловского. Он пережил беспримерно тяжелое детство и юность на родном Урале, откуда в 1863 г. переехал в Петербург.¹ Напечатав первые рассказы в газете «Северная пчела», Решетников, в начале 1864 г., познакомился с Некрасовым и в весенних книжках «Современника» этого же года опубликовал своих «Подлиповцев» — произведение, которому писатель в первую очередь обязан своей славой. Представляя «Подлиповцев» редактору «Современника», Решетников писал: «Знал хорошо жизнь этих бедняков, потому что я 20 лет провел на берегу реки Камы, по которой весной мимо Перми плывут тысячи барок и идут десятки тысяч бурлаков, я задумал написать бурлацкую жизнь, с целью хоть сколько-нибудь помочь этим бедным труженикам. Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь в этом очерке невозможное для пропуски; по моему, написать все это иначе, значит говорить против совести, написать ложь... Наша литература должна говорить правду».²

Глеб Успенский, цитировавший впоследствии эти строки в написанной им биографии Решетникова, на основании не только творчества писателя, но и лич-

Ф. М. Решетников. Гравюра с фотографии 60-х годов XIX в.

¹ Нелегко жилось Решетникову, уже писателю с именем, и в Петербурге. В дневнике за 1865 г. он описывает одну из своих квартир: «...живем в углу за два рубля в месяц и берем кушанье из кухмистерской, довольно сытное, на двоих за пятнадцать рублей в месяц... Комната находится во втором этаже в деревянном доме, и она вся загромождена... собственно это третья часть другой комнаты, которая перегорожена от нашей занавеской... когда спишь на полу, то ноги оказываются в другом владении». В 1868 г. Решетников записывал: «Если бы я имел средства жить в отдельной комнате, не забирать вперед денег, я писал бы гораздо спокойнее и лучше, чем теперь» (Из литературного наследия Ф. М. Решетникова. Л., 1932, стр. 234—235, 297).

² Г. И. Успенский, Полное собрание сочинений, т. IV, 1949, стр. 487.

ного с последним знакомства вспоминал о его не бросающейся в глаза, но истинной любви к народу, желании ему пользы, добра, о его полном знании народной жизни и умении понимать ее глубоко и правдиво.

Как собственный жизненный опыт, так и влияние передовых русских мыслителей, таких, как Белинский и Добролюбов, способствовали тому, что любовь к народу и стремление бороться за его интересы сделались руководящими началами литературной деятельности Решетникова. Авдотья Панаева, часто встречающаяся с Решетниковым у Некрасова, передает следующий его характерный рассказ: «Я, как приехал в Петербург, тотчас же пошел на его (Белинского, — *Ред.*) могилу, долго просидел там. Он и Добролюбов — это мои нравственные учителя... Без них я так бы и погряз в омуте, в котором родился». ¹

Решетников печатался в «Современнике» («Подлинновцы», неоконченный роман «Горнорабочие», рассказ «Похождения бедного провинциала в столице»), в журналах Благовестова «Русское слово» (роман «Между людьми») и «Дело» (роман «Глумовы»), в «Искре» Курочкина, позднее — во втором некрасовском журнале «Отечественные записки» (романы «Где лучше?», «Свой хлеб»). Вся литературная деятельность Решетникова обнимает период в 8 лет (1863—1871), большая часть которых проведена им в Петербурге.

К важнейшим заслугам Решетникова относится то, что он был одним из первых изобразителей жизни русских рабочих. Преимущественно это были рабочие Урала. Но Решетников писал также о петербургских рабочих и работниках, например в очерке «Женщины Никольского рынка», помещенном в 1866 г. в «Искре», в романе «Где лучше?», опубликованном в 1868 г. Последний примерно наполовину посвящен Петербургу.² Еще в 1866 г. Решетников задумал роман «Петербургские рабочие». Романа этого Решетникову написать не удалось, однако он несколько лет собирал для него материал. В начале 1868 г. он перешел на жительство на Обводный канал. В записях дневника в конце того же года Решетников сообщал: «На набережной Обводного канала мне впервые пришлось познакомиться ближе, чем кому-нибудь, с петербургскими рабочими. Это — народ забытый, не могущий заявить своего протеста, потому что между рабочими нет единства и существует забытость истари».³ Все же в романе «Где лучше?» писатель уже мог отметить первые признаки пробуждения солидарности между рабочим людом столицы.⁴

¹ Авдотья Панаева (Е. Я. Головачева). Воспоминания. Л., 1927, стр. 487.

² Сюда вошел (в переработке) и материал названного только что очерка. «Не лучше ли жить в столице?» — задавали себе вопрос герои произведения, отправившиеся «в Питер». «Богатому человеку везде хорошо, а бедному везде плохо» — таково заключение романа.

³ Из литературного наследия Ф. М. Решетникова, стр. 281.

⁴ Петербургской теме посвящены и такие произведения Решетникова, как «Между людьми» (Записки канцеляриста), «Яшка» (Очерк петербургской жизни), «Филармонический концерт» и т. д.

Титульный лист сатирического журнала «Искра». 1860 г.

Василий Слепцов, еще один из талантливых деятелей демократической литературы в Петербурге, принадлежал по рождению к дворянству, но по настроениям и убеждениям по праву занимает видное место среди писателей демократического, разночинского лагеря. В Петербурге он появился в 1863 г. и приобрел известность как активный поборник жевской эмансипации. О нем уже говорилось ранее, в связи с упоминанием о той «коммуне», которая вошла в историю под именем «слепцовской» (или — по месту нахождения — «знаменской»). Как литератор В. А. Слепцов дебютировал рядом очерков в московской «Русской речи» в 1861 г. (в том числе известным ныне циклом «Владимирка и Клязьма», с богатым и ярким материалом о жизни строителей Московско-Нижегородской ж. д. и о некоторых фабриках Центральной промышленной области). В 1862—1863 гг. в «Современнике» печатались его «Письма об Осташкове» и другие произведения. В 1865 г. в том же «Современнике» появилось наиболее крупное произведение В. Слепцова — повесть «Трудное время», где писатель выступил острым обличителем дворянско-помещичьего либерализма и одновременно представил (в лице Рязанова) привлекательный образ одного из новых людей, отрицающих устои современной действительности и искренно стремящихся к коренному переустройству жизни, к созданию «новой жизни». Отдельные произведения Слепцова связаны с петербургской темой. Таковы его бытовые зарисовки «Уличные сцены» («Под вербами» и др.). В «Записках метафизика» (1868) Слепцов останавливался на страш-

ных условиях жизни одного из отрядов петербургского пролетариата — рабочих-булочников.

В течение 60-х и начале 70-х годов Слепцов был связан с Чернышевским, Некрасовым и Салтыковым, с Писаревым, Ткачевым и другими деятелями демократической литературы и общественности, являясь и сам одной из наиболее популярных фигур петербургского литературного мира.

Важную отрасль демократической литературы 60-х годов составляла боевая общественная сатира. Нет необходимости возвращаться к характеристике великой роли в литературе и общественной жизни гениального сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Для периода 60-х годов характерно широкое развитие сатирической журналистики, в центре которой, конечно, должен быть поставлен знаменитый сатирический еженедельник «Искра». Основанная в Петербурге в 1859 г., «Искра» просуществовала до 1873 г., причем наибольший ее успех относится ко времени общественного подъема 60-х годов. Обличительница всего темного, отсталого, косного в тогдашней России, «Искра» была близка по своим идейным позициям к «Современнику», некоторые из основных деятелей которого (Добролюбов, Некрасов, Щедрин, а особенно — Елисеев) принимали в ней и непосредственное участие. «Искра» имела большое, по тем временам, распространение — ее тираж достиг к 1861 г. девяти тысяч экземпляров. Впоследствии Петр Вейнберг — один из ее главных сотрудников — рассказывал: «В настоящее время нельзя себе представить, как жадно набрасывалась публика на каждый номер «Искры», какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах, как боялись ее все, имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков, с какою юношескою горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами».¹

Возникшая на петербургской почве, «Искра», конечно, имела общероссийское значение и влияние. Ее популярнейший отдел «Нам пишут» (его вел писатель-журналист М. М. Стопановский) черпал свой богатый и красноречивый обличительный материал (часто получаемый прямо из рук читателей) из неприглядной действительности всей необъятной русской провинции. Не ограничено было ни в какой мере рамками Петербурга и значение тех общих, принципиальных вопросов внутренней политической, общественной и культурной жизни, которые ставились на страницах «Искры». Вместе с тем «Искра» особую роль играла в жизни петербургской общественности, с передовыми элементами которой она была очень тесно связана. Да и петербургская тематика играла в ее содержаниях весьма большую роль. Отдельные работники «Искры» уделяли этой тематике чуть ли не преобладающее внимание. Таков был поэт-юморист Г. Н. Жулев («Скорбный поэт») с его стихами-песнями, посвященными уличной жизни столицы, быту и переживаниям низовой петербургской интеллигенции и т. д.

¹ Исторический вестник, 1900, № 5, стр. 476.

Душой «Искры» был талантливый поэт-демократ Василий Курочкин, широко известный и своими оригинальными стихотворениями, и своими переводами прогрессивных поэтов Запада, в первую очередь — Беранже. Уроженец столицы, вся жизнь которого прошла в родном городе, В. С. Курочкин принадлежал к самым ярким и популярным, к самым определенным по своему общественному месту, по своей общественной роли фигурам литературного мира Петербурга. «Искре» Курочкин отдавал почти без остатка свое блестящее литературное дарование, свою кипучую энергию. После смерти Курочкина¹ журнал Некрасова и Щедрина «Отечественные записки» писал о нем: «Он был положительно душой газеты, настоящим деятельным ее организатором, собирающим и распределяющим подходящие силы... Он топил свой талант в деле газеты: здесь давал мысль, предоставляя выработку формы другим, там брал на себя только форму... Он и создавал, и вербовал солдат, и сам исполнял невидную солдатскую работу».²

В. С. Курочкин. Литография. 60-е годы XIX в.

Из прозаиков в «Искре» в разное время принимали участие Николай и Глеб Успенские, Решетников, Левитов, Павел Якушкин, Н. И. Наумов, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский и др. К группе поэтов «Искры» принадлежали брат Василия Курочкина Николай Курочкин, Д. Д. Минаев, П. И. Вейнберг, В. И. Богданов, Л. И. Пальмин,³ Н. Л. Ломан, уже названный Г. И. Жулев и др.

Значение сатиры «Искры» вышло за пределы ее эпохи. Н. К. Крупская по поводу первого советского издания стихов поэтов «Искры» сообщала, что и Ленин и она сама знали множество произведений искровских поэтов. «Поэты „Искры“»,

¹ В. С. Курочкин последнюю квартиру имел на Фурштатской улице (ныне улица Петра Лаврова), где он и умер 15 августа 1875 г.

² Статья Н. К. Михайловского (Сочинения, т. III, СПб., 1897, стр. 596—597).

³ Пальмину, между прочим, принадлежит «Реквием» («Не плачьте над трунами павших борцов»), напечатанный в «Искре» за 1865 г. и ставший популярной революционной песней.

их сатира, — указывает Крупская, — имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях.¹

Среди богатого сатирического материала «Искры» заметное и своеобразное место занимала литературная пародия как средство борьбы с чуждыми демократии литературными течениями. Следуя за Чернышевским и Добролюбовым, непреклонными поборниками идейной, проникнутой интересами народа литературы, искровцы брали под обстрел поэтов так называемого «чистого искусства», равнодушных к борьбе передового общества, к страданиям народа, подчас прикрывавших лозунгами «искусства для искусства» прямую враждебность к прогрессивным общественным стремлениям и начинаниям.

Великий поэт революционной демократии Некрасов возглавлял всю школу идейной, демократической поэзии. В «Современнике», «Искре», «Русском слове» подвизалось немало ее последователей.

В числе виднейших представителей прогрессивной гражданской поэзии нельзя не назвать поэта-революционера М. И. Михайлова. Ранние его литературные шаги относятся ко второй половине 40-х годов, когда Михайлов учился в Петербургском университете; он был университетским товарищем Чернышевского. Михайлов снова появился в Петербурге в 1852 г. и в дальнейшем приобрел значительное имя как поэт, беллетрист и публицист, как выдающийся переводчик, блестящий знаток иностранных литератур. Последовательным сторонником революционно-демократического направления Михайлов стал не сразу, но в канун крестьянской реформы и особенно в период ее проведения в жизнь он выступает как яркий и смелый выразитель демократических и революционных настроений. В это время Михайлов принимает ближайшее участие в редакционных делах «Современника». Вступив на путь активной практической революционной деятельности, Михайлов осенью 1861 г. был арестован и затем осужден на каторгу, где через несколько лет умер.²

К представителям прогрессивной гражданской лирики принадлежал А. Н. Плещеев, начавший свою литературную деятельность тоже в 40-х годах, в бытность студентом Петербургского университета. Плещеев принимал участие в кружках петрашевцев, за что был сослан рядовым в Оренбургский линейный батальон. Во второй половине 50-х годов, после амнистии, Плещеев, недолго прожив в Петербурге, сблизился с Чернышевским и всем кругом «Современника». Вскоре он поселился в Москве, откуда присылал свои произведения в «Современник» и вел переписку с Добролюбовым и Чернышевским. Впоследствии, под впечатлением известия о смерти Чернышевского, Плещеев вспоминал: «Никогда я не работал так много и с такой любовью, как в эту пору, когда все

¹ И. Ямпольский. Поэты «Искры». Литературная учеба, 1938, № 2, стр. 67.

² См. стр. 238—244 настоящего тома.

моя литературная деятельность отдава была почти исключительно тому журналу, которым руководил Н. Г. и идеалы которого были и навсегда остались моими идеалами».¹ В 1861 г., в связи с выходом нового издания стихотворений Плещеева, «Современник» назвал его поэтом с благородным и чистым направлением, одним из тех, кто всегда будет полезен для общественного воспитания.²

В 1872 г. Плещеев снова переселился в Петербург; он сотрудничал в журнале Некрасова и Салтыкова «Отечественные записки» и в течение ряда лет состоял в нем секретарем редакции. Как общественный и литературный деятель Плещеев пользовался большими симпатиями в Петербурге. «Нужно видеть то постоянное горячее сочувствие, с каким публика всех возрастов встречает на литературных чтениях, как лектора, типичную и маститую фигуру А. Н.», — отмечалось в одном из изданий, вышедших в Петербурге в 80-х годах.³ В то время Плещеев жил на Спасской улице, д. 1 (дом выходил на площадь Спасо-Преображенского собора). Здесь, в квартире Плещеева, собирався в 80-х годах кружок молодых петербургских писателей; много бывало и артистов. В юной компании начинающих поэтов часто можно было встретить Стрелетову, Свободина, Давыдова, как сообщает в своих воспоминаниях писатель В. Ладыженский. Посещал на Спасской Плещеева и А. П. Чехов.⁴

Г. И. Успенский. Фотография 1883 г. с дарственной надписью В. М. Гаршину.

¹ Письмо А. Н. Плещеева к А. Н. Пыпину. Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926, стр. 155.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 960. Принадлежность перу Чернышевского известной рецензии «Современника» на «Стихотворения А. Н. Плещеева» ныне поставлена под сомнение.

³ В. М и х н е в и ч. Наши знакомые. СПб., 1884, стр. 172.

⁴ В. Л а д ы ж е н с к и й. Из воспоминаний об А. П. Чехове. Сб. «О Чехове. Воспоминания и статьи», М., 1910, стр. 132—133.

В 60-х годах началась литературная деятельность выдающегося русского писателя-демократа Глеба Успенского. Он был почти ровесник Решетникова, и моложе лет на семь-восемь Помяловского, Слепцова, Левитова. В печати он появился почти в одно время с ними, но все-таки причисляется обычно не к шестидесятиникам, а к семидесятиникам, так как расцвет его творчества относится к периоду «Отечественных записок» Некрасова и Щедрина. По происхождению, как и значительная часть литературных деятелей Петербурга, Успенский был провинциалом: он родился в Туле, а среднее образование получил в Чернигове. Но по основному месту своей литературной деятельности, по своим важнейшим литературным отношениям и связям Г. И. Успенский является петербургским литератором.

В Петербурге Глеб Успенский впервые появился летом 1861 г. Он поступил тогда в Петербургский университет, но в связи со студенческими волнениями и закрытием университета был уволен.

Серьезным началом своей литературной деятельности сам Успенский считал опубликование в 1863 г. рассказа «Старьевщик» в петербургской «Библиотеке для чтения».

В течение 1864—1865 гг. Глеб Успенский печатался главным образом в «Русском слове» Благосветлова, частью же в «Искре» Курочкина и некоторых других изданиях. В конце 1865 г. Успенский впервые появился на страницах некрасовского «Современника», а в 1866 г. в «Современнике» появилось одно из самых выдающихся его произведений — «Права Растеряевой улицы».

С 1868 и до 1884 г., до закрытия правительством «Отечественных записок», Г. И. Успенский был одним из главных сотрудников этого демократического органа.¹ Об отношении к нему руководителей «Отечественных записок» можно судить по словам, однажды (в 1881 г.) сказанным Салтыковым-Щедриным: «По моему, это самый для нас необходимый писатель».² В свою очередь Успенский высоко ценил совместную работу с Некрасовым и Щедриным, которые оказали на него (Щедрин в особенности) глубокое влияние. Близок был Успенский и с одним из соредкторов «Отечественных записок» — Михайловским. Из большого числа произведений Успенского, опубликованных в «Отечественных записках», надо особенно отметить «Разоренье» (1869), «Из деревенского дневника» (1877—1880), «Иван Ермолаевич» («Крестьянин и крестьянский труд», 1880), «Власть земли» (1882).

В первый период своей деятельности Глеб Успенский писал о разночинцах, о мелком, бедном городском люде; со второй половины 70-х годов он сосредоточил

¹ Из петербургских адресов Успенского в период «Отечественных записок»: в начале 70-х годов — Невский, д. 14, кв. 16; на рубеже 70-х и 80-х годов — Большой Царскосельский (ныне Московский проспект), д. 105/4, кв. 45.

² Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в), Полное собрание сочинений, т. XIX, 1939, стр. 227.

свое внимание на деревню, на положении и быте крестьянской массы, выступая как выразитель ее чаяний, как страстный борец за ее дело. Однако Успенский и теперь сохранял интерес к городской тематике. Темы из жизни Петербурга занимают в творчестве Успенского в целом сравнительно небольшое место. При всем том из его очерков и рассказов, связанных так или иначе с петербургской темой, можно было бы составить порядочный по размерам томик, богатый меткими наблюдениями, остроумными и тонкими зарисовками с натуры, глубокими, подчас скорбными размышлениями. Внимание Успенского привлекали положение и быт петербургской бедноты, жизнь рабочих окраин, мелкое столичное чиновничество и мещанство, обитатели «меблированных» комнат, разнообразные уличные сцены. Из произведений Успенского, отразивших жизнь и нравы столицы, можно назвать подлинно трагический рассказ «Квитанция» (впервые в «Северном вестнике», 1888), «С конки на конку» (1880), ранние «Петербургские очерки» (три очерка в «Будильнике» за 1865 г.) и «Эпизоды из петербургских сезонов» (в иллюстрированном еженедельнике «Новый русский базар» за 1867 г.) и др.

Глеб Успенский был связан с революционным движением 70—80-х годов, был дружен с деятелями последнего и помогал им, его сочинения неизменно встречались с самым живым и жгучим интересом революционной интеллигенцией народнического поколения. Но он занимал своеобразное положение среди семидесятников. В. И. Ленин сочувственно цитировал характеристику Успенского, данную одним из первых русских марксистов:¹ «Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию (народничества 70-х годов, — *Ред.*). Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще».²

С целью глубокого изучения народной жизни Успенский часто и подолгу жил в деревне, но постоянно притом наезжал в Петербург. Он поддерживал самую тесную связь с Петербургом и тогда, когда приобрел для себя и семьи небольшую усадьбу при деревне Сябринцы в Чудове Новгородской губ. Обычно, в первой половине и в середине 80-х годов, приезжая в столицу, Успенский останавливался в меблированном доме «Пале-Рояль», на Пушкинской улице, д. 20 (угол Кузнечного переулка). Здесь происходили его встречи с товарищами-литераторами, постоянно навещавшими его и в Сябринцах.³

¹ Далее — выдержка (в переводе Ленина) из вышедшей сначала на английском языке книга И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни».

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 238.

³ В конце 80-х и начале 90-х годов Глеб Успенский жил в Петербурге на Васильевском Острове.

Писатель, замечательный своим громадным и художественным и публицистическим талантом, наблюдательностью и чуткостью, беспредельной преданностью народным интересам, искреннейший искатель правды, Глеб Успенский пользовался большой любовью не только в близком литературном кругу, но и среди широкой читательской массы как Петербурга, так и всей России.

О возрастающем интересе читателей к Успенскому свидетельствовали и многие отдельные издания его произведений, и два приближенных собрания сочинений. Особенно большой успех выпал на долю второго издания «Сочинений» Глеба Успенского, вышедшего, как и первое, известным петербургским прогрессивным издателем Ф. Ф. Павленковым в конце 80-х годов.

Показателем любви к Успенскому со стороны широкого демократического читателя явился 25-летний его литературный юбилей в 1887 г. Успенский тогда получил более двух тысяч поздравлений. Среди них был коллективный адрес от учащейся молодежи и представителей литературы и общественности Петербурга. «Помните, — писали Успенскому петербуржцы, — что Ваше слово находит отклик в сердцах многих тысяч людей; знайте, что в лице Вас эти многие тысячи любят именно те самые добро и правду, которые Вы с таким настойчивым постоянством проповедуете целые 25 лет».¹

Из всех полученных приветствий на Успенского, как известно, наибольшее впечатление произвел адрес от небольшой группы рабочих из Тифлиса — наглядное свидетельство того, что произведения Успенского находили дорогу к народному читателю, к рабочему читателю, и встречали у него понимание и признание.² Писательница М. К. Цебрикова, посетившая Успенского в Петербурге вскоре после юбилея, познакомилась с адресом рабочих из рук самого Успенского. «Люди, — пишет она, — чья жизнь исковеркана „прижимкой“, чувствовали писателя, чья душа изболела за жертвы „прижимки“... Когда я отдала обратно Успенскому адрес, у меня вырвалось: „Завидно! Для этого стоит жить“!. Успенский ответил радостно: „Да. Но что это? Главное — понимают“».³

Последние годы Успенский был тяжело болен. В 1900 г. его перевезли из Колмовской (Новгородской губ.) больницы в Петербургскую городскую Ново-Знаменскую больницу, на 16—17-й версте по Петергофскому шоссе, между стан-

¹ В. Чешин и Ветринский. Глеб Иванович Успенский. М., 1929, стр. 304.

² «Когда мы, рабочие, — говорилось, между прочим, в адресе, — читали Ваши рассказы, то своим сердцем догадывались, что Вы любите нас; любите говорить простую правду, и за это мы полюбили Вас и Ваши книги; полюбили и другие книги других людей, которые так же, как и Вы, говорят правду. И из этих хороших книг мы сумели сами для себя извлечь пользу; мы научились думать о своей жизни и о своих товарищах, и о жизни разных людей; мы научились отличать добро от зла, правду от лжи» (Глеб Успенский. Материалы и исследования. I. М.—Л., 1938, стр. 367).

³ Глеб Успенский в жизни. М.—Л., 1935, стр. 455—456.

диями Сергиево и Лигово. Здесь, в павильоне № 4, он умер 24 марта 1902 г.¹ 27 марта тысячная толпа петербуржцев хоронила его на Волковом кладбище.

Ряд других писателей-народников 70-х и 80-х годов далеко уступал Успенскому в реализме, в яркости и трезвости изображения народной жизни. Для многих произведений народников-беллетристов, из которых большинство так или иначе было связано с Петербургом (Н. Златовратский, П. Засодимский и др.), характерна была прямая идеализация «общинного» крестьянства, так называемых «устоев» деревенской жизни (община, «мир», артель), непонимание или, в лучшем случае, недооценка происходившего в деревне процесса разложения крестьянства, роста буржуазных отношений. Впрочем в некоторых повестях, рассказах, очерках и такого, например, автора, как Н. П. Златовратский, встречались и подлинно реалистические, художественно выполненные зарисовки крестьянских нравов и быта, безусловно не утратившие историко-познавательного значения до наших дней.

* * *

К середине и второй половине XIX в. относится творчество замечательных русских писателей, выдающихся представителей критического реализма Тургенева и Гончарова, гениального русского драматурга Островского. В это время развернулась и деятельность «великого писателя земли русской» Льва Толстого. Этому же периоду принадлежат выдающиеся мастера художественной прозы Достоевский, Писемский, Лесков. Все эти имена связаны в большей или меньшей степени с летописью литературной жизни Петербурга.

И. С. Тургенев появился на литературной арене в конце 30-х годов. В 40-х годах, когда Тургенев подолгу жил в Петербурге, он познакомился и сблизился с Белинским, которому чрезвычайно много обязан в своем развитии как художник-реалист. С первой книги некрасовского «Современника» (1847) Тургенев принимал в нем участие. В «Современнике» в том же году Тургенев начал печатание «Записок охотника». Здесь же позднее были опубликованы многие другие произведения Тургенева, в том числе романы «Рудин» (1856) и «Дворянское гнездо» (1859). Об отходе Тургенева от «Современника» уже упоминалось выше.

Руководители демократического органа видели слабые стороны мирозерцания Тургенева, который никогда не мог преодолеть либеральных иллюзий, тем не менее они высоко ставили его могучее дарование и его литературно-общественные заслуги.

Соединение высокохудожественной формы с богатством гражданского содержания, с чуткостью к запросам современности было, как известно, характерным свойством писателя. Добролюбов подчеркивал, что Тургенев быстро угадывал новые потребности, новые идеи и в своих произведениях обыкновенно обращал,

¹ О. Антекман. Глеб Иванович Успенский. М., 1922, стр. V.

насколько позволяли обстоятельства, внимание «на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество». ¹ Писатель, явившийся одним из зачинателей темы о народе, давший в «Записках охотника» галерею ярких крестьянских типов, одновременно придавал важное значение изображению «физиономии русских людей культурного слоя» (в ее развитии и изменениях). Тургенев запечатлел характерные черты дворянской интеллигенции в первых своих романах с их центральными образами «лишних людей» (Рудин, Лаврецкий), а потом обратился и к образам разночинцев. Роман «Накануне» (1860) отразил до известной степени атмосферу нарастающей революционной ситуации; в «Отцах и детях» (1862) Тургенев показал столкновение между разночинским и дворянским поколениями. За героем «Отцов и детей», как отмечал впоследствии Н. В. Шелгунов, «стоял разночинец..., а за разночинцем виднелась вдали деревня». ²

«Отцы и дети», опубликованные, как и «Накануне», в Москве (в «Русском вестнике»), вызвали известную литературную полемику, протекавшую преимущественно на страницах петербургских журналов. Часть демократической прессы и общественного мнения увидела сначала в Базарове карикатуру на молодое революционное поколение, однако будущее показало, что роман «Отцы и дети» (как и значительная доля тургеневского творчества вообще) воздействует в действительности на читателей (прежде всего на молодежного читателя) революционизирующим образом. Бесспорно, много истины заключено в утверждении прокламации, выпущенной революционерами (народовольцами) в 1883 г. на смерть писателя, что Тургенев служил революции «сердечным смыслом» своих произведений. ³ Таково, по существу, было и действие последнего тургеневского романа «Новь», появившегося в 1877 г. (в Петербурге, в «Вестнике Европы») и посвященного революционному движению периода «хождения в народ».

Силу впечатления, производимого романами, повестями, рассказами Тургенева, наряду с богатством и современностью их идейно-общественного содержания, определяли стройность композиции, мастерская лепка характеров, поэтичайшие изображения природы, определял и замечательный тургеневский язык, столь высоко ценимый Лениным, который писал: «...язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч». ⁴

Тургенев не был коренным петербуржцем, но многое связывало его (начиная с 30-х годов, когда он учился в Петербургском университете) с северной столицей. В Петербурге написана часть произведений Тургенева. Еще больше его сочинений впервые опубликовано в Петербурге. На петербургской сцене был осуществлен ряд первых постановок тургеневских пьес. В Петербурге писатель имел немало

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 208.

² Н. Шелгунов, Внутреннее обозрение. Дело, 1881, № 4, стр. 103.

³ И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.—Л., 1930, стр. 8. Автором прокламации был поэт-революционер П. Ф. Якубович.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 55.

близких друзей. Тургенев часто пазжал в Петербург. Он неоднократно читал здесь свои вещи в тесном литературном кругу и перед большой публикой. В Петербурге — в ранний период (1852) — Тургенев испытал и заключение под стражей, вызванное напечатанным им в «Московских ведомостях» некрологом Гоголя (косвенно также и озлоблением Николая I против «Записок охотника»); отсюда он тогда был сослан в свое имение Спасское-Лутовиново.

В самом тургеневском творчестве жизнь Петербурга, характерные ее особенности нашли отражение в сравнительно малой степени, хотя Петербург и является местом действия в некоторых — немногих — произведениях писателя (помимо воспоминаний, одна глава «Пунива и Бабурина», «Стук... стук... стук», часть «Якова Пасынкова», пьеса «Везденежье», начало и конец романа «Новь»). Однако общее движение идей и общественных настроений, отразившееся в творчестве Тургенева, имеет самое близкое и прямое отношение к процессам, происходившим в столице.¹

И в биографии самого Тургенева и в литературно-общественной истории Петербурга (70-х—начала 80-х годов) особо выдаются тургеневские приезды в 1879 и 1880 гг. (особенно первый из них).

Это было в период серьезного общественного возбуждения, связанного со второй революционной ситуацией в России.

Пребывание Тургенева в Петербурге в марте 1879 г. вызвало общественные выступления антиправительственного характера. Тургенев жил тогда в Европейской гостинице. По воспоминаниям современников, сюда к нему шли непрерывной чередой журналисты и писатели, студенты и курсистки, делегации от кружков; приносили адреса, лавровые венки. Тургенев выступал на чтениях в пользу Литературного фонда. На одном из чтений, где вместе с ним участвовали Щедрин, Достоевский, Плещеев, Полонский, А. Потехин, он читал свой известный рассказ «Бурмистр» (тот самый, который дал материал В. И. Ленину для ярких обобщений в работе «Памяти графа Гейдена»).² «Нет числа овациям, вынавшим на его долю, начиная от старого и до малого», — писал в те дни о приеме Тургенева в Петербурге один из жителей столицы.³ Восторженный прием оказан был Тургеневу молодежью на вечере Женских педагогических курсов. Участие Тур-

¹ Заслуживает внимания сохранившийся тургеневский автограф (от середины 40-х годов), где намечался перечень сюжетов из петербургской действительности, предполагавшихся к осуществлению или силами самого Тургенева, или, возможно, группы авторов. Сюда входили: Галерная гавань или какая-нибудь другая отдаленная часть города, «Сенная со всеми подробностями», один из больших домов на Гороховой, физиономия Петербурга ночью (извозчики и т. д.), Толкучий рынок с продажей книг и т. д., какая-нибудь большая фабрика со множеством рабочих, Невский проспект и пр. (В. Шкловский. Заметки о прозе русских классиков. М., 1953, стр. 173).

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 40—41.

³ Литературно-библиологический сборник. Пгр., 1918, стр. 29.

генева в пещере студентов Петербургского университета и Горного института оказалось невозможным ввиду последовавшего фактического запрещения Тургеневу являться среди молодежи и принимать ее оvationи. На обеде в честь Тургенева, данном петербургскими литераторами, он выступил с речью, в которой выражал радость по поводу «сближения» молодежи с людьми «сороковых годов» и указал на общее всем стремление к идеалу «определенному, осуществимому» — т. е. к конституции;¹ это вызвало столкновение между Тургеневым и Достоевским, сторонником неограниченного самодержавия. Присутствовавшая на обеде публика отнеслась к поведению Достоевского крайне сурово, «усматривая в нем чуть ли не донос», как сообщает в воспоминаниях о Тургеневе критик С. Венгеров.²

Следует заметить, что крайнее левое крыло петербургского литературного мира все же отнеслось довольно сдержанно к Тургеневу во время демонстративных его чествований весной 1879 г., памятуя о разрыве между ним и демократической журналистикой в 60-х годах. Во время длительного пребывания в Петербурге в 1880 г. Тургенев сам вступил в общение с радикальными литераторами в лице кружка артельного народнического журнала «Русское богатство» (его участники в большинстве были связаны и с «Отечественными записками»). 6 марта 1880 г.³ состоялось собеседование И. С. Тургенева на квартире Глеба Успенского с рядом писателей демократического лагеря (Успенский, Златовратский, Наумов и др.). Было и другое свидание — в доме предпринимателя-мецената К. М. Сибирякова. Переписка Тургенева с Успенским свидетельствует о сочувствии Тургенева артельному начинанию группы петербургских литераторов (в значительной части — представителей литературной молодежи).⁴

Правительство боялось Тургенева, несмотря на то, что он открыто говорил о себе как о «постепеновце». Когда в апреле—мае 1881 г. Тургенев опять появился в Петербурге, Победоносцев через поэта Полонского добивался быстрейшего его отъезда; «не оставаться долго ни здесь, ни в Москве, а ехать скорее в деревню», — таково было требование временщика.⁵

В период победоносцевско-толстовской реакции правительство боялось не только живого Тургенева — его боялись и после смерти. При погребении Тургенева в Петербурге, в сентябре 1883 г. (Тургенев умер во Франции 22 августа 1883 г., тело его было перевезено в Петербург), были приняты все меры к ограничению размаха общественной демонстрации. Вопреки всем усилиям властей похороны (27 сентября) носили грандиозный характер: в них участвовали десятки и десятки тысяч людей. В университете, ряде других высших и даже средних

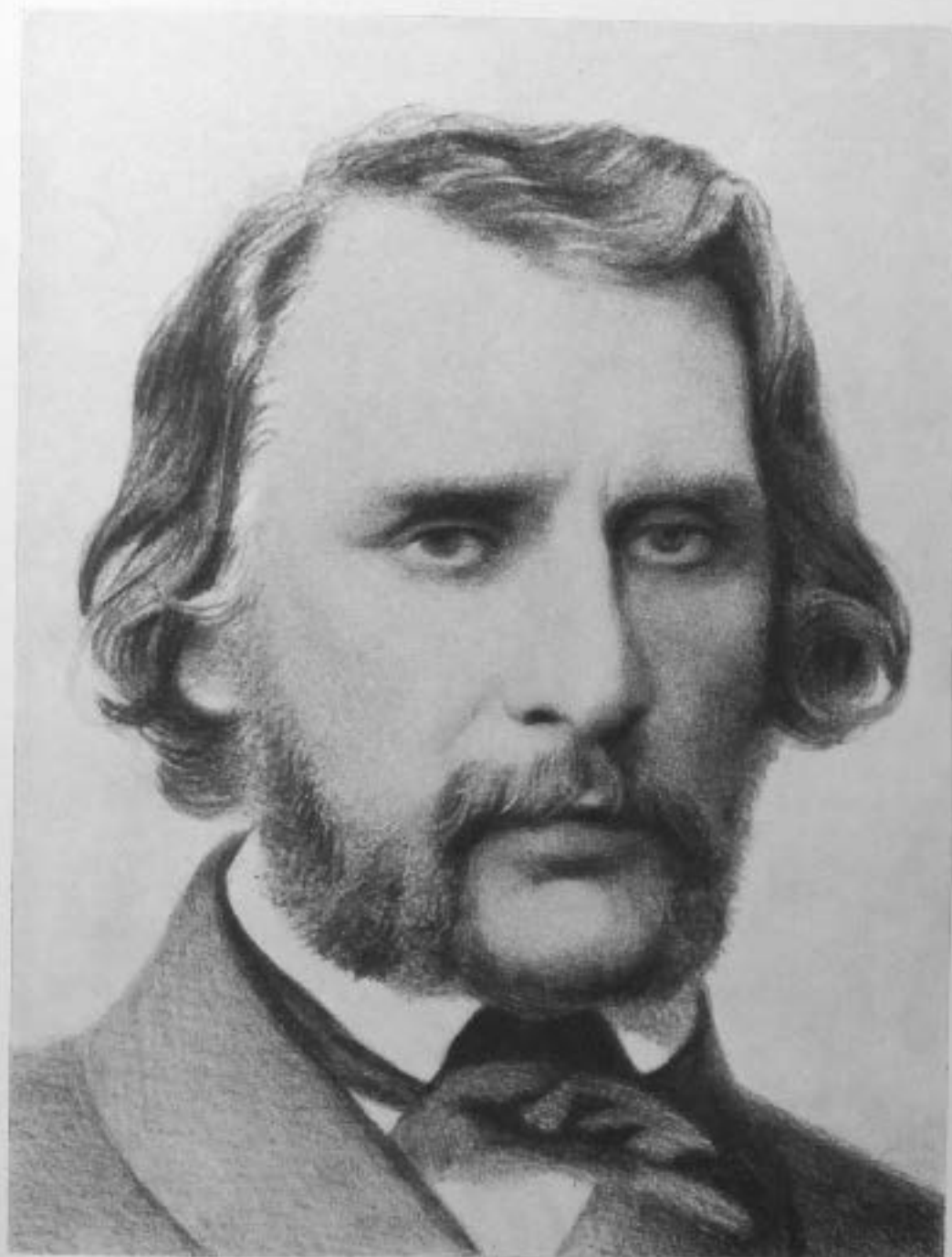
¹ И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, 1933, стр. 225.

² Вирюч петроградских государственных театров, 1918, № 2, стр. 44.

³ Глеб Успенский. Материалы и исследования, стр. 257.

⁴ Литературный архив, 3, М.—Л., 1951, стр. 226—227.

⁵ Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пгр., 1922, стр. 286—287.

И. С. Тургенев. Литография В. Тимма, 1857 г.

школы были прекращены занятия. На похороны Тургенева явились многие рабочие, связанные с революционным подпольем.¹

Городская дума, считаясь с общественным мнением, решила хоронить Тургенева за счет города Петербурга, но власти опротестовали это решение; постыдное дело, затеянное по этому поводу правительством против городского самоуправления, переходя из инстанции в инстанцию, тянулось целых 12 лет.²

Могила Тургенева находится на Волковом кладбище.

Тот год, с которым связано появление первых рассказов из «Записок охотника», принес русской литературе первый из романов И. А. Гончарова — «Обыкновенную историю». Некрасов и Белинский напечатали его в «Современнике» за 1847 г. Белинский, оказавший очень серьезное влияние на развитие эстетических воззрений и выдающегося реалистического таланта Гончарова, в своем «Взгляде на русскую литературу 1847 года» дал классический разбор романа Гончарова, который он еще раньше расценил — в своей переписке — как «страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму».³ Белинский отмечал «успех неслыханный» «Обыкновенной истории», которая «произвела в Питере фурор».⁴ Тема

*И. А. Гончаров. Портрет работы
И. Н. Крамского. 1865 г.*

¹ И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет, ч. I, Л., 1924, стр. 110.

² Л. С. Утевский. Смерть Тургенева. Пгр., 1923, стр. 71—73, 84.

³ Белинский. Письма, т. III, СПб., 1914, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 198.

распада отживающего старого патриархального дворянского уклада, намеченная уже в «Обыкновенной истории», была блестяще развернута Гончаровым в лучшем его произведении — романе «Обломов», появившемся накануне отмены крепостного права (в 1859 г.) и прозвучавшем как смертный приговор феодально-крепостнической России. В статье «Что такое обломовщина?» Добролюбов тогда же дал глубокий, четко революционный по смыслу, комментарий к гончаровскому роману, призывая к смертельной борьбе с основами того строя, который породил обломовщину — это воплощение социального паразитизма, застоя, косности.

Гончаров, признававший, что Добролюбов исчерпывающе («очень полно и широко») разобрал обломовщину,¹ однако сам был далек от какой-либо революционности. Напротив, он был человеком умеренно-либеральных взглядов, а под влиянием роста революционного движения в 60-х годах он еще подался вправо. Реакционные ноты, внесенные Гончаровым в его третий (и последний) роман — «Обрыв» (1859), надолго поссорили его с демократической общественностью и печатью. Тем не менее и в «Обрыве» нашли выражение присущие Гончарову, ценнейшие достоинства — богатство и сочность бытовых сцен и картин, яркая, живая обрисовка и типичность большинства характеров, в частности женских, превосходнейший язык. «Обрыв» как бы завершал ту панораму крепостной Руси, которую представил Гончаров в своих трех романах, рассматриваемых самим автором в неразрывном единстве.

Литературная биография Гончарова тесно связана с Петербургом. Переехав в Петербург в 1835 г., по окончании курса в Московском университете, Гончаров навсегда здесь обосновался. Он был своим человеком в салоне Майковых, где господствовали литературные и художественные интересы. Во второй половине 40-х годов Гончаров довольно близко подходил к кругу Белинского, в середине 50-х он состоял в тесном общении с группой литераторов (Толстой, Тургенев, Авленков, Григорович и др.), в то время связанных с «Современником». Позднее Гончаров стоит в общем в стороне от литературной общественности, ведя уединенную и замкнутую жизнь. Впрочем, он делал исключение для еженедельных собраний у редактора-издателя либерального «Вестника Европы» М. Стасюлевича (70—80-е годы), которые довольно регулярно посещал. Со второй половины 50-х годов и до своей смерти (в 1891 г.) Гончаров жил в одной и той же квартире на Моховой улице, д. 3, по поводу которой А. Ф. Кони вспоминал: «Старый холостяк — он обитает 30 лет в маленькой квартире нижнего этажа, окнами на двор, наполненной вещественными воспоминаниями о „Фрегате Паллада“... В ней бывают редкие посетители».²

¹ Литературный архив, 3, М.—Л., 1951, стр. 158. Гончаров писал еще о добролюбовском разборе: «... мне кажется, об обломовщине... уже сказать после этого ничего нельзя» (Собрание сочинений, т. 8, М., 1955, стр. 323).

² А. Ф. Кони. Петербург. Воспоминания старожилы. Изд., 1922, стр. 34.

Долголетнее наблюдение жизни Петербурга Гончаровым оставило богатый след в ряде его произведений, где читатель находит как описания внешнего облика столицы,¹ так и мастерские характеристики представителей различных слоев ее населения (и «высшего света», и среднего, частью мелкого чиновничьего круга, и разных типов прислуги, и т. д.). В Петербурге почти целиком происходит действие романов «Обыкновенная история», «Обломов», первой части романа «Обрыв». Различные стороны петербургской жизни отражены в юмористическом очерке нравов из чиновничьего круга — «Иван Саввич Поджабри», в очерках «Литературный вечер», «Слуги», «Май месяц в Петербурге». Для истории умственной жизни Петербурга ценны воспоминания Гончарова о Белинском («Заметки о личности Белинского»).

Вслед за Тургеневым и Гончаровым в летописях литературной жизни Петербурга появляется имя Льва Толстого, чье творчество знаменует собой шаг вперед в художественном развитии не только России, но и всего человечества. Толстой сумел поставить в своих произведениях столько великих вопросов, что его творения заняли, по известной ленинской оценке, одно из первых мест в мировой художественной литературе.

Ленин показал, что Толстой велик как «выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России».² Толстой, однако, выразил не только силу и мощь, но и слабость, ограниченность массового революционного движения крестьянства. Противоречия, свойственные взглядам и творчеству Толстого, Ленин рассматривал как проявление тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь его эпохи. Толстой был врагом всякого классового господства, его обличение капитализма было полно «самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения». Толстой выступал с обличением правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, он вскрывал всю глубину противоречий «между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс».³

В то же время Толстой не видел правильных путей к уничтожению возмущавшего его общественного и государственного порядка. Он проповедовал ошибочное учение о «непротивлении злу насилием», искал спасения в «опрощении», в нравственном самосовершенствовании личности.

Литературная деятельность Толстого продолжалась более полу столетия. Его литературным «крестным отцом» был редактор «Современника» Некрасов.⁴

6 сентября 1852 г. вышла в свет очередная (сентябрьская) книжка некрасовского «Современника» с первым печатным произведением Толстого — повестью

¹ Выборгской стороны предреформенного времени (в «Обломове»).

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

³ Там же, стр. 180; т. 16, стр. 294.

⁴ В. Е. Енгельев-Максимов, ук. соч., стр. 67.

«История моего детства» (за подписью «Л. Н.»). В 1854 г. в «Современнике» же появилась вторая часть знаменитой трилогии Толстого — «Отрочество», а в 1857 г., за полной подписью автора (впервые появившейся еще в январской книге «Современника» за 1856 г.), — «Юность». «Севастопольские рассказы» и многие другие произведения Толстого 50-х годов («Набег», «Записки маркера», «Два гусара» и т. д.) также были опубликованы в «Современнике». Осенью 1856 г. в Петербурге вышли первое отдельное издание рассказов Толстого («Военные рассказы») и первое же отдельное издание «Детства и отрочества». Выход этих двух книг Л. Н. Толстого дал повод Н. Г. Чернышевскому выступить в «Современнике» с известной критической статьей, посвященной Толстому, заканчивавшейся пророческими строками: «Мы предсказываем, что все, данное донныне графом Толстым нашей литературе, только залого того, что совершит он впоследствии; но как богаты и прекрасны эти залого!»¹ Чернышевский тогда же с большой пронительностью отметил такие существенные стороны толстовского гения, как «глубокое знание тайных движений психической жизни», «непосредственная чистота нравственного чувства», замечательное мастерство в воспроизведении и внешней обстановки быта русского крестьянина и его взгляда на вещи. С первых же своих сочинений Л. Н. Толстой выступил как великий реалист. Правду он недаром называет (в «Севастопольских рассказах») тем героем своим, которого он любит «всеми силами души».²

С 50-ми годами связана петербургская страница биографии Л. Н. Толстого.³ Находясь уже с 1852 г. в переписке с редакцией «Современника», Толстой к концу Крымской войны, в ноябре 1855 г., приехал из Крыма в Петербург. Здесь познакомился он с Тургеневым, Некрасовым, Панаевым, Дружининым, Григоровичем, Гончаровым, Писемским, с наезжавшим в Петербург из Москвы Островским. Толстой сразу и по праву занял тогда видное место среди петербургских литераторов, привлекая к себе интерес и внимание и как писатель, и как человек. Через несколько лет, после того как Толстой уже оставил Петербург, Гончаров писал ему: «Вас и от Вас ждут многого... Все здесь, Вас недостает и в каждом собрании Ваше имя произносится, как на перекличке».⁴ Тот же Гончаров много лет спустя (в 80-х годах) писал Толстому: «...в те еще дни, когда я был моложе, а Вы были просто молоды, и когда Вы появились в Петербурге, в литературном кругу, я видел и признавал в Вас человека, каких мало знал там, почти никого, и каким

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 431.

² Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 4, 1932, стр. 59.

³ Первое пребывание Л. Н. Толстого в Петербурге относится еще к 1849 г. Он прожил тогда в столице несколько месяцев, сдал часть экзаменов на степень кандидата прав при Петербургском университете и даже предполагал навсегда остаться в Петербурге, но отказался потом от этого намерения.

⁴ Письма И. А. Гончарова к Л. Н. Толстому. Лев Николаевич Толстой. Сборник статей и материалов. М., 1951, стр. 701.

хотел быть всегда сам». Гончаров вспоминал по этому поводу споры Толстого с Тургеневым, Дружининым, Анненковым и Боткиным в связи с их поклонением «разным литературным авторитетам», «комическое негодование» на Толстого «за непризнание за „гениями“ установленного критикой величия» и т. д. Вспоминал он и о совместном посещении Александринского театра, где Толстой восторгался игрой Линской, Мартынова и Сосницкого.¹

В Петербурге Толстой встречался с Н. Г. Чернышевским. Но в идейном конфликте, развертывавшемся между Чернышевским, поддерживаемым Некрасовым, и либерально-идеалистическим крылом писателей, симпатии Льва Толстого тогда были не на стороне первого. Отдавая себе полный отчет в том, какая могучая сила пришла в лице Толстого в литературу, Чернышевский искал сближения с ним, стремясь оказать на него влияние в духе и в интересах своих демократических идей и задач. В большом письме к Некрасову от 5 ноября 1856 г. Чернышевский сообщал: «На днях приедет Толстой и привезет „Юность“... Я побываю у него, — не знаю, успею ли получить над ним некоторую власть — а это было бы хорошо и для него и для „Современника“». ² Однако Толстой в те же месяцы в своей переписке выражал недовольство направлением деятельности Чернышевского. Впрочем, в его отношении к Чернышевскому и тогда не было последовательности. 11 января 1857 г. Толстой записывал в своих «Дневниках»: «Пришел Чернышевский, умен и горяч».³

Ко времени пребывания в Петербурге относится усиление интереса Толстого к крестьянскому вопросу. «Мое отношение к крепостным начинает сильно тревожить меня», — писал Толстой в апреле 1856 г. Для подготовки проекта освобождения своих крестьян Толстой вступил в Петербурге в общение с Кавелиным и Николаем Милютиным.⁴

Толстой присматривался в Петербурге к городской массе. В феврале 1856 г. он писал в «Дневниках»: «Нынче ходил и радовался толпе у балаганов и изучал характер русской толпы, слушающей оратора».⁵

В Петербурге Толстой, как вспоминает Григорович, одно время жил на Офицерской улице (ныне улица Декабристов) «в нижнем этаже небольшой квартиры, как раз окно в окно с квартирой литератора М. Л. Михайлова».⁶ После своего повторного приезда в Петербург, осенью 1856 г., Л. Н. Толстой жил на углу Большой Мещанской улицы и Вознесенского проспекта, в доме Блумер, № 14.⁷

¹ Н. А. П о с т о л о в. Толстой и Гончаров. Толстой и о Толстом. Новые материалы. Сборник третий. М., 1927, стр. 44—45.

² Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 328.

³ Л. Н. Т о л с т о й, Полное собрание сочинений, т. 47, 1937, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 69.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Д. В. Г р и г о р о в и ч. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 249. Л. Н. Толстой жил в доме № 5 по Офицерской улице.

⁷ Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.—Л., 1936, стр. 73.

В начале 1857 г. Толстой оставил Петербург, который, согласно воспоминаниям Григоровича, не был ему симпатичен, действовал на него «раздражительно». ¹ Он проживал потом в Ясной Поляне и Москве, в Петербург приезжал изредка по делам и не надолго, но имел в Петербурге ряд корреспондентов (А. А. Толстая, А. Ф. Кони, П. И. Бирюков, В. Г. Чертков, П. А. Гайдебуров, И. Е. Репин, Н. Н. Страхов и др.).

В 1878 г., во время поездки в Петербург (отчасти в целях собирания материалов для романа о декабристах), Толстой при посещении Публичной библиотеки познакомился с Владимиром Стасовым, с которым в дальнейшем поддерживал деятельную переписку. ² В связи с подготовкой романа «Декабристы» Толстой осматривал Петропавловскую крепость, беседовал с редактором журнала «Русская старина» М. Семевским, который затем посылал ему рукописи о декабристах из архива «Русской старины». ³

Следует также отметить приезд Льва Толстого в Петербург в 1897 г. с целью проститься с его друзьями-последователями, высланными по политическому делу, связанному с протестом против преследования секты духоборов. Толстой остановился на Фонтанке, д. 14; он виделся со Стасовым, Кони, Репиным, художником Н. А. Ярошенко и др. ⁴

Общественность Петербурга всегда проявляла громадный интерес к творчеству писателя. Созданная Толстым в 60-х годах великая эпопея Отечественной войны 1812 г. «Война и мир», гениальный роман «Анна Каренина», отразивший, по словам Ленина, «перевал русской истории» во второй половине XIX в. — после крестьянской реформы, написанный в конце столетия роман «Воскресение», в котором обличительный пафос Толстого достиг наивысшего выражения, все другие его произведения находили в Петербурге внимательных читателей, служили предметом горячего обсуждения на страницах петербургских журналов и газет, в литературных и читательских кружках. Как известно, во всех трех романах затрагиваются и петербургские темы, показана с позиций глубоко проносящего в суть явлений критического реализма жизнь «верхов» столичного общества. Но, разумеется, не этим (или отнюдь не только этим), а всей суммой поставленных проблем, всем неизмеримым своим художественным богатством привлекали и захватывали романы Толстого петербургскую читательскую массу.

¹ Д. Н. Григорович, ук. соч., стр. 250. В 1880 г. Толстой писал Страхову, что приехал бы к нему, если бы Страхов не жил в Петербурге, который для него, Толстого, «что-то страшное» (Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, стр. 265; ср. стр. 398).

² Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906. Л., 1929, стр. 27.

³ Русская старина, 1889, январь, стр. 204—205.

⁴ Н. Гусев, ук. соч., стр. 546—547; Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка, стр. 479.

Популярность Толстого в Петербурге с течением времени все более возрастала. В письмах к Толстому Владимира Стасова запечатлен характерный эпизод чтения приветствия, присланного Толстым к юбилею Григоровича в октябре 1893 г. Когда распорядитель юбилея П. И. Вейнберг объявил о письме Толстого, «зала загремела и захохотала как сумасшедшая». После оглашения письма «вся зала наполнилась страшными ура! ура! ура!, которые целых четверть часа не смолкали. Поражены, глубоко тронуты до корней души были все». «Да, Россия знает и понимает своего великого человека», — заключал свое сообщение Стасов.¹ Стасов картинно изображает также то волнение, которым охвачены были передовые люди Петербурга (и всей России) в 1899 г., когда в широко распространенном столичном еженедельнике «Нива» печатался впервые роман Толстого «Воскресение»: «Не то что у нас тут, но я думаю — по всей России, от одного конца и до другого, только и ждут нынче, что пятницы утра и звонка рассылного с № „Нивы“. Нынче пятницы везде превратились в Воскресенья». Стасов отмечал и то негодование, которым публика встречала известия о цензурных искажениях, от которых страдал роман Толстого при публикации в «Ниве».²

Понятно, что Толстой, как бы ни относился к Петербургу, с живым интересом должен был следить за тем, что совершалось в этом центре русской культурной, политической и общественной жизни.

В 1899 г. Толстой сочувственно откликнулся на движение студенчества в Петербурге (затем — в других университетских городах). Толстого посещали тогда представители волновавшихся петербургских студентов; он искал путей для оказания поддержки студентам; с его ведома и при его участии за границей публиковались материалы о движении (конечно, в оценке студенческого движения Толстым сказались особенности его воззрений — он отстаивал «миролюбивый» характер движения, пассивный, «только отрицательный» протест).³ Такой же интерес проявил Толстой к крупным студенческим волнениям 1901 г. Он горячо отозвался на известные мартовские события 1901 г. у Казанского собора. Толстой первым подписал приветствие Союзу русских писателей, закрытому правительством за протест против действий властей, — приветствие, выражавшее и благодарность «петербургским писателям», и уверенность в том, что новый акт насилия со стороны власти только укрепит нравственное влияние «борющегося с ней общества».⁴

В том же 1901 г. состоялось пресловутое «отлучение» Толстого от церкви. Петербург ответил на это демонстрацией в честь Толстого. В секретном циркуляре

¹ Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка, стр. 111.

² Там же, стр. 227.

³ Толстой и студенческое движение 1899 г. Литературное наследство, т. 37—38, М., 1939, стр. 651—664 (ср. там же: Дневник В. Ф. Лазурского, стр. 497).

⁴ В. Богучарский. Союз русских писателей и Л. Н. Толстой. Минувшие годы, 1908, № 9, стр. 2.

Департамента полиции сообщалось, что 25 марта 1901 г. в столице «в день закрытия выставки Товарищества передвижных художественных выставок, при громадном стечении публики, некоторые из присутствующих разукрасили живыми цветами выставленный в зале, в числе других картин, портрет графа Л. Н. Толстого, а затем, при аплодисментах и криках „браво“, стали забрасывать этот портрет цветам». ¹

Столица широко отметила 80-летие Толстого в 1908 г. В Петербурге для ознаменования юбилея возник специальный «Комитет почива». По инициативе всероссийского съезда писателей (летом 1908 г.) была начата кампания за создание в Петербурге литературного Дома-музея имени Л. Н. Толстого, чтобы увековечить за настоящим и грядущими поколениями «те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого». Благодаря энергии и самодеятельности общественных и литературных кругов, Толстовский музей открылся в Петербурге, на 1-й линии Васильевского Острова, в марте 1911 г. ²

Толстой прожил долгую и большую жизнь, и ее поздние этапы приходится на ту историческую эпоху, когда русское освободительное движение переживало свой пролетарский фазис, когда рабочий класс, руководимый революционной социал-демократией, возглавлял борьбу против старого строя. Имя Толстого хорошо было известно передовым русским рабочим. Смерть Толстого (7 ноября 1910 г.) вызвала широкий отклик среди петербургского пролетариата. Сознательные рабочие знали о слабых сторонах проповеди Толстого, о противоречиях его мировоззрения и творчества, столь глубоко вскрытых и объясненных в исторических статьях В. И. Ленина, посвященных Толстому. Но они, вместе с Лениным, любили и пенили в Толстом великого художника и страстного обличителя-протестанта. Среди рабочих собирались деньги в фонд Толстого, многие заводы отправили близким Толстого сочувственные телеграммы, на ряде заводов после работ была пропета «Вечная память», имели место случаи прекращения работы на предприятиях. В многотысячной политической демонстрации на улицах города 11 ноября принимали участие, наряду со студентами, рабочие. Рабочие требовали, в связи со смертью Толстого, немедленной постановки в Государственной Думе вопроса об уничтожении смертной казни, против которой с такой силой и убежденностью выступал Лев Толстой.

К писателям, наиболее тесно связанным с Петербургом, богато отразившим в своих произведениях петербургскую жизнь, принадлежит Ф. М. Достоевский.

¹ Голос минувшего, 1918, № 4—6, стр. 303.

² Открытию музея предшествовала (еще в 1909 г.) большая Толстовская выставка, послужившая тем ядром, из которого образовался музей. Пожертвования на музей поступали как от представителей разнообразных групп интеллигенции, так и от рабочих фабрик и заводов, от крестьян и т. д. (В. Срезневский. Толстовский музей в Ленинграде. Сб. «К столетию Л. Н. Толстого», М., 1927, стр. 19—20).

*И. И. Толстой. Портрет работы Н. Н. Ге. 1884 г.
Государственная Третьяковская галерея.*

Достоевский по рождению был москвичом, но провел в Петербурге большую часть своей сознательной жизни. В 1837—1843 гг. Достоевский учился в Петербурге в Главном инженерном училище. К этим же годам относятся его ранние литературные опыты. Первым произведением Достоевского, увидевшим свет, был роман «Бедные люди». Его появление в начале 1846 г. в альманахе Некрасова «Петербургский сборник» сразу доставило автору почетное место среди современных литераторов. Достоевский участвовал в кружках петрашевцев, вследствие чего был в 1849 г. арестован и сослан на каторгу.

Мировоззрение и творчество Достоевского отличались двойственностью и противоречивостью почти с первых его шагов в литературе, и это еще в 40-х годах привело к расхождению между Достоевским и кружком Белинского. Консервативные черты взглядов Достоевского значительно усилились в годы каторги и ссылки, откуда он в конце 50-х годов, после амнистии, вернулся сознательно враждебным идеям революции и социализма, материалистической философии. Содержание и значение тех сдвигов, которые произошли в мировоззрении Достоевского в Сибири, полностью раскрылись не сразу. К первым годам после возвращения Достоевского (он приехал снова в Петербург зимой 1859/60 г.) относятся такие его произведения, как «Униженные и оскорбленные» и «Записки из мертвого дома», встреченные, в целом, очень сочувственно всей прогрессивной общественностью.¹

Оба эти произведения были опубликованы в журнале «Время», который издавался в Петербурге в течение 1861—1863 гг. Ф. М. Достоевским и его братом М. М. Достоевским. Ф. Достоевский выступал в нем не только как беллетрист, но и как редактор, публицист и критик, отстаивая идейную платформу журнала — так называемое почвенничество, несколько своеобразный вариант славянофильства. В 1864 г. и в начале 1865 г. Достоевский вместо «Времени» (закрытого правительством, в сущности, по недоразумению) выпускал журнал «Эпоха», знаменовавший и по сравнению с «Временем» дальнейший шаг вправо. Здесь в своих «Записках из подполья» Достоевский противопоставил свои взгляды тем идеалам, которые пропагандировал Чернышевский в «Что делать?».

В ряде последующих произведений Ф. М. Достоевского, печатавшихся частью в Петербурге, а преимущественно в Москве, в «Русском вестнике» Каткова («Преступление и наказание», 1866; «Идиот», 1868; «Братья Карамазовы», 1879—1881, и т. д.), причудливо переплетались сильные и слабые стороны мировоззрения и творчества писателя, обладавшего великим талантом, который он, однако, подчас стремился поставить на службу своим мистико-религиозным и монархическим

¹ По возвращении в столицу Достоевский жил в 3-й роте Измайловского полка, затем, с 1861 по 1867 г., на Малой Мещанской (в доме № 4 и в доме № 7 — на углу Столярного переулка). В последней из указанных квартир Достоевским написан роман «Преступление и наказание».

идеям.¹ Революционно-демократическая критика устами Салтыкова-Щедрина указывала, что в произведениях Достоевского «рядом с картинами, свидетельствующими о высокой художественной прозорливости, появляются и другие картины, вызванные глумлением над «так называемым нигилизмом», свидетельствующие о «поверхностном понимании жизни и ее явлений»; рядом с лицами, полными «жизни и правды», возникают «загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева».²

В связи со сложным и противоречивым характером творчества Достоевского (гораздо прямолинейнее реакционные тенденции проводились в его публицистике, в издававшемся им в 70-х годах в Петербурге «Дневнике писателя») сложным являлось и отношение к нему общественного мнения.

Проживая большей частью в Петербурге, Достоевский был видной фигурой петербургской литературной и общественной жизни. Знаменитый романист и темпераментный журналист, он часто появлялся также перед столичной публикой в качестве искусного чтеца своих, а частью и чужих литературных произведений. Многие находили даже, что в печати написанное им отчасти теряет по силе воздействия, сравнительно с тем впечатлением, какое его сочинения производили в авторском чтении. Достоевский вел значительную переписку с читателями, принимал много посетителей (особенно к концу жизни) у себя, стараясь в первую очередь оказывать влияние на молодежь.

На «верхах» общества в Достоевском искали союзника, способного отвлечь молодежь от революционного пути, подорвать своей проповедью «смирения» настроения активной борьбы. В среде самой молодежи Достоевский возбуждал горячие споры. Примечателен факт, имевший место в начале 1876 г., когда при обсуждении списка почетных гостей, приглашаемых на студенческий бал, первый единогласный выбор пал на Некрасова, между тем как Достоевский не был избран. «...против Достоевского, — сообщал один из студентов-распорядителей в письме в провинцию, — мы протестовали, так как он изменил первоначальному своему либерализму»³ (здесь под словом «либерализм» подразумевались передовые, освободительные идеи). Но столь резкое и определенное отношение далеко не стало общим правилом. Особенно в самые последние годы жизни писателя в известном, довольно широком кругу молодежи склонны были с большим вниманием воспринимать у Достоевского именно народолюбие (оно у Достоевского было сильно выражено, хотя он не понимал, что народу нужно), «жаление» об участи униженных и оскорбленных.

¹ Наиболее резко подобная тенденция проявилась в романе «Бесы», впервые опубликованном в том же «Русском вестнике» (за 1871—1872 гг.).

² Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), Полное собрание сочинений, т. VIII, 1937, стр. 438.

³ Литературное наследство, т. 53—54, М., 1949, стр. 203.

Ф. М. Достоевский. Литография 1862 г.

Достоевский умер в Петербурге 28 января 1881 г.¹ Похороны его собрали до тридцати тысяч человек. Преобладала интеллигентная молодежь, которая в этот момент воздавала должное выдающимся положительным свойствам писателя, а также его давно прошедшему участию в общественном движении 40-х годов; педаром полицейским пришлось отнимать у молодежи на Владимирской площади арестантские кандалы, которые она хотела нести за гробом Достоевского.

Борьба вокруг наследия Достоевского продолжалась после его смерти. В конце XIX — начале XX в. декаденты, которым близки были пессимизм, сомнения в силах человека, свойственные Достоевскому, призывы к терпению, страданию, подняли его на щит, пропагандируя именно эти черты мировоззрения писателя. Против культа специфической «достоевщины» настойчиво боролся Горький. Горький признавал, что «гениальность Достоевского неоспорима, по силе изобразительности его талант равен, может быть, только Шекспиру». Но вместе с тем он решительно осуждал характерные для Достоевского «оправдание страдания», «проповедь роковой обреченности человечества на муки», призыв «смириться, покориться, простить».² В годы перед первой мировой войной Горький возглавил кампанию протеста против постановки в театрах инсценировок по «Братьям Карамазовым» и «Бесам» Достоевского. В этом он был поддержан Лениным.

Достоевский являлся одним из тех писателей, в творчестве которых отразились многие стороны жизни Петербурга. «Перевал русской истории», который Толстым изображался на материале жизни преимущественно крестьянина и помещика, Достоевский освещал по-своему на данных городской жизни и в особенности современной ему петербургской действительности. В Петербурге живут и действуют, мечтают и страдают герои произведений Достоевского — его романов «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток» (опубликован в «Отечественных записках» за 1875 г.), ряда повестей и рассказов («Петербургская поэма», «Двойник», «Белые ночи» и др.). Как обычно у Достоевского, авторское внимание и в этих произведениях направлено в большей мере на изучение и воспроизведение того, что Добролюбов называл «психологическими тонкостями», причем именно на этой сложной психологической канве и вышивал нередко писатель узоры своих охранительно-идеалистических философских и социологических концепций. Однако нельзя не подчеркнуть глубокой правдивости многих образов и характеристик романиста-психолога, яркости и реалистичности сцен и картин, вскрывавших социальные

¹ Последняя его квартира — в Кузнечном переулке, д. 5 (угол Ямской), кв. 10. А. Ф. Кошвинский: «Ямская улица была впоследствии переименована в улицу Достоевского, ибо здесь находился дом казарменного типа, лестница которого с железными перилами вела к обитым войлоком и вродранной клеенкой дверям в квартиру, где в скромной обстановке, граничащей с бедностью, жил и умер Достоевский» (А. Ф. Кошвин, ук. соч., стр. 26).

² М. Горький, О литературе, стр. 705; М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, 1955, стр. 291.

контрасты капиталистического Петербурга, показывавших подавленность человеческой личности, бедствия городского трудового люда и хищничество эксплуататоров, изображавших с большой жизненной силой нравы и быт, вводивших читателя во внешнюю обстановку и внутренний мир представителей различных групп столичного населения — от крупных, влиятельных чиновников до людей, совершенно выбитых из жизненной колеи, опустившихся бесповоротно на дно. Особенно большой познавательный интерес, с точки зрения понимания прошлого Петербурга, представляют такие произведения Достоевского, как «Бедные люди», «Преступление и наказание».

Теснейшим образом с Петербургом связан был величайший драматург середины и второй половины XIX в. А. Н. Островский.¹

Пьесы Островского жили и живут не только на сцене — они были и остаются крупнейшим явлением всей передовой русской литературы. Постоянные письменные сношения Островского с деятелями литературы и театра в Петербурге, его частые поездки из Москвы в северную столицу были связаны с постановкой его произведений в петербургском Александринском театре, с печатанием их в органах петербургской прессы, с отдельными изданиями его сочинений петербургскими книгоиздателями. «Вы знаете, что меня многое очень интересует в Петербурге», — писал Островский своему другу, актеру и писателю И. Ф. Горбунову.²

Островский напечатал в Петербурге подавляющее большинство своих произведений. Как автор, он был связан в первую очередь с журналами Некрасова — с «Современником» и, еще теснее, с «Отечественными записками». В «Современнике» между 1857 и 1865 гг. Островский опубликовал восемь оригинальных своих пьес (в том числе: «Минин», «Тяжелые дни», «Шутники», «На бойком месте»). В «Отечественных записках» при жизни Некрасова, в период от 1868 до 1877 г., он напечатал 13 пьес («На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Бешеные деньги», «Лес», «Волки и овцы» и др.), а после смерти Некрасова, до закрытия правительством журнала, — еще девять («Последняя жертва», «Бесприданница», «Таланты и поклонники» и т. д.). В «Отечественных записках», как не раз подчеркивал Щедрин в своих письмах к Островскому, стало традицией ежегодно открывать первую, январскую книжку журнала именно пьесой Островского. Островский печатался также в «Библиотеке для чтения», где появилась, в частности, его «Гроза», в журнале братьев Достоевских «Время», в «Вестнике Европы».

Островский в Петербурге имел немало друзей среди актеров и писателей (артисты Мартынов, Горбунов, Бурдин, писатели Гончаров, Писемский и др.). Отношения дружбы и сотрудничества связывали его с Некрасовым, которому

¹ О значении драматургии Островского см. в главе девятой, посвященной театру.

² А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. XIV, 1953, стр. 75.

в конце 60-х годов он писал по поводу известий о болезни поэта: «Зачем Вы пугаете людей, любящих Вас! Как Вам умирать! С кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только диссеминируем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства».¹ В петербургской печати, в «Современнике» 50-х годов Н. А. Добролюбов дал лучшую, непревзойденную характеристику творчества Островского в статьях «Темное царство» и «Луч света в темном царстве», где из произведений Островского были сделаны глубокие революционные выводы. Большое значение имели выступления Н. Г. Чернышевского по поводу ранних произведений Островского.

Островскому не раз приходилось выступать в литературной и артистической среде Петербурга с чтением своих произведений. Его как чтеца знала и широкая публика столицы, так как Островский неоднократно, например, выступал в пользу «Литературного фонда», одним из основателей которого он сам был (в Петербурге, в 1859 г.). Авдотья Панаева в своих «Воспоминаниях» пишет: «Островский читал свои пьесы с удивительным мастерством; каждое лицо в пьесе — мужское или женское — рельефно выделялось и, слушая его чтения, казалось, что... разыгрывают свои роли отличные артисты».²

Не раз петербуржцы чествовали у себя А. Н. Островского. В 1882 г., по случаю 35-летия литературной деятельности драматурга, ему писал из Петербурга И. А. Гончаров: «Литературе Вы привесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир... После Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: „У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться: Театр Островского“».³

Свой петербургский период имел А. Ф. Писемский, крупный беллетрист и драматург, начавший литературную деятельность на рубеже 40-х и 50-х годов. Костромич по рождению, воспитанник Московского университета, он первые свои значительные произведения опубликовал в «Московитянине» («Тюфяк», 1850, и др.), но уже очень скоро стал печататься в петербургских журналах, в том числе в некрасовском «Современнике». После временного пребывания в столице в 1853 г., когда он установил личную связь с видными представителями петербургского литературного мира, Писемский зимой 1854/55 г. переехал на жительство в Петербург и здесь работал до начала 1863 г. 50-е годы занимают важное место в творческой биографии Писемского — это пора особого расцвета его выдающегося реалистического таланта, наибольшей близости писателя к прогрессивным общественно-литературным кругам. Об этом периоде сам Писемский потом говорил, что он «обличал глупость, предрассудочность, невежество, смеялся над детским

¹ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 181.

² Авдотья Панаева (Е. Я. Головачева), ук. соч., стр. 303.

³ Невзданные письма к А. Н. Островскому. М.—Л., 1932, стр. 70.

романтизмом и пустозвонными фразами, боролся против крепостного права, преследовал сановничьи злоупотребления.¹ С большой силой он обличал пустоту и бессмысленность жизни провинциального дворянства. Умный скептик, Писемский издевался, по словам Горького, над дворянином, «рисуя его карикатурно, и грубо смеялся над ним».² В ряде произведений («Плотничья артель», «Питерщик» и т. д.), частично объединенных в сборнике «Очерки из крестьянского быта» (1856), Писемский показал себя наблюдательным и ярким изобразителем народной жизни, прекрасным знатоком народной речи. Исключительный успех вышел на долю широко известного романа Писемского «Тысяча душ», опубликованного в 1858 г. в «Отечественных записках».

А. Ф. Писемский. Портрет работы И. Е. Репина. 1886 г.

Государственный Третьяковский музей.

С 1858 г. Писемский несколько лет был редактором старого петербургского ежемесячника «Библиотека для чтения». С 1861 г., на почве бестактных выступлений писателя (в фельетонах того же журнала) против тех или иных проявлений общественного движения, начались острые столкновения между ним и демократической печатью, приведшие к отказу его от редакторства и даже к переезду в Москву, где вскоре (1863 г.) в «Русском вестнике» Каткова появился заостренный против так называемого «ингилизма» роман Писемского «Взбаламученное море». Последующее творчество писателя было неровным и в художественном, и в идейно-общественном смысле. Оно содержит, при всем том, немало ценного. Серьезный успех у читателей имел роман «В водовороте», опубликованный в московской «Беседе» (1871 г.); привлекли внимание некоторых читательских кругов печатавшиеся в петербургских журналах «Люди сороковых годов» (1869 г.), «Мещане» (1877 г.). В позднем творчестве Писемского очень зв-

¹ А. Ф. Писемский, Письма. М.—Л., 1936, стр. 391.

² М. Горький, История русской литературы, стр. 253.

метно звучит антибуржуазная нота. Он сам заявлял, что принял в конце концов «за сильнейшего, может быть, врага человеческого, — за Ваала и за поклонение Золотому тельцу».¹

Писемский в Петербурге проживал в районе Лиговки, а с 1858 г. до оставления им северной столицы — на Садовой улице, д. 51.² Он был популярен у петербуржцев не только как писатель, но и как на редкость выразительный чтец. Писемский выступал с огромным успехом в спектаклях, устраивавшихся Литературным фондом (в 1860 г. — городничий в «Ревизоре», Подколесин в «Женитьбе»);³ Писемский много читал в Петербурге и позже, в свои приезды туда из Москвы, но уже в узких литературных кружках или великосветских салонах.⁴

В большой дружбе с Писемским был другой своеобразный, глубоко самобытный русский писатель, имевший кое-что сходное с ним в своей литературно-общественной судьбе, — Н. С. Лесков. Николай Лесков — талантливейший беллетрист, увлекательный рассказчик, тонкий знаток и мастер русской речи. Он хорошо знал быт самых разнообразных общественных слоев — крестьянства, купечества, мещанства, духовенства и т. д. Лесков по праву писал о себе в конце жизни: «Прожив изрядное количество лет и много перечитав и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя, как „Микула Селянинович“, которого „тяготила тяга“ знания родной земли».⁵ Среди множества произведений Лескова, созданных им в разных жанрах прозы (повесть, роман, рассказ, очерк), имеется немало художественных верлов, обеспечивших ему навсегда внимание и симпатии читателей, например: «Очарованный странник», «Тупейный художник», «Загов», «Леди Макбет Мценского уезда», «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе», роман (или «хроника») «Соборяне» — великолепная, по отзыву Горького, книга,⁶ не свободная, правда, от идейных противоречий. Путь Лескова вообще был противоречив и извилист. В известном письме к критику М. А. Протопопову (от 1891 г.) писатель охарактеризовал этот путь как «трудный рост».⁷ На заре своей литературной карьеры, в начале 60-х годов, Лесков высту-

¹ А. Ф. Писемский. Письма, стр. 391—392.

² П. Д. Боборыкин вспоминает: «Писемский квартировал в те годы — до самого своего переселения в Москву — в том длинном трехэтажном доме (тогда Кунакова), что стоит на Садовой, против Юсупова сада» (Минувшие годы, 1908, № 4, стр. 170).

³ Петр Вейсберг. Литературные спектакли. (Из моих воспоминаний). Ежегодник имп. театров, сезон 1893/94 г., Приложение, кн. 3, стр. 96—108. В шумевшем спектакле «Ревизор», кроме Писемского и поэта сатирика и переводчика П. И. Вейнберга, игравшего Хлестакова, участвовали Достоевский, Тургенев, В. Курочкин, А. Майков, Григорович и др.

⁴ С. Ф. Либрович. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пгр.—М., 6 г., стр. 23—26, 75—78.

⁵ Русские писатели о литературе, т. II, Л., 1939, стр. 303.

⁶ М. Горький, Собрание сочинений, т. 24, 1953, стр. 232.

⁷ Письма Н. С. Лескова. Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940, стр. 381.

шил с несуразной и двусмысленной, возмущившей передовую общественность статьей по поводу петербургских пожаров, потом с романом «антиинглистического» характера «Некуда», а еще через несколько лет с окончательно, по выражению Горького, «злым романом» «На ножах» — и антиреволюционным, и нехудожественным. Это надолго поссорило с Лесковым прогрессивно-демократические круги. Но Лесков все-таки сумел вырваться из реакционного болота. Он занимает постепенно независимую позицию в отношении властей предрержащих и, хотя не возвысился до ясных и последовательных демократических взглядов, выступает на деле как правдивый изобразитель действительности и в ряде случаев как острый и смелый критик многих ее язв. Особенно прославился Лесков обличением реакционных церковных кругов. Характерными для Лескова были оптимизм, вера в творческие силы русского народа, стремление к созданию «праведных», положительных типов.

Н. С. Лесков был тесно связан на протяжении трех с половиной десятилетий (т. е. всей своей литературной деятельности) с Петербургом. Тут он жил непрерывно (не считая, конечно, выездов-путешествий) с 1860—1861 гг. до своей смерти. Половина его петербургской жизни протекла на Фурштатской улице (ныне улица Петра Лаврова). Здесь он проживал в конце 60-х и первой половине 70-х годов в доме № 62; тут же он жил во второй половине 80-х и в 90-х годах в доме № 50, кв. 4. В последнем доме он и умер 21 февраля 1895 г. Обстановка петербургской жизни Лескова колоритно освещена в большой биографической книге, написанной сыном писателя Андреем Лесковым (*Жизнь Николая Лескова*. М., 1954).

Восторженным почитателем лесковского творчества был М. Горький, испытавший на себе несомненное влияние с его стороны. Для Горького Лесков в об-

*Н. С. Лесков. Рисунок И. Е. Репина. 1889 г.
Частное собрание. Москва.*

шем был равен или почти равен Л. Толстому, Гоголю, Тургеневу, Гончарову.¹

В Петербурге жили и творили многие видные русские поэты. Уже отмечена нами деятельность поэтов Некрасовской школы, поэтов, тесно связанных с освободительным движением, признававших первейшим долгом поэзии служение народу, живым общественным интересам. Но ряд петербургских поэтов принадлежал к более или менее последовательным сторонникам «чистого искусства», «поэзии для поэзии». Одни из них сознательно противопоставляли себя Некрасовской линии в литературе, другие, не определяя своих эстетических воззрений или занимая неясную, колеблющуюся позицию, своей творческой поэтической практикой так или иначе примыкали к школе последователей «искусства для искусства».

Около тридцати лет (1844—1873) длился петербургский период жизни Ф. И. Тютчева, одного из талантливейших русских лириков, своеобразного поэта-мыслителя, вдохновенного певца природы и любви. Тютчев был также и политическим поэтом (да отчасти и публицистом), выступая — в этом качестве — как противник революционной борьбы, как консерватор с сильным славянофильским уклоном, хотя умевший по временам остро и проницательно судить о несостоятельности царского режима или, по крайней мере, его реальных представителей и деятелей.

Связанный своим положением и службой с общественными верхами, Тютчев был видной фигурой дворнянского Петербурга, всегда желанным — благодаря своему редкому остроумию — гостем столичных аристократических салонов. Однако вовсе не в этой среде находились подлинные ценители тютчевской лирической поэзии. Некрасов был первым, кто обратил в 1850 г. (в статье, опубликованной в «Современнике») внимание широкого круга читателей на поэзию Тютчева, получившую в этой статье поэта-демократа весьма высокую оценку. До выступления Некрасова Тютчев был мало известен, несмотря на то, что еще в 1836 г. пушкинским «Современником» был напечатан значительный цикл его стихов. Некрасовский «Современник» затем, в 1854 г., по инициативе И. С. Тургенева (познакомившегося перед тем с Тютчевым в Петербурге), опубликовал более ста стихотворений Тютчева, которые в том же году составили первое отдельное издание тютчевской поэзии. Публикация «Современника» дала толчок к оживлению творческой активности Тютчева, произведения которого (правда, не особенно многочисленные) помещаются после того на страницах различных периодических изданий обеих столиц. Характерен отзыв о Тютчеве, данный Добролюбовым в статье о «Темном царстве». Сравнивая Тютчева и Фета, Добролюбов писал, что талант Фета «способен во всей силе проявиться только в уловления ми-

¹ См. статью Горького «Н. С. Лесков», в 24-м томе его «Собрания сочинений», стр. 228—237.

моментных впечатлений от тихих явлений природы», в то время как Тютчеву доступны, кроме того, «и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума».¹ Так, несмотря на коренные принципиальные расхождения, демократическая критика в полной мере умела воздать должное высокому поэтическому дару Тютчева.

Обосновавшись в Петербурге в 1844 г., Тютчев в дальнейшем лишь на сравнительно короткие сроки покидал столицу. В его стихах Петербург редко является объектом изображения и раздумий, но то немногое, что они в этом смысле дают, представляет большой художественный интерес.² Яркие и красочные тютчевские письма богаты наблюдениями и сведениями о столичных настроениях и быте. Тютчев жил около 20 лет в доме Армянской церкви на Невском проспекте (против Гостиного двора). Он умер в 1873 г. в Царском Селе.

Фет был среди поэтов едва ли не наиболее цельным и воинствующим представителем той линии, которая связана с отрицанием общественных задач искусства, с культом «чистой» красоты. Фет, впрочем, не жил в Петербурге и даже немного в нем печатал. Но здесь находились некоторые из близких ему по духу поэтов. Одним из них являлся Аполлон Майков. Хотя ранний период биографии Майкова отмечен известной близостью к кругу Белинского и к петрашевцам, хотя в последующем у него была недолгая пора довольно либеральных настроений, совпавшая с началом общественного подъема после Крымской войны, в целом Майков проявил себя сторонником «охранительных» взглядов, которым не раз заставлял служить и свою музу. Демократическая печать, в особенности сатирическая пресса 60-х годов, часто высмеивала Майкова. Выступая против «петербургского Аполлона», и поэты-сатирики и критики демократического направления боролись против поэзии, чуждой «житейских тревог», клеймили политическую неустойчивость, легко ведущую к перебежкам в лагерь реакции. Разумеется, истинно поэтическое вдохновение Майкова, относящееся к антологической лирике и особенно к художественным описаниям природы (многие, если не большинство из лучших произведений Майкова написаны, кстати, в тот период, когда он ближе всего подходил к прогрессивным общественным настроениям), встречало признание, становившееся все более явным и определенным по мере того, как утрачивали характер злободневности майковские выпады против «разрушительных» идей, против революции.

Долгие и долгие годы (до самой смерти в 1897 г.) А. Н. Майков жил на углу Садовой улицы и Екатерингофского проспекта (ныне проспект Римского-Корсакова), напротив Юсупова сада. Как вспоминают современники, Майков в последние десятилетия жил замкнуто, но умел знакомить редких своих посетителей

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 52.

² «12 ноября 1844 года», «На Неве», «Осенней поздней порою люблю и паркосельский сад...» и т. д.

с произведениями современных писателей, которые отлично читал. Одно время Майков охотно выступал и публично; пристрастие его к различным «торжественным» (юбилейным и иным) выступлениям давало пищу юмористам и карикатуристам петербургских журналов.

Десятилетиями (на протяжении всей второй половины XIX в.) с Петербургом неразрывно был связан Н. П. Полонский, поэт (прежде всего) и прозаик,¹ задушевный, искренний лирик, мечтательный, несколько грустный и слабодушный, скорбевший о несовершенствах жизни, но не понимавший их источников и неспособный стать твердым бойцом против них.

В современной литературе было часто принято говорить о поэтическом триумvirате Фет — Майков — Полонский. «Верный», «добрый тройственный союз» между ними возглашал в стихах Аполлон Майков. Однако на деле позиция Полонского в значительной степени являлась промежуточной между полными эстетическими платформами Фета и Некрасова, да и политически Полонский стоял гораздо левее и Фета, и Майкова. Поэт однажды сам признался в своей «жажде по мере сил своих не отставать от времени». В 70-х годах он пишет Некрасову, что стал — по сравнению с серединой 60-х годов — «и либеральнее, и ближе к вопросам жизни», и ближе к нему, Некрасову, «по своему направлению».² Впрочем, и до того, еще в 60-х годах, Полонский выразил в известном стихотворении («Писатель, если только он...») свою мысль о долге литератора — быть «первом великого народа». И если Полонскому случалось все-таки выступать тенденциозным критиком демократического поколения 60-х годов (например, в поэме «Ночь в Летнем саду», подробно и очень остро разобранной в «Отечественных записках» Салтыковым-Щедриным),³ то он же и воспевал впоследствии «образ страдальческий» русской революционерки (также очень известное стихотворение «Что мне она?..»).

Полонский был тесно связан с литературными кругами столицы (а особенно близок с Тургеневым, являясь его неизменным петербургским корреспондентом). Последняя квартира Полонского (на углу Бассейной и Знаменской, ныне улица Некрасова и Восстания) была популярна среди литераторов регулярными «вечниками», устраиваемыми поэтом. Творческая деятельность Полонского продолжалась около шестидесяти лет. Он умер в Петербурге в 1898 г.⁴

¹ Некоторые романы и повести Полонского посвящены петербургскому быту (повесть «Независко», роман «Крутые горки», его продолжение — роман «Под гору»).

² Некрасов по выданным материалам Пушкинского дома. Пгр., 1922, стр. 280—281.

³ Н. Щедри (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 422—430.

⁴ В Петербурге протекала также деятельность поэтов Л. А. Мея, Н. Ф. Щербини, А. Н. Алутина и др. Тесную связь с Петербургом поддерживал Алексей К. Толстой (под Петербургом, близ станции Сабливо, находилась усадьба Толстого «Пустынька», где он иногда подолгу пребывал и где его посещали многие виднейшие литераторы).

На предыдущих страницах шла речь о деятельности писателей и поэтов, принадлежавших к разным литературным поколениям: и о писателях, вступивших в литературное движение в 30—40-х, в 50-х, 60-х годах, и о таком ярком представителе литературы 70-х годов (хотя пришедшем в литературу в предшествующем десятилетии), как Глеб Успенский. Успенский, как и Щедрин, продолжал работать на всем протяжении 80-х годов; творчество обоих этих писателей составляет важную, весьма ценную страницу литературной жизни Петербурга 80-х годов — этого во многом тяжелого и мрачного и вместе с тем сложного, противоречивого периода в истории русского общества и русской культуры.

В. М. Гаршин. Фотография 1883 г.

В 80-х годах оживились эстетические течения, казавшиеся уже в пору деятельности Чернышевского и Добролюбова вытесненными, разбитыми, вновь были шумно выдвинуты лозунги «чистого искусства», «искусства для искусства». В это время появились первые провозвестники будущего символизма (поэты Н. М. Минский, К. М. Фофанов и др.). В журналистике громко раздавались голоса в пользу «пересмотра» наследия Белинского—Чернышевского—Добролюбова, голоса, требовавшие отказа от «наследства» 60-х, да и 70-х годов. Выходивший в Петербурге журнал «Неделя», раньше занимавший сравнительно демократические позиции, в 80-х годах проповедовал удовлетворение «малыми делами», звал к «реабилитации действительности», т. е. к примирению с нею.

Но лучшая часть литературы и журналистики продолжала мужественно и настойчиво бороться за демократические идеи вообще, за народное, реалистическое, социально насыщенное искусство в частности.

Рядом с такими писателями, как Салтыков-Щедрин и Глеб Успенский, появляются, частью еще с конца 70-х годов, некоторые новые талантливые писатели прогрессивного и демократического направления.

Видное место среди них принадлежит Всеволоду Гаршину. Уроженец Украины, он получил образование в одной из петербургских гимназий, а затем учился в Горном институте. Гаршин любил Петербург, «Петербург страдающий и мыслищий», называл его своей «духовной родиной».

Свое первое произведение Гаршин написал в походе, во время русско-турецкой войны, на которую пошел добровольцем. Гаршин печатался преимущественно в «Отечественных записках», руководимых Салтыковым-Щедриным («Встреча», «Трус», «Художники», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Красный цветок» и др.), отчасти — в артельном петербургском журнале «Русское богатство» («Attalea princeps»), в московской «Русской мысли» («Надежда Николаевна»).

Гаршин быстро зарекомендовал себя как крупный и своеобразный художник слова, мастер небольшого рассказа, писатель редкой искренности и теплоты, глубоко враждебный к эксплуататорскому строю, к подавлению личности, ко всякой несправедливости. Страстно мечтавший об уничтожении «мирового зла», писатель, однако, не понимал реальных путей, ведущих к этой цели, к революционному преобразованию жизни.

«Трепетание чуткой совести и мысли» (по словам Короленко)¹ сделало В. М. Гаршина близким лучшим людям его поколения и обеспечило ему сразу большую популярность. Глеб Успенский вспоминал о нем: «Общество, в котором он жил, было общество, почти все состоявшее из людей, которые его понимали, общество лучшее и, кроме того, любящее его».² Успенский имел в виду ближайшее петербургское окружение Гаршина, состоявшее из демократических литераторов, художников, молодежи. Современники рассказывают о любовном отношении к Гаршину и широких кругов петербургской интеллигентной молодежи 80-х годов. Не проходило ни одного студенческого вечера без того, чтобы Гаршину не привезли почетных билетов, чтобы не пригласили его «врочень что-нибудь свое с эстрады». При появлении Гаршина зал забывал «всех, столь симпатичных для молодежи литературных завсегдатаев студенческих вечеринок».³

Гаршинские квартиры в 80-х годах⁴ служили всегда местом, где собирались представители литературного и артистического мира. Последняя квартира Гаршина была в одном из переулков близ Владимирского проспекта, во дворе, на самом верхнем этаже, по описанию современника — «с крутой грязной лестницей и низким потолком, с беспокойными соседями и звуками пианино за тонкой

¹ В. Короленко, Полное собрание сочинений, т. XXIV, 1927, стр. 197.

² Г. И. Успенский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1952, стр. 468.

³ В. П. Соколов, Гаршин. Исторический вестник, 1916, № 4, стр. 136—137.

⁴ На Большой Садовой (д. 51), на 9-й улице Песков (д. 20/37, угол Дегтярной) и др.

досчатой перегородкой». ¹ Это — обстановка, достаточно типичная для литературного труженика старого Петербурга, хотя бы даже и столь известного уже, как Всеволод Гаршин.

В марте 1888 г., в припадке нервного расстройства (по свидетельству Успенского, мысль о жидкой несправде составляла главный корень его душевного страдания), Всеволод Гаршин бросился в пролет лестницы дома, где жил, и через несколько дней умер. ²

Всеволод Гаршин не раз избирал Петербург местом действия своих произведений. Сюда относятся и «Художники» со сжато, но резко очерченными типами двух живописцев противоположных направлений (сторонники искусства, служащего народу, и так называемого «чистого искусства»), с острым

и чутким изображением труда рабочего на металлическом заводе, и психологически-бытовой этюд «Пронсшествие», и «Ночь», и самый развернутый рассказ (собственно — повесть) Гаршина «Надежда Николаевна», и «Очень коротенький роман». С точки зрения бытовой, а также в смысле изображения городского пейзажа, кроме беллетристики Гаршина, представляют интерес его «Петербургские письма». Художественная жизнь столицы в конце 70-х и в 80-х годах отражена в гаршинских критических статьях.

Рядом с Гаршиным в сознании современников стоял юный поэт С. Я. Надсон (дружески связанный с Гаршиным).

«Из всей молодежи, начавшей писать на моих глазах, только и можно отметить трех: Гаршина, Короленко и Надсона», — писал в 1887 г. А. П. Чехов, ставивший Надсона гораздо выше других современных поэтов. ³

Надсон родился и учился в Петербурге. В петербургской печати в 1878 г. появились его первые стихи. После окончания военной гимназии Надсон посту-

С. Я. Надсон. Фотография. 80-е годы XIX в.

¹ Цит. воспоминания В. Соколова: Исторический вестник, 1916, № 5, стр. 423.

² В больнице Красного креста на Бронницкой улице.

³ А. П. Чехов. Сборник документов и материалов. М., 1947, стр. 150.

бил в Павловское военное училище, откуда в 1882 г. вышел офицером и был назначен в полк, стоявший в Кронштадте. Болезнь (чахотка) вынудила Надсона провести последние 2½ года жизни преимущественно вне Петербурга — на юге Франции, на Украине, в Крыму.

И в годы учения в Павловском училище, и во время службы в Кронштадте Надсон много печатался в петербургских журналах — «Отечественных записках», «Деле», «Слове» и др. В 1885 г. в Петербурге появился первый сборник стихов Надсона, распроданный в течение нескольких месяцев. При жизни поэта, менее чем за два года, вышло еще четыре издания. Это был необыкновенный успех, свидетельствовавший о том, что Надсон выражал чувства и мысли многих людей своего времени. В 1886 г., в одном из обзоров, которые Надсон тогда печатал в киевской газете «Заря», он о себе сказал: «Я сам принадлежу к поколению молодому, только-что вступившему в жизнь, я весь дышу его интересами».¹

В поэзии Надсона боролись различные, иногда противоположные мотивы — тоски и смелых порывов, отчаяния и горячей веры в будущее. Один из немногих среди поэтов-современников и притом ярче других — он сумел, несмотря на надрывные, мрачные ноты, часто присущие его творчеству, пронести через тяжелые реакционные годы чувства гражданственности, прогрессивные стремления.

Надсон умер в 1887 г. в Крыму и похоронен в Петербурге на Волковом кладбище.²

Около четырех десятилетий продолжалась деятельность В. Г. Короленко, выдающегося художника слова и общественного деятеля, прогрессивный характер творчества которого был оценен В. И. Лениным.

Уроженец — подобно Гаршвицу — Украины, Владимир Короленко впервые приехал в северную столицу в 1871 г. Состоя студентом Технологического института, он вращался в кружках молодежи. Короленко жил тогда в Семеновском полку, на Малом Царскосельском проспекте (д. 4), в «мансарде» под крышей, с несколькими товарищами-студентами, терпя сильную нужду. Это время, как и последующее пребывание в Петербурге в 70-х годах, Короленко ярко описал в «Истории моего современника».

В конце 70-х годов (по возвращении в 1877 г., после первой ссылки, в Петербург) Короленко был студентом Горьего института. Теперь В. Г. Короленко был уже довольно тесно связан с революционным народническим подпольем Пе-

¹ С. И. Надсон. Проза. Дневники. Письма. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 272.

² В своих известных «Очерках русской жизни» Н. В. Шелгунов после смерти Надсона на вопрос о том, чем дорог современникам поэт, отвечал: «Только своим согревающим словом, только своим страдальческим неудовлетворенным чувством любви, которому жизнь не давала ответа, только надеждой, что так вечно быть не может, только тем, что в чувствах и страданиях Надсона каждый находил свои чувства и свои страдания» (Н. В. Шелгунов. Очерки русской жизни. СПб., 1895, стр. 305).

В. Г. Короленко. Фотография, 90-е годы XIX в.

тербурга. «На этот раз я опять не стал хорошим студентом. В Петербурге закипало движение», — сообщает о себе Короленко в «Истории моего современника».¹

В 1878 г. появились первые печатные строки Владимира Короленко: в столичной газете «Новости» он описал столкновение в Апраксином переулке между беднотой, населявшей один из домов, и дворниками и полицейскими. В следующем году в петербургском журнале «Слово» появилось первое художественное произведение Короленко «Эпизоды из жизни искателя». В это время Короленко находился уже снова в ссылке — в Вятской губ., куда он был выслан после ареста, происшедшего в начале 1879 г.

¹ В. Короленко, Полное собрание сочинений, т. II, История моего современника, ч. 2, стр. 184.

Ссылка на этот раз оказалась длительной: из Вятской губ. Короленко был переведен в Пермскую, а оттуда он был сослан в Якутскую обл. и смог вернуться в Европейскую Россию лишь в 1885 г. Годы ссылки, жизнь в Сибири дали писателю большой материал для будущего творчества. Десять лет продолжался следующий, нижегородский, период жизни Владимира Короленко. И в эти нижегородские годы Короленко поддерживал тесную связь с Петербургом. Он неоднократно приезжал в столицу по общественно-литературным делам. Одно время Короленко, находясь в Нижнем, принимал участие в редактировании большого петербургского ежемесячника «Северный вестник», в 90-х годах ставшего органом декадентов, но в середине 80-х годов, в первую пору своего существования, служившего пристанищем для работников «Отечественных записок» и других прекратившихся или уничтоженных старых демократических органов.

В «Северном вестнике» в течение 1885—1888 гг. был напечатан ряд произведений Владимира Короленко: «Очерки сибирского туриста», «Соколинце» и др. Наиболее важные произведения этого времени опубликованы, впрочем, Короленко в московской «Русской мысли», в которой печатались тогда и многие петербургские литераторы, например Успенский, Гаршин.

С начала 90-х годов деятельность Короленко самым тесным образом связывается с петербургским журналом «Русское богатство»; здесь печатались его очерки «В голодный год», повесть «Без языка» и т. д. В январе 1896 г. Короленко переехал в Петербург и редактировал на месте «Русское богатство». (Новый петербургский период жизни В. Г. Короленко продолжался четыре года).¹

Именно к 80-м и первой половине 90-х годов относится расцвет деятельности Короленко как беллетриста; позже публицистическая работа часто выдвигается у него на первый план. Несмотря на некоторую идейную ограниченность, характеризующую общественные позиции писателя и отражавшуюся на его художественном творчестве (влияние народничества приводило Короленко к непониманию действительной исторической роли рабочего класса), Короленко целиком принадлежал, конечно, демократическому лагерю русской литературы и представлял собой в этом лагере одну из самых ярких, талантливых и популярных среди народа фигур.

Короленко — один из крупных представителей литературы критического реализма — правдиво, смело и в тоне глубокого сочувствия изображал положение трудящихся масс крестьянства, кустарей, обличал разнообразные формы угнетения и подавления народа, раскрывал пороки и извыки эксплуататорского общества (как в России, так и за рубежом — обличение капиталистической Америки

¹ См. раздел о литературе в третьем томе нашего издания. Короленко жил в Петербурге на Песках (5-я Рождественская, д. 4, против Греческой церкви). «В. Г. Короленко и в каменном Петербурге нашел для себя старенький деревянный дом, провинциально уютный, с крашеным полом в комнатах, с ласковым запахом старости», — вспоминает М. Горький (О литературе, стр. 228).

в книге «Без лыжка»). Наряду с этим Владимир Короленко — писатель большого оптимизма, исключительной, неиссякаемой веры в творческие силы народа — показывал подлинно положительные начала в жизни, славил людей труда, мысли, борьбы, неустанно проповедовал принципы гуманизма, свободы, звал идти вперед, к лучшему будущему, которое он считал совершенно неотвратимым.

Горький писал о нем: «Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать».¹ Характерно, что в годы реакции, наступившей после поражения первой русской революции, находившийся в эмиграции Горький считал Короленко единственным писателем в России, способным занять место «во челе литературы нашей».²

80-е годы дали русской литературе одного из самых великих ее деятелей — А. П. Чехова.

В Чехове счастливо соединились глубокий и проникновенный наблюдатель действительности, ее типических сторон, яркий сатирик, неподражаемый мастер слова. Он достойно продолжил славные традиции Гоголя, Щедрина, Успенского, в некоторых отношениях и Тургенева. Как у старшего его современника и в известной мере предшественника Гаршина, наиболее излюбленной литературной формой Чехова являлся короткий рассказ, причем эту форму он довел до еще более высокого совершенства. Важное значение имела новаторская деятельность Чехова в области драматургии.

Чехов был непримиримым врагом и обличителем обывательщины, мещанства, он — мягкий и чуткий — сознательно, однако, ставил себе целью смертельную борьбу с «фарисейством, тупоумием и произволом», которыми была проникнута жизнь капиталистической (и во многом еще полукрепостнической) России.

Чехов своими произведениями будил и укреплял любовь к свободе, к творческому труду, он стремился поднять достоинство человеческой личности, вырвать человека из-под власти пошлости, мещанской будничности, насилия.

Изображая большей частью темные стороны действительности, Чехов истинно верил в неизбежность лучшего, светлого будущего. Как свидетельствует в своих воспоминаниях о Чехове Кунрин (и это целиком подтверждают материалы жизни и творчества писателя), Чехов «никогда не переставал верить в невидимую, но упорную и плодотворную работу лучших сил нашей родины».³ Особенно к концу своей жизни, с ростом политического подъема в России, эта вера Чехова крепла все сильнее. Другой современник вспоминает, как Чехов в последние годы «уже с необычайной для него страстью... доказывал, что мы — „накануне революции“».⁴

¹ М. Горький. О литературе, стр. 168.

² М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 143.

³ Чехов в воспоминаниях современников. Гос. Изд. худ. литер., 1952, стр. 409.

⁴ Там же, стр. 467 (воспоминания М. А. Членова).

Тесная дружба, связывавшая Чехова в последний период его жизни с великим революционным писателем Горьким, очень показательна для художественно-общественного лица Чехова.

Чехов не был петербуржцем, но долгие годы в Петербурге были сосредоточены его главные литературные связи и отношения.

В 1882 г. он стал работать в журнале «Осколки», издававшемся в Петербурге писателем-юмористом Н. А. Лейкиным, которого он и считал своим литературным крестным отцом (несмотря на то, что уже до этого несколько лет сотрудничал в юмористических еженедельниках Москвы). Потом Чехов сделался также сотрудником «Петербургской газеты» (1885) и «Нового времени» (1886). Конечно, во всех этих изданиях Чехов оставался самым собой, бесконечно возвышаясь над их общим уровнем. Участие в «Новом времени», где Чехов опубликовал около 50 рассказов, было следствием личных отношений с издателем газеты Суворовым — «ласковым врагом» Чехова, по меткому определению биографа писателя В. Ермалова.¹ По существу, гениального писателя-гуманиста и лукавого издателя влиятельного регрессивного органа разделяла пропасть. Впоследствии Чехов решительно порвал с «Новым временем», возмущенный, в особенности, поведением газеты во время дела Дрейфуса и связанного с ним дела Золя. Он писал тогда, что не может читать газету без омерзения, что она производит отвратительное впечатление.

Талант Чехова был рано признан в Петербурге. Одним из первых обратил на него внимание Д. Григорович (из плеяды писателей 40-х годов). Еще в 1886 г. он направил Чехову восторженное письмо, которое, по словам Чехова, его поразило, «как молния».² Сердечное внимание и глубокое почитание Чехов в Петербурге встретил и со стороны другого представителя прежних литературных поколений — А. Плещеева. Плещеев и Короленко итнули Чехова в сотрудничество в толстом петербургском журнале «Северный вестник», где в 1888—1889 гг. появились первые большие вещи Чехова — «Стень», «Огни», «Именины», «Скучная история», драма «Иванов».

В 1886 г. в Петербурге вышел сборник «Пестрые рассказы», за ним, в 1888 г., последовал (там же) сборник «В сумерках», а потом и другие сборники произведений Чехова. Первое собрание сочинений Чехова было вынуждено петербургским издателем (издававшим известную «Пиву») А. Ф. Марксом. Отношения Маркса с Чеховым являются ярким примером грубой эксплуатации писателя в буржуазном обществе: Маркс заключил с Чеховым договор, который привел издателя громадные, стотысячные барыши, а Чехова оставил плохо обеспеченным (Горький, Шалигин, Вересаев, Серафимович и другие впоследствии пытались вырвать Чехова из этой кабалы).

¹ В. Ермалов. Чехов. М., 1946, стр. 193.

² А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, т. XIII, 1948, стр. 191.

Кроме названных уже изданий, Чехов печатался в Петербурге в журналах «Север», «Всемирная иллюстрация», «Журнал для всех» и т. д. Одно из самых крупных своих произведений — «В овраге» — он опубликовал (в 1900 г.) в журнале «Жизнь», к которому близко стоял М. Горький, в котором сотрудничал и В. И. Ленин.

Чехов часто приезжал в Петербург. Попад сюда впервые в конце 1885 г., он был, как сам говорит в своих письмах, «поражен приемом», который оказали ему петербуржцы.¹ Писатель И. Л. Щеглов, вспоминая первое пребывание Чехова в Петербурге, пишет: «Кого только не перебывало тогда в его узеньком полутемном номерке гостиницы „Москва“: начиная с местных литературных знаменитостей и кончая неведомыми юными дебютами. Этот месяц его пребывания в Петербурге вышел словно „медовый месяц“ чеховской славы, и сам Чехов заметно был захвачен искренним радушием, теснившим его со всех сторон».²

Другой современный писатель — И. Потапенко, объясняя отношение к Чехову петербургских литературных кругов в 80—90-х годах, отмечает, что его появление — «такого своеобразного и так не похожего на всех» — «как бы озонило атмосферу», что Чехов «не только производил освежающее впечатление, но как-то без всяких стараний со своей стороны объединял довольно-таки разбросанные и разрозненные элементы».³ Известно, действительно, что Чехов в Петербурге явился, например, инициатором писательских (беллетристических) обедов, устраивавшихся ежемесячно с января 1893 г. — с некоторыми перерывами — до 1901 г.⁴

Чехова с Петербургом связывали не только чисто литературные, но и театральные интересы. Большое внимание Чехов, находясь и вне Петербурга, уделял общественно-политической жизни столицы. Записки современников свидетельствуют о том, с каким напряженным, взволнованным интересом Чехов следил за нарастанием освободительного движения в Петербурге перед революцией 1905 г. (до самой революции, как известно, Чехов не дожил — он умер в 1904 г.).

* * *

Петербург немалую роль сыграл в развитии литературы братских народов России. Мы здесь имеем в виду не только громадное идейно-художественное влияние всей великой русской литературы, главнейшими центрами которой были

¹ Там же, стр. 157.

² Чехов в воспоминаниях современников, стр. 113. Позднее Чехов, приезжая в Петербург, жил у Суворина, на Малой Итальянской (д. 18), потом в Эртелевом переулке (нынешняя улица Чехова, д. 6). В Эртелевом у Чехова была собственная квартира в две комнаты — она и называлась «чеховской квартирой» (сб. «А. П. Чехов», Л., 1925, стр. 188).

³ Чехов в воспоминаниях современников, стр. 246.

⁴ Чеховский сборник. М., 1929, стр. 20—22.

Петербург и Москва, на рост и развитие литератур других народов России, да и литератур народов всего мира. Речь идет о более непосредственной роли Петербурга как культурного центра, который притягивал к себе литературных и общественных деятелей различных народов, в котором многие из них подолгу жили, учились и общались с крупными представителями русской литературы и общественной мысли.

Среди представителей братских литератур, связанных в своей биографии и своим творчестве с Петербургом, на первом месте должен быть назван великий украинский поэт-революционер Тарас Шевченко.

В его жизни было два петербургских периода. О первом из них уже упоминалось в предыдущем томе нашего издания. Он захватывает все 30-е и часть 40-х годов XIX в. На это время приходится его освобождение от крепостной неволи, занятия в Академии художеств под руководством К. П. Брюллова, начало литературной деятельности, первое опубликование (в 1840 г.) «Кобзаря». Тогда состоялось знакомство Шевченко с некоторыми из будущих петрашевцев. После ареста поэта-художника в Киеве в 1847 г. по делу Кирилло-Мефодиевского общества он был доставлен в Петербург. Здесь состоялся приговор над ним, согласно которому он был отправлен рядовым в Оренбургский отдельный корпус — «под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать». Через 11 лет, 27 марта 1858 г., Шевченко вернулся в Петербург. Вице-президент Академии художеств, известный русский скульптор Ф. П. Толстой и жена его Н. И. Толстая помогли ему добиться разрешения на возвращение из ссылки в столицу. В литературно-художественном салоне Толстых Шевченко постоянно бывал потом как один из желанных и почетных гостей.

Благодаря содействию Толстых Шевченко устроил себе постоянную комнату-мастерскую при Академии художеств. Шевченко прожил в Академии художеств до последних своих дней.

Видимо, у историка Н. И. Костомарова, на «вторниках», устраивавшихся им в течение 1858/59 учебного года, когда он жил в номерах Балабича, на Большой Садовой, рядом с Публичной библиотекой, состоялась первая встреча Шевченко с Чернышевским.¹ Именно круг Чернышевского — круг революционных демократов конца 50-х — начала 60-х годов — естественно должен был стать и стал самым близким и родным для Шевченко в Петербурге в период второго его пребывания в столице.

Общение с Чернышевским и его друзьями (Шевченко, в частности, был близок в Петербурге с братьями Курочинными) многое давало Шевченко. С другой стороны, его излеченный опыт, его знание народных масс были весьма ценны для Чернышевского. Позднее, касаясь в своей публицистике польского и украинского

¹ Марвэтта Ш а г и н и в. Тарас Шевченко. М., 1946, стр. 315. Ср.: Н. А. Белозерская и Николай Иванович Костомаров. Русская старина, 1886, март, стр. 611.

вопросов, Чернышевский подчеркивал, что он опирается на авторитет Шевченко, чрезвычайно хорошо знакомого с бытом украинского народа.

В конце 1859 г. Шевченко добился в цензуре разрешения на новое издание «Кобзаря», хотя и со значительными купюрами. Издание вышло в Петербурге «скоптом Платона Семеренка» в январе 1860 г. В «Современнике» Н. А. Добролюбов откликнулся на это издание горячей статьей, в которой писал о Шевченко: «Он — поэт совершенно народный... Весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслью, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».¹

Широкая демократическая среда Петербурга окружала Шевченко большим вниманием и симпатией. Елена Штакенштейндер рассказывает о столичных литературных вечерах на рубеже 50-х и 60-х годов: «Шевченко осыпали, оглушали рукоплесканиями и самыми восторженными овациями».²

В своих стихах, написанных в Петербурге в конце 50-х годов, Шевченко выступает как смелый революционный демократ, как сторонник и проводник освободительных идей Чернышевского, Добролюбова, Герцена.

В стихотворении от ноября 1858 г. «Я, чтоб не оглядеть, не хворая» Шевченко взывал к народу:

Другого и не жди,
Не ожидай желанной воли —
Она заснула. Царь Микола приснул ее.
Чтоб разбудить больную волю поскорее, —
Обух придется закалить
И заточить топор острее —
И волю миром всем будить.

В 1860—1861 гг. в «Современнике» и «Русском слове» был опубликован ряд переводов из Шевченко («Наймичка», «Гайдамаки», «Тополя», «Катерина»)³

С Петербургом связаны также многие страницы жизни и творчества выдающейся украинской писательницы, писавшей под псевдонимом «Марко Вовчок» (Марии Маркович). Шевченко признавал ее своей преемницей. Произведения Марка Вовчка из крестьянской жизни были проникнуты горячей любовью к народу и ненавистью к его угнетателям. Демократической тенденцией проникнуты были и сочинения ее, посвященные жизни интеллигенции. Марко Вовчок писала как на украинском, так и на русском языках.

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 562—563.

² Е. А. Штакенштейндер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 433 (ср. стр. 269—270 и 518—519).

³ Значительный интерес представляют воспоминания И. С. Тургенева о его встречах с Шевченко в Петербурге, опубликованные впервые в 1876 г. Тургенев оставил картинное описание внешности Шевченко тех лет (И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, 1933, стр. 266—267).

Писательница появилась в Петербурге во второй половине 50-х годов, вскоре же после начала своей литературной деятельности. Прожив затем несколько лет за границей, Марко Вовчок в середине 60-х годов вновь поселилась в столице. Она была близка к Чернышевскому, Добролюбову, Писареву (ее родственнику, ближайшему ее другу в последние годы его жизни), Некрасову. За границей она сблизилась с Герценом и Огаревым, а по возвращении в Петербург помогала Герцену в установлении связей с русской легальной журналистикой; через нее шли также одно время сношения находившегося в эмиграции Лаврова с редакцией петербургских «Отечественных записок». Великие русские демократы исключительно высоко оценивали талант и творчество писательницы: о ней с восторгом говорят в своей переписке Чернышевский и Герцен; Добролюбов посвятил ей одну из своих сильнейших статей «Черты для характеристики русского простонародья» — по поводу вышедших в 1859 г. «Рассказов из народного русского быта» Марка Вовчка. К почитателям литературного таланта писательницы принадлежал также Тургенев, оказавший на нее влияние своими «Записками охотника». Изданные впервые в 1857 г. в Петербурге на украинском языке «Народні оповідання» Марка Вовчка в 1859 г. были там же выпущены на русском языке в тургеневском переводе («Украинские народные рассказы»).

Произведения Марка Вовчка печатались в Петербурге в «Современнике» и «Русском слове», в «Отечественных записках» (здесь опубликованы в 60—70-х годах ее романы «Живая душа», «В глуши» и т. д.) и в ряде других изданий, в том числе и в выходившем в столице в 1861—1862 гг. украинском журнале «Основа».¹

Большую роль годы пребывания в Петербурге сыграли в жизни великих представителей грузинской литературы Ильи Чавчавадзе и Акакии Церетели, а также столь известных писателей и журналистов Грузии, как Георгий Церетели или Нико Николадзе.

И. Г. Чавчавадзе во второй половине 50-х и в самом начале 60-х годов учился на юридическом факультете Петербургского университета. Идеи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, пропаганда «Современника» оказали на него громадное влияние. Это сказалось и на общественно-политических, и на литературно-эстетических воззрениях Чавчавадзе, который именно в петербургский свой период начал широкую литературную деятельность. В стихотворении «Поэт», написанном летом 1860 г. в Павловске,² Чавчавадзе заявлял:

И божественное илами
 Мне даровано судьбою,
 Чтоб земными жить делами,
 Человеческой борьбою.

¹ В «Основе» печатались неоднократно и произведения великого поэта-демократа Тараса Шевченко. Однако по преобладающему своему направлению «Основа» являлась либерально-буржуазным органом, разным выражением, в той или иной мере, взглядов украинского буржуазного национализма.

² В. Г о л ь ц е в. Грузинские писатели XIX века. М., 1948, стр. 52.

А. П. Чепур. Фотография, 99-е года XIX в.

Четыре года прожил Чавчавадзе в Петербурге в высокознаменательную эпоху русской общественной и литературной жизни; эти годы, по его словам (в его «Записках проезжего», 1861), послужили фундаментом жизни для тех, кто поехал в Россию, чтобы «образовать свой ум, привести в движение мозг и сердце, дать им толчок».¹

Чавчавадзе был одним из руководителей того передового слоя грузинской интеллигенции — тех «Тергдалеули» («испивших воды Терека»), которые, получив в главных умственных центрах России высшее образование и приобщившись к идейному движению 50—60-х годов, стремились внести освободительные идеи в грузинскую общественную жизнь.

Другим видным представителем того же поколения был Акакий Церетели, начало деятельности которого тоже относится к годам петербургской жизни (он приехал в русскую столицу в 1859 г. и до 1862 г. состоял на факультете восточных языков Петербургского университета).

Известный деятель русского театра, сам по происхождению грузин, А. Сумбатов-Южин впоследствии писал о значении Акакия Церетели: «Он был как бы проводником лучших культурных стремлений России в родную среду, вместе с Ильёю Григорьевичем Чавчавадзе — живую связью Грузии с центрами русской мысли и одновременно самобытным выразителем духовного роста своего народа, его поэтических грез и его заветных упований».² Любопытно, что в Петербурге около 1860 г. состоялась встреча Церетели с Тарасом Шевченко (на квартире у Н. И. Костомарова). «Разошлись мы друзьями, — вспоминал много лет спустя Церетели, — дав друг другу обещание встречаться почаще... Признаюсь, и первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ».³

Группа передовой грузинской молодежи, учившейся на рубеже 50-х и 60-х годов в Петербурге, в лице ряда своих членов поддерживала отношения с Н. Г. Чернышевским.

Один из грузин-шестидесятников — Я. П. Исарлишвили — сообщает: «В числе посещавших дом Чернышевского кавказцев я помню Н. Я. Николадзе, Г. Е. Церетели и Н. В. Гогоберидзе (впоследствии они, как известно, основали в Тифлисе первую грузинскую газету «Дрозда» и вообще сыграли выдающуюся роль в истории грузинской журналистики)... По делам, связанным со студенческим движением, из кавказцев В. Л. Гогоберидзе (впоследствии директор народных училищ Тифлисской губернии и крупный общественный деятель) нередко совещался с Чернышевским, Антоновичем и Елисеевым. Под сильным влиянием кружка «Современника» находился также грузин-студент кн. Кир. Беж. Лордкипанидзе (впоследствии грузинский журналист и поэт)». Кавказский литератор Г. М. Тума-

¹ И. Чавчавадзе. Повести и рассказы. М., 1937, стр. 7.

² В. Гольдман, ук. соч., стр. 96 (из журн. «Русская иллюстрация», 1915, № 6).

³ Там же, стр. 96—97 (из газеты «Закавказье», Тифлис, 1911, № 45).

нов, впервые опубликовавший это сообщение Исарлишвили, от себя добавил: «Юные поклонники Чернышевского, возвратившись на родину, горячо популяризировали в обществе и печати его идеи».¹

Н. Я. Николадзе, приехавший в Петербург в 1861 г., был из всей группы особенно близок к Чернышевскому и его семье. Временно эмигрировав за границу в середине 60-х годов, Николадзе участвовал там в подготовке первого издания сочинений Чернышевского. По сохранившимся данным, Николадзе, находясь в эмиграции, превозносил Чернышевского и говорил, что «весь проникнут идеями Чернышевского, что никогда никакая страна не производила такого человека, такого таланта, как Чернышевский».²

Одно время (1860—1861) в Петербурге жил выдающийся казахский ученый, просветитель-демократ Чокан Валиханов. Валиханов был воспитан на идеях передовых русских мыслителей 40—60-х годов. Большое влияние оказала на него встреча с Чернышевским, состоявшаяся в редакции «Современника». Валиханов после этого писал: «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо он знает жизнь не только русских. И после беседы с ним окончательно укрепился в мысли о том, что мы без России пропадем. Без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте... Чернышевский — это наш друг».³

С Петербургом во многом связана биография национальных латышских деятелей Кришьяна Валдемара, Кришьяна Барона, Юрия Алуана — поборников политического и культурного сближения латышского и русского народов, борюих против господства немецких баронов в Прибалтике. Валдемар и Барон издавали в Петербурге в 1862—1865 гг. еженедельную газету на латышском языке «Петербургас Авизес» (Петербургская газета), являвшуюся органом так называемого движения младолатышей. Пропаганда латышской газеты, несмотря на ее умеренный, либерально-буржуазный характер, вызвала крайнее озлобление со стороны баронов, реакционного духовенства и покровительствовавших им царских администраторов. Один из последних утверждал, например, в специальной записке, что «среднее направление газеты уже начинает приносить плоды, что в некоторых имениях проявляется среди крестьян недовольство своим положением и дух «неповиновения властям».⁴ Другой из ненавистников газеты заявлял публично (на пасторском съезде), что «Петербургас Авизес» «питает затаенные надежды народа и дает им выражение».⁵ В 1865 г. газета была вынуждена закрыться из-за преследований и травли.

¹ Г. М. Туманов. Характеристики и воспоминания, кн. 1. Изд. 2-е, Тифлис, 1913, стр. 232—233.

² Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, стр. 74.

³ Правда, 1952, № 323. Ср.: А. Ф. Якубин. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. М., 1954, стр. 17.

⁴ Советская Латвия, 1952, № 166.

⁵ История Латвийской ССР, т. II, Рига, 1954, стр. 102—104.

В конце 80-х годов в Петербургском университете учились Я. Плиекшан — будущий великий народный поэт Латвии Райнис — и П. Стучка, один из основателей и руководителей революционной латышской социал-демократии.

Петербург играл также важную роль в культурном и общественном движении эстонцев. Здесь существовал влиятельный среди прогрессивного эстонского общества кружок деятелей национального движения во главе с видным просветителем-литератором и педагогом Карлом Робертом Якобсоном (работал в Петербурге в 1863—1871 гг.) и известным художником Иоганном Келером.

Эти сведения можно было бы пополнить примерами из жизни и деятельности культурных деятелей других братских народов: они говорят о том значении, какое Петербург, живая связь с русской культурой и общение с ее представителями, действовавшими в Петербурге, имели для общественного и литературного движения народов России.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Важнейшим фактором культурного развития русского общества всегда являлся театр. Великий русский драматург А. Н. Островский писал в начале 80-х годов о драматическом искусстве: «Оно имеет громадную цивилизующую силу, оно везде считается одним из главных умственных интересов общества, оно оказывает могучее влияние на нравы и народное самосознание». ¹ Островский справедливо подчеркивал национальное значение театра: «Национальный театр есть признак совершенности нации... Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык». ²

Русский театр в XIX в. стоял в самых передовых рядах мирового театра. Наиболее важными центрами русской театральной культуры являлись Москва и Петербург; хотя Москве в области драматического театра принадлежало первенство, но велика была и роль петербургской драматической сцены.

Оба театра — московский и петербургский — жили в трудных и крайне неблагоприятных внешних условиях, развиваясь вопреки множеству препятствий, которые создавались обстановкой самодержавно-крепостнической, а затем (после крестьянской реформы 1861 г.) полукрепостнической России.

Малый театр в Москве и Александринский театр в Петербурге были театрами императорскими; они находились в ведении Министерства императорского двора.

¹ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, 1952, стр. 159.

² Там же, стр. 160.

Этим театрам, как и императорским театрам оперному и балетному, принадлежала в столицах, вплоть до 80-х годов XIX в., монополия на публичные театральные зрелища. Монополия мешала развитию театра, теснила, по оценке Островского, русскую сцену. В самих императорских театрах господствовали канцелярские порядки и чиновничий произвол. Во главе театрального управления царем ставились обычно лица, не связанные с театральным искусством, чуждые и враждебные развитию национальной русской сцены и в первую очередь драматической, которой они, в согласии со взглядами и вкусами «великосветской» среды, предпочитали итальянскую оперу, балет, французский и немецкий театры (в Петербурге существовали в составе императорских театров французская и немецкая труппы).

Петербургский актер Ф. А. Бурдин, один из ближайших друзей А. Н. Островского, в начале 70-х годов сообщал Островскому о своих встречах с тогдашним директором императорских театров С. А. Геденовым: «Какая у него злоба на все, какие презрение ко всему русскому... И ко всему этому насмешки над русской литературой и никакой веры, что она может создать что-либо порядочное».¹

Особенно трудным было положение театра в Петербурге, где постоянное вмешательство в его дела дворцовых кругов, гнет чиновничьего управления неизбежно чувствовалось сильнее и острее, чем в более отдаленном и потому несколько более самостоятельном в своей повседневной жизни московском театре.

Весьма тяжело отражался на театральной жизни цензурный гнет. Драматургия находилась под двойным цензурным прессом, ибо независимо от общей цензуры при публикации пьес они проходили особую театральную цензуру, состоявшую притом долгое время при III отделении царской канцелярии, являвшемся, как известно, центром политического сыска. Многие произведения драматической литературы, опубликованные с разрешения общей цензуры в печати, годами, а иногда и десятилетиями не могли попасть на сцену. Повястно, что удары цензуры обрушивались прежде всего на пьесы наиболее передовых драматургов, как Островский, Сухово-Кобылин, Тургенев и др.

Тормозом сценического дела являлся также театрально-литературный комитет, от которого, сверх цензуры, зависела постановка пьес в петербургском и московском театрах и который составлялся нередко из малоавторитетных людей, более или менее реакционно настроенных, недоброжелательных к лучшим из авторов. Островский возмущался тем, что «штырь-шесть плоских бездарностей... судят произведения настоящих художников».²

Все это, вместе взятое, задерживало нормальный рост театра, отражаясь предным образом и на репертуаре, и на положении актеров.

¹ А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Незданные письма. М.—Пгр., 1923, стр. 190—191.

² Там же, стр. 184.

История русского театра неразрывно связана с развитием русской реалистической драматургии, а также передовой эстетической мысли и критики.

Еще на предыдущем этапе развития русской сцены, характеризуемом бессмертными именами Гоголя, Щепкина, Мочалова, огромную роль сыграла деятельность великого революционного демократа В. Г. Белинского в качестве театрального критика. Белинский разъяснял и деятелям сцены, и массе публики высокие общественные и этические задачи театра, учил правде, искренности, естественности сценического творчества, заботливо воспитывал своими статьями артистические кадры в духе служения народу. В том же направлении развивалась деятельность друга и соратника Белинского — А. И. Герцена, который оказывал непосредственное личное влияние на таких корифеев русской сцены, как М. С. Щепкин.

С 50-х годов XIX в. идеи Белинского и Герцена были подхвачены и развиты Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, их сподвижниками, последователями, продолжателями Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным. Все они уделяли большое внимание вопросам драматургии, а также — в большей или меньшей степени — актерского искусства, настойчиво борясь за принципы демократического, реалистического театрального искусства, стремясь поставить драму и театр на службу освободительным стремлениям народа.

О значении, придававшемся революционными демократами театру и драматургии, красноречиво говорит заявление, сделанное Добролюбовым в конце 50-х годов: «...мы очень уважаем драматический род и хорошей комедии обрадовались бы гораздо больше, нежели столь же хорошей повести».¹

Внимательно следя за развитием драматической литературы, Чернышевский и Добролюбов, Некрасов и Щедрин горячо поддерживали все те явления театрально-драматической культуры, которые носили прогрессивный и демократический характер, и сурово, резко осуждали явления реакционные, уводящие драматургию и сцену от выполнения их благородных общественных и художественных задач.

Ярким примером благотворного влияния революционных демократов на творческую деятельность в области театра и драматической литературы является, конечно, развитие творчества Островского.

50—80-е годы в жизни русского театра неотделимы от имени А. Н. Островского, гениального драматурга, автора примерно 50 пьес, большинство которых принадлежит к самым высоким достижениям не только русской, но и мировой драматургии. Вслед за Фонвизиным и Грибоедовым, Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем Островский утвердил и упрочил великое национальное и всемирное

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1935, стр. 426.

А. П. Островский. Фотография. 1875 г.

значение русской драматургии и русского театра. Еще шире и прочнее, чем до него, с Островским на русской сцене утверждалась русская жизнь. Островский выступил как драматург-демократ, как смелый и глубокий обличитель «темного царства» крепостничества, дворянского и буржуазного хищничества. Писатель-патриот, полный веры в неиссякаемые творческие силы русского народа, Островский показал рядом с самодурами и насильниками и в противовес им длинную галерею прекрасных образов чутких, честных и самоотверженных простых русских людей. Будучи истинным чародеем русского слова, Островский на исключительную высоту поднял богатую, меткую и сочную русскую речь.

Островский сыграл громадную прогрессивную роль в истории русской литературы и театра. Но все-таки его путь не был вполне свободен от противоречий и колебаний. В годы, когда последние сильнее всего сказались (первая половина

50-х годов), на помощь Островскому пришел Чернышевский прямой, принципиальной критикой временного уклона драматурга в сторону ошибочных, реакционных построений славянофильства. Чернышевский предостерег Островского от ложных почитателей из славянофильского лагеря, которые сознательно поддерживали в нем стремление к идеализации, «ирриториному прикрашиванию» устаревших форм жизни.¹ С радостью приветствовал вскоре Чернышевский полную победу в творчестве Островского демократических, прогрессивных начал, «справды и благородства».²

Эпоху в истолковании творчества Островского, а вместе с тем в развитии русской критики, связанной с проблемами драматической литературы и театра, составили статьи Добролюбова «Темное царство» и «Луч света в темном царстве», опубликованные в «Современнике» за 1859—1860 гг. Работы Добролюбова нанесли сокрушительный удар ложным оценкам театра Островского, попыткам истолкования его в духе славянофильства (например, со стороны критика Аполлова Григорьева) или в духе либерального «объективизма», направленного к невозможному притуплению грозной обличительной силы творчества драматурга. Добролюбов закономерно увидел в пьесах Островского богатый, неисчерпаемый материал для революционного обличения, революционной пропаганды. Глубоко типические образы Островского и типические обстоятельства, в которых они выступают, Добролюбов гениально обобщил в понятии «темного царства» — «темного царства» не одного лишь купеческого быта, но всей самодержавно-крепостнической России. Добролюбов разъяснил, что Островский, «рисует нам в яркой картине ложные отношения, со всеми их последствиями», «через то самое служит отголоском стремлений, требующих лучшего устройства»; в нем находит свое выражение «современные стремления русской жизни, в самых обширных размерах», «требования права, законности, уважения к человеку».³ Критик показал зреющий в недрах темного царства протест против него (глубокий анализ образа Катерины в «Грозе»).

Важное значение для судеб русской театральной культуры, для воспитания гражданских чувств и эстетических понятий как актеров, так и зрителей имело разъяснение Добролюбовым, Чернышевским, Щедриным коренной противоположности между творчеством Островского, с одной стороны, и произведениями (одно время имевшими успех) таких поверхностных, мелкотравчатых «обличителей» либерального или полублиберального толка, как граф В. А. Сологуб (комедия «Чиновник», 1856) или Н. М. Львов (комедии «Свет не без добрых людей», 1857; «Предубеждение», 1858) и т. д.⁴

¹ И. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, 1949, стр. 240.

² Там же, т. IV, 1948, стр. 735.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 331.

⁴ Добролюбов называл Сологуба и Львова «бездарными фразерами» и подчеркивал, что их «умильные представления» поражают «полным искажением понятий о долге и чести» (Полное собрание сочинений, т. II, стр. 51, 345).

Выступления революционно-демократической критики имели неопределимое значение для формирования и совершенствования народного, реалистического направления в русской драматургии, одним из самых полных и ярких представителей которого (при том наиболее плодовитым) являлся Островский.

Появление Островского глубочайшим образом сказалось на стиле актерской игры в русском театре (а также в театрах братских народов России), укрепив и упрочив позицию реалистической школы, утвердив народность, близость к жизни, искренность и правду на театре.

Островский был другом и мудрым воспитателем артистов. Особенно он был связан с актерами Московского Малого театра, которые являлись, как правило, лучшими исполнителями его произведений. Отношения Островского с труппой петербургского Александринского театра были не столь близкими, но все же достаточно тесными.

В том ценном и важном для русского общества, что давал с 50-х до 80-х годов XIX в. репертуар современных авторов, вклад Островского был наиболее значительным. Однако место, которое театральными чиновниками фактически отводилось Островскому на сцене, не отвечало общественному и художественному значению его творчества. За время с 1855 по 1881 г. сорок три пьесы Островского были представлены труппой Александринского театра в общей сложности 1071 раз. И за эти же годы пьесы трех наиболее плодовитых из драматургов-ремесленников («драмоделов», как их называли) — Виктора Александрова (Крылова), Дьяченко и Николая Потехина — были даны 855 раз, т. е. немногим лишь менее, чем бесчисленные произведения Островского.¹

Более частому появлению на сцене произведений Островского, помимо цензурных преследований, задерживавших порой на годы их постановку, мешало противодействие высшей театральной администрации, считавшейся с пожеланиями правящих верхов, а по временам также отсталые настроения мещанско-обывательской части публики (торговцы-«гостинодворцы», некоторые слои чиновничества и пр.).

Современники свидетельствуют, что на верхах «не нравилось» направление лучших новых пьес, в первую очередь Островского, где «русская жизнь являлась во всей своей тяжелой неприглядности», что сам Александр II выражал недовольство впечатлением, производимым пьесами Островского.² Александр II и его правительство, естественно, вместо обличительных, глубоко захватывающих русскую действительность пьес Островского предпочитали поддерживать и поощрять бездумные, поверхностные, а по возможности и открыто реакционные произведения второстепенных и третьестепенных «драмоделов».

¹ А. И. Волзьф. Хроника петербургских театров, ч. III. СПб., 1884, стр. 77—78.

² Материал для истории русского театра. Из воспоминаний Ф. А. Бурдина, 1843—1883 гг. Вестник Европы, 1901, кн. 10, стр. 592.

В противоположность и «высшим сферам», и обывателям передовые и демократические круги зрителей любили и высоко ценили Островского, боролись за то, чтобы он занимал всегда в репертуаре достойное место. Для прогрессивного зрителя день 19 февраля 1853 г., когда на Александринской сцене (почти одновременно с Малым театром) появилась комедия Островского «Не в свои сани не садись», был началом новой эпохи в истории театра, эпохи вытеснения мелодрамы и водевилей, подражательства и фальши, эпохи утверждения и широкого развития подлинной народности и реализма, жизненности, простоты, правды и в драматургии, и в актерском искусстве.¹

Уже было упомянуто, что А. Н. Островский лучших исполнителей своих произведений нашел в Московском Малом театре. Однако и на петербургской драматической сцене нашлись с самого начала отдельные блестящие исполнители репертуара Островского, как великий Мартынов или Липская. При бесспорном общем превосходстве московской труппы в исполнении Островского в ряде случаев постановки новых его пьес проходили в Петербурге с таким же большим художественным успехом, как и в Малом театре.

Событием в истории Александринского театра была постановка «Грозы» Островского, впервые исполненной здесь 2 декабря 1859 г. Островский сам читал пьесу актерам и распределял между ними роли. Спектакль закончился, по отчетам современников, взрывом общего восторга. Главным «виновником» успеха, после самого автора, был А. Е. Мартынов, который уже успел до этого, на протяжении шести-семи лет, соединить свое имя с воспроизведением на сцене образов Островского в пьесах «Не в свои сани не садись», «Бедная невеста» (1853), «Бедность не порок» (1854), «В чужом пиру похмелье» (1856) и др. На обеде литераторов в честь Мартынова в 1859 г., еще до «Грозы», Островский благодарил артиста от лица авторов «нового» (т. е. народно-реалистического) направления, которым, как указывал драматург, Мартынов помог «отстаивать самостоятельность русской сцены».²

В роли Тихона Кабанова в «Грозе» Мартынов достиг еще небывалого даже и для него совершенства исполнения. По единодушным отзывам прессы, роль Тихона была сыграна настолько гениально, что воображение зрителей отказывалось представить что-нибудь выше этого исполнения.³

Первой петербургской Катериной в «Грозе» была талантливая молодая артистка Фанни Сметкова, вложившая «бездну чувства и огня» в создание поэтического образа героини драмы Островского. Замечательный образ Кабанихи

¹ Еще за неделю до премьеры комедии «Не в свои сани не садись» Александринская труппа впервые показала (12 февраля 1853 г.) небольшие «сцены» Островского «Утро молодого человека».

² А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 8.

³ Н. Н. Долгов. Первая постановка «Грозы». Ежегодник императорских театров, 1909, вып. V, стр. 114.

создала Юлия Линская, в бенефис которой и шла впервые в Петербурге «Гроза». Прочно войдя в репертуар театра, «Гроза» до 1881 г. была исполнена на Александрийской сцене 96 раз — больше какой-либо другой из пьес Островского.

После смерти Мартынова (в 1860 г.) роль Тихона в «Грозе» играл в Александрийском театре выдающийся актер Павел Васильев, один из лучших истолкователей образов Островского на петербургской сцене, очень ценный драматургом.

Среди последующих (периода 60—80-х годов) достижений Александрийского театра, как целого, в репертуаре Островского должно отметить постановку пьес «Грех да беда на кого не живет» (1863), «Шутники» (1864), «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Не все коту масленица» (1872),

«Трудовой хлеб» (1874), «Последняя жертва» (1877), «Женитьба Белугина» (Островского и Соловьева, 1878) и т. д. Поставленная в конце 1878 г. одна из наилучших пьес Островского — драма «Бесприданница» — нашла в Петербурге замечательную исполнительницу центральной роли Ларисы в лице М. Г. Савиной.

В петербургской сценической истории пьес Островского своеобразное место заняла постановка (в конце 1880 г.) комедии, написанной драматургом в сотрудничестве с Н. Я. Соловьевым, — «Светит да не греет». Прошедшая перед тем неудачно в Малом театре, пьеса в Александрийском театре имела очень большой и заслуженный успех: это был, по оценкам современников, «настоящий триумф для актеров этой (Александрийской, — *Ред.*) сцены».¹

Последнее при жизни А. Н. Островского выдающееся достижение петербургского театра в репертуаре великого драматурга связано с постановкой в январе 1884 г. комедии «Без вины виноватые». На этот раз особый успех выпал на

А. В. Сузово-Кобылин. Фотография. 80-е годы XIX в.

¹ Страна, 1880, № 90 (от 16 ноября), стр. 10. Совместно с Соловьевым написана Островским и упоминаемая ниже «Дикарка».

долю актрисы П. А. Стрепетовой (в роли Отрадиной-Кручинной). Островский писал Стрепетовой после петербургской премьеры «Без вины виноватых»: «Благодарю вас за прекрасное, артистическое исполнение новой роли; я давно твержу всем и каждому о вашем великом таланте». ¹

К концу жизни А. Н. Островского и главным образом уже после его смерти на Александринской сцене выступают такие незабываемые актеры «театра Островского», как К. А. Варламов и В. Н. Давыдов. Позднее в некоторых ролях репертуара Островского прославилась в Петербурге В. Ф. Комиссаржевская.

Вслед за Островским, в середине 50-х годов, на драматургическое поприще выступил А. В. Сухово-Кобылин, автор знаменитой трилогии: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина» — произведений, достигающих во многом гоголевской и щедринской силы, принадлежащих к самым глубоким и острым образцам русского критического реализма, русской прогрессивной обличительной драматургии, богатых рельефными типическими образами (Кречинский, Расплюев, Варравин, Тарелкин и др.), отличающихся метким, своеобразным языком. Первая постановка «Свадьбы Кречинского» состоялась в Москве (в конце 1855 г.). Весной 1856 г. Сухово-Кобылин появился в Петербурге в связи с предстоящей премьерой его пьесы в Александринском театре. Здесь Сухово-Кобылин отдал «Свадьбу Кречинского» Некрасову для опубликования — она и появилась в Петербурге в книжке «Современника» за май 1856 г. ²

Петербургская премьера «Свадьбы Кречинского» состоялась 7 мая того же года. С нею связан один из триумфов Василия Самойлова, игравшего Кречинского. Панаев в «Современнике» писал, что Самойлов удивительно воспользовался всеми данными автора, всеми полусловами, всеми намеками, чтобы воспроизвести живое типическое лицо, прямо выхваченное из действительности. ³ Сам Сухово-Кобылин горячо благодарил Самойлова, показавшего ему Кречинского «в плоти и крови», явившегося, по его словам, в этой роли «живою конкретной личностью». ⁴

«Свадьба Кречинского» имела в Петербурге большой успех и стала одной из наиболее репертуарных пьес — за время с 1855 до 1881 г. она занимает первое место по числу спектаклей среди всех произведений современных авторов и вообще уступает в этом отношении только «Ревизору» и «Горю от ума».

Показ двух остальных частей трилогии Сухово-Кобылина (обе написаны в 60-х годах) оказался, по цензурным условиям, надолго неосуществимым. Только

¹ Б. Л. Модзалевский. Из архива артиста М. И. Писарева. Ежегодник Петроградских государственных театров, 1920 (1922), стр. 88.

² Литературное наследство, т. 51—52, М., 1949, стр. 519—520.

³ Заметки Нового поэта. Современник, 1856, № 6, стр. 488.

⁴ Русская старина, 1875, январь, стр. 207. Драматург, впрочем, был недоволен тем, что Самойлов сделал из Кречинского поляка, воплекаясь «из всех сил в иностранную дикцию» (К. Л. Рудинский. Новые материалы о Сухово-Кобылине. Ежегодник Института истории искусств, 1955. Театр. М., 1955, стр. 270).

в 1882 г. удалось показать в Александринском театре — с цензурными изменениями и сокращениями — драму-сатиру «Дело», смело обличающую царскую бюрократию. В спектакле участвовали Давыдов, Варламов, Н. Ф. Сазонов, Ф. П. Горев, И. П. Киселевский.¹ Пьеса была возобновлена в 1892 г. Один из друзей драматурга отмечает, что драму Сухова-Кобылина тогда «оставили предпочтительно на Михайловском театре, как бы избегая влеса Александринского театра и предпочитая более избранную публику».²

В начале 90-х годов, когда последняя часть трилогии все еще не могла провикнуть на сцену, Сухово-Кобылин писал: «Прожить 75 лет на свете и не успеть провести трех пьес на сцену! Какой ужас: надеть пожизненный намордник на человека, которому дана способность говорить! И за что? За то, что его сатира на порок произведет не смех, а содрогание».³

Лишь в 1900 г. комедия («трагический фарс», как ее еще называют) «Смерть Тарелкина», под измененным заглавием «Веселые расплюевские дни» и с существенными искажениями, увидела сцену — в основанном в Петербурге в 90-х годах театре Литературно-художественного общества (Малый, или Суворинский театр). Для так называемых «народных» театров пьеса и после того осталась под запретом. «Автор, — писал цензор, — яркими красками очерчивает произвол, вымогательство и взятки представителей правительственной власти. Подобные пьесы, дискредитирующие власть, нельзя не признать для простолюдия безусловно вредными».⁴

Начиная с 50-х годов, в Александринском театре был исполнен ряд пьес А. Ф. Писемского. Впервые в театре Писемский предстал перед петербуржцами во время Крымской войны (пьеса «Ветеран и новобранец»). В Петербурге потом игрались его «Ипохондри», «Горькая судьбина», «Ваал», историческая пьеса из времен Павла «Самоуправцы» и т. д.

Крупное значение в истории драматургии и театра имела «Горькая судьбина», написанная в Петербурге в 1859 г. и тогда же здесь напечатанная (в журнале «Библиотека для чтения»), но к представлению не допущенная III отделением. «Горькая судьбина» — одна из ранних пьес, посвященных крестьянской теме, столь волновавшей общественное мнение и печать накануне реформы. Гончаров летом 1859 г. писал из-за границы, что драма, над которой работает Писемский, его занимает даже больше его собственного романа («Обломов»), «потому что драма касается близко самого живого, все и всех охватившего вопроса».⁵ Правда, рево-

¹ П. Г в е д и ч. Хроника русских драматических спектаклей на императорской Петербургской сцене 1881—1890 годов. Сборник историко-театральной секции (театр. отдела Наркомпроса), т. I, Пгр., 1918, стр. 13—14.

² А. Р е м б е л и н с к и й. Из воспоминаний старого театрала. Театр и искусство, 1917, № 5, стр. 93.

³ Н. В. Д р и з е н. Материалы к истории русского театра. М., 1905, стр. 189.

⁴ С. С. Д а н и л о в. Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Л.—М., 1949, стр. 12—13.

⁵ Невский альманах, вып. II, Пгр., 1917, стр. 38.

люцидно-демократическая критика не могла быть удовлетворена тем, как был поставлен крестьянский вопрос Писемским, и даже тем, как трактовались в его драме отдельные народные типы, особенно главный герой Ананий Яковлев. И Добролюбов, и позднее Щедрин сильно критиковали «Горькую судьбину». И все-таки пьеса Писемского, с ее захватывающими драматическими положениями и рядом ярко очерченных характеров, объективно воспринималась зрителем (когда она была поставлена) как протестующая, антикрепостническая. Именно этого боялось правительство, запрещая ее. Только в 1863 г. запрет был снят.

При первых исполнениях «Горькая судьбина» в Александринском театре (как и в Малом) не нашла вполне подходящих исполнителей ряда важных ролей.

Новая жизнь для драмы Писемского началась с появлением в ней в обеих столицах П. А. Стрепетовой, лучшей во всей сценической истории «Горькой судьбины» исполнительницы главной женской роли — крестьянки Лизаветы. Петербург познакомился со Стрепетовой—Лизаветой в 1876 г. на сцене клуба художников и на гастрольном спектакле артистки в Александринском театре. Когда Стрепетова вошла (в 1882 г.) в труппу Александринского театра, для нее возобновили «Горькую судьбину». Потом, в 1890 г., Александринский театр опять поставил драму Писемского для Модеста Писарева, прославленного актера, одного из лучших исполнителей роли крестьянина Ананья Яковлева.

Из всех «крестьянских» пьес именно драма Писемского, наряду с гораздо позднее появившейся «Властью тьмы» Льва Толстого, в течение многих лет сохраняет свой интерес для демократического зрителя. При возобновлении «Горькой судьбины» в Александринском театре в 1890 г. печатью отмечался характерный факт: «...бель-этаж и первые ряды кресел были пусты, зато остальные места были переполнены, и в верхних ярусах сидели друг на друге».¹

С петербургским театром теснейшим образом связана сценическая история драматических сочинений И. С. Тургенева.

Деятельность великого писателя-реалиста в области драматургии относится ко второй половине 40-х и началу 50-х годов. Неудовлетворенный преобладающим характером драматургии 30—40-х годов (за исключением, конечно, Гоголя, которого он ценил безмерно), Тургенев искал новых путей драматической литературы и создал ряд произведений, отличающихся, при отсутствии эффектов и внешне занимательного действия, остротой социальных характеристик, тонкой психологической разработкой образов, блестящим диалогом. В значительной своей части тургеневские пьесы перекликались по тематике и общему настроению с «Записками охотника», работа над которыми велась автором в те же годы. Обличительные тенденции ряда тургеневских пьес, направленных против крепостнического дворянства, сделали их объектом преследований со стороны общей и

¹ Артист, 1890, кн. 4 (11), стр. 186.

театральной цензуры. С этим связано то обстоятельство, что им пришлось увидеть сцену далеко не в том хронологическом порядке, в каком они были написаны.

Большинство пьес Тургенева впервые было поставлено в Александринском театре.

Первая тургеневская премьера прошла в Петербурге в 1849 г., в бенефис М. С. Щепкина, знаменитого артиста Московского Малого театра, гастролировавшего тогда в Петербурге. Это была комедия Тургенева «Холостяк», в которой потом, через десять лет, блеснул в игравшейся ранее Щепкиным роли Мошкина А. Е. Мартынов.

Выпуская в 1869 г. в первый раз собрание своих «Сцен и комедий», Тургенев писал: «Не могу... не упомянуть с чувством глубокой благодарности, что гениальный Мартынов удостоил играть в четырех из этих пьес и, между прочим, перед самым концом своей блестящей, слишком рано прерванной карьеры, превратил, силою великого дарования, бледную фигуру Мошкина (в «Холостяке») в живое и трогательное лицо».¹ Три других (кроме «Холостяка») пьесы, в которых играл Мартынов, — это «Завтрак у предводителя» (поставлен в Александринском театре в конце 1849 г., при участии В. В. Самойлова, И. И. Сосницкого), «Провинциалка» (поставлена в 1851 г.; в ней вместе с Мартыновым с замечательным успехом играли Вера Самойлова — «провинциалка» — и Василий Самойлов), «Безденожье» («Сцены из петербургской жизни молодого дворянина»; поставлены в 1852 г.).

Только в 1862 г. появился на Александринской сцене тургеневский «Нахлебник», написанный еще в 1848 г. для Щепкина, но больше десяти лет остававшийся под запретом, так как цензура нашла в нем оскорбление дворянского сословия.²

В. В. Самойлов. Гравюра.

¹ И. С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 9, 1949, стр. 5. Не нужно доказывать, что наименование фигуры героя «Холостяка» бледной надо отнести на счет скромности драматурга.

² Н. В. Дризен. Драматическая цензура двух эпох. Книгозд. «Прометей», 6 г., стр. 77.

Роль Кузовкина, в Москве исполнявшаяся Щенкиным, в Петербурге превосходно была сыграна Павлом Васильевым.

Знаменательным событием в летоисчислении Александрийской сцены и всего русского театра вообще явилась постановка 17 января 1879 г. пьесы Тургенева «Месяц в деревне», написанной в первой редакции (под названием «Студент») еще в 1849—1850 гг. «Месяц в деревне» для петербургской сцены был «открыт» Савиной. Избран его, вопреки предостережениям относительно будто бы «несценичности», для своего бенефиса, Савина в совершенстве исполнила роль Верочки, вызвав восхищение со стороны не только всей публики, всей печати, но и самого автора.¹ Впоследствии М. Г. Савина в той же пьесе Тургенева играла и вторую женскую роль, которой сам автор отводил при написании комедии решающее место, — Наталью Петровну.

Наряду с Мартыновым, Савиной, Верой и Василием Самойловыми, П. Васильевым свое имя с тургеневской драматургией в Александрийском театре тесно связал В. П. Давыдов, с поразительной силой игравший впоследствии Мошкина в «Холостяке» и Кузовкина в «Нахлебнике».

Из великих русских классиков второй половины XIX в. с историей драматургии и театра тесно связаны также М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов.

Салтыковым были написаны две большие пьесы — «Смерть Пазухина» (напечатана в 1857 г.) и неопубликованная при жизни автора комедия «Тени». «Смерть Пазухина», в ярких образах обнажавшая растленные права привилегированной общественной среды, готовой на все ради обогащения, была запрещена: цензура нашла, что «лица, представленные в этой пьесе, доказывают совершенное нравственное разрушение общества» (цензура боялась, конечно, разоблачения «верхов» общества, господствующих классов).² Только с конца 80-х годов «Смерть Пазухина» появилась на некоторых провинциальных сценах, а в 1893 г. она впервые попала на столичные сцены — Александрийского театра в Петербурге и театра Корша в Москве. Первыми исполнителями пьесы Салтыкова-Щедрина в Петербурге явились Варламов, Давыдов, П. М. Медведев и др. Пьеса «Тени» — острейшая сатира на бюрократические верхи, на господствующие элементы царской России — единственный раз поставлена была в Петербурге, в Мариинском театре в память 25-летия со дня смерти писателя, в 1914 г. (по инициативе Литературного фонда). Настоящая ее сценическая история начата совсем недавно, постановкой Театра им. Ленинградского Совета в сезон 1952/53 г., открывшей серию постановок в разных театрах Советской страны.

Таким образом, главные произведения, писавшиеся демократом-сатириком собственно для сцены, при его жизни не увидели ее. Однако при жизни Салты-

¹ Тургенев и Савина. Пгр., 1918, стр. 66.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. IV, 1935, стр. 480.

кова-Щедрина все таки в Петербурге шли отрывки и переделки из его произведений: из «Губернских очерков», «Невинных рассказов» (между прочим, драматический эпизод «Утро у Хрептюгина»). Большой популярностью пользовалась инсценировка «Господ Головлевых» под названием «Иудушка», сделанная драматургом Н. Куликовым; в ней с громадным успехом выступал в 80-х годах в Москве и в провинции, а потом и в Петербурге (на частной сцене) известный актер В. Н. Андреев-Бурлак.

Салтыков-Щедрин проявлял большой интерес и внимание к театру, в особенности к деятельности петербургской драматической сцены. Он опубликовал в «Современнике», а потом в «Отечественных записках» много статей и отзывов и об исполняемых пьесах, и об исполнителях. Работа Щедрина как критика драматургии и театра имела большое значение в деле разоблачения попыток превратить театр в орудие реакции, в борьбе против бездельности, обывательщины на театре. Обличая и высмеивая таких драматургов, как Львов, Устрялов, Мани, Чернявский, Дьяченко и другие, Щедрин горячо поддерживал передовых деятелей русского театра во главе с Островским. Щедрин обосновывал принципы реалистического искусства, стремился поднять общественное значение театра, учил актеров распознавать пустоту, гниль, лицемерие, фарисейство мещанской, охранительной драматургии — не только русской, но и западной (известная статья «Драматурги-паразиты во Франции»).

Лев Толстой знал петербургский театр с 50-х годов. Он был восторженным почитателем А. Е. Мартынова, о котором он впоследствии отзывался: «За всю свою жизнь я не видел актера выше Мартынова».¹ Когда во второй половине 80-х годов Л. Н. Толстой создал свою народную драму «Власть тьмы» — эту потрясающую картину русской пореформенной деревни, и комедию «Плоды просвещения», передовые деятели петербургского театра сразу проявили к ним огромный интерес и повели борьбу за их воплощение на сцене.

«Власть тьмы» еще в 1886 г. по рукописи читалась в Петербурге в Обществе любителей сценического искусства.² М. Г. Савина тогда же решила поставить драму в свой бенефис; она ездила к Толстому за указаниями относительно постановки. Подготовка к последней велась в начале 1887 г. усиленным образом, прошло много репетиций; в городе с волнением ожидали спектакля. Один из петербургских корреспондентов Толстого в марте 1887 г. писал ему, что впечатление от

¹ С. Д у р ы л и н. Лев Толстой и актеры. Советское искусство, 1940, № 59.

² Известно и о чтении драмы (читал А. А. Стахович) у В. Г. Черткова, в присутствии художников Решина, Мясоедова, писателя Гаршина и других, в начале января 1887 г. (И. Е. Решин и Л. Н. Толстой. I. М.—Л., 1949, стр. 13; Корреспонденты Л. Н. Толстого. Сост. Ф. В. Буслаян. М., 1940, стр. 129, ср. стр. 88, 112, 115, 121—123). Стахович читал также неоднократно драму Толстого зимой 1886/87 г. в великосветских салонах столицы с целью побороть на верхах сопротивление разрешению на печатание и постановку «Власти тьмы» (Л. Н. Т о л с т о й, Полное собрание сочинений, т. 26, 1936, стр. 716, 721).

«Власти тьмы» «растет, бродит, разворачивается — и в публике, и в театральном мире».¹ Но вмешательство Победоносцева привело к запрещению постановки. Ввиду преследований со стороны правительства (была сорвана и новая попытка поставить пьесу в бенефисе александринского актера П. М. Свободина) первые постановки драмы Толстого «Власть тьмы» осуществились не в России, а за границей (впервые драма появилась в 1888 г. на сцене парижского Свободного театра Антуана). В январе 1890 г., несмотря на различные «предупреждения» и угрозы со стороны недоброжелателей, «Власть тьмы» была поставлена в Петербурге, под режиссерством В. Н. Давыдова, в домашнем театре великосветских любителей А. В. и В. И. Приселковых, в присутствии многих артистов, литераторов, художников. Это первое в России представление «Власти тьмы» прошло с большим художественным успехом. А. П. Чехов, присутствовавший на спектакле, писал в Москву А. И. Южину-Сумбатову: «Видал я „Власть тьмы“ у Приселковых. Хорошо».²

Прошло около шести лет, прежде чем оказалось возможным публичное представление драмы Толстого. Почти одновременно она была поставлена в Александринском и Суворинском театрах в Петербурге (в октябре 1895 г.) и в Московском Малом театре.

Спектакль в Александринском театре шел при участии Н. С. Васильевой (она и добилась для своего бенефиса разрешения на постановку), Савиной, Давыдова, Варламова, Сазонова. Он был воспринят общественностью и печатью как большое событие. «Сегодня много, долго, порою страстно говорят в Петербурге, завтра заговорят в Москве, потом, вероятно, с еще большею страстностью, с более возбужденным интересом заговорит и провинция», — писала, отражая настроение широкой публики, одна из столичных газет («Новости»)³ С. А. Толстая в письме к Н. С. Васильевой признавала, что «Власть тьмы» сыграна прекрасно — «многие играют в Петербурге гораздо лучше, чем у нас», — писала она.⁴

Блестящая толстовская комедия «Плоды просвещения», несмотря на свой обличительно-сатирический характер и противопоставление представителей крестьянства общественным верхам, легче проникла на сцену. Она также впервые была поставлена в Петербурге любителями, под руководством В. Н. Давыдова (в апреле 1890 г. в «Китайском театре» в Царском Селе). Через полтора года, в сентябре

¹ Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, стр. 347.

² Первая постановка «Власти тьмы» на любительской сцене в 1890 г. (Из воспоминаний А. В. Приселкова). Ежегодник императорских театров, 1909, вып. 1, стр. 29—30; Чеховский сборник. М., 1929, стр. 57.

³ Из воспоминаний Н. С. Васильевой о первых постановках «Власти тьмы» и «Плоды просвещения» на сцене Александринского театра. Ежегодник императорских театров, 1911, вып. 1, стр. 12—24.

⁴ А. П о л и к о в. К истории постановки «Власти тьмы». Бюро петроградских государственных театров, 1919, летний выпуск, стр. 148.

1891 г., удалось поставить «Плоды просвещения» в Александрийском театре. В спектакле участвовали П. М. Свободин, В. П. Далматов, М. И. Писарев, А. И. Абарина, Н. С. Васильева, В. А. Мичурин-Самойлова. Давыдов играл «третьего мужика». Современники отмечали тонкость исполнения — глубокого, богатого бытовыми подробностями.¹

Меньше, чем с Толстым, повезло Александрийскому театру с Чеховым. В другом месте (в т. III) будет речь о неудаче, постигшей театр при первой постановке чеховской «Чайки» (в 1896 г.). Однако за семь с лишним лет до этого (в 1889 г.) постановка первой большой чеховской пьесы «Иванов» прошла в Александрийском театре блистательно, отличаясь исключительным ансамблем (Давыдов, Стрепетова, Варламов, Савина и др.).

А. К. Толстой. Гравюра на дереве. 1876 г.

Классическая русская драматургия середины и второй половины XIX в. имеет еще одного выдающегося представителя в лице А. К. Толстого, автора исторической трилогии: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Трилогия была написана в 60-х годах, но тогда могла попасть на сцену только первая ее часть, да и то с цензурными исключениями.

Постановка трагедии «Смерть Иоанна Грозного» в Александрийском театре (первое представление состоялось в помещении Мариинского театра 12 января 1867 г.) произвела на современников сильное впечатление. Помимо литературных достоинств трагедии, успех обусловили исключительное богатство и тщательность постановки, на которую сделаны были небывалые затраты и для осуществления которой объединились крупные силы художников, историков, археологов; в особенности должно отметить большого художника, исторического живописца В. Г. Шварца (по его эскизам были изготовлены костюмы) и театрального декоратора М. А. Шишкова.

¹ А. Ф. Кош. На жизненном пути, т. II. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 68.

Высшая администрация в те времена держала русскую драму в черном теле; «новая декорация в Александринском театре считалась чуть ли не сверхъестественным чудом», — писал в середине прошлого века близкий к этому театру человек.¹ При таких условиях станет понятным удивление и восхищение зрителей, «... в первый раз русская сцена явилась перед публикой в умытом виде и опрятном платье», — с удовлетворением писал А. Н. Островскому актер Бурдин под впечатлением премьеры трагедии А. К. Толстого.² Сам автор приписывал большую долю успеха «точности и красоте декораций и костюмов».³ Хотя спектакль богатством обстановки был обязан случайным обстоятельствам (личному расположению Александра II к автору), все же это был важный прецедент, и постановка «Смерти Иоанна Грозного» оказала благотворное влияние на положение театрально-художественной части в Александринском театре.

Допущенная на петербургскую, а затем и на московскую сцену, «Смерть Иоанна Грозного», однако, была запрещена Александром II для провинциальных театров (кроме трех). А «Царь Федор Иоаннович» уже оказался недоступным и для Александринской сцены. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев нашел трагедию «совершенно невозможной для сцены» без существенных переделок, на которые Алексей Толстой не пошел. «Царь Федор» впервые исполнялся в 1890 г. в домашнем спектакле у кн. М. С. Волконского, под режиссерством «учителя сцены» Мариинской оперы О. О. Палечека; Федора очень удачно играл С. М. Волконский, будущий недолгий директор театров, писатель по вопросам сцены. Спектакль многократно повторялся, но был доступен лишь так называемому «высшему свету».⁴ Первое действительно публичное исполнение «Царя Федора Иоанновича» в Петербурге состоялось в театре Литературно-художественного общества 12 октября 1898 г. — почти одновременно с исторической премьерой трагедии в Московском Художественном театре. Образ Федора создал тогда в Петербурге П. Н. Орленев.

«Царя Бориса» автор публично читал в Петербурге в марте 1870 г.⁵ Через двадцать лет «Борис» шел в Петербурге (несколько раз) в любительском исполнении в Эрмитажном театре. В 1898 г. «Царь Борис» был поставлен на сцене Александринского театра в бенефис известного артиста Ф. П. Горела.⁶

Весьма заметное место в репертуаре Александринской сцены второй половины XIX в. занял Алексей Потехин. За время с 1855 по 1881 г. имя его стоит пятым в списке авторов, чьи пьесы наиболее часто ставились в Александринском

¹ Г. М. Максимов. Свет и тени петербургской драматической труппы за прошедшие тридцать лет (1846—1876). М., 1878, стр. 120.

² А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Незданные письма, стр. 61.

³ Письма гр. А. К. Толстого к друзьям. Вестник Европы, 1895, кн. 12, стр. 617.

⁴ М. Старожилон. Из театрального прошлого. Театр и искусство, 1913, № 20, стр. 441—442; Н. В. Дризен. Сорок лет театра. Воспоминания 1875—1915. Пгр., 6. г., стр. 85—91.

⁵ Всемирная иллюстрация, 1870, № 68, стр. 289.

⁶ Театр и искусство, 1898, № 51, стр. 948—950.

театре, а если отбросить «драмоделов» Александрова (Крылова) и Дьяченко, то А. А. Потехин окажется третьим, уступая по общему числу спектаклей Островскому и Гоголю. Алексея Потехина называли драматургом-народником, но, по справедливой оценке советской критики, это был народник без революционного духа старого, боевого народничества. Свою репутацию народника А. А. Потехин приобрел благодаря написанным им пьесам и беллетристическим произведениям из крестьянского быта. На театральной сцене А. А. Потехин выступил пионером в деле изображения крестьянства, поставив в 1854 и 1855 гг. крестьянские по тематике пьесы «Суд людской — не божий» и «Чужое добро в прок нейдет». В предреформенный период этим пьесам Алексей Потехина был обеспечен шумный успех. К тому же вторая из этих пьес, поставленная в Александринском театре 16 декабря 1855 г., оказалась исторической вехой в творческой жизни Мартынова, представшего тут (в роли крестьянина-ямщика Михайлы) во всем величии своего драматического таланта: до этой роли на Мартынова смотрели только как на комика, хотя и своеобразного. Потехин создал также пьесы из жизни дворянско-помещичьего общества и чиновничьей среды. Некоторые из них принимались очень хорошо, например «Мишура», опубликованная в 1858 г., но на сцену допущенная только в 1862 г. (эта комедия, по признанию Добролюбова, «умная и резкая», при первом появлении гораздо лучше прошла в Москве, чем в Петербурге), «Отрезанный ломоть», впервые поставленный в 1865 г., однако быстро свитый с репертуара, так как он был найден в правящих кругах оскорбительным для дворянства, и новой постановки дождавшийся только через много лет. В Александринском театре яркие образы в пьесах Алексея Потехина были созданы, кроме Мартынова, Самойловым, П. Васильевым, Александрой Брошель, Савиной, Стрепетовой и др. А. А. Потехин связан с историей Александринского театра не только как автор-драматург: в течение почти всех 80-х годов он являлся управляющим русской драматической труппой.

Многие современники сравнительно высоко оценивали итоги деятельности А. Потехина как руководителя Александринской труппы в деле улучшения репертуара. Во время празднования юбилея 50-летней деятельности А. А. Потехина, происходившего в Александринском театре в 1901 г., прямо утверждалось, что он создал «литературный репертуар», освободив театр от всего чуждого серьезному искусству.¹ Несомненно, действительно, усилия Алексея Потехина в направлении повышения уровня драматического репертуара, однако они не были достаточно последовательными и постоянными и не принесли больших реальных достижений.

Между тем, репертуарная сторона почти неизменно, на протяжении всего существования дореволюционной Александринской сцены, оставалась слабым местом театра. «Я думаю даже, что наша труппа всегда была выше ее репертуара», — писал один из старых театралов Петербурга,² выражая широко распространенное

¹ Театр и искусство, 1901, № 43, стр. 762.

² К. Скальковский. В театральном мире. СПб., 1899, стр. XIV.

убеждение. И в самом деле, постановки лучших произведений классиков русской драматургии, постановки, из которых не одна имела историческое значение в развитии театра в России, подчас тонули в массе слабых, иной раз просто пичтожных пьес повседневного, так называемого текущего репертуара. Такие пьесы, как Алексея Потехина, принадлежали даже к лучшим в этом текущем репертуаре. Известное литературное значение имели также некоторые (далеко не все) пьесы П. Д. Боборыкина, П. М. Невежина и т. д.; с немалым интересом в свое время принимались произведения, писавшиеся для сцены в конце столетия известными русскими театральными деятелями А. И. Южиним-Сумбатовым, В. И. Немировичем-Данченко. Преобладающее место в повседневном репертуаре чаще всего занимали пьесы безыдейные, обывательские, банальные, пьесы чисто ремесленного характера.

Брат А. А. Потехина, Николай Потехин, был одним из главных поставщиков таких пьес, так же как В. А. Дьяченко, В. А. Крылов и др. Виктор Дьяченко, выступивший в 1861 г. в Александринском театре со своей первой пьесой («Жертва за жертву»), за полтора десятка лет поставил тут 22 драмы и комедии, которые прошли несколько сот раз. Широчайшим образом ободуживал обывательскую публику Виктор Александров (Крылов) своей откровенно «пищеварительной» драматургией, своими бесконечными перелицовками легковеснейшего иностранного репертуара. Появившись на Александринской сцене в 1865 г., Крылов за первые 15 лет своей деятельности поставил более 25 пьес, которые прошли в общем свыше 400 раз; с такой же интенсивностью он продолжал заполнять сцену и в течение 80—90-х годов. В середине 90-х годов Виктор Крылов на несколько лет оказался даже официальным руководителем Александринской труппы. А. Н. Островский не раз выражал свое возмущение заслугам В. Крылова и подобных ему авторов, тем, что театр «забывает свой репертуар ненужными и неинтересными пьесами», от которых «публика мельчает», «тон и манера исполнения падает».¹

Талантливые актеры умели часто и при жалком, в художественном и идейном отношении, драматургическом материале создавать запоминающиеся, интересные образы, но это сплошь и рядом приводило даже к отрицательному результату, упрочивая на сцене не только пустой и пошлый, чисто развлекательный, но, как нередко случалось, вопиюще реакционный, открыто враждебный молодым и свежим силам русской жизни репертуар.

Со стремлениями господствующих сфер увести зрителей от пьес с серьезной гражданской тенденцией, от идейного репертуара в сторону голый развлекательности в значительной мере связано и культивирование на императорской драматической сцене опереточного жанра. Это «безобразное уклонение», как потом с возмущением писали историки театра, от настоящего назначения драматической сцены характеризует репертуар Александринского театра второй половины 60-х

¹ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 149, 209.

и начала 70-х годов и связано также с общественными настроениями периода временного упадка освободительной борьбы и особо грубого натиска реакции. Дело доходило до того, что на оперетту (главным образом переводную с французского) отводилось, как например в сезон 1868/69 г., до четверти всех представлений.

Борьба за общественно значимый, за жизненно правдивый, идейно и художественно полноценный репертуар составляла важную задачу передовых литературных и общественных кругов, лучших элементов актерской среды.

Нельзя не признать, что труппа Александринского театра заметно отставала в этом отношении от артистического коллектива Московского Малого театра, в котором всегда оказывалось больше таких борцов, и были они, как правило, гораздо более упорны и последовательны в своих попытках добиться преобладания на сцене репертуара высоких идей, больших и благородных чувств. Значительно более тесные связи Московского Малого театра с прогрессивными общественными кругами, с литераторами, с университетом, с молодежью питали и поддерживали более ясно выраженные у него гражданские настроения и стремления.

Надо заметить, что известное отставание Александринской сцены в большей еще мере, чем в части русского репертуара, сказывалось в сфере репертуара западноевропейского. Если текущая чисто буржуазная драматургия Запада (главным образом французская) занимала в репертуаре Александринского театра более или менее заметное место, то западная классика в общем слишком мало была представлена и уровень постановок подчас оказывался недостаточно высоким. Сравнительно с другими мировыми классиками чаще давался Шекспир (в первую очередь — «Гамлет», также «Король Лир», «Отелло», «Венецианский купец», «Макбет», комедии «Много шума из ничего», «Укрощение строптивой»). Но взятое само по себе число представлений шекспировских творений было невелико; так, за четверть века между 1855 и 1881 гг. общее число всех шекспировских спектаклей немногим превысило сотню. Примерно вдвое реже давали Мольера («Гарпюфа», «Скупой», «Дон Жуан», «Проделки Скапзна», «Школа мужей» и др.). Крайне редко давали Шиллера. Лишь к концу обозреваемого периода значительное число спектаклей было отведено возобновленной в театре драме Шиллера «Коварство и любовь». Мало ставились Бомарше, Гольдони; долго для Александринской сцены не существовало пьес Лопе де Вега. Выполненные сплошь и рядом без должной тщательности, без достаточно глубокого подхода, постановки шедевров мировой классики, случалось, сразу после премьеры исчезали — и надолго — из репертуара.¹ При всем том даже редкие представления западных классиков имели существенное культурное значение. Нельзя забывать и того, что немало было и

¹ «Эмелин Галотти» Лессинга была снята (в 1878 г.) после двух представлений; «Виндзорские прованзницы» Шекспира, сыгранные в 1887 г. один раз, вновь вернулись в репертуар через 17 лет.

больших творческих удач у ряда александринцев в воспроизведении образов западноевропейской классики (Мартынов, Самойлов, Стрельская, Савина, Варламов, Давыдов и др.). Свежая, живая струя не раз вносилась в спектакли, посвященные великим драматургам Запада, гостившими в Александринском театре корифеями Московского Малого театра (С. В. Шумский — в мольеровском репертуаре в 60—70-х годах, Г. Н. Федотова и т. д.). А. П. Ленский, несколько сезонов (в 80-х годах) служивший в труппе Александринского театра, способствовал поднятию интереса к шекспировской комедии.¹

* * *

Как исполнительский коллектив, Александринский театр в описываемую эпоху знал как периоды подъема, так и периоды большего или меньшего упадка. К концу 40-х и началу 50-х годов в числе наиболее крупных деятелей Александринской сцены находились В. А. Каратыгин и Я. Г. Брянский, Иван и Елена Сосницкие, Мартынов, Алексей Максимов, Василий, Вера и Надежда Самойловы, Юлия Ливская, П. И. Орлова, П. А. Каратыгин и др. В 1853 г. умерли почти одновременно Брянский и знаменитый трагик Василий Каратыгин, а Вера Самойлова оставила сцену. Вскоре умерла даровитая актриса Сосницкая. С другой стороны, в середине 50-х годов труппа пополнилась Ф. А. Светковой, известным актером-рассказчиком И. Ф. Горбуновым, Варварой Стрельской и др. В таком составе александринцы работали во второй половине 50-х годов, когда в связи с большим подъемом всей общественной и культурной жизни особенно оживленной стала и петербургская театральная жизнь.

Современник (известный либеральный публицист и юрист К. К. Арсеньев) вспоминает: «Вторая половина пятидесятых годов была временем подъема русской сцены. В Москве он начался гораздо раньше; в Петербурге он стал особенно заметен вслед за окончанием (Крымской, — *Ред.*) войны. Именно тогда расцвел во всем блеске талант Мартынова... Полной зрелости достигло тогда же дарование

¹ Некоторым коррективом к односторонней репертуарной линии руководства Александринской сцены могли служить — но, как правило, только для ограниченной, привилегированной части зрителей — постановки пьес Мольера, Бомарше, Гюго и т. д. французской труппой, игравшей постоянно в Михайловском театре. Большое культурное значение имели гастрольные выступления ряда видных деятелей западного театра, особенно — для шекспировских трагедий (негритянский трагик Айра Олдридж, гостивший в Петербурге во второй половине 50-х годов, итальянцы Аделанда Ристори, бывшая здесь в 1860 г., Эрнесто Росси, приезжавший в 1877, 1878, 1890 гг., Томазо Сальвини, посетивший впервые Петербург в 1882 г., Элеонора Дузе, игравшая в 1891 г., и др.). В отношении постановок Шекспира и в еще большей степени Шиллера для петербургского зрителя имели значение спектакли немецкой Мейнингенской труппы (при участии Людвиг Барная) и в 1890 г. Следует также отметить, из числа многих других, гастрели известного французского актера, замечательного исполнителя мольеровского репертуара Коклена-старшего.

Самойлова. Еще не состарился Сосницкий, несравненный Репетилов, в роли Городничего выдерживавший соперничество со Щепкиным. Превосходным Чацким был Максимов... В пьесах Островского выдвинулась Лисская и в „Грозе“ промелькнула мимолетной звездой Сметкова... Выше всех, однако, стоял Мартынов.¹

Но при вступлении в 60-е годы театр в течение двух-трех лет лишился ряда своих главных деятелей. Орлова и Надежда Самойлова покинули сцену; умерли Мартынов и Максимов. Смерть Мартынова была для Александринского театра тяжелым ударом.

В течение 60-х и в начале 70-х годов из старого, дореформенного, состава Александринской труппы в полном обладании своих сил оставались в сущности Самойлов и Лисская. Как бы на смену Мартынову пришел в 1860 г. Павел Васильев, который, однако, при всем своем огромном даровании только отчасти мог восполнить потерю Мартынова. Выдающаяся молодая актриса А. К. Брошель пробыла на сцене только несколько лет (в середине 60-х годов). Вновь принятые артисты Н. Ф. Сазонов, И. И. Монахов не сразу развернулись в полную меру своих талантов. «Персонал петербургской русской сцены возобновляется до крайности туго», — жаловался в 1868 г. Салтыков-Щедрин в «Отечественных записках».²

Ю. Н. Лисская в роли Кабанихи. «Гроза» А. Н. Островского в Александринском театре. 1859 г.

¹ К. Арсеньев. Из театральных воспоминаний. Голос минувшего, 1917, № 2, стр. 238.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. VIII, 1937, стр. 91.

Жалобы в печати и среди зрителей на изъязы труппы Александринского театра, в первую очередь в ее женском составе, на недостаточно высокий уровень многих его спектаклей особенно часты и резки во второй половине 60-х и в начале 70-х годов.

В этот период петербуржцы особенно остро сознавали отставание своей драматической труппы по сравнению с московской. Приезды корифеев Московского Малого театра (Щепкина, Садовского, Шумского и др.) всегда и раньше очень радовали петербургского зрителя; они несомненно оказывали положительное влияние на творческую деятельность Александринской сцены. Теперь, в пору заметного (хотя бы и временного) оскудения Александринской труппы, игрой гостей-москвичей оно еще сильнее подчеркивалось. В 1870 г. в связи с гастролем в Петербурге Прова Садовского, Гликерии Федотовой, Екатерины Васильевой, Сергея Шумского, Василия Живокни в одном из петербургских журналов писали: «Петербургской труппе есть чему поучиться у московской, которая смотрит на свое дело несравненно серьезнее и относится к искусству гораздо строже нашей».¹

Неудовлетворенность наиболее требовательной части петербургских зрителей и печати находила многократные выражения и позднее, тем более, что в 1875 г. по вине театральных заправил оставили Александринскую сцену два ее крупнейших тогдашних представителя — Василий Самойлов и Павел Васильев. В то время можно было слышать голоса о плачевном, «жалком» состоянии петербургской труппы. Однако именно на середину 70-х годов приходится начало постепенного возрождения труппы Александринского театра. Первой ласточкой этого возрождения явился приход в 1874 г. на Александринскую сцену М. Г. Савиной, вслед за которой уже через год пришел К. А. Варламов. В 1880 г. в Александринскую труппу вступили В. Н. Давыдов, Ф. П. Горев. В 1882 г. новый управляющий труппой А. А. Потехин привлек в нее П. А. Стрепетову. При том же управляющем в состав Александринской труппы вошли В. П. Далматов, П. М. Свободин, М. И. Писарев, В. А. Мичурин и др. Одно время — в первой половине 80-х годов — в Александринском театре работал известный деятель Московского Малого театра А. П. Левский. В 1890 г. на Александринскую сцену поступил выдающийся русский трагик Мамоит Дальский. В 1893 г. пришел в театр Ю. М. Юрьев, в 1896 г. — В. Ф. Комиссаржевская. Здесь перечислены далеко не все даже очень крупные актеры и актрисы Александринской сцены 80-х и 90-х годов. Но и приведенный, весьма неполный перечень показывает, насколько была богата артистическими талантами Александринская труппа конца XIX в.

Общее положение театра и в это время, тем не менее, никак не следует идеализировать.

Выше уже говорилось о неудовлетворительном состоянии репертуара театра. Мастерам Александринской сцены попрежнему приходилось зачастую растрачивать

¹ Всемирная иллюстрация, 1870, № 74, стр. 395.

дать свой талант на разыгрывание разных пустяков, второсортного и третьесортного драматургического материала. Оставались пороки канцелярско-бюрократического управления театром, создававшего внутри последнего тяжелую атмосферу, в особенности для молодежи; продолжали давить на театр «двор» и «высший свет». Именно к концу века, несмотря на улучшение состава труппы, ступается атмосфера кризиса в театре (см. главу о театре в следующем томе).

В самой труппе, столь богатой индивидуальными дарованиями, не было достаточного единства. Еще Островский, оценивая Александрийский театр, сетовал на то, что в нем «всякий молодец на свой образец».¹ Этот недостаток не был изжит, и прав был поэтому А. В. Луначарский, когда говорил по поводу столетнего юбилея Московского Малого театра, что «Александрийский театр, часто достигая прекрасного ансамбля... ставил больше ударения на виртуозность отдельных дарований, — Малый театр, обладая роскошным букетом таких дарований, особенно стремился к оркестровому исполнению».²

Обзор театральной жизни был бы очень неполон без хотя бы краткой характеристики отдельных, самых больших, мастеров Александрийской сцены середины и второй половины XIX в.

Впереди всех должен быть назван А. Е. Мартынов (1816—1860). «Мартынов — родоначальник нового Александрийского театра. Мы все живем Мартыновым», — с детских лет слышала вокруг себя известная артистка этого театра, представительница актерской семьи Самойловых — В. А. Мичурин-Самойлова.³

Мартынов работал на Александрийской сцене в 30—50-х годах XIX в. В нем еще в 30-х годах В. Г. Белинский оценил «истинного художника», «сильное и самобытное дарование».⁴ В пору господства водевильного репертуара Мартынов был обречен действовать в его ограниченной и узкой сфере. Однако и здесь он прокладывал новые пути, безмерно углубляя свои роли в водевиле, принося с собою на сцену простоту и правду, искренность и жизненность. Творчество Мартынова шло как бы параллельно развитию «натуральной школы» в литературе. Один из представителей этой школы писатель И. Панаев потом писал о Мартынове, что он «явился на русской сцене *настоящим человеком*, каков он есть в действительной жизни, он показал на сцене *русского человека* — помещика, купца, крестьянина, чиновника», он «глубоко и верно, со всеми тончайшими оттенками» уловил черты каждой из этих социальных групп.⁵ Мартынов, что особенно важно, показывал зрителям придавленного обстоятельствами жизни «маленького человека» той эпохи, он своей игрой пробуждал горячее сочувствие к «униженным и

¹ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 247.

² Сб. «Московский Малый театр. 1824—1924», М., б. г., стр. 26.

³ В. А. Мичурин-Самойлова. Пятьдесят лет на сцене Александрийского театра. Л., 1935, стр. 31.

⁴ Белинский о драме и театре. М.—Л., 1948, стр. 401.

⁵ И. Панаев. Мартынов. Современник, 1860, № 9, Современное обозрение, стр. 118.

оскорбленным». Насколько позволяли условия, Мартынов уже в 40-х и в начале 50-х годов расширяет свой репертуар, играя Гоголя, Грибоедова и Мольера, Крылова и Бомарше, потом и Тургенева, а начиная с 1853 г. выступает в появляющихся на сцене пьесах Островского.

В первый период деятельности Мартынова общество вполне сумело оценить в нем несравненного комика; его потом справедливо назовут гением русской комедии. Но в мартыновском смехе часто звучали грустные, скорбные ноты; стремление вносить драматический элемент в казавшиеся чисто комическими положения составляло особенность мартыновской игры, вполне отвечая ее общественным, гуманным и демократическим тенденциям.

Наступило время, когда перед обществом раскрылся во всей полноте и мощи драматический талант Мартынова, тот «патетический» элемент, развития которого ждал в Мартынове еще Белинский. Это в первый раз сказалось особенно явственно при исполнении уже упоминавшейся роли крестьянина Михайлы в пьесе А. А. Потехина «Чужое добро в прок нейдет» (декабрь 1855 г.). Автор впоследствии, вспоминая об этом спектакле, писал: «Таких актеров, как Мартынов, немного: они рождаются веками, и счастлив тот писатель, которому судьба судила встретить такого исполнителя, толкователя, товарища во творчеству».¹

За этой ролью последовали две драматические роли в известных когда-то пьесах актера-писателя И. Е. Чернышева — «Жених из долгового отделения» (1858) и «Не в деньгах счастье» (1859). Об их исполнении сообщает летописец петербургской сцены Вольф: «Весь Петербург устремился в Александринку и выносил оттуда глубокое впечатление от глубоко-потрясающей игры гениального артиста... Ф. А. Бурдин, возвратясь из-за границы, на первой репетиции, при встрече с Мартыновым, повалился ему в ноги и сказал: «Объездил я всю Европу, видел все театры, любовался всеми современными знаменитостями, но ни одна из них твоего мизанца не стоит, дорогой наш Александр Евстафьевич!».²

Мартынов выступал не только в Петербурге. Он завоевал величайшие симпатии со стороны московских зрителей, он играл перед публикой ряда провинциальных центров. Островский впоследствии с благоговением говорил о сценических подмостках Московского Малого театра, «по которым ходили Мочалов, Щепкин, Садовский и великий Мартынов, когда он дарил Москву своим приездом».³

В марте 1859 г., после постановки на Александринской сцене пьесы Чернышева «Не в деньгах счастье», литераторами был дан в Петербурге обед Мартынову. Артисту был поднесен адрес, подписанный Львом Толстым, Островским, Некрасовым, Чернышевским, Добролюбовым, Салтыковым, Писемским, Тургеневым,

¹ А. А. Потехин. Из театральных воспоминаний. Театр и искусство, 1901, № 40, стр. 705.

² А. И. Вольф, ук. соч., ч. III, стр. 15.

³ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 139.

Гончаровым и др. Уже отмечалась речь Островского на этом празднике единения писателей с великим актером. На банкете литераторы славили Мартынова как бойца за честь русского искусства, «художника с здравым и возвышающим направлением, художника русского по твердости, русского по неуклонному своему постоянству», который ни шагу не отступает перед трудностями.¹ В конце того же года состоялся незабываемый в летописях русской сцены спектакль «Грозы» Островского. Лебединой песнью Мартынова была заглавная роль в драме «Отец семейства» Чернышева (в 1860 г.). Он умер 15 августа 1860 г. в Харькове, на руках Островского, сопровождавшего его тогда в артистической поездке по России. «С Мартыновым, — писал Островский, — я потерял все на петербургской сцене».²

А. Е. Мартынов. Литография, 1850-е годы.

«Смерть Мартынова взволновала и потрясла весь Петербург», — отмечал «Современник».³

13 сентября 1860 г. Петербург торжественно похоронил Мартынова. Похороны, небывало грандиозные, превратились во внушительную общественную демонстрацию.

С Мартыновым ушел из жизни достойнейший соратник Щепкина и Садовского, артист-гуманист и демократ, теснее кого-либо из александрийских актеров связанный с прогрессивной общественностью, с передовой литературой своего времени.

¹ Ежегодник императорских театров, сезон 1904/1905 г., Приложение, стр. 326.

² А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1953, стр. 86.

³ (И. И. Панаев). Заметки Нового поэта. Современник, 1860, № 9, Современное обозрение, стр. 132.

После смерти Мартынова и до первой половины 70-х годов крупнейшими актерами Александринской сцены являются Павел Васильев и Василий Самойлов.

П. В. Васильев — один из представителей артистической семьи, большинство членов которой подвизалось на сцене Московского Малого театра (в том числе старший брат П. В. Васильева — знаменитый актер Сергей Васильев). Павел Васильев, начавший свою деятельность в 50-х годах, в течение ряда лет работал в провинции; во время провинциальных гастролей Мартынова Васильев познакомился с великим петербургским актером и испытал на себе его сильнейшее влияние. Васильев говорил о Мартынове: «Он первый показал нам, что сила во внутреннем чувстве, что, как бы ничтожна ни была роль, везде надо стараться найти что-нибудь человеческое и ухватиться за это, чтобы представить живое лицо. Многим открыл он глаза. Я всем, решительно всем обязан Мартынову».¹ Существует мнение, что Мартынов сам выбрал себе в лице Васильева преемника. Во всяком случае, его признавали лучшим из всех, кто после смерти Мартынова исполнял в Петербурге его репертуар.

Васильев являлся превосходным комическим актером. Вместе с тем у него был и выдающийся драматический, даже трагический талант. Отличительными свойствами игры Васильева были глубокий реализм, теплота и сердечность, простота, безыскусственность, большая горячность и страстность, умное и серьезное истолкование намерений автора.

Главную основу репертуара П. Васильева составляли произведения А. Н. Островского. При этом его лучшими ролями в репертуаре Островского были Подхалюзин в «Свои люди — сочтемся» и Любим Торцов в «Бедность не порок» (в этих ролях он и дебютировал в 1860 г. на петербургской сцене), Лев Краснов («Грех да беда на кого не живет»), Бальзамиков («За чем пойдешь, то и найдешь»). К высшим созданиям П. Васильева относятся также роли Расплюева («Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина), Кузовкина («Нахлебник» Тургенева), Осипа и Кочкарева («Ревизор» и «Женитьба» Гоголя). В исполнении роли крестьянина Михайлы («Чужое добро» Потехина) известный театрал А. Стахович даже отдавал Павлу Васильеву первенство перед Мартыновым и Сергеем Васильевым.²

П. Васильев пользовался огромной популярностью у зрителей столицы. Но его не жаловало театральное начальство. В 1864 г. Васильев ушел из Александринского театра; через год он вернулся, но позднее, в сезон 1874/75 г., он ушел снова и последние несколько лет жизни большей частью скитался по провинции (умер в 1879 г.).

Василий Самойлов, самый блестящий представитель другой артистической семьи — Самойловых, давшей петербургскому театру (не только драматическому,

¹ Е. Филиппова. П. В. Васильев 2-й. Труды Гос. Центр. театрального музея им. А. А. Бахрушина, М.—Л., 1941, стр. 9.

² А. А. Стахович. Ключи воспоминаний. М., 1904, стр. 288.

но и оперному) ряд крупных деятелей, появился на Александринской сцене в 30-х годах XIX в.

Еще Белинский не раз в своих статьях о петербургском театре отмечал молодого Самойлова. «Мы от души полюбовались его игрою, полною ума, искусства, природы и таланта»,¹ — писал Белинский по поводу выступления Самойлова в одном из бесчисленных водевилей, заполнявших в период 30—40-х годов репертуар Александринской сцены. Самойлов и потом развивал и углублял свой талант и свое мастерство, достигнув того, что он, по современным отзывам, стал «почти на ту высоту, на которой стояли Щепкин, Мочалов, Мартынов, Садовский».²

Говорить о В. В. Самойлове значит говорить об исключительной актерской технике, о неповторимом мастерстве перевоплощения, о предельной выразительности, остроте и четкости сценического рисунка, о чарующем, «вросшемся в душу», голосе, о таком искусстве художественной гримировки, в котором актер не знал соперников.

Но не только об этом, во многом «внешнем», напоминает имя Самойлова. Если Самойлов часто и шел «от внешней правды к внутренней», то и внутренней психологической правде образа он стремился оставаться верным до конца. Он, по свидетельствам современников, был несомненный реалист, сознательно стоявший «за правду и естественность».³ В Самойлове отмечали его удивительную, сохраненную им до старости наблюдательность, восприимчивость к существенным изменениям,

В. В. Васильев в роли Бузюкина. «Нахлебник» И. С. Тургенева в Александринском театре. 1862 г.

¹ Белинский о драме и театре, стр. 447.

² Письма о театре. Пчела, 1875, № 7. В начале 1863 г. Островский указывал, что «Садовский, Щепкин, Самойлов, Шумский, Васильев (Павел) украшают «стоперь нашу сцену» (Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 14).

³ См., например, свидетельство П. Боборыкина: Минувшие годы, 1908, № 5—6, стр. 44.

великим и оттенкам времени, отражавшимся на воспроизводимых им образах. Лучшие самойловские образы были полны «жизни, огня и одухотворения», а где это и не вполне ему удавалось, перед зрителем, как пишет игравшая с ним Глама-Мещерская, всегда был «актер великого ума, техники и таланта».¹

Слабой стороной деятельности Самойлова было то, что он не сумел так, как это удалось Мартынову, Садовскому или братьям Васильевым, сродниться и сжиться с драматургией Островского. Тем не менее у него в репертуаре Островского был ряд больших удач (Иванов в пьесе «В чужом пиру похмелье», Оброшенин в «Шутниках», Городулин в «На всякого мудреца», Корпелов в «Трудовом хлебе» и др.).

Для Самойлова характерно особое тяготение к маленьким, эпизодическим ролям, которые часто превращались у него в шедевры актерского искусства. Он умел и любил «творить из ничего», из второстепенного, а иногда и из ничтожного материала.

Но он обращался и к величайшим созданиям мировой драматургии. Не обладая даром трагика (он был прежде всего характерным, жанровым артистом), Самойлов, однако, взялся за исполнение ролей Гамлета, Лира, Шейлока и встретил в них (особенно в первых двух) признание со стороны серьезных знатоков сцены. «Мы видели Самойлова... в роли Гамлета, и мы можем сказать, не обинуясь, мы видели Гамлета», — писал известный московский критик Баженов.² Триумфальным оказалось выступление Самойлова в роли Франца Моора в «Разбойниках» Шиллера.

Самойлов имел большое влечение к созданию на сцене исторических портретов. Неоднократно он играл Ивана Грозного (в произведениях А. К. Толстого, А. Н. Островского). Он создал образы Ришелье, Кромвеля и т. д.

Уже упомянут был нами успех Самойлова в роли Кречинского. Одной из коронных ролей Самойлова, с которой он не расставался почти до конца жизни, был «старый барин» (Опольев) в одноименной пьесе петербургского драматурга (бывшего петрашевца) А. И. Пальма.

Самойлов работал на Александринской сцене сорок лет — до 1875 г., когда конфликт с театральным начальством привел к его уходу (одновременно с отставкой Павла Васильева). Он продолжал после этого играть на клубной сцене в Петербурге, а также в пригородных театрах (Павловск, Ораниенбаум), собирая всегда толпы восторженных почитателей.

Отстаивая достоинство актера, В. В. Самойлов сыграл значительную роль в укреплении общественного положения русского артиста. «Его гордая и сильная душа всю жизнь боролась за права и значение актера, как человека и деятеля большого дела», — писали о нем артисты Московского Малого театра в связи с празднованием столетия со дня его рождения.³

¹ А. Я. Глама-Мещерская. Воспоминания. М.—Л., 1937, стр. 77.

² А. Н. Баженов. Сочинения и переводы, т. 1, М., 1869, стр. 294.

³ Ежегодник императорских театров, 1913, вып. 1, стр. 137.

В. В. Самойлов умер в Петербурге в 1887 г.¹

В одно время с Мартыновым, Самойловым, затем Васильевым на Александрийской сцене подвизалась выдающаяся русская комедийная актриса Ю. Н. Липская. Она работала в театре с 1841 до 1850 г. и с 1853 г. до своей смерти в 1871 г. Уже в первый период своей деятельности в театре она успела занять видное место в труппе, но в особенности она выдвинулась после вторичного поступления на сцену — с половины 50-х годов. Липская тесно связала свое имя с Островским как одна из лучших, наряду с Мартыновым (ее недаром звали «Мартыновым в юбке»), исполнительниц репертуара Островского — именно в ролях старух и пожилых женщин. «И в свахе, и в приживалке, и в барыне, и в чиновнице, и в целом ряде кумушек и маменок показала нам Липская свой творческий талант, более разнообразный, чем все те женские дарования, какие действовали до того на русской сцене», — пишет о ней современник.² «Неподражаемой» называет игру Липской Салтыков-Щедрин.³

Липская создала ряд замечательных образов в произведениях Фонвизина, Грибоедова и Гоголя, Писемского и Потехина.

После смерти Липской печать неоднократно жаловалась на то, что так называемые роли комических старух остаются на Александрийской сцене по существу незамещенными.

Однако достойная преемница Липской на Александрийской сцене все-таки нашлась, в лице В. В. Стрельской.

Стрельская поступила на Александрийскую сцену еще в 1857 г. и сразу обратила на себя внимание публики и прессы, в частности блестящим исполнением роли Лизы в «Горе от ума». Позднее она проявила себя образцовым исполнением ролей субреток в репертуаре Мольера. Тем не менее она долго оставалась затертой по «нежеланию», — как отмечает один из осведомленных современников, — «клявяться и унижаться перед театральными властями».⁴ В начале 70-х годов Стрельская впервые — в комедии Островского «Не все коту масленица» — выступила в роли пожилой купчихи. Перейдя окончательно на амплуа «комических старух», Стрельская завоевала одно из ведущих мест в труппе Александрийского театра. Как прежде Липская, Стрельская стала одной из самых выдающихся, самых выразительных и тонких исполнительниц репертуара Островского, играя вместе с тем с огромным художественным мастерством в «Недоросле» Фонвизина, в грибоедовском «Горе от ума», в «Ревизоре» и «Женитьбе» Гоголя, во многих пьесах современных авторов.

¹ В. В. Самойлов жил и умер в доме № 8 по Стремяной улице.

² Ежегодник императорских театров, сезон 1895/96 г., Приложения, кн. 1, стр. 16.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 114.

⁴ С. Ф. Светлов. Театральный дневник, Бирюч Петроградских государственных театров, 1919, летний выпуск, стр. 65.

Стрельская прослужила на Александринской сцене 58 лет, она оставалась для зрителей и актеров до своей смерти в 1915 г. любимой «бабушкой» Стрельской.

Хотя Александринская сцена 60-х годов и имела таких даровитых деятельниц, как Ливская и Стрельская, хотя на ней по временам появлялись также молодые таланты, как Ф. Сметкова или А. Брошель, в целом женский состав группы мало удовлетворял тогда общественное мнение. После ухода сначала Сметковой, потом Брошель особенно чувствительным было отсутствие выдающейся исполнительницы на сильные молодые женские роли; представлявшая это ампула во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов актриса Е. П. Струйская хотя и пользовалась успехом, но по существу была актрисой довольно однообразной, не слишком поднимавшейся над уровнем посредственности.

Появление в конце 60-х и начале 70-х годов талантливых Е. А. Яблочкиной, затем А. М. Дюжиковой только отчасти исправило положение (Яблочкина к тому же довольно скоро покинула петербургскую сцену). Лишь с поступлением в Александринский театр М. Г. Савиной петербургская драматическая сцена обрела исключительно выдающуюся исполнительницу молодых женских ролей.

М. Г. Савина пришла на Александринскую сцену в 1874 г., после пяти лет скитаний по провинциальным сценам (ей было тогда всего 20 лет). В столице Савина необычайно скоро завоевала ведущее положение, сделавшись подлинной «властительницей сердец» театральной публики. С этого времени на протяжении четырех десятилетий она занимала центральное место в петербургской группе.

Актриса редкого обаяния и яркой самобытности, Савина была блестящей представительницей русского сценического реализма. Естественность и простота, глубокая правдивость, тонкий ум и острая наблюдательность, чуткое проникновение в авторский замысел, верность изображаемой исторической обстановке, социальному типу, психологии действующих лиц, неподражаемый дар перевоплощения, недостижимый мимический талант, изящество, чувство художественной меры были отличительными свойствами творчества М. Г. Савиной. Современники восхищались поэтическим очарованием савинской игры. Сумбатов-Южин находил главную силу Савиной в гармоническом сочетании яркости бытовых красок и глубины поэтического проникновения.¹ «Овеянный поэзией» реализм Савиной² позволял говорить о родственности ее творческой индивидуальности художественному методу Тургенева — писателя, особенно ей близкого (Савина очень много сделала для популяризации драматургического наследия своего любимейшего автора).³

¹ В. В. Протопопов. Мария Гавриловна Савина, вып. II. СПб., 1900. Автограф А. И. Сумбатова (Южина).

² Сб. «Кончина Марии Гавриловны Савиной», т. II, Изд., 1917, стр. 293.

³ В свою очередь Тургенев был восторженным почитателем и другом Савиной. Артистка находилась также в большой дружбе с Гончаровым, А. Ф. Кони и другими деятелями литературы и культуры.

Савина была в первую очередь великой комедийной актрисой. Но ее творческие возможности были разнообразны и широки: Савина создала немало выдающихся чисто драматических образов, глубоко захватывавших и волновавших зрителя. Лишь область трагедии и трагедийного пафоса была ей чужда.

Условия деятельности Александрийской сцены неблагоприятно сказались на Савиной в том отношении, что требовали ее участия в низкопробном репертуаре — в пьесах Виктора Крылова и иных драматургов мещанского направления. Ее даже Островский как-то упрекнул в «пристрастии» к слабым и бессодержательным пьесам.¹ Однако имя Савиной напоминает прежде всего об образцовом претворении образов классической драматургии и, в частности, именно Островского (Глафира в «Волках и овцах», Варя в «Дикарке», Елена в «Женитьбе Белугина», Лариса в «Бесприданнице», Оля в «Светит, да не греет» и т. д. — всего до тридцати ролей в драматургии Островского). Островский говорил о «бриллинтовом даровании» Савиной; накануне постановки «Бесприданницы» Островский писал, что в этой пьесе Савина, «при ее средствах, должна свести с ума публику».²

Из ряда шедевров савинского творчества описываемого периода особенно выделяются роли Марьи Антоновны («Ревизор» Гоголя), Верочки («Месяц в деревне» Тургенева), Акулины («Власть тьмы» Льва Толстого). Эти достижения по-особому были дороги и самой Савиной, писавшей: «Имена Гоголя, Тургенева и Толстого велики, и я счастлива, что могла олицетворить их типы. Эгих трех ролей достаточно для всей моей карьеры, и они служат мне щитом».³

М. Г. Савина в роли Марьи Антоновны. «Ревизор» Н. В. Гоголя в Александрийском театре. 1881 г.

¹ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 209.

² Там же, стр. 126, 168.

³ Сб. «Кочина Мария Гавриловна Савиной», т. I, Изг., 1916, стр. 175.

Значение Савиной в истории Александрийского театра весьма велико. Недаром у нее могло даже вырваться утверждение: «Александрийский театр — это я». Освещение ее роли в жизни театра выходит за хронологические рамки данного тома — о Савиной еще придется говорить при характеристике состояния Петербургской драматической сцены конца XIX и начала XX в. Там уместно будет дать и краткую характеристику ближайших ее сподвижников — великих русских актеров В. Н. Давыдова и К. А. Варламова.

В 80-х годах рядом с Савиной поднималась на Александрийской сцене и другая гениальная актриса — П. А. Стрепетова. Стрепетова, как и Савина, деятельность свою начала на провинциальной сцене. Но если Савиной через несколько лет после начала ее профессиональной сценической работы удалось попасть на сцену Александрийского театра, то Стрепетова вступила в этот театр только через 17 лет после своих первых артистических дебютов.

Петербург впервые познакомился со Стрепетовой в 1876 г. — после того как она уже успела завоевать громадную славу и в провинции, и в Москве. Выступления Стрепетовой на сцене клуба художников произвели тогда на петербургского зрителя незабываемое впечатление. Петербургские гастролы повторялись в последующие годы неоднократно — на клубных сценах столицы.

«Стрепетова самый огромный женский талант, какой мне случалось видеть на сцене», — утверждала известная в прошлом деятельница столичной сцены Вера Самойлова по поводу петербургских выступлений Стрепетовой в конце 70-х годов.¹ «На сильные драматические роли бытового русского репертуара у нее не было соперниц», — заявлял вдумчивый критик А. И. Урусов.²

Стрепетова меньше всего была артисткой «школы»; она покоряла зрителей бурным темпераментом, силой непосредственного чувства, порыва и вдохновения, безграничной искренностью, предельным реализмом исполнения. «В ее игре, — вспоминает драматург и режиссер Евтихий Карпов, — часто недоставало внешнего искусства, но всегда блистало то высокое, художественное воплощение и написанное автором лицо, которое заставляет зрителя глубоко верить в каждое слово артистки, переживать с ней все ужасы душевной драмы».³

Русская женщина низших и средних слоев общества — вот излюбленная и наиболее привычная сфера творчества П. А. Стрепетовой. В образах Лизаветы («Горькая судьбина» Писемского), Катерины («Гроза» Островского) и других Стрепетова олицетворяла тяжелую долю простой русской женщины и борьбу последней против деспотизма и произвола, за достоинство и свободу личности.

При немалых противоречиях, свойственных мировоззрению Стрепетовой, в творчестве ее решительно преобладали начала демократизма и народности.

¹ Р. М. Б е л ь и ц. Пелагея Антиповна Стрепетова. Л., 1947, стр. 87.

² Сб. «Книга Александр Иванович Урусов», т. I, М., 1907, стр. 299—300.

³ Е. К а р п о в. П. А. Стрепетова — Катерина в драме А. Н. Островского «Гроза». Сб. «Памяти А. Н. Островского», Пгр., 1923, стр. 59.

вследствие чего один из критиков мог сказать о ней, что «никто не был пароднее ее». Она любила народ и сознательно стремилась служить ему. Она любила демократическую русскую молодежь и, в свою очередь, была любима этой молодежью. В 1885 г., когда Стрепетова уже работала на Александринской сцене, студенты Петербургского университета написали ей в адресе: «Сегодня мы исполняем наше давнишнее желание — приветствовать вас, как великую русскую артистку. Сравнительно вы недолгое время служите родному искусству на императорской сцене, но вы успели своим талантом завладеть нашими сердцами... Мы гордимся вами».¹

Стрепетова общалась с петербургской молодежью на вечерах, где она сильнейшее впечатление производила чтением стихотворений Некрасова (впоследствии она вдохновенно читала и Горького).

Современники из охранительного лагеря дали ей кличку «Луизы Мишель», сравнивая ее тем самым с известной деятельницей Парижской Коммуны.²

Артисткой Александринского театра Стрепетова стала только в конце 1882 г. На этой сцене она прослужила до конца 1890 г., сыграв за восемь лет более 20 новых ролей и повторив ряд прежних.

В Александринском театре, несмотря на неизменные проявления любви со стороны публики и части прессы, Стрепетовой жилось нелегко. «Стрепетова не усиливает петербургской труппы, не составляет с ней одного целого, — писал еще в 1884 г. Островский, — она как будто лишняя, посторонняя, — точно гостя, приехавшая на 5—6 спектаклей».³ Покидая в 1890 г. Александринскую сцену, Стрепетова писала, что она могла бы примириться с ущемлением ее интересов,

П. А. Стрепетова в роли Екатерины. «Гроза» А. Н. Островского. Фотография, конец 70-х гг. XIX в.

¹ Ежегодник императорских театров, 1914, вып. VI, Приложение, стр. СХІХ.

² Литературное наследство, т. 53—54, М., 1949, стр. 210—211.

³ А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 214.

если бы вместе с тем «не предпринимались меры к увязанию и даже полному уничтожению» ее «как артистки».¹

Впоследствии, через девять лет, Стрелетова вернулась в Александринский театр, но уже надломленная, с упавшими силами, и работала только один сезон.

Десятилетний же промежуток был заполнен гастрольными спектаклями в Петербурге, Москве и провинции; недолго Стрелетова служила в новом петербургском Театре Литературно-художественного общества, где проникновенно исполнила роль Матрены во «Власти тьмы» Льва Толстого.

Стрелетова умерла в Петербурге в 1903 г. В лице Стрелетовой русская сцена имела деятеля, в большой мере отражавшего в своем творчестве, по крайней мере — объективно, стремления радикальных кругов современного общества (главным образом 70—80-х годов).

* * *

Спектакли петербургской императорской труппы происходили в основном в собственном помещении этой труппы — в Александринском театре. Временами для ее спектаклей использовалась и сцена Мариинского театра, в частности для спектаклей особенно торжественных. После постройки (в 1874—1878 гг.) графом Апраксиным театрального здания на Фонтанке (нынешнее здание Большого Драматического театра им. Горького) дирекция арендовала его для русской драматической труппы — под наименованием императорского Малого театра; но аренда продолжалась всего три года.

В самом конце 80-х годов спектакли Александринской труппы стали даваться регулярно в Михайловском театре, постоянными обитателями которого оставались французская и немецкая императорские труппы.

Хотя одна и та же русская труппа обслуживала Александринский и Михайловский театры, публика в них была тем не менее различной. По «вкоренившимся истари предубеждениям», как писал в 1887 г. Алексей Потехин, «высшая часть» петербургского общества «неохотно» посещала Александринский театр.² В Александринский театр ходили в значительном числе представители средних и низших слоев интеллигенции, студенты, среднее и мелкое чиновничество, купечество и лучше оплачиваемые частные служащие, приезжие в столицу и т. д. Журнал «Артист» писал в 1890 г.: «Зрители первых представлений Александринского театра — вот тот комитет, который в течение долгих лет решал успех и неуспех пьесы. Эти зрители в Михайловский театр не ходят по непривычке к незнакомому месту и вследствие дороговизны цен». В Михайловском театре, по

¹ Театр. Пгр., 1923, № 3, стр. 14.

² Докладная записка А. А. Потехина, Бюрок. II сборник статей, Пгр., 1920 (1921), стр. 205.

отзыву того же театрального органа, «образовался новый контингент публики — сдержанной, холодной, совершенно равнодушно относящейся к русской сцене», публики, которой чужды были как Островский, так и Писемский и даже А. Потехин.¹

Труппа Александринского театра выступала еще на двух специально летних площадках — в Каменноостровском и Красносельском театрах. Последний обслуживал офицерство столичного гарнизона во время его летней лагерной стоянки.

Частная русская драма до уничтожения в 1882 г. монополии императорских театров не могла существовать — по крайней мере в сколько-нибудь широком масштабе и нормальных условиях. Впрочем, независимые от дирекции казенных театров спектакли со второй половины 60-х годов устраивались различными «общественными собраниями» (клубами). Клубная сцена сыграла свою роль в развитии театральной культуры в столице. Здесь выступали способные любители, из которых потом нередко выходили видные профессиональные деятели театра, выступали и выдающиеся провинциальные актеры, общавшиеся тут и с петербургским зрителем, и с артистами столичной сцены. Клубная сцена бывала отдушиной для отдельных мастеров императорской сцены, порывавших по тем или иным причинам с казенным театром.

Из клубных сцен выделялись: сцена Петербургского собрания художников, Петербургского благородного собрания, так называемого приказчицкого клуба, Купеческого собрания.

Петербургское собрание художников, или в просторечии клуб художников, помещавшееся в Троицком переулке (ныне улица Рубинштейна), в доме № 15, где впоследствии (уже под № 13) находился известный зал Павловой, было основано в 1855 г. и служило местом для общения художников, литераторов, артистов. Учреждение это было одним из самых излюбленных уголков художественного и

В. Н. Давидов. Фотография, 1880-е годы.

¹ *Артист*, 1890, № 10, стр. 145—146.

интеллигентного Петербурга», — писала одна из участниц его собраний.¹ В стенах клуба художников собиралась иногда и молодежь, и однажды большой вечер студентов-медиков (в начале 1877 г.), на котором готовился адрес Некрасову и велась подписка в пользу арестованных участников Казанской демонстрации, послужил поводом к временному закрытию клуба.

Театральной частью в клубе художников ведали в разное время актер Павел Васильев, литераторы демократического лагеря В. С. Курочкин и В. А. Слепцов и др.² При участии поэта-сатирика П. В. Шумахера и Василия Слепцова здесь в конце 1871 г., еще до премьеры в Александринском театре, впервые в Петербурге была поставлена комедия Островского «Не все коту масленица».³ На сцене клуба художников Петербург впервые увидел Стрешетова. Здесь часто выступал Самойлов после оставления им казенной сцены. В историю петербургского театра вошел тот вечер (февраль 1880 г.), когда в клубе художников Модест Писарев и Андреев-Бурлак блестяще сыграли «Лес» Островского, который до того на Александринской сцене не имел должного успеха, так как роль Печасливцева там была, по словам современников, «совершенно обезличена» другом драматурга, актером Бурдиным.⁴

Сцена Благородного собрания,⁵ помещавшегося на Невском проспекте в доме № 15 (выходящем и на Мойку, и на Морскую, нынешнюю улицу Герцена), по свидетельству, например, «Театрального альманаха» 70-х годов, отличалась среди других клубных сцен наибольшей дисциплиной.

На сцене Благородного собрания в марте 1874 г. в пьесе Л. Н. Антропова «Блуждающие огни» впервые выступила перед петербургскими зрителями М. Г. Савина.

В течение ряда сезонов, на рубеже 70-х и 80-х годов, на петербургских клубных сценах играл А. И. Южин-Сумбатов. «Сезон 1880/81 года я уже был первым клубным актером», — сообщает знаменитый деятель Московского Малого театра об этом петербургском начале своего славного артистического пути.⁶

¹ А. И. С о к о л о в а. Встречи и знакомства. Исторический вестник, 1911, № 4, стр. 121. Н. К. Михайловский писал в начале 1879 г. в связи со спектаклем «Горе от ума» на сцене клуба: «Клуб художников есть единственное в Петербурге общественно-артистическое учреждение» (Сочинения, т. IV, 1897, стб. 662).

² Театральный альманах на 1875 год. СПб., 1875, стр. 205.

³ Листки на воспоминаниях Е. И. Левкиной. Ежегодник императорских театров, сезон 1896/97 г., стр. 441.

⁴ Страна, 1880, № 18, стр. 4—5; Петербургская жизнь, 1896, № 209, стр. 1769.

⁵ Его возникновение восходит к XVIII в. В 40-х годах XIX в. собрание, называвшееся раньше Соединенным обществом, получило название Благородного танцевального собрания в связи с преобладавшим в его составе офицерам и чиновникам. Общество помещалось, в разное время, в известном доме Зигельгардта на Невском (где ныне Малый зал Филармонии), в особняке Пашкова на Литейном. Спектакли в Благородном собрании начались в 1867 г.

⁶ А. И. Ю ж и н - С у м б а т о в. Воспоминания. Записки. Статьи. Письма. М.—Л., 1941, стр. 35.

Примерно десятилетием раньше Южина в Петербурге — в летнем театре в Лесном — начал свою, блестящую в дальнейшем, артистическую карьеру другой деятель Московского Малого театра — О. А. Правдин.¹

В Лесном находилась одна (временами даже и две) из частных летних сцен, действовавших в окрестностях столицы. Другие подобные сцены существовали в Павловске, Ораниенбауме, Озерках, Стрельне и т. д. В конце 60-х и в 70-х годах на пригородных сценах начали выступать К. А. Варламов, сестры Ф. и О. Козловские, Н. П. Киреев, А. Я. Глама-Мещерская и другие видные работники русского театра второй половины XIX в.

На летних пригородных сценах не раз гастролировали московские артисты, например Пров Садовский, Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, В. И. Живокини. Выступали здесь и такие корифеи русского провинциального театра, как М. Т. Иванов-Козельский или знаменитый трагик П. Х. Рыбаков.

Летние драматические спектакли в пригородных театрах допускались и в период монополии императорской сцены, поскольку монополия за административную черту города не распространялась. Что же касается клубных спектаклей в официальных границах столицы, то они носили как бы полуделегальный характер. Клубам не дозволена была открытая продажа билетов, для допуска в зрительный зал формально требовалась рекомендация членов клуба и т. д.

Допускались, правда, и при монополии некоторые частные вполне открытые, публичные театры, но это были театры опереточного или эстрадно-каскадного жанров, притом в них представления, как правило, шли на иностранных (главным образом на французском) языках.²

К. А. Варламов. Фотография. 1880-е годы.

¹ Ежегодник императорских театров, сезон 1902/1903 г., Приложение 3-е, стр. 60.

² Наиболее «солидным» среди них являлся существовавший в 70-х годах «Театр-буфф», или «Опера-буфф», на площади (тогда более обширной, чем впоследствии) Александринского

Уничтожение в 1882 г. монополии императорских театров сделало возможным появление частных русских драматических сцен в обеих столицах. На этой реформе давно — и долгое время безуспешно — настаивало общественное мнение, ожидая от нее серьезного подъема театральной культуры.

Однако в Петербурге — в отличие от Москвы — частная русская драма туго прививается до середины — конца 90-х годов.

Первым опытом в этом направлении явился Русский театр, созданный осенью 1882 г. в зале Кононова (бывший зал Руадзе, известный по событиям общественного движения 60-х годов, на Мойке, д. № 61) театральным критиком и педагогом Д. Д. Коровяковым. Театр дотянул только до конца года.

Попытки организации частных драматических театров и в дальнейшем имели сравнительно слабый успех, хотя постоянно повторялись в течение 80—90-х годов.

Петербургский корреспондент московского театрального журнала «Артист» писал в 1889 г.: «Москвич, любитель театра, приезжая в Петербург, обыкновенно удивляется тому, что в таком городе, почти с миллионным населением, до сих пор нет у Александрийского театра никакого серьезного конкурента, между тем как в Москве, где образованной публики вряд ли может быть больше, чем в Петербурге, — частные антрепризы все разрастаются... Здесь приходится, в беседах о репертуаре и сценическом искусстве, ограничиваться казенной администрацией с самыми незначительными экскурсиями в область частных предприятий».¹

Прочное частное театральное предприятие в сфере русской драмы возникло в Петербурге только в середине 90-х годов в помещении Малого театра на Фонтанке; это был театр так называемого Литературно-художественного общества, или Суворинский (характеристику его см. в третьем томе настоящего издания).

Говоря о частных театральных начинаниях, нельзя не вспомнить многократных гастролей украинских трупп, гастролей, оставивших важный след и в истории театральной культуры Петербурга и в истории самого украинского театра. Профессиональный украинский театр сложился, как известно, в начале 80-х годов XIX в. В ноябре 1886 г. в зале Кононова на Мойке начались первые петербургские гастролы украинцев. В составе выступавшей тогда, в зимнем сезоне 1886/87 г., украинской труппы, руководимой известным драматургом и актером М. Л. Кропивницким, находилась великая украинская артистка М. К. Заньковецкая, а также выдающиеся деятели молодой украинской сцены Ганна П. Затыркевич, П. К. Саксаганский, М. К. Садовский, И. К. Карпенко-Карый (не только актер, но и замечательный драматург), М. К. Садовская-Барилотти и др. Ставились произведения И. П. Котляревского («Наталка-Полтавка»), Т. Г. Шев-

театра; в течение ряда лет этот театр держал известный театральный деятель Москвы и Петербурга А. Ф. Федотов (С. С. Д а в и л о в. Постоянные публичные театры в Петербурге в XIX веке. О театре, Сборник III, Л., 1929, стр. 178, 180).

¹ Артист, 1889, кн. III, стр. 136.

*Малый театр в Априксинском рынке (ныне Большой Драматический театр им. М. Горького).
Гравюра на дереве.*

ченко («Назар Стодоля»), И. К. Карпенко-Карого (большим успехом пользовалась его «Наймичка»), композитора Н. В. Лысенко («Черноморці»), Кропивницкого и т. д. Высчитавшие, произведенное на петербуржцев украинскими спектаклями, было огромно; столица в особенности была увлечена неподражаемым реалистическим даром Заньковецкой, сразу ставшей любимицей петербургской публики. В своей книге «Из прошлого украинского театра» Саксаганский впоследствии оценивал гастроли труппы в Петербурге как ее «выход на широкую дорогу». ¹ Труппа Кропивницкого гостила снова в Петербурге в следующем сезоне (1887/88). Тогда же в Петербург приехала другая украинская труппа, под руководством известного драматурга М. П. Старицкого. Гастроли разных украинских трупп (Саксаганского, Садовского, Кропивницкого) повторялись не раз и позднее. Спектакли знакомили петербургскую общественность с достижениями украинской драматургии и театрального исполнительства и имели серьезное значение в деле укрепления и развития тесных культурных взаимоотношений между братскими народами.

¹ П. К. Саксаганский, народный артист СССР. Из прошлого украинского театра. М.—Л., 1938, стр. 35.

* * *

С частной предприимчивостью, а также и с общественной инициативой связаны начинания в области народных развлечений и «народного театра».

Традиционные «народные гулянья», ведущие свое начало в Петербурге с XVIII в. и описанные в первом томе «Очерков истории Ленинграда», продолжались и во второй половине XIX в.

Главное место среди них занимали гулянья на масленице и пасхе, происходившие на Адмиралтейской площади, а с 1873 по 1897 г. — на Марсовом поле (Царицыном лугу).

Общую картину традиционного гулянья на Адмиралтейской площади (то же было потом и на Марсовом поле) так описывает современник (А. Я. Алексеев-Яковлев), имя которого тесно связано с устройством праздничных развлечений: «Непрерывный гул движущейся толпы, смешанный со звуком песен, оркестров, шарманок и турецких барабанов, с выстрелами у стрельбищ, с выкриками разносчиков и площадных актеров, составлял характерную особенность гулянья. В воздухе... пахло свежее распиленными досками бесчисленных строей, краской, беросином и пиронафтом, заправленным в лампы, приторно-сладкой гарью из фель и пышек, которые тут же румянились на открытых жаровнях. Под ногами гуляющих, истреблявших невероятное количество каленых орехов, хрустела скорлупа, которой, как гравием, были плотно усыпаны протоптанные из снега дорожки. А вокруг площади, объезжая ее, колесили собственные экипажи с расфранченными седоками, приехавшими себя показать, но не снисходившими до народной забавы. Поодаль, позвякивая бубенцами, стояли «вейки» в ожидании путников, и по принятому тогда обычаю горели большие, в шесть-семь «обхватов», костры, к которым подбегали погреться».¹

Наряду с каруселями, качелями, катанием с гор и т. п., большое место среди масленичных и пасхальных развлечений на площади занимали балаганы — своеобразные суррогаты театров, которые даже и работали под вывесками: «Народный театр», «Временный народный театр» и пр.

Внешний вид балагана напоминал огромный амбар. Как вспоминает известный деятель дореволюционной и советской сцены Н. И. Соболев-Самарин, вход представлял собой вытянутую по фасаду резную с колоннами галерею в «русском» стиле. Внутри стены были затянуты холстом, разрисованным в том же стиле. Места от сцены до задней стены поднимались уступами. Сцена была очень велика, перед ней помещался оркестр. Начиная с полудня, когда открывались праздничные развлечения, спектакль проходил восемь раз (и больше) при переполненном помещении.²

¹ Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева, в записи и обработке Евг. Кузнецова. Л.—М., 1948, стр. 64.

² Н. И. Соболев-Самарин. Записки. Горький, 1940, стр. 25.

Наиболее крупные балаганы (Малафеева, Берга, Легата и др.) вмещали по тысяче зрителей. До 60—70 тыс. человек проходило через каждый из этих балаганов в течение праздничной недели, вследствие чего, несмотря на дешевые цены билетов, с одной стороны, и значительность расходов на самые постройки и постановки, с другой, купцы-антрепренеры отнюдь не оставались в проигрыше.

В балаганах ставились лубочные пантомимы, такие же инсценировки батального характера различного рода псевдонародные пьески. Будучи лишен в своей подавляющей части художественных достоинств, балаганный репертуар описываемой эпохи, строго контролируемый полицией, сплошь и рядом отличался по своей «идейной» направленности нескрытой реакционностью, шовинистическимонархическими тенденциями.

Некоторой данью прогрессивным веяниям явился, однако, возникший в 1880 г., под режиссерством упомянутого А. Я. Алексеева-Яковлева, балаган («временный народный театр») А. Лейферта под названием «Развлечение и польза». Алексеев-Яковлев по-своему талантливо приспособлял для постановки на сцене балаганного, лубочного театра отдельные произведения русских классиков (Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова), русские народные сказки. «Громадный деревянный народный театр, а в обиходе балаган под названием „Развлечение и польза“, пользовался всеобщей и постоянной симпатией всех слоев населения столицы», — утверждал позднее, после смерти Лейферта, петербургский театральный журнал.¹

Элемент бытовой, иногда и общественной сатиры в отдельных случаях проникал в прибаутки балаганных «дедов», выступавших перед зданиями балаганов и зазывавших публику.²

В 1897 г. правительство, напуганное подъемом рабочего движения в Петербурге, прекратило всякие гулянья на Марсовом поле, как месте слишком центральном, отведя для них на будущее время гораздо более отдаленный Семеновский пляц, где, однако, они не привились. Служил в те годы для гуляний и Михайловский манеж. Гулянья на открытом воздухе, помимо Адмиралтейской площади и Марсова поля, происходили в определенные дни года в Екатерингофе, на Елагином острове, на так называемом Кулерберге (часть Крестовского острова).

Представления, дававшиеся на масленице и пасхе в балаганах (даже «облагороженного» типа, как у Лейферта—Алексеева, а тем более у Малафеева, Берга и т. д.), разумеется, не могли удовлетворить потребности в театре, явно выраженной уже у широкого народного зрителя столицы.

¹ Театр и искусство, 1911, № 20, стр. 399.

² Это отмечено отчасти впоследствии М. Горьким в статье «О прозе» (М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 580). См. также издание: Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953, стр. 11—12. Там же (стр. 129—136) опубликованы образцы петербургских балаганских прибауток.

Начиная с 60-х годов, вопрос о «народном театре», т. е. о театре, рассчитанном на массового, народного зрителя и доступном ему, неоднократно ставился в печати.

В 1869 г. этот же вопрос был поставлен в Петербургском комитете грамотности, основанном в 1861 г. при Вольном экономическом обществе. В 1870 г. в комитете был выработан проект столичного «народного театра». Проект отразил узость и ограниченность взглядов его либерально-консервативных авторов на характер и цели «народного театра». Но и в таком виде он не получил осуществления.¹

В том же 1870 г. первый опыт «народного театра» был осуществлен в Одессе. В 1872 г. с большим успехом аналогичный опыт был сделан в Москве во время Всероссийской политехнической выставки. В Петербурге на протяжении 70-х годов дело ограничивалось разговорами и слухами. Например, в 1876 г. говорили о предстоящем открытии «народного театра» в Соляном городке, с репертуаром из произведений Островского, Писемского, А. Потехина, Горбунова и т. д., с расценкой мест от 10 коп. до 1 руб.² Предположения снова не оправдались.

Только в 80-х годах возникли небольшие театры, имевшие в виду народного, рабочего зрителя, в двух промышленных районах столицы — на рабочей окраине Васильевского Острова и за Невской заставой. Однако в обоих случаях сами рабочие (как и интеллигенты-революционеры, связанные с передовыми рабочими) стояли совершенно в стороне от организации дела и руководства им, что уже само по себе с самого же начала должно было весьма неблагоприятно сказаться на его развитии. Руководили в лучших случаях «культурники», в худших — дельцы.

Подписка на постройку Василеостровского театра для рабочих, начатая в 1885 г., дала очень скромные результаты.³ Открытие театра состоялось в 1887 г. Здание, по типу балаганов, было выстроено на Смоленском поле. Драматург

¹ История С.-Петербургского комитета грамотности. СПб., 1898, стр. 319—322. Откликаясь на газетные статьи о «народном театре», писатель-демократ Решетников писал в конце 1868 г. (в своем дневнике): «Вещь хорошая, но если их устроить за две-три версты, то туда будут ходить живущие вблизи. Да и какие это народные театры, если с первого же раза для порядка заведут везде полицию?» Одновременно Решетников указывал на недоступность существующих театров (Александринского, Мариинского, Большого) рабочему населению, «мужикам» из-за недостатка средств, времени, из-за того, что в кассах отдают предпочтение «хорошо одетому» человеку, а то и вовсе не допускают «мужика» до кассы. «Поэтому, — заключал Решетников, — нечего говорить о том, что наш народ — мужичье, не ходит в театр. Сколько раз я ни бывал в театре, я только и видел там торговцев, немощно самостоятельно работающих портных, кузнецов, — и наемщиков и рекрута с набатчиками» (Решетников, очевидно, имел в виду ту часть публики, которая не относилась ни к дворянству, ни к интеллигенции). См.: Из литературного наследия Ф. М. Решетникова. Л., 1932, стр. 282—283.

² Всемирная иллюстрация, 1876, № 386, стр. 410.

³ Нельзя умолчать о том, что одним из инициаторов дела являлся петербургский градоначальник П. А. Грессер, который, можно не сомневаться, был озабочен не только «оталечением народа от пьянства» (И. Щеглов. О народном театре. М., 1895, стр. 48), но и отвлечением его от революционной борьбы.

И. Щеглов (Леонтьев) потом рассказывал: «Помню, как теперь, огромное, незастроенное и невылазно-грязное поле с единственным посреди бедно-освещенным зданием театра. Вокруг непроглядно-темно и как-то жутко-пустынно; ветер с гавани дует с особенною настойчивостью и пронзительностью и наводят на случайного посетителя самое безнадежное ушмие».¹

Ведение дела вначале было поручено антрепренеру из провинциальных актеров П. А. Денисенко. Любопытно, что началу дела предшествовала переписка между Денисенко и Львом Толстым. Давая разрешение на переделку для сцены его рассказов, Толстой подчеркивал важность «огромного по назначению дела: попытки сделать из театра игрушка, препровождения времени или школы разврата — орудие распространения света между людьми». «Переделывайте, переводите, собирайте (я сейчас напишу) пьесы такие, которые имели бы глубокое вечное содержание и были понятны всей той публике, которая ходит в балаганы, и ставьте их, и давайте, где можно, — в театрах ли, в балаганах ли», — писал Толстой.²

Однако дело в руках Денисенко шло крайне неуспешно. Щеглов (Леонтьев) сообщает, что театр «едва продышал год» и затем закрылся.³ В октябре 1889 г. он открылся вновь, под антрепренерством бывшего артиста Александринского театра (более известного, впрочем, в качестве даровитого исполнителя русских народных песен) Ф. А. Макарова-Юнева. В числе актеров труппы Макарова-Юнева находился Соболев-Самарин. За первый год управления Макарова-Юнева было дано 294 спектакли, которые посетило более 70 тыс. человек. Наибольший успех имели «Ревизор» Гоголя, драма Антонова «Ванька-ключник», старинная драма Шаховского «Двумужница», «Чародейка» Шважинского.⁴ Популярностью в районе пользовались летние (воскресные и праздничные) гулянья в саду, разбитом при Василеостровском театре.

С 1892 г. Василеостровский театр находился в руках Н. И. Мерянского. Соболев-Самарин характеризует его как очень талантливого и опытного актера, но вместе с тем жалуется на то, что при нем репертуар преобладал убогий, низкосортный.⁵ Корреспондент московского «Артиста» в 1894 г. отмечал, что Василеостровский театр собирает наибольшие сборы при представлении переводных мелодрам («За монастырской стеной» и т. д.). Однако за полтора сезона было дано и 59 спектаклей Островского, 12 — «Ревизора» Гоголя; исполнялись из русских авторов также А. Потехин, Невежин, Сумбатов, Шважинский и др. Обстановка в «театре для рабочих» была, по утверждению «Артиста», по-прежнему «жал-

¹ И. Щеглов, ук. соч., стр. 50.

² Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 63, М.—Л., 1934, стр. 329.

³ Как видно из переписки Денисенко с Толстым, народный театр под его управлением просуществовал год и два месяца (Корреспонденты Л. Н. Толстого. Сост. Ф. В. Вуслаев, стр. 59).

⁴ Артист, 1890, кн. 4 (11), стр. 209.

⁵ Н. И. Соболев-Самарин, ук. соч., стр. 67, 80.

кая, почти ивненская».¹ После Мерианского и до 1902 г. Василеостровским театром управлял Е. Е. Ковалевский (при дирекции Общества народных столовых и чайных). Щеглов сообщал: «Надо отдать справедливость Ковалевскому, он много поработал ради улучшения самого помещения и декоративного блеска театрального представления; но вместе с тем Василеостровский театр значительно утратил свой интересный пародный характер, и лишь летние гулянья, устраиваемые в саду по праздникам, носят пока некоторую печать оригинальности».²

По отзывам ряда других наблюдателей, Василеостровский театр постепенно изменил свой характер. Один из писателей по вопросам «народного театра» в начале 90-х годов отмечал, что Василеостровский театр сначала действительно посещался рабочими, однако «с течением времени он стал привлекать главным образом местную интеллигенцию, и рабочие теперь бывают в театре только по праздникам, да переполняют сад во время гуляний».³

Более устойчивым оказался народный (и преимущественно рабочий) характер публки театра за Невской заставой.

Щеглов писал в начале 90-х годов о посетителях гуляний за Невской заставой: «... народ не в обширном смысле, как, например, в Василеостровском театре для рабочих», а в самом тесном: заводские чернорабочие, работницы с соседних фабрик, мастера с женами и детьми, солдаты со своими городскими подругами».⁴ Другой деятель в области народного театра, Н. А. Попов, через несколько лет указывал: «Сравните народную публку Василеостровского театра и публку театра „Невского общества“ — два разных народа. Два народных театра в разных концах одного города имеют две разных по занятиям, привычкам и т. п. публки».⁵

В 1885 г. за Невской заставой, в районе Шпассельбургского тракта, возник кружок по устройству народных гуляний. Сначала гулянья проходили в селе Александровском, а в 1888 г. был приспособлен для них обширный парк, расположенный рядом с Фарфоровым заводом. В первое же лето деятельности кружка была устроена открытая эстрада, на которой в следующем году уже были поставлены «Бедность не порок» и «На бойком месте» Островского, а также правоучительная комедия Льва Толстого «Первый винокур» (впервые вообще и поставленная тут).

В течение 1885—1890 гг. на гуляньях, устраиваемых невым кружком, перебывало более 350 тыс. человек.⁶ В 1891 г. кружок оформился в Невское общество

¹ Артвст, 1894, кн. 3(35), стр. 267—268.

² И. Щеглов. Народ и театр. Изр., 6, г., стр. 46.

³ И. Иполемцев. К истории народного театра в России. Театр и искусство, 1901, № 19, стр. 364.

⁴ И. Щеглов. Народ и театр, стр. 7.

⁵ Н. Попов. О репертуаре народного театра. Сб. «Народный театр», М., 1896, стр. 240.

⁶ 1885—1895. Десятилетие народных гуляний за Невской заставой. Составил Е. Карпов. СПб., 1895, стр. 4—6.

устройства народных развлечений. Согласно уставу, общество имело целью «содействовать доставлению местному недостаточному рабочему населению нравственных, трезвых и дешевых развлечений», для чего занималось устройством «народных гуляний, чтений, концертов, спектаклей и танцевальных вечеров за возможно дешевую с посетителей их плату».¹

К концу 1891 г. в парке общества был выстроен небольшой театр для зимних спектаклей и концертов (на 258 мест). Спектакли давались несколькими кружками местных любителей, а в дальнейшем для сцены Невского общества составлялись профессиональные труппы. Режиссировали спектакли популярный театрал-деятель того времени Евтихий Карпов и др.; во второй половине 90-х годов спектаклями руководил также заметный деятель тогдашнего театра С. А. Светлов. Преобладал классический репертуар. В сезон 1892/93 г. было исполнено 16 произведений Островского, а в следующий за ним сезон — даже 19.² Кроме того, игрались Фонвизин, Грибоедов, Гоголь, Сухово-Кобылин, Бомарше, Мольер, позднее и Шекспир.

Е. П. Карпов отмечает сочувствие и внимание, с какими встречался этот репертуар рабочими зрителями Невской заставы. Выступая в начале 1897 г. на открытии Первого Всероссийского съезда сценических деятелей, Карпов говорил о новом зрителе, который «настойчиво заявляет о своем желании попасть в театр». Этот зритель, указывал Карпов, «смотрит на театр так, как и следует на него смотреть. Не праздная это потеха для его развлечения, а нравственная школа, куда он идет учиться, отдыхать душой от тяжелого, часто непосильного физического труда. С глубоким чувством уважения, граничащим с благоговением, входит новый зритель в театр, желая видеть там торжество правды, посмеяться, а иногда понегодовать на зло, на кривду, на притеснение слабого сильным».³

Выдающийся интерес представляет анкета, проведенная среди своих зрителей театром Невского общества устройства народных развлечений в середине 90-х годов. Отвечая на опросные пункты, работница фабрики Паля писала: «Летние гулянья мне не очень нравятся, потому что музика плоховата, а сцена так затромождена со всех сторон, что если не взять билета на верх, то ничего не увидишь и не услышишь. А ведь не много таких счастливцев, которые успеют захватить эти билеты. А вот зимний закрытый театр мне очень нравится... Придешь в театр и внимательно смотришь и слушаешь... Вся уйдешь в то, что видишь и слышишь, и себя как будто чувствуешь действующим лицом. Приди домой, долго еще не можешь заснуть, а в воображении все еще носится та пьеса, которую только что видела». Работница эта из всех виденных ею пьес отдавала наибольшее пред-

¹ Устав Невского общества народных развлечений. Сб. «Народный театр», М., 1896, стр. 31.

² Сб. «Народный театр», стр. XLIII—XLIX.

³ Труды Первого Всероссийского съезда сценических деятелей 9—23 марта 1897 г. в Москве, ч. I. СПб., 1898, стр. 67—68, 202—203.

почтение трем: «Горе от ума», «Доходное место» и «Тартюф». В других ответах назывались «Ревизор», «Гроза» и т. д.¹

Конечно, отзывы рабочих о деятельности театра Невского общества были в некоторых отношениях разноречивы, свидетельствуя, по словам современника, о том, «какая масса запросов у русского рабочего человека». Но при всех разноречиях в них ярко отразилось серьезное, вдумчивое и внимательное отношение нового, рабочего зрителя к театру как общественно-художественному учреждению, большие требования, в частности этического порядка, предъявляемые к нему.

На рубеже нового столетия, в конце 1900 г., спектаклем «Ревизор» открылся новый, каменный театр Невского общества, рассчитанный на 1600 зрителей. На открытии были прочтены два адреса рабочих, покрытые сотнями подписей.

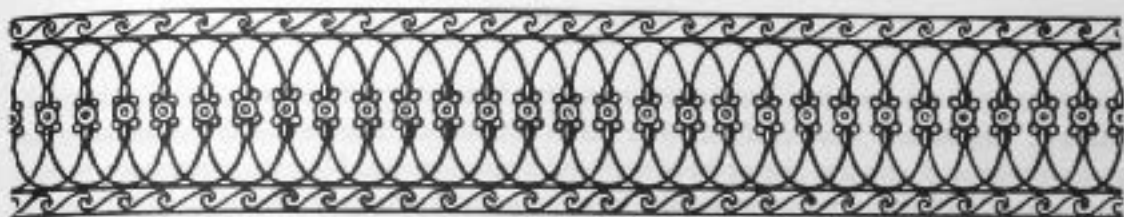
Следует отметить, что с этим театром связаны и воспоминания о революционных событиях: во время первой русской революции рабочие Невской заставы стремились использовать его для своих массовых собраний.

Театры в Василеостровском и Невском районах дали толчок к устройству спектаклей и в других рабочих районах: при Выборгском саде (на Выборгской стороне), на Пороховых, за Нарвской заставой и т. д.

Все движение в пользу «народного театра» стало, как мы видели, давать в Петербурге некоторые практические результаты только с середины и второй половины 80-х годов. При всем интересе, представляемом первыми опытами в области «народного театра» в столице, результаты эти, учитывая численность рабочего класса в Петербурге, объем и характер его культурных запросов, нельзя не признать крайне незначительными, почти ничтожными. Самым крупным начинанием явилось в конце концов устройство театра на Шлиссельбургском тракте, но и он обслуживал лишь небольшую часть населения огромного рабочего района. Если репертуар его, несмотря на все ограничения, создаваемые властями для «народных театров», оказывался подчас чище и лучше репертуара больших театров в центре столицы, то по исполнению и обстановке, разумеется, окраинные театры, не исключая Невского, значительно им уступали. Лучшие театры Петербурга обслуживали верхние и средние слои населения; в какой-то мере они были доступны трудовой интеллигенции; рабочие в них попадали только в виде исключения.

¹ Материалы анкеты были использованы в журнале «Русское богатство» за июнь 1896 г.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МУЗЫКА И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР

(МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО. КОНЦЕРТНАЯ ЖИЗНЬ.
ОПЕРА. БАЛЕТ)

Обозреваемый период ознаменован громадными достижениями русской музыкальной культуры.

Еще во второй четверти XIX в. развернулась деятельность гениального М. И. Глинки, заложившего основы русской классической музыки. Дело Глинки, продолженное его младшим современником А. С. Даргомыжским, в дальнейшем было блестяще развито в творчестве композиторов второй половины XIX в., и прежде всего представителей «могучей кучки» и П. И. Чайковского. Владимир Стасов, знаменитый деятель передового русского искусства второй половины XIX в., писал о Глинке и его значении: «Он в такой степени соответствовал потребности времени и коренной сущности своего народа, что начатое им дело процвело и выросло в самое короткое время и дало такие плоды, каких неизвестно было в нашем отечестве в продолжение всех столетий его исторической жизни».¹

Глубокий патриотизм, кровная связь с народным творчеством, с народной песней, стремление выразить характер, чувства, чаяния народа, искренность, человечность, жизненный, реалистический дух, идейность и гражданственность стали прочной основой и традицией русского музыкального искусства со времен Глинки. Этими чертами отличается творчество таких титанов русской музыки, как Чайковский, Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин и др. Русская музыка

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. IV, 1906, стр. 291.

развивалась под прямым влиянием передовой общественной мысли. Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов были идейными наставниками выдающихся композиторов и музыкальных критиков (Стасов, Серов). Под их влиянием мысль о высоком общественном назначении искусства, о служении народу, об общности задач русской музыки и великой русской литературы крепко вошла в сознание прогрессивных музыкантов и одушевляла их на создание произведений, в которых ясность, оригинальность, красота формы органически сочетались с идейной содержательностью, патриотической и демократической направленностью.

Новая полоса русской жизни, начавшаяся в середине и второй половине 50-х годов, открывает новый период и в истории русского искусства, в частности русской музыки. Этот период (в своей первой фазе) охватывает примерно вторую половину 50-х годов, 60-е и 70-е годы XIX в. Его называют иногда периодом «бури и натиска», музыкальной революции, ибо утверждение и развитие начал реализма и народности в творчестве композиторов и исполнителей, борьба за новое содержание и новые формы искусства, за его демократизацию и связь с общественной жизнью протекали в это время с особенной интенсивностью и страстностью. Впоследствии Н. А. Римский-Корсаков, сравнивая возникший в 50—60-х годах так называемый балакиревский кружок («могучую кучку») с кружком Беллева, существовавшим с 80-х годов XIX в. и объединявшим вокруг себя большинство петербургских композиторов конца века, писал: «... кружок Балакирева соответствовал периоду бури и натиска в развитии русской музыки, кружок Беллева — периоду спокойного шествия вперед; балакиревский — был революционный, беллевский же — прогрессивный».¹

С народно-реалистическим движением в музыке в середине XIX в., в преддверии нового периода, тесно связано имя выдающегося русского композитора Даргомыжского.

Даргомыжский начал свою деятельность в глинкаинское время, а закончил ее на исходе 60-х годов. В его лице, таким образом, период Глинки и период складывания и развития «могучей кучки» соединены живой, непосредственной связью.

Даргомыжский, написавший и ряд симфонических сочинений, главным образом известен как автор романсов и опер. Свой музыкальный символ веры Даргомыжский изложил в 50-х годах в переписке. Он заявлял, что не намерен «снизводить... музыку до забавы». «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды», — писал он.² Даргомыжский боролся за претворение в жизнь этих принципов как в музыкально-драматических произведениях, так и в романах, в которых он часто разрабатывал мотивы, сосредоточившие на себе внимание реалисти-

¹ Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. Изд. 7-е, М., 1955, стр. 163.

² А. С. Даргомыжский. Автобиография. Письма. Воспоминания современников. Пгр., 1924, стр. 55.

чески-обличительной литературы и живописи его времени. Он был близок к демократическому сатирическому еженедельнику «Искра», писал вокальные произведения на слова поэтов, сотрудничавших около этого боевого органа.

Еще в 30—40-х годах Даргомыжский написал оперу (на сюжет Виктора Гюго) «Эсмеральда» и оперу-балет (по Пушкину) «Торжество Ванха». О своей юношеской «Эсмеральде» композитор говорил впоследствии, что в ней проглядывает тот язык правды и силы, который он в дальнейшем старался развить в своем творчестве. Серьезное развитие этот язык получил в известной его опере на пушкинский сюжет — «Русалка». Яркая народность музыки, психологическая правда и выразительность образов, драматизм, соединенный с юмором, любовное внимание к переживаниям простых людей, протест против социального неравенства, а наряду с этим новизна и своеобразие художественных приемов, в частности совершенство мелодического речитатива, определили значение «Русалки» в истории русского искусства. После «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмилы» Глинки, появившихся в 1836 и 1842 гг., «Русалка» Даргомыжского, законченная в 1855 г., явилась еще одним шагом в развитии национального оперного искусства в России.

Поставленная впервые в петербургском «Театре-цирке» 4 мая 1856 г.¹ (при участии гениального артиста-певца О. А. Петрова, создавшего роль мельника, артисток Булаховой, Леоновой и др.), «Русалка» не сразу завоевала то положение, какого она по праву заслуживала. Небрежное отношение дирекции императорских театров к представлению русской оперы, равнодушие и даже враждебность аристократических кругов общества, малая еще подготовленность к восприятию новаторской во многих отношениях оперы Даргомыжского у тогдашнего среднего оперного слушателя явились причиной недостаточного успеха первой постановки «Русалки». Но в лучшей части публики она нашла сразу признание. Выразителем этой части общественного мнения выступил тогда же А. Н. Серов. «Русалка», писал он, «на весах беспристрастной критики перетянет многие из весьма прославленных оперных произведений». «Способность к драматической характеристике лиц... к высоко-художественной музыкальной правде так сильна в авторе „Русалки“, что должна быть очевидна для всех, сколько-нибудь разумеющих искусство». ² Серов подчеркивал, что композитор «Русалки» держится исключительно области славянских форм музыки, не покидает родной почвы, на которой, по стопам Глинки, создается особая школа русской оперы.³

Последующие достижения русской музыки, демократизация зрительного зала сделали то, что при возобновлении «Русалки» в 1865 г. (по почину таланта-

¹ Даргомыжский работал над «Русалкой» с конца 40-х годов. Впервые публичное исполнение отрывка из готовящейся новой оперы состоялось в Петербурге в авторском концерте Даргомыжского в Дворянском собрании (нынешнее помещение Ленинградской филармонии) 9 апреля 1853 г. Этот концерт имеет большое значение в биографии Даргомыжского.

² А. Н. Серов. Критические статьи, т. I. СПб., 1892, стр. 625—626.

³ Там же, стр. 540.

вого певца Ф. П. Комиссаржевского, исполнителя роли князя) опера имела выдающийся успех. «Опера пошла так, как будто бы никогда не давалась», — отзывался сам Даргомыжский.¹

В музыкальных кругах столицы А. С. Даргомыжский уже и до «Русалки», а тем более после нее, играл видную роль. Замечательный мастер вокальной музыки, создатель своего оригинального вокального стиля, Даргомыжский много и охотно занимался музыкальным воспитанием певиц и певцов. «Могу смело сказать, — писал он в автобиографической записке, — что не было в петербургском обществе почти ни одной известной и замечательной любительницы пения, которая бы не пользовалась моими уроками или, по крайней мере, моими советами».²

Кружок любителей музыки систематически собирался на вечерах у Даргомыжского, который долгие годы жил на Моховой улице, в доме Есакова (№ 30). Здесь исполнялись произведения самого Даргомыжского, а также Глинки, Моношю, Вебера, Глюка, потом и новых русских композиторов.³

Среди посетителей музыкального салона Даргомыжского, бывавших у него во второй половине 50-х годов, надо особо отметить молодых композиторов М. А. Балакирева, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргского, составивших в это время первоначальное ядро идейно-творческого объединения, вошедшего в историю русской и мировой культуры под именем «могучей кучки» (или «новой русской музыкальной школы», а также — балакиревского кружка). Отношения «кучки» с Даргомыжским, впрочем, особенно тесными и близкими стали позднее, в последние годы жизни композитора, когда он работал над новой оперой «Каменный гость» — оперой своеобразного типа, декламационной, построенной целиком на выразительном и тонком мелодическом речитативе. Оригинальный склад новой, последней оперы Даргомыжского, понесли композитором наиболее жизненно-правдивых средств выражения психологии героев, его решение положить в основу музыкально-драматического произведения подлинный, неприкосновенный текст (за несколькими малозначащими исключениями) драмы великого поэта — все это не могло не импонировать молодым передовым деятелям, составившим «могучую кучку» — тогда в полном уже ее составе, т. е. с Н. А. Римским-Корсаковым и А. П. Бородиным. Несомненно, что «Каменный гость» Даргомыжского оказал влияние на формирование оперного стиля композиторов «могучей кучки» (больше всего — Мусоргского, в наименьшей степени — Бородина). Но никто из них, даже и Мусоргский, не воспринял полностью художественного метода, вошедшего в «Каменном госте»; «кучкисты» закономерно дорожили ведущим мелодическим, песенным началом в опере, как и вообще в музыке.

¹ А. С. Даргомыжский. Автобиография. Письма. Воспоминания современников, стр. 118.

² Там же, стр. 7.

³ И. Корзухин. Александр Сергеевич Даргомыжский. Артист, 1894, кн. 2 (34), стр. 137—138.

*В. В. Стасов. Портрет маслом работы И. Е. Репина, 1883 г.
Государственный Русский музей.*

Даргомыжский умер 5 января 1869 г., не успев закончить оперу «Каменный гость». Кюи дописал недостающую музыку, а Римский-Корсаков инструментировал оперу. Ее постановки удалось добиться только после упорной борьбы с влиятельными ретроградными «сферами» — борьбы, в которой особенно деятельную роль сыграл Владимир Стасов (эта постановка состоялась в Мариинском театре 16 февраля 1872 г.).

Славная работа Стасова на пользу русского искусства, русской музыки, длившаяся многие десятилетия (до его смерти в 1906 г.) и протекавшая вся в северной русской столице, заслуживает специального внимания.

В. В. Стасов — замечательный критик и исследователь искусства, общественный деятель, боевой журналист — по существу являлся шестым участником «могучей кучки», наряду с остальными ее членами-композиторами.¹ При этом его роль была ролью идейного вдохновителя этого творческого содружества, а также ролью передового бойца-защитника интересов последнего, ролью беззаветного друга и помощника «кучкистов»-композиторов.

Стасов теснейшим образом был связан как с М. А. Балакиревым (руководящей фигурой в этом кружке композиторов), так и со всеми другими участниками «кучки», особенно же с наиболее близким ему по духу М. П. Мусоргским.

Мировоззрение Стасова сложилось под определяющим влиянием общественных и эстетических идей Белинского, Чернышевского, Герцена; большое влияние оказали на него и труды Писарева. Именно воздействию на него революционных демократов Стасов обязан лучшими сторонами своей деятельности. Он справедливо говорил о Белинском и Чернышевском как о великих воспитателях земли русской, без которых «вся Россия была бы совсем другая». ² Необычайно высоко ценил труд Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», Стасов пронагандировал его главные мысли в своих критических выступлениях. Он горячо поддерживал в молодых художниках (представителях различных отраслей искусства) их стремление, отвечавшее деликом духу эстетического учения Чернышевского, изображать действительную жизнь и при этом вносить в свои произведения определенную идею, давать «объяснение жизни», а также выносить «приговор» явлениям действительности. ³ Стасов убежденно отстаивал реалистическое, граждански целеустремленное искусство, проникнутое здоровой, демократической тенденциозностью, такое искусство, в котором «дышит протест и страстное желание гибели тому, что тяготит и давит свет». ⁴

¹ Речь идет об основных участниках «могучей кучки», определивших ее характер и значение. С кучкой были связаны и некоторые второстепенные композиторы — А. С. Гуссаковский, Н. И. Лодыженский, Н. В. Щербачев, в свое время возбуждавшие большие надежды, но не сделавшие существенного вклада в развитие русской музыки.

² И. Е. Ревин и В. В. Стасов. Переписка, т. III. М.—Л., 1950, стр. 246.

³ См., например, «Собрание сочинений» Стасова, т. I, 1894, отд. 1, стб. 537.

⁴ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, отд. 1, стб. 528.

В эстетической системе Стасова важнейшую роль играло требование национального своеобразия, народно-национальной самостоятельности искусства. В одной из своих обобщающих работ (80-х годов) Стасов писал: «Смешно отрицать науку, знание в каком бы то ни было деле, в том числе и в музыкальном, но только новые русские музыканты, не имея за плечами, в виде исторической подкладки, унаследованной от прежних столетий, длинной цепи схоластических периодов Европы, смело глядят науке в глаза: они уважают ее, пользуются ее благами, но без преувеличения и низкопоклонства. Они отрицают необходимость ее суши и недантских излишеств, отрицают ее гимнастические потехи, которым придают столько значения тысячи людей в Европе, и не верят, чтоб надо было покорно прозябать долгие годы над ее священнодейственными таинствами».¹

Для того чтобы быть народной, чтобы «выразить национальный дух и душу», музыка, доказывал Стасов, «должна адресоваться к самому корню жизни народной».² Стасов писал о русском народе, как об «одном из самых музыкальных во всем мире». Он принавал громаднейшее значение — в деле развития всей русской музыкальной культуры — того факта, что в русском народе сохранились «чуждые музыкальные создания — народные песни, пережившие тысячи невзгод и несчастий, сотни лет иноземных нашествий, порабощений, внутренних переворотов и переделок, золотушных прививок, злосчастных навязываний и принуждений». Сквозь столетия, писал Стасов, русский народ, «непоколебимый и неоттрисаемый», в целостности и ненарушимости «пронес свою народную песнь».³ Стасов видел в ней неиссякаемый родник творчества для русских композиторов.

Будучи поборником истинно содержательной, наполненной большими мыслями и чувствами музыки, отстаивая неразрывную связь музыки, как и вообще искусства, с жизнью народа, с его интересами, требованиями и надеждами, Стасов приписывал большую роль в развитии такой музыки принципу программности. В 60-х годах Стасов писал Балакиреву, что видит именно в программной музыке новый и единственно возможный шаг вперед.⁴ В обзоре русской музыки за 25 летие, опубликованном в 80-х годах, Стасов с удовлетворением отмечал, что почти все инструментальные сочинения Балакирева, а вслед за ним и все почти инструментальные сочинения новой русской школы — программы. «Наша эпоха, — писал он по этому поводу, — все далее и далее отходит в сторону от „чистой“ музыки прежних периодов и все сильнее и сильнее требует для музыкальных созданий — действительного, определенного содержания».⁵

Все наиболее существенное во взглядах Владимира Стасова характерно для идейно-творческих позиций композиторов «могучей кучки». Они тоже испытали

¹ Там же, стр. 648.

² Там же, стр. 651.

³ Там же, т. IV, стр. 287.

⁴ Перепица М. А. Балакирева с В. В. Стасовым, т. I, М., 1935, стр. 246.

⁵ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, стр. 1, стр. 674—675.

глубокое влияние передовой русской общественной мысли, представленной прежде всего именами Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова; они также развивались в обстановке подъема общественного движения эпохи падения крепостного права.

Направление «могучей кучки» выражалось в стремлении и умении выразить в своих произведениях дух и характер своего народа, в глубоком проникновении в народно-песенную стихию, в жизненной правде, реализме, идейности, в большей или меньшей отзывчивости на запросы современной передовой общественности, в замечательно удачных поисках новых выразительных средств, в борьбе против рутинности, напыщенности, фальши, пошлости. Внеся огромный вклад в развитие симфонической и камерной инструментальной музыки, а также романса, композиторы из «могучей кучки» особенное внимание уделяли творчеству в области оперы. На протяжении уже 60-х и 70-х годов были созданы «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, «Псковитянка» и «Майская ночь» Римского-Корсакова, большая часть «Князя Игоря» Бородина, а также имеющие меньшее художественное значение «Вильям Ратклиф» и «Анджело» Кюи.¹

Особый интерес к опере вызывался влиянием глинканской традиции, тем, что опера представляла собой музыкальную форму, наиболее близкую и доступную широкой массе слушателей, наконец, тем, что в опере достигалось наибольшее сближение искусств, в первую очередь музыки с литературой, поэзией, к чему представители «могучей кучки», сторонники программной музыки и поборники общественного служения искусства, всегда стремились.

Как выше отмечено, первоначальное ядро «могучей кучки» стало складываться во второй половине 50-х годов. Примерно до начала 60-х годов протекал подготовительный период в истории «кучки». Время ее наиболее сплоченного существования и особенно тесного взаимного сотрудничества ее участников приходится на середину — вторую половину 60-х годов и часть следующего десятилетия. В начале 70-х годов от своих товарищей отходит прежний руководитель «кучки» Балакирев; вслед за этим постепенно и вообще происходит распадение «кучки» как монолитного цельного объединения, что не мешает каждому из ее представителей в отдельности сохранять в своем творчестве, говоря словами Бородина, «общий склад музыкальный, общий пошиб, свойственный кружку»,² не мешает также

¹ Поскольку мы ниже не возвращаемся уже к операм Кюи, отметим, что «Вильям Ратклиф», поставленный в 1869 г. в Мариинском театре, был первой «кучкистской» оперой, поставленной на сцене; «Анджело» поставлен в 1876 г. в том же театре. Оперы Кюи не удержались в репертуаре (ни эти, ни более поздние; Кюи сохранил известность главным образом как автор камерной музыки, особенно романсов), но в свое время они сыграли роль в деле уяснения и утверждения оперной эстетики «новой русской музыкальной школы». В 1917 г. сам Кюи писал: «Сознание ли, что „Ратклиф“ составляет эпоху в истории русской оперы по новизне и свободе форм и лейтмотивам. В 1869 г. Даргомыжский говаривал, что без „Ратклифа“ не было бы в „Камениного гостя“». (Ц. Кюи. Избранные письма. Л., 1955, стр. 478).

² Письма А. П. Бородина, вып. II. М., 1936, стр. 108.

М. А. Балакирев. Гравюра на дереве, 70-е годы XIX в.

в общем более или менее близким товарищеским отношениям, сравнительно частым встречам и обсуждениям (в частности, между Бородиным и Мусоргским, Римским-Корсаковым и Бородиным и т. д.).

В пору складывания «могучей кучки» и в первые годы уже слаженной деятельности ее участники чаще всего собирались у Балакирева,¹ Кюи,² братьев

¹ Он жил в конце 50-х годов на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова) между Харламовым и Новоивновольским местами, на рубеже 50-х и 60-х годов — на Вознесенском проспекте (проспект Майорова) в доме Иванова (№ 14), в первой половине 60-х годов — на углу Офицерской улицы (улица Декабристов) и Пращинного переулка в доме Хилькевича. Во второй половине 60-х годов «могучие» часто приходили в квартиру Балакирева на Невском проспекте в доме Бенардси.

² В 60-х годах — на углу Воскресенского проспекта (проспект Чернышевского) и Захарьевской улицы (улица Каляева); позже Кюи жил на Шалерной улице (улица Войнова), д. 6.

Стасовых — Владимира Васильевича и Дмитрия Васильевича (известный юрист и музыкально-общественный деятель). В. В. Стасов долгие годы (50-е, 60-е, начало 70-х) жил на Моховой улице, близ Пантелеймоновской (ныне улицы Пестеля), в доме Мелиховой. С 1866—1867 гг. одним из главных центров общения членов «кучки» становится на ряд лет квартира Л. И. Шестаковой, сестры и помощницы М. И. Глинки (она жила на Гагаринской улице, в доме № 30, против третьей Петербургской гимназии). В 1872 г. Мусоргский писал Шестаковой: «Пять лет тому назад Вы осуществили Ваше благословенное желание сплотить русский музыкальный кружок в Вашем доме. Вы были свидетельницей горячих дел, подчас борьбы, стремлений, опять борьбы сочленов кружка, и Ваше сердце всегда было живым откликом на эту борьбу, на стремления, горячие дела. Много хорошего было сделано, и за это хорошее дань Вам надлежит, Вам по праву».¹ Часто собирались «кучкисты» в конце 60-х годов и у Даргомыжского. Биограф Чайковского, брат композитора Модест Чайковский, касаясь музыкальных событий этого времени, называет квартиру Даргомыжского (на Моховой улице) центром общения композиторов «могучей кучки» и отмечает (об этом же пишут Римский-Корсаков, Кюи, Шестакова), что прикованный к дому смертельной болезнью, Даргомыжский «с увлечением и пылом юноши» был занят сочинением «Каменного гостя», а молодые друзья «часто собирались у „учителя“, чтобы прослушать все, что он успевал написать, и, в свою очередь, показать ему свои работы».² «Кучка», кроме того, сходилась в конце 60-х и в 70-х годах в доме В. Ф. Пургольда, племянницы которого Александра Пургольд (потом по мужу Молае) и Надежда Пургольд (по мужу Римская-Корсакова), ученицы Даргомыжского, очень талантливые исполнительницы (А. Н. Пургольд — выдающаяся камерная певица, Н. Н. Пургольд — отличная пианистка), были преданными и горячими почитательницами «новой русской музыкальной школы»; сходились у певиц Алины Хвостовой (ученица Полины Виардо), Юлии Платоновой (из Мариинской оперы), одно время — у художника Константина Маковского и т. д.

После отхода Балакирева, в период, о котором Стасов писал (в конце 1874 г.) как о времени уже прекратившейся совместной деятельности членов музыкального кружка,³ именно Стасов же, а в известной мере и Шестакова особенно заботились о поддержании связей между «кучкистами», стремились устраивать их встречи

¹ М. П. Мусоргский. Письма и документы. М.—Л., 1932, стр. 219. Балакирев после смерти Шестаковой в статье «В защиту памяти сестры и друга М. И. Глинки Людмила Ивановна Шестаковой» подчеркивал, что ее салон после смерти брата (однако не сразу, — *Ред.*) «сделался центром собраний кружка новых русских музыкантов, следующих за Глинкой и считавших его своим духовным родоначальником» (Русская музыкальная газета, 1907, № 13, стб. 375).

² М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. I. Москва—Лейпциг, 6. г. (1901), стр. 288.

³ Русская музыкальная газета, 1906, № 51—52, стб. 1222.

у себя (Владимир Стасов между 1873 и 1877 гг. жил на углу Надеждинской, ныне улицы Маяковского, и Ковенского переуллка, в доме Трофимова, потом на Сергиевской — ныне улица Чайковского — в доме № 79, близ Таврического сада).¹ В 1874—1875 гг. Стасов сообщал своей дочери С. В. Фортунато, находившейся тогда вне Петербурга: «... около меня постоянно собирается кружок людей талантливых, создающих — в это и есть моя настоящая компания. Середу и воскресенье, по вечерам, у меня бывают всегда люди, из которых каждый приносит или рассказывает новые свои работы: кто отрывок сочиняемой оперы, кто пьесу для оркестра или фортепиано, кто новую драму или стихотворение, кто еще что-нибудь другое, литературное, историческое или критическое». «В среду и воскресенье вижу своих людей — музыкантов и других, с которыми меняемся мыслями, не засыпаем в работах и подталкиваем друг друга».²

Собрания «могучей кучки» (вместе с ее ближайшим окружением) имели важное значение для развития музыкальной культуры. Балакирев впоследствии подчеркивал, что в ходе обсуждения, разбора новых произведений, в котором участвовали все члены «нашей компании», «сообща вырабатывалось критически все направление нашей композиторской деятельности».³

На собраниях исполнялись не только произведения малых форм или отрывки из крупных вещей, но и целые акты из опер и даже иногда полностью оперы (конечно, без оркестра). Уровень исполнения подчас бывал исключительно высок. Стасов рассказывает в одном из летних писем 1870 г. о выступлении у него на даче в Парголово М. П. Мусоргского: «Мусоргянн... так пел, что ему аплодировали все дамы и девицы и произвели какое-то торжество. Мне напомнились времена Глинка, и он сам за фортепиано. С его времен я еще не видал ни у кого такого общего действия на всех безразлично».⁴ Дочь Стасова Софья Фортунато вспоминала об исполнении музыкальных произведений Даргомыжским и Мусоргским: «... Не только люди музыкально-образованные, но даже совершенно непрощенные рыдали навзрыд, слушая их. Такова была сила их таланта, умение воплотиться в то лицо, которое они изображали с огромным драматизмом, юмором и комизмом. Впечатление получалось неотразимое».⁵ В собраниях «кучки» участ-

¹ Адрес В. В. Стасова с начала 80-х годов — на углу Знаменской (улица Восстания) и Бассейной (улица Некрасова). Последняя квартира Стасова — на 7-й Рождественской (ныне 7-я Советская), д. 11. Здесь Стасов умер в 1906 г. В музыкальной и вообще в культурной летописи Ленинграда памятно также Парголово (и деревня Старошарловка близ Парголово), где Стасов проводил лето и куда к нему съезжались композиторы, артисты, писатели.

² В. В. Стасов. Письма к родным, т. I, ч. 2. 1862—1879. М., 1954, стр. 224—225, 238; ср. стр. 235.

³ Советская музыка, 1950, № 6, стр. 80.

⁴ В. В. Стасов. Письма к родным, т. I, ч. 2, стр. 61.

⁵ В. Яковлев. Мусоргский в воспоминаниях и наблюдениях современников. Сб. «М. П. Мусоргский. К 50-летию со дня смерти», под ред. Ю. Келдыша и В. Яковлева, М., 1932, стр. 139.

вовали во многих случаях и профессиональные певцы, артисты Петербургской оперы. Шестакова вспоминает «чудесные вечера» в ее доме, в которых участвовали супруги Петровы.¹ Много дела на «кучкистских» собраниях Ал. Молае.

В то приблизительно время, когда зарождался балакиревский кружок («могучая кучка»), в Петербурге возник и другой центр музыкальной деятельности. Это было Русское Музыкальное общество. Несмотря на присущие ему крупные недостатки (зависимость от «покровительства» дворцовых кругов, бюрократический характер руководства на многих этапах истории общества), оно сыграло очень значительную роль и в развитии концертной жизни, и в организации музыкального образования.

Еще в 1802 г. возникло Петербургское филармоническое общество как благотворительное учреждение, призванное оказывать помощь семьям умерших музыкантов. Концерты, при самом близком участии Придворной певческой капеллы, устраиваемые с тех пор в Петербурге Филармоническим обществом, хотя и довольно редко (обычно три или два раза в году), были весьма заметны в музыкальной жизни столицы. Филармоническое общество, указывая в 1865 г. А. Н. Серов, «в свое время было у нас единственною корпорациею, служившею честно высоким целям серьезной симфонической и ораторной музыки».²

С течением времени концерты Филармонического общества, однако, утратили свое ведущее место.

В 1839—1840 г. появилось Симфоническое общество любителей музыки, прекратившее свою деятельность за недостатком средств в 1850 г. На рубеже 40-х и 50-х годов руководитель Певческой капеллы А. Ф. Львов организовал Концертное общество, и тогда капелла совершенно отделилась от упомянутого выше Филармонического общества.³ Вечера Концертного общества отличались солидностью своих программ и серьезным исполнением; но они были редки и имели в виду привилегированный слой слушателей. Существовавшие параллельно любительские университетские концерты,⁴ рассчитанные на небогатую публику, в частности на студенчество, и гораздо более частые, сильно уступали немногочисленным концертам Концертного общества по уровню исполнения. Несмотря на то, что и дирекция императорских театров стала устраивать, наряду с концертами университетскими и Концертного общества, свои симфонические вечера, все эти

¹ Л. Шестакова. Мои вечера. Ежегодник императорских театров, сезон 1893/94 г., Приложение, кн. 2, стр. 127 (А. Я. Петрова уже не выступала в тот период на сцене).

² А. Н. Серов. Критические статьи, т. IV, СПб., 1895, стр. 1646.

³ Е. Альбрехт. Общий обзор деятельности С.-Петербургского филармонического общества. СПб., 1884, стр. XI.

⁴ «Музыкальные упражнения студентов имп. Санкт-Петербургского университета» возникли в конце 40-х годов; в оркестре, руководимом видным музыкантом (виолончелистом) К. Б. Шубертом, тогда участвовали, однако, не одни студенты. Отметим, что впоследствии, в 80-х гг., снова был сформирован в университете оркестр, под управлением Г. О. Дюша.

концерты и в своей совокупности не могли уже удовлетворить возросшей к середине XIX в. потребности в серьезной музыке.

Более полное и широкое удовлетворение этой потребности стало одной из задач Русского Музыкального общества. История его возникновения неразрывно связана с именем замечательного русского музыкального деятеля Антона Рубинштейна.

Крупный композитор, дирижер, гениальный пианист, А. Г. Рубинштейн, родившийся в Молдавии и воспитанный в Москве, впервые появился в Петербурге в 1843 г., 14-летним юношей. С 1849 до 1854 г. он жил в столице, в 1858 г., после очередного артистического путешествия, он снова вернулся сюда. Рубинштейн поселился на Фонтанке, у Семеновского моста, в доме Кандаурова. Сначала на его квартире, а потом в зале Бенардаки (на Невском проспекте, д. 86, где ныне Дом искусства) под руководством Рубинштейна происходили большие музыкальные вечера, явившиеся, по справедливому замечанию Б. Асафьева, «ярким очагом пропаганды музыки и дела музыкального просвещения».¹ Рубинштейновские вечера явились как бы подготовкой к созданию Русского Музыкального общества, которое основано было в 1859 г. (кроме Рубинштейна, в его организации действительно участвовали Дмитрий Стасов,² В. А. Кологривов и др.).

А. Г. Рубинштейн. Фотография.

¹ Игорь Глебов, *Антон Григорьевич Рубинштейн в его музыкальной деятельности и отзывах современников*. М., 1929, стр. 73.

² Выше уже указывалось, что Д. В. Стасов одновременно находился также в дружбе с «кучкистами»; он старался как бы играть роль «миролюбивого посредника» между двумя, в той или иной степени соперничавшими в тогдашних условиях, музыкальными группировками (это отмечено в статье З. Савеловой «Мусоргский в кругу его личных знакомств». См.: сб. «М. П. Мусоргский. К 50-летию со дня смерти», под ред. Ю. Келдыша и В. Яковлева, М., 1932, стр. 184).

23 ноября 1859 г. в зале Благородного собрания состоялся первый симфонический концерт Русского Музыкального общества. Эти концерты регулярно продолжались потом (в разных помещениях) более пятидесяти лет. В течение первых восьми сезонов бессменным руководителем-дирижером этих концертов являлся сам Рубинштейн. Через полтора месяца после симфонических открылись квартетные собрания Русского Музыкального общества, также прочно вошедшие в музыкальный быт Петербурга.

Возникнув в Петербурге, Русское Музыкальное общество в 1860 г. распространило свою деятельность на Москву, а позднее и на ряд провинциальных центров.

Вопрос об организации музыкального учебного заведения в Петербурге был поставлен А. Рубинштейном с самого начала существования Русского Музыкального общества. Рубинштейн полагал, что главная цель общества — «облегчить массе возможность получить музыкальное образование, доставляя ей ученье у лучших профессоров по всем отраслям этого искусства за самую умеренную плату или даже бесплатно».¹ Не дожидаясь решения вопроса в широком объеме, общество уже в 1859/60 г. открыло классы пения и элементарной теории музыки; около 100 человек было принято в классы пения, руководимые известным вокальным педагогом Генриэттой Ниссен-Саломан и другими, более 40 человек — в класс теории. В дальнейшем были открыты классы игры на фортепиано (выдающегося пианиста Ф. Лешетицкого), на скрипке (знаменитого польского скрипача и композитора Генрика Венявского, состоявшего в то время солистом императорских театров в Петербурге) и т. д. В 1861 г. в класс музыкального сочинения поступил окончивший за два года до этого Училище правоведения в Петербурге чиновник Министерства юстиции — Петр Ильич Чайковский, будущий великий русский композитор.

В начале того же 1861 г. Рубинштейн выступил в петербургской печати с программной статьей «О музыке в России», в которой с большой остротой поставил вопрос о музыкальном просвещении.

Рубинштейн ополчился против широкого распространения дилетантизма в музыкальном деле и отстаивал планомерную профессионализацию в области музыки, требуя вместе с тем определенных прав для профессиональных деятелей музыкального искусства. Рубинштейн настаивал на необходимости учреждения консерватории, которая будет давать каждый год «русских учителей музыки, русских музыкантов для оркестра, русских певцов и певиц, которые будут трудиться так, как трудится человек, который видит в своем искусстве средство к существованию, право на общественное уважение».² «Борьба Рубинштейна против музыкального дилетантизма, — отмечает Б. В. Асафьев, — была не

¹ Игорь Г л е б о в, ук. соч., стр. 80, 81.

² Там же, стр. 87—92.

только борьбой вкусов, а решительным натиском „разночинства“ как нового носителя культуры, против кастовой обособленности в области искусства.¹

Кампания Рубинштейна, поддерживаемого В. Кологривовым, Д. Стасовым, оказалась успешной: в октябре 1861 г. был утвержден устав музыкального училища, фактически — Петербургской консерватории, как она и стала называться через несколько лет, с 1866 г. Открытие Петербургской (первой в России) консерватории состоялось 8 сентября 1862 г. Рубинштейн стал ее первым директором, профессорами были, кроме него, крупнейший виолончелист эпохи, создатель русской виолончельной школы XIX в. (впоследствии тоже директор консерватории, в 1876—1887 гг.) К. Ю. Давыдов, Генрик Венявский, Лешетницкий, А. Г. Цабель (известный арфист), Ниссен-Саломан и др.

Петербургская консерватория помещалась сначала во флигеле барского дома Демидова, на углу Демидова переулка и Мойки. В 1866 г. она перешла в собственный дом у Пяти углов, потом была переведена на Театральную улицу (ныне улица Зодчего Росси) в дом Министерства внутренних дел, где и оставалась почти тридцать лет — до 1896 г., когда она заняла то здание, перестроенное из Большого театра, которое и ныне занимает Ленинградская консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова.

При открытии консерватории в нее поступило 102 ученика и 77 учениц. Первый выпуск консерватории состоялся в конце 1865 г. Среди первых окончивших находились: П. И. Чайковский, видные петербургские пианисты Г. Г. Кросс и С. А. Малоземова, скрипач К. Пушилов, петербургский музыкальный издатель В. В. Бессель; к следующему выпуску принадлежали друг Чайковского, видный музыкальный критик Г. А. Ларош, известный потом московский дирижер И. К. Альтани и др. Число учащихся Петербургской консерватории колебалось по годам, достигнув к концу 60-х годов примерно 300 (к началу 80-х годов было уже более 700 учеников, в начале XX в. цифра учащихся превысила 1000, а к моменту своего 50-летия консерватория насчитывала более 2000 учеников).²

Социальный состав учащихся Петербургской консерватории в первые годы ее существования характеризуется имеющимися данными за 1865 г., согласно которым в числе учеников дворян было 129, лиц «податного сословия» — 150.³ Среди консерваторских учащихся, таким образом, с самого начала имелось значительное число демократических элементов.

Благодаря высокому, в общем, уровню педагогического персонала, большой одаренности многих учащихся, благодаря исключительной энергии и настойчивости Антова Рубинштейна, но прежде всего в связи с общим подъемом, пережив-

¹ Там же, стр. 4.

² А. И. Пузыревский и Л. А. Саккетти. Очерк пятидесятилетия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912, стр. 173—174.

³ Ю. Кремлев. Ленинградская Государственная консерватория (1862—1937). М., 1938, стр. 16.

вавшимися русской музыкальной культурой, Петербургская консерватория сразу же заняла почетное место в ряду аналогичных музыкальных учреждений Европы.

Между тем, в самом Петербурге вокруг образовавшейся консерватории происходила некоторая идейная борьба, в которой видную роль играли «кучкисты». Мотивы, по которым они выступали тогда против консерватории, впервые были изложены В. Стасовым в его полемическом ответе на статью А. Рубинштейна «О музыке в России». Как видно из выступления В. Стасова (как и из других заявлений «кучкистов» по этому поводу), они опасались, что консерватория станет тормозить чисто национальное развитие русской музыки и будет воспитывать музыкальную молодежь в духе преклонения перед отжившими авторитетами и традициями. Консерватория, утверждал Стасов, «вмешивается самым вредным образом в *тесрчество* воспитывающегося художника, простирает деспотическую власть... на склад и форму его произведений, старается дать им свое направление, вогнать их в известную академическую мерку...». «Каждый из нас знает, — писал также Стасов, — как много пересаживали к нам иностранных продуктов, и как мало из числа их возрастало. Пора, кажется, остановиться с пересаживаниями, ни о чем не рассуждающими, и подумать о том, что действительно полезно и пригодно для нашей именно почвы и для нашей именно национальности».¹

В протестах «могучей кучки» выразилась ее ненависть к рутине, забота о наиболее свободном развитии искусства и молодых художников; сказалось и недоверие к ряду деятелей консерватории, которые были известны своим скептическим отношением к представителям «новой музыкальной школы» в России и вообще большим или меньшим консерватизмом своих эстетических взглядов и музыкальных симпатий, недооценкой значения национальных стремлений в искусстве. К тому же сама консерватория, как и Русское Музыкальное общество, в ведении которого она находилась, состояли в большой зависимости, не только формальной, но и реальной, от царского «двора», от великой княгини Елены Павловны, их «покровительницы»; «кучка» ясно видела вредные последствия вмешательства придворных сфер в музыкальные дела.

Если многое, таким образом, объясняет неприязнь участников «кучки» к консерватории и даже оправдывает их настороженность по отношению к ней, то все же несомненно, что они тут впадали в крайность и недооценивали в тот момент важность и неотложность систематической и правильной организации высшего музыкального образования в стране.

Судьбы и Петербургской, и основанных позднее других консерваторий сложились таким образом, что именно они стали в дальнейшем мощным средством распространения достижений русской композиторской школы. Большую роль в этом смысле сыграл один из представителей «кучки» — Н. А. Римский-Корсаков, который впоследствии (1871 г.) не остановился перед вступлением в профес-

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, 1894, стр. 391—393.

суру Петербургской консерватории и, заняв руководящее положение в ее преподавательском составе, во многом определял плодотворное развитие ее деятельности.

Однако в 60-х годах соперничество между «кучкой» и консерваторией находилось в своей сравнительно острой фазе. Тогда-то и возникло в Петербурге еще одно музыкальное учреждение, сыгравшее большую и полезную роль в развитии музыкальной жизни столицы и всей русской музыкальной культуры — так называемая Бесплатная музыкальная школа.

Основателями Бесплатной музыкальной школы, открытой 18 марта 1862 г., были М. А. Балакирев и Г. Я. Ломакин, видный организатор в области хорового пения, дирижер частного хора графа Д. Шереметева.¹ Инициатива принадлежала Балакиреву, Ломакин же, по его собственному свидетельству, горячо ухватился за мысль Балакирева, «прельщаясь надеждою привлечь в эту школу массу народа со свежими голосами, дать возможность талантам бедных людей учиться бесплатно и, дав им музыкальное образование, составлять из них громадные хоры».² Если основной задачей Ломакина было развитие русского хорового пения, то Балакирев этим не ограничивался и считал цели школы гораздо более широкими: он стремился использовать ее для пропаганды передовой музыки, сделать ее органом новых русских композиторов.

До 1868 г. Балакирев и Ломакин совместно управляли Бесплатной музыкальной школой, потом Балакирев в течение нескольких лет один оставался во главе школы.

Балакирев создавал Бесплатную музыкальную школу как противовес классам Русского Музыкального общества, превратившимся в том же году в консерваторию.

Бесплатная музыкальная школа в первые месяцы своего существования приютилась на Выборгской стороне, в здании Медико-хирургической академии. Студенты этой академии, а также фельдшера, фельдшерские ученики составили значительную часть ее первых учеников, среди которых вскоре же появились фабричные рабочие,³ возможно, из числа учившихся в воскресных школах. Помещениями для

¹ Канцелла Шереметевых — один из лучших частных хоров в России — существовала в Петербурге с середины XVIII в. Замечательным шереметевским хором (он до реформы 1861 г. состоял в подавляющем большинстве из крепостных крестьян) восхищались Глинка, Лист, Берлиоз. Наибольший расцвет канцеллы относится ко времени управления ею Г. Я. Ломакимым. Для занятий канцеллы служил особняк Шереметевых на Фонтанке (между Невским и нынешней улицей Белинского). Канцелла просуществовала до 70-х годов, потом оставался только ансамбль из 14 мужских голосов. Для широкой петербургской публики выступления шереметевского хора в те времена были редко доступны. Дальнейшая история хора относится уже ко времени деятельности так называемых общедоступных концертов А. Д. Шереметева предреволюционного периода, о которых будет речь в третьем томе нашего издания. См.: Д. Л о к и н и. Выдающиеся русские хоры и их дирижеры. М., 1953, стр. 40—49.

² В. В. С т а в о в, Собрание сочинений, т. IV, стр. 371.

³ Письма М. А. Балакирева к А. П. Арсеньеву. Русская музыкальная газета, 1910, № 41, стр. 869, 873.

певческих занятий Бесплатной школы в дальнейшем служили и дом Шереметева, и Городская дума. Касаясь контингента учеников, Ц. А. Кюи в 1864 г. в одной из своих статей (он выступал с 1864 г. в петербургской печати как литературный выразитель взглядов «кучки»)¹ называл «и фабричных и лавочных сидельцев и гостинодворцев и средний круг». ² Представителей столичных низов все-таки было, очевидно, меньше, чем людей «среднего круга». Стасов как-то выражал пожелание, чтобы «раздвинулись густые ряды кринолинов и фраков», участвующие в хоре Бесплатной школы, и «выступили вперед те длиннонолые сюртуки и сабирки, которые за ними прячутся», и чтобы к ним «прибавились еще покуда непооявлявшиеся» в Бесплатной школе «швея из магазина, девочка-портниха, горничная, шляпница».³

Важной стороной деятельности Бесплатной школы были устраиваемые ею концерты. Их было не очень много (гораздо меньше, чем концертов Русского Музыкального общества): за первое 25-летие существования школы состоялось всего 49 концертов, которые устраивались не без труда — ввиду крайней ограниченности средств. Но программы этих концертов составлялись, как правило, весьма целеустремленно. Они преследовали вполне определенные задачи: сделать доступными и близкими для слушателей произведения Глинки и Даргомыжского, произведения самих представителей «новой русской музыкальной школы», а вместе с тем сочинения тех композиторов Запада, которых Балакирев и его друзья особенно ценили и стремились пропагандировать в России (Шуман, Берлиоз, Лист, из старых композиторов особенно Бетховен).

В 60-х годах богато расцветает творчество членов «могучей кучки». Ряд их произведений, написанных в то время, впервые исполняется под управлением М. А. Балакирева в концертах Бесплатной музыкальной школы (эти концерты тогда происходили почти всегда в зале Дворянского собрания — нынешнем Большом зале Ленинградской филармонии, иногда в Городской думе).

В мае 1867 г. Бесплатная школа отметила приезд в Петербург славянских гостей (в связи со славянским съездом, происходившим тогда же в Москве). Устроенному по этому поводу концерту ⁴ В. Стасов посвятил свою известную

¹ Около десятка лет Кюи был более или менее последовательным выразителем воззрений «кучки». Потом заметен известный отход его от прежних позиций. При этом Кюи, с одной стороны, шел по пути преодоления некоторых неоправданных крайностей, чрезмерной исключительности во взглядах своих и друзей, но вместе с тем он начинает иногда отказывать в должном признании тем или иным бесспорно ценным и положительным достижениям «новой русской музыкальной школы».

² Ц. А. К ю и. Музыкально-критические статьи, т. 1, Пгр., 1918, стр. 14 (или: Ц. А. К ю и. Избранные статьи, Л., 1952, стр. 9).

³ В. В. Ст а с о в, Собрание сочинений, т. III, стб. 183.

⁴ Концерт принес две новинки, явившиеся показателем крепких связей русской музыки с музыкальной культурой других славянских народов, — «Сербскую фантазию» Римского-Корсакова и «Увертюру на чешские темы» Балакирева.

Мариинский театр. Фотография конца XIX в.

статью (в газете «Санкт-Петербургские ведомости») «Славянский концерт Балакирева», где впервые употребил выражение «могучая кучка». «...дай бог, — писал В. В. Стасов, — чтоб наши славянские гости никогда не забыли сегодняшнего концерта, дай бог, чтоб они навсегда сохранили воспоминание о том, сколько поэзия, чувства, таланта и умения есть у маленькой, но уже могучей кучки русских музыкантов».¹

С осени 1867 г. М. А. Балакирев, помимо руководства концертами Бесплатной школы, оказался во главе симфонических концертов Русского Музыкального общества (приглашение Балакирева состоялось в то время, когда председательство в дирекции Петербургского отделения Русского Музыкального общества перешло к А. С. Даргомыжскому, вскоре, однако, умершему). Это продолжалось два сезона, которые для пропаганды новой русской музыки имели большое значение.

Оценивая деятельность Балакирева как руководителя концертов Русского Музыкального общества в Петербурге, Чайковский, не принадлежавший к «могучей кучке», писал: «Замечательно интересно составленные программы этих концертов, — программы, где уделялось иногда местечко и для русских сочинений, — отличное оркестровое исполнение и хорошо обученный хор привлекали в собра-

¹ В. В. Стасов, *Собрание сочинений*, т. III, стр. 219.

ния Музыкального общества многочисленную публику, восторженно задылавшую свою симпатию к неутомимо-деятельному русскому капельмейстеру».¹

Однако на «верхах» были крайне недовольны тем, что, как выразился В. Стасов, «появился человек талантливый, энергичный, глубоко уважающий и знающий все талантливое в музыке, но стремящийся выдвинуть вперед и русскую талантливую школу — раздались упреки, жалобы со стороны всего, что только есть самого отсталого и темного в нашем музыкальном мире».² Великая княгиня Елена Павловна сама возглавила кампанию против Балакирева, и он был грубо отставлен от руководства концертами Русского Музыкального общества весной 1869 г.

В прогрессивных музыкальных кругах этот возмутительный факт — одно из ярких проявлений борьбы реакционных сил против русского передового искусства — вызвал негодование. Чайковский писал в Москве в журнальной статье: «Было бы очень грустно, если бы изгнание из высшего музыкального учреждения человека, составлявшего его украшение, не вызвало протеста со стороны русских музыкантов».³ Чайковский справедливо высказывал уверенность, что его голос есть выразитель тяжелого чувства, охватившего лучшую часть музыкальной среды. Правда, наилучшие планы, делеемые при удалении Балакирева, не осуществились (намечалась вначале замена Балакирева второстепенным германским музыкантом, Максом Зейфрицем), и во главе концертов Русского Музыкального общества встал с тех пор Э. Ф. Направник, все более выдвигавшийся уже своей высоко-плодотворной деятельностью в русской опере.

После вынужденного удаления из Русского Музыкального общества Балакирев всемерно старался усилить концертную деятельность Бесплатной музыкальной школы. В ближайший же сезон (1869—1870) был объявлен абонементный цикл из пяти концертов, вызвавший большой интерес передовых кругов (исполнялись сочинения Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Римского-Корсакова, а также Бетховена, Вагнера, Листа, Шумана, Берлиоза и др.). Дстойно внимания участие в проведении цикла знаменитого пианиста, основателя и директора Московской консерватории Николая Рубинштейна (младшего брата «петербургского» Антова Рубинштейна), имевшее демонстративный характер; значение протеста подчеркивалось исполнением (впервые в Петербурге) вновь написанной Балакиревым фортепианной фантазии «Исламей» (концерт состоялся 30 ноября 1869 г.). Но материальные дела школы шли плохо; концерты пришлось через несколько лет, в 1872 г., прервать. Это совпало с тяжелым идейным кризисом, переживавшимся Балакиревым, и отчасти, со своей стороны, способствовало обострению

¹ П. И. Чайковский. Музыкальные фельетоны и заметки. М., 1898, стр. 6 (или: П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи. М., 1953, стр. 29)

² В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. III, стр. 432.

³ П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 29.

этого кризиса. Балакирев, мировоззрение которого и в годы его подъема и расцвета не было лишено противоречий, из свободомыслящего, радикально-настроенного человека стал превращаться в клерикала и монархиста, сочувствующего консервативному славянофильству. Началось отчуждение между Балакиревым и его друзьями по «смогучей кучке», и вскоре он не только отошел от них, но и вообще на время отказался от музыкальной деятельности.

Концерты Бесплатной музыкальной школы возобновились в 1875 г. под руководством П. А. Римского-Корсакова, который до начала 1881 г. оставался ее директором. Балакирев, вернувшийся тем временем к музыкально-общественной деятельности (но внутренне сильно изменившийся и уже во многом непохожий на прежнего Балакирева), опять принял на себя руководство школой и ее концертами. Школа продержалась потом до 1910-х гг., причем в начале XX в. труды по управлению ею делил с Балакиревым, а затем сменил его композитор С. М. Ляпунов.

* * *

М. А. Балакирев, глава «новой русской музыкальной школы», появился в Петербурге в конце 1855 г., еще при жизни М. И. Глинки. Блестяще одаренный молодой музыкант (Балакиреву было тогда 19 лет) познакомился с Глинкой, почувствовавшим в нем художественно близкую натуру. Людмила Шестакова, сестра Глинки, потом вспоминала его слова: «В первом Балакиреве я нашел взгляды, так близко подходящие к моим во всем, что касается музыки... Он пойдет по стопам твоего брата... со временем он будет второй Глинка».¹

В 1856 г. музыкальный Петербург впервые узнал Балакирева-исполнителя; передовая музыкальная общественность сумела оценить и в высшей степени самобытное искусство Балакирева-пианиста, а также и его ранние композиторские опыты в области фортепианной музыки. В конце 1857 г. Балакирев предстал перед петербуржцами как автор симфонического произведения: была исполнена его увертюра на тему испанского марша, полученную им от Глинки.

Конец 50-х и 60-е годы являются благодатным периодом в деятельности М. А. Балакирева. Продолжая линию, начатую Глинкой в его «Камаринской» (1848), Балакирев создал две увертюры на русские темы (1858 и 1862) — выдающиеся образцы симфонической обработки русской народной песни, широкое обращение к которой стало характерной чертой композиторов балакиревского кружка. Интересно отметить, что толчком к сочинению Балакиревым второй русской увертюры явилось совместное чтение им и Стасовым известной статьи Герцена в «Колоколе» «Исполни просыпается».² Это — один из примеров прямого воздействия осво-

¹ Л. Ш е с т а к о в а. Из незаданных воспоминаний «Мои вечера». Русская музыкальная газета, 1910, № 41, стб. 863.

² Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым, стр. 270. Вторая увертюра на русские темы носила название «Тысяча лет» (т. е. тысяча лет исторической жизни России), а во второй своей редакции (1887 г.) — «Русь».

бодительной литературы 60-х годов на творчество петербургских композиторов из «могучей кучки», которая в своих стремлениях и идеалах была близко связана с настроениями демократической общественности.

Симфоцизм Балакирева отличается не только глубокой народностью, но и своим ярко выраженным программным характером. «Всякое хорошее произведение музыкальное носит в себе программу (особенно у новых сочинителей)», — писал сам Балакирев в 1858 г.¹ К лучшим образцам программного симфоцизма 60-х годов принадлежит музыка Балакирева к трагедии Шекспира «Король Лир» (1859—1861). Во второй половине 60-х годов была начата (завершена к 80-м) симфоническая поэма «Тамара», оцененная Стасовым как «одна из замечательнейших по поэзии, по огненности и вместе страстной нежности, по могучей крепости форм, симфонических поэм во всей музыке».² «Тамара» принадлежит к тем из сочинений Балакирева, в которых он вдохновлялся восточным музыкальным фольклором. Другое из известнейших его произведений этой группы — фортепианная фантазия «Исламей», написанная в конце 60-х годов, выдающаяся по своей красочности, темпераментности, виртуозному блеску, — заняло почетное место в мировой фортепианной литературе. Еще в 1862 г. Балакирев приступил к работе над своей первой симфонией (почти одновременно с тем, как начали свои первые симфонии Римский-Корсаков и Бородин). Но сочинение балакиревской симфонии затянулось на несколько десятилетий — она была закончена лишь в 90-х годах, когда Балакирев переживал новый подъем творчества, и впервые исполнена под авторским управлением в концерте Бесплатной музыкальной школы в 1898 г. Эта симфония, являющаяся ценным образцом русского лирико-эпического симфоцизма, настоящую (и вполне заслуженную) популярность приобрела лишь в наше, советское время. В 1908 г. Балакирев создал вторую симфонию. Не вполне законченным оставил Балакирев свой фортепианный концерт, начало работы над которым тоже восходит к первому периоду его творчества.

Наряду с произведениями для оркестра и вокала Балакирев оставил много романсов (на слова Лермонтова, Кольцова и других поэтов), занимающих видное место в русской романсовой лирике.

Балакирев с благоговением относился к русской народной песне. Когда в 90-х годах Русское Географическое общество предприняло большое издание песен, Балакирев характеризовал это начинание как «великое дело» — дело «поддержания нашей музыкально-народной чести».³

В области собирания, изучения и популяризации народной песни Балакирев сыграл большую роль. Сборник «40 русских народных песен», собранных и гармонизированных Балакиревым, выпущенный им в 1866 г., составил событие в исто-

¹ Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым, стр. 30.

² В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. IV, стр. 321.

³ Советская музыка, 1948, № 1, стр. 36.

М. П. Мусоргский, Фотография. 70-е годы XIX в.

рии русской музыки. Стасов называл его «первым достоверным и истинно-художественным и научным сборником по этой части», послужившим «неоценимым примером и образцом для всех последующих хороших сборников русских народных песен». ¹ Из балакиревского сборника черпали народно-песенный материал для отдельных своих произведений крупнейшие русские композиторы, например Мусоргский, Римский-Корсаков.

Значение Балакирева как музыкально-общественного деятеля в период, последовавший за испытанным им на рубеже 60-х и 70-х годов идейным кризисом, не может идти в сравнение с ролью Балакирева — вождя «могучей кучки». Однако несомненное общественное значение имел и второй этап его работы в Бесплатной школе, а также руководство его Певческой капеллой (1883—1894), осуществлявшееся им совместно с Римским-Корсаковым. ²

М. П. Мусоргский был одним из первых музыкантов, примкнувших к Балакиреву. Их знакомство состоялось в 1857 г. в доме Даргомыжского. В то же время произошло и знакомство Мусоргского со Стасовым, до конца дней композитора остававшимся его заботливым другом, способствовавшим появлению на свет ряда его произведений. Мусоргский с 10-летнего возраста (1849) учился в Петербурге (Петропавловское училище, школа гвардейских подпрапорщиков); недолго (1856—1857) он служил офицером в Преображенском полку. С раннего детства он проявил замечательные музыкальные данные, рано начал и сочинять музыку. Для музыкального и эстетического развития Мусоргского большое значение имели его занятия с Балакиревым, о которых он впоследствии писал: «С последним (Балакиревым, — *Ред.*) юный композитор 19-ти лет прошел всю историю развития музыкального искусства — на примерах, при строгом систематическом анализе всех капитальных музыкальных творений... Это изучение шло при постоянном совместном исполнении». ³

Мусоргский опирался в своем творчестве на опыт Глинки, которого он называл великим учителем — создателем великой школы русской музыки, на опыт Даргомыжского, признаваемого им великим учителем музыкальной правды. Народное литературное творчество и народная песня служили для него важнейшими источниками вдохновения. Знакомство с духом народной жизни, почерпнутое впервые из народных сказок, было, по его собственным словам, главным импульсом музыкальных импровизаций еще до начала его сколько-нибудь правильных занятий музыкой.

Мусоргский отличался громадной начитанностью. Русская демократическая общественная мысль и русская передовая художественная литература (из нее ему

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. IV, стр. 322.

² С 80-х годов и до своей смерти (1910) Балакирев жил на Коломенской улице, в доме № 7 (кв. 7).

³ М. П. Мусоргский, Письма и документы, стр. 422.

особенно близкими были Гоголь, Пушкин, Некрасов) воспринимали его идейно, помогли ему стать великим художником-демократом и патриотом. Упрочению в нем прогрессивного демократического мировоззрения содействовало его трехгодичное пребывание (1863—1866) в товарищеской «коммуне» в Петербурге (состоявшей не из музыкантов). По свидетельству Стасова, обмен мыслей, впечатлений от прочитанного позволил ему накопить «тот материал, которым он потом жил все остальные свои годы»; в его произведениях «ясны следы юношеского, горячего, благородного настроения, прочно заложенного еще во времена товарищеского „сожития“ с друзьями 1863—1866 годов».¹

Мусоргский всегда был вдумчивым наблюдателем народной жизни — и в городе и в деревне, где он неоднократно жил. Он близко знал народ, любил его, был горячо предан народным интересам. Он однажды писал Стасову: «А что если Мусоргини да грянет по Руси-матушке! Ковырять чернозем не впервые стать, да ковырять не по удобренному, а в сырье хочется, не познакомиться с народом, а побрататься жаждется».² «Народ хочется сделать: слыю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один — цельный, большой, неподкрашенный и без сусального».³ — писал Мусоргский И. Е. Репину, бывшему одним из его близких друзей и восторганшемуся его «чутьем Руси», его «способностью вытаскивать из летописной пыли живые перлы характеров, животрепещущих былей и оживлять всю эту силу поддонную».⁴

Мусоргского глубоко и сильно волновали бедствия народа, нужда и бесправие масс. Обличение насилий над народом, его угнетения, скорбь о народном горе занимают видное место в творчестве Мусоргского — в песнях, романсах и в больших музыкально-драматических произведениях. Но Мусоргский не ограничивался показом народа как объекта эксплуатации и надругательства со стороны господствующих классов и царской власти. Для Мусоргского народ был героем исторического движения, силой, способной на великие дела. Мировая музыкальная литература не знает таких картин, как сцена народного восстания («под Кромами») в народной музыкальной драме Мусоргского «Борис Годунов».

Мусоргский был страстным, боевым реалистом. Советский музыковед-композитор Б. В. Асафьев справедливо называет его самым последовательным, смелым и неуступчивым проповедником реализма и народности как ведущих основ искусства.⁵ Его одушевляло стремление «сделать живого человека в живой музыке».⁶ «Оправдание задачи художника» он видел в изображении жизни — «где бы ни сказалась, в правде — «как бы ни была солона», в «смелой, искренней речи

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, стр. 756.

² М. П. Мусоргский, ук. соч., стр. 217.

³ Там же, стр. 251.

⁴ Письма Репина к Чуповскому. Искусство, 1936, кн. 5, стр. 87.

⁵ Б. В. Асафьев. Избранные труды, т. III, М., 1954, стр. 21.

⁶ М. П. Мусоргский, ук. соч., стр. 238.

к людям». ¹ Искусство, утверждал Мусоргский, является не целью, а средством «для беседы с людьми», для выражения «живых мыслей». ² Повитно, что он с неодобованием отвергал лозунги «искусства для искусства» и с презрением отзывался о «музикантах», которые «только разнообразием гармонии пробавляются, да техническими особенностями промышленяют». ³

Отвергая формалистическое ложное «новаторство», Мусоргский подчинил поиски новых выразительных средств идейно-художественным замыслам. Он много работал над разрешением проблемы органического, «нераздельного» соединения слова и музыки и, как подчеркивает Стасов, «правду интонации» довел до «наивысочайшей степени естественности и жизненности». ⁴ Мусоргский широко раздвинул тематические рамки вокальной музыки. Его романсы, по правильному замечанию того же Стасова, «взнили себе задачей все слои русского общества: и крестьянский и дворянский и средний; они изображали и мужчин и женщин, и старых — и молодых, и взрослых — и детей, и цыган — и семинаристов, и полководцев и юродивых». ⁵ Особый раздел в творчестве Мусоргского составили его музыкальные сатиры, направленные, между прочим, против врагов нового, демократического русского искусства. Элементы сатиры и юмора заметное место заняли и в оперном творчестве Мусоргского, хотя в основном последнее характеризуется чертами ярко выраженного драматизма и даже трагедийности.

Уже в конце 50-х и самом начале 60-х годов Мусоргским были написаны первые значительные произведения, нашедшие отчасти место в тогдашних программах петербургских концертов. К 60-м гг. относятся романсы и песни Мусоргского: «Царь Саул» (по Байрону), «Колыбельная» (по Островскому), «Калистратушка» (по Некрасову), «Гопак» (по Шевченко), «Светик Савишва», «Семинаристе», «Классике», «Спротка» (все на собственные тексты композитора), «Колыбельная Еремушки» (по Некрасову) и др. Романсное творчество Мусоргского продолжалось и в 70-х годах, когда им были созданы вокальные циклы на слова А. А. Голенищева-Кутузова «Без солнца» и «Песни и пляски смерти», «Песня о блохе» (по Гете). В течение 60—70-х годов был написан вокальный цикл «Детская». Мусоргский, являвшийся не только гениальным композитором, но и замечательным пианистом, несравненным по совершенству аккомпаниатором, внес важный вклад в сокровищницу русской фортепианной музыки, особенно своими «Картичками с выставки» (внушенными посмертной выставкой петербургского архитектора-художника В. А. Гартмана, умершего в 1873 г.). Из созданных Мусоргским симфонических произведений заслуживает особого внимания программная симфоническая фантазия «Ночь на Лысой горе», первый вариант которой был готов уже

¹ Там же, стр. 322.

² Там же, стр. 332, 424.

³ Там же, стр. 251.

⁴ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. IV, стр. 306.

⁵ Там же, стр. 308.

в 1867 г. («Ночь на Лысой горе» общеизвестна теперь в инструментовке Н. А. Римского-Корсакова).

При всем огромном значении романсов и инструментальных сочинений Мусоргского, его слава в еще большей степени покоится на гениальных его операх — «народных музыкальных драмах» «Борис Годунов» и «Хованщина».

Обе музыкальные драмы Мусоргского, насыщенные глубоким и правдивым социальным и психологическим содержанием, посвящены историческим судьбам русского народа и одновременно отражают настроения и чувства передовых современников, вызванные мыслями о настоящем и будущем народа. Они воспроизводят картины напряженных общественных столкновений, характеризующих два важных переломных периода в прошлом Руси — период так называемой «смуты» начала XVII в. и период, предшествующий петровским реформам. Тема народа — главенствующая в обоих произведениях: первое раскрывает в художественных образах конфликт между народом и самодержавным государством при Борисе, второе — судьбы и переживания масс в борьбе отживающего и нового на рубеже XVII и XVIII вв. «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере» — эта характеристика, данная Мусоргским идейному смыслу «Бориса Годунова», одинаково приложима и к «Хованщине». И «Борис» и «Хованщина», насквозь проникнутые народностью, поражают богатством, яркостью, своеобразием музыкальных красок, разнообразием и исключительной психологической содержательностью образов, широким размахом и правдивостью массовых сцен.

Период деятельности Мусоргского, связанный с работой над «Борисом Годуновым» и осуществлением его первой постановки, охватывает несколько более пяти лет. В течение 1868—1869 гг. Мусоргским была создана первая редакция оперы. В 1870 г. она была им предложена дирекции императорских театров, но отвергнута. Около двух лет ушло после того на переработку оперы. Вся работа велась в Петербурге, где Мусоргский тогда жил у своих друзей Опочининых в Инженерном замке (1868—1871), а затем (1871—1872), вместе с Римским-Корсаковым, создававшим свою «Псковитянку», в меблированной комнате на Пантелеймоновской улице (ныне улица Пестеля). В. В. Стасов пишет в составленной им биографии Мусоргского: «Он особенно ревностно работал с конца года (1871-го, — *Ред.*), живя вместе, в одной квартире, с искренним другом своим, Н. А. Римским-Корсаковым... В одной и той же квартире, в одной и той же комнате, в одни и те же дни и часы, сочинялось целых две высокоталанливых оперы: „Борис“ и „Псковитянка“... Когда еще подобное видано и слыхано в истории музыки?»¹

По мере того как подвигалось вперед сочинение «Бориса Годунова», опера исполнялась многократно в отрывках, а потом и полностью, на музыкальных собраниях композиторов балакиревского кружка (после 1871 г. существовав-

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, стр. 794.

шего уже, однако, без самого Балакирева) и примыкавших к нему друзей и единомышленников.

5 февраля 1873 г. в Мариинском театре были даны, в бенефис певца и режиссера Г. П. Кондратьева, три сцены из «Бориса Годунова». Исполнителями выступили Петров, Леонова, Платонова, Комиссаржевский, Кондратьев. Исполнение было превосходным. «Всех выше, — по сообщению В. Стасова, — был Петров, гениально исполнявший Варлаама... Типичность и юмор, историчность и полнота народной фигуры не могут идти дальше того, что представлял тут Петров».¹

За постановку целого «Бориса» (хотя все-таки с купюрами) пришлось выдержать немалую борьбу. Действительное участие в ней приняла артистка Юлия Платонова, выдающаяся представительница петербургской оперной труппы 60—70-х годов. Угрожая уходом из театра, Платонова настояла на постановке оперы Мусоргского в свой бенефис.² Премьера состоялась 27 января 1874 г. И. А. Мельников пел Бориса Годунова, Ф. П. Комиссаржевский — Самозванца, Ю. Ф. Платонова — Марину, О. А. Петров — Варлаама, В. И. Васильев — Пимена. «Исполнение было замечательно хорошо», — отмечал придирчивый критик Ларош, выражая общее мнение.³

Произведение художника, одушевленного боевыми демократическими стремлениями, художника-новатора, мужественного и сильного реалиста, ломавшего многое в традиционных, устоявшихся формах, не могло не вызвать столкновения мнений и борьбы в обществе. Действительно, отношение к опере Мусоргского, вызвавшей к себе, во всяком случае, огромный интерес, было весьма различно и даже противоположно в разных кругах.

Консервативные элементы восстали против Мусоргского, в передовых кругах его одобряли и поддерживали, положительно оценивая в особенности смелое введение в оперу социальных мотивов; что так сильно раздражало противников. «Молодежь свежим своим неспорченным еще чувством понимала, — писал потом Стасов, — что великая художественная сила создала и вручает народу нашему новое, чудное народное произведение, и ликовала и радовалась и торжествовала. Двадцать представлений прошли с полнехоньким театром; не раз толпа молодых людей распевала ночью на улице, подходя к Литейному мосту и собираясь переходить на Выборгскую сторону (где находилась Медико-хирургическая, позднее Военно-медицинская академия, — *Ред.*), хор „величавья боярина народом“ и другие хоры».⁴

¹ Там же, стр. 788.

² Письмо Ю. Платоновой к В. В. Стасову по поводу первой постановки «Бориса». Русская музыкальная газета, 1895, № 12, стр. 779—783.

³ Сб. «Мусоргский», т. 1, М., 1930, стр. 177. Ср. письмо В. Стасова с отчетом о первом представлении: В. В. Стасов. Письма к родным, т. 1, ч. 2, стр. 206—207.

⁴ В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. III, стр. 788—789.

В сезон 1874/75 г. «Борис Годунов» был дан в Мариинском театре 12 раз; его продолжали давать, уже гораздо реже, в течение 1876—1881 гг. (при этом с 1876 г. опускалась сцена народного возмущения — «под Кромами»). В 1882 г. состоялось еще несколько представлений, после чего опера, дававшая попрежнему отличные сборы, была снята дирекцией с репертуара. Более двадцати лет с тех пор не шел «Борис Годунов» на Мариинской сцене.¹

«Хованщина» была задумана Мусоргским (по совету Стасова) еще до появления на сцене «Бориса Годунова». В целом период работы над «Хованщиной» охватывает, с перерывами, около девяти лет — последние годы жизни композитора (1872—1881). Именно в пору начала работы над «Хованщиной» было написано Мусоргским то письмо к Репину, из которого выше приводились вдохновенные строки о народе. Репин, перед этим закончивший своих «Бурлаков», которые на Мусоргского произвели сильнейшее впечатление и даже, видимо, в какой-то мере повлияли на замысел «Хованщины», впоследствии писал об этом времени В. В. Стасову: «Мусоргский переразрывно вспоминается при этом; нас вечно восхищающий, здоровый, как лев, полный сил и таланта, до такой степени своеобразного и чисто русского, что я внутренне приседал до полу и подсакивал до потолка от его неожиданных и, как гром, сильных творений».²

В цитированном письме к Репину Мусоргский указывает тогдашний свой адрес: «Живу на Шпалерной³ улице в доме Синебрюховой № 6, кв. 15, в Петре городе». К середине 70-х годов относится сближение Мусоргского с поэтом А. А. Голенищевым-Кутузовым. Композитор и поэт даже жили вместе в только что указанном доме (с осени 1874 г.), а в 1875 г. Мусоргский жил одно время у Голенищева-Кутузова на Галерной⁴ улице.⁵

В большой близости в те же годы находился Мусоргский с Людмилой Шестаковой, сестрой М. И. Глинки, а также с артистом-певцом Осипом Афанасьевичем Петровым и его женой, давно уже оставившей сцену, знаменитой певицей глинкинской поры — А. Я. Петровой-Воробьевой.

Об отношениях Мусоргского с Петровыми Л. И. Шестакова сообщает: «Я с Мусоргским не раз ездила к ним на дачу в Новую Деревню. Он, бывало, сочинит что-нибудь новое вокальное, придет ко мне, исполнит сам и затем скажет: „Надо бы нашим Петровым показать; дедушка (он так звал Петрова) нам споет великолепно“. И я помню, как Осип Афанасьевич исполнял его сочинения: „Семинарист“, „Трепак“ и прочие, а также „Капрала“ Даргомыжского. Впрочем, неудивительно: Мусоргский был талантлив, как никто из кружка, и Петровы по своим гениаль-

¹ В. Яковлев. «Борис Годунов» в театре. Сб. «Мусоргский», т. 1, стр. 237—238.

² И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II. М.—Л., 1949, стр. 75.

³ ныне улица Волкова.

⁴ ныне Красная улица.

⁵ В последующем композитор жил несколько лет на Васильевском Острове, против сада Академии художеств, на 5-й линии, д. 10, у своего приятеля П. А. Наумова.

ным натурам понимали его; к тому же они, видя его истинную привязанность к себе, любили его, как сына». ¹ Известны слова Мусоргского после смерти Петрова (1878): «Он вскормил меня художественною правдою и вдохновлял к творчеству». ²

В год смерти О. А. Петрова начинается сближение М. П. Мусоргского с Д. М. Леоновой, к тому времени уже оставившей Марининскую сцену, но продолжавшей свою музыкальную деятельность в качестве концертной певицы. В 1879 г. Леонова и Мусоргский предпринимают продолжительную концертную поездку по России. «Честь и слава ей, гордо держит знамя русского музыкального искусства», — с восхищением писал тогда Мусоргский друзьям в Петербург о Леоновой. ³ По возвращении в Петербург Мусоргский сотрудничал с Леоновой на открытых ею курсах пения. Он жил по временам, в последний период, в квартире Д. М. Леоновой. ⁴ Здесь он был сломлен своей предсмертной болезнью. Друзьям удалось его поместить в Николаевский военный госпиталь (на Суворовском проспекте). Это было 14 февраля 1881 г. 16 марта того же года М. П. Мусоргский скончался в госпитале. Похороны состоялись в Александро-Невской лавре через два дня, 27 ноября 1885 г. был открыт памятник на могиле Мусоргского.

Работа над «Хованщиной» велась Мусоргским особенно интенсивно в 1875—1876, затем в 1879 гг. С середины 70-х годов композитор параллельно с «Хованщиной» писал и другую оперу (комическую) — «Сорочинская ярмарка», по Гоголю.

Отдельные отрывки из «Хованщины» с середины и главным образом с конца 70-х годов стали появляться в концертных программах. Чаще других исполнялись песни Марфы, уже в 1873 г. вышедшая из печати (первое публичное исполнение состоялось в марте 1875 г.), и пляска персидок, которую впервые исполнил Римский-Корсаков в концерте Бесплатной музыкальной школы в 1879 г.

К моменту смерти Мусоргского «Хованщина» еще не была закончена. Работу над ней завершил Римский-Корсаков в начале 80-х годов. Но оперный комитет при Марининском театре, решавший вопрос о новых постановках, в 1883 г. отклонил «Хованщину». Римский-Корсаков тогда сообщал в Москву: «Прений не было; один только Кюи высказал, что, без сомнения, в виду одного имени Мусоргского все положат белые шары. Никто не возразил, ну, и положили... Просто мерзавцы!». ⁵

¹ Л. Шестакова. Мои вечера, стр. 127.

² Н. Компанейский. К новым берегам. Модест Петрович Мусоргский. Русская музыкальная газета, 1906, № 18, стб. 464.

³ М. П. Мусоргский, ук. соч., стр. 390, 393.

⁴ Адрес Леоновой в 1880—1881 гг.: У Кокушкина моста, д. 70, кв. 6. Несколько ранее на даче Леоновой в Ораниенбауме (нынешнем Ломоносове) Мусоргский был занят своими последними трудами над «Хованщиной», работал над отдельными сценами из «Сорочинской ярмарки».

⁵ А. Н. Римский-Корсаков. Н. А. Римский-Корсаков, жизнь и творчество, вып. III. М., 1936, стр. 78. Заявления Кюи в Римского-Корсакова о демонстративном выходе из оперного комитета: Ц. А. Кюи. Избранные статьи, стр. 412, 571—572.

Честь первой постановки «Хованщины»¹ принадлежит Петербургскому музыкально-драматическому кружку любителей, образовавшемуся в 70-х годах по инициативе офицера-артиллериста Валерьяна Кармина. При кружке с сезона 1878/79 г. действовала любительская оперная труппа; кружок располагал собственными оркестром и хором.² Оперная труппа Музыкально-драматического кружка ставила своей главной целью показ произведений, не шедших или сыгнутых с репертуара на императорской сцене. «Мы не знаем в Петербурге других кружков или обществ, подобных названному кружку любителей, где была бы возможна постановка музыкального дела на таких же широких и серьезных началах, как, напр., постановка опер, с соблюдением самых строгих условий к наилучшему их выполнению», — писал в 80-х годах петербургский музыкальный журнал «Баян». «Хованщина» была поставлена музыкально-драматическим кружком любителей в феврале 1886 г. в зале Кононова (на Мойке) под управлением дирижера Э. Ю. Гольдштейна — музыканта, по отзыву современников, высокодаровитого и образованного, поднявшего оперное дело в кружке на большую высоту. В декабре 1886 г. кружок возобновил «Хованщину».³ Другая постановка «Хованщины» в Петербурге, тоже частного характера, состоялась 27 октября 1893 г. На казенной сцене Петербурга опера дождалась постановки лишь через тридцать лет после смерти великого композитора.

Один из главных представителей «новой русской музыкальной школы», А. П. Бородин был, как известно, не только великим композитором, но и выдающимся научно-общественным деятелем, большим ученым-химиком, воспитателем молодежи, горячим поборником высшего земского образования. При всем том музыкальные заслуги Бородина перевешивают все остальные — ими в первую голову определяется его славная роль в истории русской и мировой культуры.

Жизнь Бородина — от начала и до конца — связана с Петербургом. Здесь он родился, учился в Медико-хирургической академии (1850—1856) и в ней же потом (в 60—80-х годах) профессорствовал,⁴ здесь он в 1862 г., после возвращения из трехгодичной заграничной командировки, сблизился с Балакиревым и

¹ До этой постановки, 29 апреля 1884 г. любительский хоровой кружок, собиравшийся в помещении Городской думы (отсюда его название — думский кружок), исполнил третий акт «Хованщины». Этим концертом кружок справлял 10-летие своего существования (И. Ф. Тюмев. Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове. Музыкальное наследство. Н. А. Римский-Корсаков. Исследования. Материалы. Письма, т. II, М., 1954, стр. 200).

² Приложение к Памятной книжке С.-Петербургского музыкально-драматического кружка любителей. Сезон 1880/81 г. СПб., 1881.

³ Баян, 1888, № 10, стр. 92; Музыкальное обозрение, №№ 18, 19 и 21, февр. 1886 г., и №№ 11, 12 и 13, дек. 1886 г.

⁴ А. П. Бородин жил в 1863—1887 гг. при академии, в здании ее Естественно-исторического отделения, на углу Нижегородской улицы (ныне улица Лебедева) и Пироговской набережной (С. А. Дьянов. Бородин. Жизнеописание, материалы и документы. М., 1955, стр. 55). Здесь иногда собирались композиторы из «могучей кучки».

А. П. Бородин. Портрет мажором работы Н. Е. Резнича. 1888 г.
Государственный Русский музей.

его кружком; в Петербурге им были созданы в основном почти все его музыкальные произведения, тут они и исполнялись впервые.

Стасов писал: «Талант Бородина равно могуч и поразителен как в симфонии, так и в опере и в романсе. Главные качества его — великанская сила и пирица, колоссальный размах, стремительность и порывистость, соединенные с разумительной страстностью, нежностью и красотой. Подобно Глинке, Бородин есть эпиток в самом широком значении слова и, вместе, национален в такой мере и могучести, как самые высокие композиторы русской школы».¹

В самой тесной преемственности с Глинкой и в первую очередь с «Русланом и Людмилой» стоит гениальная опера Бородина «Князь Игорь», над которой композитор работал с 1869 г., когда Стасов впервые подсказал ему мысль о сочинении оперы по «Слову о полку Игореве», и до самой смерти. Второй, после «Руслана», «эпический сказ на народной основе» (Асафьев), «Князь Игорь» является одним из непревзойденных образцов героико-патриотической оперы, проникнутой пафосом любви к родине, идеей величия и мощи русского народа, верой в его непреодолимые силы, в его способность проложить себе путь к светлому будущему. В «Князе Игоре» был воплощен идеал оперы, сложившийся у Бородина. Композитор в середине 70-х годов писал: «Меня тянет к велию, кантилене... Меня тянет к формам более законченным, более круглым, более широким... В опере, как в декорации, мелкие формы, детали, мелочи не должны иметь места, все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко».² Опера Бородина (и в сочных, полнокровных сольных партиях и в замечательных хорах) проникнута русской народно-песенной стихией, хотя в ней и нет прямых цитат из народных песен. Вместе с тем Бородин отвел в ней большое место восточным темам (половецкие песни), проявив здесь, как и в ряде других своих произведений, чуткое и проникновенное понимание духа музыкальных культур народов Востока.

Велико значение Бородина и как симфонического композитора. Одновременно и рядом с Чайковским, основоположником лирико-драматической линии русского симфонизма, Бородин положил прочные основы русской эпической симфонии. Свою первую симфонию Бородин написал в 1862—1867 гг. (она была впервые исполнена под управлением Балакирева в 1869 г.). Вторую симфонию Бородин стал писать одновременно с началом работы над «Князем Игорем»; он закончил ее в 1876 г. «Здесь слышится древний русский богатырский склад, однородный со складом и характером его оперы „Князь Игорь“», — справедливо отмечал Стасов,³ который и дал творению Бородина меткое, прочно за ним утвердившееся название «Богатырская симфония». 26 февраля 1877 г. вторая симфония Бородина была исполнена в первый раз в 150-м симфоническом собрании Петер-

¹ В. В. Стасов, *Собрание сочинений*, т. I, стр. 688, 689.

² Письма А. П. Бородина, вып. II, М., 1936, стр. 109.

³ В. В. Стасов, *Собрание сочинений*, т. I, отд. 1, стр. 689.

бургского отделения Русского Музыкального общества (под управлением Направника).¹ В конце жизни Бородин работал над третьей симфонией, но от нее остались лишь эскизы двух первых частей, довершенных впоследствии Глазуновым.

Важный вклад был сделан Бородиным в русскую камерную музыку — и инструментальную (в 70-х годах написаны первый квартет, впервые исполненный в декабре 1880 г., затем еще более популярный, особенно благодаря гениальному ноктюрну, второй квартет, исполненный в январе 1882 г.; кроме того, ранние секстет, квинтет, недавно найденная виолончельная соната и т. д.) и вокальную. В камерной музыке Бородина очень ярко выразилась лирическая сторона бородинского гения. Это относится и к квартетам и к романсам, среди которых, впрочем, наряду с чисто лирическими («Для берегов отчизны дальней» на слова Пушкина и др.), имеется и группа замечательных эпических песен-романсов. В ряде романсов («Спящая княжна», 1867; «Песня темного леса», 1868; «Море», 1870 — все на собственные тексты композитора) Бородин в своеобразной, аллегорической форме, связанной с образами русской народной поэзии, отразил освободительные идеи эпохи 60-х годов.

Главный труд жизни Бородина-композитора — «Князь Игорь» — не был закончен автором до самой смерти. Но в отдельных частях он уже был известен современникам, ибо время от времени готовые отрывки из него появлялись в концертных программах, главным образом Бесплатной музыкальной школы. В 1876 г. в концерте Бесплатной школы исполнялся один из хоров из оперы «Князь Игорь»; в 1879 г. разные отрывки из «Игоря» трижды стояли в программах школы. В одном из этих концертов замечательный русский оперный артист, продолжатель дела О. А. Петрова, бас Федор Стравинский впервые исполнил песню князя Владимира Галицкого.

А. П. Бородин скончался 15 февраля 1887 г. Через месяц в Бесплатной музыкальной школе, под управлением Балакирева, исполнялись хор и половецкая пляска из неоконченной оперы «Князь Игорь». Но великое творение Бородина было доведено до конца Римским-Корсаковым и Глазуновым и в 1890 г. (23 октября) впервые в полном виде показано петербуржцам в Мариинском театре. Первым Игорем петербургской сцены явился Иван Мельников. Современник (известный потом музыковед Финдейзен) вспоминает: «Он, Мельников, Споницкая, Славина и Стравинский выиграли, быть может неожиданно для себя, битву, и бородинский Игорь стал драгоценным украшением нашего оперного театра с первого же представления».²

¹ Среди слушателей концертов Русского Музыкального общества в те времена немало еще было противников творчества композиторов «южанинов»; поэтому часть публики относилась к новой симфонии крайне отрицательно; современник, друг композитора А. П. Диванин, говорит даже о «форменном скандале» (С. А. Диванин, ук. соч., стр. 105).

² Русская музыкальная газета, 1906, № 29—30, стр. 660.

Конечно, как все оперы «новой русской музыкальной школы», и «Князь Игорь» был все-таки очень различно встречен разными кругами петербургской публики. Стасов рассказывал в своей переписке, что в абонементные дни, «когда в театре сидят все аристократы, да разные похожие на них», в театре царствовал «лад беспримерный». Но «нечто совсем другое» представляла широкая публика, особенно — молодежь. «Горячность ее — великолепна», — писал Стасов о петербургской молодежи. «Вот она и выносила Игоря на плечах». «Кажется, нельзя сомневаться в том, что опера удержится на сцене навсегда», — предсказывал критик-демократ, и не ошибся в этом.¹

Глубоко народным композитором был Н. А. Римский-Корсаков, великий мастер и поэт в звуках, воплотивший в чудесных музыкальных формах образы русской народной поэзии, воспевавший родную природу и родное прошлое, связавший свое имя с освободительной борьбой передовых сил общества. Мироззрение Римского-Корсакова сложилось под влиянием передовой литературы и общественной мысли; Гоголя, Пушкина, Белинского он считал лучшими представителями русской культуры. Он знал «Колокол» Герцена, «Эстетические отношения» Чернышевского.² До конца дней (он умер в 1908 г.) Римский-Корсаков признавал себя человеком 60-х годов.

Римский-Корсаков прочно опирался в своем творчестве на традиции Глинки, которого он горячо любил еще в детстве, и на народную песню, в изучении и популяризации которой он, после Балакирева, сделал новые, весьма важные шаги (Римский-Корсаков — автор очень ценных сборников русских народных песен, изданных в конце 70-х и в 80-х годах). «Я прислушивался к голосам народного творчества и природы и брал напетое и подсказанное ими в основу своего творчества», — пишет Римский-Корсаков в своем известном автобиографическом труде (вышедшем после его смерти) «Летопись моей музыкальной жизни».³ Эти слова, написанные по поводу оперы «Снегурочка», можно принять девизом деятельности Римского-Корсакова в целом.

Римский-Корсаков познакомился с балакиревским кружком в 1861 г., незадолго до окончания им Морского училища в Петербурге (он учился в Морском училище с 1856 по 1862 г.). Тогда же он начал работу над первой симфонией, которая была завершена по возвращении его из кругосветного плавания в 1865 г. Исполнение симфонии в концерте Бесплатной музыкальной школы (под управлением Балакирева) 19 декабря 1865 г. явилось знаменательным событием в истории русской музыки: это была первая симфония чисто национального, русского склада, написанная в традициях Глинки. За нею последовали, еще в 60-х годах, другие симфонические произведения, в том числе очень характерная, намечав-

¹ Письма В. В. Стасова к С. Н. Кругликову. Советская музыка, 1949, № 10, стр. 73.

² А. Гозенпуд. Н. А. Римский-Корсаков. Советская музыка, 1950, № 2, стр. 60—61.

³ Н. А. Римский-Корсаков, ук. соч., стр. 137.

шан пути дальнейшего творчества Римского-Корсакова, музыкальная картина «Садко» (произведение программной музыки, написанное на былинный сюжет), вторая симфония (при последующей переработке переименованная в симфоническую сюиту) «Антар», тоже программное сочинение, написанное на сюжет восточной сказки Сенковского.

По справедливому замечанию В. В. Стасова, Римский-Корсаков проявил великий и оригинальный талант во всех областях, куда ни обращалось его творчество.¹ Одной из этих областей являлся романс. Римский-Корсаков создал много романсов (всего около 80) большой поэтической силы — на слова Пушкина, Алексея Толстого, Майкова и других поэтов. Его творчество в сфере романсной музыки преимущественно относится к 60-м и затем к концу 90-х годов.

На 1868—1872 гг. приходится работа Римского-Корсакова над его первой оперой «Псковитянка». Впоследствии именно опере Римский-Корсаков отдавал всего больше сил и времени. Написав за свою жизнь 15 опер, большинство которых принадлежит к выдающимся образцам русского и мирового оперного творчества, Римский-Корсаков, наряду с Глинкой, Чайковским, Мусоргским, Бородиным, сделал громадный вклад в развитие классической русской оперы.

Сюжет «Псковитянки» был заимствован из одноименной исторической драмы поэта Л. А. Мея. Опера родилась, как и «Борис Годунов» Мусоргского, на рубеже 60-х и 70-х годов, когда проблема народа занимала столь большое место в созна-

Н. А. Римский-Корсаков. Фотография, 1892 г.

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. IV, стр. 313.

нии демократических кругов. Обращаясь к ответственному историческому периоду в истории родины и к образу деятеля (Ивана IV), который неразрывно связал с этим периодом свое имя, Римский-Корсаков исключительное внимание уделил участию в событиях народных масс. В знаменитой сцене веча композитор, по словам Стасова, в ярких красках нарисовал жизнь и характерную физиономию древнего Пскова и древней России — «их самобытность, жажду воли, удаль и неукротимую силу».¹

«Псковитянка» впервые была поставлена в Мариинской опере в Петербурге 1 января 1873 г. Автор принимал близкое участие в подготовке спектакля. Исполнение вышло очень удачным. Ивана IV пел Петров, Ольгу — Платонова, князя — Леонова, Токмакова — Мельников. Богато одаренный певец (тенор) Д. А. Орлов, исполнявший роль Михайлы Тучи, «прекрасно пел, — как вспоминает Римский-Корсаков, — в сцене веча, эффектно запевая песню вольницы». Эту песню любила тогда же студенческая молодежь столицы, которой вообще, по свидетельству самого композитора, по сердцу пришелся в его опере элемент псковской вольницы.²

Несмотря на успех «Псковитянки» у передовых общественных кругов, а в значительной мере даже именно вследствие этого успеха, «Псковитянка» в ту пору продержалась в репертуаре всего два сезона. Ее сняли под предлогом ухода из труппы одного из исполнителей. Действительные причины раскрыл позже Стасов. Во-первых, сюжет, хотя и пропущенный цензурой, был впоследствии признан правительством неудобным для сцены; во-вторых, опера была написана «в новых формах новой русской школы».³ В середине 70-х годов Римский-Корсаков перерабатывал «Псковитянку» (это было время его технического «перевооружения» и дальнейшего углубления в стиль русской народной песни). В начале 90-х годов он создал еще одну — третью и окончательную — редакцию оперы, в которой она впервые была поставлена в 1895 г., но не на императорской сцене, а на сцене частного Панаевского театра, усилиями существовавшего тогда Петербургского общества музыкальных собраний.

Через 5—6 лет после постановки «Псковитянки» Римский-Корсаков написал свою оперу «Майская ночь», по Гоголю (она шла впервые 9 января 1880 г. на Мариинской сцене), в 1880—1881 гг. он создал одну из совершеннейших и поэтичнейших своих опер — «весеннюю сказку» «Снегурочка», по пьесе Островского. «Снегурочка» была поставлена в Мариинском театре 29 января 1882 г. Бородин писал автору оперы после одного из первых представлений: «Это именно *весенняя* сказка — со всею красотой, поэзиею весны, всею теплотой, всем благоуханием».⁴

¹ В. Стасов. Набранные статьи о музыке. Л.—М., 1949, стр. 313.

² Н. А. Римский-Корсаков, ук. соч., стр. 77.

³ В. Стасов. Николай Андреевич Римский-Корсаков. По поводу его 25-летнего юбилея. СПб., 1890, стр. 49.

⁴ Письма А. П. Бородина, вып. III. М.—Л., 1949, стр. 219.

Опера проникнута гуманистическим мотивом победы света, неисчерпаемости жизненных, творческих сил.¹

Другие оперы Римского-Корсакова написаны уже в последнее двадцатилетие деятельности композитора.

В 80-м годам относится высший расцвет симфонического творчества Римского-Корсакова. Кроме фортепианного концерта, скрипичной фантазии на русские темы, новой редакции третьей симфонии (первая редакция появилась в 70-х годах) и т. д., в 80-х годах (во второй их половине — 1887—1888) были созданы наиболее блестящие образцы симфонизма Римского-Корсакова — «Испанское каприччио» и «Шехеразада». Известна оценка первой из этих музыкальных пьес Чайковским: «Ваше „Испанское каприччио“ есть колоссальный шедевр инструментовки, и ... Вы смело можете считать себя величайшим из всех современных мастеров».² Но «Шехеразада» — симфоническая сюита по «1001 ночи», как назвал автор эту вдохновенную, несравненную по своей живописности и красочности симфонико-поэму,³ — оказалась еще выше «Каприччио». Она остается одним из высших достижений мировой симфонической музыки.

«Испанское каприччио» было исполнено впервые в «Русских симфонических концертах», основанных М. П. Беляевым, 31 октября 1887 г. оркестром Мариинской оперы, которому оно и было посвящено. «Шехеразада», посвященная другу композитора Стасову, была исполнена в первый раз в тех же концертах 22 октября 1888 г.⁴

Н. А. Римский-Корсаков был крупнейшим музыкально-общественным и педагогическим деятелем.

Выше уже упомянуто было о вступлении Римского-Корсакова в 1871 г. в состав профессуры Петербургской консерватории (профессором инструментовки и сочинения). В сентябре 1871 г. Бородин по этому поводу писал: «Корсаков, что си и сам сознает, может иметь громадное влияние на молодое поколение относи-

¹ О первых постановках «Майской ночи» и «Снегурочки» на Мариинской сцене сохранились, кроме авторских воспоминаний (в «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова, в главах XVI и XVIII), ценные воспоминания близкого к Римскому-Корсакову И. Ф. Тюменева, опубликованные в книге: Музыкальное наследство. Н. А. Римский-Корсаков. Исследования. Материалы. Письма, т. II, стр. 189—196.

² Дни и годы П. И. Чайковского. Летопись жизни и творчества. Под ред. В. Яковлева. М.—Л., 1940, стр. 425.

³ А. Соловцов. Н. А. Римский-Корсаков. Музыка, 1948, стр. 60.

⁴ В это время (начиная с 1883 и до 1889 г.) Римский-Корсаков жил в доме № 18 (кв. 5) по Владимирской. Вспоминая эту квартиру, сын композитора В. И. Римский-Корсаков отмечает, что она находилась в непосредственной близости от колокольни Владимирского собора, почти на уровне колоколов. «Звоны и перезвоны врываются в квартиру во всякое время дни и ночи, что не мешало отцу прожить в этом доме несколько лет, отмеченных интенсивной музыкальной работой» (Музыкальное наследство. Н. А. Римский-Корсаков. Исследования, материалы, письма, т. II, стр. 155—156).

тельно выработки истинного направления в музыке... Он... имеет в руках самое могучее средство для направления молодежи на настоящий путь в искусстве». ¹

Будущее оправдало надежды, выраженные в этих словах. Являясь на протяжении 37 лет авторитетным и любимым руководителем и воспитателем музыкальной молодежи, съезжавшейся в Петербургскую консерваторию со всех концов страны, возглавляя прогрессивные силы в консерватории и преодолевая сопротивление консервативных и реакционных элементов внутри и вне ее, Римский-Корсаков сыграл гигантскую роль в русском музыкальном просвещении, как и в музыкальном развитии братских народов России. Согласно подсчету сына композитора и его лучшего биографа Андрея Римского-Корсакова, общее число непосредственных учеников Н. А. Римского-Корсакова доходит до 200, из них около 190 — по Петербургской консерватории. В перечне учеников Римского-Корсакова фигурируют русские композиторы А. К. Глазунов, А. К. Лядов, А. С. Аренин, М. М. Ипполитов-Иванов, А. Т. Гречанинов, М. О. Штейнберг, М. Ф. Гнесин, Н. Я. Мясковский, С. С. Прокофьев, Б. В. Асафьев и многие другие. В числе его учеников следует назвать имена крупнейших деятелей братских музыкальных культур: украинской — Н. В. Лысенко, армянской — А. А. Спендиарова, грузинской — М. А. Балакидзе, латышской — Язепс Витола, белорусской — В. А. Золотарев, и т. д.

Педагогическая деятельность Римского-Корсакова протекала также в придворной Певческой капелле, где в 1883—1893 гг. он являлся помощником управлившего тогда капеллой Балакирева; здесь под его руководством были организованы регентский и оркестровый классы. ² Просветительско-педагогическое значение имела и деятельность Римского-Корсакова в качестве инспектора музыкантских хоров Морского ведомства (1873—1884 гг.). ³ Наконец, от педагогической работы Римского-Корсакова неотделима его деятельность в Бесплатной музыкальной школе, директором которой он стал в 1874 г. и которую возглавлял до 1881 г., когда в школу вернулся Балакирев.

С Бесплатной школой связана плодотворная дирижерская деятельность Римского-Корсакова. Первый публичный дебют его в качестве дирижера состоялся в Петербурге 18 февраля 1874 г., когда под его управлением прошел концерт в пользу голодающих Самарской губ. (тогда впервые была исполнена, в начальной редакции, и третья симфония Римского-Корсакова). Возобновив в 1875 г. концерты Бесплатной школы, Римский-Корсаков руководил ими до 1881 г. В те-

¹ Письма А. П. Бородина, вып. I. М., 1928, стр. 294—295.

² Занятия в капелле побудили Римского-Корсакова к составлению его замечательного «Практического учебника гармонии» (1885). После смерти композитора вышел (1913) его образцовый двухтомный труд «Основы оркестровки».

³ Т. Ливанова. Педагогическая деятельность русских композиторов-классиков. М.—Л., 1951, стр. 55—57.

чение 15 лет, с 1886 по 1900 г., Римский-Корсаков управлял в Петербурге белневскими «Русскими симфоническими концертами».

Не только концерты, но и все вообще белневское музыкальное дело направлялось долгие годы в значительной мере Римским-Корсаковым, который стоял в центре так называемого белневского кружка.

В доме М. П. Белнева,¹ страстного любителя музыки, происходили с начала 80-х годов еженедельные квартетные вечера — «пятницы». По воспоминаниям одного из участников домашнего квартета Белнева — профессора Гезехуса, сначала на музыкальные вечера у Белнева являлись почти одни только исполнители (в числе квартетистов был и сам Белнев), но вскоре число посетителей стало быстро возрастать.² Среди посетителей появился совсем еще юный тогда А. К. Глазунов, только что выступивший со своей первой симфонией.³ Белнев, по свидетельству современников, был «совершенно пленен» этой симфонией — это явилось толчком к горячему его увлечению всей новой русской музыкой и к решению посвящать себя деятельности, направленной на поддержку русских композиторов и на всемерную популяризацию их творчества. Кроме Глазунова и связанного еще раньше с Белневым молодого композитора А. К. Лядова, постоянными посетителями белневских «пятниц» стали и учитель Лядова и Глазунова — Римский-Корсаков, и дирижер Г. О. Дютш, и pianist дирижер Ф. М. Блуменфельд, и композиторы Н. А. Соколов, Язеп Витол, потом В. А. Золотарев, Н. Н. Черепнин и т. д.

В середине 1885 г. открыло свою деятельность музыкальное издательство Белнева, которому суждено было сыграть большую роль в русской музыкальной культуре.⁴ «Русские симфонические концерты» начались в ноябре того же года; однако еще в марте 1884 г. состоялся первый (закрытый) белневский концерт под названием «Рецетиция сочинений А. К. Глазунова». Основным дирижером белневских концертов долгое время был, как отмечено, Римский-Корсаков; кроме того, выступали в качестве дирижеров Дютш, Лядов, Глазунов (впервые взявший в руки дирижерскую палочку 22 октября 1888 г., когда под авторским управлением была исполнена ныне столь известная «Лирическая поэма» Глазунова); несколько раз выступал и Чайковский.

К «Русским симфоническим концертам» прибавились с 1891 г. «Русские квартетные вечера». Они устраивались сравнительно редко, но все же служили полез-

¹ Некоторое время на Ивановской улице (ныне Социалистическая), затем в течение долгих лет на Николаевской улице (ныне улица Марата), д. 50.

² Н. Гезехус. Белневские пятницы. Вестник и библиотека самообразования, 1904, № 6, стб. 241.

³ Исполнена впервые в концерте Бесплатной школы под управлением Балакирева 17 марта 1882 г.

⁴ К 25-летию издательской фирмы Белнева (исполнявшемуся в 1910 г.) в каталоге ее изданий насчитывалось немногим менее трех тысяч номеров.

ным дополнением к уже существовавшему в Петербурге камерным концертам Русского Музыкального общества и основанного еще в 1872 г. Общества камерной музыки (вначале называвшегося «Петербургское общество квартетной музыки»).

Как и симфонические беляевские концерты, новые квартетные вечера посвящались исключительно русской музыке и представляли немалые, по тем временам, возможности для исполнения новых произведений русского национального музыкального искусства.

«В силу вещей, — сообщает Римский-Корсаков, — чисто музыкальным главою беляевского кружка оказывался я... Я был общим учителем членов кружка, в большинстве случаев кончивших консерваторию под моим руководством, или хотя бы несколько у меня поучившихся».¹ Нельзя не заметить, однако, что положение в кружке его главы было довольно своеобразным. Римский-Корсаков являлся в беляевском кружке наиболее верным, в основном и существенном, продолжателем традиций прежней «могучей кучки». К нему всего ближе по духу были в кружке Глазунов и Лядов. Но многие участники беляевского кружка гораздо менее Римского-Корсакова дорожили идейно-художественными традициями 60-х годов. Большинство беляевцев было гораздо умереннее «кучкистов», задачи боевого гражданского характера их менее увлекали или вообще оставались для некоторых из них более или менее далекими, их вкусы и симпатии в области искусства были более эклектическими. Выше уже цитировалось проводимое Римским-Корсаковым в его «Летописи» сравнение балакиревского кружка как «революционного» с беляевским как «прогрессивным», хотя, нельзя не подчеркнуть, Римский-Корсаков справедливо находил сходство обоих кружков «в общей тому и другому передовитости». Действительно, с беляевским кружком, особенно в лице его даровитейших представителей, связано немало ярких и славных страниц в истории русской национальной музыкальной культуры.

* * *

Русская музыкальная культура второй половины XIX в., в частности в Петербурге, имела, кроме членов «могучей кучки» и позднее беляевского кружка, других видных представителей в лице великого Чайковского, Серова, Рубинштейна.

А. Н. Серов является выдающимся представителем русской критической мысли в области музыки, русской науки о музыке, а вместе с тем и крупным композитором.

В сущности именно Серов явился главным основоположником большой, серьезной, идейно обоснованной музыкальной критики в России. Выступив в роли писателя по вопросам музыкального искусства в начале 50-х годов (в некрасовском

¹ Н. А. Римский-Корсаков, *указ. соч.*, стр. 164.

*А. И. Серов. Портрет маслом работы В. А. Серова, 1889 г.
Государственный Русский музей.*

«Современнике»), он до конца своей жизни (1871) непрерывно и систематически служил делу русской музыки на боевом критическом посту.

Образцом для Серова служила русская литературная критика — критика Белинского и Чернышевского. Это, конечно, не значит, что Серов поднимался когда-либо до того уровня общественно-философской мысли, который был достигнут Белинским, Чернышевским. Серов не был революционером, не был революционным демократом, но он твердо стоял на позициях реализма, народности, национальности, идейной содержательности искусства.

Серов, по собственному признанию, всегда питал ненависть к формалистическому искусству. Он решительно отвергал взгляд на музыку как «приятную забаву, легкую усладу слуха». ¹ Он видел в музыке «язык души», язык мыслей, чувств и настроений; он приветствовал «новейшее направление в музыке», давшее «решительный перевес» программной музыке «перед музыкою без программы или без поэтической основной идеи». ² «Идеальное совершенство музыки», как доказывал Серов, достигается лишь тогда, когда «правда выражения» совпадает с чисто музыкальной красотой, когда «высшая правда выражения вызывает высшую красоту музыки». ³

Серов настаивал на том, что музыка «должна быть неразлучна с народом, с почвою этого народа, с его историческим развитием». ⁴ Он выражал уверенность, что русское искусство будет черпать неиссякаемые силы из народного элемента. Глубоко изучая народную песню, посвятив специальные исследования русской и украинской песне, Серов привлекал к ней внимание музыкантов, показывал, что «мыслящий музыкант найдет тут неисчерпаемый клад для своего труда и вдохновения». ⁵

Особенно большое внимание Серов уделял вопросам эстетики оперы. Он осуждал превращение оперы в «костюмированный концерт», горячо отстаивал воззрение на оперу как «музыкальную драму», притом музыкальную драму реалистическую, правдивую, искреннюю, жизненную. «Мой идеал — *драматическая правда* в звуках, — писал Серов, — хотя бы для этой правды, для *характерности* музыки, пришлось жертвовать „условною“ красотой, „галантерейным“ изяществом музыкальных форм». ⁶ Он требовал от оперы «тесного союза», «слияния» трех искусств: поэзии («в смысле драматической задачи»), музыки и сценического искусства. ⁷

В качестве критика Серов был последовательнее и смелее (в основных, наиболее принципиальных своих воззрениях), чем в качестве композитора, автора

¹ А. Н. Серов. Рогведа, опера в пяти действиях. СПб., 1865, стр. V.

² А. Н. Серов. Критические статьи, т. III. СПб., 1895, стр. 1406—1407.

³ Там же, т. I, 1892, стр. 108.

⁴ Там же, т. IV, 1895, стр. 1853.

⁵ Там же, стр. 1832, 2142.

⁶ А. Н. Серов. Рогведа..., стр. VI.

⁷ А. Н. Серов. Критические статьи, т. II. СПб., 1892, стр. 1184.

опер.¹ В своих операх («Юдифь», «Рогнеда», «Вражья сила») он отдает немалую дань стремлению к внешней эффектности, далеко не всегда проявляет необходимое внимание к внутренней психологической характеристике образов. Тем не менее его композиторское творчество явилось ценным вкладом в развитие русской оперы. Слабее других опера Серова «Рогнеда», «Юдифь» Серова — героическая опера монументального стиля, проникнутая идеей патриотического подвига, весьма колоритная, содержащая много ярких музыкальных моментов. «Вражья сила» — образец русской народно-бытовой оперы (она написана по драме Островского «Не так живи, как хочется»). Приступая в 1867 г. к работе над «Вражьей силой», Серов писал Островскому, что его теперь «сильно клонит к «самому простому и глубокому драматизму», не нуждающемуся во «внешних прикрасах», в «роскоши обстановки», и выражал уверенность, что «внутренняя драматическая сила» вызовет тут «истинно-русские задушевные звуки, совсем в характере бесподобных песен великорусского народа».² Народная песня (преимущественно городская) действительно оказалась, по справедливому утверждению биографа композитора советского музыковед Г. Хубова, «главным элементом музыкально-драматического развития всей оперы, непосредственным выразителем ее идейно-эмоционального содержания».³

А. Н. Серов был коренным петербуржцем. В Петербурге он родился, здесь получил музыкальное и общее образование (Серов вместе со Стасовым учился в 30-х годах в Училище правоведения). В Петербурге протекала его литературно-критическая деятельность, тут же он выступал неоднократно и с публичными лекциями на музыкальные темы. С Петербургом неразрывно связана вся деятельность Серова как оперного композитора: все три его оперы были написаны и впервые поставлены в Петербурге («Юдифь» — 16 мая 1863 г., «Рогнеда» — 27 октября 1865 г., «Вражья сила» — 19 апреля 1871 г., уже после смерти композитора).

Автор «Юдифи» и «Рогнеды» имел у тогдашнего петербургского зрителя оперного театра огромный успех. Высокую оценку «Юдифи» давали и некоторые передовые музыкальные деятели (например, совсем еще молодой в то время Чайковский, оставшийся навсегда большим почитателем этой оперы Серова). С другой стороны, в кругу «могучей кучки» недостатки Серова-композитора были подвергнуты острой и суровой критике, в отдельных пунктах даже не всегда вполне справедливой. Впрочем, Мусоргский, например, при всем критическом отношении к первой серовской опере, признавал в ней «первую после „Русалки“ серьезно трактованную оперу».⁴

¹ Впрочем, и в критической деятельности Серова были свои слабые стороны и противоречия. Серов не был вполне устойчив в оценках некоторых важных музыкально-исторических явлений; в статьях последних лет он явно недооценил значение творчества и общественной работы представителей «могучей кучки».

² А. Н. Островский и русские композиторы. Письма. М.—Л., 1937, стр. 106.

³ Г. Хубов. Жизнь А. Серова. М.—Л., 1950, стр. 111.

⁴ М. П. Мусоргский, *ув. соч.*, стр. 85.

Хотя объективно, по существу своих важнейших стремлений, своих главных идейно-эстетических принципов А. Н. Серов был одного духа с деятелями «сучки», он держался особняком от них.¹ Он стоял также отдельно от консерватории и ее деятелей. Вместе с тем Серов имел обширный круг знакомств и связей среди интеллигенции Петербурга, и его музыкальные «вторники», потом «четверги»² пользовались большой популярностью, привлекая литераторов (в числе посетителей Серова были А. Майков, Достоевский, Тургенев), артистов, художников, много студенческой молодежи. Из музыкальной молодежи бывали Ларош, Чайковский. В последний период жизни Серова у него бывали и пользовались дружеским расположением семья Серовых молодые Антокольский и Репин. В репинских воспоминаниях «Далекое близкое» сохранилось яркое описание музыкальных сборищ у Серова — периода работы композитора над оперой «Вражья сила». Об исполнении самим композитором здесь же этой, еще не вполне законченной, оперы (Серов и не успел сам полностью ее завершить) Репин вспоминал: «Все было выразительно, увлекательно, понятно от слова до слова».³

Деятельность Антона Рубинштейна как организатора музыкального просвещения, как основателя Русского Музыкального общества и Петербургской консерватории (А. Г. Рубинштейн дважды, в 1862—1867 и 1887—1891 гг., был ее директором), кратко охарактеризована выше. Значение Рубинштейна в музыкальном развитии России и в культурной жизни Петербурга связано и с другими сторонами его многообъемлющей деятельности.

Рубинштейн был одним из величайших — наряду с Ференцом Листом — пианистов XIX в. и первым в мире пианистом второй половины столетия (когда Лист уже не занимался исполнительской деятельностью как пианист). «Он был гениальнейший, глубочайший по духу и поэзии, изумительнейший пианист — такой, выше которого никогда, конечно, не бывало, кроме его товарища и современника — Листа», — писал Стасов о Рубинштейне.⁴ Гениальное постижение и раскрытие содержания исполняемых произведений, их идейно-художественного, поэтического смысла, исполнительская сила, «порывистая, вдохновенная страстность» (Чайковский), вместе с тем простота, естественность, искренность, жизненность, изумительная «певучесть» (у него, по свидетельству современников, рояль шел, как

¹ Уже отмечено выше недостаточно справедливое и правильное отношение к «сучке» Серова-критика. Однако в раннюю пору деятельности, в середине 50-х годов, А. Н. Серов поддерживал дружеские связи с будущими «сучкистами», в частности с Балакиревым; тогда не была еще нарушена и дружба Серова с его давним товарищем по Училищу правоведения В. В. Стасовым. См.: А. Серов. Письма к М. Балакиреву. Советская музыка, 1953, № 5, стр. 68—75.

² В квартире на углу Демидова переулка и набережной р. Мойки, потом на 15-й линии Васильевского Острова (на углу Большого, д. 8, кв. 17).

³ И. Е. Репин. Далекое близкое. Изд. 3-е, М.—Л., 1949, стр. 353.

⁴ В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. IV, стр. 325.

тели величайшие артисты-певцы) — таковы были основные черты исполнительского творчества Рубинштейна. Эти черты, проявляющиеся с большей или меньшей яркостью в меру дарования тех или иных исполнителей, становятся определяющими для русской школы фортепианной (как и скрипичной, виолончельной) игры, школы, одним из главных создателей которой и был Антон Рубинштейн. С Рубинштейна ведет свое начало мировой авторитет русского исполнительского искусства.

Бесчисленные выступления Рубинштейна в Петербурге (они начались еще в 40-х годах и продолжались почти до самой смерти художника, умершего в Петергофе, пыльном Петродворце,¹ в 1894 г.) пользовались всегда грандиозным успехом. Его власть над публикой была, по отзывам очевидцев, безграничной.

Как композитор, Рубинштейн не встречал такого единодушного признания. Известная недооценка им чисто национальных основ музыкального искусства вызвала законную критику со стороны тех музыкальных деятелей, которые идею национального своеобразия, национальной самостоятельности искусства ставили во главу угла своего творчества. Его чрезмерный «традиционализм», недоверие к новым течениям и веяниям, настойчивое следование установившимся формам также служили источником критики по его адресу со стороны тех, кто, как, например, «сучкисты», стремился к «новым берегам», прокладывая новые пути в искусстве. Наконец, вредила Рубинштейну-композитору излишняя плодовитость и недостаток авторской самокритики, с чем отчасти была связана художественная нестрога многих его произведений, в которых яркие, весьма ценные страницы перемежались с более слабыми, неполноценными. Чайковский писал, что Рубинштейн «разменял свой огромный творческий талант», что он мог бы производить «чистое золото», «если б писал умереннее».² Но Чайковский отмечал и положительные качества лучших произведений Рубинштейна — порывистую стремительность, блеск, силу мысли и искреннюю страстность, верно подчеркивал у него богатство мелодической изобретательности.³

Рубинштейн написал шесть симфоний, из которых наиболее выделяются вторая («Оксана»; Чайковский признавал ее «едва ли не лучшим произведением знаменитого артиста»; это писалось, впрочем, до появления «Демона»), четвертая (Драматическая), пятая (Славянская или Русская). Композитор создал огромное количество (до 200) фортепианных произведений (до сих пор особенно большой известностью пользуется превосходный четвертый фортепианный концерт — один из пяти концертов Рубинштейна), примерно столько же романсов и песен (в их числе замечательный цикл «Персидских песен», в котором ярко выразилась

¹ Здесь много лет жил на своей даче А. Г. Рубинштейн.

² П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, т. II. Изд. «Academia», 1935, стр. 409.

³ П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 276.

способность Рубинштейна к передаче восточного колорита в музыке), ряд произведений для камерных инструментальных ансамблей.

А. Г. Рубинштейн написал 18 опер и ораторий. Он был мастером и лирической, и героической оперы. В 1871 г. был создан, на лермонтовский сюжет, «Демон» — лучшая и доныне самая популярная из опер Рубинштейна, образец лирико-романтического произведения для сцены. Опера полкушает мелодичностью, интересными музыкальными характеристиками (Демон, Синодал, Тамара), поэтичными хоровыми сценами, выразительными и колоритными восточными танцами. «Демон» вызван к жизни интересом, который был возбужден у композитора подъемом русской оперы в Петербурге. «В 1871 г. русская оперная труппа была до того хороша, что мне захотелось для нее писать, и я написал „Демона“, — сообщает Рубинштейн.¹

Постановка «Демона» осуществилась лишь 13 января 1875 г., на сцене Мариинского театра, в бенефис знаменитого баритона Н. А. Мельникова, исполнившего главную роль; первой Тамарой была выдающаяся петербургская певица, уроженка Чехии, Вильгельмина Рааб, первым Синодалом — Федор Комиссаржевский.

Из серии героических музыкально-драматических произведений Рубинштейна особенно выделяется опера «Маккавей» (на библейский сюжет), написанная в 1873—1875 гг. и сначала поставленная за рубежом, а потом, в 1877 г., на Мариинской сцене. Образ Иуды Маккавея был создан талантливым артистом-певцом Б. Б. Корсовым. Асафьев сопоставляет «Маккавеев» с «Юдифью» Серова. Он отмечает как общую заслугу Рубинштейна его «стремление к импозитному монументальному стилю и к сюжетам, в которых проявляет себя народ и вдохновляемые им герои».²

В 1880 г. на Мариинской сцене состоялась премьера оперы Рубинштейна (по Лермонтову) «Купец Калашников», но власти после двух спектаклей сняли оперу с репертуара по цензурным мотивам. То же повторилось при попытке возобновления оперы в Мариинском театре в 1889 г.

Имея в виду свое постоянное тяготение к прежним, устоявшимся формам музыкального творчества (в области композиции), Рубинштейн не без основания объявлял себя «консерватором» в искусстве. Но это вовсе не исключало его прогрессивных общественно-политических симпатий. Недаром он писал о себе: «В жизни я республиканец и радикал».³

Личность Рубинштейна располагала к себе не только единомышленников по эстетическим вопросам. М. П. Мусоргский писал о нем в 70-х годах: «...горячо до прелести — живой и отменный художник».⁴

¹ По поводу 100-го представления оперы «Демон». Незданная заметка А. Г. Рубинштейна. Русская музыкальная газета, 1910, № 1, стр. 3.

² В. В. Асафьев. Русская музыка от начала XIX столетия. М.—Л., 1930, стр. 39.

³ А. Г. Рубинштейн. Мысли и афоризмы. СПб., 6 г., стр. 106.

⁴ М. П. Мусоргский, ук. соч., стр. 201.

П. И. Чайковский. Фотография, 60-е годы XIX в.

Учеником Антона Рубинштейна по Петербургской консерватории был гениальный русский композитор, один из величайших представителей русской и мировой музыкальной культуры — П. И. Чайковский.

«Подобно Пушкину, он вошел в самую основу основ русского национального сознания», — писал в «Мыслях о Чайковском» Дмитрий Шостакович.¹ И эту мысль большого композитора наших дней разделяют с ним все советские люди.

Младший современник Балакирева, Бородина, почти ровесник Мусоргского, Чайковский был вскормлен той же исторической эпохой, которая воспитала и их. Не принадлежа к кружку Балакирева, не разделяя некоторых его музыкальных взглядов и симпатий, Чайковский, однако, в наиболее важном, определяющем идейно-общественный смысл и значение творчества, шел к тем же главным целям, что и представители «могучей кучки». Чайковский был передовым, народным художником, горячим патриотом, гуманистом, поэтом-мыслителем в звуках.

Подобно другим корифеям русского музыкального искусства, Чайковский вел свою художественную родословную от почитаемого им глубочайшим образом М. И. Глинки. Он подчеркивал, что Глинка создал новую школу музыки, к сфере которой и он принадлежит, будучи «порождением Глинки».²

Подобно всем передовым деятелям русского искусства, Чайковский считал, что музыка, литература, все вообще искусство отвечает глубоким потребностям человеческого общества.³ Содержанию художественного произведения, «музыкальной идее» он придавал первенствующее значение. «У Чайковского на первом плане всегда стоит — выражение, *что*, а не как; гениальная же интуиция и первоклассная техника сами собой дают это *как*», — писал Н. Я. Мясковский.⁴

Чайковский был решительным противником сухого, рассудочного, формалистического творчества. Только та музыка, писал Чайковский, «может тронуть, потрясти и задеть, которая вылилась из глубины взволнованной вдохновением артистической души».⁵

Искренность и правдивость, душевная теплота, согревающая его творчество, человечность, страстный лиризм, драматическая сила сообщали и сообщают музыке Чайковского гигантскую способность эмоционального воздействия на массу слушателей.

Чайковский говорил о Льве Толстом, которого он признавал «самым глубоким и сильным гением из всех когда-либо действовавших в области литературы», что его главной чертой является любовь и сострадание к человеку.⁶ Любовью

¹ Литература и искусство, 1943, № 45.

² П. И. Чайковский. Переписка с Н. И. Юргенсоном, т. I, М., 1938, стр. 206.

³ П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 65.

⁴ Н. Мясковский. Чайковский и Бетховен. Музыка, 1912, № 77, стр. 440.

⁵ П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, т. I. Изд. «Academia», 1934, стр. 235.

⁶ П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. М., 1951, стр. 316.

к человеку, сочувствием к нему, болью за страдания, за подавленность человеческой личности проникнуто творчество самого Чайковского.

Великий представитель искусства психологического реализма, чуткий к движениям человеческой души, постигавший, как Толстой, «диалектику души», Чайковский живо ощущал и часто в замечательных музыкальных образах выражал трагические стороны человеческого существования. Но это не дает достаточных оснований говорить о пессимизме Чайковского. Б. В. Асафьев был прав, когда писал: «Через боль за людей, сквозь явно ощутимые в его мелодике страдания впечатлительного сердца, доводящие интонации его музыки до стонов: „нельзя же так жить“, — Чайковский все же упрямо и непреложно утверждает творческую созидательную силу человека».¹

Чуткое, проникновенное внимание к человеку, к условиям его личного и общественного существования, тесная связь с моральными исканиями и запросами современного ему русского общества питали глубокие философско-этические интересы Чайковского. Это находило одно из выражений в частом его обращении к большим темам и проблемам, поставленным в творчестве гениальных художников слова — Пушкина, Байрона, Данте, Шекспира. Чайковского влекло к широким программным музыкальным построениям. Им созданы программные симфонические поэмы (он называл их «фантазиями», «зувертюрами-фантазиями» и т. д.) «Ромео и Джульетта» и «Буря» (по Шекспиру), «Франческа да Римини» (по Данте), «Гамлет» (по Шекспиру), «Возвода» (по Мицкевичу—Пушкину), симфония на сюжет драматической поэмы Байрона «Манфред». Программный характер имели по существу и те симфонии Чайковского, которые не были связаны с определенными литературными источниками. Это относится особенно к трем последним — лучшим, наряду с «Манфредом», — симфониям Чайковского и, в частности, к представляющей вершину его симфонического творчества шестой (Патетической) симфонии, которую, как известно, Чайковский первоначально даже думал назвать «Программная симфония».

Величайший русский симфонист, создатель русского лирико-драматического симфонизма, Чайковский был одновременно великим оперным композитором. Им созданы бессмертные художественные ценности в области балетной музыки, где он выступил гениальным реформатором, в области романса, камерной инструментальной музыки, инструментального концерта.

Творчество Чайковского демократично, обращено к широчайшему кругу людей, доступно массам слушателей. Оно горячо любимо и на родине, для которой он прежде всего трудился, и во всем мире. Чайковский сознательно стремился писать для массы. Наибольшая доступность оперы как музыкального жанра широким слоям слушателей-зрителей чрезвычайно сильно поддерживала в нем

¹ Игорь Глебов (Б. Асафьев). Чайковский — симфонист-драматург. Литература и искусство, 1943, № 44.

интерес к этой области искусства. «... есть, — писал Чайковский, — нечто неудержимое, влекущее всех композиторов к опере: это то, что только она одна дает вам средство сообщаться с массами публики... Опера... сближает вас с людьми, роднит вашу музыку с настоящей публикой, делает вас достойным не только отдельных маленьких кружков, но, при благоприятных условиях — всего народа». ¹ Характерно, вместе с тем, для Чайковского, что он никогда не шел на снижение идейно-художественного уровня произведений ради ложно понимаемой доступности. Не следует, подчеркивал Чайковский, говоря об опере, «гоняться за внешними эффектами, а выбирать сюжеты, имеющие художественную цену, интересующие и задевающие за живое». ² Чайковский требовал от оперы правдивого, искреннего, простого выражения музыкой чувств, настроений и образов, вызываемых текстом, художественного, реалистического воспроизведения характеров действующих лиц, правды декламации, изящности, законченности формы, в частности богатства и красоты гармонического сопровождения, колоритности инструментовки.

Подавляющее большинство опер Чайковского написано на русскую тематику и связано с творчеством русских поэтов и писателей, в первую очередь с Пушкиным. Чайковский писал даже однажды (в конце своей жизни), что вообще избегает иностранных сюжетов, ибо, объяснял композитор, «только русского человека, русскую девушку, женщину я знаю и обнимаю». ³ Все творчество Чайковского носило, до самых корней своих, национальный русский характер. Касаясь «русского элемента» в своей музыке, Чайковский подчеркивал: «... это происходит вследствие того, что я с детства, самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я *русский* в fullest смысле этого слова». ⁴

Чайковский называл русскую народную песню «художественной святыней». ⁵ Он указывал, что она представляет для музыкантов драгоценнейший материал, из которого черпали «обильную струю вдохновения» все русские композиторы. ⁶ Широко черпал из этого народного источника и сам Чайковский, музыкальный язык которого тесно связан и с русской крестьянской песенностью и с интонациями русского городского музыкального фольклора.

В. И. Ленин высоко ценил музыку Чайковского. К наиболее любимым Лениным музыкальным произведениям принадлежала бессмертная шестая симфония Чайковского.

¹ П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, т. III. Изд. «Academia», 1936, стр. 381.

² Там же, стр. 381.

³ Дни и годы П. И. Чайковского, стр. 546.

⁴ П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, т. I, стр. 236.

⁵ П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 41.

⁶ Там же, стр. 288.

Чайковский многообразными нитями был связан с Петербургом и его музыкальной жизнью.

Уроженец Вятской губ. (Воткинский завод), Чайковский в восьмилетнем возрасте (в 1848 г.) впервые был привезен в Петербург; с 1850 г. он в Петербурге учился (до 1859 г.) в Училище правоведения. Чайковский принадлежал к первым воспитанникам Петербургской консерватории, и в нем, по словам одного из современников, видели потом «первый осязательный плод ее существования». ¹ Ко времени пребывания Чайковского в Петербургской консерватории относятся первые публичные исполнения его произведений. В 1865 г. в Панловском вокзале под управлением Иоганна Штрауса были исполнены «Характерные танцы» Чайковского, потом переработанные для его оперы «Воевода» (под названием «Танцы сенных девушек»). На публичном экзамене первого выпуска консерватории, в декабре 1865 г., была исполнена кантата Чайковского на слова гимна «К радости» Шиллера. В 1867—1869 гг. произведения молодого Чайковского (в то время — и вплоть до 1877 г. — состоявшего профессором Московской консерватории) несколько раз уже появлялись в программах симфонических собраний Русского Музыкального общества в Петербурге, под управлением Антона и Николая Рубинштейнов и Милия Балакирева.

Знакомство Чайковского с Балакиревым и его кружком состоялось в 1868 г. Чайковский с этих пор до своей смерти не прерывал отношений с Балакиревым. Балакирев подал Чайковскому мысль о сочинении увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта». Эта увертюра — самое вдохновенное и яркое из равных произведений Чайковского, да и вообще одно из сильнейших его творений — была в первой редакции сочинена в 1870 г. и тогда же исполнена в Москве. В Петербурге увертюра «Ромео и Джульетта» впервые исполнялась под управлением Направивка 5 февраля 1872 г. В своих воспоминаниях Л. С. Ауэр (знаменитый скрипач, руководитель школы скрипичного искусства в Петербургской консерватории) отмечает, что «сенсационный успех» «Ромео и Джульетты» впервые утвердил в Петербурге славу Чайковского и «явился началом той известности, которая стала вскоре всемирною». ²

В кругу балакиревцев родилась также мысль о следующей, тоже шекспировской, увертюре Чайковского — «Буря»: ее программу предложил Чайковскому Владимир Стасов. «Буря» была написана в 1873 г.; Петербург познакомился с нею в 1874 г. Впоследствии, в 80-х годах, Балакирев настоял на том, чтобы Чайковский написал симфонию на сюжет байроновского «Манфреда». Эта симфония, посвященная, как и «Ромео», Балакиреву, была сочинена в 1885 г. и в Петербурге исполнялась (после Москвы) в 1886 г.

¹ Н. К а ш к и н. П. И. Чайковский. Опыт характеристики его значения в русской музыке. Русское обозрение, 1893, кн. 12, стр. 988.

² Л. А у э р. Среди музыкантов. М., 1927, стр. 107.

Отношения Чайковского с петербургским кружком композиторов, группирувавшимся около Балакирева и Стасова, были особенно тесными на рубеже 60-х и 70-х годов. В. В. Стасов рассказывает: «Тут мы всего больше его любили, обождали и поклонялись ему. Когда он приезжал из Москвы, тотчас бывал у Балакирева и Римского-Корсакова, и мы все тут же, — и он нам сам играл все *новое* свое, а это новое было *чудесно!*»¹

Известно, однако, что Стасов не сумел все-таки достаточно оценить гений Чайковского. Восторгаясь такими произведениями, как «Ромео», «Буря», как «изумительно-чуждая», по его верному определению, «Франческа да Римини» (1876), признавая великим шедевром предсмертную шестую симфонию Чайковского, Стасов в целом далеко не вполне понял значение Чайковского, в особенности как оперного композитора.

Но отдельные признаки недооценки и недостаточного понимания (сильнее Стасова еще грешил в этом отношении в своей критике Цезарь Кюи) не должны заслонять того факта, что в основе творчества Чайковского и «кучкистов» лежали одни и те же главные начала — идейность и патриотизм, народность и национальный характер, гуманизм и реализм.

В 80-х годах Чайковскому приходилось выступать, в качестве дирижера при исполнении своих произведений, в концертах, которые устраивались Беляевым и беляевским кружком, преемственно связанным в некоторых отношениях с «могучей кучкой». В 1888 г. Чайковский в связи с одним таким выступлением писал, что он «очень рад был воспользоваться случаем», чтобы подчеркнуть свою любовь и уважение к таким представителям «новой русской школы», как Балакирев, Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов.²

В 1892 г. в беседе с представителем газеты «Петербургская жизнь» Чайковский в самых решительных выражениях высказал свою любовь к Римскому-Корсакову и справедливо выразил уверенность, что, несмотря на различие музыкальных индивидуальностей, они идут «по одной дороге». «... я... горжусь иметь такого спутника», — говорил Чайковский.³

Вновь появившиеся произведения Чайковского — камерные, симфонические, оперные, балетные — впервые исполнялись то в Москве, то в Петербурге.

Петербургцы первыми в России услышали, например, в ноябре 1875 г. первый фортепианный концерт Чайковского, «гениальный по симфоническому взлету мысли и щедрости звукоидей», как его метко оценивает Асафьев.⁴ В 1888 г. в Петербурге состоялись, под авторским управлением, первые исполнения знаменитой

¹ Н. Ф. Идейкин. Из неваданных писем В. В. Стасова. Ежегодник императорских театров, 1912, вып. II, стр. 20—21.

² П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк, т. III, стр. 561. Ср.: П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1935, стр. 412.

³ Петербургская жизнь, № 2 от 12 ноября 1892 г., стр. 18.

⁴ Игорь Глебов. Памяти Петра Ильича Чайковского. Л.—М., 1940, стр. 7.

пятой симфонии Чайковского. Из симфонических и камерных произведений Чайковского, впервые прозвучавших в Петербурге, можно также назвать третью сюиту (1885; под управлением Гавса Бюлова), увертюру «Гамлет» (1888), сюиту из «Щелкунчика» (1892), секстет «Воспоминание о Флоренции» (1892), наконец — шестую симфонию.

Концертными организациями, исполнившими в Петербурге музыку Чайковского, являлись Русское Музыкальное общество, Петербургское филармоническое общество, беллевские «Русские симфонические концерты». Большую роль в пропаганде камерного творчества Чайковского сыграл квартет Русского Музыкального общества, возглавлявшийся (начиная с 1868 г.) Л. С. Ауэром и имевший в своем составе, кроме Ауэра, гениального виолончелиста К. Ю. Давыдова (его сменил в конце 80-х годов его достойный ученик А. В. Вержбилович) и видных артистов оркестра Мариинской оперы скрипача И. Пиккеля и альтиста И. Вейкмана.¹ Сыграло в пропаганде камерных сочинений Чайковского свою роль и Петербургское общество камерной музыки.

История сценического воплощения музыкально-драматических сочинений Чайковского тесно связана с русской оперной сценой Петербурга.

В Петербурге были осуществлены первые постановки опер Чайковского «Опричник» (по И. И. Лажечникову, 12 апреля 1874 г.), «Кузнец Вакула» (по повести Гоголя «Ночь перед Рождеством», 24 ноября 1876 г.),² «Орлеанская дева» (по Шиллеру—Жуковскому, 13 февраля 1881 г.), «Чародейка» (по драме Шпаянского, 20 октября 1887 г.), «Пиковая дама» (по Пушкину, 7 декабря 1890 г.), «Иоланта» (по драме Герца «Дочь короля Рене», 6 декабря 1892 г.). Опера Чайковского «Мазпа» (по «Полтаве» Пушкина) была поставлена в Петербурге через несколько дней после московской премьеры (февраль 1884 г.).

На несколько лет запоздала в Петербурге постановка «Евгения Онегина». «Онегин» был Чайковским создан в 1877—1878 гг. Композитор писал (в письме к брату), только приступая к работе над оперой: «Ты не поверишь, до чего я яруюсь на этот сюжет. Как я рад избавиться от... всякого рода ходульности. Какая бездна поэзии в „Онегине“. Я не заблуждаюсь; я знаю, что сценических эффектов и движения будет мало в этой опере. Но общая поэтичность, человечность, простота сюжета в соединении с гениальным текстом заменит с лихвой эти недостатки».³ Чайковским была создана опера (он назвал ее «лирическими сценами»), идеально созвучная пушкинскому роману в стихах своим тонким поэтическим ароматом, глубоким раскрытием характеров и переживаний действующих лиц, реалистической правдивостью и колоритностью бытовых сцен.

¹ Отметим попутно выступления и квартетов других составов и концертах Русского Музыкального общества, например: Галкин, Дегтярев, Резвцов, Кузнецов.

² В позднейшей переработке — «Черевички» (Москва дала их в 1887 г., на Мариинской сцене она дождалась постановки лишь в 1906 г.).

³ П. И. Чайковский. Письма к родным, т. I, Музгиз, 1940, стр. 279.

Впервые «Евгений Онегин» был исполнен в Москве в марте 1879 г. на учебном спектакле Московской консерватории (носящей ныне имя Чайковского), под управлением Николая Рубинштейна. В 1881 г. опера появилась в репертуаре Московского Большого театра. Петербург сначала узнал новое произведение Чайковского по отдельным отрывкам, исполнявшимся в концертах. В апреле 1883 г. Петербургский музыкально-драматический кружок (о котором уже упоминалось по поводу «Хованщины» Мусоргского) под управлением своего тогдашнего дирижера консерваторского профессора К. К. Зике поставил в зале Кононова на Мойке «Евгения Онегина» — впервые в Петербурге. «Постановка вся очень хороша и правдоподобна», — сообщала тогда же Чайковскому одна из его петербургских корреспонденток (А. П. Мерклинг).¹ В постановке участвовали любители и учащиеся Петербургской консерватории. Спектакль с успехом прошел несколько раз. Наиболее удачным из исполнителей оказался — в роли Ленского — Я. М. Мошкович (в дальнейшем заметный деятель русской оперной сцены — под псевдонимом «Любим»), впервые, как признают новейшие историки «Онегина» Чайковского, «создавший популярность оперы в Петербурге».²

Потом «Евгений Онегин» в концертном исполнении прошел в салоне Ю. Ф. Абазы, и лишь 19 октября 1884 г. опера Чайковского была в первый раз дана императорской труппой на сцене петербургского Большого театра, где тогда играла эта труппа.

В дневнике главного режиссера русской оперы в Петербурге Г. П. Кондратьева под 19 октября 1884 г. записано: «Опера состоялась, прошла блистательно и имела большой успех». Об исключительном, небывалом успехе у петербуржцев «Онегина» говорят многие записи Кондратьева за ряд последующих лет. 50-е представление оперы было 9 октября 1887 г., 75-е — 9 января 1890 г., сотое — в октябре 1892 г.

В 1895 г. Кондратьев отмечает в связи с очередным спектаклем «Онегина»: «Говорят, что в контору записей было получено более шести тысяч требований. В нашу кассу билетов почти не было прислано, а публика с 6 часов утра толпилась у кассы».³

Много ярких и талантливых исполнителей «Онегина» сменялось в Мариинском театре за годы и десятилетия.

Оперой дирижировал Э. Ф. Направник. Э. К. Павловская была первой Татьяной. «Павловской главным образом опера обязана своим успехом», — писал Кондратьев о первом спектакле. В очередь с Павловской Татьяну исполняла М. А. Сиошницкая. Ее Татьяну часть критики признавала еще более законченной, чем у Пав-

¹ П. И. Чайковский, С. И. Танеев, *уц. соч.*, стр. 206.

² И. Нестьев и Б. Ярустовский. *Сценическая история «Евгения Онегина»*. Сб. «Чайковский в театре», М.—Л., 1940, стр. 50.

³ Записки главного режиссера русской оперы Г. П. Кондратьева. Сб. «Чайковский в театре», стр. 267—327.

Л. Г. Яковлев в роли Онегина. «Евгений Онегин» П. И. Чайковского в Мариинском театре, 89-е годы XIX в.

ших украшений Мариинской сцены. Роль Онегина была одним из его наиболее совершенных созданий. «Онегиным Яковлев в истории русской оперы поставил себе такой же памятник, как Собинов своим Ленским», — замечает историк петербургской оперной сцены.²

Лучшим Ленским до появления Собинова был Николай Фигнер, выдающийся оперный артист (тенор), внесавший одну из ярких страниц в историю русской оперной культуры, пользовавшийся (как и его жена Медея Фигнер) особыми сим-

ловской, «в смысле правильности и целостности изображенного типа».¹ В 1888 г. в партии Татьяны появилась знаменитая Е. К. Мравина (лирико-колоратурное сопрано); она пела Татьяну в течение десяти лет. Медея Мей (Фигнер), появившись в Татьяне через год после Мравиной, долго исполняла эту роль с громадным успехом и вообще являлась многие годы одной из лучших (весьма удовлетворявшей и самого композитора) воплотительниц ряда его женских образов.

Онегина в Петербурге первым исполнял И. П. Приципников, а в очередь с ним пел И. А. Мельников. Появлялся на петербургской сцене в 1887—1888 гг. и прославленный московский Онегин — П. А. Хохлов. Одним из важнейших событий в петербургской сценической истории оперы Чайковского было появление в роли Онегина, осенью 1887 г., Л. Г. Яковлева, лишь за несколько месяцев до того дебютировавшего в Мариинском театре. Замечательный певец и вдумчивый артист, Яковлев на долгие годы стал одним из луч-

¹ М. А. Свищская, *Баян*, 1888, № 12, стр. 109.

² Э. Старк. Сценическая история опер П. И. Чайковского в бывшем Мариинском театре. Сб. «П. И. Чайковский на сцене театра оперы и балета имени С. М. Кирова (б. Мариинский)», Л., 1941, стр. 88. «Лучшего Онегина я никогда не видела», — пишет А. В. Нежданова о Яковлеве (сб. «Василий Родионович Петров», М., 1953, стр. 116).

патнями со стороны П. И. Чайковского. Н. Н. Фигнер не был обладателем особенно сильного или богатого красками голоса, но своими сравнительно ограниченными голосовыми средствами он владел в совершенстве; наряду с этим он был очень одаренным, сильным и темпераментным актером. Фигнер дебютировал в Мариинском театре весной 1887 г., а в роли Ленского он впервые выступил в феврале 1888 г. «В течение 15-ти лет он не имел соперников в роли Ленского», — писала о Фигнере А. В. Нежданова.¹ Одновременно с Фигнером — Ленским, в роли Гремива впервые появилась талантливый певец — бас К. Т. Серебряков. С появлением в следующем году Медин Фигнер в роли Татьяны сложился в «Евгении Онегине» наиболее частый для конца XIX в. ансамбль из Медин Фигнер, М. И. Долиной (отличная исполнительница Ольги), Фигнера, Яковлева, Серебрякова, прекрасно спевшихся и сыгравшихся, обеспечивавших высокий уровень исполнения оперы Чайковского.

Н. Н. Фигнер. Фотография.

В самом конце 1890 г. (7 декабря) состоялась премьера предпоследней по счету и высшей по своим великим художественным достоинствам оперы П. И. Чайковского — его музыкальной трагедии «Пиковая дама». «Я писал с восторгом, самозабвением и вложил в этот труд всю свою душу», — говорил Чайковский о своей «Пиковой даме».²

¹ Сб. «Василий Родионович Петров», стр. 114. О некоторых других ролях Фигнера Нежданова пишет: «В свое время это был лучший Хосе в „Кармен“, замечательный Канио в „Паяцах“, увлекательный Фауст, пылкий, огненный Ромео. Гастроли Николая и Медин Фигнер в Одессе, по свидетельству Неждановой, пробудили в ней мысль о сцене (там же, стр. 113—114).»

² Игорь Г л е б о в. К истории ... постановки оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». Орфей, кн. 1, Пгр., 1922, стр. 181.

Брат композитора, драматург Модест Чайковский (им написано на основе пушкинской повести либретто «Пиковая дама»), утверждает, что ни одна из опер П. И. Чайковского на первом представлении не была исполнена так прекрасно, как «Пиковая дама». «Самое трудное, — пишет он, — было лучше всего исполнено: Направник в управлении оперой, Фигнер в роли Германа превзошли себя и, несомненно, больше всех содействовали громадному успеху оперы». ¹ «Фигнер превосходно создал роль Германа, в нем актер едва ли даже не победил певца, хотя вся партия была проведена им отлично», — писал московский театральный журнал «Артист». ² Медя Фигнер создала в «Пиковой даме» образ Лизы, а М. А. Славина (имя этой певицы-актрисы является одним из самых ярких в истории Мариинской сцены, на которой она подвизалась с 1879 г.) — образ графини. И. А. Мельников сыграл в «Пиковой даме» свою последнюю роль — Томского; Л. Г. Яковлев блестяще исполнил Елецкого.

С Мариинской сценой во многом связана и деятельность Чайковского как балетного композитора. Балеты Чайковского явились поворотным пунктом в развитии этого жанра (см. ниже раздел о балете). Свою реформаторскую деятельность в области балета композитор начал еще в середине 70-х годов. Но его первый балет — «Лебединое озеро», впервые поставленный, не особенно удачно, на московской сцене в начале 1877 г., дошел до петербургской балетной сцены лишь после смерти Чайковского. Второй и третий балеты Чайковского — «Спящая красавица» (1888—1889, постановка в январе 1890 г.) и «Щелкунчик» (1891—1892, постановка в декабре 1892 г.) — были написаны уже для Мариинского театра.

Был октябрь 1893 г., когда Чайковский в последний раз приехал в Петербург. Он незадолго до того закончил свою шестую симфонию, ту симфонию, о которой он сам говорил: «Я очень доволен ее содержанием... Я положительно считаю ее наилучшей и в особенности *наискреннейшей* из всех моих вещей. Я ее люблю, как никогда не любил ни одно из других моих музыкальных чад». ³ Автор не ошибся в оценке своего детища. Он создал действительно произведение потрясающей силы и выразительности, многими воспринимаемое как вершина послебетховского симфонизма. Трагическая, в ряде своих моментов скорбная, симфония Чайковского, однако, зовет не к смирению и покорности судьбе, а к смелой, мужественной борьбе против подавления человека, за утверждение личности, за счастье, свободу, дерзание, творчество. Симфония покоряет и глубиной идейно-эмоционального содержания и совершенством формы.

16 октября 1893 г. в зале Дворянского собрания (нынешний Большой зал Ленинградской филармонии), в симфоническом собрании Русского Музыкального

¹ М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III. М., 1902, стр. 412.

² Н. Кашкин. «Пиковая дама». Артист, № 12, 1891, стр. 177. Впоследствии А. М. Давыдов, потом И. А. Алчевский затмили Фигнера в роли Германа.

³ Дни и годы П. И. Чайковского, стр. 588.

общества Чайковский, во главе оркестра Петербургской оперы, исполнил свою новую, шестую, симфонию (название «Патетическая» он дал ей уже после первого исполнения).

Через два дня Чайковский писал своему издателю и другу Юргенсову: «С этой симфонией происходит что-то страшное! Она не то чтобы не понравилась, но произвела некоторое недоумение. Что касается меня самого, то я ею горжусь более, чем каким-либо другим моим сочинением».¹

А. К. Глазунов² впоследствии вспоминал, как, возвращаясь с ним после концерта, Чайковский жаловался на то, что симфония недостаточно (так ему казалось) имела успех и, повидимому, мало понравилась музыкантам.³ Другое свидетельство — концертмейстера оркестра Мариинской оперы В. Г. Вальтера, участвовавшего в первом исполнении симфонии, — говорит о том, что оркестрантам сущность произведения еще не была достаточно ясна, хотя они сразу признали красоту его музыки.⁴

Музыкальный мир столицы еще обсуждал новую симфонию Чайковского, когда по городу внезапно разнеслась весть о серьезной болезни композитора. Он заболел (в квартире своего брата Модеста — на Малой Морской, нынешней улице Гоголя) 21 октября и уже через несколько дней скончался (там же — с 24 на 25 октября).

«Его смерть, — пишет Леопольд Ауэр, — повергла всю артистическую и интеллигентную Россию в глубочайший траур. Со смерти Тургенева и Достоевского не видно было таких похорон, равно как и столько пролитых слез».⁵

Похороны состоялись на кладбище Александро-Невской лавры 29 октября 1893 г.

6 ноября в симфоническом собрании Русского Музыкального общества, посвященном памяти композитора, второй раз прозвучала предсмертная симфония Чайковского. Дирижировал Направник. «Истина открылась нам, — пишет

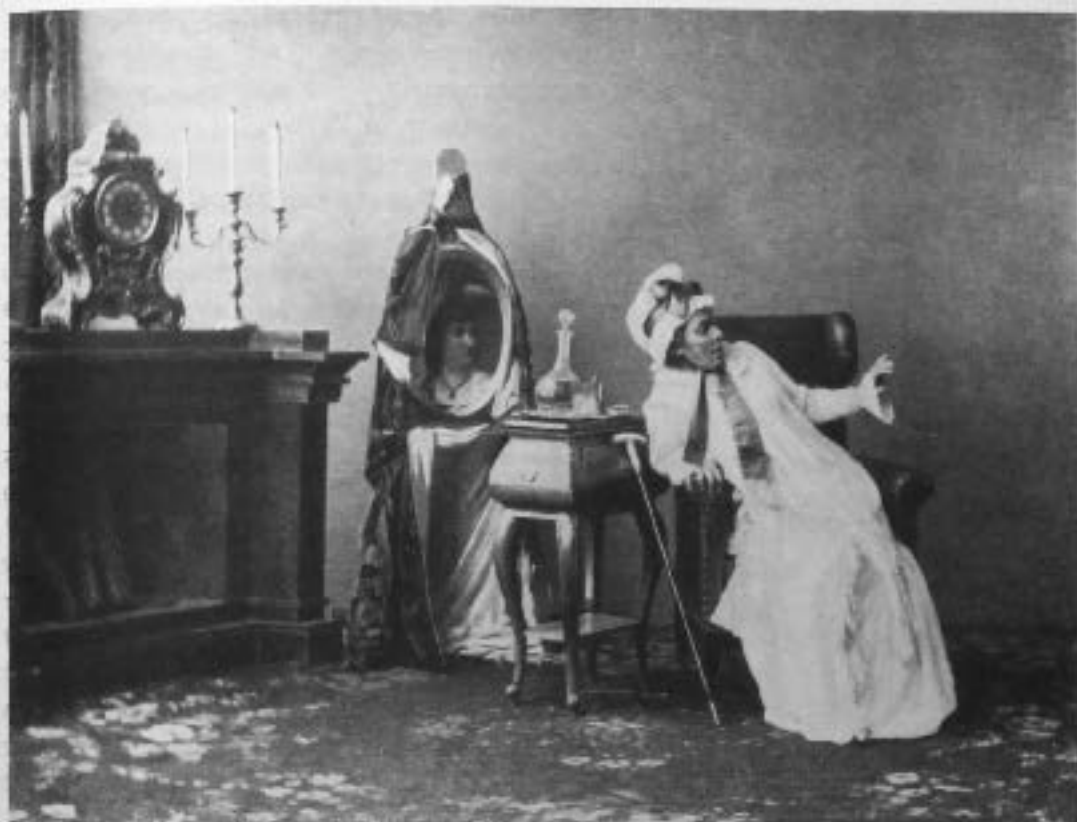
¹ П. И. Чайковский. Переписка с П. И. Юргенсовым, т. II. М.—Л., 1952, стр. 273.

² Глазунов, отчасти и Лядов (их деятельность будет освещена в следующем томе настоящего издания) в последние годы жизни Чайковского были близки к нему. Как известно из писем Римского-Корсакова и московскому музыкальному критику С. Н. Кругликову, Чайковский в 1890 г. говорил о своем намерении «покинуть Москву и перенести центр своего творчества в Петербург». «Раз он изберет для минут своей оседлой жизни Петербург, — писал Римский-Корсаков о Чайковском, — то около него образуется кружок, в который войдут Лядов и Глазунов, а за ними и многие другие» (А. Римский-Корсаков, ук. соч., стр. 104). Но переезд Чайковского на жительство в Петербург не осуществился.

³ А. К. Глазунов. Мое знакомство с Чайковским. Сб. «Чайковский», под ред. Игоря Глебова, Пгр., 1924, стр. 9.

⁴ В. Вальтер. П. И. Чайковский. К 10-й годовщине со дня его смерти. Мир божий, 1903, № 11, стр. 26—27.

⁵ Л. Ауэр, ук. соч., стр. 138.

*М. А. Славина в роли графини. «Школьная дама» П. И. Чайковского в Мариинском театре.
Фотография. Начало 90-х годов XIX в.*

В. Г. Вальтер. — И то, что мы поняли, мы сумели передать публике, когда играли эту симфонию 6 ноября. Публика на этот раз приняла исключительно восторженно Патетическую симфонию Чайковского. Слава симфонии, как справедливо отмечает в своей «Летописи» Римский-Корсаков, с этой минуты «росла и росла, облетая постепенно Россию и Европу». ¹ Ныне ее знают и любят многие миллионы людей и на Родине Чайковского и во всех концах мира.

В предыдущем изложении не один раз пришлось упомянуть имя Эдуарда Направника, игравшего во второй половине XIX и в начале XX в. крупнейшую роль в музыкальной жизни Петербурга.

Чех по национальности, уроженец небольшого чешского городка Бейшта, Э. Ф. Направник приехал в Петербург в 1861 г. (ему тогда было 22 года), приняв

¹ Н. А. Римский-Корсаков, *ув. соч.*, стр. 193.

на себя управление оркестром князя Юсупова. После того как Юсупов распустил свой оркестр, Направник в сентябре 1863 г. поступил в петербургскую русскую оперу музыкантом-органистом. В 1864 г. Направник был назначен помощником капельмейстера Мариинского театра К. Н. Лядова, в 1867 г. он стал вторым капельмейстером. В 1869 г. Направник был назначен первым капельмейстером оркестра Мариинского театра и с тех пор в течение более чем сорока лет стоял во главе музыкальной части петербургской оперы.

«Эпоха Направника» в истории Мариинского театра была временем нарастающего подъема русской оперы в Петербурге. Выдающийся дирижер и замечательный организатор, Направник на огромную высоту поставил работу оркестра и хора (в отношении последнего у него были превосходные помощники в лице О. О. Палечка, одно время видного артиста-певца Мариинского театра, а затем «учителя сцены и заведующего массами», и хормейстера Г. А. Козаченко), а вместе с тем он необычайно поднял уровень исполнения солистов и художественный уровень всего оперного спектакля в целом.

Уже в самые первые годы деятельности Направника А. Н. Серов писал, что под его управлением оркестр Мариинского театра творит чудеса по отчетливости и оттенкам.¹ Но с течением времени под руководством Направника оркестр (так же как и хор) совершенствовался все более. Следует отметить, что Направник энергично боролся за улучшение положения артистов оркестра и хора, не боясь вступать на этой почве в конфликты с дирекцией театров. Хорошо известен, например, случай, когда Направник поставил непременным условием возобновления своего контракта с дирекцией увеличение жалованья хористам; он подчеркивал тогда (это было в 1872 г.), что не может более быть «свидетелем всех тех ужасных бедствий, лишений и многих сердце раздирающих сцен, которым наш русский оперный хор так несправедливо подвержен». ² Направник был главным инициатором реформы оркестра Мариинской оперы в 1882 г., сопровождавшейся улучшением материального положения оркестрантов. Оркестр русской оперы, состоявший до реформы из 69 человек, был увеличен до 101 музыканта (тогда же был расширен и отдельно существовавший балетный оркестр Мариинского театра).³ Оркестр и хор, как свидетельствуют современники, всегда были предметом гордости Направника.

Глубокая любовь к русской музыке была внушена Направнику изучением русских народных песен⁴ и бессмертных опер Глинки. Постановка «Руслана и Людмилы» Глинки в Мариинском театре в 1871 г., о которой Стасов писал, как

¹ А. Н. Серов. Критические статьи, т. IV, стр. 2075.

² Сб. «Н. И. Чайковский на сцене театра оперы и балета имени С. М. Кирова (б. Мариинский)». Л., 1941, стр. 144.

³ И. Липаев. Оркестровые музыканты. (Исторические и бытовые очерки). Русская музыкальная газета, 1903, № 17—18, стб. 479.

⁴ Эдуард Францевич Направник. Всемирная иллюстрация, 1875, № 319, стр. 123.

о постановке самой замечательной, самой талантливой и верной «из всех, какие только у нас бывали», оставшейся, по его же словам, «законом и указанием» для всех последующих постановок,¹ была осуществлена под руководством Э. Ф. Направника. Оперой Глинки «Иван Сусанин» Направник дирижировал более 500 раз.

Между 60-ми годами XIX в. и 1913 г. Направником было разыграно и поставлено впервые в Мариинском театре около 75 опер, из них до 40 русских и 35 иностранных (из 75 опер на время до середины 90-х годов приходится около 55).²

Известно, что Направник был довольно консервативен по своим музыкальным взглядам и симпатиям и туго поддавался музыкальным «новым веяниям». Тем не менее, принимаясь за работу над новыми произведениями, хотя бы и не во всем отвечавшими его художественным вкусам, он выполнял ее с предельными добросовестностью и мастерством.

«Каменный гость» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского, девять опер Римского-Корсакова (начиная с «Псковитянки»), семь опер Чайковского, пять опер Кюи, четыре оперы Рубинштейна были поставлены под музыкальным руководством Э. Ф. Направника.

Чайковский из всех современных Направнику русских композиторов был ему наиболее близок, и в раскрытии всего богатства музыкального мира Чайковского заключается одна из важных заслуг дирижера.

Со стороны творчества именно Чайковского Э. Ф. Направник и как композитор испытал наибольшее влияние, особенно в самой популярной, живущей до наших

Э. Ф. Направник. Гравюра на дереве. 1887 г.

¹ В. В. Стасов. «Руслан и Людмила» М. И. Глинки. К 50-летию этой оперы на сцене. Ежегодник императорских театров, сезон 1891/92 г., стр. 339.

² В. Г. Вальтер. Эдуард Францевич Направник. К 50-летию его артистической деятельности. СПб., 1914, стр. 54—55.

дней опере «Дубровский», поставленной в Мариинском театре в 1895 г. (до этого Направник написал две оперы — «Пинегородцы», 1868, и «Гарольд», 1886; после «Дубровского» появилась его опера «Франческа да Римини», 1902).

Выпестованный Направником оркестр Мариинского театра играл огромную роль не только в жизни музыкального театра столицы, но и в петербургской концертной жизни, выступая в большинстве симфонических концертов. Сам Направник также был не только несравненным оперным, но и выдающимся концертным дирижером. С 1869 по 1881 г. он был дирижером симфонических собраний Русского Музыкального общества; в концертах последнего Направник многократно выступал и в дальнейшем. Кроме того, он дирижировал концертами Петербургского филармонического общества, дирекции императорских театров и т. д.

Вся творческая жизнь Э. Ф. Направника протекла в Петербурге. Направник всегда жил в районе своего родного театра. Во второй половине 60-х и в 70-х годах он жил в доме № 16 по Офицерской улице (ныне улица Декабристов); с 1877 г. и до своих последних дней Направник жил в доме № 6 по Крюкову каналу.

Когда умер Направник (10 ноября 1916 г.), А. К. Глазунов писал: «Горе это — всей России, потерявшей в лице маститого Эдуарда Францевича великого художника и вдохновителя русского музыкального искусства». Петербургский музыкальный журнал тогда же указывал, подводя итог многолетней деятельности Направника, преимущественно в Мариинском театре: «Весь оперный механизм этого театра в конечном счете имеет базой громадную работу, совершенную в свое время Направником. Только благодаря властному воспитательному воздействию этой школы, сквозь которую Направник провел всю оперную организацию Мариинского театра, мы имеем право говорить о нашей сцене, как об одной из первых в Европе».¹

Нельзя, вместе с тем, не подчеркнуть, что Направник привнес в петербургскую русскую оперу в период, когда она все шире развивала свою деятельность.

Русская опера в Петербурге трудную пору переживала в 40-х и начале 50-х годов. Она была тогда оттеснена на задний план итальянской оперой, которая существовала в общей системе столичных императорских театров и при этом находилась в привилегированном положении. Влиятельные придворные и аристократические круги не уважали и не ценили родного, национального искусства и оказывали исключительное покровительство итальянской опере, которая, как свидетельствовал Стасов даже еще в конце 70-х годов, пользовалась в Петербурге такими «эстетическими и материальными» преимуществами, о которых и не мечтала русская опера.²

На содержание итальянской оперы отпускались громадные средства, оклады итальянских певцов намного превышали жалованье русских (даже наиболее вы-

¹ Хроника журнала «Музыкальный современник», 1916, № 7, стр. 4, 5.

² В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, стр. 727.

дающихся), итальянцам долго был обеспечен более богатый по составу оркестр; со временем за итальянской оперой, почти в монопольное пользование, было закреплено лучшее театральное здание так называемого Большого театра, стоявшее на месте нынешней консерватории.

Во второй половине 40-х годов дело дошло до того, что весь состав петербургской русской оперы был надолго (1846—1850) откомандирован в Москву, и Петербург жил несколько лет без русской оперной труппы.

Однако со второй половины 50-х и начала 60-х годов, на почве общественного подъема, оживления всей культурной деятельности, роста демократического национального сознания, начинается также неуклонный подъем русской оперы.

В 1863 г. А. Н. Серов отмечал, что число «приверженцев русской оперы» возрастает не по дням, а по часам.¹ Общественное возбуждение, демократизация (хотя бы относительная) зрительного зала играли тут свою важную роль, наряду с обогащением национального оперного репертуара и весьма заметным ростом — количественным и качественным — исполнительских кадров. Тот же Серов писал: «Сердце радуется, что наша русская опера так видимо богатеет исполнителями!.. Еще несколько дружеских усилий на пользу отечественного оперного театра, и нам „итальянская опера“ нисколько не помешает, при всем огромном еще теперь пристрастии к ней».²

От оперной труппы предшествующего времени русская опера 50—60-х годов унаследовала великого Петрова, С. С. Гулака-Артемовского, Э. А. Лилееву, юную Латышеву и др. В самом начале 50-х годов к ним присоединились П. П. Булахов (тенор), А. А. Булахова (сопрано), столь известная потом Д. М. Леонова (контральто). В 1855—1857 гг. в оперную труппу вступил тенор П. Я. Сетов и знаменитый бас В. П. Васильев. Современники согласно говорят о значении в то время

¹ А. Н. Серов. Критические статьи, т. III, стр. 1536.

² Там же, стр. 1539—1540. Решительное предпочтение итальянской опере, как отмечено, отдавали общественные «верхи». Но это, конечно, не означает, что итальянской оперой не интересовались более или менее широкие круги интеллигенции, в частности — учащая молодежь. За деятельностью итальянской оперы следила и прогрессивная печать. Как вспоминает П. Кропоткин, во времена его юности оперные представления итальянцев как-то даже связывались с радикальным движением: «Революционные речитативы в „Вильгельме Телле“ (опера Россини, — *Ред.*) или „Пуританах“ (опера Беллини, — *Ред.*) всегда вызывали шумные овации, немало смущавшие Александра II... Тогда немало возмущенных идей и чистых стремлений было заронено в нас поклонением пред любимыми артистами» (П. А. Кропоткин. Записки революционера. Изд. 6-е, М., 1924 (1925), стр. 101—102). На протяжении 50—80-х годов в петербургской итальянской оперной труппе перебивало много выдающихся мастеров: певицы Анджелина Боззо (любимица петербургского студенчества, умерла в 1859 г. в России), Елена Фьоретти, Паулина Лукка, Адельна Патти, Марчелла Зембрих (польская артистка, выступавшая на итальянской сцене) и др.; певцы Даузенге Марко, Энрико Тамберлак, Энрико Кальцолари, Луджика Лаблаш, Камелло Эверарди, Анджело Мазини и др. Чаше других на итальянской сцене Петербурга исполнялись произведения Верди, Мейербера, Беллини, Доницетти, Россини, Гуно и т. д.

Сетова, который своим вокальным мастерством и драматическим талантом способствовал повышению интереса петербургской публики к русской оперной сцене.

В первой половине 60-х годов состав петербургской русской оперы (ее теперь стали называть Мариинской — 2 октября 1860 г. открылся вновь отстроенный театр, названный Мариинским)¹ пополнился такими видными деятелями, как сопрано Валентина Бианки и Ю. Ф. Платонова, теноры Ф. К. Никольский, Ф. П. Комиссаржевский, бас М. И. Сарлотти (Сироткин), баритон Г. П. Кондратьев (впоследствии долголетний режиссер-администратор Мариинской оперы). Во второй половине 60-х годов в Мариинский театр пришли Н. А. Мельников, Б. Б. Корсов, Е. А. Лавровская, А. Г. Мешникова, Д. А. Орлов, О. О. Палечек (уроженец Чехии), в 70-х годах — В. И. Рааб, А. П. Крутикова, М. Д. Каменская, М. А. Славина, Ф. И. Стравинский, М. М. Корякин, И. П. Прянишников, в 80-х годах — упоминавшиеся выше в связи с историей опер Чайковского на Петербургской сцене Сиовицкая, Павловская, Мравина, Долгина, Фигнеры, Яковлев, Серебряков.

В 1870 г. А. Н. Серов указывал: «Персонал русской оперы вообще очень богат в настоящее время, а в отношении подставных актеров и артистов на второстепенные роли — далеко превосходит итальянскую труппу, что составляет громадное преимущество для сложных произведений».² Выше приводилось и свидетельство Антона Рубинштейна, который объяснял свой замысел написать оперу «Демон» необычайно высокими достоинствами русской оперной труппы в Петербурге на рубеже 70-х годов. Между тем, в течение 70-х, а затем и 80-х годов совершенствование Мариинской труппы не останавливалось, в связи с чем русские оперные спектакли к 90-м годам приобрели уже особое положение среди театральных зрелищ столицы. «...повадать в оперу, — писал тогда очевидец, — можно или не шадя боков и стоя на площади в снегу по шести и десяти часов, или представляя в разные кассы и конторы просьбы и документы».³

Богатая труппа, превосходные оркестр и хор позволяли исполнять с весьма значительным, порою с блестящим художественным успехом сравнительно разно-

¹ Мариинский театр был выстроен по проекту архитектора А. К. Каноса на месте сгоревшего в начале 1859 г. «Театра-цирка», существовавшего с 1847 г. Русская оперная труппа, постоянной площадкой которой сделался Мариинский театр, очень страдала от крайне неблагоприятных его акустических условий, которые впоследствии были улучшены в результате ряда перестроек. В этом отношении неизмеримо выше был соседний Большой театр, отделившийся под спектакли итальянской оперы и балета. Лишь в начале 80-х годов русской опере удалось перейти в помещение Большого театра. В 1885 г. казенная итальянская опера в Петербурге была упразднена (оперные итальянские труппы после того стали приезжать в порядке частной инициативы), но и здание Большого театра было признано около этого времени подлежащим сносу, как опасное (многие современники подвергали сомнению обоснованность решения об уничтожении замечательного театрального здания Большого театра, вместо которого затем в 90-х годах было выстроено здание консерватории).

² А. Н. Серов. Критические статьи, т. IV, стр. 2070.

³ К. Скальковский. В театральном мире. СПб., 1899, стр. XVII.

образный репертуар, охватывающий в целом за описываемый период более 100 опер, из которых до $\frac{1}{3}$ перешло из репертуара предшествующей эпохи,¹ а подавляющее большинство появилось на русской оперной сцене впервые между 1855 и 1894 гг. По числу впервые поставленных опер небольшой перевес был на стороне произведений русских композиторов (опера русских авторов было поставлено за сорок лет несколько менее полусотни). Однако не все ценные создания русских музыкантов находили тогда доступ на Мариинскую сцену и далеко не все лучшие русские оперы занимали в репертуаре заслуженное ими прочное и постоянное место (примеры отказа или промедления в постановке или необоснованного сiania с репертуара уже поставленных выдающихся русских опер нами приводились). С другой стороны, дирекцией неоднократно принимались к постановке очень слабые, а то даже и совсем ничтожные сочинения, которые сразу же или весьма скоро отвергались публикой и после немногочисленных (случалось, что всего трех-четырех) спектаклей навсегда должны были исключаться из репертуара.

Важнейшие премьеры русских опер были отмечены выше. Иностранных опер перешло из старого репертуара 17. За 1855—1894 гг. было поставлено впервые около 40 иностранных опер (новых или ранее не шедших на петербургской русской сцене). Тут были оперы Мейербергера («Гугеноты», 1862; «Пророк», 1869; «Африканка», 1890), Верди («Трубадур» и «Риголетто»,² 1859; «Травиата», 1868; «Аида», 1877; «Отелло», 1887; «Фальстаф», 1894), Гуно («Фауст», 1869; «Ромео и Джульетта», 1894), Бизе («Кармен», 1885; «Джамиле», 1893), Вагнера («Лоэнгрин», 1868; «Тангейзер», 1874; «Риенци», 1879; «Зигфрид», 1894), Глюка, Россини, Обера, Флотава, Николаи, Массне, Масканы и т. д.³ Были поставлены отдельные оперы славянских композиторов (см. ниже).

Русские певцы проявили себя яркими и одаренными исполнителями как своего национального, так и западноевропейского оперного репертуара. На сцене петербургской русской оперы, как и на сцене Московского Большого театра, совершался процесс оформления, упрочения и развития замечательной русской школы оперного искусства. Все перечисленные и ряд других деятелей этой сцены

¹ Сюда относятся из русских опер бессмертные творения Глинки, а также шедшие долгие годы с немалым успехом «Аскольдова могила» Верстовского, из иностранных — «Волшебный стрелок» Вебера, «Роберт Дьявол» Мейербергера и др.

² Опера «Риголетто» сначала, впрочем, ставилась на русской сцене, при участии русских певцов, на итальянском языке и лишь в 1878 г. стала даваться на русском языке.

³ Даты относятся к постановке именно на русской оперной сцене. В исполнении итальянских оперных артистов петербургские любители оперы часто узнавали новинки европейской музыкальной драматургии гораздо раньше (например, опера Бизе «Кармен» прозвучала в Петербурге на итальянской сцене уже в 1877 г., вскоре после парижской премьеры). Вагнеровский цикл «Кольцо Нибелунга», постановка которого на русской сцене постепенно осуществлялась за хронологическими рамками освещаемого здесь периода (кроме поставленного на грани двух периодов «Зигфрида»), был поставлен в Петербурге впервые на сцене Мариинского театра в 1889 г. немецкой гастрольной труппой.

внесли свой, большой или меньший, вклад в это большое и важное дело — развитие русской вокальной школы, русской оперной культуры. Особенно велик вклад некоторых из петербургских оперно-сценических деятелей. Первым среди них должен быть назван О. А. Петров — «титан, — как писал о нем Мусоргский, — вынесший на своих гомерических плечах почти все, что создано в драматической музыке — начиная с 30-х годов XIX века».¹

Петров был соратником Глинки и вместе с ним закладывал основы русского национального — народного и реалистического — оперного искусства. Те требования «натурности и простоты», которые предъявлял певцам Глинка, в творчестве Петрова нашли глубокое и законченное воплощение. Говоря об исполнении Петровым, а также Воробьевой (знаменитой русской певицей, женой Петрова, оставившей сцену до начала обозреваемого нами периода) ролей Ивана Сусанина и Вани в опере Глинки, Стасов указывает: «Драматичность, глубокое, искреннее чувство, способное доходить до погрязющей патетичности, простота и правдивость, горячность — вот что сразу выдвинуло их на первое место в ряду исполнителей и заставило русскую публику ходить толпами на представления «Сусанина».² Обладатель исключительного по красоте и мощи голоса (Глинка называл его могучим басом), Петров поражал как выразительностью, реалистической силой, обаятельностью своего пения, так и убедительностью, яркой образностью, типичностью актерской игры. Подобно другим великим русским артистам, Петров сочетал в себе замечательный драматический, патетический, даже трагедийный талант с блестящим комическим дарованием. «Петров, наш неподражаемый и незаменимый Сусанин, всегда отлично хорош и в комических характерных ролях», — писал Серов.³

Петров создал роль Ивана Сусанина. «Выход дедушки Петрова в Сусанине, по-моему, — писал Мусоргский, — есть выход Сусанина (идеи) в Петрове».⁴ Петров был первым Русланом, он гениально воплотил образ Фарлафа (в «Руслане и Людмиле»), создал роли Мельника («Русалка» Даргомыжского), Лепорелло (его же «Каменный гость»), Варлаама («Борис Годунов» Мусоргского). Петров был первым Грозным в «Псковитячке» Римского-Корсакова. Он был неподражаем во многих ролях западного репертуара, как Каспар в «Вольном стрелке» Вебера (по цензурным мотивам ставился под названием «Волшебный стрелок»), Бертрам в «Роберте Дьяволе» Мейербера. «В Петербурге, — указывает Серов, — много перебивало Бертрамов... Наш Бертрам, скажем с гордостью, без сравнения лучше всех чужих. Кому удалось слышать в Париже Левассера (для которого эта роль написана), сознаются, что Петров лучше и Левассера».⁵ О. А. Петров, крупнейший из создателей русской вокальной школы, был первым среди русских певцов-

¹ М. П. Мусоргский. Письма и документы. М.—Л., 1932, стр. 309.

² В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, стр. 730.

³ А. Н. Серов. Критические статьи, т. II, стр. 781.

⁴ М. П. Мусоргский, ук. соч., стр. 309.

⁵ А. Н. Серов. Критические статьи, т. II, стр. 813.

актеров, кто утверждал в мировой музыке передовую роль русской оперной культуры.

С именем Глинки тесно связаны первые артистические шаги Д. М. Леоновой, вступившей в петербургскую оперную труппу в 1851 г. Леонова была в 50-х годах ученицей Глинки, который высоко ценил ее «самородный русский талант» и «прекрасный голос» и отмечал мастерское исполнение ею русских песен и вообще русской музыки. Леонова была выдающейся исполнительницей ролей Ваши и Ратмира в операх Глинки. В близком сотрудничестве с авторами-композиторами Леонова создала яркие образы в «Русалке» Даргомыжского (княгиня), «Рогнеде» Серова (Скульда и Рогнеда), в его же «Вражьей силе» (Спиридоновна), в «Борисе Годунове» Мусоргского (хозяйка корчмы). Уже отмечалась особая близость Леоновой к Мусоргскому в последние годы жизни композитора.

Она была вдохновенной исполнительницей песен и романсов Мусоргского; она впервые, еще в концертном исполнении, пела партию Марфы из «Хованщины». ¹ Об исполнении Леоновой произведений Глинки, Даргомыжского, Мусоргского один из ее учеников, видный театральный деятель Шкафер впоследствии писал: «Такой тонкой, проникновенно художественной передачи отдельных вещей мне уже ни у кого из певцов слышать не приходилось, разве только у Ф. И. Шаляпина». Шкафер свидетельствует, что Леонова «по всему складу своей артистической индивидуальности очень роднилась с... русской музыкой, она ее чувствовала артистическим своим сердцем и умом — любила ее оригинальную красоту и восторженно ей поклонялась». ² Леонова с большой силой и глубиной исполняла также многие роли в западных операх, достигая особого совершенства в ролях

Ю. Ф. Платонова и О. А. Петров в ролях Ниташа и Мельника. «Русалка» Даргомыжского в Мариинском театре. Фотография, 60-е годы XIX в.

¹ В. Яковлев, Д. М. Леонова. М.—Л., 1950.

² В. П. Шкафер. Сорок лет на сцене русской оперы. Воспоминания (1890—1930 гг.). Л., 1936, стр. 16, 17.

Азучены («Трубадура» Верди), Фидес («Пророк» Мейербера), Ортруды («Лоэнгрин» Вагнера). Подчеркивая, что у Леоновой несравненно больше таланта, больше божественного огня, чем у многих артисток, пользующихся европейской славой, Серов в частности отмечал ее превосходство над всеми «Азученами», выступавшими на итальянской сцене в Петербурге.¹

Леонова вынуждена была покинуть Мариинскую сцену после 22 лет службы на ней, находясь еще в расцвете сил и таланта. Она продолжала свою деятельность в качестве концертной певицы — как в России, так и за границей (в городах Западной Европы, Китая и Японии, Северной Америки). Значительны заслуги Леоновой как одной из первых пропагандисток русской музыки за рубежом.

Леонова пользовалась большой популярностью среди студенчества Петербурга, которому неизменно приходила на помощь своими концертными выступлениями. Ее даже называли среди интеллигенции «студенческой певицей».² Сама Леонова говорила, что симпатии к ней петербургской молодежи составляют ее гордость и отраду.³

Энтузиасткой русской музыки была также Ю. Ф. Платонова (артистический псевдоним Гардер-Тваневой). Находясь на Мариинской сцене в течение 1863—1876 гг., Платонова занимала в оперной труппе видное место благодаря выдающейся музыкальности, драматическому таланту, редкому искусству фразировки, в особенности же благодаря своей искренней и горячей преданности русской музыкальной культуре. В своем артистическом развитии Платонова была много обязана Даргомыжскому; она состояла также в тесном творческом общении с Мусоргским, Римским-Корсаковым, Кюи, Серовым. Платонова действительно защищала включение в репертуар опер новых русских композиторов («Бориса Годунова», поставленного по ее настояниям, «Псковитянки», «Каменного гостя» и т. д.). «Вечно дорогой для искусства» называл ее Мусоргский.⁴

В своих «Оперных воспоминаниях» Кюи впоследствии писал о Платоновой: «...она была так талантлива, так художественно олицетворяла изображаемые ею лица, столько в ее исполнении было выразительности и неподдельного чувства, что она производила сильное и глубокое впечатление. И как она любила русское искусство, с какою преданностью и готовностью она ему всегда служила... Ни один из прежних и из молодых, тогда начинающих композиторов не мог без нее обойтись... Весь русский репертуар лежал тогда на ее плечах и она его несла бодро и победоносно».⁵

Даргомыжский считал Платонову лучшей Наташей в «Русалке». Платонова создала яркие образы в «Иване Сусанине» (Антонида), «Руслане и Людмиле» (Люд-

¹ А. Н. Серов. Критические статьи, т. IV, стр. 2072.

² Литературное наследство, т. 51—52, М., 1949, стр. 480.

³ Исторический вестник, 1911, № 10, стр. 156.

⁴ М. П. Мусоргский, ук. соч., стр. 363—364.

⁵ Ц. А. Кюи. Избранные статьи, стр. 522.

мила), «Борисе Годунове» (Марина Миашик), «Псковитянке» (Ольга), «Каменном госте» (донна Анна). С именем Платоновой связаны постановки опер славянских композиторов — Мошюшко (заглавная роль в «Гальке»), Сметаны (Маша в «Проданной невесте»). Она с большим успехом выступала в «Гугенотах» (Валентина), «Лозингрине» (Эльза), «Тангейзере» (Елизавета).

Почти одновременно с Платоновой дебютировал на Мариинской сцене знаменитый в дальнейшем русский певец, выдающийся артист-художник, тенор Ф. П. Комиссаржевский (отец гениальной русской актрисы В. Ф. Комиссаржевской). Обладатель сравнительно небольшого, но красивого, прекрасно обработанного голоса, Комиссаржевский был образованным, на редкость музыкальным, обаятельным певцом, исполнение которого покоряло выразительностью, тонкостью, продуманностью, жизненностью создаваемых им образов. «У него есть жар, огонь

Ф. П. Комиссаржевский в роли Самованца, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в Мариинском театре. Фотография. 70-е годы XIX в.

и воодушевление», — писал о Комиссаржевском Стасов.¹ Серов говорил, что Комиссаржевский прелестен в нежных ситуациях.² Комиссаржевскому — убежденному пропагандисту творчества Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова — принадлежит видное место в развитии оперного искусства в России. «Он считал почетной обязанностью русского певца служить русскому искусству... Память о нем всегда будет дорога в истории развития русской оперы», — отмечает Кюи.³ Комиссаржевский был первым Дон Жуаном в «Каменном госте» Даргомыжского, первым Самозванцем в «Борисе Годунове»; он блестяще исполнял роль князя в «Русалке». К его лучшим ролям относятся также Ионтек в «Гальке», Левко

¹ Советская музыка, 1949, № 1, стр. 83.

² А. Н. Серов. Критические статьи, т. IV, стр. 2073.

³ Ц. Кюи. Избранные статьи, стр. 519.

И. А. Мельников в роли Руслана. «Руслан и Людмила» М. И. Глинки в Мариинском театре. 1871 г.

выступлениями Мельникова: «Мельников обладает могучим красивым баритоном, которым пользуется с большим тактом и знанием дела, а выбор пьес... свидетельствует о его прекрасном, серьезном направлении, столь редко встречаемом между хорошими певцами». ² Чудесный голос (в литературе высказывалось мнение, что голос Мельникова был более богатым и красивым, чем даже голос Шаляпина), яркое вокальное мастерство, выразительнейшая дикция соединялась у Мельникова с крупным драматическим дарованием, особенно полно проявившимся в русском репертуаре. Мельников вызывал восхищение и в операх Беллини, Верди, Гуно, Бизе, Вагнера, но, по единодушным отзывам, русская опера была его настоящей стихией; с ней, как указывала критика, он

в «Майской ночи», Фра-Диаволо в одноименной опере Обера, Ляопель в «Марте» Флотова, Синодал в «Демоне». Работая впоследствии в качестве педагога в Москве (Комиссаржевский оставил Мариинскую сцену в 1879 г.), он был учителем и другом молодого Станиславского, который многое узнал от Комиссаржевского о высших целях и задачах искусства» (слова самого Станиславского). ¹

Еще важнее в истории русского музыкального искусства роль И. А. Мельникова. Тесно связанный с Бесплатной музыкальной школой со дня ее основания (ученик Ломакина, участник многих концертов школы в качестве певца-солиста), Мельников в 1867 г., в 35-летнем возрасте, явился на Мариинскую сцену и сразу завоевал на ней одно из первых мест, став признанным любимцем публики, относившейся к нему, по отзыву современников, с «безграничным энтузиазмом».

Чайковский писал в начале 70-х годов, в связи с концертными

¹ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Изд. 8-е. М.—Л., 1948, стр. 122.

² П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 136.

сроднился, «и в сей его голос, его дарование доставляли наибольшее наслаждение».¹

Наивысшая заслуга И. А. Мельникова определяется тем, что им были блестяще созданы центральные роли во многих русских операх: он был первым Борисом в «Борисе Годунове», первым Демонем, Игорем (в опере Бородина), Кочубеем в «Мазепе» и т. д. Самым совершенным достижением Мельникова была роль Руслана, исполненная им впервые при известном возобновлении «Руслана и Людмилы» в 1871 г. Мельников «создал в лице Руслана истинный тип древнерусского витязя, каким представляет его народное творчество, так что каждое новое представление „Руслана и Людмилы“ сделалось истинным праздником для любителей национальной музыки», — читаем в одном из изданий того времени.² Лучшим из всех Русланов, когда-либо появившихся на сцене, признавал Мельникова Стасов.³ Большое впечатление производил артист и в роли мельника («Русалка»), в которой он сменил О. А. Петрова.

Значение Мельникова в упрочении позиций русской оперной сцены, в закреплении за нею симпатий широких кругов зрителей трудно переоценить.

Оставив сцену в 1893 г., Мельников потом много сил отдавал основанному им в Петербурге любительскому хоровому обществу. Хор Мельникова занимал заметное место в музыкальной жизни столицы.

Е. А. Лавровская. Портрет маслом работы И. Н. Крамского. 1878 г.

Государственный Русский музей.

¹ Ник. Фидеяев. Вместо некролога певца Мельникова. Русская музыкальная газета, 1906, № 29—30, стб. 662.

² Наши деятели. Галерея замечательных людей России в портретах и биографиях, т. VI. СПб., 1879, стр. 93.

³ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, стб. 286—287.

Недолго пела на Мариинской сцене Е. А. Лавровская (1868—1872 и 1879—1880), но тем не менее она оставила в истории оперы неизгладимый след. Лавровская была воспитанницей Петербургской консерватории, которую она окончила в 1868 г. Подобно Мельникову, с которым она дебютировала на Мариинской сцене почти в одно время, Лавровская сразу завоевала исключительную любовь публики. А. Н. Серов называл ее «жемчужиной труппы», В. В. Стасов признавал Лавровскую «одной из лучших опор нынешней русской оперы». ¹ Тембр ее контральто (или, как думал Серов, скорее меццо-сопрано), драматическое чувство, которое она вкладывала во все исполняемое, производили, по отзыву того же Серова, «невольное и неотразимое влияние» на слушателей. Восторженную характеристику исполнительского творчества Лавровской оставил Чайковский, неоднократно касавшийся в своих критических статьях ее концертной деятельности. Великий композитор говорил о ее чудном, ровном, бархатистом, сочном голосе, замечательнейшей технике, до высокой степени совершенства доведенной способности к тонкой, глубоко прочувствованной, подчас потрясающей художественности во фразировке. Чайковский особенно подчеркивал отвращение Лавровской к «рутинно-эффектным» приемам, ее строгую, «целомудренную» художественность. ² Лучшими достижениями Лавровской в оперном репертуаре были Ваня в «Иване Сусанине», Ратмир в «Руслане и Людмиле», княгиня в «Русалке», Орфей в одноименной опере Глюка, Азучена в «Трубадуре», Фидес в «Пророке» Мейербера. Как концертная певица Лавровская настойчиво пропагандировала и на родине и за рубежом творчество Глинки, Даргомыжского, Чайковского и других русских композиторов. С 1888 г. (до самой смерти — в 1919 г.) Лавровская была профессором Московской консерватории и выпустила ряд выдающихся певиц и певцов, в том числе Збруеву и Цветкову. ³

Успехи и достижения русского оперного искусства второй половины XIX в. подготовили такое крупное явление музыкальной культуры, каким было творчество знаменитого баса Ф. И. Стравинского — прямого наследника Петрова и ближайшего предшественника Шаляпина. Воспитанник, подобно Лавровской, Петербургской консерватории (он проходил ее курс в 1869—1873 гг.), Стравинский после трехгодичного пребывания на киевской частной оперной сцене в течение 26 лет (1876—1902) являлся одной из ведущих фигур Мариинской оперы. За это время он выступил в 59 операх, в том числе в 32 операх русских композиторов. Значение Стравинского заключается в его ренессансном служении национальному оперному искусству, в ценных новаторских чертах, которые несла в себе его неутомимая и поразительно талантливая деятельность.

¹ А. Н. Серов. Критические статьи, т. IV, стр. 2071; В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, стб. 245.

² П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 255.

³ Б. И. Голым. Е. А. Лавровская. Советская музыка, 1949, № 3, стр. 76—79.

Уже гораздо последовательнее, сознательнее и смелее, нежели его предшественники и большинство современников, Стравинский боролся за идеалы подлинной музыкальной драмы, за максимальное и органическое слияние в творчестве артиста оперной сцены актера и певца, за единство и цельность оперного спектакля, за полное торжество реализма в сфере оперного искусства.

Ф. И. Стравинский в роли Олоферна. «Юдифь» А. Н. Серова в Мариинском театре, 80-е годы XIX в.

В 80-х еще годах музыкальная критика отмечала наиболее характерные свойства исполнительского творчества Ф. И. Стравинского: «Значение его таланта в глубине и всестороннем изучении лица, характера, эпохи. Артист избегает рутинных приемов игры... Стравинский живет на сцене не только чувством, выражающимся в пении, но и умом, стремящимся к возможно всесторонней, полной и совершенной передаче внутреннего смысла данной роли... В каждой роли перед публикою появляется совершенно другой тип по гримировке, костюму, игре и пению. Он одинаково серьезно относится как к крупной, ответственной роли, так и к самой незначительной, из которой он всегда умеет создать вполне законченный и в мельчайших подробностях художественно отделанный образ».¹

Стравинский создал большую галерею ярких, незабываемых образов в операх Глинки (Сусанин, Руслан, Фарлаф), Даргомыжского, Серова (замечательны его Еремка во «Вражьей силе» и Олоферн в «Юдифи»), Мусоргского (Варлаам), Римского-Корсакова (Голова в «Майской ночи», Панас в «Ночи перед Рождеством» и др.), Бородина, Рубинштейна, Чайковского (к шедеврам Стравинского принадлежали особенно дяк Мамыров в «Чародейке», Орлик в «Мазепе»).

¹ Портретная галерея композиторов и артистов. Ф. И. Стравинский. Баля, 1888, № 5, стр. 46—47.

Из образов иностранного репертуара выделялись в исполнении Стравинского Сев-Бри в «Гугенотах» Мейербера, Мефистофель в операх Гуно и Бойто, Генрих Птицелов в «Лоэнгрине», Ландграф в «Тангейзере» Вагнера.¹

В адресе, обращенном к нему от имени петербургской публики по поводу 25-летия его деятельности на Мариинской сцене, отмечались громадное разнообразие «одинаково правдивых обликов», созданных Стравинским, жизненность и глубокий реализм его типов; в адресе справедливо указывалось: «Этой чудною богатою сокровищницею трагических, комических, исторических и бытовых ролей Вы увековечили Ваше имя великого художника-артиста».²

Деятельность охарактеризованных выше, да и ряда других представителей оперной сцены в Петербурге говорит о больших достижениях русского оперного театра, о формировании своего, самобытного, национального исполнительского стиля. Отличительными свойствами последнего являлись реализм, идейность, высокая художественная простота, близость к народной музыкальной речи, стремление к наиболее полному слиянию искусства певца и актера, вокального совершенства — с яркой драматической выразительностью, правдивость, задушевность, искренность. Нельзя, однако, забывать, что работу передовых артистических сил всячески стесняла бюрократическая опека императорской дирекции, что ей мешали прямое вмешательство царствующих «особ» и аристократии, недоброжелательство привилегированных слоев к большинству русских прогрессивных композиторов, вредно влиявшее в некоторых отношениях на оперный репертуар. Немало косности оставалось еще в самой артистической среде, в ее более отсталой части. Развитие всех заложенных в группе возможностей препятствовало также отсутствие всестороннего (не одного музыкального) художественного руководства, отсутствие настоящей режиссуры.

* * *

Приведенные выше данные далеко не исчерпывают материала о музыкальной жизни Петербурга во второй половине XIX в.

Мы должны ограничиться лишь кратким перечислением некоторых учреждений, фактов и пр., которые дополнительно могут охарактеризовать состояние музыкальной культуры в русской столице в интересующее нас время.

В Петербурге издавна (основана в 1713 г.) находилась Придворная певческая капелла — замечательный хоровой коллектив, со школой при нем, обслуживавший, однако, почти исключительно нужды императорского двора в качестве главным образом церковного хора. С начала 80-х годов во главе капеллы стоял М. А. Балакирев, сделавший вскоре своим помощником Н. А. Римского-Корсакова. Руко-

¹ Список ролей Стравинского см. в работе: В. Богданов-Вережковский. Федор Стравинский. М.—Л., 1951, стр. 51--52.

² Театр и искусство, 1901, № 2, стр. 32.

водство двух больших музыкантов сыграло важную роль в художественном росте певческой капеллы и в расширении ее задач (оба оставались в капелле до первой половины 90-х годов, а потом управляющим капеллой на ряд лет стал известный композитор А. С. Аренский). Для широкой публики певческая капелла в конце века давала обычно один ежегодный концерт в зале Дворянского собрания, привлекавший большое внимание петербуржцев.

В 1882 г. возник Придворный музыкальный хор, переименованный впоследствии в Придворный оркестр (собственно было два оркестра — симфонический и духовой). Он довольно долго имел военную организацию; деятельность его, как и певческой капеллы, первые годы ограничивалась обслуживанием придворных нужд. Однако уже в 80-х годах этот оркестр стал давать публичные концерты в Петергофе, а впоследствии он играл крупную роль в публичной концертной жизни столицы. Первыми дирижерами Придворного оркестра были М. Франк и Г. Флиге; с 1888 г. и до революции его ведущим дирижером состоял Г. П. Варлих.

С 1883 г. существовал в Петербурге хор Архангельского, созданный энтузиастом певческого дела, высоко одаренным музыкантом, дирижером-организатором и композитором А. А. Архангельским.¹ Биограф Архангельского писал по поводу 20-летия его концертной деятельности: «Он первый познакомил публику с народной певческой симфонией, с своеобразными формами русской песни... Затем он начал вводить в свои программы песни славянские и европейских народов».² Большое место Архангельский и его хор отводили духовной музыке, но исполнение ее чередовалось с выдающимися концертами светских хоровых сочинений. Интересным мероприятием были исторические концерты хора Архангельского. Исполнительское искусство хора стояло всегда на большой высоте.

Симфонические концерты оркестра, составленного из учеников Петербургской консерватории, занимали свое место в концертной жизни столицы, тем более, что в их программах появлялись произведения, еще не известные слушателям (например, в конце 1887 г. здесь впервые в Петербурге, под авторским управлением, исполнялась кантата С. И. Танеева «Иоанн Дамаскин»).

Для конца 80-х—начала 90-х годов должно отметить появление, по инициативе А. Г. Рубинштейна (вторично тогда возглавившего Петербургскую консерваторию), общедоступных концертов Петербургского отделения Русского Музыкального общества. Рубинштейн организовал их (впервые — в октябре 1889 г.) в царке Чинизелли. Дирижировали концертами А. Рубинштейн, А. Лядов, Г. Дютш, Л. Ауэр, Э. Крушевский, А. Зидоти и др. В общедоступных концертах исполнялись произведения Глинки, Чайковского, Бетховена, Моцарта, Римского-Корса-

¹ Начало хору положено было, собственно, в 1880 г.; в 1883 г. состоялся первый публичный концерт хора (Петербургская жизнь, 1893, № 11, стр. 130—131).

² Н. Компанейский. Двадцатилетие концертной деятельности А. А. Архангельского. «Русская музыкальная газета», 1903, № 3, стр. 70.

кова, Мусоргского, Бородина, Рубинштейна и других русских и западных композиторов. Общедоступные концерты происходили по воскресеньям; цены на места назначались от 20 копеек до 1 руб. 50 коп. «Значение и польза подобных концертов вне всяких споров и сомнений», — отмечала корреспонденция из Петербурга в московском журнале «Артист»,¹ радуясь их продолжению и желая им расширения круга слушателей. Однако после трех сезонов (1889—1892) общедоступные концерты Русского Музыкального общества прекратились.

Открывшийся в 1838 г. Павловский музыкальный вокзал продолжал свою летнюю концертную деятельность на всем протяжении изучаемого периода (как и в последующее время). В течение ряда лет (1856—1865, 1869, 1872) здесь дирижировал оркестром Иоганн Штраус; позднее наиболее продолжительное время павловские концерты возглавлялись популярными петербургскими дирижерами Войтехом Главач (1882—1886) и Николаем Галкиным (1892—1903).

20 марта 1888 г. на концертной эстраде в Петербурге впервые выступил кружок любителей игры на балалайках во главе с Василием Андреевым. Из кружка спустя ряд лет вырос великорусский оркестр народных инструментов В. В. Андреева. «Кто не слышал художественной игры на балалайке В. В. Андреева и его товарищей, тому не придет и в голову, до какой степени совершенства эта игра у них доведена», — писал музыкальный журнал «Баян» уже в том же 1888 г.² Деятельность андреевского коллектива, сыгравшая большую роль в пропаганде русского народного искусства и народной песни, в основном принадлежит следующей эпохе.

Большим успехом пользовались у петербургской публики выступления музыкантов-солистов, инструменталистов и вокалистов, происходившие и в симфонических концертах, и в концертах камерных ансамблей, и в виде самостоятельных вечеров тех или иных исполнителей. За несколько десятилетий второй половины XIX в. перед Петербургом прошли десятки и сотни виднейших музыкантов-исполнителей, частью местных, частью приезжих (гастролеров). Тут были скрипачи Веинявский, Лауб, Ауэр, Бродский, Гржимали, Иоахим, Сарасате, Изаи, Губай и другие, виолончелисты Давыдов, Вержбилович, Брандуков, Пошсер и т. д. Особенно много выступало пианистов: из русских, например, Антон и Николай Рубинштейны, Анна Есипова, Танеев, Сафонов, Зилоти, Блуменфельд, Лавров, из иностранных — Клара Шуман, София Менгер (одно время была профессором Петербургской консерватории), Бюлов, Грюнфельд, д'Альбер, Рейзенауэр, Бузони, Тереза Каррено, Зауэр, Гофман и др.

Исключительным музыкальным событием явились «исторические концерты» Антоны Рубинштейна в январе и феврале 1886 г., в Петербурге и Москве (те же «исторические концерты» провел Рубинштейн также в Вене, Берлине, Лондоне,

¹ Артист, 1890, № 4(11), стр. 187—188.

² М. Петухов. В. В. Андреев и кружок игроков на балалайке. Баян, 1888, № 11, стр. 99.

Париже, Лейпциге и т. д.). Цезарь Кюи по поводу этих концертов писал: «Рубинштейн совершил великое дело... Он в звуках рассказал историю фортепианной игры и фортепианного творчества.¹ Концерты происходили в зале Дворянского собрания.² В 1888—1889 гг. (с сентября по апрель) Рубинштейн в тогдашнем помещении Петербургской консерватории (и преимущественно для учащих и преподавателей самой консерватории) провел еще гораздо более грандиозный курс фортепианной литературы, исполнив во время 32 лекций-концертов 777 опусов 57 композиторов (до 2000 пьес).³ «Он один... мог осилить эту задачу, недоступную и для десятка других крупных пианистов, вместе взятых», — писал Кюи.⁴

Петербург, один из главных мировых музыкальных центров, имел притягательную силу не только для крупнейших музыкантов-исполнителей, но и для многих композиторов.

Как уже отмечалось выше, Петербург сыграл большую роль в воспитании ряда видных композиторов братских народов России. Пребывание в Петербурге (в середине 70-х годов) имело важное значение для идейно-художественного развития основоположника украинской национальной музыкальной школы Н. В. Лысенко. Очень много дали ему — хотя он уже и прошел в конце 60-х годов полный курс

Л. С. Ауэр. Фотография. Конец XIX в.

¹ (Ц. Кюи). Исторические концерты А. Рубинштейна. Музыкальное обозрение, № 20, от 20 февраля 1886 г., стр. 156.

² Рубинштейн жил в пору этих концертов напротив Дворянского собрания — в Европейской гостинице. В следующий сезон (1886/87) Рубинштейн имел квартиру на Троицкой улице, д. 27, в бель-этаже; ныне эта улица носит имя Рубинштейна.

³ С. Кавос-Дехтерева. А. Г. Рубинштейн. Биографический очерк 1829—1894 гг. и музыкальные лекции (курс фортепианной литературы). СПб., 1895.

⁴ Игорь Глебов. Антон Григорьевич Рубинштейн в его музыкальной деятельности и отзывах современников, стр. 157.

Лейпцигской консерватории — занятия в классе Н. А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории. В конце 80-х годов Глазунов, после встречи с Лысенко в Крыму, сообщил Римскому-Корсакову: «Он (Лысенко, — *Ред.*) меня тронул тем благоговением и благодарностью, с которыми он говорил про Вася.¹ Лысенко воспринял и последовательно проводил в собственном музыкальном творчестве передовые принципы русской музыкальной школы — Глинки, Даргомыжского, «могучей кучки», Чайковского. «Учиться музыке на великих образцах русского искусства никогда не откажусь», — говорил он в 1885 г. в письме к Ивану Франко.²

В Петербурге Лысенко поддерживал тесные отношения с композиторами-«кучкистами». Друг Лысенко украинский драматург М. П. Старицкий рассказывал позднее о том, что кружок петербургских композиторов радушно принял Лысенко, и отмечал, что сближение с этим кружком способствовало расширению музыкального кругозора украинского композитора. Лысенко развернул в Петербурге значительную музыкально-общественную деятельность, в частности пропагандировал народное музыкальное творчество Украины, Чехии, Польши, Сербии. В 1875 г. с большим успехом выступал в Петербурге под управлением Лысенко организованный им студенческий хор, превосходно исполнявший песни славянских народов. Лысенко являлся одним из руководителей бесплатных курсов хорового пения, созданных при Педагогическом музее военно-учебных заведений (в Соляном городе).³

В Петербурге печатались музыкально-этнографические труды Н. В. Лысенко. Так, в 1875 г. он здесь издал сборник народных весенних песен и игр с пением «Молодоші» («Молодые годы»); 138 номеров свадебных песен, записанных Лысенко, были напечатаны в Петербурге в 1877 г. в «Трудах этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край».⁴

С Петербургом связано крупное событие в истории украинского музыкально-драматического искусства, имевшее место еще до начала деятельности Лысенко. В 1863 г. на сцене императорской петербургской оперы состоялось первое представление тогда же законченной украинской музыкальной комедии «Запорожец за Дунаем». Ее создал видный артист этой оперы, певший на петербургской сцене более 20 лет, С. С. Гулак-Артемовский, ученик Глинки, близкий друг Тараса Шевченко.⁵

Музыкальная культура Петербурга сыграла большую роль в творческой жизни композиторов братских славянских стран.

¹ В. Беллев. Александр Константинович Глазунов, т. 1. Изд., 1922, стр. 116.

² А. Гозениуд. Лысенко и могучая кучка. Советская музыка, 1952, № 12, стр. 64.

³ А. Гозениуд. Н. В. Лысенко и русская музыкальная культура. М., 1954, стр. 35—53.

⁴ Н. Лысенко. Автобиография. Советская музыка, 1937, № 12, стр. 87—90.

⁵ Сб. «Постановка Государственного Академического театра оперы и балета УССР (Киив) „Запорожец за Дунаем“», Гос. Изд. «Мистецтво» (1936).

*На концерте в Дюссельском собрании. Акварель И. Е. Репина. 1888 г.
Государственный Русский музей.*

Четыре раза (1842, 1849, 1856, 1870) посещал Петербург знаменитый польский композитор Станислав Монюшко. Он дирижировал в концертах своими произведениями. Дружеское общение с петербургскими музыкальными кругами, в частности с высоко им ценимым Даргомыжским, и изучение русского музыкального искусства имели благотворное влияние на развитие творчества Монюшко, способствуя упрочению и углублению в нем начал народности, реализма, социального протеста. Музыканты и любители музыки в Петербурге относились к творчеству Монюшко с большой симпатией. В связи с концертом из произведений Монюшко в 1856 г. А. Н. Серов писал, что «автор был осыпан самыми искренними, единодушными приветствиями». Серов отмечал высокое мастерство польского композитора, восхищался в нем «необыкновенною нежностью, грациозностью, сердечностью, при постоянной красоте звука».¹ 4 февраля 1870 г. в Мариинском театре, в бенефис Ю. Ф. Платоновой, была — впервые на русской сцене — дана опера

¹ А. Н. Серов. Критические статьи, т. I, стр. 494—495.

Моношю «Галька». Моношю приезжал в Петербург на эту постановку, присутствовал на репетициях.¹ Он впоследствии оценивал ее как «блестящую».² Печать очень хвалила петербургских исполнителей — Комиссаржевского, Мельникова, Платонову, Кондратьева.

Талантливый польский композитор, один из величайших скрипачей XIX в. Генрик Венявский был теснейшим образом связан с русской музыкальной культурой, с музыкальной жизнью Петербурга, в котором он прожил многие годы (1860—1872), являясь солистом оркестра Большого театра (балет, итальянская опера) и профессором Петербургской консерватории (с ее основания до 1867 г.). Венявский был первым руководителем квартета Русского Музыкального общества. Проведения Венявского (скрипичные концерты, особенно написанный в Петербурге второй концерт, мазурки, полонезы, фантазии на русские темы и т. д.) часто исполнялись в петербургских концертах и самим автором и другими скрипачами. Венявский выступал в Петербурге не только как скрипач, исполнитель своих и чужих сочинений, но и как дирижер.³

Год петербургской премьеры оперы Моношю «Галька» ознаменовался также первой постановкой в Петербурге другого образцового произведения славянской оперной классики — «Проданной невесты» чешского композитора Бедржиха Сметаны (поставлена была в декабре 1870 г. в бенефис Палечека, перешедшего на петербургскую сцену с пражской). На концертной эстраде Петербурга исполнялись произведения второго из знаменитых чешских классиков — Антонина Дворжака. В 1890 г., по инициативе П. И. Чайковского, Дворжак посетил Россию. В концерте Петербургского отделения Русского Музыкального общества 10 марта 1890 г. под управлением Дворжака впервые в Петербурге были исполнены его первая симфония и популярное в наше время «Смерцо-каприччиозо». «Общественность и оркестр приняли меня очень сердечно», — сообщал Дворжак об этом своем выступлении; он говорил о своих успехах в Петербурге и Москве как о «большой моральной победе».⁴

Петербург посещали в разное время композиторы Германии, Италии, Франции, Скандинавии (Вагнер, Верди, Берлиоз, Сен-Санс, Свендсен и др.).

Известный французский композитор-новатор Гектор Берлиоз, посетивший Россию впервые еще в 1847 г., поддерживал с тех пор постоянную творческую связь с ее музыкальным миром. В свое пребывание в Петербурге в 1867—1868 гг. он находился в самых близких отношениях с композиторами «могучей кучки», которые, по словам Стасова, «более всех остальных соотечественников своих ценили его

¹ Всемирная иллюстрация, 1870, № 58, стр. 111.

² И. Б э л а а. Моношю в России. Советская музыка, 1952, № 3, стр. 77.

³ Венявский в России. Советская музыка, 1953, № 1, стр. 81—84; И. Я м п о л ь с к и й. Генрик Венявский. М., 1955.

⁴ В. К и с е л е в. Антонин Дворжак в России. Советская музыка, 1951, № 11, стр. 81—82; И. Б э л а а. Дворжак и русская музыка. Советская музыка, 1954, № 4, стр. 74—75.

гений и понимали его значение». ¹ Несомненно вместе с тем, что и в широкой петербургской (как и московской) публике большая серия выступлений Берлиоза вызвала весьма живой интерес и сочувствие. Характерен отзыв самого Берлиоза в его письме из Петербурга от декабря 1867 г.: «Здесь любят прекрасное; здесь живут музыкальною и литературною жизнью; здесь носят в груди такой огонь, который заставляет забывать и снег и мороз». ²

Петербург издавна являлся крупнейшим центром русского и мирового балетного искусства.

В развитии петербургского балетного театра, как и всего русского балета, нетрудно проследить черты, общие русскому искусству в целом. Вместе с тем в положении и развитии балетной сцены были свои особенности.

Восходящий в своих истоках к народному искусству, балет как отрасль профессионального театра и на Западе и в России со временем был в известной степени монополизирован привилегированными слоями общества. Балет привлекал особое внимание со стороны придворных кругов, аристократии, вообще дворянской публики, а позднее, с развитием капитализма, к кругу постоянных балетных зрителей приобщались постепенно верхи буржуазии. «Покровительство» двора и правительства балету, с одной стороны, обеспечивало ему большие материальные возможности (значительные оклады, обычно богатая обстановка спектаклей и т. д.), но, с другой стороны, официальные «покровители» балета старались подчинить это искусство своим запросам, интересам и вкусам привилегированной части балетных зрителей.

Отрицательные черты в дореволюционном балетном искусстве — отрыв от жизни, элемент «кукольности», пренебрежение к подлинной народности, космополитические тенденции — вызвали и внутри балетного театра и в тех лигера-

¹ В. В. Стасов. Лист, Шуман и Берлиоз в России. М., 1954, стр. 112.

² Там же, стр. 103. Крупным событием музыкальной жизни Петербурга были выступления великого немецкого композитора Рихарда Вагнера в 1863 г. Вагнер дирижировал тогда рядом собственных произведений, а также некоторыми сочинениями Бетховена. Публика в общем очень горячо принимала Вагнера. Среди ведущих музыкальных деятелей получило единодушное признание дирижерское искусство Вагнера (кстати, Вагнер первым в Петербурге дирижировал, стоя лицом к оркестру, а не к публике; его примеру последовали потом другие). Как в переписке 1863 г. называет Вагнера «удивительнейшим дирижером», пребывание которого у нас всем принесло огромную пользу» (Ц. А. Кюи. Избранные письма, стр. 58). Как и композитору и тем более музыкальному теоретику-мыслителю к Вагнеру относились по-разному в различных музыкальных кругах. Восторженно оценивал Вагнера его единомышленник по ряду вопросов музыкальной эстетики А. Н. Серов. В «могучей кучке» и тогда, и позднее отношение к Вагнеру было более сложным и критическим, что отчасти объяснялось сложностью и противоречивостью мировоззрения и творчества самого Вагнера.

турных и общественных кругах прогрессивного характера, которые ждали интереса балетной сцены, критику и протест. Прогрессивные деятели балета боролись за насыщение его идейностью и народностью, за содержательность балетного искусства. Они при этом опирались на опыт русского драматического театра, а также на опыт передовых деятелей русской оперы. На разных этапах истории балета соотношение сил оказывалось различным: то в пользу реалистических, прогрессивных элементов, то, наоборот, в пользу элементов отсталых, готовых к подчинению требованиям и вкусам господствующих кругов общества.

Условными пунктами, вокруг которых чаще всего сосредоточивалась идейно-эстетическая борьба в области балетного театра, являлись вопрос о соотношении танца и действия, вопрос о роли драмы в балете, о значении сюжета в балете, о музыке балета и т. д.

В спорах и столкновениях вокруг этих вопросов отражались общие идейно-эстетические концепции различных сторон.

Прогрессивные деятели балета отстаивали понятие о балете как хореографической драме, требовали для балета осмысленного содержания, рассматривали балетного артиста не только как танцовщика, но и не меньшей степени как актера. Они боролись против увлечения голым техницизмом, нарочитым виртуозничаньем и добивались в балетном спектакле искренности переживаний, выразительности, простоты, естественности, боролись за создание на балетной сцене подлинно реалистических образов.

Развитию русского балета в огромной степени способствовала деятельность великих корифеев русской классической музыки — Глинки, Даргомыжского, Бородина, Римского-Корсакова, Мусоргского, создававших для танцевальных сцен в своих операх прекрасную балетную музыку, сочинявших (если говорить о Глинке и Римском-Корсакове) и вне рамок оперного искусства замечательные образцы танцевальной музыки. К концу обозреваемого периода благодаря Чайковскому, а затем и Глазунову, авторам ряда гениальных балетных партитур («Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» Чайковского, «Раймонда» и другие балеты Глазунова), балетное искусство было поднято на небывалую высоту.

Одним из крупных прогрессивных деятелей балета в Петербурге был Карл Дидло (первая треть XIX в.), выдающийся мастер хореографического искусства, настойчиво проводивший принципы балета-драмы. Общеизвестна высокая оценка творчества Дидло Пушкиным, находившим балеты Дидло исполненными живости, воображения и прелести необыкновенной. После полосы некоторого упадка петербургского балета, упадка прежде всего его художественного руководства, что не исключало, однако, отдельных достижений, выдвижения новых артистических сил, в середине XIX в. на балетной сцене снова наблюдается художественный подъем, связанный с деятельностью в Петербурге (в 1848—1859 гг.) знаменитого хореографа Жюли Перро, носителя демократической тенденции в балетном

искусстве, поборника драматической содержательности балетного спектакля, автора ярких балетов «Эсмеральда», «Катерина», «Наяда и рыбак», «Фауст», «Корсар».

При балетмейстере Перро продолжали работу в петербургском балете известная балерина Е. И. Андриянова (до 1854 г.), начавший еще при Дидло свою деятельность Н. О. Гольц, артисты Х. П. Иогансон, Т. А. Стуколкин, пришедшие в 40-х годах на балетную сцену столицы. Балетная труппа при Перро пополнилась талантливыми балетными деятелями: М. С. Суровщиковой-Петина, М. Н. Муравевой, Л. П. Радиной, А. Д. Кошевой, Ф. И. Кшесинским. С 1856 г. подвизалась на петербургской сцене прославленная русская балерина Н. К. Богданова (составившая себе до этого громкое имя выступлениями в Париже).

Творчество Перро встречало разноречивые оценки, отражавшие противоположные взгляды на задачи и свойства балетного искусства. Против Перро ополчались те, кто отрицал за балетом право и способность на разрешение этических и психологических задач, кто считал, что балет тем увлекательнее, чем он «отвлеченнее от всего правдоподобного».¹

Реакция против идейности, содержательности балетного искусства, резко проявившаяся в это время на Западе, стремление ограничить балетное искусство рамками исключительно развлекательного зрелища, в котором содержание, драма решительно отодвигаются на задний план, а техника, эффекты, виртуозные танцы, не связанные органически с действием, приобретают решающее значение, — все это находило влиятельных приверженцев среди привилегированной публики и в России.

Навстречу этим тенденциямшло балетмейстерское творчество Артура Сен-Леона, являвшегося главным руководителем петербургского балета после Перро, в течение 1859—1869 гг. О балете сен-леоновской поры видный московский критик А. Н. Баженов писал (в 1864 г.): «...новые балеты становятся все бессодержательнее и беднее вымыслом, несмотря на то, что хореографическое искусство не только не останавливается, но продолжает идти вперед... Балетные либретто теперь все же заключают в себе драмы, назначенной для сценического воспроизведения, а ищутся, кажется, только для того, чтобы в них декораторы и машинисты могли найти темы и поводы для новых декораций, полетов, превращений, а балетмейстеры — канву, по которой можно было бы разместить готовые уже и составленные вне всякой связи с содержанием балета танцы».² Талантливая петербургская балерина второй половины 60-х и 70-х годов Е. О. Вазем в своих воспоминаниях, отмечая большое мастерство Сен-Леона, исключительное знание им балетной классики, его высокую музыкальность, вместе с тем подчеркивает, что балеты Сен-Леона «представляли собой сплошные дивертисменты».³

¹ Ю. С л о н и м с к и й. Мастера балета. Изд. «Искусство», 1937, стр. 126.

² А. Н. Б а ж е н о в. Сочинения и переводы, т. 1. М., 1869, стр. 381—382.

³ Е. О. В а з е м. Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра. Л.—М., 1937, стр. 54.

Подавляющее большинство балетов, поставленных Сен-Леоном («Грациелла», «Пакеретта», «Теоплинда» и др.), имевшие в свое время значительный успех, потом были забыты. О балете Сен-Леона «Золотая рыбка», который был поставлен в 1867 г., формально «по сказке Пушкина», и выдержал более полусотни представлений, теперь напоминает только остро сатирический очерк Салтыкова-Щедрина «Проект современного балета», вскрывавший ложнонародный характер спектакля. Надолго сохранился созданный в 1864 г. Сен-Леоном «Конек-Горбунок»; он стал наиболее репертуарным балетом на несколько десятилетий, продолжал жить и в XX в. после существенных переделок его сначала Мариусом Петипа (в 1895 г.), затем А. А. Горским (в 1912—1913 гг.). Русская тематика балета, обилие характерных танцев, народных танцев разных национальностей содействовали успеху балета, хотя народность «Конька-Горбунка» также оставалась крайне условной.

Видное место в истории петербургского балета занимает имя Петипа. М. И. Петипа поселился в России в 1847 г. и нашел здесь вторую родину. Он работал в петербургском балете без перерыва до 1903 г. (умер в 1910 г.). С самого своего появления на балетной сцене Петербурга Петипа выступал не только как танцовщик, как выдающийся балетный актер, но и как балетмейстер (дебютировал постановкой балета «Пахита» в 1847 г.). Однако до 1862 г. балетмейстерская работа в его деятельности еще находилась на втором плане. Потом он ставил балеты одновременно с Сен-Леоном как первым балетмейстером, а с уходом в 1869 г. Сен-Леона Мариус Петипа на долгие годы стал главным руководителем петербургской балетной сцены.

В деятельности Петипа были серьезные противоречия. Чувствуя во многом влечение к тому направлению, которое рассматривало балет как танцевальную пьесу, он делал большие уступки любителям бездумных, бессодержательных балетов-дивертисментов. Одни и те же современники отмечают и стремление Петипа давать балеты с занимательным, даже увлекательным драматическим сюжетом, и «дивертисментность» многих балетов Петипа, хотя и дивертисмент всегда почти у Петипа был, говоря словами Вазем, «крепче шит сюжетной нитью», чем у Сен-Леона. В духе лучших традиций русской школы балета, опираясь на превосходные реалистические дарования русских балетных артистов, Петипа в своих наиболее ценных работах заботился о психологической выразительности и поэтической одухотворенности танца (в тех рамках и понятиях, какие были ему доступны). Он был отличным воспитателем балетных кадров, блестящим мастером и классического и характерного танца, умелым постановщиком массовых танцевальных сцен.

Петипа дал на петербургской балетной сцене около 60 постановок, в том числе более 40 балетов своего сочинения. Наибольший успех из балетов Петипа имели: «Дочь фараона» (1862), «Царь Кандавл» (1868), «Дон Кихот» (в Москве — 1869, в Петербурге — 1871), «Трильби» (в Москве — 1870, в Петербурге — 1871), «Камарго» (1872), «Баядерка» (1876), «Роксана» (1877), «Зорайя» (1881), «Талисман» (1889) и др.

Важное значение для судеб русского балета имела творческая встреча Петипа с Чайковским, а затем и его сотрудничество с Глазуновым. Петипа явился автором либретто и постановщиком «Спящей красавицы» Чайковского (1890), соавтором петербургской постановки его же «Лебединого озера» — вместе с Львом Ивановым, сыгравшим в данной постановке еще более значительную роль. Мариусом Петипа в конце 90-х и на рубеже 900-х годов были поставлены все три балета Глазунова — «Раймонда», «Испытание Дамиса», «Времена года».

Рядом с Петипа следует назвать и Льва Иванова, замечательного артиста, балетмейстера и педагога. Л. И. Иванов служил петербургскому балету с 50-х годов XIX в. Он был выдающимся, художественно законченным исполнителем классических и характерных танцев. В 80-х годах Лев Иванов стал главным режиссером балетной труппы, затем и вторым балетмейстером. Между 1885 и 1901 гг. (1901 г. — год смерти Л. И. Иванова) он поставил более десяти балетов. Расцвет творчества Льва Иванова как балетмейстера неразрывно связан с постановкой в Петербурге балетов Чайковского. В конце 1892 г. Иванов впервые поставил балет Чайковского «Щелкунчик». После смерти Чайковского, в феврале 1894 г., им впервые в Петербурге была поставлена вторая картина «Лебединого озера». В январе 1895 г. Иванов, совместно с Петипа, поставил целиком балет «Лебединое озеро». Принципы симфонизированного балета Чайковского нашли блестящее претворение в лирико-симфонических танцах, созданных Львом Ивановым, о котором Б. Асафьев, именно по поводу его работы над «Лебединым озером», говорит как о «душе русского балета конца XIX века».¹

Петербургский балет в XIX в. приобрел заслуженную славу во всем мире. «Другие европейские балетные театры, — свидетельствует Вагнер, — никакого

Мариус Петипа. Фотография. 80-е годы XIX в.

¹ Б. В. Асафьев. Избранные труды, т. II, М., 1954, стр. 61.

сравнения с нашим балетом вообще выдерживать не могли, — петербургский балет в описываемую эпоху стоял на огромной высоте¹ (речь идет примерно о последней трети XIX в., но превосходство петербургского балета над западным стало определяться еще раньше).

Высокий уровень балетного театра в Петербурге в очень значительной мере обеспечивался его артистическими кадрами. Мировая слава петербургского балета привлекала на его подмостки крупнейших представителей балетного искусства разных стран (в 60—90-х годах — Адель Гранцова, Вирджиния Цукки, Карлотта Брианца, Пьеррица Лешьяни и др.). Однако определяющее значение в жизни балета имели местные силы — превосходнейший русский кордебалет и длинный ряд замечательных танцовщиков-солистов, балерин и солисток. Многие из русских исполнителей неоднократно выступали на западноевропейских сценах, встречая самое восторженное признание. Таковы Н. К. Богданова, М. С. Суровщикова (жена Петина), М. Н. Муравьева, москвичка (выступавшая и в Петербурге) П. П. Лебедева и др.

М. Н. Муравьева была едва ли не наиболее выдающейся из петербургских балерин обозреваемого периода. Ее выступления на сцене начались еще в 1848 г. Оставаясь до 1858 г. ученицей Петербургского театрального училища, Муравьева успела на протяжении этих лет завоевать любовь зрителей своим первоклассным дарованием. В 1858—1865 гг. Муравьева являлась лучшим украшением петербургской балетной труппы. Современная критика называла ее танцовщицей-художницей и отмечала, что простота и свобода не оставляют ее никогда, в каком бы то ни было труднейшем и виртуозном танце. Товарищи по сцене отзывались об искусстве Муравьевой как безусловно идеальном с точки зрения хореографической классики.

После Муравьевой в балетной труппе видное место занимали Е. О. Вазем, Е. П. Соколова, М. П. Горшенкова, В. А. Никитина и др. О Соколовой печать говорила, как об «одной из той плеяды балерин, которые поставили нашу балетную сцену на первое место в Европе». ² Соколова, будучи блестящей танцовщицей, одновременно отличалась выразительной игрой и мимикой. Она создала ряд образов, дышавших, по отзыву историка балета А. А. Плещеева, «поздней и художественным, эстетическим вкусом». ³

В петербургской труппе было немало талантливых характерных танцовщиц, среди которых особенно выделялись Л. П. Радина, М. М. Петина (дочь) и др.

На рубеже 80-х и 90-х годов вступили на петербургскую балетную сцену, О. О. Преображенская и М. Ф. Кшесинская.

Из ряда выдающихся исполнителей мужских ролей, кроме названных выше, следует отметить П. А. Гердта, работавшего в столичном балетном театре с 60-х

¹ Е. О. Вазем, ук. соч., стр. 74.

² Ежегодник императорских театров, 1914, вып. VI, Приложение, стр. СXXXII.

³ А. Плещеев. Наш балет (1673—1899). Изд. 2-е, СПб., 1899, стр. 291.

годов XIX в. и до 1916 г., не знавшего одно время соперников классического танцовщика и вместе с тем исключительного мимического актера, о котором Шалляпи говорил: «Я не знал, что такое балет, пока не увидел Гердта».¹

Балет принадлежит к области музыкального театра. Вопрос о музыке балета, естественно, относится к самым важным проблемам (в известном смысле является даже важнейшей проблемой) балетного искусства. Однако на протяжении многих десятилетий музыкальная часть в балетном спектакле играла подчиненную роль. Музыка, сочинявшаяся для балетов, была чаще всего неглубокой, более или менее примитивной; балетные композиторы должны были неограниченно приспособиться к требованиям балетмейстеров.

С 1851 до 1870 г. музыку к шедшим в Петербурге балетам писал Цезарь Пуни, служивший штатным композитором при столичном балете. Им, в частности, была написана музыка балетов «Эсмеральда», «Катарина», «Дочь фараона», «Конек-горбунок», «Царь Кандавак». Со смертью Пуни то же положение занимал Алоизий Минкус (до 1886 г.), написавший музыку к балетам «Дон Кихот», «Камарго», «Баядерка», «Роксана», «Зорайя» и др. В 80-х годах должность постоянного балетного композитора была упразднена. В последующее время музыку ряда балетов написал долголетний дирижер (с 1886 г.) петербургского балета Р. Е. Дриго, композитор «Талисмана», широко известной «Арлекинады» и т. д.

Русские композиторы-классики, создававшие, как отмечено, выдающиеся образцы танцевальной музыки (начиная с танцев из «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмила» Глинки), не удовлетворены были преобладавшим в балете характером музыки и не один раз в острой форме критиковали творения Пуни или Минкуса. Мусоргский называл Пуни музыкальным Скифом; Чайковский, касаясь балетного оркестра, отмечал, что оркестр этот привык «отдувать площадные измышления г. г. Пуни, Минкуса и им подобных».² Критик Ларош, признавая, что профессиональные балетные композиторы были «порой недурные мелодисты, порой виртуозы контрапункта», подчеркивал вместе с тем, что они «относились к сочинению балетной музыки с предвзятым стремлением к салонной легкости, к ритмической выразительности бального танца».³

В лице П. И. Чайковского русская классическая музыка властно вторглась в область балетного театра. Опираясь на успехи русских и западных композиторов, своих предшественников, развивая собственные достижения в создании танцевальной музыки (танцевальные эпизоды в его симфоническом, оперном, камерном творчестве), Чайковский в середине 70-х годов прямо взялся за сочинение балетной партитуры. В 1876 г. Чайковский окончил музыку «Лебединого озера» (впервые

¹ К 50-летию сценической деятельности П. А. Гердта. Рампа, 1910, № 51.

² П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи, стр. 50.

³ Г. А. Ларош. Собрание музыкально-критических статей, т. II, ч. 2. М.—Пг., 1924, стр. 134.

поставлено в Москве в 1877 г.), начав тот творческий труд по реформированию балета, который он завершил вполне созданием в 1888—1889 гг. музыки «Спящей красавицы» и в 1891—1892 гг. «Щелкунчика» (премьеры — в Петербурге, в январе 1890 г. и декабре 1892 г.).

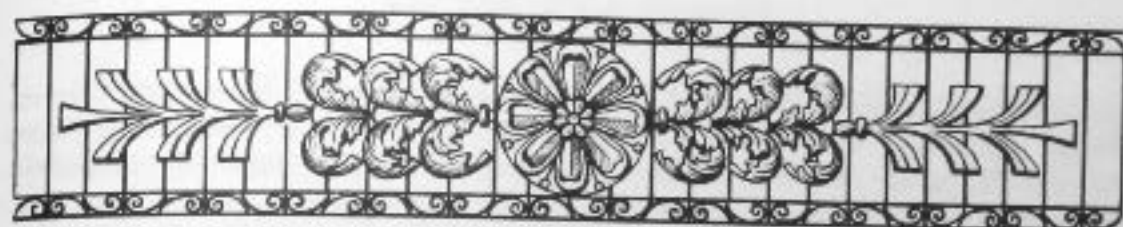
Основное в балетной реформе Чайковского заключалось в том, что он симфонизировал (симфонически осмыслил, по выражению Б. Асафьева)¹ балет и поднял его до уровня всей русской музыкальной классики в целом. Полностью считаясь со спецификой балетного жанра, Чайковский сумел насытить его глубоким поэтическим содержанием, сообщить ему благородное гуманистическое направление. В обаятельных по своему тонкому, проникновенному лиризму, но неисчерпаемому мелодическому богатству балетах Чайковского появились яркие, индивидуально очерченные образы героев, появились живые люди и правдивые, искренние чувства; в балетах Чайковского можно было уже по-настоящему ощутить колорит изображаемого времени и места. Обращаясь к разнообразной национальной тематике и соблюдая верность национальным особенностям каждого сюжета и образа, Чайковский в то же время выступает и в своей балетной музыке как народный русский композитор, вполне сохраняя, как метко подчеркивал Ларош, и при «иностранином местном колорите» русский стиль — «во внутреннем строении музыки», «в основании стихии мелодии».²

Реформа Чайковского была закреплена А. К. Глазуновым, следовавшим в своих балетах по пути, указанному Чайковским (балеты Глазунова относятся уже ко второй половине 90-х годов).

¹ Б. В. Асафьев, *Избранные труды*, т. II, стр. 34.

² Г. А. Ларош, *Собрание музыкально-критических статей*, т. II, ч. 1. М., 1922, стр. 174, 178.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Русское изобразительное искусство подошло к историческому перевалу середины XIX в. с богатыми, веками копившимися достижениями и традициями. Тем не менее наступающий период принес много принципиально нового, открыл особенно плодотворную эпоху в развитии изобразительного искусства.

Именно на вторую половину XIX в. приходится формирование и расцвет демократического, прощипнутого боевым духом критического реализма, глубоко национального направления искусства, вошедшего в историю русской и мировой культуры под славным именем передвижничества.

Передвижничество (в широком смысле, обнимающем также те прогрессивные явления художественной жизни, которые непосредственно предшествовали Товариществу передвижных художественных выставок и подготовили его появление) органически отвечало своеобразию, задачам и запросам нового, разночинского этапа русского освободительного движения. Оно и развивалось под прямым воздействием идей революционных демократов.

Владимир Стасов, оказывавший на протяжении десятилетий большое и плодотворное влияние на новые поколения художников-реалистов, сам воспитавшийся (как уже отмечалось в другом месте) на идеях Белинского—Герцена—Чернышевского и стремившийся распространить эти идеи в художественной среде, подчеркивал тот факт, что новые художники в своих созданиях осуществили «все то положение», которые внесли в русскую эстетику работы передовых мыслителей—

демократов и прежде всего составивший эпоху трактат Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». «Новые художники задумали вносить какую-то „мысль“, каков-то „объяснение жизни“, какой-то „приговор“ над явлениями этой жизни», — писал Стасов в своей характеристике художественной жизни 50—70-х годов, пользуясь терминологией знаменитого труда Чернышевского.¹

В своих воспоминаниях Репин не раз подчеркивает влияние — и на молодежь вообще, и на художественную молодежь в частности — творчества великих демократов-шестидесятников и Чернышевского в первую очередь. «Внутри образованных кружков, — свидетельствует Репин, — молодая жизнь кипела идеями Чернышевского. Ссылка его пролетела ураганом из края в край через университеты. Бурлило тайно все мыслящее; затаенно жило непримиримыми идеями будущего... Даже у нас, в Академии художеств, глухо, по-своему, волновались смелые головы, пробившиеся в столицу из дальних краев и подогретые здесь свежими событиями 1861 года».²

Характеризуя общественные настроения в сфере художественной жизни, Репин указывает, что в то время от искусства требовали идей, глубокого содержания и национального творчества, что «выражение искусство для искусства означало ходячую пошлость».³ Но торжество демократических, национальных и реалистических принципов в искусстве не могло прийти без ожесточенной борьбы против сил прошлого, против отсталости и рутины, против подражательства и космополитизма. На пути к этому торжеству особенно серьезным препятствием стояла политика руководящих деятелей тогдашней Академии художеств, поддерживаемых и поощряемых свыше, правящими кругами.

К середине XIX в. Академия художеств, заканчивавшая тогда первое столетие своего существования, продолжала оставаться официальным центром художественной жизни Петербурга.

В «Прибавлении к установлениям» Академии художеств (от 1830 г.) основные ее цели определялись как стремление к «возведению на возможную степень совершенства художеств в России» и к «образованию художников, искусных в своем деле».⁴ Вторая задача стояла фактически на первом плане — Академия художеств была в первую очередь художественным учебным заведением.⁵

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, 1894, отд. 1, стб. 535—537.

² И. Е. Репин. Далекое близкое. Изд. 3-е, М.—Л., 1949, стр. 202.

³ Труды Всероссийского Съезда художников в Петрограде, декабрь 1911—январь 1912, т. III, Изд., б. г., стр. 90.

⁴ С. Н. Конаков. Юбилейный справочник имп. Академии художеств. 1764—1914, СПб., (1914), стр. 171.

⁵ Была в столице и другая художественная школа, гораздо более доступная и многочисленная, но и более элементарная — при основанном в 1821 г. Обществе поощрения художников (впоследствии, с начала 80-х годов, — Общество поощрения художеств). Эта вторая школа

В середине XIX в. все резче стало сказываться отставание Академии художеств от требований, предъявляемых общественной и культурной жизнью страны. Зависенная от интересов и вкусов императорского двора и аристократических верхов, имел в своем преподавательском составе немало рутинных элементов, Академия художеств оказывалась не в состоянии идти в ногу со временем. Так называемое академическое искусство держалось в стороне от запросов окружающей действительности, от демократического движения в области культуры, оно не отражало происходившего процесса роста национального самосознания в обществе, оно с упорством держалось старых образцов, чуждалось нового, чуждалось подлинного реализма.

Весьма показательны, что даже благосклонный к Академии художеств современник, сам бывший в течение ряда лет ее конференц-секретарем, потом должен был дать ей такую осуждающую оценку: «По мнению старой академии, только то настоящее искусство, которое соответствует классическим требованиям, даже в самом характере дочинения. Все, где проявляется оригинальный талант, особенно если картина — жанр или пейзаж, недостойно называли академическим произведением... Для сохранения строгости в стиле требовалось только подражание, и самым лестным отзывом считалось мнение, что вот такое-то произведение совершенно напоминает такого-то мастера... Полнейшее невежество, отсталость в понятиях об искусстве и замкнутость Академии — не могли породить других требований и понятий».¹

Однако новое искусство, связанное с жизнью, с интересами народа, искусство патристическое, реалистическое, демократическое росло и развивалось, пробило себе дорогу, преодолевая сопротивление и правящих верхов, и рутинеров-профессоров старой Академии художеств, и сторонников реакционных общественно-эстетических понятий в привилегированной публике и некоторых органах печати.

Борьба между новым и старым, между реалистическими и отживавшими, отставшими от прогрессивных требований явлениями в изобразительном искусстве широко развернулась в Петербурге в 50—60-х годах XIX в., в пору общего перелома русской жизни.

Одним из ранних проявлений этой борьбы явилось столкновение мнений вокруг знаменитой картины Александра Иванова «Явление Христа народу», привезенной великим русским живописцем из-за границы в Петербург весной 1858 г. А. А. Иванов — петербургский уроженец, сын видного профессора Академии художеств Андрея Иванова и сам воспитанник той же Академии, отправлен был в 1830 г.

потом окончательно оформилась как промышленно-художественное учебное заведение. Впоследствии, на рубеже 70-х и 80-х годов, в Петербурге открылось еще Центральное училище технического рисования (известное училище Штиглица).

¹ Художник (Ф. Ф. Львов). Воспоминания об Академии художеств 1859—1864 гг. Русская старина, 1880, № 10, стр. 409.

за границу в качестве пенсионера петербургского Общества поощрения художников и в течение более чем 20 лет работал в Италии над своей картиной, в которой он выступил в известном смысле как предшественник русского идейного реалистического искусства второй половины XIX в. «По своей идее близка она сердцу каждого русского, — писал потом молодой Репин о картине А. Иванова. — Тут изображен угнетенный народ, жаждущий слова свободы».¹

На А. Иванова большое влияние оказал А. И. Герцен. По приезде в Петербург Иванов сошелся с Н. Г. Чернышевским. Чернышевский писал об Иванове, что в Петербург он приехал «человеком, заслуживающим не только славы по своим талантам, но и уважения и сочувствия всех благородных людей образом мыслей, истинно достойным нашего времени».²

Но найдя такое сочувствие со стороны передовых кругов петербургского общества и молодежи, А. Иванов был встречен очень недружелюбно профессурой Академии художеств и вообще всеми сторонниками академического искусства.

Картина Иванова была впервые выставлена в Зимнем дворце (май 1858 г.), затем в Академии художеств. Писатель А. Ф. Писемский сообщал другому литературному деятелю (А. В. Дружинину), что «большая часть ерников — петербургских художников и их скотского начальства» резко высказывалась о картине: «вся эта невежественная дерзкая болтовня доходила, конечно, до Иванова». Очень скоро художник в Петербурге заболел и умер. Борьба прогрессистов и ретроградов продолжалась и на похоронах А. А. Иванова (6 июля 1858 г.), с которых один из наиболее усердных хулителей покойного художника, по словам того же Писемского, был «с позором» прогнан студентами.³

Герцен в «Колоколе» писал по поводу смерти А. Иванова: «Он каким-то чуждым явился с своей картиной перед толпой цеховых интриганов, равнодушных невежд, казарменных эстетиков». «Больной, измученный нуждой, Иванов не вынес грубого прикосновения царской дворни и — умер!».⁴

Но кроме «казарменных эстетиков» и «цеховых интриганов», среди русской художественной интеллигенции народились и все возрастали в числе молодые, свежие силы, воспитанные на идеях революционно-демократической публицистики, на произведениях передовых русских писателей и поэтов, верившие в великую общественную миссию искусства, мечтавшие о служении народу и родине. Отсюда вышли наследники А. Иванова (уже более, чем он, последовательные), одновременно и наследники дела зачинателя критического реализма в живописи Павла Федотова, упрочившие и развившие их творческие мысли, создавшие богатую и мощную школу русского национального демократического изобразительного искусства, правдивого и смелого, выражавшего дух и стремления народа.

¹ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I, 1871—1876. М.—Л., 1948, стр. 38.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. V, 1950, стр. 340.

³ А. Ф. Писемский. Письма. М.—Л., 1936, стр. 122, 627—628.

⁴ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. IX, 1919, стр. 308, 309.

О постепенных успехах молодой национальной реалистической школы свидетельствовали хотя бы ежегодные выставки, устраиваемые самой же Академией художеств.

Во второй половине 50-х и особенно с начала 60-х годов на академических выставках в Петербурге все чаще стали появляться произведения молодых художников, написанные на современные темы, правдиво и естественно отображавшие русскую жизнь, русскую природу. Эти художники принадлежали и к ученикам Академии художеств (Г. Г. Мисоедов, П. П. Петров, М. П. Клодт, В. П. Якоби и др.), и к ученикам Московского училища живописи и ваяния (Н. В. Неврев, В. В. Пукирев и др.).

Московское училище (нынешний Московский художественный институт имени В. И. Сурикова), возникшее в 30-х годах XIX в., искони отличалось более демократическим в сравнении с Академией художеств направлением и стало рассадником народного, реалистического искусства. Среди учеников Московского училища живописи и ваяния в 50-х годах находился выдающийся в будущем художник В. Г. Перов, которому выпала миссия возглавить на первом этапе складывавшееся новое, передовое движение в русской живописи.

В 1858 г. петербуржцы на ежегодной выставке в Академии художеств познакомились с первой значительной работой Перова «Приезд станового на следствие», убедительно свидетельствовавшей о повороте части молодых художественных сил к подлинно реалистическому, критически-обличительному изображению русской крепостнической действительности. Из года в год появляются затем на петербургских выставках полотна В. Г. Перова, с глубоким идейным содержанием, простые и выразительные, открыто и смело направленные против крепостничества и его пережитков, против поповщины, против купеческого «темного царства», проникнутые вместе с тем искренней и беззаветной любовью к народу («Сельский

В. Г. Перов. Портрет маслом работы И. И. Крамского, 1882 г.

Государственный Русский музей.

крестный ход на Пасхе», «Проповедь в селе», «Часпитие в Мытищах» и др.; позже — «Проводы покойника», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Тройка» и т. д.). В 1862 г. Академия художеств направила Перова в качестве своего пенсионера за границу, но художник-патриот оставался там сравнительно недолго, призвав обязательным для себя скорейшее возвращение к изучению и разработке «бесчисленного богатства сюжетов как городской, так и сельской жизни» своей родной страны.¹

По поводу одной из петербургских выставок переломного времени, в 1861 г., Стасов тогда же писал: «Наше искусство, наконец, принялось за свои сюжеты, за свое содержание, за свои задачи». Стасов подчеркивал, что на выставках отступали тогда на задний план академические профессора — «высшие художественные власти», выставлялись преимущественно ученики, воспитанники, пенсионеры — начинающие художники. «Это все только подмости здания, широкое развитие еще впереди. Но мы теперь его уже чувствуем, оно уже началось», — указывал В. В. Стасов.² Та же выставка 1861 г. вызвала и «Современник» на выражение горячего сочувствия художникам, которые стремятся освободиться от «пошлой рутинны», «вступают на реальный путь и проникаются чувством современности», которые обращаются к изображению жизни простых людей, крестьян, интеллигенции.³

Стасов неустанно выступал перед русским обществом толкователем, комментатором, страстным защитником и пропагандистом нового искусства, причем он особенно выдвигал значение бытовой живописи, современного социального жанра в противовес картинам на мифологические или религиозные темы и даже тогдашней, еще обычно далекой от народности и реализма живописи на темы исторические. Однако принципы молодого реалистического и демократического искусства стали проникать в тот период как в историческую, так даже (как бы вослед Иванову) и в посвященную религиозным сюжетам живопись.

Ярким примером может служить картина художника Н. Н. Ге «Тайная вечеря».

В 50-х годах Ге был учеником петербургской Академии художеств. В 1858 г. он отправился академическим пенсионером в Италию. Оттуда привез он в Петербург свою «Тайную вечерю» на академическую выставку 1863 г. Картина произвела огромное впечатление на передовые общественные круги столицы. Демократический еженедельник «Искра», подвергал довольно безжалостной критике выставку 1863 г. в целом, делал исключение для «Тайной вечеря», предсказывая ей «в деле разумного развития нашего искусства» громадное значение. В картине Ге полу-

¹ В. Г. Перов. Текст А. А. Федорова-Давыдова. Приложения... Изогиз, 1934, стр. 95.

² В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, отд. 2, стб. 55—64.

³ (И. И. Панаев). Петербургская жизнь. Заметки нового поэта. Современник, 1861, № 9, Современное обозрение, стр. 82.

лярный демократический орган видел залог того, что искусство способно, «сбросив подкуриванья и расшаркиванья», стать на прямую и честную дорогу и сделаться «благом народа, потребностью народа». ¹ В «Современнике» картину горячо приветствовал Салтыков-Щедрин, указывавший, что Ге писал картину «не для знатоков-педантов», а для «толпы», отмечавший в картине художественную правду, совершенное отсутствие рутинных приемов, приторно-казенных эффектов и совершенно ясное отношение художника к изображаемому миру. ²

Ге воспитывался на идеях Белинского и Герцена; последнего он называл самым дорогим и любимым своим писателем. Являясь сторонником идейного, служащего человечеству искусства, он, по словам Репина, был энтузиаст, «веспособный трех мазков сделать для чистого искусства». Впоследствии, уже будучи последователем учения Льва Толстого, Ге оставался верен своему взгляду на высокое общественное назначение искусства.

В конце 60-х годов Ге возвратился из Италии в Петербург, где он затем прожил все 70-е годы, занимая видное место в среде художественной и литературной интеллигенции столицы. Репин вспоминает «четвергив у Ге (на Васильевском Острове, 7-я линия). «На этих вечерах по четвергам, — по словам Репина, — собирались у Ге самые выдающиеся наши деятели по литературе: Тургенев, Некрасов, Салтыков, Костомаров, Пынин, Потехин; молодые художники Крамской, Антокольский; певец Коцдратьев и многие другие интересные личности; но интереснее всех обыкновенно бывал сам хозяин. Красноречиво, блестяще, с полным убеждением говорил Николай Николаевич, и нельзя было не увлекаться им». ³

В петербургской мастерской Ге находился портрет Герцена, написанный художником во время пребывания Герцена во Флоренции зимой 1866/67 г. и «контрабандно» ввезенный в Россию. Портрет Герцена, по сообщению Стасова, все литераторы, все выдающиеся люди «по секрету» видели у Ге в Петербурге. ⁴

1863 год — год появления на петербургской выставке «Тайной вечера» Ге — был, как известно, высоко знаменательным в развитии русского искусства в связи с историческим протестом 14 художников-выпускников против академических порядков и выходом их из Академии художеств.

Во главе 14 протестантов (Алексей Кораукин, Александр Морозов, Фирс Журавлев, Константин Маковский, Александр Литовченко, Карл Лемох и др.) стоял И. Н. Крамской. Протест вылился в форму требования всех 14 конкурентов

¹ Искра, 1863, № 38, стр. 529—530. Автором статьи был демократический писатель-сатирик и критик 60-х годов И. Н. Дмитриев (см.: Е. К о в т у н. Забытый критик-шестидесятник. Искусство, 1955, № 6, стр. 66).

² Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в), Полное собрание сочинений, т. VI, 1941, стр. 168 и сл.

³ И. Е. Р е п и н, ук. соч., стр. 314—315.

⁴ В. С т а с о в. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904, стр. 220, 240.

на большую золотую медаль предоставить им свободный выбор сюжетов для предстоящего конкурса и в отказе их от участия в конкурсе после того, как Совет Академии художеств отклонил это требование молодых художников, настаивая на выполнении обязательной программы.

Протест 14-ти был в известной мере подготовлен неоднократными критическими выступлениями прогрессивной печати по вопросу о порядке проведения академических конкурсов, в частности выступлениями на эту тему В. В. Стасова. Непосредственно перед академическим конкурсом 1863 г. и «бунтом» 14-ти «Искра» Курочкина опубликовала выше уже цитированную статью («Расшаркивающееся искусство»), в которой протестовала против задаваемых в Академии обязательных программ и решительно отстаивала свободу художников.¹

Конференц-секретарь Академии художеств Ф. Ф. Львов в своих воспоминаниях выдвигает версию о большой роли Николая Ге в протесте: Ге «любил молодежь и был ею любим до обожания. Проповедуя о свободе творчества, он был первою причиною протеста программистов против конкурса».²

Разумеется, в конечном счете выступление 14-ти во главе с Крамским было особо ярким отражением в сфере изобразительного искусства всего общественно-культурного движения эпохи, проявлением общего духа критики, направленной против отживших, устаревших форм общественной и культурной жизни, проявлением борьбы за национальную и демократическую культуру.

Выход группы протестантов из Академии художеств состоялся 9 ноября 1863 г. Министр императорского двора, в ведении которого находилась Академия художеств, сообщая начальнику III отделения и петербургскому генерал-губернатору о том, что ряд учеников Академии художеств «по взаимному между собою соглашению отказались участвовать в конкурсе» и намерены «составить особое общество, под видом занятия художествами, независимо от Академии, в противодействие начальству оной», передавал «повеление» Александра II о негласном наблюдении «за действиями сих молодых людей и направлением составленного ими общества».³

Подозрительное в глазах царских властей «общество» вышедших из Академии молодых художников — это была основанная ими по инициативе и под руководством И. Н. Крамского «С.-Петербургская артель художников» — художественная ассоциация, которая очень подходила к общей идейной атмосфере эпохи, когда только что прозвучали призывы Чернышевского в «Что делать?».

Официальный устав артели, утвержденный лишь в 1865 г., усматривал ее цель в том, чтобы, во-первых, «соединенными трудами упрочить и обеспечить свое материальное положение и дать возможность сбывать свои произведения публике» и, во-вторых, «открыть прием художественных заказов по всем отраслям искусства».⁴

¹ Искра, 1863, №№ 37 и 38.

² Русская старина, 1880, № 10, стр. 412—413.

³ С. Г о л ь д ш т е й н. Крамской и Артель. Искусство, 1937, № 4, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 78—79.

Но задачи артели, ставившиеся ей Крамским и разделявшиеся наиболее передовыми из артельщиков, были несомненно гораздо шире. Она должна была служить идейно-творческим центром молодых художников, объединенных общностью общественно-эстетических позиций, борющихся против академизма, за близкое народу, насыщенное идейным, общественно значимым содержанием искусство.

Артель была своего рода художественным клубом. В общей квартире-мастерской С.-Петербургской артели художников, помещавшейся на 17-й линии Васильевского Острова (д. 4), потом (с 1866 г.) на углу Адмиралтейской площади и Вознесенского проспекта, происходили беседы и вечера, с участием в известные дни и гостей, приходивших по рекомендации членов-артельщиков. И. Е. Репин, который, будучи учеником Академии художеств,

*И. И. Крамской. Рисунок из альбома
А. И. Куинджи.
Государственная Русская галерея.*

часто посещал артель, вспоминает «четверги» в артели, собиравшие до сорокати пяти человек. «Через всю залу ставился огромный стол, уставленный... всякими художественными принадлежностями. Желающий выбирал себе по вкусу материал и работал, что в голову приходило... Иногда тут же вслух прочитывали серьезные статьи о выставках или об искусстве». Репин называет некоторые из произведений, в разное время читавшихся в артели художников, и среди них «Эстетические отношения» Чернышевского, статьи Писарева, Шелгунова, Антоновича, произведения Оуэна, Бокля, Бюхнера.¹

«В 17-й линии Васильевского острова, в большой, очень скромно обставленной квартире, уже народилась новая русская деятельная Академия, — говорил впоследствии Репин, — и она, а не казенная старушка, вела тогда русское искусство. О себе Репин заявляет: «Совершенно естественно, что Академия художеств помо-

¹ И. Е. Репин, ун. соч., стр. 178, 180.

гала мне только стенами, натурой; а душою я всецело питался от горевшего ирким факелом И. Н. Крамского».¹

В своих воспоминаниях об этом выдающемся художнике — мыслителе и грациозном Репин передает отчасти содержание бесед, которые Крамской с ним вел. И. Н. Крамской разъяснил, что художник является критиком общественных явлений. В его картинах отражаются его мирозерцание, его симпатии и антипатии; если картина художника не освещается идеей, художник ничтожен, его произведение проходит бесследно для общества.² На идейности, содержательности искусства, тесной связи его с общественными интересами и запросами Крамской настаивал не только в устной проповеди, но и в своих статьях, в своей богатой переписке с деятелями искусства, имевшей для многих из них значение глубокого поучения.

«...искусство, как и наука, каждое своим путем, служат разъяснению истины, добра и красоты», — писал Крамской в записке по поводу пересмотра устава Академии художеств в 1865 г. Уклоняющееся от разрешения этой задачи искусство «вредно, не нужно, пустая забава пустых людей и паразитов, и содействовать уничтожению такого направления в искусстве — есть прямая обязанность всякого честного человека». Крамской ратовал за создание таких условий для художников, при которых они «неприменно станут в ближайшее сношение с окружающею их жизнью; значение явлений этой жизни будет им понятнее, и, стало быть, в творениях своих они действительно выскажут взгляды и идеи, для всех интересные и живые, сделаются людьми нужными и полезными».³ Много позднее, возвращаясь к тем же вопросам, Крамской подчеркивал, что «только чувство общности дает силу художнику и удешевляет его силы... только уверенность, что труд художника и нужен и дорог обществу, помогает созреть экзотическим растениям, называемым картинами».⁴

Для выполнения своих серьезных и насущно важных для общества обязанностей художник, как учил Крамской, должен обладать большими знаниями и высоким развитием. «Он обязан не только *знать*, на какой точке стоит теперь развитие, но и *иметь* мнения по всем вопросам, волнующим лучших представителей общества, мнения, идущие дальше и глубже тех, что господствуют в данный момент, да, вдобавок, иметь определенные симпатии и антипатии к разным категориям жизненных явлений».⁵ Во взглядах Крамского видное место отводилось положению о национальном характере искусства. В тех устных беседах, содержание которых передает Репин, Крамской говорил «о создании своей русской школы, национального искусства». Обличая Академию художеств, он обвинял ее и в том, что она — «раба

¹ Труды Всероссийского Съезда художников, т. III, стр. 90.

² И. Е. Репин, ук. соч., стр. 169.

³ Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. СПб., 1888, стр. 742, 749.

⁴ И. Н. Крамской. Письма, т. II. Изогиз, 1937, стр. 292.

⁵ Там же, стр. 73.

Группа судебных-предводителей. Фотография. 80-е гг. XIX в.

западного искусства». «Задача русских художников — освободиться от этого рабства». ¹ В переписке с Репиным Крамской доказывал, что искусство «только тогда сильно, когда национальное». «Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, это общечеловеческое, пробивается в искусстве только сквозь национальную форму». ² Крамской вместе со Стасовым пропагандировал прогрессивное направление русского искусства, близко роднящее его с русской литературой. «Русская живопись, — писал Крамской, — так же существенно отличается от европейской, как и литература. Точка зрения наших художников, все равно литераторов или живописцев, на мир — тенденциозная по преимуществу... Все наши большие писатели тенденциозны, и все художники тоже». ³ Под тенденциозностью Крамской, как и Стасов, понимал идейную насыщенность произведений искусства, борьбу художников и писателей против темных сил, против общественных условий, угнетающих народ и человеческую личность, защиту прогрессивных идеалов и стремлений.

Воспоминания современников, сохранявшаяся переписка позволяют представить себе ту идейную атмосферу, которая царилла на собраниях передовых представителей художественной интеллигенции, происходивших под руководством Крамского в С.-Петербургской артели художников.

Надо заметить, что вечера, устраиваемые артелью художников, не являлись для Петербурга совершенной новостью. Еще в 1857 г. возникли «пятницы» («пятничные рисовальные вечера») художников, группировавшихся около Академии художеств. Они происходили сначала поочередно в квартирах участников, потом в помещении рисовальной школы Общества поощрения художников в здании Биржи, наконец — в залах самой Академии художеств. Здесь, по словам одного из инициаторов «пятниц» Ф. Ф. Львова, рисовали, играли на фортепиано, вели разговоры, декламировали. ⁴ Одно время, как вспоминает участник «пятниц» на Бирже и в Академии художеств художник К. Трутовский, «пятницы» «стали известны всему Петербургу», «число посетителей пятниц все увеличивалось, и надо было установить много столов, на которых рисовали художники». ⁵ Но по своему внутреннему содержанию и по своему значению «четверги» С.-Петербургской артели художников весьма отличались от только что упомянутых «пятниц», прекратившихся в 1862 г. в результате разногласий, вызванных стремлением части посетителей придать «пятницам» более широкий общественный характер. Несмотря на то, что «пятницы» происходили в пору общественного подъема, когда Академии художеств приходилось идти даже на некоторые уступки новым художественным

¹ И. Е. Репин, ук. соч., стр. 170.

² И. Н. Крамской. Письма, т. I. Изгиз, 1937, стр. 334 (или: Переписка И. Н. Крамского. 2. Переписка с художниками. М., 1954, стр. 341).

³ И. Н. Крамской. Письма, т. II, стр. 332.

⁴ Художник (Ф. Ф. Львов), ук. соч., стр. 394—395. Ср.: Современник, 1861, № 3. Современное обозрение, стр. 168—169.

⁵ К. Трутовский. «Пятницы» художников. Русское обозрение, 1893, № 4, стр. 837.

влениям, общий рутинный и цеховой дух тогдашней Академии, а также бдительная опека придворных сфер, командовавших над Академией, стесняли и связывали участников «пятницы», обеспечивали на последних руководящую роль за чиновничьи, консервативными элементами художественной среды. Собрания же артели художников были средоточием молодых и передовых художественных сил, слотившихся на почве общей борьбы против реакционных черт Академии и академического искусства.

При всем том и сама артель, однако, оказалась не вполне монолитной и к концу 60-х годов уже стала терять прежнее значение; чисто практические стороны ее деятельности в глазах некоторых членов заметно вытесняли идейные задачи. Крамской впоследствии высказывал мысль, что в артели «не все были люди идеи и убеждений», и считал, что «зенит» был пройден артелью на 5-й год, а потом несколько лет дело шло как бы «по инерции».¹ Инициатор и глава артели Крамской даже вышел из нее в конце 1870 г., недовольный тем, что артель не осудила поступка одного из членов, хлопотавшего перед Академией художеств об отправке его за границу на казенный счет.

В самом конце 60-х годов (ноябрь 1869 г.) группой московских художников (В. Г. Перов, А. К. Саврасов и др.) был поставлен перед С.-Петербургской артелью вопрос об организации Товарищества передвижных художественных выставок. Почин в этом выступлении москвичей принадлежал талантливому художнику-реалисту Г. Г. Мясоедову, бывшему ученику, а затем пенсионеру Академии художеств, незадолго перед тем возвратившемуся из-за границы в Москву. Крамской горячо подхватил в Петербурге эту идею, но артель в целом отнеслась к ней слишком холодно, поэтому дело сначала не пошло, но затем Мясоедов (переехавший в Петербург) нашел самую деятельную поддержку у обосновавшегося в столице, по возвращении из Италии, Н. Н. Ге. Кружок инициаторов нашел и других сочувствующих, были собраны подписи под составленным Мясоедовым уставом Товарищества, который формально был утвержден в ноябре 1870 г. В правление Товарищества вначале вошли Крамской, Ге и Мясоедов.

Передвижники (так в обществе и печати стали потом называть Товарищество передвижных художественных выставок) целиком выросли из передового идейно-общественного и художественного движения 60-х годов. Они значительно расширили и углубили то дело, знамя которого было поднято С.-Петербургской артелью художников в лучшую пору ее существования.

С Товариществом родилось замечательное идейно-творческое объединение, знаменовавшее собой большой и важный шаг вперед в развитии не только русского, но и всего мирового изобразительного искусства.

Об искусстве передвижников такой его видный представитель, как Г. Г. Мясоедов, говорил в отчете, прочитанном в 1888 г. на общем собрании Товарищества:

¹ И. Н. Крамской. Письма, т. II, стр. 231.

«Оно решилось говорить о том, что ему близко и хорошо известно, с чем рядом оно родилось и выросло; оно решилось быть правдивым или, как принято говорить, реальным, не допускать подделок и подражаний». ¹ Это значит, что искусство передвижников было глубоко национальным, реалистическим, тесно связанным с насущными интересами русской жизни. Передвижники были кровно заинтересованы в судьбах русского народа и стремились правдиво, широко и разносторонне отразить его жизнь и запросы, пробудить любовь к народу и участвовать в его борьбе за лучшее будущее. Современный бытовой и социальный жанр был ведущей отраслью в демократическом творчестве передвижников, в котором вместе с тем почетное место занимали реалистические портрет, пейзаж и историческая картина из отечественного прошлого.

Первая выставка передвижников была открыта в Петербурге, в помещении Академии художеств, в конце ноября 1871 г. На ней были представлены произведения 10 членов Товарищества и пяти экспонентов (близкие к передвижникам художники, картины которых принимались к экспозиции на выставках; это был резерв Товарищества, за счет которого шло его пополнение). Среди этих 15 художников было восемь петербуржцев и семь москвичей. К петербуржцам принадлежали Крамской, Ге, И. И. Шишкин, М. К. и М. П. Клодты, В. М. Максимов (на первый раз еще экспонент) и др.

Первая передвижная выставка, с прославленными с этих пор картинами Ге («Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе»), Перова («Охотники на привале» и «Птицелов»), Крамского («Русалки»), Припишикова («Порожняки»), Саврасова («Грачи прилетели») и т. д., была встречена прогрессивными кругами столицы в высшей степени сочувственно. «Петербург говорит весь об этом. Это самая крупная городская новость», — сообщал Крамской художнику Ф. Васильеву. ²

В «Отечественных записках» образование Товарищества и его первую выставку радостно приветствовал Салтыков-Щедрин. Назвав основание Товарищества «замечательным для русского искусства явлением», благодаря которому искусство становится доступным, «перестает отличать званых от незваных», Салтыков отмечал, что Товарищество преследует идею трезвости, простоты и естественности в искусстве. ³

Почти из года в год (начиная с 3-й выставки — всегда в начале каждого года, обычно в феврале или марте) открывались в дальнейшем в Петербурге выставки передвижников. Из Петербурга они перенравлялись в Москву, а оттуда в ряд про-

¹ Иллюстрированный каталог XVI передвижной художественной выставки. Составил художник А. К. Беттлов. СПб., 1888, стр. III.

² И. И. Крамской. Письма, т. I, стр. 89 (или: Переписка И. И. Крамского, 2, стр. 13).

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. VIII, 1937, стр. 271—280.

*И. Е. Репин. Автопортрет. 1887 г.
Государственный Третьяковский галерея.*

вициальных центров (Киев, Одесса, Харьков и т. д.). В. В. Стасов пишет (имея в виду передвижников): «У этих художников нового склада и настроения было два главных центра: петербургский и московский, причем к московскому довольно близко примыкали еще два других, менее значительных центра: киевский и одесский... Петербург и Москва служили, собственно, собирательными пунктами, где стояли боевые знамена. Но собирались под эти знамена не одни только петербургские и московские художественные уроженцы. Тут присутствовала вся художественная Россия, вся даровитая молодежь, посвятившая себя искусству и шедшая из провинции в Петербург и Москву, словно из темных и длинных коридоров к светящейся впереди, где-то далеко, яркой точке». ¹ В рамках общего передвижнического коллектива осуществлялось плодотворное влияние передовых русских художников-демократов на творчество художников братских народов России — украинского, белорусского, грузинского, армянского и других, поддерживались тесные связи и сотрудничество между русскими, украинскими, закавказскими, прибалтийскими художниками.

За первые 15 лет существования Товарищества передвижников на его выставках в Петербурге побывало 239 тыс. посетителей, за последующие 10 лет — 185 тыс. ² По отдельным годам цифры заметно колебались: например, на 1-й (1871) и 3-й (1874) выставках было приблизительно по 11 тыс. посетителей, на 6-й (1878) — 8,7 тыс., на 7-й (1879) — 27 тыс., на 10-й (1882) — 12 тыс., на 13-й (1885) — 44,6 тыс., на 15-й (1887) — 28,6 тыс., на 18-й (1890) — 15 330 и т. д. ³

Выставки передвижников, особенно на протяжении первых двух десятилетий деятельности Товарищества, составляли всегда очень крупное событие в культурно-общественной жизни Петербурга. «Особенными симпатиями петербуржцев пользуется так называемая „передвижная выставка“. К ней относятся с большим интересом, чем ко всем другим», — отмечает влиятельный петербургский журнал 80-х годов. ⁴

До 1875 г. передвижные выставки использовали здание Академии художеств, затем (после того как Академия художеств перестала отдавать свои залы под выставки передвижников) они устраивались наиболее часто в конференц-зале Академии наук, а также в Обществе поощрения художников — на Большой Морской улице (ныне улица Герцена), дом 38. Выставки передвижников происходили в разные годы и в других помещениях — на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского), в доме Боткиной, и т. д. «Судьбе угодно, — говорил Миссоедов в отчете

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. IV, 1906, стр. 219.

² Альбом 25-летия Товарищества передвижных художественных выставок. М., 1897, стр. 11.

³ Иллюстрированный каталог XVI передвижной художественной выставки, таблица отчетов Товарищества за 15 лет.

⁴ И. Г. Раппельский. Заметки об искусстве. Северный вестник, 1886, № 3, стр. 225.

за 25-летие передвижников, — чтобы мы не изменяли данной нам клички передвижников и не имели нигде постоянного приюта для наших выставок.¹

С годами Товарищество передвижников расширялось. На 3-й выставке было уже представлено 16 членов и 10 экспонентов, на 7-й участвовало одних членов 20, на 12-й были произведения 25 членов и 20 экспонентов. К своему 25-летию, в середине 90-х годов, Товарищество состояло из 42 членов и неопределенного, меняющегося числа экспонентов.

Из присоединившихся в течение первого десятилетия существования Товарищества отметим (в порядке вступления) В. Маковского, К. Савицкого, П. Брюллова, А. Куинджи, А. Киселева, Н. Ярошенко, В. Васнецова, А. Литовченко, К. Лемоха, И. Репина, В. Поленова, Е. Волкова. На рубеже следующего десятилетия вступили В. Суриков, Н. Неврев, позднее — Н. Дубовской, А. Васнецов, А. Архипов, И. Левитан, И. Остроухов, В. Серов и др.

В среде петербургских художников с первых дней существования передвижников, как отмечено, выделялся своей ролью в объединении Крамской.

И. Н. Крамской, ранее являвшийся идейным руководителем С.-Петербургской артели художников, был и среди передвижников выдающимся идеологом-теоретиком, умевшим лучше и глубже других намечать и формулировать задачи русского передового искусства (конечно, наряду со Стасовым, неизменно вдохновлявшим и защищавшим дело передвижников в своих многочисленных статьях, письмах, а также в личном общении с художниками).

Именно на время Товарищества передвижных выставок падает расцвет творчества самого Крамского как художника.

Полнее и ярче всего Крамской проявил себя в портретной живописи. «Большинство портретов Крамского — не портреты, но живые люди», — отмечал петербургский художественный журнал в связи с посмертной выставкой произведений Крамского.² Крамской был портретистом-психологом, умевшим глубоко постигнуть внутренний мир человека.

И. Н. Крамской увековечил на своих полотнах образы больших деятелей русской культуры его времени. Широко известны созданные Крамским портреты Льва Толстого (1873), Гончарова (1874), Григоровича (1876), Некрасова (1877), Салтыкова-Щедрина (1879), артиста Александринского театра Самойлова, композитора и пианиста Антона Рубинштейна. Крамской создал целую портретную галерею своих современников-художников, главным образом передвижников. К лучшим из них принадлежат портреты пейзажистов Ф. Васильева, И. Шишкина, А. Куинджи, исторического живописца А. Литовченко. Исключительный интерес представляет серия крестьянских образов, созданная Крамским («Полесовщик», «Крестьянин с уздечкой» и др.).

¹ Альбом 25-летия Товарищества..., стр. 12.

² Художественные новости, 1888, № 1, стб. 7.

На 2-й передвижной выставке, в 1872 г. Крамской выступил со своей известной картиной «Христос в пустыне», в которой он стремился выразить момент перехода, поисков путей, раздумья в жизни личности. В начале 80-х годов Крамским были созданы такие шедевры, как «Неизвестная», «Неутешное горе». Последняя картина, появившись на передвижной выставке 1884 г., произвела на зрителей потрясающее впечатление замечательной силой выражения, проникновенным чувством.

Почти все произведения Крамского писаны в самом Петербурге или под городом — на станции Сиверская, где он обычно проводил лето и имел (в 80-х гг.) свою дачу.

Мастерская И. П. Крамского находилась на Васильевском Острове, в Биржевом переулке, у набережной Малой Невы.

Здесь и умер Крамской, за работой над портретом известного петербургского врача К. А. Раухфуса, 25 марта 1887 г.

Посмертная выставка Крамского (и первая вообще его персональная выставка) происходила в залах Академии художеств с конца ноября 1887 г. по январь 1888 г. Ее посетили десять тысяч петербуржцев. Столь близкий к Крамскому Репин посвятил ему замечательный очерк — «Памяти учителя», опубликованный «Русской стариной» через год после смерти художника. Напоминая о великой заслуге И. П. Крамского, который с гигантской энергией создал «одну за другой две художественные ассоциации», опрокинул отжившие авторитеты и заставил «уважать и признавать национальное русское творчество», Репин справедливо характеризовал Крамского как художника-гражданина.¹

Самому Репину принадлежит центральное место в русском реалистическом художественном движении второй половины XIX в. Генеральный художник, один из величайших деятелей русской национальной культуры, Репин вышел из народа. В Петербурге он появился в конце 1863 г. В следующем году Репину удалось поступить в Академию художеств. Обучаясь в ней, Репин, как отмечено, был одновременно тесно связан с Крамским и группировавшимся около него кругом художников. Внутри Академии молодой Репин поддерживал тесное общение с лучшими из своих сверстников и был деятельным участником кружка передовых слушателей.

Первые крупные работы Репина («Иов и его друзья», 1869, и «Воскрешение дочери Наира», 1871) обратили на него большое внимание и доставили ему высокие академические награды, вместе с правом на шестилетнюю заграничную поездку в качестве пенсионера Академии художеств. Еще до отъезда Репин создал, в течение трех лет (1870—1873), свою знаменитую картину «Бурлаки на Волге», которую сразу стяжал себе огромную славу в прогрессивных кругах России² (картина по-

¹ И. Е. Репин, ук. соч., стр. 192.

² Исследователь Д. Сарабянов (в кн.: Народно-освободительная идея русской живописи второй половины XIX века. М., 1955, стр. 120) не без основания называет «Бурлаков» «центральным произведением русской живописи 70-х годов».

явилась в начале 1873 г. на академической выставке в Петербурге). «Важнее и глубже задачи никто еще из русских живописцев не брал, — писал потом Стасов. — Скотоподобное порабощение простолюдина, низведение крестьянина на степень рабочей лошади, тянущей дымку бичеви, и это в продолжение долгих столетий — вот мысль картины». ¹ Вместе с пламенным протестом против порабощения русской трудящейся массы Репин своей картиной выразил и глубокую веру в могучую силу и стойкость народа, в его способность к борьбе за свои права, в его грядущее освобождение. В книге, посвященной прошлому Ленинграда, следует отметить и то обстоятельство, что первая мысль о картине «Бурлаки» зародилась у Репина в Петербурге в 1868 г., когда его потрясло зрелище бурлаков на Неве. ²

За границей Репин пробыл всего три года. «Мне страшно как хочется в Россию, чтобы изучать наше и работать по-своему, на родной почве; разрабатывать нашу особенность вкусов, образов и понятий — ведь почти исчерпанное дело, — писал художник из Франции Стасову». ³

В 1874 г. Репин как экспонент впервые появился на передвижной выставке (третьей по счету) с четырьмя произведениями, в том числе с портретом В. Стасова. Пенсововерство мешало ему формально стать членом Товарищества передвижных выставок. В начале 1878 г. Репин смог вступить в эту передовую художническую организацию, с которой он духовно уже давно был связан: «Шестилетний срок академической опеки кончен, цепи ее спали сами собой, и я исполнил, наконец, что давно хотел, — писал Репин». ⁴

По возвращении в Россию (1876) Репин жил год в родном городе Чугуеве, на Украине, потом несколько лет в Москве. В московский период были написаны и демонстрировались на очередных передвижных выставках картины «Протодьякон», «Царевна Софья Алексеевна», «Вечерница», портреты современных Репину русских деятелей: Писемского, Пирогова, Антона Рубинштейна, Ге, Стрелетовой и др. К тому же времени относится знаменитый репинский портрет Мусоргского, написанный в проезд Репина в Петербург в марте 1881 г. (незадолго перед смертью великого русского композитора) в Николаевском военном госпитале.

В 1882 г. И. Е. Репин переехал в Петербург. С этого момента начинается второй (первый относится к 1863—1873 гг.) петербургский период жизни художника; до 1900 г. Репин жил в самой столице, потом он переехал в Куоккала, по Финляндской ж. д. (ныне Репино — в Курортном районе Ленинграда).

В 80-х и начале 90-х годов И. Е. Репин находился в полном расцвете своих творческих сил. В это время он создал произведения, появление которых каждый раз воспринималось как выдающееся событие и художественной и общественной жизни. Творчество художника направлялось идеями передовой русской демо-

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. 1, отд. 1, стр. 547.

² И. Е. Репин, ук. соч., стр. 223—224.

³ И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, т. 1, стр. 92.

⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1949, стр. 27.

Новгород в перспективе. Рисунки И. Е. Реймана. 1887 г.
Государственный Русский музей.

кратия, которые он воспринял и с которыми сжился еще в 60-е годы — идеями Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Недаром, в 1883 г., Репин писал: «...я человек 60-х годов... Я стремлюсь олицетворить мои идеи в правде; окружающая жизнь меня слишком волнует, не дает покоя, сама просится на холст; действительность слишком возмутительна, чтобы со спокойной совестью вышивать узоры — предоставим это благовоспитанным барышням».¹

В ряде замечательных картин Репин непосредственно отразил движение революционной интеллигенции 70—80-х гг. против самодержавия. В середине 80-х годов был написан Репиным «Отказ от исповеди», прославивший несокрушимую стойкость, непримиримость и негибкость лучших борцов за народ. В 1880—1889 гг. он работал над картиной «Арест пропагандиста». В 1884 г., на 12-й передвижной выставке русское общество было положительно ошеломлено картиной Репина «Не ждали» (неожиданное возвращение ссыльного в семью). «Кроме слов „Не ждали“, у картины не было никаких пояснений, а все поняли сразу и одни обрадовались, другие возненавидели!», — писал Стасов. По поводу всех трех названных сейчас картин Стасов заявлял Репину: «Вот это — история, вот это — современность, вот это — настоящее нынешнее искусство».²

За год до «Не ждали», в начале 1883 г., Петербург на 11-й передвижной выставке увидел одну из лучших картин русской школы живописи — репинский «Крестный ход в Курской губернии», ярко и беспристрастно вскрывающий социальные противоречия пореформенной русской деревни, представляющий целую галерею народных типов.

В 1885 г. на 13-й передвижной выставке была выставлена репинская картина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.» — произведение несравненной психологической глубины и выразительности и яркого общественного звучания, воспринятое как обличение самодержавия. Выставка, как отмечала пресса, отождествилась с картиной Репина; последняя поглотила все внимание, возбудила, по свидетельству очевидцев, толки и ожесточенные споры не только среди людей, всегда интересующихся искусством, но и среди той части столичного населения, которая обычно чужда была волнений, вызываемых выставками. Именно с этим связан тот факт, что 13-я передвижная выставка дала в Петербурге самую высокую из всех цифру посетителей. В письме из столицы Всеволод Гаршин заявлял в феврале 1885 г.: «Такой картины у нас еще не было, ни у Репина, ни у кого другого — и я желал бы осмотреть все европейские галереи для того только, чтобы сказать то же и про Европу».³ Один из вдохновителей реакции 80-х годов Победо-

¹ И. Е. Репин. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952, стр. 53.

² И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II, стр. 147.

³ В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений, т. III, 1934, стр. 353. В период работы над «Иваном Грозным» Репин состоял в самом близком дружеском общении с Гаршиным, личность и убеждения которого могли оказать влияние на замысел художника (см.: О. А. Ляскова-Илья Ефимович Репин. М., 1953, стр. 130).

*В конке. Рисунок И. Е. Репина. 1889 г.
Государственный Русский музей.*

носцев представил на картину Репина жалобу-довос Александру III, который приказал, чтобы она после закрытия в Петербурге передвижной выставки «ни в Москве и нигде более и ни под каким предлогом не была выставлена».¹

В 80-х и на рубеже 80-х и 90-х годов И. Е. Репин работал в Петербурге над картиной «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» — также одной из лучших, самых красочных картин русской национальной реалистической школы живописи, прославляющей свободулюбие и могучую силу народа, его непоколебимую волю к борьбе за свою независимость (первые эскизы картины восходят к концу 70-х годов). К 80-м и 90-м годам относится также ряд выдающихся репинских портретов, закрепивших за ним славу одного из величайших русских и мировых художников-портретистов, гениального мастера психологической характеристики (портреты Крамского, Гаришина, Сеченова, Бородин, Глазунова, Римского-Корсакова, музыкально-общественного деятеля Белиева, серии портретов Льва Толстого

¹ Советское искусство, 1939, № 30. Картину приобрел П. М. Третьяков, но не сразу ее разрешили выставить и в его галерее.

и Стасова и т. д.). Особое место занимают выдающиеся крестьянские портреты И. Е. Репина.¹ Некоторые из репинских портретов выставлялись на очередных передвижных выставках, другие впервые появились на персональной выставке Репина в залах Академии художеств, открытой в ноябре 1891 г., где также была впервые выставлена и картина «Запорожцы».

Персональная выставка И. Е. Репина была приурочена к 20-летию его деятельности. Репин сообщал о ней Стасову: «Много студенчества, курсисток и даже ремесленников (очевидно, рабочих, — *Ред.*) толпится в двух залах и рассыпаются по широкой лестнице. „Арестант в деревне“ (Репин так называет картину «Арест пропагандиста», — *Ред.*) стоит, и от этой картины, по выражению моего надсмотрщика Василия, „отбою нет“».²

В начале 90-х годов, когда шла подготовка к реформированию Академии художеств, И. Е. Репин принял в этом близкое участие и затем вошел в обновленную Академию ее действительным членом и руководителем одной из мастерских в Высшем художественном училище при Академии. Защищая свои действия в спорах со Стасовым, который осуждал вступление в Академию Репина и ряда передвижников, Репин писал ему: «Где же учиться прикажете русской молодежи художников, которые теперь как грибы растут по всей России и все, как к светочу мотыльки ночью, ползут и летят к Академии?».³

Но разногласия со Стасовым не ограничивались отношением к реформировавшейся Академии художеств. Репин в те годы стал частично отходить от принципов демократической эстетики, временно начал склоняться на сторону идеалистической и антидемократической теории «искусства для искусства». На этой почве со Стасовым, как хранителем эстетических заветов 60-х годов, у Репина произошла размолвка, продолжавшаяся до конца 90-х годов, когда решительные и непримиримые выступления Репина против декадентов привели к восстановлению дружбы двух выдающихся деятелей русской демократической культуры.

В свои ученические годы Репин жил на Васильевском Острове. После окончательного переезда в Петербург в 1882 г. он поселился на Калининской площади (д. 3/5) (ныне пл. Репина). Репин жил во втором этаже, мастерской ему служила большая комната в той же квартире, потом была выстроена специальная мастерская над четвертым этажом, и Репин перебрался туда.⁴ В дневнике близкого знакомого Репина А. В. Жиркевича под 1888 г. сохранилось описание мастерской

¹ Крамской недаром еще в 70-х годах заявлял: «Я знаю многих художников, изображающих мужичков, и хорошо даже, но ни один из них не мог никогда сделать даже приблизительно так, как Репин... Только у Репина он (мужик, — *Ред.*) такой же могучий и солидный, как он есть на самом деле» (И. Н. Крамской, Письма, т. II, стр. 74). Ряд интересных наблюдений, касающихся вообще крестьянских образов в портретной и в жанровой живописи передвижников (в том числе петербургских), см. в названной книге Д. Сарабьянова.

² И. Е. Репин и В. И. Стасов. Переписка, т. II, стр. 164.

³ Там же, стр. 208, 209.

⁴ С. Эрст. Илья Ефимович Репин. Л., 1927, стр. 51.

*Бурлаки. Картина маслом работы И. Е. Репина. 1873 г.
Государственный Русский музей.*

художника. «Всюду множество рисунков, картин, драшировок, подмостков, где рыцарские доспехи, кисти, ковры, изящная мебель. Самая мастерская — огромная комната, состоящая из двух отделений, очень высокая, с стеклянным потолком и огромными окнами».¹

Репинская квартира у Калинкина моста была местом, где собирались художники, артисты, литераторы столицы. Чаще других бывали Менделеевы (великий химик Д. И. Менделеев был тесно связан с художественным миром), Гаршины, Крамские, Ярошенко, Савицкий, Шишкин и др.² Жена Менделеева вспоминает о жизни Репиных: «Начиная с хозяев, все там было своеобразно. Не было ничего условного в их образе жизни. Дни приемов у них менялись, и гости были непостоянные, очень часто там можно было кого-нибудь встретить в первый и последний раз... Времяпровождение гостей на репинских вечерах было самое разнообразное. Иногда Илья Ефимович устраивал рисование... А иногда... вдруг придумывал ставить живую картину». Бывали и костюмированные вечера. На собраниях художников, как у Репина, так и у Менделеевых («среды»), у передвижников К. В. Лемоха, Н. А. Ярошенко, велись беседы не только об искусстве, но и об общественных вопросах.³

Со вступлением в Академию художеств Репин поселился, в 1895 г., в здании Академии, на 4-й линии Васильевского Острова. Здесь, по словам биографа Репина, продолжалась та же деятельная жизнь, «на парод», большие приемы. Эти годы, как и следующие за ними — жизнь Репина в Куоккала — принадлежат уже новому периоду русской общественной и художественной жизни.

На протяжении десятилетий великий художник, гигант русской и мировой живописи, глубокий реалист, демократ, правдиво и сочувственно отразивший большой период в освободительном движении, был одной из главных фигур культурно-общественной жизни Петербурга. «Уже при жизни, — справедливо отмечает советский художник А. М. Герасимов, — Репин пользовался огромной популярностью... Он создал образный и живописный язык, который был всегда доступен широчайшим массам народа... Репин умел думать и чувствовать, как думает и чувствует наш народ. Народная жизнь в самом широком смысле этого слова составляет содержание его искусства».⁴

В Петербурге, кроме Репина, Крамского и Ге, жили и творили многие другие видные передвижники. Ряд передвижников обучался в петербургской Академии художеств.

¹ Художественное наследство, т. II, М.—Л., 1949, стр. 124.

² С. Эрст, ук. соч., стр. 51.

³ А. И. Менделеева. Из давних воспоминаний. Художественное наследство, т. II, стр. 179—181.

⁴ И. Е. Репин. Сборник докладов и материалов. М., 1952, стр. 5. Материал для репинской библиографии в книге: Г. Бурова, О. Ганюкова, В. Румишцева. Товарищество передвижных художественных выставок. М., 1952, стр. 313—335.

Уже не раз называлось имя видного инициатора создания Товарищества — Григория Мясоедова. Он учился в Академии художеств до 1862 г. В первые десятилетия Товарищества передвижных выставок Мясоедов опять жил в Петербурге. Он получил известность как бытописатель русского пореформенного крестьянства, сумевший в своих картинах показать и бесправие деревни, и величие ее труда. Исключительную популярность получила картина Мясоедова «Земство обедает» (1872), дающая типичные образы крестьян, ярко показывающая подчиненное положение крестьянских представителей. Широко известны его картины «Засуха» (1878), «Дорога во ржи» (1881), «Страда» (1887), «Сентябрь» (1888). В середине 80-х годов Мясоедов написал интересную историческую картину «Самосожигатели», посвященную расколу.¹ Поздние годы жизни Г. Г. Мясоедова протекли в Полтаве, где он и умер в 1911 г.

Примерно в одно время с Мясоедовым учился в Академии художеств знаменитый русский пейзажист И. И. Шишкин, до Академии прошедший (в первой половине 50-х годов) курс Московского училища живописи и ваяния. Шишкин был близок к артели художников и в дальнейшем явился одним из основателей Товарищества передвижников. Имя Шишкина — одно из тех имен, с которыми особенно тесно связано утверждение реализма и национального характера в русской пейзажной живописи. Шишкин проявил себя замечательным мастером в изображении северного хвойного леса. Крамской оценивал Шишкина как «верстовой столб в развитии русского пейзажа» и указывал (в 80-х годах): «Шишкин остается единственным и до сих пор, как знаток и рисовальщик дерева вообще, и хвойного леса в особенности. Когда Шишкина не будет, тогда только поймут, что пресмыкающему ему не скоро смещется». ² Несмотря на особенности той отрасли живописи, которой себя посвятил И. И. Шишкин, русское общество всегда видело в нем художника «с идеей»; оно, по признанию Репина, чувствовало в его полотнах настроение гражданина.³ Картины Шишкина будили в зрителе любовь к родной земле, гордость за ее ширь и могущество, за «русское богатство».

И. И. Шишкин со времени своего переезда в Петербург, в середине 50-х годов, был неизменно связан со столицей.⁴ Он умер в Петербурге в 1898 г.⁵

В 1862 г. среди учеников Академии художеств появился молодой (17-летний) Константин Савицкий. Он сблизился со своим сверстником и товарищем по Акаде-

¹ В картине Мясоедова (начало 70-х годов) «Чтение манифеста 19 февраля» сказались ограниченность мировоззрения художника (тема трактована с позиций либеральных идеологов реформы 1861 г.).

² И. Н. Крамской. Письма, т. I, стр. 111 (или: Переписка И. Н. Крамского, 2, стр. 65); т. II, стр. 337—338.

³ И. Е. Репин. Далекое близкое, стр. 348.

⁴ В 80—90-х годах он жил на Васильевском Острове (на 5-й линии, дом № 30).

⁵ И. Пикuleв. Иван Иванович Шишкин. 1832—1898. М., 1955; П. М. Дульский. Иван Иванович Шишкин. Казань, 1955.

На работу. Картина маслом работы В. А. Савицкого, 1880—1885 гг.
Государственный Русский музей.

мии И. Е. Репным. В конце 60-х годов Савицкий и Репин, а также скульптор Антокольский, художники Семирадский и Павел Ковалевский жили вместе в Академическом переулке. Здесь в сентябре 1869 г. состоялась знаменательная встреча молодых художников со Стасовым, о которой сохранились воспоминания и Репина, и Стасова. Как отмечает Стасов, кроме Семирадского, все остальные были уже «искренние и ревностные реалисты».

Еще до выхода из Академии Савицкий был близок к группе передвижников, за что подвергался гонениям со стороны академического начальства. Одним из первых в русской живописи Савицкий обратился к изображению рабочих. Его картина «Ремонтные работы на железной дороге» имела значительный успех на 3-й передвижной выставке в Петербурге в 1874 г. Вступив в члены Товарищества, К. А. Савицкий занял среди передвижников (именно в их петербургском отряде) видное место талантом и глубокой демократической направленностью своего творчества. Вслед за «Ремонтными работами» Савицкий создал «Встречу икон» (1878) и «На войну» (1880—1888), занимающие почетное место среди произведений изобразительного искусства, посвященных крестьянской теме, ценные obligatory тенденцией, а также богатством и разнообразием народных типов. Яркий, мужественный народный образ представлен Савицким в «Крючнике» (1884).¹

В 90-х годах Савицкий покинул Петербург. Он работал в Москве, а потом стал организатором и руководителем одного из провинциальных художественных училищ (в Пензе).²

Близкий по общественно-художественным интересам к Савицкому Василий Максимов одновременно с ним и с Репным учился в Академии художеств (1863—1866 гг.). При выходе из Академии В. М. Максимов уклонился от участия в конкурсе, которое должно было дать ему право на заграничное путешествие. «Я против заграничной поездки, — объяснял Максимов, — потому что хочу изучить сначала Россию и бедную русскую деревню, которую у нас никто не знает, — никто не знает деревенской нужды и горя».³ Максимов главным образом и посвятил себя изучению и изображению русской крестьянской жизни, стяжав себе славу «художника-народника» (Максимов по происхождению сам был крестьянином).

В. М. Максимов принадлежал к петербургскому кругу художников-передвижников. Но, живя в Петербурге, Максимов для работы над своими картинами из деревенской жизни удалялся часто в деревню, где подолгу жил и трудился в самом тесном общении с крестьянством, интересам которого он был беззаветно предан и которому служил своей кистью. Максимов выставлялся на передвижных выстав-

¹ Д. С а р а б ъ я н о в. О творчестве К. А. Савицкого. (К 50-летию со дня смерти художника). Искусство, 1955, № 3, стр. 47—53.

² В конце 90-х годов Савицкий создал свою известную картину «Спор на меже».

³ А. А л т а е в. Художник-народник. Голос минувшего, 1914, № 6, стр. 41—42 (ср. со очерком о Максимове в книге: А. А л т а е в. Памятные встречи. М., 1955).

нах с момента их возникновения; он обратил на себя большое внимание картинами 1875—1876 гг. — «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» и «Семейный раздел». «Бедный ужин» и «Больной муж» Максимова появились в конце 70-х и начале 80-х годов. Не связана столь прямо с крестьянской тематикой широко популярная картина В. М. Максимова «Все в прошлом», появившаяся в 1889 г. на 17-й передвижной выставке.

С конца 90-х годов уже упавший силами художник жил в населенном беднотой доме на Петербургской стороне, на углу Олопецкой и Белозерской улиц. Он умер в Петербурге в 1911 г. и похоронен в родной деревне. «Умер народный художник, типичный передвижник в благороднейшем смысле этого слова», — писал И. Е. Репин по поводу смерти В. М. Максимова.¹

Курс Академии художеств одновременно с Репиным, Савицким, Максимовым проходил также будущий выдающийся художник-передвижник В. Д. Поленов, крупнейший пейзажист, певец русской природы, автор столь известных произведений, как «Московский дворик», «Бабушкин сад» и др. Широкая и вполне самобытная творческая деятельность Василия Поленова приходится преимущественно на период его московской жизни (со второй половины 70-х годов), на петербургские же годы (1862—1872) падает главным образом его художественная и общеобразовательная подготовка: Поленов окончил как Академию художеств, так и Петербургский университет; для него большое значение имели занятия у известного петербургского художника-педагога П. П. Чистякова и у И. Н. Крамского.

Другой из выдающихся московских передвижников — Виктор Васнецов — больше (сравнительно с Поленовым) связан с Петербургом в своей не только под-

Крючник. Картина маслом работы К. А. Савицкого. 1884 г.

¹ И. Е. Репин. Далекое близкое, стр. 390. Очень обстоятельную монографию о Максимове опубликовал А. Леонов: Василий Максимович Максимов. Жизнь и творчество, М., 1951.

готовке, но и работе уже самостоятельного художника. Васнецов на 4—5 лет был моложе Репина, Савицкого, Максимова, Поленова. Он приехал в Петербург из Вятской духовной семинарии в 1867 г., учеником Академии художеств состоял в 1868—1875 гг. Данные его биографии свидетельствуют, впрочем, о том, что сами по себе академические занятия не сыграли большой роли в развитии таланта художника, и гораздо большее значение имела для него вся вообще атмосфера культурной жизни столицы, влияние Крамского, Сласова, Чистякова, дружеское общение с Репиным, Поленовым, Максимовым, Антокольским.¹ В 1874 г., в своей переписке с Репиным, И. Н. Крамской указывал на Васнецова как на молодого художника, подающего совсем особые надежды. Крамской называл Васнецова «наше ясное солнышко» и утверждал, что за его будущее он «готов поручиться».² Известно, что Крамской не ошибся: Васнецов стал крупнейшим художником, воплотившим в живописи образы народной поэзии («После побоища Игоря», «Витязь на распутье», «Богатыри», «Аленушка»). С Петербургом (он оставался здесь до 1878 г.) связан первый период творчества В. М. Васнецова, когда он выступал как жанрист, причем его жанровые произведения в большой мере были навеяны Петербургом же, его бытом и людьми. Васнецов стал выставляться у передвижников с середины 70-х годов. На нескольких выставках он был в числе экспонентов, а к 7-й выставке (1879 г.) явился уже членом Товарищества передвижников. К петербургским годам деятельности Васнецова относятся такие его произведения, как «Рабочий с тачкой», «С квартиры на квартиру», «Книжная лавочка», «Чтение военной телеграммы»; последняя картина связана с петербургскими впечатлениями периода русско-турецкой войны 1877—1878 гг., которые отразились и в другом произведении Васнецова — «Ночью на улицах Петербурга в день взятия Плевны».

В жизни еще одного из виднейших представителей московского отряда передвижников, Василия Сурикова, величайшего русского исторического живописца, Петербург также занимает известное место.

Выходец из среды сибирского казачества, В. И. Суриков в начале 1869 г. приехал в Петербург и после подготовительных занятий в школе Общества поощрения художников поступил в Академию художеств. Первая самостоятельная суриковская работа, появившаяся на академической выставке 1870 г., была посвящена петербургской теме: «Вид памятника Петра I на Исаакиевской площади в Петербурге».³ Главным наставником и руководителем Сурикова в петербургской Академии художеств был П. П. Чистяков, назначенный в 1872 г. адъюнкт-профессором Академии.

В годы обучения Сурикову приходилось много заниматься академическими темами; его работы имели большой успех, воспроизводились в столичной печати.

¹ Н. Моргунов. Виктор Васнецов. М.—Л., 1940, стр. 40.

² И. Н. Крамской. Письма, т. I, стр. 241.

³ Суриков в это время жил на 7-й линии Васильевского Острова (в доме № 10).

Чтение возкией телеграммы. Гравюра на дереве с картины В. М. Васнецова. 1875 г.

где о нем уже писали как о таланте, обещающем принести честь родному искусству. К концу пребывания в Академии художеств относится первая суриковская композиция из русской истории — «Жизной суд».

В 1875 г. В. И. Суриков окончил курс Академии художеств. Приняв, для заработка, заказ на написание нескольких больших панно для московского храма Христа спасителя, Суриков в течение 1876—1877 гг. исполнял в Петербурге подготовительные работы к росписи, а в середине 1877 г. он переехал для выполнения заказа в Москву и здесь остался навсегда.¹

В дальнейшем Суриков встречается с Петербургом только как автор картин, появляющихся на художественных выставках в столице и привлекающих к себе внимание петербургского общества.

В 1881 г. В. И. Суриков стал членом Товарищества передвижных выставок. На 9-й выставке Товарищества, открывшейся в Петербурге 1 марта 1881 г. (в день

¹ В. И. Суриков. Письма, 1868—1916. М.—Л., 1948.

убийства народовольцами Александра II), появилась знаменитая картина Сурикова «Утро стрелецкой казни» — первая из серии его картин, в которых вполне определился его облик как гениального художника-реалиста, с неповторимой глубиной и проникновенностью способного постигнуть и воссоздать прошлое Руси, особенно тяготившего притом к изображению переломных, наиболее драматических моментов исторической жизни народа.

В 1883 г. Петербург на 11-й передвижной выставке увидел картину Сурикова «Меншиков в Березове». На юбилейной 15-й передвижной выставке, открывшейся в Петербурге 25 февраля 1887 г., общественность столицы была всеобщена картиной Сурикова «Боярыня Морозова», о которой тогда же писал Гаршин (являвшийся в эти годы как бы летописцем художественной жизни Петербурга), что «такого изображения нашей старой допетровской толпы в русской школе еще не было».¹

Глубочайшая народность Сурикова, его любовный интерес к массе («Я не понимаю действия отдельных исторических личностей без народа, без толпы», — говорил Суриков),² его внимание к трагическим, «бунтарским» страницам народной истории — делали произведения Сурикова близкими, созвучными настроениям передовой русской интеллигенции его эпохи.

Другие выдающиеся произведения Сурикова, относящиеся уже в большинстве к следующему периоду русского искусства, — «Взятие снежного городка» (1891), «Покорение Сибири Ермаком» (1895), «Переход Суворова через Альпы» (1899), «Степан Разин» (1906) — все экспонировались на очередных передвижных выставках; эти картины ныне находятся в Ленинграде в Русском музее.

Возвращаясь к художникам, прямо принадлежавшим к петербургскому отряду передвижников или так или иначе к нему близким, нельзя, кроме раньше отмеченных, не назвать по крайней мере трех — пейзажистов Федора Васильева и Куинджи, жанриста, портретиста и пейзажиста Ярошенко.

Ф. А. Васильев прожил весьма короткую жизнь (он умер от чахотки в 1873 г., 23 лет от роду), но сыграл значительную роль в развитии русского искусства как один из основоположников (рядом с Саврасовым) лирического направления в пейзажной живописи, как тонкий и вдохновенный поэт русской природы. Федор Васильев родился в одном из петербургских пригородов — в Гатчине; его детские и юношеские годы протекли в самом Петербурге, на Васильевском Острове. Он воспитывался под руководством И. И. Шишкина в рисовальной школе Общества поощрения художников, но пошел своим путем, выработал творческую манеру, отличную от шишкинской; впрочем, с Шишкиным его сближали верность реализму, гражданская, гуманистическая направленность его художественной деятельности. Последние пять лет жизни Васильева прошли под знаком большой дружбы с Крамским. Стасов верно назвал Васильева «глубочайшим любимцем»

¹ В. М. Гаршин, Полное собрание сочинений, 1910, стр. 439.

² И. В. ЕВДОКИМОВ, В. И. Суриков, М., 1933, стр. 65.

*Ивановский собор ночью. Картина маслом работы В. И. Сурикова, 1871 г.
Государственный Русский музей.*

Крамского и указал на взаимное влияние обоих художников.¹ Ф. А. Васильев близко стоял и с С.-Петербургской артели художников, принимал участие в подготовительных шагах к созданию Товарищества передвижных выставок,² но болезнь вынудила его перебраться из Петербурга в Крым именно тогда, когда начала практически разворачиваться деятельность этого объединения. До переезда в Крым (1871) Ф. А. Васильев успел создать некоторые из своих лучших произведений (замечательная «Оттепель», 1871; «Вид на Волге. Баржи», 1870), «Мокрый луг» (1872) и некоторые другие шедевры Васильева были написаны в Крыму. Ряд полотен Васильева посвящен Петербургу («На Неве», «Иллюминация в Петербурге», «В окрестностях Петербурга» и т. д.).

Через несколько дней после смерти Федора Васильева Крамской писал Стасову, что «русская школа потеряла в нем гениального мальчика».³ Знаменательный успех имела посмертная выставка картин Васильева, открытая в Обществе поощрения художников в январе 1874 г.⁴

А. И. Куинджи, приехав в 60-х годах из южной России, где одно время он учился у И. К. Айвазовского, поступил в 1868 г. в Академию художеств. Репин и Виктор Васнецов были в числе его друзей. «Его гений мог работать только над чем-нибудь еще неизвестным человечеству, не грезившимся никаким художникам

Вид с Исаакиевского собора. Рисунок В. М. Васнецова.

¹ См. статью «Крамской и русские художники» в книге: В. В. Стасов. Избранное, т. I. М.—Л., 1950, стр. 251 и сл.

² Переписка И. И. Крамского, 2. Переписка с художниками. М., 1954, стр. 531.

³ И. И. Крамской. Письма, т. I, стр. 199. В ноябре 1876 г. в письме к П. М. Третьякову Крамской называет Васильева «известым, горячим и гениальным мальчиком» (Переписка И. И. Крамского. И. И. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887. М., 1953, стр. 172).

⁴ Репину (тоже одному из друзей Васильева) Крамской писал об этой выставке: «Собрали все, что можно было собрать, и... это невероятно, что он успел сделать! Это в пять-шесть лет!.. Еще выставка не открыта для публики, а уже все продано» (Переписка И. И. Крамского, 2, стр. 287).

до него», — писал Ренин.¹ На академической выставке 1873 г. Куинджи появился с первыми своими крупными и зрелыми произведениями: «Вид на острове Валааме» и «Ладожское озеро». В 1874 г., оставив Академию, Куинджи стал выставляться у передвижников (он дебютировал у них картиной «Забытая деревня»). Выдающийся успех имела его картина «Украинская почва» (1876), где его новаторские живописные приемы были уже выражены весьма отчетливо. Печать находила, что поэтический пейзаж Куинджи «убивает собой все другие находящиеся на выставке» (5-й передвижной) пейзажи.² В 1878 г. на выставке у передвижников появился «Вечер на Украине», в 1879 г. — «После дождя», «Березовая роща».

Сохраняя близкие отношения и связи со многими передвижниками, Куинджи после 1879 г. не выставлялся больше на передвижных выставках. В 1880—1883 гг. им устраивались в Петербурге самостоятельные выставки. Памятна выставка Куинджи в 1880 г. в уже упоминавшемся помещении Общества поощрения художников на Большой Морской улице, на которой художник показал одну только картину: «Почва на Днепре». И. Е. Ренин впоследствии вспоминал по поводу этой выставки: «...на Большой Морской непрерывная масса карет запряжала всю улицу; длинным хвостом стояла публика на лестнице в ожидании выпуска, и на улице, по обеим сторонам тротуара, терпеливо и долго ждали целые массы, строго наблюдая порядок приближения к заветной двери».³

А. И. Куинджи продолжал писать картины и позднее, но больше не выставлял их, так что остальные его произведения широкая публика увидела лишь на его посмертной выставке (Куинджи умер в Петербурге в 1910 г.).

Сила Куинджи была в его замечательных художественных находках в области света и цвета, но далеко не в них одних. По справедливому замечанию одного из советских искусствоведов, глазами Куинджи «во многом глядел на свою прекрасную природу народ. Это от него пришли в пейзаж Куинджи этическое величие, любовь к необозримым, широким горизонтам, лаконизм живописного языка, большое декоративное чутье, проявлявшееся в замечательном умении художника передавать природу большими общими массами и пятнами».⁴

Роль Николая Ярошенко в художественной жизни Петербурга и всей страны была по-особому важной и значительной. Воспитанный на литературе и публицистике 60-х годов, связанный с демократическим движением 70—80-х годов, Ярошенко отразил это движение всем своим творчеством и деятельностью; он был одним из самых последовательных и радикальных представителей передвижничества, «совестью передвижников», как его называли.

¹ И. Е. Ренин. Далекое близкое, стр. 342.

² В. Зименко. Архив Ивана Ивановича Куинджи. М.—Л., 1947, стр. 10.

³ И. Е. Ренин. Далекое близкое, стр. 347. Ср.: М. П. Неведомский. Куинджи. М., 1937, стр. 46.

⁴ В. Зименко, ук. соч., стр. 20. Куинджи жил последнее время у М. Невы в бывшей квартире Крамского.

Н. А. Ярошенко, уроженец Украины, в 17-летнем возрасте, в 1863 г., приехал в Петербург, где окончил Михайловское артиллерийское училище и артиллерийскую академию. Одновременно с военным образованием Ярошенко получил и художественное — в качестве вольнослушателя Академии художеств. Близкий к передовым художественным кругам (И. П. Крамскому и др.), с середины 70-х годов он сам выступает как зрелый мастер. Ярошенко пришел в живопись со своими темами. Он изображал жизнь большого города, одним из первых показал в русской живописи образ рабочего, правдиво и ярко воссоздал в ряде картин тип активного революционера своей эпохи, людей молодого разночинно-демократического поколения вообще. Как портретиста «современного молодого поколения, которого натуру, жизнь и характер он глубоко понимает, схватывает и передает», характеризовал Ярошенко Стасов, видевший в этом его главную силу.¹

Ярошенко впервые участвовал на передвижной выставке в 1875 г., показав социально острую картину «Невский проспект ночью». В 1876 г. в картине «Сумерки» он изобразил впервые рабочих (землекопов-мостовщиков). В 1878 г., на 6-й передвижной выставке, одновременно появились замечательные полотна Ярошенко — «Кочегар» и «Заключенный». За этим последовали картины: «У Литовского замка» (навеянная политическими процессами конца 70-х годов), широко известные «Студент» (1881) и «Курсистка» (1883), «Причины неизвестны» (самоубийство курсистки в результате политических преследований, 1884), едва ли не наиболее популярное из всех произведений Ярошенко — «Всюду жизнь» (1888). В 1876 г. Ярошенко выступил с портретом своего друга и одного из своих наставников И. Н. Крамского; вслед за этим портретом на протяжении двух десятилетий из-под его кисти вышли портреты актрисы П. А. Стрепетовой, писателей и публицистов Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина, А. Н. Плещеева, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловского, ученых Д. И. Менделеева, И. П. Павлова и др.

Вскоре после своего вступления в Товарищество передвижников Ярошенко стал играть в нем видную роль как один из его руководителей и идеологов; «Ярошенко был прекрасный организатор, с сильной волей, и умел держать Товарищество в крепких рамках передвижнических правил», — пишет в своих воспоминаниях художник Н. Минченков.²

После смерти Крамского роль Ярошенко особенно возросла. Когда в передвижнической среде стали обнаруживаться шатания и начались отдельные «отпадения», Ярошенко оказался, как в один голос отмечают современники, наиболее энергичным хранителем лучших традиций Товарищества. Стасов в 90-х годах сообщал П. М. Третьякову, что с одним Ярошенко он отводит душу, ибо Ярошенко остается «непоколебим и тверд».³

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, отд. 1, стр. 587.

² Я. Д. Минченков, Воспоминания о передвижниках. М., 1940.

³ Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. М.—Л., 1949, стр. 181.

По свидетельству хорошо осведомленных современников, Ярошенко был глубоко общественным человеком, широко образованным, очень убежденным, обладавшим прекрасным даром слова, вследствие чего он «сделал для русского искусства гораздо больше, чем это может казаться людям, не знавшим его лично».¹ Одной из форм, в которых на протяжении десятилетий проявлялось большое личное воздействие Ярошенко на окружающих, были «субботы», устраиваемые в его квартире на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского).² «Там бывали многочисленные собрания, — пишет один из их участников, — и квартира Н. А. Ярошенко по справедливости считалась настоящим центром того течения живописи, которое известно под именем „передвижничества“. Называть всех участников этих собраний бесполезно: это значило бы перечислить всех без исключения передвижников». ³ Не только художники, но и литераторы, артисты, ученые были постоянными посетителями ярошенковских «суббот». Из писателей близкими товарищами Ярошенко и деятельными участниками устраиваемых им собраний передовой петербургской интеллигенции были в особенности Всеволод Гаршин и Глеб Успенский. Надо подчеркнуть присутствие на «субботах» Ярошенко и студенческой молодежи, которая охотно приходила сюда и участвовала в обсуждении вопросов искусства и общественности.

Учительница воскресных рабочих школ за Невской заставой А. Голубева сообщает, что она через Ярошенко получила разрешение для рабочих, учившихся в воскресных классах, бесплатно посещать передвижные выставки.⁴ Здесь кстати будет заметить, что, по воспоминаниям Н. К. Крупской, относящимся к первой половине 90-х годов, преподавательницы невских воскресных школ каждую весну водили учеников на передвижные выставки. «...их меткие замечания, их реализм, — как указывает Н. К. Крупская, — заставляли глубже понимать многие произведения. Быстро ухватывали они всякую фальшь, неточность в отображении, проходили презрительно мимо картин из господского быта, подолгу стояли перед ландшафтами, изображавшими лес, болото, дуга, равнодушно проходили мимо крымских видов, нравились им исторические картины, в картине искали содержания».⁵

В истории художественной жизни Петербурга 60—80-х годов крупный след оставили выставки В. В. Верещагина, великого русского художника-баталиста.

Биография Верещагина в большой мере связана с Петербургом. Он учился в 50-х годах в Александровском кадетском корпусе (в Царском Селе), затем в Морском корпусе (в самой столице), который окончил в 1860 г. Верещагин занимался

¹ Н. К. Михайловский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1914, стр. 879, 882.

² Каталог юбилейной (25-й) выставки передвижников указывал адрес Ярошенко: Сергиевская, д. 63, кв. 8.

³ В. Ладженский, Дни и встречи, Вестник Европы, 1917, кн. 2, стр. 140.

⁴ А. Голубева, Воспоминания о Ярошенко, Советское искусство, 1938, № 88, стр. 2.

⁵ Н. Крупская, Из далеких времен, М.—Л., 1930, стр. 21.

в рисовальных классах Общества поощрения художников на Бирже, а потом в течение нескольких лет он был учеником Академии художеств. Впоследствии Верещагин неоднократно приезжал в Петербург, хотя и оставался здесь обычно ненадолго.

В силу различных обстоятельств (в частности и потому, что он писал свои картины большими сериями) Верещагин не участвовал в художественных объединениях, не фигурировал на общих, коллективных выставках; однако по духу и направленности всей его деятельности Верещагина нельзя не признать ближайшим союзником передвижников, художником передвижнического направления.¹

С передвижниками Верещагина роднит его связь с прогрессивными настроениями русского общества, живое сознание высокого гражданского значения искусства, реализм, любовь к народу и неизменное стремление выдвинуть народ на первое место в своих произведениях, сделать его основным героем своих картин.

Произведения Верещагина произвели переворот в русской и мировой батальной живописи: решительно порвав с традициями парадной, приукрашивающей действительность, театрализованной батальной живописи, он впервые показал в своих картинах войну сурово и правдиво.

Задачей, которую сознательно ставил себе художник — гуманист и патриот, была борьба против несправедливых захватнических войн, против насилий над народами.

Первая, еще небольшая верещагинская выставка в Петербурге состоялась в 1869 г. — как часть географической, этнографической и естественно-научной

В. В. Верещагин. Фотография. Конец XIX в.

¹ Согласно недавно опубликованным данным, Верещагин в первой половине 70-х годов подавал заявление о вступлении в Товарищество передвижных художественных выставок, но не закрепил своего членства (А. Лебедев. Новое о Верещагине. Советская культура, 1954, № 44, стр. 4).

выставки, посвященной Туркестану, где перед тем Верещагин лично участвовал в операциях русских войск. В 1874 г. Верещагин привез в столицу, почти в исчерпывающем составе, большую коллекцию своих туркестанских картин. Устроенная им самостоятельная выставка (в доме Министерства внутренних дел) имела огромный успех. «Что делалось всякий день в доме выставки — мудро и рассказать», — вспоминал потом Стасов.¹ Но еще сильнее оказалось впечатление от третьей петербургской выставки Верещагина в 1880 г. (в бывшем доме Безобразова, на Фонтанке у Симоновского моста), на которой были показаны произведения, явившиеся результатом участия Верещагина в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., а также индийская коллекция художника — результат продолжительного пребывания Верещагина в Индии, одной из целей которого было обличение английской колониальной политики. Называют цифру в 200 тыс. посетителей верещагинской выставки 1880 г. в Петербурге.² «Все классы общества, в том числе крестьяне и солдаты, перебивали на этой выставке», — сообщает В. В. Стасов.³

Вокруг этой выставки разгорелась в печати и публике острая борьба: правдивые, во многих случаях обличающие картины балканской войны вызвали горячее одобрение широких прогрессивных кругов и резкое озлобление среди реакционеров. Зимой 1883/1884 г. в залах Общества поощрения художеств была открыта еще одна верещагинская выставка; она не вызвала уже такого фурора, как две предыдущих, но все же ее посетило около 32 тыс. петербуржцев.⁴

Верещагин погиб в 1904 г. под Порт-Артуром при взрыве броненосца «Петропавловск». На его посмертной выставке (в конце того же года) находилось 476 произведений художника.

С Петербургом связана деятельность братьев Маковских — Владимира и Константина. Однако у В. Маковского, прославленного передвижника-жанриста (автора «Осужденного», «Краха банка» и т. д.), петербургский период биографии начинается почти за хронологическими рамками данного очерка (до 90-х годов он работал в Москве). Константин Маковский не сыграл в истории русской живописи столь большой роли, как его младший брат. Он был тем не менее достаточно заметной фигурой в русском (причем именно в петербургском) художественном мире и к тому же отдал в своем творчестве — раннего периода — значительное место петербургской теме. Этот ранний период был также и лучшим в творческой биографии К. Е. Маковского, так как тогда он более или менее твердо стоял на

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. II, 1894, отд. 2, стб. 300. Ср. сообщение Стасова относительно Верещагина в письме от 25 марта 1874 г.: «Тут от него весь Петербург с ума сходит, на выставку ходит толпами тысячами, каталог разошелся до сих пор, недели в три, в количестве 6000 экземпляров» (В. В. Стасов. Письма к родным, т. I, ч. 2, М., 1954, стр. 215).

² В. Садовень. В. В. Верещагин. М., 1950, стр. 73.

³ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. II, отд. 2, стб. 325.

⁴ Художественные новости, 1884, № 3, стб. 69.

Грузы на Адмиралтейской площади. Гравюра с картины К. Е. Маковского.

позициях демократического реализма и связан был с передовым движением в русском изобразительном искусстве. К. Е. Маковский принадлежал к 14 протестантам, порвавшим в 1863 г. с Академией художеств; он находился некоторое время в руководимой Крамским артели художников. В 1870 г. К. Маковский подписал устав Товарищества передвижных выставок; в последних он особенно активно участвовал в конце 70-х и начале 80-х годов, после чего отошел от передвижников. К. Е. Маковский выступал как портретист, жанрист и исторический живописец. Стасов, подвергавший в 80—90-х годах суровой критике К. Маковского за отход от идейности в творчестве, за приспособление ко вкусам общественных верхов, вместе с тем признавал, и по праву, огромный природный талант художника, начинавшего «когда-то так блистательно, так свежо и размахисто, что всех удивлял и радовал».¹ Одним из высших достижений К. Маковского является его картина (1869 г.) «Народное гулянье во время масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге». В богатом портретном творчестве К. Маковского особенно выделяется портрет великого русского оперного артиста О. А. Петрова (1870). Из исторических полотен К. Маковского, относящихся ко времени, когда он уже стоял в стороне от передвижнического лагеря, заслуживает наибольшего признания созданная им в середине 90-х годов картина «Минин на Нижегородской площади», привлекавшая всеобщее внимание на Всероссийской выставке в Нижнем 1896 г. и получившая тогда же очень положительную оценку со стороны М. Горького («Толпа глубоко народна... Хорошая картина... Быть может, она несколько тускла — в ней мало солнца... Зато жизни много»)².

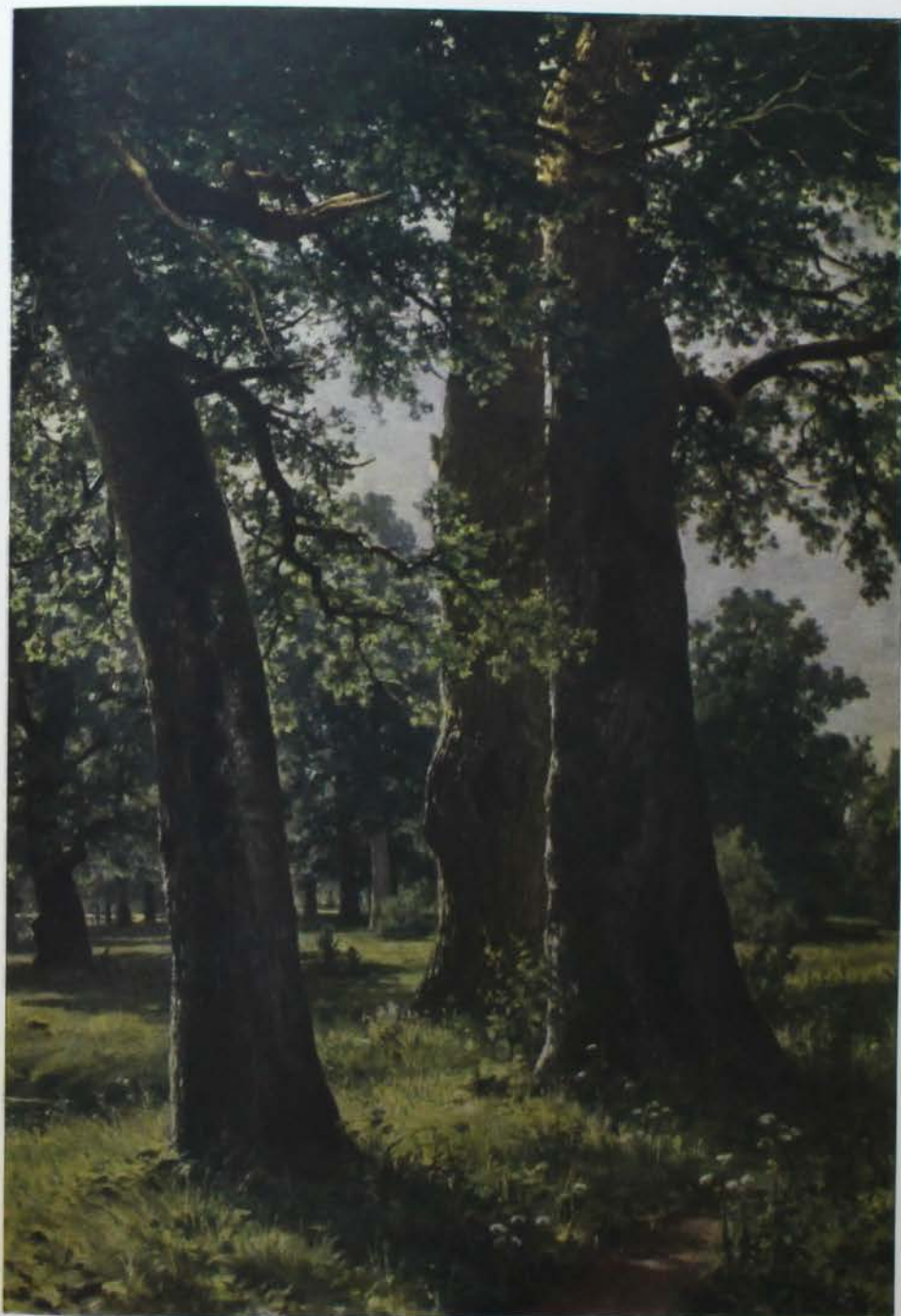
Отметим еще двух художников — маринистов, в творчестве которых большое место принадлежит петербургской теме. Это — участники Товарищества передвижных художественных выставок А. К. Беггров (автор картин «Набережная реки Невы», 1876; «Петербургская биржа», 1891, и т. д.) и известный художник второй половины XIX в. (умер в 1896 г.) А. П. Боголюбов. Создатель множества морских пейзажей, а также исторических полотен, посвященных прошлому военно-морского флота России, Боголюбов неоднократно обращался к изображению петербургских видов. Назовем, например, такие его произведения, как «Устье Невы» (картина 1872 г., высоко оцененная Крамским),³ «Летняя ночь на Неве у взморья» (1875), «Петербургский морской канал».⁴

¹ В. В. Стасов. Избранное, т. I, стр. 343—344.

² М. Горький, Собрание сочинений, т. 23, 1953, стр. 236. Другие известные полотна К. Маковского: «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир», «В мастерской художника», «Алексей», «Боярский свадебный пир XVII столетия» и др.

³ Переписка И. И. Крамского, 2, стр. 131.

⁴ Некоторые из петербургских видов Боголюбова и Беггрова воспроизведены во втором и третьем томах «Очерков истории Ленинграда». Во втором томе воспроизводятся также петербургские пейзажи Ф. Ф. Баганца — художника, воспитанного в Академии художеств, работавшего в 50—70-х годах (умер в 1873 г.).

*Дубы. Картина маслом работы И. И. Шишкина. 1887 г.
Государственный Русский музей.*

С Петербургом связан жизненный путь многих деятелей живописи, представлявших искусство братских народов. Значительную роль в профессиональной подготовке этих художников сыграла, при всех ее недостатках, Академия художеств. С другой стороны, крайне важно было влияние, испытанное ими в годы петербургского учения со стороны правдивого, реалистического искусства передвижников. Это влияние оказалось для многих деятелей изобразительного искусства народов России определяющим.

В 60-х годах в Академии художеств учился украинский художник Н. И. Мурашко, друг Репина, в дальнейшем один из крупнейших педагогов, создатель и руководитель художественной школы в Киеве, сыгравшей большую роль в воспитании национальных кадров украинского (да и не только украинского) искусства. Позже школу петербургской Академии прошел известный украинский художник К. К. Костанди, передвижник (с 80-х годов), автор ценных реалистических полотен (например, «У большого товарища»), заслуженный педагог, воспитавший в Одесской художественной школе таких видных деятелей искусства, как И. И. Бродский, баталист М. Б. Греков. В первой половине 80-х годов при Академии художеств получил специальную подготовку украинский художник Н. К. Пимоненко (ранее воспитанник школы Мурашко в Киеве), участник передвижных выставок с 1893 г., близко связанный с Репиным и высоко им ценимый.¹ В Петербурге вырос талант украинского художника К. А. Трутовского (он учился в Академии с середины 40-х годов, его самостоятельная художественная деятельность падает на вторую половину XIX в.).

Большую роль Петербург сыграл в воспитании ряда художников Закавказья. Основоположник и виднейший деятель реалистической и демократической живописи грузинского народа Г. И. Габашивили учился в 1886—1888 гг. в Академии художеств; он был последователем передвижников, испытавшим сильное влияние со стороны Репина, Верещагина. Рано умерший грузинский художник-реалист Р. Н. Гвеселвани тоже воспитан был на творческих принципах передвижничества; и он получил профессиональную подготовку в Академии художеств (в 1881—1884 гг.). В петербургской Академии учились армянские художники А. И. Шамшиян, талантливый жанрист Г. И. Габриэлян.

Целая плеяда латышских художников-реалистов связана с Петербургом. Известный исторический живописец К. Ф. Гуц, в 50-х годах учившийся в Академии художеств, был экспонентом уже на 4-й передвижной выставке, а с 1873 г. (и до своей смерти в 1877 г.) он был членом Товарищества передвижников. Пейзажист и портретист Ю. Феддерс также прошел (в 50—60-х годах) художественную

¹ Я. П. Затекацкий. Николай Корнилевич Пимоненко. Жизнь и творчество. 1862—1912. Киев, 1955.

школу в Петербурге (в Академии) и работал потом в России педагогом. В начале 90-х годов в Петербурге возник по инициативе высокодаренного художника-реалиста, исторического живописца и жанриста А. Алквиса кружок латышских художников «Рукис». Алквис был вольнослушателем Академии художеств в 1883—1892 гг. В конце 80-х и первой половине 90-х годов в Академии учился Ин Роленталь, один из участников группы «Рукис», яркий художник-демократ, сыгравший видную роль в развитии передового изобразительного искусства Латвии. К концу периода, охватываемого настоящим очерком, выдвинулся популярный латышский художник В. Пурвит, также связанный годами учения и зрелой творческой деятельности с Петербургом.

В Петербурге учился (в конце 40-х и первой половине 50-х годов, в Академии художеств) и в дальнейшем долгие годы работал здесь известный деятель эстонской культуры и общественности И. П. Келер.

* * *

Близкая к живописи область изобразительного искусства — графика получила в Петербурге широкое развитие.

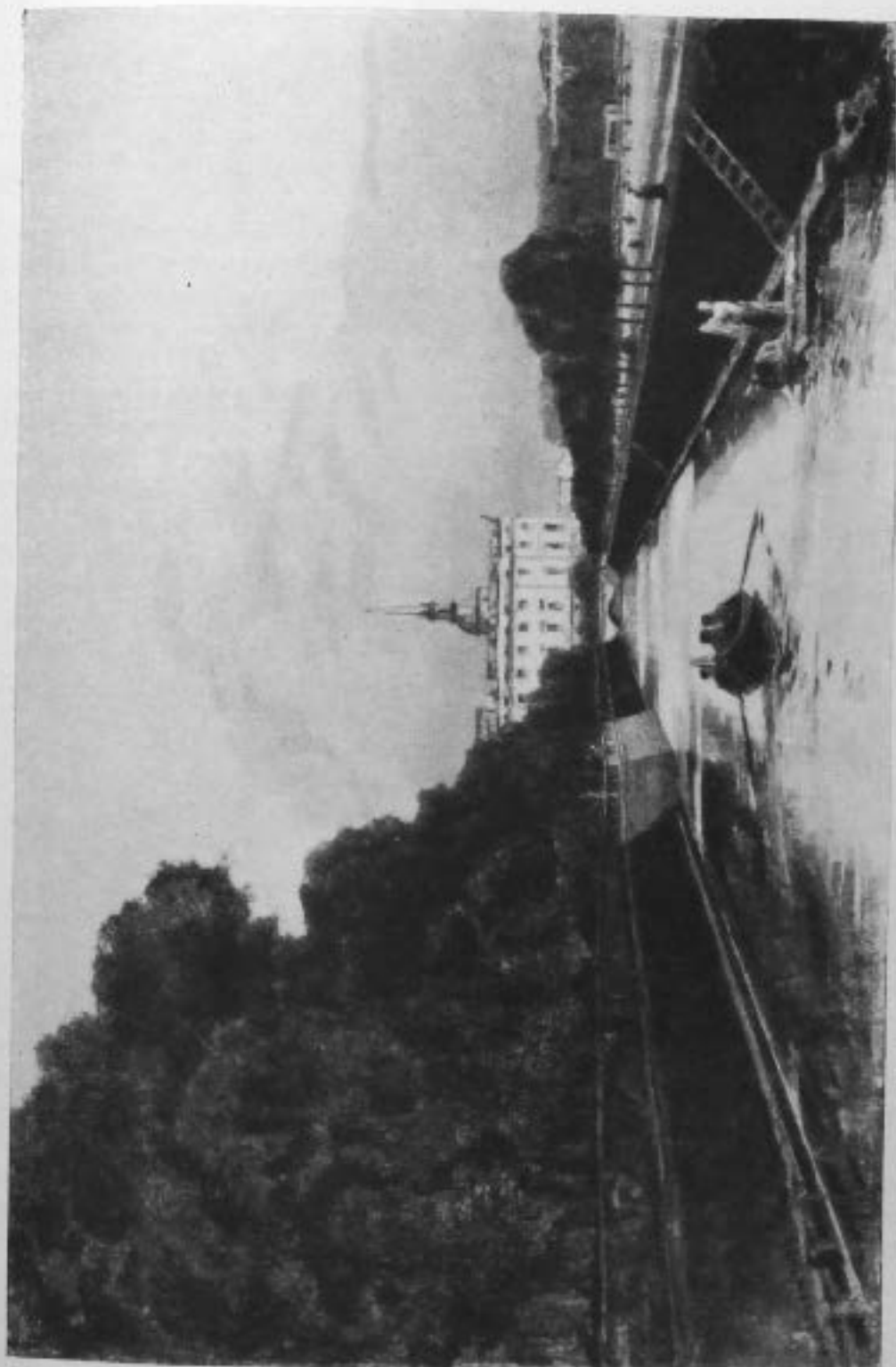
Различным видам графики посвящали немало внимания, проявив в них блестящее дарование, многие из деятелей русской реалистической живописи — Крамской, Перов, Шишкин, Ярошенко, Ге, Репин, Суриков и др.

В 1871 г. возникло (основано художественным деятелем А. И. Сомовым) Общество русских аквафортистов — мастеров офорта. За несколько лет существования Общества им был в Петербурге выпущен ряд альбомов, в том числе два альбома передвижных выставок. В деятельности Общества участвовали Шишкин, Ге, Савицкий, Крамской и другие передвижники и близкие к передвижникам художники. Общество русских аквафортистов сыграло заметную роль в развитии гравирования в России.

Ряд художников-передвижников внес ценный вклад в развитие книжной иллюстрации. Очень значительна в этой сфере, в частности, роль И. Е. Репина. В новейшей монографии о Репине-иллюстраторе учтено более 150 репинских работ на литературные темы — иллюстрации к произведениям Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Льва Толстого, Гаршина, Чехова, Горького и т. д.¹

В области книжной иллюстрации наряду с этим особенно много трудились художники, специально посвятившие себя именно графике или в графике проявившие себя больше и сильнее всего. Один из них работали или печатались в Москве (П. М. Шмельков; автор известных иллюстраций к Гоголю П. М. Боклевский, воспитанник петербургской Академии художеств), другие издавались в Петербурге, например М. С. Башилов, иллюстрировавший «Горе от ума» Грибоедова,

¹ А. Парамонов. Иллюстрации И. Е. Репина. М., 1952.

*Вид с Лебедевского моста на Псковский замок, Картина работы А. П. Боголюбова.
Государственный Русский музей.*

«Губернские очерки» Щедрина, «Войну и мир» Толстого. Работавший в Петербурге и как живописец, и как график Петр Соколов дал ценные иллюстрации к «Запискам охотника» Тургенева, к «Мертвым душам» Гоголя, к ряду стихотворений Некрасова. К. А. Трутовский явился талантливым иллюстратором басен Крылова.¹

Крупным петербургским мастером графики являлся Л. А. Серяков, работавший для столичных периодических изданий («Всемирной иллюстрации», «Русской старины» и др.), преподававший гравюру в школе Общества поощрения художников в 60-х и 70-х годах. Серяков много сделал для подъема в России гравирования на дереве (ксилографии).

Учеником Серякова был В. В. Матэ, превзошедший в мастерстве своего талантливого учителя, сам ставший, в свою очередь, воспитателем большой плеяды граверов, среди которых следует отметить А. П. Остроумову-Лебедеву, И. Н. Павлова, В. Д. Фалилеева. Матэ с первой половины 80-х годов был преподавателем гравюры в Центральном училище технического рисования (Штиглица), с 90-х годов он возглавлял граверное отделение Академии художеств. Матэ работал в области и ксилографии, и офорта. Его гравюры сыграли важную роль в деле популяризации произведений выдающихся русских художников и прежде всего картин и портретов его близкого товарища по работе и друга — И. Е. Репина. Блестящим мастерством Матэ и всем направлением творчества художника-гравера восхищался В. В. Стасов. Стасов подчеркивал, что Матэ всего чаще и всего более выполняет создания новой русской школы живописи. «Для меня, — писал Стасов, — Матэ прямо примыкает к передвижникам, и талантливые создания его (гравированные портреты, картины, эскизы) кажутся мне в высокой степени значительными».²

В своих лучших образцах русская графика второй половины XIX в. бесспорно отличалась теми же чертами идейности, реализма, преданности народным интересам, что и живопись того времени.

Очень яркое выражение эти свойства получили в сатирической журнальной графике. На первом месте здесь должна быть названа «Искра» (из других сатирических журналов важен близкий к «Искре» по демократическому направлению «Гудок», недолго, однако, существовавший). Руководителем художественной части «Искры» был один из ее организаторов (соиздатель В. Курочкин), известный карикатурист Н. А. Степанов, еще до основания (в 1859 г.) «Искры» стяжавший громкую известность своими политическими карикатурами. Степанов дал в «Искру» за пять с лишним лет (до своего выхода из журнала в 1864 г.) огромное число карикатур, во многих случаях политически острых и смелых, метко обли-

¹ Г. Е. Лебедев. Русская книжная иллюстрация XIX в. М., 1952; А. А. Сидоров. История оформления русской книги. М.—Л., 1946.

² В. В. Стасов. Избранное, т. I, стр. 314.

жавших реакцию, бюрократию, осмеивавших открытых врагов и лицемерных «друзей» прогрессивного развития России, которые действовали в литературе и печати.¹ Основными сотрудниками Степанова были талантливые карикатуристы А. М. Волков, Н. В. Иевлев (потом главный карикатурист «Гудка»),² а также М. М. Знаменский, П. Ф. Марков, С. А. Любовников, А. П. Борджели и др.

* * *

Реалистическое и национальное движение в изобразительном искусстве нашло выражение и в области скульптуры.

В начале обозреваемого исторического периода живы еще были некоторые видные петербургские скульпторы предшествующих поколений: Ф. П. Толстой, П. К. Клодт, Н. С. Пименов, А. И. Терехов. Творческая деятельность их в основном относится к предыдущей эпохе. Однако Пименов в 1859—1863 гг. выполнил работу по созданию памятника известному русскому флотоводцу М. П. Лазареву, открытого в Севастополе уже после смерти автора. И с именем Петра Клодта, в прошлом создателя конных групп на Анничковом мосту, связана значительная работа, относящаяся к описываемому периоду (впрочем, к его началу). Ему принадлежит памятник великому русскому баснописцу Крылову, открытый в Летнем саду 14 мая 1855 г. Стасов впоследствии очень хвалил Клодта за проявленную им здесь «правдивую реальность в скульптуре». «Великая заслуга Клодта, — писал он, — состояла в том, что он первый у нас представил своего героя во всей естественности действительной будничной жизни».³ Клодт же был одним из авторов открытого в 1859 г. на Марининской площади памятника Николаю I: ему принадлежит конная статуя Николая.⁴

В 50-х годах в числе учащихся Академии художеств появился один из одаренных представителей молодого поколения скульпторов — Федор Каменский (ученик Пименова). Переход скульптуры от академизма к реализму и современности нашел отражение в таких его произведениях, как «Мальчик-скульптор» (1863), «Вдова с ребенком» (1868), «Первый шаг» (1872).

Учеником Академии художеств одно время (в 60-х годах) являлся и талантливый скульптор-реалист М. А. Чижов, последующая деятельность которого протекала преимущественно в Петербурге. Его наиболее известная и ценная в идейном и художественном отношении скульптурная группа «Крестьянин в беде»

¹ За 1859—1864 гг. Степанов дал «Искре» около 1600 групп карикатур (С. Т р у б а ч е в. Карикатурист Н. А. Степанов. Исторический вестник, 1891, № 4, стр. 127).

² Неопубликованные карикатуры «Искре» и «Гудка». 1861—1862 годы. Вступительная статья и примечания Л. Даньеса. М.—Л., 1939.

³ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, отд. I, стб. 598—599.

⁴ Другие авторы памятника: архитектор Монферран, московский скульптор Н. А. Рамазанов, петербургский скульптор Р. К. Залеман.

Памятник И. А. Кравцову в Летнем саду по модели П. К. Клодта, 1855 г.

создана в 1872 г. В 70—80-х годах в Петербурге работал Е. А. Лансере, также один из видных представителей реалистического направления в искусстве скульптуры, автор небольших жанровых и этнографических, частью и исторических произведений, превосходный анималист.

В 1862 г. в Академию в качестве «вольнопriходящего» ученика вступил М. М. Антокольский, которому суждено было стать главным обновителем русской скульптуры во второй половине XIX в.

Выдающийся скульптор-реалист, демократ, гуманист, пламенный патриот, он был тесно связан с Петербургом. Будучи в течение 60-х годов учащимся Академии, Антокольский близко сошелся в Петербурге с Репиным, затем с Брамским и Стасовым, которые оказали на него большое влияние. Вращаясь в кругу не

*Первый шаг. Скульптура Ф. Ф. Каленского. 1872 г.
Государственный Русский музей.*

только художников, но и деятелей других областей культуры, Антокольский был дружен с композиторами Серовым и, особенно, Мусоргским.

В биографическом очерке Антокольского Стасов впоследствии сообщал об отношениях Антокольского с Репиным: «У них была такая близость настроения, такое тожество взгляда на искусство и жизнь, на задачи их будущности, что они поселились даже на одной квартире, вблизи Академии, и прожили несколько лет вместе, в самом тесном и единодушном единении. Они работали и учились вместе не только искусству, но и всему научному, что их интересовало и что казалось необходимым; вместе читали... вместе ходили по музеям, и окружены были целой толпой молодых товарищей, которые тоже старались самообразовываться и учиться, а этих двух — уважали и любили более, чем всех остальных».¹

¹ Марк Митусевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. СПб. и М., 1905, стр. XVI—XVII.

В 1864—1865 гг. Антокольский впервые обратил на себя внимание небольшими жанровыми скульптурами из дерева и слоновой кости. Настоящая слава пришла к нему в 1871 г., когда он показал свою замечательную скульптуру «Иван Грозный» — первую в ряду его работ, посвященных русской истории. Статьи Стасова и Тургенева разнесли по Петербургу весть о новом выдающемся достижении русского искусства. Академическая мастерская, в которой стояла статуя Грозного, реалистически, с большой психологической глубиной запечатлевшая сложный образ одного из крупных государственных деятелей Руси, сделалась местом паломничества петербуржцев. «Выставка „Ивана Грозного“, — по свидетельству Стасова, — имела успех неслыханный: он равнялся успеху „Помпей“ Брюллова — раньше, и картин Верещагина — позже».¹

В том же году болезнь вынудила Антокольского покинуть Петербург. Поселившись за границей, он духовно оставался связанным с Россией. Антокольский писал из-за границы Стасову: «Все мои работы, все мои чувства, думы, вся радость и горе, которыми мой дух питается, — все это от России и для России».²

Неизменно был связан Антокольский с Петербургом — непрерывной перепиской со Стасовым и другими петербургскими друзьями, выставками своих произведений, участием в петербургской печати и т. д.

Уже в конце 1872 г. в помещении Академии художеств была устроена персональная выставка произведений Антокольского; среди них находилась скульптура «Петр I», исполненная им вслед за «Иваном Грозным». Лет через 10 скульптор переделал «Петра», и он был установлен в Петергофе. Антокольский показал Петра как замечательного исторического деятеля, который, по собственному комментарию скульптора, любил Россию «как герой».³ «Петр I» свидетельствовал о том, как справедливо отмечает советский скульптор М. Манисер, что Антокольский «не только блестящий представитель русской реалистической школы, но и, несомненно, крупнейший мастер мировой скульптуры».⁴

В том же 1872 г. Антокольский был занят специальной работой для города Петербурга. Тогда велось проектирование нового моста через Неву (Литейного), и Антокольский взялся создать для него ряд конных скульптурных групп: «Ярослав Мудрый», «Дмитрий Донской», «Иван III», «Петр Великий» и др. Фотографии с эскизов «Ярослава Мудрого» и «Ивана III» находились на выставке Антокольского 1872 г. Стасов писал об этих фигурах: «Ни в какой русской не только скульптуре, но даже картине не были еще представлены с такой правдивостью личности древней нашей истории».⁵

¹ Мари Матвеевич Антокольский, стр. XX.

² Там же, стр. 535.

³ Там же, стр. 943.

⁴ М. Манисер. Выдающийся русский скульптор. Советское искусство, 1952, № 55 (от 9 июля).

⁵ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, отд. 1, стб. 611—612.

Впоследствии Антокольский создал «Нестора летописца» (1886—1889) и «Ермака» (завершен в 1891 г.), воплотил в бронзе образы мыслителя-патриота древней Руси и воина, выражающего «русскую смелость, удалство, при полной бодрости, силе». ¹ До этого скульптором создан был иной цикл: «Христос перед судом народа», «Умиравший Сократ», «Спиноза». В этих скульптурах Антокольский стремился представить образы «мучеников идеи».

Петербург знакомился с новыми работами скульптора, начинавшего здесь свою деятельность, на его персональных выставках — в 1880 и 1893 гг. Последняя выставка послужила поводом для острейшей борьбы

М. М. Антокольский. Фотография.

вокруг творчества Антокольского между реакционной частью столичной печати («Новое время») и Стасовым, поддержанным всем прогрессивным общественным мнением. Борясь за Антокольского, Стасов исходил из давно сложившегося у него мнения об Антокольском как изобразителе «жизни и правды», как эканитальнейшем и оригинальнейшем скульпторе современной Европы.

Антокольский умер в 1902 г. в Германии и похоронен был в Петербурге на Преображенском кладбище.

М. М. Антокольский по своим общественно-эстетическим понятиям и по своим отношениям и связям, по всему направлению своей деятельности вполне примыкал к передвижникам, хотя не состоял формально в их Товариществе (он, как упомянуто, жил с 1871 г. вне России; кроме того, его скульптурные произведения не подходили для передвижения по России). Антокольский истинным искусством считал лишь то, которое живет «для народа от народа», которое «подобно путевой звезде» освещает «путь тем, кто стремится вперед». Он глубоко верил, что Россия «скажет свое особенное, свежее слово среди международного искусства», ибо

¹ Марк Матвеевич Антокольский, стр. 582.

русское искусство «старается понять человеческую душу, дух народа, его радости и горе, его настроение и стремление».¹

В составе членов Товарищества передвижников долгое время не было скульпторов, но с 1882 г. у передвижников начал систематически выставляться скульптор-реалист Леонид Позен, показавший на протяжении 80-х годов ряд живописных произведений — «На волах», «Переселенцы», «Нивный» и др.

Влияние передвижнических идей бесспорно сказалось в творчестве талантливого петербургского скульптора А. М. Опекушина, воспитанника Академии художеств 60-х годов, сумевшего преодолеть традиции академизма и ставшего на путь правдивого и выразительного реалистического искусства. Работая одно время вместе с М. О. Микешиним, Опекушин участвовал в создании открытого в 1873 г. микешинского памятника Екатерине II на площади Александринского театра.² Для этого памятника Опекушин создал окружающие пьедестал девять статуй (Державина, Суворова, Потемкина, Румянцева, Орлова, Безбородко, Бецкого, Дашковой, Чичагова). Вершиной творчества Опекушина является знаменитый московский памятник Пушкину, открытый в 1880 г., — один из самых ярких образцов русской монументальной скульптуры. Опекушину принадлежит также памятник Лермонтову в Пятигорске (открыт в 1889 г.).

Надо заметить, что памятник Пушкину в самом Петербурге (на Пушкинской улице, открыт в 1884 г.), хотя и проектированный на основе одного из опекушинских вариантов, оказался, по вине петербургского городского самоуправления, недостаточно импозантным.

М. О. Микешин, воспитанник, как и Опекушин, Академии художеств, начал свою деятельность в 50-х годах в качестве живописца-баталиста, но с конца того же десятилетия, одержав победу на конкурсе памятников по случаю «тысячелетия России», сосредоточился преимущественно на скульптуре (кроме того, он проявил себя как талантливый рисовальщик-иллюстратор). Микешинский памятник «Тысячелетие России» был открыт в Новгороде в 1862 г. В дальнейшем Микешин выполнял многочисленные проекты памятников для разных городов: адмиралу Грейгу в Николаеве, Нахимову, Корнилову, Истомину в Севастополе, Ермаку в Новочеркасске, Минину в Нижнем-Новгороде и др. Но прежде всего известность Микешину создали наряду с памятником «Тысячелетие России» петербургский памятник Екатерине II и киевский памятник Богдану Хмельницкому. Микешин обладал размахом, большим творческим воображением, композиционным даром. Известный недостаток реалистической простоты, склонность к эффектам, к аллегоричности в классицистическом духе давали повод к упрекам по адресу Микешина со стороны наиболее последовательных защитников реалисти-

¹ Мари Матвеевич Антокольский, стр. 487, 983.

² В сооружении памятника Екатерине, кроме Микешина и Опекушина, участвовали архитектор Д. И. Гримм и скульптор М. А. Чижов, вылепивший статую Екатерины.

ческой и демократической эстетики во главе со Стасовым. Стасов, кроме того, никогда не мог простить Микешину его выступлений против обличительного демократического жанра в начале 60-х годов. В то же время, однако, знаменательна для оценки сложного и несколько противоречивого идейного облика Микешина его большая и прочная дружба с великим украинским поэтом-революционером и народным художником Тарасом Шевченко (в последний период жизни поэта — в Петербурге, на рубеже 50-х и 60-х годов). Микешин, рискуя своей карьерой, настойчиво добивался (без успеха) помещения изображения Тараса Шевченко на памятнике «Тысячелетие России»; потом он стремился увековечить образ Шевченко на памятнике Хмельницкому (и еще позднее — на памятнике Екатерине в городе Екатеринодаре).¹ Микешину принадлежит большое число иллюстраций к произведениям Тараса Шевченко.

В описываемый период Петербург обогатился, помимо названных выше, еще некоторыми памятниками: мореплавателю Крузенштерну (И. Н. Шредера), поэту Жуковскому (1887 г., в Александровском саду, разбитом на месте бывшей Адмиралтейской площади; работа В. П. Крейтана, единственного скульптора, присоединившегося в 1863 г. к протесту Крамского и товарищей) и т. д.²

* * *

Появление и успех Товарищества передвижных выставок не могли не тревожить Академию художеств, идейно-художественным и организационным основам которой передвижничество во многом, и самом существенном, противопоставляло себя фактически, хотя бы даже не все участники Товарищества до конца это сознавали.

Одно время Академии казалось, что достаточным противовесом передвижникам явится новое Общество выставок художественных произведений. Оно было основано в Петербурге в 1875 г. и впервые выступило перед публикой в начале 1876 г.

Не раз упоминавшийся П. П. Чистяков, лучший из педагогов Академии художеств в описываемый период, принимал участие в создании нового общества. Убеждая Поленова и Рейна присоединиться к последнему, Чистяков писал им: «Общество это — свободное, широкое, не связывающее искусства ничем».³

Известно, что к обществу примкнули некоторые более или менее видные художники реалистического склада и среди них даже некоторые из протестантов 1863 г. и членов выросшей из протеста артели (Ф. С. Журавлев, А. И. Морозов, А. И. Кор-

¹ Е. Левеяфилш. Тарас Шевченко и творчестве Микешина. Искусство, 1954, № 2, стр. 51—54.

² См. о памятниках также в главе об архитектуре.

³ Е. В. Сахарова. Василий Дмитриевич Поленов. М.—Л., 1948, стр. 109.

зухи и др.). Но не это «левое» крыло определяло характер нового общества, которое в целом явилось просто выставочной организацией Академии художеств (Академия слила с нею свои годовичные выставки) и следовало в своей деятельности академическим принципам.

В. В. Стасов в 1879 г., сопоставляя выставки Общества выставок и передвижников, писал: «Было время, еще недавно, когда обе выставки как будто боялись одна другой, друг дружки избегали. Теперь их хозяева хорошенько рассмотрели каждый противоположную сторону и, наконец, пришли к тому, к чему должны бы прийти давным давно: им нечего ни соперничать, ни бояться, они принадлежат совершенно разным мирам, понятиям и настроениям».¹

Общество выставок художественных произведений провело в Петербурге за годы своего существования (вторая половина 70-х и начало 80-х годов) семь выставок. Последняя из них была весной 1883 г.; в ней участвовали художники В. Якоби, Н. Кошелев, Н. Дмитриев-Оренбургский (когда-то представители молодого реалистического движения в живописи 50—60-х годов), Г. Семипрадский, П. Сведомский, Ю. Клевер, Л. Лагорио и др.

Сама Академия художеств не была удовлетворена результатами деятельности состоявшего при ней Общества выставок художественных произведений. Академический журнал в 1884 г., оценивая выставки последних лет, указывал, что «за три-четыре хорошие, талантливые произведения приходилась масса вещей посредственных, даже таких, которые, для пользы дела, следовало бы удалить с выставки».²

С 1884 г. Академия художеств снова взяла непосредственно в свои руки устройство своих ежегодных выставок. В качестве задачи при этом выдвигалось устранение «художнической розни» и к участию в выставках приглашались «решительно все русские художники». Однако передвижники, искусство и организация которых еще продолжали находиться на подъеме, отнюдь не склонны были растворить свое Товарищество и свои выставки в Академии и академических выставках. Ежегодные выставки Академии художеств, как и раньше, оставались в основном демонстрациями академического искусства. По примеру передвижников Академия решилась устраивать выставки и в провинции. Впервые «передвижная академическая выставка» была устроена в 1886 г. в Одессе и Харькове. Опыты эти продолжались в последующие годы (выставки в тех же городах, в Клене, Риге и т. д.), но ни по масштабам, ни по значению не могли идти в сравнение с просветительно-художественной деятельностью Товарищества передвижников.

Разумеется, академические выставки имели свою публику; и в верхнем слое общества и среди обывательско-мещанской массы академической живописи отдавали даже предпочтению перед проникнутой глубоким идейным содержанием

¹ В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. I, отд. 2, стб. 687—688.

² Художественные новости, 1884, № 8, стб. 190—191.

живописью передвижников. Общая атмосфера реакции 80-х и начала 90-х годов должна была в известной мере способствовать успеху представителей академического искусства. Во второй половине 80-х годов число посетителей выставок Академии художеств превышало ежегодно 20 тыс. человек, достигало и 25 тыс. Немало петербуржцев собиралось и на персональные выставки некоторых видных представителей академического искусства. Например, в 1889 г. более 30 тыс. человек побывало в Академии художеств на выставке Г. И. Семирадского,¹ автора очень эффектных, но холодных и оторванных от запросов современной жизни картин (на античные темы), которого консервативные общественно-художественные круги вельчески поддерживали в противовес демократическому, гражданскому, национальному искусству.

Примерно на рубеже 80-х и 90-х годов появляются первые признаки снижения передвижнического влияния. Передвижничество, выросшее на почве освободительных идей и стремлений 60-х и 70-х годов, отвечало тому этапу русского освободительного движения, который В. И. Ленин обозначил как разночинский, или буржуазно-демократический. В конце 70-х—начале 80-х годов этот этап перешагнул через свою вторую кульминационную точку (вторая революционная ситуация в России); к концу 80-х—началу 90-х годов разночинский этап почти исчерпывает себя. В освободительном движении наступает третий, завершающий этап—пролетарский. Но старое передвижничество, как целое, не было способно сыграть для пролетарского этапа вполне ту же роль, какую оно выполнило при разночинском. Упадок настроения в интеллигентском обществе в результате поражения революционного движения 70-х и 80-х годов непосредственно оказывал свое воздействие и на художественную интеллигенцию.

В итоге, боевой дух передвижнического творчества начинает падать у некоторых художников, острый социальный жанр не играет прежней ведущей роли, меньше выявляется исторических полотен и меняется иногда их характер, пейзаж вытесняет отчасти другие жанры, более непосредственно отражающие общественные запросы и интересы, и т. д.

В этой обстановке среди части передвижников нашли отклик призывы, которые стали раздаваться с некоторых пор в отдельных органах печати и общественных кругах, относительно целесообразности примирения между передвижниками и Академией. Реформа Академии художеств, которая была предпринята в начале 90-х годов по почину известного археолога Н. И. Толстого, назначенного ее конференц-секретарем, а потом вице-президентом, создала почву для участия ряда видных передвижников в ее деятельности.

Таким образом, в разработке проекта нового устава Академии художеств уже участвовали Репин, Куняжский, Мясоедов, Савицкий, Поленов. Устав, утвержденный в 1893 г., разделил Академию как «высшее художественное учреждение

¹ Художественные новости, 1889, № 5, стб. 123.

для поддержания, развития и распространения искусства в России на собственно Академию художеств, или Академическое собрание, и Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры. В первоначальный состав действительных членов обновленной Академии художеств наряду с рядом представителей традиционного академического искусства вошли М. Антокольский, В. Васнецов, А. Куинджи, В. Маковский, Г. Мясоедов, В. Поленов, И. Репин, В. Суриков, И. Шишкин и др. Передвижник (из московского отряда передвижников) В. Е. Маковский, известный жанрист, стал ректором Высшего художественного училища. Репин стал руководителем академической мастерской исторической живописи, Шишкин и Куинджи — руководителями пейзажной мастерской.

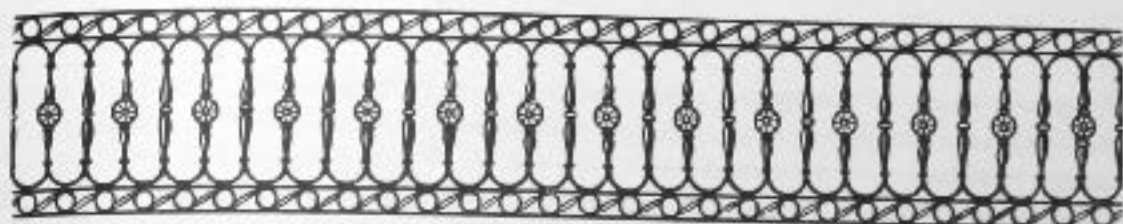
Вступление в Академию группы передвижников резко осуждал В. В. Стасов, который находил, что переход в Академию — «измена республиканству и демократизму искусства».¹ Передвижники, связанные в той или иной форме с Академией, являющая целесообразность сближения с реформированной Академией, не свободны были от серьезных сомнений, как бы «развитие добрых начал» в ней не было «задержано наплывом старых инстинктов» (так говорил Мясоедов на собрании Товарищества передвижников по поводу его 25-летия).

Будущее подтвердило обоснованность таких сомнений. Академия немало выиграла от притока новых сил. Присутствие в ее преподавательском составе таких корифеев передового изобразительного искусства, как Репин или Владимир Маковский (в особенности первого), подняло идейный и профессиональный уровень ее работы. Но официальный характер Академии, ее зависимость от правящих верхов, давление старых академических элементов очень ограничивали размах перестройки.

В итоге Академия художеств, хотя и ослезенная, все-таки и после реформы 90-х годов не могла стать подлинным центром прогрессивного художественного движения. Необходимо учесть и то, что в обстановке начинавшегося перехода страны к империализму, с присущими последнему все нарастающими проявлениями кризиса в буржуазной культуре, усиливался напор антиреалистических и антидемократических течений в искусстве, шла мобилизация сил так называемого модернизма, декадентства. Декаденты наступали и на демократическое искусство передвижников, и на Академию. Изобразительное искусство вступало с конца XIX в. в новый, особенно сложный, богатый противоречиями и конфликтами период своего развития.

¹ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II, стр. 422.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛА

 Неудачный исход Крымской войны во многом был предопределен не только социально-экономической и военной, но также и культурной отсталостью России.

Крепостнические порядки привели к плачевному положению дела народного образования. К началу 60-х годов, по данным Н. Г. Чернышевского, в стране из 65—70 млн населения было всего 4—5 млн грамотных. Число же образованных людей в лучшем случае достигало полумиллиона.¹

Необходимым условием для дальнейшего развития страны являлось распространение образования. Безграмотность народных масс мешала росту производительных сил страны, препятствовала развитию культуры. Однако царское правительство и правящие классы были неспособны решить ставшую крайне настоятельной задачу просвещения народа.

Темнота и невежество трудящихся помогали эксплуататорам обманывать их, держать в беспрекословном подчинении и смирении. Н. Г. Чернышевский, намекая на классовые причины безграмотности народа, писал: «Браминны и князятринники не допустят серьезных забот о просвещении народа, потому что все привилегии браминнов и князятрий, все выгоды, ими извлекаемые из касты парий, основываются на невежестве парий».² В своих «Признаках времени» М. Е. Салтыков-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. V, 1950, стр. 696.

² Там же, т. IV, 1948, стр. 842.

Щедрин, говоря об отношении самодержавия к просвещению, саркастически отмечал: «Одно убеждение, повидимому, сложилось прочно — это убеждение, что знание есть рассадник бунтов».¹

Однако нужды экономического развития требовали определенных сдвигов в области культуры. В среде буржуазии и буржуазной интеллигенции распространяется убеждение в необходимости для населения хотя бы элементарного образования.

Впрочем, наиболее активными организаторами движения, направленного на преодоление невежества и культурной отсталости масс, выступили демократически настроенные круги интеллигенции во главе с Чернышевским и Добролюбовым.

Довольно широкое общественно-педагогическое движение в конце 50-х годов поставило вопрос о ликвидации феодально-сословной системы народного образования, об искоренении палочной дисциплины в начальной и средней школе, об устранении полицейского надзора в высшей школе.

Впервые выдвигается на широкую арену общественного обсуждения проблема всеобщего обучения народа, проблема народной школы.

Революционные демократы выдвинули наиболее прогрессивную программу народного просвещения. В сравнении с этой программой просветительские требования умеренно либеральных кругов казались чрезвычайно скромными.

Убийственной прощай звучали слова Н. А. Добролюбова по адресу либералов, убеждавших правительство в безопасности для него элементарной грамотности населения: «Почти решено, что грамота не ведет народ к погибели. С благородной прямою и смелостью выразился один из защитников грамотности, что „вреда от грамотности нельзя ждать большого“».²

Революционеры-демократы высмеивали попытки либералов свести просвещение народа к обучению грамоте, профессиональным навыкам и религиозно-правственному катехизису.

Выступая против религиозного мракобесия царской школы, революционные просветители предлагали воспитывать молодежь для активного участия в общественно-политической и культурной жизни страны, давая ей в школе глубокое общее образование, сообщая ей широкий круг научных сведений.

«Современник», «Русское слово» не раз указывали на близорукость либеральной прессы, которая рассматривала элементарную грамотность народа как панацею от всех бед России. Чернышевский и его соратники, разоблачая лицемерность провозглашения в условиях царизма права народа на образование, неоднократно подчеркивали, что только демократическое преобразование страны и улучшение материального положения масс могут привести к действительному решению проблемы всеобщего обучения трудящихся.

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. VII, 1935, стр. 187.

² Н. А. Добролюбов, Педагогические сочинения. Изд. 2-е, М., 1949, стр. 350.

Революционные демократы в то же время протестовали против стремления либеральных деятелей отложить решение основных проблем народного образования до того неведомого времени, когда все население страны станет грамотным. Один из видных революционных просветителей 60-х годов, П. В. Шелгунов высмеивал эту враждебную интересам народа точку зрения следующим весьма показательным подсчетом. Оказывается, что при том количестве школ, которое имелось в России в 1864 г., всеобщей грамотности народ мог достигнуть только через 120 лет, т. е. к 1984 г. Среднее образование все население России могло получить при том же условии через 15 тыс. лет, а высшее — через 26 тыс. лет!¹

Подчеркивая выдающуюся талантливость русского народа, революционные демократы разоблачали все попытки отнять у народа всякую возможность к образованию.

Н. Г. Чернышевский выступал против клеветнического утверждения о том, что народ настроен против образования, против школ. Чернышевский показывал, что трудящиеся не посылают детей в сельские начальные школы из-за материальной необеспеченности, из-за того, что в этих школах ничему не выучивают, а только бьют и терзают детей.²

Высокое мнение революционеров-демократов об уме и тяге народа к образованию блестяще оправдалось уже в те годы. Поднявшийся в 50-е годы с новой силой на борьбу за освобождение от гнета помещиков народ с надеждой обращался к азбуке и букварю. Самостоятельное движение в среде крестьянства за образование приводило к открытию в ряде сельских местностей школ грамоты по инициативе самих крестьян, на их средства.³

Весьма живо откликнулись на инициативу передовой интеллигенции в организации воскресных школ и трудящиеся Петербурга. По отзыву К. Д. Ушинского, это было «замечательное и отрадное явление, свидетельствующее о том, что народ созрел к образованию».⁴

Поставленные самой жизнью вопросы народного образования, воспитания молодого поколения привели к оживлению педагогической мысли.

Наметившееся в конце 50-х—начале 60-х годов размежевание либерального и революционно-демократического направлений в педагогике не привело еще к той противоположности и острой враждебности интересов, с какой эти направления сталкивались в области политики. Объяснялось это не столько сравнительной прогрессивностью просветительской программы либеральной интеллигенции, сколько тем, что передовые русские педагоги, часто весьма умеренные по своим политическим взглядам, в своей практической и теоретической деятельности исхо-

¹ Русское слово, 1865, июнь, Домашняя летопись, стр. 38.

² Н. Г. Чернышевский. Избранные педагогические произведения. М., 1953, стр. 640 и сл.

³ Н. В. Чехов. Типы русских школ в их историческом развитии. М., 1923, стр. 35.

⁴ К. Д. Ушинский, Собрание сочинений, т. 2, 1948, стр. 512.

дали не из узкоклассовых интересов, а из чувства патриотического служения родине и ее народу.

Первым толчком к серьезному оживлению прогрессивной педагогической мысли была статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», опубликованная в 1856 г. в «Морском сборнике». Знаменитый ученый порицал сословный, узкоприкладной, деляческий характер образования в николаевской школе, взывал к гуманности в воспитании, выступал в защиту общеобразовательной школы. Несмотря на то, что взгляды Н. И. Пирогова были очень умеренны, его выступление против устаревшей системы образования было горячо поддержано в «Современнике» Чернышевским.¹

Статья Пирогова вызвала не только обсуждение давно назревших вопросов. Вслед за ее появлением начали организовываться педагогические общества и кружки, один за другим стали издаваться педагогические журналы («Журнал для воспитания», «Педагогический сборник» и др.). Вопросы воспитания оживленно обсуждались на страницах «Современника», «Русского слова» и других журналов. Выдвинулся ряд видных педагогов.

К этому периоду относится и появление двух выдающихся направлений в русской педагогике, во многом связанных между собой тесными нитями: педагогической системы замечательного просветителя Ушинского и педагогического учения великих революционных демократов Чернышевского и Добролюбова.

К. Д. Ушинский (1824—1870), которого современники называли «отцом русской педагогики», работал в 50—60-х годах преподавателем в Гатчине и некоторое время был инспектором Смольного института. Там он собрал лучших петербургских педагогов того времени. Рутинерам пришлось не по душе его реформаторская деятельность, и он был в 1862 г. уволен. В последующие годы К. Д. Ушинский целиком посвятил себя работе над педагогическими сочинениями, главным из которых является двухтомный труд «Человек, как предмет воспитания».

Педагогические воззрения Ушинского складывались под влиянием стихийного естественно-научного материализма. В основу своей теории воспитания Ушинский положил идею народности, патриотическую идею любви к родине, к ее культуре и, особенно, к ее языку. Он был страстным противником некритического заимствования с Запада буржуазных методов и принципов педагогики.

В отличие от Пирогова Ушинский был весьма далек от увлечения иностранными и, особенно, древними языками. Именно родной язык, а также география и история родной страны — считал он — должны явиться главным средством и орудием педагогического процесса в школе.

Огромное воспитательное и образовательное значение русской речи, по мнению Ушинского, заключалось в том, что в ней звучит голос родной природы, запечатлена история народной жизни, отражаются те элементы национальной куль-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 688—689.

туры, которые с детства окружают ребенка.¹ Составленная им в соответствии с этими положениями хрестоматия «Родное слово», разнообразная и богатая по содержанию, эмоциональная по изложению и написанная живым безыскусственным языком, стала на долгие годы любимой книгой в русской начальной школе. Даже без официального одобрения она выдержала до 1917 г. 164 издания.

Обладая проникновенным знанием детского характера, Ушинский настойчиво проводил идею о развитии в детях самостоятельности и активности, придавал большое значение наглядности обучения, много способствовал укреплению воспитательного значения физического труда в школе.

В силу ограниченности своего мировоззрения Ушинский, так же как и Пирогов, призывал порой на помощь учителю религию, наивно верил, что наиболее важные вопросы народного просвещения можно легко разрешить при условии доброй воли правительства. Все же его труды, несмотря на некоторые слабые их стороны, несомненно имели выдающееся значение в истории русского просвещения и педагогической мысли.

Влияние идей Ушинского сказалось на передовой педагогике других наций, входивших в состав России (Г. Агаян в Армении, Я. Гогобашвили в Грузии, Р. Эфендиев в Азербайджане и др.), а также на прогрессивной педагогике славянских народов. Мысли Ушинского во многом не потеряли своей ценности и для советского учительства.

Провозглашение Ушинским и другими лучшими педагогами 50—60-х годов принципа обязательного и общедоступного обучения народа, предложенные ими новаторские по тому времени программы и прогрессивные методы обучения находили полную поддержку со стороны разночинно-демократической общественности.

Н. И. Пирогов. Гравюра.

¹ К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения. М., 1945, стр. 345.

Наиболее передовые позиции по всем общественным вопросам занимали в 60-е годы великие русские революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов, а также Писарев, Шелгунов и др. Их интерес к педагогическим вопросам не был случайным и поверхностным. Постоянно имея в виду необходимость насильственного уничтожения самодержавно-крепостнического строя, вожди демократического лагеря всегда уделяли самое серьезное внимание революционной подготовке и воспитанию масс.

Горячая защита прав народа на образование на страницах «Современника», «Русского слова» и других демократических изданий сопровождалась неустанным обличением церковных и дворянско-монархических теоретиков обскурантизма, разоблачением правительственной политики борьбы против просвещения, насмешками и сарказмом по отношению к старой николаевской школе с ее оторванностью от жизни, казовой замкнутостью, казарменно-палочной дисциплиной и бессмысленной зубрежкой.

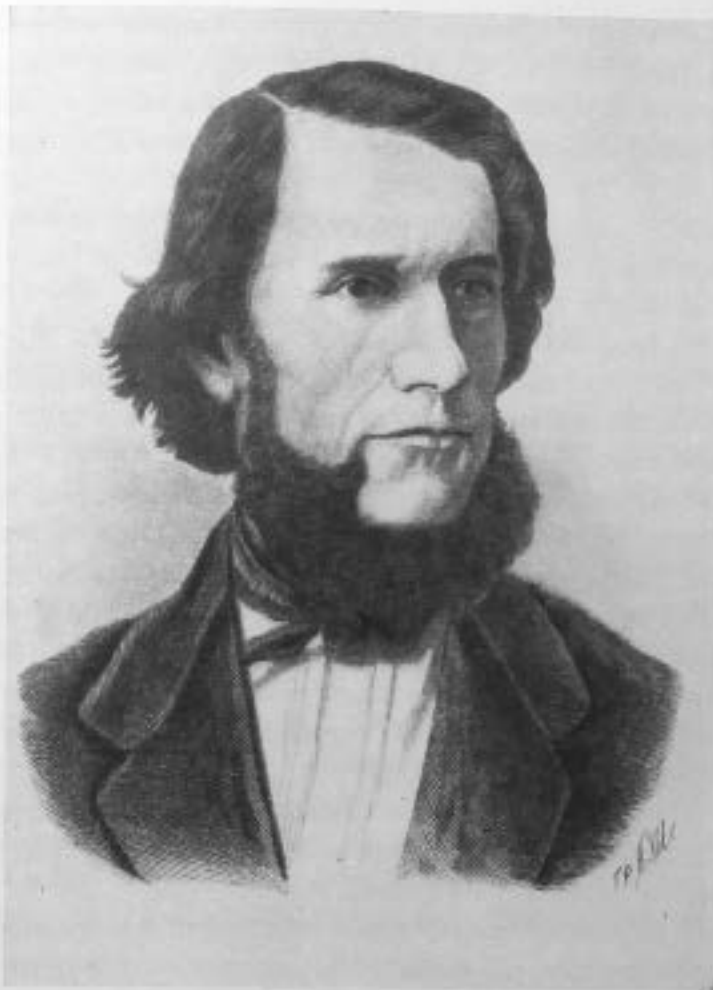
В отличие от либералов, которые уверяли, что народ еще не созрел для политической свободы и что нужно предварительно просветить его, Чернышевский и Добролюбов доказывали, что господствующие классы никогда не допустят, чтобы трудящиеся в одинаковой мере с ними пользовались плодами просвещения и культуры. «Кто не пользуется политической властью, тот не может спастись от угнетения, то есть от нищеты, то есть и от невежества», — совершенно определенно заявил Чернышевский.¹ Только социальное и политическое освобождение может дать народу действительную возможность просвещаться — провозглашал «Современник».

Главной целью школы своего времени Чернышевский и Добролюбов считали воспитание в молодежи революционных устремлений, подготовку граждан, способных во имя освобождения родины и народа к непримиримой борьбе с угнетением и деспотизмом. Для этого школа должна стать всеобщей и общедоступной. В ней необходимо преподавать естественно-научные и социально-политические дисциплины, дающие прочную основу для формирования у детей материалистического мировоззрения и демократических убеждений.

Важнейшим средством воспитания является физический труд, правильно чередуемый с умственным. Только такое чередование может воспитать в молодом поколении уважение ко всем видам человеческого труда, презрение и ненависть к аристократическому дармоедству.

Высоко оценивая роль народного учителя, Чернышевский и Добролюбов не раз высказывались за организацию специального педагогического образования. В учителе народной школы они видели человека кристальной моральной чистоты, высокообразованного и авторитетного воспитателя детей и юношества, пламенного пропагандиста революционно-демократических идей.

¹ В. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1950, стр. 98.

К. Д. Ушинский, Гравюра на дереве, 70-е годы XIX в.

Под влиянием демократических идей 60-х годов складывались педагогические и естественно-научные воззрения видного ученого второй половины XIX в. в области педагогики и биологии — П. Ф. Лесгафта (1837—1909), получившего образование в Медико-хирургической академии. В середине 70-х годов Лесгафт проводил в Петербурге во 2-й военной гимназии научно обоснованные занятия гимнастикой. В 1877 г. он организовал при этой гимназии учебно-гимнастические курсы — первое высшее учебное заведение по физической культуре в нашей стране.

Лесгафт впервые научно обосновал методику и принципы физического воспитания («Руководство по физическому образованию детей школьного возраста») и явился одним из основоположников теории семейного воспитания («Семейное воспитание ребенка»). Он много сделал для изучения раннего детства ребенка, школьной гигиены, глубоко разработал идею всестороннего гармонического раз-

вития личности. Лесгафт стремился воспитывать юношество умственно и физически, соединять гуманитарное и техническое образование, развивать художественные способности, эстетические вкусы и одновременно укреплять моральные качества своих воспитанников, готовить их к деятельной жизни, полной труда и борьбы.

Педагогическое учение Лесгафта во многих своих чертах явилось продолжением лучших традиций русской педагогики 60-х годов и носило глубоко прогрессивный, передовой характер.

Прогрессивная педагогическая мысль второй половины XIX в. носила на себе печать общественного движения эпохи. Этим объясняется ее новаторский характер, важность поставленных ею задач, смелость предложенных решений.

Представители передовой педагогики выступали против крепостнической системы образования, требовали широкого развития народной школы и ликвидации безграмотности народа, выдвигали лозунг автономии высшей школы, настаивали на организации полноценного женского образования. Крупнейшие педагоги, протестуя против зубрежки, муштры и схоластики, боролись против подготовки школой чиновников и офицеров, отстаивали, как главную задачу школы, воспитание человека и гражданина с высокими нравственными достоинствами. На новых основах решались методические и дидактические вопросы. Развернулась острая критика реакционных систем иностранной педагогики. Критически используя достижения прогрессивной педагогики Запада, лучшие русские педагоги шли своим путем, патристически боролись за передовые национальные принципы образования и воспитания.

Прогрессивная педагогика развивалась под благотворным влиянием материалистических и революционных идеалов Чернышевского и Добролюбова. Этим объясняется ее народность, глубокое философское обоснование ее принципов, смелые творческие искания.

Последовательный демократизм и прочный материалистический фундамент мировоззрения позволили Чернышевскому и Добролюбову выработать самую прогрессивную и самую значительную во всей домарксистской педагогике теорию воспитания. Несколько поколений лучших людей России черпало из этой теории взгляды на задачи школы и образования.

* * *

Общественный подъем 50—60-х годов не мог не затронуть передовой интеллигенции, в том числе учащейся молодежи, и не сказаться на положении народного образования.

Прокатившаяся в конце 50-х годов по всей России волна инициативы в области просвещения захватила и Петербург. В столице возникают воскресные школы, организуются женские гимназии, шире открываются двери университета, в пре-

подавление проникают освободительные идеи. Совершалось это большей частью двучным путем, помимо и даже вопреки воле правительства.

Шеф жандармов Долгоруков оправдывал, например, впоследствии свое «бездействие» в отношении воскресных школ тем, что «всякая мера, которая могла бы казаться преградой, противопоставляемой распространению сих школ, была бы поводом к возбуждению ропота».¹

В период революционной ситуации правительство нехотя мирилось с общественной инициативой в области просвещения и в целях «умиротворения» подвольства порой обещало еще более широкие реформы.

Начав подавление общественного движения, правительство тотчас перешло в наступление против «вольностей» в просвещении. Оно закрыло воскресные школы, прекратило на два года занятия в университете, изгнало из высших учебных заведений проникших туда женщин и серьезно урезало обещанные ранее преобразования.

Реформы в области образования, проведенные в середине 60-х годов, не ликвидировали наследия крепостнической системы педагогики, сохранили массу пережитков сословно-дворянской школы, многие из которых удержались вплоть до 1917 г.

Призванный возглавить в глазах «общества» либеральный курс правительства министр просвещения А. В. Головин не столько вводил что-либо новое в школьную жизнь, сколько ликвидировал завоеванные в годы революционной ситуации права учащихся и учебных заведений.

Именно Головин, который не скупился на показательные жесты и щедрые обещания, разгромил воскресные школы и требовал усилить репрессии к участникам студенческих волнений.

Несмотря на свою половинчатость, реформы 60-х годов все же имели положительное влияние на развитие просвещения в России. Был сделан известный шаг по пути замены сословной школы всесословной. Быстрее стала развиваться начальная школа, было положено начало открытому женскому среднему образованию, появились средние педагогические учебные заведения. Учительству предоставлялась известная инициатива в организации учебно-воспитательного процесса. Специальные высшие учебные заведения потеряли свой полувойенный характер, получили, как и университет, автономию.

После покушения Каракозова (1866) политика лавирования в области просвещения была признана царем опасной, а очень осторожные реформы Головина предными. Александр II настаивал на воспитании молодого поколения «в духе истины религии и уважения к правам собственности».

Министром просвещения был назначен отъявленный реакционер обер-прокурор Синода Д. А. Толстой. На него была возложена задача перестроить образо-

¹ М. К. Лемке. Очерки освободительного движения 60-х годов. СПб., 1908, стр. 403.

вание таким образом, чтобы школа воспитывала людей, слепо преданных царизму.

Одним из вдохновителей обскурантистской политики министерства Толстого стал реакционный московский журналист Катков. При его поддержке Толстому удалось провести столь ретроградные контрреформы, что даже высшая царская бюрократия в лице большинства Государственного совета, опасаясь взрыва негодования, в некоторых случаях выступала против них. Прогрессивные элементы школьной реформы 60-х годов были сначала парализованы, а затем и ликвидированы новыми уставами 70-х годов.

При одном из преемников Толстого, И. Д. Делянове, волна обскурантизма достигает своего апогея, учебное время в школах до предела насыщается древними языками. Делянову удалось почти полностью восстановить дворянско-сословный характер средней школы, передать в значительной степени контроль над начальной школой в руки духовенства и довольно серьезно понизить уровень университетского образования.

В 1879 г. в печати революционеров-народников отмечалось: «В то время как от мала до велика вся Россия жадно тянется к просвещению, вся деятельность Министерства народного просвещения сводится к закрытию народных школ и ограничению количества слушателей средних и высших учебных заведений, доходя в своем мракобесии до закрытия Медико-хирургической академии».¹

Народное образование в России в 80-х годах, казалось, возвращается к временам самой черной николаевской реакции. В 90-х годах почти 80% населения царской России все еще оставалось безграмотным. Расходы на просвещение являлись одной из ничтожнейших статей государственного бюджета. В 1867 г. они составляли 2% (15,4 млн руб.), а в 1897 г. 3,6% (44,6 млн руб.).² Этих средств было недостаточно для содержания удовлетворительной школьной сети в одном Петербурге. Неудивительно, что средства правительственного бюджета покрывали только 14% расходов на содержание начальных училищ по России.

Недаром В. И. Ленин называл деляновское Министерство просвещения министерством затемнения.

Традиционная для царизма политика борьбы против просвещения отражалась и на положении народного образования в столице.

* * *

В Петербурге совершенно неудовлетворительно обстоит дело с начальным образованием. В системе начального образования царял к концу XIX в. такой хаос, что в нем с трудом разбирались даже специалисты.

¹ Листок «Земли и воли», № 4, 6 апреля 1879 г.

² Ф. Ч. По поводу наших школьных дел. Русское богатство, 1899, № 8, стр. 256.

В начале 60-х годов в Петербурге было 356 начальных училищ, пансионов и приютов разных ведомств, но в них было только 15 тыс. учащихся.¹ Из этих школ около ста находилось в ведении «святейшего» Синода. Задача образования в синодских училищах сводилась к «духовно-нравственному воспитанию народа». Главными предметами в них были закон божий и церковное пение. Учили в этих школах повенственные дьячки.

Правительство мало заботилось о росте начальных школ, призванных обучать детей «низших» сословий. К 1861 г. в Петербурге в ведении Министерства народного просвещения было всего 10 приходских и 7 уездных училищ (с приходскими классами при них), в которых обучалось лишь 1700 детей. В этих школах все еще господствовали дореформенные порядки. Учителя большей частью ничего не объясняли, задавали уроки «отселе и доселе» и требовали дословно точных ответов по учебнику. За малейшие провинности они ставили учеников на колени, не скупились на затрецины, а при случае таскали за волосы или обращались к розгам.

Наибольшее количество школ (свыше 230) принадлежало частным лицам. Обучение в светских школах поставлено было лучше, но порой там взималась довольно высокая плата за обучение, почему они оказывались доступны ограниченному кругу лиц, главным образом мелкой городской буржуазии. Более половины детей школьного возраста (56%), согласно данным 1869 г., не посещали школу. Это были, конечно, дети рабочих, прислуги и прочей городской бедноты. Из 56 234 детей училось лишь 22 915.²

Демократически настроенная интеллигенция в годы революционной ситуации сочла своим долгом немедленно отозваться на стремление народа к знаниям. В 1858—1861 гг. по всей России растет сеть совершенно нового в России типа начальных училищ — воскресных школ.

Появление этих школ было вызвано также настоятельными потребностями экономического развития страны (нуждой в грамотных рабочих, ремесленниках и т. д.).

Одна из первых воскресных школ в России возникла в Петербурге в 1858 г. Через три года в столице их было 28. В Таврической школе преподавали такие видные тогда педагоги, как географ Д. Д. Семенов, историк М. И. Семевский, литературовед О. Ф. Миллер, в Василеостровской — Ф. Ф. Резнер, В. П. Острогорский, известный впоследствии скульптор Ф. Ф. Каменский, А. Я. Герд и др. В некоторых из воскресных школ преподавала студенческая молодежь, связанная с «шартей» Чернышевского, воодушевленная идеей народного блага и знакомая

¹ И. Корнилов. Справочная книга Петербургского учебного округа. СПб., 1862, стр. 1.

² О введении обязательного обучения в С.-Петербурге. Журн. Мин. нар. просвещения, 1874, ноябрь, стр. 8, 27.

с передовой педагогикой своего времени: Рымаренко, Ушаков, Аверкиев и др. В первой воскресной школе за Невской заставой преподавал известный писатель-демократ Н. Г. Помяловский. В воскресных школах не было наказаний, не было принуждения к учению и тем не менее не совершалось серьезных проступков, а малоуспевающие насчитывались единицами.¹

Чернышевский называл деятелей воскресных школ «честными людьми, любящими свой народ, делающими для него все, что могут».² Особенно остро в «Современнике» был поставлен вопрос, который обходили либеральные защитники воскресных школ. Чтобы учиться, слушатели воскресных школ должны были иметь для этого время, а его у них не было. Даже 12—13-летние девочки работали по 14—16 и даже по 18 часов в сутки.³ «Современник» требовал немедленно ограничить законом труд несчастных детей. Журнал негодовал и по поводу притеснения школ со стороны правительства, которое ограничило их программу грамотой, счетом и «законом божьим». Вожди революционно-демократического лагеря рассматривали воскресные школы не только как культурно-просветительные учреждения, но и как легальное средство пропаганды демократических идей, орудие политического воспитания широких масс.

Учителя воскресных школ умели обойти и официальные циркуляры, и установленный министерством надзор духовенства. В большинстве школ не псалтырь, а сочинения Пушкина, Гоголя и Некрасова стали любимым чтением учеников. В Василеостровской и Шлиссельбургской школах ученики на уроках знакомились не только с прописными истинами религиозной морали, но также с русской историей, биологией и даже теорией мироздания на основе геологических данных.⁴ В школе при Гальванической роте преподаватели разъясняли рабочим не только таблицу умножения, но и начала политической экономии.⁵ Образную, необычайно доходчивую и убедительную антирелигиозную пропаганду вел в школе на Шлиссельбургском тракте Н. Г. Помяловский.⁶

Созданные освободительным движением воскресные школы не могли оставаться от него в стороне. Неудивительно, что в воскресных школах инспекторы не замечали «духа умеренности и миролюбия». В библиотеке школы при Гальванической роте власти обнаружили комплект вырезок из «Современника» и «Искры»,⁷ слушатели Самсоновской школы читали прокламацию «Молодая Россия»⁸ и т. д.

¹ В. Острогорский. Из истории моего учительства. СПб., 1914, стр. 94.

² Н. Г. Чернышевский. Избранные педагогические произведения, стр. 643.

³ В. Стасов. Н. В. Стасова. СПб., 1899, стр. 100.

⁴ ЦГИАЛ, ф. канц. МВД, д. 42, Прилож., ч. 2, л. 150.

⁵ Там же, л. 201.

⁶ Е. Н. Водовозова. На заре жизни, т. II, 1934, стр. 107—108.

⁷ ЦГИАЛ, ф. канц. МВД, д. 42, Прилож., ч. 1, л. 169.

⁸ М. К. Лемке, ук. соч., стр. 408—409.

Правительство, обнаружив в воскресных школах революционную пропаганду, немедленно закрыло их по всей России.

После закрытия воскресных школ развитие начального образования в Петербурге шло чрезвычайно медленно, постоянно отставая от нужд города. На него в 1872 г. было ассигновано из трехмиллионного бюджета столицы всего 28 тыс. руб. (тогда как в Саратове расходовалось 30 тыс., а в Одессе — 54 тыс. руб.),¹ или $\frac{1}{132}$ часть. В 1877 г. правительство окончательно отказалось от забот о начальных школах столицы и передало управление ими Городской думе. Дума получила 14 мужских и 2 женских училища с 800 учащимися.² По положению 1872 г. городские училища (так называемые высшие начальные) имели шестилетний срок обучения. Помимо общеобразовательных предметов, были и прикладные (счетоводство и т. п.). Созданием этих училищ правительство рассчитывало отвлечь детей «низших» сословий от поступления в гимназии и реальные училища. Городские училища давали не среднее, а лишь повышенное начальное образование. Учились в них дети мелких служащих, торговцев, ремесленников. Детям рабочих они были почти недоступны.

Число начальных училищ к 1895 г. возросло до 511 (вместо 356 в 1864 г.), а число учеников в них — до 30 тыс. В ведении Городской думы находилось 328 школ, из них 174 мужских, 151 женская и 3 смешанных, с числом учащихся 17 249. Остальные школы были церковными или частными.

Только 10 училищ, так называемых «городских», соответствовали положению 1872 г. о городских училищах и имели четырехлетний срок обучения, остальные являлись по существу сельскими — двух- и даже одногодичными.³ В 10 «городских» училищах занималось всего 4688 школьников, а 28 тыс. с лишним других учащихся (среди них часть взрослых) проходили только самый элементарный курс обучения.

Преданные делу педагоги (на $\frac{9}{10}$ женщины) успешно вели обучение. Однако высокий уровень подготовки педагогического персонала не мог возместить материальной необеспеченности городских училищ. В начале 90-х годов тревогу забила и та либеральная печать, которая раньше благодушно восторгалась небывалым ранее приростом новых школ. Выяснилось, что почти все школы ютятся в жалких полутемных и холодных квартирах, что в них почти нет учебных пособий, что в класс — обычно небольшую комнату — набивается по 40 и даже 75 детей.⁴ Кроме того, из-за бедности родителей многие дети были вынуждены пре-

¹ Журнал Министерства народного просвещения, 1874, ноябрь, стр. 11—12.

² Отчет Комиссии Городской думы для заведывания начальными городскими училищами. Известия СПб. Городской думы, 1879, № 1, прилож., стр. 36.

³ Начальное образование в России. Под ред. Г. Фальборка и В. Чарюлуского. СПб., 1895, т. I, стр. 21, 67.

⁴ Отчет Комиссии Городской думы для заведывания начальными городскими училищами, стр. 40. См. также статью «Печальное положение дел „городских“ училищ» (Внутреннее обозрение «Вестника Европы», 1892, № 8, стр. 908).

ждевременно бросать школу и устраиваться на работу. В 1895 г. окончило городские школы 2733 учащихся, а ушло, не закончив учебы, почти столько же — 2633.¹

В 90-х годах попрежнему остро сказывалось отставание числа вновь появляющихся школ от потребностей быстро растущего населения города. В 1895 г. было отказано в приеме пяти тысячам детей, а в 1896 г. уже почти шести тысячам.² При таком положении начального образования — указывал известный тогда педагог Страннолюбский — Петербург не достигнет всеобщего обучения ни к 1950 г. (эту дату называли благодушные «отцы города»), ни вообще когда-либо. Столица все более и более будет «приближаться к идеалу неграмотности».³

Недостаточное развитие общего начального образования служило серьезным препятствием специальной подготовке и техническому образованию рабочих промышленности. В связи с этим в 70-х годах появился новый тип начальной школы — профессиональной. Заботу об организации школ для рабочих и их детей взяло на себя возникшее в 1866 г. Русское Техническое общество. К 1895 г. это общество организовало в Петербурге, большей частью при крупных заводах, 35 школ (всего в них было около 3800 учеников разного возраста).⁴

Демократически настроенные учителя, нередко студенты, терпеливо и настойчиво прививали начатки знаний рабочим и их детям, зачастую сидевшим рядом со своими отцами.

Школы Технического общества сыграли известную положительную роль в подъеме культурного уровня петербургских рабочих. Г. В. Плеханов так оценивал в свое время их значение: «Бедно-обставленные, они все-таки недурно делают свое дело, обучая заводскую молодежь чтению, письму и арифметике».⁵ Нельзя забывать однако, что Техническое общество отнюдь не бескорыстно устраивало свои школы. Заводчики и фабриканты не скрывали, что обучение рабочих и их детей грамоте, счету, элементарным навыкам черчения и т. п. повышает производительность труда и тем самым ведет к росту прибылей. Члены Комиссии по техническому образованию нашли также очень удобный для капиталистов источник средств для содержания этих школ — отчисления из заработной платы самих рабочих.⁶ Наконец, капиталисты надеялись сделать эти школы орудием идейного подавления пролетариата и прежде всего, как это было официально объявлено на съезде крупнейших заводчиков Петербурга в 1875 г., посредством их «отвлечь

¹ Статистические сведения Комиссии по народному образованию. Известия СПб. Городской думы, 1895, декабрь, стр. 1943—1944.

² Там же, стр. 1946.

³ А. Страннолюбский. Несостоятельность Петербургской Городской думы в деле народного образования. Образование, 1897, № 10, стр. 151—152.

⁴ Учебные заведения Министерства народного просвещения. СПб., 1895, стр. 384—391.

⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 138.

⁶ Вестник Европы, 1875, № 10, стр. 824.

рабочих от вредного учения Интернационала». ¹ Капиталисты настойчиво убеждали задавленных тяжелым физическим трудом рабочих, что «в области духа царит полная равноправность». ²

Между тем Комиссия по техническому образованию Русского Технического общества обнаружила, что рабочие многих профессий, например кожевенного и ситцевого производства, занятые на работе с 5 час. утра до 8 час. вечера, были просто не в силах посещать школу. Еще безотраднее оказывалось положение 8—9-летних детей, которые наравне со взрослыми трудились по 12—14 и даже 15 час. в сутки. Вид этих истомленных и голодных оборвышей заставил содрогнуться даже бывалых членов Комиссии. ³ И этих детей фабриканты хотели заставить два-три года отработывать те нищенские расходы, которые затрачивались на их жалкое образование!

Под влиянием демократического движения в 70—80-х годах постепенно сжидают и вечерние-воскресные школы. Для подготовки пропагандистов из народа революционно-народническая интеллигенция организовала кружки и чтения на Выборгской стороне и на Васильевском острове. В качестве лекторов были привлечены С. М. Кравчинский, П. А. Кропоткин, Н. А. Чарушин и др. В числе слушателей были известные впоследствии революционеры Петр Алексеев и В. Обиорский.

Общественная инициатива по учреждению воскресных и вечерних школ для рабочих развернулась в России в особенности в конце 80-х—начале 90-х годов. Число воскресных школ увеличивалось в прямой зависимости от роста пролетарского движения в стране.

К середине 90-х годов в Петербурге было около 36 вечерне-воскресных школ и курсов. Все они находились под неусыпным надзором «батюшек» и чиновников в гражданских и полицейских мундирах, и все же на преподавательскую работу в них проникала революционно настроенная молодежь.

За Невской заставой в 1883 г. открылась Смоленская воскресная школа. Через видного революционера Е. А. Афанасьева, учившегося в ней, она была связана с социал-демократическим кружком Точиского. В начале 90-х годов здесь преподавали будущие активные члены большевистской партии — Н. К. Крупская, Л. М. Книпович, З. П. Кржижановская. ⁴

Занятия в этой школе, как и в ряде других, проходили не только по воскресеньям, но и по вечерам в будние дни — два-три раза в неделю. Революционно настроенные преподаватели очень быстро осознали необходимость от «право-

¹ Труды съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей, СПб., 1875, выд. 1, стр. 45.

² Д. Никольский. Н. А. Варгунин. Образование, 1897, № 12, стр. 93.

³ Труды Комиссии по техническому образованию РТО за 1882—1883 гг., СПб., 1884, стр. 5—8.

⁴ Н. Крупская. Из далеких времен. М.—Л., 1930, стр. 3.

чистописания» (которое в городских начальных училищах волей либеральных и благонамеренных педагогов из средства к образованию нередко превращалось в самоцель) перейти к общему и особенно политическому развитию своих учеников. В начале 90-х годов либерально-народнический и толстовский дух преподавания в Смоленской школе начал уступать место новым веяниям. Не только в обучении рабочих технической грамоте и не только в культурно-просветительной работе видели свою задачу педагоги, ознакомившиеся с марксизмом и участвовавшие в марксистских кружках. Расширение общеобразовательных знаний рабочих они связывали с пробуждением их классового самосознания, усвоением ими основ социалистической идеологии. Вечерне-воскресные школы столицы в 90-х годах способствовали подготовке почвы для развертывания работы первых социал-демократических организаций и, в частности, ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Смоленская школа смело несла знания рабочим столичной окраины. Ее педагоги охотно отвечали на вопросы рабочих.

По четвергам устраивались объяснительные чтения с волшебным фонарем. Эти беседы на естественно-научные и общественно-политические темы велись с большими предосторожностями. Ведь даже такое, казалось бы невинное, превышение программы, как преподавание десятичных дробей, строго преследовалось, ибо казалось чинущам «слишком революционным».¹

Однако педагоги школы самоотверженно выполняли свой долг. Недавно темные и неграмотные мастеровые постепенно переставали пить, ходить в церковь, неохотно шли на обязательные уроки «закона божьего».

Революционные убеждения, близкое знакомство с марксизмом таких преподавательниц, как Н. К. Крупская, Л. М. Книнович и другие, привлекали в школу и сравнительно развитых рабочих. Среди них были И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др. В Смоленскую школу (по проспекту села Смоленского, д. 69) не раз приходил для встреч с рабочими В. И. Ленин. Некоторые ученики школы занимались в кружках, которыми руководил Владимир Ильич.

Популярность Смоленской школы росла. Многие из учеников Смоленской школы становились деятельными участниками нелегальных революционных кружков. Этого-то больше всего и боялись заводчики. Чтобы помешать своим рабочим посещать Смоленскую школу, Торнтон завел свою воскресную школу и пригласил в нее студентов духовной академии, которые учили рабочих грамоте по житиям святых.

Однако наплыв в Смоленскую школу рабочих Невской заставы не уменьшался. В 1892 г. в ней было около 1000 учащихся.² Приходилось отказывать почти такому

¹ Н. Крупская, ук. соч., стр. 7.

² И. В. Абрамов. Наши воскресные школы. СПб., 1900, стр. 103.

же числу, какое принимали. Часто ученики приводили на уроки и своих товарищей — «хоть раз посмотреть и послушать занятия в школе».¹

Количество воскресных школ было ничтожно мало по сравнению с потребностями заводских окраин. Еще хуже обстояло дело с просвещением других групп трудового населения столицы — строительных рабочих, грузчиков и пр.

Итоги начального образования в Петербурге за вторую половину XIX в. представляли достаточно безотрадную картину. Правительство устранилось от заботы о начальном образовании, а буржуазно-домовладельческая Городская дума выделяла на нужды просвещения лишь скудные крохи из своего бюджета. Хотя к концу века число учащихся в начальных школах увеличилось почти вдвое, но около 40% взрослого населения города попрежнему оставалось неграмотным.

По самым преувеличенным данным, в начале 60-х годов количество грамотных мужчин в Петербурге составляло 61%, а женщины 51%. Даже среди обитавших в столице лиц дворянского сословия тогда оказалось 13% неграмотных. Почти через 30 лет, в 1890 г., грамотных мужчин в столице было уже 74%, а грамотных женщин все еще 54%.² Все же к 1897 г. грамотность населения в Петербурге значительно превышала средний уровень по всей стране — 62,8% против 21%.

Сеть средних школ была развита в Петербурге во второй половине столетия еще менее, чем начальных.

Бессословность гимназий, оговоренная в уставе 1864 г., в значительной степени была провозглашена лишь формально. Средняя школа, хотя и начала утрачивать свой замкнутый дворянско-сословный характер, но далеко еще не превратилась в открытую, сословную школу. Если в 1859 г. в 1-й Петербургской гимназии из 195 учеников к непривилегированным сословиям было отнесено 6, или около 3%, то в 1880 г. из 414 гимназистов к последней категории принадлежало еще только 145,³ т. е. 30%. Гимназии столицы оставались преимущественно дворянскими школами.

К 1880 г. количество детей дворян в столичных гимназиях упало в среднем до 55%, но после 1887 г., когда Делянову удалось закрыть доступ в гимназии «кухаркиным детям», это количество возросло в 1889 г. до 64% (по России же в целом с 47% в 1880 г. до 56% в 1892 г.).⁴

Уступая требованиям торгово-промышленных кругов столицы, правительство несколько расширило сеть средних учебных заведений. Но гораздо более

¹ Воспоминания И. В. Бабушкина. Госполитиздат, 1951, стр. 51.

² Е. Щепкина. Женское население Петербурга. Образование, 1897, № 5—6, стр. 228—229; Первая всеобщая перепись Российской империи в 1897 г. Общий свод, стр. XVI. Приложение, стр. 40, 42, 44.

³ Д. Соловьев. 50-летие 1-й Петербургской гимназии. СПб., 1880, Приложение 6.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Дея. нар. просвещения (733), оп. 203, д. 320, стр. 67 (Отчет о состоянии гимназий Петербургского учебного округа за 1892 г.); д. 303, стр. 65 (Отчет за 1881 г.). Ср.: Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, СПб., 1899, стр. 399.

новых средних школ основывалось частными лицами. Вместо 33 средних общеобразовательных школ в 1864 г. спустя тридцать лет в столице их было 72.¹ Однако во многих из них не было параллельных классов — явление, немыслимое для массовой городской школы.

Школьная реформа 1864 г. разделила гимназии на классические и реальные. Введение реального образования было некоторой уступкой торгово-промышленным кругам, но только некоторой. Классических гимназий первоначально в Петербурге было 6, а реальная только одна. Окончание реальных гимназий не давало права поступления в университет. При поступлении же в другие высшие учебные заведения свидетельство об их окончании лишь «принималось в соображение».²

Д. А. Толстой поставил под сомнение полезность реального образования. Вопрос о древних языках — доказывал он — есть вопрос выбора «между нравственным и материалистическим направлением воспитания и обучения детей, а следовательно, и всего общества».³

Реакции рассматривала преподавание древних языков как «важнейшее средство против так сильно охватившего учащееся юношество материализма, нигилизма и самого пагубного самоощущения».⁴

По закону 1871 г., подготовленному Толстым и утвержденному царем вопреки мнению большинства Государственного Совета, был оставлен только один тип гимназий — классические. Это был тип привилегированной средней школы для детей помещиков и буржуазии. Обучение в гимназии длилось восемь лет. Плата за обучение доходила в гимназиях чуть не до 70 руб. в год, а в среднем составляла 36 руб.⁵

Реальные гимназии были обращены в шестиклассные реальные училища. По сравнению с гимназиями курс их был сильно урезан, и они не давали полноценного среднего образования. Реальные училища были призваны готовить детей среднеобеспеченных слоев населения не «к государственному и общественному служению», а к «практической деятельности» в области торговли и промышленности. Обучение в старших классах реальных училищ имело не политехнический и не общеобразовательный, а полупрофессиональный характер (в них были коммерческие, механико-технические и другие специальные отделения). Глубоких

¹ Памятная книжка Петербурга на 1864. СПб., 1864, стр. 313; Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 56, СПб., 1900, стр. 331.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. III, СПб., 1865, стр. 577.

³ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 520.

⁴ Н. Н. Рауфовский. Педагогические идеи Н. Г. Чернышевского. М., 1948, стр. 49.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, стр. 400.

знаний реальные училища не давали. Подготовить полноценных специалистов за счет сужения общего образования они не могли. В 1888 г. специальные отделения были уничтожены, преподавание общеобразовательных предметов стало полноценным, но уравнения в правах с классическими гимназиями так и не произошло. Тем не менее и в реальных училищах плата за обучение была недоступна для детей трудящихся. Колеблясь от 10 до 70 руб. в год, в среднем она составляла 28 руб.¹

Одной из основных задач средней школы была, по мнению правительства, борьба с распространившимися в среде молодежи «разрушительными понятиями».

Универсальным средством для того, чтобы задержать умственное развитие молодежи, было признано классическое направление образования. Более 40% учебного времени отводилось на латинский и греческий языки, собственно на их грамматику, т. е. больше, чем на русский язык, математику, физику, историю и географию вместе взятые. Богатства античной литературы стали служить лишь материалом для грамматических упражнений. Ни с историей, ни с культурой древнего мира учеников почти не знакомили.

Этот так называемый «грамматический классицизм» постепенно воспитывал у учеников неверие в свои силы. Часто самые способные из них отчаивались одолеть все грамматические тонкости двух сложных древних языков. Неудивительно, что такая школа вызывала недовольство в широких общественных кругах. Известный советский естествоиспытатель академик В. И. Вернадский, окончивший в 1881 г. одну из столичных гимназий, с особой неприязнью вспоминал впоследствии о своем обучении древним языкам. «Главным несчастьем было то, — писал он, — что в общем преподавателями древних языков в это время в России были или, как у нас, чужие люди, сторонние русской жизни и интересов нашей страны и потому бессознательно добросовестно исполнявшие антинациональную официальную программу, или чиновники-полицейские, которым никакого дела не было до идейных заданий школы, более или менее добросовестно исполнявшие предписание такого же, как и они, начальства. Несомненно, других исполнителей для полицейской классической системы и нельзя было найти».²

Не лучше было поставлено в гимназии и преподавание других предметов. На уроках словесности ничего не сообщалось о Толстом, Тургеневе, Гончарове. Под запретом были имена Беляевского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Некрасова. В программе 1871 г. утверждалось, что в русской литературе «число значительных произведений весьма ограничено». О житиях святых и проповедях епископов гимназисты слышали больше, чем о сочинениях Пушкина. Самостоятельные суждения запрещались. На уроках истории и географии нередко ценилось лишь умение без запинки повторить имена всех королей баварской династии

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, стр. 400.

² Сб. «Люди русской науки», т. I. М.—Л., 1948, стр. 472—473.

или запомнить все мысы Африки «в обратном направлении». Старая школа, указывал В. И. Ленин, «заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников».¹

После контрреформы 1871 г. резко увеличился отсев «неуспевающих» учеников. Уже к 1 января 1873 г. в 1-й гимназии успевающих по всем предметам учеников было всего лишь 34%.² Неудивительно, что почти треть учащихся выбыли в 1873 г., а еще четверть оставшихся ушла в следующем 1874 г.³ В 1874 г. петербургские гимназии окончило всего 3% общего числа учащихся.⁴

Почти массовая неуспеваемость (в конце 1887 г. в столичных гимназиях было только 53,9% успевающих)⁵ считалась явлением довольно обычным и ничьей тревоги не вызывала.

Стремление убить в учениках всякую живую мысль, обременить их память мертвыми знаниями, притупить их способности бессмысленной зубрежкой не могло не вызвать со стороны учеников сопротивления и стихийного протеста, выражавшегося в грубости и обмане по отношению к ненавистным педагогам, шалостях, частых пропусках уроков и т. д. Гимназическое начальство свирело боролось со всеми попытками нарушить дисциплину. В одной только 4-й гимназии в 1883 г. на каждого ученика приходилось 14,5 наказаний.⁶

Низкая успеваемость объяснялась отчасти и непригодностью некоторых школьных учебников. Учебник грамматики русского языка Кирпичникова многие учителя считали даже главной причиной безграмотности учащихся.⁷ Надолго стало нарицательным изучение истории «по Иловайскому», т. е. в духе верноподданнического монархизма.

Были, разумеется, и хорошие педагоги и передовая методика, но идти наперекор требованиям правительства, которое рассматривало педагога как сухого исполнителя предначертанной свыше программы, как грозного чиновника в мундире, было опасно, и на это решались немногие. Только отдельные учителя применяли наглядные пособия и устраивали эскурсии, что не было предусмотрено программами. Не получили поэтому широкого распространения ценный опыт и новаторская методика преподавания, разработанная для русского языка В. И. Во-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 261.

² ЦГИАЛ, ф. Деп. нар. просвещения (733), оп. 202, д. 142610, л. 29 (Отчет по управлению Петербургским учебным округом за 1872 г.).

³ Там же, оп. 203, д. 311, стр. 77.

⁴ Там же, оп. 202, д. 142619, л. 47 об. (Отчет по управлению гимназиями за 1874 г.).

⁵ Там же, оп. 203, д. 11, стр. 97.

⁶ Там же, д. 306, л. 70 (Отчет попечителя Петербургского учебного округа по гимназиям за 1883 г.).

⁷ Ш. И. Гавелин, Очерки по истории средней школы в России. М.—Л., 1950, стр. 191, 242.

довозовым, для литературы В. Я. Стоюниным, для географии Д. Д. Семеновым. Некоторое исключение составлял одно время очень популярный учебник по естествознанию А. Я. Герда, который едва ли не первый в России, да и не только в России, осмелился уже в 70-х годах знакомить учеников средней школы с элементарным курсом дарвинизма.

Особое место также занимали вышедшие в 80—90-х годах удачные пособия по математике Киселева, Шапошникова и Вальцева, которые в переработанном виде применяются и в советской школе.

После напряженного учебного года (в течение которого выполнение домашних уроков требовало 3—5 час. в день даже в младших классах) наступало еще более трудное для учеников время — время экзаменов, пора «притирчивости, озлобления, мести», полоса «провалов, увольнений, самоубийств».¹

Измотанных и издерганных экзаменами учеников отпускали на каникулы, нагрузив предварительно большими летними заданиями из той же латыни и других предметов. Министры Д. Толстой и Делянов любыми средствами стремились отвлечь учеников от «опасного» постороннего чтения и особенно от участия в политических кружках. Учрежденный ими бдительный внешкольный надзор над гимназической молодежью должен был оградить ее от общения со «злонамеренными» лицами, от увлечения революционными идеями. Классные наставники и их помощники дежурили на улицах и следили за тем, чтобы гимназисты не посещали публичных библиотек, не появлялись бы в театрах, а также на улицах после 8—9 час. вечера без специального разрешения. На ученических квартирах, где жили иногородние ученики, были заведены специальные журналы для регистрации времени ухода и возвращения учеников.²

Но ни Д. Толстой, ни Делянов не смогли полностью остановить ход жизни. Средняя школа не стала в руках правительства надежным орудием его борьбы против революции. Система мелочного надзора не спасла гимназии и реальные училища от проникновения в их стены «крамольных» сочинений, свобододолюбивых идей.

В средних учебных заведениях, помимо официальной жизни, существовала и внутренняя, подпольная жизнь. Ученики старших классов читали запрещенные книги Белинского, Чернышевского, Писарева, Добролюбова, живо воспринимали современные политические события. Неудивительно, что из классической гимназии и из реальных училищ могло выйти немало выдающихся людей русской культуры.

* * *

Заметный шаг вперед во второй половине XIX в. был сделан в области высшего образования. В Петербурге появляется несколько новых учебных заведений, а в старых значительно увеличивается число учащихся.

¹ Ш. И. Г а н с е л и н, ук. соч., стр. 266.

² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, л. 389, л. 30 (Отчет о состоянии реальных училищ за 1895 г.).

Петербургский университет, особенно благодаря Физико-математическому и Восточному факультетам, становится одной из лучших высших школ России. Реакция не раз пыталась подорвать научное и общественное значение столичного университета, но превратить его в учреждение с казарменной дисциплиной и казенной идеологией ей так и не удалось. Передовая разночинная молодежь отличалась на протесты мракобесов студенческими демонстрациями и забастовками. Особенно успешной борьба за демократические права университета была в 50—60-х годах, когда студенчество могло опираться на массовый подъем общественного движения по всей стране.

В период революционной ситуации правительство по временам теряло контроль над деятельностью Петербургского университета. Оно напоминало студентам о недопустимости всяческих собраний, запрещало высказывать мнение по поводу лекций и пыталось ограничить прием в университет. Однако все старания добиться от студентов слепого послушания начальству были безуспешны. Под напором общественного движения шире раскрылась для разночинной молодежи дверь старого здания двенадцати коллегий. На лекциях появилось немало посторонних слушателей и — невиданное прежде явление — среди них женщины. Как-то незаметно студенты приобрели неслыханные раньше права, ввели неведомые раньше обычаи. Они беспрепятственно собирались на сходки, устраивали свои кассы и библиотеки, самостоятельно издавали научные сборники.

Студенческие волнения 1861 г., вызванные попытками исподволь вернуть университет к порядкам, установленным Николаем I, заставили правительство признать полную непригодность реакционного устава 1835 г. В виде репрессии университет был закрыт. Одновременно было объявлено о подготовке нового устава. По утвержденному в 1863 г. уставу университеты получали известную самостоятельность. Управлялись они профессорской корпорацией, которая избирала из своей среды ректора, деканов, заведующих кафедрами. Хотя отныне права попечителя учебного округа были ограничены, однако один из параграфов устава гласил, что попечитель «в случаях чрезвычайных, уполномочивается действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть».¹ Таким образом, правительство предоставляло попечителю все полномочия для решительного подавления студенческих волнений. С другой стороны, как и следовало ожидать, устав оставлял студентов почти столь же безгласными, какими они были и в дореформенное время.

Когда осенью 1863 г., после двухлетнего перерыва, Петербургский университет был вновь открыт, на всех четырех его факультетах (Физико-математическом, Историко-филологическом, Юридическом и Восточном) было всего 265 студентов, вместо прежних полутора тысяч. Женщинам вход в университет возбранялся.

¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. III, стр. 1047.

Петербургский университет. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.

Каждому студенту было дано определенное место на вешалке, и сторожа были обязаны знать в лицо всех сдающих у них пальто.¹

За нарушение установленных правил студентов немедленно исключали. Особенно строго относились к вольнослушателям. За нарушение правил был, в частности, в 1864 г. исключен из университета без права поступления в другие высшие учебные заведения Н. Н. Миклухо-Маклай.

Некоторая автономия университетов просуществовала всего три-четыре года. Тотчас после своего назначения Д. Толстой особыми циркулярами усилил власть ректора и попечителя и ограничил права профессорской корпорации.

Новый устав, разработанный в основном Толстым, но введенный лишь в 1884 г. Деляновым, возвращал университет к порядкам 1835 г. Выборность должностных лиц отменялась; университет целиком попадал во власть попечителя и министра. Еще более бесправными стали студенты. При поступлении в университет от них теперь требовалось полицейское свидетельство о благонадежности. Внутри университета студент должен был чувствовать себя робким гостем. Специальный пункт устава подчеркивал: «Студент есть отдельный посетитель университета». Для надзора за студентами, которые в глазах Победоносцева и Делянова были «толпою

¹ А. П е л и к а н. Во второй половине XIX века. Голос минувшего, 1915, № 2, стр. 144.

извергов и негодяев»,¹ была учреждена инспекция. Для того чтобы быстро опознавать замеченных в каком-либо неблагонадежном проступке студентов в Петербургском университете в одной из больших аудиторий инспекцией была устроена большая портретная галерея, — всех студентов рассматривали как возможных преступников. Все студенческие организации были распущены. Вдвое была повышена плата за обучение. Первое время эта тенденция — университет для богатых — проводилась с такой определенностью, что студенты отказывались от стипендий из опасения быть уволенными за свою бедность,² — вспоминал видный русский микробиолог академик В. Л. Омеллиский, окончивший Петербургский университет в 1890 г.

Однако никакие меры не остановили объединения студентов в кружки, землячества, кассы и т. д. Никакая сила не могла отвлечь их от активного обсуждения общественных вопросов. В 70—80-х годах в дни сходов, а то и просто в минуты перерыва между лекциями длинный, почти в полверсты университетский коридор гудел, как пчелиный улей.

Серьезный удар был нанесен университету в 1887 г., когда после ареста Александра Ульянова была исключена сразу целая тысяча «подозрительных» студентов.

Несмотря на все гонения, стеснения и даже временное закрытие, Петербургский университет постепенно, но неуклонно рос во всех отношениях. С 1861 по 1895 г. число студентов увеличилось почти вдвое (с 1471 до 2768), а преподавателей втрое (с 67 почти до двухсот).³

К 1 января 1898 г. в университете было 3568 студентов, из них 2053 учились на Юридическом факультете.

Расцвет русского естествознания во второй половине XIX в. оказался неразрывно связанным с замечательной плеядой ученых Петербургского университета — математиками П. Л. Чебышевым и А. А. Марковым, химиками Н. Н. Зининым, Д. И. Менделеевым и А. М. Бутлеровым, биологами И. М. Сеченовым и Н. Е. Введенским, физиком Э. Х. Ленцом и др.

Не столь значительны были успехи большинства общественных наук. Будучи не в силах бороться с материалистическим мировоззрением крупнейших ученых-естественников, правительство ревниво оберегало студенчество от всякой «крамолы» в преподавании гуманитарных дисциплин. В силу этого в университете не было места не только для революционеров Чернышевского и Добролюбова, но даже и для весьма умеренных в политическом отношении людей. Как видно из статьи Д. И. Писарева «Наша университетская наука», преподавание на

¹ Д. М и л ю т и н. Дневник, т. IV, М., 1950, стр. 14.

² В. Л. О м е л л и с к и й. Развитие естествознания в России в последнюю четверть века. История России в XIX в., т. IX, стр. 119.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 227 (Отчет университета за 1894 г.), стр. 33, 42. Ср.: И. К о р н и л о в. Материалы по статистике Петербургского учебного округа. СПб., 1882, стр. 2—3; В. В. Г р я г о р ь е в. Имп. С.-Петербургский университет за 50 лет. СПб., 1870, стр. 305—306.

Историко-филологическом факультете в 1856—1861 гг. совершенно не удовлетворяло передовую молодежь; исключения представляли только лекции Н. И. Костомарова. Объявленная уставом 1863 г. свобода преподавания, несмотря на ее формальный характер, все же дала возможность читать хотя бы некоторое время лекции такому крупному ученому с передовыми воззрениями, как историк пароднического направления В. И. Семевский. Последний был связан с университетом в начале 80-х годов. Его аудитория всегда была переполнена, но после утверждения университетского устава 1884 г. министру просвещения Делянову было уже нетрудно прекратить его лекции. В ответ на эту полицейскую меру студенчество поднесло Семевскому сочувственный адрес.

Во второй половине XIX в. в университете работали такие видные филологи, как П. И. Срезневский и В. И. Ламанский, и такие выдающиеся знатоки Востока, как китаист В. П. Васильев, арабист В. Р. Розен, индолог И. П. Минаев. Несмотря на идеалистический подход этих ученых к вопросам истории и языка, их труды в лекции, насыщенные богатым фактическим материалом, имели в свое время немалое значение для науки.

Совершенно небывалым явлением по тому времени было основание при университете в 80-х годах Научно-литературного общества. Студенты выступали в обществе с докладами на различные научные и политические темы.

Во второй половине XIX в. из стен университета вышло немало замечательных деятелей русской науки и культуры: знаменитые ученые К. А. Тимирязев, В. В. Докучаев, А. С. Попов, В. Л. Комаров, А. Е. Фаворский, писатели Мамин-Сибиряк, Вереснев, Илья Чавчавадзе. В начале 60-х годов Петербургский университет окончил Д. И. Писарев. В 80-х годах в университете учился А. И. Ульянов. Он был секретарем Научно-литературного общества. Ректор университета, вручая ему золотую медаль за талантливую работу по зоологии, назвал его «гордостью университета».

С университетом связаны и первые шаги в Петербурге молодого В. И. Ленина. Весной и осенью 1891 г. В. И. Ленин блестяще выдержал экзамены, и юридическая испытательная комиссия присудила ему диплом первой степени.

Во второй половине XIX в. появляются несколько новых высших учебных заведений и расширяются некоторые старые.

Основанный в 1867 г. Историко-филологический институт должен был выпускать педагогов-классиков. Его окончили впоследствии крупные знатоки античности В. В. Латышев и Н. И. Новосадский. В 1877 г. начались занятия в Археологическом институте, призванном готовить архивистов и археологов. Открытый в 1872 г. Учительский институт хотя и не давал высшего образования, но обеспечивал хорошую педагогическую подготовку будущим учителям городских училищ.

Значительно поднялся уровень медицинского образования. Преобразования, проведенные в 60—70-х годах в Медико-хирургической академии (с 1881 г. Военно-медицинской), превратили ее в важнейший центр медицинской науки в

стране. При академии был создан большой клинический госпиталь, Анатомо-физиологический и Естественно-исторический институты.

В академии преподавали такие знаменитые ученые и врачи, как физиолог И. М. Сеченов, терапевт С. П. Боткин, хирург Н. В. Склифосовский, химики Н. Н. Зинин и А. П. Бородин. Ее преподавателями стали и многие ее воспитанники — В. М. Бехтерев и др. В 70-х годах в академии начал работу великий русский ученый И. П. Павлов. В 1885 г. для практических занятий студентов, а также в целях дальнейшего усовершенствования врачей был открыт Клинический институт (ныне Государственный Институт усовершенствования врачей). К 1 января 1898 г. в нем числилось 403 слушателя.¹

Значительный шаг был сделан в развитии высшего технического образования.

В 1886 г. возникает Техническое училище телеграфных инженеров, преобразованное в 1894 г. в один из первых в мире Электротехнический институт. В создании этого института принимали участие П. Н. Яблочков, И. И. Боргман, М. А. Шателен, В. В. Скобелевы и другие видные деятели русской электротехники.

Полноправным высшим учебным заведением с пятилетним курсом становится Практический технологический институт, основанный в 1828 г. как школа мастеров.

С середины 60-х годов становятся открытыми гражданскими учебными заведениями Горный институт, Институт путей сообщения, а также Лесная академия. Вслед за университетом эти учебные заведения получили частичную автономию в деле руководства учебным процессом.

Освобождение студенчества от строевой муштры, прекращение преподавания военных наук, а также введение пятилетнего срока обучения заметно повысило уровень подготовки русских технических кадров.

В высшей технической школе Петербурга плодотворно работали крупнейшие ученые России, обогатившие мир гениальными научными открытиями и замечательными изобретениями. В разное время преподавал химию почти во всех высших учебных заведениях Петербурга знаменитый русский ученый Д. И. Менделеев, классический учебник которого «Основы химии» (первое издание в двух частях, 1869—1871) вышел при жизни автора в восьми изданиях. В Институте путей сообщения читали лекции выдающийся ученый-математик М. В. Остроградский, видные инженеры-строители М. Н. Герсеванов и А. Р. Шуляченко. Среди преподавателей Горного института были также ученые с мировой известностью, как геологи А. П. Карпинский, Ф. Н. Чернышев, И. В. Мушкетов, минералог Н. И. Кокшаров и Е. С. Федоров, химик Н. С. Курнаков.

Развитие производительных сил страны после реформы 1861 г. требовало все большего количества специалистов для народного хозяйства.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, стр. 393.

Технологический институт. Грасюра на дереве. 70-е годы XIX в.

Во второй половине века постепенно увеличивается прием в технические учебные заведения. Так, например, число студентов-путейцев с 259 в 1855 г. возросло до 890 к 1895 г.¹ Однако отношение правительства к высшему образованию было двойственным. С одной стороны, оно вынуждено было содействовать развитию высшего образования, ибо этого требовали нужды страны. С другой стороны, паразит с подозрением относился к количественному росту студенческой среды в столице, рассматривая высшую школу как один из самых ярких очагов революционной пропаганды. В Технологическом институте уже в 1873 г. было около 1000 студентов, но в последующие годы резко сократился прием на 1-й курс, и в 1887 г. был установлен комплект в 500 человек. Только к концу 90-х годов количество студентов увеличилось до 850. К 1898 г. в Горном институте состояло около 450 слушателей, в Институте гражданских инженеров (строительном) — 370, в Электротехническом — всего 120.²

Развитие высшего образования далеко не соответствовало нуждам роста производительных сил страны.

К 1895 г. из 52 существовавших в стране высших учебных заведений в столице находилось 14, не считая 5 военных и 2 духовных академий, причем только 6 из них были техническими. Из 10 тыс. петербургских студентов (во всей России сту-

¹ А. М. Ларионов. История Института путей сообщения. СПб., 1910, стр. 127; Промышленные силы России. СПб., 1896, отд. XIX.

² Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрова, т. 54, стр. 393—394.

дентов было немногим более 25 тыс.) только 3 тыс. получали техническое образование (по всей России студентов-техников было 5,5 тыс.).¹

Между тем тяга в высшую техническую школу была большая. В 1897 г. во все шесть высших технических учебных заведений Петербурга было принято только 711 молодых людей на 3612 подавших заявления.² В то же время в стране, по данным переписи 1897 г., лиц с высшим образованием было лишь 0,19%, а со специальным высшим всего 0,05%.

За вторую половину века высшая техническая школа Петербурга подготовила немало квалифицированных металлургов, строителей, разведчиков горных недр, конструкторов машин, путейцев и лесоустроителей. Однако потребности страны в специалистах удовлетворялись далеко не полностью. Правительство не придавало серьезного значения развитию высшего технического образования и порой даже мешало его росту.

Недооценка технического образования, выражавшаяся в ничтожных масштабах подготовки кадров, в слабости его учебно-материальной базы, явственно обнаруживала близорукую и губительную для страны политику правящих кругов, которые тем самым содействовали планам экономического закабаления России со стороны иностранных капиталистов.

Высшая школа готовила преимущественно чиновников для правительственной службы, отчасти преподавателей и лишь в незначительной степени специалистов для важнейших отраслей народного хозяйства. Например, в Петербургском университете в 1894 г. на обоих отделениях Физико-математического факультета — естественном и математическом — обучалось 1030 студентов, в то время как на юридическом факультете — 1462.³

Плохо готовились и научные кадры. В 1894 г. в столичном университете было защищено, например, всего 2 докторских и 8 магистерских диссертаций.⁴

В период контрреформ 70—80-х годов высшая школа была лишена и той жалкой автономии, которую она получила в 60-е годы. Реакция стремилась подчинить преподавателей и студентов полицейско-бюрократическому и церковному надзору.

Правительство безуспешно пыталось привить студенчеству религиозно-верноподданнические взгляды.

В университете и в других высших учебных заведениях был штатный «законоучитель», читался особый курс церковной апологетики. В правилах для профессоров Военно-медицинской академии указывалось: «Преподаватели ни в коем

¹ Производительные силы России, стр. 12—13, 85; Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 56, стр. 330—331.

² Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 56, стр. 331.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 227, л. 55 (Отчет по университету за 1894 г., Приложение).

⁴ Там же, л. 48.

случае не могут высказывать на лекции чего-либо противного религии, нравственности и правительственным распоряжениям.¹

Молодежь, как писал В. И. Ленин, была «особо охраняемой средой»: «...за ней учрежден был особо строгий надзор, сношения с ней со стороны каких-либо лиц с небезупречным политическим прошлым вменялись в большую вину, всякие кружки и общества, хотя бы преследовавшие только цели материальной помощи, заподозривались в противоправительственных целях и проч.»²

В 80-х годах с помощью жандармов в Министерстве просвещения выработали более эффективные методы борьбы с распространением «крамолы». Студенческие читальни были закрыты, за времяпрепровождением студентов установлен строгий надзор. Университет, академии и институты стали получать в секретном порядке списки лиц, которым «за вредное направление образа мыслей» или «явное сочувствие революционным теориям» воспрещено было поступление в высшие учебные заведения.³

Студентам было запрещено не только проживать совместно, но даже собираться в числе 5 человек на их квартирах. Крупный петербургский ученый А. Н. Бекетов вспоминал: «Обыски производились не только на дому, но даже на улицах. Случалось, что полицейский остававливал воз с пожитками менявшего квартиру студента и подвергал его обыску тут же, сваливая весь скраб на мостовую. У студента, несущего под мышкою книги, они иногда вынимались среди улицы и тут же осматривались».⁴ Начались массовые увольнения студентов. Полиция тотчас высылала уволенных из Петербурга.

К концу XIX в. социальный состав петербургского студенчества, по официальным данным, изменился не намного. Несмотря на тягу народа к образованию, в высшей школе преобладали дворяне. Наиболее привилегированный состав студенчества был попрежнему в университете и в Горном институте, а наиболее демократический — в Технологическом институте. В 1892 г. в Горном институте было до 80% студентов — выходцев из привилегированных сословий, а в университете даже 94% (из них дворян до 67%).⁵ В Технологическом институте выходцев из «благородных» сословий было только 48%.⁶

Следует, однако, учитывать, что деградация помещичьего класса после 1861 г. не могла не отозваться и на социальном составе студенчества. Очень многие студенты были дворянами только по паспорту. В действительности они утратили связь со своим сословием и содержали себя уроками. Разночинная прослойка

¹ История Военно-медицинской академии за 100 лет. СПб., 1898, стр. 567.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 238.

³ История Военно-медицинской академии за 100 лет, стр. 661.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 70, оп. 1, д. 9, л. 23 (А. Н. Бекетов. За наших студентов).

⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 224, л. 51; Ленинградский горный институт. Юбилейный сборник. 1773—1923. Л., 1926, стр. 29.

⁶ Там же, д. 268, л. 24 (Отчет Технологического института за 1890 г.).

в высших учебных заведениях поэтому была значительно шире, чем могут показать приведенные цифры. Именно поэтому в значительной части русского студенчества нельзя было заметить той отрешенности от народа, замкнутости и кастово-корпоративного духа, которые были так характерны даже в конце XIX в., например, для большинства гейдельбергских или дерптских «буршей» с их нелепыми обычаями, культом дуэлей и кутежами.

Студенчество, особенно в технических учебных заведениях, было обеспечено крайне плохо. Только немногим удавалось освободиться от платы за обучение. Еще меньшее число получало стипендии. В 70—80-х годах в университете было менее двухсот стипендий на 1,5—2 тыс. студентов, в Путейском институте — 20—30 на 700—800 студентов, а в Лесном всего лишь 10 на 200. Необеспеченные студенты ютились по сырым и темным углам, питались в грязных трактирах. Особенно бедствовали студенты-лесники. Из-за удаленности института от центра они не могли давать уроков. При обысках на квартирах студентов-лесников полицейские не скрывали своего изумления: «Да это же нищез!».

О суровой студенческой жизни тех лет В. Г. Короленко, сам потерявший в поисках работы почти полностью первый и отчасти последующие годы учебы в Технологическом институте, писал в своих воспоминаниях: «Это было медленное умирание с голоду, только растянутое на долгое время».¹

Демократические симпатии студенчества и его активная борьба с чиновничье-правительственным произволом имели серьезное влияние на рост освободительного движения.

Петербургские студенты были активными участниками революционной борьбы народников с самодержавием в 70—80-х годах, деятельными участниками политических демонстраций. Особенно значительную роль играли в революционном движении студенты Технологического института, Военно-медицинской академии, университета.

В студенческой среде Петербурга возникли и первые социал-демократические организации в России. В 1883—1884 гг. студентом университета Д. Н. Благоевым была создана марксистская группа — «партия русских социал-демократов», в конце 80-х годов возник кружок студента-технолога М. И. Бруснева.

Марксистская группа «стариков», образовавшаяся после ареста брусневской организации вокруг уцелевших ее членов и послужившая основным ядром для созданного В. И. Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», также состояла в основном из студентов-технологов (Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев и др.).

¹ В. Г. Короленко. История моего современника. Собрание сочинений, т. 6 1954, стр. 90.

* * *

Во второй половине XIX в. стало распространяться среднее и высшее образование и среди женщин.

До 60-х годов в России не было серьезного женского образования. Существовали, правда, институты «благородных девиц» (в Петербурге наибольшей известностью пользовался Смольный институт), но туда попадали преимущественно дворянские дети. К тому же в середине века слово «институтка» стало уже проищеским прозвищем, синонимом наивно отсталых взглядов. В передовом русском обществе уже с сожалением и даже с презрением смотрели на притворное жеманство, фальшивую сентиментальность и умственное убожество «смолянок» и других институток.

С конца 50-х годов в Петербурге возникают по инициативе передовых педагогов всеобщие женские училища, в 1862 г. переименованные в гимназии. В 1863 г. в четырех женских гимназиях столицы было 1012 учениц.

Передовая общественная мысль и прогрессивная педагогика России боролись за равноправие русской женщины. «Мы верим в способности и в великую будущность русских женщин», — заявлял на страницах «Современника» в 1861 г. деятельный сторонник женского образования, революционный поэт М. И. Михайлов.

В 60-х годах возникают посвященные женскому образованию журналы.

Все же женское среднее образование до конца века оставалось недоступным для трудящихся столицы. Хотя в женских гимназиях не спрашивали даже метрики, чтобы не вносить тем самым сословных предрассудков в детскую среду, но большой приток детей позволял установить другой фильтр для отбора «приличных» детей — денежный. Плата за обучение с 1858 по 1883 г. подвиглась с 25 до 70 руб. в год.¹

Неудивительно, что в наиболее демократической женской гимназии (Марининской) в 1880/81 учебном году было 88% детей привилегированных сословий (в том числе дворянских дочерей 52%).² Еще более замкнуто кастовый характер казенные женские гимназии получили после деляновского циркуляра о «кухаркиных детях». В 1887 г. в женские гимназии Петербурга поступило втрое меньше учениц, чем в предыдущем году.³

Постепенно росло число частных женских гимназий. Программы их были шире, иногда среди преподавателей были и профессора, но эти гимназии были гораздо дороже казенных (до 200 руб. в год в конце XIX в.). Сравнительно менее зависимые от Министерства просвещения, частные гимназии могли себе позволить

¹ 25-летний юбилей Коломенской гимназии. Женское образование, 1883, № 10, стр. 563.

² По поводу двадцатипятилетия женских гимназий. Женское образование, 1883, № 3, стр. 2.

³ Русские ведомости, 1887, № 235.

хотя бы отчасти отрешиться от казарменной педагогики женских институтов.¹ В частной гимназии Стоюниной, например, были отменены всякие наказания, хорошо была поставлена гимнастика, в перемены организовывались игры и т. п.

Женские гимназии, несмотря на серьезные недостатки, даже по отзывам иностранных педагогов были лучшими женскими школами из всех подобных им тогда в Европе.

Нужды общественно-экономического развития страны привели в 70-х годах к расширению профессионального женского образования. В 1871 г. женщины в России были допущены к исполнению обязанностей фельдшеров, а также телеграфисток, бухгалтеров. Однако на работу в большинство государственных учреждений они не принимались вплоть до 1914 г. В 1875 г. в Петербурге было 8 фельдшерских и акушерских школ, 6 педагогических курсов, школа телеграфисток и несколько других курсов — бухгалтерии и счетоводства, стенографии, гимнастики и т. д. Особенно много было курсов кройки и шитья, византий кружев и др. Автор справочника по специальному женскому образованию при описании всех этих курсов и школ почти неизменно сообщал, что большинство курсисток не имеет средств к существованию и терпит крайнюю нужду. Благотворительные стипендии насчитывались единицами, и многие девушки, не выдерживая постоянного голодания, бросали учебу. Отсев был так велик, что нередко только восьмая часть из всех не имевших стипендии получала свидетельство об окончании.²

Во второй половине столетия в России возникло высшее женское образование.

Жажда к знаниям среди русских девушек была так велика, что в 1859—1861 гг., даже не имея на то законных прав, они проикали в стены университета и Медицинской академии.

Когда же с 1863 г. женщины были удалены из этих учебных заведений, наиболее обеспеченные из них уехали учиться за границу.

Правительство, обеспокоенное знакомством учащих в Швейцарии девушек с идеями революционной эмиграции, решилось допустить высшее женское образование в России, взяв его под свой контроль.

Благодаря энергии М. В. Трубишковой (дочери декабриста Ивашева) и Н. В. Стасовой (сестры известного искусствоведа), хорошо осознавших, какую важную роль должны играть женщины в общественной жизни страны, первые в России женские курсы (Аларчинские) открылись в столице на частные средства в январе 1870 г. Из-за недостаточности средств эти курсы обеспечивали своим слушательницам не высшее, а лишь повышенное среднее образование. На них училось свыше ста девушек. Любопытно отметить, что когда в том же учебном

¹ Е. Лихачева. Материалы по истории женского образования в России. СПб., 1904, стр. 165.

² М. Л. Златковский. Женское специальное образование в Петербурге. СПб., 1875, стр. 95, 141, 126, 133 и др.

году в Кембридже открылся первый английский женский колледж, в него поступило всего 6 девушек.¹

Правительство относилось к курсам настолько предубежденно, что их программы прошли, кроме обычной министерской цензуры, и цензуру III отделения.

Отсутствие средств для найма помещения привело в 1875 г. к закрытию курсов.

В 1872 г., также на частные пожертвования, в Петербурге открылись высшие женские врачебные курсы. На них поступило 89 молодых женщин. Почти все они были из малообеспеченных семейств, и учиться им было трудно. Не все из курсисток могли выдержать непосильную для организма нагрузку. Из 89 пионерок женского медицинского образования за 4 года учебы погибло 12, из них 7 от туберкулеза.² Из сочувствия к трудному материальному положению курсов совершенно безвозмездно там преподавали Менделеев, Сеченов и другие видные ученые, в большинстве профессора Военно-медицинской академии. Хотя окончившие эти курсы формально не получали никаких прав, их охотно брали на работу в провинцию.

Первые русские женщины врачи с самой лучшей стороны проявили себя и в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Участие курсисток в революционном движении вызвало серьезное беспокойство правительства. В 1882 г. было образовано особое совещание во главе с Победоносцевым, Д. Толстым и Деляновым. Имея в виду формирование у слушательниц врачебных курсов материалистического мировоззрения при изучении ими есте-

Курсистка. Картина маслом работы П. А. Ирошенко. 1883 г.

Налужский Государственный художественный музей.

¹ П. Г. М и ж у е в. Оксфордский и Кембриджский университеты. Журн. Мин. нар. просвещения, 1913, № 3, стр. 69.

² Е. Н е к р а с о в а. Женские врачебные курсы в Петербурге. Вестник Европы, 1888, № 12, стр. 841.

*Экзамен курсисток у профессора В. Л. Грубера. Акварель Н. А. Яременко. 1887 г.
Цублинская библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.*

ственных дисциплин, совещание приняло высшее медицинское образование женщин «опасным». Александр III тотчас распорядился закрыть курсы. Они просуществовали всего десять лет.

В 1878 г. вновь удалось создать высшие общеобразовательные женские курсы. По имени утвержденного Министерством руководителя — профессора Бестужева-Рюмина — курсы надолго получили название Бестужевских.

На курсах было три отделения — естественное, физико-математическое и словесно-историческое.

Виднейшие ученые того времени — Менделеев, Бородин, Васильевский — читали на курсах свои лекции в полном университетском объеме. Тем не менее окончившим курсы женщинам было разрешено преподавать лишь в младших классах средней школы.

Высокая плата за обучение была серьезным барьером для необеспеченных девушек. На курсах учились преимущественно дочери интеллигентных дворянских семей. Однако это были самые лучшие и передовые девушки тогдашней России — лучшие уже потому, что попасть на курсы без больших усилий, без твердой воли и без ясного понимания благородных целей трудовой жизни было невозможно. Нужно было выдержать борьбу с родителями, рутинными взглядами части «общества», в которой по адресу курсисток охотно распространялись мерзейшие слухи.

Многие слушательницы курсов активно участвовали в революционных кружках и организациях. В 1885 г. из 717 курсисток 86 считались неблагонадежными.

Здание Бестужевских курсов. Фотография. 1890 г.

Одной из видных участниц революционной пропаганды на курсах была А. И. Ульянова, сестра В. И. Ленина.

В 1885 г. прием на курсы был прекращен. Но закрыть курсы в Петербурге все-таки не решались. Слишком близко к сердцу принимало успехи женского образования передовое общественное мнение, воспитанное «Современником» и «Отечественными записками».

Когда после 4-летнего перерыва, в 1889 г., прием на Бестужевские курсы возобновился, сами курсы подверглись полному преобразованию: самоуправление было уничтожено; естественное отделение упразднилось, а на историко-филологическом полностью прекращалось преподавание права, философии и политической экономии. По новому положению необычайно затруднено было поступление на курсы.

Вместе с аттестатом зрелости (его можно было получить лишь выдержав экзамен при мужской гимназии) требовалось свидетельство полиции о «благонадежности», письменное согласие родителей, а также их обязательство содержать дочь в течение всего обучения.

Чтобы получить аттестат зрелости, нужно было многое изучить помимо гимназии; чтобы освободиться от родительской опеки, приходилось иногда прибегать к фиктивному браку.

Не сладко жилось и тем счастливицам, которые, наконец, получали право стать курсистками. Они жили по холодным и сырым углам. Нередко постель была одна на двоих, на троих, и ею пользовались по очереди. Обедали в грошовых кухмистерских, неделями питались дешевой колбасой с черствым хлебом (его за бесценок отдавали булочники). После дневных занятий на курсах и вечерних дома приходилось вместо отдыха целыми ночами просиживать над оплачиваемой грошами перепиской, так как уроки девушкам получить было почти невозможно.

Царское правительство всячески препятствовало развитию высшего женского образования. В результате, в 1897 г. только 0.01 % русских женщин имела высшее образование.

Но несмотря на все трудности, высшее женское образование в Петербурге к началу 90-х годов укрепились, доказало свою жизнеспособность. В 1898/99 учебном году на обоих отделениях Бестужевских курсов (историко-филологическом и физико-математическом) было 960 слушательниц, а в Женском медицинском институте — 186 (на только что открытом первом курсе).¹ В Петербурге на 10 тыс студентов в это время было 1630 студенток.²

* * *

Обновление старой системы образования, предпринятое в 60—70-х годах, затронуло и военно-учебные заведения столицы, в особенности военные академии и военные гимназии.

Еще в годы Крымской войны, обнаружившей наряду с общей отсталостью России также и ее военную отсталость, в частности неудовлетворительную подготовку офицерского состава, правительство было вынуждено принять меры к расширению и реформе устаревшей николаевской системы военного образования.

Уже в 1855 г. создаются Артиллерийская и Инженерная академии. Военная академия была переименована в Академию Генерального штаба. Несколько позже, в 1862 г., организуются академические курсы морских офицеров, преобразованные в 1877 г. в Морскую академию. В 1867 г. была создана Военно-юридическая академия.

В 1861 г. военным министром был назначен известный своей военно-научной деятельностью генерал Д. А. Милютин. Милютин, тщательно изучавший суворовское военное наследие, был убежденным сторонником сближения военного образования с нуждами армии, соединения военной теории с боевой практикой. Но сопротивление реакционных кругов генералитета помешало сколько-нибудь серьезному переустройству системы высшего военного образования.

Отрыв военных академий от развития современного военного искусства преодолеть в условиях отсталой царской России было невозможно.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, стр. 397.

² Там же, т. 56, стр. 330—331.

Говоря о существенных недостатках высшего военного образования, нельзя, однако, забывать о том, что по некоторым общеобразовательным и военно-техническим дисциплинам в академиях читали лекции виднейшие ученые того времени: в Инженерной — Менделеев и Кюи, в Артиллерийской — Чебышев, основатель металлографии Д. К. Чернов, а также известные ученые-артиллеристы Гадолин и Маиевский.

Отчасти этим обстоятельством следует объяснить, что из стен высших военно-учебных заведений с их казенно-верноподданнической атмосферой, глушившей всякую инициативу, всякую живую мысль, вышло несколько выдающихся деятелей русской науки и два-три талантливых представителя русского военного искусства.

Во второй половине XIX в. Пажеский корпус оканчивает П. А. Кропоткин, а Морской корпус оканчивают С. О. Макаров, А. Н. Крылов, Б. Б. Голицын. Оба последних ученых блестяще завершили курс Морской академии. Воспитанниками Инженерного училища были Ц. А. Кюи и П. Н. Яблочков; из Инженерной академии вышел «отец русского цемента» А. Р. Шуляченко и герой обороны Порт-Артура Р. И. Кондратенко.

Особенно значительные реформы были проведены Милютиним в среднем военном образовании.

В 1863—1864 гг. в обоих кадетских корпусах Петербурга старшие специальные классы были выделены в общевоинские военные училища (Константиновское и Павловское), а младшие классы преобразованы в военные гимназии. Морской корпус переименовывается в 1867 г. в Морское училище.

В 1873 г. в Петербурге открывается 3-я военная гимназия, предназначенная исключительно для приходящих учеников «всех сословий», а в действительности доступная, как и все прочие, только детям дворян и буржуазии. Кроме военных гимназий, в Петербурге в 1869 г. была открыта военная прогимназия — с элементарным курсом.

В отличие от прежних кадетских корпусов, в которых, по выражению учившегося в одном из них Н. В. Шелгунова, «не воспитывали, а дрессировали», военные гимназии представляли собой довольно хорошо поставленные средние учебные заведения. За счет ослабления военной муштры число общеобразовательных уроков по сравнению с кадетскими корпусами возросло в них вдвое. По своей программе и эти специальные учебные заведения очень походили на общие реальные гимназии. Однако в военных гимназиях был лучший преподавательский состав (там преподавали такие видные педагоги того времени, как П. Ф. Лесгафт и др.).

В 1865 г. при 2-й военной гимназии были открыты педагогические курсы, на которые принимались лишь лица с высшим образованием. Эти курсы, так же как и открытые позже при той же гимназии курсы учителей гимнастики, возглавленные П. Ф. Лесгафтом, обеспечивали военные гимназии весьма квалифи-

цированными педагогами. Большую роль в повышении уровня преподавания в военных гимназиях сыграли опытные педагоги, создавшие в столице музей военно-учебных заведений с многочисленными учебными пособиями, методическими разработками и собственным журналом («Педагогический сборник»).

Военные училища и гимназии привлекали большое число учащихся из провинции.

В Константиновском училище недолго учился Г. В. Плеханов, перешедший отсюда в Горный институт. 2-ю военную гимназию столицы окончил Е. С. Федоров, известный русский минералог.

Военно-учебная реформа в 60—70-х годах была предпринята не только по военным, но в первую очередь и по политическим соображениям. Революционные настроения в конце 50-х—начале 60-х годов отмечались во многих военно-учебных заведениях и даже в привилегированном Пажеском корпусе, где в конце 50-х годов издавал подпольную рукописную газету П. А. Кропоткин.

Обеспокоенный распространением в среде офицерства освободительных идей, военный министр Милютин писал: «Кадетские корпуса, стрелковая школа, а равно три академии в течение последних лет выпустили в войска молодых офицеров с таким ложным и вредным направлением, что дурное влияние их обнаруживается, по отзывам всех высших начальников, в войсках повсеместно».¹ Милютин отмечал, что «преступные мысли» военной молодежи не могли зародиться без соответствующей подготовки в учебных заведениях. Придавая большое значение подготовке для войск «верноподданных» офицеров, он особо подчеркивал роль «религиозно-правственного воспитания». В связи с этим, например, в военных гимназиях уделялось «закону божьему» больше часов, чем в реальных училищах.

Реорганизация системы военного образования ставила своей целью, таким образом, подготовить офицерские кадры, не только достаточно обученные, но и всецело преданные монархии. В связи с этим военно-учебные заведения почти волюнтарно сохранили прежний дворянско-сословный характер.

В составе юнкеров военных училищ и специальных классов двух кадетских корпусов (Пажеского и Финляндского) в 1877 г. дворян было 76%, а в военных гимназиях и общих классах указанных корпусов даже 95%.²

Реформа 60—70-х годов далеко не разрешила вопроса обеспечения армии хорошо подготовленным командным составом. Военные училища обеспечивали лишь 15—25% необходимого армии контингента офицеров.³

Реакция в области просвещения в 80-х годах привела к попятному движению и в системе военного образования. В 1883 г. военные гимназии вновь преврати-

¹ П. А. Зайончковский, Военные реформы 1860—1870-х гг. в России. Изд. Моск. ун-в., 1952, стр. 222.

² Там же, стр. 237, 247.

³ Там же, стр. 240—241.

лись в кадетские корпуса, а Морское училище в 1891 г. — в Морской кадетский корпус. Опытные штатские педагоги стали заменяться очень часто менее квалифицированными офицерами. С каждым годом в кадетских корпусах начала сокращаться программа общего образования и увеличиваться учебное время на военные предметы. Строевая муштра, физическая подготовка, военно-прикладные дисциплины и летние лагеря к концу века постепенно заняли важнейшее место в учебных планах старших классов.

Со времени реакции 80-х годов перед кадетскими корпусами, как и перед всеми военными учебными заведениями, была поставлена, как никогда раньше, твердо определенная задача воспитания ревностных защитников буржуазно-помещичьего строя, слепо преданных военных слуг самодержавия.

* * *

До второй половины века нельзя говорить о какой-либо системе внешкольного образования в России. Даже в Петербурге только с 60-х годов становится возможным чтение публичных лекций, открытие общедоступных библиотек и читален, издание книг и популярных брошюр для народа и т. д.

В 1861 г. в Петербурге были прочитаны первые лекции для народа. Александр II отнесся к этому начинанию очень подозрительно и разрешил дальнейшее их чтение не иначе, как по взаимному согласию министров просвещения и внутренних дел, а также начальника III отделения и петербургского военного губернатора. Разумеется, при этом условии добиться разрешения на лекции стало почти невозможно. Впрочем, в 1863 г. В. А. Слепцову удалось организовать несколько научно-популярных лекций по физике, химии и гигиене для небольшой женской аудитории.

С 1870 г. началось регулярное чтение лекций с «туманными картинками» (диапозитивами) в Соляном городке. Их организовал для простого народа Педагогический музей военно-учебных заведений.

Хотя цензура беспрепятственно допускала лекции лишь на религиозные темы, иногда удавалось получить разрешение и на более полезные для народа чтения — о Тургеневе, о Л. Толстом. Профессор университета Глазенап рассказывал о строении вселенной. Пятикопеечные билеты в таких случаях брались нарасхват.¹

За 14 лет (1870—1884 гг.) Педагогический музей обслужил лекциями и беседами 745 тыс. слушателей и среди них очень много солдат Петербургского гарнизона.

Интересной формой распространения высшего образования был «Вольный университет», существовавший в начале 1862 г. После закрытия Петербургского

¹ Педагогический сборник, 1884, сентябрь, стр. 255.

университета студенческий комитет решил организовать публичные лекции в зале Городской думы. Был приглашен ряд видных петербургских ученых и в том числе Н. Г. Чернышевский. Правительство, впрочем, не решилось допустить выдающегося революционера к трибуне публичной пропаганды.

Особой популярностью пользовались чтения Костомарова о Новгороде. Либеральные суждения этого историка о вечевом строе казались тогда многим интеллигентам откровением. Места занимались публикой за полтора часа до начала лекции. «Вольный университет» просуществовал немногим более месяца. В знак протеста против высылки из Петербурга одного из профессоров (П. Павлова) занятия в «Вольном университете» были прекращены.¹

Правительство подозрительно наблюдало и за растущим стремлением простого народа к чтению. Царские чиновники не раз высказывали мнение о том, что библиотеки для народа вообще не нужны. «Рабочему читать некогда даже библию», — заявляли они и предлагали для сближения простого народа с духовенством ограничить обучение в начальной школе псалтырем. «Выучив наизусть псалтырь, простолюдин получает на всю жизнь духовную библиотеку».²

В 60—70-х годах постепенно растет число частных библиотек и кабинетов для чтения. До 50-х годов их насчитывалось всего три. К 1861 г. число таких библиотек выросло до 16, причем из них только 5 имели книги на русском языке. Ни одной общедоступной русской библиотеки не было на Выборгской и Петербургской сторонах и на Васильевском Острове.³ К 1881 г. в столице имелось 39 частных библиотек и читален, но почти все они были расположены в центре города и удалены от рабочих окраин. Стоимость годового абонемента обычно доходила до 10 руб. в год⁴ — сумма, недоступная для трудового читателя того времени. Утвержденные их владельцами правила «всячески преграждали доступ в читальни даже среднему классу общества, не говоря уже про низший народ».⁵ Только в отдельных библиотеках, созданных передовой интеллигенцией (Макалинской, Черкесовым), минимальная плата за пользование книгами составляла 2—3 руб.⁶ В таких библиотеках имелись даже такие гонимые правительственными чиновниками книги, как сочинения Белинского, Добролюбова, Писарева, Шевченко, Решетникова, Рылеева, не говоря уже о других русских классиках. Для удобства своих читателей некоторые частные библиотеки издавали каталоги своих книг, а затем прибавления к этим каталогам.

Первая бесплатная читальня открылась лишь в 1887 г. на Рузовской улице на средства, пожертвованные знаменитым путешественником Н. М. Пржеваль-

¹ См. подробнее в главе пятой настоящего издания.

² К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, полутом II. М.—Игр., 1923, стр. 864.

³ Книжный вестник, 1860, № 23—24, стр. 276.

⁴ Ведомость библиотекам для чтения. Книжный вестник, 1861, № 1—2, стр. 13.

⁵ Петербургский листок, 1869, № 9.

⁶ Каталог русских книг в Василеостровской библиотеке. СПб., 1873, стр. 1.

ским. Почти тотчас была открыта и вторая бесплатная читальня (на Сампсониевском проспекте). В 1888 г. в первой из них состояло 5623 читателя, а во второй — 2140. Постоянными воскресными посетителями были рабочие. В читальне на Сампсониевском проспекте они составляли более четверти всех записавшихся. Рабочие читали преимущественно журналы и газеты и менее всего интересовались богословием.¹ К концу 90-х годов в Петербурге было всего 6 бесплатных народных библиотек-читален.²

Спыхватившееся правительство уже в 1890 г. низвело публичные читальни до роли библиотек низших начальных училищ — впредь в них не допускались, наряду с газетами и журналами, сочинения Белинского, Добролюбова, Короленко, Лескова, Некрасова, Успенского, Щедрина и т. д. Полки их стали заполняться одобренной для народных училищ макулатурой — «Указание путей в царствие небесное» и т. п.

В Петербурге было много и нелегальных библиотек, особенно в студенческих кружках и землячествах. Создавали свои книжные фонды для пропагандистской работы и революционные организации. В первой половине 70-х годов, например, существовала тайная библиотека при кружке заводских рабочих, в котором участвовал Виктор Обнорский. В этой библиотеке имелось более ста книг социалистического содержания.³ Приобретены они были главным образом на средства самих рабочих, ежемесячно отчислявших на покупку книг до 2% заработной платы. Кассиром этой библиотеки одно время являлся В. Обнорский. Библиотека этого кружка явилась одним из звеньев в предыстории Северного союза русских рабочих. Хорошая библиотека была подобрана из книг, купленных рабочими и собранных у интеллигенции, центральным кружком Северного союза русских рабочих. Этой библиотекой, по словам Плеханова, «особенно дорожил и гордился союз».⁴ Число книг было так велико, что хранились они по различным рабочим кварталам, что, однако, не препятствовало получению рабочими нужных им книг.

В деле распространения марксистских идей большую роль сыграли библиотеки первых марксистских групп и кружков в Петербурге. В библиотеке легальной литературы Товарищества с.-петербургских мастеровых, организованного П. В. Точиским, насчитывалось более 700 книг по социально-экономическим вопросам. Нелегальные книги, среди которых было не менее пяти экземпляров «Коммунистического манифеста», хранились на чердаке какого-то генерала. Книжки эти особенно активно распространялись среди рабочих Невской заставы. Бла-

¹ С. Ф. Горянская. Первые бесплатные городские читальни. Русская мысль, 1889, № 10, стр. 10.

² Л. Хавкина-Гамбургер. Городские народные библиотеки в Петербурге. Вестник воспитания, 1909, № 8, стр. 44.

³ Вперед!, № 3, 15 февраля 1875 г., стр. 76.

⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 185.

годаря конспирации обе библиотеки не погибли при аресте Точиского и его товарищей.¹ В библиотеке при центральном брусневском кружке насчитывалось около 800 томов. В этой последней библиотеке читатели были разделены на три категории (начинающие, среднего развита и организаторы кружков) и соответственно этому принципу рекомендовалась литература для чтения. Взятые из библиотеки книги разрешалось передавать знакомым рабочим.

Хранение и особенно распространение нелегальной литературы в 60—80-х годах грозили серьезными последствиями. Только за передачу рабочему запрещенной книги царский суд, случалось, осуждал на каторгу.

Большие научные библиотеки очень страдали от недостатка средств. Например, штат Библиотеки Академии Наук в 1893 г. составил всего 10 человек. Между тем одних только книг, начиная с 90-х годов, в эту библиотеку поступало ежегодно более 10 тыс. Каталоги были запущены, сотрудники имели возможность обслуживать лишь узкий круг читателей.² Кучи неописанных и неразобранных книг иногда превращали академическую Библиотеку, по выражению одного из историков библиотечного дела, отчасти в «книжное кладбище».³ На подобные же затруднения жаловался и 90-х годах директор Публичной библиотеки. Этой библиотекой управляли обычно высокопоставленные вельможи, презиравшие рядового читателя. Порой они устанавливали в Публичной библиотеке до странности строгие ограничения. Иностранные сочинения о России там выдавались, например, в 60-х годах особам «не ниже четвертого класса». В конце 60-х годов художественная литература одно время не выдавалась для чтения из-за нелепой догадки какого-то чиновника о том, что большинство посетителей не станет в противном случае читать других книг.⁴ Несмотря на все ограничения, число читателей к концу века выросло в Публичной библиотеке во много раз. В 1860 г. было выдано около 3 тыс. читательских билетов, а в 1895 г. — свыше 14 тыс.⁵

Большое культурное значение имела работа в Публичной библиотеке В. В. Стасова. В течение почти 40 лет этот замечательный борец за русское демократическое искусство прилагал много сил для того, чтобы сокровища библиотеки не лежали втуне. Он деятельно руководил чтением многих знаменитых художников и композиторов, некоторым из них он оказывал самую непосредственную помощь в сборе исторических материалов. Он немало помог Репину в период его работы над картиной «Царевна Софья»⁶ и Мусоргскому в период создания им «Хован-

¹ А. Брейтфус. Точиский и его кружок. Красная летопись, 1923, № 7, стр. 328—331.

² И. А. Кубасов. Материалы к историческому обзору петербургских библиотек. Библиографическое обозрение, 1920, кн. 2, стр. 23—26.

³ К. И. Дерунов. Типичные черты в эволюции русских центральных государственных хранилищ. М., 1926, стр. 14.

⁴ Воскресное обозрение Публичной библиотеки. СПб., 1869, стр. 28—29.

⁵ Им. Публичная библиотека за 100 лет. СПб., 1914, Приложение, стр. X.

⁶ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II. М.—Л., 1949, стр. 38.

щяны».¹ В рукописном отделе библиотеки благодаря стараниям Стасова оказались бережно собранными драгоценные рукописи Глинки, Мусоргского, Бородина и других великих русских композиторов.

Петербургские библиотеки, обладавшие крупнейшими в мире книжными богатствами, были важными центрами научной пропаганды. Книжными собраниями Публичной библиотеки, а также библиотек университета и Вольного экономического общества широко пользовался в 90-х годах В. И. Ленин.

Подъем общественного и революционного движения, а также культурный рост населения не могли не сказаться на значительном оживлении издательского дела, в особенности на развертывании газетно-журнальной печати.

Если в начале 60-х годов в столице было 72 типографии, то в 1894 г. в ней насчитывалось уже 215 полиграфических предприятий (из 1315 имевшихся в стране).² В разное время в Петербурге было до 20 подпольных типографий, печатавших главным образом брошюры и листовки при помощи весьма примитивной обычно техники. Так, в конце 70-х годов в народнической Петербургской вольной типографии были напечатаны отдельными брошюрами известная речь Петра Алексея и глава из знаменитой поэмы Некрасова, вырезанная цензурой из «Отечественных записок», — «Пир на весь мир».

Большое значение для роста общественных и культурных интересов населения имело небывалое до того развитие периодической прессы во второй половине XIX в.

В 1855 г. всех периодических изданий в России было 139, а к 1900 г. их стало уже 1002. Особенно быстро число новых газет и журналов росло в последнюю четверть века.³ Тем не менее Россия намного отставала по развитию периодической прессы от передовых капиталистических стран. К 1900 г. в Англии было 5 тыс. периодических изданий, в Германии — 7 тыс., Франции — 4 тыс., США — 21 тыс. (только в Нью-Йорке до 2 тыс.).⁴ Петербург был важнейшим центром повременной печати России. Если в 1864 г. в столице выходило 89 журналов и газет, то в 1894 г. — 304. В 1894 г. в Петербурге печаталось 25 «толстых», 17 иллюстрированных, 4 юмористических, 7 детских, 4 «народных» и «солдатских» журнала, а также 18 газет. Для сравнения следует указать, что в Москве в это время выходило 34 периодических издания и на них только 3 «толстых» журнала и 6 газет.⁵

Научных и специальных изданий в столице было 202, из них общенаучного содержания 6, а остальные распределялись, по данным Н. М. Лисовского, сле-

¹ М. П. Мусоргский. Письма и документы. М.—Л., 1932, стр. 228.

² М. Н. Куфаев. История русской книги в XIX в. Л., 1927, стр. 211.

³ Н. М. Лисовский. Периодическая печать в России. Литературный вестник, 1902, кн. 8, стр. 299—303.

⁴ П. Г. Мижуев. Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей. Литературный вестник, 1902, кн. 8, стр. 311.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрова, т. 54, стр. 417.

дующим образом: богословию и философии было посвящено 7 изданий, политической экономии, коммерции и праву — 27 изданий, истории, филологии и библиографии — 21 издание, естественным и математическим наукам — 17 изданий, техническим дисциплинам — 32 издания, военному и морскому делу — 8 изданий, спорту — 6 изданий¹ и т. д.

Не считая двух сугубо официальных (сенатские и полицейские ведомости) и двух на иностранных языках, в Петербурге в начале 50-х годов издавалось только три ежедневных газеты. Значительнейшей из них считалась болгаринская «Северная пчела», которая выпускалась тогда небольшой четвертушкой скверной бумаги, разделенной на три столбца. Содержание ее, как, впрочем, и других газет в «эпоху цензурного террора», было совершенно убогое. Более чем наполовину она заполнялась официальными известиями, списками производства в чин и т. д.

Даже рассуждение о дороговизне извозчиков казалось III отделению нарушением прерогатив власти.² Неудивительно, что сколько-нибудь заметным общественным влиянием газеты в то время не пользовались. Значение газеты как проводника определенной политической линии и важного источника информации начинает сказываться лишь с появлением «большой» буржуазно-либеральной прессы.

В 60-х годах наряду с официозной «Северной почтой» и возникшим после нее официальным «Правительственным вестником» в столице появляются первые торгово-промышленные газеты («Биржевые ведомости», «Промышленная газета»), а затем и новые общественно-политические («Голос», «Новое время»). Одновременно заканчивает свое существование «Северная пчела». Начиная с 70—80-х годов ежедневные газеты оппозиционного направления соперничали по своему влиянию и распространению с «толстыми» ежемесячными журналами.

В связи с общественным подъемом 60-х годов приобретают либеральный оттенок «Санкт-Петербургские ведомости».

Популярный одно время в читающей публике «Голос», который претендовал на роль «барометра общественного мнения», после целого ряда колебаний в своем курсе (одно время он даже субсидировался правительством), в 1883 г. прекращен. Склонное в середине 70-х годов к осторожному фрондированию «Новое время», в котором в 1876 г. несколько месяцев сотрудничали даже Салтыков-Щедрин и Некрасов, постепенно повернуло «к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими».³ Занятый владельцем и редактором газеты А. С. Сувориным позиция «чего изволите?», глумление над революционной мо-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 54, стр. 418.

² С. А. Венгеров. Ежедневная печать конца дореформенной эпохи. Литературный вестник, 1902, кн. 8, стр. 380.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 251.

Газетчик. Гравюра на дереве. 1876 г.

лодежью и передовыми идеями века быстро создали «Новому времени» славу наиболее продажной и лицемерной русской газеты.

К националистическо-консервативной прессе принадлежал и издававшийся князем Мещерским «Гражданин». Сколько-нибудь серьезного влияния на общественные круги этот юродствующий орган придворной камарильи не имел.

С обличением «холопски-пресмыкающейся», «обмашивающей и развращающей общество» печати, не брезгающей извращением даже фактической стороны корреспонденций, тенденциозной ложью и умолчанием, выступала в 70-х годах подпольная пресса революционных народников.¹

Однако попытки демократических кругов организовать в столице ежедневные газеты для отпора ретроградной, охранительно-консервативной прессе быстро кончались неудачей. Так, в течение 60-х годов прекратились или были закрыты газеты «Очерки» и «Народная летопись». Наблюдение за печатью было возложено в 1882 г. на особое совещание из четырех министров во главе с Победоносцевым. Цензура и полицейские власти вслед за предостережениями имели право приостанавливать и вообще закрывать любую газету. Очень недолго существовали в начале 80-х годов либеральные «Страна» и «Порядок». После выхода одного-двух номеров прекращались первые нелегальные рабочие газеты — «Рабочая зарплата», «Рабочая газета» (А. И. Желябова), а также «Рабочий» (Д. Благоева).

¹ Листок «Земли и воли», № 4, 6 апреля 1879 г.

Громадное культурное значение имело расширение книгоиздательской деятельности.

В 60-х годах Петербург давал более трех пятых всей книжной продукции России. В 1864 г. из 1836 выпущенных в России книг в нем было издано 1097.¹ В 1893 г. в России было выпущено 10 230 книг, из них в Петербурге 3689 (в Москве — 2262).

Книжная продукция была весьма неравноценной по своему значению. Еще в 1862 г. Н. Г. Чернышевский в статье «Литературная собственность» возмущался торгашами-издателями, которые предпочитают выпускать не научную литературу, а разные скандальные книжки.

Некоторые издатели сознательно заводили рынок бульварным «читивом», подобранным и по коммерческим и по идеологическим соображениям. Они беззастенчиво спекулировали переводной литературой (закон предусматривал свободу перевода), а порой и популярностью отечественных классиков. Так, в 1900 г. ошеломленной столичной публике одновременно с только что вышедшим «Воскресением» в книжных лавках навязывали тощий «Понедельник» «графа Худого» — нелепый пасквиль на замечательное произведение великого писателя.

Массовый читатель из народа во второй половине века попрежнему почти не получал нужной для него литературы.

Громадное большинство книг, предназначенных для широких слоев трудящихся, носило религиозно-назидательный характер и издавалось Синодом.

Монополия снабжения массового читателя литературой иного рода принадлежала нескольким лубочным издателям. Из Апраксина двора, где действовали эти, как еще тогда говорили, подворотные издатели (их лавки обычно находились под воротами), безобразно изданные и безграмотно написанные книжки в миллионах экземпляров расходились по России.

Тех из трудящихся, которым удалось получить минимальное образование, духовно отравляли ядовитым товаром «житий святых», «оракулов», подделок под народную сказку и под роман с приключениями. Дешевизна, эффектное заглавие и картинки, порой совершенно нелепые, обеспечивали успех и пресловутому «Милорду», и «Битве русских с кабардинцами», и тому подобным издорным книжкам.

Только в начале 90-х годов лубочная литература оттесняется на второй план дешевыми изданиями произведений классиков и научно-популярными брошюрами, которые с 1880 г. начал систематически выпускать Петербургский комитет грамотности, а также некоторые частные и кооперативные издательства.

Издание произведений классиков русской литературы во второй половине XIX в. велось еще в очень ограниченном масштабе. Так, например, к 60-м годам

¹ Г. И. Поршнева. История книжной торговли в России. Сб. «Книжная торговля», М.—Л., 1925, стр. 108.

число экземпляров всех изданий Гоголя, печатавшихся уже четверть века, не доходило и до 10 тыс.¹

Право литературной собственности, действительное в течение 50 лет со дня смерти писателя, давало издателям, заполучившим его, часто не без прямого обмана, у наследников, возможность наживать крупные барыши, продавая сочинения знаменитых авторов втридорога. Глазунов, «откупивший» сочинения Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Гончарова, отказывался издавать отдельные произведения этих писателей.

Особенно не повезло Пушкину. «Откупившая» его московская фирма братьев Салаевых десятки лет не думала о выпуске полного собрания сочинений великого поэта.

Когда в 1887 г. эта ни с чем песообразная монополия прекратилась сама собой, в Петербурге тотчас появилось четыре полных собрания сочинений Пушкина. Раскупились они нарасхват. Нужно отметить, однако, что хорошие книги из-за небольших тиражей стоили весьма дорого и потому, как правило, были недоступны для массового читателя.

Наиболее крупные петербургские фирмы — Глазуновых, Вольфа, Суворина — имели уже в 80-х годах миллионные обороты. Их хозяева были удостоены звания «поставщиков двора его величества», а И. И. Глазунов даже возведен в дворянское достоинство вместе со своим потомством.

Конкуренция издателей смягчалась несколько некоторой специализацией книготорговых фирм. Наряду с беллетристикой Глазуновы издавали преимущественно учебную литературу, Вольф — детскую, товарищество «Общественная польза» — научную. А. Ф. Девриен издавал почти исключительно географические, биологические и сельскохозяйственные книги, К. Л. Риккер — медицинские, и т. д.

Большинство петербургских издателей было настроено весьма консервативно и даже реакционно. В конце века признанным вождем правой прессы, оракулом реакционных сил стал петербургский издатель и газетчик А. С. Суворин.

Под влиянием общественного движения 60-х годов появляются первые издатели, которые выпускали книги не в коммерческих, а в культурно-просветительных целях. Такой характер носила, например, издательская деятельность известного впоследствии ученого В. О. Ковалевского, Ф. Ф. Павленкова, отчасти товарищества «Общественная польза» и М. М. Стасюлевича, которые выпустили немало ценных научных и художественных изданий. В. О. Ковалевский, например, выпустил около 50 книг по естествознанию, в том числе сочинения Дарвина, Лайбллы, Брема и других — некоторые в собственных переводах.

Особый тип книгоиздателя представлял Ф. Ф. Павленков. Еще молодым офицером он под влиянием освободительных идей 60-х годов вышел в отставку

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные педагогические произведения, стр. 472.

и приступил в 1866 г. к выпуску сочинений Писарева. За хлопоты по увековечению памяти Писарева Павленков был привлечен к суду, а затем выслан в Вятку.

Только в 1881 г. он возобновил издание книг в столице.

Просветитель по своим убеждениям, Павленков не преследовал целей наживы и нередко назначал даже убыточные для себя цены. До конца века он выпустил свыше 700 томов художественной, общественно-политической и естественно-научной литературы. Широкой известностью пользовалась изданная им серия «Жизнь замечательных людей». За Павленковым остается заслуга неоднократного издания многих сочинений Белинского, Писарева, Успенского, Шелгунова, а также книг таких классиков, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гюго, Диккенс и др.

Несмотря на строгость правительственной цензуры, уничтожившей в 1872 г. собрание сочинений Радищева, десятками лет державшей под запретом сочинения Чернышевского и Герцена, в Петербурге во вторую половину XIX в. было выпущено в свет немало замечательных произведений русской революционно-демократической публицистики. Сочинения Чернышевского, Писарева, Добролюбова, Щедрина сыграли немалую роль в идейной подготовке русской революции.

Издатель Н. П. Поляков, используя закон о том, что книги большого объема могут быть изъяты только по суду, решился в 1872 г. выпустить перевод «Капитала» Маркса. Это был первый в мире перевод «Капитала» на иностранный язык. Поляков издал также «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского (1869) и немало других ценных книг.

В дальнейшем в Петербурге, кроме второго и третьего томов «Капитала», до конца века вышли в свет «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина. В Петербурге печаталась нелегально на гектографе знаменитая книга В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?».

На этих трудах, а также на книге Плеханова «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» воспитывалось целое поколение русских марксистов.

К концу века петербургская полиграфическая промышленность обладала высококвалифицированными рабочими. Благодаря им она заняла почетные места на I Всероссийской книжной выставке в 1894 г. и на международной выставке в Лейпциге в 1897 г. По книжной производительности Россия в это время далеко обгоняла Англию и США. В 1890 г. в России было выпущено 8638 книг, а в этих странах соответственно только 5735 и 4559.¹

Книжная торговля в конце 50-х годов с «развалом» на рынках переносится в лавки и лари Гостиного и Апраксина дворов, на открытые стеллажи на Невском. В 1893 г. в городе было свыше 300 книжных лавок, но крупных из них было очень мало.²

¹ М. Н. Куфаян, ук. соч., стр. 285.

² Там же, стр. 250.

Карикатура на цензуру в журнале «Искра», 1862 г.

Довольно видную роль во внешкольном образовании играли петербургские музеи.

В 1864 г. для публики, кроме Эрмитажа и Академии художеств с их бесценными сокровищами произведений русского и иностранного искусства, были открыты и музеи Академии Наук (Зоологический музей, Кунсткамера, Азиатский музей и др.), два Сельскохозяйственных музея (Вольного экономического общества и Министерства государственных имуществ), а также минералогический музей Горного института и технический музей Института путей сообщения. Был разрешен доступ в Ботанический сад и Пулковскую обсерваторию, а также на Стекольный и Фарфоровый (ныне им. Ломоносова) заводы за Невской заставой. В конце 60-х годов открывается для посетителей Морской музей. Обширные коллекции оружия с полей древних битв были собраны в Артиллерийском музее, организованном в 1872 г., но ставшем доступным лишь в 1892 г. Появились также Художественно-промышленный музей и Постоянная выставка художественных произведений (от Общества поощрения художников). Громадной популярностью пользовались выставки передвижников. В 1883 г. в казармах Николаевского кавалерийского училища возникает небольшой Лермонтовский музей. В 1898 г. открылся Русский музей, сосредоточивший с самого начала много замечательных произведений национальной живописи и скульптуры.

Для педагогических учреждений особое значение имел Педагогический музей военно-учебных заведений, обладавший ценными пособиями для наглядного обучения.

В 1865 г. в Петербурге появляется первый постоянный зоосад, находившийся, впрочем, долгое время в очень запущенном состоянии.

Музеи посещала почти исключительно учащаяся молодежь и интеллигенция. «Простой народ» в них обычно не допускался.

Признавая большое культурное значение петербургских музеев, передовые круги интеллигенции хорошо сознавали наивный, а подчас антинаучный характер их экспозиций. Военные музеи вывезчиво прославляли, например, парей и придворных вельмож. В других музеях предметы и произведения искусства нередко выставлялись для обозрения вне связи с их эпохой по чисто формальным признакам — по коллекциям их бывших владельцев и даже по размерам. К тому же в музеях в то время не было экскурсоводов. Несмотря на эти недостатки, столичные музеи играли серьезную роль в культурном и научном развитии учащейся молодежи, в особенности студенчества.

* * *

При несомненной враждебности к делу народного просвещения в целом царское правительство во второй половине XIX в. временами шло на уступки буржуазии и постепенно расширяло необходимую для капиталистического развития страны сеть столичных школ.

В Петербурге за время с 1864 по 1894 г. количество учащихся в начальных школах удвоилось, а в средних учебных заведениях утроилось. Увеличилось количество студентов. Возникло высшее женское образование. Заметно повысился уровень обучения и преподавания. Больших успехов добилась прогрессивная педагогическая мысль. Труды Ушинского и Лесгафта, статьи Чернышевского и Добролюбова представляли крупнейший вклад в развитие русской педагогики.

Все же успехи просвещения в Петербурге во второй половине века были далеко не достаточны. Число учебных заведений и количество учащихся в них не соответствовало не только потребностям всей страны, но даже самой столицы. В особенности не удовлетворяло потребностей развития производительных сил России состояние профессионального и технического образования (высшего — и особенно среднего и низшего).

Количество церквей в Петербурге к концу XIX в. все еще почти вчетверо превосходило число средних школ (первых было 281, а вторых 72). Многие тысячи детей не попадали даже в начальную школу, за целую треть века на ничтожную цифру увеличился процент грамотности. В 1894 г. в Петербурге с его почти полуторамиллионным населением среди взрослых было более 300 тыс. неграмотных.¹

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 56, стр. 311, 330—331.

Царизм и буржуазия сознательно противодействовали широкому просвещению народа. Для упрочения своего господства, для предотвращения критики существующего строя им было выгодно держать трудящихся в «невероятной одичалости и беспроектной тупости».¹

Полицейский режим, установленный Д. Толстым и Делиновым, не смог оградить массы учащейся молодежи от влияния революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова, Герцена и Писарева, от влияния смелой научной мысли корифеев русского естествознания второй половины XIX в. Менделеева, Сеченова, Тимирязева. Правительству не удалось задержать умственное движение в среде передовой молодежи.

Понижен уровень образования в некоторых звеньях тогдашней школы и нанесен тем самым громадный ущерб культурному развитию страны, реакция оказалась все же не в силах загасить очаги просвещения, какими располагал в то время Петербург.

Петербургские учебные заведения в середине и второй половине XIX в. заканчивают такие выдающиеся деятели русской культуры и науки, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Тимирязев, Павлов, Попов, Докучаев и многие другие. Диплом Петербургского университета был вручен в 1891 г. блестяще сдавшему экстерном государственные экзамены В. И. Ленину.

В петербургских высших учебных заведениях получили образование многие видные деятели демократической культуры и революционного движения Закавказья, Прибалтики, а также братских славянских народов.

В конце 60-х годов в Институте путей сообщения учился будущий вождь сербской демократии, философ и экономист, считавший себя учеником Чернышевского, Светозар Маркович; он был связан с революционными кругами петербургского студенчества. Студентом Технологического института некоторое время был Людвиг Варынский — организатор первой революционной партии польского рабочего класса «Пролетариат», в Лесной институт окончил другой видный польский революционер — Валерий Врублевский. Слушателем Военно-медицинской академии был видный деятель революционного движения в Румынии Н.П. Зубку-Кодреану. В столичном университете учился будущий руководитель восстания белорусских крестьян в 1863 г. Кастусь Калиновский. Академию Генерального штаба в начале 60-х годов окончили будущий главнокомандующий армией Парижской Коммуны Ярослав Домбровский и последователь Чернышевского Зыгмунт Сераковский.

В начале 80-х годов студентом Петербургского университета был один из первых зачинателей марксистской пропаганды в России Д. Благоев, впоследствии организатор и вождь болгарской коммунистической партии.

Драконовские и незуитские меры правительства по отношению к средней и высшей школе вызвали отпор со стороны передового юношества, поднимали

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 8, стр. 263.

передовых педагогов на борьбу с полицейским учебно-воспитательным режимом.

Все старания правительства изолировать молодежь от влияния освободительных идей были напрасны. На несколько десятилетий духовными вождями передового студенчества стали Чернышевский и Добролюбов. Не случайно гремела на сходках и вечеринках песня:

За того, кто «Что делать?» писал,
За героя его, за его идеал.

Студенчество во второй половине XIX в. принимало самое активное участие в общественном движении, а иногда выступало даже в его авангарде.

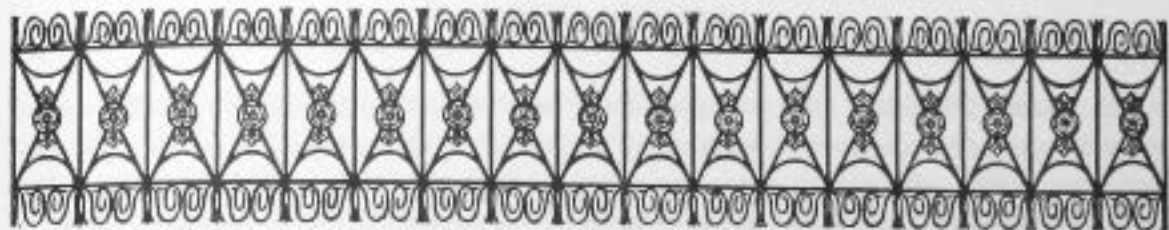
В 70-е годы студенты были активными деятелями революционного народничества. В 80-е годы учащаяся молодежь первой приступила к глубокому изучению марксизма, а затем перешла к пропаганде идей научного социализма среди пролетариата.

Говоря об общественно-политическом движении 80-х годов, В. И. Ленин отмечал выдающуюся роль в нем учащихся и интеллигентов.¹ «Почти исключительно студенческой организацией»,² как говорил Ленин, был и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 295.

² Там же, т. 8, стр. 118.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НАУКА И ТЕХНИКА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Развитие русской общественной науки во второй половине XIX в. происходило в ожесточенной борьбе революционно-демократической мысли 60—70-х годов против правительственной и либеральной идеологии; с середины 80-х годов все более выдвигается борьба марксистов против народничества за утверждение идей научного социализма.

Развитие социальных наук в России весьма тесно было связано с Петербургом. Петербург был важнейшим центром революционного движения, крупнейшим средоточием разночинной интеллигенции. Ареной общественной борьбы, столкновения социально-политических идей была и петербургская печать, в особенности журналистика. Город Радищева и декабристов, Белинского и петрашевцев хранил их идейное наследие. Статьи «Современника» и «Русского слова» несли идеи революционной демократии в глубь России. Чернышевский, Добролюбов, Писарев стали в 60-х годах духовными вождями передовой разночинной молодежи, в частности демократического студенчества, выдвинувшего немало борцов за освобождение народа.

Для революционной молодежи той поры Петербург, в котором протекала деятельность руководителей демократии, «представлялся лабораторией идей, центром жизни, движений».¹

¹ В. З а с у л и ч. Воспоминания. М., 1931, стр. 20.

Немалое значение для утверждения революционно-демократической идеологии имела вольная печать, созданная Герценом и Огаревым в Лондоне в середине 50-х годов. «Колокол» и другие издания Герцена широко распространялись в революционных кружках Петербурга.

Не только в специально научных, но и в литературно-критических и публицистических статьях «Современника», «Русского слова», «Колокола» в живой доходчивой форме излагались сложнейшие философские и экономические проблемы, из месяца в месяц обсуждались в обход цензуры насущные вопросы политики, права и истории, проповедовались передовые эстетические принципы.

В борьбе против крепостников и либералов, против идеалистов и мистиков революционеры-демократы оказали благотворное влияние на создание демократической культуры угнетенных народов России и братских славянских наций.

Христо Ботев, Светозар Маркович, Любен Каравелов с глубокой любовью и признательностью называли своими учителями Чернышевского, Добролюбова, Герцена.

Система общественно-научного мировоззрения, созданная Чернышевским и Добролюбовым в середине XIX в., была исторически важной ступенью на пути русской революционной мысли к марксизму.

Сравнительно быстрое распространение марксизма в России было подготовлено не только ростом рабочего класса и его сознательности, но и могучей проповедью революционеров предшествующих поколений, их жадным стремлением найти такую теорию общественного развития, которая могла бы стать путеводным факелом освободительного движения.

В. И. Ленин не раз подчеркивал то громадное значение, которое имела для России теоретическая деятельность великих революционных демократов, которых он называл предшественниками русской социал-демократии.

Утверждение марксизма в русской общественной науке было невозможно без разгрома широко распространенной в 70–80-х годах идеологии народничества.

Борьбу с народниками начали еще Маркс и Энгельс, много сделавшие для разъяснения русским революционерам ошибочности тактики и вредности теорий народничества.

Борьбу против народничества успешно повел с 80-х годов пионер марксизма в России Г. В. Плеханов. Плеханов и созданная им группа «Освобождение труда» сыграли важную роль в пропаганде марксизма в России и идейной подготовке русской социал-демократии.

В первой половине 90-х годов во главе революционного движения петербургского пролетариата становится В. И. Ленин — великий продолжатель дела Маркса и Энгельса. С именем Ленина связан окончательный разгром народничества и начало нового, марксистско-ленинского этапа развития общественной науки.

В связи с деятельностью лепицкого «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Петербург сыграл большую роль в пропаганде марксизма среди русского пролетариата.

Центр передовой общественной мысли и застрельщик общественного движения — Петербург вместе с тем являлся важнейшим средоточием буржуазно-либеральной мысли, а также рассадником правительственного обскурантизма и мракобесия.

Если дворянская религиозно-монархическая идеология в этот период уже значительно теряет свое влияние в обществе, то для буржуазно-либеральной научной мысли это было время некоторого, хотя и очень умеренного, подъема.

В отдельных, главным образом историко-филологических, дисциплинах был достигнут весьма значительный сдвиг вперед за счет накопления запаса фактических знаний. Некоторый рост академической и университетской науки был связан с увеличением потребностей страны в теоретических трудах по экономике, статистике, праву, а также в связи с задачами преподавания этих дисциплин. В Петербурге появляются новые учебные заведения, например Историко-филологический и Археологический институты, в университете — новый факультет (Восточный) и новые кафедры (например, сравнительного языкознания). В столице возникают новые научные общества (Историческое, Археологическое, Юридическое и др.), новые специальные журналы («Русская старина», «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», «Экономический указатель», «Военный сборник» и др.). В Академии Наук и в университете создаются оригинальные научные школы — в области истории, языкознания, славяноведения, востоковедения.

Петербург был крупнейшим, но все же не единственным центром буржуазной науки. Буржуазно-либеральная историография имела своих важнейших, авторитетнейших представителей в Москве в лице Соловьева и Ключевского; языковеды Петербурга нередко опережали в своих работах лингвисты Москвы, Казани, Харькова и т. д.

После недолгого и сравнительно скромного подъема буржуазно-либеральная наука оказывается уже в 90-х годах в преддверии того упадка и кризиса, который привел все виды идеологии господствующих классов царской России к полному распаду на протяжении менее чем двух десятилетий XX в. Попытки отдельных буржуазных ученых нарядиться в одежды марксизма и извратить марксистское учение в угодном буржуазии духе (так называемый легальный марксизм) оказались также бесплодными. Уже в 1895 г. В. И. Ленин разоблачил буржуазную сущность легального марксизма.

Борьба русской передовой общественной науки против дворянско-монархической и буржуазно-либеральной идеологии охватывала все области общественных наук, но наиболее широко и последовательно, в наиболее острой форме она развернулась в области философии и политической экономии.

История русской философии второй половины XIX в. — это история борьбы материализма с официальной и либеральной религиозно-идеалистической философией.

Когда в начале 60-х годов в университете была восстановлена кафедра философии, правительство потребовало от университетской философии стать наукой, «разрушающей... стремление к материализму».¹ Кафедра философии была поручена профессору богословия. Потом ее занял бесталанный эпитом идеалистической психологии Владиславлев.

Покровительствуемые реакционными бюрократами и церковью философы-идеалисты никаким авторитетом в передовом студенчестве не пользовались. Ревностный слуга Победоносцева и Делянова, назначенный ими в 1887 г. ректором, профессор Владиславлев тщетно проповедовал, что взаимные чувства людей всецело определяются величиной их денежных доходов. Эта «психология» толстого кармана вызывала лишь насмешки и возмущение студенчества.² Гораздо большим влиянием в либерально-консервативных кругах интеллигенции, но отнюдь не в среде революционной молодежи, пользовались другие университетские лекторы — идеалисты 80-х годов: проповедник религиозно-мистической философии Владимир Соловьев и последователь кантианства А. И. Введенский.

Философы-идеалисты безраздельно господствовали в преподавании в высшей школе. Едва ли не единственным исключением в среде петербургской профессуры был видный русский логик М. И. Каринский, помимо Духовной академии читавший лекции на Бестужевских курсах. В ряде своих работ 70—80-х годов по вопросам логики и теории познания Каринский склонялся к материализму и критиковал неокантианство, в частности труды А. И. Введенского.

К 50—60-м годам XIX в. относится новый подъем русской материалистической философии. Мировоззрение классиков русской философии Чернышевского и Добролюбова было высшей формой домарксовского материализма. Такие сочинения Чернышевского, как «Эстетические отношения искусства к действительности», «Антропологический принцип в философии» и многие другие, вошли в золотой фонд русской классической философии.

Русские мыслители 60-х годов были глубоко оригинальны в своих философских взглядах, рождавшихся в борьбе против мракобесов и идеалистов всех мастей в России и за рубежом.

Обязанные многим в своем философском развитии не только Белинскому и Герцену, но также и Фейербаху, великие революционные демократы тем не

¹ С. В. Рождественский. Исторический очерк Министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 357.

² В. В. Вересаев. Воспоминания. Сочинения, т. 4, 1948, стр. 307.

мнее превосходили Фейербаха с его созерцательным, метафизическим материализмом. Чернышевский и Добролюбов в основу своих воззрений положили не беспредметное восхищение человеком вообще, а глубокую любовь к народу, связанную с верой в его творческие силы.

Совершенно законно Чернышевский и Добролюбов отказались признавать зависимость своей философии от взглядов вульгарных материалистов Бюхнера, Фохта, Молешотта.

Против материалистической теории Чернышевского и его сторонников в начале 60-х годов ополчился весь либерально-монархический лагерь.

Когда в 1860 г. в четвертом и пятом номерах «Современника» появилась знаменитая статья Чернышевского «Антропологический принцип в философии», в которой последовательно проводились принципы атеизма, учение о материальности мира и излагались некоторые черты диалектики, в войне против нее объединились все идеалисты — от профессора Киевской духовной академии Юркевича до либеральных редакторов «Русского вестника» и «Отечественных записок» Каткова и Дудышкина. За этой полемикой следила вся мыслящая Россия. Симпатии передовой интеллигенции целиком принадлежали «Современнику», Чернышевскому, блестяще разгромившему своих противников в статье «Полемические красоты», помещенной в «Современнике» летом 1861 г. Идеи Чернышевского нашли широкий отклик в демократических кругах русского общества. Студенты Московского университета ошарашали и прогнали Юркевича, который поднялся на кафедру с тем, чтобы оклеветать и опорочить материализм.

Огромное принципиальное значение имело выступление Чернышевского против агностицизма и скептицизма тогдашних идеалистов. «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников».¹

Борьба против агностицизма, за материалистическую теорию познания была исключительно благотворна для развития русской науки, искусства, литературы. В. И. Ленин отмечал, что в критике агностицизма и субъективизма «Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса».²

Хотя Чернышевский не сумел, вернее не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса, но своей защитой материалистических взглядов он немало способствовал грядущей победе марксистской теории материализма.

Материализм русских просветителей 60-х годов последовательно проводился в их взглядах на природу, на теорию познания, но не распространялся на их уче-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 346.

² Там же, стр. 345.

ние об обществе. Мысли Чернышевского о народе как творце истории, о важной исторической роли борьбы классов и революции, глубокое внимание к экономике общества остались только гениальными догадками. В объяснении социальных явлений он оставался преимущественно на позициях идеализма, антропологии.

Говоря об идеалистическом в конечном счете характере социального мировоззрения передовых русских философов, нельзя забывать, что отличительной чертой их общественной теории был и всегда оставался самый последовательный демократизм, непоколебимая преданность делу крестьянской революции.

Защита революционными демократами материалистических принципов в естествознании весьма благотворно сказалась на развитии психологической науки.

Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Антонович решительно отвергали попытку оторвать психологию от физиологии (Юркевич, Дудышкин). Они не раз громили наглое шарлатанство «специалистов» по френологии и хиромантии, с презрением высмеивали антинаучные измышления идеалистов, отрицавших роль мозга в сознании, разоблачали мракобесие и суеверие ученых прислужников попущины.

Чернышевский очень определенно поставил вопрос о причинности и закономерности психической деятельности человека и впервые стал рассматривать психологию как точную науку.

Выступления «Современника» в защиту материалистической психологии послужили как бы прологом к появлению первого труда основателя русской физиологической науки Сеченова.

Велики заслуги Чернышевского и Добролюбова в разработке историко-философских проблем. Историю философии они рассматривали, вслед за Герценом, как историю борьбы материализма с идеализмом. Чернышевский и Добролюбов учили молодое поколение видеть борьбу партий в философии, различать классовые корни всякой философии, вскрывать реальную подоплеку философских обобщений.

Еще в 50-х годах Чернышевский определил важнейшую роль своих учителей в философии — Белинского и Герцева — в развитии материализма и диалектики в России, указав, что «прогресс в понятиях совершался в России самостоятельным путем», что «умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в слите их учеников».¹

В теоретической деятельности Чернышевского и Добролюбова русская общественная наука домарковского периода и прежде всего материалистическая философия достигли своего высшего этапа. Лавров и Михайловский сделали шаг назад в области философии, когда от мировоззрения Чернышевского и Добролюбова обратились к эклектической философии Конта.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 224.

Нигде так не проявлялись идеалистические и субъективистские взгляды народнических публицистов, как в области социологии. Народники не понимали значения классовой борьбы, определяющей исторической роли народных масс, не видели экономических пружин исторического развития.

Неудивительно, что народнические теории подверглись жестокой критике со стороны классиков марксизма. Но народники не хотели и не могли правильно воспринять указаний Маркса и Энгельса. Народничество пужно было разгромить идейно. За эту задачу должны были взяться русские марксисты.

Философия марксизма не была совершенной новостью для русских революционеров 80-х годов.

Еще в начале 70-х годов о сущности диалектического метода можно было узнать из рецензии на первый том «Капитала», опубликованной в «Вестнике Европы» профессором петербургского университета И. И. Кауфманом.

В журнале «Слово» в 1879 г. появился почти без сокращений философский раздел «Анти-Дюринга» в переводе киевского ученого Н. И. Зибера. Немало передовых русских людей имело возможность ознакомиться с сочинениями классиков марксизма в оригинале.

Ознакомление русских читателей с трудами Маркса и Энгельса подготовляло почву для усвоения и распространения марксистских идей в среде революционеров. Настоящими наследниками, продолжателями традиций русской классической философии стали русские марксисты. Первым убежденным пропагандистом марксистской философии явился Плеханов, который нанес серьезный удар идеалистическим взглядам народников.

Ошибочность и беспочвенность теорий народников, не понимавших подлинной роли масс и классов в историческом движении, была доказана Плехановым в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Эта книга представляла блестящее обоснование и изложение теории исторического материализма. Хотя этот труд не был свободен от ошибок (автор, например, чрезмерно преувеличивал в ней роль географической среды в развитии общества), но он имел большое значение в деле пропаганды марксистских воззрений на общество и его историю. На этой книге, по выражению Ленина, «воспиталось целое поколение русских марксистов».¹

Величайшее значение для победы марксизма в России имела книга В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». В этой книге и особенно в ее первом выпуске, направленном против субъективно-идеалистической социологии П. К. Михайловского, содержалось глубокое обоснование марксистской философии и в частности материалистического понимания истории.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 243.

Своей книгой В. И. Ленин двинул далеко вперед философию марксизма, окончательно разбил субъективный идеализм народников и вооружил русский пролетариат строго научной революционной теорией.

* * *

Развитие экономической науки в Петербурге в 60-х годах происходило в ожесточенной схватке революционно-демократической мысли с вульгарно-апологетическими построениями как откровенных защитников крепостничества, так и идеологов капитализма — буржуазно-либеральных ученых. В 80—90-х годах в войне против реакционной экономической утончи либеральных народников побеждают идеи марксова «Капитала». Продолжателем экономического учения Маркса становится Ленин.

Экономическими проблемами глубоко интересовались демократические мыслители 60-х годов Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов, Писарев, Бervi-Флеровский.

Влиятельнейшим и значительнейшим русским экономистом второй половины века был Чернышевский. Маркс называл его «великим русским ученым» и считал, как передает Герман Лопатин, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы».¹ Маркс, который глубоко изучал экономические сочинения Чернышевского — «Примечания к „Основаниям политической экономии“ Д. С. Милля», «Капитал и труд», «Критику философских предубеждений против общинного владения» и другие, собирался посвятить Чернышевскому специальную главу в третьем томе «Капитала» и написать его биографию.

Как оригинальный мыслитель, Чернышевский мастерски, по выражению Маркса, вскрыл банкротство буржуазной политической экономии, показав, что после Смита и Рикардо в ней нет прогресса, так как ученые слуги капиталистов сделали свою науку символом веры буржуазии. Выступая против реакционной «науки» Мальтуса, Мак Куллоха, против антидемократических взглядов Милля, против буржуазной апологетики профессора Петербургского университета Горлова и редактора столичного журнала «Экономический указатель» Вернадского, а также других столпов буржуазной политической экономии, Чернышевский выработал наиболее замечательное в домарксовский период экономическое учение XIX в., которое он определил как «политическую экономию трудящихся».

Исходя из теории трудовой стоимости, он доказал право всех трудящихся на продукты своей работы и справедливо видел в этом принципе основу граду-

¹ Сб. «Герман Александрович Лопатин», Пгр., 1922, стр. 71.

шего переустройства общества, в результате которого наемные рабочие превратятся в хозяев и управителей производства.

Ленин назвал Чернышевского «замечательно глубоким критиком капитализма».¹

Чернышевский хорошо понимал эксплуататорскую сущность капиталистических порядков, видел рост социального неравенства и прогрессирующее обнищание рабочего класса на Западе. Как бы в ответ на уверения буржуазных либералов о благоденствии Западной Европы, он писал: «Зачем нам оставаться в фантастической уверенности, будто бы Западная Европа — земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково?».²

Чернышевский и Добролюбов надеялись, что посредством революции Россия сможет миновать буржуазную стадию развития.

«Наш путь будет лучше», — говорил Добролюбов, указывая на те бедствия, которые принес капитализм Западу.

План перехода России к социализму, минуя капиталистическую стадию развития общества, все же не выходил из рамок утопии. Чернышевский мечтал о переходе к социализму через старую полудеодальную крестьянскую общину, «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма».³

Хотя представления Чернышевского о путях социалистического преобразования России были утопическими, но нарисованные им идеалы коммунистического общества имели громадное пропагандистское значение.

Чернышевский в своих научных произведениях, а также в знаменитом романе «Что делать?» рисовал вдохновенную картину будущего общества, в котором

А. И. Щапов. Гравюра на дереве по фотогравюре 60-х годов.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 224.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, 1948, стр. 727.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 97.

на основе общественной собственности, на основе крупной промышленности и новой техники в десятки раз увеличится производство, начнется освоение пустынь и покорение всех сил природы. Чернышевский гениально предвидел, что при таком строе общества возникнет гармоническое сочетание умственного и физического труда и освобожденный труд станет величайшей человеческой радостью.

Значение экономического наследия Чернышевского необычайно велико. Нельзя считать случайностью, что высказывания Чернышевского по экономическим вопросам не раз перекликались с гениальными положениями классиков марксизма.

Одной из замечательных экономических работ 60-х годов была книга В. В. Берни-Флеровского «Положение рабочего класса в России», вышедшая в Петербурге в 1869 г. Сочинение Флеровского представляло итог многолетних наблюдений автора в различных местностях страны. Флеровский увидел тяжелые последствия крепостнической реформы 19 февраля 1861 г., картину безмерных страданий крестьян и рабочих. Книга Флеровского получила высокую оценку не только со стороны революционной молодежи 60—70-х годов, но и со стороны основоположников марксизма.

Маркс в то время уже изучал русский язык, чтобы прочитать в оригинале «превосходные» экономические работы Чернышевского, а книга Флеровского была одной из первых русских книг, прочитанных Марксом. Маркс, который тотчас разглядел ряд теоретических ошибок и противоречий в этой книге (Флеровский, например, говорил о необходимости товарищества между рабочими и капиталистами), полагал все же, что «это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России», и считал, что «это — самая значительная книга, какая только появилась после ... произведения о „Положении рабочего класса в Англии“». ¹ В письме к членам Русской секции Интернационала великий вождь пролетариата писал: «Также труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века». ²

Народники-революционеры 70-х годов в отличие от Чернышевского и Добролюбова не хотели видеть экономического прогресса России. Став свидетелями все более широкого рабочего движения, они отказывались признать подлинное его значение и попрежнему только в крестьянстве искали силу, способную преобразовать Россию.

Крупной заслугой экономистов-народников являлась постановка вопроса о капитализме в России. Но данное народниками решение этого вопроса оказывалось совершенно неудовлетворительным.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 286—287.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Госполитиздат, 1951, стр. 39.

Народнические теоретики считали капитализм в России укладом, явленным беспочвенным и нежелательным и, настаивая на самобытности русского экономического строя, идеализировали общину как нечто высшее по сравнению с капитализмом. Затуманивая противоречия общественно-экономического развития в деревне, народнические теории выражали мелкобуржуазную точку зрения. С таких же отсталых позиций велась народниками и сентиментальная, по выражению В. И. Ленина, критика капитализма.

Народнические взгляды 70-х годов были реакционны и ложны, поскольку они претендовали на роль социалистических теорий, но в них несомненно было демократическое содержание, которое значительно потускнело в либерально-народнических теориях 80—90-х годов.

Эволюцию от революционного народничества к либеральному прошел и виднейший экономист-народник Н. Ф. Даниельсон, который много сделал для конкретного изучения экономики России. Н. Ф. Даниельсон в 70—80-х годах очень интересовался экономическим учением Маркса и, работая над переводом «Капитала», вел переписку с Марксом и Энгельсом. Серьезное значение имела его статья «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1880), в основном правильно отметившая капиталистическое развитие России. Однако марксистскую теорию Даниельсон так и не сумел понять. Народнические ошибки его статьи усугубились при издании ее в 1893 г. отдельной книгой, ставшей в 90-х годах, наряду с работами еще более отсталого в теоретическом отношении и более склонного к политическому оппортунизму литератора В. Воронцова, экономической платформой народничества.

Рассуждения народнических экономистов о социалистическом характере общины по существу прикрывали кулацкое засилье в ней, прочно установившееся к концу XIX в. Основной своей задачей народники 90-х годов считали уже не революционную борьбу с самодержавием, а нападки на все более распространяющийся в России марксизм. Между этими народниками и теоретическим наследством Чернышевского и Добролюбова, на которое они претендовали, легла пропасть.

Подлинными наследниками теоретического богатства 60-х годов явились марксисты. Экономические труды основоположников марксизма стали известны в России еще в 60-х годах, когда Шелгунов излагал в своих статьях в «Современнике» работу Энгельса о положении рабочего класса в Англии. Знали в России и о других экономических работах классиков марксизма. Маркс в одном из писем отмечал, что его книги «Нищета философии» и «К критике политической экономии» нигде не нашли такого распространения, как в России.¹ В 1872 г. в петербургском издательстве Н. П. Полякова вышел первый том «Капитала» в переводе Лопатина и Даниельсона. Царский цензор просчитался, дав заключение, что этот серьез-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 534.

ный труд «немногие прочтут в России, а еще менее поймут». В 1885 г. вышел перевод второго тома, а в 1896 г. — третьего тома «Капитала». По отзыву В. И. Ленина, «Капитал» имел «гигантский успех». ¹ В результате широкого распространения «Капитала» в среде демократической интеллигенции это гениальнейшее произведение творческого марксизма буржуазные экономисты в России не могли замалчивать и игнорировать так, как это делали их коллеги в Западной Европе.

Попытки буржуазных литераторов и экономистов опорочить марксистскую экономическую теорию кончились позорным крахом. На защиту Маркса выступили «Отечественные записки», напечатавшие статьи киевского профессора Н. И. Зиберя, со знанием дела пояснявшего метод Маркса и политической экономии.

Несмотря на то, что истолкователи экономического метода Маркса в 70-х годах Зибер и Кауфман были далеки от революционных устремлений марксизма, популяризация ими экономических идей «Капитала» сыграла определенную положительную роль.

Большое значение для развития русской экономической мысли имело ознакомление русских революционеров со взглядами Маркса и Энгельса на экономическое развитие России, изложенными в их письмах русским корреспондентам.

Сильный удар по экономическим взглядам народников нанес Плеханов. В брошюре «Социализм и политическая борьба», в книге «Наши разногласия» он показал, что уже поздно ставить вопрос, должен или не должен развиваться капитализм в России. Он уже развивается, и задача революционеров не в том, чтобы задержать это развитие, ибо сделать этого нельзя, а в том, чтобы опереться на ту революционную силу, которая порождается самим капитализмом и которая растет изо дня в день, — на рабочий класс. Не желавшие признавать роли пролетариата либерально-народнические литераторы — такие, как Воронцов и другие, показал Плеханов, закономерно превращались в сторонников царизма и реакции.

Уничтожающая критика Плехановым писаний Воронцова и Тихомирова имела первостепенное значение для определения правильной революционной линии в России. Появление «Наших разногласий» было с радостью встречено Энгельсом, заявившим в письме к В. Засулич, что гордится появлением в России партии, которая «без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса». ²

Развивая экономическое учение марксизма применительно к России, Плеханов допустил, однако, ряд серьезных ошибок. Не разобравшись до конца в

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 124.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 461.

социально-экономической обстановке, в расстановке классовых сил, он недооценивал революционные возможности крестьянства и ждал поддержки революции от либеральной буржуазии.

Марксизм в 80—90-х годах распространился в России с невиданной быстротой. Это, конечно, объяснялось тем, что Россия к концу XIX в. все более и более становилась центром революционного движения.

Успехи марксизма заставили некоторых буржуазных экономистов маскироваться под его сторонников.

В 90-х годах так называемые легальные марксисты устами Струве провозглашают ненужность борьбы пролетариата и призывают идти на выучку к капитализму. Но в начале 90-х годов легальные марксисты все же имели известное значение для разоблачения народнических утопий.

В середине 90-х годов уже были созданы замечательные историко-экономические работы В. И. Ленина, содержавшие те основные мысли и исследовательские приемы, которые легли в основу его знаменитой книги «Развитие капитализма в России», вышедшей в Петербурге в 1899 г.

В своих гениальных трудах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и особенно в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин до конца разоблачил как антинаучные взгляды народников, так и буржуазную сущность теоретических упражнений легальных марксистов. Внимательное изучение социально-экономических отношений в России позволило В. И. Ленину дать правильное экономическое обоснование характера и движущих сил предстоящей революции, обоснование идеи гегемонии пролетариата и роли крестьянства как надежного союзника рабочего класса в буржуазно-демократической революции. Научная деятельность В. И. Ленина в области изучения русской экономики с самого начала теснейшим образом увязывалась с коренными проблемами и очередными задачами революционного движения.

В связи с ростом в стране капиталистических отношений известные успехи делает статистика. Ее развитие облегчалось замечательными открытиями в области теории вероятности, сделанными академиками П. Л. Чебышевым и А. А. Марковым, на многие годы опередившими в своих исследованиях ученых других стран.

Большое внимание уделяли русским статистическим трудам Маркс и Энгельс. Маркс, который собирался дать в «Капитале» анализ русских поземельных отношений, с исключительной тщательностью изучал «Письма без адреса» Чернышевского, входил во все подробности его расчетов. Маркс и Энгельс конспектировали также работы Семенова-Тян-Шанского, Янсона, Даниельсона и других русских экономистов и статистиков.

В области теории статистики серьезное значение имели труды профессора Петербургского университета Ю. Э. Янсона, под влиянием «Теории статистики»

(1885) которого издавались почти все русские учебные курсы статистики и по которой училось несколько поколений русских статистиков.

Видными практиками в статистической науке были П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. К. Веселовский, Н. Н. Обручев и др.

Особенно многим статистика была обязана энергии фактического руководителя Русского Географического общества П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Под его руководством Центральный статистический комитет, начиная с 1864 г., собрал обширные сведения о населении России, о посевах и сборах, о народном образовании и т. д. В 1863—1885 гг. под редакцией Семенова вышел пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской империи» — очень ценный географический и экономический справочник. В 1870 г. он явился инициатором первого и единственного до 1917 г. Всероссийского статистического съезда. В 1872 г. в Петербурге происходила 8-я сессия Международного Статистического конгресса. В центре его работы был доклад П. П. Семенова-Тянь-Шанского о принципах переписи населения. Однако правительство на четверть века (до 1897 г.) затянуло предложенную тогда перепись населения. Большое значение имели изданные Семеновым материалы по фабрично-заводской статистике, в особенности материалы проведенной в 1872 г. переписи паровых двигателей. Весьма ценны работы Семенова и по статистике воземельной собственности. Анализ в этих работах давался не только по губерниям, как это делалось раньше, но и широко применялся принцип выделения отдельных районов по их особенностям. Группировка крестьянских хозяйств по их имущественному признаку позволяла установить классовую дифференциацию крестьянства. Для земской статистики этот труд имел основополагающее значение. В. И. Ленин положительно оценивал статистические работы Семенова-Тянь-Шанского и несколько раз ссылался на них в своей книге «Развитие капитализма в России».

В организации и методах русской статистики имелись и крупные недостатки. Часто усилия ученых распылялись между несколькими учреждениями, как, например, Статистическое отделение при Русском Географическом обществе и Статистический комитет при Министерстве внутренних дел, и много теряли в своей ценности в силу невыработанности единых методов работы. Особенно недостоверна была промышленная статистика. Все же и она накопила очень ценные порой материалы о развитии экономики и формировании пролетариата. Лучшее дело обстояло с земской статистикой. В противоположность «научному невежеству» и «рутинности» американских статистиков начала XX в. русские земские статистики конца XIX в., как с удовлетворением отмечал В. И. Ленин, «снискали себе право на уважение тем, что относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом».¹

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 47—48.

Теоретиками земской статистики, в основном связанной с Москвой, а также Черниговом и другими городами, в Петербурге были Ю. Э. Янсон и А. А. Исаев. Большое влияние на земских статистиков оказала работа Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (1877), в которой автор выступал за облегчение лежавшего на крестьянстве бремени.

В Петербурге в 1869, 1881 и 1890 гг. прошли переписи населения. Две последние из них были организованы под руководством Янсона. Результаты их разработаны довольно обстоятельно, хотя характеристика населения по профессиональным категориям подчас скрадывает его социальную дифференциацию.

Марксистский этап развития русской статистики был открыт в работах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. В. И. Ленин показал, что статистика становится могучим орудием познания социальных отношений, могучим средством борьбы за социалистическую революцию, когда опирается на экономическую теорию марксизма. В работах В. И. Ленина русская статистика получила прочную научную основу.

*П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Фотография.
Конец XIX в.*

* * *

В связи со значительным ростом буржуазных отношений после судебных реформ 60-х годов в России большое развитие получает буржуазная юриспруденция. Юридические факультеты университетов становятся самыми крупными по числу студентов. К концу века в Петербургском университете студентов-юристов было почти столько же, сколько студентов остальных трех факультетов.

В Петербурге, так же как и в других университетских городах, возникает Юридическое общество. Помимо официального «Журнала Министерства юстиции» (1859) начинает выходить «Журнал гражданского и торгового права» (1871).

Юридический факультет Петербургского университета был одним из важнейших центров буржуазного правоведения в России. Общую теорию права

в идеалистическом духе трактовали в нем профессора П. Г. Редкин и П. М. Коркунов, а историю русского права — В. И. Сергеевич и А. Д. Градовский. Международное право было представлено Ф. Ф. Мартенсом. В области уголовного права и судопроизводства крупными специалистами являлись В. Д. Спасович и К. Я. Фойницкий.

Особенно быстро развивались науки гражданского и торгового права.

Университетские юристы (К. Д. Кавелин, Н. Л. Дювернуа, С. В. Пахман) придерживались обычно идей реакционной «исторической школы права». Они усиленно разрабатывали принципиальные вопросы буржуазного строя.

В печати и на ученых диспутах одно время много обсуждался вопрос о правде — право оно или факт. Большею частью эту проблему, разумеется, разрешали в духе оправдания всякой собственности.

Противниками реакционного и либерального правоведения выступали в 60-х годах революционные демократы.

В противовес уверениям Кавелиных и Чичериных о том, что самодержавие является надклассовой силой (а русское право якобы чуть не всецело направлено к «общему благу»), вопреки стараниям славянофилов рисовать патриархальные идеалы взаимоотношений помещиков и крестьян, царей и народа, революционеры-демократы доказывали, что царизм является логическим «завершением аристократической иерархии, душою и телом принадлежащим к ней»,¹ и что русское право служит интересам господствующих классов.

Громадной заслугой Чернышевского в теории права был наметившийся в его трудах исторический подход к категории государства и права. Вождь революционной демократии понимал, что до тех пор, пока не осуществится социализм, право будет средством подавления трудящихся, а государство — орудием господствующих классов.

Хотя в решении вопроса о происхождении и сущности государства Чернышевский не смог преодолеть идеалистических представлений, он все же сделал большой шаг в сторону материалистического понимания развития общества и вплотную подошел к мысли о классовой сущности государства и права.

Непримиримый враг государства крепостников и буржуазии, Чернышевский выступал против анархического отрицания государственности вообще, понимая, что народ нуждается в государстве, которое могло бы проводить социалистическое преобразование общества.

Как сторонник демократического республиканского государства, Чернышевский намного превосходит анархистов-народников, которые отрицали необходимость государства и были равнодушны к политической борьбе.

Выдвигая идею республики, революционные демократы вместе с тем понимали, что сам по себе лозунг «республика» не принесет благоденствия народу,

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 1, 1939, стр. 358.

что буржуазно-демократические дозупги свободы и равенства весьма формальны и узки по содержанию, если речь идет о капиталистическом обществе, где государство и право служат буржуазии, где демократия принимает нередко лицемерный характер. Чернышевский хорошо знал, что в Англии «мнение пации и решение парламента — две различные вещи».¹

Большое прогрессивное значение имело выступление революционных демократов против ставших в то время модными в среде европейских и американских колонизаторов расистских теорий (Гобино). Защищая равноправие народов, их право на самоопределение и национальный суверенитет, разоблачая захватническую, колонизаторскую политику буржуазии, Чернышевский показал классовый характер расизма и разбойничью сущность внешней политики капиталистических государств.

Критика демократами 60-х годов феодально-крепостнического и буржуазного государства и права, пропаганда идей подлинно демократической республики и социалистического права, несмотря на свой утопический характер, сыграла видную роль в идейном воспитании нового поколения русских революционеров.

С начала 70-х годов определенное воздействие на развитие юридических представлений у русских революционеров начали оказывать идеи марксизма.

В начале 80-х годов в московском «Юридическом вестнике» печатались статьи Зиберя, в которых право рассматривалось как надстройка над экономическим строем общества, а также подчеркивалась историчность каждой системы права. Однако Зибер, не будучи марксистом, не думал о революционных выводах, вытекающих из этих положений.

Марксистское содержание теории права и государства получает в России только с работами Плеханова и, особенно, с выходом в 1894 г. первого русского издания книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и ленинских трудов 90-х годов.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов выступал против анархических воззрений народников по вопросу о роли государства. Он защищал идею политической революции в марксистском понимании и марксистское учение о государстве и праве как орудиях господствующего класса.

В своей книге «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» Плеханов разгромил идеалистическую аргументацию «исторической школы права» Савицья—Пухты, к которой призывало большинство русских буржуазных юристов. Он показал, что государство и право возникает не из таинственного «народного духа», а на почве реальных отношений в процессе общественного производства.

Плеханов разъяснил также, что политические и правовые учреждения в свою очередь влияют на экономическую жизнь общества, ибо и создаются затем, чтобы содействовать дальнейшему развитию производительных сил.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VI, 1949, стр. 142.

Несмотря на все заслуги Плеханова в марксистской постановке вопросов о государстве и праве, его работам был присущ весьма существенный недостаток, более всего сказавшийся в брошюре «Анархизм и социализм», в которой Плеханов упускал из виду проблему об отношении пролетарской революции к государству.

Учение Маркса и Энгельса о пролетарской революции, о государстве и праве применительно к России и к условиям международной обстановки конца XIX в. было развито В. И. Лениным.

* * *

Крымская война показала, что русская армия, несмотря на высокие качества своих солдат, плохо подготовлена в военном отношении. Прямым следствием поражения в Крыму были военные реформы 60—70-х годов. Вместе с реформой военного образования некоторое внимание было обращено на развитие военной теории, в которой так беспомощны были николаевские генералы.

Однако дворянско-буржуазная офицерская каста и реакционный генералитет царской армии вопреки стараниям отдельных военных деятелей (например, Милютин, Обручева) вели армию к полному забвению суворовско-кутузовских принципов. Русская армия покрыла себя славой в ратных подвигах при освобождении Болгарии в 1877—1878 гг. Но успех русского оружия объяснялся отнюдь не воинским искусством царских генералов, в большинстве своем совершенно бездарных, а несравненными боевыми качествами, героизмом и стойкостью русского солдата.

К концу века в области военной теории получает преобладание так называемая «академическая школа» или «методизм», слепо поклонявшийся военному искусству и расценивавший всякое уклонение от авторитета Мольтке как анархизм в военной науке.

Типичным порождением «академической школы» был полевой устав 1881 г., плод чисто кабинетного творчества генерала Леера, закреплявший полный разрыв теории и боевой практики. Этот же недостаток, хотя и в несколько меньшей степени, был присущ и созданной под руководством Леера к 1892 г. многотомной «Энциклопедии военных и морских наук».

Борьба с гатчинско-прусским духом в армии весьма затруднялась также слабой разработанностью русской военной истории.

В разоблачении австро-прусской фальсификации истории русского военного искусства и, в частности, в изучении истории походов Суворова к 60-м годам были сделаны только первые шаги (в трудах Милютина).

В конце 80-х—начале 90-х годов существовавшим в столице «Обществом ревнителей военных знаний» издаются несколько серьезных трудов и сборников докладов по истории русского военного искусства.

Национальные основы военного искусства Петра I и других русских полководцев XVIII в. раскрывались в работах Д. Масловского, А. Мышлаевского, А. Пузыревского. Появляется фундаментальный труд о Суворове А. Петрушевского. Характерно, однако, что в русской Военной академии Суворова все еще не считали великим полководцем. В 1889 г. Леер признавал, что в Академии до сих пор нет курса истории русского военного искусства.¹

Крупнейшим представителем русской военно-морской мысли конца XIX в. являлся известный ученый адмирал С. О. Макаров.

Макаров был противником чисто академического штудирования военной истории. Он требовал умения применять выводы из военной истории при решении практических задач в новой обстановке. Разумеется, царские адмиралы не прислушивались к голосу этого талантливого теоретика военно-морской тактики. Враг парадных эволюций, Макаров выдвинул для боевой подготовки флота лозунг «Помни войну», т. е. учись делать все, что потребуется в боевых условиях.

Наиболее прогрессивные идеи в разработке военной теории еще в 60-х годах высказывал вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский. В то время как официальная военная мысль даже в 90-х годах нередко отказывалась решить вопрос о социальной сущности и о политических и экономических корнях войн, а все достижения в области военного искусства объясняла «божественным даром и случаем», для Чернышевского еще в 50—60-х годах вопрос о том, «есть военная наука или нет ее и возможна или нет такая наука»,² решался не отрицательно, а положительно.

В то время как официальная военная мысль обычно считала войну вечной категорией, «неизбежным злом в мире» и объясняла ее недостатками природы человека, Чернышевский связывал происхождение войн с политикой правящих классов, которым только и выгодны войны.

Как никто до него, Чернышевский понимал, что войны прекратятся лишь тогда, когда у власти станут трудящиеся классы, что «до того времени войны неизбежны, хотя совершенно противны прямым интересам каждой из воюющих наций».³

Чернышевский не был пацифистом, когда он страстно боролся за мирное сосуществование народов. Подходя конкретно-исторически к решению проблемы войны, он указывал, что нельзя абстрактно отвечать на вопрос, «агубна или благотворна война».⁴

Выступая против разделения войн на наступательные и оборонительные, Чернышевский указывал, что нужно прежде всего видеть разницу в целях воюющих сторон — справедливы они или нет.

¹ А. Б а н о в. История военного искусства как наука. СПб., 1912, стр. 24.

² В. Б а с х а к о в. Война, военное дело, военные науки, военное искусство. СПб., 1890, стр. 1, 9, XIII, XXVII.

³ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 489.

⁴ Там же, т. II, 1949, стр. 187—188.

Указывая, что «человеку трудящемуся разорительна всякая война»,¹ он считал полезными только войны освободительные, а пагубными — захватнические и колониальные. Он приветствовал восстание сипаев в Индии, сурово порицал жестокость английских колонизаторов, потопивших его в крови.

В то время как реакционные военные теоретики вслед за Клаузевицем и Жюмни считали гражданские войны бунтом и мятежом, Чернышевский рассматривал их как наиболее острую, но вполне правомерную форму общественной борьбы.

В эпоху буржуазно-демократических революций и национально-освободительных войн Чернышевский считал необходимым тщательно готовиться к активному участию в освободительной войне.

Чернышевский внимательно изучал опыт уличных боев парижского пролетариата летом 1848 г., операции Крымской и австро-прусской войны, ход гражданской войны в США, военные походы Гарибальди.

В 1858 г. Н. Г. Чернышевского пригласили редактором только что созданного «Военного сборника».

Чернышевский принял это приглашение либеральничавших руководителей русской армии. На страницах «Военного сборника» он решительно поставил вопрос о необходимости переустройства русской жизни. Острая критика самодержавно-бюрократического произвола в военном управлении, обличение повального грабежа и бесполезной муштры в армии, полной неспособности паризма и реакционного офицерства привести русские вооруженные силы в порядок — все это вызвало негодование генералитета, придворных кругов и самого Александра II. Не прошло и года, как Чернышевский был отстранен от редактирования, но связи его с передовым офицерством не оборвались.

Не без влияния Чернышевского в столице образовалось к началу 60-х годов несколько офицерских кружков. Не без влияния Чернышевского, очевидно, готовились Н. В. Шелгуновым обращенные к войску листовки, которые призывали армию к революционной поддержке восставшего народа.

* * *

Как и в предшествующую эпоху, наиболее прогрессивные исторические взгляды вырабатывались представителями революционно-демократической мысли. Для русских мыслителей 60-х годов не был секретом серьезный кризис западноевропейской буржуазной историографии, которая после революционных выступлений пролетариата в 1848 г. отказалась от идеи классовой борьбы и начала отрицать закономерность исторического развития.

Беспощадно издевались Чернышевский и Добролюбов над обветшавшим зданием дворянской историографии, которое упорно защищали от слома Погодин

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 488.

и другие дворянские историки. Вместе со своими соратниками Шелгуновым, Елисеевым и другими вожди демократического лагеря не раз выступали и против буржуазных либералов-западников.

Сочувственно оценивая отдельные труды некоторых прогрессивных русских историков (Грановского и др.), Чернышевский и Добролюбов глубоко сознавали неудовлетворительность современной историографии в целом. Чернышевский даже мечтал «сызнова написать всю среднюю и новую историю».

Статьи Н. Г. Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Июльская монархия», «Тюрго» и пр., его отзывы о сочинениях Соловьева, Кавелина, Чичерина, рецензии Н. А. Добролюбова на книги Устрялова и Жеребцова и многие другие исторические работы революционных демократов показывают, что в своих представлениях о развитии общества они сделали крупный шаг в направлении к материалистическому пониманию истории.

Чернышевский хорошо понимал, что «беспристрастной» историографии не существует, что в своих трудах историки проводят «свои политические и общественные убеждения», что «реакционеры называют историка беспристрастным тогда, когда он доказывает, что старинный порядок вещей был хорош».¹

Революционеры-демократы стремились применять диалектические принципы в подходе к историческим явлениям. Они приближались к мысли о том, что движущей силой исторического развития является борьба классов.

«Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории», — писал Добролюбов.²

Не цари и полководцы, а народ должен быть в центре внимания историка, ибо он является деятельной силой истории.

Чернышевский отмечал, что в трудах буржуазно-дворянских историков отсутствует освещение «материальных условий быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений».³

Все же, несмотря на успешные порой поиски материальных причин исторического развития, Чернышевский не имел отчетливого представления о роли экономики в истории общества. Конечную причину прогресса он видел большей частью в просвещении, развитии наук и идей и т. д.

Глубокое внимание революционеров-демократов к истории народных масс в России, к крестьянским движениям Разина и Пугачева отразилось на научных интересах некоторых народнически настроенных историков и этнографов, таких, как А. П. Шапов и известный петербургский историк В. И. Семевский. Под известным воздействием Чернышевского складывалось мировоззрение и таких либеральных историков, как академики П. П. Пекарский и В. Г. Васильевский.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. V, 1950, стр. 660—661.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 3, 1936, стр. 267.

³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 357.

Исторические труды революционных демократов, а также большой группы академических и университетских историков, мировоззрение которых сложилось в 60-е годы, были высоко оценены Энгельсом. Он писал, что историческая и критическая школа в русской литературе «стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой».¹

Народничество и в историографии отошло назад от научных результатов, достигнутых Чернышевским и кругом «Современника».

Хотя Лавров иногда очень решительно говорил о своем призвании научных заслуг Маркса, в том числе и исторического материализма, он, как и Михайловский, продолжал придерживаться субъективно-идеалистического метода в социологии, отрицая объективную закономерность общественного прогресса, не придавая решающего значения в развитии общества классовой борьбе. Творцами прогресса в глазах Лаврова являлись преимущественно «критически мыслящие личности». Марксистскому, подлинно научному пониманию общественно-исторического развития Михайловский противопоставлял только «ребячью мораль, претендующую на наименование социологии».²

В 70—80-х годах в столице возникают первые хорошо организованные периодические издания по истории. Весьма много ценного исторического материала, в особенности мемуарного характера, печаталось в журнале умеренно либерального направления — «Русская старина», издававшемся в Петербурге с 1870 г. М. И. Семевским, а отчасти и в еще более благонамеренном и полубеллетристическом по своему облику «Историческом вестнике», выходившем с 1880 г.

В 1866 г. в Петербурге организуется Русское Историческое общество, которое в своих сборниках опубликовало много материалов по XVIII—XIX вв., преимущественное внимание уделяя истории дипломатии.

Продолжала свои ценные публикации Археографическая комиссия. Ее издания в эти годы начали охватывать материалы по истории Кавказа, Украины и Белоруссии.

В 1889 г. возникает историческое общество при Петербургском университете, имевшее свой орган — «Историческое обозрение».

В университете после известного своим рабощем перед николаевским режимом Н. Г. Устрялова преподавал в 1859—1862 гг. участник Кирилло-Мефодиевского братства профессор Н. И. Костомаров. В 1860 г. петербургская публика собралась на его диспут с ярым реакционером и норманистом М. П. Погодиным. Однако и сам Костомаров неверно освещал происхождение Руса, доказывая литовское ее происхождение. Из его лекций в университете возник очень известный в свое время труд о древних Новгород и Пскове.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 389.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 129.

Несмотря на украинские националистические симпатии, сказавшиеся также в отборе документов для изданных Костомаровым в качестве члена Археографической комиссии девяти томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России», его исследования имели значение потому, что они впервые освещали массовые народные движения Болотникова, Разина, войну за освобождение Украины от панского ига и т. д. Его сочувствие вечевому строю воспринималось как оппозиционный выпад против самодержавия. Костомаров, осторожный либерал по убеждениям, был далек от демократического движения 60-х годов, что привело его к конфликту с общественностью и уходу из университета.

Н. И. Костомаров. Литография. 1859 г.

Занявшись целиком научной деятельностью, он опубликовал в Петербурге 21 том своих исторических монографий, посвященных в основном истории Московского государства и Украины в XVII в.

В то время как в Московском университете русская буржуазная историческая наука переживает время своего расцвета в ученой и преподавательской деятельности Соловьева и Ключевского, не боявшихся выдвигать крупные исторические проблемы, в Петербургском университете утверждается вместе с Бестужевым-Рюминым узко источниковедческое направление в изучении русской истории. Петербургские историки сознательно отказываются от постановки широких задач, их труды представляют свод тщательно проверенных фактов, нередко сознательно лишенный выводов и обобщений.¹

Подобный характер носили также труды по исторической географии профессора университета Е. Е. Замысловского.

Характерна судьба магистерской диссертации крупнейшего историка народнического направления В. И. Семевского — «Крестьяне в царствование

¹ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. Труды Юбилейной научной сессии, Секция исторических наук, Л., 1949, стр. 43—44.

Екатерины II», т. I (1881). Петербургский университет в лице Бестужева-Рюмина отказался принять защиту диссертации своего воспитанника из-за совершенно необычной для университетских традиций того времени темы. Семевский защищал свой труд в Москве. В Москве в 1889 г. защищалась и его докторская диссертация «Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в.».

В своих трудах В. И. Семевский явился зачинателем изучения истории крестьянства в последнюю эпоху существования крепостного строя на основе обширных архивных разысканий. Исследования Семевского по истории крестьян и крестьянского вопроса не утратили своего значения и по сие время, несмотря на субъективно-идеалистические ошибки их автора (идеализация общинного быта, недооценка крестьянского движения как основной предпосылки отмены крепостничества и т. д.).

Древнюю историю в Петербургском университете представлял во вторую половину века Ф. Ф. Соколов, тщательнейшим образом комментировавший на лекциях греческие источники, в особенности эпиграфические, но совершенно лишенный способности делать обобщения и выводы из своих богатых знаний.

Незначительных результатов добилась и петербургская медиевистика, представленная, собственно говоря, только талантливым лектором и переводчиком средневековых источников М. М. Стасюлевичем. Гораздо более значительных успехов достигло петербургское византиноведение. Академик В. Г. Васильевский по праву считается одним из его зачинателей. Он изучал социально-экономическую историю Византии, а также интересовался славяно-византийскими и русско-византийскими отношениями. Он первый подчеркнул огромную роль славян в развитии общественного строя Византии. Достоинство его работ, основанных на детальнейшем знакомстве с источниками, значительно сглаживалось консервативными воззрениями их автора, стремившегося приукрасить монархический строй Византии и затушевать острую классовую борьбу, определявшую общественное развитие этого государства.

Пришедший в 1885 г. в Петербургский университет П. И. Кареев создал самостоятельную школу новой истории. Его диссертацию о крестьянах во Франции в канун революции 1789 г. Маркс назвал «превосходной».¹ Вместе с киевским ученым И. В. Лучицким и М. М. Ковалевским Кареев явился основателем русской школы истории французской революции.

В 80—90-х годах Кареев в своих трудах по философии истории присоединился к либерально-народнической атаке на марксизм. Эклектизм его социологии в духе Лаврова и Михайловского вызвал насмешливый отзыв В. И. Ленина о его многочисленных статьях и книжках.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 28.

В. И. Ленин с прощией вспоминал в своем труде «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» о «какой-нибудь историсофической работе какого-нибудь Кареева».¹

Большие успехи сделала в Петербурге славистика. После И. И. Срезневского главой университетского славяноведения стал В. И. Ламанский. Его труды, направленные против прусско-монархических фальсификаторов истории славянства и его культуры, имели определенное значение для своего времени, несмотря на панславистскую идеологию автора.

Из школы Ламанского вышли почти все слависты второй половины XIX в. Только в Москве продолжала существовать независимая от Петербурга школа.

Интересы славистов того времени вращались главным образом в области глубокой древности — едва ли не основной проблемой был вопрос о происхождении славянской письменности и личности Кирилла и Мефодия. Изучалось главным образом южное славянство. По истории западных славянских народов работал в Петербурге главным образом А. Ф. Гильфердинг.

Во второй половине века намного расширяются археологические изыскания петербургских ученых. Но кладонскательское направление в археологии еще не изжило себя, и в этом отношении Петербург отставал от Москвы. Характерно, что Археологическая комиссия, учрежденная в 1859 г., находилась при Министерстве двора. Ее главной задачей было пополнение античных коллекций Эрмитажа. Лишь с 80-х годов комиссия перестает ограничиваться в своих работах югом России.

Русское Археологическое общество, возникшее в 1846 г., также только с 80-х годов, т. е. много позже Московского, начинает заниматься русской археологией, постепенно отказываясь от своего первоначального нумизматического и ориенталистического направления, которое оно получило на первых порах.

Развивается и русская этнография. Русские ученые П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский описывают народы Азии, В. В. Юнкер проникает к малоизвестным племенам Африки. Значительнейшие работы по исследованию народов Океании принадлежали великому русскому этнографу Н. П. Миклухо-Маклаю.

Русское Географическое общество и второе отделение (русского языка и словесности) Академии Наук продолжали работу по изучению фольклора и быта русского народа. В этой работе участвовали В. В. Стасов, Н. Ш. Костомаров и др.

В Академии Наук над ее историей, а также научной биографией Ломоносова работали в 80—80-х годах П. П. Пекарский, П. С. Билярский, М. И. Сухомлинов.

В исторической библиографии важное место заняли труды братьев П. и Б. Ламбихых, В. И. Межова и др.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 126.

* * *

Рост общественного движения привел к значительному расширению круга литературных проблем, которые изучало университетское и академическое литературоведение.

Академия Наук, собственно Отделение русского языка и словесности, стала важнейшим средоточием изучения древнерусской словесности и языка (И. П. Срезневский, В. И. Ламанский, М. И. Сухомлинов). Этими проблемами занимались и другие петербургские ученые (О. Ф. Миллер, Л. Н. Майков, И. П. Жданов и др.).

В Петербурге возникает Общество любителей древней словесности. Из петербургских типографий выходят сборники русских народных былин, песен, сказок и повестей А. Н. Афанасьева, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Л. Н. Майкова и др. Некоторые из этих сборников, как, например, П. Н. Рыбникова, И. Г. Прыжова, И. А. Худякова, отражали принципы, выдвинутые перед собирателями фольклора в статьях Добролюбова.

Огромное количество (свыше 1200) трудов в области русской, славянской и западных литератур, а также по истории, этнографии, фольклору и т. д. было создано профессором и академиком А. П. Пышиным. Большой известностью пользовались его курсы, составленные в буржуазно-либеральном духе, — «История русской литературы» (4 т.), «История славянских литератур» (2 т.) и др. В 60-х годах он примыкал к литературной позиции редакции «Современника». Влияние Н. Г. Чернышевского (его двоюродного брата) сказывалось и на тех трудах Пышина, которые написаны были им в 70-е годы, в период сотрудничества в либеральном «Вестнике Европы» («Характеристика литературных мнений 1820—1850 годов», книга о Белинском).

Защита, хотя и непоследовательная, освободительного движения в этих, передовых по тому времени, работах возмутила Д. Толстого, и Пышин не попал в Академию Наук (он был выбран в нее лишь в 1898 г.). Созданные им в годы реакции Александра II труды имели несомненно и общественное значение, а научное их достоинство по справедливости высоко оценивалось современниками.

До сих пор сохранили свое значение библиографические работы другого преподавателя Петербургского университета — С. А. Венгерова, близкого по своим взглядам к Пышину. Пышин и Венгеров были представителями культурно-исторического метода в литературе. Они признавали, в отличие от большинства университетских литературоведов, общественное значение и социальную обусловленность искусства и литературы, однако, изучая литературу на широком историческом фоне, они не понимали ее классового характера, ее классовой направленности. В результате Пышин и Венгеров трактовали историю русской общественной мысли в либеральном духе, рассматривая Радищева, декабристов, Белинского

и других деятелей освободительного движения как реформаторов, а не как революционеров.

Тогда в России началась углубленная разработка всеобщей истории литературы. Римскую литературу серьезно изучал Н. М. Благовещенский, греческую — В. К. Ериштедт, Ф. Ф. Зелинский, итальянскую — А. Н. Веселовский.

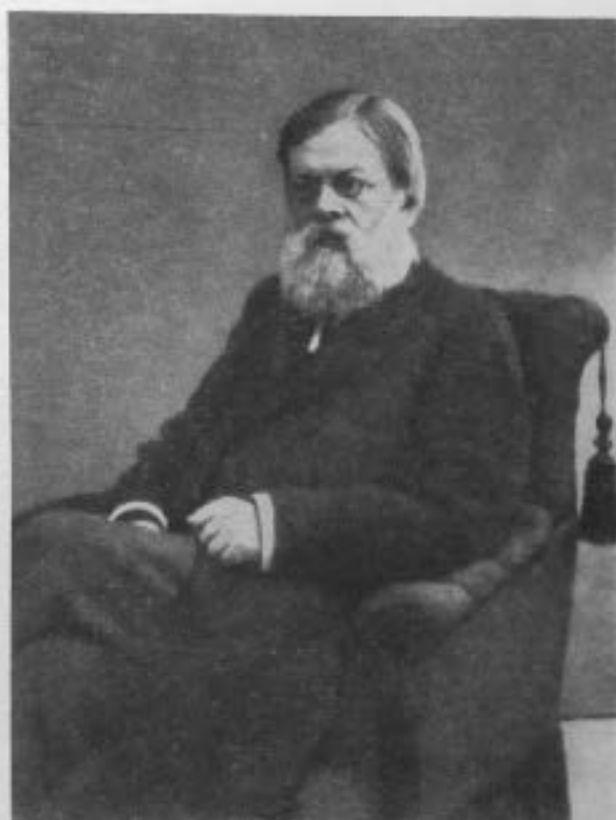
Крупнейшим знатоком истории всемирной литературы был профессор Петербургского университета, а затем академик А. Н. Веселовский.

С особой симпатией Веселовский изучал историю литературы и культуры Италии эпохи Возрождения. Его монография о Боккаччо, изданная в начале 90-х годов, является одним из самых значительных исследований о творчестве этого писателя, а осуществленный Веселовским перевод «Декамерона» на русский язык переиздается и ныне.

Много труда Веселовский уделял выяснению народных истоков средневековой литературы. Он глубоко и всесторонне изучал фольклор европейских народов — сказки, легенды, песни и т. д. Одним из итогов этих исследований был важный вывод о влиянии византийской и русской литературы на складывание средневековой западноевропейской литературы.

Несмотря на стремление к показу широкого культурно-исторического фона и к общественно обусловленному объяснению литературных явлений, методология Веселовского, сложившаяся под влиянием позитивистской философии, грешила внеклассовой, «общечеловеческой» точкой зрения. Веселовский нередко преувеличивал роль литературных влияний и заимствований. Излишне категорическое применение сравнительно-исторического метода делает Веселовского одним из предшественников буржуазного формалистического литературоведения.

Хотя Веселовского постигла неудача в построении научной истории и теории литературы, однако его представление об истории литературы как науке, его усилия найти общие законы литературного развития были не менее ценны и плодотворны для того времени, чем его необычайно богатые фактическим материалом исследования конкретных историко-литературных тем.

А. Н. Пилин. Фотография. 1903 г.

Серьезнейшее влияние на развитие русской литературы имела критическая и теоретическая деятельность корифеев русской литературной критики — Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Писарева, Салтыкова-Щедрина, а затем Плеханова.

Весьма велико значение литературно-критической деятельности Чернышевского, который явился одновременно проникновенным литературным критиком, вдумчивым историком литературы и глубоко оригинальным теоретиком эстетики критического реализма.

Чернышевский и Добролюбов своими представлениями об искусстве как средстве выражения социальных интересов и орудии познания действительности вплотную подошли к марксистскому учению об искусстве.

Учение революционных демократов об общественном значении искусства оказало огромное влияние на развитие русской культуры. Они теоретически обобщили опыт передового русского искусства, прогрессивной русской литературы, они дали пророчливую оценку творчества Некрасова, Тургенева, Островского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Шевченко и других великих писателей. Чернышевский и Добролюбов своей материалистической эстетикой, обоснованием демократических идеалов искусства оказали самое благотворное влияние на литературу братских славянских народов и на литературу народов России — на творчество Христо Ботева, Светозара Марковича, Любена Каравелова, Ивана Франко, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Коста Хетагурова, Абая Куванбаева и др.

Поборниками революционно-демократической эстетики были великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин и известный теоретик и историк искусства В. В. Стасов

С пропагандой материалистических эстетических взглядов после смерти Салтыкова-Щедрина выступил Плеханов, который показал, что «отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет продвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории».¹

Борьба Плеханова за реализм и общественные задачи русской литературы, за марксистскую эстетику, а также защита им идей Белинского и Чернышевского от атаки таких критиков идеалистического и декадентского направления, как А. Волынский, имела большое прогрессивное значение.

* * *

Наиболее крупных результатов академические и университетские ученые второй половины XIX в. достигли в области языкознания.

Устав 1863 г. утвердил в университетах новую кафедру сравнительного языкознания. В Петербурге эту кафедру вскоре занял видный знаток индоевропейских языков И. П. Минаев.

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIV, стр. 30, 39.

Все более углубленно ведется изучение русского языка. Долгое время во главе петербургских русистов стоял известный ученый академик И. И. Срезневский. В центре его научной деятельности было изучение древнейших письменных памятников русского и других славянских народов. Под руководством этого видного ученого успешно работали в свои студенческие годы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Чернышевский составил словарь к Новгородской летописи, а Добролюбов в своем сочинении выдвинул такие задачи изучения русского языка, которые далеко опережали представления ученых его времени. Он призывал изучать историю языка в связи с поэзией, мифологией и бытом народа.¹

А. Н. Веселовский. Фотография. Начало XX в.

Срезневский предсказывал обоим юношам будущее крупных ученых-языковедов, но их ждало иное призвание.

В 80-х годах в Петербургском университете возглавлял изучение славянских языков известный тогда славист И. В. Ягич.

Русский язык в Петербурге в конце века изучали академики А. И. Соболевский и А. А. Шахматов, а также профессор университета И. А. Бодуэн де Куртене.

Наряду с Петербургом, одним из важнейших центров изучения русского языка, весьма значительное влияние на развитие научной мысли в этой области оказали также Москва и Харьков. Московская школа возглавлялась Ф. Буслаевым и Фортунатовым, в Харькове работал видный грамматист А. А. Потебня.

Больших успехов достигла лексикография. Были подготовлены «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (вышли лишь спустя 30 лет после смерти автора). В 1863—1866 гг. вышел в свет «Толковый словарь

¹ И. А. Добролюбов, Сочинения, т. 1, 1934, стр. 522.

живаго великорусского языка» В. И. Даля — памятник сорокалетнего самоотверженного труда автора, родник живой русской речи, содержащий более 200 тыс. слов и более 30 тыс. пословиц и поговорок. Этот словарь стал на несколько поколений настольной книгой для всех образованных людей. Указывая на серьезный недостаток этого словаря — областнический характер, его большую ценность признавал В. И. Ленин.

Многовековые исторические связи России с Востоком весьма способствовали развитию русского востоковедения.

Уже упоминалось о многочисленных географических и этнографических экспедициях русских ученых, организованных в Петербурге. Обычно эти экспедиции занимались также и обследованием в языковом отношении восточных народов и племен. Востоковедческая работа направлялась Русским Археологическим и Русским Географическим обществами, а также Азиатским музеем Академии Наук.

27 августа 1855 г. в Петербургском университете состоялось открытие Факультета восточных языков. Восточный факультет, образованный в составе 9 специальных кафедр, стал важнейшим в России средоточием научной и учебной деятельности в области ориенталистики.

На факультете смело привлекались к научным исследованиям и педагогической деятельности ученые с Востока. Это обеспечивало точность преподавания и позволяло быть в курсе новейших интересов народов Востока.

Арабистика, например, была представлена в университете египетским ученым Шейхом Таптави и азербайджанским ученым А. К. Казембеком.

Армянский язык преподавал армянин К. П. Патканов, грузинский язык — Д. Е. Чубинов (Чубинишвили), издавший в Петербурге, наряду с грамматикой и словарем грузинского языка, знаменитую поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

В Петербурге основываются «Записки Восточного отделения Археологического общества» (в 1886 г.), которые стали организующим центром русской ориенталистики.

Положительное влияние на русское востоковедение оказала революционно-демократическая мысль России. С интересом и глубокими симпатиями изучали современность и прошлое народов Востока Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

Чернышевский и Добролюбов с негодованием разоблачали расистские и колонизаторские установки некоторых тогдашних ориенталистов.

Прогрессивная роль России по отношению к Востоку сказалась, между прочим, и в том, что передовая русская общественная мысль повлияла на развитие культуры Востока, в особенности русского Востока. Под определяющим влиянием революционных демократов складывалось мировоззрение М. Ф. Ахундова, Доржи Банзарова, Чокана Валиханова и многих других.

Русские и, в частности, петербургские ученые в XIX в. возглавили мировую ориенталистику. Русское востоковедение выгодно отличалось и большой широтой теоретических обобщений, и глубоким интересом к социально-экономическим вопросам, и гуманным отношением к народам Востока.

Общепризнан приоритет русских ученых, положивших начало новым отраслям востоковедения. Начало лингвистике положили профессор Петербургского университета А. А. Цагарели, К. П. Паткапов, М. И. Броссе и др.

Со времени Н. Я. Бичурина ведет начало русская школа синологии, к которой принадлежали П. И. Кафаров и С. М. Георгиевский. Последний из них, профессор Петербургского университета, осветил с наибольшей полнотой в тогдашней европейской литературе политическую историю Китая. Во второй половине XIX в. главой русской школы китаеведения был академик В. П. Васильев, автор ценнейших трудов по истории, географии и литературе Китая, а также по китайской и тибетской лексикологии.

В области изучения Индии большие заслуги принадлежат И. П. Минаеву, основателю целой школы русских индологов (С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский и др.).

Мировое признание получила в XIX в. русская арабистика, представленная в Петербургском университете такими учеными, как В. Ф. Гиргас, В. В. Григорьев и особенно В. Р. Розен, которого видный арабист И. Ю. Крачковский называл «основателем новой школы русского востоковедения».¹ Розен впервые глубоко осветил арабско-славянские связи в средние века.

Крупные научные достижения принадлежали русским школам тюркологии и иранистики. В области тюркологии работали В. В. Радлов, И. Н. Березин,

В. Р. Розен. Фотография. Конец XIX в.

¹ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 139.

А. К. Казембек. Иранские языки изучали К. А. Коссович, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, Ф. Е. Корш.

Несмотря на идеалистический подход к истории и языку, работы этих ученых частично не утратили значения и до последнего времени.

Под непосредственным влиянием общественного движения складывалось научное мировоззрение таких участников революционного движения и одновременно ученых-этнографов, как В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, Э. К. Пекарский, которые, будучи в царской ссылке, внимательно изучали быт и язык народов северной Сибири и Дальнего Востока.

В целом востоковедение во второй половине XIX в. сохраняло попрежнему преимущественно филологический характер. Изучение истории, а тем более современного положения стран Востока тогда только еще начиналось.

Большое значение имели археологические открытия русских ученых в Сибири и Средней Азии, которые ввели в научный оборот громадное количество памятников материальной и духовной культуры древнего и феодального Востока (экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского и др.). Важные труды по истории и географии Средней Азии принадлежали также петербургским ученым В. В. Григорьеву, Н. И. Веселовскому и др.

Петербург во второй половине века безусловно являлся крупнейшим не только в России, но и во всем мире центром востоковедения. В 1876 г. проходил в Петербурге III Международный съезд ориенталистов.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Хозяйственно-политические и культурные сдвиги в России после реформы 1861 г. обусловили дальнейший прогресс русской науки.

Возрастал технический уровень промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, повышались требования к квалификации инженеров, техников, естествоиспытателей.

В этих условиях ученые все более охотно откликаются на запросы жизни, целеустремленнее направляют свою деятельность на удовлетворение новых потребностей страны.

Нужды горной промышленности и металлургии служили мощным поощрительным средством к развитию геолого-географических знаний и химической науки. Рост машинной индустрии, увеличение сети железных дорог служили толчком к разработке новых проблем в физике и особенно в механике. Работы русских ученых, в свою очередь, способствовали новым и новым успехам технической мысли и изобретательства.

Необходимость улучшения сельскохозяйственного производства повела к развитию биологии, к появлению, в частности, научного почвоведения.

Успехи техники и физики не могли не отозваться на развитии математики, а математика со своей стороны давала ученым — техникам и физикам могучее оружие точных и обобщающих методов исследования.

Блестящие достижения в области химии привели к образованию пограничной между химией и биологией науки — биохимии.

Нужды медицинской практики обусловили развитие общей биологии и биохимии, что стимулировало создание научной клинической медицины и т. д.

Русская наука второй половины XIX в. росла в эпоху ширившегося размаха революционной борьбы масс. Не вызывает поэтому удивления близкое знакомство Сеченова с Чернышевским, Мечникова и В. Ковалевского с Герценом. Близость некоторых русских натуралистов к вождям революционного лагеря немало содействовала творческому размаху русской научной мысли, смелости и дерзости ее исканий. Революционеры в науке бывали нередко революционерами и по своим политическим убеждениям.

Некоторые русские ученые конца XIX в. в юности принимали активное участие в революционной борьбе народников (физиолог Введенский, геологи Кропоткин и Федоров, микробиолог и врач В. А. Манасеин и др.), а впоследствии в науку во второй половине века такие ее деятели мирового значения, как Павлов, Мичурин, Тимирязев, Крылов, Губкин и многие другие, после Октябрьской революции стали активными строителями науки и культуры советского социалистического общества.

Русские естествоиспытатели всеми силами содействовали развитию производительных сил страны, боролись за максимальное развитие просвещения и науки.

Подлинными патриоты и гуманисты, они хотели светом науки рассеять вековую тьму суеверия и невежества народных масс, вывести их из неизбывной нужды и нищеты. Русская наука XIX в. уже потому не отделима от общественной борьбы, что русские ученые в своем творчестве видели силу, способствующую прогрессу общественных отношений, силу, способную улучшить положение народа.

Менделеев с гордостью отмечал, что русская наука делает «самостоятельные, а не подражательные шаги в деле развития своей страны».¹

В первую половину века ученые лишь в редких случаях обращались к народу. В 60-х годах своим почетным и непременимым долгом лучшие ученые считали популяризацию знаний не только с университетской кафедры, но в пятикопеечной книжке для народа и на страницах литературно-политических еженеделников.

В конце 50-х — начале 60-х годов видные петербургские ученые читают публичные лекции в здании Пассажа, в «Вольном университете», в здании Городской думы. В разное время с публичными чтениями выступают Менделеев, Бутлеров, Докучаев.

¹ Д. И. Менделеев, Сочинения, т. 15, 1949, стр. 295.

Организуется специальное издательство «Общественная польза», выпускавшее наряду с научной литературой много брошюр для народа. Замечательным примером пропаганды научных знаний была книга Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение», вышедшая в Петербурге в 1865 г.

Для передовых ученых того времени были характерны отзывчивость и внимание к молодежи, стремление обеспечить доступность лабораторий для всех вступающих в науку.

«В популяризации науки, или, что все равно, в ее демократизации, обнаружилось одно из проявлений духа времени — стремление найти себе опору не в одних представителях просвещенного абсолютизма, или меценатах, какого бы то ни было вида, а на более прочном фундаменте широкого сочувствия к науке, основанного на более распространенном понимании ее значения и задачи».¹

Размах научного творчества русских естествоиспытателей находился в вопиющем противоречии с условиями, которые создавало для науки царское правительство. Царизм ставил препоны развитию производительных сил, мешал росту научно-технических кадров. Правительство не раз сокращало число студентов в петербургских высших учебных заведениях. Университетский устав 1884 г., предоставлявший право утверждения профессоров Министерству, наносил удар не только по университетской автономии, но и по всей русской науке, ибо университетские лаборатории в то время были не только рассадниками знания, но едва ли не важнейшими рабочими центрами русского естествознания. Уже в 1886 г. из Петербургского университета был вынужден уйти Сеченов. Гонения на передовые идеи в преподавании, рогадки перед выходцами из народа на пути в науку, ограничения средств на экспериментальную работу иной раз превращали преподавательскую деятельность виднейших ученых в высших учебных заведениях в «ученую барщину», как говорил К. А. Тимирязев.

Отмечая, что среди молодежи «самые горячие порывы стать ученым» тушатся непреодолимыми препятствиями на пути в науку, Д. И. Менделеев писал в 1901 г.: «Чисто ученая карьера у нас в России до сих пор не представляет привлекательности ни с какой стороны: ни почета, ни славы, ни средств она не обещает».²

Во второй половине XIX в. не раз случалось, что крупнейшие русские ученые не получали возможности трудиться у себя на родине. За границей были вынуждены работать такие замечательные ученые, как И. И. Мечников, Софья и Владимир Ковалевские и др.

Сочувствие и одобрение своей деятельности люди русской науки находили среди передовых элементов нации, в кругу ее демократической интеллигенции.

Мировоззрение Чернышевского и Добролюбова, вилотную подходивших к идеям диалектического материализма, оказало животворное влияние на развитие

¹ К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VIII, Сельхозгиз, 1939, стр. 168.

² Д. И. Менделеев, Сочинения, т. 23, 1952, стр. 120.

русского естествознания и на укрепление материалистических традиций среди русских натуралистов. Материализм являлся серьезным орудием в борьбе русских ученых второй половины XIX в. за передовую науку, за ее прогрессивные идеи.

Несмотря на то, что даже передовые русские ученые были далеки от сознательного овладения диалектическим методом и материалистической теорией, их мировоззрение, определившееся В. И. Лениным как естественно-исторический материализм, немало способствовало формированию той солидной материалистической традиции, которая имела у главных направлений передовой общественной мысли России.

«Здравый реализм в науке»,¹ который К. А. Тимирязев считал характерной чертой русской науки, был одной из важнейших причин поразительных успехов и быстрого движения русского естествознания.

Естествознание с начала 60-х годов служило важнейшим орудием борьбы за материалистическое мировоззрение, средством воспитания материалистических убеждений в учащейся молодежи. Эту общественную роль естествознания хорошо понимали и ценили Чернышевский и Писарев, которые были горячими поборниками пропаганды естественнонаучных знаний и признавали, что изучение естественных наук имеет решающее значение для складывания материалистических и революционных убеждений.

Непрерывный и все ускоряющийся процесс накопления знаний привел в XIX в. к дифференциации наук, их расчленению. Отдельные естественнонаучные знания, порою не объединенные до тех пор даже гипотезами и не представляющие собственно науки, в ряде случаев начинали получать прочные теоретические основы для своего совершенствования и прогресса. В России возникают такие науки, как почвоведение, климатология, эмбриология и т. д.

Деятельность крупнейших русских ученых направлялась главным образом не на решение частных, хотя бы и важных вопросов, не на разработку производных и вспомогательных дисциплин, а на изучение таких решающих проблем науки, как выяснение природы мышления, как раскрытие основных законов химии или эволюции организмов и т. д.

Дав мировой науке наряду с замечательными открытиями и изобретениями и великие теоретические обобщения, русская наука не только представила неоспоримые доказательства своей зрелости и самостоятельности, но и по праву заняла одно из ведущих мест во главе научного движения XIX в.

Петербург являлся важнейшим средоточием научных учреждений и научной общественности.

Если до 60-х годов в Петербурге было пять-шесть научных обществ, то к 90-м годам их было более двадцати. С 1868 г. при Петербургском университете

¹ К. А. Тимирязев, Сочинения, т. V, Сельховиз, 1938, стр. 29—30.

работали Русское Химическое общество и Общество естествоиспытателей и врачей. Несколько позже основываются Математическое общество, Русское Хирургическое общество им. П. И. Пирогова и др. Все эти общества имели общероссийское значение.

Расширяют свою деятельность и старые общества. Вольное экономическое общество изучает в 60—70-х годах почвы России, к изучению русских почв приступает и Почвенная комиссия Географического общества. Географическое общество много и плодотворно работает в области исследования не только географии, но и геологии России. При нем образуются Метеорологическая и другие научные комиссии. Из числа новых научных учреждений можно назвать Геологический комитет (1882) и Институт экспериментальной медицины (1890).

Расширяется научно-издательская деятельность. Научные книги выходят в издании В. О. Ковалевского, кооперативного издательства «Общественная польза» и др. Во второй половине века начинают выходить «Журнал общей химии», «Записки Всероссийского Минералогического общества», «Математический сборник», «Архив биологических наук», «Труды Петербургского общества естествоиспытателей», «Метеорологический вестник» и некоторые другие.

Характерной особенностью послереформенного развития науки были научные съезды. Несмотря на полицейско-бюрократические стеснения и препятствия, русским ученым-естественникам удалось в последнюю треть века 8 раз собираться на такие съезды. Два из них — первый и шестой — сошлись в Петербурге (в 1867 и 1879 гг.).

В связи с известным расширением научных сил и поля научного исследования в университете и в других высших учебных заведениях Петербурга продолжало несколько снижаться в истории русской науки значение Академии Наук. «Первенствующее ученое сословие» России далеко уже не занимало того почти монопольного положения в русской науке, к которому обязывал его устав и которое принадлежало ему еще в первой четверти XIX в.

Общественный подъем и успехи русской науки в 60-х годах сравнительно мало затронули Академию Наук, возглавляемую тогда одним из высших вельмож николаевской монархии Д. Н. Блудовым (1855—1864). Твердо стояла на верноподданических позициях Академия и при его преемниках — Ф. П. Литке, Д. А. Толстом и вел. кн. Константине Константиновиче. Академики, в значительной части иностранцы, упорно отстаивали свое независимое от русского общественного мнения положение, верноподданически оправдывая название «Императорской» Академии Наук.

Академия Наук в этот период почти забыла о своей обязанности готовить новую смену исследователей, не занималась просветительной деятельностью. Ее книжная продукция нередко сводилась к узко специальным монографиям и бюллетеням, очень часто на французском и немецком языках.

Замечательные русские исследователи Тимирязев и Столетов оставались вне Академии. На выборах в действительные члены были забаллотированы великие русские ученые Д. И. Менделеев и И. М. Сеченов.

«В 60—70-ые годы в эпоху особенно сильного роста естествознания, техники и всей науки в России, Академия наук стала очень похожей на многие западно-европейские академии с их кастовостью, замкнутостью и малой эффективностью».¹

Неудивительно, что авторитет Академии Наук в кругах передовой интеллигенции был поколеблен. Передовое общественное мнение настраивалось все более и более враждебно к Академии — ведь «самые видные деятели науки блистали в ней отсутствием». «Такая Академия, конечно, не могла служить показателем движения науки в стране».² Не раз с сатирическими замечками по адресу Академии выступал Салтыков-Щедрин.

Первый взрыв негодования произошел в 1880 г., когда на выборах в Академию был намеренно забаллотирован Д. И. Менделеев и в то же время избран иностранец, даже не знавший русского языка.

В ответ последовало демонстративное избрание Менделеева почетным членом научных обществ. 14 членов Физико-математического факультета Московского университета выразили свое осуждение действиям Академии. Они негодовали по поводу того, что «голос людей науки подавляется противодействием темных сил, которые ревниво закрывают двери Академии перед русскими талантами».³

Большую известность получила гневная статья А. М. Бутлерова «Русская или только императорская Академия Наук в Петербурге?», которую великий ученый написал в ответ на циничное заявление одного из академиков-иностран-

Н. Н. Зинин. Литография. 50-е годы XIX в.

¹ С. И. Вавилов. Академия наук и развитие отечественной науки. Вопросы истории отечественной науки, М.—Л., 1949, стр. 51.

² К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VIII, стр. 147.

³ Б. Г. Кузнецов. Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку. М., 1951, стр. 108.

цев о том, что Академия Наук принадлежит не России, а царю. Бутлеров, сам академик, был вполне беспристрастен, когда давал убийственно резкую, но совершенно обоснованную оценку роли Академии Наук в тот период:

«Последствия внешнего положения Академии очевидны: интерес к делам Академии и симпатии к ней самой вполне исчезли в русском обществе; почин в научных предприятиях сравнительно редко принадлежит Академии, а сосредоточивается большей частью в разных ученых обществах, на ученых международных конгрессах представителями русской науки являются нередко не академики, а ученые, к Академии не принадлежащие; русские ученые труды минуя издания Академии и появляются в свет другими путями».¹

Борьба прогрессивных деятелей русской науки против рутины и реакции, которые воцарялись в «немецкой партии» в Академии, не прекращалась. Только к концу XIX в. «немецкая партия», которой покровительствовало и через которую осуществляло на Академию свое влияние правительство, постепенно теряет свое значение. Однако и тогда Академия Наук все еще не вернула себе положения центра национальной науки. В отношении многих естественных наук Академия занимала часто даже подчиненное положение по сравнению с университетом, а также Горным и другими техническими институтами. Академик Бутлеров, например, был более связан с университетской, чем с академической лабораторией. Следует, однако, признать, что и в высших учебных заведениях экспериментаторы не находили поддержки со стороны чиновничества. Даже в столичном университете оборудование химической лаборатории нередко считалось частным делом возглавлявшего ее ученого. Между тем, именно университетские химики во второй половине XIX в. принесли едва ли не наибольшую славу русской науке.

Несмотря на то, что Россия располагала огромными запасами всевозможного химического сырья, в стране даже в пореформенное время не было крупной химической промышленности, а ученые-химики не встречали поддержки со стороны правительственных учреждений. Но и в таких крайне неблагоприятных условиях в России складываются самостоятельные химические школы. Вышедшими из Казанского университета Бутлеровым, Марковниковым, Зайцевым создаются изучившие школы в Петербурге, в Москве и Казани. Русские ученые открывают основные законы химии, заново разрабатывают важнейшие ее отделы.

В ряду великих русских химиков, ставших во главе научного движения века, первое место бесспорно принадлежит Д. И. Менделееву.

Д. И. Менделеев (1834—1907) окончил в 1855 г. Главный педагогический институт в Петербурге. Его учителями были такие известные ученые, как математик Остроградский и химик Воскресенский.

¹ А. М. Бутлеров. Русская или только императорская Академия наук в Петербурге? Газ. «Русь», 1882, № 7—8.

*Д. И. Менделеев, Картина маслом работы Н. А. Ярошенко, 1886 г.
Ленинградский Государственный университет.*

Еще в годы учения в институте юноша увлекается химией, создает первые научные работы. Одновременно чувство возмущения казарменным режимом заставляло его прислушиваться к антиправительственным разговорам среди своих товарищей. Менделеев знакомится со статьями Чернышевского и Герцена. Не разделяя их революционных убеждений, он черпает в их сочинениях уверенность в правоте и силе материалистического миропонимания. Под их влиянием уже в своих первых трудах Менделеев зарекомендовал себя как непримиримый к идеализму и агностицизму ученый, стихийно применяющий диалектический метод познания. С 60-х годов Менделеев преподавал в университете и в других высших учебных заведениях столицы.¹

Научное творчество Менделеева всегда было необычайно оригинально, разносторонне и продуктивно. Энциклопедически образованный ученый, он работал в области химии, физики, метеорологии, метрологии и т. д. Его перу принадлежит свыше 500 научных работ по этим вопросам. Особой известностью пользовался его большой обобщающий труд, многократно переиздававшийся, — «Основы химии» (1869—1871) — блестящая систематизация химических знаний XIX в.

Величайшим в истории химии XIX в. достижением был открытый Менделеевым в конце 60-х годов периодический закон («химические свойства элементов суть периодические функции атомного их веса»).² Еще в 1867 г. молодой ученый обратил внимание на связь массы элементов с их химическими качествами. В 1869 г. Россия стала родиной величайшего открытия в естествознании. 6 марта собравшиеся на заседании Русского Химического общества петербургские ученые с величайшим вниманием выслушали сообщение об открытой Д. И. Менделеевым системе элементов.³ Эта система была разработана Менделеевым в результате его больших теоретических и экспериментальных работ и явилась гениальным обобщением химических знаний того времени, а также основой для всех будущих успехов химии.

Таблица Менделеева связала разобщенный до того мир элементов в единую систему и, освободив химиков от необходимости идти ощупью, наугад, позволила им предсказывать существование и свойства еще не найденных в то время элементов.

Менделеев на основе открытого им закона сам предсказал и описал свойства трех еще не известных тогда элементов, а также смело исправил атомный вес тех десяти элементов, которые, казалось, не укладывались в его систему.

Триумфом периодического закона было открытие французским химиком Лекоком де Буабодраном одного из предугаданных Менделеевым элементов

¹ Д. И. Менделеев 24 года прожил в своей квартире в первом этаже университета — рядом с центральным входом по Университетской линии, а после ухода в 1890 г. из университета — в квартире здания Палаты мер и весов (Забалканский проспект, д. 19).

² Д. И. Менделеев. Избранные сочинения, т. II. Л., 1934, стр. 37.

³ Журнал Русского Химического общества, т. I, вып. 2 и 3, 1869, стр. 35.

именно с теми свойствами, которые с большой точностью предсказал русский ученый. Гениальное открытие Менделеевым периодического закона Энгельс назвал «научным подвигом».¹ В честь великого творца периодической системы открыт осенью 1955 г. в Соединенных Штатах сто первый элемент был назван менделеевием.

Помимо периодической системы, большую известность принесла Менделееву новая (гидратная) теория растворов, работы по упругости газов и др. Он был инициатором изучения стратосферы и на полвека ранее западных ученых создал проект стратостата.

Гениальный теоретик, поднявший химию до широчайших обобщений и плодотворнейших выводов, Менделеев вместе с тем никогда не был кабинетным ученым, оторванным от действительности. Он энергично ратовал за неразрывную связь науки с жизнью, за непосредственное приложение новейших научных достижений к практике, много занимался изучением производительных сил России. Менделеев всегда охотно откликался на настоятельные нужды промышленности, транспорта, сельского хозяйства, высшего образования и т. д., искал в самые различные технологические процессы химической промышленности, посещал шахты Донбасса и рудники Урала, обследовал почвы Поволжья и нефтяные вышки Баку. Большое внимание он уделял вопросам добычи и переработки нефти.

Энтузиаст и революционер в науке, Менделеев разрабатывал смелые планы технико-экономического перевооружения России, призывал к укреплению ее экономической самостоятельности. Он усиленно настаивал на индустриализации страны и особенно ее Востока — Урала и Кузбасса, предупреждая, что без крупной промышленности России грозит опасность быть низведенной до роли Индии в системе Британской империи. «Горе отсталым!» — с тревогой возглашал великий ученый и патриот. Но ни царизм, ни русская буржуазия и не думали об использовании природных богатств России, об усилении ее экономического могущества.

Менделеев занимался вопросами механизации сельского хозяйства, внедрения в него агрохимии. Он разрабатывал проекты освоения Арктики и Северного морского пути, предлагал построить нефтепровод из Баку к Черному морю, выдвигал идею орошения степей Заволжья и пустынь Средней Азии.

Смелые мечты этого замечательного ученого и гражданина, целиком посвятившего себя служению своей родине, далеко выходили за пределы возможного не только в полуфеодальной России, но и в условиях более передового тогда в технико-экономическом отношении капиталистического Запада.

Среди замечательных русских ученых вместе с Менделеевым следует назвать его современника, творца теории химического строения А. М. Бутлерова.

А. М. Бутлеров (1828—1886), воспитанник, а затем профессор Казанского университета, в 1869 г. переходит по рекомендации Менделеева на кафедру орга-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 530.

А. М. Бутлеров. Фотография, 70-е годы XIX в.

ической химии в Петербургский университет. Рекомендую Бутлерова на кафедру Петербургского университета, Менделеев с особой гордостью подчеркивал, что Бутлеров «русский и по ученому образованию и по оригинальности трудов. Ученик знаменитого нашего академика Зинина, он сделался химиком не в чужих краях, а в Казани, где и продолжает развивать самостоятельную химическую школу». «Направление ученых трудов А. М. Бутлерова не составляет продолжения или развития идей его предшественников, а принадлежит ему самому. В химии существует бутлеровская школа и бутлеровское направление».¹

Бутлеров наряду с Менделеевым шел далеко впереди мировой науки. Побывав за границей, он убедился, что учиться ему там нечему. «Все воззрели, встре-

¹ Д. И. Менделеев, Сочинения, т. 15, стр. 295.

ченные мною в Западной Европе, представляли для меня мало нового,¹ — писал он.

Избранный в Академию Наук, Бутлеров вел тяжелую борьбу против дворянско-буржуазного пренебрежительного отношения к русским ученым, против закрепощения науки царскими бюрократами, против засилья в Академии Наук бездарных иностранцев и реакционеров.

Наука обязана Бутлерову разработкой теории строения, или, вначе, структурной теории. Как без периодической системы Менделеева нельзя представить развития химической науки вообще, так без теории строения Бутлерова нельзя говорить об основах современной органической химии.

Исследуя химические превращения веществ, Бутлеров доказал, что химия может познавать не только свойства органических соединений, не только их количественные характеристики, но и строение их молекул, характер взаимодействия атомов внутри их молекул.

Бутлеров доказал, что молекула — не беспорядочная группа атомов, что химические свойства вещества зависят не только от числа атомов того или иного элемента, но и от их расположения, что для каждой молекулы, таким образом, характерно строго определенное положение атомов и порядок их взаимодействия. Если до Бутлерова химики отчаивались в возможности выразить формулами строение и связь атомов в веществе, то Бутлерову на основе своей теории удалось это сделать очень легко и убедительно просто.

Из теории строения следовал вывод о возможности получения новых классов органических соединений не путем изменения состава молекулы, а путем изменения ее структуры (явление изомеризации). Бутлеров смело выдвинул это положение и сам осуществлял его на практике, открыв тем самым новые пути в органической химии. Гений теоретика изумительно сочетался в нем с талантом и настойчивостью неутомимого экспериментатора. Бутлерову удалось получить новое вещество изобутан, по составу тождественный с бутаном, но резко отличный от него по свойствам. Затем он синтезировал изобутилен и другие изомерные вещества.

Убеждение в возможности постигнуть внутреннюю структуру молекул стало в России всеобщим. С некоторым опозданием идеи Бутлерова были признаны и повсюду за границей.

Серьезный удар теоретикам агностицизма в химической науке нанесла книга Бутлерова «Введение к полному изучению органической химии».

Несмотря на известную ограниченность и противоречивость мировоззрения Бутлерова (он верил в возможность спиритических «явлений»), его заслуги перед русской наукой огромны. Только ныне оправдались многие теоретические прогнозы

¹ А. М. Бутлеров, Поездка за границу летом 1861 г. Уч. зап. Казанского ун-та, 1862, т. 1, отд. 2, стр. 9.

этого ученого (о сложности атомов, о взаимоотношении между материей и энергией и т. д.). Деятельность Менделеева и Бутлерова имела поистине основополагающее значение для химии и принесла громкую славу русской науке. «За какие-нибудь 10—15 лет русские химики, — писал К. А. Тимирязев, — не только догнали своих европейских собратьев, но порою даже выступали во главе движения, так что в конце рассматриваемого периода английский химик Франкланд мог с полным убеждением сказать, что химия представляла в России лучше, чем в Англия, отечестве Гумфри Дэви, Долтона и Фарадея. Успехи химии были несомненно самым выдающимся явлением на общем фоне возрождения наук в ту знаменательную эпоху».¹

Видные химики работали во всех высших учебных заведениях столицы. В университете, кроме Менделеева и Бутлерова, преподавал Н. А. Меншуткин, в Медицинской академии — знаменитый ученый и композитор А. П. Бородин, в Лесном институте — М. Г. Кучеров. Весьма заметными были заслуги преподавателей химии Технологического института. Профессор А. К. Крупский сделал многое для усовершенствования химической промышленности. Ассистент А. А. Летний явился первооткрывателем процесса разложения нефти при высокой температуре (крекинга) и автором первого русского учебника по нефтяному делу.

В 80—90-х годах стала заметной научная деятельность поколения учеников Менделеева и Бутлерова. В Горном институте начинает работу виднейший ученый, творец физико-химического анализа Н. С. Курнаков, на университетской кафедре Менделеева в 1890 г. сменяет один из основателей учения о растворах Д. П. Коновалов. С начала 90-х годов с университетом связывает свою ученую и педагогическую деятельность А. Е. Фаворский, со студенческих лет посвятивший себя продолжению дела своего учителя Бутлерова в области изомеризации и особенно полимеризации органических веществ.

Во второй половине XIX в. больших успехов достигла и русская физика. Наряду с замечательной московской школой, к которой принадлежали такие талантливые ученые, как А. Г. Столетов и Н. А. Умов, мировое признание получают работы петербургских ученых.

На основе исследований в области электричества и электромагнетизма, совершенных в первой половине века Дэви, Фарадеем, русскими учеными В. В. Петровым, Э. Х. Ленцем и Б. С. Якоби, достигают выдающихся результатов замечательные физики-экспериментаторы П. Н. Яблочков, А. Н. Лодыгин, Д. А. Лачинов и др. О разработке русскими изобретателями электрического освещения и других проблем электротехники рассказывается далее, в разделе о технической мысли в Петербурге в этот период. Здесь уместно упомянуть, что в разработке физических и теоретических основ электротехники принимали уча-

¹ К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VIII, стр. 154—155.

ские профессора Петербургского университета И. И. Боргман, Ф. Ф. Петрушевский и др.

В области механики известное значение имели работы профессора Петербургского университета Д. К. Бобылева. С начала 90-х годов приват-доцент университета И. В. Мещерский начал изучать механику тел переменной массы. В то время лишь очень немногие могли оценить идеи этого скромного ученого. Только 10—20 лет спустя во всем мире заинтересовались этими вопросами и стали разрабатывать далее научные результаты Мещерского, ныне лежащие в основе теории реактивного движения.

Славу русской геофизике привнесли труды Б. Б. Голицына, основателя сейсмологии, которой он начал заниматься в Академии Наук с 1893 г.

Выдающееся, можно сказать первенствующее, положение в мировой астрономии сохраняли в этот период труды Пулковской обсерватории.

В 1890 г. ее руководителем стал знаменитый русский астроном Ф. А. Бредихин, известный своей теорией комет и метеоров. Началось невиданное ранее расширение работ обсерватории. Будучи «врагом несправедливого унижения перед Западом», Бредихин привлек в нее немало талантливых русских исследователей (Ганский, Костинский, Неуймин, Тихов), некоторые из которых с успехом продолжают свою деятельность и в советское время.

Основатель русской астрофизики А. А. Белопольский только с приходом Бредихина занял в Пулкове самостоятельное положение. В 1892—1895 гг. он применил для исследования звезд спектрограф, доказал при помощи этого прибора вращение Юпитера и некоторых других планет вокруг собственной оси и окончательно установил, что кольцо Сатурна состоит из частиц, а не является сплошным.

Работы Пулковской обсерватории много способствовали развитию геодезии, картографии и навигации.

Высокая точность пулковских наблюдений, отраженных в ее фундаментальных звездных каталогах, а также исключительное значение тех открытий и проблем, которые ставились и разрешались в обсерватории, сделали Пулково, по признанию авторитетных зарубежных ученых, астрономической столицей мира.

Из исследований университетских астрономов должно отметить работы по двойным звездам известного тогда популяризатора астрономии С. П. Глазенапа.

Развитие технической мысли, а также физико-химических дисциплин предъявляло большие требования к разработке математического анализа и новых методов и путей для прогресса самой математики.

Петербург во вторую половину века становится важнейшим центром математической мысли в России.

В университете и Академии Наук продолжал работать создавший и долгие годы возглавлявший русскую математическую школу П. Л. Чебышев. Он много работал в области теории приближения функций, заложил основы современной

теории вероятности и особенных успехов достиг в изучении теории чисел. Чебышев был первым, кто после Евклида добился важных итогов в решении проблемы распределения простых чисел. Он прославился также созданием новых, необычайно плодотворных методов математического исследования.

Органическим свойством его научного гения было стремление сблизить теорию с практикой, связать проблематику своих трудов с насущными вопросами естествознания и техники. Среди его работ есть поэтому статьи и о наиболее точных проекциях географических карт, и о зубчатках, и о центробежном уравнителе, и даже о кройке платья.

Огромное значение имеют работы Чебышева в области теории механизмов. Он не только вывел соответствующие формулы и теоремы, но и сам сконструировал много весьма замечательных по своим свойствам механических систем.

Чебышев являлся почетным членом семи иностранных академий, нескольких десятков научных обществ и университетов.

Наиболее талантливыми учениками Чебышева были будущие академики А. А. Марков и А. М. Ляпунов. А. М. Ляпунов по окончании Петербургского университета защитил при нем магистерскую диссертацию, но затем работал в Харькове. Прочная связь его с Академией Наук относится уже к первым годам XX в. А. А. Марков преподавал в Петербургском университете с 1880 г. и с большим успехом развивал идеи Чебышева в теории чисел и теории вероятностей.

Из других учеников Чебышева должен быть назван работавший в столичном университете А. Н. Коркин.

В области прикладной математики в 90-х годах первых серьезных результатов добился выдающийся русский кораблестроитель, механик и астроном А. Н. Крылов.

П. Л. Чебышев. Гросюра.

В книге главы русской науки есть и страницы, омраченные рассказом о полной трагизма судьбе русских ученых, для которых не находилось «штатного» места на родине. Несколько печальных страниц этой книги посвящено судьбе первой русской женщины-математика С. В. Ковалевской.

По инициативе Чебышева, всегда чуткого и внимательного к талантливой научной молодежи, Ковалевская выступила с докладом о своих достижениях на VI съезде русских естествоиспытателей в Петербурге. Однако официальные ученые учреждения для нее были закрыты. Не разрешили также этой замечательной женщине преподавать на Высших женских курсах, не допустили и к сдаче магистерских экзаменов.

Не найдя приложения своим богатым талантам на родине, Ковалевская согласилась занять кафедру в Стокгольмском университете. Но признание ее ученых заслуг за границей ничему не научило чиновников от науки.

Когда в 1889 г. под давлением передовой интеллигенции С. В. Ковалевская была все-таки избрана членом-корреспондентом русской Академии Наук, они категорически отказались допустить ее на заседание Физико-математического отделения.

Больших успехов достигли в своем развитии за вторую половину века геолого-географические науки. Металл, уголь и нефть становились основой промышленного развития.

Расширение производства металла, увеличение потребностей в угле, а затем нефти требовало не только роста горно-добывающей промышленности, но и пополнения и обобщения горнотехнических знаний, углубления и развития геологической науки.

В середине XIX в. в России не без влияния собственной, идущей от Ломоносова, традиции эволюционизма утверждается исторический метод в геологии. Эволюционная геологическая теория, начало которой было положено трудами гениального Ломоносова и которая затем опиралась на следующее поколение русских ученых — В. В. Севергина, И. И. Лепехина и др., становится в 60-х годах общепризнанной. В Москве ее развивал К. Ф. Рулье, в Петербурге — большая группа ученых Горного института и университета.

В университете почти столетия кафедру общей геологии возглавлял А. А. Иностранцев. Учитель нескольких поколений русских геологов, он был известен исследованием геологии Севера, ископаемых Алтая, платины Урала, минеральных вод Кавказа и т. д.

Одним из первых он применил микроскоп в петрографии — для исследования камней и других горных пород.

Основателем большой русской и впоследствии советской геологической школы был А. П. Карпинский, будущий президент Академии Наук СССР. Историзм был отличительным свойством его научного метода еще с первых работ. Он первым начал увязывать историческую геологию с палеогеографией и

палеонтологией. Его классификация осадочных пород в 1880 г. была принята Международным Геологическим конгрессом и сохраняет свою силу поныне. Карпинским были созданы основы учения о месторождении руд. Неустойчивый геолог-разведчик, он уделял особое внимание своей родине — Уралу и первый предсказал, что на его западных склонах имеется нефть.

Тесная связь с геологами-практиками привела к назначению Карпинского директором созданного в 1882 г. Геологического комитета. Это учреждение было обязано планомерно и систематически изучать почти еще неразведанную в геологическом отношении страну. Между тем, штат Комитета состоял из 8 человек, а годовой бюджет доходил всего до 30 тыс. руб. Большой заслугой Комитета было создание первой геологической карты Европейской России.

Вместе с Карпинским в Геологическом комитете работал и другой крупнейший ученый — Ф. Н. Чернышев, прославившийся в начале 90-х годов детальной геологической картой Донбасса.

В Горном институте протекала кипучая научная и педагогическая деятельность виднейшего исследователя геологии Средней Азии и рудных ископаемых Кавказа И. В. Мушкетова. Его руководство по «Физической геологии» (1891) по полноте и основательности содержания не имело себе равного в то время не только в русской, но и в иностранной литературе.

В 1883 г. окончил Горный институт Е. С. Федоров. Но для основателя современной кристаллографии достойного места в научных учреждениях Петербурга не было. Только с 1896 г. он начинает читать лекции в Горном институте. В 1894 г. Академия Наук забаллотировала его на выборах. Такое пренебрежение к крупнейшему ученому объяснялось не только новизной его научных идей, но и тем, что в свое время Федоров был деятельным участником второй «Земли и воли», близко знаком с В. Либкнехтом и А. Бебелем. Революционер по убеждению, он был смелым новатором в науке.

Е. С. Федоров. Фотография.

Благодаря работам Федорова по «симметрии правильных систем фигур», разработанной им методике и приборам исследования кристаллов, русская минералогическая наука получила всемирное признание.

Успехи русской геологической науки к концу XIX в. стали неоспоримы для всего мира. Наряду с видными учеными, работавшими в Петербурге, славу русской геологии в этот период принесла деятельность таких крупнейших ученых, как В. О. Ковалевский, И. Д. Черский, А. П. Павлов, В. П. Амалицкий и др. Некоторые из указанных ученых были воспитанниками петербургских высших учебных заведений.

На 7-й сессии Международного Геологического конгресса, проходившей в Петербурге в 1897 г., генеральный секретарь конгресса Ф. Н. Чернышев с полным основанием мог заявить: «Русская геологическая наука явилась на этом конгрессе как равная по значению с начинавшей сравнительно ранее культивироваться в Западной Европе и Америке, и, надо думать, отныне Россия будет считаться исходной точкой для разъяснения многих вопросов современной геологии».

Весьма значительных успехов достигла во второй половине XIX в. и географическая наука в России. Стремление молодого российского капитализма к расширению рынков сбыта для растущей промышленности, поиски необходимого для нее сырья, равно как и чисто научный интерес к малоизвестным и труднодоступным районам Средней Азии и Дальнего Востока вызвали организацию многочисленных экспедиций в указанные районы, которые много дали для развития отечественной географии, геологии, зоологии, ботаники и этнографии. Энергичную деятельность по исследованию Центральной Азии развернуло Русское Географическое общество.

Первую крупную экспедицию в Центральную Азию организовал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, получивший прибавление к своей фамилии в память научных заслуг в исследовании рельефа, геологии, флоры и фауны почти неизвестного тогда хребта. С 1873 г. П. П. Семенов стал фактическим руководителем Русского Географического общества и принимал самое деятельное участие в подготовке знаменитых экспедиций Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина и др.

Наиболее известным и самым неутомимым исследователем Центральной Азии был Н. М. Пржевальский. После окончания Военной академии в Петербурге он путешествовал по Уссурийскому краю, а с 1870 г. начинает свои замечательные экспедиции в Центральную Азию, где его караваны прошли тридцать тысяч километров. Во время пятого путешествия этот отважный путешественник умер (1888).

Пржевальский открыл в Азии несколько новых хребтов и собрал богатейшие научные коллекции. Увлекательные описания его путешествий необычайно точны, основаны исключительно на его личных наблюдениях над этнографическими и физико-географическими особенностями местностей, которые он посещал.

Пржевальский был избран почетным членом 24 научных учреждений в России и Европе.

Большие заслуги в исследовании Центральной Азии принадлежат помощникам Пржевальского В. И. Роборовскому и особенно П. К. Козлову. До их экспедиций поверхность Центральной Азии, по остроумному замечанию Пржевальского, была известна меньше, чем поверхность лупы. Труды русских путешественников окончательно стерли белые пятна с территории Китая, Монголии и Тибета.

Видным исследователем Восточной Сибири был П. А. Кропоткин. Под влиянием демократических идей 60-х годов Кропоткин по окончании Пажеского корпуса отказался от придворной карьеры и легкой службы в гвардии и отправился служить на Дальний Восток. Там он изучал Амур, Большой Хинган, Маньчжурию. Обследуя сибирские горные цепи, Кропоткин доказал, что оледенение распространялось и на Сибирь.

В 70-х годах Кропоткин переезжает в Петербург и вплоть до ареста за народническую деятельность работает в Географическом обществе над проблемами геологического оледенения и географии Арктики. В этот период он, в частности, предсказал существование земли Франца-Иосифа.

Едва ли не самой замечательной личностью среди плеяды знаменитых русских путешественников был Н. Н. Миклухо-Маклай, получивший образование в Петербурге во 2-й гимназии, а после исключения из Петербургского университета учившийся в Гейдельбергском и других немецких университетах. Миклухо-Маклай несколько раз высаживался на берегах Новой Гвинеи и островах Полинезии, куда не ступала еще нога американских и европейских колонизаторов. Особенно долго жил он среди папуасов Новой Гвинеи, которых застал почти в первобытном состоянии. Демократ и гуманист по убеждениям, страстный противник расизма, Миклухо-Маклай доказал, что самые отсталые в культурном отношении племена земного шара имеют те же задатки для умственного развития,

Н. М. Пржевальский. Памятник. Скульптор Н. И. Шредер (по рисунку А. А. Бильдерлинга). 1892 г.

что и люди белой кожи. Искренний друг папуасов и полинезийцев, он сурово осуждал лицемерие, коварство и разбой европейских коммерсантов и миссионеров в обращении с этими народами. Его просветительская гуманная деятельность на Тихом океане вызвала сочувственные отклики по всей России. С восхищением приветствовал его благородную миссию Л. П. Толстой.

В исследовании африканского материка приняли участие русские ученые В. В. Юнкер и А. В. Елисеев.

Создателем университетской географической науки в России вместе с московским профессором Д. Н. Анучиным был известный петербургский ученый А. И. Воейков, долгие годы работавший в Географическом обществе, а затем и в Петербургском университете. Воейков является основоположником русской климатологии. Его классическое исследование «Климаты земного шара» (1884) тогда же было переведено на несколько иностранных языков и до сих пор считается ценнейшим учебным пособием.

В этом фундаментальном труде не только обстоятельно описаны различные климаты, но и определены роль и взаимная связь важнейших факторов формирования климатов (солнечной радиации, атмосферной циркуляции, водных бассейнов и т. д.).

В своих трудах Воейков положил начало научной сельскохозяйственной метеорологии и выдвинул идею преобразования климата. Еще в 1871 г. он обратил внимание на громадное влияние снегового покрова на успехи земледелия.

Большое значение в развитии отечественной метеорологии имел издаваемый с 1891 г. под редакцией Воейкова журнал «Метеорологический вестник».

Замечательные научные достижения А. И. Воейкова, развитые им в 1700 написанных им работах, получили достойное признание только при советской власти.

В 1949 г. его имя было присвоено Главной географической обсерватории, находящейся в поселке Воейково под Ленинградом.

Замечательным вкладом в науку были океанографические исследования адмирала С. О. Макарова. При помощи разработанных им приборов он обследовал в 1881—1882 гг. Босфор, где установил два течения (одно из них подводное) и превышение уровня Черного моря над уровнем океана на 40 см. Интереснейшие результаты были достигнуты Макаровым во время его плавания на Тихом океане. Они обобщены в его книге «„Витязь“ и Тихий океан». Весьма большое значение для океанографии имела идея Макарова о роли вращения Земли в образовании морских течений, а для изучения Арктики — его участие в строительстве, а затем и в испытаниях в полярных условиях первого ледокола в мире «Ермак». В 80-х годах начал свою работу в Географическом обществе в области океанологии и картографии широко известный впоследствии Ю. М. Шокальский.

На успехах биологической науки особенно сказалось влияние русской классической философии. В борьбе против правительственного обскурантизма дея-

тели революционно-демократического лагеря большое значение уделяли пропаганде материалистических естественно-научных знаний. Под влиянием страстных статей Чернышевского, Добролюбова, Писарева разночинная интеллигенция 60-х годов жадно принялась за изучение биологии. Увлечение этой наукой необычайно ярко запечатлено на страницах знаменитого тургеневского романа «Отцы и дети».

Благодаря тому, что в России еще Ломоносов выдвигал идею эволюции органического мира, благодаря тому, что эволюционных взглядов придерживались и многие другие ученые XVIII—XIX вв. (Севергин, Пандер, Бэр и др.), в русской науке под влиянием материалистической пропаганды Герцена, Чернышевского, Писарева глубоко утвердился взгляд на идею материального единства и развития природы. Поэтому дарвинизм нашел в России наиболее подготовленную почву и наиболее ревностных последователей и продолжателей. Не один только Чернышевский мог бы заявить: «Дарвинизм для меня — не новость своими справедливыми сторонами».¹

Не прошло и года со дня выхода «Происхождения видов» (1859), а с кафедры Петербургского университета с идеями этой книги уже знакомил студентов профессор С. С. Куторга.

Тогда же, в начале 60-х годов, познакомились с дарвинизмом учившиеся еще в университете будущие знаменитые русские биологи — К. А. Тимирязев и А. О. Ковалевский, а также брат последнего, В. О. Ковалевский, которому опротивела мертвящая схоластика тогдашней юриспруденции в училище правоведения, где он учился.

А. О. Ковалевский становится редактором первого русского перевода труда Дарвина, а К. А. Тимирязев в 1865 г. выпускает лучшую в популярной литера-

Н. Н. Микаухо-Махлай, Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1949, стр. 643.

туре о дарвинизме книгу «Чарльз Дарвин и его учение», переизданную в дальнейшем только на русском языке свыше 20 раз.

Тимирязев, Мечников, братья Ковалевские, профессор Петербургского университета А. Н. Бекетов, известный педагог и анатом П. Ф. Лесгафт вслед за виднейшими представителями революционно-демократической мысли в 60—70-х годах страстно отстаивали от нападков русских и западноевропейских прислужников поповщины материалистическое ядро учения Дарвина — идею развития живой природы, выступали против идеалистической теории наследственности Менделя—Вейсмана.

Их борьба за дарвинизм была борьбой в защиту передовой науки, ее материалистических основ. Неудивительно, что так злобно нападали на Дарвина реакционеры Н. Я. Данилевский и Н. Н. Страхов, а весьма консервативно настроенные академики собирались присудить первому из них премию за нухлый «труд», написанный в опровержение Дарвина. Но передовые русские ученые не были слепыми последователями и послушными учениками Дарвина. Они подходили к его учению критически и вместе с тем творчески.

Замечательным продолжателем дарвинизма был К. А. Тимирязев, после окончания Петербургского университета работавший в Москве.

Важнейшую роль в борьбе за дарвинизм играла палеонтология (наука об ископаемых животных), которая обогащала учение Дарвина прямыми доказательствами развития животного мира. Творцом эволюционной палеонтологии был В. О. Ковалевский. Этот выдающийся ученый, которого весьма высоко ценил весь научный мир, в том числе и Дарвин, не имел прочного пристанища на родине и безвременно погиб из-за отсутствия средств для научной работы.

От систематизации ископаемых животных, чем только и занимались до него палеонтологи, В. О. Ковалевский перешел к объяснению изменчивости ископаемых форм путем изучения влияния на них окружающей среды. Его магистерская диссертация, в частности, была посвящена объяснению причин и хода эволюции копытных.

От основной идеи В. Ковалевского — объяснения изменений организма животного переменной его образа жизни в новых условиях — несомненно тянутся нити к советскому творческому дарвинизму, к учению Мичурина.

Успехи дарвинизма и клеточной теории весьма способствовали большим достижениям русской эмбриологии.

Основателями сравнительной эмбриологии, являющейся одной из главных опор эволюционной теории, были А. О. Ковалевский и его ближайший друг И. И. Мечников, более прославившийся, впрочем, другими открытиями в биологии.

А. О. Ковалевский был связан с Петербургом с 1890 г., когда он стал академиком и профессором Петербургского университета.

И. И. Мечников, окончивший Харьковский университет, только самое короткое время был доцентом в столице. Однако и Мечников, и братья Ковалевские

свои диссертации защищали в Петербургском университете. Магистерские диссертации этих ученых поставили русскую зоологию в первый ряд в мировой науке и заставили иностранных ученых говорить об эмбриологии как о русской науке.

Изучение развития отдельных видов животных позволило А. О. Ковалевскому и И. И. Мечникову создать яркую картину развития всего животного мира. Изучая развитие некоторых малоизвестных форм живых существ, Ковалевский и Мечников сумели перебросить мост от беспозвоночных к позвоночным и тем самым вполне подтвердили мысль о едином происхождении всего животного мира от общих предков.

В области ботаники и физиологии растений в Петербурге работали также крупнейшие ученые, как А. Н. Бекетов, А. С. Фаминцын и М. В. Ненцкий. Последнему принадлежало интереснейшее открытие близости химического состава красящих веществ листьев и крови, что безусловно свидетельствует об общности происхождения животного и растительного царства. Работавшему с 1892 г. в Военно-медицинской академии А. Я. Данилевскому принадлежит огромная заслуга открытия ферментов.

В области микробиологии крупнейшее открытие в 70-х годах было сделано В. А. Манасеиным и А. Г. Полотебновым, заметившими антимикробные свойства зеленой плесени, которые лежат в основе могущественного действия современного лечебного средства, получаемого из этой плесени, — пенициллина, открытого английским ученым А. Флемингом в 1929 г. Большое значение для микробиологии имел доклад Д. И. Ивановского в Академии Наук в 1892 г. о мозаичной болезни табака, который следует считать началом учения о фильтрующихся вирусах.

Петербургским ученым М. С. Вороницу и С. Н. Виноградскому принадлежит честь открытия и выделение в чистом виде почвенных бактерий, связывающих азот непосредственно из воздуха.

К. А. Тилияев. Фотография.

В. В. Докучаев. Фотография. 50-е годы XIX с.

Это открытие явилось новым толчком для развития русского почвоведения, основателем которого был профессор Петербургского университета В. В. Докучаев, имевший также большие заслуги перед географией, в которую он внес представление о географической среде как целостном единстве общих природных (геологических, ботанических, почвенных и т. д.) закономерностей. Учение Докучаева о зонах природы сохранило свое значение и по сей день.

В своем двухтомном труде «Русский чернозем» (1883) Докучаев сформулировал важнейшие положения созданного им научного почвоведения. Русский ученый впервые в истории науки перестал рассматривать почву чисто геологически, как мертвую горную породу. Эволюционные принципы и методы исследования привели его к убеждению, что поч-

ва — это самостоятельное «царство природы», сложившееся из векового взаимодействия между поверхностным слоем земли, воздухом, водой, растительными и животными организмами и т. д. «Почва, как и всякое естественно-историческое тело, может оставаться с одним и тем же характером на бесконечно больших площадях, лишь бы условие ее жизни и происхождения (грунт, климат, возраст страны, растительность и рельеф местности) оставались бы тождественными».¹

На основе своих теоретических положений Докучаев пришел к выводам большого практического значения. В работе «Наши степи прежде и теперь» Докучаев наметил систему мероприятий для борьбы с засухой и увеличения производительности почв степных районов. Вместе с Воейковым он явился первым, кто обратил внимание на необходимость изучения снегового покрова и предложил проводить снегозадержание. Ему принадлежали планы обводнения юга, создания лесных защитных полос и т. д. Пользу своих идей для земледелия Докучаев доказал практически, облесив Каменную степь в Воронежской губернии.

¹ В. В. Докучаев. Русский чернозем. Сочинения, т. III, 1949, стр. 382.

И. М. Савинин. Гравюра. 70-е годы XIX в.

Царское правительство отвергло выдвинутый Докучаевым проект организации Почвенного института, но в университете ему удалось создать большую школу русских почвоведов (К. Д. Глинка и др.).

В 1899 г. по инициативе Докучаева Вольное экономическое общество приступило к изданию журнала «Почвоведение», сыгравшего большую роль в развитии агрономической науки.

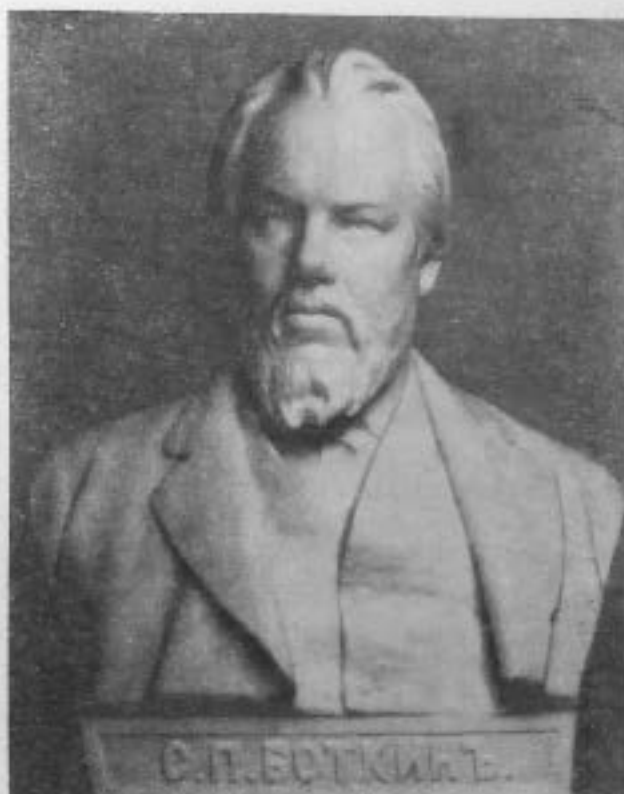
На основе успехов биологии, химии, физики стали возможны новые достижения и в медицине. Самым знаменитым русским врачом второй половины XIX в., вместе с Пироговым, был, конечно, С. П. Боткин, с 1861 г. руководивший кафедрой терапии в Военно-медицинской академии.

С приходом в клинику Боткина внутренние болезни перестали распознаваться на основе слепого опыта врача. Боткин внес в терапию экспериментальные, естественно-исторические методы изучения больных. Медицина стала рассматриваться им как полноправная ветвь естествознания, с точной методикой исследования. Впервые в мире Боткин соединил клинику с лабораторией и обеспечил научный физиологический подход к болезням.

И. П. Павлов считал Боткина олицетворением плодотворного союза медицины и физиологии.

Боткину принадлежит несколько важнейших открытий в клинической патологии и физиологии (функциональная зависимость между органами, периферическое сердце и пр.). На его лекциях, основанных на громадном клиническом материале, воспитывалось несколько поколений русских врачей.

Наиболее известным хирургом в России в конце XIX в. был один из пионеров антисептики, а затем асептики при операциях — Н. В. Склифосовский, возглавлявший в 70-х годах кафедру хирургии в Военно-медицинской академии, а с 1893 г. ставший во главе Института усовершенствования врачей. Склифосовский способствовал расширению этого единственного в своем роде учреждения.

С. П. Боткин. Мраморный бюст работы М. М. Антокольского. 1874 г.

Иностранные хирурги признавали, что этому Институту другие народы Европы завидуют. Собранный в Москве в 1897 г. XII Международный конгресс врачей единодушно избрал Н. В. Склифосовского своим президентом.

В области изучения детских болезней большие заслуги принадлежали Н. И. Быстрову и К. А. Раухфусу, а в области санитарии и общественной гигиены Ф. Ф. Эрismanу.

Важное значение имело открытие А. Г. Полотебновым зависимости кожных болезней от состояния нервной системы организма. Но это открытие было оценено врачами только много десятилетий позже.

С 1890 г. в Петербурге началась исследовательская деятельность Института экспериментальной медицины, объединившего виднейшие научные силы страны (И. П. Павлов и др.).

Необычайных успехов достигла во второй половине века физиология. Во главе научного движения в этой области биологии стояли русские физиологи.

Основателем русской физиологической школы должен быть по праву назван И. М. Сеченов. По окончании в 1847 г. Инженерного училища молодой саперный офицер, увлеченный демократическими идеями Белинского и Герцена, не пожелал служить в николаевской армии и поступил в Московский университет. С 1860 г. он уже преподавал в Медико-хирургической академии.

В Петербурге Сеченов примыкал к той части демократически настроенной разночинной интеллигенции, которая своим духовным вождем считала Чернышевского. Чернышевский хорошо знал и уважал Сеченова. Многие черты этого ученого запечатлены в знаменитом романе «Что делать?» в образе Кирсанова.

Враг самодержавия, страстный борец с суеверием и невежеством, Сеченов всю жизнь оставался верен идеалам освободительного движения и потому до самой смерти находился под неусыпным надзором полиции. Дважды ему приходилось покидать Петербург (в 1870 и 1890 гг.). В 1870—1876 гг. он преподавал в Одессе, а с 1890 г. в Московском университете.

Уже на первых лекциях Сеченова обнаружился характер задач, поставленных перед физиологией молодым ученым. Изучая влияние алкоголя на мышцы и нервы, определяя процентное содержание газов в крови, экспериментируя с животным электричеством, Сеченов неуклонно вел линию на сближение биологии с физикой и химией, связывал физиологические процессы с физико-химическими для того, чтобы подтвердить идею материальности животного мира и отсутствие в нем какой-либо сверхъестественной «жизненной силы», доказать возможность изучения этого мира научными методами.

Для судеб русской физиологии имело решающее значение открытие Сеченовым особых центров в мозгу, тормозящих спинномозговые рефлексы. Открытие центрального торможения явилось первой ступенью изучения психических явлений методами научного эксперимента. Из этого открытия и родилась знаменитая книга Сеченова о физиологических основах высшей нервной деятельности.

П. П. Паллас. Фотография, 50-е годы XIX в.

Весьма знаменательно, что свой научный труд молодой ученый послал в «Современник» — центр передовой науки того времени. Царская цензура запретила печатать эту популярно написанную работу в доступном для широких читательских кругов журнале и заставила заменить всем понятное название работы «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физическую основу» более «ученым» заглавием — «Рефлексы головного мозга».

Напечатание этой статьи в «Медицинском вестнике» (1863) составило целую эпоху в русской психологии. Создание И. М. Сеченовым учения о рефлексах головного мозга И. П. Павлов рассматривал как гениальный взмах русской мысли.¹

«Рефлексы головного мозга» заложили материалистическую традицию русской физиологии и на десятки лет определили пути исследования важнейшей проблемы биологии и философии — проблемы сознания.

В своей книге Сеченов обосновал естественно-научное, материалистическое понимание мышления. Порой Сеченов близко подходил и к объяснению сознания как продукта общественно-исторического развития, но последовательного решения этого вопроса он, конечно, дать еще не мог.

Материалистическая основа учения Сеченова вызывала злобу и ожесточение всех врагов революционно-демократического лагеря. На Сеченова ополчились и высшие правительственные бюрократы в лице министра внутренних дел Валуева, и другие защитники идеализма — Страхов и Кавелин. Против книги Сеченова было возбуждено судебное преследование. Запрет с нее сняли только из боязни упрочить ее популярность.

В статье «Кому и как разрабатывать психологию?» (1873), в книге «Элементы мысли» (1878), статьях 90-х годов Сеченов блестяще защитил от нападков идеалистов физиологический метод разработки проблем мышления.

Одновременно он остро критиковал вульгарных материалистов с их грубым, антинаучным представлением о мысли, рождающейся в головном мозгу подобно желчи в печени.

Объяснение работы мозга Сеченов видел в открытом им явлении рефлексов, под которыми он понимал отражательную реакцию организма на воздействие внешней среды. Самая мысль рассматривалась им как особого вида рефлекс.

Однако Сеченов не сводил мышления к одним только рефлексам. Он протестовал против передержек Кавелина, приписывавшего ему отождествление психических факторов с рефлексами.

Изучая методом рефлексов материальный субстрат психических явлений — мозг, Сеченов сделал первую в науке попытку детерминизировать деятельность человеческого мозга.

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, 1954, стр. 15.

Это был блестящий успех в ту пору, когда идеалистически мыслящие ученые все еще чисто умозрительно рассуждали о душе.

Изучая духовную жизнь человека в единстве с окружающим его миром, с условиями его существования, рассматривая психические процессы в их развитии, в их взаимной обусловленности, Сеченов ставил перед научной психологией проблемы, во многом не разрешенные и по сию пору.

Большое значение для русского естествознания, а также для русской классической философии имела защита Сеченовым материалистической теории познания.

Следует особо отметить, что Сеченов догадывался о решающей роли речи в развитии мышления, был близок к выводу о том, что мышление происходит в словесно-речевой форме.

Несмотря на ряд ошибок механистического характера и недооценку социально-исторической обусловленности психики, вклад Сеченова в физиологию высшей нервной деятельности нельзя не признать основополагающим для всего будущего русской физиологии.

«Исходную точку для наших исследований я отношу к концу 1863 г., к появлению известных очерков Сеченова „Рефлексы головного мозга“, — писал корифей русского естествознания И. П. Павлов. — К чести русского ума нужно сказать, что Сеченов первый начал научное изучение психических явлений».¹

Сеченовские идеи в физиологии развивал во второй половине века его ученик профессор Петербургского университета Н. Е. Введенский, которым на 15—20 лет раньше, чем на Западе, был открыт ритмический характер электрических колебаний при первом возбуждении в мышцах. Введенский разрабатывал учение о торможении в периферической нервной системе.

В физиологической лаборатории клиники Боткина начал свои знаменитые исследования один из корифеев русского естествознания И. П. Павлов, окончивший Петербургский университет (1875), а затем Медико-хирургическую академию (1879).

В 70—80-х годах он приступил к изучению организма в его естественном состоянии. Он исследовал иннервацию сердца (им был открыт «нерв Павлова») и в начале 90-х годов приступил к принесшим ему мировое признание опытам по физиологии пищеварения при помощи разработанного им метода слюнной и желудочной фистул.

В 1890—1891 гг., на 41-м году своей жизни И. П. Павлов получил собственную лабораторию и сразу два профессорских места — профессора фармакологии (впоследствии физиологии) в Военно-медицинской академии и заведующего физиологическим отделом Института экспериментальной медицины.

Новые пути в биологии пролагал и замечательный русский ученый и педагог П. Ф. Лесгафт, создавший основы функциональной анатомии. В 80-х годах он

¹ И. П. П а в л о в, Полное собрание сочинений, т. I, 1940, стр. 381.

Группка ученых — участников первого съезда русских естествоиспытателей. Фотография, 1867 г.

преподавал в Петербургском университете и на Высших женских курсах. Его подход к своей науке был совершенным переворотом в тогдашних представлениях о задачах анатомии. «Читая анатомию, — вспоминали его слушатели, — он давал нам знание жизни. Мы учились понимать... условия жизни человека».¹

Лесгафт был убежденным сторонником материалистических взглядов и в общих вопросах биологии. Он первый решительно выступил в 1889 г. против теории Вейсмана о неизменности наследственных свойств.

Организованная в 1893 г. Лесгафтом в Петербурге биологическая лаборатория, издававшая собственные «Известия», была одним из важных центров передовой русской биологической науки.

ТЕХНИКА

Переход России к капиталистическому развитию требовал введения новых технических средств, коренного переворота в технике во всех отраслях производства.

¹ Г. Г. Шахвердов, П. Ф. Лесгафт, Л., 1950, стр. 5.

«Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка», — писал об этом периоде В. И. Ленин.¹

Наиболее благоприятные условия в России для этого технического переворота к началу 60-х годов XIX в. сложились в столице империи — в Петербурге.

Петербург был одним из крупнейших промышленных центров. Именно здесь находились главные предприятия машиностроения, этой основы основ для развития крупной машинной индустрии. Вместе с тем Петербург был важнейшим узлом водных и сухопутных путей страны.

Серьезное значение для развития технической мысли имело то немаловажное обстоятельство, что в Петербурге оказались сосредоточенными основные кадры ученых, работавших в области технических наук.

К 1861 г. именно в Петербурге находились все высшие технические учебные заведения страны: Горный институт, Институт инженеров путей сообщения, Технологический институт, Институт гражданских инженеров. Только здесь были и такие специальные высшие технические учебные заведения, как Артиллерийская, Инженерная и Морская академии. Важные работы, способствовавшие развитию техники, выполнялись учеными Петербургского университета. Вместе с тем в эти годы снизилась роль Академии Наук в деле развития техники. Именно в рассматриваемый период в ряды ее академиков царским правительством не был допущен Д. И. Менделеев.

После поражения царизма в Крымской войне все более существенное значение начала приобретать новая сила развития технических наук — научно-технические общества, организованные учеными и инженерами.

В 1866 г. в Петербурге возникло Русское Техническое общество, насадившее затем свои отделения во многих промышленных городах страны. Вопросами развития техники занимались и другие общества, среди них Русское Химическое общество, основанное в 1869 г. Н. Н. Зининым, А. М. Бутлеровым, Д. И. Менделеевым и другими учеными, последовательно борющимися за связь теории и практики.

Одним из важных общественных начинаний стал созыв съездов русских естествоиспытателей и врачей.² Наряду с промышленными выставками³

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 524.

² В 1867 г. в Петербурге состоялся I Всероссийский съезд естествоиспытателей. Здесь же в 1879 г. состоялся один из съездов, деятельное участие в котором принимали русские ученые, работавшие в области техники. Значительно чаще организовывались съезды предпринимателей, как, например, I Всероссийский съезд фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся промышленностью (СПб., май 1870 г.), съезды представителей железных дорог (с 1870 г.), Съезд главных по машиностроительной промышленности деятелей (1875), Съезд железоделателей (1885), I цементный съезд (1885) и др.

³ Выставка мануфактурных произведений (1861), выставка Русского Общества пароходства и торговли (1870), Всероссийская мануфактурная выставка (1870) и др.

в Петербурге устраивались по общественному почину технические выставки.¹

Передовые ученые, работавшие в Петербурге, систематически поддерживали связь с учеными Москвы, Казани, Харькова, Киева и других научных центров, постоянно совершали поездки на Урал, в Донбасс, на Алтай, в Сибирь, давая там необходимые консультации и совершенствуя свой технический опыт. Так, научные основы теории резания металлов создавались профессором Петербургского горного института И. А. Тиме в результате его пребывания на Луганском заводе в Донбассе.² Классическим примером значения для науки и техники работы в промышленных центрах навсегда останутся поездки Д. И. Менделеева из Петербурга в нефтеносные районы страны, в Донбасс и на Урал. Именно на основе работ на донецких и уральских каменноугольных месторождениях Д. И. Менделеев разработал идею подземной газификации углей, впоследствии названной В. И. Лениным «одной из великих побед техники».³

Передовые ученые и инженеры, работавшие в Петербурге, постоянно поддерживали связь с зарубежными деятелями науки и техники, посещали заграничные заводы, принимали участие в зарубежных съездах, изучали выставки. Отчеты об иностранных технических съездах и промышленно-технических выставках систематически печатались в журналах, выходивших в Петербурге.⁴ Особенно тщательно следило за международными выставками Русское Техническое общество, в изданиях которого систематически помещались обзоры технических достижений, представленных на всемирных выставках в Париже, Лондоне, Вене.⁵

¹ Выставка придворных растений и механизмов для их обработки (1874), Первая электро-техническая выставка (1880; такие же выставки были в 1885 и 1892 гг.), техническая выставка в Собрании инженеров путей сообщения (1884), выставка предметов освещения и нефтяного производства (1887), выставка при I съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России (1889), Гальванопластическая выставка в память 50-летия открытия гальванопластики академиком Б. С. Якоби и др. Большинство технических выставок было организовано Русским Техническим обществом.

² И. А. Тиме выполнял в механических мастерских Луганского завода опыты и исследования излещий, возникающих при резании металлов. Результаты исследований он обобщил в трудах: «Сопротивление металлов и дерева резанию» (1870) и «Мемуар о строгании металлов» (1877).

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 41—42.

⁴ Всемирная выставка 1862 г. в Лондоне обстоятельно была освещена в приложениях к журналу «Промышленность» за 1862—1863 гг. Парижская всемирная выставка 1867 г. получила широкое освещение в «Инженерном журнале» (1867, кн. 9). И. А. Тиме опубликовал в приложении к «Горному журналу» за 1890 г. (172 стр. и 17 лл. чертежей) обзор технических новинок на Парижской всемирной выставке 1889 г. и т. д.

⁵ См. помещенные в «Известиях Русского Технического общества» обзоры технических иностранных и русских экспонатов на Лондонской всемирной выставке 1871 г., Вейской всемирной выставке 1873 г., Лондонской международной выставке 1874 г., Амстердамской выставке 1883 г. и др.

Передовые ученые и инженеры, работавшие в Петербурге, стремились расширить и углубить подготовку русских специалистов, создавали общественные организации для этой цели, приступили к созыву съездов по техническому образованию.¹

Существенное значение для развития техники и технических наук имело расширение выпуска специальной литературы. Петербург был основным центром в деле ее подготовки и издания. Здесь печаталась подавляющая часть технических книг. Здесь были изданы классические труды Д. И. Менделеева, П. Л. Чебышева, Н. П. Петрова и многие другие. Здесь печаталось большинство технических журналов; среди них такие старейшие органы, как «Горный журнал», «Инженерный журнал», «Морской сборник», «Артиллерийский журнал», «Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий», сменившийся с 1865 г. «Журналом Министерства путей сообщения».² В 1861—1895 гг. в Петербурге появилось около 60 новых технических журналов. Однако подавляющее большинство их, издававшихся частными лицами, существовало недолго.³ Иначе обстояло дело с журналами, выпускавшимися общественными организациями. Наряду с «Записками Русского Технического общества» (1867—1919) длительное время выходили также периодические издания, как «Известия Общества технологов» (1894—1914), «Известия общества гражданских инженеров» (1895—1909), «Русское судоходство» (1896—1916).

В связи с интересом к новейшим направлениям в технике в Петербурге начинает выходить ряд специальных журналов. Неоднократно предпринимались попытки выпуска новых журналов в связи с такой повинкой для того времени, как фотографии.⁴

Очень рано появился первый в Петербурге журнал, посвященный вопросам авиации: «Воздухоплаватель» (1880—1883). Откликом на возникновение электротехники был выход ряда журналов⁵ во главе с «Электричеством», издающимся с 1880 г. по сей день.

¹ В 1889 г. Русское Техническое общество созвало в Петербурге I съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. Второй съезд состоялся в Москве.

² Помимо названных ведомственных журналов в эти годы начали выходить «Известия С.-Петербургского практического технологического института» (1877—1916), «Сборник Института инженеров путей сообщения» (1884—1916), «Почтово-телеграфный журнал» (1892—1916).

³ Большая часть измеряла свое существование всего лишь одним годом: «Строитель, механик и технолог» (1860—1861), «Портфель инженер-технолога» (1865), «Типографический журнал» (1867—1869), «Листок сведений техники, изделий и искусств» (1870) и т. п. Кратковременным было и издание журналов, предназначенных для освещения новостей в технике: «Иллюстрированный технический обзор новейших открытий, изобретений и усовершенствований по всем отраслям заводско-фабричной промышленности» (1883—1886).

⁴ «Фотограф» (1864—1866), «Фотографическое обозрение» (1865—1870), «Фотографический вестник» (1870), «Фотограф» (1880—1884) и др.

⁵ «Газета электрика» (1889—1890), «Электрический вестник» (1894—1905).

Все эти журналы выпускались в порядке общественной инициативы. Журналы, издававшиеся правительственными учреждениями, не смогли обеспечить даже публикацию привилегий на изобретения. Издание последних взяло на себя Русское Техническое общество.

В Петербурге решались и самые судьбы изобретателей, рассматривались изобретения и выдавались на них привилегии. Поэтому сюда постоянно стремились русские изобретатели — новаторы техники. Как правило, враждебно и холодно встречал их чиновничий и капиталистический Петербург, где подавляющая часть привилегий на изобретения выдавалась иностранцам, располагавшим большими капиталами.

Именно здесь не сумели оценить и использовать великие открытия и изобретения А. Н. Лодыгина, П. Н. Яблочкова, А. Ф. Можайского, которыми теперь гордится наша страна.

Такое положение вызвало у одного из выдающихся техников старого Петербурга П. А. Зарубина горькие слова в связи с его изобретательской деятельностью: «Я увидел, наконец, необходимость: или оставить навсегда подобные занятия, несмотря на их очевидную пользу, или быть страдательной жертвою обстоятельства и находиться в постоянной борьбе с нуждою и препятствиями, которые, как на беду человека, наиболее всего встречаются в общепольном... Несчастье есть удел почти всех изобретателей».¹

Подвергаясь лишениям, преодолевая многочисленные преграды, передовые деятели, вопреки всем трудностям, неуклонно стремились обогатить своей творческой мыслью все области техники и промышленности. В их рядах стояли не только выдающиеся инженеры и ученые, но и рядовые рабочие. Достаточно напомнить о том, что произошло в 1868 г., когда обнаружился такой недостаток в рельсах, что на основной тогда Николаевской ж. д. возникла угроза полной оста-

П. Н. Яблочков. Рисунок с фотографии 70-х годов XIX в.

¹ А. К о ж у х о в. Павел Алексеевич Зарубин. Русский художественный листок, 1862, № 32, стр. 135.

новки движения. За 18 дней был налажен прокат рельсов на Путиловском заводе, начавшем катать по 5000 пудов в сутки.¹

Очагом технического прогресса являлись петербургские заводы: Путиловский, Петербургский металлический, Балтийский судостроительный, Обуховский сталелитейный, Невский механический, Нобеля (ныне «Русский дизель») и др.

Отвечая на жизненную потребность страны в возможно большем распространении паровых машин, петербургские ученые и инженеры выполнили большую работу по их изучению, установлению научных основ проектирования и эксплуатации, а также улучшения технико-экономических показателей работы двигателей.

В 1853 г. П. Л. Чебышев опубликовал в Петербурге классический труд: «Теория механизмов, известных под названием параллелограммов». В этой работе впервые была дана теория параллелограмма, введенного в паровых машинах еще Джемсом Уаттом в 80-х годах XVIII в. До Чебышева эту задачу тщетно пытались решить несколько поколений ученых.

В 1858 г. в Петербурге был напечатан А. А. Доброуравовым первый в России труд по научному проектированию паровых машин.² В дальнейшем в этом направлении работали И. П. Алымов, Н. П. Петров и другие, внесшие значительный вклад в развитие как паровых машин, так и паровых котлов.

Классический труд по теории регулирования, сыгравший огромную роль в развитии паровых и других машин, создал в 1877 г. профессор Петербургского технологического института И. А. Вышнеградский. В Петербурге были выполнены в те годы и другие важные работы, направленные на изучение процессов, происходящих в паровых машинах: И. А. Вышнеградским, М. Ф. Окатовым, Ф. Е. Орловым — по термодинамике; Б. Б. Голицыным, С. Я. Терешинным — по теории теплопередачи.³

Русские изобретатели, инженеры и ученые, работавшие в Петербурге, выполнили, вместе с учеными всей страны, значительную работу для развития паровых железных дорог и парового водного транспорта. В 1858 г. в Петербурге построили первые паровозы с колесной формулой 0—4—0, а в 1874 г. — первые товарные паровозы типа 1—3—0. В 1892 г. специальная комиссия, работавшая в Петербурге, приняла в качестве образцовых паровозы-компаунд, которые начали строить в России с 1890 г.

Большое значение имело создание Н. П. Петровым в 1873 г. в Институте инженеров путей сообщения в Петербурге первой кафедры подвижного состава

¹ П. Н. Столпнянский. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704—1914 гг. Л., 1925, стр. 154—155.

² А. А. Доброуравов. Общая теория паровых машин и паровозов. СПб., 1858.

³ С. С. Кутателадзе и Р. В. Цукерман. Очерк развития теории теплоты в работах русских ученых XVIII—XIX столетий. М.—Л., 1949, стр. 126—127.

железных дорог. В последней трети XIX в. Н. П. Петров создал классические труды о зубчатых колесах, о непрерывных тормозных системах, о прочности рельсов, о взаимодействии пути и рельсов, о силе тяги паровоза. Тяговые расчеты, созданные им, сыграли огромную роль в развитии железнодорожной техники и сохранили свое значение до наших дней. Еще большую известность получили его исследования трения в машинах, приведшие к созданию общепринятой теперь гидродинамической теории смазки. На теорию Н. П. Петрова и его формулы, разработанные в Петербурге, опираются теперь машиностроители во всех странах мира.¹

В Петербурге же разрабатывались научные основы современной техники мостостроения. Здесь еще в первой половине XIX в. строитель мостов Николаевской ж. д. Д. И. Журавский написал классический труд по мостостроению. Русские инженеры на протяжении многих лет руководствовались теорией и практическими приемами расчета решетчатых ферм, впервые разработанными Журавским.²

Продолжая его начинание, особенно значительных успехов достигли во второй половине XIX в. петербургские мостостроители во главе с профессором Петербургского института путей сообщения Н. А. Белелюбским, автором сотен проектов оригинальных железнодорожных мостов. Он первым ввел в практику мостостроения свободные балки, первым применил литую сталь в мостостроении, разработал русский метрический сортамент прокатного железа, основал первую русскую лабораторию для испытания строительных материалов. На основе трудов Н. А. Белелюбского и А. Р. Шуляченко было создано в России производство цемента, превосходящего по качеству иностранный.

Выдающийся вклад в развитие строительной техники внес М. Н. Герсеванов, профессор (в дальнейшем директор) Петербургского института инженеров путей сообщения. В 1861—1862 гг. он опубликовал «Лекции о морских сооружениях» — первое на русском языке обобщающее исследование по морской строительной технике. Книга Герсеванова стала практическим руководством для русских строителей, создавших в те годы важнейшее в Петербурге морское инженерное сооружение.

Город, обычно называвшийся морским портом, до этого строительства был в действительности всего лишь речным портом. Из-за мелководья в Финском заливе у устья Невы морские суда с их глубокой осадкой не могли идти далее,

¹ Н. П. П е т р о в. Гидродинамическая теория смазки. Избранные работы. Изд. АН СССР, 1948, стр. 506—535.

² В своем труде, отмеченном в 1855 г. Демидовской премией, Д. И. Журавский обоснованно писал: «Исследование балок, состоящих из брусьев, раскошенных и связанных между собой, было сделано в России, прежде чем о том было напечатано на английском, французском или немецком языках» (Н. М. Б е л л е в. Дмитрий Иванович Журавский. В кн.: Люди русской науки, т. II, М.—Л., 1948, стр. 910).

чем в Кронштадт. Здесь и находился морской порт, оторванный от Петербурга, что очень тормозило развитие транспортных операций, значительно повышало их стоимость. В 1878 г. началась постройка Петербургского морского канала. Проложив его от Кронштадта путем углубления морского дна, канал оградили мощными дамбами на подступах к городу. С 1885 г. морские суда пошли мимо Кронштадта непосредственно в Петербург. Значительные работы были выполнены в 1886—1892 гг. по расширению портовых сооружений в городе, углублению Большой Невы и ее рукавов. Резко возросло количество судов, приходящих по Морскому каналу в город.¹

А. А. Тилло, В. Ф. Пруссак и другие в эти годы разработали для защиты города от наводнений проекты, оставшиеся, однако, неосуществленными. В. Е. Тимонов, автор многих работ, посвященных портам, водоснабжению, водостокам, положил в 1887 г. на Балтийском море начало сооружению молов из массивов и в 1889 г. здесь же произвел первые морские землесосные работы. В 1903 г. он создал при Институте путей сообщения первую гидротехническую лабораторию.

Особенно выдающиеся технические успехи были достигнуты в Петербурге в создании морских кораблей, в том числе подводных. Балтийский, Адмиралтейский и другие судостроительные заводы стали центром передового кораблестроительного опыта.

Русские ученые, опираясь на производственный опыт и теоретические исследования, выполнили большую работу для создания научных принципов кораблестроения. С. О. Макаровым были заложены основы учения о непотопляемости судов, впоследствии детально разработанного знаменитым кораблестроителем А. Н. Крыловым.

Одновременно с выдающимися русскими учеными успешно двигал вперед технику русского флота замечательный судостроитель, вышедший из рядов рабочего класса — П. А. Титов. Сын пароводного машиниста (отец его был родом из яванских крестьян), он овладел знаниями непосредственно во время работы на русских верфях. Накопить знания ему помогали такие передовые деятели, как А. Н. Крылов и Н. Е. Кутейников.

С двенадцати лет П. А. Титов работал сперва на Кронштадтском пароводном заводе, затем в корабельной мастерской Невского завода. Здесь он настолько выдвинулся, что будучи еще очень молодым, занял должность корабельного мастера. Он успешно строил боевые корабли, подводные лодки и выполнял многие другие ответственные работы. Составленные этим талантливым инженером-самоучкой проекты броненосцев получили первую и вторую премии на конкурсе, объявленном Морским министерством в 90-х годах.

¹ В 1898 г. в Петербургском морском порту побывало 5279 судов с суммарной грузоподъемностью около 1800 тыс. т.

Руководитель кораблестроения французского флота де-Бюсси после тщательного ознакомления с техническими приемами и методами строительства корабля, которые применял П. А. Титов, сказал: «И сорок восемь лет строил суда французского флота, я бывал на верфях всего мира, но нигде я столь многому не научился, как на этой постройке».¹

Одновременно с работой для развития техники сухопутного и водного транспорта в Петербурге были осуществлены выдающиеся начинания для создания воздухоплавания. Д. И. Менделеев, М. А. Рыкачев и другие занимались разработкой теории и практики в этой области. Многие изобретатели предлагали свои конструкции самолетов и управляемых аэростатов.

Особенно успешной была работа А. Ф. Можайского,² предварительно изучившего полет птиц, испытывавшего воздушные змеи, строившего летающие модели. В 1877—1880 гг. он исследовал возможность постройки самолета и разработал его проект. В 1881 г. он получил привилегию на свое изобретение. К середине 1882 г. он закончил постройку самолета, имевшего все основные элементы современных воздушных машин. А. Ф. Можайский навсегда останется в истории как создатель первого самолета. А. Ф. Можайского поддерживали такие передовые деятели, как Д. И. Менделеев. Но правящие круги не захотели оказать ему должную помощь. Они не поддержали и других русских изобретателей самолетов, дрижаблей, геликоптеров.

В 1881 г. пародовольцем Н. И. Кибальчицем была составлена первая в мире схема летательного реактивного аппарата. Но Кибальчич погиб на виселице вместе со своими товарищами, а его проект на много десятков лет был погребен в жандармском архиве.

Правящие классы царской России отказывали в поддержке даже таким величайшим ученым, как Д. И. Менделеев.

Для своих опытов по воздухоплаванию Менделеев вынужден был собирать средства «через продажу и распространение печатаемых им книг». Работы же его имели первостепенное значение. Он выдвинул идею создания стратостата, обогатил воздухоплавание и авиацию многими важными открытиями и изобретениями.

О классической книге Д. И. Менделеева «О сопротивлении жидкостей и воздухоплавании», изданной в 1880 г., Н. Е. Жуковский впоследствии писал: «Русская литература обязана ему капитальной монографией по сопротивлению жидкостей, которая и теперь может служить основным руководством для лиц, занимающихся кораблестроением, воздухоплаванием или баллистикой».³

¹ А. И. К р ы л о в. Мои воспоминания. Изд. АН СССР, 1945, стр. 85.

² Александр Федорович Можайский — создатель первого самолета. Сборник документов. Изд. АН СССР, 1955, стр. 5—14.

³ Н. Е. Ж у к о в с к и й, Сочинения, т. IX, 1937, стр. 417.

Н. Е. Жуковский справедливо отметил одну из основных особенностей, типичных для великих русских ученых. Даже ставя ограниченные по виду задачи, они давали решения, имевшие неизмеримо более широкое значение. Д. И. Менделеева в данном случае интересовало воздухоплавание, но в результате изысканий он дал общее решение, имеющее значение и для воздухоплавания, и для кораблестроения, и для артиллерийской техники. Решая по виду частные задачи, гениальный ученый разрабатывал самые общие основы науки.

Ученые, работавшие в Петербурге, решали основные задачи для развития и таких важных областей производства, как металлургия. Наиболее выдающаяся из этих работ была выполнена Д. К. Черновым. Базой для его открытий явился Обуховский сталелитейный завод, построенный в начале 60-х годов на левом берегу Невы.

На завод Д. К. Чернов перешел из Технологического института в 1866 г. Здесь он занялся изучением причины брака при производстве стальных пушек. Он установил, что структура стали изменяется в зависимости от термической обработки металла. В 1868 г. Чернов выступил в Русском Техническом обществе с докладом об открытых им закономерностях.

Д. К. Чернов впервые показал, что при нагревании стали в ней происходят в определенные критические моменты особые превращения — изменяются ее строение и свойства. Эти критические моменты теперь знают во всех странах мира под названием «точек Чернова».

Идеи, выдвинутые Д. К. Черновым, были столь революционными, что они встретили возражения со стороны некоторых крупных ученых. Зная об этом, он закончил свой доклад словами: «Что касается вообще до проводимых мною идей, то я уже получил упреки в том, что слишком смело высказываю свои выводы; но пусть же я покажусь смелее и выскажу окончательное заключение из своих наблюдений в следующих словах: вопрос о ковке стали при движении его вперед не сойдет с того пути, на который мы его сегодня поставили».¹

Жизнь полностью подтвердила правильность этих слов. На основе открытий Д. К. Чернова выросла и развивается вся современная наука о металле. Д. К. Чернов навсегда останется в истории как автор теории термической обработки металла, основоположник теории кристаллического строения металлов и сплавов. Он первым предложил применять спектральный анализ при производстве стали. Впервые доказав целесообразность перехода к фасонному литью, он открыл один из важных путей для развития техники, все более переходящей от простой отливки слитков к литью готовых изделий.

Великий русский металлург не был одиноком в своей борьбе за развитие науки о металле, которую он упорно вел в царской России, не останавливаясь

¹ Д. К. Чернов и наука о металлах. Под редакцией акад. Н. Т. Гуднова. Л.—М., 1950, стр. 165.

перед многочисленными препятствиями, не смущаясь самыми неблагоприятными условиями. Одним из его современников был Н. В. Калакуцкий, выполнивший, в связи с необходимостью перевооружения русской армии, большую работу для развития производства стали для ружейных и пушечных стволов. Он опубликовал в 1887 г. книгу «Исследование внутренних напряжений в чугунах и сталях», обобщив в ней результаты своих многолетних изысканий. Н. В. Калакуцкий открыл наличие в металлических изделиях двух видов внутренних напряжений: полезных — скрепляющих и вредных — разрушающих. Разработав приемы точного вычисления внутренних напряжений, он нашел способы увеличивать полезные и уменьшать вредные напряжения, резко сократив расход металла. Его книга была переведена в 1888 г. в России, переводы ее публиковались в других странах.¹

Ученые и инженеры, работавшие в Петербурге, очень много сделали и для развития той области, о которой справедливо писал в 1885 г. крупный ее представитель П. П. Алексеев: «Ни один из отделов естествознания не находится в России на такой степени развития и не стоит так твердо, как химия».² Однако в царской России творчество русских ученых из-за недостаточного развития химической промышленности не было должным образом использовано для практических нужд, хотя они обогатили своими вкладками все ее отрасли.

Во второй половине XIX в. химическая промышленность начала развиваться относительно быстро. За 1877—1897 гг. стоимость производимых химических продуктов возросла более чем в 12 раз.³ Но все же развитие химической промышленности резко отставало от нужд страны, подавляющее большинство заводов представляло собой мелкие, полукустарные предприятия. При производстве отечественных химических продуктов в 1880 г. на 8 млн руб. пришлось ввезти этих же продуктов из-за границы еще на 29 млн руб.⁴

Неблагоприятно отражалось на использовании результатов работ русских химиков также то, что на некоторых заводах возможность их работы была исключена. Так, в 1875 г. в Петербурге был открыт ставший впоследствии крупным предприятием Тентелевский химический завод (ныне «Красный химик»). Здесь вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции работали преимущественно иностранные специалисты.⁵

С таким положением не хотели примириться ученые во главе с Д. И. Менделеевым, не покладая рук работавшие для воспитания отечественных специалистов.

¹ Оба издания на русском языке вышли в Петербурге. За границей сочинение Н. В. Калакуцкого напечатано: Париж — в 1888 г., Лондон — в 1887—1888 гг., Навси — в 1888 г.

² *Новь*, 1885, т. II, № 5, стр. 142.

³ П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. М.—Л., 1948, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 151—152.

⁵ Там же, стр. 148.

Подготовка их осуществлялась в Петербургском университете и Технологическом институте, где в 1867 г. было открыто химическое отделение.

С целью обобщения опыта химической промышленности русские ученые публиковали сводные курсы. В 1851 г. в Петербурге был издан не имевший тогда в России себе равных «Курс химической технологии» П. А. Ильенкова. В дальнейшем сводные курсы по химической технологии печатались систематически. А. К. Крунский обобщил опыт русской химической техники в своей книге, изданной в Петербурге в 1873 г. под названием «О русских химических заводах в их домашней обстановке и внешних обстоятельствах».

Поколения русских техников воспитывались на изданиях в Петербурге трудах Д. И. Менделеева по стекольному, маслостроительному, мукомольному, крахмальному, сахарному, винокурению, плеснебумажному и другим производствам. Он внес много нового в производство искусственных удобрений, кислот, щелочей и других химических продуктов. С именем Менделеева связано введение нефтепроводов, непрерывной дробной перегонки нефти, ряда способов обработки и определения отдельных погоней. По его предложению было налажено производство из мазута смазочных масел, столь необходимых для крупной машинной индустрии. Еще в 1877 г. Менделеевым был намечен путь, приведший в дальнейшем к созданию русскими исследователями техники расщепления нефти. По этому пути уже шли современники Д. И. Менделеева. В 1875 г. А. А. Летний, работавший в Петербургском технологическом институте, опубликовал труд «Сухая перегонка битуминозных ископаемых. Нефть, минеральные масла, парафин и асфальт». В этой книге он показал на основании заводских наблюдений, что более легкие углеводороды образуются в результате перегрева паров тяжелых нефтяных продуктов. В 1878 г. А. А. Летний сообщил о получении им ценных летучих продуктов за счет расщепления при высокой температуре дешевой нефти и ее остатков. Исследования в этом направлении были завершены разработкой в 1890 г. В. Г. Шуховым техники расщепления или пиролиза нефти (крекинг-процесс), применяющейся и в настоящее время. В 1891 г. в Петербурге была выдана В. Г. Шухову привилегия на его изобретение.

Продолжая начинания Н. Н. Зинина, русские химики открывали новые важные реакции, применение которых вызывало к жизни новые промышленные отрасли. В 1881 г. профессор Лесного института в Петербурге М. Г. Кучеров открыл реакцию гидратации ацетилена, осуществляемой в присутствии в качестве катализатора уксуснокислых или сернокислых солей ртути.¹ Использование реакции Кучерова позволило создать десятки новых отраслей промышленности — от производства ледяной уксусной кислоты до изготовления специальных смол для пластмасс. В США, Англии, Франции, Германии, Норвегии и других странах

¹ В. В. Челышев и К. Б. Пиотровский. Пятидесятилетие одной химической реакции (реакция М. Г. Кучерова). Архив истории науки и техники, вып. 4, 1934, стр. 337—347.

выдано много патентов на применение реакции Кучерова для создания различных производств.

Значительная работа была выполнена в Петербурге учеными и изобретателями, изыскивавшими новые способы производства минеральных кислот, солей и щелочей, создававшими технику переработки сельскохозяйственных продуктов, развивавшими лесохимию, производство искусственных удобрений и другие отрасли технической химии.

Особое место в истории Петербурга занимают работы первых русских электротехников. Здесь на Одесской улице впервые начали гореть электрические лампы накаливания. Вспоминая об этом событии, один из его современников впоследствии писал: «Лампы накаливания были показаны публике в 1873 году. Не помню из каких источников, вероятно, из газет, узнали, что в такой-то день и час, где-то на Песках будут показаны публике опыты электрического

А. Н. Лодыгин. Фотография.

освещения лампами Лодыгина. Я страстно желал увидеть этот новый электрический свет... Вместе с нами шло много народу с той же целью — увидеть электрический свет. Скоро из темноты мы попали в какую-то улицу с ярким освещением. В двух уличных фонарях керосиновые лампы были заменены лампами накаливания, изливавшими яркий белый свет.

«Масса народа любовалась этим освещением, этим огнем с неба. Многие привесли с собой газеты и сравнивали расстояния, на которых можно было читать при керосиновом освещении и при электричестве. На панели между фонарями лежали провода с резиновой изоляцией толщиной в палец».¹

В том же году состоялась еще одна демонстрация нового источника освещения. На приглашениях, разосланных от имени Товарищества электрического освещения «Лодыгин и Компания», было написано: «Билет для входа на опыты электрического освещения по способу А. Н. Лодыгина 7 августа в 9 часов вечера

¹ Н. В. Попов. Памяти А. Н. Лодыгина. Электричество, 1923, № 12, стр. 644—646.

в Технологическом институте. Здесь были показаны электрические лампы накаливания, предназначенные для различных целей: уличные, комнатные, столовые, для освещения лестниц и коридоров. Специальные фонари были предложены для подводных работ, для каменноугольных шахт и пороховых заводов.

А. Н. Лодыгин успешно завершил длительный труд ученых разных стран, тщетно изыскивавших способы создания ламп накаливания. Привилегия, выданная ему «11 июля 1874 г., на десять лет, по прошению от 2-го октября 1872 г.», официально удостоверяла, что именно к последней дате относится изобретение им первой электрической лампы накаливания, пригодной для практических целей. Его лампы были использованы для освещения магазина на Большой Морской улице (ныне улица Герцена), для работ в кессонах при постройке Литейного моста через Неву. Академия Наук в 1874 г. присудила А. Н. Лодыгину Ломоносовскую премию. И все же условия в царской России оказались столь неблагоприятными, что Лодыгину пришлось, в надежде широко применить свое изобретение, уехать за границу, где только через семь лет (в 1879 г.) аналогичными лампами, также с угольной нитью, занялся Т. А. Эдисон. За границей А. Н. Лодыгин осуществил еще одно важное изобретение, применив металлические нити в лампах накаливания.

Из царской России пришлось уехать и П. Н. Яблочкову, изобретшему в 1876 г. первый источник электрического освещения, очень быстро получивший всеобщее распространение от Парижа и Лондона до Тегерана и Камбоджи. Многие места в Петербурге были освещены знаменитой свечой Яблочкова. О первом применении ее в столице писали в 1878 г.: «Во вторник 21 ноября производились первые в Петербурге опыты над освещением по способу г. Яблочкова. Опыты эти, произведенные в Михайловском манеже в сумерки, после 4-х часов, можно считать вполне удавшимися».¹ 4 декабря того же года электрические свечи Яблочкова использовали для освещения Мариинского оперного театра. В дальнейшем свечи Яблочкова были применены для освещения Литейного моста, на Охтенском пороховом заводе, на боевых кораблях, на Балтийском, Путиловском, Ижорском заводах и в других местах.

Решив в связи с применением электрической свечи много важнейших общих задач, П. Н. Яблочков дал своим изобретением мощный толчок развитию электротехники.

Русские электротехники решили в те годы много других сложных и важных задач, связанных для Петербурга с именем В. Н. Чиколева, Д. А. Лачинова и других выдающихся инженеров и ученых. В 1882 г. Н. Н. Бенардос, живший в то время в Петербурге, изобрел способ электросварки. В 1892 г. в Петербурге вышел из печати первый научный труд по электрической сварке — книга Н. Г. Славянова, разработавшего свой знаменитый способ применения электрической дуги

¹ Русский инвалид, 1878, 24 ноября, № 260, стр. 4—5.

для сварки металлов. В 1895 г. в Петербурге же были напечатаны материалы, показавшие отличные качества сварки разных металлов по способу Славянова. Работы П. Н. Бенардоса и Н. Г. Славянова очень быстро получили мировое признание.

Русские электротехники, работавшие в Петербурге, очень рано начали борьбу за создание электрических станций. Решающее значение с технической точки зрения имело то, что П. П. Яблочков и В. Н. Чиколев разработали, как тогда говорили, «дробление света» — питание от одного электрического генератора многих источников освещения. В 1880 г. Ф. А. Пироцкий подал в Городскую управу свой проект электрической станции для освещения Петербурга. Постройка ее была намечена близ Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) на площади у Казанского собора.

В 1882 г. началось строительство станции, прокладка кабеля на Невском проспекте. Строительство, однако, было сорвано. Духовенство, сперва соглашавшееся, категорически воспротивилось сооружению станции у Казанского собора. Сорванным оказалось и строительство, начавшееся в новом месте: на Марсовом поле у берега р. Мойки.

Для первой электрической станции тогда не смогли получить в городе, в прямом смысле слова, ни одной пяди земли. И эту трудность сумели преодолеть энтузиасты нового замечательного дела. Инженер-технолог А. А. Троицкий вместе с техниками Поповым и Левиным, машинистами и кабельными мастерами приступил к строительству, отказавшись от мысли использовать для станции хотя бы самый малый участок земли. Первая электрическая станция для освещения Петербурга была сооружена на воде — на барже, стоявшей на р. Мойке.

Станция была построена в 1883 г. за очень короткий срок.¹ В октябре только началось строительство, а 30 декабря станция с установленной мощностью 35 квт (постоянный ток) вступила в строй. Невский проспект получил электрическое освещение.

Пришвартованная цепями к набережной баржа, на которой помещалась электрическая станция, стояла на р. Мойке в нескольких десятках метров от Невского проспекта (возле моста, называемого теперь Народным).

Строители во главе с А. А. Троицким, вынужденные установить станцию на воде, оснастили ее хорошим оборудованием, решили много важных технических задач, претворяя в жизнь самые передовые идеи того времени. Техничко-экономические показатели работы станции были по тому времени высокими. Она была сооружена столь надежно, что успешно работала почти до конца столетия.

В 80-х же годах в Петербурге началось строительство многих других, все еще небольших электрических станций, создателями которых были Н. В. Смирнов, Н. П. Будыгин и др. В 1890 г. В. П. Гриневич построил в Царском Селе централь-

¹ Известия С.-Петербургской городской думы, 1885, т. 77, стр. 250—260.

ную электростанцию однофазного переменного тока. В 1895—1896 гг. на Охтенском заводе в Петербурге была сооружена Р. Э. Классоном и В. Н. Чиколевым первая центральная электростанция трехфазного тока высокого напряжения. К 1897 г. в Петербурге уже насчитывалось 164 электрических станции с паровыми машинами, развивавшими 19 235 л. с.¹ Все это были в конечном счете небольшие станции, расширявшие производство электроэнергии и недостаточные по мощности для обслуживания города. Основные станции, построенные русскими инженерами, принадлежали представителям иностранного капитала. Никий уровень машиностроения в царской России проявился в том, что на машинах, аппаратах и приборах пестрели марки иностранных фирм.

По вине крепостников и капиталистов, хозяйничавших в стране, не были осуществлены самые смелые замыслы русских ученых и инженеров, постоянно выступавших с замечательными предложениями и проектами.

Еще в 1874—1875 гг. Ф. А. Пироцкий, работавший в Петербурге, выдвинул идею создания электропередач на большие расстояния. Опыты, произведенные на Волковом поле, подтвердили его предположения. Свои мысли он изложил в статье «О передаче работы воды как движителя, на всякое расстояние посредством гальванического тока».² В 1876 г. он произвел первые опыты электропередачи по рельсам на железнодорожной ветке, шедшей от станции Сестрорецк к пристани. Последующие работы Ф. А. Пироцкого привели его к мысли создать электрический рельсовый транспорт для городских нужд.

В 1880 г. во многих петербургских газетах появились сообщения о том, что на углу Болотной улицы и Дегтярного переулка успешно прошли опыты Ф. А. Пироцкого, приводившего в движение вагон при помощи электрического тока, подававшегося по рельсам. Однако на протяжении последующих 27 лет на улицах Петербурга во главе с Невским проспектом продолжали действовать конные железные дороги, постройка которых началась здесь еще в 1864 г.

Для электрического трамвая очень долго не находилось места на улицах Петербурга, закрытых для него контрактами акционерных обществ конно-железных дорог.

Строителям первых электрических трамваев, как и строителям первой электрической станции, пришлось сперва заняться использованием водных артерий города. Зимой 1895—1896 гг. на льду Невы были проложены три линии электрического трамвая: Сенатская площадь—Васильевский Остров, Сенатская площадь—Мытигинская набережная Петроградской стороны, Суворовская площадь у Марсова поля—Выборгская сторона. Так началась в старом Петербурге пере-

¹ Р. Р. Тонков. Электрические станции в С.-Петербурге. СПб., 1900, стр. 15—26. В 1898—1899 гг. были построены новые станции: на Обводном канале (I ЛГЭС), на Новгородской улице (II ЛГЭС) и на Фонтанке (III ЛГЭС); первая давала трехфазный ток, вторая и третья — однофазный. Общая мощность паровых двигателей 21120 л. с.

² Инженерный журнал, 1877, № 4, отдел неофициальный, стр. 436—446.

возка пассажиров электрическим трамваем. Только в сентябре 1907 г. стала здесь действовать первая его линия не на воде, а на земле: Адмиралтейская площадь—Николаевский мост—Васильевский Остров.¹

Первый вагон на первой трамвайной линии, проложенной по улицам Петербурга, повел вагоновожатый высокого класса. Это был один из энтузиастов проектирования и постройки Г. О. Графтио, ставший впоследствии советским академиком, строителем первых гидроэлектростанций на Волхове и Свири.

Непосредственное участие в создании первых электротехнических сооружений в Петербурге принимали и другие выдающиеся деятели. В 80-х годах на строительстве электростанции, установленной на барже на р. Мойке у Невского проспекта, работал монтером А. С. Попов, ставший в 1895 г. известным всему миру творцом радио.

Передовые русские инженеры еще в те далекие годы выдвигали смелые и технически обоснованные проекты сооружения мощных станций для электроснабжения Петербурга. Изобретатель электросварки Н. Н. Бенардос опубликовал в 1892 г. свой «Проект снабжения города Петербурга дешевым электрическим током для освещения и движения». Он предложил использовать энергию порожистой части р. Невы, передавая в Петербург мощность порядка 10—20 тыс. л. с. В 1894 г. инженер В. Ф. Добротворский выступил на заседании Русского Технического общества с проектом использования водной энергии порожистой части Волхова, Наровы и Вуоксы для электроснабжения Петербурга. Только на Волхове он предлагал возвести гидроэлектроцентраль с установленной мощностью 37476 л. с. Все эти проекты остались в царской России омертвленными, как и предложенный Г. О. Графтио в 1910 г. проект комплексного использования Волхова, давшего только лишь в 1926 г. с гидроэлектростанции им. В. И. Ленина первый ток Ленинграду.

К 1900 г. на всех 294 частных и центральных электростанциях Петербурга общая установленная мощность составляла всего лишь 50906 л. с. Хозяевами всех более крупных электростанций были германские и бельгийские капиталисты, преграждавшие доступ на станции русским инженерам.² Против такого положения гнетно протестовали последние, указывая, что «в области электротехники (Яблочков, Лодыгин, Чириков и др.) Россия дала хороших и выдающихся техни-

¹ К этому времени электрические трамваи действовали уже во многих городах: Киев — с 1892 г.; Нижний Новгород — с 1896 г.; Курск, Екатеринослав, Витебск, Севастополь, Орел — с 1898 г.; Москва, Житомир, Казань — с 1899 г., и т. д.

² При заключении контрактов на электроснабжение Петербурга с такими обществами, как «Гельос» (Кельнское электротехническое общество), «Общество в Лютихе» (Бельгия) и др., Петербургская городская дума специально рассматривала вопрос о соотношении иностранных и русских техников на электростанциях. Прогрессивные члены добивались того, чтобы хотя бы одна треть была из отечественных специалистов (Известия С.-Петербургской городской думы, 1898, т. 129, стр. 678).

ков; для будущего же времени вырабатывается вполне достаточный контингент техников, особенно с образованием высшего учебного заведения — Электротехнического института.¹

Передовые ученые и инженеры, работавшие в Петербурге, успешно решали самые ответственные по тому времени технические задачи. Петербургские рабочие, составлявшие передовой отряд рабочего класса России, владели умением претворять в жизнь самые сложные инженерные замыслы. Творческие силы их, однако, использовались в старом Петербурге только в ничтожной части.

¹ Известия С.-Петербургской городской думы 1899 г., т. 130, стр. 599 (из выступления инженера Комаровского).

АРХИТЕКТУРА
И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА

Во второй половине XIX в., в капиталистических условиях, Петербург продолжал быстро расти и развиваться. Наиболее сильно растет население Петербурга в 60—70-х годах. В 1869 г. в Петербурге насчитывалось уже 668 тыс. жителей.

Увеличение населения города после реформ 60-х годов явилось следствием оживления торговли и промышленности в столице. Число фабрик и заводов в Петербурге с 1866 по 1894 г., по официальным сведениям, увеличилось в 1,5 раза, число рабочих возросло втрое, сумма производства — в 3,5 раза. Торгово-промышленному оживлению города способствовало проведение железных дорог: Николаевской, Варшавской и др. Соответственно возросла городская территория и плотность городской застройки.

В послереформенный период резко увеличивается количество фабрик и заводов, которые располагаются почти сплошным кольцом вокруг города. Линии дорог и водных путей определяют пространственное направление роста города. Наиболее крупные промышленные предприятия возникают за старыми городскими заставами — Нарвской (Петергофское шоссе), Московской (Московское шоссе) и Невской (Шлиссельбургский тракт), а также на Выборгской стороне (Выборгское шоссе и берег Невы). Большие фабрики и заводы строятся в западной, приморской части Васильевского Острова и на острове Голодае. Вся территория морского берега оказалась застроенной промышленными и портовыми сооружениями. В результате, Петербург лишился естественного доступа к морю. Бли-

вость к морю не ощущалась в архитектурном пейзаже города. На окраинах и даже в центре города расположились вокзалы и станции со сложным путевым хозяйством. Железнодорожные пути затрудняли планировку окраинных частей города.

Характерной особенностью строительства этого времени является фактическое отсутствие регулирования городской застройки. Городская дума и подчиненная ей Городская управа, как правило, уклонялись от решения вопросов о застройке города. Город не сумел сохранить ценного земельного фонда и распродал его по частям. Размещение жилых зданий, строившихся в Петербурге, по существу никем не координировалось, производилось стихийно. Отсюда происходило переуплотнение центральных кварталов и хаотичность застройки. Периферийные районы города росли очень быстро, нарождались новые большие городские районы, но Городская дума медлила включить их в черту города, из года в год откладывая решение этого вопроса. Гласные думы — фабриканты и кушцы — не хотели тратить средств на благоустройство рабочих районов. Поэтому не входили в городскую черту территория за Нарвскими и Московскими воротами, Охта, большая часть Выборгского района и Новая деревня.

В это время не было даже достаточно точного плана Петербурга, за исключением так называемого плана Шуберта, составленного в 1828 г. Не было ясности и в вопросе о размерах муниципальной территории. Все это также затрудняло регулирование застройки.

Несмотря на быстрый рост города, уровень благоустройства и санитарного состояния был еще в целом низким. Это служило одной из причин того, что в 70-х годах в Петербурге смертность превышала рождаемость.

Число жителей Петербурга по районам увеличивалось неравномерно. Наиболее сильно росло население периферийных, рабочих районов. При этом складывался характерный для капиталистического города контраст между городским центром и окраинами. Окраины — рабочие районы Петербурга — были крайне запущены и неблагоустроены. Многие улицы вообще были лишены замощения и почти совсем не освещались. Водопровод и канализация на окраинах отсутствовали.

Рабочее население, сосредоточенное главным образом в периферийных районах города, находилось в тяжелых жилищных условиях.

Окраины Петербурга не все были одинаковы. Одни из них, как, например, Охта, Выборгская сторона, были заселены издавна, другие, главным образом южные, застраивались во второй половине XIX и в начале XX в. Если в первых преобладали небольшие одноэтажные домики, то во вторых возникали главным образом большие доходные дома и казармы для рабочих, перемежавшиеся с пустырями и заводскими участками.

Пустынный, захолустный характер имела западная часть Васильевского Острова; относительно благоустроена была лишь восточная его часть. Петроград-

ская сторона застраивалась слабо, за исключением Каменноостровского и Большого проспектов. Значительная часть ее площади представляла собой пустыри, которые чередовались с огородами, садами и одиноко стоявшими домами. Недостаточно были заселены также Выборгская сторона и район так называемых Песков (нынешних Советских улиц). Густо заселена была Коломна, но и она оставалась крайне неблагоустроенной.

Изменился облик Петербурга и в центре города. Характерным примером может служить Садовая улица — одна из центральных городских магистралей, которая в этот период становится типично торговой улицей. На ней находились многочисленные рыночные здания — Александровская и Марининская линии Апраксина двора, Сенной рынок, Ново-Александровский рынок. Еще далее был расположен Никольский рынок. Помимо этого на Садовой улице сосредоточено было большое количество различных лавок, мастерских. Всегда оживленная и людная Садовая улица была загрязнена и заущена. Район Сенной площади, примыкавший непосредственно к Садовой улице, приобрел в прошлом название «петербургских трущоб» и был описан в произведениях Достоевского и Крестовского. Один из современников писал, имея в виду разложение органических остатков, пропитавших на значительную глубину Сенную площадь: «...в теплое время года Сенная площадь представляется какой-то зловонной клоакой, терпимой лишь в силу одной привычки да безденежья городской казны».¹ Отходивший от Сенной площади Обуховский проспект продолжался Царскосельским. Позднее обе эти улицы получили наименование Забалканского (ныне Московского) проспекта. В свое время последний представлял собой Московскую дорогу, которая связывала Петербург с центральными районами страны. Московская дорога являлась основной пассажирской и торговой магистралью столицы. Об этом свидетельствует большое количество рынков и торговых предприятий в районе Московской дороги и смежных улиц.

По Московской дороге в столицу привозились продовольственные и прочие грузы, по ней пригонялся скот. Здесь, на берегу Обводного канала, был расположен скотопригонный двор и городская бойня. Эта важная магистраль города была также загрязнена, на ней находилось множество трактиров, кабаков.

Бывшая Петергофская перспектива (ныне проспект Стачек) ранее была застроена богатыми усадьбами, дачами. С появлением заводов этот район утрачивает прежний характер дачной местности и заполняется жилыми домами для рабочих. Петергофский участок становится крупнейшим промышленным районом города — Нарвской заставой.

В районе Петергофского проспекта был расположен Екатерингоф, представлявший собой остров, окруженный р. Екатерингофкой, Бумажным каналом и

¹ А. Я. Проект здания рынка на Сенной площади в Петербурге. Зодчий, 1880, № 10—11, стр. 92.

р. Таракановкой; еще в петровское время он был превращен в пригородный парк. В XIX в. в большом и тенистом парке Екатерингофа происходили общегородские гулянья. Вследствие застройки прилегавшей местности промышленными предприятиями во 2-й половине XIX в. Екатерингофский парк оказался в заводском районе; территории его была значительно сокращена. В результате, Екатерингоф теряет свое прежнее значение и излюбленным местом отдыха петербургских жителей становятся острова, расположенные в северной части Петербургской стороны.

В 60—90-х годах значительно изменился характер нового строительства в Петербурге. Не появляется более барских особняков усадебного типа, почти замирает дворцовое строительство, сокращается число вновь сооружаемых церквей.

Петербург быстро начинает превращаться в крупный капиталистический город. В нем строятся вокзалы с высокими стеклянными крышами над дебаркадером, гостиницы на сотни номеров со всевозможными удобствами для богатых путешественников. На центральных магистралях столицы появляются блистающие громадными зеркальными окнами здания многоэтажных универсальных магазинов. Сооружаются солидно отделанные гранитной рустикой здания банков и акционерных обществ.

На окраинах возникают десятки корпусов промышленных предприятий. Дымящие во всех концах города заводские и фабричные трубы становятся такой же неотъемлемой частью силуэта столицы, как прославленные шпили Петропавловского собора, Адмиралтейства и Инженерного замка, как купол Исаакиевского собора.

Наиболее распространенным типом постройки в эту пору становится так называемый доходный дом. Высокая квартирная плата приносила владельцам жилых помещений громадные доходы. Прибыльное дело привлекало не только буржуазные, но и остатки дворянских капиталов. Доходными домами заполняются целые улицы. При этом нередко страдают интересы города. Так, например, Большой проспект Васильевского Острова, представлявший ранее широкий бульвар, связывающий гавань с городом, превратился в узкую улочку, так как зеленые насаждения по обе стороны от проезжей части отошли к вновь выстроенным частным домам и были огорожены.

Усилению застройки города способствовало то, что банки предоставляли застройщикам денежные ссуды под заклад выстроенных этажей. На улицах и проспектах столицы появляются жилые дома в 3 и более этажей, которые обычно строятся на купленных подешевле, а потому небольших, участках земли. В начале 70-х годов цена квадратной сажени земли в центре города доходила до 100 руб., в то время как за заставами квадратная сажень оценивалась всего в 2—3 руб. Облик доходных домов определялся желанием получить наивысшие доходы с наименьшей затратой на землю и строительство. Внутри домов находились узкие двory, удачно названные дворовыми колодцами, плохо освещаемые и лишенные зелени.

На улицу были обращены окна роскошных многокомнатных квартир для состоятельных людей. В полутемных же квартирах, выходящих во двор, жили мелкие чиновники, лавочники и т. д. Трудовой люд ютился по подвальным и чердачным помещениям.

Доходные дома подавили некоторые ценные сооружения XVIII и начала XIX в. Большими частными домами были застроены в это время участки Невского проспекта — от Литейного проспекта до Московского вокзала, Литейный, Владимирский проспекты и другие важнейшие магистрали города. Если в 60-х годах на многих центральных магистралях встречались порой деревянные дома, что напоминало улицы провинциального города, то в 70—80-х годах они почти сплошь были застроены каменными домами. По переписи 1881 г. в Петербурге одноэтажных домов насчитывалось только 19%, двухэтажных 42%, а трехэтажных и выше — 39%. Домов выше пяти-шести этажей не строили, ибо с 1844 г. в Петербурге было воспрещено возводить здания более 11 сажен (высоты Зимнего дворца). Об архитектурном оформлении улиц Петербурга никто не думал. Воздвигаемые дома, как правило, были безлики и невыразительны. Фасады зданий, особенно в центре города, были испещрены грубыми вывесками торговых фирм и магазинов.

Во второй половине XIX в. завершается застройка ряда улиц и площадей в центральных районах города, однако новых архитектурных ансамблей, определяющих облик города, на протяжении всей второй половины XIX в. в Петербурге фактически не было создано. Нарушалось нередко единство старых ансамблей путем включения в их территорию случайных по своей архитектуре сооружений. Застройщиками центральных частей города являлись в основном купцы, промышленники, коммерсанты, крупные чиновники. Они-то и диктовали свои вкусы архитекторам. Простота, строгость и ясность архитектурных форм классицизма перестали удовлетворять вкусам заказчиков. Заказчики требовали «богатой», «разнообразной» архитектуры. Каждый строящийся дом должен был свидетельствовать если не о знатности, то о богатстве его владельца. Если ранее в архитектуре классицизма отдельные постройки объединялись единой стилистической характеристикой, то теперь, в капиталистических условиях, каждое здание претендовало на самостоятельную роль в пределах улицы или площади.

Неудачной оказалась застройка ряда центральных участков города. В связи с постройкой Николаевского моста была хаотично застроена вышешняя площадь Труда, в центре которой архитектор К. Тон соорудил Благовещенскую церковь в докиорусском стиле. Около Московского вокзала, построенного в 1851 г. К. Тоном, появились доходные дома и большое здание Северной гостиницы, облик которых не был связан с архитектурой здания Московского вокзала.

В 1851 г. было сооружено также здание Варшавского вокзала, замкнувшее перспективу Измайловского проспекта, в результате чего устранилась возмож-

ность дальнейшего развития одной из трех основных лучевых магистралей города — Вознесенского проспекта (ныне проспекта Майорова) и его продолжения — Измайловского проспекта.

Нарушение архитектурно-художественной цельности ансамблей и пренебрежение разумной планировкой города было характерно и для последующего периода.

В 60-х годах была застроена территория между Таврическим дворцом и Невой, а также «Ковши» — место стоянки потемкинской флотилии. В 1862 г. на этом участке построили водопроводную станцию с водонапорной башней. Таврический дворец оказался отрезанным от реки.

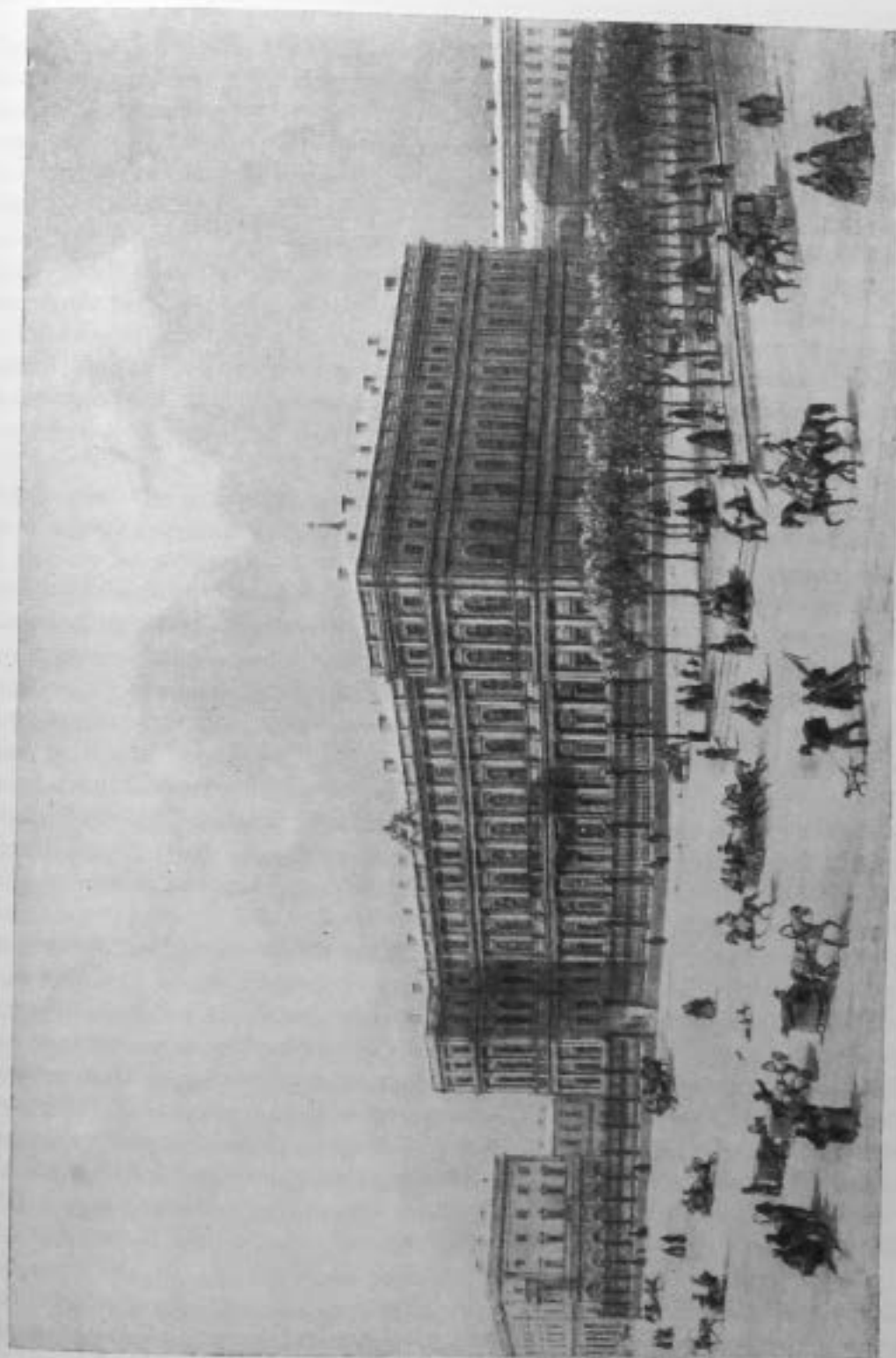
В 60-х годах были сооружены здания складов на набережной Невы, около Александро-Невской лавры. Ансамбль лавры, замыкавший перспективу Невы, заслонили однообразные кирпичные строения.

В 70-х годах был перепланирован комплекс Адмиралтейства. После засыпки окружавшего Адмиралтейство канала в 1874 г. вдоль главного фасада Адмиралтейства был разбит Александровский сад, охвативший также и Петровскую площадь (ныне площадь Декабристов). Участок же между павильонами Адмиралтейства вдоль Невы был продан Морским министерством городу. Взамен безобразных сараев в 1874 г. здесь была устроена гранитная набережная и бульвар вдоль нее. В результате стало возможным беспрепятственное движение вдоль левого берега Невы от Дворцового к Николаевскому мосту. В 1875 г. было внесено предложение построить на вновь созданной набережной, на территории Адмиралтейства, здание Думы, с парадным фасадом, обращенным в сторону набережной. Архитектурная общественность уже предсказывала, что Петербург очень выиграет в красоте в результате этой постройки. Но этот замысел реализован не был. На набережной построили тяжелые ящикообразные «обывательские» дома и сходный с ними по облику Павловский театр (сгорел в начале XX в.), закрывшие вид на Адмиралтейство со стороны Невы.

Был нарушен и строгий ансамбль в районе Инженерного замка. В 70-х годах в непосредственной близости от замка возникло каменное здание цирка Чинизелли (архитектор В. А. Кеннель), а между цирком и восточным павильоном замка было построено неуклюжее здание пожарной части. От большой парадной площади осталась лишь узкая Кленовая аллея.

Проезд между экзерциргаузом и манежем был закрыт в 70-х годах XIX в. глухой каменной стеной. Со стороны Манежной площади между ними появился затем жилой дом Военного ведомства.

В 70-х годах самые произвольные по своему облику здания начали строиться и на площади перед зданием Александринского театра, задуманной и осуществленной Росси в виде единого ансамбля. На Чернышевской площади, входящей в ансамбль Росси, но не законченной автором, также был построен весьма заурядный доходный дом.

Нижегородский биржевой дом (имеет Дворец Труда). Архитектор А. В. Щеголевский. Середина XIX в.

К рассматриваемому времени относятся различные проекты, имевшие своей целью внести существенные изменения в облик города. Так, в начале 70-х годов едва не было решено создать новый проспект по трассе Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) с засыпкой последнего. Однако канал — один из своеобразнейших районов центральной части города — уничтожен не был. В 1881 г. было принято решение засыпать канал около Петропавловской крепости, но оно также не было осуществлено.

Один из старейших в Петербурге Лиговский канал, созданный в 1718—1721 гг. в целях снабжения водой фонтанов Летнего сада, в XIX в. был запущен, замусорен и фактически превратился в свалку нечистот; в него спускались сточные воды вновь возникших многочисленных фабрик и заводов. Вместо того чтобы очистить, привести в порядок канал, во второй половине XIX в. его заключили в подземную трубу. Был также запущен Обводный канал, являвшийся в то время границей города.

Наряду с неудачными порой мероприятиями, искавшими облик отдельных частей Петербурга, осуществлялись работы, имевшие положительное значение для развития города.

Еще в марте 1851 г. был снесен старый Литейный двор, построенный архитектором И. Шумахером и замыкавший собой Литейный проспект со стороны Невы. С этого времени Литейный проспект становится одной из основных магистралей города. Сюда был переведен Воскресенский (наплавной) мост, который соединил Литейный проспект с Выборгской стороной. Следует вместе с тем отметить, что реконструкция Литейного проспекта повлекла за собой порчу и снос ценных зданий. В 60-х годах замечательное сооружение Баженова — здание старого арсенала (находившееся на месте здания МВД) — было перестроено в здание Окружного суда. В 70-х годах арсенал, построенный на противоположной стороне Литейного проспекта архитектором Демерцовым, также был переделан, и здание приобрело сухие, безвкусные формы.

В первой половине 70-х годов была проложена Пушкинская улица, направленная перпендикулярно к Невскому проспекту. Еще до этого с Невским проспектом была соединена Шестилавочная улица (теперь улица Маяковского). Проложенная в 1874 г. Горсткаина улица соединила Сенную площадь с Фонтанкой.

С середины XIX в. старые деревянные разводные мосты через Неву начали заменяться постоянными. К 1851 г. по проекту инженер-генерала С. Кербедза был сооружен первый постоянный мост через Неву — Благовещенский, позднее названный Николаевским (теперь — мост лейтенанта Шмидта). Вторым постоянным невским мостом — Литейным — строился по проекту инженера Струве с 1875 по 1879 г.

Производились некоторые работы по озеленению города. После того как в 1842 г. канал, соединявший ранее Адмиралтейство с Крюковым каналом, был заключен в трубу, над ним разбили Конногвардейский бульвар (ныне бульвар

Профсоюзов). Помимо указанного выше Александровского сада, еще в 40-х годах был создан Александровский парк на Петербургской стороне (ныне парк им. В. И. Ленина). Его открытие состоялось 30 августа 1845 г. До этого времени здесь был пустырь, так как вокруг кронверка Петропавловской крепости, на расстоянии 640 м, застройка была запрещена. Однако вновь созданный парк вскоре стал сокращаться. Сначала на его территории возник завод искусственных минеральных вод. В 1865 г. часть парка была отдана для устройства Зоологического сада. Позднее, в 900-х годах, в связи с постройкой Народного дома размеры парка еще более уменьшились.

В 60-х годах на Васильевском Острове, рядом со зданием Академии художеств, был разбит Румянцевский сквер. В 1878 г. был посажен сквер на Манежной площади. В 1887 г. возник городской сквер на Покровской площади.

Однако зелень в пределах города распределялась неравномерно; в центральной части города ее было крайне мало. Две трети всех зеленых насаждений города было сосредоточено в пределах Петербургской стороны. По сведениям 1892 г., площадь всех садов и бульваров составляла лишь 10,2% всей городской площади. В Москве же площадь их составляла 16%.

Во второй половине XIX в. Городская дума разрешила застройщикам заполнить все свободные участки города и лишила вследствие этого город возможности увеличить площадь озеленения. Следует отметить, что некоторые из садов, находившихся в центре города, были закрыты для публики.¹ До 900-х годов был закрыт для публики Михайловский сад, принадлежавший представителю царской фамилии. По этой же причине являлась недоступной для посещения и значительная часть территории островов. Закрыты для публики были и другие сады, в частности Шереметевский сад между Литейным проспектом и Фонтанкой, принадлежавший графу Шереметеву.

В 50—80-х годах в Петербурге был установлен ряд памятников в садах и на площадях города. В 1855 г. в Летнем саду установили монументальный памятник баснописцу И. А. Крылову работы Клодта. Его барельефы, выполненные на сюжеты басен великого писателя, и поэмы привлекают внимание и взрослых, и детей. В 1859 г. на Исаакиевской площади был открыт памятник Николаю I (автор — архитектор Монферран; автор скульптуры — Клодт, рельефы работы Рамазанова). В 1873 г. в сквере перед Александринским театром по проекту художника Микешина и архитектора Гримма был исполнен скульпторами Опекушиным и Чижовым памятник Екатерине II. Памятники эти, обладавшие рядом достоинств в отношении скульптуры, вместе с тем в целом не включались органически в архитектуру города, чем отличались памятники XVIII и начала XIX в. Утрата чувства монументальности и ансамбля характеризует и некоторые другие

¹ Из 140 га зеленых насаждений Петербурга около 100 га являлись собственностью частных владельцев и примыкали к дворцам и особнякам.

памятники, созданные в это время. В 1873 г. на набережной перед зданием Морского кадетского корпуса был водвигнут памятник мореплавателю Крузенштерну, непропорционально маленький по отношению к набережной и широкой глади Невы. С 1883 г. в Александровском саду начали устанавливать бюсты деятелей русской культуры — Жуковского, Лермонтова, Гоголя и др. В 1892 г. в том же саду был сооружен памятник известному русскому путешественнику — Н. М. Пржевальскому (автор — академик Шредер). В том же 1892 г. в центре Чернышевской площади, в пределах маленького сквера, разбитого в 1876 г., был установлен бюст Ломоносова работы Забелло, недостаточно монументальный по отношению к окружающим зданиям. В 1884 г. в небольшом садике Пушкинской улицы был открыт памятник А. С. Пушкину. Небольшие размеры памятника и случайное место его постановки явно не соответствовали значению великого поэта в развитии русской культуры.

Русская архитектура, начиная с 30-х годов XIX в., развивалась в плане эклектизма и все более утрачивала свои национальные формы и традиции. Подражание архитектурным стилям прошлого становилось все более распространенным явлением. Черты эклектизма мы находим уже в творчестве крупных архитекторов, работавших во второй четверти XIX в. — А. А. Монферрана, А. П. Брюллова, А. И. Штакеншнейдера, К. А. Тона. Особенно характерны в этом отношении дворцовые здания, построенные архитектором Штакеншнейдером, такие, как Маринский (1844) и Новониколаевский дворцы (1861), ныне здание Городского совета депутатов трудящихся и Дворец Труда; фасады их имеют ренессансный облик. Одно из лучших зданий на Невском — дворец Белосельских-Белозерских (здание Куйбышевского райкома КПСС на Невском проспекте), того же Штакеншнейдера, оформлен в пышных формах барокко явно в подражание приемам В. Растрелли. Однако настоящего возрождения стилей не было и не могло быть: архитекторы применяли формы и мотивы исторических стилей лишь для внешней, поверхностной декорировки своих построек, в то время как в плановом и конструктивном отношении они были вполне современны.

Строительная техника со второй четверти XIX в. значительно продвинулась вперед. В связи с потребностью промышленных и торговых зданий в перекрытых больших пространствах без промежуточных опор (например, для освещения верхним светом) в строительной практике применялись новые, более прочные и удобные материалы (чугун, профилированное железо, бетон, стекло и др.), применялись и новые конструктивные приемы. При сооружении 4 корпусов Сенного рынка с успехом были использованы железные решетчатые рамы и арочные перекрытия. В некоторых постройках применялся уже железный каркас, заполнявшийся кирпичами. Стали более совершенными методы расчета конструкций при разработке проектов зданий. Однако успехи строительной науки мало влияли на характер самой архитектуры.

Появление новых типов зданий и успехи строительной техники отнюдь не сопровождалось подъемом архитектурного мастерства. Архитекторы не сумели использовать достижений русской строительной техники, с успехом примененных при возведении больших промышленных и транспортных сооружений. Архитектурные формы и конструкции часто перестают соответствовать друг другу. Ощущается разрыв архитектуры и инженерии. Строительная техника значительно продвинулась вперед, архитектурно-декоративные же формы брались из старых, отошедших в область истории, архитектурных стилей. А. М. Горький писал в 1899 г.: «XIX век не имеет своего стиля», во всех областях искусства царит смуга и неясность, а некоторые, как, например, архитектура, возрождает формы всех предыдущих веков и нового не создает, хотя имеет к этому больше шансов ввиду развития строительной техники».¹

Черты эклектизма проступают во всех значительных сооружениях Петербурга 60—90-х годов. Простые формы, выполненные со строгим изяществом (как, например, жилой дом на Николаевской улице, построенный по проекту А. Н. Барышникова в 90-х годах), являлись редкостным исключением.

Фасады многочисленных доходных домов этого времени обычно оформлялись в самых различных стилях. Подобный характер имеют громоздкие дома, построенные между крыльями Адмиралтейства на набережной Невы. Архитектурные мотивы, примененные для декоративного «обогащения» фасадов этих зданий, так же как и в других домах этого времени, носят трафаретный характер и в основном заимствованы из образцов европейской архитектуры, главным образом флорентийской архитектуры эпохи Возрождения, французского барокко и т. д.

В рассматриваемый период продолжает умножаться количество особняков, которые строились представителями высшего дворянства, крупными промышленниками и купцами.

Высокое техническое качество планировочных решений, материалов, строительных и отделочных работ в таких постройках сочеталось нередко с беспринципной погоней за чисто декоративным эффектом, что приводило к выхолащиванию художественной идейности и образности вновь возводимых зданий, к утрате архитекторами чувства ансамбля и национальных традиций зодчества. Неоправданное смещение стилей господствовало и во внутренней отделке жилых помещений.

В 1867—1872 гг. архитектор А. И. Резанов строит дворец для великого князя Владимира Александровича, нынешний Дом ученых, на Дворцовой набережной Невы. Фасад и обработка дворца произведены в формах раннего флорентийского ренессанса. Будуар был отделан в «мавританском» стиле, лестница построена в духе Франциска I, гостиная в духе Людовика XVI, столовая — готическая, парадная столовая и кабинет в этом дворце были обработаны в «русском» стиле.

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 23, 1953, стр. 301.

Едва ли не этот дом имел в виду В. В. Стасов, когда, характеризуя период архитектурного безвременья второй половины XIX в., едко писал: «Это архитектура, копирующая со старых образцов, с книг и атласов, с фотографий и чертежей, архитектура ловких людей, наострившихся в классах и потом преравнодушно отпускаящих товар на аршин и на фунт... Угодно — вот вам пять аршин греческого „классицизма“, а нет — вот три с четвертью итальянского „ренессанса“. Нет, не годится? — Ну так хорошо же: вот, извольте, остаточек первейшего сорта „рококо, Луи Кенз“, а не то — хорошенький ломтик „романского“, шесть золотников „готики“, а то — вот целый пуд „русского“».¹

Подобный эклектизм был присущ и многим другим петербургским зданиям, сооруженным в это время. В раннем флорентийском стиле был оформлен фасад дома Дервиз на Английской набережной (архитектор А. Красовский). В формах высокого итальянского ренессанса был декорирован дом Штиглица на той же набережной, построенный в 70-х годах архитектором А. И. Кракау. Интерьеры этого особняка были оформлены Кракау с применением мотивов французского ренессанса и итальянского барокко; не был забыт в отделках и «мавританский» стиль. В 70-х же годах архитектор К. К. Ракау построил на Лиговской улице дом Сэн-Галли в смешанных формах с преобладанием мотивов флорентийского ренессанса. Во внутренних отделках были использованы формы так называемого стиля Людовика XVI. Характерен также дом Юсуповых на Литейном проспекте, построенный по проекту архитектора Л. Л. Бошштедта в пышных «барочных» формах.

В Петербурге в эти годы возникают многочисленные здания общественного назначения — здания учебных заведений, театров, торговых фирм, рынки, больницы, банки и др.

С 1881 по 1883 г. архитектор И. С. Китцер строит здание Института гражданских инженеров с главным фасадом, выходящим на 2-ю роту, К 1881 г. архитектор А. И. Кракау возводит здание Училища Штиглица в Соляном переулке. В это же время сооружается в «романских» формах здание Александровского кадетского корпуса на Садовой улице (на углу улицы Ракова). В 90-х годах академик архитектор А. Красовский строит большое здание химической лаборатории университета.

Из театральных зданий в этот период было построено здание, в котором ныне помещается Большой драматический театр на Фонтанке (автор — архитектор Л. Ф. Фонтана), облик его явно эклектичен.

В 1885 г. архитектором В. А. Шретером была осуществлена полная переделка фасада Мариинского театра. Новый фасад приобрел богатое «ренессансное» оформление.

Зал Мариинского театра и его авансцена являлись в то время одними из крупнейших в мире. В партере и 5 ярусах было размещено 1600 кресел, обитых голу-

¹ В. Стасов. Избранные сочинения, т. 2; М.—Л., 1937, стр. 184.

Дворец вел. князя Владимира Александровича (ныне Дом ученых). Архитектор А. И. Резанов.

был бархатом. Роскошная и вместе с тем строгая отделка театра в голубые, белые и золотые тона произвела большое впечатление на современников. Плафон главного фойе был украшен портретами лучших русских и иностранных композиторов.

Капитальные переделки в 1885 и 1894 гг. внесли много существенных усовершенствований и улучшений внутри театра. Были улучшены акустические качества зала, расширены вестибюли и фойе, малонадежные деревянные стропила над сценой и зрительным залом заменены металлическими и т. д.

В 80-х годах на Миллионной улице, против здания Эрмитажа, архитектором В. Е. Месмахером был построен дом архива Государственного Совета (ныне Военно-Морской архив), по своему облику не находящийся в соответствии с близстоящими зданиями Зимнего дворца и Эрмитажа. Тем же Месмахером в конце 90-х годов был построен хотя и несколько нестройный с наружи, но хорошо продуманный в своей планировке Музей Центрального училища технического рисования в Солном переулке.

Типичны здания торговых фирм — Торговый дом «Штоль и Шмит» на Малой Морской (ныне улица Гоголя; архитектор В. А. Шретер, 1880), фасад которого, решенный в смешанных «ренессансных» формах, отделан желтым облицо-

вотным кириячом, и дом Кредитного общества рядом с Александринским театром, также построенный Шретером в духе ренессанса (1879). В громадном с прекрасной акустикой зале этого дома устраивались концерты.

В это время возводятся специальные рыночные здания. В 1863—1864 гг. архитектором А. И. Кракау было перестроено и значительно расширено здание Марининского рынка по Садовой улице, в пределах Апраксина двора. Стеклопанная крыша давала много света в верхний этаж. Выше уже отмечалась постройка в 80-х годах больших железных рыночных корпусов на Сенной площади (автор — архитектор Китнер). Железный рыночный корпус был построен по проекту инженера А. К. Монтага на Васильевском Острове (Андреевский рынок).

Помимо названных ранее больниц — Рождественской и Боткинской, построенных в рассматриваемый период, сооружались и другие лечебные заведения. В 1873 г. архитектором Ц. А. Кавосом было возведено здание детской больницы принца Ольденбургского, на углу Лиговской и 2-й Рождественской улицы (теперь детская больница имени Раухфуса). В тихом Удельнинском парке в 70-х годах возникли небольшие домики различных отделений психиатрической больницы.

Многочисленные промышленные сооружения, строившиеся в это время, рассматривались большей частью как утилитарные постройки, и в них отсутствовали какие бы то ни было художественные особенности.

Во второй половине XIX в. в русской архитектуре стало влиятельным течение, которое можно назвать псевдорусским. Оно не было единым по своему содержанию. Часть его сторонников продолжала применять официально одобренный Николаем I русско-византийский стиль придворного архитектора К. А. Тона, другая часть пыталась возродить народные черты русской архитектуры XV—XVI вв. К последней группе относились архитекторы И. П. Ропет-Петров, В. А. Гартман и др. В. А. Гартман был талантливым и оригинальным архитектором-рисуновальщиком. Построенные в «русском» стиле по его рисункам павильоны мануфактурной выставки в Петербурге в 1870 г. произвели большое впечатление на художественную общественность. И. П. Ропет-Петров опубликовал в 1875 г. книгу «Мотивы русской архитектуры», в которой были помещены проекты, основанные на подражаниях старинным образцам русского зодчества.

Изучение стропильных сооружений древней Руси обстоятельно организовал журнал Петербургского общества архитекторов (возникшего в 1870 г. под председательством ректора Академии художеств А. И. Резанова) «Зодчий», начавший выходить в 1872 г. под редакцией В. И. Собольщикова, известного библиографа и архитектора-любителя. Заслугой журнала явилась постановка вопроса о бережном сохранении памятников старины, которые или приходили в совершенную ветхость и разрушались, или портились неумелой реставрацией. Главное внимание журнал посвящал пропаганде отечественных традиций в архитектуре, так называемому «русскому» стилю.

Доходный дом Басина. Архитектор Н. Николов.

В этом вопросе журнал занимал позицию, довольно сходную со взглядами Стасова. Он смело выступил против одобренных Николаем I форм церковной архитектуры и отметил, что применение разработанного Тоном стиля, вовсе не русского и даже не византийского, никакого успеха не имело.

Более осторожно критиковалось в журнале одобряемое Стасовым стремление Гартмана, Ропета и других архитекторов подражать древнерусскому деревянному зодчеству.

Архитектуру «нельзя втиснуть в известные рамки и подчинить раз навсегда мертвой форме»,¹ — отмечал один из тогдашних историков русской архитектуры Л. В. Даль.

Хотя изучение архитектурного наследства имело безусловно положительное значение, но непонимание представителями так называемого псевдорусского стиля всего многообразия традиций русского зодчества, в том числе национального

¹ Л. В. Даль. Историческое исследование памятников русского зодчества. Зодчий, 1872. № 2, стр. 10.

характера архитектуры XVIII — начала XIX в., а также неумение творчески воспринимать их приводили к слепому подражательству, стилизаторству и тем самым дискредитировали самую идею возрождения национальной архитектуры.

Искусственные попытки заполнить фасады каменных зданий деталями, механически воспроизводящими орнаментальные мотивы деревянной резьбы и вышивок, не могли не быть бесперспективными.

Некоторый вначале успех и популярность псевдорусского стиля не помешали затем обнаружить его полное несоответствие новым строительным материалам, а также и общему характеру петербургского строительства за все предшествующее время.

Для псевдорусского стиля очень типичен доходный дом Басина на углу Толмазова переулка (архитектор Н. Никонов, 1880). Громоздкий массив этого здания не гармонирует с величественно-стройным ансамблем России. Сложно задуманный фасад испещрен многочисленными орнаментальными мотивами в «петушином» стиле. В ложнорусском же стиле с привнесением «романских» форм был построен архитектором Богомоловым в 1875—1877 гг. жилой дом на Фурштатской (ныне улица П. Лаврова, д. 20).

Интересным, хотя и надуманным было также стремление возобновить русские архитектурные формы непосредственно в деревянном зодчестве. В конце 60-х годов на Каменном острове рубятся «боярские хоромы» архитектором-любителем В. И. Соболевичковым (дача Бутурлина). В конце века подобная же постройка возводится архитектором П. И. Шестовым. При всех достоинствах резного орнамента и прочих внешних украшений эти дома имели уж слишком подражательный и архаический характер, чтобы ими всерьез могли заинтересоваться архитекторы крупного индустриального центра, каким был Петербург.

Царское правительство во вторую половину XIX в. продолжало покровительствовать работам архитекторов, подражавших якобы древнерусскому и византийскому зодчеству.

В ложновизантийских формах в это время была построена архитектором Кузьминым Греческая церковь на Лиговской улице против улицы Жуковского (заложена в 1861 г.).

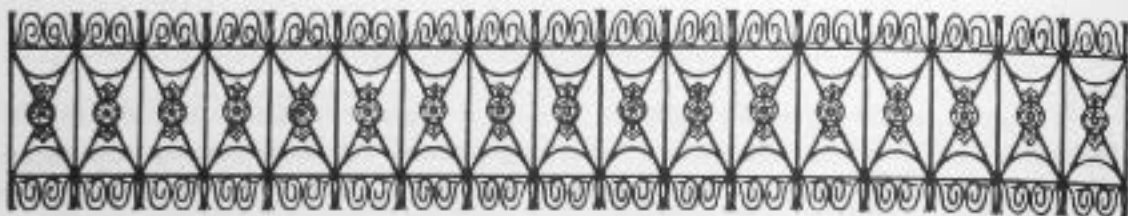
К 80-м годам относится осуществленный в натуре проект церкви Спаса «на крови» архитектора А. А. Парлаида. Церковь была сооружена на Екатерининском канале, на месте смертельного ранения Александра II. Сооружение это является подражательным произведением, декоративная проработка его носит сухой и измельченный характер. Церковь эта не соответствует по своим формам облику центральной части города. Она выпадает из своего архитектурного окружения. Убийственно-отрицательную оценку этой постройке за ее редкую безвкусицу и фальшь дал В. В. Стасов.

В 1887 г. архитекторы Д. И. Гримм и А. О. Томяшко начинают строить великокняжескую спальницу рядом с собором Петропавловской крепости; закончена эта работа была в 1908 г. архитектором Л. Н. Бенуа.

В целом архитектура Петербурга 60—80-х годов отражала те социальные условия, в которых она развивалась. Специфической особенностью архитектуры является высокая стоимость создаваемых сооружений, вследствие чего она всегда находилась в тесной зависимости от представителей господствующих классов. Назначение построек, место их расположения и их художественно-декоративное оформление в значительной степени зависели от заказчиков, от их потребностей и вкусов. Потребности и вкусы царских чиновников, высшего дворянства, капиталистов, коммерсантов, торговцев — «отцов города» того времени — и определяли общий характер застройки Петербурга.

Город продолжал быстро расти и застраиваться, но то, что создавалось в этот период в городе, создавалось часто вне исторической перспективы, создавалось случайно, хаотично, без правильного понимания градостроительных задач, без учета прогрессивных традиций, определившихся в более ранний период строительства города. Однако классическое наследие архитектуры города продолжало оказывать влияние и в значительной мере подчинять себе и сооружения конца XIX в. Поэтому Петербург оставался одним из красивейших городов мира.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Полова половинчатых буржуазных реформ, проводившихся правительством Александра II в 60—70-х годах XIX в., не могла не коснуться и городского управления. Сословный характер органов городского самоуправления давно уже не соответствовал экономическому строю общества. Полное бесправие этих органов лишало их какой-либо инициативы, обрекало на бездеятельность и делало их игрушкой в руках губернской администрации. Почти все отрасли городского хозяйства находились в руках полиции, меньше всего заботившейся о нуждах населения Петербурга, о разрешении новых задач, стоявших перед городом в связи с быстрым развитием капитализма. Между тем, на очереди было проведение таких крупных мероприятий, как строительство водопровода, канализации, постоянных мостов через Неву, создание сети городских начальных училищ и т. д.

Недостатки городского управления сильнее всего чувствовались на местах. Поэтому и вопрос о городской реформе был поднят снизу. В конце 50-х и начале 60-х годов города России стали осаждать Министерство внутренних дел ходатайствами о введении нового городского положения.¹ Общий подъем общественного движения в стране сказался на некотором оживлении в работе даже почти бесправных органов городского управления дореформенного периода. Так, напри-

¹ Столетие С.-Петербургского городского общества. СПб., 1885, стр. 159.

мер, Петербургская городская общая дума в 1861 г. собиралась чуть не ежемесячно (в 40—50-х годах XIX в. были годы, когда она вообще не собиралась); она добилась передачи в ее ведение городских построек и сооружений, увеличила ассигнования на народное образование, начала с 1863 г. издавать «Известия С.-Петербургской городской общей думы».¹ Однако было ясно, что наладить работу органов городского управления можно только после их реорганизации. Это начало сознавать и царское правительство.

В ответ на ходатайство городов о введении нового городского положения правительство приступило к подготовке городской реформы. В 1862 г. более чем в 500 городах России были образованы комиссии из владельцев недвижимого имущества (являвшихся депутатами сословий), которые должны были дать в Министрство внутренних дел свои «соображения» по поводу городской реформы.

Характерно, что все комиссии единодушно встали на точку зрения необходимости внесения значительных изменений в управление городов России. Комиссии объяснили неудовлетворительную работу органов городского самоуправления «отсутствием их самостоятельности во всех главнейших действиях по городскому хозяйству и благоустройству» и высказались за устранение губернского начальства от всякого контроля над городскими учреждениями, над расходованием городских сумм.² Громадное большинство комиссий высказалось за отказ от соблюдения сословного принципа в структуре органов городского управления, за то, чтобы положить в основу принадлежности к городскому обществу не сословный принцип, а участие в выполнении городских повинностей.³

Все это побудило правительство пойти в городской реформе дальше, чем оно предполагало первоначально. Однако дело с утверждением нового городского положения, разработанного еще в 1864 г., затянулось на целых 6 лет. Тем временем правительство приступило к реорганизации петербургской губернской администрации и полиции.

Наиболее неблагоприятно обстояло дело с полицией, которая играла большую роль в городском управлении и городском хозяйстве Петербурга. В полицейских органах царил грубейший произвол и злоупотребления. Для стиля работы полицейских канцелярий были весьма характерны бюрократизм, запутанность и медлительность делопроизводства.

Проведенная в 1867 г. реформа столичной полиции не внесла сколько-нибудь серьезных изменений в структуру и стиль работы полицейского аппарата. Несколько упростилось полицейское делопроизводство, небольшие изменения были произведены в административном делении Петербурга. Прежние низшие

¹ Там же, стр. 159—160.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 167.

полицейские административные единицы — кварталы — были заменены более крупными единицами — участками,¹ разделенными в свою очередь на околотки, число которых в Петербурге в 1867 г. составило 93.²

Несколько ранее, в 1865 г., было проведено переименование полицейских административных частей: 1-й Адмиралтейской — в Адмиралтейскую, 2-й Адмиралтейской — в Казанскую, 3-й Адмиралтейской — в Спасскую, 4-й Адмиралтейской — в Коломенскую, Каретной — в Александро-Невскую.³ Эти названия сохранились до Великой Октябрьской социалистической революции. Общее число частей сократилось до 12, так как в 1858 г. Охтенская полицейская часть была присоединена к Выборгской.

Все эти изменения не коснулись существа дела. Попрежнему петербургское население продолжало испытывать тяжесть воздействия на него полицейского аппарата, штат которого в целях борьбы с нарастающим революционным движением был увеличен в 1867 г. до 2283 человек. Характерна забота, которую проявляло царское правительство в отношении полицейских чинов, постоянно увеличивая оклады их жалования. Если в 1838 г. полицейский унтер-офицер получал в год всего 45—80 руб. ассигнациями, то в 1867 г. он получал уже 160 руб. серебром, а в 1887 году — более 300—400 руб.

Значение полиции еще более выросло после 1871 г., когда Петербург был выделен из состава Петербургской губ. в самостоятельную административную единицу — Петербургское градоначальство. Глава петербургской полиции превратился в петербургского градоначальника, которому было вверено управление столицей как в полицейском, так и в административном отношении.⁴ Он подчинялся непосредственно министру внутренних дел, так как должность петербургского генерал-губернатора была упразднена еще в 1866 г.

В целях усиления полицейского надзора в ведение петербургского градоначальника была передана полиция пригородных мест. Содержание огромного штата градоначальства обходилось городу ежегодно в крупную сумму — 1 201 978 руб. (по штату 1876 г.).⁵ В связи с учреждением градоначальства в 1875 г. была упразднена Петербургская управа благочиния, просуществовавшая около 100 лет. В систему Петербургского градоначальства входило врачебное управление, осуществлявшее в столице медицинский и санитарный надзор, а также техническая часть.

Несмотря на такое расширение функций полиции, она попрежнему очень мало занималась нуждами города, вопросами городского хозяйства. В 1885 г.

¹ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, стр. 179—198.

² Всеподанный отчет с.-петербургского обер-полицеймейстера за 1867 год. СПб., 1868, стр. 6.

³ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 205—206.

⁵ Там же, стр. 219.

один из столичных журналов писал: «Пятнадцатилетняя практика¹ так сложилась, что градоначальству мало дела, когда нарушаются существенные интересы жителей и когда городской кассе грозит серьезная опасность».²

Основное внимание градоначальник уделял чисто полицейским делам. Боязнь народных волнений заставляла правительство прибегать к чрезвычайным мерам. В 1872 г., когда в Петербурге закрылось несколько больших заводов, градоначальник предусмотрительно испросил у правительства разрешение на высылку из столицы тех из уволенных рабочих, «ком не прищут себе в непродолжительном времени работы или окажутся по другим причинам вредными для общественного спокойствия».³

Реформы 1867—1871 гг. усилили значение столичной полиции. В ее лице царское правительство получило надежный противовес новым органам городского самоуправления, которые были созданы в результате городской реформы, проведенной почти одновременно с учреждением Петербургского градоначальства.

Новое городское положение было утверждено 16 июня 1870 г. Оно внесло большие изменения в организацию городского управления Петербурга. Наиболее существенные из этих изменений заключались в том, что Городская дума стала бессловной и компетенция ее была значительно расширена по сравнению с органами городского управления, избравшимися по городскому положению 1846 г. Увеличился и контингент избирателей.

Право голоса городским положением 1870 г. было предоставлено каждому городскому обывателю (вне зависимости от сословий), уплачивавшему налог в пользу города. Этот налог взимался с владельцев недвижимых имуществ, промышленных и торговых предприятий, купеческих, промысловых и приказчицких свидетельств.⁴ Таким образом, избирательное право было предоставлено лишь владельцам недвижимых имуществ и лицам, имеющим отношение к торговле, промышленности и промыслу (за исключением рабочих).

Имущественный принцип при предоставлении избирательного права очень ярко проявился в том, что право участия в выборах, помимо граждан, предоставлялось также учреждениям, обществам, церквям и монастырям, которые уплачивали в пользу города налог с недвижимого имущества.⁵ По существу избирательное право предоставлялось не гражданам города, а различным категориям имущества и капиталов, владельцы которых пользовались всей полнотой этих прав.

Но городское положение 1870 г. не ставило всех избирателей в одинаковые условия. Существовало три избирательных собрания (т. е. три категории из-

¹ Т. е. за 15 лет существования Петербургского градоначальства.

² Вестник Европы, 1885, кн. 12, стр. 940.

³ Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и столичною полициею с 1866 по 1876 г. СПб., 1876, стр. 12.

⁴ Городское положение 16 июня 1870 г., статья 17.

⁵ Там же, статья 21.

бирателей). В первое входили наиболее крупные плательщики, уплачивавшие треть всей суммы налогов в пользу города, во второе — средние плательщики, также в общей сложности уплачивавшие одну треть налогов, в третью — все остальные плательщики. Каждое собрание посылало в думу треть всех депутатов. А так как число избирателей в каждом собрании было различно, то и нормы представительства от каждой категории избирателей были различны, причем в наиболее невыгодном положении оказывались мелкие плательщики налогов.

Это наглядно можно проследить на примере первых выборов по новому городскому положению в Петербургскую городскую думу. Выборы происходили в феврале 1873 г. Количество избирателей было: по первому разряду — 224, по второму — 887, по третьему — 17479. А так как каждый из разрядов выбирал по одинаковому числу гласных (депутатов) — по 84, то один гласный в первом разряде приходился меньше чем на трех избирателей, во втором примерно на 10, в третьем на 208.¹

Общее число избирателей в Петербурге в 1873 г. было всего 18590 человек, что составляло лишь около 3% от числа жителей города.² Этот процент, несмотря на его крайнюю незначительность, был все же в три раза выше, чем в 1846 г., когда число избирателей было немногим более 1% от общей численности населения столицы.

Гласные всех трех разрядов избирателей составляли Городскую думу (в Петербурге она состояла из 252 гласных), которая выбиралась на 4 года и была главным органом городского самоуправления. Городская дума избирала из своего состава подотчетный ей исполнительный орган — Городскую управу. Городская управа непосредственно заведывала делами городского хозяйства и общественного управления. Председателем Городской думы и управы был городской голова, избиравшийся думой и утверждавшийся министром внутренних дел.

Городская дума разрешала все основные вопросы по городскому управлению и городскому хозяйству. Она имела право установления (в рамках, ограниченных законом) новых налогов и сборов, рассмотрения и утверждения городских смет и отчетов о расходовании средств города, разрешения вопросов о городских займах, ходатайства о нуждах города перед правительством; в ее ведении находились все основные отрасли городского хозяйства и благоустройства: мосты, переправы, каналы, мостовые, уличное освещение, сточные трубы и т. д. Многие из этих отраслей до 1870 г. находились в распоряжении полиции. Думе вменялось в обязанность заботиться о развитии торговли и промышленности, о народном здравоохранении.

¹ Известия С.-Петербургской городской думы, 1873, № 2, стр. 115.

² По переписи 10 декабря 1869 г. население Петербурга составляло 667 207 человек (см. стр. 173 настоящего тома).

Таким образом, городская реформа 1870 г. несколько расширила компетенцию городского самоуправления и увеличила его права. В городском положении указывалось, что городское общественное управление «в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно», а губернатор следит лишь за законностью действий Городской думы.¹ Однако в действительности было не так.

Не говоря уже о том, что наиболее важные постановления думы подлежали утверждению правительством, городское положение 1870 г. создало специальный орган для административного вмешательства в дела Городской думы. Это было так называемое «По городским делам присутствие», создаваемое при губернаторе (а в условиях Петербурга при градоначальнике) из представителей местной администрации. Из представителей городского общественного управления в состав Присутствия входил лишь городской голова.

Присутствие по городским делам собиралось для разбора жалоб, поступивших на городское общественное управление, а также в случае конфликтов между ним и администрацией. Решения Присутствия принимались простым большинством голосов и проводились в жизнь немедленно. Таким образом, администрация получала возможность отменять неудобные ей постановления Городской думы.

Но зависимость городского общественного управления от администрации проявлялась не только в этом. По целому ряду вопросов Городская дума ставилась в подчиненное положение по отношению к градоначальнику. Так, например, все недовольные решениями думы имели право жаловаться на нее градоначальнику, все ходатайства думы перед вышестоящими организациями передавались лишь через градоначальника, градоначальник рассматривал все сметы на городские расходы и т. д.²

Очень характерны статьи 104 и 105 нового городского положения, устанавливавшие взаимоотношения городского общественного управления и полиции. Все обязательные для населения постановления думы в отношении городского хозяйства (например, о содержании в чистоте улиц, мостов, кавалов и т. п.) должны были согласовываться с полицией. При этом полиции предоставлялось право составлять свои проекты таких постановлений и проводить их через Городскую думу. Таким образом, оба учреждения имели как бы одинаковые права. Однако принудительная власть, с помощью которой можно было заставить население выполнять обязательные постановления, была лишь у полиции, и это ставило Городскую думу в полную зависимость от нее.

Благодаря установленному правительством имущественному цензу в гласные думы попадали лишь представители имущих слоев населения. На первых

¹ Городское положение 16 июня 1870 года, статья 1, 5.

² Там же, статьи: 29, 150, 151, 141, 143 и др.

выборах по новому городовому положению в 1873 г. в Петербургскую городскую думу было избрано:¹

Купцов и почетных граждан	120 чел.
Чинovníков	71 »
Дворян неслужащих	8 »
Офицеров	18 »
Работников интеллигентных профессий	6 »
Мещан, ремесленников, крестьян	29 »
	252 чел.

В результате выборов 1889 г. число купцов и почетных граждан увеличилось до 154 человек, в то время как число чиновников сократилось до 41 человека. Очень характерно уменьшение числа гласных от мещан, ремесленников и крестьян. От всех этих категорий населения в 1889 г. было избрано всего 8 гласных.² В числе гласных думы, избранных в 1889 г., было 20 представителей интеллигентных профессий (архитекторов, юристов, врачей и т. д.).

В подавляющем числе случаев участие в органах самоуправления связывалось для гласных с соблюдением лишь личных интересов. Подряды, сдававшиеся городом на различные работы, установление новых налогов и размера обложения жителей и тому подобные мероприятия создавали большую заинтересованность зажиточных слоев петербургского населения в работе Городской думы. Каждый гласный старался направить деятельность думы в нужном для него направлении, использовать свое положение для приобретения личных выгод. В думе не было партий, имевших какую-то зафиксированную программу деятельности, но существовали группы и группировки, объединявшиеся на почве общности материальных интересов.

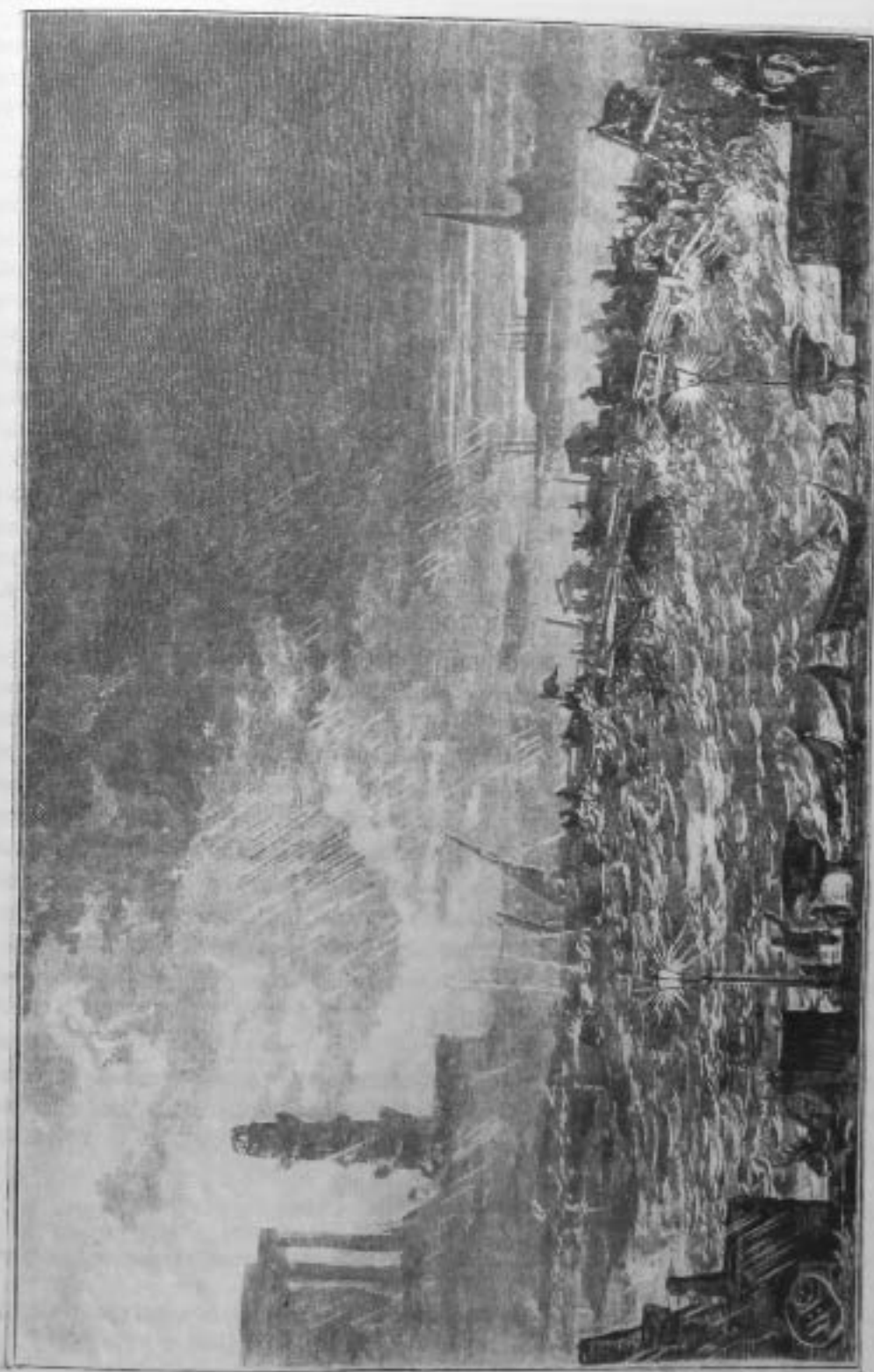
Стремление участвовать в органах петербургского самоуправления отмечалось даже у крупных чиновников, занимавших видное положение. В числе гласных думы значились статские, действительные статские и даже тайные советники. В 1889 г. произошел курьезный случай. Тайный советник В. А. Евреинов, не имея формального права участвовать в городских выборах (он не владел в городе недвижимым имуществом), купил себе избирательное право, выправив на свое имя фиктивное свидетельство по мелочному торгу, дававшее право участвовать в выборах, т. е. выдал себя за мелкого торговца. В результате разоблачения Евреинову пришлось сложить с себя звание гласного.³

Несмотря на то, что в составе Петербургской городской думы было сравнительно много чиновников, основную роль в органах петербургского самоуправления играло все же не чиновничество, а буржуазия, которая была представлена в думе значительно полнее, чем другие общественные классы. Гласные думы,

¹ Известия С.-Петербургской городской думы, 1873, № 2, стр. 117—123.

² Там же, 1889, т. 94, № 14, стр. 181—191.

³ Там же, № 13, стр. 157—160; № 15, стр. 299—304, 307—308.

Насводнение в ночь со 2-го на 3-е сентября 1873 г. Гризюри на берегу.

считавшиеся формально представителями всего населения столицы, фактически были представителями лишь купечества, фабрикантов, буржуазной интеллигенции и направляли деятельность Городской думы в интересах петербургской буржуазии.

Характеризуя политику Петербургской городской думы, крупнейший демократический журнал «Отечественные записки» писал в 1879 г., что петербургское самоуправление состоит из домовладельцев, фабрикантов, заводчиков, купцов и разного рода крупных и мелких промышленников, что интересы гласных «не имеют ничего общего с интересами населения, ими представляемого. Ни для кого, например, из них придумываемые ими налоги не составляют личной тяготы. Домовладельцы сейчас же перелаживают новый налог на своих жильцов, фабрикант, заводчик и т. д. — на покупателей их продуктов, купец, торговец и т. д. — на покупателей их товаров»,¹ т. е. каждый налог падал на трудовое население.

Для характеристики направления политики Петербургской городской думы очень показательны ее отношения к окраинам города, где жило рабочее население. Все проводившиеся думой мероприятия по городскому благоустройству касались почти исключительно лишь центра города. Окраины оставались неблагоустроенными.

Во второй половине XIX в. застройка Петербурга давно уже вышла за пределы официальных границ города. За городской чертой находилась почти вся территория нынешних Кировского, Невского и Московского районов (где уже в то время существовали крупные рабочие поселки), а также Старая и Новая деревни, Лесной и т. д. Между тем, Городская дума всячески противилась включению этих районов в черту города, не желая вестн расходы на благоустройство рабочих окраин, от которых нельзя было ожидать больших доходов в пользу города. Характерно постановление Городской думы в декабре 1874 г.: ходатайствовать перед правительством, чтобы Лесной участок попрежнему не включался в черту города.² В отчете Городской управы за 1886 г. говорится, что дума нашла «неудобным» расширение городской черты, «вовлекающее городскую казну в излишние расходы».³

Если представители верхушки имущих слоев петербургского населения проявляли большую заинтересованность в работе органов городского управления, то основная масса избирателей и самих избранных гласных была инертна. В выборах 1873 г. принимали участие всего 1411 человек из 18 590 (7,6%), в выбо-

¹ Отечественные записки, 1879, № 6, Современное обозрение, стр. 258.

² Ведомости с.-петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции, 1875, № 2 (3 января).

³ С.-Петербургское городское общественное управление в 1886 году. Отчет Городской управы. СПб., 1887, стр. IX.

рах 1877 г. 2220 из 20 522 (10,8%), в выборах 1881 г. 2730 из 17 741 (15,4%)¹. Таким образом, процент избирателей, принимавших участие в голосовании, был ничтожен, хотя и имел тенденцию к повышению.

Немногом лучше обстояло дело с посещаемостью заседаний Городской думы гласными. Так, например, в 1873 г. из 252 гласных заседания посещали в среднем 110 человек, в 1876 г. еще меньше — 88 человек,² и т. д. Ежегодно из-за отсутствия установленного числа гласных срывалось по нескольку заседаний, хотя городское положение ставило очень скромные требования в отношении кворума: $\frac{1}{3}$ общего числа депутатов. Что же касается вопросов, решение которых требовало повышенного кворума ($\frac{2}{3}$ общего числа гласных), то они из года в год оставались неразрешенными и безрезультатно выносились на повестку заседаний Городской думы по 20 и более раз.³ Вследствие этого вплоть до Октябрьской революции сохранилась натуральная повинность жителей по замощению улиц, хотя вопрос о замене этой повинности денежным сбором поднимался в думе бесконечное число раз на протяжении более чем полувека.

Низкой посещаемости заседаний Городской думы способствовала сильная перегрузка гласных различными заседаниями и беспорядочное ведение этих собраний. Вместо положенных по закону двух обязательных собраний в год, дума заседала 2—3 раза в неделю.⁴ Помимо того гласные привлекались для работы в многочисленные думские комиссии, число которых в 1873—1880 гг. достигало 35.⁵ Заседания думы сплошь и рядом превращались в пустые словопрения. Бывали собрания, на которых любители-ораторы выступали по 10 раз. Часто устраивались закрытые баллотировки по малосущественным вопросам. Постоянное отклонение в прениях от обсуждаемого вопроса было обычным явлением.⁶ Все это делало посещение заседаний думы мало приятной обязанностью для гласных. В общем хаосе думского делопроизводства заправили Городской думы, однако, умели проводить свою линию.

В финансовую деятельность думы городское положение 1870 г. внесло большие изменения. По новому городскому положению денежные средства думы (городской бюджет) должны были складываться из следующих видов сборов: 1) оценочного (с недвижимых имуществ), 2) с документов на право производства торговли и промыслов, 3) с трактирных заведений, постоянных дворов, съестных лавок. Кроме того, думе представлялось право с разрешения правительства устанавливать и некоторые другие сборы: с извозчиков, перевозов и т. п.⁷

¹ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления. СПб., 1883, стр. 2.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 8.

⁷ Городское положение 16 июня 1870 г., статья 128.

Общий подъем экономики страны, связанный с развитием капитализма в России, вызвал быстрое возрастание городских доходов. За 20 лет, с 1873 по 1893 г., городской бюджет вырос с 3 652 374 руб. до 9 705 819 руб., т. е. в 2,7 раза, причем существенно изменилось и соотношение отдельных статей дохода в городском бюджете, как это видно из следующих цифр.¹

	1873 г.		1893 г.	
	сумма, в руб.	% от общей суммы бюджета	сумма, в руб.	% от общей суммы бюджета
Общая сумма доходов	3652374	100	9705819	100
В том числе:				
Доходы с городских имуществ, городских предприятий, оброчных статей и т. д.	426633	11,7	3128495	32,2
Оценочный сбор с недвижимых имуществ	1308434	35,8	2372723	24,4
Налоги на торговые и промышленные заведения	541242	14,8	1052972	10,8
Налоги на личный труд, торговые свидетельства и некоторые другие налоги	696553	19	1365377	14,1
Косвенные налоги (сборы нотариальные, судебные, за прописку и т. д.)	471508	13	547765	5,7
Прочие доходы	208004	5,7	1238487	12,8

Таким образом, все статьи городских доходов обнаружили тенденцию к быстрому увеличению, причем особенно сильно выросли доходы с городских предприятий и городских имуществ (в 8 раз).

Если в 1873 г. основную массу доходов давал оценочный сбор с недвижимых имуществ (35,8% бюджета), по сравнению с которым остальные виды доходов были сравнительно невелики, то в 1893 г. на первое место вышли уже доходы с городских предприятий и имуществ (32,2%), а оценочный сбор составил лишь 24,4% бюджета. В этом проявилась социальная направленность деятельности Городской думы, стремившейся переложить основную массу платежей с крупных плательщиков (налоги на недвижимое имущество) на широкие трудовые массы — основных потребителей городских предприятий (водопроводы, кошки и т. д.).

Очень характерна поэтому пассивность Городской думы в отношении периодической переоценки недвижимого имущества. Переоценки были выгодны для города, так как в городские доходы шел 1% со стоимости недвижимого имущества,² а официальная оценка имущества (та, с которой брали налог), как правило, сильно отставала от действительной ценности вследствие быстрого возрастания стоимо-

¹ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 30; С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. 1. СПб., 1894, стр. 96—137.

² Закон разрешал взимать этот налог одним из двух способов: или в размере 1% со стоимости недвижимого имущества, или в размере 10% чистого дохода. Практически обычно пользовались первым способом.

сти недвижимого имущества во второй половине XIX в. Переоценка 1874 г. дала заметное увеличение городских доходов. Понятно, что владельцы недвижимости всячески противились переоценкам их имущества и добились того, что новая переоценка не производилась в течение долгого времени.

Именно эти круги населения столицы толкали Городскую думу на путь расширения городского бюджета за счет увеличения доходности городских предприятий. Они были заинтересованы в переходе возможно большего числа этих предприятий в руки города.

Социальная сущность обложения петербургского населения ярко проявлялась в удельном весе налогов, падавших непосредственно на трудовые слои населения. В числе доходных статей бюджета 1893 г. числились такие крупные по суммам сборы, как адресный (сбор с лиц, занимавшихся наемным трудом — 994 735 руб.), больничный (474 252 руб.), сбор за прописку паспортов (244 764), составлявшие вместе немногим менее $\frac{1}{3}$ всего бюджета города.¹

Несмотря на быстрое увеличение городского бюджета, петербургское общественное управление постоянно не сводило концы с концами. В 1873 г. городской дефицит составил около 600 тыс. руб.² И даже в 1893 г., когда городские доходы возросли почти до 10 млн руб. в год, Городской думе пришлось покрыть дефицит в 786 тыс. руб. за счет городских капиталов. Такое положение получалось вследствие того, что за счет города оплачивался целый ряд расходов, не имевших прямого отношения к городскому хозяйству: содержание полиции, жандармского дивизиона, тюрем, воинских казарм и т. д. Все эти расходы составляли в 70—80-х годах XIX в. около $\frac{1}{3}$ городского бюджета. В особенности дорого обходилось содержание полиции: в 1873 г. — 990 тыс. руб., в 1888 г. — уже около полутора миллионов рублей.

Многочисленные ходатайства думы о снятии или сокращении этих расходов не приводили ни к чему. Финансовым затруднениям Городской думы способствовало также то, что царское правительство не предоставляло городу никаких дотаций на производство капитальных работ по городскому хозяйству, несмотря на то, что стоимость многих из этих работ составляла миллионы рублей.

Вследствие этого для проведения таких мероприятий, как выкуп из частных рук городского водопровода, как постройка постоянного Литейного моста через Неву и т. п., дума должна была прибегать к займам. В 1893 г. расходы по уплате процентов по займам и погашению самих займов составили крупную сумму в 846 327 руб.³ Сравнительная картина городских расходов в 1873 и 1893 гг. видна из следующей таблицы.⁴

¹ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. 120.

² Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 29.

³ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. 140—141.

⁴ Столетие С.-Петербургского городского общества, стр. 329; С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. 140—221.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

	Сумма, в руб.	
	1873 г.	1893 г.
Проценты по займам и погашение долгов	24265	846327
Содержание полиции, тюрем, военных казарм, пожарной части и другие предписанные думе расходы	1599524	1807505
Содержание городского общественного управления	340013	852871
Расходы на городское благоустройство, содержание городских имуществ и предприятий	1124813	2515232
Народное образование	54284	698709
Здравоохранение и общественное призрение	284507	1485241
Суд	233601	302164
Прочие расходы	34648	230600
Внеординарные расходы (капитальные работы)	—	1253257
	3695635	10491906

Как видно из таблицы, за 20 лет (с 1873 по 1893 г.) городские расходы возросли почти в 3 раза. Характерно, что за эти же годы ассигнования на основные нужды городского хозяйства (благоустройство, городские предприятия и т. д.) возросли лишь вдвое (с 1 124 813 до 2 515 232 руб.). Сама по себе цифра 2 515 232 руб. кажется значительной, но если посмотреть, сколько из этой суммы приходилось в отдельности на каждую отрасль разросшегося городского хозяйства, то мы увидим, что в 1893 г. на все зеленые насаждения города было истрачено лишь 48 373 руб., на электрическое освещение 8090 руб., на городские памятники 45 руб., на народные гулянья 9 432 руб.,¹ и т. д.

Следует отметить быстрый рост самого аппарата городского общественного управления. В 1893 г. содержание этого аппарата, как видно из таблицы, стоило городу около 1 млн руб. (причем в эту цифру не входит стоимость содержания штата городских предприятий, а также медицинского и учебного персонала).

Громоздкий думский аппарат не отличался четкостью в работе. Все же выборные органы городского самоуправления после городской реформы 1870 г. стали несомненно активнее и самостоятельнее в своей работе, а деятельность их более плодотворной. Этому способствовал и общий подъем общественного движения во второй половине XIX в. Инициатива Городской думы, впрочем, постоянно тормозилась бюрократизмом правительственных органов, утверждавших ее решения.

Даже такие мелкие вопросы, как переименование улиц, требовали соответствующих законодательных актов, а это каждый раз было связано с прохождением длительного времени. Для утверждения решения думы о наименовании новых

¹ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. 160—161, 154—155, 162—163.

сверов понадобилось целых 3 года (с 1878 по 1881 г.).¹ Другие вопросы разрешались еще медленнее. Практическая оценка правительственной администрации над деятельностью Петербургской городской думы чувствовалась на каждом шагу.

Однако даже такая сильная зависимость городского самоуправления от царской администрации показалась правительству Александра III недостаточной. 11 июня 1892 г. было введено новое городское положение, сильно урезавшее и без того скудные права, которые даны были городской буржуазии реформой 1870 г. Изменения, внесенные контрреформой 1892 г. в городское управление, шли по двум основным линиям: 1) уменьшение контингента избирателей путем повышения имущественного ценза, 2) усиление контроля правительственных органов над городским общественным управлением.

По новому городскому положению избирательное право предоставлялось лишь владельцам недвижимого имущества, оцененного в сумме не менее 3 тыс. руб., а также владельцам торгово-промышленных предприятий со свидетельствами первой гильдии. Вся мелкая и часть средней буржуазии оказалась лишеной избирательных прав, и вследствие этого отпала надобность в делении избирателей на 3 избирательных собрания: городское положение 1892 г. уничтожило это деление.²

Очень сильно увеличились права губернатора (в Петербурге — градоначальника) в вопросах городского управления. Если по положению 1870 г. губернатор формально следил лишь за законностью действий Городской думы, то теперь он осуществлял надзор за правильностью и законностью³ и, согласно статье 83, имел право останавливать исполнение любого постановления думы, если оно «не соответствует общим государственным пользам и нуждам, либо явно нарушает интересы местного населения». Эта расплывчатая формулировка практически давала градоначальнику право отменять любое решение Городской думы.

Помимо того городское положение 1892 г. устанавливало широкий круг вопросов, в области которых постановления думы требовали обязательного утверждения их губернатором (градоначальником): например, все решения думы, исполнение которых было обязательно для населения, и т. д. Новым городским положением понижался кворум для вынесения решений по важнейшим вопросам с $\frac{2}{3}$ числа членов думы до $\frac{1}{2}$. Число собраний думы ограничивалось цифрой 24 в год, а число гласных в Петербургской городской думе уменьшилось до 160.

Введение нового городского положения уменьшило контингент избирателей в Петербурге более чем в три раза. На выборах 1893 г. избирательное право было предоставлено всего 5988 лицам,⁴ т. е. количество избирателей упало до

¹ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 22.

² Городское положение 11 июня 1892 года, статья 34.

³ Там же, статья 11.

⁴ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. VII.

цифры 1846 г. (население Петербурга выросло с тех пор почти в 2 раза). Избиратели составляли теперь всего 0,6% от общего числа жителей.

Непопулярность кандидатов, баллотировавшихся в 1893 г. в гласные думы, имела своим следствием то, что на выборах 8—10 апреля 1893 г. из общего числа 425 кандидатов было избрано лишь 26 гласных¹ (вместо положенных 160). На повторных выборах 25—28 апреля избрали еще 29 гласных.² Такой срыв выборов в Городскую думу дал возможность правительству прибегнуть к 54-й статье городского положения 1892 г. и пополнить список гласных до $\frac{2}{3}$ положенного для Петербурга числа депутатов из числа гласных прошлого состава думы. Таким образом, в 1893 г. в Думе оказалось всего 107 человек, из которых половина была назначена правительством.

Характерна низкая активность избирателей на выборах 1893 г.: 8—10 апреля из 5988 человек в выборах участвовало лишь 1682 человека, 25—28 апреля — 1955 человек. Из 107 гласных Петербургской городской думы в 1893 г. было:

Купцов и почетных граждан	52	48%
Чиновников (в основном крупных)	21	20
Интеллигенции	17	16
Офицеров, служащих и отставных неслужащих дворян	15	14
Ремесленников и мещан	2	2

По сравнению с составом гласных думы 1889 г. количество гласных из купечества и почетных граждан снизилось в 1893 г. с 61 до 48%, а чиновников поднялось с 12 до 20%. Характерно почти полное исчезновение в думе мещан и ремесленников. Контрреформа 1892 г. чрезвычайно усилила зависимость городского общественного управления от правительственной администрации, однако все же правительству полностью не удалось свести выборные органы до той жалкой роли, какую они играли в конце XVIII и первой половине XIX в., так как обстановка была уже другая.

Во второй половине XIX в. произошли большие изменения в области городского хозяйства. В связи с быстрым ростом в пореформенный период населения столицы увеличился и жилищный фонд. Темпы жилищного строительства во второй половине XIX в. намного превысили темпы первой половины века. Если в 30-х годах ежегодно строилось всего около 30 каменных домов, то через 60 лет (в начале 90-х годов) в Петербурге ежегодно строилось в среднем уже около 480 домов (в том числе 260 каменных).⁴

Город развивался в южном (к югу от Обводного канала) и отчасти в северном (Выборгская сторона) направлениях. В то же время происходило уплотнение

¹ С.-Петербургское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. XI—XIV.

² Там же, стр. XIII—XIV.

³ Там же, стр. XVI—XIX, XXI.

⁴ Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год. СПб., 1895, стр. XXIII.

ранее существовавшей застройки: надстраивались старые дома, на месте деревянных домишек вырастали каменные громады, застраивались пустыри и дворы. Еще в 70-х годах XIX в. территории южнее Обводного канала и севернее Невы¹ по характеру своей застройки рассматривались жителями Петербурга как предместья города. Даже между Фонтанкой и Обводным каналом было в это время еще много деревянных строений и пустырей.² Через 20 лет картина уже изменилась. На южных окраинах города число каменных домов приближалось к числу деревянных, а в центральной части города деревянных домов почти не было.

Однако на восточных и западных окраинах города еще господствовала деревянная застройка. Так же обстояло дело и в северной части Петербурга (кроме восточной части Васильевского Острова), т. е. на Петербургской и Выборгской сторонах.³ Эти районы столицы по характеру своей застройки являлись городскими предместьями.

Вследствие всего этого даже в 1881 г. в целом по Петербургу деревянные дома составляли еще около половины всех строений, как это наглядно видно из следующих цифр. В 1881 году в Петербурге было:

Каменных жилых строений	11380 (51% общего числа домов)
Деревянных * * * * *	10199
Смешанных * * * * *	655
<hr/>	
Всего	22234

За 12 лет (с 1869 по 1881 г.) количество каменных домов в Петербурге возросло с 50 до 51%.⁴ Общее число домов за 48 лет (с 1833 по 1881 г.) увеличилось втрое.

Жилые дома приносили большие доходы своим владельцам. В 1890 г., например, более $\frac{1}{2}$ всех домов давало доход свыше 4 тыс. руб. (от каждого дома), а доходность наиболее крупных домов превышала 50 тыс. руб.⁵ Стремление извлечь большие прибыли заставляло домовладельцев максимально застраивать дворные участки. Число «домов-колодцев», характерных для капиталистического города, росло в Петербурге из года в год. Предприимчивые домовладельцы сдавали под жилье также подвалы и чердаки. Дороговизна квартирной платы заставляла трудящееся население снимать эти помещения, так как плата за проживание в подвалах и чердаках была в 3—4 раза меньше, чем во 2—3-м этаже того же дома. Неудивительно, что в 1890 г. в мансардах и подвалах Петербурга жило свыше 70 тыс. человек.⁶

¹ Кроме восточной части Васильевского Острова.

² С.-Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы, т. II, СПб., 1870, стр. 155.

³ С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года, ч. IV, СПб., 1892, стр. 41.

⁴ Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год, стр. XXIII.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. XXVI.

Дороговизна квартирной платы приводила к скученности населения. Наибольшая плотность была в районе Сенной площади, застроенной огромными неблагоустроенными домами. Этот район города, находившийся почти в центре Петербурга, славился своими трущобами, а доходные дома князя Вяземского (так называемая «Вяземская лавра») являлись образцом антисанитарии.

На окраинах Петербурга плотность застройки была еще невелика. Однако население домов, расположенных в районе промышленных предприятий, жило и там чрезвычайно скученно. В таких сравнительно мало застроенных частях города, как Александрово-Невская, как восточный участок Нарвской части, число жителей, приходящихся на одну комнату, было не ниже, чем в домах у Сенной площади, и втрое превышало среднее число жителей, приходящихся на одну комнату в аристократической Адмиралтейской части. В Александрово-Невской части к скученности населения присовокуплялось еще отсутствие элементарных санитарных условий: половина квартир здесь не имела водопровода, три четверти квартир не имели уборных, и т. д. Вследствие этого смертность населения здесь в $2\frac{1}{2}$ раза превышала смертность населения Адмиралтейской части.¹

Беспорядочная застройка при наличии в Петербурге большого числа деревянных домов создавала пожарную опасность. Пожары продолжали оставаться крупным бедствием столичного населения. В мае 1862 г. возник огромный пожар в Апраксином рынке. Деревянные строения, заваленные массой легко воспламеняющихся товаров, дали обильную пищу огню. Двое суток пожарная команда боролась с огнем. К концу пожара была привезена с Невского механического завода единственная тогда в городе паровая машина.² В 1882 г. огромным пожаром на Крестовском острове было уничтожено 76 дач; через 5 лет, в 1887 г., пожар в Лесном уничтожил 34 жилых строения,³ и т. д.

С 1858 г. (появление в городе телеграфа) извещения о пожарах стали передаваться по телеграфу, с 1871 г. вводятся электросигнальные аппараты, в 1863 г. для городской пожарной команды была приобретена в Англии паровая пожарная машина.⁴ Все эти нововведения не внесли, однако, существенных улучшений в постановку пожарного дела. Царское правительство жалело денег на улучшение оснащения пожарных команд. В 1873 г. в связи с переводом пожарной службы на вольный наем штат пожарных команд был даже сильно сокращен.⁵

Скупо отпускались средства и на городское благоустройство. Во второй половине XIX в. уже остро ощущался недостаток зеленых насаждений в центре Петербурга. В таких частях, как Казанская, Коломенская и другие, практически уже не было зелени. Немногочисленные крупные сады и парки столицы (Таври-

¹ Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год, стр. XXVIII.

² В. С. Рудницкий. Пожарное дело в С.-Петербурге. СПб., 1903, стр. 99.

³ Там же, стр. 100—102, 104.

⁴ Там же, стр. 28—30.

⁵ Там же, стр. 30.

Строительство гранитной набережной у Адмиралтейства. Гравюра. 70-е годы XIX в.

ческий, Летний, Юсунов и другие), как правило, не принадлежали городу. Бульваров и общественных скверов в Петербурге почти не было. Городская дума вынуждена была принимать какие-то меры в отношении озеленения столицы, так как скудность зеленых насаждений в центральной части города уже слишком бросалась в глаза.

Во второй половине XIX в. на средства города были проведены некоторые работы по озеленению. Были разбиты скверы у Исаакиевского собора (1860), у Калинкина моста (1875), у Греческого проспекта (1885) и другие; устроены бульвары на Александровском (ныне Добролюбова) проспекте (1875), на Малой Конюшенной улице (улица Софьи Перовской) (1877), на Обводном канале (1890) и т. д. В 1863 г. в собственность города перешла часть Юсуновского сада. В 1871—1879 гг. были устроены городские питомники зеленых насаждений на Петербургской стороне.

Наиболее значительной работой за эти годы явилось создание в 1874 г. Александровского сада у Адмиралтейства. Однако хозяева города, не считаясь с требованиями градостроительства, засадили сад высокими деревьями, вследствие чего

была закрыта перспектива на великолепную архитектуру здания Адмиралтейства. Все произведенные работы по озеленению не смогли сколько-нибудь значительно возместить общее сокращение зеленых насаждений в Петербурге, происшедшее в XIX в. От недостатка зелени страдало в первую очередь трудовое население города, вынужденное безвыездно жить в Петербурге круглый год.

В связи с переходом к городу территории бывшей Адмиралтейской верфи Дума постановила устроить каменную набережную перед зданием Адмиралтейства. Новая Адмиралтейская набережная была открыта в 1874 г. В 1875 г. она была озеленена.

Крупнейшей работой по благоустройству Петербурга была постройка в 1875—1879 гг. Литейного моста через Неву (против Литейного проспекта), заменившего собой ежегодно наводившийся плашкоутный мост. Это был второй постоянный мост через Неву в Петербурге. Он обошелся городу в 2 650 тыс. руб. (кроме пособия от казны).¹

Значительные изменения произошли в уличном освещении. В середине XIX в. в Петербурге существовало три вида уличного освещения: газовое, спиртовое и масляное, причем число газовых фонарей было сравнительно невелико (в 1858 г. около $\frac{1}{2}$ общего количества).² Тусклый свет спиртовых и особенно масляных фонарей давно уже вызывал нарекания петербургских жителей, вследствие чего Городская дума решила заменить их керосиновыми. Этот новый вид освещения в то время только еще завоевывал права гражданства.

Освещение улиц керосином или, как его тогда называли, «минеральным маслом», было дано Городской думой в подряд американцу Шандору, который взялся установить 7200 уличных фонарей.³ 1 августа 1863 г. зажглись первые 6 тыс. керосиновых фонарей. Масляное и спиртовое освещение прекратило свое существование. Одновременно Городской думой были приняты меры к увеличению числа газовых фонарей.

В 1858 г. образовалось второе газовое общество по освещению улиц (первое общество, учрежденное в 1835 г., сумело осветить газонами фонарями лишь небольшой район в центральной части города). Второе общество действовало более энергично. Оно построило 2 газовых завода и уже к 1869 г. довело число газовых фонарей уличного освещения до 7 005.⁴ В 1878 г. газовое освещение было устроено на Петербургской и Выборгской сторонах.⁵

В эти же годы появилось электрическое освещение. В 1879 г. электричеством (по способу Яблочкова) был освещен Дворцовый мост. Новое изобретение внедря-

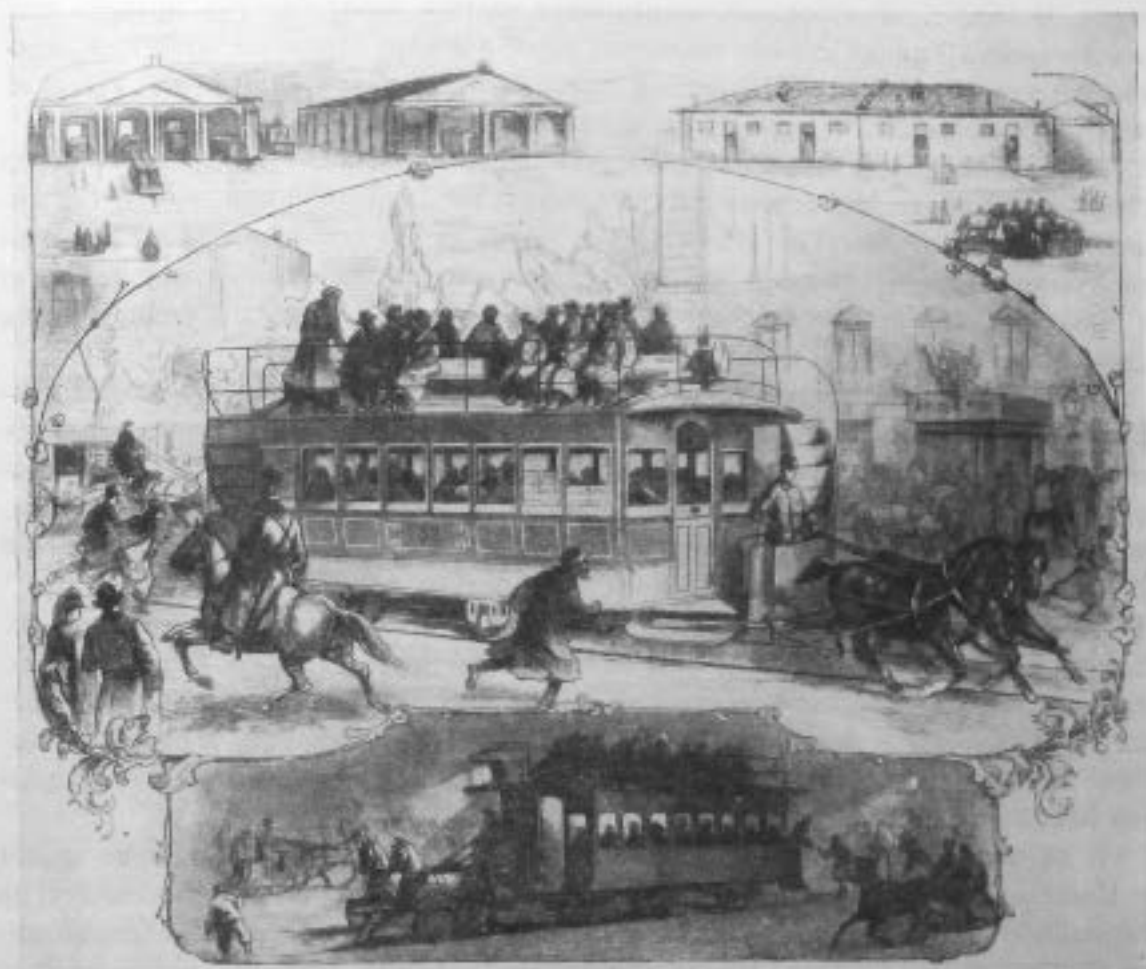
¹ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 85.

² Г. Л. Семенович, Уличное освещение города С.-Петербурга. Пгр., 1914, стр. 15.

³ Столетие С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 304.

⁴ Г. Л. Семенович, ук. соч., стр. 20, 23.

⁵ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 79.

Конка в Петербурге. Гравюра на дереве. 1875 г.

лось туго. Лишь в 1884 г. начали освещать электричеством Невский проспект.¹ Электрическое освещение значительно превосходило по своим качествам газовое, но вытеснить газовые фонари, принадлежавшие частным предпринимателям, затратившим на этот вид освещения значительные капиталы, было нелегко. Газовые фонари очень медленно уступали свое место электрическим (около города вплоть до Октябрьской революции освещались керосиновыми фонарями). В 1893 г. в Петербурге было 79 электрических фонарей, 8564 газовых и 7954 керосиновых. На все виды освещения город затрачивал 460 959 руб.²

Во второй половине XIX в. в Петербурге появился первый массовый вид городского транспорта — конка. Ни омнибусы и дилижансы, ни тем более извозчики не могли удовлетворить потребности быстро растущего города в городском тран-

¹ Г. Л. Семенович, ук. соч., стр. 25—26.

² Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год, стр. 177.

спорте. В 1862 г. образовалось специальное частное товарищество, которое взялось построить 3 линии конных железных дорог в центре города: по Невскому проспекту, Садовой улице и от Дворцовой площади на Васильевский Остров. Несложность работ позволила быстро их окончить.

27 августа 1863 г. открылось движение конки по Невскому проспекту. Вслед за тем движение началось и на других линиях: от Дворцовой площади до 6-й линии Васильевского Острова и по Садовой улице от Гостиного двора до Никольского рынка. За проезд внутри вагона предприниматели брали по 5 коп., за проезд на империале (на крыше вагона) — 3 коп. Первоначально вагоны ходили очень редко, с интервалом в 30 мин.¹

В это время в Петербурге продолжали еще существовать различные виды маршрутных карет: омнибусы, дилижансы и т. п., которые возили пассажиров на острова, в пригороды, а также по городу. Некоторые линии омнибусов конкурировали с конкой, однако с каждым годом становилось все более и более очевидным, что проблему массового городского транспорта может разрешить лишь конка и нужно прокладывать новые линии конных железных дорог.

В 70-х годах XIX в. Городской думой был разработан проект сети конных железных дорог, охватывающих всю центральную часть города.² Строительство было поручено образованному тогда же второму товариществу конных железных дорог, которое в течение 1874—1877 гг. закончило все работы и открыло движение конки по 26 маршрутам. Общее протяжение всех линий второго товарищества конных железных дорог составляло 84 версты.

В 1878 г. Невское общество пригородной дороги открыло движение конки от Николаевского (Московского) вокзала по Шлиссельбургскому проспекту до Шлиссельбургской заставы. Конные железные дороги быстро стали массовым видом городского транспорта. Число перевезенных ими пассажиров росло из года в год. В 1893 г. конкой было перевезено 57 781 582 пассажира, а валовой доход всех обществ составил 2 810 087 руб.; из этой суммы в доход города поступило лишь 86 235 руб.

В 1880 г. в Петербурге был произведен первый в мире опыт движения электрического трамвая. Изобретателем трамвая был русский артиллерийский офицер, штабс-капитан Ф. А. Пироцкий. Царское правительство не проявило никакого интереса к изобретению. Характерно, что владельцы конного парка конки из боязни конкуренции приложили все усилия к тому, чтобы провалить изобретение Пироцкого. Они подкупили одну из петербургских газет, которая сообщила о «неудаче» опытов.

Наряду с конкой в Петербурге существовали также пароходные пассажирские линии. Небольшие пароходы перевозили пассажиров из центра города на острова,

¹ А. П. Червяков. Путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1865, стр. 258.

² Известия С.-Петербургской городской думы, 1874, № 4, стр. 615—656.

а также в различные населенные пункты побережья Финского залива. В 1882 г. предприниматель Гартман открыл пароходное движение по Екатерининскому каналу от Летнего сада до Никольского рынка; позднее было открыто пароходное движение и по Фонтанке.¹ Пароходные рейсы по Екатерининскому каналу вследствие конкуренции конки не приносили заметных прибылей, и после окончания 10-летнего срока контракта эта линия была закрыта.

В 1892 г. пароходами поддерживалось сообщение по Фонтанке от Летнего сада до Каликина моста, по Неве от 11-й линии Васильевского Острова до Финляндского вокзала и от Летнего сада до островов. Кроме того, на пароходах в ряде мест производился перевоз через Неву.² Помимо пароходных перевозов в 1893 г. было еще 37 перевозов на яликах³ (через Неву и другие реки и каналы в черте города).

Для городских предприятий Петербурга, так же как и для промышленных предприятий царской России, характерна роль иностранного капитала, проникновению которого дума не оказывала должного противодействия. Уличное освещение керосином было отдано по контракту американцу Шандору, владельцами конных железных дорог первого товарищества сравнительно скоро после его учреждения оказались англо-французские капиталисты, речным пароходством заправлял немец Гартман и т. д. Гартман чувствовал себя в Петербурге хозяином положения. Он ничуть не заботился о том, чтобы его служащие умели говорить на русском языке. Многочисленные жалобы на владельцев пароходной концессии заставили даже петербургского градоначальника издать приказ, требующий (для устранения недоумений) обязательного знания русского языка служащими пароходства.⁴

Самым значительным мероприятием в области городского хозяйства Петербурга второй половины XIX в. было строительство городского водопровода. Быстрый рост столицы требовал скорейшего разрешения проблемы водоснабжения. В снабжении водой нуждались фабрики и заводы, резкое увеличение численности и плотности населения столицы создавало крайнюю необходимость в строительстве водопровода для улучшения санитарных условий жизни в Петербурге, уменьшения опасности возникновения эпидемий. Однако петербургское городское общественное управление, имея в своем распоряжении чрезвычайно скудные финансовые средства, было бессильно что-нибудь сделать.

В 1858 г. образовалось частное акционерное общество, которое поставило строительство водопровода на коммерческую ногу. Общество приняло на себя водоснабжение девяти незаречных частей города, т. е. городской территории между Невой и Обводным каналом, где в то время проживало около 400 тыс. жителей.

¹ Известия С.-Петербургской городской думы, 1889, т. 93, № 9, стр. 728—731.

² Путеводитель по северной столице и адресные сведения. СПб., 1892, стр. 135.

³ Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год, стр. 170.

⁴ Известия С.-Петербургской городской думы, 1889, т. 94, № 19, стр. 532—533.

При расчете мощности водопровода была принята норма $3\frac{1}{2}$ ведра воды в сутки на каждого жителя (а всего в сутки 1400 тыс. ведер). Работы по постройке водопровода начались в 1859 г.¹

Не имея собственного опыта, водопроводное общество слепо следовало заграничным образцам, не учитывало специфики русских условий. Результаты оказались плачевными: открытые фильтры, устроенные по образцу английских, промерзли и не стали действовать, водопроводные трубы дали большие течи и на улицах города образовались фонтаны и размывы мостовых. Пришлось отказаться от заграничных рецептов и разрабатывать свой собственный способ водоснабжения.

Проект был сделан заново, выполненные уже работы переделаны, и в конце 1863 г. петербургский водопровод начал подавать воду потребителю. Однако все обусловленные договором работы были закончены лишь через 3 года. Общая длина водопроводной сети составляла тогда всего 108 верст.²

Водоснабжение Петербурга оказалось очень доходным делом для предпринимателей. Потребление воды росло чрезвычайно быстро, а вместе с тем росли и предпринимательские барыши, как это наглядно видно из следующих цифр.³

	Потребление воды в год, в млн ведер	Валовая выручка, в руб.	Чистая прибыль предпринимателей, в руб.
1864 г.	164,5	30503	—
1866 *	314,2	159659	55073
1880 *	1827,4	763039	282314
1890 *	3944,4	1230500	564956

Таким образом, за 24 года (с 1866 по 1890 г.) потребление воды возросло в 12,5 раз, при этом чистая прибыль предпринимателей увеличилась более чем в 10 раз. В 1890 г. петербургский водопровод давал более полумиллиона рублей дохода. Неудивительно, что первоначальная стоимость водопроводных акций возросла к этому времени в 5 раз.⁴ Петербургский водопровод был настоящим золотым дном для предпринимателей. Поэтому, когда в 1875 г. город поднял вопрос о выкупе водопроводов, общество пошло на то, что согласилось за свой счет расширить водопроводную сеть на 80 верст и предоставлять городу бесплатно ежегодно по 73 млн ведер воды. Впрочем, оно, в свою очередь, добилося уступки от Городской думы: продления срока договора до 1914 г.⁵ (по уставу 1858 г. срок договора был

¹ Труды русских водопроводных съездов. Съезд третий. М., 1898, стр. 13.

² Городские водопроводы в С.-Петербурге. Краткий исторический очерк. СПб., 1901, стр. 7—8.

³ Там же, стр. 8—9, 20—21.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Ведомости С.-петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции, 1875, № 85.

*Петербург. Акварель Ф. Ф. Базица, Около 1870 г.
Государственный Русский музей.*

определен в 35 лет). Увеличение потребления воды заставило водопроводное общество увеличить мощность водопроводной станции.

В 1873 г. дума заключила контракт с частными предпринимателями на устройство водопровода в заречных частях города, т. е. на правом берегу Невы. Работы производило английское акционерное общество, которое в 1875 г. открыло водоснабжение Петербургской стороны и Васильевского Острова, а в 1876 г. — Выборгской стороны. Каждая часть города снабжалась своим отдельным водопроводом, а всего в городе оказалось 4 не связанных друг с другом водопроводных сети.¹

Вода в водопроводную сеть поступала нефильТРованная, прямо из Невы. Потерпев неудачу с устройством открытых фильтров, водопроводное общество совсем отказалось от фильтрации, его примеру следовало и Общество заречных водопроводов, вследствие этого потребитель получал неочищенную воду, и качество ее из года в год (по мере загрязнения Невы городскими нечистотами) ухудшалось. Жители столицы вынуждены были для очистки водопроводной воды устраивать фильтры в своих домах.²

Вопрос о недоброкачественности воды петербургского водопровода неоднократно обсуждался на заседаниях Городской думы. Гласные заявляли, что вода эта мутная, с большим количеством осадков, что в ней попадает даже тухлая рыба, что даже вода из Мойки лучше ее по качеству.³ Городская дума потребовала от водопроводного общества устройства фильтров, так как по уставу оно обязано было снабжать город «свежей и чистой водой». Однако общество во главе с будущим министром финансов И. А. Вышнеградским категорически отказалось. Дело перешло в суд.

Характерно, что в самой думе, несмотря на очевидную правоту города, в этом споре не было единения. Нашлись гласные, которые горячо выступали в защиту водопроводного общества. Гласный П. А. Потехин, по профессии юрист, сложил с себя свои полномочия депутата города и выступил на суде в качестве поверенного общества. Попытки водопроводного общества внести раскол в думу не дали ему все же успеха в судебном процессе. Хотя Петербургский окружной суд и встал на сторону предпринимателей, следующие судебные инстанции (Судебная палата и Сенат) под нажимом общественного мнения решили дело в пользу города.⁴

Водопроводному обществу было предложено устроить за свой счет фильтры, которые и были сделаны в 1888—1889 гг.⁵ Фильтрация воды уменьшила число желудочных заболеваний в городе, однако заречные части продолжали еще снабжаться нефильТРованной водой. Недочеты водоснабжения столицы, а также стремле-

¹ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 81; Труды русских водопроводных съездов. Съезд третий, стр. 15.

² Известия С.-Петербургской городской думы, 1889, т. 96, № 37, стр. 467.

³ Отечественные записки, 1879, № 6, Современное обозрение, стр. 271.

⁴ А. Ф. К о н и н. На жизненном пути. М., 1914, т. 1, стр. 460—462; т. II, стр. 221—225.

⁵ Труды русских водопроводных съездов. Съезд третий, стр. 16.

ние влиятельных думских кругов извлечь выгоды из доходности петербургского водопровода побудили Городскую думу принять решение о выкупе городских водопроводов. С 1891 г. в собственность города перешло водоснабжение левобережной части Петербурга, а с 1893 г. — правобережной (заречные части). Водопровод давал в это время городу уже 5878,5 млн ведер воды в год (в том числе заречные части лишь 872 млн ведер),¹ а общая длина водопроводной сети составляла более 346 верст.²

Несмотря на большую доходность водопровода, Петербургская городская дума, выкупив водопровод, нашла возможным лишь очень незначительно снизить отпускную цену на воду: с 8 до 7 коп. за 100 ведер, хотя чистая прибыль от водопровода в 1893 г. составляла огромную сумму — 319 492 руб., а в 1894 г. даже 407 тыс. руб.³ Не следует забывать, что тогдашний водопровод обслуживал лишь центральную часть города. Окраины — территории южнее Обводного канала, Охта и т. д. — попрежнему не имели водопровода, да и в центре города водопроводные магистрали обслуживали лишь лучшие улицы. Многие дома снабжались водой, как и раньше, из рек — водовозами и т. д.

Если вопрос о водоснабжении Петербурга был во второй половине XIX в. в какой-то мере разрешен (хотя и не вполне удовлетворительно), то с канализацией дело обстоит гораздо хуже. Устройство нормальной канализации требовало огромных затрат и не сулило городу и предпринимателям никаких барышей. Этим объясняется та исключительная медлительность, которая была проявлена петербургским городским общественным управлением в разрешении вопроса с устройством канализации. Вся деятельность думы в этом отношении выразилась в бесконечных заседаниях комиссии по изысканию системы для отвода нечистот. В 1876 г. проект канализации был заказан английскому инженеру Линдлею; по получении этого проекта в 1880 г. дума затратила 3 года на перевод и изучение проекта. Дело не сдвинулось с мертвой точки и в 90-х годах.

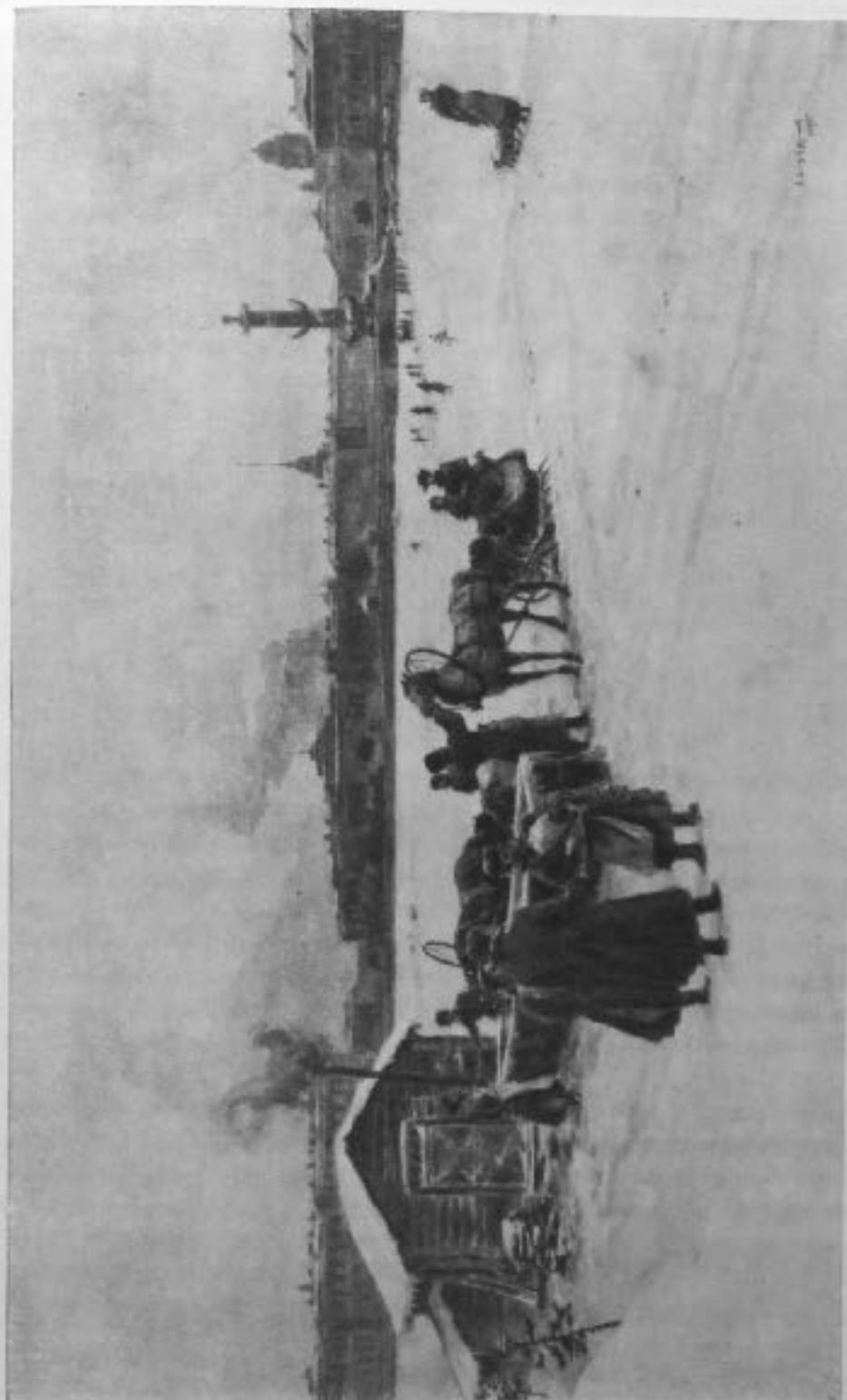
Все нечистоты города попрежнему по деревянным сточным трубам (в XIX в. вместо кирпичных сточных труб XVIII в. стали делать более дешевые деревянные) спускались в реки и каналы, что приводило к загрязнению рек и почвы. Устройство водопровода сильно увеличило количество сточных вод. Все эти нечистоты оставались на территории города, способствуя распространению эпидемических заболеваний. Смертность в Петербурге достигала огромной цифры — 26 человек в год на тысячу жителей.⁴ Чрезвычайное загрязнение городских каналов побудило думу поднять вопрос о засышке некоторых из них. В 1891 г. был взят в трубу в черте города один из наиболее загрязненных каналов — Лиговский. После засышки

¹ Городские водопроводы в С.-Петербурге, стр. 31.

² Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год, стр. 177.

³ Городские водопроводы в С.-Петербурге, стр. 22, 31.

⁴ Статистический ежегодник С.-Петербурга на 1893 год, стр. 28.

Жатва в поле. Картина маслом А. К. Беггрова. 1895 г.

трубы на месте канала образовалась широкая Лиговская улица, на которой был устроен бульвар.

Источником эпидемий являлись городские свалки. Сор с улиц и дворов, а также отбросы, собиравшиеся в помойных ямах, попрежнему (как и в XVIII в.) вывозились на свалки, которые были расположены в разных местах города, сравнительно недалеко от жилых кварталов: на реке Карповке, у Галерной гавани, на Московском шоссе, против Киевской улицы и т. д. Здесь весь этот зловонный мусор сваливался в кучи в ожидании, когда он перегнет.

Городское общественное управление в лице думы не желало затрачивать средств на вывозку городских нечистот, так как здесь нельзя было ожидать ничего, кроме одних расходов. В думских же кругах было сильное стремление возможно большее число мероприятий в области городского хозяйства ставить на коммерческую ногу. Так, например, в 1871 г. Городская дума заключила на 20 лет контракт с купцом Мосягиным, предоставив ему исключительное право убирать в столице и ее окрестностях палый скот, который предприимчивый купец свозил на свой завод по переработке животных продуктов.¹ В ожидании приезда за ней купца палая скотина лежала, отравляя воздух, и никто не имел права ее убрать.

Дума намеревалась сдать с торгов также право истребления в городе бездомных собак, число которых росло с каждым годом, однако желающих заключить такой контракт не нашлось и эту обязанность пришлось выполнять полиции.² Даже из борьбы с тараканами извлекалась выгода. В 1875 г., например, в Петербурге существовала специальная артель, занимавшаяся выведением тараканов.³

Для улучшения санитарного состояния Петербурга большое значение приобретал вопрос о закрытии в черте города кладбищ. Правительственная комиссия, обследовавшая эти кладбища, установила, что некоторые из них находятся в состоянии «угрожающем народному здравию». По предписанию правительства Городская дума в 1873—1875 гг. открыла два новых кладбища за чертой города — Преображенское (в Обухове) и Успенское (в Парголово) — и добилась правительственного запрещения хоронить на старых кладбищах. Но здесь дума натолкнулась на сопротивление духовенства, извлекавшего большие доходы из городских кладбищ. Синод воспротивился закрытию кладбищ в городе, и они так и не были закрыты.⁴

Для уменьшения опасности эпидемий необходимо было обратить внимание на торговлю съестными припасами и в первую очередь на санитарное состояние рынков, скотобоен и т. д. В этом отношении дело обстояло очень неблагоприятно. Петербургские скотобойни, находившиеся в руках частных предпринимателей, были

¹ Известия С.-Петербургской городской думы, 1874, № 4, стр. 674.

² Там же, стр. 672—678.

³ Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции, 1875, № 204.

⁴ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 59—60.

Вид Невского проспекта в 80-е годы XIX в. Картина маслом работы А. К. Беггрова. 1886 г.

очагами эпидемических заболеваний. Общественное мнение уже давно требовало постройки городской общественной скотобойни, однако лишь в 1880—1882 гг. этот проект получил разрешение.¹ Построенная на Царскосельском проспекте, недалеко от Обводного канала, городская скотобойня была сразу же превращена в коммерческое предприятие, принося городу крупные доходы. В 1893 г. доход от скотобойни превысил 300 тыс. руб.² В антисанитарном состоянии находились и городские рынки. Комиссия, обследовавшая Сенную площадь в 1865 г., дала очень картинное описание Сенного рынка.

«Площадь постоянно покрыта грязью, и от разлагающихся и испаряющихся на ней нечистот воздух портится и всюду распространяется зловоние. В эту зараженную атмосферу ежедневно свозят для продажи значительное количество легко подвергающихся порче жизненных припасов: мяса, рыбы, молока, творогу, зелени, кроме других разнородных предметов... На одной стороне площади торгуют этими припасами в кое-как сколоченных балаганах и лачугах, между которыми с трудом можно пробраться... На другой стороне Сенной под открытым небом без всякой

¹ Там же, стр. 58—59.

² С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. I, стр. 102—103.

защиты от дождя и непогоды торгуют овощами, стеклянной и фаянсовой посудой, башмаками, рукавицами и т. п.¹

Трудно поверить, что такой рынок находился в центральной части города! Антисанитарное состояние Сенного рынка заставило Городскую думу принять в 1880 г. решение о постройке на Сенной площади капитальных рыночных помещений. Во исполнение этого решения в последующие годы были построены огромные безобразные рыночные павильоны на Сенной, которые обошлись городу почти в полмиллиона рублей. Хотя думе и не удалось сколько-нибудь значительно улучшить санитарное состояние рынка, все же новые торговые помещения несомненно уюродочили торговлю на Сенной площади.

Ответственность за санитарный надзор в Петербурге несла полиция, при которой с 1868 г. существовала специальная санитарная комиссия. Но полиция плохо справлялась с этой задачей, и во время эпидемий правительство каждый раз прибегало к помощи городского общественного управления. В связи с борьбой с эпидемией тифа в 1878 г. думой была образована Комиссия общественного здравия, которой было поручено также и проведение в городе санитарных мероприятий. Разделив город на участки между санитарными врачами, комиссия производила осмотр частных домов, рынков, торговых и промышленных заведений. На весь Петербург в 1893 г. было всего 11 санитарных врачей.

С 1882 г. Комиссией общественного здравия был организован постоянный санитарный надзор за школами и учащимися, для чего были приглашены специальные женщины-врачи. Однако число школьных, как и число санитарных врачей, было до смешного мало: в 1893 г. на весь город было всего 10 школьных врачей, каждый из которых должен был обслуживать по 30 училищ.²

Так же плачевно было и положение с лечебными заведениями. Правда, в Петербурге существовали в это время десятки разного рода лечебниц, больниц, госпиталей, но все они принадлежали разным ведомствам или частным лицам. Частные лечебницы, которых в 1865 г. было в Петербурге свыше 30, взимали большую плату за лечение и поэтому были совершенно недоступны для трудового населения. Так, в родильном доме доктора Баладина с рожениц брали 25—100 руб. серебром, что явилось громадной суммой по ценам того времени, когда мелкий чиновник получал в месяц всего 20—25 руб. серебром.

Но и ведомственные лечебницы, несмотря на то, что многие из них содержались на средства благотворительности, редко лечили бесплатно. Так называемая «больница для чернорабочих» содержалась за счет специального налога на трудовое население, взимавшегося при выдаче адресных билетов. В Мариинской больнице для бедных было платное отделение, где брали за лечение 35 руб. в месяц.³

¹ Вестник Европы, 1867, т. 1, Историческая хроника, стр. 49.

² С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. II, СПб., 1894, стр. 63, 49.

³ А. П. Червяков, ук. соч., стр. 140.

Число частных практикующих врачей в Петербурге было довольно значительным (в 1875 г. — 768 врачей).¹ Однако лечение у частного врача стоило больших денег, и они стремились практиковать в центральной части города, где население было более обеспеченное. В том же 1875 г. на 10 тыс. жителей приходилось в Литейной части города 32 врача, а на окраине — в Александро-Невской части — 4.²

Неудовлетворительная постановка здравоохранения в Петербурге увеличивала опасность эпидемий. Однако правительство, даже и после введения нового городского положения, не собиралось передавать лечебные заведения в ведение городского общественного управления. Вся деятельность Городской думы в области здравоохранения сводилась к перечислению денежных сумм на содержание больниц, которые находились в ведении других учреждений.

Лишь эпидемия 1877—1878 гг. заставила правительство изменить свою позицию. В разгар эпидемии, когда ежедневно до 250 больных не находили себе места в больницах и возвращались обратно в свои дома, способствуя распространению эпидемии, правительство обратилось за помощью к думе. В 1878 г., как уже говорилось ранее, при думе была создана Комиссия общественного здравия, которая организовала временные больницы в частных домах, что было, конечно, плохим выходом из положения. Поэтому в 1882 г. на средства города была учреждена барачная больница для тифозных больных на 300 коек.³

Через 2 года, в 1884 г. царское правительство решилось, наконец, передать Городской думе больницы, находившиеся в ведении Повечительного совета Ведомства императрицы Марии. В числе их находились заведения, принадлежавшие когда-то Приказу общественного призрения. В том же году городу были переданы также временные больницы полицейской санитарной комиссии (комиссия была тогда же ликвидирована). Всего в ведение думы поступило 4 городских больницы на 4339 коек и 2 загородных на 560 коек, а также одна богадельня. Среди этих больниц находились такие, как Обуховская, Петропавловская и др. Город содержал в это время 11 родильных приютов, но во всех них было всего 50 коек.⁴

Переход ряда больниц в ведение Городской думы несколько упорядочил постановку лечебного дела в столице. Во главе медицинской части городских больниц встал такой выдающийся русский ученый, как С. П. Боткин,⁵ который поставил лечебную часть на строго научную основу. По его инициативе при Городской думе были учреждены должности думских врачей, на обязанности которых

¹ Ведомости С.-петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции, 1875, № 228.

² Там же, 1875, № 56.

³ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 52—53.

⁴ С.-Петербургское городское общественное управление в 1884 году. СПб., 1885, стр. 476—480.

⁵ С.-Петербургское городское общественное управление в 1886 году, отд. III. СПб., 1887, стр. 58.

лежало оказание бесплатной медицинской помощи населению. Амбулаторный прием производился также и при больницах.

Ограниченность средств, выделявшихся думой на здравоохранение, не давала возможности проведения в этой области крупных мероприятий. Количество думских врачей было ничтожно. В 1893 г. их было всего 24 на весь город. В конце этого года в Петербурге значилось всего 11 думских больниц на 5035 коек¹ и 10 родильных домов на 80 коек.² В то же время частных и ведомственных лечебных заведений в столице было свыше 70.³ Для миллионного населения Петербурга число городских больниц было явно недостаточным.

Следует сказать несколько слов о деятельности Петербургской городской думы в области народного образования. До 1877 г. дума лишь ежегодно перечисляла в кассу Министерства народного просвещения средства на содержание городских училищ. В 1877 г. по ходатайству думы в ее ведение были переданы 16 одноклассных городских училищ⁴ с 800 учащимися. Была учреждена специальная думская комиссия по народному образованию. Несмотря на ограниченность средств, выделяемых думой на народное образование, за 15 лет, к 1893 г., были достигнуты некоторые успехи в области постановки начального образования в Петербурге. Но для города с миллионным населением число училищ было незначительно, и каждая школа приходилась на 3333 жителя.⁵ В Петербурге в это время было свыше 100 тыс. детей школьного возраста,⁶ из которых в школе обучалось менее 15%. Городские училища не могли обслужить даже тех детей, родители которых были в состоянии отдать их в школу. В 1893 г. в приеме в школу было отказано 3396 детям, что составляло половину всего нового приема.⁷

Для городских училищ не хватало преподавательского персонала. На 300 училищ приходилось только 468 преподавателей, из коих 116 обучали закону божию, а следовательно, настоящих учителей было лишь 352 (немногим более одного учителя на школу).⁸ Помимо городских училищ в ведении думы находилось 12 воскресных школ, 2 четырехклассных училища, несколько ремесленных училищ и 2 библиотеки-читальни.⁹

Новое городское положение 1870 г. несомненно оживило деятельность городского общественного управления. Впервые органы самоуправления могли проявлять какую-то инициативу в своей работе и получили, в очень скромных рамках,

¹ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. II, стр. 102, 598, 599.

² Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1893 год, стр. 175.

³ А. Л и с к и й. Врачебные учреждения С.-Петербурга, СПб., 1893, стр. 1—104.

⁴ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 46—47.

⁵ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. III, стр. 839.

⁶ Десять лет С.-Петербургского городского общественного управления, стр. 49.

⁷ С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году, ч. III, стр. 729.

⁸ Там же, стр. 722, 825.

⁹ Там же, стр. 734, 764.

известную самостоятельность. Результатом этого были заметные успехи, достигнутые в разных отраслях городского хозяйства.

Однако заправила дума направляла ее деятельность на проведение лишь таких мероприятий, в которых была заинтересована петербургская буржуазия. В этих условиях не могли быть разрешены такие насущные проблемы, как, например, строительство канализации, которая не сулила буржуазии непосредственных выгод. Городские окраины, населенные десятками тысяч рабочих семейств, оставались вне черты города, и на благоустройство этих районов дума не тратила ни копейки. За Невской заставой (нынешний Невский район Ленинграда) все улицы, кроме Шлиссельбургского шоссе, были немощенные. «Нет ничего удивительного, — писал в 1880 г. в своем отчете Земской управе С.-Петербургского уезда врач М. Е. Державин, — что по немощеным улицам и переулкам... нет проезда: грязь здесь никогда почти не просыхает, подвалы и нижние этажи многих домов залиты водою».¹ Многочисленные предприятия загрязняли территорию окраины; для свалки нечистот использовались даже канавы, идущие вдоль основной магистрали района — Шлиссельбургского шоссе.

Не лучше обстояло дело и на Петербургской стороне. Одна из петербургских газет писала в 1863 г.: «Грязь в Колтовской с примесью разных нечистот с выбоинами и рытвинами по улицам, придавая последним вид дурно вспаханного поля, невозмутимо залегает в своем ложе, и в настоящее время ввиду осени посещение тех мест представляется риском, далеко небезопасным во время ночи».²

И это было в городе, где центральные улицы были замощены торцовой мостовой, освещены яркими фонарями, застроены великолепными каменными домами! Контраст между благоустройством центра города и окраин во второй половине XIX в. еще более обострился. Сильно ухудшились и жилищные условия жизни трудового населения Петербурга.

В 90-х годах, с введением нового городского положения, царское правительство взяло назад значительную часть тех скромных уступок городской буржуазии, которые были даны в 1870 г. Однако устранить буржуазию от управления городом было уже невозможно, и хотя Петербургская городская дума была и очень сильно ущемлена в своих правах, она все же осталась тем органом, который непосредственно ведал хозяйством Петербурга. А в думе, несмотря на изменение ее состава после 1892 г., основную роль играла буржуазия.

¹ Отечественные записки, 1880, № 8, Современное обозрение, стр. 144.

² С.-Петербургские ведомости, 1863, № 217 (29 сентября).

У К А З А Т Е Л И

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Ю. Ф. 575.
Абаринова А. П. 491.
Абраменков Л. П. 351.
Аверкиев И. И. 674.
Агапов С. П. 339.
Агаян Газарос 667.
Айвазовский И. К. 641.
Аксиков И. С. 52.
Аксиков К. С. 65.
Акулов В. П. 302.
Александр П 20, 21, 26, 41, 44—46, 48, 49, 52, 54, 56, 58, 67—69, 71, 243, 253, 260—262, 264, 270, 274, 276, 288—290, 299, 302, 325, 326, 336, 349, 353, 354, 356—358, 361, 481, 492, 585, 618, 640, 671, 704, 734, 740, 808, 810.
Александр III 340, 360, 380, 392, 631, 636, 823.
Александров (Крылов) В. А. 481, 493, 494, 507.
Александров В. М. 305.
Александров Д. А. 311, 312.
Александров П. А. 343.
Алексеев П. А. 311, 313, 320—322, 339, 677, 705.
Алексеев П. П. 783.
Алексеев-Яковлев А. Я. 516, 517.
Алексис Адам 650.
Алуван Юрий 474.
Алимов И. П. 778.
Альбер Эжен д' 598.
Альтани И. К. 537.
Алюшкевич Н. О. 388.
Амавицкий В. П. 762.
Амстердамский 174, 200, 202, 206.
Андреев В. В. 598.
Андреев Карл 271, 272.
Андреев Н. П. 375.
Андреев-Бурлак В. П. 489, 512.
Андреевский И. Е. 261.
Андреевская Е. И. 605.
Анненков П. В. 53, 70, 339, 414, 442, 445.
Антокольский М. М. 566, 617, 636, 638, 654—657, 769.
Автонов И. Г. 271, 272.
Автонович М. А. 61, 245, 253, 274, 283, 412, 473, 619, 720.
Антропов Л. Н. 512, 519.
Антуан Андре 490.
Анучин Д. Н. 764.
Анциферов 104.
Ашкман О. В. 308, 315, 332, 352.
Апухтин А. П. 460.
Аренский А. С. 560, 597.
Арсеньев К. К. 258, 496.
Архангельский А. А. 597.
Архипов А. Е. 626.
Аршаулов П. П. 375.
Асафьев Б. В. (Глебов Игорь) 535, 536, 546, 554, 560, 568, 570, 573, 607, 610.
Ауэр Л. С. 572, 574, 580, 597, 599.
Афанасьев А. П. 740.
Афанасьев (Климаков) Е. А. 383, 386—388, 395, 396, 677.
Афанасьев Ф. А. 386, 387, 390, 392, 398.
Афанасьев-Чужбинский А. С. 258.
Ахундов М. Ф. 744.

- Бабушкин И. В. 678.
 Баганц Ф. Ф. 27, 223, 648.
 Баженов А. Н. 504, 605.
 Баженов В. И. 800.
 Байрон Джордж 547, 570.
 Бакуини М. А. 298.
 Балакирев М. А. 524, 526, 528—533, 539—
 545, 549, 552, 554—556, 560, 561, 566,
 569, 572, 573, 590.
 Баладий 838.
 Баламчадзе М. А. 560.
 Баллод П. Д. 262—264, 266, 268.
 Балзаров Доржи 744.
 Бардина С. Н. 339.
 Барнэй Людвиг 496.
 Барон Кристиан 474.
 Баргенов В. В. 384, 388.
 Баргенова Е. Г. 298.
 Барышинов А. Н. 803.
 Барятинский А. И. 46.
 Бачин Н. А. 328.
 Башкилов М. С. 650.
 Бебель Август 761.
 Беггров А. К. 431, 648, 835, 837.
 Безобразов Михаил 52.
 Безобразовы 51, 52, 646.
 Бейер К. И. 124.
 Бекетов А. П. 259, 380, 691, 766, 767.
 Бекетов Н. Н. 124.
 Белелюбский П. А. 779.
 Беллинский В. Г. 21, 24, 27, 28, 216, 219,
 245, 247, 407, 408, 412, 414—417, 420,
 428, 437, 441—443, 449, 459, 461,
 472, 478, 499, 500, 503, 524, 528, 530,
 556, 564, 611, 617, 702, 703, 710, 715,
 718, 720, 740, 742, 744, 770.
 Беллини Винченцо 585, 592.
 Белопольский А. А. 758.
 Беллев М. П. 524, 559, 561, 573, 631.
 Бенардос Н. Н. 125, 786, 787, 789.
 Беневольский П. А. 271, 272.
 Бенедиктов В. Г. 26.
 Бенуа Л. Н. 808.
 Беранже Пьер Жан 431.
 Берн-Флеровский В. В. 259, 298, 306—308,
 710, 722, 724.
 Берг 517.
 Березин И. Н. 745.
 Бераноз Гектор 539, 540, 542, 602, 603.
 Бернштейн-Коган С. 185.
 Бессель В. В. 537.
 Бестужев-Рюмин К. Н. 696, 737, 738.
 Бетховен Людвиг 540, 542, 569, 597.
 Бехер Эрнест 298.
 Бехтерев В. М. 688.
 Бианки Валентина 586.
 Бибергаль А. П. 334, 335.
 Бибаков 49.
 Бизе Жорж 587, 592.
 Бильдерлинг А. А. 763.
 Биларский П. С. 739.
 Барюков П. И. 446.
 Бичурин Н. Я. 745.
 Благовещенский Н. М. 741.
 Благогов Д. Н. 364, 368—370, 374, 375, 692,
 707, 713.
 Благовослов Г. Е. 30, 243, 257, 264, 266,
 274, 278, 290, 293, 415, 428, 434.
 Благовослов В. Е. 371.
 Блиох И. С. 130.
 Блюдов Д. Н. 750.
 Блауменфельд Ф. М. 561, 598.
 Боборыкин П. Д. 456, 494, 503.
 Бобылев Д. К. 758.
 Богданов 288.
 Богданов В. И. 431.
 Богданов Н. Д. 386, 392.
 Богданова Н. К. 605, 608.
 Боголюбов А. П. 648, 651.
 Боголюбов (Емельянов) А. 343.
 Богомолов И. С. 808.
 Богора-Тан В. Г. 746.
 Бодуэн де Куртене П. А. 743.
 Бокко Анджелина 585.
 Бойте Араго 596.
 Боваччо Джованни 740.
 Боклевский П. М. 650.
 Бокль Генри Томас 306, 619.
 Бокон П. И. 240.
 Болотников Иван 737.
 Бомарше Пьер Огюстен 495, 500, 521.
 Бонштедт Л. Л. 804.
 Боргман И. И. 688, 758.
 Бордгелли А. Н. 653.
 Бородин А. П. 523, 526, 530, 531, 544, 552—
 559, 569, 593, 595, 598, 604, 631, 688,
 696, 705, 757.
 Борцов 234.

- Ботев Христо 716, 742.
 Боткин В. П. 282, 414, 445.
 Боткин С. П. 688, 769, 772, 839.
 Брандт Е. Е. 159.
 Брандуков А. А. 598.
 Бредихин Ф. А. 758.
 Брейтфус А. Л. 377, 378, 379.
 Брем Альфред Э. 709.
 Брианца Карлотта 608.
 Бродский А. Д. 598.
 Бродский И. И. 649.
 Броссе М. И. 745.
 Брошель А. К. 493, 497, 506.
 Бруннев М. И. 385, 386, 389, 392, 396, 398, 692.
 Брюллов А. П. 802.
 Брюллов К. П. 470, 656.
 Брюллов П. А. 626.
 Брюсов В. Я. 418.
 Брянский Я. Г. 496.
 Бузони Ферруччо 598.
 Булахов П. П. 585.
 Булахова А. А. 525, 585.
 Будыгин Н. П. 787.
 Бунаков Н. Ф. 252.
 Бурдин Ф. А. 453, 477, 481, 492, 500, 512.
 Буслев Ф. И. 743.
 Бутлеров А. М. 686, 747, 751, 752, 754—757, 774.
 Бутовский А. И. 162.
 Буннов В. В. 386, 387, 398.
 Быстров Н. И. 770.
 Бэр К. М. 765.
 Бюлов Ганс 574, 598.
 Бюсси де 781.
 Бюхнер Людвиг 619, 719.

 Вавилов С. И. 751.
 Вагнер Рихард 542, 587, 590, 592, 596, 602.
 Вазем Е. О. 605—608.
 Валдемар Кристьян 474.
 Валиханов Чокан 474, 744.
 Валуев П. А. 69, 162, 264, 270, 271, 274, 355, 356, 771.
 Вальтер В. Г. 580, 581.
 Вальцев Н. К. 683.
 Вангесов Ф. Я. 323.
 Вансев А. А. 692.
 Варламов К. А. 484, 485, 488, 490, 491, 496, 498, 508, 513.
 Варлах Г. И. 597.
 Варшанский Людвиг 713.
 Васильев Ананий 367.
 Васильев Афанасий 327.
 Васильев В. И. 549, 585.
 Васильев В. П. 687, 745.
 Васильев П. 45.
 Васильев П. В. 483, 488, 493, 497, 498, 502—505, 512.
 Васильев С. В. 502, 504.
 Васильев Ф. А. 624, 626, 640, 641.
 Васильева Е. Н. 498.
 Васильева Н. С. 490, 491.
 Васильевский В. Г. 696, 735, 738.
 Вагнецов В. М. 193, 626, 637—639, 641, 662.
 Введенский А. И. 718.
 Введенский Н. Е. 686, 747, 772.
 Вебер Карл Мария 526, 587, 588, 590.
 Вейсман И. А. 574.
 Вейнберг П. И. 430, 431, 447, 456.
 Венгеров С. А. 440, 740.
 Венявский Генрик 536, 537, 598, 602.
 Верди Джузеппе 585, 587, 592, 602.
 Вересаев В. В. 468, 687.
 Верещагин В. В. 644—646, 649, 656.
 Верзибилович А. В. 574, 598.
 Вернадский В. И. 681.
 Вернадский И. В. 722.
 Верстовский А. И. 587.
 Верховский В. П. 389.
 Веселовский А. К. 728.
 Веселовский А. Н. 741, 743.
 Веселовский Н. И. 746.
 Виардо Полина 532.
 Викторов П. П. 315.
 Виноградов С. И. 323—325.
 Виноградский С. И. 767.
 Витол Язеп 560, 561.
 Владимиров С. 302.
 Владиславлев М. И. 718.
 Вовчок Марко (Маркович М. А.) 471, 472.
 Водовозов В. И. 682.
 Водовозова Е. Н. 277.
 Воейков А. И. 764, 768.
 Войнаральский П. И. 309.
 Волков А. М. 653.
 Волков Е. Е. 626.
 Волков С. К. 324, 330.
 Волконский М. С. 492.
 Волконский С. М. 492.

- Волынский А. Л. 742.
 Вольф А. И. 481, 500.
 Воронин М. С. 767.
 Воронцов В. П. 725, 726.
 Воскобойников Н. Н. 186, 191, 200.
 Воскресенский А. А. 752.
 Врублевский Валерий 713.
 Вышнеградский Н. А. 313, 778, 833.
 Вяземский П. А. 41.

 Габашвили Г. И. 649.
 Габрвак 299.
 Габриэлян Г. И. 649.
 Гадолли А. В. 699.
 Гайдебуров П. А. 257, 446.
 Галкин Н. В. 574, 598.
 Ганский А. П. 758.
 Гарвиальди Джузеппе 67, 354, 734.
 Гартман 831.
 Гартман В. А. 547, 806, 807.
 Гаршин В. М. 317, 318, 461—464, 466, 467, 489, 630, 631, 640, 644, 650.
 Гауф Л. 159.
 Гвесселани Р. Н. 649.
 Ге Н. Н. 616, 617, 623, 624, 628, 633, 650.
 Геденов С. А. 477.
 Гелехус Н. А. 561.
 Гейше В. К. 284, 285, 288.
 Георгиевский С. М. 745.
 Герасимов А. М. 633.
 Герасимов В. Г. 311, 312.
 Герд А. Я. 673, 683.
 Гердт П. А. 608, 609.
 Герсеванов М. Н. 688, 779.
 Герц Генрих 574.
 Герцен А. Н. 29, 28, 32—35, 42, 54—56, 58, 65, 232, 238, 240, 244, 247, 249, 254—257, 263, 264, 267, 268, 270, 274—276, 282, 293, 294, 338, 400, 412, 471, 472, 478, 524, 528, 530, 543, 556, 611, 614, 617, 681, 713, 716, 718, 720, 742, 747, 753, 765, 770.
 Гете Вольфганг 547.
 Гильфердинг А. Ф. 739, 740.
 Гиндин Н. Ф. 167.
 Гиргов В. Ф. 745.
 Главач В. И. 598.
 Глазенац С. П. 381, 758.
 Глазунов А. К. 555, 560—562, 573, 580, 584, 600, 604, 606, 610, 631.
 Глама-Мешерман А. Я. 504, 513.
 Глебов И. Т. 252.
 Глэзерман 220.
 Глинка К. Д. 769.
 Глинка М. И. 523, 524—526, 532, 533, 539, 540, 542, 543, 545, 550, 554, 556, 557, 569, 582, 583, 587—589, 592, 594, 595, 597, 600, 604, 609, 705.
 Глюк Кристиф Виллибальд 526, 587, 594.
 Гнесин М. Ф. 560.
 Гобино Жозеф Артур 731.
 Гогешавили Я. С. 667.
 Гогобаридзе В. Л. 257, 473.
 Гогобаридзе Н. В. 473.
 Гоголь Н. В. 24, 27, 407, 415, 439, 458, 467, 478, 486, 493, 500, 502, 505, 507, 517, 519, 521, 546, 551, 556, 558, 574, 650, 652, 674, 709, 710.
 Голенищев-Кутузов А. А. 547, 550.
 Голланд Б. Б. 699, 758, 778.
 Голышевский А. П. 329.
 Головачев А. А. 258.
 Голеница А. В. 290, 671.
 Голубев В. С. 384, 389.
 Голубева А. 644.
 Гольдони Карло 495.
 Гольдштейн Э. Ю. 552.
 Гольц Н. О. 605.
 Гончаров И. А. 409, 412, 415, 437, 441—445, 453, 454, 458, 485, 501, 506, 626, 681, 709.
 Гончаров Н. И. 299, 300.
 Горбунов И. Ф. 453, 518.
 Горев Ф. П. 485, 492, 498.
 Горлов И. Я. 722.
 Горский А. А. 606.
 Горстман 148.
 Горчаков А. М. 299.
 Горшеникова М. И. 608.
 Горький А. М. 287, 405, 421, 424, 425, 452, 455—457, 467, 469, 509, 517, 648, 650, 803.
 Гофман Носиф 598.
 Градовский А. Д. 730.
 Грановский Т. Н. 735.
 Гранцова Адель 608.
 Графтио Г. О. 789.
 Гревов М. В. 649.
 Грессер П. А. 365, 518.
 Греч Н. И. 24.
 Гречанинов А. Т. 560.

- Гржимали И. В. 598.
 Гривбедов А. С. 478, 500, 505, 521, 651.
 Григорович Д. В. 414, 442, 444—447, 456, 468, 626.
 Григорьев А. А. 480.
 Григорьев В. В. 745, 746.
 Григорьев М. Г. 335.
 Григорьев Р. 193.
 Гримм Д. И. 658, 801, 808.
 Гриневацкий И. И. 358.
 Гривевач В. П. 787.
 Грубер В. Л. 696.
 Грюнфельд Альфред 598.
 Гриванов Василий 311.
 Губай Еле 598.
 Губкин И. М. 747.
 Гудлов Н. Т. 782.
 Гулак-Артемьевский С. С. 585, 600.
 Гудевич М. С. 278.
 Гун К. Ф. 649.
 Гуно Шарль 585, 592, 596.
 Гурвич И. А. 435.
 Гусев И. А. 351.
 Гуссаковский А. С. 528.
 Гюго Виктор 525, 710.
 Давыдов В. П. 433, 484, 485, 488, 490, 491, 496, 498, 508, 511.
 Давыдов К. Ю. 537, 574, 598.
 Далматов В. П. 491, 498.
 Даль В. И. 744.
 Даль Л. В. 807.
 Дальский М. В. 498.
 Даниельсон Н. Ф. (Николай-он) 296, 725, 727.
 Данилевский А. Я. 767.
 Данилевский Н. Я. 766.
 Давилова Елизавета 377.
 Данте Алигьери 570.
 Дарвин Чарльз 306, 388, 389, 709, 765, 766.
 Даргомыжский А. С. 523, 524—526, 528, 532, 533, 540—542, 545, 550, 583, 588—591, 594, 595, 600, 601, 604.
 Дворжак Антонин 602.
 Деви (Дэви) Гемфри 757.
 Дебриен А. Ф. 709.
 Деггарев Н. В. 574.
 Дейч Л. Г. 352, 353.
 Деланов И. Д. 38, 672, 679, 683, 685, 687, 695, 713, 718.
 Демерцов Ф. И. 800.
 Деникер И. Е. 298, 300.
 Денисенко П. А. 519.
 Державин М. Е. 841.
 Джабадари И. С. 310, 311, 334.
 Дианин А. П. 555.
 Дидло Карл 604, 605.
 Диккенс Чарльз 710.
 Димитров Георгий 423.
 Дмитриев И. И. 617.
 Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 660.
 Дмоховский Л. А. 307.
 Добролюбов Н. А. 22—25, 28—30, 32, 33, 44, 48, 54, 58, 59, 61, 62, 219, 240, 243—247, 259, 264, 283, 293—295, 306, 380, 400, 408, 409, 412—414, 416, 417, 424, 428, 430, 432, 437, 438, 442, 454, 458, 461, 471, 472, 478, 480, 486, 493, 500, 524, 530, 630, 664, 666, 668, 670, 681, 683, 686, 702, 703, 710, 712—716, 718, 719, 720, 722—725, 734, 735, 740, 742—744, 748, 765.
 Доброправов А. А. 778.
 Добротворский В. Ф. 789.
 Доводчиков К. К. 323.
 Докучаев В. В. 687, 713, 747, 768, 769, 846.
 Долгоруков В. А. 52, 66, 242, 261, 271, 274, 290, 671.
 Долгушев 329.
 Долгушин А. В. 307, 308.
 Долнина М. И. 577, 586.
 Долтон (Дальтон) Джон 757.
 Домбровский Ярослав 65, 713.
 Доппелетти Гаэтано 585.
 Достоевский М. М. 449.
 Достоевский Ф. М. 259, 299, 342, 437, 439, 440, 448—452, 453, 456, 566, 580, 795.
 Дрейфус Альфред 468.
 Драго Р. Е. 609.
 Дружинин А. В. 31, 413, 414, 444, 445, 614.
 Дуббельт Л. В. 56.
 Дубовской Н. Н. 626.
 Дудышкин С. С. 719, 720.
 Дузе Элеонора 496.
 Дьяков В. М. 311, 312, 329, 351.
 Дьяченко В. А. 481, 489, 493, 494.
 Дювернуа Н. Л. 400, 730.
 Дьяконова А. М. 506.
 Дютш Г. О. 534, 561, 597.

- Елграфон П. Е. 386, 396.
 Евреинов В. А. 816.
 Егоров Иван 384, 396.
 Егоров Ф. Е. 339.
 Елена Павловна, и. н. 68, 538, 542.
 Елисея А. В. 764.
 Елисеев Г. З. 61, 71, 243, 253, 257, 258, 274, 278, 283, 290, 293, 415, 420, 430, 473, 735.
 Еришлов В. В. 468.
 Еришлова М. Н. 513.
 Ериштедт В. К. 741.
 Ерошенко А. Г. 317.
 Есипова А. Н. 598.
 Ефимов 326.

 Жданов Н. Н. 740.
 Желябов А. И. 321, 352—355, 707.
 Жеребцов Н. А. 735.
 Живоксин В. И. 498, 513.
 Жирневич А. В. 632.
 Жомани Анри 734.
 Жук А. А. 278.
 Жуковский Валентин А. 746.
 Жуковский Вас. А. 574.
 Жуковский Н. Е. 781, 782.
 Жулев Г. Н. 430, 431.
 Журавлев Ф. С. 617, 659.
 Журавский Д. Н. 779.

 Забелло П. П. 802.
 Заичковский П. Г. 266, 267.
 Зайцев А. М. 752.
 Зайцев В. А. 264, 290.
 Залеман К. Г. 746.
 Залеман Р. К. 653.
 Замысловский Е. Е. 737.
 Заньковецкая М. К. 514, 515.
 Зарубаев С. П. 320, 321.
 Зарубин П. А. 777.
 Заславский Е. О. 339.
 Засодимский П. В. 342, 431, 437.
 Засулич В. И. 343, 352, 353, 726.
 Затмрневич Г. П. 514.
 Зауэр Эмиль 598.
 Збруева Е. И. 594.
 Зейфриц Макс 542.
 Зеленый А. А. 259.
 Зелинский Ф. Ф. 741.

 Зембрих Марчелла 585.
 Зибер Н. И. 721, 726, 731.
 Зике К. К. 575.
 Зилоты А. И. 597, 598.
 Зинян Н. И. 686, 688, 751, 755, 774, 784.
 Златовратский Н. Н. 415, 431, 437, 440.
 Знаменский М. М. 653.
 Золотарев В. А. 560, 561.
 Золя Эмиль 468.
 Зорге Фридрих Альберт 338.
 Зубку-Кодреану Н. П. 713.
 Зуров А. Е. 349.

 Иванайнен К. А. 324, 328.
 Иванов А. 45.
 Иванов А. А. 613, 614, 616.
 Иванов А. И. 613.
 Иванов Л. И. 607.
 Иванов Я. И. 319, 320.
 Иванов-Колельский М. Т. 513.
 Ивановский В. С. 322.
 Ивановский Д. И. 767.
 Игватъев П. Н. 46, 225, 250.
 Иевлев Н. В. 653.
 Иевлев С. Н. 341.
 Изаа Эжен 598.
 Иловайский Д. И. 682.
 Ильенков П. А. 784.
 Иностранцев А. А. 760.
 Иоахим Йозеф 598.
 Иогансон Х. П. 605.
 Имподитов-Иванов М. М. 560.
 Исеев А. А. 729.
 Исарлишвали Я. П. 473, 474.
 Иштутен Н. А. 286, 288—290.

 Кавелин К. Д. 37, 39, 56, 254, 270, 282, 445, 730, 735, 771.
 Кавос А. К. 586.
 Кавос Ц. А. 806.
 Казембек А. К. 744, 746.
 Кайданова 233.
 Каланцукский Н. В. 783.
 Калининский Кастусь 65, 713.
 Кальцоллари Энрико 585.
 Каменская М. Д. 586.
 Каменский Ф. Ф. 653, 655, 673.
 Каравелов Любен 716, 742.
 Каракозов Д. В. 284, 288—290, 671.

- Каратыгин В. А. 496.
 Каратыгин П. А. 496.
 Караулова 48.
 Карсеев Н. И. 738, 739.
 Карелина В. М. 383, 396, 397.
 Каринский М. И. 718.
 Кармин Валерьян 552.
 Каронин-Петропавловский П. Е. 415.
 Карпенко-Карый Н. К. 514, 515.
 Карпинский А. П. 688, 760, 761.
 Карпов Е. П. 508, 521.
 Карр 104.
 Каррино Тереза 598.
 Катков М. Н. 30, 31, 263, 269, 281, 282,
 289, 316, 449, 455, 672, 719.
 Кауфман Н. И. 721, 726.
 Кафаров П. И. 745.
 Кашкин Н. Д. 572.
 Квятковский А. А. 317, 332, 352, 353.
 Кейзер И. И. 383.
 Келер Иоганн 475, 650.
 Кеннель В. А. 798.
 Кербедз С. В. 800.
 Кибальнич Н. И. 781.
 Киреев Н. П. 513.
 Кирпичников А. И. 682.
 Киришев 113.
 Киселев А. А. 626.
 Киселев А. П. 683.
 Киселев П. Д. 66.
 Киселевский И. П. 485.
 Китнер И. С. 804, 806.
 Классон Р. Э. 788.
 Клаузевиц Карл 734.
 Клевер Ю. Ю. 660.
 Клеменц Д. А. 273, 305, 307, 319, 324.
 Клеменц Р. 159.
 Клодт М. К. 624.
 Клодт М. П. 615, 624.
 Клодт П. К. 653, 654, 801.
 Ключевский В. О. 717, 737.
 Кличко О. Д. 123.
 Квициничи Л. М. 677, 678.
 Ковалевская С. В. 748, 760.
 Ковалевский А. О. 765—767.
 Ковалевский В. О. 709, 747, 748, 750, 762,
 765, 766.
 Ковалевский Е. Е. 520.
 Ковалевский М. М. 738.
 Ковалевский П. О. 636.
 Ковалик С. Ф. 308, 309.
 Козаченко Г. А. 582.
 Козлов А. А. 344.
 Козлов А. И. 323.
 Козлов П. К. 763.
 Козловская О. Ф. 513.
 Козловская Ф. Ф. 513.
 Коклен Бенуа Констан 496.
 Кокшаров Н. И. 688.
 Кологривов В. А. 535, 537.
 Кольцов 155.
 Кольцов А. В. 544.
 Комаров В. Л. 687.
 Комиссаржевская В. Ф. 484, 498, 591.
 Комиссаржевский Ф. П. 525, 549, 568, 586,
 591, 592, 602.
 Комиссаров О. И. 290.
 Кондратенко Р. И. 699.
 Кондратьев Г. П. 549, 575, 586, 602, 617.
 Коши А. Ф. 342, 343, 442, 446, 452, 506.
 Коновалов Д. П. 757.
 Константин Константинович, в. кн. 750.
 Константин Николаевич, в. кн. 31, 234, 276,
 340.
 Конт Огюст 720.
 Копаев Я. О. 351.
 Корзухин А. И. 617, 659.
 Коркин А. И. 759.
 Коркунов Н. М. 730.
 Корнеев 323.
 Корнилова А. И. 319, 324.
 Корналовы 305.
 Коробов А. Е. 320.
 Коровяков Д. Д. 514.
 Короленко В. Г. 342, 410, 412, 462—468,
 643, 692, 703.
 Корсов Б. Б. 568, 586.
 Корш Ф. Е. 745.
 Корякин М. М. 586.
 Коссович К. А. 746.
 Костанди К. К. 649.
 Костинский С. К. 758.
 Костомаров В. Д. 236, 242, 276.
 Костомаров Н. И. 39, 47, 48, 64, 65, 251,
 259—261, 470, 473, 617, 687, 702, 736,
 737, 739.
 Котляревский Н. П. 514.
 Кочевков Е. А. 271.

- Кошева А. Д. 605.
 Кошелев А. И. 337.
 Кошелев Н. А. 660.
 Кравчинский (Степняк) С. М. 300, 305, 307, 309, 310, 324, 330, 354, 360, 677.
 Краевский А. А. 23, 30, 293.
 Кракау А. И. 804, 806.
 Крамской Н. Н. 287, 593, 615, 617—620, 622—624, 626, 627, 631—634, 637, 638, 641, 643, 648, 650, 654, 659.
 Крамские 633.
 Крапивин К. А. 271, 272.
 Красин Г. Б. 395, 396.
 Красин Л. Б. 385, 386, 388, 390.
 Красовский А. Ф. 804.
 Крачковской Н. Ю. 745.
 Крейтан В. П. 659.
 Крестовский В. В. 426, 795.
 Кржижановская Э. П. 677.
 Кржижановский Г. М. 396, 692.
 Кропивницкий М. Л. 514, 515.
 Кропоткин П. А. 67, 69, 277, 305—307, 311, 319, 324, 585, 677, 698, 700, 747, 763.
 Кросс Г. Г. 537.
 Кругликов С. Н. 580.
 Крупская Н. К. 423, 431, 432, 644, 677, 678.
 Крупский А. К. 757, 784.
 Крутикова А. П. 586.
 Крутов И. В. 384.
 Крушевский Э. А. 597.
 Крылов А. Н. 124, 699, 747, 759, 780, 781.
 Крылов Г. Ф. 320.
 Крылов И. А. 500, 562, 654, 801.
 Кугушев В. А. 374, 375.
 Кудров-Кокучкин Петр 323, 324.
 Кудрявцев 100, 220.
 Кузнецов А. В. 574.
 Кузьмин Р. И. 808.
 Кунджи А. И. 619, 626, 640—642, 661, 662.
 Куликов Н. И. 489.
 Куванбаев Абай 742.
 Кузрин А. И. 467.
 Кузряков М. В. 305.
 Курдаев К. К. 307.
 Куриков Н. С. 688, 757.
 Курочкин В. С. 30, 243, 257, 259, 278, 282, 284, 290, 415, 428, 429, 431, 434, 456, 470, 512, 652.
 Курочкин Н. С. 243, 257, 278, 290, 431, 470.
 Кутейников Н. Е. 780.
 Куторга С. С. 765.
 Кучеров М. Г. 757, 784, 785.
 Кшеспская М. Ф. 608.
 Кшеснянский Ф. И. 605.
 Кюн Ц. А. 526, 528, 530—532, 540, 551, 573, 583, 590, 591, 599, 603, 699.
 Лаблаш Луиджи 585.
 Лаврецов В. Я. 34.
 Лавров А. В. 324.
 Лавров Н. С. 598.
 Лавров П. Л. 243, 250, 251, 253, 257, 259, 290, 294, 300, 306, 309, 334, 370, 472, 720, 736, 738.
 Лавровская Е. А. 586, 593, 594.
 Лагорно Л. Ф. 660.
 Ладимженский В. Н. 433.
 Лажечников Н. И. 574.
 Лазарев М. Е. 327.
 Лазарев М. П. 653.
 Ламанский В. И. 687, 739, 740.
 Ламанский Е. И. 162.
 Ламбин Б. П. 739.
 Ламбин П. П. 739.
 Лансере Е. А. 654.
 Ланской С. С. 46, 68, 264.
 Ларош Г. А. 537, 549, 566, 609, 610.
 Лассаль Фердинанд 306, 329.
 Латышев В. В. 687.
 Латышев П. А. 375.
 Латышева А. А. 585.
 Лауб Фердинанд 598.
 Лачинов Д. А. 757, 786.
 Лебедев А. И. 179, 199, 213, 217.
 Лебедев К. Н. 64, 67, 69, 246, 252.
 Лебедева П. И. 608.
 Левассер Никола Проспер 588.
 Левин 787.
 Левитан И. И. 626.
 Левитов А. И. 415, 424, 425, 431, 434.
 Левшин А. И. 41.
 Легат 517.
 Леер Г. А. 732, 733.
 Лейман Н. А. 468.
 Лейферт А. 517.
 Лемке М. К. 238, 278.
 Лемох К. В. 617, 626, 633.

- Левин В. И. 9, 10, 15, 18, 19, 21, 27, 30, 32, 37, 38, 50, 57, 75—78, 80, 82, 121, 124, 169, 175, 186, 191, 209, 215, 216, 231, 232, 234, 263, 269, 271, 281, 293, 294, 310, 321, 322, 330, 332, 337, 348, 354, 357—364, 380, 382, 388, 394, 395, 397—400, 406, 407, 414, 419, 422, 423, 431, 435, 438, 439, 443, 446, 448, 452, 464, 469, 571, 661, 672, 678, 682, 687, 691, 692, 697, 705, 706, 710, 713, 714, 716, 717, 719, 721—723, 725—729, 732, 736, 738, 739, 744, 749, 774, 775, 789.
 Ленский А. П. 496, 498.
 Левц Э. Х. 686, 757.
 Леньяни Пьерина 608.
 Леонова Д. М. 525, 549, 551, 558, 585, 589, 590.
 Лепехин И. И. 760.
 Лермонтов М. Ю. 478, 517, 544, 568, 650, 709, 710.
 Лермонтов Ф. Н. 305, 308.
 Лесгафт П. Ф. 669, 670, 699, 712, 766, 772, 773.
 Лесков А. Н. 457.
 Лесков Н. С. 437, 456, 457, 703.
 Лессинг Готхольд Эфраим 495.
 Летний А. А. 757, 784.
 Лешетицкий Ф. О. 536, 537.
 Либкнехт Вильгельм 761.
 Лизогуб Д. А. 332.
 Лилеева Э. А. 585.
 Ливдлей 834.
 Ливская Ю. Н. 445, 482, 483, 496, 497, 505, 506.
 Лисовский А. А. 323.
 Лисовский Н. М. 705.
 Лист Ференц 539, 540, 542, 566.
 Литке Ф. П. 750.
 Литовченко А. Д. 617, 626.
 Лишеников Николай 45.
 Лодыгин А. Н. 125, 757, 777, 785, 786, 789.
 Лодыженский Н. Н. 528.
 Ломакин Г. Я. 539, 592.
 Ломая Н. Л. 431.
 Ломен 45.
 Ломоносов М. В. 739, 760, 765.
 Лонгфелло Генри Уодсворт 72.
 Лопатин Г. А. 288, 296, 722, 725.
 Лопе-де-Вега Феликс 495.
 Лордкипанидзе К. Б. 473.
 Лорис-Меликов М. Т. 356, 357.
 Лугинин В. Ф. 240.
 Лугинины 240.
 Лукка Паулина 585.
 Луначарский А. В. 499.
 Лучицкий И. В. 738.
 Лясенко Н. В. 515, 560, 599, 600.
 Львов А. Ф. 534.
 Львов Н. М. 480, 489.
 Львов Ф. Ф. 618, 622.
 Любовин Н. Н. 296.
 Любатович В. С. и О. С. 339.
 Любовников С. А. 653.
 Лядов А. К. 560—562, 573, 580, 597.
 Лядов К. Н. 582.
 Либелль Чарлз 709.
 Липунов А. М. 759.
 Липунов С. М. 543.
 Маврина 42.
 Мазини Анджело 585.
 Мавенский Н. В. 699.
 Майков А. Н. 456, 459, 460, 557, 566.
 Майков Л. Н. 740.
 Майковы 442.
 Макаров С. О. 699, 733, 764, 780.
 Макаров-Юцев Ф. А. 519.
 Мак Куллох 722.
 Маковский В. Е. 626, 646, 662.
 Маковский К. Е. 532, 617, 646—648.
 Максимов А. М. 496, 497.
 Максимов В. М. 624, 636—638.
 Максимов С. В. 258.
 Макферсон 104.
 Малафеев 517.
 Малиновский М. П. 273, 328, 329.
 Малоземова С. А. 537.
 Мальтус Томас Роберт 722.
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 415, 687.
 Мамонтов С. И. 101.
 Манасеин В. А. 747, 767.
 Маннер М. Г. 656.
 Мани Н. А. 489.
 Марио Джузеппе 585.
 Марков А. А. 686, 727, 759.
 Марков П. Ф. 653.
 Маркович Светозар 713, 716, 742.
 Марковников В. В. 752.
 Маркс А. Ф. 468.

- Маркс Карл 15, 246, 295—299, 306, 325, 338, 364, 368, 374, 376, 385, 386, 710, 716, 719, 721, 722, 724—727, 736, 738, 754.
- Мартенс Ф. Ф. 400, 730.
- Мартынов А. Е. 63, 342, 445, 453, 482, 487—489, 493, 496, 497, 499—505.
- Маспица Пьетро 587.
- Масловский Д. Ф. 733.
- Массиз Жюль 587.
- Матвеев 234.
- Мата В. В. 652, 844.
- Медведев И. И. 328.
- Медведев П. М. 488.
- Межов В. И. 739.
- Мезенцов П. В. 339, 354.
- Мей Л. А. 460, 557.
- Мейербер Джакомо 585, 587, 588, 590, 594, 596.
- Меки Н. Ф. фон 567, 569, 571, 573.
- Мельников И. А. 549, 555, 558, 568, 576, 578, 586, 592—594, 604.
- Мельников П. И. (Печерский А.) 259.
- Менделеев Д. И. 259, 380, 387, 633, 643, 686, 688, 695, 696, 699, 713, 747, 748, 751—755, 757, 774, 776, 781—783, 784.
- Менделеева А. И. 633.
- Менделеевы 633.
- Ментер София 598.
- Меншикова А. Г. 586.
- Меншуткин Н. А. 757.
- Мерклинг А. П. 575.
- Меринский Н. И. 519, 520.
- Месмахер В. Е. 805.
- Мефодиев Г. А. 386, 390, 392, 396, 398.
- Мечников И. И. 747, 748, 766, 767.
- Мещерский В. П. 34, 707.
- Мещерский И. В. 758.
- Мивешин М. О. 658, 801.
- Мислухо-Маклай Н. Н. 685, 739, 763, 765.
- Миллер О. Ф. 673, 740.
- Милль Джон Стюарт 306, 722.
- Милютин Д. А. 46, 498—700, 732.
- Милютин Н. А. 50, 68, 445.
- Мишаев Д. Д. 431.
- Милев И. П. 687, 742, 745.
- Минкус Александр 609.
- Минский Н. М. 461.
- Минченков Я. Д. 643.
- Митрофанов М. В. 271, 272.
- Михайлов 49.
- Михайлов А. Д. 313, 314, 331, 332, 352, 353.
- Михайлов А. Ф. 331—332.
- Михайлов М. И. 34, 61, 72, 215, 235, 238, 240, 242—245, 259, 276, 432, 445, 693.
- Михайловский Н. К. 293, 294, 415, 419, 434, 512, 643, 720, 721, 736, 738.
- Михаэлс Е. П. 242, 249.
- Михаэлс М. П. 285, 286.
- Михневич В. О. 146, 155.
- Мичурин И. В. 747, 766.
- Мичурин-Самойлова В. А. 491, 498, 499.
- Можайский А. Ф. 777, 781.
- Моисеевко П. А. 344, 345, 350, 351, 363.
- Молюшотт Якоб 719.
- Мольер Жан Батист 495, 500, 505, 521.
- Мольте Хельмут 732.
- Мопахов И. И. 497.
- Монтан А. К. 806.
- Мошера А. А. 801, 802.
- Мошюшко Станислав 526, 591, 601, 602.
- Морозов А. И. 215, 617, 659.
- Морозов Н. А. 315, 352, 353.
- Мосгани 836.
- Моцарт Вольфганг Амадей 597.
- Мочалов Н. С. 478, 500, 503.
- Мошквалов П. С. 263.
- Моткович (Любим) Я. М. 575.
- Мравина Е. К. 576, 586.
- Муравский М. Д. 252.
- Муравьев М. П. 259, 282, 290.
- Муравьева М. Н. 605, 608.
- Мурашко П. И. 649.
- Мусан-Пушкин М. Н. 37.
- Мусоргский М. П. 523, 526, 528, 530, 531, 533, 545—552, 557, 565, 568, 569, 575, 583, 588—591, 595, 598, 604, 609, 628, 655, 704, 705.
- Мушкин 34.
- Мушкетов И. В. 688, 761.
- Мышкин И. Н. 321, 340.
- Мышлаевский А. З. 733.
- Мисковский Н. Я. 560, 569.
- Мясников В. И. 328.
- Мисоедов Г. Г. 489, 615, 623, 625, 634, 661, 662.
- Надсон С. Я. 415, 463, 464.
- Назимов В. И. 46.

- Направник Э. Ф. 542, 555, 572, 575, 578, 580—584.
- Натансон М. А. 298, 305, 331, 334.
- Наумов Н. И. 431, 440.
- Наумов П. А. 550.
- Невежин П. М. 494, 519.
- Неврев Н. В. 615, 626.
- Негрескул М. Ф. 296.
- Нежданова А. В. 576, 577.
- Некрасов Н. А. 25, 26—31, 35, 61, 71, 215, 243—245, 257, 259, 283, 293, 306, 339, 341, 342, 383, 409, 411—421, 424, 427, 428, 430—434, 441, 443—445, 449, 450, 453, 458, 460, 472, 478, 484, 500, 509, 512, 517, 545, 547, 617, 626, 630, 652, 674, 681, 703, 705, 706, 709, 742.
- Немдрович-Дачченко В. И. 494.
- Невцкий М. В. 767.
- Нессельроде, гр. 48.
- Нечаев С. Г. 296, 298, 304, 305.
- Нечина М. В. 62.
- Низовина А. В. 323.
- Никитенко А. В. 38, 39, 65, 68, 70, 245, 252, 269.
- Никитина В. А. 608.
- Николадзе Н. Я. 248, 267, 472—474.
- Николай Отто Карл 587.
- Николай I 15, 20, 23, 24, 37, 39, 45, 56, 290, 420, 439, 684, 801, 806, 807.
- Никольский Д. П. 186.
- Никольский Ф. К. 586.
- Никонов Н. 807.
- Ниссен-Саломан Генриетта 536, 537.
- Новицкий В. Д. 324.
- Новосадский Н. И. 687.
- Норинский К. М. 383, 384, 386, 388, 391, 396, 397.
- Обер Даниэль Франсуа 587, 592.
- Обнорский В. П. 323, 324, 327, 328, 330, 331, 677, 703.
- Оболешев А. Д. 332.
- Обручев В. А. 240.
- Обручев Н. Н. 31, 258, 257, 278, 281, 728, 732.
- Обухов А. М. 100, 124, 220.
- Огарев Н. П. 32, 33, 232, 238, 275, 279, 293, 472, 716.
- Одоевский В. Ф. 66, 253.
- Обатов М. Ф. 778.
- Олеини А. А. 24.
- Ольденбург С. Ф. 745.
- Ольденбургский П. Г. 69.
- Ольгинский (Александров) М. С. 384, 388, 394, 396.
- Ольридж (Олдридж) Айра 496.
- Ольхан 233.
- Омелинский В. Л. 686.
- Онекушин А. М. 658, 801.
- Опочинины 548.
- Орленев П. Н. 492.
- Орлов Д. А. 558, 586.
- Орлов М. А. 324, 328.
- Орлов Ф. Е. 778.
- Орлова П. И. 496, 497.
- Осанский В. А. 332, 341.
- Островский А. Н. 409, 412, 414, 415, 437, 444, 453, 454, 476—484, 489, 492—494, 499—502, 504, 505, 507—509, 511, 512, 518—521, 547, 558, 565, 742.
- Острогорский В. П. 426, 673.
- Остроградский М. В. 688, 752.
- Остроумова-Лебедева А. П. 652.
- Остроухов И. С. 626.
- Оуэн Роберт 29, 619.
- Павленков Ф. Ф. 436, 709, 710.
- Павлов Ал-др 351.
- Павлов И. Н. 652.
- Павлов И. П. 643, 688, 713, 747, 752, 770—772.
- Павлов П. В. 259—261, 674, 702.
- Павловская Э. К. 575, 586.
- Пак Б. Ю. 29.
- Пален К. И. 340.
- Палечек О. О. 492, 582, 586, 602.
- Пальм А. И. 504.
- Пальмин Л. И. 431.
- Панаев Н. И. 26, 31, 243, 444, 484, 499, 616.
- Панаева Лидогья (Головачева Е. Я.) 245, 454.
- Пандер Х. И. 765.
- Панин В. Н. 34, 44, 54.
- Панкратов В. С. 340, 365.
- Павов И. С. 211.
- Пантелеев Л. Ф. 253, 254, 257, 269, 278.
- Панян И. И. 307.
- Парланд А. А. 808.

- Паскевич Ф. И. 51.
 Патканов К. П. 744, 745.
 Паткуль А. В. 251, 253.
 Патти Адельина 585.
 Пахман С. В. 730.
 Пашич Ф. Я. 396.
 Пекарский П. П. 735, 739.
 Пекарский Э. К. 746.
 Пеняков Д. А. 124.
 Перов В. Г. 615, 616, 623, 624, 650.
 Перовская С. Л. 305—307, 319, 322, 341,
 352, 353, 375.
 Перро Жюль 604, 605.
 Перцов Э. П. 68, 69, 71.
 Петерсон А. Н. 301, 323, 324, 328.
 Петина М. И. 606, 607.
 Петина М. М. 608.
 Петр I 144.
 Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский)
 М. В. 420.
 Петрицкий А. П. 298.
 Петров Алтон 233.
 Петров В. В. 757.
 Петров П. П. 615.
 Петров Н. П. 776, 778.
 Петров О. А. 525, 534, 549—551, 555, 558,
 588, 589, 593, 594, 648.
 Петров Федор 302.
 Петрова-Воробьева А. Я. 550, 588.
 Петрушевский А. Ф. 733.
 Петрушевский Ф. Ф. 757.
 Петухов М. 598.
 Печаткин Е. П. 257.
 Пиксель И. Н. 574.
 Пименов Н. С. 653.
 Пимоненко Н. К. 649.
 Пиотровский И. А. 249.
 Пирогов Н. И. 31, 628, 666, 667, 769.
 Пирожский Ф. А. 787, 788, 830.
 Писарев Д. И. 30, 36, 264—266, 274, 284,
 306, 408, 415, 417, 430, 472, 528, 619,
 668, 683, 686, 687, 702, 710, 713, 715,
 720, 722, 749, 765.
 Писарев М. И. 486, 491, 498, 512.
 Писемский А. Ф. 31, 415, 437, 444, 453—456,
 485, 486, 500, 505, 508, 511, 518, 614,
 628.
 Платонова Ю. Ф. 532, 549, 558, 586, 589,
 590, 591, 601, 602.
 Плетнев П. А. 26, 40.
 Плеханов Г. В. 314—316, 330—332, 343—
 345, 350, 352, 353, 363, 364, 372, 373,
 375, 377, 386, 391, 394, 417, 676, 700,
 703, 710, 716, 721, 726, 727, 731, 732,
 742.
 Плещеев А. А. 608.
 Плещеев А. Н. 236, 415, 422—423, 432, 433,
 439, 468, 643.
 Плотников П. А. 307.
 Победовосцев К. П. 340, 360, 440, 490, 630,
 685, 695, 702, 707, 718.
 Погодин М. П. 734, 736.
 Погожев А. В. 79.
 Позен Л. В. 658.
 Познер Д. 375.
 Покровская М. И. 192, 197, 202, 205, 211.
 Покровский М. П. 249, 253.
 Поленов В. Д. 626, 637, 638, 659, 662.
 Полетика 71, 100.
 Половский Я. П. 26, 439, 440, 460.
 Полотебнов А. Г. 767, 770.
 Поляков Н. П. 710, 729.
 Помяловский Н. Г. 257, 414, 425—427, 434,
 674.
 Попов А. С. 687, 713, 757, 787, 789.
 Попов М. Р. 332, 340, 341, 345.
 Попов Н. А. 520.
 Поннер Давид 598.
 Постников В. Е. 399.
 Потанин Г. Н. 762.
 Потанинко И. Н. 468.
 Потапов Б. 302.
 Потапов Я. С. 334—336.
 Потебня Александр А. 743.
 Потебня Андрей А. 280.
 Потехин А. А. 258, 439, 492, 494, 498, 500,
 502, 505, 510, 511, 518, 519, 617.
 Потехин Н. А. 258, 481, 494.
 Потехин П. А. 833.
 Правдин О. А. 513.
 Прейсман Вильгельм 320.
 Преображенская О. О. 608.
 Пржевальский Н. М. 702, 739, 746, 762, 763,
 802.
 Приселковы А. В. и В. И. 490.
 Прокофьев С. С. 560.
 Протопопов М. А. 456.
 Прошня В. И. 392, 393.

- Пруссак В. Ф. 780.
 Прыжов И. Г. 740.
 Прянишников И. М. 624.
 Прянишников И. П. 576, 586.
 Пугачев Е. И. 735.
 Пузыревский А. К. 733.
 Пукарев В. В. 615.
 Пуни Цезарь 609.
 Пурвит В. Е. 650.
 Пургольд (Молас) А. Н. 532, 534.
 Пургольд В. Ф. 532.
 Пургольд (Римская-Корсакова) П. Н. 532.
 Путилов Н. И. 100—104, 134, 219.
 Путьгин Е. В. 247, 250, 252.
 Пухта Георг Фридрих 731.
 Пушилов К. 537.
 Пушкин А. С. 24, 26, 64, 407, 478, 517, 525,
 546, 555—557, 569, 571, 574, 604, 606,
 650, 674, 681, 709, 710.
 Пыпин А. Н. 39, 40, 259, 283, 284, 617, 687,
 740, 741.

 Разб В. Н. 568, 586.
 Радина Л. П. 605, 608.
 Радищев А. Н. 710, 715, 740.
 Радлов В. В. 745.
 Радченко С. И. 395, 396.
 Раинн Степан 735, 737.
 Райнис (Плекшан) Ян 475.
 Рамазанов Н. А. 653, 801.
 Растрелли В. В. 802.
 Раухфус К. А. 627, 770.
 Рахуу К. К. 804.
 Рашевский 38.
 Редкан П. Г. 730.
 Резанов А. И. 803, 805, 806.
 Резвцов А. Д. 574.
 Резнер Ф. Ф. 673.
 Рейзенлауэр Альфред 598.
 Рейтерн М. Х. 273.
 Ренн И. Е. 446, 489, 528, 546, 550, 566,
 601, 612, 614, 617, 619—620, 622, 626—634,
 636—638, 641, 642, 649, 650, 652, 654, 655,
 659, 661, 662, 704.
 Решетников Ф. М. 414, 415, 427, 428, 431,
 434, 518, 702.
 Рикардо Давид 722.
 Риккер К. Л. 709.
 Римский-Корсаков В. Н. 559.
 Римский-Корсаков Н. А. 523, 524, 526,
 528, 530—532, 538, 542—545, 548, 551,
 555—562, 573, 580, 581, 583, 588, 590,
 591, 595—597, 600, 604, 631.
 Ристори Аделанда 496.
 Робеспьер Максимилиан 354.
 Роборовский В. И. 762, 763.
 Розен В. Р. 687, 745, 846.
 Розенцвиг 220.
 Розенталь И. М. 650.
 Ропет-Петров И. П. 806, 807.
 Росси К. И. 798, 808.
 Росси Эрвесто 496.
 Россини Джоаккино 585, 587.
 Ростовцев Я. П. 34, 50, 54.
 Рубинштейн А. Г. 535—538, 562, 566—569,
 572, 583, 586, 595, 597—599, 626, 628.
 Рубинштейн Н. Г. 542, 572, 575, 598.
 Рудье К. Ф. 760.
 Рустанови Шота 744.
 Рыбаков Н. Х. 513.
 Рыбников П. Н. 740.
 Рыкачев М. А. 781.
 Рылеев К. Ф. 702.
 Рымаренко С. С. 272, 674.

 Савина М. Г. 483, 488—491, 493, 496, 498,
 506—508, 512.
 Савиньи Фридрих-Карл 731.
 Савицкий К. А. 626, 633, 635—638, 650,
 661.
 Саврасов А. К. 623, 624, 640.
 Садовская-Барилотти М. К. 514.
 Садовский М. К. 514, 515.
 Садовский П. М. 498, 500, 501, 503, 504,
 513.
 Сажин М. П. 288.
 Сазонов Н. Ф. 485, 490, 497.
 Саксаганский П. К. 514, 515.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 283, 293, 317, 339,
 354, 407, 409, 412, 414, 415, 419—422,
 424, 430, 431, 433, 434, 439, 450, 453,
 460—462, 467, 478, 480, 486, 488, 489, 497,
 500, 505, 606, 617, 624, 626, 643, 652,
 663, 703, 706, 710, 726, 742, 751.
 Сальвини Томасо 496.
 Самойлов В. В. 484, 487, 488, 493, 496—498,
 502—505, 512, 626.
 Самойлова В. В. 487, 488, 496, 508.

- Самойлова Н. В. 496, 497.
 Самойловы 499, 502.
 Сарабьянов Д. В. 627.
 Сарасате Пабло 598.
 Сарлотти(Сироткин) М. И. 586.
 Сафонов В. И. 598.
 Сведомский П. А. 660.
 Свендсен (Свенсен) Нухан Северин 602.
 Светлов С. А. 521.
 Свободин П. М. 433, 490, 491, 498.
 Святловский В. В. 388, 389, 396.
 Севергин В. М. 760, 765.
 Семеновский В. И. 673, 687, 735—737, 738.
 Семеновский М. И. 446.
 Семенов Д. Д. 673, 683.
 Семенов-Три-Шанский П. П. 727—729, 739, 746, 762.
 Семеренко Платон 471.
 Семарадский Г. И. 636, 661.
 Семиников 71, 100.
 Сенковский О. И. 557.
 Сен-Леон Артур 605, 606.
 Сен-Санс Камилл 602.
 Сен-Симон Анри 29.
 Сераковский Зыгмунт 65, 713.
 Серафимович А. С. 468.
 Сергеевич В. И. 400, 730.
 Сердюков А. И. 273, 305, 323, 324.
 Серебряков Е. А. (Э. А.) 346.
 Серебряков К. Т. 577, 586.
 Серно-Соловьевич А. А. 242, 257, 278.
 Серно-Соловьевич Н. А. 61, 67, 215, 239, 245, 257, 258, 273—276, 278, 279, 288, 289.
 Серов А. Н. 524, 525, 534, 562—566, 568, 582, 585, 586, 589—591, 594, 595, 601, 603, 655.
 Серов В. А. 563, 626.
 Серова 566.
 Сериков Л. А. 652.
 Сеславин 234.
 Сетов И. Я. 585, 586.
 Сеченов И. М. 259, 306, 631, 686, 688, 691, 695, 713, 720, 747, 748, 751, 770—772.
 Сибиряков К. М. 440.
 Сивегуб С. С. 273, 298, 305, 306, 319—322.
 Слоняцкая М. А. 555, 575, 586.
 Свириков А. И. 311, 312.
 Снабичевский А. М. 36, 37, 39, 70, 71.
 Сосифосовенкий Н. В. 688, 769, 770.
 Скобельцин В. В. 688.
 Скрипичин 234.
 Славина М. А. 555, 578, 581, 586.
 Славутинский С. Т. 58.
 Славянов Н. Г. 125, 786, 787.
 Слепцов А. А. 236, 240, 257, 268, 278, 281, 297.
 Слепцов В. А. 287, 290, 414, 415, 429, 430, 434, 512, 701.
 Сметана Бедржих 591, 602.
 Смирнов Д. Н. 324, 328, 330.
 Смирнов И. Т. 322.
 Смирнов Н. В. 787.
 Смит Адам 722.
 Светкова Ф. А. 482, 496, 497, 506.
 Собиннов Л. В. 576.
 Соболевский А. И. 743.
 Собольщников В. И. 806, 808.
 Собольщников-Самария Н. И. 516, 519.
 Соколов Н. А. 561.
 Соколов Н. В. 264.
 Соколов П. П. 652.
 Соколов Ф. Ф. 738.
 Соколова Е. П. 608.
 Соловьев А. К. 352, 354.
 Соловьев В. С. 718.
 Соловьев Н. Г. 285.
 Соловьев Н. Я. 483.
 Соловьев С. М. 717, 735, 737.
 Соловьев Я. А. 50.
 Соллогуб (Соллогуб) В. А. 480.
 Сомов А. И. 650.
 Сороко И. К. 236.
 Сосницкая Е. И. 496.
 Сосницкий И. И. 445, 487, 496, 497.
 Спасович В. Д. 39, 254, 259, 730.
 Спендиаров А. А. 560.
 Срезневский И. И. 687, 739, 740, 743.
 Станиславский К. С. 592.
 Станюкович К. М. 415.
 Старицкий М. П. 515, 600.
 Старк Э. А. 576.
 Старков В. В. 396.
 Стасов В. В. 446, 447, 523, 524, 527—529, 532, 533, 538, 540—550, 554, 556—559, 565, 566, 572, 573, 582, 584, 588, 591, 593, 594, 611, 612, 616—618, 622, 625, 626, 628, 630, 632, 636, 638, 640, 641, 643.

- 646, 648, 652—657, 659, 660, 662, 674,
704, 705, 732, 740, 804, 807, 808.
- Стасов Д. В. 532, 535, 537.
- Стасова Н. В. 694.
- Стасюлевич М. М. 39, 254, 259, 269, 270,
415, 442, 709, 738.
- Степбок Ю. И. 226.
- Степанов Н. А. 30, 652, 653.
- Стефанович Я. В. 352, 353.
- Столетов А. Г. 751, 757.
- Столберг Карл Август 327.
- Стопановский М. М. 430.
- Стокунин В. Я. 683.
- Стравинский Ф. И. 555, 586, 594, 595, 596.
- Страннолюбский А. Н. 676.
- Страхов Н. И. 299, 312, 446, 766, 771.
- Стрельская В. В. 496, 505.
- Стрелетова П. А. 433, 483, 484, 486, 491,
493, 498, 508—510, 512, 628, 643.
- Струве А. Е. 800.
- Струве П. Б. 727.
- Струйская Е. П. 506.
- Стуколкин Т. А. 605.
- Стульцев А. Г. 320.
- Стучка П. И. 475.
- Субботины Е. Д., М. Д., Н. Д. 339.
- Суворин А. С. 468, 469, 706, 709.
- Суворов А. А. 273, 282.
- Суворов А. В. 732, 733.
- Судакевич Ф. С. 280.
- Судейкин Г. И. 375.
- Суринов В. И. 625, 638—640, 650, 662.
- Сурицинова-Петипа М. С. 605, 608.
- Сухова-Кобылкин А. В. 477, 483—485, 502, 521.
- Сухомлинов М. И. 739, 740.
- Тамберлик Эврикко 585.
- Тансеев С. И. 597, 598.
- Тантани М. А. 744.
- Теребенев А. И. 653.
- Терещин С. Я. 778.
- Тилло А. А. 780.
- Тимашев А. Е. 492.
- Тиме И. А. 775.
- Тимирязев К. А. 687, 713, 748, 749, 751,
757, 765—767.
- Тимм В. Ф. 247, 416—417, 440—441.
- Тимонов В. Е. 780.
- Тимофеев В. Т. 335.
- Тимофеев И. И. 383, 384.
- Тираи 233.
- Титов П. А. 101, 125, 780.
- Тихомиров Л. А. 352, 353, 726.
- Тихонов Федор 327.
- Ткачев П. Н. 264, 293, 304, 306, 309, 430.
- Толстан А. А. 446.
- Толстан Н. И. 470.
- Толстая С. А. 490.
- Толстой А. К. 415, 460, 491, 492, 504, 557.
- Толстой Д. А. 290, 671, 672, 680, 683, 685,
695, 713, 740, 750.
- Толстой И. И. 661.
- Толстой Л. Н. 277, 312, 361, 362, 409, 412,
414, 437, 438, 442—448, 452, 458, 486,
488—491, 500, 507, 510, 519, 520, 569,
570, 617, 626, 631, 650, 652, 681, 742, 764.
- Толстой Ф. П. 470, 653.
- Томшико А. О. 808.
- Томсон 100.
- Тон К. А. 797, 802, 806, 807.
- Топорковы 330.
- Торнтон 220, 678.
- Точевская М. В. 378.
- Точевский П. В. (П. Л.) 377—379, 383, 387,
703, 704.
- Трепов Ф. Ф. 301, 302, 342, 343.
- Третьяков П. М. 631, 643.
- Трифонов Василий 271.
- Троицкий А. А. 787.
- Трубишкова М. В. 694.
- Трутовский К. А. 622, 650, 652.
- Туган-Барановский М. И. 77.
- Туманов Г. М. 473.
- Туманов Е. Ф. 396.
- Тургенев И. С. 52, 53, 59, 61, 263, 277, 282,
409, 412, 414, 415, 422, 437—445, 456,
458, 460, 467, 471, 472, 477, 486—488,
500, 502, 503, 506, 507, 566, 580, 617,
652, 656, 681, 709, 742.
- Тюменев И. Ф. 559.
- Тютчев Ф. И. 458—459.
- Уатт Джемс 778.
- Ульянов А. И. 379—381, 385, 387, 398, 686,
687.
- Ульянова М. А. 398.
- Ульянова-Елизарова А. И. 400, 697.
- Ульяновы 380.

- Умов Н. А. 757.
 Унковский А. М. 53, 258.
 Урусов А. И. 508.
 Успенский Г. И. 293, 317, 414, 415, 427, 431, 433—437, 440, 461—463, 466, 467, 643, 644, 703, 710.
 Успенский Н. В. 22, 424, 431.
 Устрилов Н. Г. 735, 736.
 Устрилов Ф. Н. 489.
 Утви Н. П. 249, 257, 278, 281, 297.
 Ушаков Н. А. 271, 272, 674.
 Ушаский К. Д. 426, 665—667, 669, 712.
- Ф**
 Фаворский А. Е. 687, 757.
 Фаур Жюль 299.
 Фазилев В. Д. 652.
 Фаманцян А. С. 259, 767.
 Фардей Майкл 757.
 Феддерс Юлий 649.
 Федоров Е. С. 688, 700, 747, 761, 762.
 Федоров М. Ф. 271.
 Федоров-Омулевский П. В. 415.
 Федосеев Н. Е. 354.
 Федотов А. Ф. 514.
 Федотов П. А. 614.
 Федотова Г. Н. 496, 498, 513.
 Фейербах Людвиг 718, 719.
 Феофанов 341.
 Фет А. А. 458—460.
 Фигнер В. Н. 333, 353.
 Фигнер Л. Н. 339.
 Фигнер (Мей) Меден 576—578, 586.
 Фигнер Н. Н. 576—578, 586.
 Филарет (Дроздов В. М.) 247.
 Филиппов Г. И. 249, 250, 252.
 Фандейзен Н. Ф. 555.
 Финногенов К. 45.
 Фворетти Клара 585.
 Фирсов П. Н. (Рускин Л.) 69.
 Фишер А. 383, 384, 389, 396, 397.
 Флиге Г. 597.
 Флотов Фридрих 587, 592.
 Фойницкий К. И. 400, 730.
 Фомина В. В. 396.
 Фомышин Д. И. 478, 505, 521.
 Фонтана Л. Ф. 804.
 Фортунато С. В. 533.
 Фортунатов Ф. Ф. 743.
 Фофанов К. М. 461.
- Фохт Карл** 719.
Франк М. 597.
Франклянд Эдвард 757.
Франко Иван 600, 742.
Фроленко М. Ф. 309, 353.
Футяников С. И. 391.
Фурье Шарль 29.
- Х**
Хазов Н. Н. 334.
Халтурин С. И. 321, 328—330, 340, 341, 346, 349, 353, 356.
Харитонов В. Г. 368, 370, 371, 374, 375.
Хвостова А. А. 532.
Хетагуров Коста 742.
Хохлов П. А. 576.
Хохряков В. Х. 271, 272.
Хрущов Д. П. 44, 66.
Хубов Г. Н. 565.
Худиков И. А. 286, 288, 289, 740.
- Ц**
Цабель А. Г. 537.
Цагарели А. А. 745.
Цветкова Е. Я. 594.
Цебринова М. К. 329, 436.
Церетели А. Р. 472, 473.
Церетели Г. Е. 472, 473.
Цинковский В. Ф. 385, 392, 395.
Цион Н. Ф. 312.
Цуцка Вирджиния 608.
Цыганов 273.
- Ч**
Чавчавадзе Н. Г. 472, 473, 687, 742.
Чайковский М. И. 532, 578, 580.
Чайковский Н. В. 305.
Чайковский П. И. 523, 532, 536, 537, 541, 542, 554, 557, 559, 561, 562, 565—567, 569—581, 592, 594, 595, 597, 600, 602, 604, 607, 609, 610.
Чарушин Н. А. 273, 305—307, 319, 677.
Чебышев П. Л. 686, 699, 727, 758—760, 776, 778.
Черепнин Н. Н. 561.
Черкасский В. А. 50.
Черкесов А. А. 273, 329.
Чернянский М. М. 314, 336.
Чернов Д. К. 124, 699, 782.
Черновы 288.
Чернышев И. Е. 500, 501.
Чернышев П. Ф. 314—316, 333.

- Чернышев Ф. Н. 688, 761, 762.
 Чернышевский Н. Г. 19, 22, 23, 25, 27—33, 35, 37, 39, 40, 54—58, 60—62, 64, 65, 71, 72, 219, 231, 232, 234, 236—238, 240, 244—246, 249, 254—257, 259—261, 264, 268, 269, 274—277, 283—286, 288, 289, 293, 295, 298, 306, 334, 381, 400, 406, 408, 409, 411—414, 416, 417, 419, 420, 422—424, 426, 430, 432, 433, 438, 444, 445, 450, 454, 461, 470—474, 478, 480, 500, 524, 528, 530, 556, 564, 611, 612, 614, 619, 630, 663, 665, 666, 668, 670, 673, 674, 680, 681, 683, 686, 708, 710, 712—716, 718—720, 722—725, 727, 730, 731, 733—736, 740, 742—744, 747—749, 753, 765, 770.
 Чернявский Н. И. 489.
 Черский Н. Д. 762.
 Чертов В. Г. 446, 489.
 Чехов А. П. 433, 463, 467—469, 488, 490, 491, 650.
 Чижов М. А. 653, 658, 801.
 Чиколов В. И. 786—789.
 Чистяков П. П. 637, 638, 659.
 Чичерин Б. Н. 730, 735.
 Членов М. А. 467.
 Чубинов (Чубинянович) Д. Е. 744.
 Чупров А. И. 126.
- Шалкин Ф. И. 468, 589, 592, 594, 609.
 Шамшурин А. И. 649.
 Шандор 828.
 Шанишников 683.
 Шателев М. А. 688.
 Шатко П. П. 375, 376.
 Шахматов А. А. 743.
 Шаховской А. А. 519.
 Шашков С. С. 201.
 Шварц В. Г. 491.
 Шевченко Т. Г. 63, 64, 470, 471, 473, 514, 547, 600, 659, 702, 742.
 Шедо-Ферротт (Фаркс Ф. И.) 263, 264.
 Шенспар Вильям 295, 452, 495, 496, 521, 544, 570.
 Шелгунов В. А. 383, 678.
 Шелгунов Н. В. 22, 40, 61, 215, 216, 219, 236—240, 243, 244, 250, 252, 254, 258, 260, 264, 274, 293, 360, 376, 381, 382, 386, 390, 391, 394, 396, 415, 438, 464, 619, 665, 668, 699, 710, 722, 725, 734, 735.
- Шелгунов Н. И. 376.
 Шеллер-Михайлов А. К. 415.
 Шереметев А. Д. 539.
 Шереметев Д. Н. 539, 540.
 Шестикова Л. И. 532, 534, 543, 550.
 Шестов П. И. 808.
 Шиллер Фридрих 495, 496, 504, 572, 574.
 Ширнев С. Г. 352.
 Шихови Н. И. 624, 626, 633, 634, 640, 650, 662.
 Шихо Л. Э. 298, 305, 324.
 Шихов М. А. 491.
 Шлафер В. П. 589.
 Шлейхер-Нагансон О. А. 332.
 Шмельков П. М. 650.
 Шональский Ю. М. 764.
 Шостакович Д. Д. 569.
 Шпагинский И. В. 519, 574.
 Шредер Н. Н. 659, 763, 802.
 Шретер В. А. 804—806.
 Штакеншвейдер А. И. 799, 802, 846.
 Штакеншвейдер Е. А. 26, 41, 253, 254, 471.
 Штейнберг М. О. 560.
 Штернберг Л. Я. 746.
 Штраус Йоганн 572, 598.
 Шуберт К. Б. 534.
 Шувалов П. А. 38, 242, 243, 290.
 Шувалов П. П. 51.
 Шуляченко А. Р. 688, 699, 779.
 Шуман Клара 598.
 Шуман Роберт 540, 542.
 Шумахер И. 800.
 Шумахер П. В. 512.
 Шумский С. В. 496, 498, 503.
 Шутов 155.
 Шухов В. Г. 784.
- Щапов А. П. 21, 306, 723, 735.
 Щеглов (Леонтьев) И. Л. 469, 519, 520.
 Щепкин М. С. 478, 487, 488, 497, 498, 500, 501, 503.
 Щербатов Г. А. 37.
 Щербатский Ф. И. 745.
 Щербачев Г. Д. 44.
 Щербачев Н. В. 528.
 Щербина Н. Ф. 460.
- Эдисон Томас Альва 786.
 Энгельгардт 48.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Энгельс Фридрих 15, 17, 246, 295, 297, 338,
364, 374, 376, 388, 390, 399, 409, 710,
716, 719, 721, 724, 725—727, 731, 736,
738, 754.
- Эрисман Ф. Ф. 770.
- Эфендзев Р. 667.
- Южин-Сумбатов А. И. 473, 490, 494, 506,
512, 513, 519.
- Юнгер В. В. 739, 764.
- Юргенсон П. И. 580.
- Юрзевач П. И. 719, 720.
- Юрьев Ю. М. 498.
- Яблочкина Е. А. 506.
- Яблочков П. И. 688, 699, 757, 777, 786, 787,
789, 828.
- Явейн Л. Ю. 400.
- Ягич И. В. 743.
- Якоби Б. С. 757, 775.
- Якоби В. И. 615, 660.
- Якобсон Карл Роберт 475.
- Яковлев 196.
- Яковлев Л. Г. 576—578, 586.
- Якубович П. Ф. 438.
- Янушкин П. И. 284, 431.
- Янсон Ю. Э. 217, 400, 727, 728.
- Ярошенко Н. А. 201, 446, 626, 633, 640, 642—
644, 650, 695, 696.
- Яцунский В. К. 121.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адмиралтейская набережная 828.
Адмиралтейская площадь 69, 155, 516, 619, 647, 659, 789.
Адмиралтейский канал 798.
Академический переулок 636.
Аларчин мост 37.
Александровский (им. В. И. Ленина) парк 801.
Александровский (Добролюбова) проспект 827.
Александровский (Адмиралтейский) сад 659, 798, 801, 802, 827.
Английская набережная 804.
Аничков мост 155, 653.
Апраксин двор 708, 710.
Апраксин переулок 465.
Астраханская улица 323.
- Бассейная (Некрасова) улица 27, 30, 223, 342, 460, 533.
Белозерская улица 637.
Биржевая линия 251.
Биржевой переулок 627.
Благовещенский мост — см. Никольский мост.
Болдыревский переулок 182.
Болотная (Моисеенко) улица 788.
Большой проспект Васильевского острова 23, 147, 795, 796.
Бумажный канал 795.
- Владимирская площадь 274, 452.
Владимирский проспект 559.
- Вознесенский (Майорова) проспект 147, 153, 155, 445, 531, 619, 798.
Волково кладбище 245, 247, 315, 380, 422, 437, 441, 464.
Воскресенский мост 314, 800.
Воскресенский (Чернышевского) проспект 531.
Восьмая линия Васильевского острова 324.
Вторая линия Васильевского острова 23.
Вторая Рождественская (Советская) улица 806.
Вторая рота, улица 804.
Выборгский сад 522.
Выборгское шоссе 783.
- Гагаринская (Фурманова) улица 539.
Галерная (Красная) улица 550.
Глазовская (Заслонова) улица 171, 172.
Гороховая (Дзержинского) улица 153, 155, 439.
Горсткая улица 148, 800.
Греческий проспект 827.
- Двенадцатая линия Васильевского острова 134.
Дворцовая площадь 830.
Дворцовый мост 129, 249, 798, 828.
Дегтирный переулок 788.
Демидов переулок 537, 566.
Десятая линия Васильевского острова 324.
Думская улица 154.
- Екатерингофка река 795.
Екатерингофский парк 796.
Екатерингофский (Римского-Корсакова) проспект 456, 459.

- Екатерининский (Грибоедова) канал 154, 171, 358, 531, 787, 800, 831.
- Ждановки** речки набережная 23.
Жуковского улица 808.
- Забалтанийский (Московский) проспект 191, 753, 795.
Загородный проспект 350.
Захарьевская (Калиева) улица 531.
Знаменская (Восстанья) улица 287, 460, 533.
- Ивановская (Социалистическая) улица 561.
Измайловский проспект 797, 798.
Инженерная улица 774.
Исаакиевская площадь 44, 801.
Итальянская (Рахова) улица 469.
- Кадетская (Съездовская) линия Васильевского острова 50.
Казанская (Плеханова) площадь 333, 336, 337, 339, 787.
Казанская (Плеханова) улица 153, 155.
Калашниковская (Сивонская) набережная 134, 135, 145, 146.
Калашниковская пристань 150.
Калинкин мост 833, 827, 831.
Калинкина (Редина) площадь 632.
Каменноостровский (Нировский) проспект 420, 795.
Карповка река 834.
Киевская улица 834.
Кириичный переулок 155, 259.
Кленовая аллея 798.
Ковенский переулок 533.
Кожевенная линия на Васильевском острове 196.
Кокушкин мост 551.
Колокольная улица 249, 254.
Коломенская улица 545.
Колтовская улица 841.
Кองвогвардейский (Профсоюзов) бульвар 800.
Копюшенная Большая улица (улица Желябова) 155.
Копюшенная Малая (София Перовской) улица 827.
Кронверкский (М. Горького) проспект 147, 330.
Крюков канал 147, 171, 584, 800.
Кузнецкий переулок 435, 439, 452.
Лавское шоссе 170—172.
Лебяжий мост 649.
Летний сад 290, 653, 654, 800, 801, 827, 831.
Лиговская улица 171, 172, 311, 456, 804, 806, 808, 834.
Лиговский канал 171, 800, 834.
Литейный мост 250, 314, 343, 549, 656, 788, 800, 821, 828.
Литейный проспект 27, 30, 153, 245, 315, 342, 422, 520, 797, 804, 828.
- Малой Невы набережная 627.
Малый проспект на Васильевском острове 324, 346.
Манежная площадь 798, 801.
Марининская площадь 653.
Марсово поле 69, 516, 517, 787.
Мещанская Большая улица 445.
Мещанская Малая улица 449.
Миллионная (Халтурина) улица 805.
Михайловская (Бредского) улица 155.
Михайловский сад 801.
Монастырская (или Черная) речка 170.
Монетная (Скорородова) улица 322.
Морская Большая (Герцена) улица 153, 155, 512, 642, 786.
Морская Малая (Гоголя) улица 155, 580, 805.
Московская Большая улица 274.
Московское шоссе (дорога) 793, 795, 836.
Моховая улица 442, 526, 532.
Мытининская набережная 788.
Мытининская площадь (сад им. П. Г. Чернышевского) 284, 286.
- Надеждинская (Маяковского) улица 533.
Невский проспект 64, 67, 95, 147, 153—155, 171, 172, 249, 257, 344, 380, 434, 439, 459, 512, 531, 539, 625, 629, 710, 787—789, 800, 802, 829, 830.
Нижегородская (Лебедева) улица 552.
Николаевская (Марата) улица 561, 803.
Николаевский (им. лейтенанта Шмидта) мост 312, 797, 798, 800.
Новодевичье кладбище (кладбище Новодевичьего монастыря) 342.
Ново-Деревенский переулок 172.
Новонивольский мост 531.
Новоосляниновская улица 224.
Новопроложенная улица 224.

- Обводный канал 107, 171, 172, 195, 197, 331, 344, 345, 428, 795, 800, 824, 825, 827, 831, 834, 835.
- Одесская улица 785.
- Однадцатая линия Васильевского острова 831.
- Олонецкая улица 637.
- Офицерская (Декабристов) улица 147, 445, 531, 584.
- Пантелеймоновская (Пестели) улица 532, 548.
- Парадная улица 172.
- Петергофское шоссе (проспект Стачек) 206, 350, 795.
- Петровская (Декабристов) площадь 788, 798.
- Пироговская набережная 552.
- Поварской переулок 23.
- Покровская (Тургенева) площадь 801.
- Полицейский (Народный) мост 257, 787.
- Полостровская набережная 100.
- Прачешный переулок 531.
- Преображенское кладбище 657, 834.
- Пушкинская улица 435, 800, 802.
- Пятая линия Васильевского острова 147, 550.
- Пятая Рождественская (Советская) улица 466.
- Пятнадцатая линия Васильевского острова 566.
- Пять углов 537.
- Разъездная улица 147.
- Роншинская улица 375.
- Рузовская улица 702.
- Садовая улица 147, 153—155, 172, 456, 459, 470, 795, 804, 806, 830.
- Сампоновский (Карла Маркса) проспект 171, 319, 703.
- Северный переулок 450.
- Седьмая линия Васильевского острова 617, 638, 640.
- Седьмая Рождественская (Советская) улица 533.
- Села Смоленского проспект 678.
- Семеновский мост 535.
- Семеновский плац 147, 517.
- Семнадцатая линия Васильевского острова 619.
- Сенатская площадь — см. Петровская пл.
- Сенная (Мира) площадь 147, 150, 153, 795, 800, 826, 835, 838.
- Сергиевская (Чайковского) улица 533, 625, 644.
- Симеоновская (Белявского) улица 539.
- Симеоновский (Белявского) мост 646.
- Сквер Румянцевский 801.
- Сквер у Греческого проспекта 827.
- Сквер у Исакиевской площади 827.
- Сквер у Калинкина моста 827.
- Смоленское кладбище 64, 341.
- Смоленское поле 290, 518.
- Соляной переулок 804, 805.
- Спасская улица 433.
- Стрелка Васильевского острова 134.
- Стремянная улица 505.
- Суворовский проспект 551.
- Сытная площадь 244.
- Таврическая улица 172.
- Таврический сад 533, 826.
- Тарамановка река 170, 171, 796.
- Театральная (зодчего Росси) улица 537.
- Тентелевская улица 182, 183.
- Третья рота Измайловского полка 449.
- Тринадцатая линия Васильевского острова 346.
- Троицкая (Рубинштейна) улица 511, 599.
- Тучков мост 312.
- Удельнинский парк 806.
- Университетская (Менделеева) линия 753.
- Успенское кладбище 834.
- Фонтанка река набережная 150, 171, 172, 350, 510, 514, 535, 539, 646, 800, 801, 825, 831.
- Фуришадтская (Петра Лаврова) улица 334, 422, 437, 457, 808.
- Харламов мост 531.
- Херсонская улица 284.
- Царицын Луг — см. Марсово поле.
- Царскосельский проспект (часть Московского проспекта) 171, 172, 434, 795, 837.
- Черная речка 172.
- Чернышев переулок (Ломоносова улица) 154.

Чернышевская (Ломоносова) площадь 798.	Шлясбургский тракт 65, 100, 116, 172, 319, 426, 520, 522, 793, 830, 841.
Черявка река 170.	
Четвертая линия Васильевского острова 633.	Шпалерная (Воинова) улица 531, 550.
Чугунный переулок 224.	Эртелев переулок (Чехова улица) 469.
Шереметевский сад 801.	Юсупов сад 456, 459, 827.
Шестая линия Васильевского острова 147.	
Шестилапчатая (Маяковского) улица 800.	Ясская (Достоевского) улица 268, 452.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПЕЧАТИ И ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ, ТРАНСПОРТНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И УЧРЕЖДЕНИЯ

- Академия Наук типография 116.
Александровский двор — см. Апракси двор.
Александровский казенный механический завод (Пролетарский) 66, 106, 330, 335, 346, 379.
Александровский Новый рынок 147, 795.
Александровский Старый рынок или Мытный 147, 150.
Алексеева завод медных кранов 107.
Алексеевых столярно-плотничья фабрика в с. Смоленском 120.
Английское акционерное общество 105.
Андреевский рынок 147, 150, 806.
Апракси (Александровский) двор 147, 169, 223, 795, 806, 826.
Аристова ватная фабрика 110.
Аркадия (кораблестроительный и рельсовый Н. П. Путилова) завод 101.
Арсенал 379.
Арханова мыловаренный завод 182.
Бабушкина завод железнодорожных деталей 106.
Балтийская ж. д. 129, 130, 136.
Балтийский судостроительный и механический завод 104—106, 365, 379, 383, 384, 778, 780, 786.
Батиньоль завод 182.
Беккера фабрика роулей 119, 198.
Берда машиностроительный завод 106, 365.
Биржа 134, 135, 144—146, 159.
Биржевой комитет 144, 145, 159.
Богданова и К^о табачная фабрика 117.
Болторезный бельгийский завод 183.
Борейши и Максимовича элеватор 136.
Брусницына кожевенный завод 114.
Брянского и Варшавского сталелитейных заводов синдикат 104.
Вагоностроительный завод 99—100.
Варгунина писчебумажная фабрика 379.
Варшавская ж. д. 106, 130, 326, 793.
Варшавский вокзал 797.
Веге ультрамаринный завод 117.
«Вивекен и К^о» Петербургский банкирский дом 161.
Владимирский (на Васильевском острове) кожевенный завод 114.
Волжско-Камский коммерческий банк в Петербурге 161—167.
Волосяной завод за Московской заставой 183.
Вольф товарищества типография 116.
Воронина бумагопрядильная мануфактура 194.
Воронина, Лютша и Чешера акционерное общество хлопчатобумажной промышленности 109.
Воронина Резвоостровская ткацкая мануфактура 110, 365.
Вышневолоцкая водная система 127.
Гагаринский буян 135.
Газовое общество 117.

- Галерная гавань 439.
 «Гвайер С.» торговый дом 161.
 Гвоздильный завод 367.
 Геймбыргера стериновый завод 115.
 «Гелиос» (мельное электротехническое общество) 789.
 «Гергарди К. В.» Акционерного общества бумагопрядильни 110.
 Гинбург И. Е. Петербургский банкирский дом 161.
 Гипплера фабрика по производству искусственной шерсти и шерстопрядению 112.
 Главное общество российских железных дорог 330.
 Гольдгарбейтера наследников шелкоткацкая фабрика 113.
 Гольдберга машиностроительный завод 106.
 Гостиный двор (Большой) 147, 149, 154, 155, 223, 830.
 Гостиный двор (Малый) 154.
 Государственный банк 104, 157—159, 162, 165, 166, 168.
 Гофмана багетная и рамочная фабрика 120.
 Граана лесопильный завод 120.
 Григорьева и Коалова заводы 182.
 «Гук и К^о» бумаготкацкая фабрика 194.
 Гутенберга акционерного общества типография 116.
 Гюбнера кожевенный завод 182.
- Дей и К^о фирма 101.
 Демутовская биржа 145.
- Егорова кожевенный завод 196.
 Екатеринофская бумагопрядильная мануфактура 87, 110, 182.
 Елисеевых торговый дом 161.
- Жевержева парчево-ткацкая фабрика 113.
 Жукова мыловаренный завод 115.
- Забелиных свитечная фабрика 117.
 Заветного, Д. Кинцеля и Р. Крега бумажная фабрика 115—116.
 Зверкова кожевенный завод 114.
- Ижорский адмиралтейский железоделательный, чугунолитейный, медьлитейный завод в Колпино 45, 82, 106, 323, 336, 337, 786.
- Калашниковская хлебная биржа 146.
 Калининский пивоваренный завод 204.
 Камозе обойная фабрика 116.
 Кацатная фабрика 366.
 Капитонова патная фабрика 110.
 Кената бумагопрядильная фабрика 110, 195, 197, 346.
 Кенига сахарный завод 204.
 Кирштейна фабрика по переработке каучука 113, 114.
 Кокорина машиностроительный завод 106.
 Копцеля механический завод 183.
 Корниловых фарфоровый («Пролетарий») завод 120.
 Костеобжигательный завод 182.
 Котельный бельгийский завод 183.
 Кронштадтский машиностроительный завод 106, 125.
 Кронштадтский пароходный завод 780.
 Кронштадтский порт 103, 134.
 «Круг Р.» завод медных деталей 106.
 Круглый рывок 150.
 Кумберга бровяная фабрика 121.
 Куринова кожевенный завод 367.
- «Лангенциппен и К^о» чугуно-меднолитейный завод 100.
 Латунный завод 326.
 «Лаферм» табачная фабрика 117, 379.
 Лебедева текстильная («Работница») фабрика 113.
 «Леон Розенталь» петербургский банкирский дом 161.
 «Лесснер Г. А.» (им. Карла Маркса) машиностроительный завод 106, 323.
 Линдера столярно-строительная и паркетная фабрика 120.
 Литейный двор 800.
 Литовский рынок в Коломенской части 147.
 «Лодягин и К^о» товарищество электрического освещения 785.
- Макинтош фабрика 114.
 Максвелл Спасская мануфактура (бывшая Губбарда) 65, 194, 319, 350, 387.
 Мальцева фабрика 319, 320, 350.
 Мариневский (Шукин) двор, рынок 147, 150, 169, 806.
 Маркса А. типо-литография 116.

- Масляный буян 135, 148.
 Мастерские Петербургской станции Варшавской ж. д. 326.
 Международный коммерческий банк 164, 161, 162, 164.
 «Мейер Э. М. и К^о» петербургский банковский дом 161.
 Мельхиоровая фабрика 121.
 Мельцера мебельно-столярная фабрика 120.
 Мешова фабрика 271.
 Металлический завод 778.
 Механического производства обуви завод («Скорород») 114.
 Митрофаньевская прядильная мануфактура 194, 365.
 Мичуринская табачная фабрика 345.
 Монетный двор 161, 842.
- «Нива» бумагопрядильная мануфактура 194.
 Невская бумагопрядильная мануфактура 111, 301.
 Невская ниточная мануфактура 110.
 Невский механический и судостроительный (им. В. И. Ленина) завод 100, 101, 106, 125, 323, 326—328, 350, 365, 778, 826.
 Невский химический завод 117.
 Невского стеаринового завода компания 115.
 Невское общество пригородной дороги 830.
 Немецко-русский торговый и промышленный банк 104.
 Николаевская железная дорога 777, 793.
 Николаевский (Московский) вокзал 345, 787, 830.
 Николаевский рынок 147, 148, 150, 153, 179, 795, 830, 831.
 Нобеля Л. механический чугуно-сталемеднолитейный и котельный («Русский Двигатель») завод 99, 103, 106, 323, 327, 778.
 Новая бумагопрядильная фабрика 195, 197, 320, 344—345, 350.
 Ново-Сампсониевская и Старо-Сампсониевская мануфактуры 194.
 Новый арсенал 323, 325.
- Обзорный ряд 153, 154.
 «Обловский В. Я. и К^о» петербургский банковский дом 161.
 Обуховский завод («Большевик») 81, 82, 100, 105, 124, 367, 778, 782.
- Овсянниковская хлебная биржа 148.
 «Общественная польза» товарищества типография 116.
 «Оттоман» табачная фабрика 117.
 Охтенская полотняная фабрика 113.
 Охтенский пороховой завод 786, 788.
- Пали ткацкая фабрика 194, 367, 521.
 Пантелеймоновский рынок 117.
 Парамово кожаный завод 114.
 Пассаж 747.
 Патронный завод — см. Трубочный завод.
 Пеньковский буян 135, 148.
 Петербургский государственный ломбард 169.
 Петербургский учетный и ссудный банк 161, 162, 164.
 Петербургский частный коммерческий банк 159, 160, 163.
 Петербургский частный ломбард 169.
 Петербурго-Варшавская ж. д. 18, 49, 129.
 Петербургское городское кредитное общество 168.
 Петербургское общество взаимного кредита 162, 169.
 Петербургское товарищество для производства глухоозерского портоландцемента 120.
 Печатникова писчебумажная фабрика 116.
 Половцева бумагопрядильная мануфактура 194.
 Порт морской 134—136, 780.
 Порт речной 128.
 Пульмана судостроительный завод 182.
 Путиловский металлообрабатывающий (Кировский) завод 82, 101—106, 134, 174, 182, 206, 207, 219, 220, 224, 333, 365, 366, 367, 778, 786.
 Путиловский порт 134, 137, 842.
- Растверьева фабрика 365.
 Роджерса бумажная фабрика 116.
 Рожкова пристань на Неве 134, 135.
 Розенкранца завод медных деталей («Красный выборжец») 100, 107.
 «Ролс и К^о» нефтеперерабатывающий завод 117.
 Российская бумагопрядильная мануфактура 107.
 Российско-Американская резиновая мануфактура («Красный Треугольник») 93, 113—114.

- Русанова лесопильный завод 120.
 Русский банк для внешней торговли 161, 162, 164, 165.
 Русский торгово-промышленный банк 162.
 Рынок на Семеловском плацу в Московской части Петербурга 147.
- «Саатчи и Мангуби» табачная фабрика 117.
 Сазикова ювелирный завод 121.
 Салоточный завод 183.
 Сальный буян 135, 148.
 Самсоновский вагоностроительный завод 330.
 Сахарозаводчиков синдикат 119.
 Сиверского мебельно-паркетная фабрика 120.
 Северное стеклопромышленное общество 120.
 Селитренный завод Русского общества для выделки и продажи пороха 117.
 Семидной буян 148, 150.
 Семьянниковский завод — см. Невский механический и судостроительный завод.
 Сешной рынок 148, 150, 795, 802, 838.
 Сестрорецкий оружейный завод 82, 83, 273.
 Сименса-Гальске завод 99.
 «Скорород» — см. Механического производства обуви завод.
 Смалла бумагопрядильная фабрика 110.
 Смирнова обойная фабрика 116.
 Сивская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура — см. Максвелла фабрика.
 Старый гостинный двор на Васильевском острове 148.
 Стасклевича типография 116.
 Стеариновый завод компания Невского стеаринового завода 115.
 Стекольный императорский завод 711.
 Суворина типография 116.
 Сытный рынок 147.
- Тентелевский химический завод («Красный химик») 117, 124, 783.
 Товарная баржа 145.
- Томсона завод — см. Невский механический завод.
 Топорковых мастерская учебных пособий 330.
 Торитова суконная фабрика 155, 319, 322, 393.
 Триумфальная бумагопрядильная мануфактура 110, 182, 194.
 Трубочный (бывший Патронный) завод 315, 323, 327, 328, 340, 341, 365.
 Ткацкое товарищество 271.
- Уколина обойная фабрика 116.
- Фарфоровый императорский (им. М. В. Ломоносова) завод 120, 711.
 Феникс машиностроительный (им. Я. М. Свердова) завод 99.
 Финляндская ж. д. 130.
 Финляндский вокзал 831.
 Французского акционерного общества завод по постройке судовых котлов и машин 100.
- Царскосельская ж. д. 170, 171.
 Центральный банк русского поземельного кредита 145.
 Цинковый завод 183.
- Чешера бумагопрядильная фабрика 312, 319, 320, 350.
- Шапошиной табачная фабрика 117.
 Шапшала Ю. М. табачная фабрика 117, 345.
 Шау ткацкая фабрика 271, 320, 326, 350, 351.
 Шоена бронзовая фабрика 121.
 Штудера лесопильный завод 120.
 Шукца фабрика искусственной шерсти 182.
 Шухова сахарный завод 366.
- Щукин двор — см. Марьянский двор.
- Электромеханической и телефонный завод 108.
- Яковлева механический завод 196.
 Имшой (или Масной) рынок 147, 150.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
 ОБЩЕСТВА И КРУЖКИ

- Благова группа («Партия русских социал-демократов») 364, 368—376, 692.
 Бруснова группа 385—398.
- «Великорусса» кружок 238—240.
 Всероссийская социально-революционная организация 310—311, 322, 334.

- Долгушинцев кружок 307—308.
 Дьякова В. М. кружок 311—312, 329.
- «Земля и воля» (60-х гг.) 238, 240, 257, 258, 272, 277—282, 287, 297.
 «Земля и воля» (70-х гг.) 307, 313, 317, 331—335, 342, 346—348, 352, 761.
- Ивановского В. С. кружок 322.
 Ишутинский кружок (Молотовский) 288—289.
- Литературный фонд 259, 454, 488.
- «Народная воля» 307, 313, 352—354, 356, 365, 369, 371, 397.
 Натансона М. и др. кружок 298, 305—307, 319—325.
- «Освобождение труда» группа 363, 364, 368—374, 716.
- Русская секция I Интернационала 297—298.
- Северный союз русских рабочих 346—348, 350, 351, 703.
 Союз борьбы за освобождение рабочего класса (Петербургский) 678, 692, 717.
 Союз русских социал-демократов за границей 326.
 Союз соединенного с.-петербургского студенчества (Союз землячества Петербургского университета) 380.
- Товарищество с.-петербургских мастеровых (группа Точиского) 377—379, 383, 677.
- Худякова И. А. кружок 288.
- Центральный университетский кружок Петербургского университета 376.
- «Черный передел» 352—353, 371.
- Шахматный клуб (литературно-общественный) 257—258, 262, 274.
- Южнороссийский союз рабочих 328, 348.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, НАУЧНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВА

- Академия Генерального штаба 31, 65, 240, 284, 698, 713, 733, 762.
 Академия Наук 116, 625, 717, 739, 740, 750—752, 756, 758—761, 764, 774, 786.
 Академия художеств — см. указатель: Театры...
- Александровское духовное училище 425.
 Артиллерийская академия (Михайловская) 65, 250, 643, 698, 699, 774.
 Артиллерийское (Михайловское) училище 349, 643.
 Археологическая комиссия 736, 737.
 Археологическая комиссия 739.
 Археологический институт 687, 717.
 Археологическое общество 717, 739, 744.
- Бесплатная библиотека-читальня на Сампсониевском проспекте 703.
 Бесплатная музыкальная школа — см. указатель: Театры...
 Библиотека Академии Наук 704.
- Библиотека Вольного Экономического общества 705.
 Библиотека и книжный магазин Серво-Соловьева 257, 273.
 Библиотека и книжный магазин Чернышова 329, 702.
 Библиотека Крылова (бывшая Смирдина и Крашенинникова) 34.
 Библиотека Макалинской 702.
 Библиотека Петербургского университета 36, 705.
 Библиотека при центральном Брусневском кружке (незаконная) 704.
 Библиотека рабочих на Астраханской улице (незаконная) 323.
 Библиотека Товарищества с.-петербургских мастеровых 703.
- Василеостровская воскресная школа 673, 674.
 Введенская воскресная школа на Петербургской стороне 271.

- Вечерние классы на Васильевском острове 677.
 Военная гимназия (2-я) 669, 699, 700.
 Военная гимназия (3-я) 699.
 Военное училище (Константиновское) 280, 314, 376, 699, 700.
 Военное училище (Павловское) 313, 376, 464, 699.
 Военно-инженерная академия (Николаевская) 65, 271, 698, 699.
 Военно-инженерное училище (Николаевское) 449, 699, 770.
 Военно-медицинская академия (до 1881 г. Медико-хирургическая) 252, 271, 284, 303—305, 311—314, 322, 349, 424, 539, 549, 552, 689, 687, 690—695, 713, 757, 769, 770, 772.
 Военно-юридическая академия 698.
 Вольное Экономическое общество 518, 709, 750.
 «Вольный университет» (публичные лекции) 257, 259—261, 701, 702, 747.
 Воскресная школа при Гальванической роте 674.
 Геологический комитет 750, 761.
 Гимназия (2-я) 763.
 Гимназия (5-я) 37.
 Гимназия (3-я) 264, 532.
 Гимназия (Коломенская) 693.
 Гимназия Стожковой 694.
 Главная геофизическая обсерватория 764.
 Главный педагогический институт 22, 23, 752.
 Горный институт 312, 314, 349, 464, 688, 689, 691, 752, 757, 760, 761, 774, 775.
 Духовная академия 718.
 Женская Мариинская гимназия 693.
 Женские Аларчинские курсы 694.
 Женские врачебные курсы 695.
 Женские курсы Визинь («Востужевские») 696—698, 718, 760, 772.
 Женские педагогические курсы 439.
 Земледельческий институт — см. Лесной институт.
 Институт гражданских инженеров 689, 692, 713, 717, 774, 778—780.
 Институт инженеров путей сообщения 688, 774.
 Институт экспериментальной медицины 750, 770, 772.
 Историко-филологический институт 687, 717.
 Историческое общество при Петербургском университете 736.
 Кавалерийское училище (Николаевское) 711.
 Кадетский корпус (1-й) 50.
 Кадетский корпус (Константиновский) 280.
 Клинический институт (ныне Государственный институт усовершенствования врачей) 688, 769, 770.
 Комиссия по техническому образованию Русского Технического общества 676, 677.
 Комитет грамотности 518, 708.
 Консерватория — см. указатель: Театры...
 Кронштадтское морское техническое училище 376.
 Лесной институт (в 1865—1880 гг. — Земледельческий институт) 304, 688, 692, 713, 757, 784.
 Математическое общество 750.
 Медико-хирургическая академия — см. Военно-медицинская академия.
 Международный геологический конгресс 761, 762.
 Метеорологическая комиссия при Русском Географическом обществе 750.
 Морская академия 698, 699, 774.
 Морское училище (Морской кадетский корпус) 556, 644, 699.
 Научно-литературное общество при Петербургском университете 380, 687.
 Немедские училище «Св. Петра и Павла» 259, 545.
 Общество естествоиспытателей при Петербургском университете 750.
 Общество любителей древней словесности 740.
 Павский корпус 305, 699, 700, 763.
 Почвенная комиссия Русского Географического общества 750.
 Публичная библиотека 446, 470, 696, 704, 705.
 Пулковская обсерватория 758.

- Русское Географическое общество 544, 728, 739, 744, 750, 762—764.
 Русское Историческое общество 736.
 Русское Техническое общество 383, 676, 774—777, 782, 789.
 Русское Химическое общество при Петербургском университете 750, 753, 774.
 Русское хирургическое общество им. Н. И. Пирогова 750.
 Самсоновская воскресная школа на Выборгской стороне 271, 272, 383, 674.
 Смоленская воскресная школа 677, 678.
 Смольный институт («Воспитательное общество благородных девиц») 426, 666, 693.
 Статистическое отделение при Русском Географическом обществе 728.
 Гаврицкая воскресная школа 673.
 Техническое училище телеграфных инженеров 688.
 Технологический институт 288, 299, 304, 307, 312, 313, 349, 358, 464, 689, 691, 692, 713, 757, 774, 782, 784, 786.
 Университет 23, 33, 35—40, 64, 65, 217, 227, 242, 243, 246—252, 254—259, 261, 264, 296, 304, 305, 311—313, 317, 349, 368, 376, 379, 380, 381, 422, 434, 438, 440, 444, 472, 473, 475, 509, 534, 637, 690, 691, 692, 694, 701, 713, 717, 718, 722, 727, 729, 737, 738, 741, 743—745, 748—750, 752, 753, 755, 758—760, 763—768, 772, 774, 778, 784.
 Учебно-гимнастические курсы 669.
 Училище правоведения 34, 536, 565, 566, 572.
 Учительский институт 687.
 Финляндский кадетский корпус 700.
 Царскоевский лицей 420.
 Центральный статистический комитет 728.
 Шлиссельбургская воскресная школа 674.
 Электротехнический институт 689, 790.
 Юридическое общество при Петербургском университете 717, 729.

ТЕАТРЫ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ТВОРЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

- Академия художеств 470, 550, 600, 602, 603, 612—620, 622—624, 625, 627, 632—634, 636—639, 641—643, 648—650, 652—656, 659—662, 711, 801, 806.
 Александринский театр (Академический театр драмы им. А. С. Пушкина) 453, 476, 481—512, 518, 519, 801, 806.
 Беляевский кружок 524, 561, 562, 573.
 Бенардани зал 535.
 Бесплатная музыкальная школа 539, 540, 542—545, 551, 555, 558, 560, 561, 592.
 Благородное собрание (спектакли) 511, 512, 536.
 Большой театр (в Петербурге) 518, 586, 602, 604—609.
 Васлеостровский театр 518—520.
 Великокорусский оркестр народных инструментов 598.
 Высшее художественное училище при Академии художеств — см. Академия художеств.
 Дворянского собрания зал 525, 540, 578, 597, 599, 601.
 Домашний театр А. В. и В. И. Приселковых 490.
 Домашний театр кн. М. С. Волконского 492.
 Думский кружок (хоровой) 552.
 Итальянская опера 584—587.
 Каменноостровской театр 511.
 Китайский театр в Царском Селе 490.
 Ковонова зал 514, 552, 575.
 Консерватория 537—539, 559, 560, 566, 572, 575, 594, 597—599.
 Концертное общество 534.
 Красносельский театр 511.

- Кружок по устройству народных гуляний 520.
Курсы пения Д. М. Леоновой 551.
- Лесной (театр) 513.
- Малый театр (в Петербурге) 510, 515.
- Марининский театр (Академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова) 488, 491, 510, 518, 528, 530, 532, 541, 548—551, 555, 558, 559, 568, 574—596, 601, 606—610, 786.
- Михайловский театр 485, 496, 510.
- Могучая гуча 287, 524, 526, 530—534, 538, 540, 541, 543—545, 548, 552, 554—556, 562, 565—567, 569, 572, 573.
- Московская консерватория 543, 572, 575, 594.
- Московская Большая театр 575, 587.
- Московский Малый театр 481—483, 486, 487, 490, 495, 496, 498, 499, 502, 504, 512, 513.
- Московский Художественный театр 492.
- Московское училище живописи и ваяния 615, 634, 684.
- Музыкально-драматический кружок любителей 552, 575.
- Общество выставок художественных произведений 659—660.
- Общество камерной музыки 562, 574.
- Общество любителей специального искусства 489.
- Общество музыкальных собраний 558.
- Общество поощрения художников (потом—художеств) 612, 614, 621, 638, 640—642, 645, 646, 652, 711.
- Общество русских акварелистов 651.
- Озерки (театр) 513.
- Оранжевбаум (театр) 504.
- Павловск (театр) 504.
- Павловский музыкальный вокзал 572, 598.
- Панзевский театр 558.
- Пивческая капелла (придворная) 534, 545, 560, 596—597.
- Придворный музкантский хор (Придворный оркестр) 597.
- «Разделение и польза» (балет) 517.
- «Рукля» (кружок латышских художников) 650.
- Русские квартетные вечера 561.
- Русские симфонические концерты 559, 561, 574.
- Русский театр Д. Д. Короникова 514.
- Русское музыкальное общество 534—536, 538, 541, 542, 544, 555, 562, 566, 572, 574, 580, 584, 597, 598, 602.
- Симфоническое общество любителей музыки 534.
- Собрание художников 511—512.
- С.-Петербургская артель художников 618—622, 626, 641, 648.
- Театр-буфф или Опера-буфф 513.
- Театр Корша в Москве 488.
- Театр Литературно-художественного общества 490.
- Театр Невского общества устройства народных развлечений 520, 522.
- Товарищество передвижных художественных выставок 287, 448, 611—639, 641—646, 648—650, 652, 657—662.
- Университетские концерты 534.
- Филармоническое общество 534, 574, 584.
- Хор Архангельского 597.
- Хоровое общество, организованное И. А. Мельниковым 593.
- Центральное училище технического рисования 613, 652.
- Шереметевский хор 539.
- Школа Общества поощрения художников 621, 638, 640, 652.
- Эрмитажный театр 492.

МУЗЕИ

- Азиатский музей 711, 744.
- Артиллерийский музей 711, 744.
- Зоологический музей 711.
- Купеткамера 711.
- Лермонтовский музей 711.

- Минералогический музей Горного института 711.
 Морской музей 711.
 Педагогический музей военно-учебных заведений 600, 701, 712.
 Русский (Александра III) музей 640, 711.
 Сельскохозяйственный музей Вольного Экономического общества 711.
 Сельскохозяйственный музей министерства государственных имуществ 711.
 Технический музей института инженеров путей сообщения 711.
 Толстовский музей 448.
 Художественно-промышленный музей 711.
 Эрмитаж 711, 739.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Белкина журнальное 561.
 Воляфа М. О. 416, 709.
 Глазуновых 709.
 Девриена А. Ф. 709.
 Ковалевского В. О. издания 750.
 «Общественная польза» 416, 709, 748, 750.
 Павленкова Ф. Ф. 709, 710.
 Полянова Н. П. 710.
 Риккера К. Л. 709.
 Стасюленича М. М. 709.
 Суворина А. С. 709.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

- Артиллерийский журнал 776.
 Артист 510, 514, 519, 598.
 Архив биологических наук 750.
 Бани 552, 598.
 Беседа 455.
 Библиотека для чтения 453, 455, 485.
 Биржевой вестник 364.
 Биржевые ведомости 706.
 Будильник 435.
 Дело 293, 360, 424, 428, 464.
 Дрозба 473.
 Жизнь 469.
 Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий 776.
 Журнал гражданского и торгового права 729.
 Журнал для воспитания 666.
 Журнал для всех 469.
 Журнал Министерства путей сообщения 776.
 Журнал Министерства юстиции 729.
 Журнал общей химии 750.
 Известия восточного отделения Археологического общества 744.
 Записки Всероссийского Минералогического общества 750.
 Записки Русского Технического общества 776.
 Заря 464.
 Ведомости С.-Петербургской городской полиции 244, 706.
 Век 258.
 Вестник Европы 422, 424, 438, 442, 721, 740.
 Вестник Народной воли 369.
 Военный сборник 31, 32, 717, 734.
 Воздухоплаватель 776.
 Время 426, 449.
 Всемирная иллюстрация 469, 652.
 Голос 326, 706.
 Голоса из России 26, 47.
 Горный журнал 776.
 Гражданин 707.
 Гудок 652, 653.

- Земля и воля 335, 347, 350, 351.
 Зерно 353.
 Знание 297.
 Зодчий 806.
- Известия биологической лаборатории Лесгафта 773.**
Известия Общества гражданских инженеров 776.
Известия Общества технологов 776.
Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук 717.
Известия С.-Петербургской городской общины Думы 811.
 Исkra 30, 32, 278, 282, 428—432, 434, 525, 616—618, 652, 674.
 Исторический вестник 736.
 Историческое обозрение 736.
- Колокол 20, 32—35, 37, 48, 51, 54, 56, 58, 64, 65, 231, 238, 239, 244, 248, 249, 262, 263, 267—269, 272, 276, 281, 282, 286, 417, 543, 614, 716.
- Листок Народной воли 352, 356.
- Математический сборник 750.**
Метеорологический вестник 750.
 Морской сборник 31, 776.
 Москвитанин 454.
 Московские ведомости 281, 289, 316, 439.
- Народная воля 339, 352.
 Народная летопись 707.
 Народное дело 297—298.
 Начало 338.
 Неделя 361, 461.
 Нива 447, 468.
 Новое Время 316, 468, 706, 707.
 Новости 345, 465, 490.
 Новый русский базар 435.
- Осколки 468.
 Основа 472.
 Отечественные записки 23, 30, 31, 36, 293, 316, 317, 354, 360, 417, 419—422, 424, 431, 433, 434, 452, 453, 455, 460, 462, 464, 466, 472, 489, 497, 624, 697, 705, 719, 818.
 Очерки 707.
- Педагогический сборник 666, 700.
 Петербургские Афиши («Петербургская газета») 474.
 Петербургская газета 468.
 Петербургская жизнь 573.
 Полярная звезда 32, 35.
 Порядок 357, 707.
 Почтоведение 769.
 Правительственный вестник 706.
 Промышленная газета 706.
- Работник 327.**
 Рабочая газета 352, 365, 382, 707.
 Рабочая зоря 351, 707.
 Рабочий 369, 370—375, 707.
 Рассвет 264.
 Русская беседа 36.
 Русская мысль 462, 466.
 Русская старина 446, 627, 652, 717, 736.
 Русские ведомости 365, 417, 422, 432, 438, 439.
 Русский вестник 30, 269, 281, 449, 455, 719.
 Русское богатство 462, 466.
- Русское слово 30, 32, 264, 266, 274, 278, 282, 283, 290, 292, 293, 471, 472, 664, 666, 668, 715, 716.
 Русское судоходство 776.
- Санкт-Петербургские ведомости 541, 706.
 Свисток 256.
 Север 469.
 Северная почта 706.
 Северная пчела 67, 269, 427, 706.
 Северный вестник 435, 466, 468.
 Сенатские ведомости 706.
 Сияние 424.
 Слово 464, 465, 721.
 Слухи 23, 25.
 Современник 22, 23, 26—32, 55, 56, 58, 59—62, 71, 234, 240, 244, 246, 248, 249, 253, 256, 257, 261, 266, 274, 275, 277, 278, 282, 283, 290, 292, 293, 417, 419, 420, 423, 424, 426—430, 432—434, 437, 442—445, 453, 454, 458, 471—474, 480, 484, 489, 564, 616, 617, 664, 666, 668, 674, 693, 697, 715, 716, 719, 720, 736, 771.
 Страна 357, 707.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И СКУЛЬПТУРЫ

Студенчество 376.
Сын отечества 424.

Труды Петербургского общества естествоиспытателей 750.

Черный передел 352, 353.

Экономический указатель 717, 722
Эпоха 449.

Юридический вестник 731.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И СКУЛЬПТУРЫ

Александровского кадетского корпуса здание 804.

Архива Государственного совета здание 805.

Басина дом 808.

Белосельских-Белозерских дворец 802.

Большого театра здание 537, 585, 586.

Буторинна дача на Каменном о-ве 808.

Гоголю памятник в Александровском саду 802.

Дворец вел. кн. Владимира Александровича 805.

Дерниза дом 804.

Детская больница принца Ольденбургского 806.

Дом 20 по Фурштатской (ныне улица П. Лаврова дом 20) 808.

Екатерине II памятник 658, 801.

Жуковскому памятник 659, 802.

Истатута гражданских инженеров здание 804.

Кредитного общества дом 806.

Кружевщерицу памятник 659, 802.

Крылову памятник в Летнем саду 653, 654, 801.

Ломоносову памятник на Чернышевской пл. 802.

Малого театра здание 515, 804.

Мариинский дворец 802.

Мариинский театр (здание) 586, 804.

Морского кадетского корпуса здание 802.

Музей училища Штиглица 805.

Народный дом 801.

Николаю I памятник 653, 801.

Новоиколаевский дворец 802.

Панаевский театр (здание) 798.

Прижевальскому памятник 802.

Пушкину памятник 658, 802.

Сан-Галли дом 804.

Северная гостиница 797.

Спаса «на крови» церковь 808.

Торгового дома «Штоль и Шмидт» здание на Малой Морской 805.

Училище Штиглица 804.

Цирк Чинизелли 798.

Штиглица дом 804.

Эрмитаж 805.

Юсуповых дом на Литейном проспекте 804.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Н. Г. Чернышевский. Фотография. 1859 г.	16—17
Дом на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы, в котором помещалась редакция «Современника». Акварель Ф. Ф. Баганца. 1860 г.	27
В редакции журнала «Современник». Рисунок Б. Ю. Пака. Музей истории Ленинграда.	29
Титульный лист журнала «Современник». 1860 г.	31
Н. А. Добролюбов. Гравюра по фотографии. 60-е годы XIX в.	32—33
Первая страница журнала «Колокол» со стихотворением Н. А. Некрасова «У парадного крыльца». 1860 г.	33
Исаакиевский мост. Картина А. К. Бегрова. 1882 г.	43
А. И. Герцена. Портрет маслом работы Н. И. Ге. 1867 г. Государственная Третьяковская галерея	48—49
Зимний перевоз через Неву. Картина неизвестного художника. Музей истории Ленинграда	53
Т. Г. Шевченко. Автопортрет. Офорт. 1860 г.	63
Обуховский завод в 60-х годах XIX в. Фотография	81
Екатерингофская мануфактура. Рисунок. 1874 г. Музей истории Ленинграда	87
Российско-Американская резиновая мануфактура. С литографии 90-х годов XIX в.	93
Вид Невского проспекта в 90-х годах XIX в. Фотография	95
Завод Сименса-Гальске. Фотография начала XX в.	99
Кузнечный цех завода Л. Нобеля. Музей истории Ленинграда	103
Российская бумагопрядильная мануфактура на Обводном канале. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.	107
Невская бумагопрядильная мануфактура. Фотография. Конец XIX в.	111
Фабрика роялей Бенкера. Фотографии конца XIX в.	119
Перевоз у Дворцового моста. Гравюра на дереве 1879 г.	129
Развитие железнодорожного узла г. Петербурга. Схема. Музей истории Ленинграда	131
Путиловский порт. Гравюра на дереве. 1875 г.	136
Гостиндворские свечники. Гравюра. 1871 г.	149
Петербургский монетный двор. Гравюра на дереве. 1875 г.	161

На бирже 29 марта 1885 г. Гравюра на дереве	167
У Никольского рынка. Рабочие, ожидающие найма. Гравюра на дереве с рисунка А. И. Лебедева, 1876 г.	179
Рабочий-грузчик. Фотография, 80-е годы XIX в.	187
Малар. Гравюра на дереве с рисунка В. М. Васнецова, 1870 г.	193
Отдых рабочих. Гравюра на дереве с рисунка А. И. Лебедева, 70-е годы XIX в.	199
Без работы. Рисунок Н. А. Ярошенко, 90-е годы. Киевский Государственный музей русского искусства	201
Смертность населения Петербурга по данным 90-х годов XIX в. Схематический план города	204
Квартирная плата населения Петербурга по данным 90-х годов XIX в. Схематический план города	205
Швейные мастерские, служившие одновременно жильем для швей. Фотография. Конец XIX в.	209
Старший дворник. Гравюра на дереве с рисунка Н. С. Павова, 1872 г.	211
Вокзальные носильщики. Гравюра на дереве с рисунка А. И. Лебедева, 1875 г.	213
Точильщик. Картина маслом работы А. И. Морозова, 1872 г.	215
На извозчике. Гравюра на дереве с рисунка А. И. Лебедева, 1875 г.	217
Питейный дом на Бассейной улице. Амвраль Ф. Ф. Баганца, 60-е годы XIX в.	223
Ночлежный дом. Гравюра на дереве, 70-е годы XIX в.	227
Первая страница прокламация «Барским крестьянам», переписанная рукой М. И. Михайлова	235
Н. В. Шелгунов. Фотография, 1882 г.	239
Прокламация «К молодому поколению»	241
М. И. Михайлов. Литография, 60-е годы XIX в.	245
Могилы В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова на Волковом кладбище. Литография В. Ф. Тимма, 1862 г.	247
П. Л. Лавров. Фотография, 70-е годы XIX в.	251
«Колонок» от 1 ноября 1861 г. со статьей А. И. Герцена «Исполня просыпается!».	255
Д. И. Писарев. Гравюра с рисунка И. И. Крамского, 60-е годы XIX в.	265
Автограф первой страницы романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»	275
Н. А. Серно-Соловьевич. Фотография. Около 1860 г.	279
Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского. Картина маслом работы Н. Г. Соловьева, 1939 г. Музей Некрасова в Карабихе	285
Титульный лист журнала «Отечественные записки», 1869 г.	293
Титульный лист первого русского издания «Капитала» К. Маркса. Петербург, 1872 г.	297
Титульный лист книги В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», 1869 г.	307
П. Н. Ткачев. Фотография, 1863 г.	309
С. М. Степник-Кравчинский. Фотография, 90-е годы XIX в.	310
П. А. Кропоткин. Фотография, 1900-е годы	311
П. А. Алексеев. Фотография	313
А. Д. Михайлов. Фотография, 70-е годы XIX в.	314
Н. А. Морозов. Фотография, 1900-е годы	315
Речь Петра Алексеева в издании «Петербургской вольной типографии» 1878 г.	321
С. В. Халтурин. Фотография, 70-е годы XIX в.	329
В. П. Обнорский. Фотография. Около 1880 г.	331
«Земля и воля» № 1, 1878 г. Первая страница	335
«Народная воля» № 1, 1879 г. Первая страница	339
С. Л. Перевская. Фотография, 70-е годы XIX в.	341

А. И. Желябов. Фотография. 70-е годы XIX в.	355
Г. В. Плеханов. Фотография. 80-е годы XIX в.	360—361
Д. Н. Благоус. Фотография начала XX в.	369
Титульный лист книги Г. В. Плеханова «Нити разногласия».	373
А. И. Ульянов. Фотография. 80-е годы XIX в.	381
М. И. Бруснев. Фотография. Начало 90-х гг.	385
Ф. А. Афанасьев. Фотография. 90-е годы XIX в.	387
Титульный лист шестого выпуска «Рабочей библиотеки», посвященного маю в Петербурге в 1891 г., с приложением адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову	391
Титульный лист первого издания книги Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». 1855 г.	409
Н. А. Некрасов. Литография В. Ф. Тимма. 1857 г.	416—417
М. Е. Салтыков-Щедрин. Офорт В. В. Мата. 1889 г.	424—425
Н. Г. Поминловский. Гравюра. 60-е годы XIX в.	425
Ф. М. Решетников. Гравюра с фотографии 60-х годов XIX в.	427
Титульный лист сатирического журнала «Искра». 1860 г.	429
В. С. Курочкин. Литография. 60-е годы XIX в.	431
Г. П. Успенский. Фотография 1883 г. с дарственной надписью В. М. Гаршину	433
И. С. Тургенев. Литография В. Ф. Тимма. 1857 г.	440—441
И. А. Гончаров. Портрет работы И. Н. Крамского. 1865 г.	441
Л. Н. Толстой. Портрет работы И. Н. Ге. 1884 г. Государственная Третьяковская галерея	448—449
Ф. М. Достоевский. Литография. 1862 г.	451
А. Ф. Писемский. Портрет маслом работы И. Е. Репина. 1880 г. Государственная Третьяковская галерея	455
Н. С. Лесюк. Рисунок И. Е. Репина. 1889 г. Частное собрание. Москва	457
В. М. Гаршин. Фотография. 1883 г.	461
С. Я. Надсон. Фотография. 80-е годы XIX в.	463
В. Г. Короленко. Фотография. 90-е годы XIX в.	465
А. П. Чехов. Фотография. 90-е годы XIX в.	472—473
А. Н. Островский. Фотография. 1875 г.	479
А. В. Сухово-Кобылин. Фотография. 80-е годы XIX в.	483
В. В. Самойлов. Гравюра.	487
А. К. Толстой. Гравюра на дереве. 1876 г.	491
Ю. П. Липский в роли Кабанихи. «Гроза» А. Н. Островского в Александринском театре. 1859 г.	497
А. Е. Мартынов. Литография. 1850-е годы	501
П. В. Васильев в роли Кузовкина. «Нахлебник» И. С. Тургенева в Александринском театре. 1862 г.	503
М. Г. Савина в роли Марьи Антоновны. «Ревизор» Н. В. Гоголя в Александринском театре. 1881 г.	507
П. А. Стрелетова в роли Катерины. «Гроза» А. Н. Островского. Фотография. Конец 70-х годов XIX в.	509
В. Н. Давидов. Фотография. 1880-е годы	511
К. А. Варламов. Фотография. 1880-е годы	513
Малый театр на Апраксинском рынке (ныне Большой Драматический театр им. М. Горького)	515
В. В. Стасов. Портрет маслом работы И. Е. Репина. 1883 г. Государственный Русский музей	527

М. А. Балакирев. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.	531
А. Г. Рубинштейн. Фотография	535
Мариинский театр. Фотография конца XIX в.	541
М. П. Мусоргский. Фотография. 70-е годы XIX в.	544—545
А. П. Бородин. Портрет маслом работы И. Е. Репина. 1888 г. Государственный Русский музей	553
Н. А. Римский-Корсаков. Фотография. 1892 г.	557
А. П. Серов. Портрет маслом работы В. А. Серова. 1889 г. Государственный Русский музей	563
П. И. Чайковский. Фотография. 80-е годы XIX в.	568—569
Л. Г. Яковлев в роли Онегина. «Евгений Онегин» П. И. Чайковского в Мариинском театре. 80-е годы XIX в.	576
Н. Н. Фигнер. Фотография.	577
Программа премьеры оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» в Мариинском театре. 1890 г.	579
М. А. Славина в роли графини. «Пиковая дама» П. И. Чайковского в Мариинском театре. Фотография. Начало 90-х годов XIX в.	581
Э. Ф. Направник. Гравюра на дереве. 1887 г.	583
Ю. Ф. Платонова и О. А. Петров в ролях Наташи и Мельника. «Русалка» Даргомыжского в Мариинском театре. Фотография. 60-е годы XIX в.	589
Ф. П. Комиссаржевский в роли Самозванца. «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в Мариинском театре. Фотография. 70-е годы XIX в.	591
И. А. Мельников в роли Руслана. «Руслан и Людмила» М. И. Глинки в Мариинском театре. 1871 г.	592
Е. А. Лавровская. Портрет маслом работы И. Н. Крамского. 1878 г. Государственный Русский музей	593
Ф. И. Сганинский в роли Олоферна. «Юдифь» А. Н. Серова в Мариинском театре. 80-е годы XIX в.	595
Л. С. Ауэр. Фотография. Конец XIX в.	599
На концерте в Дворянском собрании. Акварель И. Е. Репина. 1888 г. Государственный Русский музей	601
Маркус Петина. Фотография. 80-е годы XIX в.	607
В. Г. Перов. Портрет маслом работы И. Н. Крамского. 1882 г. Государственный Русский музей	615
И. Н. Крамской. Рисунок из альбома А. И. Куинджи. Государственный Русский музей	619
Группа художников-передвижников. Фотография. 80-е годы XIX в.	621
И. Е. Репин. Автопортрет. 1887 г. Государственная Третьяковская галерея	624—625
Невский проспект. Рисунок И. Е. Репина. 1887 г. Государственный Русский музей	629
В кошке. Рисунок И. Е. Репина. 1889 г. Государственный Русский музей	631
На поилку. Картина маслом работы К. А. Савицкого. 1880—1888 гг. Государственный Русский музей	635
Крючкик. Картина маслом работы К. А. Савицкого. 1884 г.	637
Чтение военной телеграммы. Гравюра на дереве с картины В. М. Васнецова. 1878 г.	639
Вид с Исаакиевского собора. Рисунок В. М. Васнецова	641
В. В. Верещагин. Фотография. Конец XIX в.	645
Гулянье на Адмиралтейской площади. Гравюра с картины К. Е. Маковского	647
Вид с Лебяжьего моста на Нижегородский замок. Картина работы А. П. Боголюбова. Государственный Русский музей	651
Памятник И. А. Крылову в Летнем саду по модели П. К. Клодта. 1855 г.	654
Первый шаг. Скульптура Ф. Ф. Каменского. 1872 г. Государственный Русский музей.	655

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. М. Антокольский. Фотографии	657
Н. И. Паратов. Гравюра	667
К. Д. Ушинский. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.	669
Петербургский университет. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.	685
Технологический институт. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.	689
Куряевка. Картина маслом работы Н. А. Ярошенко. 1883 г. Калужский Государственный художественный музей	695
Экзамен курсисток у профессора В. Л. Грубера. Акварель Н. А. Ярошенко. 1887 г. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде	696
Здание Бестужевских курсов. Фотографии. 1890 г.	697
Газетчик. Гравюра на дереве. 1876 г.	707
Карикатура на цензуру в журнале «Искра». 1862 г.	711
А. П. Шапов. Гравюра на дереве по фотографии 60-х годов	723
П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Фотографии. Конец XIX в.	729
Н. И. Костомаров. Литография. 1859 г.	737
А. П. Пыпин. Фотографии. 1903 г.	741
А. Н. Веселовский. Фотографии. Начало XX в.	743
В. Р. Розен. Фотографии. Конец XIX в.	745
Н. Н. Зинин. Литография. 50-е годы XIX в.	751
А. М. Булзенов. Фотография. 70-е годы XIX в.	755
Н. Л. Чебышев. Гравюра	759
Е. С. Федоров. Фотография	761
Н. М. Пржевальский. Памятник. Скульптор Н. Н. Шредер (по рисунку А. А. Бильдерлинга) 1892 г.	763
Н. Н. Миклухо-Маклай. Гравюра на дереве. 70-е годы XIX в.	765
К. А. Тимирязев. Фотография.	767
В. В. Докучаев. Фотография. 90-е годы XIX в.	768
И. М. Сеченов. Гравюра. 70-е годы XIX в.	768—769
С. П. Боткин. Мраморный бюст работы М. М. Антокольского. 1874 г.	769
И. П. Павлов. Фотография. 80-е годы XIX в.	770—771
Группа ученых — участников первого съезда русских естествоиспытателей. Фотография. 1867 г.	773
П. Н. Яблочков. Рисунок с фотографии 70-х годов XIX в.	777
А. Н. Лодыгин. Фотография	785
Николаевский дворец (ныне Дворец Труда). Архитектор А. И. Штрасенштейн. Середина XIX в.	799
Дворец вел. князя Владимира Александровича (ныне Дом ученых). Архитектор А. И. Резанов	805
Доходный дом Басина. Архитектор П. Никольев	807
Наводнение в ночь со 2-го на 3-е сентября 1873 г. Гравюра на дереве	817
Строительство гранитной набережной у Адмиралтейства. Гравюра. 70-е годы XIX в.	827
Понка в Петербурге. Гравюра на дереве. 1875 г.	829
Извозчики у водопоя. Картина маслом А. К. Бегрова. 1895 г.	835
Вид Невского проспекта в 80-х годах XIX в. Картина маслом работы А. К. Бегрова. 1886 г.	837

ЦВЕТНЫЕ ВКЛЕЙКИ

В. И. Ленин на государственном экзамене в Петербургском университете. Картина маслом работы В. М. Орешникова. 1947 г. Ленинградский Государственный университет.	392—393
--	---------

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Бурлики. Картина маслом работы И. Е. Репина, 1873 г. Государственный Русский музей, 632—633

Исаакиевский собор ночью. Картина маслом работы В. И. Сурикова, 1870 г. Государственный Русский музей, 640—641

Дубы. Картина маслом работы И. И. Шишкина, 1887 г. Государственный Русский музей, 648—649

Д. И. Менделеев. Картина маслом работы Н. А. Ярошенко, 1886 г. Ленинградский Государственный университет, 752—753

Петербург. Акварель Ф. Ф. Баганца. Около 1870 г. Государственный Русский музей, 832—833

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	Стр. 5
-----------------------	-----------

Раздел первый

КАНУН РЕФОРМЫ

Глава первая. Кризис феодально-крепостнической системы. Общественное движение в Петербурге накануне отмены крепостного права (<i>Ш. М. Левин</i> ; экономическое введение — <i>Н. В. Киреев</i>)	9
--	---

Раздел второй

ЭКОНОМИКА И НАСЕЛЕНИЕ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕТЕРБУРГА

Глава вторая. Промышленность (<i>Н. В. Киреев</i> ; дополнения — <i>М. Ш. Вяткин</i>)	75
Глава третья. Транспорт, торговля, кредит (<i>Н. В. Киреев</i>)	126
Глава четвертая. Население Петербурга. Положение петербургских рабочих (<i>Д. Г. Куценков</i>)	170

Раздел третий

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава пятая. Общественное движение в Петербурге в 60-х годах (<i>Ш. М. Левин</i>)	231
Глава шестая. Общественное движение в Петербурге на рубеже 60—70-х и в 70-х годах. Борьба петербургских рабочих в 70-х годах (<i>Ш. М. Левин</i>)	292

Глава седьмая. Рабочее движение в Петербурге в 80-х и начале 90-х годов и первые социал-демократические группы (С. Н. Волк)	359
---	-----

Раздел четвертый

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Глава восьмая. Литература (Ш. М. Левин)	405
Глава девятая. Драматический театр (Ш. М. Левин)	476
Глава десятая. Музыка и музыкальный театр (Ш. М. Левин)	523
Глава одиннадцатая. Изобразительное искусство. (Ш. М. Левин)	611
Глава двенадцатая. Просвещение и школа (С. С. Волк)	663
Глава тринадцатая. Наука и техника	715
Общественные науки (С. С. Волк)	715
Естественные науки (С. С. Волк)	746
Техника (В. В. Данилевский)	773

Раздел пятый

АРХИТЕКТУРА И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Глава четырнадцатая. Архитектура Петербурга. (И. А. Бартенева)	793
Глава пятнадцатая. Городское управление и городское хозяйство (С. П. Луппов)	810
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	845
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	863
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПЕЧАТИ И ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ	867
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	879

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии Наук СССР*

Редактор издательства *М. В. Медведев*
Художник *Д. С. Данилов*
Технической редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *И. М. Романова* и *К. Н. Феноменов*

РИСО АН СССР № 16-74В. М-23039. Сдано в набор
30/VII 1956 г. Подписано к печати 19/IV 1957 г. Бу-
мага 84×108^{1/2}. Бум. л. 27^{3/4}. Печ. л. 91,02. Уч.-изд. л.
66,53 + 20 вкл. (1,36 уч.-изд. л.). Тираж 10 000.
Зак. № 1465. Цена 45 руб.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Выпечено	Должно быть
48—49	Подпись под илл.	<i>Портрет маслом работы Н. В. Ге. 1867 г.</i>	<i>Офорт В. В. Маха с фото- графией С. А. Левицкого. 1861 г.</i>
110	5 снизу	342 тыс.	1342 тыс.
118	2 »	4442	4442 тыс.
132	14 «	изменялась	изменялись
165	9 сверху	на	под
169	17 »	продать	продавать
178	2 снизу	С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1, стр. 112—115.	Памятная книжка С.-Пе- тербургской губ. на 1863 г., ч. II, Приложение.
179	3 сверху	52,2%	52,5%
186	11 снизу	отделяя	отделяя
207	20 сверху	84	86.
215	2 »	их	ее
452	15 снизу	«Петербургская поэма», «Двойник»	«Петербургская поэма» «Двойник»
559	5 сверху	В	К
592	7 »	1879 г.	сезон 1879—80 г.
604	7 снизу	живности,	живности
640—641	Подпись под илл.	1871 г.	1870 г.

